

ҚАРАҒАНДЫ
УНИВЕРСИТЕТІНІҢ
ХАБАРШЫСЫ

ВЕСТНИК
КАРАГАНДИНСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 0142-0843

ТАРИХ. ФИЛОСОФИЯ.
ҚҰҚЫҚ сериясы
№ 2(54)/2009
Серия ИСТОРИЯ.
ФИЛОСОФИЯ. ПРАВО

Сәуір–мамыр–маусым
1996 жылдан бастап шығады
Жылына 4 рет шығады

Апрель–май–июнь
Издается с 1996 года
Выходит 4 раза в год

Собственник РГКП Карагандинский государственный университет
имени Е.А.Букетова

Бас редакторы — Главный редактор

Е.К.КУБЕЕВ,

академик МАН ВШ, д-р юрид. наук, профессор

Зам. главного редактора

М.Ж.Буркеев, д-р хим. наук

Ответственный секретарь

Г.Ю.Аманбаева, д-р филол. наук

Серияның редакция алқасы — Редакционная коллегия серии

Б.Е.Колумбаев,
Ж.С.Сыздыкова,
К.С.Алдажуманов,
В.В.Евдокимов,
Р.М.Жумашев,
З.Г.Сактаганова,
В.В.Козина,
Б.Г.Нуржанов,
С.Б.Булекбаев,
О.Е.Кутафин,
Б.М.Нургалиев,
И.Ш.Борчашвили,
Л.К.Шотбакова,
Г.З.Кожаметов,
Р.Ш.Сабирова,
Н.С.Ахметова,
Е.Ж.Есенгараев,
Г.М.Смагулова,
Л.Т.Тлегенова

редактор д-р. филос. наук;
д-р ист. наук;
д-р ист. наук;
д-р ист. наук;
д-р ист. наук;
д-р ист. наук;
д-р ист. наук;
д-р филос. наук;
д-р филос. наук;
д-р юрид. наук;
д-р юрид. наук;
д-р юрид. наук;
канд. ист. наук;
канд. юрид. наук;
канд. психол. наук;
канд. юрид. наук;
канд. ист. наук;
канд. ист. наук;
ответственный секретарь
канд. ист. наук

Адрес редакции: 100028, г. Караганда, ул. Университетская, 28

Тел.: 77-03-69 (внутр. 1026); факс: (7212) 77-03-84.

E-mail: vestnik_ksu@ksu.kz

Редакторы Ж.Т.Нұрмұханова
Редактор И.Д.Рожнова
Техн. редактор А.М.Будник

Издательство Карагандинского
государственного университета
им. Е.А.Букетова
100012, г. Караганда,
ул. Гоголя, 38,
тел.: (3212) 51-38-20
e-mail: izd_kargu@mail.ru

Басуға 05.06.2009 ж. қол қойылды.
Пішімі 60×84 1/8.
Офсеттік қағазы.
Көлемі 50,87 б.т.
Таралымы 300 дана.
Бағасы келісім бойынша.
Тапсырыс № 213.

Подписано в печать 05.06.2009 г.
Формат 60×84 1/8.
Бумага офсетная.
Объем 50,87 п.л. Тираж 300 экз.
Цена договорная. Заказ № 213.

Отпечатано в типографии
издательства КарГУ
им. Е.А.Букетова

© Карагандинский государственный университет, 2009

Зарегистрирован Министерством культуры, информации и общественного согласия Республики Казахстан.
Регистрационное свидетельство № 1131–Ж от 10.03.2000 г.

МАЗМҰНЫ

«ЖАҒАНДАНУ ЖАҒДАЙЫНДАҒЫ ТАРИХ ҒЫЛЫМЫНЫҢ ӨЗЕКТІ МӘСЕЛЕЛЕРІ» ТАҚЫРЫБЫНДАҒЫ ДӨңГЕЛЕК СТОЛ МАТЕРИАЛДАРЫ.....	5

ТАРИХ

Захаров С.В. Солтүстік Қазақстанның энеолит дәуірін зерттеу тарихы.....	31
Бейсенов А.З. Қоныстарды зерттеу — Орталық Қазақстан ерте темір дәуірі археологиясындағы жаңа бағыт.....	41
Самашев З. Қазақстанның тасқа бейнелеу өнері ескерткіштерін зерттеудің кейбір сұрақтары.....	48
Самашев З. Тас бетіне қашалған бейнелері бар ғибадатханалар.....	57
Евдокимов В.В., Жауымбаев С.У. 2007 жылы Алат өндірістік алаңын зерттеу.....	62
Бисембаев А.А. Батыс Қазақстан оғыз-печенег уақытының ескерткіштері (жалпы шолу).....	71
Көшікмбаев А.К. Монғол дәуірі соғыстарында тұтқиылдан жауға шабуыл жасау күтпеген фактор ретінде (қарауыл қызметін ұйымдастыру мәселесіне).....	78
Жұмашев Р.М., Жұмабеков Ж.А. Ұлытау өңірінің тарихи географиясы және топонимикасы.....	87
Жакин М.С. Бәйсейіт би: аңыз және дерек (сыни талдау тәжірибесі).....	93
Тапаева А.Б. Семей облысының халқы (1802 ж. – XIX ғасырдың 70-ші жылдары).....	104
Смағұлов Б.А. Қоянды жәрмеңкесі тарихының кейбір аспектілері.....	109
Мажитова Ж.С. Ш.Уәлиханов қазақ даласындағы билер соты туралы.....	113
Мырзаханов Е.Н. XIX ғасырдың екінші жартысы – XX ғасырдың басында Далалық өлкенің әлеуметтік-экономикалық дамуының кейбір заңдылықтары.....	120
Әбилов К.Ж. Төңкеріске дейінгі Қазақстанда тұрақты (стационарлық) сауданың дамуы жайлы мәселеге (XIX ғ. аяғы – XX ғ. басы).....	125
Әбилов К.Ж. Төңкеріске дейінгі Қазақстанда ұлттық буржуазияның қалыптасу процесінің кейбір ерекшеліктері (XIX ғ. аяғы – XX ғ. басы).....	132
Рысбекова С.Т. 20-шы жылдардағы халықтың әлеуметтік-саяси белсенділігі: ынтымақтастық пен біркелкілік ұжымдастықтың жаңа түрлерінің құрылуы.....	138
Алтысбаева Н.К. Қазақ АКСР Халық комиссарлар Кеңесі қорының құжаттары және олардың түрлерінің жіктелуі.....	146
Тілегенова Л.Т. Тарихи зерттеулерде сандық талдау әдістерін қолдану принциптерінің маңыздылығы.....	154

СОДЕРЖАНИЕ

МАТЕРИАЛЫ КРУГЛОГО СТОЛА НА ТЕМУ «АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ».....	5

ИСТОРИЯ

Захаров С.В. История изучения энеолита Северного Казахстана.....	31
Бейсенов А.З. Исследование поселений — новое направление в археологии раннего железного века Центрального Казахстана.....	41
Самашев З. Некоторые вопросы изучения памятников наскального искусства Казахстана ...	48
Самашев З. Святилища с наскальными изображениями.....	57
Евдокимов В.В., Жауымбаев С.У. Исследования производственной площадки Алат в 2007 году ...	62
Бисембаев А.А. Памятники Огузо-Печенежского времени Западного Казахстана (общий обзор).....	71
Кушкұмбаев А.К. Внезапность как фактор неожиданного нападения в войнах монгольской эпохи (к вопросу организации караульной службы).....	78
Жумашев Р.М., Жумабеков Ж.А. Историческая география и топонимика Улытауского региона.....	87
Жакин М.С. Байсеит бий: факты и легенды (опыт критического анализа).....	93
Тапаева А.Б. Население Семипалатинской области (1802-й – 70-е годы XIX в.).....	104
Смағұлов Б.А. Некоторые аспекты истории Кояндынской ярмарки.....	109
Мажитова Ж.С. Ч.Валиханов о бийском правосудии в Казахской степи.....	113
Мырзаханов Е.Н. Некоторые тенденции социально-экономического развития Степного края во второй половине XIX – начале XX века.....	120
Абилов К.Ж. К вопросу о развитии постоянной (стационарной) торговли в дореволюционном Казахстане (конец XIX – начало XX века).....	125
Абилов К.Ж. Некоторые особенности становления национальной буржуазии в дореволюционном Казахстане (конец XIX – начало XX века).....	132
Рысбекова С.Т. Социально-политическая активность масс в 20-е годы: создание новых типов идентичности и солидарности.....	138
Алтысбаева Н.К. Классификация документов фонда Совнаркома КАССР и их разновидности.....	146
Тлегенова Л.Т. Принципы применения количественного анализа в исторических исследованиях.....	154

<i>Әбдірахманова К.Қ.</i> Соғыстан кейінгі кезеңдегі Орталық Қазақстанның қалалық тұрғындарының күнделікті өміріндегі бос уақытын өткізу шаралары.....	160
<i>Аманова А.С.</i> Қазақстанға эвакуацияланған және күштеп жер аударылған халықты орналастыру тарихынан (Павлодар облысы материалы мысалында).....	167
<i>Зуева Л.И.</i> 1985–2008 жж. педагогикалық кадрларды даярлау: өзгерістер қажеттілігі.....	181
<i>Серікпаев М.О.</i> Орыс әскерінің кіші командирлер құрылымын құрудың тарихи тәжірибесі және қазіргі заман.....	187
<i>Мовкебаева Г.А.</i> Еуропалық Одақтың сыртқы саясатының сипатын анықтаудың теориялық амалдары.....	194
<i>Ауанасова К.М.</i> Қазіргі жағдайдағы еуразиялық интеграция.....	199
<i>Зуева Л.И.</i> Мектептегі тарихи білім берудегі әдіснамалық инновациялар.....	205

ФИЛОСОФИЯ

<i>Айтбаев О.А.</i> Дүниетанымдықтағы рационалдық және иррационалдық көзқарастың мазмұны.....	211
<i>Айтбаев О.А.</i> Орталық-Азиялық аймақтағы діни-саяси экстремизм.....	216
<i>Исмагамбетова З.Н.</i> Плуральдік онтология мәдениет философиясындағы релятивистік нұсқа ретінде.....	221
<i>Әлімова С.Б.</i> Модернизацияның өркениеттік қайшылықтары.....	226
<i>Саттарова Ф.Ф.</i> Әлемді танудың мәдени-тарихи бейнелері синтездік дәрежеге шығу үрдісі ретінде.....	232
<i>Саттарова Ф.Ф.</i> Философия және білім беру саясаты іс-әрекет ретінде.....	237
<i>Жұмасұлтанова Ғ.Ә.</i> Құқықтық мемлекет туралы идеялар және оның қазіргі Қазақстанда қалыптасуының алғы шарттары.....	244
<i>Баянова А.К., Мамырова К.Т.</i> Жаһандану теориясының қалыптасуының кейбір аспектілеріне.....	251
<i>Бұлұмбаев О.Р.</i> Халықаралық саясаттағы күш факторының мәні.....	256
<i>Нұғман Б.Г.</i> Философиялық дәстүрдегі өркениеттік амалдарға шолу.....	262
<i>Рақымжанов Б.Қ., Рақымжанова С.Қ.</i> Шәкәрім Құдайбердіұлының даналық дүниетанымы.....	268
<i>Аймагамбетов А.К.</i> Жергілікті өзін өзі басқару органдарына қоғамдық сенім деңгейін анықтаудың әдістемелік аспектілері.....	274
<i>Аймагамбетов А.К.</i> Жергілікті өзін өзі басқару органдарының тиімділігін анықтаудың кейбір тұрғылары (Петрозаводск және Новосібір қалаларының мысалында).....	280

ҚҰҚЫҚ

<i>Мүсілімова Қ.С.</i> Мемлекеттік басқарудың транспаренттілігі мен жеке және заңды тұлғалардың өтініштерін қарау тәртібін жетілдірудің кейбір мәселелері.....	288

<i>Абдрахманова К.К.</i> Повседневный досуг городского населения Центрального Казахстана в послевоенный период.....	160
<i>Аманова А.С.</i> Из истории размещения и устройства эвакуированного и депортированного населения в Казахстане (на основе материалов по Павлодарской области).....	167
<i>Зуева Л.И.</i> Подготовка педагогических кадров в 1985–2008 годы: необходимость перемен.....	181
<i>Серкпаев М.О.</i> Исторический опыт создания структуры младших командиров русской армии и современность.....	187
<i>Мовкебаева Г.А.</i> Теоретические подходы к определению характера внешней политики Европейского Союза.....	194
<i>Ауанасова К.М.</i> Евразийская интеграция в современных условиях.....	199
<i>Зуева Л.И.</i> Методологические инновации в школьном историческом образовании.....	205

ФИЛОСОФИЯ

<i>Айтбаев О.А.</i> Содержание рационального и иррационального в мировоззрении.....	211
<i>Айтбаев О.А.</i> Религиозно-политический экстремизм в Центрально-Азиатском регионе.....	216
<i>Исмагамбетова З.Н.</i> Плуральная онтология как релятивистский вариант в философии культуры.....	221
<i>Алимова С.Б.</i> Цивилизационные противоречия модернизации.....	226
<i>Саттарова Ф.Ф.</i> Культурно-исторические образы познания мира как процесс восхождения к синтезу.....	232
<i>Саттарова Ф.Ф.</i> Философия и политика образования как деятельность.....	237
<i>Жумасултанова Г.А.</i> Идеи о правовом государстве и условия его формирования в современном Казахстане.....	244
<i>Баянова А.К., Мамырова К.Т.</i> К некоторым аспектам формирования теории глобализации.....	251
<i>Бұлұмбаев О.Р.</i> Значение силового фактора в международной политике.....	256
<i>Нугман Б.Г.</i> Обзор цивилизационных подходов в философских традициях.....	262
<i>Рахимжанов Б.К., Рахимжанова С.К.</i> О мировоззрении Шакарима Кудайбердиева.....	268
<i>Аймагамбетов А.К.</i> Методологические аспекты определения уровня общественного доверия к органам местного самоуправления.....	274
<i>Аймагамбетов А.К.</i> Некоторые подходы к определению эффективности органов местного самоуправления (на примере гг. Петрозаводск и Новосибирск).....	280

ПРАВО

<i>Мусилимова К.С.</i> Транспарентность государственного управления и некоторые вопросы совершенствования порядка рассмотрения обращений физических и юридических лиц.....	288

<i>Ахметова Н.С., Галы Ж.О.</i> Муджтахидтердің құқық қолдану қызметінің мұсылмандық құқық түсінушілікке әсері	293
<i>Қожахметов Ф.З.</i> XX ғасырдың 20-жж. басында Қазақстандағы өнеркәсіпті индустриализациялау мемлекеттік бағдарламасының жүзеге асуы	299
<i>Тоғайбаева Ш.С.</i> Құнды қағаздарды шығару және оның айналымы саласындағы қылмыстарды жіктеудің даулы мәселелері	304
<i>Ыбыраев М.А.</i> Медицина қызметкерлерінің кәсіби міндеттерін тиісінше орындамауы қылмысының қылмыстық-құқықтық және криминалистикалық сипаттамасы	310
<i>Шапақ У.</i> Қалмақ хандық билігі: саяси-құқықтық аспектісі.....	322
<i>Воронцова И.В.</i> Еуропалық Соттың қаулылары	330
<i>Турлаев А.В.</i> Азаматтық қоғам теориясының қалыптасуы мен дамуы (тарихнамалық тұрғы)	334
<i>Корякин И.П.</i> Қылмыстық-құқықтық ғылымдағы тәуекелділік түсінігі	340
<i>Нұрмағамбетов Р.Г.</i> Конституциялық-құқықтық тыйым салу мен шектеу белгілері	345
<i>Ботагарин Р.Б., Мусин Қ.Қ.</i> Қазақстан Республикасындағы көшіп-қону үрдісін әкімшілік-құқықтық реттеу мәселелері.....	351
<i>Уақасов Д.А.</i> Ішкі істер органдарының іздеу топтарымен қылмыстарды ашу мен тергеу барысында жүргізілетін іздеу-бөгеу шараларының ұйымдастырылуы мен жүзеге асырылуы .	356
<i>Сатбаева Қ.Ж.</i> Алдын ала тергеу сатысының ұғымы, мазмұны, түрлері және аяқталуы.....	361
<i>Мусина К.А.</i> Қазақстан Республикасының заңнамасы бойынша келісім-шарттың жалпы түсінігі	368
<i>Естібаев А.С.</i> Ұлы Отан соғысы кезіндегі әскери трибуналдардың сот жүйесіндегі жетекші қызметі	371

ЖАС ҒАЛЫМДАР МІНБЕСІ

<i>Евдокимов В.В., Вишнёва О.С.</i> Жаһандану жағдайындағы мәдени мұраны сақтаудың халықаралық тәжірибесі және жаңа бағыттар	375
<i>Смағұлова Г.М., Сүйінова А.С.</i> 1950–1990 жылдардағы күрдтер қозғалысы	381
<i>Рахимов Р.М.</i> Тарихи ретроспективадағы және қазіргі замандағы Қырғызстан мен Қазақстанның жартылай көшпелі қауымдастықтарының салыстырмалы талдауы	385
<i>Тұяқбаева А.Б.</i> Германияның Орта-азиялық саясатының мақсаттары	391
<i>Мұқажанова К.С.</i> Адам болмысының маргиналды феномендерінің онтологиялық мағынасы	397

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТТЕР 404

<i>Ахметова Н.С., Галы Ж.О.</i> Уровень влияния правоприменения муджтахитов на мусульманское правопонимание	293
<i>Кожасхметов Г.З.</i> Реализация государственной программы индустриализации промышленности в Казахстане в начале 20-х годов XX столетия.....	299
<i>Тогайбаева Ш.С.</i> Спорные вопросы квалификации преступлений в сфере выпуска и обращения ценных бумаг	304
<i>Ибраев М.А.</i> Уголовно-правовая и криминалистическая характеристика преступлений о ненадлежащем выполнении профессиональных обязанностей медицинским работником ...	310
<i>Шапақ У.</i> Калмыцкая ханская власть: политико-правовой аспект.....	322
<i>Воронцова И.В.</i> Постановления Европейского Суда	330
<i>Турлаев А.В.</i> Становление и развитие теории гражданского общества (историографический аспект)	334
<i>Корякин И.П.</i> Понимание риска в уголовно-правовой науке	340
<i>Нурмағамбетов Р.Г.</i> Признаки конституционно-правовых запретов и ограничений	345
<i>Ботагарин Р.Б., Мусин К.К.</i> Вопросы административно-правового регулирования миграционных процессов в Республике Казахстан	351
<i>Уакасов Д.А.</i> Организация и реализация поисковых мер во время раскрытия и расследования преступлений поисковыми группами органов внутренних дел.....	356
<i>Сатбаева К.Ж.</i> Понятие, содержание, формы и стадия завершения предварительного расследования	361
<i>Мусина К.А.</i> Общее понятие договора по законодательству Республики Казахстан	368
<i>Естибаев А.С.</i> Ведущая функция военных трибуналов в судебной системе в период Великой Отечественной войны	371

ТРИБУНА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

<i>Евдокимов В.В., Вишнёва О.С.</i> Международная практика и новые тенденции сохранения культурного наследия в условиях глобализации	375
<i>Smagulova G.V., Suinova A.S.</i> Kurdish movement 1950–1990 years.	381
<i>Рахимов Р.М.</i> Сравнительный анализ полукочевых сообществ Кыргызстана и Казахстана в исторической ретроспективе и на современном этапе	385
<i>Туякбаева А.Б.</i> Внешнеполитические цели Германии в Центрально-Азиатском регионе	391
<i>Мукажанова К.С.</i> Онтологическое значение маргинальных феноменов человеческого бытия .	397

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ..... 404

**«ЖАҒАНДАНУ ЖАҒДАЙЫНДАҒЫ ТАРИХ ҒЫЛЫМЫНЫҢ ӨЗЕКТІ МӘСЕЛЕЛЕРІ»
ТАҚЫРЫБЫНДАҒЫ ДӨҢГЕЛЕК СТОЛ МАТЕРИАЛДАРЫ**
**МАТЕРИАЛЫ КРУГЛОГО СТОЛА НА ТЕМУ «АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ»**

17 октября 2008 г. в рамках празднования 70-летия исторического факультета КарГУ им. Е.А.Букетова был проведен круглый стол на тему «Актуальные проблемы исторической науки в условиях глобализации». В заседании круглого стола приняли участие гости юбилея из разных городов республики, профессорско-преподавательский состав, студенты, аспиранты, магистранты исторического факультета.

Некоторые из выступлений и докладов участников научного диспута публикуются в данном номере научного журнала.

С.В.Селиверстов,
к.и.н., доцент ЕНУ им. Л.Н.Гумилева

Общая формула «круглого стола» традиционна для карагандинских историков и отражает специфику развития исторического знания на историческом факультете КарГУ за семьдесят лет. Ту специфику, которая всегда (и в прошедшие десятилетия, и сегодня) предполагала позитивную взаимосвязь отечественной и всеобщей, национальной и всемирной истории.

Однако в то же время такой формат дискуссии, разумеется, не может стать всеохватным, всеобъемлющим. Хотя к этому и есть предпосылки, так как все, что происходит сегодня в мире, происходит, по большому счету, «в условиях глобализации». Ну, например, так же, как все то, что происходило у нас лет 25 назад, происходило, скажем, «в условиях социализма» или «в условиях борьбы двух систем». То есть формула данного «круглого стола» может пониматься в самом общем плане, что ведет к неконкретности.

В какой степени глобализация — это реальность, а в какой — идеологическая конструкция? И где ее внутренние пределы, где тот «фронт», на котором заканчивается глобализация и начинается региональная «национализация»? Вопросов может быть много. Но применительно к нашему «круглому столу», все же: каким содержанием может быть наполнена актуальная проблематика исторической науки «в условиях глобализации»? В выступлении председателя — доцента М.В.Шлюпикова, в выступлениях коллег раскрыты многие стороны заявленной темы. Но что еще осталось в тени? Какие актуальные аспекты вытекают из темы «круглого стола»?

По большому счету, абсолютный приоритет здесь один — это отечественная, национальная, «страновая» история, развивающаяся «в условиях глобализации». То есть, с одной стороны, «в условиях глобализации» существует собственно история Казахстана, с другой — сама казахстанская историческая наука. Следовательно, весьма важным представляется вопрос о влиянии глобализации как на текущий событийный исторический процесс, так и на историю как науку. Однако в общем контексте глобализации есть еще одна важнейшая сторона. Как известно, процесс становления независимости стран СНГ происходил не только «в условиях глобализации», но и в условиях, можно сказать, реальной «национализации» постсоветского пространства.

Таким образом, что происходит в Казахстане и в других (в первую очередь сопредельных) странах с исторической наукой «в условиях глобализации» и в условиях постсоветской национальной независимости? Видимо, весьма важно выявить специфическое влияние, воздействие глобализации и глобализма (как определенной идеологии) на историческую науку. Точнее, имеется ли в реальности такое воздействие на отечественную историческую науку или нет? И потому: отечественная историческая наука

графия развивается самостоятельно, даже, быть может, изолированно, или в некоем глобалистском интеллектуальном контексте? И если да, то какое значение имеет это внешнее воздействие — позитивное или негативное?

Ответы на эти вопросы требуют соответствующего глубокого размышления, которое вряд ли может быть исчерпано в рамках одного «круглого стола». Но, тем не менее, представляется, что эти вопросы историкам необходимо задавать в первую очередь самим себе.

С другой стороны, размышляя о глобализации, следует обратить внимание на еще один параллельный процесс — процесс регионализации. Какие регионы актуальны для изучения в отечественном историческом образовании и науке? Конечно, Западная и Восточная Европа (ведь «путь в Европу» может стать одним из трендов современного Казахстана), Восточная Азия, Америка. Однако немаловажное значение в глобалистской картине мира имеет регион, в котором находится сам Казахстан, или, скажем по-другому, — те регионы, которые сопредельны с Казахстаном, в том числе Центральная Азия и Кавказ.

События 8 августа вновь актуализировали внимание к Кавказскому региону, который находится не где-то на другой стороне Земного шара, а вот — за Каспийским морем. Однако какое место при изучении всемирной истории в университетах отводится этим сопредельным регионам? Кто может в Казахстане дать, например, этноисторический анализ произошедших событий? В чем исторические корни, предпосылки и эволюция грузино-осетинских, грузино-абхазских отношений? В связи с этим и вопрос, который задают многие: возможна ли была мирная реинтеграция Грузии как страны? Появилась информация, что несколько лет назад у М.Саакашвили даже была идея перенести столицу Грузии в абхазский Сухум. Интересная мысль (в свое время, в конце XIX в., в России некоторые общественные деятели предлагали, например, перенести столицу из Петербурга в Киев). Но, учитывая все то, что произошло и что готовилось, с трудом верится, что такой силовой «перенос» был возможен. Видимо, сегодня, в начале XXI в., уже невозможно решать вопросы интеграции силовыми методами. Это не XIX век. Среди тех мнений, которые циркулировали после 8 августа в экспертном сообществе, обратила на себя внимание точка зрения, что одним из немногих реальных путей, через который еще возможны были интеграция Грузии и сохранение, таким образом, ее территориальной целостности, мог бы явиться путь государственной федерализации. Однако (думается, все же, к сожалению) руководство Тбилиси пошло совсем другим путем, долгосрочные последствия которого известны.

Вот Грузия и Казахстан — две страны и две модели развития постсоветского государства «в условиях глобализации». Чей путь успешнее и перспективнее — очевидно для всякого мыслящего человека. В отличие от Казахстана Грузия не смогла построить толерантное гражданское межэтническое общество. И наоборот, в отличие от Грузии Казахстан дал и странам СНГ, и всему миру пример успешного, одновременно и унитарного, и полиэтнического государства.

В любом случае, очевидно, что регион стран СНГ никак не является второстепенной периферией мировой истории и политики и требует к себе пристального внимания специалистов. Возьмем, к примеру, Украину. В 2007 г. известный историк Рой Александрович Медведев, один из объективных российских ученых, написал (в спокойном, сдержанном тоне) книгу на достаточно острую тему: «Расколотая Украина». В ней он, вслед за некоторыми украинскими авторами, затронул проблематику оптимального решения сложного «украинского уравнения» — территориального устройства, которое бы учитывало историческую украинскую специфику, а именно — проблематику федерализации. Как уважаемые коллеги понимают, речь идет о гипотетической федерализации Украины не по принципу России (как федерации на этно-национальной основе), а по принципу, скорее, Германии (т.е. как федерации исторических «земель»).

Трудно сказать, насколько это реально в тех условиях, когда Украина все еще ищет свое место в глобальном мире относительно Европы и Евразии, «Запада» и «Востока» (политически хочет войти в «Запад», а экономически тесно связана с «Востоком»). Быть может, учитывая специфику самостийного украинского менталитета, федерализация в Украине и невозможна (хотя до президентства эту идею поддерживал даже В.Ющенко). Но в научном сообществе все это имеет основания для обсуждения.

Примечательно, что историк Р.А.Медведев в том же 2007 г. издал еще одну «региональную» книгу, которая, как многие знают, посвящена нашей стране и называется «Казахстанский прорыв». Так вот, очень интересно сравнить эти книги, те идеи и выводы, те образы стран, которые в них содержатся. Хотя Р.А.Медведев два года назад приезжал в Казахстан, был принят руководством страны, выступил с лекцией в Евразийском национальном университете им. Л.Н.Гумилева, но его в выс-

шей степени позитивная книга лишена заданности, это не работа на заказ, это объективный взгляд исследователя, который даже в советское время публиковал в самиздате и на Западе то, что считал соответствующим реальности. Так вот, из этих двух книг Р.А.Медведева вырисовывается, для сравнения, вторая «пара» стран: не только Грузия и Казахстан, но и Украина и Казахстан. И в обоих случаях мы видим существенные отличия, мы видим позитивные отличия Республики Казахстан от этих постсоветских стран. То есть результаты процесса национального государственностроительства на том же постсоветском пространстве (в условиях глобализации и регионализации) оказываются весьма не идентичными. Отметим, что Р.А.Медведев считает возможным перед лицом украинских проблем сослаться на опыт Казахстана, перед которым в 1990-е гг. «стояли, — как он пишет, — даже более трудные задачи, чем ныне перед Украиной». Да, стояли, но были успешно разрешены, и сегодня перед Казахстаном даже в страшном сне нет таких политических проблем, как в Грузии и Украине.

Таким образом, значение казахстанского опыта «в условиях глобализации» лучше всего видно на региональном фоне, в региональном масштабе, в сравнении с другими государствами Евразийского региона.

В региональной проблематике сегодня на первый план, наряду с собственно национально-государственными вопросами, выходят сюжеты историко-культурных взаимодействий. Взаимодействий и на Кавказе, и в Восточной Европе, и в Центральной Азии, и в казахстанско-российских отношениях. Думается, что именно рассмотрение истории и современности Казахстана во взаимосвязях с сопредельными странами, со странами-соседями (т.е. в региональном масштабе) позволит логично и последовательно включить национальную историю в мировой контекст.

От национального уровня на региональный и от него — на глобальный (и обратно!) — таким представляется логика национально-глобальных тенденций. Глобализация без регионализации пуста, впрочем, верно и то, что регионализация без «национализации» безжизненна. И только вместе эти процессы наполняются содержанием и создают живую ткань мирового сообщества.

Разумеется, в регионализме нет ничего нового, нет никакого «открытия». Но я убежден в необходимости углубленного изучения региональной проблематики сегодня так же, как и в середине 1990-х гг., когда на историческом факультете КарГУ обсуждалось открытие специальности «регионоведение» — специальности, которая во второй половине 1990-х гг., как известно, обозначалась в классификаторе, по предложению истфака КарГУ, как «страноведение (по регионам)». Поэтому, приветствуя проведение такого «круглого стола» на историческом факультете КарГУ, мог бы предложить, чтобы в последующем одну из дискуссий посвятить актуальной проблематике, теперь уже «в условиях регионализации».

М.В.Шлюпиков,
к.и.н., доцент КарГУ им. Е.А.Букетова

МИРОВАЯ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИСТОРИОГРАФИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Основные тенденции в развитии мировой историографии определяются современными условиями общественного развития, коренными переменами в мировой обстановке в целом. В историографии последних десятилетий наблюдается тенденция к постановке и решению наиболее крупных, глобальных проблем истории, к выходу из узких географических и хронологических рамок, к изучению тех исторических событий и явлений, которые, в конечном итоге, изменили или меняют картину мира.

Историография как социальная наука всегда находилась и находится в поле политических и идеологических воздействий. Дискуссии между историками — это не просто споры об истине или о проблеме фактической достоверности, это во многих случаях дебаты об исторической справедливости, национальной славе, культурно-исторической идентичности, о современном политическом выборе и исторической перспективе.

Еще совсем недавно очевидный спад интереса к исследованию материальных факторов и социально-экономических структур выразился в том, что социальной истории был предъявлен целый букет более или менее обоснованных обвинений и упреков, а среди историков резко возросло увлечение изучением высокой и низкой культуры на фундаменте исторической антропологии. Это направление блистало именами первой величины.

Все большее значение приобрело изучение отношений между полами и поколениями, религиозных убеждений и верований, роли и традиций воспитания и образования, локальной и региональной истории. В центре внимания находились уже не коллективные феномены, а маленькие группы и даже отдельные индивиды. Но при этом возникла опасность чрезмерного разветвления и раздробления исторических исследований. Темы и проблемы так называемой «тоннельной истории» зачастую производили впечатление случайных и выхваченных наугад.

В дискуссиях конца 90-х годов на страницах журналов «Прошлое и настоящее», «История и теория», «История историографии», «История и общество» звучали обоснованные предостережения против излишнего увлечения «культурно-символической» антропологией.

Произошло новое обращение к политике и проблемам современности, чему в значительной мере способствовали общемировые процессы начала XXI в. Пленарное заседание XX международного конгресса исторических наук (2005 г., Сидней) было посвящено теме «Глобализация и её пределы». Было отмечено интегрирующее значение ряда признаков современного подхода к историческим явлениям, связанных со стандартизацией производства и потребления, сближением Востока и Запада, достижением определенного уровня экономического развития многими современными развитыми странами, информационной глобализацией, общностью экологических проблем современного общества.

Однако лимиты глобализации в оценках исторического прошлого также очевидны, и национальные приоритеты здесь не вытеснены глобализационными оценками. Об этом свидетельствуют и тенденции развития современной казахстанской историографии.

Одной из активно обсуждаемых тем в мировом историческом сообществе является в последнее время «экоистория». Внимание концентрируется вокруг таких проблем, как взаимодействие природы и культуры, роль политики в области экологии, своеобразие природных факторов в истории тех или иных исторических сообществ.

Человек как общественный феномен является одновременно и звеном экосистемы, которая также влияет на социокультурные факторы исторического развития. Экоистория имеет важное значение в современных условиях выхода историографии из тесного русла евроцентристских и американоцентристских подходов. Вместе с тем не стоит переоценивать современное влияние экоистории: она не изменила коренным образом кардинальные научные представления об историческом развитии. Её цель — скорее интегрировать разные «поддисциплины» вокруг одной темы, расширить сам объект исследования, включив в него изучение городской и сельской среды, тех регионов, которые до этого игнорировались евро-американской историографией.

В ходе дискуссии были выделены некоторые проблемы: во-первых, соотношение природной среды и культуры в новом осмыслении; во-вторых, действие политического фактора в «инвайронменталистской» историографии (т.е. изучение внешних воздействий, включая политические, экологические, влияние национализма и постколониализма).

Вопросы истории взаимоотношений человека с окружающей средой и науки об окружающей среде решались на материалах истории регионов, находящихся вне традиционного научного поля, обозначенного как «евро-американская историография». Биофакторы человеческого развития — эпидемии, климатические катастрофы, взаимодействие человека и земли в истории аграрных отношений и кочевого скотоводства, роль воды в засушливых степных и горных регионах — все это становится предметом исторических изысканий.

Очевидна тенденция к межгосударственным и транснациональным критериям в постановке глобальных проблем: активно вводится понятие «биорегион», элиминирующие категории государственных и этнических границ. Только межгосударственная кооперация способна дать ответ вызову современных биокатастроф. Речь идет как о землетрясениях, цунами, проблеме озоновых дыр, голоде, вызванном засухами, так и об источниках энергии, роли леса и степи, поддержании уровня пресноводных озер и рек, влиянии климатических изменений на достаток производства средств пропитания. При всем разнообразии тем, подходов, методик историко-экологических исследований в данном направлении можно видеть плодотворное поле для междисциплинарной интеграции.

В последнее время активно рассматриваются теоретические проблемы изучения и преподавания истории: мифологизации истории, конструирования национальной идентичности, соотношения категории мифа, власти, исторических утопий, роль и ответственность историка в этой связи. Лейтмотивом стало обсуждение проблемы взаимоотношения между мифом и самой историей, мифом и исторической реконструкцией. Был поставлен вопрос, типичный в критике постмодернизма: можно ли сказать, что в ходе реконструкции истории строятся новые мифы? В этой связи актуальной выглядит

постановка проблемы: как получается, что научная история становится мифологией? Одно из обстоятельств, этому способствующее, состоит в том, что перед научной историей стоят две задачи — научное познание прошлого и ориентация общества в окружающем мире, т.е. «социальный заказ».

По мнению К.Лоренца (Нидерланды) — одного из ведущих в мире специалистов по теоретическим проблемам исторического знания, историки, начиная от отцов «научной истории» Ранке и Гумбольдта, интерпретируя историю, творили новые мифы, самым крупным из которых был миф нации и последующее писание национальной истории.

«Война, мир, общество и межнациональный принцип в истории» — такова проблематика «большой темы» XX МКИН, воплотившаяся в дискуссиях вокруг следующих вопросов: «Справедливые войны — несправедливый мир?», «Изменения в концепции мира в истории и её причины», «Война, насилие и гендерные проблемы».

Ученые затронули проблемы социальной психологии, связанные с анализом внутреннего мира человека, где понятие мира занимало разное место в системе человеческих ценностей различных культур и эпох. Рассматривалась также проблема возможности сохранения мира насильственными методами — в этой постановке вопроса явно сказываются аспекты современной политики.

Важное внимание на международных форумах уделяется экономическим аспектам современной глобализации. Обсуждаются перспективы изучения интеграционных моделей современного исторического развития, включающих такие категории, как финансовый рынок, собственность, торговые связи, миграции, экономическая конвергенция.

Оживленной дискуссией была отмечена работа секции XX МКИН «Учебник истории: от истории нации к истории граждан». Было поставлено несколько ключевых вопросов: роль школьного учебника в истории как инструмента формирования у учащихся национальной самоидентичности, понятие нации как таковое в современных условиях, т.е. в условиях европейской интеграции, с одной стороны, и наличие спорных проблем между нациями, которые отражаются в исторической учебной литературе — с другой. Был сделан вывод о том, что в настоящее время идет модельный процесс перехода учебной исторической литературы от этноцентризма, евроцентризма или ориентализма к включению национальной истории во всемирный контекст.

Отмечалась политизированность современного исторического образования, указывался фактор влияния государственных институтов на содержание школьных учебников по истории, стремящихся обеспечить патриотическое воспитание школьников через учебный материал.

Л.Л.Батурина,
к.и.н., профессор КарГУ им. Е.А.Букетова

МИРОВАЯ НАУКА О ПРОБЛЕМАХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В настоящее время происходят глубокие изменения во всей системе международных отношений. Новым и наиболее существенным фактором в становлении и развитии современного мирового процесса стало такое явление, как глобализация.

В политической и научной среде идет заинтересованное обсуждение дальнейших путей глобального развития международных отношений в XXI в. В связи с этим ни один процесс в мире, каким бы масштабным или, напротив, частным он не был, нельзя рассматривать ограниченно, как таковой. Взаимосвязь и взаимозависимость явления глобализации и международных отношений в современных условиях только усиливаются, что у политиков и ученых требует учета и оценки обратного эффекта, всех последствий, как близких, так и более отдаленных.

Мнения ученых о сущности процесса глобализации, его конкретных проявлениях, предпосылках и последствиях далеко не однозначны. Несомненно одно — глобализация — это объективный процесс, который подготовлен всем ходом предшествующего развития и теперь вступил в качественно новый этап, и, по мнению многих специалистов-международников, тематика глобализации будет центральной в мировых политических, экономических и стратегических исследованиях в XXI в. [1].

В мировой научной мысли наиболее интересные дискуссии развернулись вокруг определений глобализации, вопросов адаптации различных стран к экономической глобализации и конкретных последствий глобализации для национальных экономики и политики.

В ходе дискуссий о понятии «глобализация» определилось несколько фундаментальных базовых подходов: культурологический, экономический, экологический и комплексный, отражающие разные ракурсы видения этой проблемы специалистами в разных научных областях.

По-разному подходят исследователи к проблемам адаптации: открытие общества для воздействия процессов глобализации, т.е. либерализация национальной экономической жизни и придание ей большей открытости; приспособление к существующей экономической жизни тех внутренних изменений, которые происходят вследствие открытия общества процессам глобализации, т.е. преодоление негативных последствий глобализации, при этом подчеркивается уязвимость национальных экономик вследствие повышения степеней их открытости и роста их взаимозависимости, что стало очевидно после азиатского финансового кризиса 1997–1998 гг. и, особенно, в условиях мирового финансового кризиса 2008 г.; усиливающееся расслоение внутри государств между отдельными отраслями, по-разному входящими в мировую экономику, неподготовленность стран к политическим и идеологическим аспектам глобализации: новые требования к образованию, необходимость политического и идеологического плюрализма и т.д.

В целом можно отметить все возрастающее внимание западных ученых именно к проблемам адаптации национальных экономик к глобализации, что во многом, как нам видится, объясняется увеличением спроса на научные исследования и практические рекомендации со стороны национальных правительств [2; 22]. В азиатских странах подходы исследователей к изучению феномена глобализации несколько иные. Так, в новых индустриальных странах (НИС) особый акцент делается на изучении тех возможностей, которые глобализация открывает перед экономиками их стран. В большей части исследования (Республика Корея, Индонезия, Филиппины, Тайланд) носят чисто прикладной характер. Исследователи пишут о том, что в контексте глобализации первоочередное значение имеют: разработка стратегии экономического роста, изменение роли государства в управлении экономикой страны, отслеживание им влияния глобализации на различные стороны экономической и политической жизни страны, на различные социальные слои и регионы, формирование региональной политики.

Подобные подходы к глобализации прослеживаются и в развивающихся странах, но есть и особенности, а именно: особое внимание на негативные аспекты глобализации и ярко выраженная антиимпериалистическая риторика, обусловленная трактовкой глобализации как новой формы неоколониализма, и обвинение Запада в нежелании «справедливо» делиться плодами глобализации. Наиболее четко эти тенденции прослеживаются в индийской науке, представители которой пишут о том, что даже сам термин «глобализация» отражает идеологию мирового рынка, правила работы которого определяются МВД, Всемирным банком и лидерами «большой семерки», роль морального дирижера — победителя в «холодной войне» — на этом рынке играют США [2; 32]. Максимально же страдают от глобализации страны Юга, прежде всего от того, что привносимые западные ценности разрушают традиционные социальные структуры, не создаются новые, глобализация вступает в противоречие с фундаментальными индийскими ценностями общества и несет угрозу и традициям, и обществу.

Ряд азиатских ученых (Бангладеш, Египет) подвергают сомнению позитивный смысл понятия «глобализация», а последствиями её считают усиление противостояния Севера и Юга, усиление политического влияния Запада в освободившихся странах; программу структурной перестройки национальных экономик в соответствии с требованиями глобализации — «потенциальным экономическим геноцидом».

Особого внимания заслуживает китайская наука, которая активно и весьма плодотворно изучает глобализацию во многих аспектах, при этом китайский подход к глобализации основан на принципе разделения политики и экономики. В политической глобализации китайские исследователи видят угрозу вмешательства во внутренние дела КНР и считают её неприемлемой для Китая.

В оценке экономической глобализации мы видим двойственность китайской науки. С одной стороны, глобализация рассматривается как возможность решения своих экономических проблем (выход на мировые рынки, доступ к капиталам и современным технологиям и т.д.). С другой — исследователи оставляют без внимания обратную сторону глобализации — необходимость «делиться» суверенитетом, делегирование международным экономическим институтам части национальных полномочий и т.д.

Но в целом же в работах китайских авторов, занимающихся исследованием глобализации, мы видим много общего с работами ученых из НИС, а именно — практическая направленность исследований. Это нашло отражение и в предложенных КНР «четырёх принципах нового миропорядка» [3],

из которых следует, что диалог и сотрудничество стран, а не упреки в адрес развитого мира должны стать наиболее оптимальным путем повышения уровня развития стран.

В 90-е годы в российской науке наиболее распространено негативное отношение к глобализации, причем, как отмечает В.В.Михеев, «неприятие глобализации носит больше эмоциональный, нежели концептуальный характер» [2; 43]. В последние годы сформировался широкий спектр мнений, в том числе более прагматичное отношение к глобализации [4].

Исследователи обобщают имеющиеся точки зрения, предлагают проекты регулирования и оптимального встраивания в этот неизбежный процесс, предсказывают отнюдь не однозначные следствия в будущем для самих движущих сил глобализации [5]. Директор Института проблем глобализации М.Делягин выделил аспект глобализации, который, по его мнению, делает поведение США необратимым. Это переход США и их экономики из постиндустриального общества в новую стадию — «информационного общества, в котором лидерство основывается не на способности продуцировать новые технологические принципы, не на отрыве в новейших индустриальных и электронных технологиях, а на практической монополизации технологий управления и формирования сознания и на создании мегатехнологий, сам факт применения которых исключает возможность конкуренции. В такой системе, где уменьшается роль денег и наличия развитого промышленного производства, абсолютной необходимостью для самого существования лидера становится унификация мира» [6].

Но в то же время почти нет работ, посвященных теоретико-методологическим, философским основам феномена глобализма, которые бы проследили формирование самой идеологии глобализма. Одну из первых таких попыток делает Н.А.Нарочницкая в своем острополемиическом труде [7].

Она пишет, что под эгидой США Запад выстраивался как единое геополитическое, экономическое, военное и культурное консолидированное целое. Идеи единой Европы и постепенное превращение её в некое супергосударство с наднациональными институтами управления были составной частью глобальной стратегии США [7; 300]. У глобализации, подчеркивает Н.А.Нарочницкая, независимо от культурно-исторических типов мировых цивилизаций, два аспекта, намеренно смешиваемые. Один — естественный, ведь ни одно крупное событие или явление в области культуры, политики, экономики не может не влиять на весь остальной мир, в котором свободно движутся капиталы и людские ресурсы, в котором деятельность ТНК, финансовых институтов, информационные технологии создают над уровнем международных отношений суверенных субъектов второй уровень, не совпадающий с первым, вступающий с первым в противоречие. В общественном сознании утверждается мотив не просто сильнейшего (США), а тождество мира и себя, где остальные — провинция, не имеющая права на историческую инициативу.

Формируемая США идеология «глобализма», а вслед за этим идея «глобального управления» существенно отличаются по целям от урегулирования естественных аспектов экономической и финансовой глобализации. «Мировое сообщество», считает Н.А.Нарочницкая, — это сначала избранный круг привилегированных стран, который в целях «глобального управления» расширил круг избранничества до мировой элиты из представителей национальных элит, отказавшихся от национального интереса и работающих над созданием мирового сверхобщества. Исследователь показывает, как развивались идеологические доктрины, призванные легитимизировать новое понятие «мировое сообщество», и через воздействие на элиты других обществ и государств превратить их в объект «глобального управления». Идеология глобализма последовательно усиливала акцент на «гражданском обществе», в противовес концепции традиционного национального сообщества, представленного в мировой цивилизации многообразными типами, в зависимости от религиозно-философских основ. Гражданское общество в интерпретации глобалистики отвергает все религиозные, национальные, исторические связи внутри национального сообщества, требует «открытия архаичного и тоталитарного» общества, порожденного традицией национальной и религиозной культуры [7; 303].

В целом сегодняшняя российская общественно-политическая наука выявляет экономические и финансовые причины «интернационализации» хозяйственной жизни и экономики, роль транснациональных корпораций и финансовых институтов, информационных технологий в современном глобализирующемся мире.

В нашей стране проблемы глобализации стали предметом исследований лишь в последнее десятилетие, когда воздействие глобальных процессов на экономику Казахстана стало непосредственным.

Естественно, особый интерес к проблемам глобализации проявляют сотрудники отдела глобалистики и экономической безопасности Казахстанского института стратегических исследований при Президенте РК (КИСИ) [8]. Они отмечают разную степень влияния глобализации на развитые и развивающиеся страны. Несправедливое распределение благ в условиях глобализации, по мнению ка-

захстанских исследователей, порождает угрозу конфликтов на всех уровнях, особую же опасность представляет угроза национальному суверенитету [9]. В целом казахстанские исследователи считают глобализацию неизбежной реальностью современной системы международных отношений.

Проанализировав исследовательскую литературу по проблемам глобализации, можно отметить, что ведущие страны вступили в XXI в. с разными представлениями о том, каковы долгосрочные тенденции развития международных отношений, что внешняя политика США, Европы, Китая, Индии, России, Казахстана покоится на довольно разных теоретических и мировоззренческих основаниях, притом что сами эти государства как никогда тесно связаны друг с другом в сфере безопасности, экономики, информационных технологий. На наш взгляд, исследователи всех стран, обращаясь к проблемам глобализации, признают, что она — одна из основных закономерностей современного мирового развития, проходит по всем сферам функционирования общества: экономической, политической, культурной, правовой, экологической и т.д. Количественно преобладают исследования по проблемам адаптации национальных экономик к глобализации, что свидетельствует о существующем социальном заказе на практические рекомендации со стороны национальных правительств.

Вместе с тем еще недостаточно разработаны теоретико-методологические основы феномена «глобализация».

Список литературы

1. Глобализация и стратегия развития. ЮНКТАД, 2000. — С. 28–29; Вебер А. Актуальные вопросы глобализации // Мировая экономика и международные отношения. — 1999. № 5. — С. 47–48.
2. См. Михеев В.В. Глобализация и азиатский регионализм: вызовы для России. — М., 2001.
3. См. Титаренко М.Л. Китай на пути модернизации и реформ. — М., 1993; Россия в АТЭС: новые возможности в новых условиях. — М., 2000.
4. Стратегия развития России в АТР в XXI в.: аналитический доклад. — М., 2000.
5. Процессы глобализации: экономические, социальные и культурные аспекты. Проблемно-тематический сборник. — М., 2001; Уткин А.И. Ракурсы глобализации // Политика. — М., 2000–2001. — № 4; Уткин А.И. Мировой порядок XXI в. — М., 2001.
6. Практика глобализации: игры и правила новой эпохи / Под ред. М.Г.Делягина. — М., 2000; Постсоветские страны в условиях глобализации. — М., 2001.
7. Нарочницкая Н.А. Россия и русские в мировой истории. — М.: Междунар. отношения, 2003.
8. См. ANALITIK — Аналитическое обозрение. 2001. — № 4–5; 2002. — № 4.
9. Глобализация: за и против // Саясат. — 2001. — № 12; Есентугелов А. Стратегия безопасного экономического развития Казахстана в условиях глобализации // Аль-Пари. — 2002. — № 1. — С. 3.

В.В.Козина,

д.и.н., профессор КарГУ им. Е.А.Букетова

НЕКОТОРЫЕ АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН В СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРИОД

С момента обретения Казахстаном суверенитета демографические процессы в нем отличались большой динамичностью. В начале 90-х годов они складывались на фоне социально-экономического кризиса и носили негативный характер. Демографический кризис, депопуляция стали реалиями для нашей страны, а проблема демографического развития — одной из самых актуальных.

За прошедшие годы Казахстан укрепил государственность, социально-экономическая ситуация стабилизировалась, экономика набирает обороты. Изменилась ли демографическая ситуация в стране по сравнению с 90-ми годами и как ее можно охарактеризовать? Какова динамика численности населения в последнее время? Существует ли отличие от 90-х годов?

Как известно, за период между переписями 1989 и 1999 гг. численность населения страны сократилась на миллион с четвертью (1 246 028 чел.). Сокращение продолжалось до 2002 г., когда был, наконец, зафиксирован рост, который продолжается и сегодня. Численность населения страны на 1 января 2008 г. по текущим данным составила 15 565,6 тыс. человек (увеличилась на 612,5 тыс. чел.), т.е. пока восполнилась только половина убыли. Естественный прирост составляет ныне 10,2 чел. на 1000 жителей.

Таким образом, вектор динамики принял положительный характер. Но этого мало. Казахстан, как известно, — малонаселенная страна — всего 5,6 чел. на 1 кв.км. И нам все еще грозит депопуляция. Как её избежать?

В борьбе с депопуляцией теоретически есть два пути — повышение рождаемости и снижение смертности. Первый путь кажется предпочтительным. Но мировой опыт свидетельствует, что немного рождаемость поднять можно, но до нужного уровня — вряд ли. Это удел всех урбанизированных стран с высоким образовательным уровнем. Кстати, в Казахстане общий коэффициент рождаемости составляет ныне 20,5 рождений на 1000 жителей (против 14,6 в 1999 г.). То есть выход один — приток населения извне. Что и пытается делать правительство Казахстана.

Какие факторы могут помешать росту численности населения? И что может вновь стать причиной его сокращения? Миграция населения за пределы страны, низкая рождаемость и высокая смертность. Интенсивность этих демографических процессов зависит, прежде всего, от структуры населения или от так называемых качественных характеристик. Остановимся лишь на основных, изменение которых непосредственно влияет на динамику численности населения в нашей стране. Это национальный, половой и возрастной состав населения.

В настоящее время в Казахстане проживают люди около 130 национальностей. Доминирующими являются казахи и русские, они составляют 85 % в этнической структуре Казахстана, причем тенденция увеличения абсолютной численности первых и их доли в составе населения республики и уменьшение этих показателей у вторых, начавшаяся еще в конце 70-х годов, продолжается. Так, численность казахов стабильно увеличивается: в 1989 г. — 6 497 тыс. чел.; 1999 г. — 7 985 тыс. чел.; 2005 г. — 8 725 тыс. чел. Их доля в составе населения также растет — 40,1; 53,4; 57,9 % соответственно. Численность русских, наоборот, сокращается: в 1989 г. — 6 062 тыс. чел.; 1999 г. — 4 480 тыс. чел.; 2005 г. — 4 024 тыс. чел. Удельный вес соответственно снижается: 37,4; 30; 26,7 %.

Именно разница генеративного поведения и миграционной активности этих двух народов определяет характер демографических процессов в нашей стране.

Структурный анализ населения по полу и возрасту — необходимая и неотъемлемая часть анализа демографических процессов, поскольку возрастно-половая структура непосредственным образом влияет на воспроизводство населения. От того, какая она, зависит динамика численности населения.

Представим себе фантастический супернебоскреб, вместивший всех граждан нашего государства. На каждом этаже — лишь сверстники. На первом этаже — все младенцы, на втором — все, кому год и выше, и т.д... Заселяем это воображаемое здание-государство согласно имеющимся у нас статистическим данным и разделим его на две половины — мужскую и женскую. У нас получился макет Здания жизни, где проживает все население страны. Форма Здания жизни меняется с годами. Малочисленной становится группа молодых возрастов, группа старших — увеличивается.

В начале XX в. шведский демограф Г.Сунберг выделил три основных типа воспроизводства населения:

- прогрессивный — большая доля детей в общей численности населения (население будет расти);
- стационарный — почти уравновешенная доля детей и старших возрастов (население не растет и не увеличивается);
- регрессивный тип — доля лиц в возрасте 60 лет и старше составляет 12 % и выше ко всему населению (численность населения сокращается).

К какому типу воспроизводства относится сегодняшняя модель народонаселения Казахстана? В 1989 г. доля пожилых в Казахстане составила 9,1 %, в 1999 г. — 10,4; сейчас произошло некоторое уменьшение показателя — до 10,2 %.

Таким образом, по классификации основных типов воспроизводства регион относится к стационарному типу, с тенденцией к регрессивному. Значит, Казахстан подошёл к одной из самых актуальных проблем современности — старению населения.

Старение населения — проблема многих развитых стран. Согласно прогнозам ООН к 2005 г. доля лиц этой категории в мире в среднем должна была возрасти до 14 %, в развитых же странах — и до 30 %. Уже в 90-е годы доля лиц в возрасте 60 лет и старше во многих странах Европы достигла 21 % (в Швеции — 23, России — 16,6 %), в то время как, например, в Арабских Эмиратах она составляет 2,1 %, Кувейте — 3,0, Катаре — 3,1, Чаде — 3,2 %.

Какие факторы способствуют этому процессу? Конечно, снижение рождаемости и увеличение в составе населения доли старших возрастов.

Каковы социальные последствия этого процесса? С постарением населения возрастает нагрузка на одного работающего, снижается уровень воспроизводства населения. Увеличивается средний возраст жителей республики. Так, если в 1989 г. он составлял в целом 28,5, в 1999 г. — 29,9, то в 2004 г. — 31,5 года.

Вместе с тем нельзя не отметить еще одну существенную проблему демографического развития республики на современном этапе. Пропорционально ли развивается женская и мужская половина «Здания жизни» нашей страны? Нет, женская — многочисленней. Со временем мужчин становится меньше. Если принять все население «Здания жизни» за 100 %, окажется, что мужчин в нём 48,1 %, женщин — 51,9 %, причем значительный перевес женской половины начинается с 30–34 лет. То есть начиная с этого возраста, мужчин становится все меньше и меньше. Сверхсмертность мужчин в трудоспособном возрасте стала еще одной проблемой в нашей стране.

Что является причиной или причинами такой ситуации? Сферы деятельности, связанные с риском, так называемые «мужские профессии»; мужчины чаще оказываются в критических ситуациях. Статистические материалы свидетельствуют о высоком уровне травматизма. Многие производства на сегодняшний день не соблюдают технику безопасности. К тому же, сокращению жизни способствуют пьянство, наркомания. Добавьте сюда нищее здравоохранение, невысокую ценность человеческой жизни. ... Кстати, по количеству самоубийств мы тоже в числе лидеров.

Необходимо добавить, что смертность вообще в Казахстане высока — в среднем 10,3 промилле. По регионам страны коэффициент смертности колеблется в пределах 6,5–14,1 умерших на 1000 человек. Свыше трети всех зарегистрированных смертных случаев — население трудоспособного возраста, и в этой возрастной категории смертность мужчин превышает смертность женщин в 3,6 раза. Высоки показатели и детской смертности: в 2007 г. — 14,3 промилле, как видим, значительно выше, чем у взрослого населения.

Борьба со смертью везде ведется в два этапа. На первом — патерналистском — искореняются болезни, которые можно одолеть прививками. Массовая вакцинация не требует от людей активности, надо лишь, чтобы они ей не противились. И этот этап Казахстаном преодолен. Но на втором вперед выходят факторы, зависящие от нашего индивидуального поведения. В этой связи, думается, необходимо:

1) внести некоторые коррективы в существующую систему воспитания и в семье, и в школе. Научить ребенка плавать, ходить по бревну, ездить верхом, оказывать себе и другим первую помощь при несчастных случаях — сделать это не так сложно, а жизней сберечь можно многие тысячи;

2) ознакомить каждого с рациональными режимами питания, мерами предосторожности, чтобы уберечь себя от перегрева и обморожения, с правилами оказания первой помощи;

3) пути снижения мужской сверхсмертности можно искать в трех сферах: охране труда, медицинском обслуживании, физической культуре, точнее, в их совершенствовании;

4) необходимо делать упор не на борьбу против болезни и смерти, а на борьбу за здоровье и жизнь. Одно дело срочно спасать от болезни, от смерти, другое — не допустить беды, предвидя опасности и предупреждая их.

Таким образом, подведя итоги, зададимся вопросом: изменилась ли демографическая ситуация в стране по сравнению с 90-ми годами и как ее можно охарактеризовать? На фоне непростых процессов, имевших место в жизни казахстанцев, все четче вырисовываются позитивные сдвиги, постепенно преодолеваются негативные тенденции в демографической сфере. Четко прослеживается положительная динамика численности населения. К негативным тенденциям демографического развития относятся продолжающийся процесс постарения населения и увеличивающаяся диспропорция полов.

Г.Т.Аймагамбетова,
ст. преподаватель КарГУ им. Е.А.Букетова

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Центральная Азия географически представляет собой единый и исторически взаимосвязанный регион, но процесс суверенизации независимых государств Центральной Азии усугубил разрыв единого культурно-исторического пространства.

Разрыв в развитии республик Центральной Азии на современном этапе увеличивается из года в год. Казахстан обладает наибольшей площадью и наименьшей плотностью населения, на него приходится примерно 51 % суммарного регионального ВВП, большая часть которого страна получает за счет нефти. В Узбекистане самая большая численность населения, которая составляет 45 % всего населения региона. Кыргызстан и Туркменистан имеют почти одинаковое население. Но Туркменистан — пустынная страна с крупными энергетическими запасами, особенно запасами природного газа, который дает 16 % регионального ВВП. А Кыргызстан — небольшая горная страна с незначительными природными ресурсами, за исключением водных ресурсов, гидроэнергетики и некоторого количества золота, что дает 5 % регионального ВВП. Таджикистан похож на Кыргызстан с точки зрения ресурсов и размера, но он еще беднее и более изолирован.

Несмотря на различия по площади, численности населения и экономической мощи, страны региона обладают рядом общих характеристик, включая советское наследие, трудности в доступе к мировым рынкам, экологические проблемы, значительную подверженность стихийным бедствиям и антропогенным угрозам, ухудшающуюся систему социального обеспечения, а также сложную политическую ситуацию и проблемы управления.

Т а б л и ц а 1

Региональные показатели (2006 г.)

	Численность населения, тыс. чел.	Плотность населения, чел. на кв. км	Территория, тыс. кв. км
Казахстан	15219,3	5,6	2724,9
Кыргызстан	5138,7	25,5	199,9
Таджикистан	6920,3	47,4	143,1
Туркменистан	4845,3	9,9	491,2
Узбекистан	26100,0	55,9	448,9

Примечание. Составлено по: Этнодемографический ежегодник Казахстана: Стат. сб. / Под ред. Ю.К.Шокаманова. — Алматы, 2006. — С. 403.

Страны Центральной Азии (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан) имеют общую численность населения на начало 2006 г. 58223,6 тыс. чел. Самая большая численность в Узбекистане — 26100,0 тыс. чел., при плотности населения 56 человек на квадратный километр; в Казахстане — 15219,3 тыс. чел., 6 человек на квадратный километр; Таджикистане — 6920,3 тыс. чел., 48 человек на квадратный километр; в Киргизии — 5138,7 тыс. чел., 26 человек на квадратный километр, Туркмении — 4845,3 тыс. чел., 10 человек на квадратный километр.

При советской власти в республиках Центральной Азии был достигнут значительный рост численности населения и продолжительности жизни, а также произошли улучшения в здравоохранении, образовании и уровне жизни. В начале 1920-х гг. население было в основном неграмотным, а продолжительность жизни была ниже 40 лет. За последующие 70 лет весь регион добился почти полной грамотности, а средняя продолжительность жизни выросла до 68–70 лет. И хотя численность населения Центральной Азии после распада Советского Союза продолжала увеличиваться в период с 1990 по 2004 гг., темпы ее роста снизились по сравнению с предыдущими годами. Обусловлено это в основном тремя причинами. Первая — эмиграция, особенно в первые годы независимости. Больше всех пострадал Казахстан, и именно эмиграцией в основном обусловлено снижение численности в этой республике. Вторая причина — это снижение уровня рождаемости во всех странах региона с 1992 г., по крайней мере, на 25 %. И, как следствие, наблюдалось значительное уменьшение числа детей в возрасте до пяти лет. Например, в Таджикистане в 1990 г. эта группа составляла 18 % населения, а

уже в 1998 г. — всего 13,5 %. Наконец, третья — резкое снижение ожидаемой продолжительности жизни при рождении из-за распада государственной системы здравоохранения и значительного снижения затрат на социальную сферу во всех государствах Центральной Азии с 1990 г.

За период с 1999 по 2005 гг. рост числа рождений наблюдается только в Республике Казахстан — с 217578 до 278977. Уменьшение числа рождений мы наблюдаем в Узбекистане — с 544788 до 513000 (2001), Таджикистане — с 180900 до 178000 (2001). Данные по Туркменистану только за 1999 г. — 88017 родившихся. Одним из показателей рождаемости являются повозрастные коэффициенты. В Республике Казахстан число родившихся на тыс. женщин в возрасте 15–49 лет показывает динамику роста, лишь в возрасте 15–19 лет — снижение показателя с 33,92 до 26,03. Одним из точных показателей воспроизводства населения является суммарный коэффициент рождаемости, который в Казахстане вырос с 1,80 в 1999 г. до 2,22 в 2005 г., что является простым воспроизводством, замещающим поколение. Рост числа рождений в Республике Казахстан в последние годы можно объяснить улучшением социально-экономической ситуации, реализацией отложенных рождений 90-х годов, высокой численностью женщин фертильного возраста. В Республике Кыргызстан за период с 1999 по 2005 гг. происходит снижение повозрастных коэффициентов рождаемости, а также снижение СКР с 2,63 в 1999-м до 2,58 в 2005 г. Нетто-коэффициент также показывает снижение. По остальным республикам Центральной Азии мы не имеем полных данных. По Таджикистану и Узбекистану есть данные только по СКР за 1999–2000 гг. — 3,84; 3,68 и 2,72; 2,58 соответственно. Эти данные показывают, что идет процесс снижения рождаемости как в Таджикистане, так и в Узбекистане. В Таджикистане мы имеем расширенное воспроизводство населения, т.е. на каждую женщину в возрасте от 15 до 49 лет приходится от 3 до 4-х рождений, в Узбекистане — чуть больше простого воспроизводства. В Туркменистане в 1999 было 2,2 рождения на каждую женщину в возрасте от 15 до 49 лет — это простое воспроизводство населения. Уровень рождаемости снизился в каждой из стран со времени обретения независимости как минимум, на 25 %.

Показатели смертности в республиках Центральной Азии растут. По показателям материнской смертности существуют различия в разных государствах Центральной Азии. Высокий уровень материнской смертности в регионе вызван ранней беременностью, частыми родами и короткими интервалами между ними, большим количеством аборт, недостаточным уходом во время беременности и после рождения ребенка. Так, например, в Таджикистане участие квалифицированного персонала при родах сократилось с 93,6 % от общего числа рождений до 67,3 — в 2001 г.

Официальные оценки младенческой и детской (до 5 лет) смертности показывают значительный разброс по странам. Вызывает удивление тот факт, что уровень смертности в богатых ресурсами Казахстане и Туркменистане выше, чем в Узбекистане или Кыргызстане. Однако различия могут оказаться преувеличенными, так как официальные данные по детской смертности и оценки проведенных опросов значительно расходятся. В Узбекистане данные, полученные по результатам опросов, на треть превышают официальные данные; в Кыргызстане, Таджикистане и Туркменистане данные опросов в два раза выше официальных. Расхождения объясняются занижением сведений и некачественными статистическими данными.

В Казахстане в период с 1999 по 2005 гг. младенческая смертность по статистике показывает снижение с 22,7 до 15,3, по годам мы видим колебания между снижением и подъемом. Кыргызстан показывает снижение младенческой смертности в 1999, 2000, 2001, 2002 гг., подъем младенческой смертности в 2004–2005 гг., причем существенный — с 20,9 до 29,7! Данный показатель в Таджикистане в 1999–2000 — 40,0 смертей на тысячу рождений. В Туркменистане в 1999 г. было 25,4 смерти на тысячу рождений. В Узбекистане в 1999 — 20,2 и в 2001 — 18,3. Заболевания дыхательной системы, перинатальные заболевания, инфекционные болезни, а также паразитарные болезни — основные причины высокого уровня детской смертности.

В республиках Центральной Азии рост числа смертей происходит от болезней системы кровообращения, болезней органов пищеварения, от несчастных случаев, травм и отравлений. Но в отличие от Казахстана смертность от несчастных случаев травм и отравлений в других республиках не растет.

За годы независимости основные индикаторы здоровья в Центральной Азии ухудшились. Растущая бедность, упадок системы социальной защиты, а также растущее число инфекционных и неинфекционных заболеваний резко сократили показатели средней продолжительности жизни, хотя они и стали улучшаться с конца 1990-х гг. Особенно сократились показатели средней продолжительности жизни мужчин. Эту тенденцию можно частично объяснить поведенческими причинами, такими как эмоциональные стрессы, излишнее употребление алкоголя, курение и употребление наркотиков. Хотя средняя продолжительность жизни у женщин выше, чем у мужчин, состояние здоровья

женщин не лучше. Это связано и с упадком службы охраны материнства, хроническим недостатком питания и дефицитом микроэлементов. Самая высокая продолжительность жизни в Киргизии и Таджикистане — 68,5; 68,4 года соответственно, затем в Туркмении — 66,9 и самая низкая в Казахстане — 65,9. По Узбекистану у нас данных по этому показателю нет. Ожидаемая продолжительность жизни среди мужчин самая низкая в Казахстане — 60,3, самая высокая в Таджикистане — здесь мужчины в среднем живут 66,1 года, в Туркмении — 63,4 года. Среди женщин этот показатель самый высокий среди киргизок — 72,2 года. Надо отметить, что за период с 1999 по 2005 гг. среди казашек средняя продолжительность жизни выросла на один год. В Таджикистане и Туркмении в 1999 г. женщины в среднем жили до 70,8 и 70,4 года.

Т а б л и ц а 2

Миграция населения

Страны	Общая численность, тыс. чел.		Изменения, %	Возрастные группы, % к общей численности					
				0–17 лет		18–59 лет		60 + лет	
	1990 г.	2003 г.	1990–2002 гг.	1990 г.	2002 г.	1990 г.	2002 г.	1990 г.	2002 г.
Казахстан	16298	14878	-9	37	33	53	56	9	11
Кыргызстан	4358	5052	16	43	40	48	52	8	8
Таджикистан	5244	6305	20	49	48	44	46	6	6
Туркменистан	3668	4864	33	47	43	47	51	6	6
Узбекистан	20227	25590	27	47	44	46	50	6	7

Примечание. Составлено по: Доклад о человеческом развитии в Центральной Азии // Региональное бюро ПРООН по странам Европы и СНГ, 2005 г.

Увеличение случаев заболевания туберкулезом с момента обретения независимости связано с резким ухудшением социально-экономических условий и системы здравоохранения. С 1990 по 2002 гг. количество случаев заболевания туберкулезом в странах Центральной Азии увеличилось в два и более раз. Рост числа случаев заболеваемости туберкулезом в странах Центральной Азии в 1990–2002 гг. — 100 %, причем затронутыми оказываются преимущественно бедные районы и молодые возрастные группы. В Центральной Азии идет стремительный рост заболеваемости ВИЧ/СПИДом до 1600 % с 2000 по 2004 гг. Так, в 1996 г. было зарегистрировано только 50 случаев, а в 2004 г. — 8078. При этом отмечается увеличение числа заболеваний между 2000 и 2003 гг. — трехкратное в Казахстане, девятикратное в Кыргызстане, в 17 раз — в Таджикистане и в 16 раз — в Узбекистане. По мнению местных и международных экспертов, эпидемия ВИЧ/СПИД распространяется, по крайней мере, в 10 раз быстрее, чем это показывают официальные оценки. По мнению национальных экспертов, в региональной перспективе одной из самых угрожающих проблем в здравоохранении является рост инфекционных заболеваний: от туберкулеза и ВИЧ/СПИДа.

Трансграничная миграция связывает воедино регионы, местное население и государства, при этом возникают риски и выгоды как для самих мигрантов и их семей, так и для стран выезда и принимающих стран. В начале и середине 1990-х гг. в Центральной Азии существовала не только трудовая миграция, но и потоки беженцев. Так, в 2005 г., после событий в узбекском Андижане, около 500 беженцев перешли границу с Кыргызстаном. Данные о миграции в республиках Центральной Азии не только сложно получить, они не отличаются надежностью. С начала 1989 г. по причине миграции Казахстан покинули около 3 млн. человек, что составляет более 20 % населения страны; Таджикистан — около 11 %; Узбекистан — более 1 млн. жителей, или около 4 %; Кыргызстан — более 7 %. Миграционные потоки можно разделить на две категории: миграция по политическим факторам и миграция по экономическим факторам.

К первой категории относятся в основном этнические русские, которые, наряду с немцами и украинцами, покинули Центральную Азию сразу же после обретения странами региона независимости, из-за беспокойства относительно своего политического будущего при новом режиме, где ведущую роль стали играть представители титульных этнических групп. По некоторым оценкам, более четверти всех этнических русских покинули Центральную Азию, начиная с 1989 г. Миграция второй категории начала расти с середины 1990-х гг., когда экономическая мотивация стала основной причиной миграции из Центральной Азии. Многие мигранты покинули места своего проживания в поисках

лучших экономических возможностей в России и в Казахстане. Согласно кыргызским официальным оценкам в России проживают около 30 тыс. кыргызских мигрантов, однако неофициальные источники как в России, так и в Кыргызской Республике оценивают их количество от 200 тыс. до 500 тыс. человек, при этом последняя цифра равна почти 10 % от общей численности населения Кыргызской Республики. Количество мигрантов из Таджикистана, работающих в России, составляет от 5 % до, возможно, 18 % населения страны. Большая часть из них работает нелегально. Количество мигрантов из Узбекистана составляет от 600 тыс. до 1,5 млн. человек, или от 3 до 6 % населения. В Туркменистане, имевшем значительный чистый приток населения в первые годы независимости, уже в 1998–2000 гг. число эмигрантов в 4 раза превысило число иммигрантов, при этом 78 % эмигрантов направлялись в Россию.

Таблица 3

**Изменения численности населения и уровень миграции в Центральной Азии в 1989–2002 гг.
(начало года, тыс. чел.)**

	Общая численность		Абсолютное изменение		
	1989 г.	2002 г.	Всего	Ест. прирост	Миграция
Казахстан	16465	14821	–1644	1722	–3365
Кыргызстан	4291	4974	684	1044	–360
Таджикистан	5109	6380	1271	1965	–694
Туркменистан	3534	5500	1966	1103	863
Узбекистан	19905	25211	5306	6377	–1071

Примечание. Составлено по: Доклад о человеческом развитии в Центральной Азии // Региональное бюро ПРООН по странам Европы и СНГ, 2005 г.

В настоящее время миграция в Центральной Азии характеризуется ростом числа циклических поездок временных мигрантов. Рабочие уезжают на три или шесть месяцев, возвращаются домой, уезжают снова, и так цикл продолжается. Тенденцией последних лет является рост числа мигрантов среди женщин. Все больше женщин находят постоянное место работы в секторе услуг в России, Казахстане.

Показателем качества жизни является индекс человеческого развития, основанный на ожидаемой продолжительности жизни, образовании и личных доходах. ИРЧП за 2003 г. ниже показателя 1992 г. в Казахстане, Кыргызстане, Узбекистане и Таджикистане. Страна Центральной Азии с самым высоким показателем ИРЧП из 177 стран мира — Казахстан (80-е место). Страна Центральной Азии с самым низким показателем ИРЧП — Таджикистан (122-е место). Показатели остальных стран ИРЧП: Туркменистан — 97; Узбекистан — 109 и Кыргызстан — 111.

Таким образом, за годы независимости демографическая ситуация в странах Центральной Азии ухудшилась. Продолжают оставаться серьезными демографическими проблемами в Центральной Азии: младенческая и материнская смертность, невысокая продолжительность жизни, рост инфекционных заболеваний (от туберкулеза и ВИЧ/СПИДа), высокая эмиграция.

Г.М.Смағұлова,
Е.А.Бөкетов атындағы ҚарМУ доценті, т.ғ.к.

АӨСШК ҚАЗАҚСТАННЫҢ КӨПВЕКТОРЛЫ САЯСАТЫНЫҢ БІР БАҒЫТЫ РЕТІНДЕ

Жаһандану қазіргі халықаралық қатынастар мәселесінде негізгі проблемалардың біріне айналып отыр. Ал жаһандану жағдайындағы күн сайынғы төңіректе болып жатқан жайттар қазіргі заманның тарихи оқиғаларының ең өзектілерінің тізбегін құрау үстінде. Олардың қатарына аймақтану, интеграция және түрлі деңгейдегі жаңа ұйымдардың құрылуы жатады. Сондай жаңа құрылымдардың бірі — Азиядағы өзара ықпалдастық пен сенім шаралары жөніндегі Кеңес (АӨСШК. — Г.С.).

АӨСШК процесі — Қазақстан Республикасының превентивті дипломатиясының жемісі. Кеңесті шақыру идеясын алғаш рет Қазақстан Республикасының Президенті Н.Назарбаев 1992 жылы 5 қазанда БҰҰ Бас Ассамблеясының 47-ші сессиясында ұсынған болатын. Қазақстан үшін әмбебап құрылым құру екендігі мемлекеттің атын шығару үшін үлкен трибунада тұрып құр айта салған дақпырт емес, керісінше, айтылған идеяны іске асыру жолындағы жұмыс болып табылды.

АӨСШК — Азия елдері арасындағы қарым-қатынастардың жаңа жүйесі. Ол ұжымдық негізге сүйене отырып, ХХІ ғасырдағы Азия елдерінің бірлігі мен мызғымастығы, қауіпсіздігі мен тұтастығына кепіл болуға, сол сияқты экономикалық және мәдени байланыстарының одан әрі дамуына қол жеткізуге ұмтылады.

АӨСШК процесінің бастамасына дейін Азияда қауіпсіздік тетігін құру идеясын бірқатар мемлекеттер бірнеше рет ұсынған болатын, бірақ «қырғи-қабақ соғыс» тәрізді басқа да факторлар салдарынан өзара сенімсіздік білдіруге байланысты тиісті дәрежеде қолдау таппады. Қазақстан Президенті Н.Назарбаев осы идеяны айтқан кездің өзінде-ақ бұл ерекше көкейкесті мәселе болатын. Себебі Азиядағы халықаралық жағдай біршама тынышсыз еді.

Қазақстан және АӨСШК процесіне қолдау көрсеткен мемлекеттер мұндай қауіпсіздік құрылымын құру міндетінің өте күрделі екендігін айқын түсінді. Өйткені Азия өзінің барлық жағынан (саяси, экономикалық, діни, этникалық және мәдени) алғанда күрделі құрлық. Сонымен қатар ұзаққа созылған тарихи шиеленістер (мысалы, Ауғанстандағы, Үндістан мен Пәкістандағы, Палестинадағы т.с.с.) мен орын алған сенімсіздік салдарынан Азияның кейбір өңірлерінде қақтығыстардың жоғары дәрежеде болғаны да құрлықтағы жағдайдың күрделі екендігін дәлелдейді. Осындай аймақта азиялық сипаттағы қауіпсіздік құрылымын құру бірден мүмкін емес еді. Сондықтан Қазақстан өзі бастамашы болғандықтан, барлық жұмысты өзінің мойнына алып, бірден кірісіп кетті. Ұзақ жылғы қызметінің арқасында 1999 жылы Алматы қаласында өткен АӨСШК-нің бірінші кездесуі барысында қазіргі таңда ең маңызды АӨСШК құжатына — «АӨСШК-ге мүше-мемлекеттердің өзара қатынастары принциптерінің декларациясына» қол қойылды [1]. Бұл құжат азиялық қауіпсіздік жүйесінің негізін қалаушы заңнамалық база болып табылды. Сол уақыттан бастап АӨСШК қызметі одан әрі жандана түсті. Оны 2002 жылы Алматы қаласында өткен АӨСШК-ның І-ші саммиті дәлелдеп берді. Саммитте тағы да екі маңызды құжатқа — «Алматы актісіне» [2] және «АӨСШК-ның Терроризмді аластау және өркениеттер арасындағы диалогқа жәрдемдесу туралы декларацияға» [3] қол қойылды.

«Алматы актісінде» АӨСШК қызметінің негізгі мақсаттары мен бағыттары бекітілді, олардың мәні Азияда бейбітшілікті, қауіпсіздік пен тұрлаулылықты қамтамасыз етуге деген көпжақты көзқарастар мен пікірлерді талдап әзірлеу жолы арқылы ынтымақтасты нығайту болып табылады. Жанжалдарға араласып кеткен мемлекеттердің бәріне БҰҰ Жарғысында көзделген принциптерге сәйкес оларды бейбіт реттеуге ұжымдық тұрғыдан ұсыныс жасалды. Құжатта АӨСШК-ға қатысушы азиялық мемлекеттердің құрылықтағы қауіпсіздік пен ынтымақтастықтың өзекті мәселелері бойынша келісілген айқындамасы көрініс тапты.

Болып өткен саммит АӨСШК-ға қатысушылар тарапынан келісілген принциптер негізінде бейбіт те өркендеген Азияға жетуге деген мемлекеттердің ортақ жолындағы маңызды қадамға айналды. Бұл принциптер, біріншіден, әскери-саяси қауіпсіздікті қамтамасыз ету, екіншіден, форумға қатысушы-мемлекеттер арасындағы экономикалық ынтымақтастық және, үшіншіден, гуманитарлық әрі адам құқығын қамтамасыз ету саласында белсенді өзара ықпалдасу болып табылады.

Бірінші саммиттен кейінгі қызмет, шын мәнінде, қатысушылар-елдердің өзара ықпалдастық тетігіне арналды. Мүше-мемлекеттер өз қызметінің тұжырымдамалық принциптерін жан-жақты талқылаудан өткізді. Соның нәтижесінде бірқатар келісімдер жасалды және АӨСШК процесін ілгері апаратын нақты қадамдар жүзеге асты. Одан кейін маңызды оқиғалардың бірі АӨСШК-нің ІІ-ші саммитінің шақырылуы еді.

2006 жылғы АӨСШК-нің ІІ-ші саммиті өтті және оның шешімімен Кеңес Хатшылығын — Кеңестің тұрақты әкімшілік органын құру маңызды нәтиже болып табылды [4].

2007 жыл АӨСШК-нің тарихында мерейлі жыл болды. Кеңестің 15 жылдығын атап өтудің өзі оның өрістеуінің жоғары деңгейін танытады. Осы аралықта АӨСШК қауіпсіздіктің қырларына байланысты мемлекеттердің өзара пікір алмасу платформасына айналып үлгерді. Оның түрлі деңгейдегі кездесулерінде Таулы Қарабахтағы, Джамму мен Кашмирдегі өңірлік жағдайлар, Солтүстік Кореяның ядролық мәселелері, Ауғанстанның ішкі ахуалы және ондағы наркотрафиктің аймаққа тигізіп отырған ықпалы үнемі күн тәртібіндегі өзекті мәселе ретінде көтерілді. Кездесу барысындағы талқылауға түскен ең маңызды сұрақтардың бірі — халықаралық терроризм мен экстремизм күні бүгінге дейін өзектілігін жоғалтқан жоқ. Бүгінгі күнде халықаралық терроризмнің белсенді қызмет ету аясы

сонау Солтүстік Африкадан Таяу және Орта Шығыс, Орталық Азия арқылы Оңтүстік-Шығыс Азияға дейінгі аралықта созылып жатқан үлкен кеңістікте терең орын теуіп отыр. Осы кеңістікте Орталық Азияның бар екенін ескерсек, оның құрамындағы Қазақстан үшін де бұл проблеманың да алатын орны ерекше. Соңғы жылдары әр түрлі экстремистік ұйымдардың Орталық Азия аймағындағы белсенділіктері артып отыр. Осындай қалыптасып отырған жағдайда аймақтағы қауіпсіздікті қалай қамтамасыз ету керек деген орынды сұрақ туындайды. Әрине, көкейге бірден Орталық Азия елдерінің бірлесе отырып, қауіпсіздіктің аймақтық жүйесін одан әрі дамыту керек деген пікір келеді. Осы жерде тағы да АӨСШК және оның қауіпсіздік жүйесінің одан әрі дамуына ықпал ету ойға оралады.

Әр түрлі деңгейдегі бірнеше кездесулер барысында АӨСШК-ның қызметіне де қатысты пікірталастар туындады. Олар мынаны көрсетті: аймақ мемлекеттері базалық құжаттардың жобасын дайындау және қызметтестіктің бағыттарын айқындау ауқымында да мұқият жұмыс істеуге бекінген.

Жаһандану қарқыны барған сайын күшейіп бара жатқан заманда, үлкен Азия өңірі елдері үшін жаһандану артықшылықтарын қолданғанда жаңа қыр көрсетулер мен қауіп-қатерлерге қарсы күрестің бірден-бір жолы қауіпсіз және тұрақты ортадағы диалог пен ынтымақтастық болып табылатындығына көз жетті.

Күн өткен сайын Азия және оны құрайтын аймақтар әлем жұртшылығының назарын соғұрлым өзіне көбірек аударуда. Азиялық проблемалардың сипаты күрт өзгерді: олар тек қана жергіліктілік болудан қалып, көріп отырғанымыздай, ғаламдық масштабқа ие болуда. Атап айтқанда, Оңтүстік Азиядағы және Таяу Шығыстағы оқиғалардың даму барысын бүгінгі таңда бүкіл әлем қаншалықты мазасыздана бақылап отырғаныны баршаға аян. Қазір бүкіл дүниежүзілік өркениеттің ахуалы көп ретте Азияның салауаттылығына тәуелді болып тұр.

Планетадағы орасан көп мемлекеттер мен халықтар шоғырланған Азия сияқты аймақтың ішкі және сыртқы келбеті алуан түрлі. Оның жер қойнауындағы байлығы мол, сонымен қатар қақтығыстар ықтималдығы да орасан зор. Аймақ елдерінің көнеден келе жатқан тарихы мен дәстүрлері, өзіндік ұлттық мүдделері мен аймақтық және әлемдік саясат проблемаларын шешу жолдарына қатысты да өз көзқарастары бар.

Азияда жекелеген мемлекеттер арасындағы аумаққа қатысты пікір алшақтығы қатайып, күн тәртібінде өткір тұр. Бұл проблема Азия елдерінің көпшілігі үшін олардағы әрқилы діни, этностық және мәдени топтар бар екендігін ескергендіктен, бір жағынан, қауіп, екінші жағынан, қатер болып табылады. Ахуалдың келеңсіз өріс алуы жағдайында бұл мемлекетаралық қатынастарда қосымша шиеленіс туындатуы мүмкін. Бұл жерде Пәкістан мен Үндістан, Израиль мен Палестина арасындағы қарама-қайшылықтарды тағы бір басып айтуға болады.

Азиядағы басқа бір проблема — қарусыздану және қару-жараққа бақылау саласында қалыптасқан ахуалда. Мемлекеттердің бір-біріне деген сенімсіздігінің орын алуы жаппай қырып-жою қаруын қоса алғанда қару-жарақтың көптеп жиналып қалуына әкеп соққалы отыр. Азияның кейбір аймақтарында қарулану жанталасының жайттері көрініс беріп, мұның өзі оған қатысушыларды қарсы тұрушылыққа итермелеуде.

Бүгінде АӨСШК өз эволюциясының жаңа кезеңіне аяқ басты. Ол қатысушы-мемлекеттер арасында нақты сенім шаралары жүзеге асырылуынан көрінеді. 2007 жылдың наурызында Бангкокте «АӨСШК сенім шараларын жүзеге асырудың кооперативті қадамдары» АӨСШК-нің аса маңызды құжаттарының бірін қарап қабылдауы, Қазақстан Республикасының сыртқы істер министрі Марат Тажинның пікірінше, «осы арқылы көпжақты ынтымақтастықты нығайтуға және каталогтың жекелеген бағыттары жөніндегі жұмыстарды айқындауға бағытталған салаларды нақты іске асыруға жасалаған қадам» [5]. Осылайша аға лауазымды тұлғалардың Бангкок басқосуы АӨСШК процесінің сапалық жаңа деңгейге көтерілгенін көрсетіп берді. Ол қатысушы-мемлекеттердің сенімді жақындату мен бекемдеудің 5 бағытындағы нақты шараларды іс жүзіне асыруынан аңғарылды.

Сенім шаралары дегенде негізінен мемлекеттер тарапынан олардың арасындағы қатерлер мен сенімсіздікті азайту, оның ішінде соғыс қатерлерін бәсеңдету бағытында қабылданып жатқан шаралар мегзеледі. Сенім шаралары тұжырымдамасының өзі «қырғи-қабақ соғыс» жылдарында кездейсоқ, яғни апаттар мен қателіктер салдарынан пайда болуы ықтимал ядролық соғыстың алдын алу мақсатында қолға алынған әрекеттерден туындаған-тын. Іс жүзінде сенім шаралары мемлекеттер арасындағы күрделі ахуалдарды оңалтатын әскери-саяси саладағы ынтымақтастық ретінде қабылданды.

Алайда АӨСШК-нің сенім шаралары дәстүрлі тұжырымдамалар аясынан кең ауқымды қамтиды. Кеңеске мүше-мемлекеттер басшылары ХХІ ғасырдағы өзара байланыстағы және өзара тәуелділіктегі сенім шаралары әлеуметтік-экономикалық мәселеде әскери-саяси өлшемдегі сияқты маңызға ие еке-

нін мойындап отыр. Сондықтан АӨСШК-нің Сенім шаралары каталогы сенім шараларын жүзеге асыратын бес өлшем бар екенін айқындайды. Олар:

- әскери-саяси;
- жаңа қауіп-қатерлерге қарсы тұру;
- экономикалық;
- экологиялық;
- гуманитарлық [6].

Азияда сауда-саттық, экономика, қоршаған ортаны қорғау, табиғат апаттарының зардаптарын жою, көлік, энергетика, мәдени алмасу, өркениеттер арасындағы және жаңа қауіп-қатерлерге қарсы үнқатысу сияқты салаларда біріккен іс-қимыл таныту үшін кең ауқымды әлеует жеткілікті.

2007 жылдың 25 қыркүйегінде болған БҰҰ Бас Ассамблеясының 62-ші сессиясындағы жалпы пікірталасқа қатысып сөйлеген сөзінде Қазақстан Республикасының Президенті, АӨСШК-нің қазіргі Төрағасы Нұрсұлтан Назарбаев былай деді: «...Азия туралы айтқанда, құрлықтық масштабтағы ұжымдық қауіпсіздіктің тетіктерін қалыптастыру тақырыбын айналып өтуге болмайды. Бұл 1992 жылы мен нақ осы мінберден жария еткен Азиядағы өзара ықпалдастық және сенім шаралары жөніндегі Кеңес шақыру туралы қазақстандық бастаманы жүзеге асырудың арқасында мүмкін болды. Бүгінде АӨСШК Азия құрлығының 90 пайыз аумағын қамтитын 18 мемлекеттің басын біріктіріп отыр. Аталған елдердің тұрғындары бүкіл Жер шары тұрғындарының жартысын құрайды. Уақыт өзінің аясында Азия мемлекеттерінің саяси үнқатысуы қарқыны күш ала түскен АӨСШК үдерістерінің қажет етіліп отырғанын айғақтап берді...» [7].

Қорыта айтқанда, Орталық Азияның басқа мемлекеттерімен салыстырып қарағанда, қазақстандық көпвекторлылықтың сыртқы саясатының негізіне мемлекеттің жоғары халықаралық мәртебесін бекітуге деген ұмтылысы жатады. Сондықтан АӨСШК бастамасының табысты іске асырылуы — Қазақстанның сыртқы саяси әлеуетін паш етуімен бірге, өңірлік және жаһандық қауіпсіздікті нығайтуға қосқан салмақты үлесінің жарқын көрінісі болып табылмақ.

Әдебиеттер тізімі

1. АӨСШК-ге мүше-мемлекеттердің өзара қатынастары принциптерінің декларациясы. АӨСШК I саммиті. Қ.Тоқаев жетекшілігімен. — Астана, 2003. — 80–87-б.
2. Алматы актісі // Егемен Қазақстан. — 2002. — 5 маус.
3. АӨСШК-ның Терроризмді аластау және өркениеттер арасындағы диалогқа жәрдемдесу туралы декларациясы // Егемен Қазақстан. — 2002. — 5 маус.
4. www.mfa.kz
5. Азия кеңесі — өңірі ахуалының айнасы // Егемен Қазақстан. — 2007. — 20 қазан.
6. *Asanov J.* Evolution of CICA. The Journal of Turkish Weekly, September 23, 2007, Ankara.
7. Хабар» агенттігінің кешкі жаңалықтарынан.

Л.К.Шотбакова,

к.и.н., доцент КарГУ им. Е.А.Букетова

О НЕКОТОРЫХ АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМАХ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

Говоря об актуальных проблемах отечественной исторической науки, нельзя не затронуть вопрос о современном состоянии источниковедения истории Казахстана. Ценность, значимость источника в познании окружающего мира, человеческого общества были известны всегда и не подвергались сомнению, если не считать приверженцев неокантианского направления, полагававших, что можно изучать историю без источника, с помощью накопленных знаний и способности человека в ходе логических размышлений восстанавливать историю человеческих обществ.

Значительно усилилась роль и значение исторического источника в исследованиях на современном этапе, поскольку существенно расширился круг проблем, интересующий ученых-гуманитариев сегодня. Это касается в первую очередь историков, поскольку современная историческая наука, в от-

личие от традиционной, занимавшейся в основном историей отдельной страны или эпохи, обращается, как правило, к глобальной истории человечества, к определению места и роли конкретной страны, региона в мировом историческом процессе. В настоящее время историки приходят к осознанию того, что изучать отдельную эпоху или отдельный регион, страну более логично в длительной исторической перспективе, опираясь на компаративные подходы. В этом случае становится очевидным, что возникновение источников имеет свою логику, они появляются и уходят с исторической арены закономерно. Поэтому возможно определение принципов и методов работы с источниками. И нередко они разрабатываются на стыке смежных гуманитарных дисциплин, гуманитарных и естественных дисциплин. Этим объясняются все более расширяющиеся взаимосвязи истории с сопредельными гуманитарными науками — социологией, антропологией, этнологией, политологией и др., что определяет меняющийся статус самой науки источниковедения. Источниковедение сегодня — это междисциплинарная наука, работающая на стыке целого ряда взаимосвязанных между собой гуманитарных наук. Это относится и к источниковедению истории Казахстана, которое нельзя рассматривать в отрыве от европейской и российской источниковедческих школ, берущих начало в XVIII–XIX вв. и имеющих глубокие исторические традиции.

Конец XX – первое десятилетие XXI вв. можно назвать временем формирования основ источниковедческой науки Казахстана, которое сопровождается переоценкой и переосмыслением материала, накопленного в советский период, усвоением огромного теоретико-методологического потенциала европейской и российской историографии и собиранием, обработкой и публикацией источников собственно по истории Казахстана.

Более десяти лет развития отечественного источниковедения выявило актуальные проблемы, стоящие перед ним. Большинство из них касается разработки теории и методологии источниковедения истории Казахстана, куда, в частности, входит определение понятий «источник» и «исторический источник», соотношение понятий «исторический факт» и «исторический источник», классификация и систематизация источников, разработка методологии и методики источниковедческих исследований.

Обращение к научному наследию прошлого позволяет проследить в ретроспективе изменение отношения к историческому источнику: от концепций позитивистов XIX в., в основе теории которых было положение «историю изучают при помощи текстов» [1], к теории неокантианцев, считавших, что главным в историческом исследовании является историк [2], и, наконец, к наиболее распространенной на протяжении XX в., как в европейской, так и в российской исторической науке, эпистемологической системе А.С.Лаппо-Данилевского, поставившего вопрос о методологии источниковедения как цельного и систематического учения. Выдвигая идею объективности гуманитарного познания, его научности, А.С.Лаппо-Данилевский определял источник как «реализованный продукт человеческой психики» [3] и в этом смысле — действительность. Это определение является отражением феноменологического подхода (классиком феноменологии заслуженно считается немецкий мыслитель Э.Гуссерль, определявший цель познания как отношение между сознанием и бытием), сложившимся в гуманитарных науках в начале XX в. и на сегодняшний день являющимся одним из наиболее используемых в европейской и российской исторической науке. Думается, его вполне обоснованно можно применить и в отношении отечественных источников, поскольку главное содержание данного определения — в обозначении культурной ценности источника. Источник определяется как достояние культуры, через который опосредованно возможно изучение прошлого народа, страны. В данном случае источниковедение изучает не просто источник, а систему отношений: человек — произведение (источник) — человек. Кроме того, новая роль и назначение источника сегодня также и в том, что он предстает «как единый объект различных гуманитарных наук при разнообразии их предметов изучения. Тем самым он создает единую основу для междисциплинарных исследований и интеграции наук, а также для сравнительно-исторического анализа» [4].

Не менее сложной и актуальной для источниковедения отечественной истории является проблема классификации исторических источников. Одной из специфик комплекса источников по истории Казахстана является то, что по значительному периоду отечественной истории (древний, частично средневековый) практически нет письменных источников местного происхождения. Отсюда возrastание роли и значения вещественных, археологических источников, образцов устного народного творчества. В отечественном источниковедении традиционно применяются типовая (типологическая) и видовая системы классификации. Типовая система классификации применяется ко всему комплексу источников, имеющемуся в распоряжении историка-исследователя, а видовая — только к письменным источникам. В отечественном источниковедении, как правило, применяется видовая классификация, которая была введена в научную и учебную литературу в советский период. Согласно ей все

письменные источники подразделяются на одиннадцать групп: летописи, актовые материалы, законодательные документы, делопроизводственная документация, статистические материалы, периодическая печать, документы личного происхождения, публицистика, политические сочинения, литературные памятники, научные труды. Сама по себе данная классификация вызывает спорное отношение. В частности, насколько правомерно выделение таких групп источников, как литературные произведения, научные труды. Можно ли их считать историческим источником в чистом виде? С какого момента научные труды перестают быть источником, т.е. предметом источниковедения, и начинают выполнять роль предмета историографии? Недостатком этой системы классификации является также то, что она не отражает всего комплекса источников, имеющихся по отечественной истории, и в то же время включает группы источников, которых нет в отечественной истории. Например, история Казахстана не может оперировать таким источником, как летописи, в то же время по довольно длительному историческому периоду историю Казахстана изучают, опираясь на шежире, место и роль которого в современной отечественной исторической науке оцениваются неоднозначно. По мнению одних исследователей, шежире представляет собой один из видов источников по древней, средневековой и новой истории казахов. Другие считают, что шежире является специфической формой устных исторических знаний, историологией, иными словами, составляет раздел историографии. В зависимости от той или иной оценки, естественно, будут различаться приемы и методы научного исследования шежире. Важность этой проблемы и в том, что по довольно большому периоду отечественной истории шежире являются, по сути, едва ли не единственным источником, свидетельством о прошлом, наряду с памятниками устного народного творчества.

Если проанализировать изданную в последние годы республиканскую учебную литературу по истории Казахстана, то в ней анализ источников дается в хронологическом порядке, по периодам отечественной истории, без применения какой-либо системы классификации и систематизации. На наш взгляд, наиболее приемлемой для сформировавшегося комплекса источников по отечественной истории является система классификации, предложенная И.Д.Ковальченко, основанная на учете трех аспектов информации: синтаксического, прагматического и семантического. Она позволяет, во-первых, учесть основные группы источников и, во-вторых, систематизировать их как по типологии, так и по видам. Синтаксический аспект учитывает формы фиксирования информации. Все источники делятся на вещественные, изобразительные, письменные и фонические, т.е. создается первый уровень их классификации. Второй уровень базируется на прагматическом аспекте информации, предполагающем единство целевого назначения, что позволяет провести деление источников (в рамках типов) на виды. Семантический аспект информации дает возможность классифицировать источники с учетом содержания. Такая классификация применяется для группировки типов и видов источников по степени их ценности для конкретной проблемы или темы [5].

Специфической группой источников по истории Казахстана, на наш взгляд, являются арабско-персидские, тюркоязычные, китайские, монгольские сочинения. Они, как правило, не посвящены специально истории Казахстана, но содержат фрагментарные сведения по истории Казахстана средневекового и нового периода. Проблема введения в научный оборот данного комплекса источников сегодня продолжает оставаться актуальной. Следует отметить, что начало изучению этих материалов было положено еще в XIX в. и продолжено в XX в. Однако целенаправленно и масштабно эта работа стала осуществляться, на наш взгляд, с середины 90-х годов XX в. Большую работу в этом направлении проводили и проводят ученые Института востоковедения Академии наук РК, которые в последние годы, в частности, в рамках реализации программы «Культурное наследие», приобрели, перевели на казахский или русский языки и издали многие из этих источников. Введение их в научный оборот, исследование во всем их многообразии и полноте требуют применения системного подхода, методов сравнительного анализа и синтеза. Изучение данной группы источников сталкивается с рядом трудностей, имеющих по большей части объективный характер: во-первых, проблема языка; во-вторых, связанная с первой проблема перевода; в-третьих, многие из этих источников не являются, как мы уже отмечали, непосредственно источниками по казахской истории, а содержат отрывочные сведения о жизни и быте, политической и военной истории Казахстана. Следовательно, встает задача вычленения необходимой информации, соотнесение этой информации с данными других источников с целью выявления достоверности и правдивости, научной ценности.

Важное место в комплексе источников по истории Казахстана занимают архивные документы. Сегодня перед историками стоит серьезная задача систематизации и введения в научный оборот большого массива архивных документов. И здесь стоит отметить такой актуальный аспект развития отечественного источниковедения, как развитие междисциплинарных связей между источниковедением и архивистикой.

Названные проблемы не отражают всей сложности развития отечественного источниковедения на современном этапе, а являются только фрагментами этой проблемы и носят, как правило, теоретический, методологический характер. Практические, прикладные задачи отечественного источниковедения вытекают из необходимости введения в научный оборот постоянно развивающегося как в количественном, так и в качественном отношении корпуса источников.

Список литературы

1. *Февр Л.* Суд совести истории и историка // Февр Л. Бои за историю. — М., 1991. — С. 11.
2. *Коллингвуд Р.Дж.* Идея истории: Автобиография. — М., 1980. — С. 265–268.
3. *Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории. — СПб., 1911–1913.
4. *Данилевская И.Н., Кабанов В.В., Медушевская О.М., Румянцева М.Ф.* Источниковедение. — М., 2000. — С. 7.
5. См.: *Голиков А.Г., Круглова Т.А.* Источниковедение отечественной истории. — М., 2000. — С. 6–7.

Ж.Д.Кусаинова,

к.и.н., доцент Казахского государственного юридического университета

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ СНГ

Содружество Независимых Государств возникло как непосредственный результат распада СССР. Процесс образования Содружества Независимых Государств был связан с появившимися многочисленными проблемами, которые возникли у новых участников международных отношений. Учредители СНГ принимают Устав в 1993 г., где закреплены основные цели данной организации — сотрудничество в политической, экономической, экологической, гуманитарной, культурной и других областях. Одной из центральных проблем, требующих скорейшего решения, было создание общего экономического пространства. С распадом единого народнохозяйственного комплекса бывшие союзные республики встали перед выбором пути экономического развития в новых условиях. Главной целью стало восстановление взаимовыгодных хозяйственных связей и развитие сотрудничества стран СНГ в формировании общего экономического пространства. Еще в 1995 г. в целях обеспечения выполнения экономических обязательств между странами в рамках СНГ был создан Экономический суд. Он должен был разрешать споры, возникающие при исполнении экономических обязательств, а также толковать положения соглашений и иных актов Содружества по экономическим вопросам.

За годы, прошедшие с момента распада СССР, различия между его бывшими республиками стали еще более существенными и заметными. Государства СНГ различаются между собой не только по размерам территории и численности населения, но и по своему экономическому потенциалу, уровню жизни населения, научно-техническому и технологическому развитию. В последние годы рельефно обозначились также социокультурные, цивилизационные различия. Различаются внешнеполитические и внутриэкономические ориентации правящих элит и лидеров СНГ. Следовательно, можно сделать вывод о том, что полномасштабная экономическая интеграция в рамках всего СНГ сегодня невозможна, но возможно осуществление интеграционных планов, в реализации которых будет принимать участие меньший состав участников. Пока именно такие организации могут обеспечить более высокий уровень взаимодействия, прежде всего в экономической области. Это, например, Таможенный союз или Евразийское экономическое сообщество. В целях эффективного решения проблем экономического взаимодействия государств Содружества были созданы такие интеграционные объединения, как ЕврАзЭС, ЦАЭС, ЕЭП (Единое экономическое пространство), функционирование которых способствует проведению согласованной экономической политики, формированию общего рынка товаров, услуг, капиталов и рабочей силы, развитию единых транспортных, энергетических, информационных систем на постсоветском пространстве.

Но создание указанных интеграционных объединений является частью более фундаментального проекта создания нового государственного геополитического образования Евразийского Союза. Данный проект был выдвинут еще в марте 1994 г. Президентом Республики Казахстан Н.А.Назарбаевым. Эта модель предполагает начало интеграционных процессов в области экономического взаимодей-

вия с постепенным переходом к полноценному межгосударственному сотрудничеству во всех остальных областях. Очевидно, что объединение потенциалов государств Содружества, экономических, интеллектуальных, энергетических, транспортных, пространственных, стратегических, людских ресурсов, слияние рынков в перспективе общеевразийской модернизации, безусловно, на наш взгляд, станет выгодным для всех участников этого процесса.

Создание СНГ имеет большое значение для организации геополитического пространства бывшего СССР. СНГ не имело целью стать чем-то унитарным или инструментом, созданным специально для интеграции. Но, опираясь на теоретические основы законов геополитики, можно оценить идею создания СНГ с позиции того, что перспективой полноценного экономического развития обладает только очень крупное, экономически интегрированное пространство. Учитывая реалии и противоречия того времени, возникает необходимость объединения близких территорий в единое целое с общей хозяйственной инфраструктурой, самодостаточным внутренним ресурсным обеспечением.

В настоящее время еще и в связи с всемирным экономическим кризисом все страны СНГ испытывают особенный кризис в экономической сфере. Это происходит в условиях, когда развитие Содружества Независимых Государств определяется двумя тенденциями. С одной стороны, происходит дальнейшее становление национальной государственности, а с другой — наблюдается тенденция к интеграции стран Содружества.

Но, как показывает накопленный опыт, СНГ как межгосударственное объединение, играет позитивную роль в правовом оформлении межгосударственных отношений входящих в него стран. И этим потенциал действия СНГ не исчерпан. Тем не менее существующая в настоящее время структура органов СНГ не позволяет реализовать имеющийся интеграционный потенциал в полном объеме. На это обращают внимание не только руководители стран Содружества, но и большая часть населения этих государств.

Опыт прошлых лет функционирования СНГ показывает необходимость перехода на новый уровень интеграции, который будет гарантировать соблюдение совместно принятых обязательств всеми государствами-участниками.

Международная практика показывает, что любое межгосударственное объединение переживает различные этапы в своем развитии, дополняется новыми формами сотрудничества. СНГ имеет существенные преимущества — высокую степень интегрированности экономики, сходные социально-политические структуры и ментальность населения, а также многонациональный состав большинства республик, общие исторические традиции.

Все это свидетельствует о необходимости сочетания процесса национально-государственного строительства с сохранением и развитием на этой основе межгосударственных интеграционных процессов. Логика истории такова, что интеграция в мировое сообщество возможна лишь совместными усилиями всех стран Содружества, использующих сформированный десятилетиями мощный интеграционный потенциал.

Сложившиеся условия показывают, что наряду с совершенствованием механизмов СНГ не следует рассматривать его как единственную форму объединения. Как показала практика, дальнейшее развитие стран СНГ сдерживается недостаточностью внутреннего потенциала каждой из них. Развитие последнего возможно только при экономической интеграции стран постсоветского пространства на новой, рыночной основе.

Современное евразийство в экономике — это применение идей к конкретной экономической ситуации в государствах Содружества. Минимальный масштаб, необходимый для полноценного экономического развития России и других стран СНГ, — это Евразия. И то, что происходит в странах СНГ, ЕврАзЭС, ЦАЭС, ЕЭП, есть активная практическая проработка евразийской модели интеграции.

Роль Казахстана на сегодняшний день является одной из центральных, так как территориальная, экономическая, культурная ситуация в стране делает весь процесс подлинно евразийским, открывает колоссальные стратегические и экономические перспективы всем участникам этого процесса. Однако именно Россия сегодня должна взять на себя политическую функцию некоего стержня евразийской интеграции, поскольку на протяжении многих столетий это государство было центром объединительного процесса, охватывавшего громадное пространство Евразии с проживающими на нем сотнями разных народов и наций [1]. Сегодня Россия, с ее политическим весом в мире, — это своего рода опора Содружества и других интеграционных объединений. Занимая лидирующее положение в реформировании экономики, обладая самым емким рынком и более устойчивой валютой, Россия оказывает решающее влияние на развитие политической и экономической ситуации в Содружестве.

Первым шагом к полноценной евразийской интеграции должно стать создание Единого экономического пространства, в котором тарифы, основные налоговые нормативы, валютно-финансовая и кредитная система должны быть приведены к общему знаменателю.

Серьезной проблемой государств стала несогласованность ценовой политики на экспортируемое сырье, негативно отражающаяся на их экономическом положении. С другой стороны, это вносит элемент нестабильности в устоявшиеся мирохозяйственные связи, вынуждает третьи страны принимать жесткие санкции. Экспорт сырья и энергоресурсов является наиболее важной статьёй доходов наших государств. В связи с этим назрела необходимость единой системы экспортной политики стран СНГ в интересах всех государств-участников, с принятием серьезных мер в случае несоблюдения какой-либо страной согласованных квот и цен.

Важным элементом обеспечения успешного проведения рыночных реформ является совершенствование национальных законодательств стран СНГ. Дальнейшая модернизация невозможна без сближения законодательных основ хозяйственной деятельности, поскольку существующие различия между ними становятся серьезным препятствием интеграционных процессов в экономике.

С учетом различия между странами в уровнях развития рыночной экономики, демократизации политических процессов рождается идея формирования дополнительной интеграционной структуры — Евразийского Союза, сочетающейся с деятельностью СНГ. При этом принимаются во внимание поливариантность интеграции, разные темпы, неоднородность и разноректорность в развитии государств СНГ. Это дает основания говорить о настоятельной потребности в формировании нового экономического порядка в СНГ. Цель — согласование экономической политики и принятие обязательных для исполнения государствами-участниками совместных программ проведения экономических реформ.

Социально-экономический кризис протекает на фоне многонационального состава населения практически всех государств СНГ. Вследствие этого в некоторых государствах СНГ вполне возможна угроза возникновения нарастания межэтнического напряжения, которая может привести не только к внутригосударственной напряженности, но и в ряде случаев перерасти в межгосударственные конфликты. Такая ситуация подорвет сам институт Содружества Независимых Государств. Следовательно, совместными усилиями необходимо разработать механизмы сдерживания, локализации и погашения конфликтов разного типа. В этом смысле опыт республики Казахстан может стать очень полезным. Опыт государственной политики в области межнациональных отношений в республике можно считать удачным. При наличии в государстве более ста тридцати национальностей здесь со времени распада СССР не наблюдалось межэтнических конфликтов.

В настоящее время все страны СНГ находятся в поисках форм государственного устройства, адекватных внутренним условиям. Но, как показывает практика, ни унитарные, ни федеративные государства СНГ не могут быть признаны в полной мере стабильными.

Решение вопросов экономической интеграции диктует необходимость создания адекватных политических институтов, обладающих достаточным объемом полномочий. Они должны включать в себя функции регулирования взаимоотношений государств в собственно политической, оборонной, правовой, экологической, культурной, образовательной сферах.

Таким образом, настало время устранения препятствий для взаимодействия на более высоком уровне и одновременном создании его инструментов.

Дальнейшее развитие интеграционных процессов, сохранение и расширение взаимовыгодных связей — это одно из условий жизнеспособности испытывавшей глубокие потрясения экономики постсоветских стран, тысячами нитей связанных между собой. И в условиях глобализации это единственная разумная стратегия развития стран Содружества, достижения ими устойчивых темпов экономического роста.

Реализация евразийской идеи сегодня — это возможность добиться единения народов и регионов Содружества. И для этого имеются объективные предпосылки: во-первых, это общее географическое пространство наших государств; во-вторых, общие исторические судьбы; в-третьих, сходные геополитические интересы; в-четвертых, сохраняющиеся экономические связи, наследие создававшегося десятилетиями единого народнохозяйственного комплекса, из которого нужно взять все положительное; в-пятых, своего рода синтез культур множества народов, населяющих постсоветское пространство, но при сохранении их национальной самобытности; в-шестых, русский язык, как язык межнационального общения, пользующийся признанием не только в Российской Федерации, но и в Содружестве Независимых Государств; и, наконец, в-седьмых, религиозная и межнациональная тер-

пимость народов Евразии, которая, несмотря на печальные события последнего десятилетия, все же составляет безусловную ценность, наше общее историческое достояние.

Евразийство сегодня — это модель равноправного сотрудничества народов, достигших высокого уровня самосознания и цивилизованности и движимых стремлением утвердить социальный и межнациональный мир и согласие народов, независимо от того, живут ли они по ту или иную сторону Уральского хребта.

И если перефразировать высказывание известного идеолога евразийской интеграции Льва Николаевича Гумилева, то можно сказать, что если государствам Содружества и суждено возродиться, то только через евразийство.

Список литературы

1. Исингарин Н. Казахстан и Содружество: проблемы экономической интеграции. — Алматы: ОФ «БИС», 2000. — 214 с.
2. Исингарин Н. 10 лет СНГ. Проблемы, поиски, решения. — Алматы: ОФ «БИС», 2001. — 400 с.

В.С.Батурин,

д. филос. н., профессор КарГУ им. Е.А.Букетова

ОСОБЕННОСТИ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА

В современную эпоху глобализации, несмотря на фундаментальные социально-экономические, научно-технологические, информационно-коммуникативные преобразования, происходящие в мире, проблемы взаимовлияния культур разных стран и народов друг на друга приобрели особую актуальность. Замалчивание, недоучет, игнорирование этих проблем, а тем более их решение в угоду интересам только отдельных, наиболее продвинутых (по сегодняшним меркам) в цивилизационном отношении стран, в социальной практике неминуемо чревато непредсказуемостью своих дальнейших негативных последствий. Ведь в данном случае все те, кто не входит в так называемый элитный состав, автоматически становятся обреченными на роль статистов в мировом историческом процессе.

Особую актуальность данные проблемы представляют собой сегодня для молодых суверенных государств, образовавшихся на постсоветском пространстве. Смена ими вектора в своем дальнейшем социально-экономическом развитии, равно как и их отказ от ряда доминировавших в условиях советского времени духовных и культурных ценностей повлекли за собой необходимость поиска совершенно иных социальных и духовно значимых ориентиров. И в этих условиях обращение именно к истокам своей собственной культуры, к своей собственной истории объективно вполне правомерно.

Ведь человек, лишенный памяти, хранящей все то, что было с ним в прошлом, становится манкуртом. Народ же, лишенный своей исторической памяти, становится поистине народом, лишенным своего собственного будущего. Ибо в этом случае в своем дальнейшем развитии, связанным с необходимостью социально-культурной трансформации всех сфер своей жизни, он, так или иначе, должен будет на что-то опираться. Но, не имея при этом критериев и ценностей, в основе которых лежал бы свой собственный менталитет, своя духовная и культурная самобытность, он будет вынужден заимствовать все это извне. А максимально, чего он сможет достичь в этом случае, ориентируясь и опираясь только на чужой опыт, — это быть вечно вторым, так как копии (по определению) никогда не суждено стать оригиналом.

Но и вольное обращение с историческим прошлым, попытки его переименования без должного научного, теоретико-методологического обоснования тоже не сулят ничего хорошего. В этом случае есть опасность другого вида. Возникающие при этом всевозможные интерпретации исторического прошлого, в угоду различного рода амбициям регионального, этнического, религиозного и иного толка, тоже весьма далеки от объективного понимания сути тех процессов, на которые всегда была так богата история. И тогда своевольное обращение со своей собственной историей превращает народ в сообщество людей с непредсказуемым прошлым. Похоже, что в той или иной мере проявления рецидива подобного отношения к своей собственной истории сегодня не удастся избежать ни одному из молодых государств, возникших на постсоветском пространстве.

Неоценимую помощь в обеспечении объективности в процессе исторического познания призвана сыграть методология. При этом под методологией следует понимать не просто совокупность различных методов, зачастую формируемую по желанию самого исследователя, которые он впоследствии старается применить в познавательном процессе. Методология — это система интеллектуальных средств, использование которых в любом виде деятельности обеспечивает получение результата, достигаемого неслучайным образом.

В отношении же исторического познания методология, в данном ее понимании, применима в двух основных контекстах.

Первый из них условно можно обозначить как стратегический. Он связан с выбором и использованием именно такого подхода, который будет с самого начала определять отношение самого исследователя к изучаемому объекту. Существующая при этом вариативность выбора предполагает, с одной стороны, опору ученого **на видение** им, в первую очередь, самой исторической **ситуации** (равно как того или иного исторического артефакта).

В этом случае при оценке значимости, ценности изучаемого, а в конечном итоге, и в теоретической трактовке его сущности велика вероятность привнесения в познавательный процесс элементов случайности. И не важно, будет ли это проявляться в виде личного или профессионального пристрастия самого ученого, зависеть от его этнической, политической, социальной религиозной принадлежности и т.д.

С другой стороны, стратегию подхода ученого может определять его отношение к объекту познания через призму **видения сущности** самого исторического **бытия** и определению места исследуемого в процессе корректного отношения к самой этой сути. К сожалению, на сегодня именно в подобном ее варианте методология оказывается менее всего востребованной в науке. И это является характерным не только лишь для одного исторического познания.

Другой контекст, в котором как раз чаще всего и подразумевается возможность применения методологии в науке в целом и в истории в частности, обусловлен необходимостью использования при этом того или иного набора научных методов.

При наличии большого количества как самих этих методов, так и сформированных на их основе различных групп каждая наука, не афишируя это, может быть, открыто, тем не менее, чаще всего приоритет отдает методам именно своей отрасли познания. Хотя уже давно существует такая дисциплина, как методология и логика научного познания. И ею определена классификация, позволяющая четко обозначить место любому методу в иерархии ему подобных. Согласно этой классификации существуют: 1) методы эмпирического познания; 2) методы эмпирического и теоретического познания; 3) методы теоретического познания; 4) методы, собственно, философского уровня познания.

Имеющиеся достижения в этой сфере позволяют сделать вывод, который, если перефразировать одно из крылатых выражений, может звучать примерно так: «Скажи, какие ты используешь методы в своем познании, и я скажу, к какому разряду абстрактности относится твоя наука».

Анализ тех методов, которые чаще всего озвучивают сами ученые-историки, ссылаясь на их использование в процессе своих исследований, позволяет сделать вывод, что в настоящее время историческая наука находится только на подступах практического освоения методов, относящихся к третьей группе, т.е. к методам действительно чисто теоретического познания.

И в этой связи открытие новых методов, пусть даже и имеющих экстраординарное звучание, но не позволяющих науке выйти на **видение** самой **сути** исторического **бытия**, вряд ли может добавить ей особого авторитета.

Амбициозные планы, вынашиваемые нашей страной с целью определения для себя достойного места среди других стран в современном мировом сообществе в условиях глобализации, сами по себе требуют от ученых объективной самооценки, относящейся не только к современному ее социально-экономическому состоянию или политико-правовому положению. Сегодня от них требуется объективно-взвешенный подход, как в оценке всего исторического прошлого своей страны, и конкретно той роли, которую оно уже сыграло в истории, так и в определении того вклада, который страна в состоянии внести в развитие человеческого сообщества в будущем.

СОСТОЯНИЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ ОСНОВЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: НЕКОТОРЫЕ ВЫВОДЫ

Продолжая тему методологии и одновременно завершая нашу дискуссию, разрешите выразить свое мнение по поводу актуальных проблем современной исторической науки. Многие со мной согласятся, что современное состояние исторической науки на постсоветском пространстве, в том числе и в Казахстане, подтолкнуло многих исследователей обратить внимание на снижение эффективности прежних методологических, концептуальных, теоретических подходов в историческом познании. В результате рассмотрения методологии и научной рациональности классического, неклассического и постнеклассического этапов в истории науки многие зарубежные, российские и казахстанские ученые пришли к выводу о том, что выходом из методологического тупика современной науки, исторической, в частности, может быть применение в научном познании современных методов постнеклассической науки.

Большинство ученых постсоветского пространства признают состояние современной исторической науки кризисным. Кризис, прежде всего, связан с разочарованием в эвристических способностях теоретико-методологического фундамента советской исторической науки. Пессимизм в отношении теории общественно-экономических формаций привел к тому, что многие историки, отечественные в том числе, перестали активно интересоваться проблемами методологии истории, что, естественно, привело к обеднению теоретических основ современной исторической науки. Многие ученые антикризисные меры связывают с ростом аналитических, обобщающих, конкретных исследований в области теории истории. Данные работы будут способствовать разворачиванию дискуссии вокруг сложившейся ситуации, что создаст в научных кругах интерес к методологическим проблемам истории.

Выход, по мнению историков, в разработке специальной методологии исторического знания, учитывающей своеобразие исторической науки. Условия: переход из сферы универсальной теории всемирно-исторического процесса к теории «среднего уровня», к сфере прикладной методологии; развивать методологию местной истории (методология, связанная с краеведением), так как происходит усиление роли регионального фактора и локальной истории в общественной жизни. Предложения ученых в целом призывают отходить от привычных стереотипов и стремиться к созданию новых научных парадигм, теорий, методов и подходов. Активная роль в этой «методологической революции» отводится историку.

Сторонники формационного подхода считают, что период от монизма к плюрализму невозможен для исторического знания, так как это приведет к утрате понимания закономерностей и социальной функции исторической науки. В цивилизационной теории, в отличие от формационной, всему комплексу форм человеческого общения придается равноправное значение. Это дает возможность перемены точки зрения на роль и значение экономических факторов в процессе исторического развития, т.е. стоит отказаться от экономического детерминизма.

Сравнительная характеристика формационной и цивилизационной теорий показала, что цивилизационная теория в определенной мере шире, чем теория общественно-экономических формаций, так как она вбирает в себя не только экономические показатели развития общества, но и политические, социальные, психологические, правовые, культурные, религиозные и другие формы человеческого общения.

Современному отечественному историку не стоит полностью отказываться от формационного подхода. Необходимо пересмотреть советский вариант марксизма, который на протяжении долгих лет был подтверждением идеологии и в какой-то степени утратил свой статус научного метода.

Современная методология науки отдает приоритет в исследованиях человеческому фактору, который выдвигает на первый план роль исторической науки. Современному историку необходимо изменить свои методологические, гносеологические принципы и ориентации, так как от этого зависит результат внедрения в историческую науку современного научного мышления. Основными составляющими такого мышления, на наш взгляд, являются признание окружающей действительности как многовариантной, способной к саморазвитию, а человека — как неотделимого объекта исследования.

Таким образом, существовавшая в советской исторической науке марксистско-ленинская методология, на наш взгляд, не является основной причиной кризиса современной исторической науки постсоветского пространства. Причина — в методологическом монополизме, который придал «за-

стывшей» марксистской теории статус единственной истины. Всем известно, что супертеории невозможны в многообразии истин. Выход видится в широком применении принципа дополнительности, который использует различные методологические основы в решении исследовательских задач.

Популярность цивилизационной теории среди историков постперестроечного времени продиктована неким разочарованием в подлинности выводов, сделанных на основе использования в исследованиях формационного подхода. Но безграничное доверие цивилизационному подходу, на наш взгляд, тоже не совсем верно. В этом можно убедиться, если практически рассмотреть оценку роли кочевых народов А.Тойнби. На наш взгляд, его оценка страдает европоцентризмом. Вывод Тойнби о том, что цивилизация номадов, в сущности, не имеет своей истории, не соответствует философии цивилизационной теории, которая придает равное значение всем цивилизациям, существовавшим и существующим на Земле.

В целом необходимо сделать вывод о том, что классическая гносеология не допускала конкуренции различных теорий — если даже допускала, то конечный результат должен был «вылиться» в безальтернативную аксиому. Современный же менталитет историков и методологов науки допускает политеоретичность и полисубъектность научного познания. Это означает равноправие и равнозначность различных теорий и подходов. В такой позиции остро нуждается историческая наука, явления которой противоречивы и всегда находятся в движении. Более того, объекты исторического исследования непредсказуемы и по этой причине не всегда вписываются в детерминируемую схему. Это значит, что применяемая методология познания должна быть нестандартной и более гибкой. Этого можно достичь посредством методологического плюрализма, означающего в широком смысле слова правомерность и необходимость существования различных направлений и школ. Для исторической науки это означает отход от методологического монополизма, который придавал марксистской теории статус законченного научного синтеза, верного при объяснении любых состояний общественного развития. Опыт показывает, что отдача приоритета одному из начал — материальному или духовному — не всегда эффективна.

УДК 903/904»636»(574.2+470.55/.58)

С.В.Захаров

Северо-Казахстанский государственный университет им. М.Козыбаева, Петропавловск

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ЭНЕОЛИТА СЕВЕРНОГО КАЗАХСТАНА

Алғашқы энеолит мәліметтері 1937–1970 жж. кездеседі. Алайда Солтүстік Қазақстанның энеолит мәдениеті жөніндегі қазіргі заманғы ұғымдар 1980–1990 жж. қалыптасты. Энеолит көпжақты сипаттама алған, сондай-ақ көне Қазақстан тарихының ерекше дәуіріне жатады. 1990–2000 жж. басында қарастырылған аумақта энеолит ескерткіштерін зерттеу төмен дәрежеде болды.

The first eneolithic materials were discovered in 1937–1970th. However, modern representations about culture of Northern Kazakhstan have been received as a result of researches of 1980th — of the beginning of 1990th. Eneolithic was emphasized as a special epoch of the most ancient history of Kazakhstan which has received the multilateral characteristic. Period of 1990–2000 was decline in study of eneolithic monument of investigated district.

Изучение энеолита является относительно молодым направлением археологической науки Казахстана. Одним из регионов активного изучения энеолитической культуры на территории нашей республики является Северный Казахстан. Цель настоящей статьи состоит в освещении истории и итогов изучения энеолитической эпохи Северного Казахстана.

Впервые материалы энеолитической эпохи на территории Северного Казахстана были собраны в 1937–1945 гг. неспециалистами (геологами, краеведами) на стоянках в Степном Притоболье (Коль, Терсек-Карагай). Эти, в своей массе бескерамические, а затем и разукомплектованные, коллекции были изучены А.Я.Брюсовым и А.А.Формозовым в 1940 – начале 1953 гг. [1; 6–16]. Однако они оперировали энеолитическими материалами, находившимися в составе смешанных и типологически ими нерасчлененных комплексов, что и определило конечные выводы. А.Я.Брюсов отрицал существование особой эпохи между неолитом и андроновской культурой, прослеживая существование пластинчатой индустрии камня вплоть до эпохи развитой бронзы. А.А.Формозов материалы стоянок Терсек-Карагай, Коль, Светлый Джаркуль, Затобольская, Саксаульская, Аксуат, Кайранколь и др. отнес к одной эпохе, характеризуя ее (в зависимости от публикации) позднеэнеолитической, энеолитической, доандроновской [2, 3]. Вместе с эпохально близкими стоянками Южного Зауралья и Оренбуржья они были объединены А.А.Формозовым в «терсек-карагайскую» культуру, противопоставленную им неолитической кельтеминарской культуре среднеазиатских пустынь [4].

Культурные реконструкции А.А.Формозова практически сразу были подвергнуты обоснованной критике В.Н.Чернецовым, как основанные на материалах, принадлежавших разным эпохам, смешанных и неоднородных [5; 56–58]. Против объединения стоянки Кысы-Куль (Южное Зауралье) вместе с притобольскими стоянками Коль и Терсек-Карагай в состав одной культуры выступил и К.В.Сальников [6; 29–30].

Впервые самостоятельный энеолитический комплекс в Северном Казахстане на основании авторских раскопок стратифицированного памятника был выделен Л.А.Чалой на материалах двухслойной стоянки Иман-Бурлук (Иман-Бурлук 1 и 2). Она проследила стратиграфическую и типологическую обособленности материалов верхнего и нижнего слоя памятника на р. Иман-Бурлук. В поисках аналогий материалам стоянки Иман-Бурлук 2 она ориентировалась, прежде всего, на синстадиальные комплексы стоянки Терсек-Карагай и поселений суртандинского типа (Кысы-Куль, Сабакты III и др.)

[7; 201], к началу 1970-х уже надежно относимых исследователями конца каменного века Южного Зауралья к эпохе энеолита или раннего металла [6; 30, 8; 57–58].

Исследования А.А.Формозова в Степном Притоболье и Л.А.Чалой в Казахском Приишимье продолжения не имели. Поэтому фактически широкомасштабные изучения энеолита в Северном Казахстане, как и создание современного представления об эпохе, связываются с деятельностью В.Ф.Зайберта, В.Н.Логвина, С.С.Калиевой и целого ряда работавших с ними археологов. Крупнейшие (и опорные) памятники были здесь открыты в конце 1970-х – начале 1980-х гг. экспедициями и отрядами под руководством В.Ф.Зайберта, С.С.Калиевой, В.Н.Логвина и ряда других археологов. Памятники локализуются в трех районах — Казахском Приишимье, Степном Притоболье и южной части Тургайской ложбины.

В 1980 г. Северо-Казахстанской археологической экспедицией (СКАЭ) под руководством В.Ф.Зайберта было открыто крупнейшее однослойное энеолитическое поселение Ботай [9]. В 1983 г. энеолитический комплекс был выделен на гетерохронном поселении Рошинское [10]. С выявлением особенностей топографии и ландшафтной приуроченности поселений Ботай и Рошинское было спрогнозировано открытие и других энеолитических памятников в Приишимье — поселений Васильковка IV, Баландино, Сергеевка, Красный Яр. Они также подверглись исследованию раскопами.

Открытие однослойных представительных памятников с мощным непотревоженным культурным слоем, давших многочисленный и разнородный археологический материал, привлекло пристальное внимание научной общественности. Руководитель СКАЭ В.Ф.Зайберт сумел привлечь к изучению открытых материалов специалистов из разных областей научного знания из крупных научных центров: Челябинска, Пушкино, Москвы, Ленинграда. Для изучения палеогеологической и палеоклиматической ситуации, существовавшей в районе поселения Ботай в эпоху энеолита, В.Ф.Зайбертом были привлечены почвовед И.В.Иванов [11] и географ Н.П.Белецкая [12].

Летом 1983 г. на базе поселения Ботай был проведен Всесоюзный полевой археологический семинар. Его участники обсудили ряд важных проблем изучения памятника [13]. Тогда же были опубликованы результаты двухлетнего исследования памятника Ботай. За 2 года было раскопано 33 жилища и получены сотни тысяч единиц находок и костных остатков животных. В.Ф.Зайбертом был поставлен вопрос о выделении новой энеолитической культуры — ботайской. К памятникам ботайского типа были отнесены поселения Кеноткель VIII, Рошинское и др. В.Ф.Зайбертом была разработана комплексная программа по системному изучению ботайской культуры. В рамках этой программы были выделены направления по изучению конкретных отраслей производства и категорий археологического комплекса ботайской культуры, а также по изучению культурно-исторических процессов. За научными сотрудниками СКАЭ были закреплены соответствующие темы кандидатских диссертаций.

Уже к 1984–1985 гг. коллективом археологов Северо-Казахстанской археологической экспедиции были достигнуты значительные успехи в изучении материалов поселения Ботай, что выразилось в серии публикаций по большинству из категорий материального комплекса поселения.

В 1984 г. были опубликованы немногочисленные данные по погребальному обряду и антропологии поселения Ботай [14]. Выявлено два варианта погребальных традиций: единичный случай коллективного захоронения на территории поселения в заброшенных жилищах в вытянутом положении, лежа на спине, с ориентировкой на юго-восток, без сопровождения керамикой и орудиями труда и единичный же случай захоронения изолированного черепа в сопровождении скопления охры и с хозяйственным инвентарем [14; 122–123, 125].

В 1984 г. впервые были опубликованы данные по ботайской керамике [15], в которых выделялось только два типа керамики: веревочная и гребенчатая. Была разработана таблица основных орнаментальных мотивов, опубликованы целые сосуды. Внимание акцентировалось на такой характерной черте орнаментации, как геометризм. В 1985 г. О.И.Мартынюком была дана более подробная классификация керамики [16]. По технике орнаментации выделялось уже четыре ее типа: 1) веревочная, 2) гребенчатая, 3) текстильная и 4) неорнаментированная. Автор выделил такие характерные черты ботайской керамики, как округлодонность, слабая профилировка тулова, отогнутый наружу, прямо срезанный либо округлый венчик. Приоритет в существовании им был отдан текстильной и гребенчатой керамике, которая затем сменяется гребенчатой, нетекстильной и веревочной.

И.Л.Чернаем исследованы текстильные отпечатки на ботайской керамике и сделан ряд выводов о технологии изготовления этой категории сосудов, а также об уровне развития ткачества у ботайцев [17]. В.И.Зайтовым каменная индустрия Ботая была охарактеризована как абсолютно отщеповая,

с господством двусторонней техники вторичной обработки на основе использования яшмоварцитового сырья [18].

В 1985 г. Т.А.Даниленко [19] опубликовала костяные орудия поселения Ботай. На основе морфологии изделий, экспериментальных работ и трасологических исследований определено функциональное их назначение, разработана типология. Публикацию получили уникальные для культур каменного века костяные изделия с гравировкой, в первую очередь фаланги лошадей [19; 47]. Коллекцию костяных предметов и индустрию кости Ботая изучала также Сандра Ольсен [20]. Однако в целом исследование костяного инвентаря ботайской культуры не было доведено до логического завершения.

А.А.Плешаковым и В.Ф.Зайбертом были исследованы рубящие орудия поселения Ботай [21]. Их типология была произведена на основе классификации, разработанной В.М.Воробьевым [22; 47]. Была выявлена устойчивая локальная традиция в изготовлении рубящих орудий, которые представлены двумя очень сходными типами — треугольными и трапециевидными в плане орудиями, являющимися, предположительно, частными вариациями одной генеральной формы. В результате трасологического изучения было уточнено функциональное назначение рубящих орудий. В целом был доказан высокий технический уровень деревообработки на поселении Ботай.

Кости с поселения Ботай анализировались Л.А.Макаровой в 1981 г. [23; 40] и Н.М.Ермоловой в 1982 г. [24]. Костные остатки лошадей с ботайских поселений Л.А.Макаровой были отнесены к домашней форме, а Н.М.Ермоловой — к дикой.

В 1985 г. В.Ф.Зайбертом были подведены итоги первого этапа изучения поселения Ботай и других памятников энеолита Северного Казахстана — Рощинское и Баландино, снова ставился вопрос о выделении ботайской культуры [13; 8–10]. Первоначально в область распространения памятников ботайской культуры В.Ф.Зайберт включал только бассейн верхнего и среднего течения р. Ишим в пределах лесостепной зоны [13; 9]. Хронологические границы существования культуры устанавливались в пределах конца IV–III тыс. до н.э. [13; 10]. Вопрос о происхождении культуры решался в русле эволюционного развития местной неолитической атбасарской культуры с элементами южных инноваций (со стороны культур Средней Азии) [13; 14–15]. Прекращение же существования ботайских памятников связывалось с процессом аридизации климата, начавшимся в конце III тыс. до н.э. [13; 15–16].

Большое внимание автором было уделено реконструкции хозяйственной жизни ботайцев [13; 11–12]. Опираясь на данные палеозоологов, В.Ф.Зайберт высказывает мысль о существовании у ботайцев производящего хозяйства в виде скотоводства и о его коневодческой специализации. Высказано было и осторожное предположение о существовании земледелия.

К задачам дальнейшего изучения ботайской культуры В.Ф.Зайберт отнес изучение хозяйственной жизни ботайцев, демографических процессов, вопросов внутреннего и внешнего обмена, социального устройства энеолитического населения, выявление динамики развития культур каменного века на территории Казахстана. В связи с близостью ботайских материалов артефактам из Притоболья, Центрального Казахстана, Южного Урала, В.Ф.Зайбертом был поставлен вопрос о существовании в рамках обширного региона большой этнографической общности, куда входили и ботайские древности [13; 12–13]. Название этой общности еще не было определено.

Продолжилось изучение остеологического материала. Кости с поселения Ботай в 1983–1986 гг. анализировались Т.Н.Нурумовым и Л.А.Макаровой [23; 40], а затем И.Е.Кузьминой [25]. Остеологический материал поселений Рощинское и Баландино определен Л.А.Макаровой и Т.Н.Нурумовым [23; 53]. Кости животных с поселения Сергеевка были определены П.А.Косинцевым и А.И.Варовым [26]. Остеологическую коллекцию с ботайских памятников в свете проблемы выделения морфологических признаков доместикиации на костях лошади изучали немецкие ученые Фриш и Бенеке [27; 21]. Все они, с разного рода оговорками, отнесли костные остатки лошадей с ботайских поселений к домашней форме. Ряд костяных изделий, происходивших с поселения Ботай, были интерпретированы как элементы примитивной конской упряжи — стержневые псалии [28]. Американец Дэвид Энтони применил оригинальную методику определения следов на зубах лошади от использования удила [29].

Тем не менее, несмотря на все усилия и достигнутые результаты, Л.А.Макарова и Т.Н.Нурумов считают, что по-прежнему актуально стоит задача «выявления доместикационных признаков, если они появились в строении отдельных костей к данному моменту ее (т.е. ботайской лошади. — С.З.) существования» [30; 147].

К 1988 г. В.И.Зайтовым при разработке темы кандидатской диссертации был подведен окончательный итог своим исследованиям каменного инвентаря ботайской культуры [31]. В 1992 г. вышла

статья В.И.Заитова, посвященная перфорированным дискам поселения Ботай [32]. В ней автор дал типологию дисковидных изделий с отверстиями, рассмотрел технологию их изготовления и варианты утилизации.

В 1993 г. А.М.Кисленко дал развернутую характеристику ботайскому домостроению [33] на основании стратиграфических и планиграфических наблюдений в процессе раскопок жилищных котлованов, а также результатов экспериментальных работ по реконструкции жилищ на поселении Ботай. Жилища реконструировались как соединенные в группы крытыми переходами полуземлянки с насыпными глиняными наземными стенами и конической бревенчатой крышей в виде ложного свода. Ранние жилища на поселении Ботай имели прямоугольную форму котлована, а ее последующее изменение в сторону округлости и многоугольности было продиктовано демографическими процессами и природно-климатическими условиями [33; 134, 136]. А.М.Кисленко провел этнографические параллели ботайским жилищам с постройками пастухов Средней Азии и Казахстана типа «шошала» и «олшек» [33; 132, 134]. Выявлено функциональное деление территории поселения Ботай на две части: береговую производственную и центральную жилую, а также «сотовый» принцип планировки поселения [33; 117].

К 1993 г. В.С.Мосиным было завершено исследование ботайской керамики [34], расширившее перечень ее характеристик.

В начале 90-х годов разрабатывалась также проблема происхождения и функционального назначения утюжков [35]. К сожалению, эта интересная работа не была завершена, как, впрочем, и решение проблемы культурных контактов ботайцев, начатое В.В.Худяковым [36].

Датирование по С-14 образцов с поселений Ботай, Красный Яр, Сергеевка и Баландино было произведено в лабораториях Оксфорда и Москвы. Опубликованные В.Ф.Зайбертом некалиброванные даты укладываются в пределах XXIX–XXI вв. до н.э., а калиброванные — в пределах XXVI–XXII вв. до н.э. [37; 153]. Калиброванные значения дат, опубликованных Marsha Levine и А.М.Кисленко в Англии, значительно старше и дифференцированы. Для поселений Ботай и Красный Яр они соответствуют XXXVII–XXXI вв. до н.э., для Сергеевки — XXX–XXV вв. до н.э., для Баландино — XXV–XXI вв. до н.э. [38; 131–134]. Такая разница в датировках пока никем не прокомментирована.

Полученные материалы и исследования сотрудников СКАЭ и привлеченных специалистов были обобщены в монографии В.Ф.Зайберта [37]. В монографии нашли отражение высказанные ранее положения, часть из них получила свое дальнейшее развитие и фундаментальное обоснование. Уточнялась хронология и разрабатывалась периодизация ботайской культуры. Время бытования ботайских памятников определялось XXVI–XXII вв. до н.э. (ботайский период) и концом III – нач. II тыс. до н.э. (постботайский период) [37; 153–156]. Происхождение культуры реконструируется на основе являющегося вариантом атбасарской культуры, как результат перехода к производящему хозяйству в условиях относительной оседлости и повышенного увлажнения климата [37; 157, 159], с элементами инноваций с юго-запада и севера в ходе опосредованных связей «через контактные зоны ботайской, суртандинской, кельтеминарской культур» [37; 158].

В.Ф.Зайбертом формулируется точка зрения о единокультурности ботайских и выделенных кустанайскими учеными в качестве самостоятельной культуры терсекских памятников [39] и необходимости их объединения в рамках одной — ботайской культуры [37; 149–151]. Ареал ботайской культуры очерчивается В.Ф.Зайбертом довольно широко и включает «территорию в пределах Приишимья-Притоболья, район Южного Зауралья, зону Павлодарского и Усть-Каменогорского левобережья Иртыша, включая, возможно, восточную часть Центрального Казахстана». Приишимские памятники (Ботай, Рошинское, Васильковка IV, Красный Яр) определяются автором как стационарные осенне-зимние поселения, а Притобольские (Соленое Озеро I, Кожай и др.) — в качестве сезонных весенне-летних стоянок [37; 143, 149]. Выделенная В.Ф.Зайбертом энеолитическая культурно-историческая общность в этой работе получает название «Урало-Иртышская» [37; 151], но территориально уравнивается с ботайской культурой.

Но в целом монография В.Ф.Зайберта была посвящена разработке модели ботайского хозяйственно-культурного типа на основе специально разработанной им схемы взаимодействия социума и экологической ниши. Автором реконструированы экологическая ниша энеолитической культуры, система многоотраслевого хозяйства ботайцев с доминантой скотоводства в виде коневодства и механизм его функционирования. Также разрабатывалась проблема устройства ботайского социума. На основе вариантов орнаментации керамики, форм котлованов жилищ, неоднородности антропологического типа населения выявляется бинарная структура ботайского этноса [37; 145–147].

Многолетний опыт работы по изучению древней истории и культуры в рамках естественно-географического региона Казахстанского Приишимья, а также масса накопленного фактического материала привели североказахстанских археологов к осознанию необходимости расширения методологического основания исследований, без чего невозможным был перевод научного знания на качественно новый уровень — уровень реконструкции механизмов материального и духовного производств. Именно поэтому В.Ф.Зайберт счел нужным обратиться к достижениям философской мысли — учению В.И.Вернадского о ноосфере и биосфере Земли [40; 3–4], которое обогатило науку осознанием тесного взаимодействия человеческого общества и природы. Аспект в изучении древнейшей культуры и истории был перенесен в область реконструкции хозяйственно-культурных типов, механизмов их функционирования, через экспериментальное изучение отдельных блоков и тем.

Материалы ботайской культуры позволили В.Ф.Зайберту предложить модель древнего социума как феномена, тесно взаимодействующего с вмещающим природным окружением — биосферой [40; 5]. В.Ф.Зайбертом были намечены и темы исследования подсистем индустриального блока древних культур региона в целом: «Истоки горного дела и камнеобработки», «История металлургии», «Гончарство», «История обработки дерева и кости», «Система жизнеобеспечения древнего человека» [40; 5, 7, 8], в которых могли быть использованы и материалы ботайской культуры. Однако последовавшие затем кризисные явления в обществе и экономике не позволили реализовать намеченную программу исследований.

В течение 1975–1980 гг., в ходе разведок отрядами экспедиций Кустанайского областного краеведческого музея, Кустанайского пединститута, были обнаружены стоянки Каинды 1–4 (В.Н.Логвин) [41], ряд пунктов на озерах Малый и Большой Аксуат в Наурузумском заповеднике (В.В.Евдокимов) [42], Аралтогай VII (В.А.Могильников) [43]. Стоянка Каинды 3 в 1975 г. была исследована В.Н.Логвиным небольшим раскопом в 12 кв. Остальные стоянки были обследованы подъемными сборами. В 1978 г. раскопана стоянка Соленое Озеро I на территории Наурузумского заповедника (В.Н.Логвин) [44], в 1979–80 гг. — стоянка Алкау II (К.С.Махмутова) [45], частично Дузбай 2 и 3 (В.Н.Логвин) [46]. В 1980 г. на левом берегу Тобола, в урочище Аксу, С.С.Калиевой исследован случайно открытый при строительных работах клад каменных орудий (клад Аксу) [47].

Полученные к началу 1980-х гг. материалы позволили В.Н.Логвину выделить в Степном Притоболье энеолитическую эпоху и дать первоначальную ее характеристику, что и было сделано им в 1981 г., опираясь на смешанные и непредставительные материалы стоянок р. Каинды (Каинды 1–4), полученные в своей массе в результате подъемных сборов [48].

В 1982 г. В.Н.Логвиным подъемными сборами исследовано местонахождение у с. Ливановка [49]. В течение 1983–1985 гг. было раскопано поселение Кожай 1 [50]. Одновременно исследовалось поселение Кумкешу 1 [1]. Оба поселения имели многочисленные остатки жилищных конструкций.

Таким образом, к 1986 г. на территории Тургайского прогиба было открыто уже около 30 памятников с материалами терсекского типа. Стационарными раскопками к этому времени были исследованы такие стоянки, как Соленое Озеро 1, Дузбай 2, 3, Бестамак, Каинды 3. «Чистыми» терсекскими комплексами считались материалы памятников Соленое озеро 1, Евгеньевка 2, Ливановка, Каинды 3, Кожай 1, Кумкешу 1, Токанбай 2 и клад Аксу [51; 58].

К этому времени В.Н.Логвиным и С.С.Калиевой была выявлена специфика топографического расположения терсекских памятников по берегам рек и озер и на малых реках, которые текут только весной, а в остальное время года их гидрологический режим сходен с режимом озер [51; 58]. Не совсем понятно почему, но в публикации 1986 г. единственным терсекским жилищем, из трех десятков изученных памятников, считаются только остатки полужемлянки на стоянке Соленое Озеро 1 [51; 58–59], хотя к этому времени уже завершилось исследование поселения Кожай I, где были вскрыты остатки пятнадцати жилищных конструкций [50; 5].

Полученные к середине 1980-х гг. материалы по энеолиту северной части Тургайского прогиба — Степного Притоболья — были обобщены в кандидатской диссертации В.Н.Логвина [39]. Исследователь выделил три этапа энеолита региона — ранний, средний, поздний энеолит, характеризующиеся материалами разного культурного облика.

К раннему энеолиту им были отнесены материалы с керамикой и пластинчатой индустрией кошкинско-боборыкинского типа [39; 14], выделенные типологически из смешанных комплексов стоянок Акау 2 и Бестамак. К среднему энеолиту — также типологически выделенные из комплекса стоянки Светлый Джаркуль — материалы шапкульского облика и смешанным отщепово-пластинчатым характером индустрии, что расценивается исследователем как свидетельство перехода местного насе-

ления от пластинчатой индустрии к отщеповой [39; 14]. Датируется средний энеолит второй половины IV – нач. III тыс. до н.э. [39; 21].

К позднему энеолиту В.Н.Логвиным отнесены материалы терсекского типа, полученные со стоянок Соленое Озеро 1, Евгеньевка 2, Дузбай 2, 3, Ливановка 1, Бестамак, Малый Аксуат, Терсек-Карагай, Коль, Кара-Мурза 9 и из клада Аксу. На основе их исследователь предложил выделить самостоятельную энеолитическую культуру — терсекскую. Охарактеризована она была на материалах стоянок Соленое Озеро 1, Евгеньевка 2, Ливановка 1 и клада Аксу, которые были признаны В.Н.Логвиным «чистыми» комплексами. Из них только материалы со стоянки Соленое Озеро 1 происходили из раскопа. На стоянках Евгеньевка 2 и Ливановка 1 они получены в результате сборов [39; 14–16]. Раскопанные к этому времени материалы поселений Кожай 1 и Кумкешу 1 для характеристики позднего энеолита привлечены В.Н.Логвиным не были, что сильно сказалось на характеристике выделяемой исследователем культуры.

До второй половины 1980-х гг. кустанайские ученые оперировали топонимом «Степное Притоболье» [39]. Однако к началу 1990-х гг. они переходят к использованию топонима «Тургайский прогиб» [1, 52] как географически более емкого. Дальнейшее изучение энеолита Тургайского прогиба основывалось преимущественно на южнотургайских материалах, давших многочисленный и оригинальный материал по керамическому производству, каменной индустрии, домостроению, хозяйству, который позволил расширить и обогатить характеристику энеолита региона. Объектом особого и самостоятельного исследования стали материалы поселений Кумкешу 1 и Кожай 1.

Основной акцент был сделан на изучение хозяйственной стороны жизни терсекцев. Вопросы домостроения также решались в тесной связи с изучением экономики энеолитического населения. Больших успехов в этом направлении кустанайским ученым позволило добиться их научное сотрудничество с палеозоологами Л.А.Макаровой, Т.Н.Нурумовым, Л.Л.Гайдученко. Определения костных остатков с поселений Соленое Озеро 1, Евгеньевка 2, Ливановка были произведены Л.А.Макаровой [23, 31, 38, 30; 124–128], Кумкешу 1 и Кожай 1 — Л.Л.Гайдученко [53, 54].

В 1989 г. Л.Л.Гайдученко, С.С.Калиева и В.Н.Логвин опубликовали две статьи, в которых сформулировали свои взгляды на хозяйство терсекской культуры [53, 55], впоследствии не претерпевшие серьезных изменений.

Для реконструкции типа хозяйства терсекского населения кустанайскими учеными использованы костные остатки в основном двух южнотургайских поселений — Кожай 1 и Кумкешу 1 [53]. К домашним видам были отнесены костные остатки лошади и быка. Установлена принадлежность быка к комолой породе. Был сформулирован вывод о скотоводческой основе хозяйства терсекского поселения [53; 78–79]. Тип скотоводческого хозяйства Л.Л.Гайдученко, С.С.Калиева и В.Н.Логвин реконструируют как кочевой в его полукочевом варианте и предполагают существование на территории Тургайского прогиба в III тыс. до н. э. кочевых маршрутов, сопоставимых «с зафиксированными здесь в исторический период» [53; 81]. Через призму кочевой интерпретации археологического материала памятников энеолита Тургайского прогиба ими (по состоянию на 1989 г.) выделено два типа поселений терсекской культуры: зимние (Соленое Озеро 1) и летние сезонные (Кумкешу 1 и Кожай 1) [53; 79–80, 55; 33].

Значительное внимание кустанайские ученые уделяли проблеме культурной атрибуции энеолитических памятников Тургайского прогиба, являвшейся для них очень актуальной, поскольку Г.Н.Матюшин и В.Ф.Зайберт стремились включить их в состав, соответственно, суртандинской и ботайской культур. В статье С.С.Калиевой [56] выявляются сходные и отличительные черты терсекских памятников в сравнении с материалами ботайского и суртандинского типов с тем, чтобы обосновать включение их в единую общность и в то же время аргументированно противостоять стремлению Г.Н.Матюшина и В.Ф.Зайберта включить тургайские памятники в состав выделенных ими ранее культур.

Обработка полевого материала с южнотургайских поселений вызвала необходимость введения его в научный оборот, обобщения, что позволяло кустанайским археологам дать развернутую характеристику разным сторонам терсекской культуры в рамках всего Тургайского прогиба. Решению этих задач была посвящена кандидатская диссертация С.С.Калиевой [52]. В диссертации даны географическое описание региона исследования, подробная характеристика материалов поселений Кожай 1 и Кумкешу 1. В характеристике терсекской культуры эти поселения становятся опорными. В работе были сведены воедино представления и гипотезы Л.Л.Гайдученко, С.С.Калиевой, В.Н.Логвина, сформулированные ими в результате обобщения полученной информации при изучении различных категорий археологического материала.

Более емкую характеристику получили домостроение, керамическое производство, орудийный комплекс, состав стада и тип хозяйства, с применением методов относительного, абсолютного датирования и сравнительно-типологического сопоставления уточнено время бытования терсекских древностей, высказаны предположения по двухступенчатой периодизации культуры, о вероятном пути эволюции терсекских материалов в андроновские. Сформулированы задачи дальнейшего изучения терсекской культуры.

Выявлены гомогенность отщеповой бифасальной каменной индустрии памятников и в то же время чрезвычайное разнообразие в формообразовании, рецептуре формовочных масс, мотивах орнаментации терсекской керамики, что объясняется С.С.Калиевой высокой степенью контактности населения в условиях кочевого скотоводства [52; 10, 13] и привлекается исследовательницей в качестве дополнительного обоснования существования кочевого типа хозяйства у терсекцев [52; 13]. В работе обосновывается двухэтапная периодизация терсекской культуры. К первому этапу С.С.Калиева относит комплексы с керамикой, орнаментированной веревочкой, ко второму — орнаментированной гребенкой [52; 15–16].

До 1998 г. не было предпринято полной публикации материалов наиболее важных энеолитических памятников Тургайской ложбины. Частичные публикации затрудняли доступ других исследователей к терсекским материалам и не позволяли им составить адекватного представления о характере терсекской культуры в целом и дать критику взглядам кустанайских археологов. Важным событием в этом отношении следует считать полную публикацию в 1998 г. С.С.Калиевой материалов одного из опорных памятников терсекской культуры — поселения Кожай 1 [50]. Часть материалов памятника (керамика, медное изделие, анализы почв, остеологический материал) получила комплексное изучение методами естественных наук (Т.М.Тепловодская, Р.А.Терещенко, Л.Л.Гайдученко), произведена типологическая обработка каменных орудий памятника. Результаты опубликованы в виде 5 приложений [50; 226–252]. В заключение публикации дана краткая характеристика поселения Кожай I и приведен ряд выводов, уже известных из более ранних публикаций, а также радиоуглеродные даты поселения Кожай 1 [50; 225].

В итоговой монографии С.С.Калиевой и В.Н.Логвиным был сведен воедино опубликованный ранее в виде статей и авторефератов весь материал их (в том числе совместно с Л.Л.Гайдученко) исследований энеолитической эпохи Тургайского прогиба [1]. Существенной эволюции взгляды кустанайских ученых в этой монографии не претерпели. Однако в нее был включен ряд новых положений, некоторые из них были уточнены, а характеристики расширены. Были включены также некоторые материалы Л.Л.Гайдученко по композитной пище и скоту поселений Кожай 1 и Кумкешу 1, получившие впоследствии и самостоятельное освещение [54, 57]. Выявлено отличие каменной индустрии южнотургайских памятников (Кожай 1, Кумкешу 1, группа памятников на реке Каинды) от остальных по сырью и керамике, сочетающей признаки, характерные для посуды соседних культур [1; 97–98].

Во второй половине 1990-х гг. палеозоолог Л.Л.Гайдученко активно разрабатывает и применяет новые методики анализа археологического материала с применением методов естественных наук. В частности, им была применена авторская методика анализа пригара на керамических сосудах. Успешное применение такой методики позволило привлечь новый вид источника для изучения проблемы не только рациона, но и характера хозяйства энеолитического населения. Она показала, что в рацион жителей поселения Кумкешу 1 входила молочная пища и злаки [57; 155, 157, 163].

Изучение энеолита Павлодарского Прииртышья следует начинать с исследования в начале 1970-х гг. Л.А.Чалой стоянок Пеньки 1 и 2 в Железинском районе Павлодарской области [58]. Материалы стоянки Пеньки 1 Л.А.Чалая синхронизировала с материалами поселения позднего неолита (по В.Ф.Старкову) Чес-Тый-Яг в низовьях Оби, что в настоящее время соответствует сосновоостровской культуре энеолита Нижнего Притобья [59; 18–19]. Керамику стоянки Пеньки 2 Л.А.Чалая отнесла к энеолитическому времени как по примесям, так и по стилю орнаментации.

В 1970-х гг. Л.Л.Гайдученко исследовал кратковременную стоянку Телектес в Лебяжинском районе Павлодарской области, в 400 м вниз по Иртышу от с. Телектес [60], содержащую и энеолитические материалы.

С 1989 г. Павлодарской археологической экспедицией изучается многослойная стоянка каменного века Шидерты 3. Энеолитический слой Шидерты 3 становится опорным памятником для изучения эпохи энеолита Павлодарского Прииртышья. В 1995 г. раскопана стоянка Кудайколь 4, содержащая и энеолитические материалы [61; 10, 12–13]. На материалах энеолитического слоя поселения Шидерты 3 В.К.Мерцем поставлен вопрос о выделении энеолитической культуры в Павлодарском Прииртышье [62].

В выделении энеолитических материалов в особую эпоху североказахстанские археологии первоначально ориентировались на такие ее признаки, которые были выявлены учеными, изучавшими эпоху раннего металла в Южном Зауралье (в силу хронологического приоритета их исследований). Однако открытие и исследование таких ярких памятников, как поселения Ботай, Красный Яр, Васильковка IV, Кожай 1 и Кумкешу 1 сделало исследование энеолита Северного Казахстана самостоятельным. И более того, именно к североказахстанским ученым перешла научная инициатива. Этому способствовала как сама динамика изучения энеолитической культуры петропавловскими и кустанайскими учеными, так и характер изучаемых ими источников. В Южном Зауралье на сегодняшний день неизвестно ни одного энеолитического памятника, который мог бы сравниться по значимости с североказахстанскими поселениями.

Материалы части энеолитических памятников были подвергнуты изучению традиционными методами: трасологии, типологии, статистико-комбинаторными, остеометрии, радиоуглеродного датирования и т.п. Новые методики были применены в основном для поиска дополнительных доказательств скотоводческого характера хозяйства терсекцев и ботайцев. К их числу относится анализ пригара на керамической посуде, выявление следов применения удил, анализ ростовых слоев цемента на корнях зубов. Произведено дистанционное исследование поселений Ботай, Красный Яр и Васильковка IV методом геомагнитной съемки. Специалистами (Э.Ф.Кузнецова, Т.М.Тепловодская) дана представительная характеристика рецептур формовочных масс керамики крупнейших терсекских памятников — Кумкешу 1 и Кожай 1. Состав теста небольшой коллекции ботайской керамики исследован Г.М.Ковнурко.

Основной акцент в изучении энеолитической культуры Северного Казахстана был сделан на изучение хозяйственной стороны жизни ботайцев и терсекцев. Больших успехов в изучении хозяйства североказахстанским ученым позволило добиться их научное сотрудничество с палеозоологами. С.С.Калиева и В.Н.Логвин преимущественное внимание уделяли скотоводству. Характер хозяйства ими исследовался в тесном сотрудничестве с палеозоологом Л.Л.Гайдученко. Вопросы домостроения кустанайскими учеными решались в непосредственной связи с изучением экономики энеолитического населения. Остальные сферы жизни общества и экономики удовлетворительного освещения не получили. В.Ф.Зайбертом, в силу его стремления реконструировать функционирование ботайского социума как системы, рассмотрены такие ее подсистемы, как экологическая ниша, палеоэкономическая структура, элементы социального устройства и духовного мира. В целом для исследований В.Ф.Зайберта древней истории Северного Казахстана (и энеолита, в частности) характерен интерес к вопросам культурогенеза, которые он рассматривает в рамках адаптации населения к вмещающей экологической нише.

В ходе исследования энеолитической культуры Северного Казахстана создано несколько вариантов реконструкции энеолитических жилищ. Высказаны точки зрения на хронологическое соотношение гребенчатой и веревочной техник орнаментации. На поселениях Ботай и Шидерты 3 получены немногочисленные данные по погребальной обрядности. В.Н.Логвиным высказано предположение о влиянии на экономику терсекского населения энеолита степей Восточной Европы. В.Ф.Зайберт предпочитает говорить о контактах степного населения с южным и северным. Абсолютная датировка энеолита, установленная в рамках III тыс., опирается на ряд независимых радиоуглеродных датировок. Однако даты из Оксфордской лаборатории удревняют эпоху до IV тыс. до н.э.

На исследования энеолита Северного Казахстана влиял субъективный фактор, а именно характер взаимоотношений, сложившийся между В.Ф.Зайбертом, с одной стороны, и С.С.Калиевой и В.Н.Логвиным — с другой. Это породило разобщенность в изучении памятников энеолита и сформировало полемику по ключевым вопросам. Первое мы считаем негативным последствием, а второе — фактором, стимулирующим процесс научного познания. Как известно, в споре рождается истина.

Общим недостатком для исследования североказахстанского энеолита являлась задержка в публикации материалов изученных памятников. Клад Аксу был опубликован спустя 8 лет после его открытия, материалы поселений Кумкешу 1 и Кожай 1 были введены в научный оборот частично через 5–6 лет. По Кожай 1 материалы полностью опубликованы только в 1998 г., т.е. через 13 лет, материалы местонахождения у с. Ливановка — через 6 лет. Это напрямую отразилось на облике терсекской культуры, который подвергся «перелицеванию». Общая характеристика материалов поселений Роцинское, Баландино, Сергеевка была дана в широкой печати только в 1990 г.

Кризис 1990-х гг. резко сократил, а подчас и вовсе прекратил полевые исследования энеолитических памятников Северного Казахстана. По сути дела, нет сведений о раскопках памятников энеолита кустанайскими учеными, начиная с 1989 г. (последним было сообщение о материалах Каинды 3 на

Маргулановских чтениях в 1992 г.). В 1990-е гг. происходила публикация ранее полученных материалов. Общее количество исследованных памятников не изменилось. С.С.Калиева и В.Н.Логвин выехали в Российскую Федерацию и проводят археологические исследования на ее территории.

Раскопки поселений Ботай, Красный Яр, Васильковка IV прекратились в 1994 г. Вместе с тем в 1990–2000-х гг. к изучению ботайских поселений были привлечены зарубежные специалисты. Было произведено дистанционное исследование поселений Ботай, Красный Яр, Васильковка IV геомагнитным методом. В английских лабораториях был проведен анализ пригоров на керамических сосудах с целью выявления жировых следов молочных продуктов. В 2004 г. В.Ф.Зайбертом было возобновлено стационарное исследование поселения Ботай. Основные результаты двухлетнего комплексного изучения и сохранения поселения Ботай вместе со статистико-типологическим анализом инвентаря были опубликованы в 2007 г. [27]. Однако на исследованиях сильно сказывается нестабильность их финансирования.

Таким образом, современные представления об энеолитической культуре Северного Казахстана, несмотря на открытие первых ее материалов в 1937–1945 гг., были сформированы в результате исследований 1980-х – начала 1990-х гг., проводимых В.Ф.Зайбертом, С.С.Калиевой, В.Н.Логвиным, В.К.Мерцем. Энеолит выделен в особую эпоху древнейшей истории Казахстана, которая получила многостороннюю характеристику. Важным достижением явилось доказательство существования в этот период на территории Северного Казахстана комплексного многоотраслевого хозяйства с доминантой скотоводства. Период 1990-х – начала 2000-х гг. характеризуется спадом в изучении энеолитических памятников исследуемого региона, которое нуждается в государственной поддержке.

Список литературы

1. Калиева С.С., Логвин В.Н. Скотоводы Тургая в третьем тысячелетии до нашей эры. — Костанай, 1997. — 179 с.
2. Формозов А.А. Энеолитические стоянки Кустанайской области и их связь с ландшафтом // Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода. — М., 1950. — № 15. — С. 64–75.
3. Формозов А.А. Доандроновское погребение в Казахстане // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. — 1956. — Вып. 63. — С. 153–155.
4. Формозов А.А. Археологические памятники в районе Орска // Краткие сообщения Института истории материальной культуры, 1951. — Вып. 36. — С. 115–121.
5. Чернецов В.Н. Древняя история Нижнего Приобья // Материалы и исследования по археологии, 1953. — № 35. — 359 с.
6. Сальников К.В. Южный Урал в эпоху неолита и ранней бронзы // Археология и этнография Башкирии, 1962. — Т. 1. — С. 16–58.
7. Чалая Л.А. Позднеэнеолитический инвентарь и хозяйство стоянки Иман-Бурлук // Археологические исследования в Казахстане. — Алма-Ата: Наука, 1973. — С. 188–203.
8. Матюшин Г.Н. К проблеме энеолита Южного Урала // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. — Томск: Изд-во Томского университета, 1970. — С. 52–68.
9. Зайберт В.Ф. Исследования в Северном Казахстане // Археологические открытия-1980. — М., 1981. — С. 435–436.
10. Кисленко А.М. Раскопки поселения Рощинское // Археологические открытия-1983. — М., 1984. — С. 511.
11. Иванов И.В. Особенности изучения природных условий степной зоны в голоцене // Известия Академии наук СССР / Сер. геогр. Вып. 2. — М., 1983. — С. 17–24.
12. Белецкая Н.П. О геоморфологии Северо-Казахстанской области // Вопросы региональной географии Казахстана. — Алма-Ата: Изд-во КазПИ, 1983. — С. 59–63.
13. Зайберт В.Ф. Поселение Ботай и задачи исследования энеолита Северного Казахстана // Энеолит и бронзовый век Урало-Иртышского междуречья: Межвуз. сб. — Челябинск, 1985. — С. 3–17.
14. Рыкушина Г.В., Зайберт В.Ф. Предварительные сообщения о скелетных остатках людей с энеолитического поселения Ботай // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. — Челябинск, 1984. — С. 121–136.
15. Зайберт В.Ф., Мартынюк О.И. Керамические комплексы энеолитического поселения Ботай // Краткие сообщения Института археологии, 1984. — Вып. 177. — С. 81–90.
16. Мартынюк О.И. Керамика поселения Ботай // Энеолит и бронзовый век Урало-Иртышского междуречья: Межвуз. сб. — Челябинск, 1985. — С. 59–72.
17. Чернай И.Л. Текстильное дело и керамика по материалам из памятников энеолита-бронзы Южного Зауралья и Северного Казахстана // Энеолит и бронзовый век Урало-Иртышского междуречья: Межвуз. сб. — Челябинск, 1985. — С. 93–109.
18. Заитов В.И. Характеристика каменных орудий поселения Ботай // Энеолит и бронзовый век Урало-Иртышского междуречья: Межвуз. сб. — Челябинск, 1985. — С. 17–33.
19. Даниленко Т.А. Костяной инвентарь поселения Ботай // Энеолит и бронзовый век Урало-Иртышского междуречья: Межвуз. сб. — Челябинск, 1985. — С. 34–47.
20. Sandra O. A Model for Incipient Horse Domestication Based on the Eneolithic Botai Culture and Modern Kazak Pastoralism. Paper delivered at the 62nd Annual Conference of the Society for American Archaeology, Nashville, 1997. — 147 p.

21. Плешаков А.А., Зайберт В.Ф. Рубящие орудия поселения Ботай // Энеолит и бронзовый век Урало-Иртышского междуречья: Межвуз. сб. — Челябинск, 1985. — С. 48–59.
22. Воробьев В.М. Некоторые вопросы изучения мезолитических рубящих орудий // Советская археология. — 1979. — № 3. — С. 35–47.
23. Ахинжанов С.М., Макарова Л.А., Нурумов Т.Н. К истории скотоводства и охоты в Казахстане (по остеологическому материалу из археологических памятников энеолита и бронзы). — Алма-Ата: Ғылым, 1992. — 218 с.
24. Ермолова Н.М. Остатки млекопитающих из поселения Ботай (по раскопкам 1982 г.) // Проблемы реконструкции хозяйства и технологий по данным археологии: Сб. науч. тр. — Петропавловск, 1993. — С. 87–89.
25. Кузьмина И.Е. Лошади Ботая // Проблемы реконструкции хозяйства и технологий по данным археологии: Сб. науч. тр. — Петропавловск, 1993. — С. 178–188.
26. Косинцев П.А., Варов А.И. Костные остатки из поселения предандроновского времени Сергеевка // Проблемы реконструкции хозяйства и технологий по данным археологии. — Петропавловск, 1993. — С. 153–165.
27. Зайберт В.Ф., Тюлебаев А.Ж., Задорожный А.В., Кулаков Ю.В. Тайны древней степи (Исследования поселения Ботай в 2004–2006 гг.). — Кокшетау: Издат. центр Кокшетауского университета, 2007. — 163 с.
28. Зайберт В.Ф., Даниленко Т.А., Горбунов В.С. К вопросу о реконструкции элементов конской сбруи по материалам энеолита-бронзы Урало-Казахстанской лесостепи // Археология Волго-Уральских степей. — Челябинск, 1990. — С. 61–65.
29. Anthony D., Brown D. Bit Wear, Horseback Riding and the Botai Site in Kazakstan // Journal of Archaeological Science. — New York, 1998. — 25 (4). — P. 331–347.
30. Макарова Л. А., Нурумов Т.Н. К проблеме коневодства в неолите-энеолите Казахстана // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. — Алма-Ата: Наука, 1989. — С. 122–149.
31. Заитов В.И. Развитие каменной индустрии в эпоху неолита-энеолита на территории Северного Казахстана: Автореф. дис... канд. ист. наук. — Л., 1988. — 26 с.
32. Заитов В.И. Каменные перфорированные диски поселения Ботай // Российская археология. — 1992. — № 2. — С. 136–146.
33. Кисленко А.М. Опыт реконструкции энеолитического жилища // Проблемы реконструкции хозяйства и технологий по данным археологии. — Петропавловск, 1993. — С. 117–137.
34. Мосин В.С. Энеолитическая керамика Северного Казахстана и Южного Зауралья: Автореф. дис... канд. ист. наук. — СПб., 1993. — 23 с.
35. Тетюхин Е.Е. О так называемых «утюжках» // Маргулановские чтения. Тезисы. — Петропавловск, 1992. — С. 42–43.
36. Худяков В.В. К проблеме взаимодействия энеолитических племен Казахстанского и Урало-Поволжского регионов // Маргулановские чтения. Тезисы. — Петропавловск, 1992. — С. 46–48.
37. Зайберт В.Ф. Энеолит Урало-Иртышского междуречья. — Петропавловск, 1993. — 246 с.
38. Levine M., Kislenco A. New Eneolithic and Early Bronze Age Radiocarbon Dates for North Kazakhstan and South Siberia. In the book: Katie Boyle, Colin Renfrew & Marsha Levine. Ancient Interactions: East and West in Eurasia. Cambridge: McDonald Institute Monographs, 2002. — P. 131–134.
39. Логвин В.Н. Неолит и энеолит степного Притоболья: Автореф. дис... канд. ист. наук. — М., 1986. — 26 с.
40. Зайберт В.Ф. Основные направления и принципы палеомоделирования хозяйственных и производственных систем древности // Проблемы реконструкции хозяйства и технологий по данным археологии. — Петропавловск, 1993. — С. 3–9.
41. Логвин В.Н. Работы Тургайского музея // Археологические открытия-1975. — М.: Наука, 1976. — С. 521–522.
42. Евдокимов В.В. Раскопки в Кустанайской области // Археологические открытия-1976. — М.: Наука, 1977. — С. 510.
43. Могильников В.А. Разведка по Иргизу и Тургаю // Археологические открытия-1979. — М.: Наука, 1980. — С. 437–438.
44. Логвин В.Н. Работы в Наурзумском заповеднике // Археологические открытия-1978. — М.: Наука, 1979. — С. 537–538.
45. Махмутова К.С. Разведочные работы на Тоболе // Археологические открытия-1979. — М.: Наука, 1980. — С. 436–437.
46. Логвин В.Н. Работы Тургайской экспедиции // Археологические открытия-1980. — М.: Наука, 1981. — С. 439–440.
47. Калиева С.С. Клад Аксу в Степном Притоболье // Советская археология. — 1988. — № 3. — С. 240–243.
48. Логвин В.Н. Энеолитические памятники р. Каинды // Вопросы археологии Урала. — Свердловск, 1981. — С. 74–77.
49. Логвин В.Н. Энеолитические находки у села Ливановка // Советская археология. — 1988. — № 4. — С. 232–234.
50. Калиева С.С. Поселение Кожай I. — Алматы: Институт археологии им. А.Маргулана, 1998. — 255 с.
51. Логвин В.Н., Калиева С.С. Терсекские памятники Тургайского прогиба // Древние культуры Северного Прикаспия. — Куйбышев, 1986. — С. 57–80.
52. Калиева С.С. Энеолит Тургайского прогиба: Автореф. дис... канд. ист. наук. — Л., 1990. — 18 с.
53. Логвин В. Н., Калиева С.С., Гайдученко Л.Л. О номадизме в степях Казахстана в III тыс. до н. э. // Маргулановские чтения. Материалы конф. — Алма-Ата, 1989. — С. 78–81.
54. Гайдученко Л.Л. Домашняя лошадь и крупный рогатый скот поселения Кожай I // Калиева С.С. Поселение Кожай I. Приложение 5. — Алматы: Институт археологии им. А.Маргулана, 1998. — С. 234–254.
55. Гайдученко Л.Л., Калиева С.С., Логвин В.Н. О хозяйстве энеолитического населения Тургайского прогиба // Вопросы археологии Центрального и Северного Казахстана. — Караганда: Изд. КарГУ, 1989. — С. 27–33.
56. Калиева С.С. К проблеме культурной атрибутации энеолитических памятников Тургай III тыс. до н.э. // Маргулановские чтения. 1990 г.: Сб. материалов конф. — Ч. I. — М., 1992. — С. 54–59.
57. Гайдученко Л.Л. Композитная пища и освоение пищевых ресурсов населением Урало-Казахстанских степей в эпоху неолита-бронзы // Археологический источник и моделирование древних технологий: Тр. музея-заповедника Аркаим/Спецприрод.-ландшафт. и ист.-археол. центр «Аркаим», Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук. — Челябинск, 2000. — С. 150–169.

58. Чалая Л.А. Озерные стоянки Павлодарской области. Пеньки 1, 2 // Поиски и раскопки в Казахстане. — Алма-Ата: Изд-во «Наука» Казахской ССР, 1972. — С. 163–181.
59. Шорин А.Ф. Энеолитические культуры Урала и сопредельных территорий: Учеб. пособие к спецкурсу. — Екатеринбург: Банк культурной информации, 1999. — 92 с.
60. Гайдученко Л.Л. Неолитическая стоянка Телектес в Павлодарской области // Советская археология. — 1979. — № 2. — С. 235–239.
61. Мерц В.К. Некоторые итоги и перспективы изучения археологических памятников Павлодарского Прииртышья // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья. — Павлодар, 2002. — С. 5–20.
62. Мерц В.К. Погребение каменного века и энеолитический комплекс стоянки Шидерты 3 // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья. — Павлодар, 2002. — С. 75–102.

УДК 903/904(574.3)

А.З.Бейсенов

Институт археологии им. А.Х.Маргулана, Алматы

ИССЛЕДОВАНИЕ ПОСЕЛЕНИЙ — НОВОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В АРХЕОЛОГИИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ЦЕНТРАЛЬНОГО КАЗАХСТАНА

Мақалада Орталық Қазақстан өңірінде табылған ерте темір дәуірі қоныстарының зерттеу деректері кейбір этнографиялық сауалдармен байланыстырыла қарастырылған. Бұл өлкеде қазіргі таңда барлығы 30-дан астам қоныс табылып, оның арасында 9 ескерткіште автордың тарапынан қазба жұмыстары жүргізілген. Ғылыми деректемелерге қарағанда, бұл көлемі шағын елді мекендер жергілікті тұрғындардың ерте темір дәуірінің бас кезінде өзгеріске ұшыраған жаңа табиғи-климаттық жағдайларға бейімделуі барысында қалыптасқан.

The results of researching of settlements of the region of Central Kazakhstan which dated back to the Early Iron Age are reflected in the article and some ethnographic comparisons are given in the contribution. Totally there were over 30 settlements discovered in the region, 9 of them were excavated out by the author. According to the scientific assumption, small researching settlements were existed during the period of adaptation of the population to a new climatic condition, which changed in this time to the cold snaps and increasing of deposits.

Центральный Казахстан — один из регионов, где различные памятники раннего железного века распространены в большом количестве. Научными исследованиями эти памятники объединены в рамках тасмолинской археологической культуры. Тасмолинцев относят к кругу сакских племен, обитавших в древности на территории современного Казахстана, а также за его пределами. У тасмолинцев, в силу этнокультурной близости и схожего образа жизни, было много общего с сакскими племенами других регионов Казахстана, а также Алтая и Южного Урала.

Планомерное исследование памятников раннего железного века Центрального Казахстана началось в послевоенные годы. В конце 1940-х и в 1950-е гг. XX в. А.Х.Маргуланом и М.К.Кадырбаевым были получены первые серийные материалы по раннему железному веку. Затем М.К.Кадырбаев, с 1957 г. возглавивший отдельный отряд по изучению раннего железного века в составе Центрально-Казахстанской экспедиции, в течение 1959–1963 гг. провел раскопки погребений в могильниках Тасмола, Карамурын, Нурманбет на реке Шидерты. И после этого им проводились раскопки курганов в разных районах Центрального Казахстана, но именно шидертинские материалы определили итоговые положения работ тех лет.

На Шидерты были получены комплексы великолепных бронзовых изделий — предметы вооружения, конской сбруи, украшения и др. После раскопок на р. Шидерты были сформулированы и опубликованы основные выводы по тасмолинской культуре. Материалы тех лет на многие годы стали первостепенными источниками по раннему железному веку Центрального Казахстана [1].

В дальнейшем в ряде публикаций приводились новые материалы, делались обобщения, освещались различные аспекты археологии раннего железного века региона [2–11].

В результате многолетних исследований по раннему железному веку Центрального Казахстана накоплен солидный круг источников, на основании которых проводятся современные научные разработки. Следует отметить основные направления исследований по раннему железному веку региона.

С самого начала изучения тасмолинских древностей в течение многих десятилетий сложилось одно ведущее направление — раскопки и исследование курганов. По тасмолинским курганам исследователи выделяли 2 категории сооружений: 1) курганы, возведенные над погребением человека; 2) так называемые курганы с «усами». Первый вид относился к *погребальным сооружениям*, а второй — к *сооружениям культово-ритуального назначения*. Обе разновидности тасмолинских памятников неплохо отражены в существующей научной литературе. В целом исследование раннего железного века региона всегда являлось частью общей евразийской скифологии, многие вопросы, как общего характера, так и ряд локальных аспектов, изучались в русле общеметодологических подходов.

После более чем полувекового изучения погребальных и культово-ритуальных памятников в археологии раннего железного века Центрального Казахстана начало складываться новое направление — это открытие и изучение поселенческих объектов.

Начиная с 2000 г. Сарыаркинской экспедицией (руководитель А.З.Бейсенов) Института археологии им. А.Х.Маргулана на территории Центрального Казахстана открыто несколько десятков памятников, относимых к категории поселений эпохи раннего железа. В административном отношении памятники расположены на территории Карагандинской (Каркаралинский, Актогайский районы), Павлодарской (Баянаульский, Екибастузский районы), Восточно-Казахстанской (бывший Абралинский район) областей.

Отметим, что по данному ареалу основные работы по изучению поселений раннего железного века [12–14] были сосредоточены на территории Карагандинской области. Здесь к настоящему моменту зафиксировано не менее 30 памятников данной категории.

Начиная с 2001 г. Сарыаркинской экспедицией Института археологии им. А.Х.Маргулана проводились раскопки на 9 поселениях Центрального Казахстана, давших материалы раннего железного века. В том числе 8 поселений (раскопки А.З.Бейсенова) изучены в Карагандинской области (6 находятся на территории Каркаралинского района, 2 — Актогайского), 1 поселение (Шидертинское-2) исследовано совместно с Павлодарской археологической экспедицией (В.К.Мерц) в Екибастузском районе Павлодарской области, на реке Шидерты.

Помимо работ экспедиции Института археологии, один памятник открыт и исследован в Карагандинской области археологами КарГУ им. Е.А.Букетова. Это поселение Кыштан, расположенное в ущелье Кызылкеныш в Каркаралинском районе. Памятник был открыт в 2004 г., в 2005 г. здесь М.В.Бедельбаевой и В.В.Варфоломеевым были проведены раскопочные работы [15].

Поселения раннего железного века исследуются также на территории Акмолинской области. В ходе работ Ишимской экспедиции ЕНУ им. Л.Н.Гумилева (г. Астана) на территории Акмолинской области на берегах р. Силеты К.А.Акишевым и М.К.Хабдулиной исследовано 2 поселения — Таскора и Таскора-1 [16].

Все поселения указанных районов географически расположены на территории Казахского мелкосопочника и входят в один ареал. Судя по количеству выявленных памятников, эти поселения распространены в мелкосопочнике широко, и число новых открываемых объектов ежегодно растет.

Рассмотрим некоторые особенности поселений, открытых и изученных Сарыаркинской экспедицией Института археологии им. А.Х.Маргулана.

Поселения раннего железного века *топографически* тяготеют к склонам возвышенностей. Выбирались восточные, юго-восточные освещенные стороны, нередко здесь и ныне имеются небольшие родники, часто обнаруживаются высохшие русла. Вместе с тем в ряде случаев убедительные следы русел не выявляются. Жилища «придвинуты» тыльной стороной к верху возвышенности, а входы их ориентированы вниз, в восточную сторону. Такая картина уже на месте наводит на мысль, что жители поселений укрывались от западных ветров, господствующих в Центральном Казахстане, а также избегали интенсивного снежного покрова, который не залеживается именно на склонах.

Для поселений характерна *малая площадь*. Самое крупное из них, поселение Сарыбуйрат, имеет площадь до 9000–10000 кв. м. На многих из них имеется всего 2–3 небольших округлых, овальных строений, и такой поселок занимает гораздо меньшую площадь. Основания стен каменные. Внешние стены мощнее, чем внутренние перегородки, и образуются двумя рядами плашмя положенных или вертикально вкопанных крупных камней, пространство между которыми заполняется бутовым материалом. Нередко основания стен образованы мощными валунами, высокими и широкими плитами высотой 0,5–1 м на дневной поверхности. Иногда поселения создают впечатления сооружений более позднего времени, в частности, они похожи на разрушенные казахские зимовки. Постройки носят

наземный характер, поэтому многие особенности планировки обычно довольно хорошо «читаются» еще до раскопок.

По местонахождению памятники тяготеют к местам традиционного расположения казахских зимников XIX – нач. XX вв. В практике полевых исследований близкое расположение развалов казахских зимовок — частое явление. Шурф на одном поселении (Карпык-1) выявил верхний казахский слой с фрагментом чугунного казана, ниже которого залегал древний слой с керамикой и каменной мотыгой. На ряде раскопанных памятников в дерновом слое встречены разные изделия казахского времени (Керегетас-2 — обломки стеклянной посуды, Сарыбуйрат — фрагмент железной подковы, обломок медного таза, Едирей-3 — обломки изготовленных кузнечным способом медных изделий, в числе которых фрагмент ведра, и т.д.). Близкое нахождение казахских строений повлияло на степень сохранности поселений. Согласно раскопочным данным и внешнему наблюдению следы интенсивной выборки камней имеют все без исключения памятники.

Жилища являются наземными, без значительного углубления в землю. Мощность культурного слоя невелика. Округлые, овальные, подпрямоугольные жилые помещения в *планиграфическом* отношении окружены разными пристройками, коридорами и др. Условно это называется «усадебной планировкой». Керамики мало по сравнению с поселениями поздней бронзы, в числе находок многочисленные каменные орудия, бронзовый нож раннесакского типа (Сарыбуйрат), керамическая литейная форма для ножа (Шидертинское-2).

К настоящему моменту в наиболее полном виде исследованы *керамические комплексы* из 5 поселений раннего железного века Центрального Казахстана. Это поселения Сарыбуйрат, Кызылсуир-2, Керегетас-2, Едирей-1, Едирей-3. Административно все они находятся на территории одного Каркарлинского района Карагандинской области.

Керамика составляет самую многочисленную категорию находок. Следует особо отметить, что керамические материалы, полученные из раскопок указанных поселений, были изучены благодаря совместной работе с коллегами из КарГУ. В Сарыаркинском археологическом Институте при КарГУ им. Е.А.Букетова плодотворную работу ведет керамологическая лаборатория В.Г.Ломана — видного археолога Казахстана, одного из малочисленных специалистов в области исследования технологии древней керамики. Являясь учеником школы А.А.Бобринского (г. Москва), в настоящее время В.Г.Ломан ведет работу по изучению технико-технологических особенностей древней керамики Центрального Казахстана. Им разработаны и описаны методико-методологические аспекты изучения технологических особенностей керамики бронзового века региона, выявлены конкретные нормативы и приемы в содержании и конструировании сосудов нуринской, атасуской, бегазы-дандыбаевской культур. В настоящее время ведется разработка технологических особенностей керамики донгальского (переходного) этапа и раннего железного века Центрального Казахстана.

Заметим, что керамика указанных 5 поселений раннего железного века Центрального Казахстана обладает поразительным сходством, что позволяет считать ее практически одновременной и дает возможность рассмотреть ее как единый комплекс, с целью выделения общих признаков. На основании особенностей керамических комплексов предложена датировка раскопанных поселений в рамках VII–VI (VII–V) вв. до н.э.

В настоящее время, таким образом, становится известной первая характеристика поселенческого керамического комплекса раннесакского времени региона. Образцы этой посуды представлены на рисунках 1, 2.

Общее количество изученных сосудов, подсчитанное по фрагментам с венчиками, составляет не менее 355 экземпляров. По форме тулова сосуды делятся на три категории: горшки (28,2 %, рис.1: 1–10), банки (27 %, рис. 2: 1–6) и чашки (невысокие сосуды с диаметром устья 5–7 см — 3,9 %, рис. 2: 7–11).

Форма 40,6 % сосудов оказалась неопределимой из-за незначительной площади фрагментов.

Некоторые сосуды, в основном банки, имели дополнительные детали функционального назначения — петлеобразные ушки, плоские горизонтальные ручки, трубчатые носики, сливы (рис.2: 12–15). Орнаментировано около одной трети посуды. Из этого количества сосуды украшались по большей части горизонтальным рядом глубоких ямок (39,7 %), «жемчужин» (26,2 %) или пальцевых вдавлений (16,6 %). Имеются очень редкие элементы орнамента, которые встречаются единично на каждом памятнике: горизонтальные однорядовые и многорядовые зигзаги, вертикальные и горизонтальные отпечатки гладкого и гребенчатого штампа, треугольные, прямоугольные и овальные вдавления, валики, «пиктограмма», «солнце».

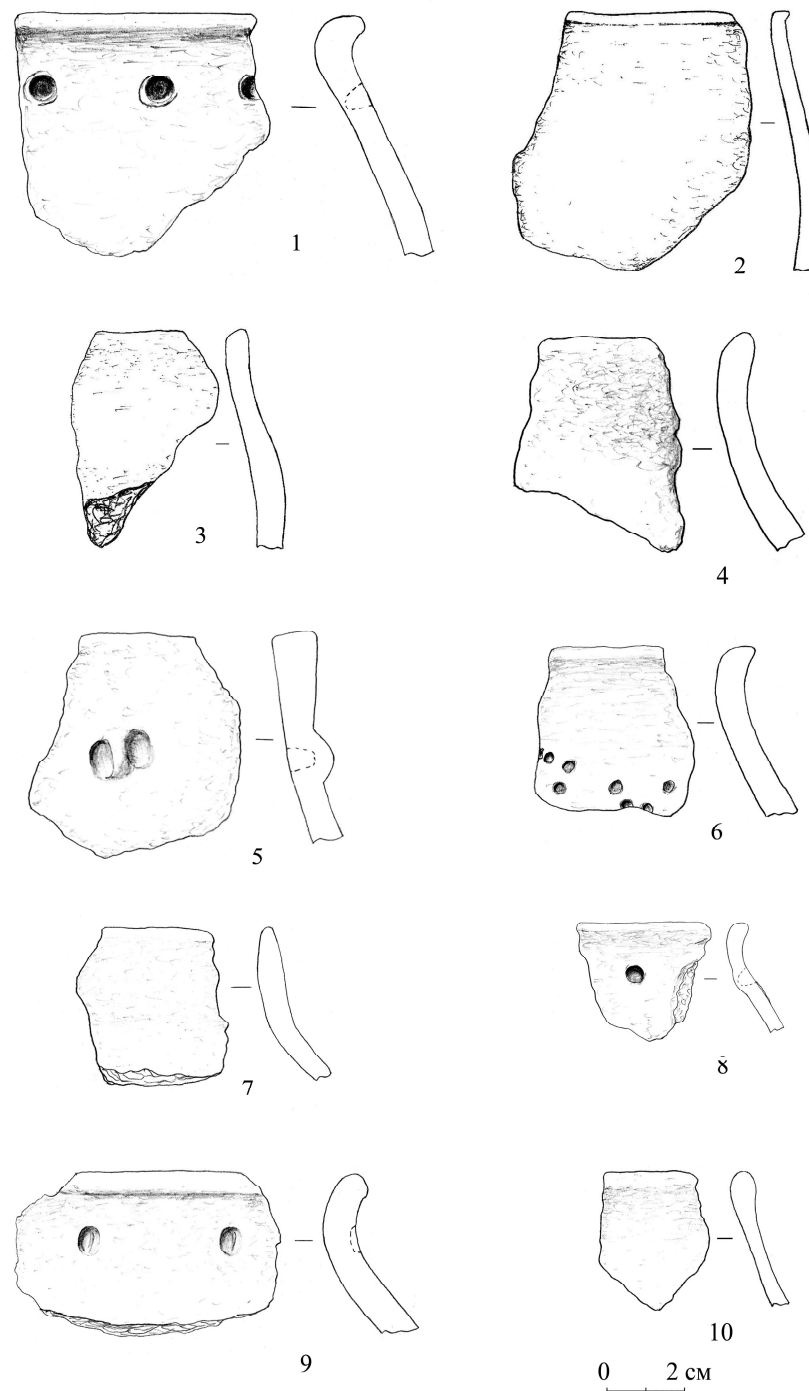

Рис. 1. Керамика из поселений раннего железного века Центрального Казахстана. Фрагменты сосудов горшковой формы: 1, 4, 5, 7, 9, 10 — поселение Кызылсуир-2; 2, 3 — поселение Едирей-1; 6, 8 — поселение Сарыбуйрат

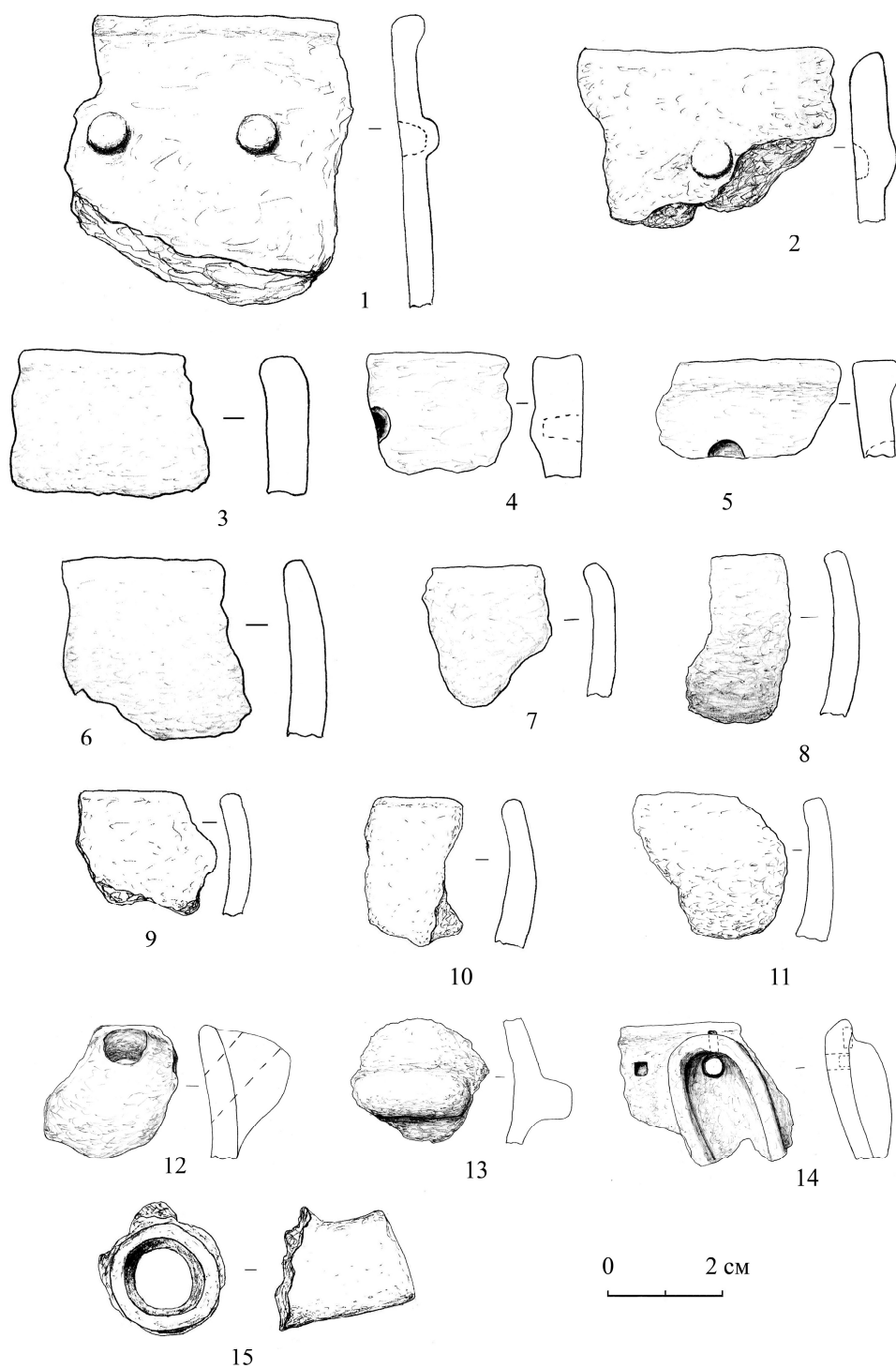

Рис. 2. Керамика из поселений раннего железного века Центрального Казахстана. Фрагменты банок (1–6) и чашек (7–11): 1, 6, 7, 15 — поселение Керегетас-2; 2 — поселение Едирей-1; 3, 4, 5 — поселение Кызылсуир-2. 8–14 — поселение Сарыбуйрат

Результаты проведенного В.Г.Ломаном технико-технологического анализа сосудов (состав, способы конструирования) из всех 5 поселений показали наличие нескольких устойчивых технологических приемов в изготовлении глиняной посуды. Важно, что как по орнаментации, так и по технико-технологическим особенностям сосудов в настоящее время устанавливается генетическая связь между керамическими комплексами поселений раннесакского времени и донгальского переходного этапа [17].

Среди каменных орудий имеются многочисленные мотыги малых форм, зернотерки и куранты, песты, терочки и др., основная часть которых подверглась минералогическому (к.г.-мин.н. Н.Л.Панкратова, Алматы, Казахстан; А.В.Павлюц, Караганда, Казахстан), трасологическому (к.и.н. А.А.Плешаков, Петропавловск, Казахстан; к.и.н. Н.Ю.Кунгурова, Барнаул, РФ) анализам.

По количеству на первом месте стоят мотыги, которых на каждом раскопанном поселении найдено по несколько десятков, зернотерок также довольно много (Сарыбуйрат: из 210 орудий 93 мотыги, 16 обломков зернотерок и курантов; Кызылсуир-2: среди 32 орудий 19 мотыг, 8 обломков зернотерок и курантов). Изучение мотыг показало использование основной их части в земляных работах, имеются также экземпляры со следами от твердой поверхности (ударные — камень, руда?). По зернотеркам и курантам специалистами отмечены такие категории следов: 1) от частиц, имеющих острые грани; 2) от растирания веществ наподобие красок; 3) от растирания веществ растительного происхождения; 3) от растирания злаков.

Некоторые краткие наблюдения касаются *топо-планиграфических* особенностей рассматриваемых памятников. Дело в том, что имеющиеся материалы однозначно показывают изменение у населения раннесакского времени Центрального Казахстана (вероятно, Казахского мелкосопочника в целом) топографических и планиграфических ориентиров (установок) в выборе мест обустройства стационарных поселений и возведении системы жилых и хозяйственных строений.

Привязка к освещенным склонам возвышенностей, скученная, усадебная планиграфия, высокий уровень использования камня, подчеркнута малая площадь — все это сугубо важные черты казахских зимовок периода XIX — нач. XX вв. Это доказывается всем комплексом имеющихся источников, в числе которых: разнотематические материалы дореволюционных, советских и современных исследований; сведения архивных фондов дореволюционного периода (материалы по Каркаралинскому внешнему округу и Каркаралинскому уезду фондов № № 345, 338, 374, 64 и др. в Центральном Госархиве РК), современные полевые данные. Причем, поскольку все исследуемые поселения расположены на территории Центрального Казахстана (основная масса — Каркаралинский район), на данном этапе привлекаются этнографические материалы именно по данному региону.

Поселения Центрального Казахстана эпохи бронзы, включая и памятники переходного донгальского этапа, расположены в степных долинах на берегах водных источников — рек, крупных ручьев. Оказалось, что эти традиционные места стационарных поселков в начале раннего железного века были заброшены, поселения, достаточно сильно видоизмененные, «перебрались» на верхние склоны, подальше от речных долин. Если это связать с казахским этнографическим материалом, то вывод может быть однозначным — это произошло в результате важных климатических изменений в сторону увеличения осадков и существенного похолодания.

Общая картина землепользования казахов нашего региона в целом неплохо известна (у исследователей). Хороший травостой речных долин обеспечивался за счет концентрации снежной массы в зимнее время именно на этих долинных, низинных (приречных) участках. На летовку на речных берегах устраивались относительно большой группой населения, с многочисленным скотом — большими аулами из родственных семей, которые в ряде случаев царские статисты называли «административными аулами». Эта группа к зиме распадалась на маленькие семейные общины («хознаулы»), зимовки которых в виде небольших поселков примерно из 2–5 домов были устроены «в горах», т.е. в ущельях, на малоснежных склонах. Верхние склоны и верхушки возвышенностей зимой буквально чернели от отсутствия снега и были удобны для пастбы скота, «призимовочными» считались и пастбищные пространства перед данным ущельем (вокруг него), где тебеневал скот в тихую погоду. Вряд ли будет преувеличением сказать, что вопрос о зимниках — это краеугольный камень казахского землепользования, это вопрос жизни и смерти. Причина этого лежит в экологической направленности существования данной системы хозяйствования. Условия зимнего обустройства жизни казахов Центрального Казахстана отмечены в ряде публикаций дореволюционной эпохи, исследования и фольклорные данные также проливают свет на этот вопрос. Холодный затяжной период, сильные постоянные ветры, частые снежные бураны, недостаток в топливе — вот местные условия, ставящие зимний быт и хозяйствование почти в экстремальное положение. В такой экологической обстановке скотово-

ды-казахи должны были зимники ставить именно на максимально-оптимальной точке, где сходились несколько основных показателей: возвышенность (укрытость от прямых направлений ураганных ветров), склон (отсутствие или малое количество снега), освещенная сторона (раннее таяние снега), наличие призимовочных пастбищ. Интересно, что в этот перечень в качестве жизненно важного не вошел водный источник. Если он есть — устраивал небольшой незамерзающий родник. Если его нет (замерзал), но все остальное устраивало, казахи питьевую воду доставляли в кожаных бурдюках, а скот поили снеговой водой.

Таким образом, на данном этапе работ изменение топо-планиграфических приоритетов поселений раннего железного века Центрального Казахстана связывается с наступлением новых климатических параметров. В регионе выявлены десятки поселений эпохи бронзы. Все они расположены на берегах рек. Если бы на этих участках в эпоху бронзы лежал глубокий снег, да еще в обстановке жесточайших ветров, как в XIX в., этих поселений там не было бы. Скорее всего, похолодание и увеличение осадков наступили к началу раннего железного века.

Заметим, что данный тезис важен также и своими «последствиями». Если данное предположение будет подтверждено дальнейшими работами, то это, например, намного увеличит уровень экологического фактора в изучении причин возникновения номадизма (переход к подвижным формам скотоводческого хозяйства, по К.А.Акишеву). Таких аспектов немало. Еще один из них — это вопрос о металлургических центрах в эпоху раннего железа. Центральный Казахстан — один из крупных и важных центров древней металлургии Степной Евразии. Для эпохи бронзы региона следы металлургического производства находят практически на территории каждого поселения, где поблизости есть и вода и топливо. Если признать силу указанного тезиса, металлургическое производство раннего железного века Центрального Казахстана также должно было перестроиться на посезонный лад, как и вся сама жизнь населения. Это означает, что такие центры нужно искать в определенных оптимальных пунктах, функционировавших в летнее время. Десятилетиями этот вопрос остается открытым, так как всегда оставался открытым сам вопрос о поселениях...

По хозяйственной направленности поселений раннего железного века предварительно можно отметить один момент. Большое количество мотыг и зернотерок, некоторые предварительные результаты их исследования позволяют ставить вопрос о наличии земледелия у населения региона в эпоху раннего железа. По мнению исследователей эпохи бронзы региона, земледельческий уклад присутствовал в хозяйстве племен этого периода в качестве второстепенного. Это было пойменное мотыжное земледелие, функционировавшее вдоль рек небольшими площадями. Вряд ли должны были полностью забыть этот уклад племена раннесакского времени. Вероятно, у раннесакских племен региона существовала та форма земледелия, которая была известна у казахов в виде жатаческого (жатак — «лежачий», «неподвижный», средневековая форма — ятук) хозяйства. Эта форма земледелия функционировала исключительно в орбите зимовочного пространства: небольшие посевы пшеницы, проса, ячменя устраивались возле зимовок, работа по уходу за посевами возлагалась на группу бесскотных сородичей (жатаки), уборка производилась по возвращении старейшин с летовки. Сам по себе такой вид земледелия не является исключительно казахским, напротив, известен он у многих степных скотоводческих народов. Помимо прочего, в качестве наиболее приближенного к казахскому типу можно отметить аналогичную форму земледелия у части степных башкир.

Проводимые по исследованию поселений раннего железного века Центрального Казахстана работы находятся сейчас на начальной стадии. Для плодотворного изучения поселенческих памятников необходимо, прежде всего, создание полновесной источниковедческой базы, нужны дополнительные раскопочные материалы, позволяющие проведение комплекса научных изысканий на уровне современных технологий.

Список литературы

1. Кадырбаев М.К. Памятники тасмолинской культуры // Древняя культура Центрального Казахстана. — Алма-Ата: Наука, 1966. — С. 303–433.
2. Кадырбаев М.К. Некоторые итоги и перспективы изучения археологии раннего железного века Казахстана // Новое в археологии Казахстана. — Алма-Ата: Наука, 1968. — С. 21–36.
3. Оразбаев А.М. Курган с «усами» в могильнике Джанайдар как архитектурный памятник // Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. — Алма-Ата: Наука, 1969. — С. 175–191.
4. Кадырбаев М.К. Могильник Жиланды на реке Нура // В глубь веков. — Алма-Ата: Наука, 1974. — С. 25–45.
5. Кадырбаев М.К. Курганы Котанэмеля // Первобытная археология Сибири. — Л.: Наука, 1975. — С. 127–132.

6. Бейсенов А.З. К вопросу о выделении памятников коргантасского типа в Восточной Сарыарке (вторая половина — конец 1 тыс. до н. э.) // Этнокультурные процессы на территории Казахстана (древность, средневековье, современность). — Алматы: Санат, 1995. — С.55–61.
7. Бейсенов А.З. Погребальные памятники и культово-ритуальные сооружения древних кочевников Центрального Казахстана (7–1 вв. до н. э.): Автореф. дис... канд. ист. наук. — Алматы, 1997. — 26 с.
8. Бейсенов А.З. Курганы с «усами» — культовые памятники саков Центрального Казахстана // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. – V век н.э.): Материалы III Междунар. конф. — Тирасполь: ПГУ им. Т.Г.Шевченко, 2002. — С. 213–216.
9. Бейсенов А.З. Работы на могильнике Нуркен-2 // Историко-культурное наследие Сарыарки. — Караганда, 2007. — С. 173–198.
10. Бейсенов А.З., Исмагулова А.О. Археолого-антропологические данные из могильника Едирей-3 // Историко-культурное наследие Сарыарки. — Караганда, 2007. — С. 164–172.
11. Бейсенов А.З., Ломан В.Г. Керамика из курганов раннего железного века Центрального Казахстана // Известия НАН РК, СОН. — 2008. — № 1. — С. 35–41.
12. Бейсенов А.З. К проблеме поиска и изучения поселений раннего железного века Центрального Казахстана // Историческая наука: Проблемы развития. Материалы Междунар. науч. конф. Секция «Археология». 17–18 сентября 2002 г. Восточно-Украинский национальный университет им. В.Даля, г. Луганск. — Луганск: ВНУ им. В.Даля, 2002 — С. 9–12.
13. Бейсенов А.З., Ломан В.Г. Вопросы изучения поселений раннего железного века Центрального Казахстана // Известия НАН РК, СОН. — 2006. — № 1. — С. 36–45.
14. Бейсенов А.З., Ломан В.Г. О керамике поселений раннего железного века Керекетас-2, Едирей-1, Едирей-3 (Центральный Казахстан) // Историко-культурное наследие Сарыарки: Сб. ст. — Караганда, 2008. — С. 156–153.
15. Бедельбаева М.В., Варфоломеев В.В. Кыштан — центральноказахстанское поселение эпохи раннего железа // Номады казахских степей: этносоциокультурные процессы и контакты в Евразии скифо-сакской эпохи. — Астана: Президентский центр культуры РК, 2008. — С. 241–245.
16. Хабдулина М.К. Поселения раннесакского времени на р. Селеты // Степная цивилизация Восточной Евразии. Т. 1: Древние эпохи. — Астана: Кул Тегин, 2003. — С. 189–214.
17. Бейсенов А.З., Ломан В.Г. Древние поселения Центрального Казахстана. — Алматы: Инжу-Маржан, 2009. — 14 печ. листов. В печати.

УДК 904

З.Самашев

Институт археологии им. А.Х.Маргулана, Алматы

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ НАСКАЛЬНОГО ИСКУССТВА КАЗАХСТАНА

Мақала алғашқы қауым өнерінің мамандарын қызықтырып жүрген XX ғасырлардағы қазақстандық тас бетіндегі таңбаларды зерттеу мәселелеріне арналған. Автор тас бетіндегі суреттердің тарихын еуразиялық тұрғыда зерттейді. Алғашқы қауым өнерінің пайда болуы туралы өзекті мәселелердің нәтижелері, петроглифтерді ғылымдағы жаңа бағыт ретінде, оларды халықаралық мектептермен байланысты қарастыру ұсынылады.

This article is devoted to problems of studying of the Kazakhstan petroglyphology for the 20 century which are interested to specialists of rock art. The author analyzed history of researching of rock art in Eurasia area. The results of discussions about problems of origin prehistoric rock art in archaeology of the Soviet period are resumed in this report. Besides it is allowed an idea to mention a new branch of science as petroglyphology. The Kazakhstan's petroglyphology is considered in connection with development of international academic scholarships of rock art history.

Термин «наскальные изображения» мы используем в качестве собирательного, часто взамен дефиниций «петроглифы» и «писаницы», как наиболее употребляемое и общепринятое в современной науке понятие, в то же время не имеющее другого, повсюду узнаваемого синонима. При этом под петроглифами (*petros* — камень, *glifos* — писать) обычно понимаются выбитые, прошлифованные, процарапанные, а под писаницами — нанесенные красной охрой на поверхности камня рисунки. Изредка употребляются обобщенные понятия «наскальное искусство», «наскальное изобразительное искусство» и заимствованные из арсенала современного искусствознания термины — гравюра, графика, граффити, изобразительные традиции, изобразительный ряд, изобразительный текст, композиция, сюжет, образ, мотив, элемент и др. [1; 13–16].

Понятие «первобытное искусство» в научных исследованиях казахстанских археологов используется редко, в основном для характеристики изобразительных памятников каменного и бронзового веков. На возможность расширительного толкования специфики этого понятия в качестве предмета дискуссии указал недавно Я.А.Шер, который предложил: «Первобытным следует считать искусство тех времен и территорий, когда и где оно еще не осознавалось как самостоятельная область культуры; в сознании носителей культуры оно входило в единую и целостную совокупность элементов знакового поведения людей, независимо от того, к какой эпохе исторической хронологии мы их относим» [2; 41]. Благодаря Я.А. Шеру в петроглифику для анализа стиля включены понятия «план содержания и план выражения», взятые из лингвистики, предполагается, что это «позволяет определить те элементы изображения, которые создают устойчивый образ стиля данной эпохи, данной культуры, данного локального варианта, отличного от стиля других эпох, культур и вариантов» [2; 41].

Резные рисунки на стенах погребально-культовых сооружений предлагали назвать «архитектурной петроглификой» [3; 12].

В понятийном аппарате петроглифологии имеется большое количество терминов и специфических определений, заимствованных из других гуманитарных дисциплин (этнологии, структурной семиотики, философии, филологии, психологии, религиоведения и др.) и естественных наук, адаптированных и используемых в зависимости от конкретно решаемых задач, проблем отрасли, т.е. в соответствии с потребностями исследовательской практики [4; 43–48]. При адаптации того или иного понятия, естественно, ему придается свой оттенок.

Некоторые термины при использовании в контексте решения задач петроглифики обретают иной специфический смысл. Например, слово «камень» использовалось и используется во многих случаях в значении «плоскость» (поверхность) породы камня, на которую нанесены рисунки, или вместо более отвлеченного понятия — «изобразительная поверхность».

Кроме петроглифов, есть изображения, нанесенные на поверхности дерева и деревянных изделий — дендроглифы (из последних открытий отметим деревянные кружки с изображениями животных в раннескифском стиле в Турфане или на древнетюркском музыкальном инструменте с зооморфными изображениями и руническими надписями из Монгольского Алтая), а также геоглифы — известные по этнографическим источникам рисунки на поверхности земли и включенные в контекст изобразительных памятников природные объекты [5; 216–218].

Такое разнообразие базовых элементов и заимствований можно объяснить тем, что многие из названных дисциплин, на стыке которых функционирует петроглифика, в разной степени необходимости используют ее данные для разработки собственных познавательных проблем на своей методико-методологической основе, тем самым положительно влияя на динамику развития науки о наскальном искусстве в целом. Мультидисциплинарный характер и разнообразие теоретико-методологических подходов к решению специфических задач изначально способствовали стремлению петроглифики выделиться в самостоятельное направление, поскольку археология, в рамках которой зарождалась эта отрасль, не может полностью обеспечить полноценным универсальным методом дешифровки смыслового содержания наскальных изображений.

Исследователи давно уже говорят о необходимости для решения сложных теоретических задач археологии выработки принципиально новой научно-методической парадигмы, объединяющей новые подходы в единую методологию [6; 32]. В перспективе вполне допустимо отпочкование от археологии петроглифики или петроглифологии (петроглифологии) в самостоятельную дисциплину, но для этого необходим целостный (а не совокупность заимствованных из других гуманитарных дисциплин) метод познания и установления закономерностей, систем взаимосвязей и стадийальных явлений через анализ и систематизацию эмпирических данных по наскальным изображениям. Сам термин «наскальные изображения» (равно как «наскальное искусство»), хотя и раскрывает не всю специфику и значение этого вида исторического источника, пока не имеет альтернативы.

Наскальные изображения составляют часть изобразительной творческой деятельности человека, поэтому для характеристики и осмысления всего этого феномена их рассматривают в контексте понятия «изобразительные памятники», куда входят также статуарное искусство, мелкая пластика, орнаментика, торовтика и т.д. В ряде случаев в историко-культурных реконструкциях используется понятие «изобразительная деятельность» человека, куда относят и наскальные изображения, в первую очередь как средства передачи информации [7; 8–12].

Изучение наскальных изображений в условиях развития исторической науки в советском обществе, вплоть до конца 60-х годов прошлого века, не относилось к числу приоритетных направлений в археологической науке, соответственно, сами петроглифы не рассматривались как полноценный ис-

торический источник, поэтому им отводилась роль вспомогательного материала по искусству и идеологии в различных культурно-исторических реконструкциях. Здесь следует отметить, что и сейчас, несмотря на впечатляющие успехи петроглифики, отношение к ней не претерпело кардинальных изменений, поскольку фундаментальными в создании картины исторической действительности признаются данные, получаемые в результате собственно полевых археологических раскопок.

Истоки формирования методологических принципов анализа петроглифов, в том числе и Казахстана, надо искать в работах плеяды блестящих ученых 20–40-х годов прошлого века. Это и понятно, поскольку вся гуманитарная сфера науки развивалась в едином русле всего советского пространства, вплоть до 80-х годов XX в., когда стали явно проявляться признаки превалирования интересов национально-государственного подхода к оценкам исторических событий далекого прошлого в союзных республиках.

В развитии методологии изучения наскальных изображений в 30–40-е годы прошлого века во многом тон задавали исследователи карельских и онежских петроглифов. А.М.Линевский и А.Я.Брюсов, с одной стороны, с другой — В.И.Равдоникас и К.Д.Лаушкин, которые придерживались в интерпретации смыслового содержания этих памятников диаметрально противоположных взглядов. А.М. Линевский фактически был первым из советских археологов, для которого петроглифы стали объектом профессиональной научной деятельности. Его концепция связана с дальнейшей разработкой магической теории, согласно которой происхождение рисунков объяснялось утилитарными потребностями охотничьей промысловой магии и отображало, кроме объектов охоты и сцен промысла, добрых и злых духов-хозяев. Отсюда его чрезмерное увлечение этнографическими параллелями из жизни и быта коренных народов Севера и Сибири при расшифровке петроглифов. Ему же принадлежит очень интересная и слабо разработанная до сих пор идея выяснения последовательности нанесения рисунков на поверхность скалы, попытка определения первоначального ядра композиционных структур и выяснение взаимосвязей между фигурами на плоскости, что чрезвычайно важно при различных теоретических построениях [8].

Представитель противоположного направления В.И.Равдоникас был приверженцем интерпретации петроглифов на основе анализа особенностей мифологического мышления древних людей. А.Д.Столяром, одним из последователей В.И.Равдоникаса, относительно недавно осуществлен критический анализ становления и развития его научных концепций [9; 14–29]. На формирование подобных взглядов В.И.Равдоникаса оказали влияние кроме Н.Я.Марра труды И.И.Мещанинова, А.В.Городцова и ряда этнографов (в числе которых и труды Л.Я.Штернберга), о чем свидетельствует его высказывание о том, что памятники первобытного искусства могут быть расшифрованы в свете истории первобытного мышления, на основе данных палеонтологии речи и этнографии. Что касается взглядов самого А.В.Городцова, то центром распространения «идеи создания рисунков с магической целью» он считал территорию Средней Азии, имея в виду Казахстан [10; 57].

Успехи исследователей карельских и онежских петроглифов вдохновили позже С.С. Черникова, возглавившего в 1935 г. Восточно-Казахстанскую археологическую экспедицию ЛО ГАИМК, на написание специальной обобщающей статьи о наскальных рисунках верховий Иртыша, где он, отметив их сходство с карельскими сюжетами и под влиянием указанных выше тотемно-магических (равно как и мифологических) взглядов, попытался объяснить смысл и назначение ряда сюжетов и композиции. Однако отсутствие длительного опыта работы с петроглифами привело к тому, что он, например, в двух случаях палимпсесты принял за целые фигуры полулюдей-полуживотных — кентавров и, соответственно, впал в полное заблуждение, видя в них отображение тотемно-магических представлений. Даже обычные сцены охоты он склонен был считать магическими действиями человека перед своим тотемом. Поскольку он еще слабее ориентировался в вопросах хронологической атрибуции петроглифов, все известные ему в Восточном Казахстане наскальные изображения отнес к периоду ранних кочевников, причем не ранее VI–V вв. до н.э. [11; 274–279].

Тем не менее статью С.С.Черникова следует рассматривать, наряду с ранее вышедшей работой В.А.Городцова о тургайских рисунках [10; 57–62], как знаковое событие на пути становления собственно казахстанской петроглифики.

Отметим еще один эпизод воздействия работ исследователей карельско-онежских древностей в плане развития методологии изучения петроглифов Казахстана. Речь идет о небольшой статье А.А.Формозова, посвященной сравнительному анализу и семантике писаниц Казахстана и Урала, написанной явно под впечатлением мифологической теории [12; 170–176].

Смысловое содержание изображения «солярной ладьи» (?) из окрестностей дер. Смолянка на одноименной реке, притоке Иртыша, известной по неточной публикации Г.И. Спасского еще в самом

начале XIX в., он объяснил общностью представлений древнего населения обширного Урало-Казахстанского пространства о движении солнца, солнечного божества по небу на ладье, полагая, что они играли большую роль и в погребальном культе, связанном с представлениями о подземной реке, по которой надо плыть в царство мертвых. Кроме того, А.А.Формозов вторично исказил действительность, перевернув без того неверный рисунок на 180 градусов, при этом полагая, что древние могли рисовать композицию не с берега реки, а сверху [12; 175]. Таким образом, здесь мы имеем дело с поучительным для методологии изучения петроглифического материала случаем, когда изначально неточно определенная отправная точка для семантической дешифровки неминуемо может привести к ошибочным теоретическим построениям. Через двадцать лет А.А.Формозов, отметив, что подобные изображения появляются не раньше эпохи бронзы, высказал соображение, что миф о солнце, путешествующем на ладье или на колеснице, не общечеловеческий, а охватывал лишь отдельные области Старого Света и повторил возможность интерпретации изображения «лодки с сияющим солнцем на носу» как иллюстрации к солярному мифу [13; 201, 203], подтвердив свою приверженность данной идее. Впоследствии А.А.Формозов сам, чувствуя однобокость такого подхода, допускал мифологическое значение по отношению к некоторым сюжетам наскальных изображений 3-1 тыс. до н.э., но с оговоркой, что нельзя переносить этот вывод на другие ранние и более поздние памятники. Задаваясь вопросом: «характерно ли мифологическое содержание петроглифов для всей первобытной эпохи или только для 3–1 тыс. до н.э.?», он подчеркнул трудность установления граней между магическими и мифологическими изображениями [14; 228–229].

Будучи сторонником идеи социологической периодизации общества, он выделил три стадийные группы петроглифов, которые, по его мнению, соответствуют различным этапам развития общества: одни звери и изредка существа со смешанными зоо- и антропоморфными чертами; сцены охоты и лучники; люди, фантастические хищники и солнечные знаки, которые отражают кардинальные изменения, обусловленные трансформацией хозяйственной базы и во многом не будут совпадать с существующей археологической периодизацией [14; 232, 234].

Последняя мысль А.А.Формозова верна, есть масса вариантов памятников переходного периода, факты сосуществования хронологически различных стилистических групп образов и сюжетов, возникших как в результате воздействия внешних импульсов (в том числе и миграции носителей определенных стилистических приемов и технологий), так и конвергентно, в процессе внутреннего развития творческого потенциала конкретного социума. Что касается выделенной им стадийной группы петроглифов, то в реальности каждая из них гораздо богаче и разнообразнее по репертуару образов, во многом обусловленных спецификой региональных природно-ландшафтных комплексов.

Впервые итоги послевоенных лет изучения наскальных изображений на территории Советского Союза были проведены в вышедшей в 1969 г. книге А.А.Формозова «Очерки по первобытному искусству. Наскальные изображения и каменные изваяния эпохи камня и бронзы на территории СССР», где отдельные этюды были посвящены и петроглифам Казахстана [14]. В ней впервые на широком территориально-хронологическом фоне в логическом единстве были рассмотрены наскальные изображения, мелкая пластика, произведения монументального искусства и данные по этнографии, фольклору и мифологии, как верно, на мой взгляд, подметил критик, озаменовал собой окончание «периода первоначального накопления» в изучении петроглифов [15; 265].

В книге был поднят вопрос о методологии расшифровки семантики наскальных изображений, поскольку к этому времени уже наметились различные тенденции и субъективные факторы, которые могли по-разному повлиять на дальнейшее развитие науки. Это, в первую очередь, относится к методике и принципам отбора и использования этнографических материалов при интерпретации содержания сюжетов наскальных изображений, которые, по его мнению, должны идти по двум линиям: выявление далеких пережитков древних культов на месте и стадийно близких. А.А.Формозов, критикуя А.П. Окладникова за чрезмерное увлечение этнографическими данными, сам тоже охотно пользовался этим методом, сопоставляя, например, египетский миф то со скандинавским, то с сибирским и т.д. [14; 18–21]. В то время проблема интеграции археологических и этнографических источников находилась на начальном этапе, поэтому опыт В.Н. Чернецова по привлечению местных (не отдаленных) материалов по этнографии обских угров (в частности, манси) тогда во многом пригодился для разработки методических принципов их использования не только для объяснения идейного содержания петроглифов, но и для выделения устойчивых культурных элементов («этнографической ситуации»), а также определения таксономического уровня развития этносоциокультурных процессов у населения, оставившего подобного рода памятники культуры на конкретной территории [16; 5–8].

Сочинение А.А. Формозова было воспринято специалистами неоднозначно [17; 8, 18; 77, 19; 23, 40]. На критике ряда положений этой книги оттачивались в 70-е годы, вплоть до 80-х годов прошлого века, некоторые теоретические и практические аспекты изучения петроглифов на территории бывшего Советского Союза, в том числе и Казахстана.

Положительным является и то, что эта книга натолкнула, например, ленинградского археолога Н.Л. Подольского на мысль разработать новый унифицированный принцип датировки, поскольку во многих случаях выбор датирующих признаков оказывался произвольным, что приводило к частой перестройке всей хронологической шкалы [15; 265–275]. В основе его предложений простой и широко распространенный в археологии принцип построения стратиграфической колонки, а в данном случае — датировка петроглифов путем выделения серии изображений (например, лося, быка или личины) одной изобразительной традиции (минусинской или ангарской) на основе жестко фиксированного набора стилистических приемов и последующая их синхронизация с аналогичными группами рисунков из сопредельных регионов. Н.Л. Подольский продемонстрировал свой принцип, выбрав около 40 рисунков из двух местонахождений Сибири и выделив в них 14 изобразительных приемов в пределах локального во времени и пространстве варианта трактовки конкретного образа — лося. В результате ему удалось выдвинуть версию о времени и месте сложения ангарского и минусинского стилей, определить степень их взаимодействия, влияния на другие изобразительные традиции, а также синхронизировать их с конкретными культурами сопредельных регионов. В плане скрупулезных источниковедческих работ в области петроглифики данная статья, написанная как бы в качестве отклика, оказалась тогда очень полезной для многих ученых, занимавшихся этими проблемами. Новшеством стала составленная Н.Л. Подольским синхронизационная таблица, положившая начало разработке различных схем, диаграмм, всевозможных математических и алгоритмических таблиц распознавания и т.д., которые можно рассматривать как докомпьютерную стадию развития в обработке массового петроглифического материала (например, различные эксперименты по созданию алгоритмов, проведенные Я.А.Шером для первых ЭВМ) [20; 127–143]. Ценным представляется формулировка Н.Л. Подольского о том, что для наскальных изображений не действует принцип вытеснения, т.е. появление новых типов не означает автоматического прекращения старой традиции.

Этому событию предшествовала одна острейшая дискуссия о методологии и методике анализа, научной классификации, а также интерпретации смыслового содержания наскальных изображений, начатая этнографом Г.И. Пелих и позже поддержанная А.И. Мартыновым, в ответ на полемичную статью А.А. Формозова, посвященную, главным образом, критике взглядов А.П. Окладникова и представителей его научной школы. К дискуссии присоединились также Ю.А. Савватеев и В.Н. Чернецов, а затем упомянутый выше Н.Л. Подольский, которые заняли различные позиции по вопросу о подходе к изучению наскальных изображений. Сам А.П. Окладников не принимал непосредственного участия в дискуссии, но позже, в совместной с А.И. Мазиным книге, философски отметил, что «... ведутся дискуссии как по хронологии этих памятников, так и по их идейному содержанию. При неизбежной конфронтации, отражающей субъективные взгляды тех или иных исследователей, а нередко и личные отношения, такие споры подобны свежему ветру, помогают полнее понять предмет спора и увидеть новые возможности для использования обсуждаемых памятников как исторического источника. Такие споры насчитывают уже более двух веков, начиная с жесткой оценки академиком Миллером фантазии Страленберга по поводу предполагаемых наскальных «писмен» в Сибири. Они, такие дискуссии, продолжаются и в наше время» [21; 81].

Если коротко охарактеризовать конкретные методологические проблемы, затронутые в дискуссиях, то они сводятся к попытке определения одними участниками наиболее общих тенденций и закономерностей развития древнего изобразительного творчества во всемирно-историческом масштабе в их динамике и обусловленности на уровне «научной генерализации». Другие, наряду с признанием общих закономерностей в развитии искусства, на первый план выдвигали необходимость сравнительно-исторического анализа конкретных источников, отдельных памятников и частных вопросов, а в общем плане допускали многолинейный путь эволюции наскального творчества, параллельное развитие разных по стилю и технике направлений, разные идейные содержания и назначения в крупных очагах распространения наскального искусства в обширном лесо-горно-степном пространстве Евразии (карельский, уральский, сибирский, среднеазиатский, которые, в свою очередь, делятся на соответствующие историко-культурные области). В большей степени в дискуссии затрагивались все же вопросы разработки хронологических схем развития наскального искусства ведущими в то время научными школами, которые, собственно, выявили и основные непримиримые разногласия между ними, но дали серьезный толчок на будущее развитие петроглифоведения как отрасли археологии.

Таким образом, эта дискуссия, развернувшаяся на страницах журнала «Советская этнография» в 1967–1973 гг., равно как и вышедшие к этому времени многочисленные фундаментальные монографии и научные статьи по наскальным изображениям различных культурно-исторических областей СССР (в том числе и Казахстана), составили основную веху в истории становления петроглифологии, стали временем окончательного завершения процесса формирования его теоретико-методологических основ и методических принципов научной классификации, хронологической атрибуции и семантической интерпретации, которые совершенствуются по мере дальнейшего накопления опыта. Это главный итог и историческое значение данной дискуссии.

Казахстанские специалисты тогда не участвовали в указанных дискуссиях, поскольку степень накопления материала и уровень интересов еще находились в другой плоскости, хотя положительное влияние их на процесс пробуждения интереса к изучению этого исторического источника давно было налицо.

Вопросы историографии изучения проблем наскальных изображений в 60–70-е годы прошлого века были критически рассмотрены в специальной статье А.А. Формозова, ставшего как бы основным экспертом работ по наскальным изображениям на территории СССР [22; 5–15]. Беспощадно критикуя всех и обвиняя исследователей в каких-либо недостатках и недочетах, он, в конечном итоге, сыграл положительную роль в становлении научно-методологических основ петроглифологии. Казахстанские петроглифы ему известны только по публикациям.

Большое значение имеет книга М.К.Кадырбаева и А.Н.Марьяшева, уже выдержавшая второе издание, которая ознаменовала завершение процесса становления казахстанского петроглифологии [17]. Отметим статью Х.А.Алпысбаева за 1956 г., написанную по итогам работ 1949–1950 гг. в Ходжакенте. Почему-то многие современные исследователи обходят ее вниманием, а между тем Х.А.Алпысбаев в этой небольшой работе поднял целый спектр важных вопросов изучения петроглифов, начиная от техники выбивки, степени патинизации, анализа стилистических приемов, сопоставления некоторых мотивов с образцами сакской художественной бронзы, завершая хронологической атрибуцией, попыткой анализа хозяйственной деятельности создателей этих рисунков и своеобразной трактовкой смыслового содержания некоторых сюжетов и композиций, с привлечением этнографических, фольклорных, античных и китайских письменных источников [23; 182–188]. В частности, приводя статистику право- и левосторонних фигур животных, он отмечает преобладание правосторонних изображений. При объяснении малочисленности изображений животных и зверей с левосторонним поворотом головы он приводит интересные этнографические данные и мифологический материал о левой стороне как символе смерти, неудачи. В его утверждении о том, что наскальные изображения «есть результат определенных материальных условий жизни человека, возникших в процессе борьбы за существование», угадываются отголоски взглядов исследователей онежских и карельских петроглифов или, что вполне возможно, заимствование из какой-нибудь марксистской литературы. Для фиксации петроглифов им был использован неплохой прием техники описания. Некоторые неточности, допущенные при копировании рисунков, позже, при повторном обследовании, были исправлены узбекскими археологами [24].

Значение этой работы Х.А.Алпысбаева заключается и в том, что основные проблемы, связанные с методологией изучения петроглифов, впервые поставлены и на практике предприняты шаги к их реализации собственно казахстанским исследователем, а не представителем из какого-нибудь центрального научного учреждения СССР. Это тоже очень важный момент, хотя и понятно, что археология Казахстана развивалась в едином русле общесоюзной науки.

Статьи и книги по наскальным изображениям юга Казахстана этнолога П.И. Мариковского издавались на протяжении длительного времени, с начала 1950-х гг., которые не рассматривались всерьез никем в качестве научных исследований в области археологии. П.И.Мариковский никогда не копировал петроглифы, а подобно художникам XVIII в. зарисовывал и совершенно не ориентировался в вопросах методологии и методики их изучения, особенно, в вопросах хронологической атрибуции. Единственная его статья о способах и объектах охоты по мотивам наскальных рисунков, опубликованная в 1953 г., заслуживает некоторого интереса в плане постановки проблемы в контексте развития «историко-животноводческого» или «историко-биологического» направления в петроглифике [25; 1064–1073]. С такой постановкой проблемы перекликается популярная книга Г.В.Шацкого [26], но с чрезмерно вольной трактовкой некоторых сюжетов и даты их появления, за что его подверг резкой критике А.А.Формозов [27; 273].

В этой связи отметим, что существует мнение о «хозяйственном прочтении древних изображений, согласно которому изобразительное творчество древних в ряде случаев является отражением

наиболее важных моментов реальной жизни, в частности, некоторых сторон производственной деятельности» [28; 67]. Некоторые композиции, состоящие из фигур однородных животных и организованные по круговому или линейному принципам, могут быть определены как изображения табунов или стад животных, особенности этологии, иерархическое поведение которых учитывались древними для успеха охоты. С достаточной очевидностью такая картина наблюдается в петроглифах урочища Окей в Восточном Казахстане, о которых мы упоминали в свое время [29; 114–119]. Сходное мнение высказывалось нами при анализе петроглифов Теректы Аулие в Центральном Казахстане [30; 99–100]. В некоторых подобных композициях исследователи видят и картину выпаса, и отражение способов управления стадами мелкого рогатого скота [28; 69–73].

В плане анализа истории становления казахстанской петроглифики мы должны указать еще на несколько работ.

Особые эмоции вызвал в свое время альбом А.Г.Медоева с небольшим текстом и обширными комментариями, написанный в своеобразной манере, в подражание стилю структурной семиотики, с необычными ассоциациями, ценными догадками и утверждениями [3]. Некоторые наблюдения, относительно организации пространства, композиции, анализа форм, довольно остроумные, но отвлеченные, скорее, их можно квалифицировать не как аргументированные научные утверждения в строгом смысле, а больше как комплиментарные высказывания. В книге имеется ряд ценных мыслей относительно возможности использования геологических знаний в изучении ландшафтного контекста петроглифических комплексов.

Развернувшиеся в последние десятилетия археологические работы в Жетысу и в Южном Казахстане дали мощный толчок поискам и исследованиям памятников наскального искусства, в результате которых были выявлены эталонные комплексы-святые места, продолжены работы на известных местонахождениях с использованием новых комплексных подходов и новых естественнонаучных методов. Были опубликованы десятки работ, из которых можно выделить монографию А.Н.Марьяшева и А.А.Горячева «Наскальные изображения Семиречья», вышедшую в 2002 г., куда вошли материалы основных двадцати петроглифических комплексов очерченного региона, как ключевую, где впервые наиболее полно осуществлен сопоставительный анализ материалов эталонных местонахождений; на основе типологии и классификации образов и сюжетов проведена синхронизация и рассмотрены актуальные проблемы интерпретации их содержания [31].

Продолжая разговор о методологических основах развития казахстанского петроглифведения, следует особо выделить монографию В.А.Новоженова «Наскальные изображения повозок Средней и Центральной Азии», в которой на основе типолого-технологического метода и составления компьютерной базы данных о 600 изображениях повозок, использования различные пакетов программного обеспечения, существовавших в начале 90-х годов прошлого века, а также сопоставления изобразительных памятников с другими археологическими материалами (в частности, остатками реальных повозок, найденных в степной Евразии, включая урало-казахстанские просторы, Закавказье, Китай, костными остатками тягловых животных) и привлечения древнейших текстов Авесты и Ригведы, общеевропейских лингвистических данных о колесной повозке и ее отдельных частях, лошадиных упряжках, вошедших во многие древние языки без существенных изменений, предпринята попытка обосновать концепцию о двух центрах практического применения колесного транспорта в конце 4-го – начале 3-го тыс. до н.э. — Месопотамии и степной зоне (под которой он подразумевает так называемые южнорусские степи или начальный ареал древнейшей культурно-исторической общности), в силу различия природно-ландшафтных условий и адаптированных к ним оседло-земледельческого и дисперсного характера скотоводческого хозяйственно-культурных типов оказывавших принципиально разное влияние на эволюцию средств передвижения и их функций [32]. Относительно возможного другого центра распространения колесного транспорта Кавказа, который имеет также много сторонников, В.А.Новоженов полагает, что он в периоды существования куро-аракской, бедедской, позже триалетской культур выполнял историческую функцию посредников во взаимосвязях этих двух миров — земледельческого и скотоводческого, причем автор, отмечая одинаковый уровень получаемого прибавочного продукта обеими обществами, подчеркивает более подвижный характер степных культур, давший мощный импульс для дальнейшего распространения технических новшеств в процессе миграций различных этнокультурных массивов.

Отметим, что появление изображений колесниц на скалах, на плитах могил и других археологических предметах отражает, по единодушному мнению исследователей, возникновение и формирование сложной системы культов, связанных с повозкой, элементами которой стали также всевозможные жертвоприношения и практические обрядовые действия.

Основной вывод В.А.Новожинова о том, что развитие исторических процессов применительно к восточным памятникам степной Евразии во многом определялось колонизацией этих малозаселенных территорий племенами индоиранского облика, проникавшими сюда с запада, и что эта экспансия степных просторов традиционно была направлена на севере в район Минусинской котловины, Горного Алтая, территории западной Монголии и Синьцзяна, а южная ветвь проходила через урало-казахстанские степи и ориентирована на районы земледельческих цивилизаций Турана и долины Инда, в целом отражает существующие в науке к настоящему времени общие представления об индоевропейской общности, распаде ее на индоиранскую, индоарийскую и др. ветви и о направлениях их миграции на восток, но различающиеся у разных исследователей лишь в деталях.

В книге есть несколько дискуссионных моментов, например, относительно использования повозок степными племенами как средства контроля за стадом, деталей и функций костяных щитковых псалмов, рассуждения о происхождении некоторых культур бронзового века. В целом работу В.А.Новожинова следует рассматривать как важный этап в развитии казахстанской петроглифики, когда объектом научного анализа становится уже конкретная узкая тематика, а не региональные задачи петроглифведения, но в которой затрагиваются глобальные проблемы общеисторического характера, что свидетельствует об углублении процесса дифференциации отрасли.

К категории подобного рода работ относится и кандидатская диссертация И.Н.Швец, посвященная анализу антропоморфного образа в наскальном искусстве Центральной Азии, через который человек с древнейших эпох до этнографической современности философски осмысливал свое бытие в пространственно-временном континууме и в системе мировоззренческих ориентиров [33].

Нельзя не отметить еще одно направление в петроглифике — изучение этнографического периода гравировки [34; 88–91]. Ранние из них представлены ойратскими ламаистскими изображениями будд и бодисатв, а также эпиграфическими материалами, многочисленными настенными и наскальными сюжетами Арало-Каспийского региона. Они представляют интерес в плане изучения проблем преемственности в изобразительных памятниках.

К настоящему времени, таким образом, был накоплен положительный опыт работы с этим видом исторического источника и были определены некоторые перспективные направления поиска в будущем, а также выявлены недостаточно полно реализованные, по объективным и субъективным причинам, возможности, поэтому петроглифведение в Казахстане нуждалось в историографическом анализе. В этом плане работа Д.А.Байтилеу «История изучения петроглифов Казахстана» оказалась своевременной, представляет собой первый полноценный анализ становления и развития петроглифведения в Казахстане, где на основе критического анализа достоинств и недостатков определены некоторые перспективные направления поиска. Само появление историографического исследования проблем петроглифведения в археологической науке Казахстана — явление знаменательное, несмотря на то, что сложность и универсальность этого исторического источника требует, как выяснилось, еще более глубоких и объективных анализов [35].

Наиболее весомым показателем становления петроглифведения и роста уровня исследовательского потенциала специалистов является подготовка и защита диссертационных работ. В 1977–2007 гг. по материалам наскальных изображений Казахстана были защищены одна докторская и шесть кандидатских диссертаций.

Выше мы отмечали, что казахстанское петроглифведение изначально было вовлечено в международный интеграционный процесс, поэтому его становление нужно рассматривать во взаимосвязи с развитием археологической науки, в первую очередь в СНГ, затем в других странах дальнего зарубежья.

Список литературы

1. Пяткин Б.Н., Мартынов А.И. Шалаболинские петроглифы. — Красноярск: Красноярский университет, 1985. — 187 с.
2. Шер Я.А. Спорные вопросы изучения первобытного искусства // Археология, этнография и антропология Евразии. — № 2 (18). — Новосибирск, 2004. — С. 36–52.
3. Медоев А.Г. Гравюры на скалах. — Алма-Ата: Жалын, 1979. — 174 с.
4. Шер Я.А. О развитии языка археологии // Проблемы археологии. — Вып. 2. — Л., 1978. — С. 43–48.
5. Формозов А.А. Дендроглифы и геоглифы // Вопросы истории. — № 4. — М., 1978 — С. 216–218.
6. Деревянко А.П., Холюшкин Ю.П., Воронин В.Т. О понятии «теоретическая археология» в археологической науке // Информационные технологии в гуманитарных исследованиях. — Новосибирск, 1998. — С. 31–38.
7. Бледнова Н.С., Вишняцкий Л.Б., Гольдшмидт Е.С., Дмитриева Т.Н., Шер Я.А. Первобытное искусство. — Кемерово: Кемеровский государственный институт искусства и культуры, 1998. — 210 с.

8. *Линевский А.М.* Петроглифы Карелии. — Ч. 1. — Петрозаводск: Каргосиздат, 1939. — 193 с.
9. *Столяр А.Д.* Древнейший пласт петроглифов Онежского озера (к постановке проблемы) // Петербургский археологический вестник. — СПб., 1994. — № 9. — С. 85–95.
10. *Городцов А.В.* Скальные рисунки Тургайской области // Труды Государственного исторического музея. — Вып. 1. — Разряд археологический. — М., 1926. — С. 57–62.
11. *Черников С.С.* Наскальные изображения верховий Иртыша // Советская археология. — М., 1947. — № 9. — С. 251–282.
12. *Формозов А.А.* Наскальные изображения Урала и Казахстана эпохи бронзы и их семантика // Советская этнография. — № 3. — М., 1950 — С. 170–176.
13. *Формозов А.А.* Искусство эпохи мезолита и неолита // Каменный век на территории СССР. — М.: Наука, 1970. — С. 184–205.
14. *Формозов А.А.* Очерки по первобытному искусству. Наскальные изображения и каменные изваяния эпохи камня и бронзы на территории СССР. — М.: Наука, 1969. — 235 с.
15. *Подольский Н.Л.* О принципах датировки наскальных изображений. По поводу книги А.А.Формозова «Очерки по первобытному искусству. Наскальные изображения и каменные изваяния эпохи камня и бронзы на территории СССР // Советская археология. — № 3. — М., 1973. — С. 265–275.
16. *Савинов Д.Г.* Об основных принципах археолого-этнографических реконструкций // Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири. — Томск, 1990. — С. 5–8.
17. *Кадырбаев М.К., Марьяшев А.Н.* Наскальные изображения хребта Каратау. — Алма-Ата: Наука, 1977. — 231 с.
18. *Окладников А.П.* Петроглифы Центральной Азии. — Л.: Наука, 1980. — 271 с.
19. *Шер Я.А.* Петроглифы Средней и Центральной Азии. — М.: Наука, 1980. — 328 с.
20. *Шер Я.А.* Алгоритм распознавания стилистических типов в петроглифах (к теории стиля в первобытном искусстве) // Математические методы в историко-экономических и историко-культурных исследованиях. — М.: Наука, 1977. — С. 127–143.
21. *Окладников А.П., Мазин А.И.* Писаницы бассейна реки Алдан. — Новосибирск: Наука. — 1979. — 151 с.
22. *Формозов А.А.* О некоторых задачах и спорных проблемах в исследовании памятников первобытного искусства // Советская археология. — № 3. — М., 1979. — С. 5–15.
23. *Алпысбаев Х.А.* Новые наскальные изображения Бостандыкского района // Тр. ИИАЭ АН КазССР. — Т. 1. — Археология. — Алма-Ата, 1956. — С. 182–188.
24. *Хужаназаров М.* Наскальные изображения Ходжакента и Каракияся. — Самарканд: АН РУ. — 1995. — 121 с.
25. *Мариковский П.И.* Способы и объекты охоты по мотивам наскальных рисунков Чулакских гор (Казахская ССР) // Зоологический журнал АН СССР. — Т. 32. — Вып. 6. — М., 1953. — С. 1064–1073.
26. *Шацкий Г.В.* Рисунки на камне. — Ташкент: Ин-т лит. и иск-ва им. Г.Гуляма. — 1973. — 160 с.
27. *Формозов А.А.* Новые книги о наскальных изображениях Кавказа и Средней Азии (обзор публикации 1973–1976 гг.) // Советская археология. — № 3. — М., 1978. — С. 270–275.
28. *Бородовский А.П.* Управление стадом мелкого рогатого скота во время выпаса (по материалам центральноазиатских петроглифов) // Палеоэкономика Сибири. — Новосибирск: Наука, 1986. — С. 67–73.
29. *Самашев З.С.* Наскальные изображения Верхнего Прииртышья. — Алматы: Ғылым. — 1992. — 288 с.
30. *Самашев З., Курманкулов Ж., Жетыбаев Ж.* Петроглифы Казахского мелкосопочника // Междунар. конф. по первобытному искусству. — Т. 2. — Кемерово, 2000. — С. 98–100.
31. *Марьяшев А.Н., Горячев А.А.* Наскальные изображения Семиречья. — Алматы: Общественный фонд «Родничок», 2002. — 238 с.
32. *Новожинов В.А.* Наскальные изображения повозок Средней и Центральной Азии (к проблеме миграции населения степной Евразии в эпоху энеолита и бронзы). — Алматы, 1994.
33. *Швец И.Н.* Антропоморфный персонаж в петроглифах Центральной Азии: Автореф. дис... канд. ист. наук: 07.0.06. — Алматы, 1999.
34. *Марьяшев А.Н., Рогожинский А.Е.* Вопросы периодизации и хронологии петроглифов Казахстана // Скифо-сибирский мир. Искусство и идеология. — Новосибирск: Наука, 1987. — С. 55–59.
35. *Байтилеу Д.А.* История изучения петроглифов Казахстана: Автореф. дис... канд. ист. наук: 07.0.06. — Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2007.

З.Самашев

Институт археологии им. А.Х.Маргулана, Алматы

СВЯТИЛИЩА С НАСКАЛЬНЫМИ ИЗОБРАЖЕНИЯМИ

Мақала ғидабатханаларда және тас беттерінде табылған суреттердің тұрғылықты орындарына арналған. ЮНЕСКО Әлемдік мәдени мұрасының тізіміне қосылған Тамғалы кешенінің материалдары негізінде жасалған нәтижелері берілген. Автор Тамғалы мен басқа орталықтарды ертедегі халықтардың жерлеу ғұрыптарын өткізетін киелі орындар ретінде қарастырған. Олардың типологиясы, сонымен бірге бұл ескерткіштерді сақтау мәселелері туралы да айтылады.

This article is devoted to research of rock art site as category open air temple based on the evidence of Tamgaly complex. This site is World Heritage of UNESCO. The author considered problems of existence Tamgaly complex and other similar sites as a sacred place where sacrifices were made by ancient communities, which inhabited the area. The typology of rock art centers are presented in this article. The challenges of protection of rock art sites are discussed by the author.

Проблема анализа типов и функций святилищ до сих пор оживленно обсуждается в литературе по наскальным изображениям, поскольку она затрагивает некоторые аспекты методологии их изучения. Некоторые исследователи сейчас акцентируют внимание на функциональном подходе к памятникам такого рода и считают его достаточно перспективным [1–4].

Определение/обозначение «святилище», часто используемое в различных реконструкциях, требует специального пояснения относительно его толкования, поскольку с ним связано множество других родственных понятий: храм, культовое место, жертвенник, жертвенное место, жертвенная площадка, ритуальный комплекс, сакральный объект, священное место и др. [2; 16].

Под «святилищами» мы подразумеваем (в контексте петроглифических изысканий) долговременно функционировавшие многокомпонентные сакральные центры сосредоточения духовной культуры человеческих сообществ, а конкретно — своеобразные храмы под открытым небом, где благодаря нахождению комплекса почитаемых объектов — скал с пригодными для нанесения рисунков плоскостями, водных источников, жертвенных площадок, скальных расщелин, гротов, валунов и других типов священных локусов — совершались различные культово-мистериальные действия, приуроченные к важнейшим событиям календарного или иного цикла в жизни конкретных социумов и связанных с их религиозно-мифологическими представлениями [5]. Таким образом, для того чтобы стать впоследствии «святилищем» долговременного характера, конкретно выбранная претендующая территория должна, по архитектонике и размещению природных объектов, по системе взаимосвязей ключевых компонентов, соответствовать мировоззренческим представлениям и запросам практики отправления культово-обрядовых действий и возможным другим критериям. При выборе таких мест древние люди учитывали, видимо, состояние объекта в различных круговоротах в природе, а также его положение относительно солнца или луны, т.е. соответствие астрономическим критериям.

К таким возможностям некоторые исследователи относят необычную форму геологической структуры скалы, наличие биофизических аномалий в зонах тектонических напряжений и др. [6; 49].

А.И.Мартынов, специально занимавшийся этой проблемой, правильно считает, что «первичным в период создания и функционирования памятника были не изображения, а те конкретные природные факторы, которые и определяли место как священное, определенное для ритуальных действий» [7; 169].

Таковыми могут стать необычные скалы, останцы, сопки, урочища, ущелья, горные перевалы, сами горы и т.д. После того, как подходящий по всем параметрам объект выбран жрецами, старейшинами или другими служителями культа или «геомантами» [8; 201] и др. происходит, естественно, сакрализация этого пространства.

Процесс нанесения на поверхность камня рисунков, возможно, являлся частью (основной или второстепенной — вопрос особый) многоступенчатого сложного ритуала, который происходил на святилище, но в любом случае для выбивки на твердой поверхности камня рисунков человек должен был владеть, кроме навыков и мастерства, определенным набором стилистических приемов, выработанных в данную эпоху, и, главное, он должен был знать, что и кого изображать и зачем это нужно делать? Если какой-то конкретный сюжет наскальных изображений отражает мифопоэтические пред-

ставления людей, скажем, эпохи бронзы, то художник должен знать содержание мифа (или его снабжают такой информацией сведущие члены социума — хранители таких знаний?), по мотивам которого он создает это полотно. Наличие так называемых культовых сюжетов в составе наскальных композиций без учета совокупности других признаков и компонентов не является надежным аргументом для квалификации того или иного местонахождения как святилища. Для этого необходимо определить алтарный комплекс, систему взаимосвязей его структур, составные элементы и архитектуру всего «святилища».

Из всех крупнейших многокомпонентных и разновременных археологических комплексов, известных сейчас на территории Казахстана, где в качестве основного элемента выступают петроглифы, только Тамгалинский исследован относительно неплохо. Еще в 1980 г. А.Н.Марьяшев указал на возможность квалификации этого местонахождения как святилища [9; 222].

Два участка урочища Тамгалы, находящиеся рядом, на противоположных берегах одноименной речки, там, где она, огибая мыс на правом борту ущелья, делает крутой поворот на северо-восток, могут считаться, на наш взгляд, святилищем. На этих участках (обозначенных в различных публикациях как 4 и 5 группы) в виде двух невысоких холмов, разделенных неширокой речной долиной, где, кстати, наблюдается природный акустический эффект, расположены ступенчатые скальные выходы — амфитеатры, куда удачно «вписаны» два алтарных комплекса с групповыми изображениями «солнцеголовых» персонажей, квалифицируемых как символы солнечных божеств (но не изображения самих божеств) эпохи бронзы, и множеством других разновременных петроглифов, возможно, отправлялись культы, происходили значимые события, которые в совокупности с другими элементами позволяют определить это место как «святилище». Все остальные группы рисунков урочища Тамгалы, несмотря на яркость образов, сложность композиционных решений и другие параметры, могут быть квалифицированы как периферийные зоны, поскольку у них отсутствуют важные компоненты, предопределенные самой природой. Поэтому на этих участках проводились, возможно, вторичные или заключительные действия после посещения *axis mundi* (одинокая высокая сопка при входе в ущелье справа, расположенная строго к северу от святилища). Как храм под открытым небом (так определено местонахождение Тамгалы у вышеназванных исследователей [3; 61]) он должен иметь четко очерченные границы.

Термины «храм» и «святилище», хотя и обозначают однопорядковые явления, иногда обнаруживают разное применение. В философском понимании храм является обязательным атрибутом любой цивилизации, но вовсе не обязательно его представлять в виде монументальных сооружений.

Само накопление духовного потенциала человеческой культуры — это извечное строительство «храма», не обязательно заключенного в стены и под крышу. В индоиранской и индоарийской культурной традиции храмы как здания вовсе не упоминаются, зато часто встречаются словосочетания «вместилище богов», «место почитания», «место богов». В Яштах Авесты герои призывают к божествам «на берегах водоемов, на вершинах гор, а иногда, просто не сходя с коня». Рассказывая о Герросе — «священной территории» скифов и об их обычаях и нравах, Геродот подчеркивает, что у них нет храмов и алтарей в том смысле, как это понимал эллин, т.е. в смысле зданий.

Святилище в ряде случаев воспринимается не как постоянно действующий «храм», а функционирующий эпизодически (т.е. эпизодически) природный объект во время циклических мероприятий или чрезвычайных событий. Самое упрощенное определение святилища дано А.А.Формозовым, который таковыми называет места скопления наскальных рисунков [10; 9]. Л.С. Марсадолов считает, что большинство святилищ связано с астрономическими направлениями — восходом или заходом Солнца и Луны, а также окружающими горами [8; 203].

Внимания заслуживает мнение И.Д.Русаковой, которая разделила известные ей петроглифические комплексы на территории Хакасии на три типа — святилища, сторожевые посты (наблюдательные пункты) и «скалы-книги», или информационные центры. Святилищами она предлагает называть местонахождения, характеризующиеся следующими чертами: а) доступность памятника, удобные к нему подходы; б) гладкая поверхность крупного размера; в) наличие большого количества рисунков; г) рисунки в основном объединены в одну или несколько композиций; д) плоскость видна из долины; е) перед плоскостью есть площадка, на которой может находиться одновременно до нескольких десятков человек; ж) с площадки перед плоскостью видна долина [11; 74–75]. Таким образом, ее взгляды по ключевым моментам определения святилища совпадают с мнениями других исследователей. Что касается третьего момента — «скалы-книги» или «информационного центра», то это довольно интересная расстановка акцентов в определении статуса некоторых особо примечательных местонахождений петроглифов. Если первая часть определения — «скала-книга» — в некоторой степени со-

звучна с понятиями «изобразительный текст» и «изобразительный ряд», который выстраивается для последующего чтения, то вторая часть — информационный центр, — по-видимому, открывает новые возможности квалификации храмов, святилищ и других подобного рода объектов как действительных средоточий накопленных древними социумами опыта, знаний и навыков, связанных не только с изобразительной деятельностью, но и с другими направлениями жизнедеятельности, а также хранением, передачей и распространением их во времени и в пространстве.

Как святилища, кроме Тамгалы, могут быть определены в перспективе комплексы Ешкиольмес, Баян Жүрек, Кулжабасы, Терс, Карасай в Жетысу, Сауыскандык, Арпаузен на Каратау, Акбаур на востоке, Толеубулак на Эмбе, Коскудык на Манкыстау, Акбидайык в Павлодаре, но работы на этих памятниках еще не завершены. Для того чтобы достоверно идентифицировать и интерпретировать данную категорию археологических объектов как святилищ, «храмов под открытым небом» и т.д., нужны более строгие критерии и дополнительные аргументы.

Функция святилищ связана с особой формой практики обслуживания духовных потребностей людей на протяжении длительного периода времени. В тех случаях, когда основным системообразующим элементом структуры многокомпонентных святилищ являются петроглифы, они не могут служить лишь фоном для совершения обрядовых действий, как это утверждают авторы упомянутой работы [3; 63].

Петроглифы в системе многоступенчатых обрядовых действий, которые происходили в таких святилищах, выполняли свою основную знаково-коммуникативную функцию. Часть сюжетов, особенно мифологического содержания, могла появиться во время таких мистерий. Не исключено, что служители культа — жрецы и др. — в процессе отправления соответствующего культа давали комментарии и расшифровку содержания мифов или другой закодированной в сложных образах и сюжетах петроглифов информации.

Наиболее значимые образы — «солнцеголовые», сосредоточенные на упомянутых выше двух алтарных участках (вне зависимости, кого они олицетворяли — самих небесных богов [12; 213–221], других обожествленных персон или участников мистерий и т.д.), служили главными объектами поклонения; у подножья этих комплексов происходили кульминации культово-обрядовых событий, акты жертвоприношений и т.д. Любопытно наличие «жертвенника» «под центральной сценой святилища Тамгалы», где были обнаружены кости, большую часть которых составляют кости крупного рогатого скота, отмечают А.Н. Марьяшев и С.А. Потапов, к сожалению, без указания на соответствующий источник информации [13; 139–140]. Впрочем, на характер и форму происходивших там мистерий наглядно и красноречиво указывает сама основная композиция «алтарного комплекса» Тамгалы, где перед двумя солнцеголовыми «гигантами» развернута сцена с участием 12-ти ряженных персонажей, которые, выстроившись в ряд, совершают различные экстатичные движения — танцы, эротические действия и др.

Есть вопросы по терминологии, типам святилищ [1, 14, 15], их функциям и иерархии, взаимосвязи с другими искусственно созданными культовыми объектами, успешное решение которых зависит от накопления фактического материала.

Отметим очень интересную версию относительно функций и назначения тамгалинского «храм-святилища», выдвинутую краеведом В.В.Сараевым, посвятившим не одно десятилетие изучению феномена Тамгалы. Он определил статус этого объекта в эпоху бронзы (хотя он мог функционировать и в последующие эпохи, меняя форму и содержание ритуалов) как «храм, в конструкции которого заложено само небо», с явной ориентацией на возможность учета древними людьми при выборе местности в качестве сакрального места неких астрономических координат [16; 19]. Определение святилища как «культового места» здесь неприемлемо, оно значительно сужает его функциональную характеристику. В целом его мнение о том, что при определении местности в качестве будущего «храма» сначала учитывались природно-ландшафтные параметры, правильное и в некоторой степени совпадает с нашим взглядом, изложенным выше. Однако трудно согласиться, что основным фактором при выборе является непригодность (или малая пригодность) местности для жизнеобеспечения. Это ошибочное представление о механизмах адаптации человека к полупустынным зонам, имеющим вполне достаточные ресурсы для развития пастушеского скотоводства в указанный период истории. Речь может идти об участке земли протяженностью не более 1000–1500 м, шириной 500–600 м, отчужденного от активной хозяйственной деятельности, но ставшего в бронзовом веке и в последующие эпохи сакрализованным пространством, располагающим — как внутри себя, так и вокруг — необходимыми для жизнеобеспечения значительного числа людей условиями и природными ресурсами.

Основным критерием при выборе будущего святилища было наличие подходящих для нанесения рисунков плоскостей каменных пород, а далее, как мы показали выше, учитывалось различное сочетание других факторов. Впрочем, неважно, по каким критериям облюбовали это место древние, главное — В.В.Сараев признает его как храм под открытым небом, где жили «отшельники», которые занимались обрядовой деятельностью, изучали гармонию между природой и человеком, хранили опыт и мировоззренческие ценности, а также на практике осуществляли передачу сакральных знаний другим. Судя по логике изложения, эти отшельники являлись художниками, создававшими мифологические и прочие сюжеты наскальных полотен. Они же погребены в тех каменных ящиках и цистах, которые расположены вне сакральной зоны, на примыкающей вплотную к ней территории. Наши взгляды по некоторым параметрам совпадают, особенно когда он рассуждает о возможных ритуалах на функционально взаимосвязанных участках урочища (4 и 5-я группы), т.е. на самом святилище, но различаются в деталях.

Актуальной до сих пор остается проблема отношения людей к данной категории памятников историко-культурного наследия. Важно, насколько они вписаны в государственную систему и стали частью системы общественных ценностей, как это организовано, например, в странах Фенноскандии (Богуслен и др.), в Азербайджане (Гобустан), Италии (Валкомоника), Южной Корее, Российской Федерации (Залавруга, Каповая пещера, Томская писаница) [17; 170]. Сейчас все больше раздается призывов о необходимости изменения отношения людей к памятникам наскального изобразительного искусства и создания соответствующей системы использования в познавательном туризме с целью пропаганды знаний о древней истории.

На первый план в переживаемый отрезок исторического времени выдвигаются проблемы сохранения. Петроглифы Каскабулака, находящиеся в пределах территории государственного природного заповедника «Аксу-Жабагылы» в горах Таласского Алатау, практически относятся к музеефицированным объектам с особым режимом работы и ограничением доступа. Это обстоятельство во многом спасло памятник от обширного разрушения под воздействием антропогенных факторов. Наличие небольшого ледника и высокая точка расположения (3300–3500 м над уровнем моря) обеспечивает памятнику возможность предотвратить пагубное воздействие кислотных дождей. Поэтому Аксу-Жабагылы можно считать одним из немногих «чистых» памятников, сохранивших первозданный облик. Там не проводились работы по копированию с помощью микалентной бумаги. Тем не менее наши работы на этом объекте в 2003 г. выявили признаки разрушения некоторых плоскостей с рисунками посетительскими автографами. В ряде стран одним из возможных средств по сохранению считается отказ от указания точного местонахождения памятника в различных справочниках по туризму и т.д., поэтому некоторые специалисты даже считают возможным ввести систему поддержания конфиденциальности подобной информации [18; 22–23].

Пристальное внимание к наскальным изображениям урочища Тамгалы, благодаря яркости материала и, что немаловажно, близости к научному и политическому центру страны, и ряду других благоприятных факторов, обеспечили этому памятнику популярность в научной и культурной среде казахстанского общества достаточно рано. В результате многочисленных обсуждений и рекомендаций Тамгалинский археологический комплекс был включен Министерством культуры РК, по согласованию с Институтом археологии им. А.Х.Маргулана МОН РК и другими научно-исследовательскими учреждениями и общественными организациями, в республиканский предварительный список памятников, рекомендуемых от Казахстана для включения в Список Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО. Затем подготовка соответствующих документов была поручена НИПИ ПМК МК РК. В результате целенаправленных работ Национальной Комиссии РК по делам ЮНЕСКО и Министерства культуры РК в 2004 г. археологический комплекс Тамгалы был включен вторым от Казахстана в Список Всемирного культурного наследия, что явилось важнейшим событием в культурной жизни страны (первым — мавзолей Ходжа Ахмеда Ясави). До этого в 2003 г. Постановлением Правительства РК был создан Государственный историко-культурный и природный заповедник «Тамгалы». Сейчас там ведутся работы по созданию соответствующих научно-организационных инфраструктур и укреплению материально-технической базы функционирования заповедника. Комплекс Тамгалы — пока единственный музеефицированный памятник древнего искусства в Казахстане, не считая Аксу-Жабаглинские. Есть еще один петроглифический памятник, правда, немногочисленный по составу, в заповедной зоне Национального природного парка «Алтын-Эмель». В перспективе археологическими скансенами могут стать петроглифы возле энеолитического поселения Коскудык 1 близ г. Актау, в гроте Толеубулак на территории Актюбинской области, писаницы грота Акбаур в Восточном Казахстане и петроглифы Акбидайык в Павлодарской области, а также археологический комплекс с рисун-

ками Теректы Аулие в Карагандинской области, по которым уже ведутся соответствующие работы. Важный, имеющий несколько прагматический характер аспект работы с наскальными изображениями, на который уже обратили внимание специалисты, — это интеграция мотивов и образов древнего наскального искусства в современное художественное пространство [19; 196–200]. Она наблюдается сейчас во многих уголках земли, в Казахстане тоже. Такой феномен связан с пробуждением глубинной памяти человека и его психологией мировосприятия в новых условиях и является своеобразным отражением прошлого в смешанных (неэклетичных) художественных образах и осознанием индивидуумом действительной потребности свободного общества. Это не просто вещи, разрисованные мотивами наскального искусства или созданные по мотивам древних произведений современных художников, а гораздо более глубокое явление, порожденное особенностями человеческого сознания. Созвучность древних и современных художественных явлений в некоторых условиях отмечена исследователями [19; 199].

Список литературы

1. Мартынов А.И. К вопросу о типологии памятников петроглифического искусства // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. — М., 1990. — С. 13–18.
2. Святилища: археология ритуала и вопросы семантики. Материалы тематич. науч. конф. — Санкт-Петербург, 14–17 ноября 2000 г. — СПб.: СПбГУ, 2000. — 235 с.
3. Марьяшев А.Н., Горячев А.А. Наскальные изображения Семиречья. — Алматы: Общественный фонд «Родничок», 2002. — 238 с.
4. Бобров В.В., Савинов Д.Г. Принцип хроностратиграфии в изучении петроглифов как древних святилищ // Мир наскального искусства. — М., 2005. — С. 35–36.
5. Самашев З. Петроглифы Казахстана. — Алматы: Онер, 2006. — С. 32.
6. Мартынова Г.С., Покровская А.Ф. Природный фактор наскального искусства Притомья // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. Материалы 12 Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. — Томск, 2001. — С. 48–49.
7. Мартынов А.И. Современное общество и памятники наскального искусства // Мир наскального искусства. — М., 2005. — С. 168–171.
8. Марсадоллов Л.С. Общие закономерности при выборе места в окружающем ландшафте для культовых объектов Саяно-Алтая во 2–1 тыс. до н.э. // Культурно-экологические области: взаимодействие традиций и культурогенез. — СПб., 2007. — С. 199–211.
9. Марьяшев А.Н. Петроглифы Семиречья // Звери в камне. — Новосибирск, 1980. — С. 211–229.
10. Формозов А.А. К проблеме «очагов первобытного искусства» // Советская археология. — № 3. — 1983. — С. 5–13.
11. Русакова И.Д. Наскальное искусство и окружающее пространство // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. — Томск, 2001. — С. 74–76.
12. Марьяшев А.Н., Потапов С.А. Культовые сюжеты в петроглифах эпохи энеолита и бронзы // Материалы конференции «Маргулановские чтения-1990». — М., 1992. — С. 212–222.
13. Марьяшев А.Н., Потапов С.А. Некоторые вопросы хронологии и семантики петроглифов эпохи бронзы // Современные проблемы изучения петроглифов. — Кемерово, 1993. — С. 133–142.
14. Мартынов А.И., Марьяшев А.Н., Абетеков А.К. Наскальные изображения Саймалы-Таша. — Алма-Ата, 1992. — С. 46.
15. Бутягин А.М., Чистов Д.Е. Факторы выделения античных святилищ 6–4 вв. до н.э. // Святилища: Археология ритуала и вопросы семантики. — СПб., 2000. — С. 62–67.
16. Сараев В.В. Феномен Тамгалы // История и археология Семиречья. Вып. 3. — Алматы: Общественный фонд «Родничок», 2007 — С. 7–21
17. Мартынов А.И. Как мы распоряжаемся археологическим историко-культурным наследием? // Археология Южной Сибири. — Вып. 23. — Кемерово, 2005.
18. Беднарик Р., Дэвлет Е.Г. Консервация памятников наскального искусства Верхней Лены // Памятники наскального искусства. — М., 1993. — С. 7–24.
19. Дэвлет Е.Г. Памятники наскального искусства. — М.: Научный мир, 2002. — 240 с.

В.В.Евдокимов, С.У.Жауымбаев

Карагандинский государственный университет им. Е.А.Букетова

ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ПЛОЩАДКИ АЛАТ В 2007 ГОДУ

Мақалада қола дәуірінің соңғы кезіне жататын Алат қонысының 2007 жылғы қазба жұмысы кезінде мәдени қабаттан шыққан 3 металл балқытқан пештер және айналасындағы үлкен көлемдегі күлтөбелер, олардан табылған қоладан, сүйектен, мүйізден жасалған заттар мен қыш ыдыстардың фрагменттері туралы айтылады.

This article is devoted to the description of artifacts, such as, dwelling-workshop, three metallurgical furnaces, ash pits, bronze ware, stoneware and articles made of bone and horn, which were found in 2007 during the archeological research of Alai settlement of The Post Bronze Epoch in Central Kazakhstan.

Производственная площадка, обозначенная по материалам раскопок 2004–2005 гг. как металлургическая [1–2], расположена на восточной окраине пос. Алат эпохи поздней бронзы. Поселение находится в 220 км к юго-востоку от г. Караганды, в Кентском горно-лесном массиве Каркаралинского национального природного парка. Жилая площадка поселения узкой полосой, 20–70 м, протянулась на 0,5 км вдоль левобережной надпойменной террасы горной речки Кызылкеныш у подножия горного хребта, поросшего сосновым лесом. На поверхности жилой площадки поселения визуально фиксируется полтора десятка жилищных впадин округлой в плане формы диаметром около 10 м, глубиной 0,4–0,5 м.

Раскоп 2007 г. площадью 180 м² (рис. 1; фото 1) включил раскоп 2006 г., законсервированный на уровне –0,4 м из-за проливных затяжных дождей. Стратиграфия раскопа: 1 — дерновый слой (0,15–0,2 м); 2 — темно-серый дресвяно-супесчаный слой (0,06–0,3 м); 3 — светло-серый супесчано-дресвяный слой (0,03–0,6 м); 4 — желтый дресвяно-супесчаный слой (0,06–0,39 м); 5 — материковый (подстилающий) желтый дресвяный слой. На некоторых участках отмечен пестроцвет мощностью 0,09–0,24 м (рис. 1). Слой 2 отнесен к верхнему строительному горизонту, слои 3,4 — к нижнему. Верхний и нижний строительные горизонты выделены в раскопах 2004, 2005 гг. [1, 2].

К нижнему строительному горизонту относится жилище-мастерская 1. После расчистки развала камней зафиксированы северная и южная поперечные и западная продольная стены. Нижний фундаментный слой — 2 параллельных ряда вкопанных плит с забутовкой между ними камнями, плитками — имеет ширину 0,9–1,3 м. Часть стены юго-западного угла сложена из 8–10 слоев горизонтально уложенных плит на земляном растворе (фото 2).

Выход, учитывая сплошную линию остатков поперечных и западной продольной стены, находился с восточной стороны.

Отсутствие столбовых ям в жилище предполагает либо усеченно-пирамидальную, либо односкатную конструкцию кровли.

Форма жилища-мастерской 1 при наличии второй, восточной продольной стены, разобранный на строительство печей верхнего строительного горизонта, параллелепипедная, размером по осевым внутренним линиям 7,2×5,1 м. Площадь помещения 37 м² (рис. 1).

На полу жилища-мастерской в юго-западном углу зафиксировано кострище с очажной ямой размером 0,5×0,45 м, глубиной 0,1 м, заполненной прокаленным глиняно-дресвяным слоем.

В заполнении придонного слоя найдены фрагменты керамики, сосуд в развале, изделия из бронзы, камня, кости и рога, заготовки из кости и рога, кусочки железной руды, угольки, кости животных.

Вне жилища-мастерской 1, возле западной и южной стен, отмечены 3 зольника, с восточной стороны — хоз. яма, попадающая в раскоп частично. Судя по королькам бронзы, прокалу и каменным плиткам, вне жилища-мастерской, возле зольника 2, отмечены остатки печи (законсервированной из-за выступления подземных вод в период начавшихся дождей).

Вскрытая часть зольника 1 сегментовидной формы, размером 2,35×0,85 м, чашеобразной в профиле формы, глубиной 0,35 м (рис. 1).

Зольник 2 траншеевидный, размером 6,6×1,84–2,1 м, в разрезе котловидный, глубиной 1,05 м. В зольнике найдено более 120 костяных и роговых отработанных орудий и заготовок, керамика (рис. 1).

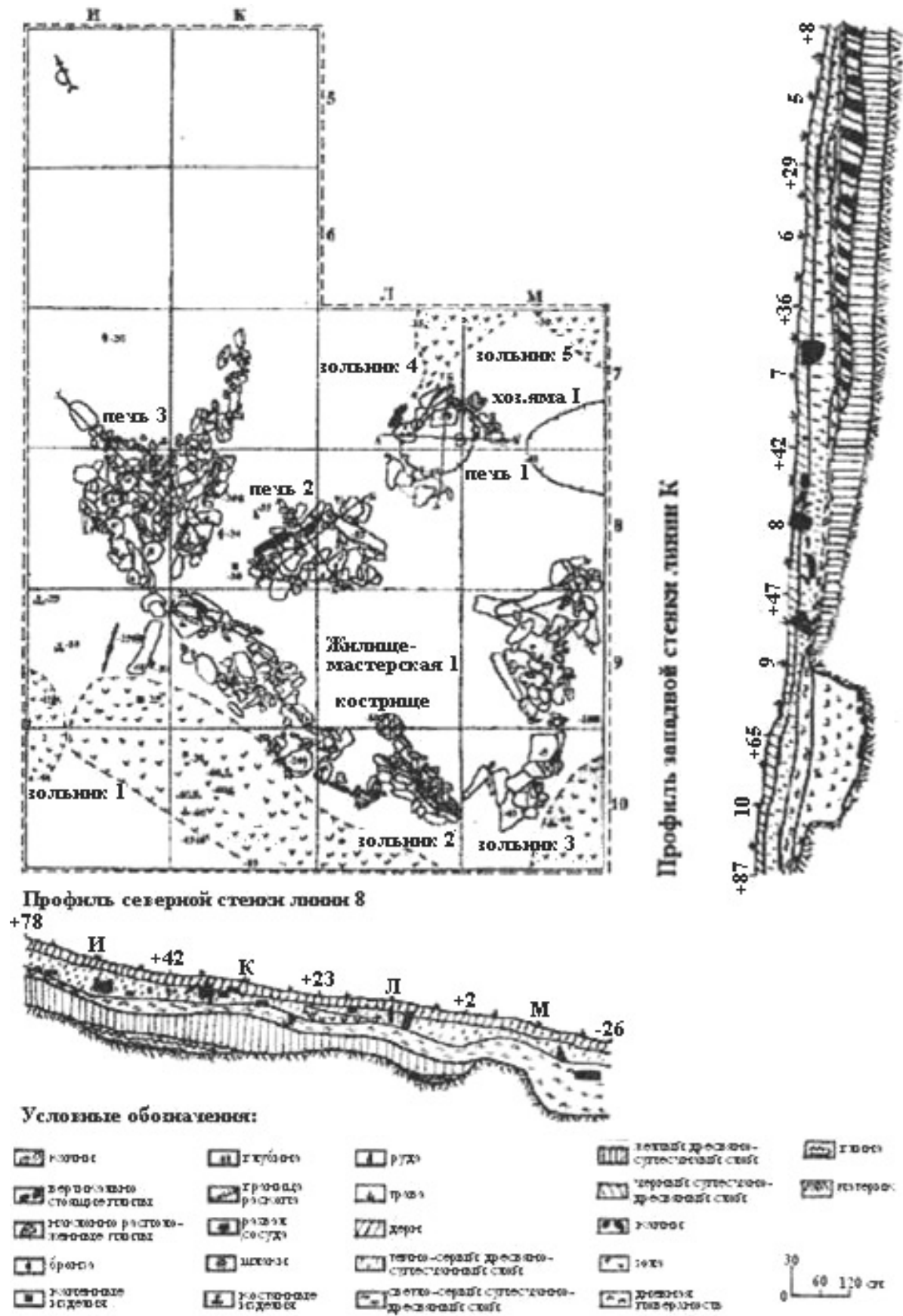

Рисунок 1

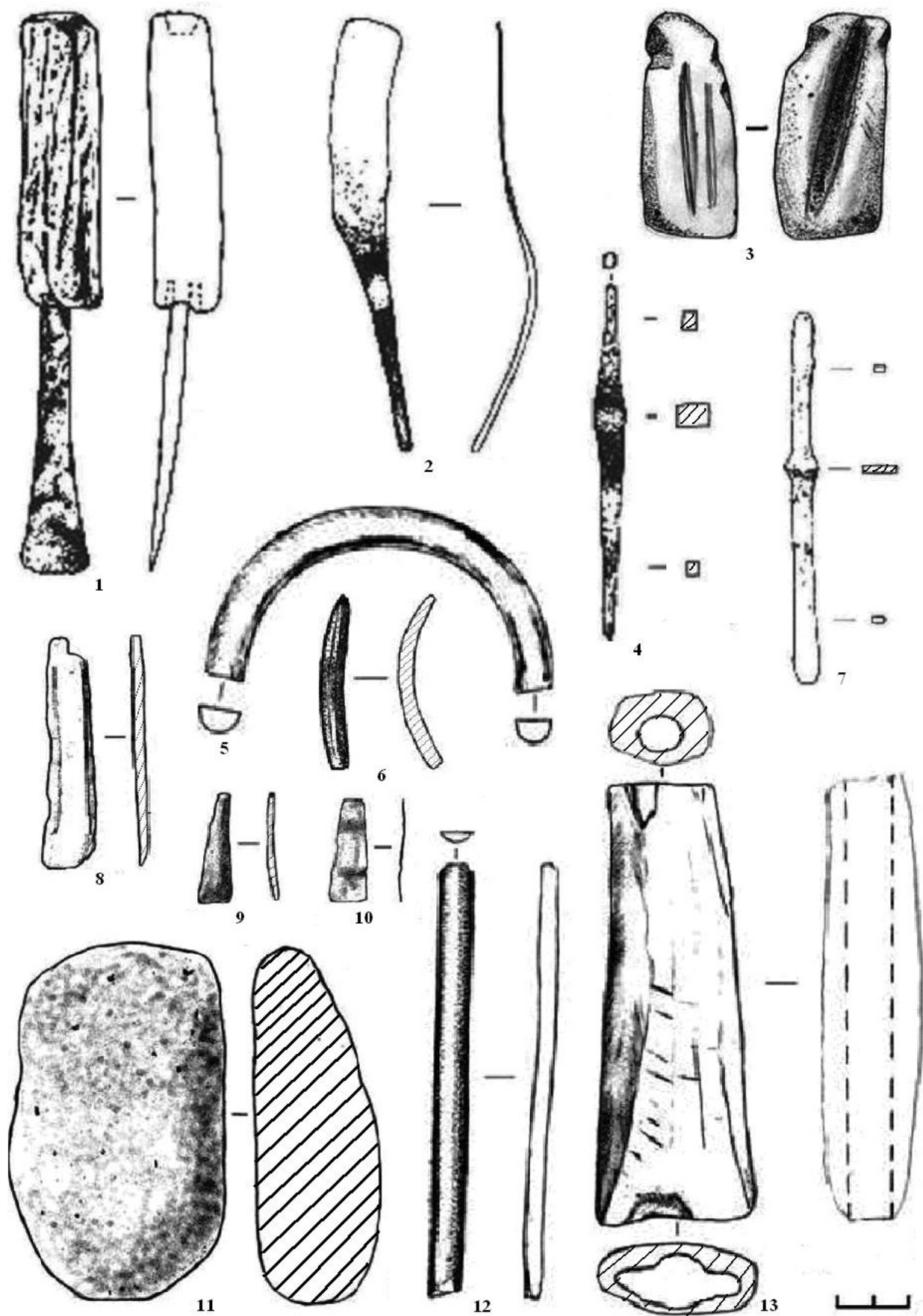

Рис. 2. Производственная площадка Алат. Изделия. 1, 2, 4, 6-10 — бронза; 3, 11 — камень; 5, 12, 13 — кость

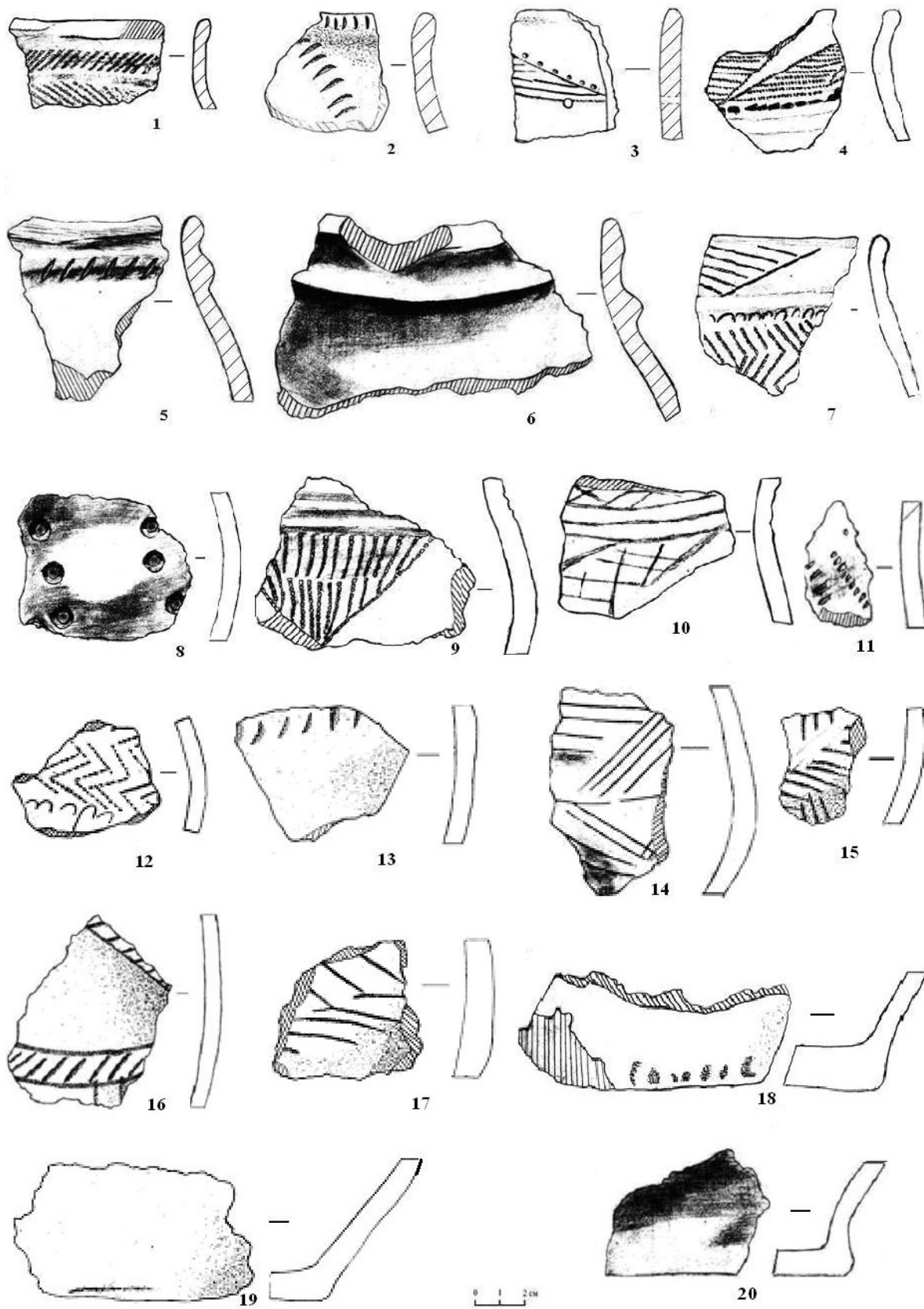

Рис. 3. Производственная площадка Алат. Керамика

Фото 1. Производственная площадка Алат. Общий вид раскопа на уровне $-0,4$ м. Вид с юга

Фото 2. Производственная площадка Алат. Часть западной стенки юго-восточного угла жилища-мастерской 1. Вид с востока

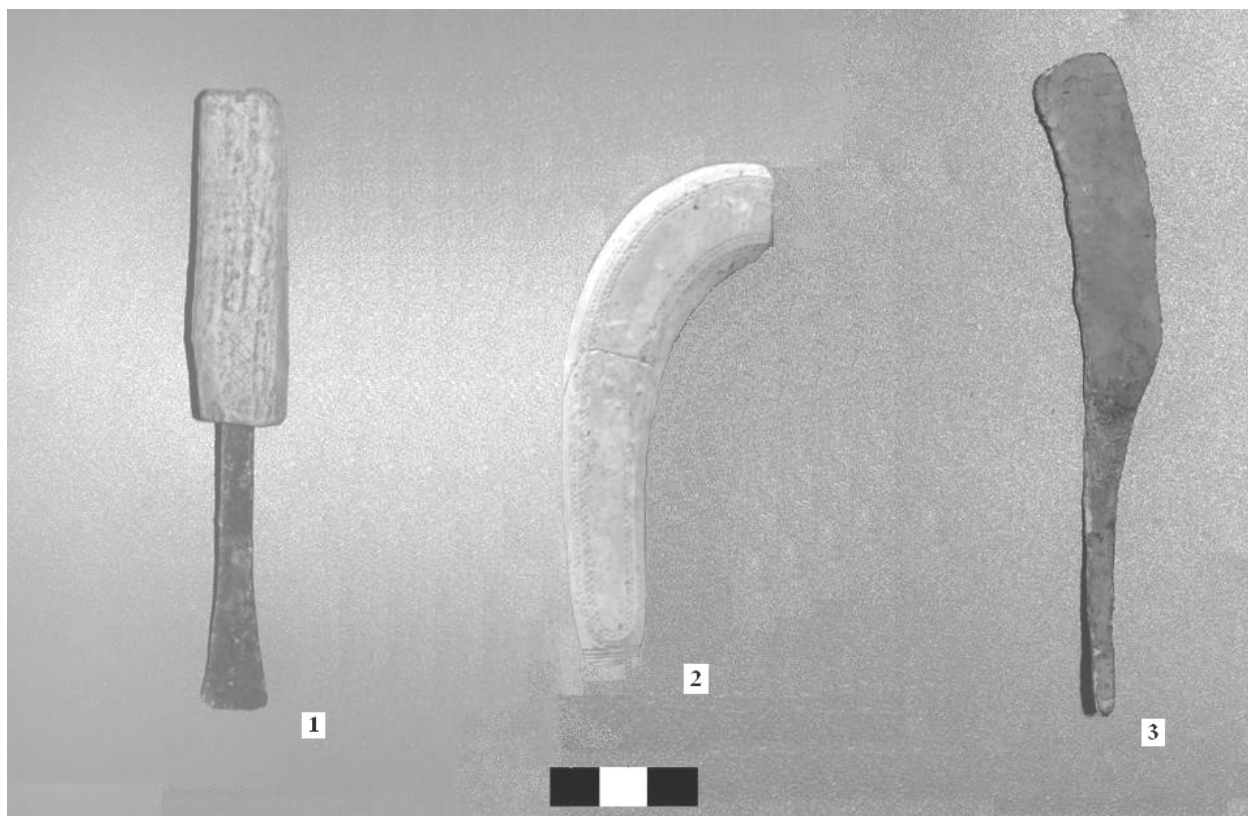

Фото 3. Производственная площадка Алат. Изделия: 1 — бронзовая стамеска с рукоятью из рога; 2 — орнаментированный псалий из рога; 3 — бронзовая бритва

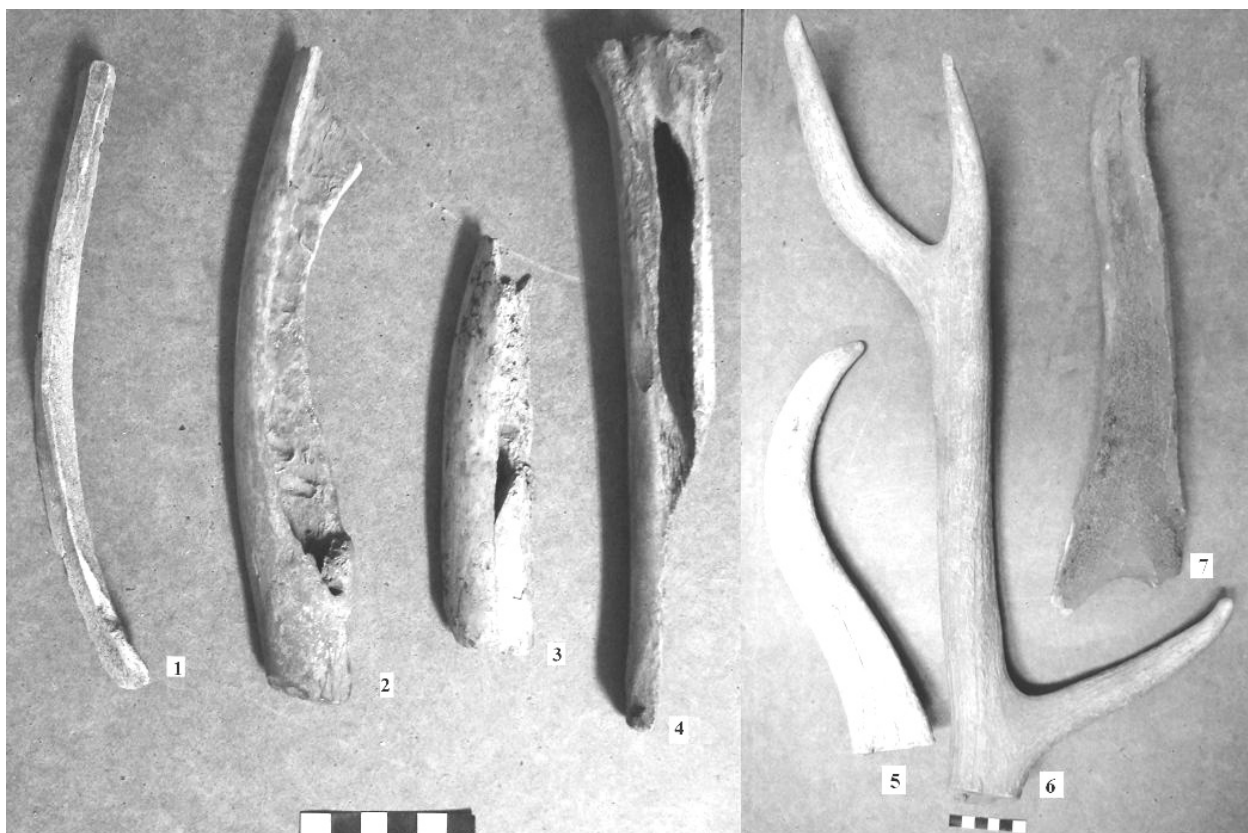

Фото 4. Производственная площадка Алат. Изделия и заготовки из кости и рога. 1, 5–7 — изделия и заготовки из рога; 2–4 — отработанные изделия из кости

Зольник 3 в плане секторовидный, размером 2,4х1,45 м, мощность золистого слоя 0,3 м. В заполнении зольников заготовки из рога и кости, керамика, кости животных, изделия из камня, из бронзы (рис. 1).

Хоз. яма 1 овально-усеченной формы, размером 1,6х1,5, котловидная, глубиной 0,22 м (рис. 1).

В нижнем строительном горизонте найдены керамика, изделия из бронзы, бронзовые всплески, изделия из камня, заготовки изделий из кости и рога, кости животных. В верхнем строительном горизонте зафиксированы печи 1–3, зольники 4, 5.

Развал печи 1 в виде полукольцевой выкладки, размером 2,2х1,9 м, из плашмя уложенных плит по краям подовой ямы. Снаружи, к северной стенке печи, приставлены 3 вертикально и 2 наклонно стоящие плиты. В восточном секторе, на уровне 0,25 м от поверхности, к стенке примыкает полоса забутовки из мелких камней длиной 1,2 м, шириной 0,4 м. Подовая яма овальной формы, размером 1,5х1,2 м, глубиной 0,6 м. На дне ямы глиняная обмазка толщиной 0,15 м, в центральной части которой линза прокала толщиной 2–3 см. В южном секторе стенка печи прерывается, образуя устье печи шириною 1,2 м. В юго-западном секторе стенки под камнями развала найден полуразрушенный неорнаментированный горшок (рис. 1).

Печь 2 в плане овальной формы, 2,8х2 м. С северной стороны стенка сооружена из вертикально вкопанных каменных плит, с мелкими камнями у основания. С западной и восточной стороны от стенки сохранились 1–2 слоя плит. С восточной стороны в стенку был уложен каменный блок размером 1,35х0,2х0,13 м. Подовая яма в плане овальная, размером 1,7х1,2 м, глубиной 0,21 м от уровня фиксации — 0,9 м от поверхности. Центральная часть дна подовой ямы обмазана слоем глины, толщиной 0,5–0,15 м. Устье печи с южной стороны шириной 0,81 м. Возле печи на уровне 0,2–0,41 м найдены каменные терочки, несколько кусочков железной руды, бронзовая стамеска, угольки, сосуд (рис. 1).

Печь 3 овальной формы, размером 2,8х1,55 м. Подовая яма длиной 1,2 м, шириной 0,7 м, глубиной 0,2–0,3 м. В верхнем слое стенки отмечен гранитный блок размером 0,95х0,21х0,1 м. На дне подовой ямы слой глиняной обмазки толщиной 0,1–0,12 м. Устье печи с северной стороны шириной 0,6 м (рис. 1).

Верхние края каменных стенок печей фиксировались на уровне 0,05–0,25 м от поверхности, т.е. в дерновом и поддерновом слое. Очертания подовых ям фиксировались на уровне 0,6–0,65 м от поверхности, глубина подовых ям 0,2–0,6 м, наибольшая глубина печей от современной поверхности 1,1 м. Стратиграфическая последовательность заполнения печей снизу вверх: глиняно-дресвяная обмазка дна — 0,1–0,15 м, желтый песчано-дресвяный — 0,05–0,35, светло-серый супесчано-дресвяный слой — 0,1–0,3 м, темно-серый супесчано-дресвяный — 0,08–0,23 м. Функциональное назначение печей, их место в технологическом процессе получения металла по имеющимся данным определить затруднительно, не исключено, что они предназначались для кучевого обжига железной и медной руды.

Зольники 4, 5 расположены около печи 1. Попавшие в границы раскопа частично, имеют размеры 1,95х1,8 м и 0,75х0,62 м соответственно и мощность золистого слоя 0,25 и 0,23 м. В заполнении зольников кости животных.

В верхнем строительном горизонте найдены изделия из бронзы, литейная форма, кусочки железистого шлака, керамика, заготовки из кости и рога, кости животных.

Коллекция находок из раскопа насчитывает 14 изделий из бронзы и 14 изделий из камня, более 150 целых и фрагментарных поделок и заготовок из рога и кости. Находки из бронзы локализуются на участке печей верхнего строительного горизонта, а из рога и кости — вне жилища-мастерской 1, в зольниках нижнего строительного горизонта.

Бронзовые находки нижнего горизонта представлены долотом, двумя пластинками, фрагментом и заготовками неопределенных изделий. Долото подтрапцевидной формы, размером 6,5х1–1,4х0,3 см. Длина скошенного заостренного лезвия 1,4 см. Верхний конец долота частично сколот (рис. 2–8). Пластины трапцевидной формы — размеры 2,6х0,5–1 см и 3х0,3–0,8 см, толщиной соответственно 0,5 мм и 0,1 см (рис. 2 — 9, 10).

Изделия из камня представлены пестом размером 6,8х3,2х4 см (рис. 2 — 11), точильным камнем из гальки черного цвета, размером 8х5,4х1,3 см, с четырьмя залощенными рабочими площадками-плоскостями, двумя ложилами, фрагментом точильного камня, размером 8,2х0,8х1,8 см, с двумя залощенными гранями-площадками.

В зольниках нижнего горизонта найдено более 150 изделий и заготовок из рога и кости в соотношении 1:4. Находки можно подразделить на три группы: орудия труда и заготовки, утильсырье,

отходы сырья. Изделия представлены рукоятями и их заготовками, заготовками различных форм, неопределенных орудий, пуговицами; утильсырье (отработанные орудия) — фрагментом трепала и неопределенных изделий; отходы сырья — отрезки рогов, преимущественно диких животных (марал, олень, лось и др.), фрагменты костей домашних и диких животных (фото 4).

В отдельную группу «пищевые отходы» выделены кости домашних и диких животных. Для более подробной характеристики изделий из кости и рога необходимы дополнительные исследования.

Наиболее ярким изделием из рога является стержневидный псалий длиной 10,7 см с двумя сквозными отверстиями, расположенными в одной плоскости. Изделие обломлено с концов. На лицевой стороне по 2 полосы зигзага, заключенного между резными линиями. На утонченном конце 4 кольцевых нарезки. С внутренней стороны в стенке отверстия толщиной 0,6 см в просверленной дырочке костяной шпенок (круглый стерженок) длиной 0,8 см, диаметром 0,2 см. Возле шпеняка поверхность псалия имеет частичную подтеку (фото 3 — 2).

В верхнем строительном горизонте больше находок из бронзы и камня.

Тесло бронзовое стержневидное, 15,9 см, с роговой рукоятью. Клинок подтреугольной формы, 0,8x0,5 см. Длина расширенного овального лезвия 1,8 см, на одной из сторон отмечены следы заточки. Рукоять овальной в сечении формы, размером 8,3x2,3x2 см. В нижней части имеет паз подовальной в плане формы, размером 1,5x1 см, для закрепления клинка стамески, на верхнем торцевом конце рукоятки фиксируется углубление размером 1,1x0,9x0,6 см. На одной из боковин в нижней части рукоятки отмечены пересекающиеся насечки (рис. 2 — 1; фото 3 — 1).

Долото с упором длиной 10,5 см подпрямоугольной в сечении флоты. Упор подквадратной формы, размером 0,8x0,2 см. Размеры верхней черешковой части 4,4x0,5x0,5–0,3 см, нижней — 6,1x0,6–0,8x0,5–0,3 см. Длина прямого лезвия 0,8 см (рис. 2 — 7).

Фрагмент верхней части долота трапецевидной формы, длиной 4,2 см, толщиной 0,2–0,5 см, шириной в нижней обломленной части 1 см.

Долото длиной 7,4 см, клинообразно сужающееся в нижней части, с расширенным лезвием длиной 0,5 см. На верхнем конце ударная приплюснuto-уплощенная площадка размером 0,6 x 0,1 см.

Бритва черенковая, длиной 12,5 см, с дугообразно изогнутой лезвийно-клинковой частью, размером 5,8x1,7x0,05 см. Черенок стержневидный, заостренный, длиной 6,7 см, толщиной 0,15 см (рис. 2 — 2; фото 3 — 3).

Шило стержневидное с упором, в сечении квадратной формы, длиной 9,7 см. Длина рабочей части 5,8 см, толщина 0,3–0,8 см, длина черенка 3 см, толщина 0,3–0,8 см. Упор плохой сохранности, подквадратной в плане формы, шириной 0,8 см (рис. 2 — 4).

Найдены долотце длиной 7,4 см, фрагмент долота, 2 отрезка стержневидного прута длиной 5 и 7,2 см, часть (браслета?) размером 5 x 0,5 x 0,4 см (рис. 2–6), заготовка изделия подпрямоугольной в плане формы размером 7,5 x 0,8–11 x 0,3 см.

Ложила галечные — 5 экземпляров, один из песчаника, одноплощадочные, одно-двуплощадочные. Рабочие площадки пришлифованы. В плане трапецевидных, в разрезе прямоугольно-трапецевидных очертаний, размером 3–9,4 x 0,9–4,5 x 0,4–3,9 см. Из шести ложил 4 из верхнего строительного горизонта.

Литейная форма — каменная, длиной 6,2 см, с двумя рабочими площадками. На одной плоскости площадка размером 5,5 x 2,3 см, где вырезан негатив для отливки иволистной пластинки размером 4,4x0,8x0,3 см, на другой плоскости, размером 5,8x1–2,3 см, два негатива для отливки проколов, размером 4,4x0,5x0,2 см и 3x0,2x0,1 см. На одном из концов на боковых гранях отмечены выемки «перехвата», на торце с противоположного конца рабочая ровная площадка размером 2,6x2,4 см (рис. 2 — 3).

Точильный камень изготовлен из песчаника, в плане и в сечении прямоугольной формы, размером 6,8x4x3,2 см, с двумя рабочими площадками на основных плоскостях.

Изделие шаровидно-приплюснутое, с шероховатой поверхностью, диаметром 6 см, толщиной 4,8 см. На усеченных плоскостях по углублению диаметром 2 см, глубиной 0,2 см.

Три каменных изделия со следами сработанности не имеют законченной предметной формы для определения типолого-функционального назначения.

Из костяных изделий найдены 2 рукояти (рис. 2 — 13), стержень сегментовидной в сечении формы, длиной 16 см (рис. 2 — 12).

Коллекция керамики насчитывает 1297 фрагментов: 157 фрагментов шеек (61 — орнаментированный), 1061 фрагмент стенок (124 — орнаментированные), 74 фрагмента придонной части горшковидных и единично банковидных сосудов, 8 фрагментов станковой керамики. Наиболее насыщенными керамикой оказались второй (43 %) и третий (22 %) слои, в верхнем (1-2 слой) строительном гори-

зонте 46 %. Визуально керамика горизонтов определяется как однородная, валиковая, алексеевского типа. Суммарная характеристика керамики следующая.

Тесто сосудов плотное, с визуальной фиксируемой примесью крупнозернистой дресвы и песка. Поверхность серых и коричневых тонов, ровная, заглаженная.

Диаметр горшков по венчику 12–24 см, по тулову 15–32 см, в придонной части 8–14 см. Большая часть сосудов имеет округлый венчик, остальные — уплощенный или заостренный. На многих сосудах фиксируется налепной, нередко орнаментированный валик, отмечен формованный валик (рис. 3 — 6).

Донышки сосудов по форме перехода к тулову с закраиной, тупоугольные, прямоугольные (рис. 3 — 18–20).

Поверхность сосудов орнаментировалась по венчику, шейке, плечу, тулову. Орнамент выполнен резными линиями, крупногребенчатым штампом, зацепами, «жемчужинами», различной формы вдавлениями, в том числе ногтевидными. Элементы узора представлены горизонтальными рядами пересекающихся отрезков, рядом заштрихованных резными или гребенчатыми отрезками треугольников, сеткой, косыми и крестовидными насечками, «елочкой», рядом наклонных вдавлений, горизонтальными линиями, отмечены Z-образные фигуры (рис. 3). Сочетаемость элементов узора: горизонтальная линия — крестовидные или овальные вдавления; Z-образные фигуры — ногтевидные или сегментовидные вдавления; ногтевидные — овальные вдавления; «елочки» — усеченно-овальные вдавления (рис. 3).

В целом комплекс керамики обладает характерными признаками и чертами алексеевского типа [3; 122–126] и находит аналогии с керамикой памятников ОКВК (общность культуры валиковой керамики) [4; 81–99] поселений поздней бронзы Казахстана, в частности, Алексеевское [5; 163–171, рис. 4; 5], Каркаралинское II, Улутау, Суук-Булак [6, табл. XIV, XV, XIX], Атасу [7; 191–192, рис. 151], Кент [8; 59, рис. 2], Копы-1 [9; 20–41, рис. 6; 7] и др.

Комплекс керамики маркирует культурно-хронологическую позицию объектов раскопа 2007 г., относящихся к эпохе поздней бронзы периода ОКВК в рамках XIII–IX вв. до н.э.

Из металлических изделий к датирующим относятся долота. Так, пластинчатые долота распространены в сейминском и, отчасти, преданьининском хронологических горизонтах (4, табл. Г). Стержневидное тесло с костяной рукоятью находит аналогии с теслом из могильника Бозенген (расположенного в 40 км к северу от пос. Алат), который относится к первой четверти II тыс. до н.э. [10; 94, рис. 5–25, 11; 213, рис. 94–10]. Тесло из раскопа датируется комплексом валиковой керамики и, в данном случае, не является хронологическим репером, как и бритва, не находящая прямых аналогий.

Стратиграфическое положение объектов — жилища-мастерской 1 с зольниками в нижнем строительном горизонте и трех печей в верхнем строительном горизонте — указывает лишь на относительную хронологическую позицию, но во временных рамках валиковой керамики. Более определенной можно предполагать синхронизацию верхнего строительного горизонта печей из раскопа 2007 г. с верхним строительным горизонтом железоварочных горнов из раскопов 2004–2005 гг., которые мы отнесли к рубежу II–I тыс. до н.э.

Список литературы

1. Жауымбаев С.У., Евдокимов В.В. Металлургический комплекс эпохи бронзы Алат Каркаралинского района Карагандинской области // Вестн. Карагандинского университета. Сер. История. Философия. Право. — 2006. — № 3 (43). — С. 21–38.
2. Евдокимов В.В., Жауымбаев С.У. Раскопки на поселении эпохи поздней бронзы Алат в 2005 г. // Историко-культурное наследие Сарыарки. — Караганда, 2007. — С. 123–131; Евдокимов В.В., Жауымбаев С.У. Начальный период производства железа в Центральном Казахстане // Степной край Евразии. Историко-культурные взаимодействия и современность: Тезисы, доклады и сообщения V Междунар. науч. конф. — Омск — Караганда: Изд. ОмГУ, 2007. — С. 28–30.
3. Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. — М.: ВИНТИ, 1994. — 464 с.
4. Черных Е.Н. Проблемы общности культур валиковой керамики в степях Евразии // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. — Челябинск: БГУ, 1983. — С. 81–99.
5. Евдокимов В.В. Новые раскопки Алексеевского поселения на р. Тобол // Советская археология. — 1975. — № 4. — С. 163–172.
6. Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадымбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. — Алма-Ата: Наука КазССР, 1966. — 435 с.
7. Кадымбаев М.К., Курманкулов Ж. Культура древних скотоводов и металлургов Сары-Арки — Алма-Ата: Ғылым, 1992. — 247 с.

8. Варфоломеев В.В. Относительная хронология керамических комплексов поселения Кент // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. — Караганда: Изд. КарГУ, 1987. — С. 56–68.
9. Евдокимов В.В., Ломан В.Г. Поселение Коп-1 // Вопросы археологии и этнографии Центрального Казахстана. — Караганда: Изд. КарГУ, 1982. — С. 23–41.
10. Евдокимов В.В., Ткачев А.А., Ткачева Н.А. Могильник эпохи бронзы Бозенген — памятник Нуртайского типа // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — Вып. 4. — Тюмень, 2002. — С. 84–95.
11. Ткачев А.А. Центральный Казахстан в эпоху бронзы. — Ч. 1. — Тюмень: Изд. ТюмГНГУ, 2002. — 289 с.

УДК 902.2

А.А.Бисембаев

Областной центр истории, этнографии и археологии, Актобе

ПАМЯТНИКИ ОГУЗО-ПЕЧЕНЕЖСКОГО ВРЕМЕНИ ЗАПАДНОГО КАЗАХСТАНА

Общий обзор

Мақалада VIII–XI ғғ. археологиялық ескерткіштердің жалпы және ерекше белгілері қарастырылған. Оғыз-печенег уақытына жататын Шалқар, Қалмақ Чабан, Болгарка, Кос оба және т.б. обаларын қазу нәтижесінде алынған ескерткіштер ерте ортағасырдағы саяси жағдайдың айқын көрінісі іспеттес. Археологиялық кешендер сол кездің әлеуметтік, этномәдени және экономикалық жағдайлары туралы да мәлімет береді.

In the article there are studied general and particular features of archeological tombstones of VIII–XI centuries. Results of archeological dig from Shalkar, Kalmak Chaban, Bolgarka, Kos oba and other cemeteries of oghuz-pechenezh times make it possible to reflect political situation of the early Middle Ages. Archeological tombstones inform us about social, ethno-cultural and economical situation at that time.

Рассматриваемая территория Западного Казахстана весьма обширна. В административном отношении она включает в себя современные Актюбинскую, Западно-Казахстанскую, Атыраускую и Мангистаускую области. В природно-географическом плане это срединная часть Евразии, участок между Тургайским прогибом и Волго-Уральским междуречьем широтной протяженностью более 1200 км.

По природным данным здесь прослеживаются несколько зон: лесостепь, степь, полупустыня и пустыня. Хотя и не наблюдается значительных поднятий местности, формы микрорельефа очень разнообразны — от значительных понижений до старых горообразований. Все это многообразие, вкупе с климатическими данными и хорошо развитой системой гидросети, приобщенной к бассейну такой крупной реки, как Урал, не могло не повлиять на размещение памятников. Благоприятные условия экологической ниши степной зоны обусловили происхождение большого числа памятников эпохи средневековья. Различия в их размещении и количественный состав вполне объяснимы с позиций произошедших исторических событий. Конкретную роль в этих моментах играют и природно-климатические условия, пригодные для проживания человека, а определенные территории, наиболее комфортные с этой точки зрения, становились притягательными для представителей кочевого населения. При демографическом всплеске или конфликтных ситуациях эти территории являли собой объект претензий с различных сторон. Не случайно именно в таких зонах располагаются крупные могильники, использовавшиеся людьми на протяжении длительного времени.

Из общего числа средневековых памятников менее всего представлены археологические объекты огузо-печенежского времени VIII–XI вв. Однако определенные выводы на основании анализа имеющихся данных, при соотнесении с историческими событиями, сделать вполне возможно.

Всего в наличии имеется 35 погребений, сосредоточенных в 20 могильниках. Особенностью этой группы является то, что погребения в основном одиночные на могильниках и почти не образуют собственных могильных полей. Исключением являются десять погребений, локализованных в могильнике Карасу I [1; 96–99]. По два погребения представлено в могильниках Калмак Чабан I, Мамай

и Свистун-горе. Остальные погребения одиночные в могильниках. Важным обстоятельством является наличие или отсутствие собственной курганной насыпи. Погребений, впущенных в курганную насыпь предыдущих эпох, около половины от общего числа — 43,8 %, что является значительным показателем, по сути дела, характеризующим признаком.

Размещение памятников на карте показывает, что они в основном локализируются в бассейнах Илека, Урала и Большого и Малого Узеней. Половина всех погребений сосредоточена в западной части исследуемого региона, в бассейне Большого и Малого Узеней — 46,9 %. Это объясняется расположением здесь крупного могильника Карасу I, а также могильников Мамай и Кос Оба. Бассейн реки Урал занимает вторую позицию по числу имеющихся погребений, здесь их обнаружено 9. По три одиночных погребения локализируются в Уило-Эмбенском и Илекском бассейнах. Всего два погребения приурочено к бассейну реки Иргиз. Даже при беглом ознакомлении с картой заметно, что памятники первой хронологической группы образуют две локальные подгруппы — восточную и западную. Условную границу являет собой река Урал. Причем западная группа локализуется довольно компактно, в ней присутствует наибольшее число погребений с собственной курганной насыпью. Восточная же группа, приуроченная к бассейнам рек Илек, Иргиз, Уил и Эмба, уступает в численном отношении. Кроме того, размещение ее памятников носит рассеянный характер, здесь превалирует группа впускных захоронений.

Таким образом, проведенное картографирование выявляет наличие двух локальных групп памятников в числе погребений, относящихся к первому хронологическому периоду. Данный факт, вместе с особенностью расположения всех памятников в северной зоне Западного Казахстана, позволяет на основании археологических материалов выстраивать реконструкции исторического характера.

Анализируемый материал в целом при своей малочисленности крайне разнороден и своеобразен. Общее сравнение памятников между собой показывает: погребения по чертам обряда объединяются в несколько характерных типов. Для более четкого типологического деления были проведены общие расчетные вычисления по всей группе по таким параметрам, как размеры и конструкция курганной насыпи, наличие костей лошади, глубина и форма могильной ямы, ориентировка погребенных и др. Подробные расчеты обнаруживают лишь общие тенденции в погребальном обряде, обрисовывают главные черты по максимальным показателям, но не охватывают всего многообразия и, соответственно, не могут претендовать на полную и всеобъемлющую характеристику погребального обряда, однако, помогают выявить основные критерии для выделения типов.

Из рассматриваемых комплексов почти половина не имеет собственной курганной насыпи и впущена в курганы более раннего времени. Курганные насыпи малого диаметра (от 4 до 8 м) представлены в незначительном количестве — 12,5 % от общего числа анализируемых памятников первой группы. Основная часть насыпей от 8 до 15 м, что составляет порядка 37,5 %. В подавляющем большинстве случаев курганная насыпь — земляная. Всего в двух случаях насыпь сооружалась с применением камня — курган № 11 могильника Лебедевка VI и курган № 12 могильника Шалкар III. Но характер присутствия камней в обоих случаях различный. Если в кургане могильника Лебедевка насыпь содержала включение мелкого щебня, что едва ли говорит о присутствии каменной конструкции, то в шалкарском кургане камни плотным слоем образовывали выкладку над могилой, отсутствуя на периферии кургана. В одном случае под насыпью кургана обнаружено каменное кольцо — в кургане № 4 могильника Жолуткен (Кепир I).

Сложной для определения категорией является наличие костей животных, за исключением копыт, черепа или целого скелета лошади. По наличию костей в насыпи кургана или на дне могильной ямы этот момент условно можно обозначить как следы тризны или остатки заупокойной пищи соответственно. Присутствие костей мелкого рогатого скота или лошади в виде ребер, позвонков или трубчатых костей в насыпи курганов зафиксировано в семи случаях, что составляет 20 %. Столько же раз кости животных обнаружены на дне могильной ямы. В двух случаях кости обнаружены в насыпи могилы. Этот момент, как нам кажется, больше тяготеет к элементам тризны. Такое проявление в погребальном обряде, как следы огня зафиксировано трижды в насыпях курганов и пять раз в могилах. Следы огня прослеживаются в виде прокаленной земли, кострища, остатков обгоревшего дерева, угольков или золы.

Преобладающей формой могильной ямы для первого периода является обычная прямоугольная — 62,5 %. Ямы с уступом или уступами вдоль длинных стен составляют 18,8 % от общего числа рассматриваемых комплексов. Подбойные могилы весьма немногочисленны, обнаружены в четырех случаях (12,5 %). Два кургана могильных ям не содержат совсем. Могильные ямы глубиной до полу-

метра, неглубокие, составляют 21,9 %, средней глубины, в пределах одного метра, — 25 %; глубокие, от 1,5 до 2,5 м, представлены в подавляющем большинстве — 49,2 %.

Целый скелет лошади встречен в одном случае, в могильнике «Турбаза», в кургане № 1 [2]. Части скелета в виде «чучела», разложенных в анатомическом порядке костей ног и черепа обнаружены в 46,9 % погребениях. Кости лошади обнаружены также в 15,6 % могил, но в данном случае не установлено из-за ограбления, присутствовал ли целый остов или только «чучело». Кости лошади выявлены на уступе в могильной яме в шести случаях, что составляет 18,8 %; на перекрытии всего два случая; рядом с человеком в могильной яме — семь случаев (20 %).

Западная ориентировка скелетов погребенных является доминирующей в группе памятников огузо-печенежского времени — 37,5 %. Восточная, северо-западная, северо-восточная представлены в равной пропорции — по два случая. Северная ориентировка — 12,5 %, юго-западная — 18,8 %. Погребальные комплексы с юго-восточной ориентировкой костяка не встречены. Южная ориентировка представлена всего в одном случае — в кургане № 12 могильника Шалкар III.

Остатки деревянных конструкций в виде перекрытия зафиксированы в 28,1 % могил; в виде гробовищ — всего в двух случаях (6,2 %); заклад из деревянных плах с камнями, закрывавший вход в подбой, представлен 6,2 % могил. Дважды достоверно установлено присутствие настила под скелетом погребенного. В кургане Болгарка I расчищена сложная конструкция, закрывавшая вход в подбой, состоящая из березовых кольев-стоек, поверх которых был беспорядочно набросан хворост из тонких березовых веток с остатками листьев. Сверху насыпан слой черной сажистой земли с мелкими угольками и комками обожженной глины. И на этой площадке было похоронено «чучело» коня с седлом и уздечкой. Кроме этой конструкции, в могиле дополнительно зафиксированы остатки гроба [3; 245–258].

Археологические памятники первой хронологической группы практически не образуют крупных могильников. Небольшой в количественном плане материал рассредоточен по обширной территории Западного Казахстана. Подобная картина с памятниками синхронного периода наблюдается в соседних регионах: в Заволжье и Приуралье, расположенные в междуречье Дона и Волги имеют тенденцию сближения с памятниками Подонья и Северного Кавказа [4; 125]. Пожалуй, только памятники Южной Башкирии представляют собой хорошо очерченный круг погребений определенного типа со сходным инвентарем и общими чертами в погребальном обряде [5].

Осложняет данную ситуацию то обстоятельство, что в погребальных комплексах первой группы значительный процент потревоженных и ограбленных захоронений. Информативность и достоверность таких комплексов значительно снижается. Возможность сравнения обряда курганных групп затруднена из-за того, что погребения в большинстве случаев единичные, не образующие группы на одном могильнике. В археологической литературе существует разработанная типологическая классификация для этого хронологического периода [6, 7]. За основу взято присутствие костей лошади, с дополнительным подразделением по форме могильных ям и ориентировке покойников. В нашем случае эта схема будет выглядеть излишне громоздкой и содержать типы, представленные зачастую одним погребением. Поэтому сравнение более перспективно проводить по типам погребений, которые выделяются на основе рельефных характерных черт. К подобным типам можно отнести погребения с костями лошади, погребения, не содержащие костей лошади, и специфические погребальные комплексы без скелета человека.

Первый тип захоронений, содержащих кости лошади, — самый многочисленный. В 15 погребениях достоверно установлено присутствие частей скелета, и в одном случае имеется полный скелет лошади. Еще в 5 потревоженных погребальных комплексах обнаружены кости лошади, но установить первоначальную картину окончательно невозможно. Общее число комплексов этого типа составляет 21 захоронение, процентный показатель порядка 65,6 %, т.е. подавляющее большинство. В 9 погребениях «чучело» лошади находилось рядом со скелетом человека в могильной яме (42,9 % в этом типе погребений). Расположение костей на уступе, вырубленном в могиле, зафиксировано 6 раз по рассматриваемому типу и дважды достоверно установлено расположение костей коня на деревянном перекрытии. Погребения с западной ориентировкой покойника в 7 случаях сопровождают части конского скелета. При юго-западной ориентировке человека установлено 5 случаев соответствия костей лошади — 14,3 %.

В кургане № 12 могильника Шалкар III и во втором погребении кургана № 11 могильника Карасу I «чучело» лошади было ориентировано в ту же сторону, что и покойник. Два практически идентичных захоронения курганов № 10, 20 могильника Карасу I содержали погребения в подбоях. Кости лошадей, уложенные в анатомическом порядке на уступе во входной яме, были ориентированы в противоположную от человека сторону [1; 96–99]. Разница в погребальном обряде заключается в том,

что скелет человека в кургане № 10 был ориентирован на восток, а в кургане № 20 — на запад. Все вышеперечисленные погребения содержали «чучело» коня со снаряжением, от которого остались разной сохранности удила, стремяна, пряжки и т.п. Немаловажным обстоятельством является то, что инвентарь, сопровождающий покойника, богат и выразителен — это различного вида предметы вооружения, быта, украшения.

Наличие костей лошади в ином варианте присутствует в следующей группе погребений: кургана № 8, впускного захоронения кургана № 18 могильника Карасу I, также впускного захоронения кургана № 11 могильника Кос Оба и кургана № 8 могильника Шалкар II. Ориентировка скелетов во всех погребениях западного направления с небольшим отклонением к югу — в двух случаях. Отличительной чертой этой группы является присутствие в могиле костей ног и копыт лошади без черепа, причем ног лошади одна, две, три, но никак не четыре, и они помещаются в ногах у покойника. В одном случае (могильник Шалкар II, курган № 8) они находились на уступе. Учитывая наличие в могилах нижних частей ног лошади с копытами, пищевая ценность которых практически равна нулю, едва ли возможно рассматривать их в качестве заупокойной пищи. Скорее всего, это один из вариантов рассматриваемого обряда. Видоизменение в этом случае можно рассматривать как деградацию обряда во времени либо как проявление социальной дифференциации. В пользу этого свидетельствуют малочисленность и невыразительность инвентаря в этих погребениях.

В восьми оставшихся погребениях первой хронологической группы кости лошади не содержатся в указанных проявлениях, это порядка 25 % от всего количества памятников группы. Этот тип погребений составляют памятники из могильников «Орлиное гнездо», Ата II, Рубежка, курганов № 3, 6 могильника Мамай, № 1 могильника Лиманы (Солянка I) и погребения Эмба. В 6 погребениях ориентировка западная, с отклонениями к северу или югу, в одном случае северная и в одном — восточная. Во всех случаях форма могильной ямы простая. В 5 погребениях, исключая захоронения могильников «Орлиное гнездо», курганов № 6 могильника Мамай и № 1 могильника Лиманы (Солянка I), присутствуют предметы конской сбруи: остатки седел, стремяна, удила, уздечные наборы, т.е. налицо символизация погребения с конем.

Под тремя насыпями в могильниках Калмак Чабан I, курганах № 8 и 9, а также кургана № 4 группы Жолуткен (Кепир I) захоронения человека отсутствовали. В одном случае, в кургане № 8 могильника Калмак Чабан I, была сооружена яма, где на вырубленном уступе находилось «чучело» лошади в снаряжении и присутствовали наконечники стрел. В двух других могильной ямы не было вообще. В кургане № 4 могильника Жолуткен под насыпью на уровне погребенной почвы находились ноги и череп коня, уложенные в анатомическом порядке с двумя железными стремянами без дужек и черешковым наконечником стрелы. На этом же уровне была обнаружена поясная бляха, единственная находка в кургане № 9 могильника Калмак Чабан I.

Таким образом, разрозненные погребальные комплексы первой хронологической группы объединяются в три основных типа: погребения с конем, погребения без коня и кенотафы. Сравнения по погребальному обряду двух выделенных в результате картографирования локальных групп показывают, что в западной, более многочисленной, группе преобладают два первых типа. Погребения этой группы в большинстве своем имеют собственную курганный насыпь, захоронения человека с конем снабжены выразительным воинским инвентарем, и по основным характеристикам они сближаются между собой. Восточная группа, кроме малочисленности, отличается большей вариативностью в чертах погребального обряда. Погребения с частями коня зафиксированы в Болгарке, Жаман Каргале и Песчаном карьере. Этой группе присущ «разброс» в ориентировке и элементах обряда. Общие же тенденции таковы: для первой хронологической группы наиболее характерным типом является погребение человека с конем, точнее, с его частями, так называемым «чучелом». В этом случае присутствует конское снаряжение в виде сбруйного и уздечного наборов. Доминирующей ориентировкой является западная, с небольшими отклонениями к северу и югу.

Предметы материальной культуры поздних кочевников, обнаруженные в результате раскопок, представляют собой богатейший материал для различного рода реконструкций этнического, социального, экономического характера. Особое значение в хронологическом и, соответственно, этнокультурном определении приобретают те категории инвентаря, которые бытовали в четко очерченный временной отрезок и соответственно могут играть роль хронологического «репера». Подобные вещи, находящиеся в погребении и объединенные в логическую цепь, помогают точнее определить время сооружения данного погребения.

Проблема соотношения памятников второй половины I тыс. н.э. с конкретным этносом, известным по письменным источникам, обитавшими и последовательно сменявшими друг друга кочевыми

объединениями на территории Западного Казахстана стоит уже давно. Различными исследователями предлагались попытки выделения черт погребального обряда и определенных категорий вещевого инвентаря, которые могли бы явиться «маркером» того или иного объединения кочевников раннего средневековья [8]. С.А.Плетнева и Г.А.Федоров-Давыдов предложили свои выводы по вопросам решения данной проблемы разными путями. Их результаты во многом совпадают. В частности, Г.А.Федоров-Давыдов на основе анализа комплексов инвентаря выделил вещи, бытовавшие в первый период предложенной им периодизации — X–XI вв.[7].

С.А.Плетнева относит к печенежским погребения, совершенные в неглубокой яме, с костями ног и черепом коня, разложенными в анатомическом порядке слева от человека, и соответствующим инвентарем: короткие прямые сабли, стремена с выделенной петлей для путлища, луки с тяжелыми серединными накладками, копоушки с богато украшенной ручкой, подвески в виде стилизованных птичек, характерные серповидные бляшки на поясе, сосуды с «роскошным» орнаментом. Кроме того, как особенные выделены следующие черты: отсутствие женских погребений, захоронения «чучела» коня без человека (кенотаф) и помещение в могилы в виде исключения костей коровы или быка.

Группа погребений, принадлежащая огузам, отличается от печенежской наличием женских погребений, отсутствием кенотафов, большей глубиной могильных ям, расположением головы и ног коня не рядом с покойником, а в засыпи могилы на середине глубины. В случае, если покойник погребался без коня, то вдоль длинных стен сооружались уступы для перекрытия. Необходимо учитывать, что эти разработки относятся к территории Восточной Европы [9; 22–23, 10; 218].

Южноприуральские и заволжские памятники анализировались В.А.Кригером. Им в качестве черт, характерных для огузских погребений, были определены следующие: прямоугольные могилы, деревянное перекрытие, захоронение черепа и костей ног коня на перекрытии. В основе аргументации лежит ссылка на описание Ибн Фадланом погребального обряда огузов. Корреляция погребального обряда с птицевидными нашивками и копоушками показывает, что данные предметы этнографического характера встречаются на «ограниченной территории, связанной с активным расселением огузских племен» [4; 126]. Кроме того, по мнению В.А.Кригера, птицевидные нашивки и копоушки являются предметами, присущими огузскому объединению, исходя из того, что птица у огузов была тотемом. Предпосылки этого явления следует искать в Обь-Иртышском междуречье в курганах срубной культуры, следуя традиции определять огузов как выходцев с территории Алтая и Южной Сибири [4; 126, 11; 137–144].

Г.А.Кушаев в книге «Этюды древней истории Степного Приуралья» пришел к следующим выводам. Для памятников печенежско-огузской культурно-исторической общности, датированных им второй половиной IX – началом XI вв., характерны следующие черты: земляные насыпи курганов, западная (в редких случаях южная) ориентировка погребений, обязательное захоронение с человеком коня, частей его или «чучела», особые, без перегиба (в виде целого стержня с кольцами на концах), удила. Огузские могилы более сложны — с перекрытиями на продольных или поперечных уступах [2; 102–103].

Таким образом, при детальном рассмотрении предложенных вариантов решения данной проблемы вырисовывается следующая картина: исследователями предлагаются совершенно различные критерии для выделения погребений, принадлежащих печенежскому или огузскому объединению. В данной ситуации нам представляется наиболее целесообразным согласиться с выводами В.А.Кригера по проблеме выделения огузских погребений из целого пласта памятников IX–XI вв. Самая полная сводка по огузо-печенежским памятникам содержится в работе В.А.Иванова и Г.Н.Гарустовича. Всего по территории степной зоны от Днепра до верховьев Урала учтены погребения 308 могильников. Сравнение памятников по регионам с эталонными образцами выявило результаты, подтверждающие выводы В.А.Кригера [12; 573–582]. То есть огузскими, вероятнее всего, следует считать погребения с западной ориентировкой, совершенные в прямоугольных могилах, с «чучелом» коня на деревянном перекрытии. Лировидные пряжки, копоушки, птицевидные нашивки, встреченные в погребениях, обладающих вышеперечисленными чертами, также могут быть отнесены к признакам огузов.

Печенежские погребения обладают большей вариативностью в чертах погребального обряда. Работа с материалами раскопок на территории Актюбинской области за последние годы, а также учет опубликованных погребений по Южному Приуралью и Западнему Казахстану убеждают в этом. Причина данного явления, на наш взгляд, кроется в том, что печенежское объединение было конгломеративным, т.е. включало в себя различные кочевнические группировки, в частности, древнебашкирские. Ярким примером служат Атпинское погребение и захоронение Эмба [13; 162–165].

После поражения в конце IX в. и ухода основной массы печенегов на запад, в южнорусские степи, часть печенегов осталась на прежних территориях и подчинилась огузам. Этой группой оставлены бедные и невыразительные памятники, на которых прослеживается смешение в чертах погребального обряда. Иллюстрирует данную ситуацию впускное погребение кургана № 25 могильника Жаман Каргала I [14; 81–85]. Это погребение с западной ориентировкой имело весьма скудный инвентарь, состоящий из железного в обломках ножа, астрагалов и сильно окисленных железных удил с различными по диаметру кольцами. В могильной яме не было заплечиков или уступов, а «чучело» коня располагалось несколько выше и слева от скелета, на остатках деревянной конструкции.

К XI в. практически повсеместно завершился процесс ассимиляции печенегов в составе огузско-го племенного союза. Письменные источники указывают на родство огузов и печенегов [15; 102, 229, 370]. В соседнем регионе — на Нижней Волге, в зоне активных контактов огузов и печенегов, этот процесс смешения шел значительно быстрее, и, по-видимому, этим можно объяснить тот факт, что к X в. печенежские погребения почти неотличимы от огузских [16; 84]. Частичное проникновение кыпчаков, инфильтрационный процесс начались еще до их массовой экспансии в 30-х годах XI в. — примерно с конца X в. Вероятно, к этому времени относится погребение из Болгарки. В пользу даты X–XI вв. для погребения из Болгарки говорит тот факт, что характерные сбруйные украшения были наиболее широко распространены именно в это время [17; 54–67].

Кроме этнохронологических определений, анализируемые памятники являются прекрасным материалом для реконструкции социального состава кочевого общества, находившегося в тот период на стадии разложения военной демократии [18; 13–18] и выделения элитных социальных групп. Наборные воинские пояса, по мнению некоторых исследователей, изготавливались индивидуально и отражали положение их владельца в военной или административной иерархии [19; 144]. Дополнительно отмечено, что захоронения, совершенные в подбоях, представлены богатым инвентарем и соответственно принадлежат к высшему составу — т.е. захороненные в них занимали более высокое положение в этнических группах [20; 65]. Погребения в подбоях (курганы № 10 и 20 могильника Карасу I, курган № 12 могильника Шалкар III) рельефно, отчетливо выделяют комплект инвентаря: сабельные клинки, наборные пояса, доспехи, украшения и др. Группа захоронений без костей лошади отличается тем, что инвентарь менее выразителен, зачастую беден. В этой группе больше впускных захоронений, отличающихся и меньшей глубиной простой по форме могильной ямы.

Особое значение для хронологического определения имеют надежно датированные памятники, т.е. выполняющие роль хронологического «репера». В этом плане возрастает роль определенных категорий вещевого инвентаря. Весьма интересной находкой является нож с волютообразным навершием из основного погребения кургана № 11 могильника Карасу I. Нож выполнен в виде пластины. Его клинообразный в сечении конец, являющийся клинком, переходит в черенок. Вершина черенка раздвоена и загнута спиралью. Подобный тип ножей получил широкое распространение в памятниках Восточной Европы: Побужья, Подунавья, Польши и Чехословакии, датируемых VIII–IX вв. После X в. подобный тип ножей повсюду выходит из употребления [21; 151]. В рассматриваемом погребении нож сопровождали находки бронзовых нашивных бляшек в виде птиц. Вещевой инвентарь и элементы погребального обряда позволяют отнести его к IX в.

Дополнительно для определения времени сооружения того или иного захоронения имеет поиск ближайших аналогий. Сходное элитному памятнику могильника Шалкар III захоронение исследовано на Нижней Волге в курганной группе Купцын Толга. Второе погребение кургана № 46 содержало захоронение мужчины головой на юго-запад, под перекрытием на уступах вдоль длинных стен. Скелет находился в гробовище из частей кибитки. На перекрытии было уложено «чучело» лошади — череп и кости ног, ориентированные на северо-восток. Погребенного сопровождал выразительный инвентарь: железная сабля, остатки берестяного колчана, обломки лука с костяными накладками и на лице-вых костях черепа находилась серебряная маска, подобная найденной в Шалкаре [22; 107–108]. Время сооружения данного памятника — рубеж IX–X вв. К этому же хронологическому отрезку относится шалкарское погребение.

В целом, подводя итоги, необходимо отметить, что для рассматриваемого периода практически не характерны крупные серии однотипных погребений, что значительно затрудняет их этническое и хронологическое соотнесение. Картографирование памятников выявило наличие двух локальных групп — восточной и западной. Западную отличает ярче выраженное общее направление в чертах погребального обряда. Восточная, с широким диапазоном элементов погребального культа, малочисленнее. Общим для обеих групп является комплект вещей, бытовавших в это время. Именно к вос-

точной группе относятся атпинское и эмбенское погребения, по всем признакам отождествляемые с древними башкирами.

Вероятно, древнебашкирские племена, включенные в состав печенежского объединения, занимали восточную окраину территории расселения печенегов до середины IX в., по соседству с районами, контролируемые огузами. Использование союзников в качестве буфера в пограничной зоне — весьма распространенное явление в практике кочевых народов. В составе башкирских племенных групп, по-видимому, присутствовали группы финно-угорского этнического облика. Бракованные и недоработанные изделия, происходящие из Песчаного карьера [23; 60–73], свидетельствуют о том, что их делали, судя по всему, в этой зоне, по Илеку. Хотя по форме, составу и комплекту их полные аналогии находятся в Прикамье. Этнические контакты с финно-угорским населением еще здесь, в Западном Казахстане, обеспечили древнебашкирским группам возможность почти бесконфликтно обосноваться на Южном Урале после прорыва огузов.

Ядро печенежской группировки до этого события, вероятно, локализовалось на правобережье Урала, в бассейне Большого и Малого Узеней — ими оставлены яркие комплексы западной группы. Большое количество впускных погребений восточной локальной группы в приграничных районах говорит о нестабильности обстановки в условиях эпизодических боевых действий. Близость огузов и печенегов в материальной культуре и чертах погребального обряда обусловило то, что после ухода большей части печенегов на запад оставшиеся группы, подвергшиеся огузскому влиянию, практически неотличимы. Памятникам X–XI вв., особенно Волго-Уральского междуречья, присуща однотипность и общие характерные признаки. Сосредоточие памятников этого периода приходится на степную зону с разветвленной системой речной сети.

В значительной мере обрядовые действия в погребальной практике, характеризующей первую группу, связаны с культом коня. Проявления в комплексах разнообразные. На рубеже VIII–IX вв. распространенным типом являлось погребение с «чучелом» коня на уступе или в могильной яме на одном уровне с человеком. Немаловажное значение при этом имеет способ отчленения ног лошади по первый или второй (пястный) суставы. Этот признак этнографического характера служит дополнительным датировочным материалом [24; 134–139]. С момента огузской экспансии распространяется обычай помещения «чучела» на перекрытии могильной ямы либо на крышке гробовища, над скелетом человека. Распространение этого типа погребений приходится на вторую половину IX в. Одновременно наблюдается измененная форма этого обряда, заключающаяся в погребении одного или двух копыт лошади в бедной по инвентарю могиле. Деградация обрядового действия связана с имущественной дифференциацией. Она коснулась обычая сооружения кенотафов, исчезнувшего с уходом печенегов. Инфильтрация кыпчакских группировок, их спорадическое проникновение началось, вероятнее всего, до массового переселения 30-х годов XI в., еще на рубеже X–XI вв. В это время начинают появляться единичные погребения с восточной ориентировкой и инвентарными комплектами.

Список литературы

1. Кокебаева Г.К. Памятники поздних кочевников Западного Казахстана // История материальной культуры Казахстана. — Алма-Ата: Гылым, 1980. — С. 95–103.
2. Кушаев Г.А. Этюды древней истории Степного Приуралья. — Уральск: Диалог, 1993. — 172 с.
3. Бисембаев А.А., Гуцалов С.Ю. Средневековые погребения с территории Актюбинской области // Вопросы археологии Западного Казахстана. — Самара: Диалог, — 1996. — Вып. 1. — С. 245–258.
4. Кригер В. Средневековые кочевники Заволжья (обзор источников) // Древняя и средневековая история Нижнего Поволжья. — Саратов, 1986. — С. 114–131.
5. Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала VIII–XII вв. — М.: Наука, 1981. — 164 с.
6. Плетнева С.А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // МИА № 62. — М.: Изд-во АН СССР, 1958. — 185 с.
7. Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. — М.: Изд-во МГУ, 1966. — 274 с.
8. Мец Н.Д. К вопросу о торках // КСИИМК, 1948. Вып. 22. — С. 36–42.
9. Плетнева С.А. Древности Черных Клобуков // САИ, 1973. Вып. Е1–19. — 94 с.
10. Плетнева С.А. Печенеги, торки и половцы // Степи Евразии в эпоху средневековья. — М.: Наука, 1981. — С. 213–222.
11. Кригер В.А. Огузские курганы в междуречье Волги и Эмбы // Новое в средневековой археологии Евразии. — Самара, Артефакт, 1993. — С. 137–144.
12. Ivanov V.A. Garustovich G.N. The Results of the Statistical Analyses of Funeral Rites of the Nomads in the «Great Steppe Belt» in the 10th–11th Centuries and their Ethnic Interpretation // The archaeology of the Steppes: methods and strategies. — Napoli, 1994. — P. 573–589.

13. Гуцалов С.Ю. Погребение средневекового воина в восточных отрогах Мугоджар // Кочевники Урало-Казахстанских степей. — Екатеринбург: Наука, 1993. — С. 162–166.
14. Бисембаев А.А. К вопросу об этнокультурной интерпретации погребений конца I тыс. н.э. // Известия МН-АН РК. Сер. обществ. наук. — 1996. — № 2. — С. 81–85.
15. Агаджанов С.Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX–XIII вв. — Ашхабад: Ылым, 1969. — 295 с.
16. Шнайдиштейн Е.В. Печенежские памятники Нижнего Поволжья // Историческая этнография. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. — С. 79–86.
17. Гаврилина Л.М. Сбруйные украшения у кочевников Восточной Европы X–XI вв. // Археологические исследования Калмыкии. — Элиста, 1987. — С. 54–67.
18. Плетнева С.А. Кочевники средневековья. Поиски исторических закономерностей. — М.: Наука, 1982. — 188 с.
19. Ковалевская В.Б. К изучению орнаментики наборных поясов VI–IX вв. как знаковой системы // Статистико-комбинаторные методы в археологии. — М.: Наука, 1970. — С. 138–144.
20. Овчинникова Б.Б. К вопросу о захоронении в подбоях в средневековой Туве // Этногенез и этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. — Омск, 1983. — С. 60–68.
21. Минасян Р.С. Железные ножи с волютообразным навершием // Проблемы археологии. — Л., 1978. — С. 148–152.
22. Шнайдиштейн Е.В. Раскопки курганный группы Купцын Толга // Археологические памятники Калмыкии эпохи бронзы и средневековья. — Элиста, 1981. — С. 105–108.
23. Бисембаев А.А. Случайные находки рубежа I–II тысячелетий с территории Актюбинской области // Известия НАН РК. Сер. обществ. наук. — 2003. — № 1. — С. 60–73.
24. Атавин А.Г. Некоторые особенности захоронений чучел коней в кочевнических погребениях X–XIV вв. // Советская археология. — 1984. — № 1. — С. 134–143.

УДК 930.9

А.К.Кушкумбаев

Кокшетауский университет

ВНЕЗАПНОСТЬ КАК ФАКТОР НЕОЖИДАННОГО НАПАДЕНИЯ В ВОЙНАХ МОНГОЛЬСКОЙ ЭПОХИ

К вопросу организации караульной службы

Мақалада тұтқиылдан жауларға шабуыл жасау шабуылдаушы жақтардың мүмкіншілігін арттырып отырды. Осы әдістерді қолдану арқылы монғолдар стратегиялық және тактикалық мүмкіншілікті өз қолдарына алып, шабуылдаушы жақтар қорғанушы жаққа қарағанда басымырақтау болды. Тұтқиылдан шабуыл жасау қорғанушы жақтарды қиын жағдайға ұшыратты. Монғол қарауылдардың құрылуы, сол кездегі жүйеге сай әскери керекті ақпараттар мен бұйрықтарды алуы көрсетілген.

In job is shown, that the suddenness of an attack on the opponent gave, undoubtedly, conclusive advantage to the attacking party. This advantage consist, in deduction of the strategic and tactical initiative in hands of the Mongolian management. The attacking party was more prepared in comparison with defending. The unexpectedness of an attack for the opponent put beforehand him in, a unprofitable tactical situation. The creation by the Mongols of security system allowed the commanders in time to receive the necessary military information.

Внезапность и неожиданность в истории войн, которые использовали в прошлом древние и средневековые государства (армии) и применяют современные военные державы, всегда имели огромное значение, как в начале военных действий, так и в дальнейшем процессе проведения боевых операций.

Что же такое внезапность и неожиданность? Генерал-полковник В.С.Попов еще в 1955 г. написал специальную работу, посвященную этим понятиям, применительную как раз к истории войн, начиная с древнейшей эпохи и до середины XX в. В его исследовании совершенно правомерно внезапность и неожиданность рассматриваются как составные части военного искусства. Эти элементы представлены как два неразрывных понятия. «Внезапность — явление скачкообразное, быстрое, возникает как следствие активной творческой деятельности людей, их предвидения в различных областях общественной жизни, в том числе и в военном деле. Неожиданность — явление непредвиденное, неосознанное, возникающее быстро, как следствие каких-то закономерно действующих причин»

[1; 7]. Тем самым внезапность готовится заранее сознательно командным составом (например, нападающей стороны) на основе предугадывания будущего хода боевых действий. А неожиданность, наоборот, сопряжена с военно-моральным потрясением объекта (армия, страна) агрессии, которое часто повергает его в состояние сильнейшего военно-психологического шока (растерянность, ошеломление) [1; 8–11].

Монгольское военно-политическое руководство всегда особое внимание уделяло внезапности нападения своих вооруженных сил на территорию и боевые силы противника. И закономерно видело в этом ключ к дальнейшему военному успеху и созданию удобного тактического превосходства и перспективного стратегического преимущества, а впоследствии и военно-дипломатического преобладания. Так, в начале войны с империей Цзинь полководец Чжебе, направленный на захват восточной столицы Дун-чана (Дун-цзин), после непродолжительной осады города внезапно отошел на расстояние «шести суток пути», а потом, вдруг, повернув войска обратно, на свежих заводных конях внезапно захватил его [2 (§ 246, 124); 3; 165, 4; 289–290]. В августе 1211 г. чжурчжэньские полководцы Тунги-цзянь-гян и Ваньянь-хошо, подошедшие к укреплению Ву-ша-пху, «не успели кончить военных распоряжений, как монгольские войска неожиданно подошли и штурмом взяли Ву-ша-пху и Ву-юе-ин. Монгольский государь, пользуясь победою, разорил Бай-дын-чен и потом осадил Западную столицу» [5; 207]. Потомок знаменитого монгольского полководца Субэдэя Урянхатай в 1259 г., «скрытно пробравшись проселочными дорогами, устремился на центр их [сунского войска. — А.К.] и разбил, ...тревожил императорские войска с тылу, а сыну своему Ачжу приказал ударить спереди во фланг. Императорские войска, будучи разбиты, ушли» [5; 318]. И таких примеров в монгольской военной практике XIII в. было очень много [см., напр.: 6; 86].

Классическим примером использования фактора неожиданности для противника из истории военного искусства монгольских полководцев (Субэдэй-бахадур и Чжэбэ-нойон) является известная битва на р. Калке, произошедшая в мае 1223 г. Объединенное русско-половецкое войско решило сразиться с монголами в открытом сражении, «чтобы встретить их прежде, чем они придут в землю их, и отразить их от нее. Известие о движении их дошло до Татар, и они (Татары) обратились вспять. Тогда у Русских и Кипчаков явилось желание (напасть) на них; полагая, что они вернулись со страху перед ними и по бессилию сразиться с ними, они усердно стали преследовать их. Татары не переставали отступать, а те гнались по следам их 12 дней, (но) потом татары обратились на Русских и Кипчаков, которые заметили их только тогда, когда они уже наткнулись на них: (для последних это было) совершенно неожиданно, потому что они считали себя безопасными от Татар, будучи уверены в своем превосходстве над ними. Не успели они собраться к бою, как на них напали Татары со значительно превосходящими силами» [7; 47]. Монгольские военачальники, трезво оценив сложившуюся военную обстановку (значительное численное превосходство вражеского войска) решили, как видно из данных источников, придерживаться тактики длительного изматывающего отступления (почти две недели). Такой военный прием преследовал несколько тактических задач: растянуть боевые порядки союзных отрядов половцев и русских на максимальную длину, снизить их оперативно-тактическую взаимосвязь, имитируя ложное отступление, показать свою военную слабость в глазах врага и обессилить изнурительным маршем людей и коней неприятеля. На этом начальном этапе, выполнив свои предварительно намеченные задачи, монголы заранее определили место предстоящего сражения, которое было выгодно для них как со стратегической, так и с тактической стороны. Как только сложилась благоприятная боевая ситуация, Субэдэй и Чжэбэ, «совершенно неожиданно» для преследователей, приостановили наступление и нанесли по союзникам внезапный решительный удар своими основными силами и добились успеха.

Во время похода на северо-русские княжества в 1237–1238 гг. монгольские тумены, подчиненные Бурундаю, скрытно и быстро продвигались по владимирским лесам и в конце февраля (по другим данным — 1 или 4 марта) 1238 г. нанесли неожиданный удар по войску Юрия Всеволодовича (Большое Гнездо). Как отмечает Лаврентьевская летопись, «и се внезапу приспеша Татарове на Сить противу князю Юрью... и бысть сеча зла, и побегоша пред иноплеменики, и ту убьень бысть великий князь Юрьи Всеволодичь, на рице на Сити и вои его мнози погибоша» [8, стб. 519]. Автор Ипатьевской летописи также отметил, что, не имея «около себе вои и не имеющу сторожи, изъехан бысть незаконным Боурондаем, весь город изогна и самого князя Юрья убиша» [9, стб. 175]. Сам термин «изъехан», видимо, следует понимать так, что войско князя Юрия было каким-то образом обойдено (окружено?) или, как считает Р.П.Храпачевский, подверглось «внезапному нападению» [см. более подробно: 4; 369–370].

Иоанн дель Плано Карпини, весьма информированный о тактических приемах монголов, пишет: «Иногда также они пребывают в безопасном месте, пока войско их врагов не разделится, и тогда они приходят украдкой и опустошают всю землю» [10; 52]. Исходя из этих обстоятельств папский посол в своем отчете дает следующее наставление: «Наши вожди должны также заставлять охранять войско днем и ночью, чтобы Татары не ринулись на них *внезапно и неожиданно*, потому что они, как демоны, измышляют много злокозненностей и способов вредить; мало того, должно быть всегда готовыми как днем, так и ночью, не должно ложиться раздетыми и с прохладой сидеть за столом, чтобы нельзя было застать нас неприготовленными, так как Татары всегда бодрствуют, чтобы высмотреть, каким образом они могут причинить вред» [10; 63–64]. Эти военные установки на содержание повышенной боевой готовности собственных военных сил крайне осведомленного Плано Карпини о тактических методах внезапного нападения монгольских полководцев близки к той реальной действительности. Монгольские военачальники проводили перед проведением военной операции разностороннюю разведку. После получения необходимой информации, позволяющей провести молниеносную кампанию, немедленно приступали к выполнению намеченного плана. «§ 185. Хариудар же и Чахурхан сказали Чингис-хану: «Ван-хан, в совершенной беспечности, пирует и веселится в золотом терему. Двигаясь без остановки день и ночь, мы можем накрыть его внезапным налетом». ... Не делая даже ночных остановок, подошли и окружили Ван-хана в Чжер-кабчигаической пади Чжечжеерских высот» [2; 80].

Даже в ходе гражданских войн и междоусобных неурядиц среди Чингизидов ордынские руководители неизменно придерживались тактики внезапного нападения на своих политических оппонентов. Перед атакой на противника монголами принимались все меры предосторожности, с целью перекрытия всей нежелательной для него информации о готовящемся на него неожиданном нападении. «Пошел великий хан [Хубилай. — *А.К.*] со своей ратью в поход и дней через двадцать пришел на равнину, где был Наян [потомок Отчигина, младшего брата Чингиз-хана. — *А.К.*] со своим войском; четыреста тысяч конных было у него. Ранним утром подошел великий хан, а враг ничего не знал; *захватил великий хан все дороги, ловили там всех прохожих, оттого-то враг и не ждал его прихода*. Пришли они, а Наян, скажу вам, лежит с женою в шатре да наслаждается, очень он ее любил». В разыгравшемся утром кровавом сражении войска Наяна потерпели жестокое поражение, поплатившись тем самым за свою беспечность [11; 91–92].

Если верить автору «Канз ад-дурар» ибн ад-Давадари, то он сообщает, что в 1280–1281 гг. племянники золотоордынского правителя Берке неожиданно для подданных иранского хана Абаги напали на них и дважды разбили их в сражениях, разграбили их дома и оставили страну в тяжелом положении [12; 96]. После неудачного совместного похода на Польшу, «негодую на него (Ногайя), Тулабуга *решился напасть на него внезапно* и послал требовать его к себе (под тем предлогом), что имеет надобность в нем» [13; 272]. Во времена смуты и борьбы за власть в конце XIII в. в восточной части Улуса Джучи потомок Орды Кублук «*собрал людей, взял у Кайду и Дувы войско и внезапно напал на Баяна*». Последний вынужден был бежать в пределы владений золотоордынского хана Токты [14; 68]. Едиге, понеся серьезное поражение от Токтамышша, провел все необходимые оперативно-розыскные мероприятия («допытывался вестей о нем, выслеживал и высматривал следы его», т.е. вел разведку), пока не удостоверился в том, что он находится в безлюдной местности. «Тогда он, сев на крылья коня, укутался во мрак наступающей ночи, занялся ночной ездой и променял сон на бдение, взбираясь на выси так, как поднимаются водяные пузыри, и спускаясь с бугров, как опускается роса, пока (наконец) добрался до него, (ничего) не ведавшего, и ринулся на него, как рок неизбежный. Он (Токтамыш) очнулся только тогда, когда бедствия окружили его, а львы смертей схватили его и змеи копий да ехидны стрел уязвили его» [15; 341–342]. В 1481 г. «слыша царь Ивак Шибанский, что царь Ахмат идет с Руси, а воивал землю Литовскую, полону и богатства бесчисленно, и приде царь Ивак в Нагаи, а с ним силы 1000 казаков. И взял с собою шурью свою из Нагаи Мусу мырзу да Ямгурьчей мырза, а с ними силы пять на десят тысящ казаков, и перевезеся Волгу на горную сторону, а уже осень. И поиде на переем на Ахмата царя, и перенял след его за Доном, и поиде после Ахмата по вестем. И как Ахмат разделися своими ити салтаны, на зимовище приде и ста зимовати расплошася. А царь Ивак приде на него силою своею безвестно с мырзами месяца генваря в 6 день. *Приде на него на утре изноровася, а царь Ахмат еще спит*. А царь Ивак сам вскочи в белу вежу цареву Ахъматову и уби его своими руками» [16; 95]. Зимой 1501 г. «царь перекопский Менгли-Гирей, собрав свои силы, *втайне пошел* на Ших-Ахмата — царя Заволжского и разгромил его наголову и цариц и детей, и орду его всю взял» [17; 115–116]. Общим для всех этих случаев является то, что противник неизменно заставался в момент нападения абсолютно не готовым в военном отношении, даже не подозревая о коварных замыслах своего врага.

Для того чтобы не дать времени противнику подготовиться к отражению военной опасности (или исключить такую возможность), очень важным элементом внезапного нападения была скорость движения войска. Шараф ад-дин Йазди, рассказывая о нападении Тимура на улус Урус-хана, констатирует, что войска двигались поспешно в течение пятнадцати суток и утром прибыли в местность Джайран-камыш и «неприятельский иль пребывал в неведении (о движении Тимура). Ограбив их, победоносное войско захватило огромную добычу — лошадей, верблюдов, овец и пленных» [18; 294, 19; 140–141].

Карательный поход хана Токтамыша на Москву летом 1382 г. носил характер тщательно подготовленного скрытного и внезапного нападения на русские земли. «И того же лета (т.е. 1382 г. — *А.К.*) царства его (т.е. Токтамыша. — *А.К.*) посла Татарь своих в Болгары, еже есть градъ на Волзи, и ту повеле торговцы Руския избити и гостей грабити, а суды их и съ товаром отымати и поправадити к себе на перевозе; а сам подщався с яростию, собра воа многи и поиде к Волзе со всею силою своею, и превезеся на сую сторону Волги съ всеми князи своими и съ безбожною силою Татарскою, и поиде изгономъ на великого князя Дмитрея Ивановича и на всю Рускую землю: ведяше бо рать изпевъсти внезапу, съ умениемъ и тацемъ злохитриемъ, не дающе вести про себе, да не услышано будеть на Руской земли устремление его» [20; 42]. Внезапность нападения ордынского воинства подтверждает и Никоновская летопись. «Перевезеся на сую сторону Волги со всею силою своею и поиде изгоном на великого князя Дмитриея Ивановича, и на всю землю Русскую и идяше безвестно, внезапу, с умением» [21; 81]. Г.В.Вернадский, разбирая причины, подготовку и ход вторжения армии Токтамыша, опираясь на летописные известия, совершенно верно подметил, что «свой шанс он видел в неожиданности и скорости». Золотоордынские отряды хана, неожиданно появившиеся «на западном берегу средней Волги», должны были застигнуть русских врасплох [22; 270]. Этому же мнения придерживался и В.Л.Егоров, рассматривая путь продвижения войск Токтамыша. «Тохтамыш решил предпринять поход против полностью вышедшего из повиновения московского князя. Хан постарался принять все меры для возможно долъшего сохранения в тайне своих намерений. Обеспечению секретности движения большой армии должен был способствовать арест всех русских купцов в Булгаре. В этих же целях армия из Сарая ал-Джедид не переправилась сразу же на правый берег Волги, а двинулась по левобережью в район Самарской излучины» [23; 212].

Тактическое преимущество Токтамыша в военной силе было настолько мощным, что русские князья, владения которых находились на пути к Москве, «не оказали монголам практически никакого сопротивления», замечает А.А.Астайкин [24; 504]. Аналогично поступил и беклербек Едиге, планируя свое нашествие на Москву осенью 1408 г. Дабы ввести в заблуждение великого князя Василия II Дмитриевича и скрыть свои военные приготовления, Едиге распространил весть, что Орда готовится к большому походу в Литву. Как считает Г.В.Вернадский, «Едигей знал, что его единственный шанс на успех — в полной секретности подготовки этой кампании. Опасаясь, что некоторые друзья Москвы в Золотой Орде уведомят Василия о том, что он собирает сильную армию, Едигей послал в Москву гонца объяснить Василию, что хан Булат-Салтан намеревается вести войну против Литвы. Это произошло, по-видимому, в октябре 1408 г. К этому времени Василий подписал перемирие с Витовтом и распустил армию, принимавшую участие в литовской кампании». Тем самым москвичи оказались совершенно не готовыми к вторжению ордынцев [22; 293–294]. Несмотря на это, в ноябре 1408 г. к великому князю пришел некий беглый татарин и сообщил о подготовке ордынского князя к нападению на московские земли. Сведениям этого перебежчика в Москве не поверили. Но буквально несколько недель спустя золотоордынские отряды стремительно вошли в московские пределы, так что великий князь Василий не успел собрать свои воинские силы и вынужден был бежать с женой и домочадцами в Кострому, оставив столицу на попечении своих братьев и дяди. К 1 декабря 1408 г. Москва была окружена ордынскими войсками Едиге [24; 512–515, 25; 167, 26; 66].

Одним из центральных событий военно-политической истории Восточной Европы конца 90-х годов XIV в. было сражение на р. Ворскла, левом притоке Днепра, в котором участвовали основные акторы международной политики этого региона. В войске литовского князя Витовта Кейстутовича были собраны литовско-русские полки, татарские отряды Токтамыша, поляки, тевтонские рыцари и др. Целью данной военно-политической акции было возвращение на ордынский престол ставленника Великого княжества Литовского Токтамыша. Одновременно шла интенсивная подготовка к войне и в ордынских пределах в политическом лагере Едиге — Тимур-Кутлука. Зимой 1398–1399 гг. была собрана ордынская армия, а весной 1399 г. она была переброшена к западным границам Золотой Орды. Мирные переговоры, начатые по инициативе Тимур-Кутлука, ни к чему не привели, и начались интенсивные военные приготовления с двух сторон. Тимур-Кутлук рассчитывал провести быстрое нападение на союзные Витовту татарские отряды Токтамыша, расположенные на правом берегу

Днепра, и уничтожить их, прежде чем они соединятся с литовцами. Но действия противника заставили его пересмотреть этот план. Оба войска, и литовское, и ордынское, продвигались навстречу друг другу и остановились в тактически удобных для каждого из них местах. Их разделяла небольшая р. Ворскла, впадавшая в Днепр. Начались переговоры, инициатором которых опять был Тимур-Кутлук. Ключевая задача его дипломатических усилий заключалась в затягивании переговоров, усыплении бдительности, чтобы выиграть время до подхода главных сил во главе с беклербеком Едиге и в конечном итоге скрыть свои военные намерения. После прибытия ордынского полководца тон мирных переговоров был умело переправлен татарскими руководителями в русло неизбежного военного столкновения. Спровоцировав немедленное наступление литовской армии (практически без глубокой разведки с их стороны), ордынские отряды Едиге завлекли их подальше от реки, а тем временем другие войска, под командованием Тимур-Кутлука, внезапно обрушились на незащищенный лагерь Витовта и разбили находившихся там татар Токтамыша. Затем, вернувшись, золотоордынцы зажали литовскую армию с двух сторон и разгромили ее наголову [20; 72–73, 21; 172–174, 27; 117–118, 28; 98–112, 29; 223–236, 22; 287–289].

Созданию специальной службы по своевременному оповещению о приготовлениях противника, получении необходимой военно-политической информации и тем самым для предотвращения невыгодного стратегического и тактического направления боевых действий монгольские полководцы уделяли большое внимание.

В монгольской военной системе исключительно важное стратегическое и оперативно-тактическое значение отводилось организации караульных команд и патрульно-дозорной службы, отвечающей за полевую разведку, безопасность маршевого движения войсковых частей, охрану походного стана, некоторые военно-хозяйственные вопросы и т.д. Своевременное извещение о приближении неприятеля, добыча текущих военных сведений для командного состава войска имели очень существенную значимость как в условиях степного театра войны, так и в боевых действиях на территории противника, большая часть пространства которого состояла из оседло-земледельческой зоны и стационарных поселений.

Само слово «*караул*», по всей видимости, является по происхождению тюркским (или, в широком смысле, восточным), пришедшим в русский язык от азиатских (степных, кочевых) народов. В тюрко-монгольских языках этот сугубо военный термин означал, как правило, боевое охранение. Например, «*караул*, монг. и тюрк. — сторож, сторожевой отряд, охранение»; «*караул* — сторожевой отряд, едущий впереди авангарда войска» [30, 31; 445]; «*караул* (каравул) — сторож; авангардный сторожевой отряд; передовое боевое охранение» [32; 263]. В Толковом словаре В.И.Даля под термином «*караул*» дается значение стражи вообще, людей специально приставленных для обереженья чего-либо, отсюда и его производные — страж, сторож, часовой [33; 91]. В терминологии военного дела выделяют караул военный, т.е. команда, выставляемая для охранения чего-либо, или особый порядок службы. Кроме того, в организации армейских частей, как в прошлом, так и сейчас, выставлялись военные караулы при лагерном квартировании охранявших расположение войск, которые назывались лагерные, задние, полевые, бивачные и т.д. [34; 266–267].

По информации «Сокровенного сказания» объединенные силы Чингиз-хана и Ван-хана, двигавшиеся навстречу войску Чжамухи, отрядили в передовую разведку несколько подразделений. «Эти разведчики выставили от себя постоянный караул, подальше вперед, на урочище Энегенгулту. Еще дальше — другой постоянный караул на Гекчере. И еще дальше, на урочище Чихурху, — третий постоянный караул». По достижении разведки урочища Уткия «с караула на урочище Чихурху прибежал вестовой и сообщил о приближении неприятеля». В ходе встречного движения был захвачен язык, который после допросов пояснил, что передовые части противника находятся вблизи, во главе которых стоят четыре известных военачальника [2; § 142, с. 54–55]. Из этих данных можно понять, что выставление передовых постоянных караулов в сторону вероятного местонахождения врага и расположенных на значительном расстоянии было обычной практикой во время походов. Интересно, что монгольский порядок выставления дальних караулов по направлению к территории противника сохранялся вплоть до позднего средневековья и нового времени. Например, российский посланник капитан И.Унковский, ехавший с посольской миссией к джунгарскому хану Цэван-Рабдану, периодически в пути следования встречал передовые джунгарские дозоры, которые были выдвинуты довольно далеко от их кочевий [35; 20, 23, 33, 39].

Как правило, сражения начинались после встречи дозорных частей войск. Осенью 1182 г. (год Собаки) войска Ван-хана и Чингиз-хана выступили против найманов и военной коалиции из степных племен, созданных ими. В ходе своего движения они «выставили свой сторожевой пост [караул] в

местности по имени Чэкэчэр и Чиу[р]кай. Один из дозорных вернулся назад из упомянутой местности и уведомил о приближении войска найманов» [3; 121]. В очередном походе союзного монголо-киреитского войска на найманского Буюрук-хана (Гучугудун-Буирух-хан) во время преследования отступающего неприятеля захватили в плен нойона Едитублуха (*Еди-туклук* по Рашид ад-Дину «значит человек, который ведает семью знаменами»), находившегося «в караульном охранении» и теснимого в свою очередь монгольским караульным отрядом [2; § 158, с. 64]. В параллельном тексте Рашид ад-Дина об этом событии есть пояснение, что дозорные у монголов назывались «*каравули*» [3; 112]. Найманы, по-видимому, в последующих войнах с монголами учили предшествующий военный опыт и стали заранее выдвигать свои усиленные караульные отряды. В 1204 г. (год Мыши), сорокапятитысячное монгольское войско достигло местности Сари-кеере, «где в истоках Канхархи оказался уже Найманский караул. Начались столкновения караулов», победа первоначально досталась найманам [2; § 193, с. 85]. Можно даже сделать вывод, что передовые найманские части и численно и в военно-техническом отношении превосходили монгольские. Кучлук, отвергнув «трусливый» план своего отца хана Таяна по заманиванию монголов в глубь территории, решил атаковать всеми имеющимися силами неприятельские позиции. Как в наступлении, так и при обороне кочевники всегда выдвигали на передний край караульные отряды. «Приближение Найманов заметил Чингис-ханов дозор и тотчас послал ему извещение. Чингис-хан выступил против Найманов со словами: «Ведь и вреда же бывает от многих так много; а от немногих — немного!» Наши, — указывает автор сказания, — погнались неприятельский караул» [2; § 195, с. 87–88]. Преследование противника также осуществлялось с помощью караульных подразделений. Двигаясь по следам разгромленного меркитского государя Токтоа-беки, монгольские патрульные дозоры и «передовые части войска неожиданно наткнулись на племя ойрат», во главе с их предводителем Кутукэ-беки» [3; 151–152].

Иоанн де Плано Карпини, хорошо знакомый с монгольской тактикой, давал настоятельный совет в своем отчете направлять во все стороны лазутчиков, так как татарские отряды могли появиться «сзади, справа или слева» [10; 63]. Марко Поло, продолжительное время прослуживший в монгольском государственном аппарате империи Юань, пишет об этой стороне военного дела монголов так: «Когда рать идет за каким-либо делом по равнинам или по горам, за два дня перед тем отряжаются вперед двести человек разведчиков, столько же назад и по столько же на обе стороны, то есть на все четыре стороны, и делается это с тем, чтобы невзначай кто не напал» [11; 82]. Российский военный теоретик А.А.Свечин, написавший фундаментальный труд по всемирной истории развития военного искусства, особо подчеркивал работу монгольской караульной системы. «Сторожевая служба (у монголов. — *А.К.*) была организована превосходно и основывалась на выделении — иногда на несколько сот верст вперед — сторожевых конных отрядов и на частом патрулировании — днем и ночью — всех окрестностей» [36; 139].

В содержательном сочинении И.Барбаро «Путешествие в Тану и Персию» имеется очень подробная характеристика походного марша золотоордынского войска. При этом стоит обратить внимание на то, что автор узнал о движении татарского воинства хана Кичи-Мухаммеда к стенам города за месяц до их подхода, так как «начали приближаться к Тане отдельные сторожевые разъезды; разъезд состоял из трех или четырех юношей на конях, причем каждый [всадник] имел еще одну лошадь на поводу». Численность этих конных разъездов варьировалась от небольших групп от 4 до 10–20 и от 50 до 100 воинов, «в полном вооружении» двигавшихся «от своих людей на расстоянии добрых десяти, шестнадцати, а то и двадцати дней пути» [37; 141–142]. Данные сторожевые разъезды (*хабаргири*), посланные вперед, занимались разведкой пути, по которому пройдет главное войско. Более чем вероятным представляется, что небольшие конные разъезды высылались по всему фронту походного маршрута, вслед за которыми шли усиленные сторожевые отряды от 100 и более воинов. Основное войско в определенном заданном темпе располагалось по ходу маршрута как бы в тылу и получало все необходимые сведения через налаженную патрульно-караульную (сторожевую) систему. Ордынские сторожевые группы «двигались впереди него (т.е. войска. — *А.К.*) по восьми разным направлениям, чтобы со всех сторон разузнавать о возможной опасности, находясь в отдалении от него на много дней пути и действуя соответственно его нуждам» [37; 147]. В ходе ночного патрулирования всем караульным давался уран — специальное секретное слово, для отличия своих от чужих.

Военный стан центральноазиатских номадов всегда охранялся целой сетью караульных воинов, окружавших укрепление в установленном порядке, и конными дозорами, расположенными достаточно далеко от бивака. А.Контарини, рассказывая о своем путешествии по землям Золотой Орды, очень точно подметил, что «ночью мы неизменно были как в крепости, боясь возможного нападения, и постоянно выставляли три охраны — одну справа, другую слева, а третью спереди» [38; 225].

Отсутствие дозорных частей в условиях войны могло привести к катастрофическим последствиям. Так, войско великого каана Хубилая в 1287 г. выступило на подавление бунта вышеупомянутого Наян-нойона, потомка младшего брата Чингиз-хана — Отчи-нойона (Тэмүгэ), незаметно подошло к военному лагерю мятежников. Это случилось из-за того, что предводитель «Наян в своем шатре спокоен и уверен, что некому напасть на него; потому что был спокоен, не велел он и стана сторожить, и не было стражи ни впереди, ни назади». Это послужило одной из причин полного разгрома армии Наяна [11; 92].

Довольно эффективно караулы выполняли свои дозорные функции при отходе войск. Чингиз-хан, получив предупреждение от Бадая и Кишлиха о готовящемся коварном нападении керейтов на монгольский лагерь, спешно, оставив все тяжелое имущество, ушел в направлении Мау-ундурских гор, где «оставил позади себя заслон и расположил караул под начальством Урянхадайского Чжельме-гоа, на которого полагался вполне, а сам двинулся далее» [2; § 170, с.69]. Командующий монгольским войском Толуй, приняв план отступления в одной из военных операций против Цзинь, приказал Тукулку-Чэрби (младший брат Боорчи-нойона) с тысячным отрядом конников идти в тылу и быть в качестве сторожевого охранения [14; 23]. В известной битве на р. Калке русские полки Мстислава Мстиславовича Галицкого и половцы, перейдя Днепр вброд, разбили встречные сторожевые монгольские отряды, выставленные вдали от расположения главных сил. По данным летописных источников русские и половцы восемь дней гнали за отступающими летучими монгольскими караулами. Половецкий сторожевой отряд Яруна столкнулся, прежде всего, с монгольскими дозорами [39; 221]. По рассказу Утемиша Хаджи, четыре эля, ранее принадлежавшие Токтамыш-оглану, — ширин, барин, аргун и кыпчак, испытывая постоянные насилия со стороны Урус-хана и его приближенных, решили тайно отделиться от Улуса и бежать. Во время бегства позади себя, для того чтобы предупредить неожиданное нападение с тыла, предводители откочевки выделили отряд караула. Через некоторое время «на закате прискакали караульные этого [бежавшего] эля, увидев [вдали облако] пыли, [поднятое отрядом Урус-] хана» [40; 116]. Это позволило им заблаговременно подготовиться к отражению атаки, заблаговременно выстроить свои боевые порядки и в целом успешно противостоять наседающему противнику.

В одном эпизоде о жизни Берке (1257–1266 гг.) говорится о сражении с войсками хана Хулагу недалеко от побережья Каспийского моря. До начала боя высылались боевые караулы (сторожевые отряды), которые, поднявшись на естественные возвышенности (холмы, бугры), должны были определить местонахождение и сторону направления движения, численность неприятеля, обозреть место предстоящей битвы [40; 98]. При приближении войска Тимура к расположению отрядов Токтамыша эмир Ику-Тимур, двинувшийся по «высочайшему указу» вперед, «увидел отряд неприятельского войска, стоявший на вершине холма и наблюдавший, и тотчас же отправил против него несколько решительных людей и отважных рубак. Заметив их движение, неприятели, отступая, спустились с холма, а те взойшли на верхушку холма на место неприятелей». При этом «сторожевые посты неприятельской армии показывались ежедневно» [18; 317, 319, 320]. Караульные авангардные части иногда играли ведущую (определяющую) роль в военных действиях. Тимур при вторжении войск Токтамыш-хана назначил в сторожевые караульные отряды своих приближенных — Тимур-Кутлуг-оглана, Сунджек-бахадур и Осман-бахадур. «Как только сторожевые отряды их (врагов) стали лагерем, победоносное войско тотчас село на коней, сделало на них ночное нападение, большую часть их перебило, а остальные бежали и, возвращаясь, перешли через реку Арс» [41; 219]. Тактический успех передовых караульных подразделений, вытеснивших вражеский авангард, напрямую обуславливал тактическое преимущество войск в целом.

Монголы на крайних пределах завоеванной территории для поддержания военно-политического контроля создали пограничную структуру, состоявшую из застав, постов сторожевого охранения. Папский посол Плано Карпини, покинув русские земли, сразу по прибытию в г. Канев в приграничном районе (своеобразной буферной зоне — термин, предложенный В.Л.Егоровым) начал встречать передовые монгольские посты, находившиеся «под непосредственной властью Татар» и их военачальника Коренцы [10; 67–68]. На татарских дозорах ему давали лошадей и провожатых до другого селения. На одной из таких татарских застав европейский путешественник был задержан, так как монголы после его расспросов «предварительно послали к вышеназванному вождю вестника на быстром коне, чтобы передать ему те слова, которые мы им сказали» [10; 69]. Монгольская система пограничных застав по своей внутренней структуре сильно напоминает ямскую (почтовую) службу, действовавшую почти на всей территории Монгольской империи и Золотой Орды.

Монгольская традиция выставления караульных дозоров на путях вероятного вторжения противника, видимо, перешла и к созданию системы раннего извещения о нападении и в русских княжествах. В Никоновской летописи за 1400 г. говорится: «Въ пределехъ Черленаго Яру и въ караулехъ возле Хопоръ до Дону князь велики Олегъ Ивановичъ съ пронскими князи и съ муромскимъ и козельскимъ избиша множество Татаръ, и царевича Мамать-Салтана яша и иныхъ ординскихъ князей поимаша» [42; 184]. Если дать краткий комментарий этому сюжету, то из текста можно заключить, что на дальних подступах к Москве по рр. Хопер и Дон находилась линия русских караулов, выдвинутая против Орды. Возможно даже, что эта охранная цепь располагалась для скрытного наблюдения за неприятелем.

Внезапность нападения на противника давала, несомненно, неоспоримое преимущество атакующей стороне, которая заключалась, во-первых, в удержании стратегической и тактической инициативы в собственных руках, во-вторых, нападающая сторона была более подготовленной по сравнению с обороняющейся, в-третьих, неожиданность нападения для противника ставила заранее его (в любом случае — в начале битвы) в неудобное (невыгодное) положение. Таким образом, момент внезапности и элемент неожиданности, взятые в совокупности, давали больше шансов и военное преимущество в вооруженной борьбе стороне, развязавшей агрессию. В свою очередь, у тюрко-монгольских народов для защиты от неожиданной атаки врага была создана караульная система преждевременного уведомления. Монгольскую караульную (в том числе и пограничную) службу этого периода можно представить следующим образом: вся структура состояла из множества отправленных в сторону предполагаемого противника застав, местных постов и дозоров, конных разъездов, которые могли располагаться как в стационарном, так и мобильном состоянии. Есть все основания считать, что в составе вооруженных сил караульные части, во время военных действий представляли собой отдельные оперативные подразделения — караульные войска, выполнявшие возложенные на них тактические задачи.

Список литературы

1. Попов В.С. Внезапность и неожиданность в истории войн (некоторые характерные примеры). — М.: Воениздат МО СССР, 1955. — 206 с.
2. Сокровенное сказание: Пер. С.А.Козина. — Улан-Удэ: Бурядайн номой хэблэл, 1990. — 318 с.
3. Рашид ад-Дин. Сборник летописей: Пер. с перс. О.И.Смирновой / Прим. Б.И.Панкратова и О.И.Смирновой; Ред. А.А.Семенова. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1952. — Т. 1. Кн. 2. — 315 с.
4. Храпачевский Р.П. Военная держава Чингисхана. — М.: АСТ: ЛЮКС, 2005. — 557 с.
5. Бичурин Н.Я. (Иакинф). История первых четырех ханов дома Чингисова // Абуль-Гази-Багадур-хан. Родословное древо тюрков. Иакинф. История первых четырех ханов дома Чингисова. Лэн-Пуль Стэнли. Мусульманские династии. — М. - Т. -Б., 1996. — С. 187–319.
6. Шихаб ад-дин ан-Насави. Сират ас-султан Джалал ад-Дин Манкбурны (Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны) / Изд. критич. текста, пер. с араб., пред., коммент., прим. и указ. З.М.Буниятова. (Памятники письменности Востока. CVIII). — М.: Изд-я фирма «Восточная литература», 1996. — 728 с.
7. «Из летописи Ибн ал-Асира» // История Казахстана в арабских источниках. (СМИЗО Т.1): Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды // Извлечения из арабских сочинений, собранные В.Г.Тизенгаузенем / Подг. к нов. изд., введ., доп. и коммент. Б.Е.Кумекова, А.К.Мунинова. — Алматы: Дайк-Пресс, 2005. Т.1. — С. 25–67.
8. ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись / Под ред. Е.Ф.Карского. 2-е изд. — Л., 1926. — 543 стб.
9. ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. — СПб., 1908. — 938 стб. + 108 с.
10. История монголов. Дживанни дель Плано Карпини // Путешествие в восточные страны: Пер. А. И.Малеина. — М.: Изд-во АН СССР, 1957- 270 с.
11. Книга Марко Поло. Серия: Путешествия. Открытия. Приключения. — Алма-Ата: Наука, 1990. — 352 с.
12. Из «Канз ад-дурар» ибн ад-Давадари // История Казахстана в арабских источниках. Извлечения из сочинений XII–XVI веков / Отв. ред. А.К.Мунинов; Сост., пер. с арабс. яз., введ., коммент. А.К.Мунинова; Состав. указ. У.А.Утепбергеновой. — Алматы: Дайк-Пресс, 2006. — С. 93–106.
13. «Из истории Ибн Халдуна» // История Казахстана в арабских источниках. (СМИЗО Т.1): Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды. Извлечения из арабских сочинений, собранные В.Г.Тизенгаузенем / Подг. к нов. изд., введ., доп. и коммент. Б.Е.Кумекова, А.К.Мунинова. — Алматы: Дайк-Пресс, 2005. Т.1. — С. 268–286.
14. Рашид ад-Дин Сборник летописей: Пер. с перс. Ю.П.Верховского; Прим. Ю.П.Верховского и Б.И.Панкратова. Ред. И.П.Петрушевского. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1960. Т.II. — 253 с.
15. «Из сочинения Ибн‘Арабшаха» // История Казахстана в арабских источниках. (СМИЗО Т.1): Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды. Извлечения из арабских сочинений, собранные В.Г.Тизенгаузенем / Подг. к нов. изд., введ., доп. и коммент. Б.Е.Кумекова, А.К.Мунинова. — Алматы: Дайк-Пресс, 2005. Т.1. — С. 329–348.
16. ПСРЛ. т. XXXVII. Устюжские и вологодские летописи XVI-XVIII вв. — Л.: Наука, 1982. — 228 с.
17. Хроника Быховца / Предисл., коммент. и пер. Н.Н.Улащика; Отв. ред. М.Н.Тихомиров. — М.: Наука, 1966. — 154 с.

18. «Из Книги побед» Шараф ад-дина Йазди // История Казахстана в персидских источниках. (СМИЗО Т. II): Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из персидских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузеном и обработанные А. А. Ромаскевичем и С. Л. Волиным / Отв. ред. М. Х. Абусеитова; Пер. и доп., подг. к нов. изд., введ., пер., коммент., состав. указ. М. Х. Абусеитовой и Ж. М. Тулибаевой. — Алматы: Дайк-Пресс, 2006. Т. IV. — С. 283–360.
19. Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды // Ученые записки Мордовского гос. университета. Вып. IX. — Саранск: Мордовское книжное изд-во, 1960. — 276 с.
20. ПСРЛ. Т. VIII. Воскресенская летопись (продолжение летописи по Воскресенскому списку). / Подг. к изд. А. Ф. Бычкова. — СПб., 1859. — 312 с.
21. ПСРЛ. Т. XI. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью (1362—1424 гг.). — СПб., 1897. — 262 с.
22. Вернадский Г. В. Монголы и Русь: Пер. с англ. Е. П. Беренштейна, Б. Л. Губмана, О. В. Строгановой. — Тверь: ЛЕАН, М: АГРАФ, 1999. — 480 с.
23. Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. — М.: Наука, 1985. — 246 с.
24. Астайкин А. А. Летописи о вторжениях на Русь: 1223–1480 гг. // Мир Льва Гумилева. Арабские истории. Вып. 3–4: Русский разлив: В 2 т. — М.: «ДИ ДИК «Танаис», 1996. — Т. I. — С. 456–554.
25. ПСРЛ. Т. XLIII. Новгородская летопись по списку П. П. Дубровского / Подгот. текста О. Л. Новиковой; подгот. приложения В. И. Легких и И. В. Федоровой. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 368 с.
26. Похлебкин В. В. Татары и Русь. 360 лет отношений Руси с татарскими государствами в XIII–XVI вв. 1238–1598 гг. (От битвы на р. Сить до покорения Сибири): Справочник. — М.: Междунар. отношения, 2005. — 192 с.
27. «Летописный сборник, именуемый Тверскою летописью» // Тверские летописи. Древнерусские тексты и переводы: Пер. В. И. Исакова. — Тверь: Тверское книжно-журн. изд-во, 1999. — С. 64–161.
28. Ляскоронский В. Г. Русские походы в степи в удельно-вечевое время и поход кн. Витовта на татар в 1399 году. — СПб.: Сенатская типография, 1907. — 124 с.
29. Греков И. Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды (на рубеже XIV–XV вв.). — М.: ГРВЛ Наука, 1975. — 519 с.
30. Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. — 473 с.
31. Золотая Орда в источниках. Т. I. Арабские и персидские сочинения. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, в переводах В. Г. Тизенгаузена. (СМИЗО). Ч. I. Извлечения из сочинений арабских. Ч. II. Извлечения из сочинений персидских / Состав., введ. статья и коммент. Р. П. Храпачевского. — М.: Наука, 2003. — 448 с.
32. Материалы по истории кыргызов и Кыргызстана / Отв. ред. В. А. Ромодин. 2-е изд. — Б., 2002. — 315 с.
33. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. — М.: Рус. яз., 1999. — Т. 2.: И-О. — 779 с.
34. Военное дело. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона / Редактор-сост. И. Е. Арясов. — М.: Вече, 2006. — 640 с.
35. Посольство к зюнгарскому хунтайчи Цэван-Рабтану капитана от артиллерии Ивана Унковского и путевой журнал его за 1722–1724 годы. — СПб., 1887. — 276 с.
36. Свечин А. А. Эволюция военного искусства. — М.: Академический проект; Жуковский: Кучково поле, 2002. — 864 с.
37. Барбаро И. Путешествие в Тану и Персию // Барбаро и Контарини о России: К истории итало-русских связей в XV в. / Вступ. ст., подгот. текста, пер., коммент. Е. Ч. Скржинской. — Л., 1971. — С. 113–161.
38. Контарини А. Путешествие в Персию // Барбаро и Контарини о России: К истории итало-русских связей в XV в. / Вступ. ст., подгот. текста, пер., коммент. Е. Ч. Скржинской. — Л., 1971. — С. 188–235.
39. Повесть о битве на Калке, и о князьях русских, и о семидесяти богатырях (из Тверской летописи) // Сердца из крепкого булата: Сб. / Сост. Т. А. Соколовой; предисл. Д. М. Балашова; словарь, коммент. С. В. Ильинского. — М.: Патриот, 1990. — С. 217–224.
40. Утемиш-хаджи ибн Маулана Мухаммад Дост. Чингиз-наме / Факсим., пер., транскр., текстол. примеч., исслед. В. П. Юдина; Коммент. и указ. М. Х. Абусеитовой. — Алма-Ата: Ғылым, 1992. — С. 87–145.
41. Из «Книги побед» Низам ад-дина Шами // История Казахстана в персидских источниках. (СМИЗО Т. II): Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из персидских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузеном и обработанные А. А. Ромаскевичем и С. Л. Волиным / Отв. ред. М. Х. Абусеитова; пер. и доп., подг. к нов. изд., введ., пер., коммент., состав. указ. М. Х. Абусеитовой и Ж. М. Тулибаевой. — Алматы: Дайк-Пресс, 2006. Т. IV. — С. 205–247.
42. ПСРЛ. Т. XI. Патриаршая, или Никоновская, летопись. Ч. 3. — СПб., 1897. — 254 с.

Р.М.Жұмашев, Ж.А.Жұмабеков

Е.А.Бөкетов атындағы Қарағанды мемлекеттік университеті

ҰЛЫТАУ Өңірінің тарихи-географиялық тұрғыдан және топонимикасының зерттелуі

В статье на основе обширной историографической базы рассматривается история изучения Улытауского региона; анализируется степень изученности проблемы в российской и отечественной исторической науке по таким аспектам, как история Улытауского региона, проблемы топонимики.

The Authors on base extensive historiography bases considers the history of the study Ulytau region. Degree study problems is analyzed in article in russian and domestic history science on such aspect as history Ulytau region, problems toponimiks.

Ұлытау өңірінің тарихи-географиялық тұрғыдан және топонимикасының зерттелуі жан-жақты саралау мен талдауды қажет етеді. Себебі бұл өңірдің тарихы қазақ тарихының құрамдас бөлігі болып табылады және осы территория туралы тарихи-географиялық мәліметтер, қалыптасқан топонимикалық жүйесі өлке тарихы үшін де, отан тарихы үшін де өте мол тарихи ақпарат береді. Шын мәнінде де, дала өлкесі кеңістігіндегі Қазақстан тарихынан ерекше орын алатын Ұлытау территориясы, яғни Сарыарқа өңірінің батыс бөлігі. Ұлытау — қазақ сахарасындағы қасиетті мекендердің бірі, отандық тарихшылар тарапынан «көшпелілер өркениетінің алтын бесігі» деген бағаға ие болуы да тегін емес. Шынында да, Ұлытау өңірінде қазақ тарихының барлық кезеңдері, сонау көне дәуірден бастап қазіргі кезеңге дейінгі тарих куәлары аяқ аттап басқан сайын «мен мұңдалап» тұрады. Әсіресе көне дәуір мен ортағасырлар тарихынан сыр шертетін тарихи ескерткіштер барша тарихшы-ғалымдардың назарынан тыс қалған емес. Бұл аумақта қола дәуірінің қайталанбас ескерткіштері, тасмола мәдениеті ашылып, қазақ тарихының ұлы ескерткіштері Алаша хан кесенесі, Жошы хан кесенесі, Едіге мырза есімімен аталатын тау және т.б. орналасқан. Ежелгі кезден тау-кен ісі дамып, ортағасырлардағы көшпелі тайпалардың даму деңгейінің көрсеткіші қалашықтар мен бекіністер де осы территориядан орын алған.

Ұлытау өңірін зерттеу бірнеше ғылым салаларымен ұштасып, өзара байланыстылықта ізденіс жүргізуді талап етеді. Ұлытау өңірінің тарихи-географиялық және топонимикалық зерттелу деңгейін анықтауда, осы уақытқа дейінгі зерттеулерді екі топқа бөліп қарастырған дұрыс деп ойлаймыз.

Бірінші топқа тарихи зерттеулерді іріктеуіміз керек. Бұл топқа Ұлытау өңірін тарихи-географиялық тұрғыдан сипаттаған және осы өңірдің топонимдерін арнайы түрде зерттемегенмен, бірақ осы өңірдегі тарихи немесе т.б. зерттеулер жүргізу барысында әр түрлі топонимдердің тарихына тоқталған немесе сөз еткен, мәлімет қалдырған зерттеулерді жатқызуымызға болады. Сонымен қатар бірінші топқа өлкетанушылық сипаттағы еңбектер мен жариялынымдарды топтастырып қарастыруды да жөн көрдік. Тәуелсіздік жылдары Республикамызда өлкетанушылық ізденістер айрықша орын алып отыр. Жергілікті жерлер, өлке тарихына қатысты түрлі материалдар жарияланып, көптеген тың деректер жүйесі қалыптасты. Бұл арада нақтылы Ұлытау өңірінің тарихы мен мәдениетіне және тарихи топонимдері қарастырылатын еңбектерді жатқызуымызға болады.

Екінші топқа арнайы топонимикалық зерттеулерді біріктіріп қарастырған дұрыс. Бұл топта да зерттеулер нақты Ұлытау өңірінің топонимикасына немесе топонимдерінің тарихына арналмаса да, зерттеу жұмысы барысында аталмыш өңірдің топонимдері туралы мәліметтері бар зерттеулерді қарастыруға болады. Сонымен қатар топонимикалық зерттеулердегі ұқсас мәселелерді салыстырмалы түрде қарастыруға мүмкіндік береді.

Ұлытау өңірі туралы тарихи-географиялық мәліметтерді 1627 жылы құрастырылған «Үлкен сызба кітабынан» табамыз. «Үлкен сызба кітабы» Ресейде «патшаның үкімімен» дайындалып, оны көбіне «мемлекеттік қызметтегі» адамдар қолданғаны белгілі [1; 3]. Бұл, бір жағынан, анықтамалық жинақтан біз Ұлытау өңіріне қатысты келесідей мәліметтерді оқи аламыз: «А от тое горы 170 верст гора Улутова, по нашему Великая гора, а в ней олово.

Из Улутовой горы потекли 3 реки одним прозвищем, все 3 Сорилы; Верхняя Сорила пала в Ышин реку, Средняя и Нижняя, обе Сорилы реки пали в Табол реку.

Ис тое же горы потекли 3 реки Кандерлики да река Зиланчик, а в неи в берегу краски жолтые и червчатые.

А мимо тое горы, за 40 верст от горы, течет река Сарсу; а в реку Сарсу пала река Кендерлик: а промеж реки Кендирлика и Сарсу Казацкая кочевая орда да Колмыки» [1; 170].

Ұлытау өңірінің сипаттамасы, тарихи тұлғалары мен жер-су атаулары XIX ғасырдағы орыс саяхатшыларының, ғалымдарының, жай шенеуніктерінің жазбаларында көптеп кездеседі. Мәселен, орыс әскери адамдары әкелі-балалы П.И. және Н.П.Рычковтардың Орынбор тарихы мен қазақ даласында жорықта болған кездегі күнделікті жазбалары [2], ағылшын суретшісі Джон Кэстльдің Әбілқайыр ханға сапары туралы жазбаларын [3] ерекше атап өтуге болады. Дж.Кэстльдің жазбаларында Ұлытау өңіріндегі тарихи тұлға Төлек батыр туралы мәлімет бар [3; 40]. Төлек батыр Ұлытау өңіріндегі есімдері белгілі Ерден, Дүзен билердің атасы, Сандыбай батырдың әкесі болып табылады.

XIX ғ. басында (1800) Бурнашев және Поспелов Колыван зауыттары жанындағы Сібір басқармасы шебінің бұйрығы бойынша Бөкей сұлтанның баласын алып жүрді. Ат үстінде олар Ямышев қорғанынан өтіп, Ташкентке дейін барып және кейін қайтады. Олар 2 рет Бетпақ Даланы Тасбұлақ және Уанас керуен жолдары арқылы кесіп өтеді. Қызметтерін орындай жүріп, «жердің табиғи қалпы, өңдеу үшін құнарлығы және жергілікті халықтардың өмірі» туралы мәліметтер жинақтайды [4].

Бұқараға орыс елшілігін басқарушы Я.П.Гавердовскийдің жолжазбаларынан да Ұлытау өңірі туралы біршама мәліметтер кездестіреміз. Я.П.Гавердовскийдің осы сапарының барысы туралы дайындаған «Журналы» және кейін 1806 жылы баспаға дайындаған «Обозрение киргиз-кайсацкой степи» атты монографиясы Ұлытау өңірі туралы, осы өңірді мекендеуші рулар мен олардың шығу тегі туралы аңыздар және ең маңыздысы тарихи орындар туралы мәліметтер береді [5].

1813 ж. Сібір корпусының тілмашы Ф.Назаров қызметін атқарып жүріп, Қоқан елшілерін Петропавл қамалынан Қоқанға бастап барады. Олар керуен жолдары арқылы жүріп отырады және оларды әскери отряд қорғап жүреді. Назаровқа берілген бұйрық — жаңа жол ашу болды. Ол өзінің барар және қайтар жолында Бетпақ Даланың әр түрлі аймақтарын басып өтеді. Бетпақ Даладан Жетіқоңыр құмы арқылы Уанас жолымен Созаққа барады. Қайтарда Созақтан шығыс маршруты бойынша тіке Сарысудың жоғарғы ағысына барады. Бұл сапары барысындағы жолжазбалары «Кейбір халықтар және Азияның орта бөлігіндегі жерлер туралы жазбалар» деген атаумен жарық көрді [6].

Ұлытау өңірінде көп зерттеу жүргізген ғалымдардың бірі А.И.Шренк. Ол 1842 жылы Ұлытау тауларында, Кеңгір, Жезді, Сарысу өзендерінің бойында экспедициялық зерттеу жұмыстарын жүргізіп, Аяққамыр, Болған ана, Талмас ата, Айболат күмбездерін қарастырады. Таңбалы тасты зерттеуге көп уақытын бөледі, ондағы жазуларды, таңбаларды қағаз бетіне түсіріп алады [7].

1886–1889 жж. аралығында геодезист Ю.А.Шмидт бірнеше жылдар бойы Омбы әскери-топографиялық бөлімінің ұсынысымен Ақмола облысында астрономиялық зерттеу жұмыстарын жүргізді. 1886 ж. оңтүстік аймақтарда зерттелген жерлер: Ұлытау, Ескене, Арғанаты болды. Нәтижелері «1886 ж. геодезист, подполковник Шмидттің Ақмола облысында жүргізген астрономиялық жұмыстары» атты мақалада баяндалды. 1888 ж. астрономиялық жұмыстар Сарысу мен Ертіс өзендерінің ортасынан оңтүстікке Қаракеңгір беткейіне дейін жүргізілді, нәтижелері аталмыш мақалада көрсетілді [7].

1895 ж. Л.Кузнецов Ақмола қаласының дәрігері өз саяхаты барысында, аудармашы Х.Бекходжиннің айтуымен, Бетпақ Даланың оңтүстік шебінен «Таңбалы тас» атты тастағы жазуларды тапты. Бұл туралы деректер «Таңбалы тас» жазулары Ақмола губерниясындағы Атбасар уезі, Бетпақ Дала шөлінде» атты мақаласында жазылған. «Таңбалы тас» жазбалары сол жердегі қазақтардан қалған ескілік дүние. Автордың пікірінше, мұның кейбіреулері монғол жалаушысы Темірдің кезеңімен сәйкес келеді [7].

Түркістан өңірін зерттеуші В.И.Масальский де өз еңбегінде «Ұлытау» атауының этимологиясына тоқталып: «Қырғыздардың (қазақтардың) пікірінше, қырғыз даласындағы барлық таудан биіктігі асып түсетіндіктен, осылай қойылған» деген дерек келтіреді [8].

Ұлытау өңірінің тарихи-археологиялық ескерткіштеріне алғашқы назар аударған Қ.И.Сәтпаев болатын [9; 44–51, 69–75]. Оның ғылыми мақалалары Жезқазған–Ұлытау өңірінің тарихын зерттеуге арналған бастамалардың бірі деп есептеуімізге болады.

Ұлытау территориясының ескерткіштерін жан-жақты зерттеуші академик Ә.Х.Марғұлан болатын. 1940–1950 жж. оның басқаруымен Орталық Қазақстан археологиялық экспедициясының жұмысы барысында жүздеген тарихи-мәдени ескерткіштер ашылды. Ә.Марғұлан және Г.И.Пацевичтің жетекшілігімен 1946 жылы жүргізілген экспедициялық зерттеу жұмыстары Қазақстанның тарихи топографиясы бойынша көптеген материалдар жинақтады. Экспедиция Орталық Қазақстанның Бетпақ Дала, Сарысу өзенінің бассейнін, Кеңгір өзенінің бойын, Шу өзенінің төменгі ағысын қамтып, ежелгі

көш жолдарындағы отырықшы мәдениеттің қалдықтарын зерттеп, көптеген көне архитектуралық құрлыстарды және бұрын белгісіз болып келген VII–XVI ғғ. жататын қала мәдениетінің ескерткіштерін анықтады [10]. Бұл тарихи ескерткіштер тарихи атауларға ие екенін ескерсек, Ұлытау өңірінің топонимикасынан археологиялық барлау жұмыстарының нәтижесінде көптеген материалдар жинақталды деп айта аламыз.

Келесі бір айта кететін мәселе, Ә.Х.Марғұланның Орталық Қазақстан территориясындағы белгілі тарихи орын — Таңбалы тасқа байланысты жазған еңбегі. Таңбалы тас, аңыз деректері бойынша, «қазақ руларының таңба бөліскен жері», әр рудың таңбалары осы жердегі жартасқа қашалып салынған көрінеді. Бұл тарихи орын көптеген саяхатшылардың, ғалымдардың назарына ілігіп, тастағы таңбалары мен жазулары хатқа түсіріліп, жарияланған. Ғалым ағамыз осы жердегі қазақ руларының таңбалары турасында бірнеше тың пікірлер, ғылыми салыстырулар мен сараптамалар айтып еді [11].

Сонымен қатар Ұлытау өңіріндегі топонимдерді зерттеу мәселесінде ортағасырлық жазба ескерткіштерін зерттеуге арналған тарихшылар мен шығыстанушылардың еңбектері өте маңызды. Мұндай жазба ескерткіштердің талдануы Ә.Х.Марғұлан, Б.Е.Көмеков, В.П.Юдин, С.М.Ахынжанов еңбектерінен көрініс тауып отыр.

Ортағасырларда Орталық Қазақстан территориясын мекендеген қимақтардың тарихы отандық ғалым Б.Е.Көмековтың зерттеулерінің нәтижесінде мәлім болды. Б.Е.Көмековтың «IX–XI ғғ. Қимақ мемлекеті араб деректері бойынша» еңбегінде ортағасырлық араб деректерінің негізінде қимақ елі жан-жақты сипатталады [12]. Әсіресе зерттеудегі қимақ елінің географиясы, керуен жолдары және олардың наным-сенімдері туралы мәліметтер Ұлытау өңірінің ортағасырлық топонимдерін анықтауда көп мүмкіндіктер беріп, жаңа тұжырымдарға әкеледі. Сонымен қатар Б.Е.Көмековтың әл-Идрисидің мәліметтеріндегі қимақ қалаларының қазіргі кезде орналасуы жүйесін анықтауға, қарлұқ тайпаларының қоныстану территориясын көрсетуге арналған зерттеулерінің негізінде тарихи географиялық зерттеулердің бастамасын қалыптастырды деп айта аламыз [13].

Зерттеушілер Б.Х.Қармышева, Дж.Х.Қармышевтар «Арқа» атауының мағынасына талдау жасауы да Қазақстандағы тарихи географиялық және тарихи топонимдер бойынша ізденіс жүргізудің үлгілі көріністерінің бірі болып табылады [14; 108–114]. Бұл ізденістің нәтижесінде авторлар «Арқа» ұғымының кеңістіктік мағынасы — *солтүстік, арт жақ, тыл*; орографиялық мағынасы — *арқа, су айрық, биіктіктегі ел*; тарихи мағынасы *артта қалған жұрт* деп түсіндіреді [14; 114]. Бұл арада көрсетілген анықтамалармен келіспеуге де болады. Түркі халықтарының түстік анықтамасы бойынша «Арқа» ұғымының бір компоненті «сары» сөзі — *орта* деген мағынаны білдіретіні де белгілі болып отыр [15].

Белгілі ғалым С.Аманжоловтың «Қазақ тілінің тарихы мен диалектология мәселелері» еңбегі де Ұлытау өңірінің топонимикалық жүйесінен орын алып отырған бірнеше этнонимдік жер-су атауларының пайда болуын анықтауда көп мүмкіндік береді. Автор қазақ тілінің, оның диалектілерінің қалыптасуын анықтауда қазақ руларының этногенезі мәселелерін және тарихын жан-жақты қарастырып, этнонимдердің этимологиясына талдау жасайды, негізгі рулардың тарихи кезеңдерде өмір сүруіне шолу жасайды [16]. Бұл зерттеуден Ұлытау өңірінде қалыптасқан этнотопонимдердің тарихына байланысты мәліметтерді алуға болады.

С.М.Ахынжановтың қыпшақтардың тарихына арналған зерттеуінде қимақ тайпасының тағы бір қосымша атауы *уранкай* деген пікір білдіре отырып, осы жорамалды дәлелдеу барысында қимақтардың мекендеген территорияларындағы топонимдер — Уранкай тауы, Уранхай өз., Урунг-Чакыл өңірі және т.б. қимақ тайпасының екінші атауы негізінде қалыптасқан деген пікір білдіреді [17; 123–131]. Ұлытау өңіріндегі Жыланшық өзенінің атауы да қимақ тайпасымен байланысты екендігін автор атап көрсетеді [17; 127–128].

Белгілі этнограф М.С.Мұқановтың қазақтардың этникалық территориясын сипаттауға, жекелеген ру-тайпалардың Қазақстан территориясында қоныстануын көрсетуге арналған еңбегінде Ұлытау өңірін мекендеуші ру-тайпалар туралы да мәліметтер келтірілген [18].

М.К.Сембінің Қазақстанның «архитектуралық» ономастикасын зерттеу тәжірибесінде Ұлытау өңірінің Басқамыр, Аяққамыр, Бескүмбез, Келінтам және т.б. да архитектуралық ескерткіштердің аттарына талдау жасалған [19].

Зерттеуші Қойшығара Салғараұлының «Қазақтың қилы тарихы» еңбегінде Ұлытау өңірінің тарихи жер-су атауларына байланысты біршама пайымдаулар бар [20; 111, 217]. Әсіресе Алаша хан кесенесінің кімге арналып салынуы мүмкін деген сауалға жауабы назар аударуға тұрарлық. Автордың пайымдауынша, «қазіргі жұрттың бәріне мағлұм тарих деректеріне зер сала пайымдап қарасаңыз, бұл

да Алаша ханды Хақназар деген жорамалымыздың шындыққа айналуына қол үшін беретін тәрізді» деген пікір айтады [20; 130].

Мұрағат деректері, зерттеулер мен әр түрлі естеліктерге негізделіп құрастырылған өлкетанушы Клара Әмірқызының жинағында Ұлытау өңіріндегі 1916 жылғы тарихи оқиғалар мен жер атауы ретінде сақталып қалған Арыстанбек, Оспан тұлғаларына қатысты тұжырымдар мен мәліметтер келтірілген [21].

Белгілі ғалым А.Сейдімбек «Қазақ әлемі. Этномәдени пайымдау» еңбегінде Ұлытау өңірінің топонимдеріне тоқталып, Алтыншоқы, Домбауыл, Хан Ордасы және тағы басқа атаулардың қалыптасу тарихына талдау жасайды [22].

Ұлытау өңірінің ортағасырлық археологиясы Ж.Е.Смайылов зерттеуінде кеңінен орын алып, осы өңірдегі орналасқан қалашықтар мен бекіністердің топографиясы және типологиясы нақты қазба жұмыстарының нәтижелерімен сипатталған [23].

Қарағандылық зерттеуші Т.Т.Аршабековтың «Атамекен» аталатын өлке тарихын зерделеуге арналған оқу құралында Орталық Қазақстан өңірінің топонимдеріне анықтамалар берілген [24]. Бұл оқу құралында Ұлытау өңірінің біршама топонимдері де қамтылған.

Нақты тарихи топонимдерді зерттеу тәжірибесін Тобыл-Торғай өңірі бойынша Қ.Орманов ұсынды, оның ішінде Ұлытау өңіріне қатысты «Қарасыр жазығы», кейін «Қалмаққырылған» аталып кеткен топонимге талдау ерекше көңіл аударады [25].

Ұлытау өңіріндегі көпжылдық өлкетанушылық ізденістердің қорытындысы іспеттес жарық көрген танымал жазушы Қуаныш Ахметовтың «Ұлытау» атты тарихи-танымдық көркем суретті жинағы. Қ.Ахметовтың жинағында Ұлытау өңіріндегі жер-су атаулары арнаулы түрде қарастырылмаса да, автордың көтеріп отырған тақырыптарының барлығы дерлік осы өңірдің тарихи топонимикасымен тығыз байланысты [26].

Орталық Қазақстан өңірінің жер-су атаулары осы уақытқа дейін республикалық топонимикалық зерттеулерден де, нақты осы территорияға байланысты арнайы зерттеулерден де көрініс тауып келеді. Топонимдерді ғылыми тұрғыдан зерттеу XX ғасырдың 40–50-жылдарынан басталады. Қазақстан топонимикасының өзекті мәселелері Ә.Әбдірахманов, Е.Қойшыбаев, Ғ.Қоңқашбаев, Ә.Нұрмағанбетов, О.Сұлтаньяев зерттеулерінен көрініс тапты. Көрнекті ғалым Ғ.Қоңқашбаев «Қазақтың халықтық географиялық терминдері» атты тақырыпта диссертациялық зерттеу жүргізіп, кейіннен Халықтық терминдердің сөздігін жариялайды [27]. 1955 жылы топонимдерді тарихи-лингвистикалық тұрғыда, басқа түркі-монғол тілдерімен салыстыра отырып, тұңғыш зерттеу жұмысын жүргізген ғалым А.Әбдірахманов болды. Бұл тақырыпта диссертация қорғалып, монография жарияланды [28].

А.Әбдірахмановтың «Қазақстан этнотопонимикасы» зерттеуі бүгінгі күнге дейін топонимдерден көрініс табатын этнонимдерді зерттеудің үлгісі болып табылады. Автор топонимикалық зерттеулердегі бұл бағыттың негізін қалап, оның мән-мағынасын да ашып берді: «Топонимиканың кесек бір саласы — *этнотопонимика*, яғни ру, тайпа, халық аттарынан қойылған географиялық атауларды зерттеу бөлімі. Ал этнонимдерден қойылған жер-су аттары — *этнотопонимдер* делінеді» [29].

Нақты Сарыарқа өңіріне қатысты зерттеу жұмыстары 1981–1985 жылдары аралығында ономастика бөлімінің ұйымдастырумен жүргізіліп, Орталық Қазақстан аймағына зерттеу жүргізген ғылыми экспедициясының материалдары «Орталық Қазақстанның жер-су аттары» деген атпен жарық көреді [30]. Бұл ұжымдық еңбекте Т.Жанұзақовтың жетекшілігімен Орталық Қазақстан өңіріне ұйымдастырылған ғылыми экспедиция материалдарының негізінде, осы өңірдің топонимдерінің шығуы мен дамуы, қалыптасуы тарихынан, құрамынан және т.б. мәселелер қамтылған болатын.

Осыдан кейін бұрынғы Жезқазған облысының территориясындағы 5 мыңға жуық географиялық атауларды қамтитын сөздік жарияланды. Оның ішінде 645 топоним Ұлытау өңірінде орналасқан [31].

Сарыарқа өңірінің топонимикалық зерттеу объектісіне айналуы да бірте-бірте өз жемісін бере бастады. Ендігі кезекте топонимикалық зерттеулермен жергілікті жердегі ғалымдар айналысып, Орталық Қазақстан топонимдерін зерттеуде өз үлестерін қосты. Қарағандылық ғалым А.Жартыбаев облыс көлеміндегі топонимдердің құрамы мен құрылымы бойынша кандидаттық диссертация қорғап, кейін кітап ретінде жариялады [32]. А.Жартыбаевтың зерттеуінде Ұлытау өңірінен орын алып отырған этнонимдерден қойылған гидронимдер — «Қыпшық» және «Барак» топонимдерінің қалыптасуы мен мағыналық жүктемесіне анықтамалық талдау жасалған [33]. Сонымен қатар осы автордың жаңа бір еңбегінде Орталық Қазақстан аймақтық топонимика жүйесі бойынша зерттеу жұмысын жалғастырып, оның ішінде тарихи жазба деректерде топонимдердің көрініс беруіне, топонимдерде тарихи, тарихи-әлеуметтік жайлардың бейленуіне арнайы тоқталады [34; 33–44, 44–69].

Ұлытау өңіріндегі «Қыпшақ», «Кеңгір» және т.б. топонимдер 1991 жылы жарық көрген Дүйсен Жүнісовтың «Өзен-көл атаулары» атты кітабында қарастырылады [35; 14,17]. Автордың зерттеуінде этнотопонимдер ерекше қарастырылып, олардың этимологиялық анықтамасы мен тарихы сипатталады. Сонымен қатар автордың монғол тілінен енген топонимдерді жеке бөліп қарастыруы, оның ішінде Ұлытау өңіріне қатысы бар «Дабысун туз», «Сүмбе» топонимдерін талдауы қызықты нәтижелерге әкеледі [35; 108, 114].

Ә.Нұрмағанбетұлының «Жер-судың аты — тарихтың хаты» кітабында мағынасы беймәлім топонимдерге ғылыми жорамалдар жасалған [36]. Оның ішінде Ұлытау өңірінің топожүйесіне қатысты Арқа, Бетпақ Дала, Кеңгір, Сарыарқа, Шалқар топонимдеріне талдау жасалады [36; 9, 12, 20, 46, 59]. Автордың «Ұлытау» топонимін түсіндіруге арналған гипотезасы да ерекше назар аударады: «Ұлытау» атауы, қазіргі түсінігіміздегідей, «биік, үлкен тау» дегенді білдірмейді. Оның ертедегі тұлғасы «ұлық тау», немесе «ала тау», қалпында тіркесіп, тұңғыш мағынасы «шоқтық тау», «аласа тау» сияқты ұғымға мегзеген. Келе-келе «ұлық тау», немесе «ала тау», дыбыстық өзгерістерге душар болуы нәтижесінде қазіргі кездегі «Ұлытау» атауы пайда болған» [36; 57].

Қазақстанның тәуелсіздігі жарияланғаннан бергі уақытта республикамыздың түрлі аймақтарында топонимдерді зерттеу жандана түсті деуімізге болады. Соңғы 15 жыл ішінде топонимика мәселелері бойынша 6 докторлық, 22 кандидаттық диссертация қорғалды [37]. Әрине, бұл зерттеулер негізінен филология және география салалары бойынша жүргізілді. Бұл зерттеулердегі көптеген тақырыптардағы ізденушілік принциптерді Ұлытау өңірінің тарихи топонимдерін зерттеуде басшылыққа алуға болады деп ойлаймыз. Әсіресе жекелеген аймақтарға арналған (Алтай, Батыс Қазақстан, Оңтүстік Қазақстан, Солтүстік Қазақстан, Шығыс Қазақстан аймақтары немесе жекелеген облыстар — Қызылорда, Қостанай, Павлодар топонимдерін зерттеуге арналған) топонимикалық зерттеу жұмыстары топонимдерді аймақтық принциппен зерттеуге басшылық бола алады.

Қазақ топонимдерінің этноэкологиялық негіздерін зерттеуші К.Қаймолдинаның еңбегінде топонимдердің құрамындағы халықтық географиялық терминдер жан-жақты талданып, олардың мағыналық жүктемесі көрсетілген [38].

Ұлытау-Торғай өңірінің топонимикасының қалыптасуын анықтауға арналған А.С.Омарбекова диссертациялық жұмысы негізінен топонимдерді географиялық тұрғыдан анықтауға бағытталғанмен, зерттеуші біршама этнонимдік топонимдерді және топонимдердің қалыптасуының тарихи себептерін көрсетуге де ұмтылған [39]. Этнонимдік топонимдерді талдауда автор оларды оғыз және қыпшақ кезеңінің атаулары деп бөліп, сонымен қатар этнонимдік негіздегі гидронимдерді де жеке қарастырады [39; 92–127].

Топонимиканы тарихи тұрғыдан зерттеу тәжірибесі Ресейде кеңінен орын алып отырғаны бұл тақырыптың тарихты зерттеудегі орнын анық көрсетіп отыр. Топонимиканың мәліметтерін тарих үшін пайдалану дәстүрі Ресейде ХХ ғасырдың бас кезінен орын алып отырғанын көруге болады. Мысалға, С.Б.Веселовский топонимиканың қосымша тарихи пән ретіндегі мәнінің жан-жақты екенін айта отырып, профессор Егоровтың 1915 жылғы зерттеуіндегі топонимиканың тарих үшін қандай маңызға ие екендігін көрсететін сөздерін келтіреді: «В странах колонизационных при смешанном этнографическом составе населения, при сплошном почти отсутствии достаточных общеисторических данных топографическая номенклатура является нередко чуть не единственным материалом, который позволяет несколько поднять завесу прошлого» [40].

Ресей шығыстануының көрнекті өкілі В.В.Бартольдтың еңбектері тарихи-географиялық және тарихи-топографиялық зерттеулердің негізін қалыптастырып, осы сала бойынша жан-жақты зерттеушіліктің үлгісін қалдыра білді [41]. В.В.Бартольдтың Арал теңізі мен Әмударияның төменгі ағысы туралы жазба деректердің мәліметтерін талдауы немесе «Ислам энциклопедиясына» арнап жазған 111 тарихи-географиялық мақаласы бүгінгі күнде де зерттеушілер үшін, әсіресе топонимикалық энциклопедиялар мен сөздіктерді құрастырушыларға үлгі бола алады деп есептейміз.

Топонимикалық мәліметтерді, тарихи мәселелерді зерттеуде қолдану үлгісін Вл.Гордлевскийдің Кіші Азиядағы селжүктердің тарихына арналған еңбегінен көре аламыз [42, 43–45]. Автор топонимикалық мәліметтерді қолдануда: «В главе, посвященной пережиткам старого родового строя у Сельджукидов, мною использован «язык земли» — топонимика; и проф.М.Кёпрюлю обратил уже внимание на важность топонимических исследований», — деп жазады [42, 17].

С.Б.Веселовскийдің «Топонимика на службе истории» зерттеуі де тарихшылардың топонимиканы зерттеудегі бағыт-бағдарын көрсетіп берді деп айтуымызға болады [41; 25]. 1945 жылы жарық көрген мақаладағы айтылған ойлар әлі күнге дейін өзектілігін жойған жоқ. Автор өз жазба дәстүрі қалыптаспаған елдердің тарихын зерттеудегі маңызыдылығын баса айта отырып, сонымен қатар топо-

ника жерді пайдалану тарихы мен жазбаша ескерткіштері аз сақталған кезеңдердегі әлеуметтік құрылыстың тарихын зерттеуде өте қажет екендігін жазады [42; 25].

Ұлытау өңірінің тарихи топонимдерінің зерттелуі бойынша бірнеше қорытындылар жасауға болады:

- біріншіден, Ұлытау өңірінің тарихы, географиясын сипаттайтын негізінен әр түрлі мәселелерге арналған ресейлік зерттеулер мен деректерден орын алып келді (Кэстль, Назаров, Шмидт т.б.);
- екінші кезекте, Ұлытау өңірінің тарихи топонимикасы отандық тарихшылардың Қазақстан тарихының түрлі кезеңдері мен мәселелеріне арналған зерттеулерден кездестіруге болады (Марғұлан, Көмеков, Ахынжанов т.б.);
- үшіншіден, Ұлытау өңірінің тарихи топонимдері қазақстандық топонимика саласының зерттеушілерінің еңбектерінде орын алып, көбінесе топонимдердің анықтамасы лингвистикалық және этимологиялық түрінде берілген (Әбдірахманов, Қойшыбаев, Жартыбаев, Омарбекова т.б.);
- төртінші кезекте, Ұлытау өңірінің тарихи топонимдері туралы өлкетанушылық ізденістерден таба аламыз (Сейдімбек, Әмірқызы, Ахметов). Бірақ мәліметтер көбінесе естеліктер, шежіре деректерінің негізінде жазылып, жазбаша және мұрағат деректерімен салыстыруды немесе талдауды қажет етеді.

Әдебиеттер тізімі

1. Книга большому чертежу / Подг. к печати и ред. К.Н.Сербиной. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. — 229 с.
2. Рычков П.И., Рычков Н.П. Капитан жазбалары. — Астана: Аударма, 2002. — 124 б.
3. Кэстль Дж. 1736 жылы Кіші жүз ханы Әбілқайырға барып қайтқан сапары туралы. — Астана: Аударма, 2002. — 140 б.
4. Масанов Э.А. Очерк истории этнографического изучения казахского народа в СССР. — Алма-Ата: Наука, 1966. — С. 142.
5. История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. — V т. Первые историко-этнографические описания казахских земель. Первая половина XIX века / Сост. И.В.Ерофеева, Б.Т.Жанаев. — Алматы: Дайк-Пресс, 2007. — 620 с. +4 с.вкл.
6. Назаров Ф. Записки о некоторых народах и землях Средней части Азии. — М.: Наука, 1968. — 76 с.
7. Марғұлан Ә.Х. Тамғалы тас сыры (Орта ғасырда тасқа жазылған қазақша таңба, ұрандар) // Қазақ тарихы. — 1993. — № 2.
8. Масальский В.И. Туркестанский край. Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. — Т. 19. — СПб., 1913. — С.67.
9. Сатпаев К.И. Доисторические памятники в Джезказганском районе // Избранное: В 5 т. / Сост. М.К.Сатпаева. — Т. 5. Научно-популярные и общественно-политические статьи, выступления. — 2-е изд., сокр. — Шымкент: Оңтүстік полиграфия, 2007. — 416 с.
10. Марғұлан А.Х. Некоторые итоги и перспективы археологического изучения Казахстана // Изв. АН КазССР. — Сер. археол. — Вып. 1. — 1948. — С. 7.
11. Марғұлан Ә.Х. Тамғалы тас сыры (Орта ғасырда тасқа жазылған қазақша таңба, ұрандар) // Қазақ тарихы. — 1993. — № 2. — 10–30-б.; Марғұлан Ә.Х. Тамғалы тас жазуы // Жұлдыз. — 1984. — № 1. — 132–146-б.
12. Көмеков Б.Е. Государство кимаков IX–XI вв. по арабским источникам. — Алма-Ата: Изд-во «Наука» КазССР, 1972. — 150 б.
13. Көмеков Б.Е. Расселение карлуков по карте ал-Идриси (XII в.) // Казахстан в эпоху феодализма (проблемы этнополитической истории). — Алма-Ата: Изд-во «Наука» КазССР, 1981. — 192 с.
14. Кармышева Б.Х., Кармышева Дж.Х. Что такое Арка-юрт (к исторической географии Казахстана) // Ономастика Востока. — М.: Наука, 1980.
15. Салғараұлы Қ. Ұлы Қағанат. — Астана: Фолиант, 2008. — С. 519.
16. Аманжолов С. Вопросы диалектологии и истории казахского языка. — Алматы: Санат, 1997. — С. 36–109.
17. Ахынжанов С.М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. — Алматы: Ғылым, 1999. — 296 с.
18. Муканов М.С. Этническая территория казахов в XVIII – начале XX вв. — Алма-Ата: Казахстан, 1991. — С. 13, 14.
19. Семби М.К. К изучению «архитектурной ономастики» Казахстана // История и культура Арало-Каспия: Сб. ст. — Вып. 1. / Под общ.ред. С.Ажигали. — Алматы: Құс жолы, 2001. — С. 196–204.
20. Салғараұлы Қ. Қазақтың қилы тарихы: Роман-эссе. — Алматы: Жалын, 1992. — 304 б.
21. Әмірқызы К. Ауылым — атамекенім. — Акмола: «Жаңаарқа» баспасы, 1993. — 93–103-б.
22. Сейдімбек А. Қазақ әлемі. Этномәдени пайымдау: Оқу құралы. — Алматы: Санат, 1997. — 123–132-б.
23. Смаилов Ж.Е. Средневековая оседлая и городская культура Центрального Казахстана: Дис... канд. ист. наук. — Алматы, 1997. — 161 с.
24. Тоғжанов Е.Л., Аршабеков Т.Т. Атамекен: Оқу құралы. — Қарағанды: ҚЭУ баспасы, 2002. — 324 б.
25. Орманов Қ. Тобыл-Торғай өңірі топонимдеріндегі ерлік тақырыбы // ҚарМУ хабаршысы. — Тарих. Философия. Құқық сер. — 2007. — № 2 (46). — 2, 3 б.
26. Ахметов Қ. Ұлытау. — Астана: Фолиант, 2006. — 344 б.
27. Конкашпаев Г. Словарь казахских народных географических терминов. — Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1963. — 185 с.

28. Әбдірахманов А. Қазақстанның жер-су аттары. — Алматы: Қазақ ССР ҒА баспасы, 1959. — 206 б.
29. Әбдірахманов А. Қазақстан этнотопонимикасы (зерттелу тарихынан). — Алматы: Ғылым, 1979. — 3-б.
30. Орталық Қазақстанның жер-су аттары / Жауапты ред. филол. ғыл. д-ры Т.Жанұзақов. — Алматы: Ғылым, 1989. — 253-б.
31. Қазақстан географиялық атауларының сөздігі. Жезқазған облысы / Жауапты ред. филол. ғыл. д-ры Т.Жанұзақов. — Алматы: Ғылым, 1990. — 31–63-б.
32. Жартыбаев А.Е. Состав и структура топонимов Карагандинской области: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Алматы, 1991.
33. Жартыбаев А. Қарағанды өңірінің топонимдерінің мағыналық және құрылымдық сипаты. — Қарағанды: Болашақ-Баспа, 1998. — 75–80-б.
34. Жартыбаев А.Е. Орталық Қазақстан аймақтық топонимикасы. — Қарағанды: «Болашақ-Баспа» РББ, 2008. — 379 б.
35. Жүнісов Д. Өзен-көл атаулары. — Алматы: Қазақстан, 1991. — 128 б.
36. Нұрмағанбетұлы Ә. Жер-судың аты — тарихтың хаты. — Алматы: Балауса, 1994. — 64 б.
37. Жанұзақ Т., Рысбергелі Қ. Қазақ ономастикасы: жетістіктері мен болашағы. — Алматы: «Азия» баспасы, 2004. — 116–118-б.
38. Қаймолдинова К. Қазақ топонимдерінің этноэкологиялық негіздері: Оқу құралы. — Алматы: «Ғылым» ғылыми баспа орталығы, 2001. — 6–22-б.
39. Омарбекова А.С. Социальное и природное в формировании топонимии Улытау-Торгайского региона: Дис... канд. геогр. наук. — Алматы, 1999. — 164 с.
40. Веселовский С.Б. Топонимика на службе у истории // Исторические записки / Отв. ред. акад. Б.Д. Греков. — М.: Изд-во АН СССР, 1945. — Т. 17. — С. 25.
41. Бартольд В.В. Сочинения. — Т. III. Работы по исторической географии. — М.: Наука, 1965. — 712 с.
42. Гордлевский Вл. Государство сельджукидов Малой Азии. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1941. — 200 с.

ӘОЖ [39+392.31](=512.122):94''18''

М.С.Жакин

Е.А.Бөкетов атындағы Қарағанды мемлекеттік университеті

БӘЙСЕЙІТ БИ: АҢЫЗ ЖӘНЕ ДЕРЕК

Сыни талдау тәжірибесі

В статье рассматривается жизнь и деятельность бия Байсеита Кырбасова из рода каракесек, который являлся одной из интересных личностей XIX в. Привлечение широкого круга взаимодополняемых фольклорных и архивных источников позволило автору реконструировать некоторые события из жизни Байсеита Кырбасова, а также критически переосмыслить утвердившиеся в научной литературе суждения о некоторых исторических событиях.

In this article the author considers the life and activity of bii Baiseit Kirbasov (from Karakesek Clan), who was one of interesting person of 19 Century. The author reconstructed some events Baiseit Kirbasov's life on the base of folklore and archives sources. Also the author is critical rethinking some scientific opinions about some historical events.

Бәйсейіт Қырбасұлы — Шет өңірін жайлаған бесата елінің ішіндегі ең ірі тарихи тұлғалардың бірі. Оның өмірі мен тұлғалық мінез-құлқы жайлы аңыз әңгімелерді ел ішінен ұзақ жылдар бойы тірнектеп жинап, зерттеп, жарыққа шығарған өлкетанушы, шежіреші Төрехан Майбас [1; 66–83] және өлкетанушы-жазушы Кәмел Жүністегі [2; 144–149].

Осы жиналған мұрадағы ең басты ерекшелік — оның жан-жақтылығында. Тұлғаға тән бай мінез аңызда сан қырынан көрініс тапқан. Дегенмен, ел санасында уақыт сүзгісіне түсіп, екшеліп, өмірде бағдарлық қызметін атқаратын құндылық қалпына ие болған аңызда тарихи оқиғалардың желісі, жасалған нақты іс-әрекет пен қалыптасқан қарым-қатынас көмескі тартып, жадыдан тыс қалады. Зерттеу барысында аңыздағы көмескіленгенді мұрағат құжатында баяндалған деректер арқылы нақтылай түсу — тұлғаның ел санасында қалыптасқан бейнесін өзгертуге бағытталмайды. Ол мүмкін де емес. Халық айтса — қалып айтпайды. Бұл бұлжымас қағида. Бұған ешкім күмән келтіре алмайды.

Ал мұрағаттың қарама-қайшылықты пікір тудыратын шытырман оқиғалы тың деректерін аңызбен салыстыра талдағанда зерттеуші нені көздеме? Оқырман көкейіне алдымен оралатыны осы ой.

Бұл сұраққа жауап қарастырып отырған сол заман мен оның адамының өзара әрекеттестігінің ерекшелігінде жатыр. XIX ғасыр — дәстүрлі тірлік пен отаршыл билік арасындағы итжығыс арпалыстың заманы. Жергілікті халықтың тірлігіне жайлы, көңіліне қонымдысы — отаршыл биліктің мүддесіне қайшы келді. Отаршыл биліктің көздегені — жергілікті халықтың еркін тірлігіне шек қойды. Сондықтан отаршылдың «қара» деп даттағаны — халыққа «ақ» болып, халықтың «ақ» деп бағалағаны — отаршылға «қара» болып көрінетін заман туды.

Әрине, заман тынысын бейнелейтін бұл теңеу тым жалпы алғандағы тұжырым. Ал өмір шындығы, оның ішінде нақты бір кеңістік нүктесі мен уақыт кезеңінде өрбіген адам тағдыры — қайталанбас құбылыс. Өмірде «ақ» пен «қара» бірге жүреді. Танымның мақсаты «ақтың» ақтығын, «қараның» қаралығын дәлелдеу емес, олардың арасындағы қарым-қатынастың нақты бір тұлғаның өмірінде қалай орын алатынын түсінуді көздейді. Бәйсейіт бидің өмірбаянын сыни талдау сүзгісінен өткізгендегі мақсат — осы құбылыстың сырына үңілу.

Ал тұлғаның өмірбаянын ретімен зерттегенде алдымен анықталатын мәселе — туған жылы және өмір сүрген уақыты. Бұл мәселе дұрыс анықталмаса — ол туралы жазылған пікір жалған түсінік қалыптастырып, кейінгі тарихи тұлғалардың өмірбаянына қатысты ізденістерді де адастыратын жолға түсіреді. Бұл тұжырым Бәйсейіттің туған жылын анықтаудағы ізденістерге тікелей қатысты.

Жоғарыда аталған екі зерттеушінің бірі — Төрехан Майбас қолында нақты дерек болмағандықтан, туған жылдары жайлы кесімді қорытынды жасамаған. Тек ел аузындағы аңызда Бәйсейіттің Жанқұтты, Құнанбайлардан бір мүшел жас үлкендігін айтқан. Ал екіншісі — Кәмел Жүністегі — ақсақалдардың дерегіне сүйендім дей отырып, мынадай өзіндік қорытынды шығарған. «Шырағдан» атты соңғы еңбегінде: *«Бәжең кешегі үлкендердің айтуына қарағанда, Жанқұтты шешеннен жасы үлкен. Нұреке ақсақал Жанқұтты мен Бәжең арасы мүшелге жақын десе, Сырымбеттің Қасымы «Бәжең мүшел жас үлкен» дегенді кесіп айтатын. 1864 жылы берілген Есбайдың асында болған Бәжең 60 жастың мұғдарында» еді дегенді көне көз қариялардан естігенбіз. Сонымен, Бәжең 1805 жылда туған болып шығады», — дейді [2; 144].*

Бұл жерде көңіл аударатын үш мәселе бар:

– 1-ші — Бәйсейіттің Жанқұттыдан «мүшел жас үлкен» дегенді кімдердің айтқаны (*Нұреке, Сырымбеттің Қасымы*) — нақты ауызша дерек [2; 144]; бұған ешкім күмән келтірмейді;

– 2-ші — 1864 жылы... Бәжең 60 жастың мұғдарында *«дегенді көне көз қариялардан естігенбіз»* деген мәліметті автор дәлелсіз келтіріп отырғандықтан, мынадай сұрақтар туады: неге осыны айтқан *«көне көз қариялардан»* ең болмаса біреуінің аты немесе көпшілік атынан *«естігенбіз»* деп тұрған соң, сол, өзімен бірге осыны *«естігендердің»*, біреуінің аты аталмайды? Автордың айтқысы келген солқылдақ пікірін көптің атына дәлелсіз сілтей салуы күмән тудырады;

– 3-ші — автор неге екені белгісіз, Шет өңіріндегі қай ірі тұлғаның өмірбаянын қарастырса да, оны Шортанбай бабасының туған жылы — 1818 жылдың төңірегіне әкеліп тірейді немесе осы жылды кез келген тұлғаның жасын анықтаудағы шындықтың тұғырлы өлшемі ретінде қарастырады. Мұндай қорытындыға келуге автордың келесі пайымдаулары себеп.

1. Жанқұттының туған жылы мұрағат деректерімен 1803 жыл екені 2005 [3; 168–169] және 2008 жылғы зерттеулермен дәлелденіп шықса да [4; 15–22], оның дұрыстығына күмән келтірер дәйекті деректі келтірмей, *«Шортанбай мен Жанқұтты құрдас»... «Жанқұтты Кенесары хан қайтыс болған соң бір жылдан соң елге оралғанда 30 жаста екен»... «Сонда бұл 1848 жылға дәл келеді де, Жанқұтты 1818 жылы туған болып шығады»* дегенді қайталап жазады [2; 150]. Автордың бұл тұжырымдарының бір де бірі шындыққа маңайламайтыны мұрағат деректерімен салыстырып талдағанда анықталып, мұндай қате түсініктер қалай қалыптасатыны ашып көрсетілген [4; 15–22]. Егер автордың бұлай пайымдауы анықтап «білгенінен» емес, құлай «сенгенінен» туындап жатса, оған дауа жоқ. Бірақ бұның ғылыми зерттеуге еш қатысы жоқ, автордың жеке басының еркі.

2. Дәлелін ақсақалдар: Анарбек жыршы: *«құрдас»*, Қасым: *«арасы бір жас»*, Ілияс молла *«елге оралғанда 30 жаста екен»* деп айтты дегенімен, олардың ешқайсысы да *«Жанқұтты 1818 немесе 1817 жылы туды»* дегенді айтқан жоқ [2; 144–149].

3. 2008 жылғы Жанқұттыға байланысты зерттеуде анықталғандай, ол Кенесарының көтерілісінен 1848 жылы емес, қаракесек түгел дерлік Қаратауға ауған 1832 жылдан, 10 жылдан кейін, 1841–1842 жылдары елге оралғанда, шыныменен, туған жылы 1803 болғандықтан, 38–39 жаста болды [4; 15–22]. Жанқұтты Кенесары қайтыс болғаннан кейін емес, оның көтерілісінен бүкіл қаракесек амалсыз, мал жерсінбеген соң, 1838–1843 жылдары кейін қайтқан көштің соңында 1842 жылы елге келді. Елдің жаппай кейін оралғаны жөнінде Мәшһүр Жүсіп те қазақ тарихына қатысты шежіресінде: *«Ауған ел Шуға, Қаратауға барғанмен, малы жерсінбей, бара жатқанда, жолашыбай қашып, алақыстай Құ-*

дайдың құтты күні қашып, дамыл бермеген соң, Кенесары елді өз еркімен қайтармайтұғындығын білген соң, жаз шыға ел тау-таудың басынан өрт салып, өрттен қашқан кісі болып, тұра-тұра көше жөнелген де, сол көшкен бойымен Арқаға қарай ауа жөнелген.... Сонан соң Кенесарыға арман болған: «Арқадағы елді тілімді алдырып, аудырғанмен, Қаратау мен Шу мал қонысы бола алмағаннан, қайтып кетті-ау! Қырғызды бостырып, Алатауды түгелімен алып, Қуандық, Сүйіндікті соған орналастырсам-ау!» — деген Кенесарының орындалмаған арманы туралы аңызды баяндайды [5; 171–172]. Жанқұттының да амалсыздан сол көштің соңында елге оралғандығына дәлел — 1842 жылдың 16 желтоқсанында Өлтеке-Сарым болысының басқарушысы сұлтан Ғазы Бөкейұлының орнына болыстыққа сайланады [6; 309, 310, 332, 333].

Ілияс молланың айтқаны мұрағаттың дерегімен дәл келмесе де, тұспалдас келіп тұр. Ол тұспалдап «30» деп айтты ма, әлде, жаңылып, нақты «30» деп айтты ма, «Кене хан көтерілісінен» деді ме, әлде, жаңылып, «Кене хан қазаға ұшыраған соң» деді ме, әлде, анық айтылған аңыз, автордың көкейіндегі өзіндік ойының ықпалымен өзгеріске ұшырады ма? оны қазір бір құдай және осыны қағазға өз атынан түсірген автор біледі. Ал бұдан кейін, кім «кұрдас», кім «арасы бір жас» десе де, ол — Жанқұттының 1818 жылы туғандығына дәлел бола алмайды. Керісінше, егер Шортанбай мен Жанқұттының аңыздағы «кұрдас» дегені шындық болса, осы уақытқа дейін Шортанбайдың туған және қайтыс болған деп жүрген жылдардың (1818–1881) дұрыстығына күмән туады. Ал, бұл толық анықталған дерек десек, онда олардың құрдастығы жөніндегі болмайтын орынсыз дауға нүкте қою керек.

4. Шортанбайдың қайтыс болған жылын да 1881 деп алып, аңызда Шортанбай Жанқұттының үйінде қайтыс болғандығын алға тартып: «Соған қарамастан, Жанқұттыны 1871 жылы өлді деп үсті-үстіне жазатынына таңсың. Жәкең өз ажалынан 10 жыл бұрын өлмесе керек» [2; 150], — деп кейіді автор. Ал, Шәкәрім жазбасы бойынша, Құнанбайдың 1874 жылы Меккеге барғаны, одан бір жыл бұрын Жанқұттының Меккеде қайтыс болғаны жөніндегі аңызды сол Ілияс молланың баласы, ғалым, фольклор маманы, Мұхаметқали Ілиясұлының Шет өңірінің тарихына арналған 1998 жылғы зерттеудің қосымшасында жариялағаны [7] авторға белгілі дерек. Сонда автордың «Шортанбай Жанқұттының үйінде Жәкеңнің көз алдында қайтыс болған» дегені рас болса, Шортанбайдың 1873 жылдан бұрын қайтыс болғаны шындыққа жақын болып шықпай ма? Мәселенің бір шетін көтеріп, екінші шетін басып отырудың керегі не? Екі пікірдің де күмән тудырап тұсы — аңыздардың тарихи деректермен толық дәлелденбегенінде. Ал бұл жағдай дау көтеріп, кеюді емес, біздерден жаңа ізденістерді талап етеді.

5. Осындай, аңызды қолданудағы шектеулі әдіс-амалдармен қалыптастырып алған, түсініктен автор Бәйсейіттің де туған жылын сол «Шортанбай туды» деген 1818 жылдан және одан «арасы бір жас», «Жанқұтты туды» деген долбармен, 1817 жылдан бір мүшелдің жасын алып: «Сонымен, Бәйсейіт 1805 жылда туған болып шығады» дейді [2; 144].

Енді осы тұжырымды мұрағат деректерімен салыстырып көрейік.

1-ші дерек — 1842 жылғы 13 тамызды жазылған Қарқаралы сыртқы округтік приказының Сібір казактарының Шекаралық басқармасына берген рапортында: «Байсеит, сын Кырбаиев, старишина, за 50 лет. Скромный, самолюбив. Очень богат. Карсон-Кирнеевской волости, рода керней, отделения дау-тютюте. Управляет аулом. Летние кочевки при урочищах Актам, Джалтам, Аиртав, по речкам Муонды-Чумек, Сары-су и окрестностям оных, за 350 верст к западу, там же и зимовья» [8] десе, 2-ші дерек — 1849 жылы жазылып, 1850 жылдың 11-ші ақпанында Қарқаралы сыртқы округтік приказдың Сібір казактарының Шекаралық басқармасы бастығының қызметін атқарушы полковник Е.А.Клейстке берген хабарламасында: «... Байсеит Кырбаиев, старишина, 67 лет. Очень богат. Карсон-Кирнеевской волости. Управлял аулом. Летние кочевки по рекам Сары-су, обоим Нурам и Байга-ре; зимние — Пирназар и Кара-Еспе» [9; 302–303], — дейді. 3-ші дерек — 1842 жылы Бәйсейіт, елдегі ең қадірлі тұлғалар: Есберген Садырбайұлы, Бегалы Жәутікұлы, Кадыр Айткелұлы, Шешен Қарашұлымен бірге, Омбыға, Қарқаралы уезінің заседателі Неговскийдің қызметінің мүмкіндігін жеке басының пайдасына асыру мақсатында, Шет өңіріндегі елді аралап, жылу жинап, орынсыз салық салған, пара алған былық істерін әшкерелеу ісі бойынша шақырылып, тергеу сұрақтарына жауап бергенде жазылған. Сонда: «1842 года июня 22 дня, доставленный при отношении Каркаралинскаго Окружнаго Приказа, от 22 числа сего месяца за № 2755, Старишина Байсеит, допрашиван и показал:

Зовут меня Байсеит, сын Кырбасов, от роду имею 56 год, грамот незнаю, веры магаметанской, женат, имею одного сына и двух дочерей, Каркаралинскаго округа, Карсон-Кирнеевской волости старишина, подсудом небыл и ни какому наказанию не подвергался.... Что истинно справедливо показал, в том приложил свою имянную печать» — деген, Бәйсейіттің өз аузымен айтылғанды қағазға түсірген түсініктемесі мен бетпе-бет беттестіру кезінде алынған көрсетулерге: «Подлинныя подписали:

Показания отбирал и очную ставку давал чрез переводчика, Исполняющий должность чиновника особых поручений, при Главном управлении Западной Сибири Семенов; Показание и очную ставку переводил и показателям вычитывал, переводчик Пограничного Управления Дабшинский. За депутата находился Старшина Джапалак Кошкаров, в том приложил свою печать. С подлинным верно: И.Д.Ч.О.П. И.Семенов» [10; 102 п.] — деп, шенеуніктер өздерінің мөрлерін басқан.

Осы келтірілген мұрағат деректерінен Бәйсейіттің туған жылының үш түрлі нұсқасы белгілі болып отыр: 1791–1792, 1782, 1786. Ал Кәмел Жүністегінің «1805 жыл» деген нұсқасына жазбаша деректе тіркелген жылдардың ешқайсы да маңайламайды.

Ал осы үш нұсқаның хатқа түсу тарихына үңілсек, төмендегі жағдайлар анықталады:

Бірінші нұсқадағы — 1842 жылы «за 50» — деп берген дерек, жоғарыда келтірілген заседатель Неговскийге байланысты істің, 102-ші парағында, Бәйсейіттің өз сөзімен: «от роду имею 56 год» дегенді, алдыңғы 46-шы парақта жұрнақ-жалғауын өзгертіп, шенеунік өз атынан жоғары жаққа есеп қылып бергенде: «50 лет» — деп өзгерткенінен шыққан [10; 46, 102 п.]. Сондықтан бұл нұсқа тұспалдан шыққандықтан есепке алынбайды. Бірақ кейінгі ресми құжаттардың бәріне Бәйсейіттің өз аузынан айтқан жасы емес, осы шенеуніктің есебінен алынған мәлімет енгендіктен, көпшілік осыған сүйеніп, 1842-ден 50 жасты шамалап алып, Бәйсейіттің туған жылы 1791–1792 деп ойлауға себеп болған. Осы түсінікпен алғанда, ел ішінде де Жанқұтты мен Бәйсейіттің арасы «бір мүшел» деген аңыз осы тұспалмен берілген мәліметтің негізінде тарағаны қисынға келеді. 1803 пен 1791–1792 жылдардың арасы толық бір мүшел — 12 жыл. Аңызбен дәл келеді.

Екінші нұсқада, 1849 жылы неге 67 жаста деп бергенін, алдындағы Жанқұттыға байланысты мақалада анықталғандай, 1849 жылдың дерегін 1850 жылы, яғни, Құнанбай өзі билікке орныққаннан кейін, аға сұлтандыққа сайланарда Бәйсейіттің өзіне тікелей қарсы шығып, Есеттің Көпбайын ұсынған бақталасы ретінде, болашақта өзі билікке таласқа түспес үшін, 4 жас қосып, қартайтып көрсетіп отырғанынан аңғаруға болады. Бірақ бұл тұста айта кететін бір мәселе — Көпбайдың аға сұлтандыққа Құнанбаймен қатар ұсынылғандығы осы оқиғаға қатысты мұрағат дерегімен дәлелденбейді. Ол жиналысқа округтік приказ 1849 жылы 11 мамырда жазбаша түрде, алдын ала арнайы хат арқылы болыс билеушілеріне хабар жіберіп, кейін нақты кімдердің келгендігін: «... *прибыли и находятся в местах распоряжения Приказа налицо, а именно*» — деп, басқа болыстардың сұлтандары, болыстары, билерімен қатар Шет өңірінен: «... *старшина Ботантаев, бий Джавтиков, старшина Айткелев*»-терді атайды [11; 7–12 п.]. Бірақ бұл тұлғалардың бәрі сайлауға ресми түрде шақырылып, қатысқан адамдар, ал Төрехан Майбастың аңызда баяндаған оқиғасы бұл жиналыстың алдында кімді сайлайтындарын алдын ала өз ішінде пісіріп алу үшін жиналған ресми емес жиында орын алған болу керек. Бәйсейітпен Сарым атынан Ботантайұлы Жанқұтты, Кәрсөн атынан Жәутікұлы Бегалы, Қояншы-Тағай атынан Айткелұлы Қадырлардың пікірлері бір болғаны сайлау кезінде аталғандардың бәрі де Құнанбайға емес, Құсбек Тәукеұлына дауыстарын бергенінен байқалады [11; 7–12 п.]. Бұл дерек бесатаның жақсыларымен Құнанбайдың арасы осы кезден салқындай бастағанын дәлелдейді. Өзімен құрдас, ел алдындағы беделі күшті Жанқұттыдан 4 жас алып, 3 жасқа жасартып немесе, кейін жарияланған, тағы сол өзі аға сұлтандыққа бекігеннен кейін 1850-ші жылы ресми түрде шенеуніктер (Шекаралық бастықтың қызметін атқарушы полковник Клейст пен секретарь Яценко) дайындаған формулярлы тізімдегі дерек бойынша, туған жасына 8 жас қосып, өзінен 9 жасқа қартайтып [6; 332], өзінен жасы да үлкен, ықпалы да күшті, белсенді қарсыласы Бәйсейітке 4 жас қосып, қартайтып берген мәлімет бір қолдан шыққан құжаттар. Бұны да сол 1850 жылы аталған полковник Клейстке 1849 жылдың мәліметі деп қол қойып берген заседатель Дабшинский мен секретарь Людницкий [9; 302].

Үшінші нұсқада Бәйсейіттің өз аузымен аталған жасы 1842 жылы 56-да болса, туған жылы 1786 жыл болады деуіміз қисынға келеді. Және бұл түсініктемені бергенде Бәйсейіттің өз жасын не ұлғайтып немесе жасартып көрсетуге ешқандай себеп жоқ. Ол іс шенеунік Неговскийдің тағдырын шешуге байланысты қозғалған. Ал Бәйсейіттің жәбірленуші ретінде жасы үлкен бе, әлде жас па, оның тергеу үшін де, іс тағдырының шешілуіне де ешқандай қатысы жоқ.

Ал енді Бәйсейіттің жасын анықтағанда ақсақалдардан естіген аңызды долбармен қисындырып әкеліп, бабасы Шортанбайдың туған жылынан алып анықтаған кейінгінің жазушысына сенеміз бе?, әлде деректі тұспалдап өзгерткен сол заманның шенеунігіне сенеміз бе?, әлде сол деректің негізінде шамалап болжаған ел аузындағы аңызға сенеміз бе?, әлде қарастырып отырған тұлғаның ақыл-есі сау кезінде өз аузымен айтып, жаздырған жылына сенеміз бе? Соңғы нұсқаға ешкімнің күмән келтіретін қисыны жоқ. Бәйсейіттің туған жылы — 1786 жыл.

Ал, қайтыс болған жылы туралы мәлімет әзірге тек аңыздан ғана белгілі болып отыр. Төрехан Майбас: «Бәшекең шөберелерін де көрген. Тоқсанында көрген шөбересінің есімін де өзі Тоқсантай

деп қойған» деп жазады [1; 80]. Салыстыратын мұрағат дерегі қолда болмаған соң, кесімді пікір айту әзірге ертерек.

Орынды кезінде еске тағы да сала кететін мәселе — ақсақалдардың «естіген құлақта жазық жоқ» деп естігенін өзгертпей сол қалпында айтатынына тағы да көзіміз жетіп отыр. Дегенмен, естігенін сақтау қабілеті де мәңгі емес, жаңылу да мүмкін. Сондықтан оны міндетті түрде басқа деректермен салыстыру керек. Ал Кәмел Жүністегінің осындай мәліметтерді өз ыңғайына қалай келсе, соған қиыстырып қолданғаны, еш қисынға келмейтін қорытындыға келуіне себеп болған. Бұлай кез келген ізденуші, аңызда айтылғанды байыбына барып түсінбей, деректің басқа түрлерімен салыстыру арқылы астарына үңілмей, өз пайымымен қолдана берсе, оның қандай қателіктерге ұрындыратынына тағы да көзіміз жеткендей. Ғылыми ізденіске жат мұндай әрекетке орынды сын уақытында айтылмаса, қолына қалам ұстап жүргендердің бірінің астына бірі көпшік қойып, мәймөңкелегендерінің құны бес тиын. Сын түзелмей, мін түзелмейді.

Енді Бәйсейіттің ел санасындағы бейнесі мен ел басқаруда алған орны туралы мәселеге келсек, аңыз негізінен үлгі болатын жағымды жағын, мұрағаттық дерек негізінен қарама-қайшылығын баяндайды. Біріншісі — өнеге, екіншісі — сабақ. Адамның өмірге бейімделуінде еліктеу мен білу, үйрену қандай маңызды роль атқарса, тарихшы осыны негізге алып, аңыздағы үлігі-өнеге алдамшы болмасын, мұрағаттағы дерек ізгі ниет пен жақсылықтан үмітін үзбей, құбылыстың мәніне терең бойлап, тұңғыық сырын түсінсін деп, екеуін де салыстырып, бірін-бірі толықтырсын деген ниетпен қарастырса, игі болар еді.

Мысалы, аңызда қалыптасқан тұлғаның бейнесін Төрехан Майбас: *«Бәйсейіт — Арқаға Бәшекең, Біжікең атанған белгілі тұлға. Жиені Бәйсейіт туғанда Қанжығалы қарт Бөгенбай: Маңдайына ел сыйғандай екен, Желкесіне жер сыйғандай екен, Аузына мал сыйғандай екен»* [1; 65], — депті. *«... Бәйсейіт Арқадағы аузын айға білеген билердің көшелісі болған. Барған жерінің билігін алған, айтқан билігі нақ болған. Бәшекең... қалыпқа сыймайтын үлкен тұлға...»* [1; 66] — деп бағаласа, Кәмел Жүністегі: *«О заманда аузы түктіге, бұл заманда «қырағы» әпербақандарға жақпаған қазақтың көне жолын ұстаған билердің бірі — Бәйсейіт. Ел көзі тірісінде де, бүгінде де Бәжең атаған әруақты тұлға»* [2; 144], — деп сипаттайды.

Бұл тұста соңғы автордың *«бұл заманда «қырағы» әпербақандарға жақпаған»* дегенін оқырман қате түсініп: «Бәйсейіт большевик, «НКВД заманына дейін өмір сүрген бе?» деген ойға қалуы мүмкін. Себебі «жақпаған» деп, адамның тірлігіндегі қылығына қатысты айтылады. Ал Бәйсейіт, Қазан төңкерісінен едәуір бұрын, ең көп жасады дегенде, жоғарыда атап өткендей, 90 жастан аса, яғни XIX ғасырдың соңғы ширегінде, дүниеден озған. Сөз қадірін білетін оқырманға әсіре қызыл тілділіктің қажеті жоқ. Әсірелеудің де шегі болу керек. Әйтпесе мазаққа қаламыз.

Ал 1842 жылдың қаңтар айының 2-сі күнгі бесатаның ел басқарып отырған, елге қадірлі тұлғаларының араб әріпімен қазақша жазылған хатының орысша аударылған мұрағаттық құжатында мүлде басқа сарындағы пікір қалыптастыратын оқиға баяндалады [12; 2–10 кп.]. Іс *«Дело по обвинению старшины Б.Кырбашева в разжигании розни между казахами Куянчи-Тагаевской, Карсон-Кирнеевской и Альтеке-Сарымовской волостей»* деп аталады. Істің басталған және аяқталған уақыты: 02.01.1842 — 29.05.1852:

*Его Высокоблагородию Господину Пограничному Начальнику Сибирских Киргизов
Старшин, биев и прочих киргиз волостей
Карсон-Кирнеевской, Куянчи-Тагайской
и Альтеке-Сарымской
Прошение*

Сего округа Карсон-Кирнеевской волости старшина Байсеит Кырбашев с давняго времени обезпокаивает наших Пограничных киргиз, между прочим производить большия беспорядки, как-то он защищая воров, отводит их от платежа скота, определенного по суду биев, решение биев отменяет, а окончанныя между киргизами дела возобновляет. Что все это может подтвердить следующее дело: когда Баян-Аульского округа Туртугульские киргизы приезжали с толмачем Пирожковым для получения уплаты за скота, угнаного от них ведения его киргизами, то он и тогда также первый отклонил удовлетворение, посеяв несогласие и раздор между своими киргизами, Туртугульцами и Толмачем Пирожковым. — Далее же еще он делает несправедливыя известы на киргиз и без всякого разбирательства самопроизвольно взыскивает понескольку скота или вещей, равно как ныне осенью не имея никакой претензий, а только вынужденным средством взыскал с бия Альтеке-Сарымовской волости Чувашбая Атантаева 5 верблюдов, со старшины Мамыра Исенъ-Аманова 10 войлоков три целковых патшаиновых халата и одну лисью шубу, со старшины, отделения Карсоновского

Нурлубая Байбурина одного верблюда, с Кирнейскаго киргизца Аргунбая Кутаманова семь лисиц. Таковыми же поступками привел народ в бедность.

О чем доводя до сведения Вашего покорнейше просим этого самого Байсеита как человека нарушающего народного спокойствия и производящего беспорядки, служащая поводом к умножению между киргизами воровства, — лишить старшинского звания и воспретить ему присутствовать при выборах султанов, старшин и входить в разбирательства — тогда то Вы сами увидите, между народом водворится спокойствие и тишина. — На что имеем щастие ожидать милостиваго Вашего внимания и покровительства для народа и нас самих. — Приложили печати и тамги: Карсон-Кирнейской волости Волостной Управитель: Исберген Садырбаев; Старшины: Кутчась Ильчибеков, Кабак Конурбаев, Нурлубай Байбурин; Би: Джансеит Кинчагаров, Богонбай Урусов, Бегалы Жаутыков, Туман Уразбаев, Итжан Пичанов, Тубучак Урунбаев, Чамбул Куланов; Куюнчи-Тагаевской волости: Волостной управитель: Кадыр Айткелев; Би: Курчубай Айткаров; Старшина: Качкунбай Хожаберженев; Альтеке-Сарымовской волости: Волостной Управитель: старшина Жангудты Бутантаев; Старшины: Мамыр Исен-Аманов, Дабыр Каланбаев; Би: Джувашибай Амантаев, Чичан Карачев, Кулан Атамбеков, Чинбулат Чантуров и Кичанбай Атамбеков; Переводил Переводчик Курбанакоев».

Бұл құжатта баяндалған Бәйсейіттің мына қылықтары көңіл аудартады: барымташыларды қорғауы; билер сотының билігін бұзуы; билікті өзінің шығаруы; Баянауыл округіндегі Төртуылдан алынған малды қайтармауы; шенеунік Пирожковқа ерік бермеуі; ел билеген болысы, биі, старшиндарына қарсы шығуы; ел билігіндегілердің өзіне салық салуы; ел билігіндегілердің қарсылығына тап болуы.

Аталған әрекеттерді жеке алып қарастырсақ, қым-қиғаш оқиғалар әр тұлғаның «көрпені өзіне қарай тартқанынан» туындап жатқан шет-шегі жоқ пендешілік тірліктің тізбегі сияқты әсер қалдырады. Сондықтан да, салған бетте, осыған тап болған зерттеушілер: «Мұндай ұсақтыққа бас қатырудың керегі не?, ол өмірде орын алса да, үлгі-өнеге болардай тарихқа пайдасы бола қоймас» деген оймен мұрағат дерегіне немқұрайлы қарауы мүмкін. Ал, аңыз бен құжатты салыстыра отырып, оқиғаларды бірімен-бірі байланыстыра қарастырсақ, жіпке тізгендей ғып көтерілген мәселелер — Бәйсейіт пен ел билігіндегілердің арасындағы мәмлеге келе алмаған ең басты мәселе — ел тәуелсіздігі үшін басталған күрестің тағдырына байланысты болғанын аңғаруға болады.

Бұл келіспеушіліктің мәнін түсіну үшін Бәйсейіт тағдырының ерекшелігіне көңіл аудару керек. Ол — еркін тірліктің, тәуелсіз елдіктің жоғын жоқтаушы. «Желі қарсы соққан» қасаң замандағы жоқтаушы тағдырының тауқыметін түсіну, біздерге жоқтау сөздің зарын есітіп, көз жасының ащы кермек дәмін татқандай әсер қалдырса керек. Себебі, Бәйсейіт бидің тағдыры көпшілік сияқты тірлікке ебін тауып бейімделуден гөрі, арпалысқа толы; бейтарап ойшылдың өмір мәні туралы пәлсапалық ой қозғағанынан гөрі, сол өмірдегі келеңсіздік пен келіспеушілікті ащы тілдің айырымен аямай шаншып, шындықты бүркемелеген бет-пердені сыпырып тастауға толы. Ой салып қана қоймай, соны сол сәтінде қарсылыққа қарамай іске асыруға бел шекен күреске толы болды. Сондықтан да отаршыл мен оның елден шыққан ауызжалас, сыбайлас, бақталастары түгілі, кейд, өзін деп жүргендердің өзі оның бірбеткейлігін көтере алмай, пендешілікке салынып, түсініспей қарсы шықты. Мәтіндегі «жол арасында» айтылмай, жасырын қалған ойды аршып оқыса, кез келген оқырман мұрағат дерегінен де шындықтың талай қырын көріп, мәнін түсіне алады.

Жанқұттыға байланысты мақалада: «Кәрсөн-Керней болыстарына болыс сайлағанда Бәйсейітті ұсынбайды» [4; 17], — деген пікірді келтіргенбіз. Оқырманға түсінікті болу үшін мына мәліметті де еске сала кеткен жөн. Хандық жүйе жойылып, орнына Аға сұлтандық билік орнаған соң, 1824 жылдан бастап болыс басқарушылары негізінен сұлтандар болды. Бәйсейіт сияқты рубасылары старшын лауазымына ие болды [13]. Ал, Кенесары көтерілісінен кейін, әсіресе оны 1841 жылы Ұлытауда хан көтергеннен секем алып, патша үкіметі жаппай болыс сұлтандарына шағымдар ұйымдастырып, орындарына рубасыларын тағайындауға көшті. Осылай, Қояншы-Тағай болысында Есімұлы Шаңқайдың орнына Айткелұлы Қадыр (15.02.1842), Кәрсөн-Керней болысында Ғазыұлы Құдаймендінің орнына Садырұлы Есберген (23.02.1842), Әлтеке-Сарым болысында Бөкейұлы Ғазының орнына Ботантайұлы Жанқұтты (16.12.1842) болыстыққа сайланды [14].

Кенесарыны хан сайлап келгендеріне жарты жыл уақыт өтпей жатып, ел билеуші Бөкейдің ұрпақтарына ту сыртын беріп, кейбірінің үстіне шағым жазып, отарлық билікпен ымыраға келе қойғаны — Бәйсейіт сияқты еркін өмір салтына ұстанымы берік тұлғаның зығырданын қайнатса керек. Бәйсейіттің ел билігіндегілердің бәріне наразы болуының бір себебі осында жатуы әбден мүмкін.

Екінші жағынан, Абылай хан мен Барақ сұлтанның, олардың балалары — Уәли хан, Қасым төре мен Бөкей ханның, немерелері — Саржан, Кенесары мен Тұрсын, Ғазы, тағы басқалар арасындағы

отарлаушы өкімет от салып, қоздырған, әулет аралық бақталастықта екі ұдай боп бөлінген елдің еркіндік жолын ұстанған рубасылары Абылай хан немерелерінің артынан еріп, патша үкіметінің уағызымен емес, Кенесарымен келіскеннен кейін, өз еріктерімен патшаға бағынған Бөкей немерелерінің қолынан елдегі болыс тізгінін де өздеріне алуға көшсе, Бәйсейітке рубасылық орны тұрғысынан қалыптасқан бұл жағдай да тиімсіз болып, екінші бір әлекке салып қойған. Себебі әрқайсысы өз тізгінін өз қолына алып жатқанда оның ел билігінен тыс қалдырылуы — ашу-ызасын тудыруы пендешілік тұрғыдан да түсінікті жағдай. Сондықтан ол өз руының — кернейдің тізгінін, кәрсөннен бөліп, өздерінің қолына алуды көздеді. Сол үшін, жасы келмей тұрса да, билікті жалғыз ұлы Нұрланға алып беруге тырысты.

Осыған Төрехан Майбастың ел ішіндегі: «Ояз бен Бәйсейіт» деген аңызы дәлел: *«Қарқаралының оязы бір жазда Бәшекеңе қонақ болыпты. Кетерінде оязға болыс сайлауында менің Нұрланымды болыстыққа өткіз деп екі шымқай ақбоз сыйлапты. Атқа қызыққан ояз уәдесін беріп кетеді. Келесі жылы болыс сайлауында ояз Керней ата шонжарларының қысымына шыдай алмай, Нұрланды болыстыққа өткізе алмай қалады. Сонда Бәшекең:*

— Аттан аттың асқаны, Адымдай басқан ізі артық. Ерден ердің асқаны, Уәдеге тұрса сөзі артық. Уәдесіз болған еркектен, Борбайымдағы без артық, — депті.

Сөз төркінін түсінген ояз амалсыздан Бәшекеңнің екі ақбозын қайтарып беріпті» дейді [1; 74].

Осы аңыздың желісі мұрағат құжатындағы бір оқиғамен байланысты сияқты. Жоғарыда келтірген Бәйсейіттердің Омбыға барған сапарындағы 1842 жылы 22 маусым күні берген түсініктемесінде Бәйсейіт: *«В летнее время 1841 года бывший заседатель Неговский приезжал к нам в упомянутую волость, с женою своею, старшиною Бедышаем Байджавлявовым и прочими русскими, и когда выехал в Альтеке-Сарымовскую волость, наподолеку от нашей кочевавиую, то от толь приехал ко мне означенный Бердышпай, с 7 человеками киргизами Байбурунсой волости: Тунгатом, Джаламаном и прочими, коих имен не знаю, объявил, что Г.Неговский просил курендык для молодой жены своей, т.е. подарок; но когда я ему не давал, то он с теми киргизами насильно из табуна моего близь аула бывшаго, при киргизах Карсон-Кирнеевской волости: Джамбуле, Копе, Джаркене, Бексеит, Даярбек, и Юсумбек, отогнал 12 кобыл с жеребятми и двух жеребцов, которых хотя я с поименованным киргизами при мне бывшими догонял, но догнать не мог и потому приехал к Г.Неговскому, в аул Старшины Чеченя бывшему, просил его, чрез Бердышпая, знающаго русский разговор, при сказанных киргизах 6 человек, чтобы приказал угнанных кобыл и жеребцов возвратил мне; но Г.Неговский ничего мне на то не сказал, а Бердышпай возвратил мне только одного жеребца; кобыл же и другого жеребца не возвратил и как я в последствии слышал, не упомяну от кого, что Бердышпай угнал их в свою Байбурунскую волость. После того чувствуя себя обиженным, вместе с прочими киргизами подали прошение Актаускому коменданту и ныне сотником Карбышевым производится о том следствие, по коему от меня и прочих отобранны показании; но о смещении бывшаго тогда волостным управителем Султана Х.Газина, я и прочия старшины Г.Неговскаго не просили и за то кобыл ему не дарили», —* дейді [10; 102, 102 кп.].

Аңыздағы «ояз» дегені уезд бастығының өзі емес, «ояздан келген» немесе «ояздан сәлем алып келген» заседатель Неговский болуы әбден мүмкін. Тергеудің алдында, әрине, мәселенің нақты қалай болғанын Бәйсейіт те, заседатель Неговский де бастары пәлеге қалмас үшін не деп келіскендерін тарқатып айтып жатпайтыны өзінен-өзі түсінікті.

Ал, келіскен екі аттың орнына он екі бие құлынымен және екі аттың («двух жеребцов») алынғаны наразылық тудырып, қалғанын қайтару жөніндегі талабын айтқанда Неговскийдің ештеңе деп жауап бермегеніне қарағанда, шынымен, бір шикіліктің болғаны анық сияқты. Алдында аттың біреуі ғана қайтарылса, бұл істің арты басқа былықтармен қосылып, іс қозғалғанда, аңызда айтылғандай, екіншісі де қайтарылуы мүмкін.

Деректегі Бәйсейіттің: «Неговскийге сұлтан Құдайменді Ғазинді Кәрсөн-Керней болысының билігінен түсірсін деп ат силаған жоқпыз», — деуі ойға қалдырады. Жоғарыда атап өтілгендей, патша өкіметі сұлтандардың орнына рубасыларды сайлауға кірісе бастаған соң, Бәйсейіт бұл тізгінді баласы Нұрлан арқылы өз қолына алуды көздеген. Бұл оқиғаның қалай өрбігені 1841 жылғы 20 тамызда жазылған Актау дуаны коменданты қызметін атқарушы капитан Томиловтың рапортына жауап берген Сібір казактарының шекаралық бастығының қызметін атқарушы полковник және кавалер Фалецкий мырзаның хатында: *«Уведомляю Вас, что на перечисление 240 юрт киргиз, Карсон-Кирнеевской волости рода Чан Балапанова, в Куянчи-Тагаевской волости, я никогда не изъявлял согласия; но так как они жаловались на притеснения султана Худайменды Газина и старшины Байсеита Курбасова, то я предложил Пограничному Управлению, объявить им, что народ может избрать другого упра-*

вителя и тогда им не для чего переходить в Куянчи-Тагаевскую волость», — деп баяндалады [15; 74,74 кп.].

Бұл деректен Құдайменді Ғазыұлы мен Бәйсейіттің ниеттері бір жерден шығып, бірге қимылдағандары байқалады. Бірақ шенеуніктер екеуінің арасына от салу мақсатында осындай қауесет таратқан болу керек. Осы мәселені сотник Карбышевпен қатар тергеу жүргізген Батыс Сібір Бас басқармасы жанындағы ерекше тапсырмаларды орындайтын шенеунік Семеновтің Құдаймендіден тергеу кезінде алған түсінікмесінен аңғаруға болады. Онда: «...а султан Х.Газин показывает, что он видел, как сказанных 17 кобыл, Неговский передавал тому Бердышаю для отвод в Байбурунскую волость и слышал, не упомянуть от кого, что их подарили Неговскому Старшины Карсон-Кирнеевской волости, за то, что бы уважил их просьбу, о смещении Худайменду с Волостных Управителей», — дейді [10; 101 кп.].

Бұл деректен мынадай қызық оқиғалардың желісі анықталатындай: тіс қаққан қу шенеунік кәрсөн-керней билеушілерінің екі жікке бөлінген тобымен де жеке келіссөздер жүргізіп, біреулеріне: «ұнамайтын сұлтандарынды орнынан алғызамыз» — деп, Бәйсейітке: «Нұрланыңды болыс қыламыз» — деп, екі жақтан да жылқымен, тағы басқа да құнды заттармен пара алып, жөніне кеткен. Бәйсейіт қуып барғанда Нұрлан үшін келісіп берген екі аттың біреуін ғана алып қалған. Ал басқалардың не деп келіскенін, олардың Құдаймендіге байланысты келісімдеріне оның қатысы жоғын Неговский мен жылқыны айдап алған Бертисбайлар анықтап білмей, қолдарынан келетіні — өзі де түскелі тұрған Құдаймендіні болыстықтан алу үшін деп алғандарын (құлынымен 12 биені) қайтармай, жас болған соң болыстыққа өтер-өтпесі неғайбыл екенін ескеріп, Нұрланға деп алғандарының біреуін қалдырып кеткенге ұқсайды. Бұны артынан сезген Бәйсейіттер іс қозғаған. Істің арты үлкен тергеуге ұласқан.

Осыдан келіп, бір жағынан, Есберген Садырұлы бастаған кәрсөн мен Бәйсейіт бастаған кернейлердің арасы, екінші жағынан, керней ішінде Қара би бастаған 240 шаңырақ Шаң, Балапан мен Бәйсейіт бастаған Дау аталары арасында үлкен дау басталып кетеді. Кернейдің 1841 жылы кәрсөннен бөлінеміз деп, кейін өз-ара келіспей, екі ұдай болып, бір бөлігі Қояншы-Тағай болысына қосыламыз деп, Бәйсейіт бастаған тобы өз алдымызға жеке болыс боламыз деп, ел іші бүлініп, екі айырылған жағдай қалыптасты.

Бәйсейіттің көздегені кернейдің бәрін патша билігінен бөліп алып, оған қарсы шыққан Құдайменділермен бірге қимылдау болды.

Оған қарсы отарлаушы өкімет те өз дегенін іске асыруға асықты. Полковник Вишневский 1841 жылғы 9 желтоқсанда жазған өкімінде: «Строго предписываю Каркаралинскому Приказу немедленно распорядиться исполнением указа Пограничного Управления и предписания моего от 22 октября за № 3163 относительно выбора в Байбурунскую волость волостного управителя, вместо признанного по старости лет, неспособности к этой должности, Агадая Маманова, также поставляю в обязанность Приказа наблюдать за скорейшим выбором волостного управителя в Карсон-Кирнеевскую волость, вместо бежавшего Худайменды Газина», — деп ел ішіндегі толқуды тізгіндеуге тырысты [15; 102–103 п.].

Шындығында, Құдайменды Ғазыұлы 1841 жылы елден біржолата кетіп, Кенесары қолына қызмет етіп, ол көтеріліс жеңілгеннен кейін де, өмірінің соңына шейін патша өкіметіне бағынбай кетті. Елден жырақ жүріп, тәуелсіздік үшін күрескен Құдаймендіні Бәйсейіттің өзі де, баласы Нұрлан да, кәрсөн Есеттің Көпбайы да, Әлтеке-Сарымның болысы Күшікбайдың Дәулеті де соңына шейін қолдап, оны кейде ел ішінде жасырын келіп, қонақтап жатуына жағдай жасап жүрді. Осы үшін Есеттің Көпбайын, Бәйсейіттің Нұрланын, Күшікбайдың Дәулетін 1855 жылдары сотқа тартып, Көпбайды заседательдіктен, Нұрлан мен Дәулетті болыстықтан түсірді [16]. Құдаймендінің тағдыры әлі күнге тылсым дүние. Оны елеп, ой қозғайтындай не ауызша, не тарихи дерекпен талданып жазылған зерттеу жок. Ал мұрағатта оған арналған істер бірнеше том, мыңдаған беттерде сақталған. Бәрінде ол тек қылмыскер, қарақшы ретінде әшкереленеді. Ал ол — тәуелсіздік үшін соңына шейін табандылықпен күресіп, мойнына бодандықтың қарғы бауын салдырмай кеткен тұлға.

Ал Бәйсейіт оған қол ұшын беріп отыруға мүмкіндігі болу үшін Қарқаралы округінің ықпалынан, Ақтау дуанындағы қарулы отрядтардың маңынан кернейдің аулақта болуын қалады. Жоғарыда аталған Фалецкий мырзаға Ақтау коменданты капитан Томиловтың берген рапортында: «Кирнеевской волости киргизец Кирейбай Кутеманов со старшиною Байарыстаном Абеневым и прочими бывшими в Омске, сего числа являсь ко мне объявили, что будто бы первый из них просил Ваше Высокоблагородие о перечислении 240 юрт Кирнеевской волости в таковую же Куянчи-Тагаевскую, имея на то важныя причины, и что на эту просьбу их изъявлено согласия Вашим Высокоблагородием. — В противность же этого, старшина Кирнеевской волости Байсеит, непринимая никаких от них убеж-

дений, принудил ... 240 юрт кочевать непременно с ним обратив оных с половины пути следования на дозволенные места близ Актау, которые и находятся теперь от родов: Куянчи-Тагаевского, Альтеке-Сарымовского и Карсен-Кирнеевского, самопроизвольно от Приказа отделенными им старшиною Байсеитом, на расстоянии ста верст.

Принимая во уважение это объявление старшин и руководствуясь данными им от Вашего Высокоблагородия в 29-е июля за № 2137 охранным листом я командировал с ними к помянутому старшине Байсеиту двух казаков с приказанием чтобы он впредь до имеющей последовать резолюции Вашего Высокоблагородия на просьбу киргизца Кутеманова, отнюдь не принуждал означенных 240 юрт Кирнеевской волости, кочевать по угнетению против воли их к Каркаралам, а дозволил бы им соединиться с этими тремя родами» — деп, Бэйсейітке тосқауыл қояды [15; 72,72 қп.]

Қаратау, Алатаудан бар малдарынан айрылып, арып-ашып келіп, енді есін жия бастаған елдің жасырын күресті жалғастыру ниетін қабылдамай, өз руластары еркіне көнбей, және оларды қолдаған көпшіліктің басылып қалғанына әбден көңілі қалған Бэйсейіт, қасақана, мұрағат құжатында баяндалғандай: «1841 жылы кәрсөн-керней, әлтеке-сарымдардың Баянауылдың төртауыл руының биі Кенже Байбуриннен барымталап алған 300 жылқыны» [12; 32 п.] отарлаушы биліктің ыңғайымен, даушусыз қайтара қойық — деп, көне салған болыс билеушілері мен басқа да рубасыларына қарсы шығып, олардың билік үкімін бұзып, келісіп тұрған малын бергізбей, осы мәселені шеш деп жіберген тілмаш Пирожковқа ерік бермеген. Бэйсейіт мұны жеке басының қыңырлық мінезіне салып істеген жоқ. Мұндағы гәп — ол малдың не себепті барымталанғанында. Оның қарамағындағы елі барымтаға қарны ашқандықтан, күнкөрістің қамымен барған жоқ. Және де Бэйсейіт ұры-қарыны қолдаған жоқ. Кенесарының: қай ел оның қолына қосылмаса немесе талап еткенде, әскеріне қол ұшын бермесе, сол елдің малын барымталап, елін шауып, жазасын беретінін ескерткен. Осы ойын Кенесары билерге айтқан бір сөзінде: «Егер бұрынғы істеріңізден тәубе қылып қайтсаңыз жақсыларыңыз біздің алдымызға келіңіз. Біздің мейірбанлығымыз сіздерге көп дұр. Егер келмесеңіз біз отыз жасқа келіппіз; сізні құдайдан тілеп енді отыз жыл жаулармын; енишалла хақ! Сіздерге Баубек құлымызны жібердік, әрбір ауыз тіліне бауыр қылың» — деп жеткізіп, ол хатқа мөрін басқан [17].

Мәшһүр Жүсіп: «... Сонда сол замандағы жақсылар Қытай елісіне де сөйлесіпті. Кенесарының сөзіне де ұйымады. Иван Семеновишке де сөйлесіпті: «Жерімізге тимесең, баламыздан солдат алмасаң, саған қараймыз. Осыған уәде берсең, біреуіміз хабарласайық. Хабар өзімізден болсын», — деп қайтарады. Кенесарыға: «Өздеріміз бас қосып, кешікпей бір жауабын береміз» — деп, оған қорыққанынан осылай жауап қайтарады.

Кенесары бұлардың арам ойларын біліп, еліне бара сала әскер аттандырып: «Менің айтқаным жүрмеді» деп, елді шауып, шаныып, талай бастады», — дейді [5; 169]. Аңыздың келесі бір тұсында: «Кенесары: Қуандық, Сүйіндік, Қаракесек — бес Мейрамды өзіме қаратып, соңымнан ертіп алып, Шу, Қаратауға аударамын! — деп» рубасыларын соңынан ерткенде «... орысқа қарап бағынып қойған Азнабай балалары: Тайжан қажы, Сейтен болыс еді. Болыстық, қажылықты керек қылған жоқ: Кенесарыға еріп ауды. Алтай: Алдажұман байлары түйе жүк артқан жамбыларын көлге, суға төгіп кеткен. Қаржас та ауды, Орманыш да ауды. Баянаулада Боштай аға сұлтан — дуанбасы күні солдат алдырып, казак-орыс алдырып, Айдабол, Күлікті қойдай қамап, иіріп, аудармай алып қалды», — дейді [5; 171].

Міне, осы, Баянауладағы төртуылдың малын көрші қаракесек елінен карсөн-керней мен сарымдардың барымталауына Кенесарының тапсырмасы себеп болуы әбден мүмкін. Оған дәлел болатын дерек: Кенесары алғаш ұран тастағанда Шет өңіріндегі бесатаны бастап бірінші Бэйсейіттің барғаны жөнінде: «Биш-ата-Каракисетская, Кернеевская с старшиной Байсеитом — Близ Актау на юг при горах Актасе и Джалтасе. Карсоновская — При горах Таяткан Чунаке, от Актау на юг же за первыми. Куянчи — Тагаевская и род Сарымовский — Смежно с первыми от Актау на юг же», — деп мәлімдейді олардың соңынан жіберілген шекарадан тыс әскери отрядтың бастығы әскери старшын Карбышев [18].

Ал, Бэйсейіттің Кенесарымен бірге қимылдағаны жөнінде, 1847 жылы 3 қазанда Қарқаралы округтік приказының сот бөлімінде тыңдалған рапортында: «Баян-аульский Приказ и до сего времени не доставил сведение которое при решении поступков Кырбашева необходимо нужно по самому заключению Пограничного Управления подписанному 15 декабря 1843 года о участии с прочими киргизами и Кырбашева в шайке Кенесары при нападении на Актаузское укрепление в 1838 году. Угон же Туртугульских киргиз 300 или 242 лошадей киргизами по коему и Кырбашев заключается, как видно из окончательного о поступках Кырбашева производства, произведен был барантою с

убийством, каковыя поступки Кырбашева по упомянутому приговору сего Управления велено рассмотреть вместе с другими об нем делами» — деген дерек келтіріледі [12; 79,79 қп.].

Бәйсейіттің төртуылдың малын даулап келгендерге жасаған қылығын ресми, саяси тұрғыдан қарастырсақ, оның: «ол малды еркіндігіміз үшін күреске алдық; өздерің бұл ұлы іске ат салыспай, бұғып қалдың; малымыз соның өтеуіне құрбандық болсын» деудің орнына, енді келіп, сол малды даулауға қай беттеріңмен келіп тұрсындар» демегеніне кім кепіл бола алады?! Дәл осылай айтылмаса да, Бәйсейіт осы түсінікпен кесімді билігін өзі шығарды. Әрине, Бәйсейіттің нақты ойын қандай өткір тілмен қалай саптап бергенін естіген қазір ешкім жоқ. Бірақ оқиға мен ондағы басты кейіпкерлердің басынан өткен шытырман сан түрлі осы мәселеге тікелей қатысты мәліметтер мұрағаттың шаң басқан сан мыңдаған істері мен беттерінде жоғарыдағы бір ғана хатта көрсетілгендей, тәптіштеп баяндалған. Бұл зерттеуде біз тек теңіздің тамшындай бөлігінен ғана сусындап отырмыз.

Осы оқиғалардың өзін саралап келгенде, Бәйсейіттің бәр іс-қимылының, қылығының негізінде басқалардың ашық мойындамаса да іштей келісетін қисыны болғаны байқалады. Ол — еркін өмір үшін күрес. Сондықтан оның қолын ашықтан-ашық ешкім қаға алмады. Тек, өздеріне ашық қарсы шыққан соң, амалсыздан бағыныштылық саясатты қолдап отырған ел билігіндегілер оның үстінен шағым жазуға ғана қауқарлары жетті. Бірақ осы шағыммен басталып кеткен іс, 1852 жылға дейін созылып, ақыры аяқсыз қалды. Бұл істі Бәйсейіт пара беріп тоқтатты ма, әлде ұлы Нұрлан болыс болған соң оған нүкте қойды ма — ол екінші кезектегі мәселе. Ал бастысы — ол істі артынан қуып, ізденуші болмаған соң бықсып-бықсып барып сөнген қоламта сияқты — Бәйсейіттің еліне адалдығына көзі жеткен ел — сол істің аяқсыз қалуын өзі де қалаған сияқты. Оны қоздатып отыруға мүдделі болған тек оның Құнанбай сияқты ашық бақталастары болды. Ол биліктен тайған соң — қоламта да өзінен-өзі сөнді.

Бәйсейіттің саяси көзқарасы мен жеке басы мінез-құлқының тағы бір қыры Құнанбаймен арадағы дұрдараздықтан көрінеді. Ол туралы мәлімет ауызша аңызда кеңінен баяндалады [1; 65–83]. Бәйсейіт аға сұлтандыққа Көпбайды ұсынып Құнанбайға қарсы шыққанда: «Төбеде отырған жақалтайды жарда отырған жапалақ қалай басқарады?... қабырғалы Қаракесектің билігін Маябоздың тобығына берді деген не сұмдық?!» — деп шарт сынады [1; 66]. Бәйсейіт Құнанбайға тек «у ішсең руыңмен» деген қағидамен емес, оның Кенесары көтерілісі кезінде, патша әскері мен әкімшілігіне қызмет етіп, шен алып, иығына шекпен жауып, енді солардың қолдауымен қаракесек елінің билігіне қол созғаны намысын қоздырып, ол қаншалықты өзін елге мойындатар ерен тұлға болса да, айтатын ойын мәймөңкелемей, бетіне айтып салып, қарап отырған.

Құнанбайдың Ресей үкіметіне адалдығы жөніндегі деректі 1840 жылы 20 ақпанда Тобықты болысының сұлтандары, билері және старшындары Қарқаралы сыртқы округтік приказға жазған өтінішінен көруге болады. Онда: «окружному Приказу известно, что... когда в 1836 году при происшедшем от мятежного султана Кенесары Касымова расстройстве почти всех округов Киргизский народ, следуя его возмущению, нарушил данную присягу, вместе с ним составлял скопище и бродяжество, делая многим людям неистовство, тогда мы, во-первых, с верою на Бога, а во-вторых, оставаясь верными к Российскому Престолу, не нарушили присяги и находясь по сие время здесь, избавились и остались благополучными от беспорядков так же по наставлению и внушению их Ускенбаева и Иралина, которые будучи с начала верны, не просили положенной пятилетней льготы от платежа ясака, присоветовали платить оные, хотя бы нам были и трудно и полезными советами избавили нас от бед, случившихся Киргизскому народу Средней орды при Кенесары.

Дабы таковыя заслуги не оставались без ведома высшему начальству, мы с общаго согласия написав это прошение, покорнейше просим Окружной Приказ об означенных Кунанбае Ускенбаеве и Божей Иралине не оставить довести по принадлежности до сведения начальства для исходатайствования им офицерского чина, присовокупляя к тому и со стороны своей хорошую рекомендацию, для поощрения их на дальнейшую полезную службу», — деп жазған [19].

Бәйсейіт пен Құнанбайдың ұстасуы жеке бастарының пендешіліктерінен емес, ел тағдыры қыл үстінде тұрғанда, жауапкершілікті мойындарына алып, өздері таңдаған жолға берік сенімді болды. Сондықтан да, аңызда айтылғандай, екеуінің арасы қайта-қайта ушығып отырды. Бұл қарсыластық саяси көзқарастың ымырасыздығынан туындады.

Ал жеке алсақ, Құнанбайдың бір басының қадірі жалғыз тобықты емес, бүкіл қазаққа мақтан тұтарлық тұлға екеніне, әрине, ешкімнің күмәні жоқ. Адольф Янушкевич жазған-дай: «... Табиғат оған кесек ақыл, гажайып ес және жүйрік тіл берген. Іскер, өз аталастарының игілігі туралы қам жейді. Дала заңдары мен Құран-қағидаларының баянды білгірі, қазақтарға қатысты Ресей заңдарын жатқа біледі, қара қылды қақ жарған би және өнегелі мұсылман. Қарапайым Құнанбай әулиенің даңқына

бөленген. Одан ақыл сұрауға жас та, кәрі де, кедей де, бай да әр қиырдағы ауылдардан келіп жатады.

Тобықты руының сеніміне ие болып, ол болыстық қызметке сайланған. Ол өз қызметін бақайшағына дейін біліп, оны бар қайрат-жігерін сарқа төгіп атқарады, иегін көтерсе болды, әр бұйрығы, әр сөзі орындалады» [20; 69].

Әрине, біз қолымызға түскен шектеулі жазба дерек пен талай өзгеріске түскен аңыздарға сүйеніп, тұлғалардың мінез-құлқы мен нақты іс-әрекетінің астарын толық деп ойлаудан аулақпыз. Барлық жағдайда Құнанбайдың тек патшаның мүддесіне, Бәйсейіттің тек хан-сұлтандар мүддесіне, Жанқұттының екі жақтан да түңіліп, тек ар тазалығының мүддесіне ғана қызмет етпегені өз алдына түсінікті жағдай. Саяси тұрғыдан тандалған жолдарды олар өз-ара келісіп алды ма, әлде, өмір ағымы өз заңдылығымен осыған алып келді ме, қалай болса да — бар пендеге тән мінез-құлық бұл тұлғаларға да тән. Мұрағаттық құжатта немесе осы оқиғалардың ортасында жүргендерден қалған естеліктерде осындай пендешілік мінез-құлықтар жөніндегі деректер де орын алған.

Мысалы, жоғарыдағы Бәйсейіт қылықтарының ашып көрсеткен саяси астарынан бөлек, пендешіліктің де іздері байқалатыны сөзсіз. Сол сияқты, Құнанбайдың да пендешілігі жөнінде сол іс-сапарда бірге болған Адольф Янушкевич: «Құнанбай бір әредікте екі жүзділік көрсетіп қалды. Өздерінің жылқылары мен қойларын жасырған дәулетті жерлестерін бізге сол көрсетті. Шындықтың бетін ашуымызға, дәлірек айтқанда, бізге көмектескен адамды білген болса, онда олар Құнанбайдың шыбын жанын көзіне көрсеткен болар еді», — дейді [20; 181]. Жанқұттының да белсенді тірліктен бас тартуын жан тыныштығын ойлаған пендешіліктен деп түсінуге болады.

Бірақ мұндай түсінік — еш міндет пен жауапкершілікті мойнына алмай, бәрін тар түсінік аясында ғана қабылдайтын пендешіліктің пайымынан туындайды.

Ендігі тарихи зерттеудің мақсаты — пендешілікті дәріптеу емес, керісінше, оны тарихи тұлғалардың бойынан тауып жатса — оған жаңалық ретінде қарап, тұлға туралы түсінігін бәріне жаралғаннан тән пендешілік өлшемімен өлшеп, нарқын түсірудің — қоғам дамуына қалай кері әсер ететінін әшкерелеу. Кейінгі кезде жарияланып жатқан отарлаушы үкіметтің іс-қағаздарындағы деректі өз мақсат-мүддесін көздеп жазған отарлаушының берген қалпында қабылдап, одан тек түңілу — кең жайылып келе жатқан құбылыс. Бізге түңілу емес, түсіну және одан қорытынды шығару керек. Өмір заңдылығы бойынша қоғамдағы мәселе тек қиялдың карама-қайшылықсыз әлеміне еліктеу арқылы ғана шешілмейді. Өткендегі жақсылықтан үлгі ғана емес, істегі сәтсіздік пен бойдағы кемшіліктен сын арқылы сабақ алып, одан арылу керек. Жоғарыда аталған тұлғалардың қатардағы пенделерден ерекшелігі сол — олар бағдарсыз қалған өз уақытында жаңа құндылықтарды өз іс-әрекеттерінің үлгісімен жасап шығып, ол көпшіліктің тығырықтан амалдап шығуына мүмкіндік берді. Ел ұрпағын да, елдік қасиетін де сақтап қалды. Бұл Құнанбай, Жанқұтты, Бәйсейіт сияқты тұлғалардың сын сағатта бойларындағы пендешілікке тізгін салып, ел алдындағы азаматтық борыштарын адал перзенті ретінде атқарғандықтың жемісі. Тұлғалар — сын сағаттағы ел бағына сай жаралатын құбылыс. Келер ұрпақ олардың өмір жолдарының бәр бұралаң, қалтарысына шейін біліп, үлгі-өнегесіне еліктеп, сәтсіздігі мен кемшілігінен сабақ алып өсуі керек. Бәйсейіттің өмірін аңыз бен деректі салыстыра талдағандағы мақсатымыз — осы мұратқа жету.

Әдебиеттер тізімі

1. Майбас Т. Оныншы ауыл: Шежіре кітабы. — Алматы: ҚАЗАқпарат, 2007. — 238 б.
2. Жүністегі К. Шырағдан. — Алматы: «Ел-шежіре» ҚҚҚ, 2007. — 312 б.
3. Жакин М.С. Өлкетанудағы ірі тұлғаларды зерттеу мәселелері // Олжабай есен болса — ел аман: Жоңғар басқыншылығына қарсы жүргізілген қазақ халқының ұлт-азаттық соғысының ірі қолбасшысы Олжабай батыр Толыбайұлының ерлігін еске алуға арналған «Ерлер есімі ұрпақтар есінде» атты халықаралық ғыл.-теор. конф. материалдары (23–24 мамыр 2005 жыл). — Қарағанды: ҚарМУ баспасы, 2005. — 166–175-б.
4. Жакин М.С. Жақсы Жанқұтты: аңыз және дерек (сыни талдау тәжірибесі) // ҚарМУ хабаршысы. — 2008. — № 2. — 15–22-б.
5. Мәшһүр Жүсіп Көпейұлы. Шығармалары. — 9-т. — Павлодар: ЭКО ЖШС, 2006. — 366 б.
6. ЦГА РК. Ф-345. О-1. Д-1649. Формулярный список о службе управителя Альтее-Сарымовской волости Каркаралинского округа майора султана Газы Букеева. — 1850 г., февраля 11. — Л.67–68; ЦГА РК. Ф-374. — О-1. — Д-2399. — Формулярный список о службе управителя Альтее-Сарымовской волости Каркаралинского округа старшины Джангутты Ботантаева. — 1850. — Л. 31–32. / «История Казахстана в русских источниках XVI–XX вв». О почетнейших и влиятельнейших ордынах: алфавитные, именные, формулярные и послужные списки. 12 ноября 1827 г. — 9 августа 1917 г. — Т. VIII. — Ч. 1 / Сост., предисл., коммент. и указ. Б.Т.Жанаева. — Алматы: Дайк-Пресс, 2006. — 716 с. + вкл. 4 с.

7. Артықбаев Ж.О., Жакин М.С. Шет өңірінің тарихы. — Қарағанды: ҚарМУ баспасы, 1998. — 251, 252-б.
8. ЦГА РК. Ф-374. — О-1. — Д-3892. Рапорт Каркаралинского внешнего окружного приказа в Пограничное управление сибирскими казахами 1842 г., августа 13. — 291 л. / «История Казахстана в русских источниках XVI–XX вв». — Т. VIII. — Ч. 1. — С. 147.
9. ЦГА РК. Ф-374. О-1. Д-2397. Донесение Каркаралинского внешнего окружного приказа исправляющему должность пограничного начальника сибирских казахов полковнику Е.А.Клейсту. — 1850 г., февраля 11. — Л. 1 / «История Казахстана в русских источниках XVI–XX вв». — Т. VIII. — Ч. 1.
10. ГАОО. Ф-3. О-2. Д-1993. — По жалобе старшин и киргиз в ведении Каркаралинского округа на бывшего в тамошнем окружном приказе заседателя Неговского о незаконных поступках (Ч. 5). (О невозможности командировать муллу; опросы и показания; очные ставки). — 13.10.1841–28.08.1842. — 146 л.
11. ЦГА РК. Ф-374. — О-1. — Д-4387. Дело о избрании старшим султаном Каркаралинского приказа К.Таукина и управителя Кучук-Тобуклинской волости К.Ускенбаева. — 25.07.1849 — 02.11.1849. — 19 л.
12. ЦГА РК. Ф-374. — О-1. — Д-3884. Дело по обвинению старшины Б.Кырбашева в разжигании розни между казахами Куянчи-Тагаевской, Карсон-Кирнеевской и Альтее-Сарымовской волостей. 02.01.1842–29.05.1852. — 141 л.
13. Матералы по истории политического строя Казахстана. — Т. 1. — Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1960. — С. 39–109.
14. ЦГА РК. — Ф-374. — Д-4849. Именной список чиновникам, письмоводителям, толмачам и волостным Управителям Каркаралинского внешнего окружного приказа. — 1845, февр. — Л.786–788 об. / История Каркаралы в документах и материалах. — Т. 1. — Алматы: Типография «Инжу-Маржан», 2008. — С. 354.
15. ЦГА РК. Ф-374. — О-1. — Д-807. Дело о старших султанов, заседателей, волостных управителей во Внешнем Окружном Приказе и волостях Сибирских киргизов. — 30.01.1848 — 12.07.1848. — 298 п.
16. ЦГА РК. Ф-345. — О-1. — Д-1698. Дело о предании суду заседателя от казахов Коппая Исетева и волостных управителей Карсен-Кернеевской волости Нурлана Байсеитова и Альтее-Сарымовской волости Даулета Кучукбаева за укрывательство султана Худайменды Газина. — 04.03.1855–01.05.1856 г. — Л. 1–51.
17. ЦГА РК. Ф-4. — О-1. — Д-4336. 14 л. / Национально-освободительная борьба казахского народа под предводительством Кенесары Касымова / Сост. д-р ист. наук В.З.Галиев, Б.Т.Жанаев. — Алматы: Ғылым, 1996. — С. 39.
18. ЦГА РК. Ф-338. — О-1. — Д-2. Записка о кочевьях казахов, присоединившихся к султану Кенесары Касымову, Акмолинского округа — 1838 г., сентября 7. — Л. 2–3 об. / Национально-освободительная борьба казахского народа под предводительством Кенесары Касымова. — С. 104.
19. ЦГА РК. Ф-374. — О-1. — Д-710. Дело о выдаче казахам похвальных и старшинских листов и серебряных медалей на 1840 г. — 11.01.1840 — 31.08.1840 — Л. 33, 34.
20. Янушкевич А. Қазақ даласына сапар туралы жазбалар / Ауд. Ғ.Зұлхаров. — Астана: Аударма, 2003. — 264 б.

УДК 947.1(574)

А.Б.Тапаева

Костанайский государственный педагогический институт

НАСЕЛЕНИЕ СЕМИПАЛАТИНСКОЙ ОБЛАСТИ

1802-й – 70-е годы XIX века

Мақала Семей облысы құрылған тұстағы халықтың таптық және діни сенімі туралы этникалық құрамына арналған. 20-жж. әкімшілік реформаны енгізгеннен кейін халық саны әскери өкілдер мен шенеуніктік аппараттар есебінен толықты, сонымен қатар азиялық көпестерді әкеп орналастырғаннан кейін қаладағы сауда-саттық дами бастады. Семей облысында түрлі дін өкілдері тұрды; олар христиандар, лютерандар, еврейлер, магомездандар т.б.

The article is devoted to the forming of the population in Semipalatinsk oblast according to ethnic belonging, estate and religion. After the administrative reform implementation of 20s the number of the population increased owing to the military estates and the official machinery, and also there was the fact of the Asian merchants settling because of trade development in the town. The representatives of different religions lived in Semipalatinsk oblast: the Christians, the Lutherans, the Jews, the Mohammedans, etc.

Территория современного Восточного Казахстана от г. Усть-Каменогорска до Черного Иртыша заселялась казахами, которые оседали большими родовыми группами, как, например, бура, теристанбалы и др. Причем внутри каждого рода размещение происходило также по родовым ветвям, но более мелким, и каждая ветвь занимала определенную территорию. Такой порядок расположения родов сохранялся всегда, независимо от того, оседал ли род в полном составе или постепенно [1; 429].

В первой половине XIX в. Семипалатинский край, по словам царских чиновников, представлял обширную, еще «неумиротворенную» окраину русского государства, населенную степными кочевниками-казахами, состояние которых было известно царскому правительству только отчасти. Между тем «сношение этого края с коренными русскими владениями, — по словам Ф.Зобнина, — сознавалось уже как нельзя лучше, повторявшиеся случаи разбоев, восстаний, перехода казахов в русское подданство и практиковавшиеся вслед за тем отношения и уходы их в пределы китайской территории, для принятия нового подданства...» [2; 108].

В первой половине XIX в. в Семипалатинском уезде проживали представители следующих родов: 5726 хозяйств уаков, 1250 — кереев. Уаки расселялись на юге от г. Семипалатинска, в пространстве гор Семейтау, Бельтерек и Аркалык, вокруг озера Ащиколь и в верховьях реки Ащи-су. Они состояли из четырех волостей и части Кумкульской волости. На правом берегу Иртыша они занимали территорию, которая, являясь северной частью уезда, расположена между поселками Лебяжьем и Черным, вдоль десятиверстной полосы и далее на восток. Арчалинская волость, расположенная на северо-востоке уезда, была занята общинами кереев, которые относились к отделениям родов курса-ры, аксары (отделение куттыбай) и сибан (отделение шокматар). Кереев проживали в Малыбаевской волости и в других волостях Семипалатинского уезда. На территории Усть-Каменогорского уезда кочевали совместно с кереем 68 хозяйств уаков — в верховьях р. Бухтармы и в окрестностях горы Арчаты. В Павлодарском уезде кереев среди других племен составляли меньшинство, их насчитывалось всего 376 юрт отделения кудайберды, которые населяли левобережье Иртыша против поселка Бобровского, входившие в Кызылагачскую и Теренкульскую волости. На территории Зайсанского и Каркаралинского уездов Семипалатинской области расселялись общины кереев — абак [3; 86, 96].

Исследователь Н.Е.Бекмаханова отмечала, что на Семипалатинской и Ямышевской территориях в 1816 г. размещалось до 15 тыс. казахов [4; 140].

В первой четверти XIX в. Семипалатинский окружной приказ основал из новых поселений Байуаковскую волость. В 1874 г. эта волость была переименована в Бельагачскую. Данная волость состояла из 1444 хозяйств, из них 25,75 % составляли уаки. Нужно заметить, что представители племен аргын, найман, керей, уак в Бельагачской степи называли себя «кырык ру» — «сорок родов», подчеркивая этим сборный характер населения волости [3; 96–97].

Согласно ведомости 5 ревизии по Тобольской губернии за 1802 г. в Семипалатинском окружном приказе находились представители различных сословий: купцов — 32 души, мещан и цеховых — 208, государственных крестьян — 728, помещичьих крестьян и дворовых людей — 130 [5; 93об.–98об.].

В пикетных помещениях на тракте к Семипалатинску расположились девять казахских магометан. В войске временно квартирующих христиане православного исповедания составляли: м.п. — 434, ж.п. — 103 человек, католического (м.п.) — 18. В селениях, укреплениях и пикетах общее количество населения составляло 26.993 м.п. и 24.021 ж.п. [6; 31об.–32]. Представленные данные свидетельствуют о значимости Семипалатинского округа не только как административного, но и как торгового центра.

После введения административной реформы 20-х годов численность населения в окружных приказах увеличилась за счет военных сословий и чиновничьего аппарата, а также имел факт заселения азиатскими купцами, вследствие развития торговли в городе. В 1830 г. в Семипалатинске поселились 54 человека азиатских купцов с семьями [7; 92].

В 1825 г. численность населения в г. Семипалатинске составила 5849 жителей обоего пола, в том числе 4237 м.п. и 1612 ж.п. [7], а в 1867 г. проживали 8550 человек.

Среднеазиатские купцы водворялись в Петропавловск и Семипалатинск на старинных правах гостей и безразлично получали название ташкентцев. В городах они торговали как с русским оседлым населением, так и с казахами [8].

В 1852 г. в Семипалатинске ташкентских подданных купцов было 48, вообще «называвшихся иностранными» — 306, в 1857 г. в Семипалатинске, Усть-Каменогорске, Петропавловске проживали 526 мужчин и 539 женщин из Средней Азии, не состоявших в подданстве России, многие из них избрали торговлю в качестве основного вида занятий. Правительство, по-прежнему проявляя заинтересованность в расширении торгово-экономических связей со среднеазиатскими ханствами, всячески поощряло заселение городов и других поселений Восточного Казахстана бухарскими, ташкентскими купцами [9; 36].

Больше всего здесь селилось купцов по роду своего занятия. По данным 1863 г. в Семипалатинской области было сосредоточено 2688 купцов обоего пола. Среднеазиатские купцы строго следовали

своему маршруту: из голодной степи — в Каркаралинск, где располагались кочевья сыновей Барак-хана, или отправлялись через Семиречье на Аягуз, к кочевьям детей Аблай-хана, а затем к Иртышу, к кочевьям Абулфеис-хана.

Политические и экономические условия способствовали увеличению численности населения данного региона. Этот рост стал особенно стремительным после того, как город стал центром области, из-за прибытия чиновников административного аппарата управления, и составил 188796 человек [2; 94–96].

По мнению министра внутренних дел Бибикова и генерал-губернатора Гасфорта, «левый фланг степей» для царского правительства был необходим в военном, политическом и финансовом отношениях, поэтому была необходима реорганизация управления казахами с сибирской стороны. По «Положению...» «левый фланг степи» был разделен на три административно-территориальные единицы. По этому документу все земли, вошедшие в «Семипалатинский внутренний округ сибирских киргизов», считались российской государственной собственностью. Для управления Копальским военным округом были выработаны особые постановления. Так, во главе управления военным округом была учреждена должность военно-окружного начальника, который одновременно являлся комендантом Копальского укрепления. Он назначался из старших чинов казачьих офицеров сибирского линейного войска, находящегося в названном укреплении, или из особых штаб-офицеров. Для управления Семипалатинскими Внутренними округами образовывался Окружной приказ.

Председателем Внутреннего окружного приказа являлся Окружной военный начальник, назначаемый из армейских или казачьих штаб-офицеров. Окружной начальник соединял в себе компетенции Земского исправника и окружного судьи. Руководствоваться в своей деятельности он должен был особыми постановлениями, выработанными специально для внутренних казахов. Казахам данного округа строжайше запрещалось селиться на землях крестьянских и казачьих селений, им разрешался переход на постоянное жительство во внешние округа с позволения Окружного начальства. А переход казахского населения внешних округов во внутренние запрещался.

Военный губернатор Семипалатинской области заведовал всеми войсками, расположенными во внешних округах области. Непосредственные функции Семипалатинского военного губернатора были определены в Особенном Наказе Военному губернатору. «Наказ» давал военному губернатору право преследовать лиц, производящих грабеж или мятежи внутри степей и отражать вооруженною силою набеги иноземцев. По всем делам Военный губернатор и Областное правление Семипалатинской области подчинялись генерал-губернатору Западной Сибири [10; 79–87].

Согласно указу царского правительства от 19 мая 1854 г. из частей, находящихся на левом фланге Казахской степи, т.е. из Кокпектинского и Аягузского внешних округов, из Семипалатинска, Усть-Каменогорска и земель, занимаемых казахами, кочующими на внутренней стороне Сибирской линии по правую сторону реки Иртыша, и, наконец, — из селений по Иртышской линии, от крепости Железинской до Малонарымска включительно, была образована Семипалатинская область [11; 79]. Северная граница этой области пролегла несколько севернее Иртыша; на западе она ограничивалась меридианом восточного берега озера Балхаш, на востоке — китайской границей, а на юге — хребтом Кунгы-Алату. На этом обширном пространстве, до 1000 верст в длину и до 300 в ширину, находились только шесть русских селений, состоящих из казаков; а на остальной территории кочевали около 250 000 казахов. Эта область представляла собой самый благословенный уголок западной Сибири. «Край непочатый еще в своих богатствах, и по климату, и по почве едва ли не вполне оправдывающий восторженность своих поклонников, придающих ему название русской Италии. Множество потоков перерезывают Семипалатинскую область в разных направлениях: к северу Иртыш, Чар-Гурбан, Аизи-Су; к югу Кокбекты, Баканас, Аягуз. Главные озера: Сасык-Куль, Ала-Куль, Зайсан при Китайской границе» [12; 14].

В 1854 г., при открытии Семипалатинской области, казахи, кочующие на правом берегу Иртыша, с городами Семипалатинском, Усть-Каменогорском, укреплением Бухтарминским и селениями по Иртышу, от укрепления Железинского до Малоярской станицы, вошли в состав этой области [12; 330].

С передачей Семипалатинска в статус «областного города» был создан герб: «на лазоревом поле щита золотой навьюченный верблюд, а над ним серебряная луна и пятиугольная звезда. Щит этот увенчан золотою городскою короной».

С открытием Семипалатинской области и причислением ряда населенных пунктов к разряду городов и зачислением жителей в мещанское сословие росла численность городского населения. В середине 50-х годов насчитывалось 2983 мещанина, а в середине 60-х — 12131 мещанин. В области

проживали ссыльные, приписанные и не приписанные к городским и сельским обществам; штатские служащие и купечество [4; 178–179].

Во второй половине XIX в. город состоял из четырех отдельных населенных частей: собственно города, казачьего форштадта, городского выгона и зареченской слободки. Само перечисление этих частей указывает как на разбросанность жилых строений, так и на преобладание здесь дворов над квартирами. Перепись населения производилась везде по квартирам и только в г. Семипалатинске — по дворам.

Со второй половины XIX в. постепенно росло количество казахов, живших в Семипалатинске. Значительную часть их составляли казахские бедняки-джатаки и ремесленники [2; 94].

Занятия жителей города были самые разнообразные. Издавна значительная часть населения Семипалатинска занималась хлебопашеством на арендованных землях, главным образом в Бельгачской степи. Обширная хлебопахотная Бельгачская степь, раскинувшаяся на сотни верст, находилась в Змеиногорском уезде, в 30 верстах от г. Семипалатинска. Местность Бель-агач представляла собой степь, залегавшую среди сосновых боров. Водных источников на этом месте не было, а потому за водой приходилось ездить на Иртыш. Запасы воды для поливов, кроме того, заблаговременно создавались возле пашен, для чего во многих местах устраивались загородки в виде буквы «П», в которые зимой набивали сугробы снега. Весной эти снежные запасы прикрывались толстым слоем соломы, чтобы задержать их таяние. В основном выращивали рожь, пшеницу-китайку. Пшеницу-китайку использовали для посева в Семипалатинске с 1820 г. Семена были завезены из Кульджи купцом Седельниковым и крестьянином Гусевым [2; 96].

Вопрос о развитии городской промышленности в Семипалатинской области, о привлечении в ее города купцов и занимавшихся ремеслом мещан встал с большой остротой в середине XIX в., в связи с поисками новых источников доходов. При обсуждении этого вопроса Семипалатинским областным управлением в 1856 г. было решено, что население «вновь утвержденных» городов Семипалатинской области — Копала, Кокбекты и Аягуза — должно состоять из купцов, мещан, разночинцев и казахов, а городские повинности должны нести все сословия, «каждое в соответственной мере». Несколько позднее Сибирский комитет разработал ряд положений для переселенцев, живущих в Семипалатинской области. Было указано, что переселение «сохраняет то звание и соединенные с оным личные преимущества, коими пользовались в местах прежней оседлости... На этом основании купцы записываются в купечество, мещане в мещанство». Разрешался свободный переход из мещан и ремесленников в купцы, но не иначе, как «с платежом повинности той гильдии, преимуществами которой они намерены воспользоваться».

В целях стимулирования переселения купцов и мещан в города Семипалатинской области (Аягуз, Кокбекты и Копал) было обещано наделение переселенцев в городской черте приусадебной земель для постройки жилых домов, хозяйственных помещений, ремесленных мастерских и промышленных предприятий. При этом было указано, что плата за землю и «правила отвода земли определяются с возможной умеренностью». Более того, переселившимся предоставлялось «право приобретать всякую недвижимую собственность». Приписка переселенцев к городам Семипалатинской области запрещалась: при наличии недоимок по уплате податей; в случае состоявшегося зачисления в первую или вторую очередь рекрутского набора; в случае запрещения иметь постоянное жительство в Казахской степи. В целях предупреждения возможных возвратов переселенцев на прежнее местожительство Сибирский комитет вынес следующее решение: «Все лица, причисленные к городам Аягузу, Кокбекты и Копалу, обязуются не далее трех лет со дня приписки завести там прочную оседлость. Лица, не исполнившие эти обязанности, лишаются права пользоваться льготами и преимуществами».

Разрешалось переселение в города Семипалатинской области и приписка в купцы, мещане и ремесленники всем лицам свободного состояния и «азиатским выходцам», принявшим российское подданство. В качестве поощрения переселения казахов было обещано освобождение от платы ясачной подати (100 лошадей, 100 быков и 100 баранов) в течение 10 лет со дня утверждения этого постановления. Не приписанным к городам казахам разрешалось торговать скотом в городах и других населенных пунктах Семипалатинской области, а также заниматься всеми промыслами, разрешенными крестьянам, «без взятия свидетельства» [13; 276–277].

Постепенный переход казахов к оседлости под влиянием экономики России и внутренних социально-экономических процессов в казахском обществе также вел к увеличению численности и изменению состава населения города. Так, в докладе чиновника особых поручений Трофимова за 1839 г. «О состоянии киргиз, кочующих выше города Семипалатинска» говорилось в частности: «Образ жизни их кочевий, однако, тяжел в такой степени, что они с завистью смотрят на удобства и

пользу оседлости и быстро к ней стремятся». В 1839 г. из кочевавших около Семипалатинска казахов уже 61 семейство жило домами в самом городе и слободах на левом берегу Иртыша.

Барон А.Врангель, прослуживший несколько лет в Семипалатинске (1854–1858 гг.) в качестве областного прокурора, так описывал его вид: «Семипалатинск лежит на правом берегу Иртыша, широкой рыбной реке, тогда еще не видевшей не только пароходов, но и паромов-то в нем не бывало...; в городе была одна православная церковь, единственно каменное здание, семь мечетей, большой меновой двор, казарма, госпиталь и присутственные места. Аптека — даже и та была казенная. Магазинов не было, кроме одного — галантерейного, где можно было найти все — от простого гвоздя до парижских духов: о книжном магазине и говорить нечего — некому было читать». Семипалатинск времен А.Врангеля, т.е. начала 50-х годов XIX в., состоял из трех частей, разделенных песчаными пустырями. На севере лежала казачья слобода, самая благоустроенная, чистая и красивая часть г. Семипалатинска. Там были сквер, сады, довольно праздничные здания полкового командира, военного училища, больницы. Казармы для казаков не было — все жили в своих домах, имели свои хозяйства [4; 82–83, 92–93].

По своему социальному составу и этнической принадлежности население города было очень неоднородным. Оно пополнялось за счет беднейшей части казахов — джатаков и русских ремесленников, прекративших заниматься земледелием и живших продажей своей рабочей силы.

В 50-х годах XIX в. население Семипалатинской области составило 160427 человек (54,6 % мужчин, 45,4 % женщин). Из них казахи — 129459 человек (53,9 % мужчин, 46,1 — женщин). Эти данные дополнены материалами П.И.Кепнена, указывавшего, что в 1856 г. из 7-го полкового округа в Семипалатинскую область были переведены 31820 казаков и 2823 государственных крестьянина. По данным, изложенным Н.Е.Бекмахановой, в области находились 195070 человек [4; 169].

Увеличение казачьего населения наблюдалось в 1847–1856 гг. Рост населения был вызван двумя принятыми мерами: заселение Кокчетавского уезда и Петропавловска вызванными из России переселенцами, малороссийскими казаками и крестьянами из Оренбургской и Самарской губернии в числе 8000 душ м.п. [14; 6].

16 ноября 1856 г. в состав Семипалатинской области вошел Алатавский округ. В округ были причислены казахские волости, кочующие в южной части Акмолинского и Кокчетавского округов: 8 волостей, 69 аулов, 5021 кибитка, 19010 человек и 50 тыс. киргизов. В дальнейшем в Алатавский округ административно зачислялись, по мере принятия российского подданства, казахи Старшего жуза и киргизы. К середине 60-х годов XIX в. население округа достигло 164926 человек (114962 казах и более 50 тыс. киргизов) [2; 177].

В отчете по управлению Семипалатинской области за 1858 г. жителей насчитывалось 179252 души. Прирост численности населения наблюдался из-за причисления из области Сибирских киргизов в Аягузский, из-за укомплектования войск, находящихся в Копальском округе [15; 5 об.].

По данным второй половины 60-х годов XIX в. население области и города по своему вероисповеданию разделялось следующим образом: христиане православного вероисповедания — 37157 человек; лютеранского — 108; других исповеданий — 1 человек; евреи — 89; магометане — 511796.

Численность и национальный состав жителей Семипалатинска в этот период характеризовались следующими данными: 12367 русских, 6497 казахов [23; 95–96].

Демографические показатели Семипалатинского региона в первой половине XIX в. свидетельствуют о приросте численности населения за счет военных сословий и чиновников вследствие изменения статуса города Семипалатинска, а также в связи с переселением крестьян из Оренбургской и Самарской губерний и купцов из Средней Азии.

Список литературы

1. Толыбеков С.Е. Кочевое общество казахов в XVIII – нач. XX вв. (политико-экономический анализ). — Алма-Ата, 1971. — 635 с.
2. Касымбаев Ж.К. История города Семипалатинска (1718–1917 гг.). — Алматы, 1998. — 276 с.
3. Муқанов М.С. Из исторического прошлого (родословная племен керей и уак). — Алматы, 1998. — 160 с.
4. Бекмаханова Н.Е. Формирование многонационального населения Казахстана и Северной Киргизии (последняя четверть XVIII – 60-е годы XIX вв.). — М., 1980. — 279 с.
5. Государственное управление Томской области. Государственный архив города Тобольска (ГУТО ГА города Тобольска). — Ф.154. — Оп.4. — Д.3. — Л.93об-98 об.
6. Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). Ф.374. Оп.1. Д.3. Л.31об-32.

7. Коншин Н.Я. Краткий исторический очерк Семипалатинского края (до 1917 г.). — С. 34.
8. Балкашин Н. Торговое движение между Западной Сибирью, Средней Азией и Китайскими владениями // Записки Западно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического общества. — Кн. 3. — Омск, 1881. — С. 3–4.
9. Касымбаев Ж.К. Казахстан — Китай: Караванная торговля в XIX – начале XX вв. — Алматы, 1996. — 206 с.
10. Абдрахманова Б.М. История Казахстана: власть, система управления, территориальное устройство в XIX веке. — Астана, 1998. — 137 с.
11. Завалишин И. Описание Западной Сибири. Сибирско-киргизские степи. — Т. 3. — М., 1867. — С. 79.
12. Гейнс А.К. Киргизские очерки // Военный сборник. — 1866. — № 6.
13. Аполлова Н.Г. Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVIII – первой половине XIX в. — М., 1976. — 371 с.
14. Остафьев В. Колонизация степных областей в связи с вопросом о кочевом хозяйстве // Записки Западно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического общества. — Кн. 18. — Вып. 2. — Омск, 1895. — С. 6.
15. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф.1265. Оп.8. Д.191. Л.5об.

ӘОЖ 94(574):339.174

Б.А.Смағұлов

Облыстық арнайы мамандандырылған «Дарын» мектеп-интернаты, Қарағанды

ҚОЯНДЫ ЖӘРМЕҢКЕСІ ТАРИХЫНЫҢ КЕЙБІР АСПЕКТІЛЕРІ

В статье рассматриваются некоторые проблемы истории Кояндынской ярмарки. На основе богатого фактологического материала предпринята попытка выявления ее роли в процессе адаптации традиционного хозяйства к рыночным отношениям. Показана роль ярмарки в развитии экономических связей Казахстана с соседними государствами.

In this article some problems of history of Koyandy yarmarka are looked through. On basis of rich factological materials attempt to show the role of Koyandy yarmarka in process of adaptation of traditional economy in market relations is undertaken. The role of the yarmarka in development of economic junction of Kazakhstan with neighbor states is shown.

Ғасырлар тоғысындағы тәуелсіз Қазақстанның экономикалық дамуында ерекше орын алатын нарықтық қатынастар өзінің бастауын XIX ғасырдың екінші жартысынан алатыны тарихтан белгілі. Орталық Қазақстанның қазақ қоғамының дәстүрлі экономикасының нарықтық қатынастарға қарай бейімделуін тарих ғылымдарының кандидаты Б.Т.Төлеуованың біршама зерттегені әрі осы тақырыпта кандидаттық диссертациясын қорғағаны [1] қарағандылық тарихшылар қауымына жақсы таныс. XIX ғасырдағы Орталық Қазақстанның жергілікті тұрғындарының нарықтық қатынастарға қарай бейімделуінің себебі қоғамдық еңбек бөлінісінің жүйесі, тауар-ақша айналымы және саудамен қатар осы үш процестің бір жерге шоғырлануына негіз болған жәрмеңкелердің пайда болуында. Сондай жәрмеңкелердің бірі — Қоянды.

Қоянды-Ботов жәрмеңкесі Орталық Қазақстанда ең ірі сауда орталығы болып саналды. Жәрмеңке Қарқаралы уезінің экономикасын нығайтуда, ақшалы-тауарлы қатынастарды ұлғайтуда маңызы зор болды. Оның тарихы орыс көпесі В.Ботовтың есімімен тікелей байланысты.

Тюмень қаласының оңтүстігіндегі Ялутаровка мекенінің көпесі В.Ботов XIX ғасырдың 40-шы жылының басында тұрмысқа қажетті тауарларын өткізу үшін Қызылжар қаласына келіп, өзінің алыпсатарлық кәсібімен айналысады. Бірақ бұл қалада негізгі мақсаты ойдағыдай жүзеге аспағандықтан, ол Қызылжар–Қарқаралы жолының бойындағы қазақ ауылдарын аралап, қолындағы тауарларын мал және мал өнімдері тері, жүн т.б. айырбастап саудасын жүргізеді. 1846–1847 жж. Талды өзенінің Қарасор көліне құяр сағасының оңтүстік батыс жағындағы Тоқпан деген жерге келіп, малы көп қазақ ауылы орналасқан аймақта болып, әкелген тауарларын саудаға салады. Жергілікті халық орыс көпесінен керек-жарак бұйымдарын сатып алады. Түйе мен қой, ірі қара мал және оның өнімдерімен айырбас жасайды. Ол кезде сауда жасап көрмеген жергілікті тұрғындар орыс көпесінің сұрағанын саудаға салмай-ақ айырбастаған. Тауардың нарқын білмегендіктен, бір самаурынға бір жылқыны немесе бір бұзаулы сиырды оп-оңай бере салған. Міне сондықтан, қазақ халқының малға байлығы, менталитеті көпес В.Ботовқа өте қатты ұнайды. Сол себепті ол осы жерде тұрақтануды ойлап, 1848 ж. ресми түрде жәрмеңке ашты.

Қарқаралы өңірінің тарихына арналған еңбектерде «Қоянды жәрмеңкесі Қарқаралы қаласынан 50 шақырым қашықтықта орналасты. Жәрмеңке 1848 жылдан 1930 жылға дейін жұмыс істеді. Тарихи дамудың небір қиын кезеңдерінде, атап айтқанда, Бірінші дүние жүзілік соғыс, Ақпан, Қазан төңкеріс мен азамат соғысы жылдарында жәрмеңке алғашқы кездегі қарқынмен жұмыс істей алмады, яғни аталмыш оқиғалар кезеңінде үзіліс болды» деген мәліметтерді «Қасиетті мекен — Қарқаралы» атты еңбектің «Қоянды-Ботов жәрмеңкесі» деген тарауында кездестіруге болады [2; 40].

Қарқаралы өлкесінің тарихында оның әлеуметтік-экономикалық тұрғыда өсіп-өркендеуіне Қоянды жәрмеңкесінің ықпалының зор болғандығы туралы әр кездері біршама зерттелген. Тарихи деректерде 1869 жылы Қарқаралы уездің әкімшілігі Қоянды жәрмеңкесін «ресми түрде оны ұйымдастырған В.Ботовтың құрметіне аталсын», — деген шешім қабылданғандығы туралы мәлімет бар. Бұл шешімді Батыс Сібір әкімшілік басқармасы қолдап, оны ресми түрде В.Ботов жәрмеңкесі деп атаған. Жәрмеңкенің иелері Кеңес өкіметі орнағанға дейін Варна-Иван-Илларион Ботовтар болды [2; 41].

Қоянды жәрмеңкенің жыл сайын жұмыс істейтін мерзімі де белгіленген. Ол туралы жоғарыда көрсетілген еңбекте «XIX ғасырдың 80-жылдарына дейін 25 мамырдан 25 маусымға дейін, ал 1882 жылдан бастап 1-маусымнан 1-шілдеге дейін жұмыс істеді. Оған қатысушылардың саны 60 мың адамға дейін жетті. Жәрмеңкенің жылдық тауар айналымы жылдан жылға өсіп отырды», — делінген [2; 41]. Осыған орай 1871 жылы Батыс Сібір генерал-губернаторының жарлығымен жәрмеңкеге әкелінген малды бағып-жаю үшін 55 шаршы жер бөлінеді [3].

Жәрмеңкеге көрші мемлекеттерден, атап айтқанда, Ресейден, Орта Азиядан, Қытайдан мата, киім-кешек, шай, қант, көптеген өнеркәсіп бұйымдары әкелінді. Алғашқы кезде орыс, татар, өзбек көпестері басым болды. XIX ғасырдың аяғында мал және мал өнімдерін сататын қазақ көпестерінің қатары өсті. Қазақтар мал және мал өнімдерін Ресейдің орталық аймақтарынан әкелінетін астық дақылдарына, қолөнер мен фабрика бұйымдарына айырбастап отырды. Осылайша қазақ қоғамында, біріншіден, шаруашылықтың жаңа түрі қалыптаса бастады, екіншіден, жергілікті қазақтар нарықтық қатынастарға тартыла бастады, үшіншіден, дәстүрлі экономика нарықтық экономикаға қарай бейімделе бастады.

Әрине, жәрмеңкедегі сауда-саттыққа жергілікті байлар белсене қатысты. Олар орыс көпестерімен тығыз байланыста болды. Ресей көпестері негізінен жылқы мен қой сатып алып тұрды. Алыпсатарлар орыс көпестерінен сатып беруге тауар алып, оны ауылдастарына малға айырбастап отырды. Жәрмеңкедегі мал-сауда айналымының көлемі 1880–1891 жылдардың аралығында төменгідей болған (кестені қара):

К е с т е

Қоянды жәрмеңкесіндегі мал-сауда айналымы [2; 54]

№	Жылдар	Айдап әкелінген малдар саны				Сатылған малдар саны			
		қойлар	ірі қара	жылқы	түйе	қойлар	ірі қара	жылқы	түйе
1	1880	256033	8107	1111	20	256033	8107	1111	15
2	1881	198261	9103	356	24	198261	9103	256	17
3	1882	192591	6858	550	22	192591	6658	530	22
4	1883	202083	1523	456	20	202083	1523	456	20
5	1884	187371	3478	150	31	177371	3478	150	31
6	1885	300000	1100	2000	90	84174	9962	222	56
7	1886	320000	12000	1200	80	129222	4516	379	3
8	1887	350000	7000	900	75	173906	4071	234	34
9	1888	320000	6500	1100	60	218000	4635	273	39
10	1889	270000	6200	2000	50	160000	3090	316	5
11	1890	120000	8400	1200	40	93123	6450	68	8
12	1891	150000	10000	800	100	99711	3925	163	4

Кестеден байқағанымыздай, мал саудасы XIX ғасырдың 90-шы жылдарына қарағанда, 80-ші жылдары қарқынды дамыған.

Мал саудасының көпестері Ботовтан басқа Колосов, Жиряков және Скажутин дегендер болғандығы туралы мәліметтер бар [4; 3]. Олардың әрқайсысы 50 мыңнан қой сатып алып тұрған. Түйенің бағасы — 20 теңге, жылқы — 18, ірі қара мал — 10, қой 2 теңге болған.

Сонымен бірге жәрмеңкенің дамуы барысында жаңадан дүкендер және саудамен шұғылданатын киіз үйлер ашылған. 1876 жылы жәрмеңкеде 16 дүкен мен 120 сауда киіз үйі болса, 1883 жылы олардың саны 110-ға және 205-ке жеткен [4; 3]. Олар қазіргі кездегі сауда үйлері мен дүңгіршектердің рөлін атқарды. Ал 1885 жылы жәрмеңкенің жанынан пошта бөлімшесі, 1889 ж. — телеграф, 1894 ж. — мемлекеттік банк, 1912 ж. ыртқы сауда жөніндегі орыс банкісінің бөлімшілері ашылды [4; 4]. Бұл өз кезегінде мемлекетаралық байланыстардың негізі бола білді. Сол сияқты мұндай фактілер Қазақстанның ішкі өлкелерінің де сырт елдермен біршама экономикалық ынтымақтастықта болғандығын дәлелдей түседі.

Қоянды жәрмеңкесін арнайы құрылған комитет басқарды. Оның құрамына әкімшілік өкілдері мен көпестер кірді. Жылдан жылға сауда орындары өсіп отырды. 1900 ж. 30 дүкен, 276 шағын дүкен және 199 сауда кигіз үйі, 707 тұрғын киіз үйі болды. Осы кезде тауар айналым қаржысы 1664,9 мың сомға жеткен. Сауда-саттықтың нақты негізі ауыл шаруашылық малдары болды, ол жалпы айналымның 60 пайызын құрады. Жыл сайын сатуға 200 мыңнан астам жылқы, ірі қара, қой мен ешкі әкелініп тұрды. Олардың 60 пайызы Жетісудан, 31 пайызы Орталық Қазақстаннан, 7 пайызы Қытайдан келген. Осылайша сырттан келген тауарлардың арқасында сауда-саттық ісі дами түсті. Жәрмеңкенің бір бөлігінде тамақ сататын дүкендер орналасса, екінші бір бөлігінде халыққа қызмет көрсететін моншалар, қымызханалар мен шайханалар орналасты. Сондай-ақ жәрмеңкенің байлар тұратын бөлігінде тәртіп сақшыларының кеңселері, мейманханалар, адам және мал дәрігерлерінің мекемелері орналас-ты [5].

Осылайша Қоянды-Ботов жәрмеңкесінің атағы жылдан жылға көтеріліп, ірі сауда орындарының қатарына қосылды. XIX ғасырдың 90-шы жылдарында Қарқаралы өңіріне қазіргі Павлодар және Жетісу өңірінен (Қапал, Верный, Сергиополь), тағы басқа жерлерден ірі көлемде түйе, жылқы, ірі қара мал, қой әкелініп сатылған. Бұл малдарды Омбы, Ташкент, Петропавл қалаларындағы ет комбинаттарына жіберіп отырған. Қарап отырсақ, Қазақстанның көрші елдермен, оның ішінде Ресей мемлекетімен арасындағы экономикалық қатынастар Қоянды жәрмеңкесінің арқасында бұрынғыдан да тығыз орнай түскен. Жәрмеңке тек көрші елдермен экономикалық байланыс жасап қана қоймай, тұрақты қарым-қатынас орнықтыруға да жол ашты.

Жәрмеңкеде сауда жасау үшін елдің әр өңірінен келген көпестердің қатары жылдан жылға көбейіп отырған. Мысалы, 1925 жылы жәрмеңкеге Сібірден — 34, Оралдан — 4, Украинадан — 1, Мәскеу облысынан — 3, Ленинградтан — 2, Семейден — 184, Қазақстанның басқа облыстарынан 26 көпестер жәрмеңкеге келіпті. Ал 1927 жылы Қоянды жәрмеңкесіне Ресейдің бірнеше қалаларынан 45 көпес, Өзбекстаннан — 13, Қытайдан 24 көпес келген деген деректер бар [6].

Нәтижесінде жылдан жылға сауда-саттықтың барлық түрлері: мал мен оның өнімдері, әр түрлі бұйымдардың сатылуы өсіп отырды.

Жәрмеңкенің тауар айналымы Қазан төңкерісіне дейінгі кейбір жылдардағы көрсеткіші төмендегідей болған:

- 1869 ж. — 500 мың сом;
- 1870 ж. — 525 мың сом;
- 1880 ж. — 1 млн. 368 мың сом;
- 1882 ж. — 1 млн. 500 мың сом;
- 1899 ж. — 1 млн. 700 мың сом;
- 1902 ж. — 2 млн. 773 мың сом;
- 1905 ж. — 2 млн. 998 мың сом;
- 1910 ж. — 4 млн. 020 мың сом;
- 1913 ж. — 4 млн. 958 мың сомға дейін өсіп отырған.

Ал 1924–1928 жылдары жәрмеңкенің тауар айналымында елдегі саяси-әлеуметтік жағдаймен байланысты өзгерістер болғаны байқалады:

- 1924 ж. — 423 мың сом;
- 1925 ж. — 1 млн. 895 мың сом;
- 1926 ж. — 2 млн. 747,2 мың сом;
- 1927 ж. — 5 млн. 350 мың сом;
- 1928 ж. — 4 млн. 454 мың сом [2; 43].

XX ғасырдың басында Қарқаралыда көптеген жергілікті көпестер болды. Олар Қоянды жәрмеңкесінің сауда айналымының әрі қарай дамуына жәрдемдесті. Олардың қатарында әр ұлттың өкілдері болған. Ол туралы белгілі мәліметтерді өлкетанушы Ю.Поповтың еңбектерінде кездестіруге болады.

Солардың біразы мыналар: Сейджан Әрібжанов, Халидулла және Валиулла Бекметовтар, Карим Мансуров, ағайынды Рязанцевтер (Василий Петрович, Андрей Селиверстович, Петр Селиверстович), Тимофей Семенович Разумов, Сәтжан Рахымжанов, Төлеген Кәрібжанбаев, Тілеген Іңкәрбаев, Артемий Иванович Деров, тағы басқалар.

Қазақ көпестерінің ішінде ең көрнектісі Тілеген Іңкәрбайұлының болғандығы туралы деректер бар. Ол туралы Амантай Сағындықов өзінің «Қоянды жәрмеңкесі» деген мақаласында былай деп баяндайды: «Тілеген қыс пен көктем бойы елден жинаған малын, сауда-саттық мақсатында жинаған дүниелерін жәрмеңкеге әкеліп сатып отырған. Өзінің жүз шақты бір топ сенімді көмекші жігіттері болған. 1910 жылғы жәрмеңкеге Тілегеннің жігіттері 2000 мыңнан астам қой, 500 жылқы, 150 қадақ жүн, 5 арба қой терісін сатқан. Жалпы табысы ақшаға шаққанда 10 мың сомнан асып түскен, сөйтіп, жыл сайын Тілеген Іңкәрбайұлының жәрмеңкеге салған малы да, дүниесі де өсіп, оны барған сайын көбейте түскен. 1912 жылы ол жәрмеңкеге 5000 қой, 1200 жылқы айдап әкелген. Осы мал мен жәрмеңкеде сататын бұйымдарын сату нәтижесінде 2500 сомнан астам ақша жинаған. Жәрмеңкеде құлынды бие мен жақсы аттың құны 25 сом, бұзаулы сиыр 10 сом, қой 1 сом, серке 80 тиын болған. Оның байлығы сол кездегі ақшамен шаққанда 500 мыңға жетіп жығылған» [4; 3].

Ал қарт кенші, кезіндегі Социалистік Еңбек Ері Сәкен Шоманов деген кісі Іңкәрбаев Тілегенді былай деп еске алған: «Тілеген Іңкәрбайұлын мен жақсы білемін. Оның кіресін тартып, Семейге бірнеше рет сапар шектім. Өзі тым қайратты, әрі пысық адам болатын. «Алаған қолым береген» дегендей, өз айналасында жүрген адамдардан, жақсы туыстардан ештеңе аямайтын еді. Өзім деген адамына қоң етін кесіп беруге дайын тұратын адам еді» [6; 3].

Осы деректер арқылы Тілеген Іңкәрбайұлының Қоянды жәрмеңкесіне саудагерлік жолмен белсене қатысуымен қатар, халықының да жағдайына көп көңіл бөлгендігін байқауға болады. Бір ғана ол Кент тауында орнатқан тау суының күшімен жүргізген диірмені арқылы бидай, арпа тартып, одан шыққан ұнды жергілікті халыққа таратып, шаруа адамдарының тұрмыстық деңгейін көтеруге үлкен ықпал жасаған. Сондай-ақ ол жері ойпаң қара топырақты алқапты өңдеп, жыртып, егін салған. Оны суармалылыққа айналдыру үшін Талды өзенінің суын бұруға әрекет жасаған. Егін егіп, астық өсіруге жергілікті шаруа адамдарын пайдаланған. Қора-қопсы салдырып қазақтарды отырықшылыққа баулыған. Балалар оқитын мектептің іргесін көтеруді қолға алған. Сөйтіп, Тілеген жинаған ақша-қаражатын халықтың игілігіне жұмсаған. Осылайша қазақтардың шаруашылықты кешенді түрде жүргізуге көше бастағаны байқалады. Әрине, бұл жерде барлық қазақтар емес, тек бай қазақтардың ғана жаңа шаруашылық түрлеріне бейімделе бастағанын нақтылап айтып кеткен дұрыс. Өйткені мұндай үрдіс қазіргі Қазақстанның экономикасының дамуы мен оған атсалысып отырған жергілікті ұлт өкілдеріне де тән, бүгінгі күні де өзекті. Қазіргі кезде де барлық қазақ ұлты нарықтық қатынастарға толықтай бейімделді, барлығы бірдей бай, қуатты деп айта алмаймыз.

Кеңес өкіметінің алғашқы жылдарындағы жүргізілген солақай саясаттың барысында «өкіметіне қарсы шыққан» деген желеумен Қарқаралыда бірқатар адам атылған. Бұлардың ішінде ағалы-інілі Имантай, Кенже, Мамай Іңкәрбаевтар болған. Ағайынды үшеуі бір күнде, яғни 1930 жылы 31 мамырда, атылған. Солармен қатар ірі көпестер ұрпағы А.В.Рязанцев, А.К.Рязанцев, В.П.Рязанцев, Г.А.Рязанцевтар да бар. Төртеуі де бір күнде — 1 наурыз 1930 жылы атылған. Бұл көпестердің Қарқаралы өлкесінің тарихында есімдерінің қалуында Қоянды жәрмеңкесінің ролі күшті болды.

Қоянды жәрмеңкесінде бір ғана сауда-саттық кәсібі басты орын алған жоқ, сонымен қатар саяси, ағарту, мәдени салаларының мәселелері де тиісті дәрежеде дамыған.

1926 ж. қазан айында өлкенің саяси басқармасы «Жәрмеңкелердегі ережесін» бекітті, осыған байланысты Қоянды жәрмеңкесінде көптеген саяси тақырыпта митингілер өткізілді, баяндамалар жасалып, лекциялар оқылса, ал 1928 жылы жылжымалы киноқондырғы, халық үйі (қазақ тіліндегі спектакльдер), оқырман залы бар кітапхана, балалар алаңы, дәрігерлік пункт жұмыс істей бастады [2; 45].

Сол сияқты Қоянды жәрмеңкесі көптеген өнер адамдарының шыңдалып шыққан орталығы да еді. Осы жерде қазақ ақындарының, балуандарының өнер жолындағы тұсаулары кесілді әрі олардың өнерін халық тамашалайтын орынға айналды. Қазақ өнерінің бір туар тұлғалары атақты Әміре Қашаубаев, Қали Байжанов, Иса Байзақов, Майра Уәлиқызы және басқалары осы жәрмеңкеде бірнеше мәрте өз өнерлерін ортаға салған. Сол сияқты жәрмеңкеге басқа ұлт өкілдері де қатысып отырғандықтан, олардың да мәдениеті жергілікті халыққа сіңісе бастаған. Бұл жерде еуропалық цирк өнерін қазақ арасында алғашқылардың бірі болып көрсетіп, тарата бастаған Зәрубай Құлсейітовтың есімін айтып кеткен жөн. Жалпы мәдени салада Қоянды жәрмеңкесінің алған орны, онда өнер көрсеткен тарландардың өмірі жайлы атақты жазушы М.Әуезов, өнер зерттеушісі Н.Анов және басқаларының шығармаларында жазылды.

Қорыта келе, XIX ғасырда Қазақстан жерінде қалыптаса бастаған жәрмеңкелердің бірі — Қоянды елдің, оның ішінде қазақ халқының әлеуметтік-экономикалық, саяси-мәдени өміріне зор үлес қосты. Жәрмеңке сауда-саттық ісін дамытып қана қоймай, жергілікті халықты нарықтық қатынастарға қарай бейімдеп, көрші елдермен тығыз экономикалық қарым-қатынас жасауға және оны болашақта одан әрі дамытуға жол бастады. Бүгінгі елімізде жүріп жатқан нарықтық қатынастар арқылы Қазақстан Республикасының әлемдік экономикада, сол сияқты екі және көпжақты ынтымақтастықты дамытудағы батыл қадамдары мен жекелеген табыстарына қол жеткізуде Қоянды сияқты еліміздің әр түкпірінде, әр кездері ашылған жәрмеңкелерден жинақталған тәжірибе бар деп айтуға болады. Сол кездері нарықтық қатынастарға бейімделе бастаған дәстүрлі шаруашылық қазіргі нарықтық экономика арқылы елімізді болашаққа нық жетелей алады деп айтуға толықтай негіз бар.

Әдебиеттер тізімі

1. Тулеуова Б.Т. Адаптация казахского общества к рыночным условиям во второй половине XIX – начале XX вв. (на материалах Центрального Казахстана): Автореф. дис...канд. ист.наук. — Караганда: Изд-во КарГУ, 2007. — 32 с.
2. Шаймұқанов Д.А., Шаймұқанова Р.А. т.б. Қасиетті мекен — Қарқаралы. — Қарағанды, 2004. — 230 б.
3. Қарқаралыға — 180 жыл: Тарих толқынында: Аймақ. ғыл.-тәжір. конф. материалдары. — Қарағанды: КарМУ баспасы, 2004. — 126-б.
4. Сағындықов А. Қоянды жәрмеңкесі // Орталық Қазақстан. — 1995. — 24 там.
5. Кикимов Т. Кояндинской ярмарке — 150 лет // Индустриальная Караганда. — 1998. — 23 июля. — С. 3.
6. Смағұлов Ф. Сарыарқаның «Жібек жолы» алдағы жылы Қоянды жәрмеңкесіне бір жарым ғасыр толады // Орталық Қазақстан. — 1998. — 6 қаңт. — 3-б.

УДК 343.36«18/19» (574–251.1)

Ж.С.Мажитова

Казахская национальная академия музыки, Астана

Ч. ВАЛИХАНОВ О БИЙСКОМ ПРАВОСУДИИ В КАЗАХСКОЙ СТЕПИ

Мақалада Ш.Уәлихановтың Ресей үкіметінің әдет-ғұрып құқық аумағына енгізген өзгерісіне көзқарасы қарастырылады. Ғалымның соттық-құқықтық құрылымға талдау жасап, сол кездегі жағдайды ескере отырып, қазақ қоғамындағы билер сотының үстемдігінің пайдасына шешу керектігі туралы пікірі зерттеледі.

The article under the headline reports about the scientist's attitude to the changes which were brought into the field of law by the Russian Government. Analyzing that situation in the judicial system. C.Valikhanov considers that arbitration is useful for the Kazakh society arbitration is notable for democracy, examined by centuries, fits the tribal relation of the Kazakh society.

Ч.Валиханов (1835–1865 гг.) — один из крупнейших ученых-просветителей XIX в. Будучи государственным чиновником он в то же время проявлял живой интерес к политике, юриспруденции, этнографии и фольклору, археологии, географии, истории, дипломатии. Во многих областях научного знания он оставил заметный след. И все-таки основной вклад Ч.Валиханова в науку связан с его достижениями на историческом поприще, точнее, с изучением материальной и духовной культуры казахского народа.

Ч.Валиханов был одним из самых эрудированных представителей своей эпохи. Об этом, в частности, в своих работах отмечали знаменитый географ П.П.Семенов-Тянь-Шанский, этнограф Г.Н.Потанин, сибиревед Н.М.Ядринцев, преподаватель Омского кадетского корпуса К.К.Гутковский, который придавал трудам Ч.Валиханова большое значение, особенно работам «Записка о судебной реформе» и «Мусульманство в степи». В своих статьях они раскрывали грани творчества и таланта Ч.Валиханова. Даже в сухих отчетах Императорского Русского географического общества, обычно не щедрого на похвалы, особенно «инородцам», ученые заслуги Ч.Валиханова получили высокую оценку [1; 33].

Валиханов издал достаточное количество научных работ, благодаря которым стал известен научному миру, завоевал авторитет в академических кругах России. XIX век, в котором жил Ч.Валиханов, был трудным периодом для казахского народа. Присоединение Казахстана к Российской империи вызвало в казахском обществе неоднозначное отношение к этому акту со стороны казахов. С одной стороны, это время Казахского Просвещения, с другой — появление целой плеяды поэтов «Эпохи скорби — Зар заман», национально-освободительных движений, например, в Букеевском ханстве, под руководством И.Тайманова, движение 1837–1847 гг., объединившее казахов всех трех жузов, под руководством хана Кенесары Касымова. Но особенный след в истории Казахстана этой эпохи оставило творчество А.Кунанбаева, Ч.Валиханова, И.Алтынсарина, а также внедрения в общественную и экономическую жизнь элементов европейской цивилизации. В принципе, выбора самостоятельного пути развития у казахского народа в этот период и не было. Российская империя, с введением административно-территориальных реформ, приложила все усилия для потери даже номинальной независимости и государственности у казахов.

Ч.Валиханов жил в сложную эпоху. В отношении Казахстана в XIX в. Россия проводила политику объединения подвластных государству «инородческих племен» под одно управление, в котором не было понятий «белой и черной кости», соответственно, возникла необходимость устранения от власти авторитетной местной аристократии и ослабления крепких родовых начал. В 1822 г. была упразднена ханская власть в Среднем жузе, в 1824 г. — в Младшем.

Одним из первых казахских ученых, занимавшихся изучением данной проблемы, был Ч.Валиханов, имевший обширные познания в области юриспруденции.

В истории любого народа законы управления формируются в результате длительного процесса, меняясь и подстраиваясь под природно-климатические условия, традиции и обычаи, религиозные обряды, верования, нормы морали, присущие каждому народу, которые обеспечивали политико-правовое мировоззрение общества. Безусловно, развитие правового сознания народа во многом определяется политикой привилегированных классов, в чьих интересах сосредоточены бразды правления страной. Бии, облаченные ханом административной, правовой властью, прекрасно разбирались в нуждах государства и народа, в особенности в культурной, духовной сфере, решали сложнейшие проблемы традиционного казахского общества [2; 141].

В связи с предстоящими реформами 60-х годов XIX в. царское правительство, намереваясь ввести в Казахстане институт мировых судей, решило путем опроса почетных биев и султанов собрать сведения и соображения относительно реформ по судебной части. Председателем комиссии по сбору необходимых сведений был назначен советник правления области сибирских казахов Яценко. Ему в помощники генерал-губернатором Западной Сибири был рекомендован штаб-ротмистр Ч.Валиханов. В ходе работы комиссия «знакомила» народ с проектом судебной реформы в Степи, при этом были собраны различные сведения о судах биев и обычном праве казахского народа со слов привилегированных слоев общества. На их взгляды, по мнению Ч.Валиханова, «следует смотреть не иначе, как на отрицательное выражение истинных народных нужд, ибо интересы знатных и богатых людей, даже в обществах высокоцивилизованных, бывают большею частью враждебны интересам массы большинства» [3; 112].

На мнение простого народа тоже особо не следует полагаться, так как он считал простых кочевников равнодушными, пассивными, не понимающими своих интересов. Одной из причин такого состояния народа, Ч.Валиханов видит в его непросвещенности, отсутствии желания что-либо менять в своей жизни. «Народ груб и туп и вследствие этого пассивен, мотив и направление народных мнений зависит от тысячи случайных обстоятельств и от обстоятельств, по-видимому, мелких, ничтожных» [4; 40].

Относясь критически к работе комиссии и к ее результатам, в своей статье «Записка о судебной реформе» он писал: «Народ, т.е. не богатые, не чиновники и не титулованные киргизы, в даче мнений и в совещаниях по этому предмету участвовали очень мало, можно сказать, вовсе не участвовали. Члены комиссии приняли преобразования и изменения, которых не хотел киргизский (казахский. — М.Ж.) народ» [5; 289].

Таким образом, в своей обстоятельной «Записке» Ч.Валиханов смело изобличает невнимание царского правительства к нуждам казахского народа: выводы и предложения комиссии не соответствуют реальной действительности.

Ч.Валиханов берет под защиту суды биев в старых формах. Он решительно возражал против преобразования древнего суда биев в той форме, в какой это было выгодно российскому правительству и казахской знати, говоря точнее — против ограничения выборности биев и публичности их су-

да, против предоставления этого звания только султанам и богатым старшинам с шестилетним стажем, иными словами, против превращения народных судей в царских чиновников-бюрократов. Он пишет: «Если 40-летнее русское владычество, внесшее много совершенно новых элементов в общественную жизнь киргизского (казахского. — М.Ж.) народа, не имело никакого влияния на древний киргизский суд биев, если суд этот мог устоять против неблагоприятных условий русского законодательства ..., ясно, что он вполне удовлетворяет настоящему развитию киргизского народа» [6; 7].

В работах Ч.Валиханова суд биев рассматривается как явление, в котором элементы справедливости при решении судебных вопросов занимают важное место. Поставив во главу угла интересы общества, бии не просто пропагандировали честность, но и в своей деятельности придерживались ее как основы образа жизни. Мораль в жизни степняков, не оторвавшихся от природы, издревле выполняла регулирующую функцию в виде системы правил, понятий и постепенно расширяла сферу применения. Зная об этом, он пишет: «Неблагоденствующий судья, при настоящем положении дел, без всяких скандалов, может быть обойден: к нему никто не будет обращаться — и дело конечно» [7; 152]. По мнению Валиханова, главным приоритетом в государственной политике должны быть «не интересы какой-то социальной группы, сословия, а интересы целой нации» [8; 162].

Разрешая межродовые тяжбы, споры среди родственников, семейные неурядицы, бии опирались на традиции, обычаи в рамках морально-этических норм, сложившихся в народе. Традиционные взаимоотношения в казахском обществе строились не в зависимости от занимаемой должности, чина, а с учетом возраста, поэтому почитались старшие по возрасту или социальному статусу, принятому в народе. Уважение традиционного социального статуса не вызывало обид и не оспаривалось. Создавая идеологию казахского общества, укрепляя духовное здоровье народа, бии стремились довести это понятие до общенационального уровня. Таким образом, этические нормы и понятия, родственные, общинные обязанности были поставлены на службу государству.

С начала присоединения Казахстана к России царское правительство проводило политику поддержки отдельных казахских ханов и султанов, чтобы превратить их в надежную местную опору и через них проводить политику колонизации Края. Политика эта проводилась разными методами (мирными или военными), однако она не всегда давала тех результатов, которые ожидали от нее официальные власти России. Понимая это, Ч.Валиханов осуждал насильственные формы присоединения Края, предлагая в свою очередь использовать мирные переговоры. Он писал: «Из всех инородческих племен, входящих в состав Российской империи, первое место по многочисленности, по богатству и, пожалуй, по надеждам на развитие в будущем принадлежит нам — киргизам. Народ, наконец, не так груб, как думает о нем русское общество» [9; 20].

Анализируя проводимые в Казахстане в начале XIX в. реформы, он пишет: «Заседатели в окружных приказах киргизской степи должны быть сеятелями в народе, недавно вошедшем в состав образованной нации, всего лучшего, искреннего, человеческого. При уме, силе воле, честности, благородстве и теплой душе заседателей, сколько они могут сделать добра сотням тысяч народа?» [10; 57].

Проводя параллель с управлением и устройством местной власти в соседней Киргизии, где каждый род управлялся своим бием, он считал, что такое управление ведет к соревнованию между биями, в ходе которого лучший из них сможет управлять своим родом. По мнению ученого, бии ограничивали власть султанов и манапов и были более терпимы к подвластному народу. К тому же равноправное положение между биями и отсутствие в Казахской степи такого аристократического элемента, как султаны, позволяет справедливо управлять подвластным населением, не вызывая между ними борьбы и ненужной зависти.

Он пытается соединить воедино общегосударственные законы Российской империи и особенности общественного уклада казахов. Право, по мнению Ч.Валиханова, должно произрастать из глубин народной жизни и не быть взятым извне или навязанным сверху.

Сочетание общего и особенного в «Записке о судебной реформе», понимание специфичности применения юридических уложений в условиях национальной окраины становится основой позиции Ч.Валиханова по судебной реформе в Казахской степи. Он выступил в определенной мере идеалистом бийского суда, однако последующие события, а именно сохранение в реформированном виде суда биев, подтвердили реализм предложений Ч.Валиханова.

Стараясь уберечь суд биев в первоначальной форме от разрушительного воздействия российского суда, он стремился вывести казахский народ на передовые позиции исторического развития естественным путем, без «импортного» вмешательства. К тому же Ч.Валиханов присоединяется к мнению демократической части российского общества, считая, что любое искусственное вмешательство

государства во внутренние дела соседнего народа противоречит нуждам и потребностям простого люда. Это в первую очередь касается реформ, проводимых в обществе, которые не нужны были ему и не принимались, а значит, носили антинародный характер. Преждевременная ломка уклада жизни и политико-правовой системы с помощью чуждых национальной психологии административно-правовых реформ привела к обострению социальных противоречий в казахском обществе. Ч.Валиханов справедливо заметил, что «всякое нововведение вне этих условий может быть, безусловно, вредно, и как явление аномальное может порождать только одни неизлечимые общественные болезни и аномалии. Реформы насильственные, привитые, основанные на отвлеченных теориях или же взятые из жизни другого народа, составляли до сих пор для человечества величайшее бедствие» [11; 71].

Наиболее серьезный удар всей старой системе правосудия был нанесен Законом от 19 мая 1854 г. «О распространении на сибирских киргизов общих законов империи». Этим законом должность бия стала выборной. Осуществлялись выборы под наблюдением колониальных органов управления. Ограничение судов биев сопровождалось усилением роли полицейской и судебной власти местной администрации. Закон впервые установил, что звание биев в будущем могли получать лишь султаны, аульные старшины со стажем в этой должности не менее 6 лет и лица, награжденные царским правительством. Был установлен новый принцип «выборности» биев с обязательным их утверждением в этой должности царской администрацией. Эти постановления имели цель — изгнание старых биев и замена их теми, кто послушно выполнял рекомендации официальных властей. Цель эта не была сразу достигнута, потому что авторитет старых биев был так высок, что к ним обращались за решением вопроса даже русскоязычное население. «В пользу суда биев мы можем привести еще один крупный факт, говорящий сам за себя. Это то, что русские истцы или русские ответчики во многих случаях предпочитают суд биев русскому следствию» [12; 253]. Заметим, что старые бии начинают уступать место новым только в 1860-х гг.

Один из важных вопросов, на который обращает внимание Ч.Валиханов, — это сравнение казахского бийского суда с началами мирового суда, проектированного для русских губерний. Сравнивая эти, казалось бы, «два разнохарактерных учреждения», Ч.Валиханов находит много сходств и различий между ними. Не будем в этой статье перечислять все точки соприкосновения казахского обычного права и российского судопроизводства, отметим лишь момент, касающийся бийской должности. Ч.Валиханов находит много преимуществ должности бия, вот некоторые из них: бий никем не избирается, так как его признание зависит от его личного авторитета, который в свою очередь зависит от «хорошего геноптее», приобретаемого в ходе судебной деятельности; знание бием обычаев и законов Казахской степи; его решения могут быть обжалованными, что впрочем, происходит крайне редко; дела разбираются публично и т.д. [13; 245]. Ч.Валиханов указывает, что мировой суд, которым правительство хочет заменить суд биев, изобилует формальностями и имеет больше бюрократических атрибутов, т.е. мировой суд — суд не идеальный.

На наш взгляд, перечисленное Ч.Валихановым говорит о том, что этот институт биев в ходе своего развития прошел путь формирования такой системы права, которая соответствовала требованиям кочевой среды и предполагала его функциональность, отсутствие формальностей и всякой официальной рутины. К тому же одной из главных целей деятельности биев во всех случаях было сохранение единства казахского общества с помощью внедрения в сознание народа моральных поучений о соблюдении норм поведения. Тот факт, что в казахском обществе отсутствовали телесные наказания за совершенные преступления, говорит о гуманности бийского правосудия. Ч.Валиханов пишет: «Между тем обычное право киргиз, по той же аналогии высшего развития с низшим, на которое мы так любим ссылаться, имеет более гуманных сторон, чем законодательство, например, русское, по Русской Правде. В киргизских законах нет тех устрашающих мер, которыми наполнены и новейшие европейские кодексы. У киргиз телесные наказания никогда не существовали. А законы родовые, по которым члены рода отвечают за своего родича, при родовых отношениях приносят много практической пользы» [14; 128].

Ч.Валиханов считает, что каждому времени и народу нужны свои формы правления. Идеализируя древний суд казахов и сравнивая его с вновь вводимыми реформами, Ч.Валиханов предостерегает общество от неминуемых отрицательных последствий этих изменений. Он пишет: «Значение бия основано на авторитете, и звание есть как бы патент на судебную практику. Выборы в Степи под влиянием законов родового быта в настоящее время ограничиваются одними родовыми интригами и служат только к удовлетворению тщеславия богатых киргиз и к обогащению русских чиновников, отлично умеющих в мутной воде рыбу ловить. Если избрание биев подчинить формальным выборам, то

отправление правосудия в Степи неминуемо перейдет, при помощи денежных сделок и разных низких интриг» [15; 71].

Он считал, что выбор биев должен быть свободным, демократичным, только в этом случае правосудие будет освобождено от интриг, несправедливостей, рутины, взяток. К тому же введение российского законодательства, написанного на русском языке, ставит «инородцев» в неравное положение с русскоговорящим населением. «Киргиз, не понимающий ни одного русского слова, не может отзываться незнанием русских законов! Это, конечно, китаизм» [16; 326].

Бии осуществляли общественную деятельность в интересах народа, глубоко вникая в повседневную жизнь и моральные устои общества, участвуя во внутренней и внешней политике, решая социальные проблемы, используя богатейший опыт предыдущих поколений. Авторитет биев в народе был очень высок, так как они умели предотвратить распри, предупреждать преступления; приговоры биев, какими бы они ни были тяжелыми, не подлежали сомнению и обжалованию, так как всегда носили справедливый характер. Являясь выражением социальной справедливости, бии не назначались, а выбирались самими народом. Выходцы из самой гущи народных масс, бии доросли до уровня государственных политиков, стали подлинными общественными деятелями своей эпохи. Глубокое знание специфики обычаев и традиций позволяло биям с успехом применять их в правовой практике. Решение государственных политических проблем принималось с участием ханов и султанов, однако решающее слово всегда оставалось за биями и обычно исполнялось беспрекословно. Скорее всего, это объясняется тяжестью моральных последствий, вытекающих из несоблюдения традиционных правовых норм.

До реформы 1854 г. бии рассматривали как уголовные, так и гражданские дела. Это были вопросы, связанные с распределением маршрутов кочевания и водопоя, проблемы барымты, куна, которые решались словом, и чаще всего решение биев устраивало обе стороны [17; 211]. Бии решали подобные судебные дела, опираясь не на письменные кодифицированные законы, а на свои знания древних обычаев, традиций, норм казахского общества. При этом казахские бии выступали в роли наставников, мудрецов, к мнению которых прислушивались и неукоснительно выполняли.

Должность бия не передавалась по наследству, хотя «мы можем представить многочисленные случаи такой наследственности в киргизском народе» [18; 147]. Уже с юного возраста ребенок, обладавший соответствующими природными задатками, обычно был замечен окружающими и готовился к предстоящей важной миссии, так как проходил школу бийства. Постепенно в ходе практической деятельности наполнялось внутреннее содержание правовой культуры будущего бия. Но даже и это не гарантировало его востребованности в обществе. Бии принимали свои решения безо всякой письменной подготовки, перед лицом собравшегося народа. Именно народ был свидетелем судебного процесса биев и мог вывести справедливую оценку любому решению. Поэтому Ч.Валиханов связывает авторитет и популярность бия со справедливостью принятого им решения. Только природными способностями и приобретенными им познаниями заслуживается репутация бия; или, другими словами, бий есть живая легенда народа. Являясь на всех этапах развития казахского народа, можно сказать, наставниками или учителями его, они преподавали ему правила существования, разрешая при этом встречающиеся им вопросы по самым различным случаям практической жизни, не просто разрешая, но и определяя за преступления разные виды наказаний или штрафов.

Специфику принципа справедливости в кочевом обществе казахов можно проиллюстрировать следующим образом: если одна из сторон была недовольна судебным решением биев, то решение считалось несправедливым, что приводило к снижению авторитета биев в народе. К такому судье больше не обращались за помощью. Зачастую, чтобы этого не происходило и решение бия не вызывало сомнений, а также кочевой образ жизни, способствующий быстрым передвижениям с места на место, приводили к тому, что одна из сторон обращалась за решением вопроса к приезжим биям. Ч.Валиханов, отмечая этот факт, пишет: «Вообще киргизы любили и любят судиться у проезжих биев или у лиц совершенно им незнакомых, чем у биев соседнего племени, с которыми у них частые сношения, следовательно, и родовые счеты» [19; 38]. Слова З.Ж.Кенжалиева, который глубоко изучил традиционную правовую культуру казахского общества, созвучны со словами Ч.Валиханова: «Одна из граней тесной взаимосвязи института бийства в кочевом обществе с духовной жизнью народа — это не «победа» или «поражение» участников судебного процесса, а их «облегчение». Мы всегда должны учитывать эту сторону судебного процесса, то есть обратить внимание на исполнение функции «духовного оправдания» или «духовной победы» [20; 146].

В формировании правовой культуры казахского народа определяющую роль сыграли именно казахские бии. Именно в этом институте соединились воедино глубокие идеи, правовые и этические

категории. Основа института биев, главный принцип, определяющий его независимость, — личные качества биев, их высокая одаренность. Ч.Валиханов, изучая социальную роль биев в обществе, условия формирования института биев и его функции, считал основой правовой системы, способствовавшей становлению казахской государственности, именно одаренность как главную личностную черту биев. В статье «Записка о судебной реформе» он делится своими мыслями о формировании личностей биев: «Возведение в звание биев не обуславливалось у киргиз каким-либо формальным выбором со стороны народа и утверждением со стороны правящей народом власти; только глубокие познания в судебных обычаях, соединенные с ораторским искусством, давали киргизам это почетное звание. Чтобы приобрести имя бия, нужно было киргизу не раз показать перед народом свои юридические знания и свою ораторскую способность. Молва о таких людях быстро распространялась по всей Степи, и имя их делалось известным всему и каждому. Таким образом, звание бия было как бы патентом на судебную и адвокатскую практику» [21; 95]. По его мнению, при всех изменениях, происходящих в положении бийских судов, они до сих пор не потеряли ряда «старых» черт.

Правовое решение суда биев не всегда опиралось только на законы, сформировавшиеся в казахском обществе. Зачастую вопросы, выносимые на рассмотрение суда биев, были настолько неожиданными, что вынесение судебных решений основывалось на удачно и уместно сказанных «аталы сөз» — выражениях афористического содержания. Именно использование примеров из прошлой жизни казахов, легенд, мифов позволяло найти выход в сложнейших, почти не разрешимых судебных делах, когда благодаря искусству красноречия биям удавалось помирить враждующие стороны. Казахи всегда высоко ценили безграничные возможности слова, а еще точнее, умение использовать эти возможности для прекращения любого спора нужным на тот момент словом, не опираясь на знание обычного права. Источник ораторского мастерства казахских биев восходит к народному творчеству. Самобытная культура казахов, сформированная кочевым образом жизни под бескрайним степным небом, являясь частью мировой культуры, претерпела немало испытаний временем. О том, что, когда дело касается сохранения духовного наследия казахов, воля народа оказывается крепче каменной крепости, с восхищением писал в свое время Ч.Валиханов. К духовным памятникам, не подверженным влиянию перемен и с особой бережностью хранимым степным народом, относится и творчество биев.

В недостаточной прозрачности и в неподконтрольной деятельности местных властей Ч.Валиханов видел причину их неэффективной и вредной политики для народа Казахской степи. Он критически оценивает избирательную практику в Степи, соответствующие выводы делает на основе личного опыта. Обладая большим авторитетом среди населения, он принимает участие в выборах на должность старшего султана Атбасарского округа и побеждает. «Сделаться старшим султаном, чтобы посвятить себя пользе соотечественников, защитить их от чиновников и от деспотизма богатых киргиз... примером своим показать землякам, кем может быть для них образованный султан-правитель» [22; 32]. Как известно, за него голосуют 25 выборщиков, за его соперника почти вдвое меньше. Однако генерал-губернатор отказывается утверждать Ч.Валиханова старшим султаном.

Повторимся: Ч.Валиханов берет под защиту суды биев в старой форме. До реформ 20-х годов XIX в. суды биев рассматривали все тяжёбые дела казахов. Являясь институтом традиционной власти в Казахской степи, они по своей структуре и организации были максимально приспособлены к условиям кочевого общества. Суд биев производился словесно, публично и во всех случаях допускал защиту. В процессе судопроизводства бии выступали в качестве обвинителей и в качестве защитников. Этим искусством могли владеть люди, не только хорошо знающие обычное право казахов, но и быт, нравы и повседневную жизнь кочевников.

В целом, подводит итоги Ч.Валиханов, казахский суд биев имеет преимущества перед российским судом, введение которого в Казахстане преждевременно, потому что он неприменим для казахского народа, не соответствует родовому быту и родовым отношениям, большинство казахского народа отзывалось в пользу древнего казахского суда.

Обобщая взгляды Ч.Валиханова на правовую систему, можно сделать несколько выводов. Бии, являясь выходцами из народа, были погружены в самую гущу народной среды, решали тяжбы, имевшие зачастую сложный характер, при этом основными наблюдателями и критиками их правовой деятельности были соплеменники. Особенность деятельности биев, а также прозрачный и публичный характер судов, по мнению Ч.Валиханова, предопределили высокий уровень требований к их личностным и профессиональным качествам, почти сводя на нет вероятность вынесения несправедливого судебного решения. Идеи биев о справедливости, согласно правилам кочевого общежития и обычному праву, не утратили актуальности не только в XIX в., но, возможно, и в наше время.

Исходя из работ Ч.Валиханова можно увидеть сложность и противоречивость его взглядов. Во-первых, Он является горячим сторонником суда биев старой формы, до издания Закона 1854 г., видя в нем ту систему правосудия, которая отвечает требованиям кочевой среды. Во-вторых, он был неразрывно связан со своей родиной, с казахским обществом, где еще господствовали родовые отношения. Однако, с другой стороны, формирование его мировоззрения как ученого и деятеля происходило под глубоким влиянием демократической интеллигенции России. Видя пагубность проводимых Россией административных и судебных реформ в Казахской степи, он, тем не менее, надеется, что дальновидность передовых людей империи выведет казахское общество на передовые позиции, с сохранением «до поры до времени» старых форм правосудия. Будущее казахского народа он неразрывно связывает с Российской империей, видя в ней ту соломинку, которая может «вытянуть» Казахстан из его «дикого состояния». Но в то же время, связывая будущее с Россией, он критически относится к тем мероприятиям, которые проводятся в Казахстане, особенно в судебно-правовой области.

В творчестве Ч.Валиханова эта эпоха отразилась во всей многогранности и многообразии, трагичности и противоречивости. Он с честью выполнил свой долг перед своим народом, одновременно внес огромный вклад в различные области науки, верой и правдой служил России. Валиханов горячо любил свой народ, свою Родину, был ее патриотом, стремился сделать все, что мог для ее развития. Ч.Валиханов оставил после себя большое научное наследие, результаты его исследований до сих пор служат науке.

Список литературы

1. Маргулан А. Чокан Валиханов по отзывам русских современников // Вопросы истории. — 1967. — № 4. — С. 33–46.
2. Ахан Б. Взаимоотношения личности, общества и природы в социально-философских взглядах биев // Дис... д-ра филос. наук. — Уфа, 2004. — 315 с.
3. Усеинова Г.Р. Ч.Ч.Валиханов об обычном праве казахов // Вестн. КазГУ. Сер. юрид. — 1997. — Вып. 4. — С. 109–116.
4. Валиханов Ч.Ч. Записка о судебной реформе (1864 г.) // Древний мир права казахов. Материалы, документы и исследования: В 10-т. — Т. 6. — Алматы: Жеті жарғы, 2005. — 560 с.
5. Жиренчин К.А. Политическое развитие Казахстана в XIX — начале XX веков. — Алматы: Жеті жарғы, 1996. — 352 с.
6. Оразбаева А.И. Казак қоғамындағы билер институты: тарихи бастаулары, орны және ролі (XVIII ғасыр) // т.ғ.к. дис. — Алматы, 1998. — 167 с.
7. Зиманов С.З. Политический строй Казахстана конца XVIII и первой половины XIX века. — Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1960. — 296 с.
8. Ганиева Т.И. Правовые вопросы судебной власти и ее осуществления в Кыргызстане // Дис... канд.юрид.наук. — Екатеринбург, 2003. — 220 с.
9. Валиханов Ч.Ч. Об управлении казахами Большого жуза // Валиханов Ч.Ч. Собр. соч.: В 5 т. Т. 4. — Алма-Ата: Наука, 1968. — 461 с.
10. Булатов С.Я. К вопросу о государственных и правовых воззрениях Чокана Валиханова // Вестн. АН КазССР. — 1956. — № 3. — С. 57–65.
11. Атишев А. Социологические и государственно-правовые взгляды Ч.Ч.Валиханова. — Алма-Ата: Мектеп, 1974. — 125 с.
12. Материалы по казахскому обычному праву: научно-популярное издание / Сост. Т.М.Культепеев, М.Г.Масевич, Г.Б.Шакаев. — Алматы: Жалын, 1998. — 350 с.
13. Зиманов С.З., Атишев А.А. Политические взгляды Чокана Валиханова. — Алма-Ата: Наука, 1965. — 285 с.
14. Валиханов Ч.Ч. Предания и легенды Большой киргиз-кайсацкой орды // Ч.Ч. Валиханов Собр. соч.: В 5 т. Т. I. — Алма-Ата: Наука, 1961. — 426 с.
15. Кенжина С. Защита Ч.Ч.Валихановым обычно-правового судопроизводства в казахском обществе // Проблемы казахского обычного права. — Алма-Ата: Наука, 1989. — 144 с.
16. Валиханов Ч.Ч. Избранные произведения. — М.: Наука, 1987. — 350 с.
17. Валиханов Ч.Ч. Киргизское родословие // Валиханов Ч.Ч. Собр. соч.: В 5 т. Т. I. — Алма-Ата: Наука, 1961. — 426 с.
18. Зиманов С.З. Казахский суд биев — уникальная судебная система. — Алматы: Атамұра, 2008. — 224 с.
19. Артыкбаев Ж.О. Казахское общество в XIX веке: традиции и инновации. — Караганда: Полиграфия, 1993. — 330 с.
20. Кенжалиев З.Ж., Даулетова С.О. Казахское обычное право в условиях Советской власти (1917–1937 гг.). — Алматы: Ғылым, 1993. — 1421 с.
21. Самоквасов Л.А. Народный суд обычного права киргиз Малой орды // Древний мир права казахов. Материалы, документы и исследования: В 10 т. — Т. 6. — Алматы: Жеті жарғы, 2005. — 560 с.
22. Лурье А. Чокан Валиханов — первый казахский ученый и просветитель // Исторический журнал. — 1943. — № 11–012. — С. 27–33.

Е.Н.Мырзаханов

Карагандинский государственный университет им. Е.А.Букетова

**НЕКОТОРЫЕ ТЕНДЕНЦИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
СТЕПНОГО КРАЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

Мақалада XIX ғасырдың екінші жартысы мен XX ғасырдың басында Қазақстанның Далалық аймағының әлеуметтік-экономикалық дамуының кейбір үрдістері қарастырылған. Автор Ақмола облысының саяси, экономикалық және әлеуметтік мәселелерін көрсете отырып, Қазақстандағы капиталистік қатынастардың, аймақтағы ауыл шаруашылық және өнеркәсіп кәсіпкерлігінің дамуын объективті айқындаған.

This article of the development social-economic situation of the steppe regions of Kazakstan of the second half of the XIX-th century and beginning of the XX-th century. But conctrning marked pluses of multi profile in economy, placed near railroad and lutish, agriculture business with time become more expression grain business profile. Growth of crop areas allow illustrated on 20 observed materials Of huge Akmolibsk district agriculture busintss.

Завершение присоединения Казахстана к России внесло существенные перемены в политику империи в отношении Казахского края. Военно-колониальными акциями присоединив Казахстан, царизм вышел на среднеазиатский плацдарм, вытеснив английское влияние в регионе. Воспользовавшись благоприятной международной обстановкой, Российская империя, руководствуясь своими далеко идущими политическими интересами, установила в Казахстане колониальный режим. Для подготовки проекта Положения об управлении Казахской степью правительство в 1865 г. образовало так называемую Степную комиссию [1; 24]. 11 июля 1867 г. царь Александр II подписал проект Положения об управлении Семиреченской и Сырдарьинской областями; 21 октября 1868 г. — проект Положения об управлении Тургайской, Уральской, Акмолинской и Семипалатинской областями. По Временному положению об управлении в степных областях 1868 г. и Положению об управлении в Туркестанском крае 1867 г. волостной управитель сосредоточивал в своих руках полицейскую и распорядительную власть. Он наблюдал за сохранением «спокойствия и порядка», за уплатой податей и всяких повинностей с населения. В этих условиях Россия выдвинула задачу коренной ломки прежней системы управления Казахстаном [2; 33]. Изменения в территориально-административном устройстве и социально-экономическом развитии Казахстана обусловили принятие новой налоговой системы, отвечавшей интересам колониальный империи. Несмотря на тенденцию роста оседлого и земледельческого населения, кочевники были основной массой налогоплательщиков: в 1880 г. они составляли 90,5 %, в 1897 г. — 82,0. В 1889 г. был принят Закон «О переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли», согласно которому переселенческое движение сосредоточивалось в руках правительства, а для переселения в восточные районы требовалось специальное разрешение; ограничивалось самовольное переселение. Возможность соединения Казахстана через железнодорожные магистрали с Сибирью и Приволжским районом заставляла правительство ускорить переселенческое освоение Казахстана.

С этой целью экспедиция под руководством Ф.А.Щербины тщательно обследовала 12 уездов Амолинской, Тургайской и Семипалатинской областей. Официально главной целью экспедиции Ф.А.Щербины было изучение состояния хозяйственного развития местного кочевого населения. Естественно, экспедиция обратила внимание и на переселенческие поселки. Материалы экспедиции были использованы царизмом для дальнейшей экспроприации «излишков» казахской земли. Однако самовольное присвоение царизмом казахских земель, вытеснение местного населения в пустынные, малопригодные земли, произвол царских чиновников вызывали сопротивление казахского населения, неоднократно выливавшееся в вооруженные столкновения с царскими карательными отрядами. Колонизаторская направленность аграрной политики царизма привела к постепенному изменению соотношения численности кочевого и оседлого населения. Во второй половине XIX – нач. XX вв. кочевое хозяйство казахов стало испытывать сильное воздействие внешних экономических факторов со стороны развивавшейся капиталистической России. Образовались новые формы хозяйства: оседло-скотоводческая и оседло-земледельческая. В процессе их сложения возникали самые разнообразные переходные формы хозяйства, одновременно изменялись и формы землепользования — увеличивался процент частного землепользования и частной земельной собственности.

Главным основанием внутренней и отпускной торговли области служили поставки казаками скота, кожи, сала, шерсти, волос, произведений их ремесел (кошмы, капы, арканы). Эти продукты казахи в городах продавали за наличные деньги, большая часть казахов, проживающих вдали от оседлого населения, обменивали их на русские и азиатские изделия приезжающим к ним торговцам. Поэтому существовало две формы торговли: денежная и единичная. При исследовании предпринимательской деятельности дореволюционного периода большое значение имеет анализ организационных структур капитала, ее место и роль в системе социально-экономических отношений. Если до конца XIX в. преобладающей была частновладельческая форма предпринимательской деятельности, представленная купцом-индивидуалом, сочетавшим в одном лице и торговца и промышленника, то к началу XX в. в уже многогранной экономике России ведущую роль стали играть структуры ассоциированного капитала — торговые дома и акционерные общества. Торговые дома являлись одной из распространенных и традиционных форм организации капитала в дореволюционной России.

Начало правовому оформлению предпринимательской деятельности в форме торговых домов положил манифест 1 января 1807 г. «О дарованных купечеству новых выгодах, отличиях, преимуществах и усилении торговых предприятий». Им устанавливались несколько родов «купеческих товариществ», которые действовали на основе специальных договоров между их участниками — «товариществами». Различались два вида товариществ: полное и на вере. «Товарищество полное» представляло собой объединение предпринимателей, отвечавших по делам всем своим имуществам. Преимущественно это были семейные предприятия как фирмы, объединявшие небольшой круг субъектов-предпринимателей. Участник такого предприятия не мог одновременно участвовать в другом. В «товариществе на вере», или коммандитном обществе, помимо «товарищей», могло участвовать ограниченное число вкладчиков, отвечавших по его делам лишь суммой своих взносов и имевших право участвовать и в других аналогичных предприятиях, но при этом не имевших право голоса в управлении ими. Коммандитные общества представляли более высокую форму ассоциированного капитала. Главное отличие от полных товариществ состояло в том, что часто вкладчики доверяли свой капитал руководителям в управлении. Все участники коммандитного общества разделялись на две категории: на полных товарищей, которые несли полную личную имущественную ответственность за деятельность предприятия, и на вкладчиков, внесших в дело определенный капитал и в случае банкротства отвечавших только в размере своих взносов. Полное товарищество — члены его могли делать взнос как в денежной форме, так и капитализированным имуществом, а вкладчики вносили свою долю исключительно деньгами. Распределение прибыли же происходило в соответствии с размером вклада каждого участника. Особые ценные бумаги — товарищеские паи — в отличие от ценных бумаг акционерных обществ не могли переходить из рук в руки и не подлежали котировке на бирже.

Кроме того, разрешалась и собственно акционерная форма — «товарищество по участкам, или компания». В отличие от первых двух, к этому роду деятельности допускались участники из всех состояний (сословий).

Таким образом, Манифест 1 января 1807 г. зафиксировал существование двух видов капиталистических объединений — торговых домов и акционерных компаний [3; 13].

Принципиальное их отличие состояло в видах материальной ответственности за результаты хозяйственной деятельности. Различия в двух формах капиталистических ассоциаций были при их налогообложении. По положению от 1 января 1863 г. «О пошлинах за право торговли и других промыслов» торгово-промышленные сборы разделялись на патентные и билетные. Торговые патенты (с 1865 г. — свидетельства) устанавливались трех разрядов, в зависимости от рода торговли: оптовой, розничной и мелочной. В торговых домах патенты 1-го разряда должны были выбирать главы торговых домов, а каждый из прочих товарищей — патент не ниже 2-го разряда. Акционерные компании обязаны были выбирать патенты 1-го разряда на имя компании, независимо от суммы капитала и числа акционеров [4; 17]. Таким образом, торговые дома облагались большим налогом, чем акционерные компании, тогда как обычно последние были более крупными предприятиями.

Законом «О более равномерном обложении торговли и промышленности» в 1884 г. была проведена консолидация всех ранее существовавших отдельных сборов с промышленности и торговли с некоторым округлением сумм окладов. Теперь за свидетельства 1-й гильдии сбор устанавливался в 565 руб. (повсеместно), 2-й — от 40 до 120 руб., за свидетельства на мелочный торг — 10–30 руб. и на развозной торг — 16 руб.; за билеты на содержание отдельных заведений по свидетельствам 1-й гильдии сбор определялся в 20–55 руб., 2-й — в 10–35 руб. и за билеты на мелочный торг — от 2 до 10 руб. В полных товариществах (торговых домах), производящих операции, соответствующие 1-й

гильдии купечества, обязанность выборки свидетельства этой гильдии сохранялась лишь за главой торгового дома; прочие же компаньоны должны были приобретать свидетельства 2-й гильдии.

Существенные изменения в налогообложении были внесены в 1885 г. — все крупные предприятия облагались дополнительным сбором. Акционерные компании должны были уплачивать его в виде 3 %-го сбора с чистой прибыли, в связи с чем они обязаны были ежегодно представлять балансы и даже публиковать их [5; 24]. Эти различия в порядке обложения двух видов ассоциаций, скорее, можно отнести к несовершенству всей налоговой системы, чем к умыслу законодательств.

Относительно законченный вид системы налогообложения предпринимательской деятельности получают с принятием в 1898 г. Положения о промысловом налоге. Так, Уральская, Акмолинская, Семипалатинская, Семиреченская области были отнесены к III классу, а оставшиеся две области — к IV. В свою очередь торговые, промышленные предприятия, личные промысловые занятия распределялись на разряды. Оклады налога составляли от 500 (I разряд) до 6 руб. (V разряд) для торговых; от 1500 (I разряд) до 2–6 руб. (VI разряд) — для промышленных предприятий; для личных занятий — от 1 до 7 % с суммы вознаграждений для входящих в состав «управления и надзора» в предприятиях, обязанных публичной отчетностью (акционерно-паевых), инспекторов и агентов, страховых и транспортных предприятий; от 75 до 150 руб. — для экспедиторов, маклеров и прочих.

Согласно данным, полученным Министерством финансов от городских и купеческих управ, на 1 января 1893 г. в 96 пунктах России было зарегистрировано 1313 торговых домов. По данным на 1904 г. в Казахстане действовало всего 12 торговых домов [6; 20]. По данным Сибирского торгово-промышленного календаря в начале XX в. в Акмолинске действовали торговые дома семьи Кубриных: торговый дом товарищества на паях «Матвей Кубрин с сыновьями», торговый дом «Андрей Кубрин с сыновьями»; в Петропавловске — торговый дом «Бр. Табевы», там же в 1913 г. открылся торговый дом «Григорий Иванович Казанцев с сыновьями»; в Омске — торговые дома: «Бр. Волковы», «Эсман Э.Ф.», «Колмаковы Бр.», «Ковалев и Смирнов», «Плотников М. с сыновьями» [6; 23]. Как видно, большинство торговых домов концентрировалось в торгово-промышленных центрах. Чем выше был уровень развития промышленности и торговли в том или ином регионе, тем выше была и степень ассоциированного капитала.

Основную часть учредителей торговых домов составляло купечество. Так, купцами I-й гильдии были основатели и фактические владельцы торговых домов Григорий Казанцев, Прокопий Плещеев, Матвей Кубрин, братья Злоказовы, купцами 2-й гильдии числились братья Абылхановы — Сагидулла и Джусуп, Бекчентаев Токфатулла и другие. Кроме купцов, учредителями торговых домов выступали почетные граждане, дворяне, мещане, иностранные подданные. Среди последних следует отметить братьев Брандт, основавших в Петропавловске торговый дом по скупке масла, братьев Блюменталь, занимавшихся скупкой кожи, торговый дом «Г. Дюршмидт» занимался в Туркестанском крае закупкой люцерны, кроме того, владелец торгового дома был основателем сети кишкоочистительных заводов в Казахстане.

Также следует подчеркнуть, что в данный период торговые дома выступали не только как торговые предприятия, но и в качестве торгово-промышленных фирм, непосредственно участвовавших в производственной деятельности. Так, например, торговый дом «Прокопий Плещеев и К» имел паровую крупчаточную мельницу, винокуренный и пивоваренный заводы, типо-литографию, а состояние владельца торгового дома П.Ф. Плещеева оценивалось в 1,5 млн. рублей.

Особенно быстро развивалось в 1901 г. маслоделие в казачьих станицах и крестьянских селениях Омского и Петропавловского уездов, с открытием в Омске и Петропавловске частных складов, принадлежащих молочному хозяйству, и торговых домов, принимающих масло. Получая из этих складов сепараторы и другие принадлежности молочного хозяйства в кредит, скотовладельцы в то же время были обеспечены выгодным сбытом масла в назначенные торговые дома, отправляющие его в Европейскую Россию и большей частью за границу.

Общая сумма производительности фабрики и заведений в Акмолинской области в 1907 г. выразилось в 4,197,961 руб. при 5,377 рабочих и 1,136 фабриках и заведениях. Расширение взаимовыгодных контактов с рынком, ярмарками предопределило изменения и в структуре производимой местным населением животноводческой продукции. Русские купцы, особенно после отмены крепостного права, проявляли повышенный интерес к лошадям. Только в Акмолинском и Атбасарском уезде за 1865–1879 гг. удельный вес овец в стаде упал с 86 до 44,6, а лошадей — вырос с 6,8 до 37,7 %. Потребности крупных российских городов в говядине обусловили рост поголовья крупного рогатого скота: в том же Акмолинском, Атбасарском и Петропавловском уездах Акмолинской области крупный рогатый скот составлял в 1855 г. 17 % всего поголовья, а в 1898 г. — уже 23. Основными ското-

водческими районами были для Российской империи Семипалатинская, Тургайская, а также Акмолинская области. Хотя основное поголовье скота сосредоточилось в руках кочевого населения, тем не менее часть скота находилась в руках оседлых жителей.

Под влиянием развития капитализма и переселенческого движения ускорился процесс оседания кочевников. Дальнейшая узурпация общинных земель и установление колониальной системы управления сопровождались усилением социальной дифференциации казахского общества. Значительная часть хозяйств, расположенных близ русских селений и городов, постепенно стала втягиваться в рыночные отношения. Это создавало почву для разложения кочевого хозяйства. В 70–80-е годы XIX в. усиливается отход обедневших казахов на различные промыслы и в горнодобывающую промышленность в поисках заработка. В конце XIX – начале XX вв. в Кокчетавском уезде джатаки составляли 4,6, в северных волостях Атбасарского уезда — 5,3, в южных — 7,9 % от общего количества казахских хозяйств. По своему социально-экономическому положению джатачество было формирующимся сельским пролетариатом. Из среды джатаков выросла и часть городского пролетариата. Находясь вне казахских общин, они рано приобщились к более прогрессивным формам экономики, одновременно теряя традиционные родовые связи. Джатачество способствовало углублению хозяйственной дифференциации кочевого аула, было посредником между аульной общиной и русскими переселенческими селениями и городами [7; 8].

В последней четверти XIX в. в Казахстане зародилось промышленное производство. Еще в середине XIX в. было известно наличие в Казахстане многих видов полезных ископаемых. Начиная с 60-х годов XIX в. российские предприниматели стали вывозить капиталы в Казахский край и создавать на базе ряда месторождений полезных ископаемых промышленные предприятия. В 70–80-х годах довольно интенсивно развивались предприятия по переработке сельскохозяйственного сырья — маслодельная, мукомольная, особенно кожевенная промышленность. Бурно развивавшаяся промышленность Акмолинской области все более и более нуждалась в источниках сырья, рабочей силе. Богатый природными ресурсами, животноводческим сырьем Казахский край давно привлекал внимание российских предпринимателей. Однако освоение огромного региона с разными природно-географическими условиями требовало от правящих кругов проведения административно-территориальных, судебных и других нововведений. В северном округе Акмолинской и северо-западной части Семипалатинской области соль добывалась на Большом Калкаманском, Малом Калкаманском, Джамантузском, Коряковских, Карасуйских озерах. Сравнительно долго в Казахстане действовали мелкие, технически отсталые предприятия, которые по объему производства и количеству рабочих можно причислить к разряду ремесленных заведений. Но в конце XIX – нач. XX вв. на территории Казахстана действовали уже и относительно крупные предприятия, насчитывавшие по 300–500 рабочих: Спасский медеплавильный завод, Успенский рудник, Карагандинские копи. Достаточно развитой отраслью промышленности была горнодобывающая. Всего в Казахстане с 1855 по 1893 гг. было выплавлено 151,182 пуд. свинца, 883 пуд. серебра, 219 186 пуд. черновой меди, в том числе 484, 542 пуд. чистой меди. Промышленность Казахстана, особенно горнорудная, угольная и нефтяная, стала объектом внимания иностранных капиталистов. Спасско-Успенские, Атбасарские медные, Риддерские рудники, Карагандинские каменноугольные копи, ряд нефтяных месторождений были проданы иностранным капиталистам. Держателями акций Акционерного общества Спасских медных руд были промышленники США, Германии, Бельгии, Швеции и др. стран.

Развитие российского капитализма вширь, его продвижение в национальные окраины, эксплуатация богатейших источников сырья, расширение рынков сбыта сопровождались созданием разветвленной сети банковских филиалов и кредитных учреждений. Кредитная система Казахстана, как часть финансовой системы Российской империи, состояла из отделений Государственного банка, филиалов коммерческих банков, банков среднекапиталистических слоев города (общество взаимного кредита и городских общественных банков), а также кредитной кооперации и других учреждений мелкого кредита. Отделения Государственного банка на территории Казахстана возникали прежде всего в центрах торгово-промышленной деятельности Края: Петропавловске (1881 г.), Омске (1895 г.) [8; 35]. Из 57 филиалов Сибирского торгового банка в районах Казахстана функционировало 7, что составляло 12,3 %. Второе место по числу филиалов на территории Края занимал Русский торгово-промышленный банк, имевший большие вложения в кредитование торгового оборота. Им было открыто отделение в Петропавловске (1904 г.). Первое место среди областей Казахстана по количеству кредитных учреждений занимала Акмолинская область. Из девяти крупнейших Петербургских коммерческих банков наибольшее число филиалов на территории Казахстана имел Сибирский торговый банк, учрежденный в 1879 г. [9; 123].

Развитие капиталистических отношений оказало существенное влияние и на развитие торговли. Российский торговый капитал проникал в самые отдаленные районы Края, еще теснее связывая местное скотоводческое хозяйство с рынками России, Средней Азии, Западной Европы. Основным объектом торговли оставался скот. Каждое лето только через Акмолинскую область перегонялось до 60 тыс. голов крупного рогатого скота и до 200 000 овец. Во всевозрастающих размерах вывозился хлеб. Крупными центрами торговли хлебом стали города Петропавловск, Омск. Принимая во внимание прибыльность продажи и вывоза в смежные районы хлеба, местные капиталисты вкладывали свои средства именно в мукомольную промышленность, в которой в начале XX вв. была достигнута наибольшая концентрация капитала. Во второй половине XIX – нач. XX в. местные купцы стали практиковать новую форму торговли — ярмарочную. Наиболее крупными ярмарками считались Куяндино-Ботовская в Каркаралинском уезде, Таинчикульская — в Петропавловском, Константиновская — в Акмолинском, Петровская — в Атбасарском, обороты которых достигали внушительных размеров. Объемы торговых сделок на крупных ярмарках Акмолинской области — Константиновской и Таинчикульской — составляли соответственно в общем обороте 76 и 87,4 %. По количеству ярмарок ведущее положение занимала Константиновская и Таинчикульская. Стабильность ярмарочной торговли объяснялась недостаточным развитием путей сообщения, препятствовавшим установлению более устойчивого торгового обмена между главными поставщиками скота — кочевниками и крупными «скотопромышленниками», а также сложившимися традициями ярмарочной торговли, с условиями торговли которых кочевник достаточно был знаком.

Развитию промышленности и внутренней торговли во многом способствовало строительство железнодорожных линий, соединивших Казахстан с Сибирью и другими районами Российской империи. За последнее десятилетие XIX в. в Казахстане было построено 482 версты рельсовых линий. Значительные изменения претерпели и города Казахстана и Акмолинской области, ставшие центрами общественно- и социально-экономической жизни. По всеобщей переписи населения 1897 г. численность населения Казахстана по областям была следующей: Акмолинская — 1279 818; Семипалатинская — 973 589; Сырдарьинская — 1166 116; Тургайская — 728 057; Уральская — 801 975 тыс. чел. Самую многочисленную группу составляли казахи. Русское население распределялось неравномерно: Акмолинская область — 56,7; Уральская — 40,8; Тургайская — 37,8; Семиреченская — 23,5; Семипалатинская — 24,0; Сырдарьинская — 6,2 %. Данные переписи позволяют определить численность казачества: Уральская область — 114 166; Акмолинская — 74 707; Семипалатинская — 28 717; Семиреченская — 33 757 тыс. чел. В Акмолинской области плотность на 1 кв. составляла 1,4 жителя [9; 129]. Данные переписи 1897 г. говорят о серьезных изменениях в динамике численности, этническом, половозрастном составе населения Казахстана в конце XIX в. и начале XX вв. Рост численности некоренного населения способствовал созданию в городах и других селениях новых типов учебных заведений, научных, культурно-просветительных обществ, организаций и учреждений, ускорению освоения природных богатств обширного края [9; 179].

Таким образом, социально-экономические процессы, происходящие во второй половине XIX и в начале XX в., глубоко затронули все сферы жизни Казахстана, обусловив позитивные перемены в хозяйственной структуре аула, переселенческой деревни, в создании первых относительно крупных очагов обрабатывающей и горнодобывающей промышленности, во внедрении в систему торговли элементов ростовщичества, частного предпринимательства, в углублении взаимосвязей между городами и сельским окружением в условиях вступления России в стадию империализма, составной частью которой являлся колониальный Казахстан.

Список литературы

1. Скубневский В.А. Торговая инфраструктура сибирского города в начале XX в. // Предприниматели и предпринимательство в Сибири (XVIII – начало XX в.). — Барнаул: Изд-во АГУ, 1995. — 353 с.
2. Щеголова Т.К. Ярмарки юга Западной Сибири в XIX – начале XX в. // Из истории формирования и развития всероссийского рынка. — Барнаул: Изд-во АГУ, 2001. — 378 с.
3. Памятная книжка г.Омска и Акмолинской области на 1869 г. — Омск, 1869. — 61 с.
4. Памятная книжка г.Омска и Акмолинской области на 1913 г. — Омск, 1913. — 69 с.
5. Щеголова Т.К. Ярмарки Западной Сибири и Степных областей во второй половине XIX века: Из истории российско-азиатской торговли. — Барнаул: Изд-во БГПУ, 2002. — 260 с.
6. Журнал заседаний съезда представителей биржевой торговли и сельского хозяйства Сибири, Степного края и Зауралья (15–18 мая 1912 г.) в г.Омске). — Омск, 1912. — 17 с.

7. Чарников В.С. Эволюции социального и национального состава населения северных городов Казахстана в XIX–XX вв. // Проблема социально-экономического и этнодемографического развития городов Казахстана. — Алма-Ата: Изд-во Казахстан, 1985. — 500 с.
8. Обзор Акмолинской области за 1899 г. Изд-во: Типография Акмолинского Областного Правления. — Омск, 1901. — 46 с.
9. Чуланов Г. Промышленность дореволюционного Казахстана (историко-экономический очерк). — Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1960. — 430 с.

УДК 380.81 (К) + 338.22 (К)

К.Ж.Абилов

Карагандинский экономический университет Казпотребсоюза

К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ ПОСТОЯННОЙ (СТАЦИОНАРНОЙ) ТОРГОВЛИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОМ КАЗАХСТАНЕ

Конец XIX – начало XX века

Мақала революцияға дейінгі Қазақстанда тұрақты (стационарлық) сауданы зерттеуге арналған. Автор Қазақстанның әрбір аймақтарындағы саудагерлердің құрамын, сауда орындарының түрін талдайды. Тұрақты сауданың дамуына әрбір фактордың ықпалы көрсетіледі.

The article is devoted to the research of fixed trade on a territory of pre-revolutionary Kazakhstan. The author has shown the structure of merchants, any types of trade business in different regions of Kazakhstan. The influence of different factors on a development of fixed trade are given in the article.

Торговля была одним из самых распространенных видов деятельности на территории Казахстана. Она велась здесь издревле, поскольку через территорию Края проходили транзитные караваны из Средней Азии в Россию, из России в Китай и т.д. Вся торговлю можно разбить на три типа: меновую, ярмарочную и постоянную (стационарную), которые в основном соответствовали трем типам хозяйства: кочевому, полукочевому и оседлому.

Постоянная (стационарная) торговля, в отличие от первых двух, велась круглогодично и была сосредоточена, главным образом, в крупных городах, которые являлись как бы складочными пунктами фабрично-заводских произведений для кочевого населения. Постоянные торговые точки имелись и в оседлых населенных пунктах. По данным на 1900 г. среди городов Степного края наиболее значительные торговые обороты имели: Петропавловск — около 4 млн.руб., Омск — около 3,5 млн. руб., Кустанай и уезд — на 900 тыс.руб., Семипалатинск — до 1,5 млн.руб., Уральск — более 1 млн. руб. [1; 292].

По сведениям Омской казенной палаты в 1911 г. в Петропавловске было 1095 торговых предприятий; в одноименном уезде — 714; в Омском городском участке — 1431; в Акмолинске — 641, а в уезде — 532; в Семипалатинске — 966, в уезде — 709; в Усть-Каменогорске торговых и промышленных предприятий было 270, в уезде — 440; в Копале — 139, в уезде — 573; в Кокчетаве — 174 торговых предприятия; в уезде — 925; в Пишпеке — 425, в уезде — 979; в Пржевальске — 330, в уезде — 641; Джаркенте — 312, в уезде — 302; Лепсинске — 167, в уезде — 631 [2, л.2–7, 10, 13, 15–17]. Эти данные свидетельствуют о значительном росте стационарной торговли. Так, только в Петропавловске за период с 1900 по 1911 гг. количество торговых предприятий увеличилось с 446 до 1095, или в 2,4 раза [3, л.2].

В Казахстане по сумме основного налога торговые предприятия значительно преобладали над промышленными, большой удельный вес составляли средние и мелкие торгово-промышленные предприятия. На торговые предприятия приходилось 79 % от числа выбранных промысловых свидетельств, а на промышленные — 4,7 %. Среди торговых предприятий действовали: оптовые магазины, крупные склады по продаже товаров, предприятия по скупке сельскохозяйственных продуктов, с оборотом от 50 тыс. до 300 тыс. руб. в год, мелкие магазины и кредитные учреждения. Наиболее активно торговые операции осуществляли владельцы небольших розничных лавок [4; 192]. Наглядное представление о типовых торговых предприятиях дают сведения, собранные податным инспектором

Семипалатинского участка. Они характерны как для самого Семипалатинска, так и для подобных ему пунктов сосредоточения торгово-промышленной деятельности.

Житель Тюмени, купец 1-й гильдии И.И.Игнатов, занимался закупкой пшеницы в Семипалатинске, которую отправлял на баржах в Тюмень, а оттуда по железной дороге в Екатеринбург на крупчатную мельницу братьев Злоказовых. Содержал контору и кладовую. Делами заведовал приказчик 1-го класса при 2-х подручных. Контора служила для расчета приказчика с крестьянами, продающими хлеб. Было закуплено 190 тыс. пуд. пшеницы по 35 коп. за пуд на сумму 66,5 тыс.руб. Фрахт до Тюмени от Семипалатинска — 20 коп. с пуда. Прибыль — 2000 руб. [5, л.11–15].

Тюменский бухарец, временный 2-й гильдии купец Мухаммед Сетдык Карымжанов, содержал склад жировых товаров. На момент проверки во дворе было сложено около 15 тыс. шт. кож. Сырье, по цене 90 коп. за пуд, он скупал отовсюду: из Копала на 10 тыс. руб., из Джаркента на 10 тыс. руб., из Кульджи на 30 тыс. руб.; от алыпсатаров в Заречной слободе и на Семиярской ярмарке за наличные деньги на 20 тыс. руб. Сырье отправлялось в Тюмень, Нижний, Ригу, Санкт-Петербург. Он же занимался скобяной, мануфактурной и другой торговлей. В лавке и кладовой имелся товар на сумму 20 тыс.руб. Купец приобретал товар в Нижнем и Ирбите. Мануфактурный товар доставлялся зимой гужем на 30 тыс.руб., железный и скобяной — на 15 тыс.руб. по Иртышу, на пароходе. Товар продавался за наличные крестьянам и киргизам в день на рублей 45, отчасти в кредит торговцам под векселя. Оборот — 50 тыс.руб., чистой прибыли — 2,5 тыс.руб. [5, л.13].

Тюменский 1-й гильдии купец П.И.Матягин занимался железной и скобяной торговлей. Имел лавку, кладовую, склады. Товар получал в мае на пароходах с уральских заводов — 11 тыс.пуд. железа на 40 тыс.руб. и 7 тыс.пуд. железных и чугунных изделий на 40 тыс.руб. из Тары, Ярославля, Москвы, Казани, Нижнего, Ирбита, скобяного и москательного товара — на 25 тыс.руб. Оборот — 100 тыс.руб., чистая прибыль — 5 тыс.руб. Товар реализовывался китайским и местным торговцам [5, л.13].

Киргиз Увалий Бестаев содержал склад кож, джебаги, кошмы. Товар скупал незначительными партиями от киргизов-скотоводов, частью на базаре, частью в степи, в обмен на мануфактуру. Главная закупка осуществлялась в ноябре и марте, всего на 10 тыс.руб. Сырье продавал партиями на месте, в Ирбит ездил редко. Прибыль — 1000 руб. [5, л.13].

Купец 1-й гильдии А.В.Москвин занимался мануфактурной и чайной торговлей. Мануфактуру привозил из Москвы и Нижнего на 75 тыс.руб., чай — из Кяхты на 25 тыс.руб. Товар продавался степным торговцам. Доход — 4 тыс. руб.

Ташкентский сарт Мирмажит Иноятов имел лавку с мануфактурными, бакалейными товарами и посудой. От кокандских и маргеланских сартов получал 5 транспортов ковров, разной мануфактуры на 10 тыс. руб. — от 900 до 1200 пуд. Изюма, фисташек, миндаля на 6 тыс. руб., из Верного сарачинской крупы на 4 тыс. руб. Урюк, изюм, крупа отпускались из кладовой торговцам Бийского, Барнаульского и Томского округов, местным киргизам. Доставка товара почти равнялась его стоимости на месте, например, пуд изюма в Туркестане стоил 1 руб.20 коп. — 1 руб. 50 коп., провоз на верблюдах до Семипалатинска — та же сумма. Мешок его от 5 до 16 пуд. обходился около 15 руб., продавался за 18 руб.; мешок урюка — 18 руб., продавался за 22 руб. Весь товар продавался за 45 тыс. руб., прибыль — около 10 % [5, л.14].

Мещанин Мустафа Габбасов занимался мелкой галантерейной, посудной, кожевенной и шорной торговлей. Имел лавку, в которой на момент проверки товара было на 800 руб. Товар закупал у местных торговцев и продавал в розницу. Оборот — 3800 руб., прибыль — 600 руб.

Омский мещанин Моисей Коган содержал мелочную лавку, в которой продавал разные продукты и товары: масло, мед, урюк, крупу, свечи, табак на сумму 800 руб. Товар покупал у сартов и местных торговцев на 3 тыс.руб., масло, мед — от усть-каменогорских и бийских крестьян на 2 тыс.руб. Годовой оборот — около 7 тыс.руб., прибыль — 800 руб. [5, л.14].

Таким образом, мы видим, что эти торговые предприятия были слабо специализированы. Для того чтобы оставаться на плаву, они вынуждены были сочетать в ассортименте разнотипные товары.

На развитие торговли влияли обширность территории и довольно слабая сеть грунтовых и железных дорог. С проведением железной дороги торговая роль Омска и Петропавловска и других городов Степного края изменилась. Раньше закупки товара, в зависимости от пути сообщения, производились в Ирбите, Тюмени, Нижнем, теперь главным поставщиком становится Москва. Некоторые московские фирмы открыли склады в Петропавловске и других городах и пунктах по линии дороги. Так, например, в 1912 г. в Омске было 22 склада сельскохозяйственных орудий и машин, давших оборот свыше 5 млн.руб., а всего в Акмолинской области было 96 сельскохозяйственных складов с оборотом 7 млн.руб. [6; 32].

Рост численности купцов в основном наблюдается во второй половине XIX в. в связи с общим оживлением экономической жизни и принятием соответствующих нормативных документов, поощрявших развитие предпринимательской деятельности в империи, однако удельный вес купцов в общей массе сословного населения был невелик. Так, например, по данным переписи 1897 г., удельный вес купцов в Семиреченской области составлял 0,10 %, в том числе проживало в городах 1,15 %, в уездах 0,03 %. В Семипалатинской области удельный вес купцов составлял 0,15 %, в том числе проживало в городах 1,69 %, в уездах 0,02 % от общей численности населения [7; 8]. Приблизительно такое же соотношение было и по другим областям Казахстана.

По переписи 1897 г. на территории Российской империи проживало купцов (вместе с членами их семей) 281251 чел. — 0,2 % всего населения страны. По данным той же переписи в Казахстане вместе с членами их семей насчитывалось 3919 купцов, в том числе в Акмолинской — 1107, Семипалатинской — 1033, в Семиреченской — 749, в Сырдарьинской — 661, в Тургайской — 65 и в Уральской области — 304 купца [8]. Основная масса купеческого сословия располагалась в местах компактного проживания населения, в городах как областного, так и уездного значения, а также в населенных пунктах, располагавшихся близко к транспортным артериям, где имела адекватная развитию успешной торговой деятельности среда. Так, например, в Акмолинской области в 1894 г. насчитывался 1871 купец, из них 1827 проживали в городах; в 1911 г. их было 1995, из них 1901, т.е. подавляющая часть, проживал в городах [9].

По данным Сибирского торгово-промышленного календаря в начале XX в. в Семипалатинске числилось купцов: 1-й гильдии — 2 человека (А.И.Деров, С.Ф.Плещеев); 2-й гильдии — 42. Кроме того, было выдано промысловых свидетельств: 1-го разряда — 6; 2-го разряда — 43. В Павлодаре числилось купцов 1-й гильдии 2 человека (А.И.Деров, П.А.Суриков); 2-й гильдии — 45; в Петропавловске — 1-й гильдии 1 человек (Г.И.Казанцев); 2-й гильдии — 41. Выдано промысловых свидетельств на право торговли: 1-го разряда — 3; 2-го разряда — 26. В г.Верном насчитывалось 22 купца 2-й гильдии, кроме того, было выдано 43 промысловых свидетельства на право торговли. Здесь имели свои представительства купцы 1-й гильдии: ташкентский — Н.Я.Пугасов, кяхтинский — А.М.Лушников, павлодарский — А.И.Деров, томский — П.В.Михайлов [10].

В Акмолинске особенно выделялась купеческая семья Кубриных. Торговый дом товарищества на паях «Матвей Кубрин с сыновьями» вел торговлю изделиями из золота и серебра, аптекарскими, галантерейными, канцелярскими, мануфактурными, кожевенными товарами, изделиями из железа, часами, обувью, готовым платьем, чаем, сахаром и другим товаром. Торговый дом имел свои магазины и лавки в Акмоле, Кокчетаве и Атбасаре. После 1915 г. акмолинский 1-й гильдии купец М.К.Кубрин обосновался в Москве, где открыл представительство своей фирмы, оставив акмолинские дела на доверенного — своего сына В.М.Кубрина. Другой торговый дом «Андриан Кубрин с сыновьями» имел свой пивомедоваренный завод, пивные лавки в крупных селах Акмолинского и Атбасарского уездов. Купец С.А.Кубрин торговал бакалейными и мануфактурными товарами, металлическими изделиями, чаем, сахаром.

Торговлей скотом занимались купцы В.Г.Грибанов, Г.И.Казанцев, А.М.Козулин, В.А.Кучковский, Ф.С.Семенов. Сырьем торговали: Ш.Абрасумов, Ш.Бурнашев, Х.Бегишев, А.Дивеев, Н.Забилов, А.Ишимбаев, А.Канцеров, М.Сабырбаев, М.Симаков, Х.Х.Танеев, М.Ушаков, Х.Урманов, Х.Хусаинов [11; 91–92].

Крупную торговлю в Акмолинске вело семейство купцов Кошегуловых. Глава династии Баймухамет Кошегулов в 1911 г. перешел в первую гильдию. Семейству Кошегуловых принадлежала единственная в Акмолинске конфетно-пряничная фабрика [12; 66].

Торговые операции некоторых крупных купцов отличались масштабностью. Например, в конце XIX – начале XX вв. торговые операции купца Пугасова простирались на весь Туркестанский край. Во всех городах Семиреченской и Сырдарьинской областей он имел магазины с вином, пивом, тканями, обувью и другими промышленными товарами. Крупные купцы — семипалатинский Плещеев и павлодарский Деров — имели десятки магазинов с промышленными товарами в большинстве городов и сел Северного Казахстана. Одновременно оба купца вели большую торговлю хлебом. В начале XX в. они создали в Семипалатинске «Общество мукомолов», скупали хлеб в области, по Иртышу сплавляли его к станциям Сибирской железной дороги и отправляли в центр России и за границу.

Крупной торговой фирмой владели три брата Хусаиновых. В 70–80-х годах XIX в. они прибрали к рукам всю меновую торговлю с казахами в Казалинском и Перовском уездах и отчасти в Иргизском Тургайской области. В первый год своей торговли Хусаиновы заработали 45 тыс. руб., в следую-

щий — свыше 100 тыс. Через 6–7 лет они имели наличный капитал в 1 млн. руб. К 1912 г. капитал братьев Хусаиновых достиг 8 млн. руб., а обороты — нескольких десятков млн. руб. [13; 107].

Крупным семиреченским купцом был Вали-Ахун Юлдашев. В 1896 г. военный губернатор Семиреченской области дал следующую оценку состояния Юлдашева: «он имеет до 50 домов, находящихся в городе Джаркенте и занятых частными квартирами и войсками, имеет несколько мельниц, кожевенных и кирпичных заводов; в течение 30 лет занимался торговлей, подрядами и хлебопашеством, и годовой оборот по этим и другим операциям простирается за последнее время около одного миллиона рублей» [13; 109].

Купцы, сколотившие посредством выгодной торговли крупные капиталы, вкладывали их в производство. Так, крупные купцы Плещеев, Красильников, Деров, Пугасов, Мусин и другие одновременно являлись промышленниками, владели горнозаводскими предприятиями, паровыми мельницами, винокуренными, пивоваренными и другими заводами.

Одним из крупнейших в Семиречье предпринимателем, распространившим свою деятельность на многие города Южного Казахстана и Туркестана, был купец Н.И.Иванов. Он специализировался на производстве пива и виноградных вин. В 1913 г. Иванов имел в Ташкенте и Самарканде заводы виноградных вин и при них крупные виноградники; в селении Тургень (Верненский уезд) — крупный спиртной завод, «выкуривавший до 3,5 млн. градусов спирта»; во многих городах — пивоваренные заводы: в Ташкенте «паровой, вырабатывающий до 200 тыс. ведер пива, с электрическим устройством и заводом искусственного льда»; в Казалинске — пивной завод, вырабатывающий до 15 тыс., в Перовске — до 25 тыс., в Аулие-Ате — до 25 тыс., в Пишпекке — до 50 тыс., в Верном — до 70 тыс., в Тургени — до 10 тыс. ведер пива. Наряду с этим у Иванова в Ташкенте была табачная фабрика и мастерская папирос. Для снабжения всех этих предприятий топливом он открыл в г. Ходженте угольные копи с выработкой до 100 тыс. пудов угля в год. После своей смерти Иванов оставил наследникам многомиллионное состояние. Основанная им фирма стала называться «Наследники коммерции советника Н.И.Иванова» [13; 105].

Доминирующую роль в торговле играл торговый капитал предпринимателей из России и Средней Азии. Соответственно этому основную массу купечества Казахстана составляли русские, татары, узбеки. Причем купцы магометанского происхождения составляли значительный процент. Так, например, только по г. Петропавловску в 1903 г. из 41 купца, объявившего свои капиталы, 25 были магометане, т.е. татары, сарты, казахи. Остальные купцы были христианского вероисповедания (14 чел.) и 2 еврея. Но наряду с ними торговлей и ростовщичеством все более стали заниматься и казахи.

Крупные купцы зачастую вели дела не сами, а нанимали для этих целей агентов, торговых посредников, коммивояжеров, приказчиков 1-го и 2-го класса, которые обязаны были выбирать свидетельства на личные промысловые занятия. О масштабах привлечения таких помощников свидетельствуют данные таблицы.

Т а б л и ц а

**Число свидетельств и сумма основного промыслового налога
на личные промысловые занятия за 1912 г. (по 2–7 разрядам)**

Области	Число свидетельств	Сумма основного налога
Акмолинская	2503	19,3
Семипалатинская	1620	12,5
Тургайская	1001	7,5
Уральская	1275	9,6
Семиреченская	1337	11,1
Сырдарьинская	1626	14,1
Всего	9392	74,1

Примечание. Источник — Фридман Ц.Л. Банки и кредит в дореволюционном Казахстане (1900–1914 гг.). — Алма-Ата: Казахстан, 1974. — С. 41.

По мере усложнения экономических отношений начинают наблюдаться изменения в органическом строении торгового капитала. Отражением этих процессов становится появление торговых до-

мов. В дореволюционной России структурирование капитала в форме торговых домов начинает принимать широкие масштабы в конце XIX в. Согласно данным, полученным Министерством финансов от городских и купеческих управ, на 1 января 1893 г. в 96 пунктах России было зарегистрировано 1313 торговых домов. По состоянию на первое полугодие 1904 г. во всех районах Российской империи, кроме Польши и Амурского генерал-губернаторства, уже было зарегистрировано 3616 торговых домов, или в два раза больше по сравнению с 1892 г. Основными пунктами регистрации были главные торгово-промышленные центры империи. На первом месте стояла Москва — 1022 торговых дома (28 % их общего числа). Далее следовали: Петербург — 470 (13 %), Рига — 248 (7 %), Одесса — 162 (5 %) и т.д. [14; 89–91] Процесс создания торговых домов, набиравший силу в Европейской России, постепенно распространялся и на периферию империи, однако там развитие торговых домов происходило не так интенсивно. Если в конце XIX в. мы практически не встречаемся с торговыми домами, то уже в начале XX в. эта форма ассоциированного капитала была широко известна на территории Казахстана. По данным на 1904 г. в Казахстане действовало всего 12 торговых домов [15; 253–258]. В дальнейшем их количество увеличилось и к 1914 г., по самым осторожным подсчетам, перевалило за 30. По данным Сибирского торгово-промышленного календаря в начале XX в. в Верном действовал торговый дом бр.Каиповых, в Семипалатинске были торговые дома «Прокопий Плещеев и К», «Собенников и бр.Молчановы», «Каплан и К», «Киримова Биби Фатима», «Злоказовы Бр.», «Колмогорова Ф. с наследниками», «Мурсалимовы Бр.», «Торопов и Голубев», в Зайсане — торговые дома «Анваров и Ибрагимджанов», «Бекчентаев и Абылхановы», в Кокпектах действовал торговый дом «Абдулкаримовы Бр.», в Павлодаре были торговые дома «Плотников М. и сыновья», «Бр.Баландины», «Бр.Клепиковы», в Омске торговые дома «Волковы Бр.», «Эсман Э.Ф.», «Колмаковы Бр.», «Ковалев и Смирнов», «Плотников М. с сыновьями» [10; 215–233]. В Акмолинске действовали торговые дома семьи Кубриных — торговый дом товарищества на паях «Матвей Кубрин с сыновьями» и торговый дом — «Анриан Кубрин с сыновьями» [11; 91–92].

В Верном в 1910 г. были расположены торговые дома «Г.А.Шахворостов с сыновьями», «Исхак Габдулвалиев с сыновьями», «М.А.Бакиров с сыновьями», «Григорий Иванович Казанцев с сыновьями» [16, л.1].

Как видим, большинство торговых домов концентрировалось в торгово-промышленных центрах. Чем выше был уровень развития промышленности и торговли в том или ином регионе, тем выше была и степень ассоциированного капитала. Финансовые обороты торговых домов были различны и обуславливались размером товарищеских капиталов. По подсчетам А.Н.Боханова, у половины из них капитал не превышал 25 тыс. руб. на одно товарищество [14; 90]. Однако были и такие, обороты которых доходили до нескольких сотен тысяч рублей. Так, упомянутые верненские торговые дома в 1909 г. имели следующие обороты: «Г.А.Шахворостов с сыновьями» — 100 тыс.руб., «Исхак Габдулвалиев с сыновьями» — 600 тыс.руб., «М.А.Бакиров с сыновьями» — 10 тыс.руб., «Коковин и Басов» — 100 тыс.руб., «Михайлов и Малышев» — 406 тыс.руб., «Бр. Кургановы» — 35 тыс.руб. [17, лл.116–117, 129, 131,133–134].

Почти все торговые дома проводили одинаковые операции: занимались продажей мануфактурных, галантерейных, бакалейных, кожевенных, скобяных товаров, некоторые торговали хлебом, а наиболее крупные вкладывали средства в производство.

Основную часть учредителей торговых домов составляло купечество. Так, купцами 1-й гильдии были основатели и фактические владельцы торговых домов Григорий Казанцев, Прокопий Плещеев, Матвей Кубрин, братья Злоказовы, купцами 2-й гильдии числились братья Абылхановы (Сагидулла и Джусуп), Бекчентаев Токфатулла и другие. Кроме купцов, учредителями торговых домов выступали почетные граждане, дворяне, мещане, иностранные подданные. Среди последних следует отметить братьев Брандт, основавших в Петропавловске торговый дом по скупке масла, братьев Блюменталь, занимавшихся скупкой кожи, торговый дом «Г.Дюршмидт» занимался в Туркестанском крае закупкой люцерны, кроме того, владелец торгового дома был основателем сети кишкоочистительных заводов в Казахстане [18; 23].

Следует подчеркнуть, что в данный период торговые дома выступали не только как торговые предприятия, но и в качестве торгово-промышленных фирм, непосредственно участвовавших в производственной деятельности. Так, например, торговый дом «Прокопий Плещеев и К» имел паровую крупчаточную мельницу, винокуренный и пивоваренный заводы, типо-литографию, а состояние владельца торгового дома П.Ф.Плещеева оценивалось в 1,5 млн. руб. Ему принадлежало акций «АО Семипалатинских паровых мельниц» на 500 тыс.руб. Он был одним из директоров правления «Акционерного общества каменноугольных копей» в Семипалатинской области [19; 56]. На правах владения

и аренды общество имело несколько угольных копей. По данным на 1912 г. Плещеевым добывалось около 1,5 млн. пуд. угля, который шел главным образом на удовлетворение нужд самого предпринимателя [20; 10].

В 1910 г. близ города Верного в поселке Каргалы товариществом «Торговый дом Шахворостова» была построена суконная фабрика по типу ткацких фабрик Европейской России, с годовым производством 200 тыс. аршин грубого солдатского сукна, вырабатываемого из овечьей и верблюжьей шерсти. В дальнейшем на фабрике предполагалось изготовление сукна более высокого качества. На выставке Семиреченского общества сельского хозяйства в 1910 г. первые образцы таких сукон были премированы золотой медалью. Производительность Каргалинской суконной фабрики в 1913 г. достигла 139 тыс. метров ткани. За 1913–1917 гг. фабрика выработала свыше 1 млн. метров сукна [21; 25]. Кроме того, во владении торгового дома был завод по производству шипучих вод.

Ассоциированный капитал крупных российских предпринимателей также распространял свою деятельность на территорию Казахстана. Так, московская фирма «Торговый дом Стуken и К» владела неограниченной монополией на шерстяном рынке Семипалатинской области. Фирма закупила в Семипалатинске 23209 пуд. шерсти-джебаги, 3529 верблюжьей шерсти и 1647 пуд. козьего пуха, всего — 28385 пуд. на 291592 руб. [22; 169].

Торговый дом «И.Г.Стахеев», основной капитал которого к 1905 г. составлял 4 млн. руб., занимался торговлей хлебом, нефтяными продуктами, мануфактурой, табачными и другими товарами. Фирма, принадлежавшая известному российскому миллионеру Стахееву, имела свои отделения во многих городах и районах страны, в том числе и на территории Казахстана (Кустанай, Петропавловск и др.), Туркестана и Сибири. Торговые операции фирмы достигали огромных размеров, общая стоимость товаров (по продаже) составила в год 11 млн. руб. Фирма пользовалась крупными вексельными кредитами в Русском торгово-промышленном, Русско-Азиатском и других банках. Особенно интенсивно концерн Стахеева развернул свою деятельность в годы первой мировой войны [19; 96].

В деятельности торговых домов были и свои трудности, обусловленные нехваткой оборотных средств и возможностью их пополнения. Получение солидных кредитов затруднялось тем, что финансовая деятельность торговых домов, в отличие от акционерных компаний, обязанных публичной отчетностью, была непрозрачной, и банкиры предпочитали не рисковать. Полные же товарищества вообще были лишены возможности привлекать капиталы за счет новых участников.

Таким образом, общее оживление хозяйственной жизни, особенности социально-экономического положения Края, типы хозяйственной деятельности обусловили существование различных видов торговли, в наибольшей степени адаптированных к нуждам и потребностям местного населения. На формирование национального товарного рынка огромное влияние оказывали географические и природно-климатические факторы. Среди сугубо казахстанских факторов следует назвать обширность территории, огромные расстояния, изолированность населенных пунктов.

Росту постоянной (стационарной) торговли способствовали развитие обрабатывающей промышленности, увеличение товарности земледелия, скотоводства и промыслов, углубление географического и общественного разделения труда, экономическое районирование, товарная специализация регионов, усиление товарного обмена между городом и деревней, сельским хозяйством и промышленностью, земледельческими и скотоводческими районами. Однако вся система торговли в Казахстане была отсталой как по форме, так и по организации. Это было связано с преобладанием докапиталистических форм хозяйства, узостью внутреннего рынка, слабыми межрайонными экономическими связями, плохой сетью железных и грунтовых дорог. Торговля в Крае была слабо специализирована. Фирмы в торговле обычно сочетали разнотипные товары, например, мануфактуру, скот, зерно. Во внутреннем обороте торговля сельскохозяйственными продуктами преобладала над торговлей промышленными товарами. По сумме кредитов на первом месте стояла торговля скотом и мясом, на втором — хлебом, на третьем — промышленными товарами.

Список литературы

1. Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей / Под ред.: В.П.Семенова и др. — СПб., Слово, 1903. Т. восемнадцатый. Киргизский край / Сост.: А.Н.Седельников, Л.П.Осипов, А.Н.Букейханов и др. — 1903. — СПб., Издание А.Ф.Девриена, 1903. — 478 с.
2. Центральный государственный архив Республики Казахстан (далее — ЦГА РК). Ф.И-342. Оп. 1. Д. 87.
3. Федоров Е. К истории Казахстана конца XIX и начала XX в. / Большевик Казахстана. — 1940. — № 1. — С. 60–68; ЦГА РК. Ф. И-342. Оп. 1. Д. 87. Подсчитано нами.

4. Бекмаханова Н.Е. Многонациональное население Казахстана и Киргизии в эпоху капитализма (60-е годы XIX в. — 1917 г.). — М.: Наука, 1986. — 245 с.
5. ЦГА РК. Ф.И-342. Оп.1. Д.551.
6. Обзор Акмолинской области за 1912 г. — Омск, 1913. — 73 с. 17 вед.
7. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Вып. 84. Семипалатинская обл. С. VIII.; Вып. 85. Семиреченская обл. — С.VIII.
8. Подсчитано нами по материалам Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. Вып.81. Акмолинская область. — С. 28–29.; Вып. 84. Семипалатинская область. — С. VIII; Вып. 85. Семиреченская область. — С. 28–29. Вып. 86. Сырдарьинская область. — С. 32–33.; Вып. 87. Тургайская область. — С.VIII; Вып.88. Уральская область. — С. 26–27.
9. Обзор Акмолинской области за 1894 г. — Омск, 1896. — 80 с. Обзор Акмолинской области за 1911 г. — Омск, 1912. — 78 с. Подсчитано нами.
10. Сибирский торгово-промышленный календарь за 1903 г. Отдел III — Торговые фирмы. — Томск, 1904.
11. Касымбаев Ж.К., Азубаев Н.Ж. История Акмолы: (XIX – начало XX века): исследования, источники, комментарии. — Алматы: Жеті жарғы, 1998. — 176 с.
12. Антончев Н.В. Из истории акмолинского купечества / 75 лет Акмолинскому областному краеведческому музею: Сб. ст. — Акмола, 1998. — С. 61–70.
13. Галузо П.Г. Аграрные отношения на юге Казахстана в 1867–1914 гг. — Алма-Ата: Наука, 1965. — 345 с.
14. Боханов А.Н. Торговые дома в России в конце XIX – начале XX века (численность, структура, состав владельцев) // История СССР. — 1990. — № 4. — С. 88–101.
15. Указатель действующих в империи акционерных предприятий и торговых домов / Под ред. В.А.Дмитриева-Мамонова. — СПб., 1905, Т. 2 — 751 с.
16. ЦГА РК. Ф. И-562. Оп. 1. Д. 52.
17. ЦГА РК. Ф. И-342. Оп. 1. Д. 538.
18. Жанысбеков М.А. Казахстан в торгово-экономических связях со странами Запада в конце XIX – начале XX вв. — Алматы, 2002. — 29 с.
19. Фридман Ц.Л. Банки и кредит в дореволюционном Казахстане (1900–1914 гг.). — Алма-Ата: Казахстан, 1974. — 176 с.
20. Записка о торгово-экономическом положении приграничной к Китаю Семипалатинской области в связи с необходимостью направления Южно-Сибирской железнодорожной магистрали с Уральска на Семипалатинск. — Семипалатинск. Изд. биржевого комитета. 1912. — 21 с.; Район железной дороги Петропавловск-Спасский завод в экономическом отношении. — СПб., Типография Ц.КрайЗ., — 1912. — 314 с.
21. Дильмухамедов Е., Маликов Ф. Очерки истории рабочего класса дореволюционного Казахстана. Вторая половина XIX – начало XX вв. — Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1963. — 270 с.
22. Есенгалиева Г. О развитии промышленности по переработке сельскохозяйственных продуктов в Семипалатинской области в конце XIX – начале XX века // Вопросы истории Казахстана XIX – начала XX века. — Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1961. — С. 154–173.

К.Ж.Абилов

Карагандинский экономический университет Казпотребсоюза

**НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ
БУРЖУАЗИИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОМ КАЗАХСТАНЕ****Конец XIX – начало XX века**

Мақала революцияға дейінгі Қазақстанда ұлттық буржуазияның қалыптасу процесінің ерекшеліктерін зерттеуге арналады. Автор ұлттық буржуазияның құрамын, әр саладағы қызметін және оның нақты түрде жетілмегендігінің себебін талдайды. Ұлттық буржуазияның Ресей және шетел капиталына бағынышты болғандығы көрсетіледі.

The article is devoted to the research of peculiarity formation of national bourgeoisie of pre-revolutionary Kazakhstan. The structure, kind of activities and cause of national bourgeoisies weakness are analysed in the article. The author makes (draw) a conclusion about national bourgeoisies dependence from Russian and foreign capital in the article.

Под влиянием проникавших во второй половине XIX – начале XX в. в Казахстан капиталистических отношений здесь стала складываться национальная буржуазия, отражавшая специфику и своеобразие этого процесса. Основной костяк казахской национальной буржуазии составляло байство. В оценке феномена байства как социальной группы исследователи расходились во взглядах. Одни исследователи (С.Толыбеков, С.Зиманов) придерживались мнения, что появление байства не было связано с капиталистическими отношениями. Другие (М.Вяткин, В.Шахматов) считали, что байство было новой социальной прослойкой, возникшей только в середине XIX в. на почве товарно-денежных отношений. Е.Бекмаханов основным недостатком высказанных точек зрения считал оценку байского хозяйства как застывшего явления, тогда как его следует рассматривать через призму эволюционного развития. По его мнению, байство, в противовес остальным феодалам, было представлено нарождавшейся национальной буржуазией [1; 338].

Национальная буржуазия по преимуществу была торговой. У подавляющего большинства баев-торговцев обороты были незначительны, однако и среди них встречались баи-купцы 1-й и 2-й гильдий, проводившие большие торговые операции с русскими купцами внутренних губерний России. Некоторые баи обладали не только большими стадами скота, но и значительной массой наличных денег. Так, например, в 1887 г. купец 2-й гильдии Байбулат Бокин имел 150 тыс. руб. деньгами и 1500 лошадей, Куанышев — 100 тыс. руб. и 1000 лошадей. Сулейман Тастамиров имел оборотный капитал на 60 тыс. руб. и 1500 лошадей [2, л.5–6]. Многие баи выступали в качестве крупных скотопромышленников на казахстанских ярмарках, их торговые обороты достигали крупных сумм. К примеру, скотопромышленники К.Балтабаев и братья Бейсековы (Семипалатинский уезд) имели 40 тыс. и 80 тыс. рублей торгового оборота соответственно, а В. Джалтыров (Петропавловский уезд) и того более — 150 тыс. руб. [1; 341–342].

Сводка рыночных цен на скот и продукты животноводства дает представление о значимости приведенных сумм торговых оборотов купцов-скотопромышленников. Вот какие цены были на Константиновской ярмарке (Акмолинская область) в 1903 г: лошадь и бык стоили по 34 руб., корова — 25, баран — 5 руб. Цены на кожи были следующие: конская — 3 руб.30 коп., верблюжья — 3 руб. 60 коп., яловая — 3 руб. 40 коп., овечья — 60 коп., козья — 1 руб. Шерсть овечья стоила 3 руб.75 коп., козья — 8 руб., верблюжья — 5 руб.50 коп. За конский волос давали 22 руб. [3; 34–35].

Баи-скотопромышленники осознавали свое место в хозяйственных связях с Россией и настаивали на признании их заслуг со стороны царской администрации. В телеграмме группы баев Челкарской волости Кокчетавского уезда на имя министра финансов С.Витте в 1900 г. недвусмысленно говорилось: «Мы — элемент полезный, чем крестьяне-хлебопашцы, но, к сожалению, в оценку знания киргиз в экономическом быте России никто не входил. Мы безнедоимочные плательщики всяких повинностей, мы даем десятки тысяч дешевых лошадей в Европейскую Россию, мы даем столько же скота туда же, мы даем миллионы пудов на европейский рынок сала, шерсти, кож, овчин. Словом, мы деятельная, живая сила в общей экономике государства» [4; 64].

Некоторые байские хозяйства переходили к разведению улучшенных пород скота (конские заводы) и добивались на этом поприще неплохих успехов. К примеру, в 1877 г. в Троицке проходили вы-

ставка и взовые испытания лошадей киргизских конезаводчиков. Первой денежной премии из приза Главного управления государственного коннозаводства, определенного распорядительным комитетом в размере 20 руб., удостоен жеребец гнедо-карий Найзабая Сарыбелева, прошедший в 4,5 мин 285 сажен с грузом от 45 до 159 пудов. Вторая премия в размере 16 руб. присуждена сивому жеребцу Байдаулета Балагусова — в 4,5 мин прошел 270 сажен с грузом 45–153 пуда. Третья премия в размере 14 руб. присуждена темно-сивой кобыле Магамбета Унбаева, которая за 5 мин прошла 250 сажен с грузом от 45 до 145 пудов; четвертая премия в размере 14 руб. присуждена сивому жеребцу Казыя Клычбаева — за 4,5 мин прошел 220 сажен с грузом 45–133 пуда. Пятая премия в размере 8 руб. присуждена гнедому жеребцу Галия Сафарова — за 4 мин прошел 210 сажен с грузом от 45 до 129 пуд. [5, л.15–16].

В 1898 г. за отличное ведение конно-заводческого дела киргизам султану Джангиру Бегалину, Нурмухамеду Сагынаеву, Мейраму Джанайдарову, Кияшу Санрыкову, зауряд-сотнику Джару Джакпаеву, Садывакасу Чорманову государь император пожаловал серебряные медали с надписью «За усердие» для ношения на шее [6; 56]. Информация о конном заводе М.Джанайдарова попала даже в отчет губернатора Акмолинской области: «В Атбасарском уезде имеется конезавод Джанайдарова. Он учрежден в 1870 г. и состоит из 400 плодовых маток киргизской породы. Он обслуживается жеребцами-метисами от скрещенных местных пород с чистокровными производителями» [7; 22–23].

Основную массу купечества Казахстана составляли выходцы из России и Средней Азии: русские, татары, сарты. Но наряду с ними торговлей и ростовщичеством все более стали заниматься и казахи. Во второй половине XIX в. в числе профессиональных торговцев они появляются в городских центрах. Накопив в сфере развозной торговли небольшой капитал, казахи открывали в городах торговые лавки. Так, согласно данным губернаторских отчетов, в Семипалатинской области в 1879 г. насчитывалось 225 лавок, принадлежавших торговцам-казахам. В основном они занимались скупкой у населения скота и животноводческого сырья, которые затем сбывали большими партиями русским и среднеазиатским купцам [8; 128]. В том же году в Туркестане казахским баям-торговцам принадлежало 24 лавки, из которых в 16 торговали мясом, кумысом, деревянными частями юрт. Среднегодовой торговый оборот этих лавок не превышал одной тысячи рублей [4; 343].

В начале XX в. формирование национальной торговой буржуазии ускоряется. По-прежнему многочисленной была группа мелких торговцев из казахов-маклеров, алыпсатаров, саудагеров. В связи с усилившимся торговым обменом число алыпсатаров и их денежные обороты увеличиваются. Так, если в 90-х годах при обследовании казахских хозяйств в Павлодарском, Атбасарском, Кокчетавском, Кустанайском и Актюбинском уездах было зарегистрировано 640 алыпсатаров, то при повторном обследовании, проведенном 10 лет спустя, только в Кустанайском и Актюбинском уездах насчитывалось 849 скупщиков и перекупщиков с доходом в 223 тыс. руб. [4; 53].

Некоторые из алыпсатаров постепенно превращались в средней руки баев-скотопромышленников. Так, в 1908–1910 гг. торговые обороты алыпсатара Т. Труспекова из Копальского уезда Семипалатинской области достигали 50–60 тыс. руб. Он имел 6 наемных работников для ухода за купленным скотом, крупный мануфактурный магазин в с.Аксуйском с годовым оборотом в 30 тыс. руб. [9; 75].

«Семипалатинские областные ведомости» писали в конце 1900 г.: «Лет 10 и более тому назад в глухой степи занимались скупом скота главным образом татары, которых в настоящее время в большинстве случаев заменили заречные и степные киргизы-торгаши, продающие там европейские товары в обмен на сырье и скот через своих приказчиков» [10].

В условиях колониального положения Казахстана баи значительную часть своего капитала пускали в сферу торгового обращения. Они вели торговлю не только на казахстанских ярмарках, но и со среднеазиатскими купцами и даже с Кульджей. Особенно оживленная торговля велась с русскими купцами. Купцы-казахи вели специализированную торговлю. Например, Жиенкулов, имевший оборот торговли свыше 50 тыс. руб., занимался перепродажей скота и продуктов животноводства, Ибрагимов — хлеба, зерна и муки, Куробаев скупал и продавал кошмы [11; 78].

Среди казахского купечества некоторые выделялись крупными торговыми капиталами и обширными операциями. О масштабах предпринимательства среди казахов определенное представление дают списки людей, добивавшихся банковского кредита для расширения своей деятельности. Банки кредитовали преимущественно крупную торгово-промышленную клиентуру, причем размер кредита устанавливался в зависимости от имущественного состояния кредитуемого и суммы его торговых оборотов. Так, например, в 1910 г. крупный скотопромышленник Ш.Апсатаров испрашивал в Семипалатинском отделении Русско-Азиатского банка кредит на сумму 50 тыс. руб. Его торговый оборот банк оценил в 200 тыс. руб. [12; 199].

В 1912 г. в Верненское отделение Госбанка подал заявление с просьбой предоставить кредит купец Калдыбаев. Его оборот составлял 80 тыс. руб., он торговал кожами, шерстью, баранами, лошадьми в Семиречье и в Фергане. До этого он уже пользовался кредитом в отделениях Сибирского и Русско-Азиатского банков [9; 74]. Крупные кредиты в Семипалатинском филиале Госбанка были открыты торговцам Мирсалимову (80 тыс.руб.), Мусабаеву (75 тыс. руб.), купцам 2-й гильдии Бейсекееву, Балтабаеву (от 25 до 50 тыс. руб.), в Верненском отделении Госбанка — Алмазбекову, Абдувалиеву с сыновьями, Узбекову (от 30 до 100 тыс. руб.) [13; 195]. Скотопромышленники Балтабаев и братья Бейсековы (Семипалатинский уезд) имели 40 и 80 тыс. руб. торгового оборота соответственно, а Джалтыров (Петропавловский уезд) — 150 тыс. руб. [1; 342].

Многие бай-предприниматели были тесно связаны с крупными российскими фирмами и банками. Например, акмолинский бай Узбеков (владелец кожевенного завода) занимался производством кож и вел оптовую торговлю мануфактурой и бакалейными товарами. Финансовые операции и учет векселей Узбекова производили Варшавская контора Государственного банка, Волжско-Камский коммерческий банк, Ташкентское отделение Государственного банка, Одесское отделение Государственного банка и др. Его векселя учитывались даже Петербургским отделением Государственного банка [4; 64].

С самого начала торговля в Казахстане сочеталась с ростовщичеством, и характерной особенностью байства в XIX в. была его тесная связь с торгово-ростовщическими операциями. Под влиянием изменившихся экономических условий возросла потребность в промышленных товарах. Прежний натуральный обмен, когда эквивалентом в торговле был трехгодовалый баран, постепенно начал отходить на задний план. Беднейшая часть казахов, не имея в наличии денег, вынуждена была прибегать к займам у своих баев. В архивах сохранилось немало материалов, характеризующих торговую деятельность крупной феодально-родовой знати. Известный исследователь И.Крафт писал: «В степи среди киргиз сильно развито ростовщичество. Занимаются им почти все состоятельные должностные и недолжностные лица. Ростовщичество процветает открыто и в такой мере, что положительно истощает благосостояние массы, за счет которой отдельные личности наживают огромные состояния» [1; 339]. Торговля в Степи часто выступала в форме раздачи товара в долг. При неуплате в срок сумма увеличивалась. 80–90-е годы XIX в. — время самого безраздельного господства и распространения ростовщичества. К этому способу обращались как торговцы, так и богачи, и лица из местной администрации [14; 165].

Крупное и мелкое казахское купечество особенно охотно занималось ростовщичеством, наращивая капиталы путем взимания процентов. Так, торговец Махмутбаев, кредитовавшийся в Верненском отделении Сибирского торгового банка, представил в 1914 г. банку для учета векселя, полученные им от 175 казахов на сумму 18 тыс. руб., которые он ссужал под высокие проценты. Уровень ростовщического процента в казахских аулах доходил даже до 800–900 [13; 202]. Надо признать, что царское правительство считало ростовщичество злом, приводящим к обнищанию и без того бедных казахов и всячески боролось с ним. Так, Амантай Адамбаев, состоявший в 1912 г. в должности Акчатавского волостного управителя, подозревался в ростовщичестве, за что и был отстранен от занимаемой им должности [15, л.9].

Преобразование байских хозяйств в товарные постепенно разрушало натуральные основы кочевого хозяйства. Втягивание кочевых хозяйств в рыночные отношения и усиление зависимости от баев-заимодавцев разоряло беднейшую часть казахов.

Процесс формирования национальной торговой буржуазии шел медленно. Сказывались господство натурального хозяйства, неразвитость товарного производства и обмена, конкуренция российских и среднеазиатских купцов. Образование национального торгового капитала сдерживалось и колониальным положением Казахстана: российская буржуазия устанавливала низкие расценки на скот и животноводческое сырье — основные товары казахского купечества.

Удельный вес казахов в торговле Казахстана был невелик. По данным переписи 1897 г. в Казахстане торговлей были заняты 39537 чел., из них казахов было только 4608, или чуть более 11 % [16; 415]*. В 1910 г. в Верном насчитывалось 765 торговых заведений, из них казахам принадлежало только 23 предприятия. В этом же году в селе Зайцевском (Чилик) Верненского уезда из 130 торговых заведений казахам принадлежало только 2 [16; л.8–134] (Подсчитано нами. — К.А.). В числе торговцев на ярмарках казахи также составляли незначительную часть. В 1908 г. на Каркаринской яр-

* Подсчитано нами по материалам ПВПНРИ 1897 г.

марке (Семиреченская область) из 355 постоянных торговцев-казахов было только 10 чел. Такое явление было характерным для торговли в Казахстане как в XIX, так и в начале XX в. [4; 168].

Низким был удельный вес торговцев-казахов, кредитовавшихся в филиалах государственных и коммерческих банков. Так, за период с 1887 по 1915 гг. в филиале Государственного банка Петропавловска получили кредит 115 торговцев, среди них было только 12 казахов [17, л.1–22].

Зарождавшаяся национальная буржуазия вместе с русскими и иностранными промышленниками участвовала в организации промышленного производства. Архивные данные свидетельствуют, что среди казахов было не так много тех, кто занимался промышленным предпринимательством, да и то их деятельность на этом поприще не всегда была успешной. Так, в 1889 г. горнопромышленник-казак К.Кольмамбетов начал разработку серебро-свинцового рудника «Спасский» в Каркаралинском уезде совместно с отставным чиновником Сивилловым. В начале XX в., по указу управляющего Министерством земледелия и государственных имуществ, рудник был отобран и поступил в продажу [18, л.2].

Примерно в это же время горнопромышленник-киргиз Казангап Досанов получил разрешение на производство разведок каменного угля. Однако в отчете Каркаралинского горного округа было зафиксировано, что за нарушение 285 ст. Устава Горного он был признан утратившим это право. [19, д.1334, л.4].

Киргизу Кентской волости Увалию Ачикееву в 1903 г. было выдано дозвоительное свидетельство за № №7753 и 7754 на право разведок месторождений медных руд в Каркаралинском уезде Семипалатинской области. Однако в 1906 г., ввиду нарушения им требования 285 ст. Устава Горного, изданного в 1893 г., признать его на основании ст. 288 того же Устава лишившимся права производства разведок месторождения полезных ископаемых. Права на разведку были переданы О.С.Деровой и А.И.Дерову [19, д.1330, л.1, 4]. Однако Увалий Ачикеев на этом не оставил свою идею заняться горным промыслом. В 1911 г. он обращается к императору с просьбой содействовать в разработке медного месторождения Айдарлы, открытого им в 1911 г. В своем прошении Ачикеев указывал на то, что содержание меди в руде от 14 до 19 %. Предприниматель просил выдать ему 45 тыс. руб. кредита, который обязался погасить в течение 3-х лет. Однако и в этом случае предпринимательская деятельность Ачикеева потерпела фиаско. В кредите ему было отказано, а местность Айдарлы по дозволительному свидетельству от 21 марта 1911 г. за № 3333 за нарушение ст. 335 Устава Горного, изданного в 1912 г., зачислена в казну по резолюции от 12 декабря 1914 г. [19, д.1447, л.9 об.]. Правда, бывали случаи, когда отдельным баям на известный период удавалось вкладывать свои капиталы в разработку золотых приисков. Такими баями-промышленниками были Джурабаев и Карибаев; годовой доход последнего доходил до 25 тыс. руб. Однако кончилось это дело плачевно. Царское правительство лишило их права на разработки [1; 342]. Более успешной была деятельность другого предпринимателя-промышленника — киргиза Колбинской волости Халила Кайрамбаева, открывшего золото-содержащий рудник «Кыз-Ашкан» 6 апреля 1907 г. Рудник был расположен в Базаровской волости Зайсанского уезда Семипалатинской области и отведен Кайрамбаеву по заявке № 114 в 1907 г. [19, д.1412, л.11].

По сведениям С.К.Игибаева, в Семипалатинской области золотопромышленностью занимались Байжомартовы, Джувашев, Абылканов. В Кокчетавском уезде Акмолинской области — М.Чубеков. Большинство казахских горнопромышленников разработке приисков предпочли продажу заявленных месторождений и отведенных под прииски участков. Отдельные лица ограничивались лишь заявкой, не доводя свое желание до логического конца по каким-то неизвестным причинам. Так, например, отставной поручик Аиртавской волости Кокчетавского уезда султан Махмуд Чингисович Валиханов 27 марта 1901 г. обратился в Томское горное правление с просьбой о выдаче дозвоительного свидетельства на поиск «золота, серебра, меди, свинца и др., каменных углей, а также других драгоценных камней в Акмолинской и Семипалатинской областях». Горное правление сообщило, что для получения дозвоительного свидетельства необходимо прислать в правление две гербового рублевого достоинства марки на оплату и указать место для объявления. Валиханов уплатил два рубля и далее не настаивал о выдаче ему свидетельства «на занятие золотым промыслом» [20; 56–57].

Лучше складывались дела у национальной буржуазии в обрабатывающей промышленности, главным образом в переработке животноводческого сырья. Они владели салотопенными, кожевенными и маслодельными заводами, а также ветряными мельницами. К ним, например, можно отнести Исакова, Усманова и Мумыджанова, владевших салотопенными заводами, Кошарова, имевшего кожевенный завод, Кийкина — владельца мукомольной мельницы. Некоторые из баев-предпринимателей добивались неплохих успехов на этом поприще. Так, к примеру, владелец шерстомойного

завода Давлеткельдиев нанимал 55 рабочих и имел на своем предприятии сумму годовой выработки 45 тыс. руб. [1; 342].

По данным Г.Есенгалиевой, в 1890 г. в Семипалатинской области из 29 предприятий по обработке продуктов скотоводства 3 принадлежало казахам. Суммарная стоимость продукции 29 предприятий составляла 580862 руб., из которых 8500 руб. составлял казахский национальный капитал (1,4 %) [21; 163].

По мнению Е.Бекмаханова, промышленное предпринимательство среди казахской буржуазии развивалась слабо из-за ограниченности денежных капиталов, отсутствия технических знаний, противодействия колониальных властей. Однако вышеприведенные примеры свидетельствуют о том, что царское правительство вовсе не запрещало казахам заниматься горным делом. Дело, видимо, в общей слабости национальной буржуазии, недостатке предприимчивости и капиталов.

По исчислениям С.Асфендиарова, байство составляло примерно 8–12 % всего казахского населения [22; 260]. По мнению С.Толыбекова, крупные байские хозяйства составляли не более 10 % от общего числа байских хозяйств и 0,5 % от всего кочевого населения [23; 573]. С.Сундетов считал, что в Степном крае байских хозяйств было около 1/5 от общего числа казахских хозяйств [4; 71].

Несмотря на очевидные успехи отдельных байских хозяйств, следует признать, что товарное земледелие не получило широкого развития в хозяйстве казахов. Только небольшая часть байских хозяйств, вступивших на путь капиталистических отношений, могла поставлять хлеб на рынок. Собранный хлеб в основном шел на удовлетворение собственных потребностей. А важнейшая отрасль хозяйства казахов — скотоводство — носила экстенсивный характер. Байские хозяйства отличала низкая производительность труда. По мнению Ж.Абылхожина, это предопределялось тем, что в них было сильное преобладание живого труда (рабочая сила человека) над трудом овеществленным (т.е. воплощенным в средствах производства и предметах потребления). В свою очередь низкая производительность труда ограничивала круг накапливающих, т.е. производящих прибавочный продукт хозяйств. Накопление было невозможно, а если оно достигалось, то только в крайне ограниченных размерах, в формах, допускающих лишь очень небольшой прибавочный продукт. Но и этот минимальный прибавочный продукт не доходил до рынка, так как их съедали расточительные формы отчуждения [24; 414].

Существовало два вида расточительства в байских хозяйствах. Первый вид — это сооружение дорогостоящих могил-памятников умершим родственникам. Так, например, по сведениям, приводимым С.Е.Толыбековым, на постройку 38 памятников в Карсакпайской волости Атбасарского уезда было затрачено: 2281 лошадь, 8443 барана и 40 верблюдов. Расходы на строительство памятника только баяу Джанулы обошлись в 1500 баранов и 362 лошади. В 1924 г. 50-летний сын Джанулы Джакуббек, живший около этой могилы, имел всего одну дойную корову [22; 575].

Вторым видом расточительства были поминальные пиршества по умершим баям (ас). Такие поминки в Степи случались в течение лета по нескольку раз. На них съезжались несколько тысяч человек, для которых ставились юрты, готовилось угощение, проводились различные состязания с выставлением огромных призов. На поминки, устроенные в 1860 г. в честь бая Ердена Сандыбаева, для гостей из Акмолинской, Сыр-Дарьинской, Тургайской областей было выставлено 500 юрт, израсходовано на угощение и призы 620 лошадей и 200 баранов [14; 204].

Таким образом, процесс формирования национальной буржуазии был закономерным итогом проникновения в казахский край капиталистических отношений. В силу ряда обстоятельств этот процесс имел некоторые особенности, обусловленные колониальным статусом и общей отсталостью края, наличием патриархально-родовых пережитков, сильным влиянием российского и иностранного капитала. Национальная буржуазия была преимущественно торговой и была связана с обслуживанием российского и иностранного капитала, ориентированного, главным образом, на внешние рынки.

Число предпринимателей-промышленников в среде местного населения было невелико. Становление национальной буржуазии блокировалось господством российского и иностранного капитала, т.е. всей колониальной системой. Кроме того, зарождавшаяся национальная буржуазия ориентировалась на модель простого воспроизводства, поскольку была в значительной степени сращена с докапиталистическими отношениями и во многом благодаря функционированию именно их структуры сохраняла свой экономический статус. Другими словами, она не придерживалась принципа накопления и производственного использования капиталов, предпочитая направлять их на социально престижное потребление (предметы роскоши, тезаврация — омертвление капиталов в драгоценных металлах и т.д.). Потенциальный фонд накопления, необходимый для расширенного воспроизводства, в национальном секторе предпринимательства был невелик. Он ограничивался слабой технической оснащенностью и низкой производительностью труда. При этих условиях национальная буржуазия не

могла конкурировать на местном рынке с российскими товаропроизводителями и сосредоточилась главным образом в животноводческой отрасли [24; 415].

Национальная буржуазия, зародившаяся в период колониального господства российского и иностранного капитала, по всем признакам (осуществление торгового посредничества с иностранными и российскими компаниями, посредничество между своими производителями и иностранными компаниями), применяя современную терминологию, соответствовала определению компраторской буржуазии. Такое определение, как, впрочем, и сам феномен национальной буржуазии, в отечественной литературе прежде применялось крайне редко.

Исходя из этого в оценке места и роли национальной буржуазии существуют различные точки зрения. По мнению одних исследователей, нарождавшаяся национальная буржуазия экономически была очень слабой и зависела от царизма и русской буржуазии и поэтому ей не суждено было впоследствии сыграть самостоятельную роль в общественно-политической жизни Казахстана. Другие считают, что в условиях дореволюционного Казахстана более активной общественной силы, чем нарождающаяся национальная буржуазия, не было [25; 195].

Список литературы

1. Бекмаханов Е. Байское хозяйство в Казахстане и его особенности во второй половине XIX – начале XX в. // Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России. — М., 1961. — С. 338–347.
2. Центральный государственный архив Республики Казахстан (далее — ЦГА РК). ЦГА РК. Ф. И-369. Оп.1. Д.7438.
3. Обзор Акмолинской области за 1903 г. — Омск, 1904. — 61 с. 8 ведомостей.
4. Сундетов С.А. О генезисе капитализма в сельском хозяйстве Казахстана (на материалах Северо-Восточных областей). — Алма-Ата: Наука, 1970. — 127 с.
5. ЦГА РК. Ф. И-25. Оп.1. Д.3478.
6. ЦГА РК. Ф. И-64. Оп.1. Д.823.
7. Обзор Акмолинской области за 1914 г. — Омск, 1915. — 76 с. 17 ведомостей.
8. Ерофеева И.В. Характер торговли и формирование купеческого сословия в городах Северо-Восточного Казахстана в XIX в. // Обменные операции городов Сибири периода феодализма: Сб. науч. ст. — Новосибирск: Изд. НГУ, 1990. — С. 112–132.
9. Очерки экономической истории Казахской ССР (1860–1970 гг.). — Алма-Ата: Казахстан, 1974. — 360 с.
10. Семипалатинские областные ведомости. — 1900. — № № 51–52.
11. Сулейменов Б.С. Аграрный вопрос в Казахстане последней трети XIX – начала XX в. — Алма-Ата: Наука, 1963. — 412 с.
12. Фридман Ц.Л. Банки и кредит в дореволюционном Казахстане (1900–1914 гг.). — Алма-Ата: Казахстан, 1974. — 176 с.
13. Фридман Ц.Л. Кредит и кредитные учреждения в условиях многоукладной экономики дореволюционного Казахстана // Вопросы истории капиталистической России. Проблема многоукладности. — Свердловск, 1972. — С. 188–203.
14. Артыкбаев Ж.О. Казахское общество в XIX веке: традиции и инновации. — Караганда: Полиграфия, 1993. — 330 с.
15. ЦГА РК. Ф. И-15. Оп.1. Д. 422.
16. ЦГА РК. Ф. И-342. Оп.1. Д. 538.
17. ЦГА РК. Ф. И-559. Оп.1. Д. 3.
18. ЦГА РК. Ф. И-212. Д. 1359.
19. ЦГА РК. Ф. И-212. Оп.1. Д. 1334.
20. Игибаев С.К. Промышленные рабочие дореволюционного Казахстана. 1861–1917 гг. — Алма-Ата: Ғылым, 1991. — 191 с.
21. Есенғалиева Г. О развитии промышленности по переработке сельскохозяйственных продуктов в Семипалатинской области в конце XIX – начале XX века // Вопросы истории Казахстана XIX — начала XX века. — Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1961. — С. 154–173.
22. Цит.: Асфендияров С.Д. История Казахстана (с древнейших времен). 2-е изд. / Под ред. проф. А.С.Такенова. — Алма-Ата: Қазақ университеті, 1993. — 304 с.
23. Толыбеков С.Е. Кочевое общество казахов в XVII – начале XX в. (Политико-экономический анализ). — Алма-Ата: Наука, 1971. — 634 с.
24. Абуseitова М.Х., Абылхожин Ж.Б. и др. / История Казахстана и Центральной Азии. — Алматы: Білім, 2001. — 620 с.
25. Абдразаков Т.А. Избранные произведения 90-х годов. Т. 1. — Караганда: Изд-во КарГУ, 2000. — 271 с.

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ МАСС В 20-Е ГОДЫ: СОЗДАНИЕ НОВЫХ ТИПОВ ИДЕНТИЧНОСТИ И СОЛИДАРНОСТИ

XX ғасырдың 20-жылдарындағы халықтың әлеуметтік-саяси белсенділігі, ынтымақтастығы бағытында жазылған мақалада сол кездегі саясаттың урбанизация үрдісіне, индустриялық өндіріске, ұлттық-мемлекеттік білім беру жүйесіне әсер етуі туралы мәселелер жан-жақты талқыланды. Сонымен қатар автор жаңа ұжымдық ынтымақтастықты қолдаған ұлттық зиялы қауымның көзқарасы мен пікірі барысында ой қозғаған.

Article is about social political activity, solidarity of masses of the 20-s of the 20 century, about the political influence into process of urbanization, industrial production, state system of national education. Furthermore, the author considers the opinions of national intelligence that supported new collective societies.

Урбанизация, сыгравшая решающую роль в изменении социального облика казахского народа, в изучаемый период была наиболее интенсивной и определялась весьма конкретными и оттого не менее фундаментальными задачами индустриальной модернизации советского общества и государства. К тому же новые города, численно преобладавшие в Казахстане [старые — Джамбул (Тараз, 568 г.), Туркестан (X в.), Чимкент (XII в.), более молодые — Перовск (Кзыл-Орда, 1820 г.), Верный (Алматы), Казалинск (1848 г.), Арысь (1900 г.)], строились в местах формирования промышленных и, особенно, сырьевых центров. Социальная динамика общества во многом была опосредована экономическим развитием, даже если строительство новых хозяйственных центров лишь опосредованно отвечало интересам собственно республики, а не единого общесоюзного организма. К тому же 71,8 % городского населения КАССР в 1928 г. составляли русские, украинцы, немцы, белорусы и татары. «Казахстанские города в общей своей массе могут быть названы просто русскими», — отмечал один из современников.

При этом региональная неравномерность в развитии индустриальных центров (центр и восток — базы тяжелой промышленности и металлургии, юг — преимущественно аграрный или ориентированный на переработку сельхозпродукции) обуславливала и неравномерность модернизационных процессов в этносообществе: именно в южных областях Казахстана наиболее прочно консервировались традиционные формы социальной организации, отмечалась более активная религиозная культура, устойчиво воспроизводились незыблемые каноны семейных отношений, воспитания детей.

В состав пролетариата, который должен был олицетворять классовую основу советской власти, включались казахи-рабочие соляных, нефтяных, рыбных промыслов, работавшие на железной дороге, в рудниках и шахтах. При этом сами партийные руководители признавали, что они «не совсем еще» приобрели «пролетарскую идеологию» [2]. Самым действенным способом решения проблемы была партийная институционализация: в апреле 1924 г. Оргбюро ЦК РКП(б), рассмотрев положение в Казахстане, в частности, постановило: в ходе ленинского призыва «вовлечь в партию не менее 8 % киргизского рабочего населения в Гурьевско-Эмбенском, Экибастузском и других промышленных районах с постоянным рабочим населением. Принятые в партию рабочие, — подчеркивалось далее, — должны быть соответствующим образом обработаны в смысле ликвидации их политической и технической неграмотности. Работа по приему и обработке этих рабочих должна носить ударный характер под неослабным контролем Киробкома в течение не менее 6 месяцев» [3].

Усиление значимости профсоюзов осуществлялось и административными мерами. Так, с января 1923 г. по январь 1924 г. число безработных в КАССР выросло с 8,8 до 11,4 %. В ходе переучета безработных в 1924 г. с учета было снято 13199 из 19554 зарегистрированных на биржах труда, причем основное сокращение (57,8 %) произошло за счет не состоявших в профсоюзах чернорабочих, а большинство из них представляло коренное население. После перерегистрации чернорабочие среди безработных составили 34,1 %, рабочие транспорта и связи — 10,9 %. Именно среди них было большинство безработных казахов, но теперь и они вступили в профсоюзы [4; 252]. Среди оставшихся 6298 безработных республики члены профсоюзов насчитывали 77,9 %. С 1 января 1926 по 1 января 1927 гг. безработица в Казахстане выросла с 24496 до 29885 чел. Еще через год она достигла 43128 чел. В 1929 г. произошел перелом в этом процессе, и к 1931 г. безработица была ликвидирована [5; 141].

Выполнение политических и экономических директив постоянно сталкивалось с острейшим дефицитом кадров снизу доверху. Это заставило республиканские власти находить экстраординарные методы «укрепления вертикали» управления и выполнения поставленных задач. Как признавал в октябре 1922 г. председатель ЦИК КАССР С.Мендешев, для «связи с местами» использовались апробированные ранее командировки инструкторов, уполномоченных, специальные комиссии по оперативному решению очередных вопросов того или иного направления в республиканском или районном масштабе. Существенную проблему составляло то, что «состав местных органов по принадлежности к населяющим народностям» не отражал их количественного соотношения. Дабы обеспечить выполнение продналога, приходилось производить массовые «вливания» в местные советы и исполкомы «элемента из киргизской бедноты». Ее очевидная неподготовленность искупалась классовой принадлежностью, теоретически предполагавшей приверженность справедливости, честность и бескорыстие. «Красный караван» скорой информационно-инструкторской помощи с мая по октябрь 1922 г. объезжал всю республику, символизируя живую связь власти и народа [6].

Одной из наиболее сложных задач советского социального инжиниринга было изменение социальных маркеров консолидации, статусных приоритетов, карьерного потенциала. Именно с ее решением была связана история борьбы против многочисленных группировок, «центробежных и местнических» проявлений в номенклатурных стратах, отнимавшая много сил и внимания руководства страны и республики. В соответствии с классовой парадигмой анализа социальных связей и отношений так называемые «ходжановщина», «садовкасовщина», «мендешевщина» «отражали в той или иной степени местнические родовые отношения и главным образом давление байских и алаш-ординских элементов на отдельные группы работников партийных и советских организаций», которые, якобы, затушевывали социальные противоречия и преувеличивали национальный фактор [7]. На самом деле, межродовая и межжузовая конкуренция за доступ к власти и ресурсам, наряду со стремлением части национальной бюрократии и интеллигенции взять реванш за русификацию, играли существенную роль.

В июне 1926 г. секретарь Сыр-Дарьинского губкома партии сообщал в ЦК ВКП(б), что при обследовании одной из волостных организаций Аулие-Атинского уезда (ныне Шымкент) партработники столкнулись с фактом групповой сдачи кандидатских карточек. Объяснения по этому поводу были даны своеобразные: «Нас записали в прошлом году, когда была родовая вражда при перевыборах Советов. В нынешнем году мы не победили, так зачем нам состоять в партии, только членские взносы платить» [8]. В Актюбинской губернии, например, даже сами партийные работники из числа казахов воспринимали борьбу против троцкизма «как борьбу рода Троцкого с родом Ленина» [9]. В то же время нельзя не учитывать, что острая полемика и конкуренция между представителями власти и казахами, а также между республиканскими и общесоюзными структурами разворачивались в контексте драматических реалий индустриализации и коллективизации, означавших скачкообразное движение аграрного социума с незавершенной этноидентификацией по стандартной схеме, лишь на ходу, непоследовательно и неполно подстраиваемой к конкретной культурной специфике. Это не могло не вызвать резкий дисбаланс в социальных взаимосвязях и самочувствии общества, особенно ярко и нервно проявлявшихся в его наиболее образованных и информированных группах.

В 1926 г. число грамотных «на родном языке» среди казахов составляло лишь 10 % [1; 15]. Культурная модернизация была одной из самых важных задач советской власти, но ее осуществление оказалось неразрывно связано со всеми другими, не менее запущенными проблемами развития различных этнических общностей страны. 2 и 14 ноября 1926 г. состоялось совещание националов от 17 республик и областей России, членов ВЦИК и ЦИК СССР (всего 50 чел.). На совещании обсуждались взаимоотношения РСФСР с входящими в ее состав автономиями, которыми ведала Комиссия по строительству РСФСР, национальных республик и областей во главе с М.И.Калининым. Тревожные сигналы с мест о тяжелом положении национальных окраин, нехватка средств, госбюджетных ассигнований, замедленные темпы промышленного строительства, крайне неудовлетворительное состояние материально-технической базы восстанавливаемого народного хозяйства — все эти вопросы были крайне важны.

Весьма перспективным в методологическом плане представляется вывод Б.Б.Ирмуханова о том, что российское подданство и связанные с ним перемены в казахском обществе по-новому ставят проблему государственности: теряют свой первородный смысл такие понятия, как «казахская государственность», «казахское государство», которые отражали реалии прошлой политической жизни казахского общества — кочевой цивилизации и моноэтничной политики. Он предлагает говорить о госу-

дарственности казахов, которая стала возможна после победы Октябрьской революции в форме советской автономии и союзной республики [10].

Не менее простыми были и проблемы государственно-правового характера. Автономии, как и многие этнические меньшинства, настаивали на четком определении своего правового статуса, представительстве меньшинств в центральных органах законодательной и исполнительной власти, ведении государственного делопроизводства на родном языке в судебных и других учреждениях, реальном, а не формальном суверенитете.

Руководители республик и областей выступали «против «зажима» местных органов власти, за расширение полномочий и повышение роли Отдела национальностей ВЦИК в осуществлении национальной политики. Решению конкретных повседневных задач национального развития мешала громоздкая бюрократическая схема соподчинения ведомств и организаций. В частности, националы предлагали ввести своих представителей в коллегии всех общероссийских наркоматов. Далее предлагалось, по аналогии с ЦИК СССР и в РСФСР, создать Совет Национальностей с постоянно действующим аппаратом и передать ему функции Отдела национальностей, а также других учреждений, ведающих национальной проблематикой (Комитет Севера, Федеральный Земельный Комитет и др.).

В частности, на известном «частном совещании националов — членов ВЦИК и ЦИК СССР и других представителей национальных окраин» 12 ноября 1926 г. глава правительства КАССР У.Д.Исаев подчеркивал, что решения X, XII съездов партии по национальным вопросам не реализованы, а развитие автономий происходит «значительно медленнее, чем русской части Федерации». При этом в документах съездов правящей партии признавалось стремление чиновников центральных наркоматов трактовать само создание СССР как шаг к постепенной ликвидации РСФСР и автономных республик. Главный вопрос о возможности и целесообразности создания Русской республики привел главу ЦИК Дагестана Н.Самурского (Эфендиев) к выводу о критических последствиях такого шага именно для самоопределившихся народов: «С Казахстаном, который, может быть, больше всех имеет право стать независимой республикой, случится то же самое, то есть из всех республик, в которых 30–40 % населения русские, естественно, русские присоединятся к Русской республике... Сможете ли вы тогда защитить свои автономные права, о которых мы так много говорим?.. Не сможете. Этим вы еще больше усилите национальный антагонизм и осложните положение в СССР и РСФСР. Автономии потеряют не только политически, но и экономически...» Кроме того, он обратил внимание на существенный момент: прямые экономические выгоды нахождения в составе РСФСР и СССР, когда национальная политика власти санкционировала и жестко контролировала всевозможную помощь автономиям для ликвидации вопиющего социального неравенства народов. «Если вы отделитесь, вы будете получать поддержку? Сумеете ли вы защитить политическую независимость? Нет... потому, что вы окажетесь в ничтожном меньшинстве», — отвечал он на риторический вопрос. Выход он видел в укреплении влияния националов в центральных органах власти — наркоматах, ВЦИКе. Его поддержали У.Д.Исаев и С.М.Мендешев. Первый считал, что вопрос о выделении Русской республики — «это узко-националистическая, шовинистическая тенденция... не говоря уже об экономической невыгодности этого вопроса для национальных республик, которые вследствие своей отсталости все-таки в финансовом отношении по большей части живут за счет поддержки русской части РСФСР. Это буржуазно-националистический уклон в наших краях». Глава ЦДК КАССР Мендешев (1882–1937), в свою очередь, заметил, что от образования Русской республики «малочисленным национальностям лучше не будет». Кроме того, он предлагал: «Мы должны говорить об организации жизни национальностей не только в связи с тем, что надо бороться с «русским Ванькой», а потому, что необходимо обеспечить права национальных республик и областей, их участие в планировании и регулировании хозяйства, и в связи с этим усилить их влияние на ведомства». Секретарь Казкрайкома ВКП(б) С.Х.Ходжанов (1894–1938) к тому же обратил внимание на конституционный дисбаланс прав и ответственности: СНК РСФСР «управляет, но не отвечает» за автономии. Как признал Асфендиаров, «построение органов Российской Федерации способствует недооценке нужд национальностей и нарушению их прав», поэтому следует конституционным путем снять барьеры между ВЦИК и республиками [11].

Итак, объективная привязка программы преобразований к национально-государственным образованиям противоречила столь же объективным интересам СССР как единого целого, где независимо от этничности гражданин должен был иметь возможность полноценной самореализации, а экономическая и политическая система — сохранять общегосударственный организм. В результате значительная целенаправленная финансовая, организационная, материальная, кадровая и иная помощь национальным республикам, обеспечившая их ускоренный всесторонний прогресс, сочеталась с усиле-

нием централизаторских начал в управлении, репрессиями против инакомыслящих, в т.ч. среди националов, резким сокращением и без того слабо развитых демократических элементов общественной жизни.

Насущной задачей оставалось справедливое распределение материальных средств и финансов. Так, в Крымской АССР расход на душу населения составлял в 1926/27 гг. 21 руб., а в Казахстане — 4 руб. 30 коп. Оставались неурегулированными вопросы землеустройства и землепользования между коренным и пришлым населением целого ряда республик и областей, несмотря на или вследствие перманентных перераспределений земли. Не менее болезненными были проблемы социального развития, просвещения и образования и др. [11].

Наблюдения и предложения участников совещания подтверждались и выводами Комиссии, которая отмечала почти полное отсутствие промышленности в автономиях, наличие отсталых хозяйственных форм, сырьевой характер экономики, сохранение старых производственных отношений, ничтожные результаты «коренизации» государственного аппарата и т.д. По ее мнению, директивы XII съезда партии и решения IV совещания ЦК РКП(б) по национальному вопросу практически выполнялись весьма и весьма слабо, что могло привести к отставанию развития СССР в целом.

Например, в тезисах Комиссии говорилось: «...система заготавливающих органов лишена всяких организующих хозяйство начал и приспособлена исключительно к выкачке сырья и накоплению наибольшей прибыли.

Положение кооперации, как совершенно очевидно из сказанного, весьма тяжелое. Кооперативная сеть слаба, средств недостаточно. Развал, банкротство кооперативов — обычное явление, особенно в области с. х. кооперации (Казахстан, Якутия, Башкирия и проч.).

Земельный вопрос не урегулирован во многих республиках и областях (Казахстан, Башкирия, Бурят-Монголия, автономные области Северного Кавказа, Калмыкская область).

Выдвинутый принцип сплошного землеустройства впервые землеустраиваемых «бывших инородцев» не даст необходимого эффекта, если это землеустройство не будет подкреплено необходимой хозяйственной помощью.

Неурегулированность межнациональных земельных отношений приводит:

а) к усилению тенденции решения земельных столкновений в пользу пришлого населения в виде попыток: пересмотра «земельной реформы» в Казахстане, закрепления арендуемых у коренного населения земель за пришлыми в Башкирии, Бурят-Монголии, Калмыкской области, неприятия мер против самовольного переселения;

б) к сохранению неуверенного, неустойчивого настроения в массах коренного, к стремлению и реставрации старых отношений со сторон пришлого населения, что порождает общее настроение выжидания, а не окончательное успокоение обеих групп;

в) к замедлению процесса отношения и перераспределения земель по трудовому принципу среди коренного населения».

Кроме того, совещание затронуло и вопросы партийного строительства. Слабость вовлечения национальной бедноты в партию приводила к росту числа русской части населения, что, безусловно, ослабляло влияние партии на национальные массы.

По тезисам комиссии выступили почти все участники совещания. В частности, заместитель председателя СНК РСФСР Т.Р. Рыскулов говорил: «Я бы хотел отметить только, что центр тяжести вопросов в нашей национальной политике переносится сейчас на хозяйственный фронт, потому что... в политическом отношении у партии линия твердая и также твердо проводится. Но эта политическая линия именно не всегда реализуется в хозяйственных и советских мероприятиях по линии аппарата управления. По линии межхозяйственной есть тоже стремление всячески обойти нужды окраин. Эти стремления, конечно, бросаются в глаза. Сейчас в экономической политике основное место занимают вопросы индустриализации страны, вопросы о построении социализма в одной стране и в этих вопросах как-то национальные окраины не учитываются совершенно. Даже некоторые ответственные товарищи говорят, что какая там индустриализация может быть в этих национальных окраинах.... Фабрики и заводы надо усиливать в центре РСФСР, а окраины будут выполнять роль поставщика сырья. Это пахнет, конечно, кое-каким известным духом, но во всяком случае не пахнет задачей построения социализма в нашей стране и действительной индустриализацией для укрепления Советской власти, и это никоим образом не отражает, конечно, линию нашей партии...»

И далее: «...аппарат действительно не приспособлен к тому, чтобы понять, что делается на самом деле в окраинах, какие процессы там происходят и т.д. Бывают случаи, когда руководители аппарата даже не знают, какие национальности где живут. Чиновничий элемент настроен националистически,

и великодержавный национализм идет именно оттуда. Когда какой-нибудь спец обсуждает, скажем, например, план железнодорожного строительства, он не только подсчитывает цифры, но он под скорлупой спеца думает о политических вещах. Особенно, если это касается национальной окраины».

Совещание выявило реальные противоречия конкретной политической практики, в том числе по вопросу о пределах и правомерности национального представительства в исполнительных и законодательных органах власти.

Тот же Рыскулов приводил в связи с этим следующий пример: «В отношении Госплана я поднял вопрос о необходимости включения в Президиум одного из националов. Сразу мне ответили: ну, что же он будет делать там и найдется ли у нас такой национал, который был бы специалистом и должен был понимать специфические вопросы, которые в Госплане рассматриваются, и потом, каким отделом он будет ведать? Когда я сказал, что он как национал, конечно, больше знает особенности и нужды национальных окраин и в этом отношении будет помогать в Госплане, мне сказали, что в каждой секции Госплана есть отдельное лицо, которому поручено по линии данной отрасли учитывать нужды автономных республик. Но чтобы один человек был включен в Президиум и чтобы он вмешивался и в ту и в другую секцию по вопросам национальным, потому что он национален, это не пойдет.

Дайте национала, чтобы он был хорошим специалистом и руководил одной из секций, но он во все секции не должен вмешиваться». К тому же всплывали и психологические моменты: «Национала выдвинуть? Для чего выдвинуть? Что он будет делать? А если он еще слабо работает, то начнут его упрекать окружающие, что зря жалование получает и т.д.»

Рыскулов был вынужден признать, что деятельность того или иного ведомства и его аппарата определяется не национальными признаками, а профессиональными качествами. Устранить непригодность центральных учреждений к учету интересов национальных окраин и их особенностей, делал вывод докладчик, простым насаждением представителей национальностей в наркоматы невозможно.

В итоговом документе совещания предлагалось добиться реального отражения нужд и потребностей национальных окраин в государственном бюджете РСФСР; закрепить на конституционном уровне автономные права национальных объединений с точки зрения расширения законодательных прав автономий, обеспечив «постоянное и правильное проведение советским аппаратом национальной политики»; увеличить представительство автономий во ВЦИКе и его Президиуме, а также националов в хозяйственных органах РСФСР, с созданием национальных секций; обеспечить на деле коренизацию местных аппаратов.

Далее, предлагалось усилить контролирующую роль партийных органов сверху донизу в проведении национальной политики путем введения в них национальных кадров, в том числе через участие секретарей местных парторганизаций в Пленумах ЦК и ЦКК партии с совещательным голосом [11].

Совещание, как и принятые на нем решения, сыграли определенную роль прежде всего с точки зрения выявления и обсуждения социально-экономических, политических, правовых, кадровых проблем обеспечения согласованного процесса модернизации на территории РСФСР. К тому же аналогичные трудности испытывали и союзные республики в составе СССР, что определялось общим внутривнутриполитическим курсом партии. В каждом административно-территориальном образовании и субъекте федерации единая схема политики встраивалась в конкретную социально-политическую ситуацию.

Прививка новых идейно-политических ценностей осуществлялась, как уже говорилось, через партийные, советские и общественные организации, которые одновременно должны были снять межэтническое напряжение, объясняемое классовыми мотивами. Признание остроты этой проблемы лидерами государства увязывалось не только с внутренними социальными задачами, но и с глобальными замыслами произвести общемировой пропагандистский и политический эффект. В сентябре 1921 г. В.И. Ленин, в частности, писал А.А. Иоффе, направленному в Туркестан и Семиречье от ЦК партии по поводу создаваемого в Крае союза бедноты: «Его состав? Значение? Сила? Роль? Правда ли, что «насилованно» расслаивали туземцев?

...Для всей нашей Weltpolitik дьявольски важно завоевать доверие туземцев; трижды и четырежды завоевать; *доказать*, что мы не империалисты, что *мы* *уклона* в эту сторону *не* потерпим» (выделено в тексте. — С.Р.) [12]. Последовательно и настойчиво проводимое социальное расслоение в казахском обществе в конце НЭПа приобрело заметно более интенсивный характер. Так, выросший в предсоветский период слой бедноты сократился и в конце 1928 г. составил 50 % (в 1925/26 хозяйственном г. — 65,5 %, удельный вес баев сократился с 10 до 7 %, середняков — вырос примерно до 44 с 31,9 %) [13; 277]. Беднота и батрачество подвигались на классовую борьбу различными способами,

немаловажное место среди них занимала эксплуатация социальных обид и зависти, культивирование синдрома бескомпромиссности. Так, в середине октября 1928 г. в соответствии с решением ЦИК и СНЖ КАССР от 27 августа о конфискации имущества баев в 10 из 14 округов в 308 хозяйствах было изъято 74126 голов скота, который был передан неимущим и малоимущим слоям [14].

Именно беднота и середняки, особенно батраки и «пастухи, служили основным источником пополнения рабочего класса, следовательно, наиболее динамично вынуждены были менять не только основной вид занятий, но и образ жизни, стереотипы поведения, учиться встраиваться в совершенно новую атмосферу индустриальной среды. Городскими жителями становились прежде всего те, кто проживал в непосредственной близости от промышленных центров и железнодорожных узлов — вдоль Ташкентской железной дороги, в местах промыслов в Западном и Восточном Казахстане (Букеевский и Семипалатинский уезды). До 95 % таких отходников направлялись на заработки стихийно, причем в 1927 г. их число превысило 21 тыс., из них чуть более 4 тыс. составляли женщины [5; 146].

В то же время из 135152 наемных работников на селе казахи в 1927 г. составили 61175 чел. На начало 1929 г. 130 тыс. батраков и пастухов имели трудовые договоры по линии Союза сельхозработников [История рабочего класса Советского Казахстана: В 3 т. Т. 1. Алма-Ата, 1987. С. 277], т.е. их общее число было значительно выше.

В рамках индустриализации целенаправленно реализовался курс на создание значимого по численности национального рабочего класса. В него входили, в частности, различные стимулирующие инструменты: направление в аулы специальных вербовщиков, первоочередное трудоустройство и приравнивание к членам профсоюзов, обучение на родном языке по облегченной программе, прикрепление к русским и украинским рабочим, направление на курсы ФЗУ, в техникумы, на курсы Центрального института труда, стажировка в развитых индустриальных центрах СССР. В итоге в народном хозяйстве республики удельный вес казахов среди рабочих и служащих с 1927 по 1936 гг. вырос с 30,7 до 41 %, в т.ч. в промышленности — с 17,7 до 43 %, в строительстве — с 8,1 до 37,6 %, на транспорте — с 8,3 до 31,8 %, в совхозах и МТС — с 33,3 до 57,2 % [13; 294–308].

Безусловно, такая коренная перестройка жизнедеятельности значительной части этносообщества не проходила безболезненно: основные трудности представляли языковой барьер, слабая профессиональная подготовка, социально-психологический дискомфорт в связи с резкой сменой организации труда, быта, досуга, взаимоотношений в новых социальных группах и коллективах. Неравноправие в оплате труда, искусственно создаваемые частью руководства, сомневавшегося в целесообразности и даже возможности формирования рабочих кадров из числа казахов, препятствия в создании нормальных жилищно-бытовых условий, получении возможностей для профессионального роста, даже стравливания на межэтнической почве дополняли объективные трудности социальной реструктуризации этноса.

Так, в конце 1927 г. из 2800 рабочих Риддерского завода цветной металлургии казахов было всего 370, среди квалифицированных рабочих — 1. Из-за отсутствия преподавателя на казахском языке фабрично-заводская школа не могла повышать квалификацию национальных кадров. После окончания школы казахи оставались в чернорабочих, первыми подлежали увольнению, получали меньшую зарплату за одинаковую с русскими работу. На VI партийной конференции в ноябре 1927 г. член контрольной комиссии республиканской парторганизации Морозов заявил о положении на Риддере: «...среди рабочих межнациональное недоверие. Русские рабочие проявляют великодержавие... Они не пускают рабочих-казахов жить с собою в одно помещение...» [15].

Аналогичная ситуация была и на других предприятиях, как свидетельствовала печать: «Рабочие, работающие в шахтах, постоянно обижают рабочих-казахов. В заводском комитете нет ни одного представителя казахов. Русские, сидящие в завкоме, казахского языка не знают, и рабочие-казахи не в состоянии поэтому изложить перед ними свои нужды. То же самое и в области охраны здоровья. Доктор не знает казахского языка. Заболевший рабочий-казак не в состоянии толком объяснить свою болезнь. Поэтому рабочие-казахи и не обращаются к доктору за медицинской помощью» [15].

В Карсакпае насчитывалось 3000 рабочих, и казахи-рабочие также выступали в роли дискриминируемых — жили в неотапливаемых бараках, часто зимой и летом — в юртах, не получали спец-одежду. В таких условиях быстро происходила культурная деградация людей — распространялись пьянство, драки, хулиганство. Одновременно росла текучесть кадров. На строительстве Турксиба «положение рабочих весьма скверно. Начинают работу с первыми проблесками утренней зари и кончают только с наступлением сумерек. На вопрос: почему работают более восьми часов? получается ответ: «Заработной платы не хватает на еду». Хуже того. И эта заработная плата не выдается вовремя.

Некоторые рабочие-казахи в течение двух месяцев не могут получить рабочих книжек. Десятники, обязанные защищать права рабочих, не выслушивают заявлений рабочих казахской национальности... Нет ни доктора, ни фельдшера...».

Социальное самочувствие рабочих было неудовлетворительным. Определяя расценки, администрация Турксиба, при поддержке контрольной комиссии, не указывала их в нарядах либо отмечала произвольно, не учитывая действительного качества грунта, что снижало заработки и вызывало естественное недовольство рабочих. 74,5 % конфликтов было связано именно с зарплатой, 54,7 % из них — с необъективным определением норм выработки, сдельных расценок и перемещением в тарифных разрядах [16]. Администрация и подчиненные ей «самоуправленческие» организации стремились в условиях перманентного дефицита средств снизить расходы за счет оплаты труда рабочих, последние же, независимо от национальности, обретали опыт защиты своих интересов. Как правило, он оборачивался стихийными акциями протеста и ожесточением, способным канализоваться в этническое русло.

31 декабря 1928 г. произошел погром казахских рабочих на Сергиопольском участке Турксиба. Как сообщала 27 января 1929 г. «Советская степь», «погромщики били всех, кто попадет на глаза, лишь бы он был казак-киргиз. Разбивали ларьки торгующих казак-киргизов, разбрасывали муку...». Очевидно, основой конфликта послужило социальное озлобление маргинализированных групп рабочих — недавних крестьян, вынужденных бросать свои хозяйства, чтобы выжить в условиях начавшейся коллективизации, обострявшееся ухудшение положения со снабжением рабочих, обративших свой гнев против торговцев, ко всему прочему имевших иную этническую принадлежность. Погромщики, возглавляемые коммунистами-рабочими, освободили также заключенных милицией под стражу преступников [17].

Ближащаяся военная угроза, промышленная отсталость, недостаточный уровень культурного развития народных масс, слабость демократических политических традиций создавали атмосферу благоприятствования административно-командным методам управления, бюрократизации социальной активности людей, формализации гражданской инициативы. Принятие большинством партии перелома конца 1920-х гг., трудовой энтузиазм масс подтверждают вероятность выбора власти в сторону форсированного развития, нежели некой гармонизации множественных интересов различных групп многоукладного общества.

В то же время внешние и внутренние факторы корректировали психологию, социальные надежды и чаяния широких слоев населения, что опосредованно влияло на темпы и методы развития экономики и политической системы, а направления и результаты социалистического строительства также опосредованно подчинялись готовности и способам включения человека в новую практику общественных отношений. «Наша пропаганда, агитация, Красная Армия, избы-читальни, клубы есть колоссальная встряска народа, которая поднимает его на несколько очень солидных ступеней выше», — справедливо подчеркивал Н.И.Бухарин [18].

Г.Саймон в качестве доказательств падения значимости этнической идентичности казахов называл факт их языковой ассимиляции, увеличения русских имен среди казахов и незнания казахами своей истории. В то же время, отмечал он, сохранявшаяся трайбалистская лояльность номадов, клановая солидарность во многих случаях помогали человеку осуществлять успешную карьеру в рамках советского административного аппарата [19].

Идеологизированный характер имели практически все общественные организации. Как, например, выражался в 1924 г. один из авторов «Советской Киргизии», «после заостренного лозунга т. Троцкого «Газ за газ!» вырос Доброхим...». Эта добровольная массовая организация была призвана содействовать «активной обороне пролетариата от военно-химического нападения буржуазии», мобилизуя общественное сознание на биполярный подход и оборонительные цели, одновременно решая также индустриальные задачи. В республике началась масштабная агитация за создание Илецкого хлорного завода, а зимой 1924/25 г. — массовая кампания по сбору средств, на которые в 1925 г. началось его сооружение [20].

В 1924 г. в республике начали появляться ячейки МОПР, а в 1928 г. удалось уже провести I Всеказахский съезд организации. На начало 1929 г. в республике было 63 аульные ячейки этой структуры, призванной осуществлять пролетарскую помощь и солидарность на международной арене, причем из 52 тыс. ее членов активистами можно было назвать половину. Вполне понятно, что именно среди казахов эта организация получила весьма слабое развитие. В Семипалатинском округе, например, казахского актива МОПР не было, а из 27 райкомов работоспособными слыли лишь 7–8, а в округе за год сменились 6 председателей. В кампании зимней помощи заключенным было собрано

более 2 тыс. руб. «Крепите ряды МОПР — тыл мирового Октября!» — призывали плакаты. Комсомол использовался как мобильная и ударная сила в организации многочисленных кампаний: походы против неграмотности и старого быта, демонстрации под лозунгом «В поход за урожаем!», собрания и агитмероприятия, запашка комсомольских десятин и т.п. [21].

Становление нового типа идентичности и коллективной солидарности в той или иной степени поддерживала национальная элита. Так, С.Садвокасов стал автором ряда публикаций, посвященных истории массовых молодежных организаций («Новая дорога молодежи», 1921), проблемам развития казахского национального искусства для масс («О национальном театре», 1926), развитию и становлению системы организованного обучения и воспитания («Проблемы народного просвещения в Казахстане», 1927). Его перу принадлежат посвященные теме юности, любви и морально-этического выбора роман «Сарсенбек», повести «Кульпаш» и «Серебряный колокол», а также многочисленные публицистические выступления.

Народное творчество получило при поддержке государства значительное развитие. Между тем и оно включалось в систему художественных и эстетических координат социалистической действительности и идеологически подкрепляло ее, демонстрируя внушительные преимущества нового строя. На международной выставке в Париже в 1925 г. одно из наиболее сильных впечатлений оставило выступление знаменитого казахского акына А.Кашаубаева: «Музыка совершенно своеобразная по мелодическому складу и ритмике. Подобной ей не найти нигде. Ни одна из соседних народностей, монгольских или славянских, не оставила на ней отпечатка. В то же время сама по себе она представляет чрезвычайно ценный художественный материал» [22].

Список литературы

1. Дониц А.Н. Народонаселение Казахстана. — Кзыл-Орда, 1928.
2. Резолюции и постановления I областной Кирпартконференции. — Оренбург, 10–18 июня. — 1921. ЦДНИОО. Ф. 1. Он. 1. Д. 230. Л. 73.
3. Постановление Оргбюро ЦК РКП (б) по докладу о положении в Казахстане. 14 апреля 1924 г. // КПСС и Советское правительство о Казахстане. 1917–1977 гг. Сборник документов и материалов. — Алма-Ата: Казахстан, 1978. — С. 69.
4. Профессиональные союзы СССР. 1922–1924 гг. Отчет ВЦСПС к VI съезду профессиональных союзов. — М.: ВЦСПС, 1924. — 455 с. — С. 252; Рожков В. Переучет безработных и его результаты в КССР // Советская Киргизия. — 1924. — № 11–12. — С. 99–107; 100, 106.
5. Виленский Е.Л. Ликвидация безработицы и аграрного перенаселения в Средней Азии и Казахстане (1917–1932 гг.). — Алма-Ата: Наука. — 278 с.
6. Из доклада председателя ЦИК КАССР С.Мендешева о работе ЦИК и Совнаркома КАССР // Степная правда. — 1922. — 11 окт.
7. Мирзоян Л.И. О проекте Конституции Казахской ССР. Цит. по: Антология социально-политической мысли Казахстана с древнейших времен до наших дней (в двух томах). — Алматы: Институт развития Казахстана, 2002. — С. 442–449.
8. Цит. по: Аманжолова Д.А. Казахский автономизм и Россия. — М., 1994. — С. 186.
9. О прошлом — для будущего / Сост. А.Г.Сармурзин — Алма-Ата, 1990. — С. 157.
10. Ирмуханов Б.Б. История Казахстана: опыт теоретико-методологического исследования. — Алматы: Наш мир, 2004. — С. 216.
11. ГА РФ. 3316. Оп. 16а. Д. 212. Л. 60, 34–36, 58–59, 88–89, 100, 120.
12. В.И.Ленин — А.А.Иоффе // В.И.Ленин о Казахстане. — Алма-Ата: Казахстан, 1982. — С. 212–213.
13. История рабочего класса Советского Казахстана: В 3 т. Т. 1. — Алма-Ата, 1987.
14. Выселение баев в Казахстане // Власть Советов. — 1928. — 25 нояб. — № 47. — С. 14.
15. Енбекши казах. — 1925. — 17 нояб.
16. Профессиональные союзы СССР. 1926–1928. — М., 1928. — С. 364.
17. Енбекши казах. — 1928. — 5 янв.; 1927. 11 дек.; Советская степь. — 1929/27. 30 янв., 6 февр.
18. Бухарин Н.И. Учителство и комсомол. Доклад на I Всесоюзном учительском съезде // Работник просвещения. — М., 1925. — № 36. — С. 31.
19. Simon G. Nationalism and Policy toward the Nationalities in the Soviet Union: From Totalitarian Dictatorship to Post-Stalinist Society. — Boulder, CO, 1991.
20. Родневич Б. Первоочередные задачи «Кирдоброхима» (хлорный завод в г. Илецкая Защита) // Советская Киргизия. — 1924. — № 8–9. — С. 144–147.
21. Прииртышская правда. — 1929. — 15 янв., 17, 31 марта.
22. 12 и СССР. Концерт национальностей. Очерк В.Ивинга // Огонек. — 1925. — 12 июля. — № 29 (120). — С. 25.

Н.К.Алпысбаева

Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алматы

**КЛАССИФИКАЦИЯ ДОКУМЕНТОВ ФОНДА СОВНАРКОМА КАССР
И ИХ РАЗНОВИДНОСТИ**

Мақалада мұрағатта сақталған Қазақ АКСР Халық комиссарлар Кеңесі қорының (30-қор) құрамындағы құжаттар деректанулық тұрғыдан талданып, түрлеріне қарай жіктеліп, жан-жақты ғылыми сипатталған.

This article is devoted to research analysis of documentary material fund of the Soviet public commissar (f. 30). Author conducts the aspectual categorization and gives the archive document scientific characteristic.

В последние годы существенно повысилась общеисторическая значимость архивных материалов как важных, оригинальных свидетельств об исторической действительности. Исключительную ценность в этом отношении представляет ретроспективная документная информация фонда Совета Народных Комиссаров КАССР, отражающая узловые проблемы истории казахстанского общества советского периода.

Документальные материалы СНК КАССР, отложившиеся в результате его деятельности, хранятся в Центральном государственном архиве Республики Казахстан в Фонде 30 (СНК КАССР), который как комплексный исторический источник до последнего времени не был предметом специального изучения. Поэтому крайне актуализируется источниковедческий аспект изучения его документов. Информативность сосредоточенных в фонде документов уникальна прежде всего по масштабу охвата всей совокупности важнейших фактов, событий, явлений в области социально-экономической, идеологической и культурной сферы жизни общества. Это обусловлено той руководящей ролью Совнаркома, которую он осуществлял.

В решении задач источниковедения большую роль играет классификация исторических источников, углубляющая наши представления о характере связей источника и действительности, источника и историка. Классификация источника базируется на основных свойствах их внутренней природы и является важным этапом в раскрытии закономерностей возникновения источников, способствует выработке принципов их изучения и использования.

Вопросы классификации занимают важное место в работе с архивным комплексом документов, объединенных в фонде Совнаркома КАССР. Проведение классификации материалов фонда Совнаркома дает общее представление о составе и характере составляющих фонд документов, об их взаимосвязи.

Классификация источников может быть различной, в зависимости от преследуемых целей: тематическая, видовая и другие. Видовая классификация разработана преимущественно к системе письменных источников. В источниковедении под видом понимается исторически сложившаяся совокупность источников, которая характеризуется одинаковостью внутренней формы (структурной), вытекающей из единства происхождения, содержания, назначения источника при его создании [1; 3]. Вид рассматривается как феномен исторической реальности и как познавательная категория источниковедения. Выделение больших комплексов источников, обладающих видовой общностью, позволяет увидеть повторяемость свойств источников, что служит основанием выработки общих методов их исследования.

Исследуемые в работе документальные материалы фонда Совнаркома КАССР по своему видовому признаку относятся к делопроизводственной документации. Делопроизводственная документация составляет наиболее обширную группу источников и связана с управлением, т.е. процессом передачи, оценки, преобразования информации, которая осуществляется в форме бумажного документооборота. Документы свидетельствуют и удостоверяют факты, события, права, обязательства, компетенцию, полномочия, подтверждают и доказывают их. Значение документов как исторических источников определяется в зависимости от их роли в общественном развитии и от научно-исторической ценности заключенных в них сведений. Раскрыть содержание делопроизводственной документации — это, значит, установить, по каким отраслям деятельности и знаний, темам, проблемам, вопросам имеются документы.

Рассмотрим материалы фонда Совета Народных Комиссаров КАССР по видовому признаку и проведем дальнейшую классификацию этих материалов с целью определения их разновидности. При изучении делопроизводственной документации большое значение имеет классификация документов в зависимости от тех функций, которые они выполняют в управлении. По этому критерию можно выделить нормативную; организационно-распорядительную; справочно-информационную; плановую; учетную и отчетную документацию [2; 135]. Подобная группировка документальных материалов фонда Совнаркома помогает наметить общие приемы изучения источников и определить значимость каждой из групп.

Переходя к рассмотрению характеристики документов первой группы, следует отметить, что нормативный документ есть акт, устанавливающий компетенцию и род деятельности учреждений, организаций и их структурных подразделений, утверждаемых высшим органом власти. К данной группе, прежде всего, можно отнести положение о Совете Народных Комиссаров КАССР. Положение — документ, определяющий порядок образования, права и обязанности учреждения в целом или его отдельных структурных частей, а также права и обязанности должностных лиц.

Первым актом, определяющим правовое положение Совета Народных Комиссаров КАССР, было «Положение об организации властей», принятое первым Учредительным съездом Советов Киргизской (Казахской. — *А.Н.*) АССР в 1920 г. [3; 125]. Это небольшое по размеру положение чрезвычайно емко по смыслу и количеству содержащихся в нем правовых норм определило статус правительства. Оно установило порядок образования СНК КАССР, его структуру, компетенцию, задачи, формы и методы исполнения, взаимоотношения его с ведомствами.

В 1926 г. 27 марта было принято специальное положение о Совете Народных Комиссаров. Положение 1926 г. состояло из восьми глав, определяющих место Совнаркома в системе высших органов, задачи, права и обязанности, его структуру и компетенцию [4; 6]. В отличие от первого во втором положении в более развернутом виде освещаются порядок деятельности Совнаркома как органа управления. Третье положение о Совете Народных Комиссаров было принято 26 декабря 1930 г. Оно также состояло из восьми глав [5; 4]. На основе вышеуказанного положения был утвержден наказ о порядке деятельности Совнаркома. Он состоит из восьми глав, который содержит перечень вопросов, подлежащих рассмотрению в правительстве. Если первая глава наказа определяла состав и членов Совнаркома, то последующие главы были посвящены порядку внесения вопросов на рассмотрение СНК КАССР (2 глава), повестке заседаний СНК КАССР (глава 3), докладчикам на заседаниях СНК, (глава 4), порядку ведения заседаний Совнаркома (глава 5), порядку подписания подлинников постановлений, принятых СНК, и направления их к опубликованию (глава 6), протоколам заседаний Совнаркома (глава 7), порядку работы совещания председателя СНК КАССР и его заместителей (глава 8). Таким образом, документом, детально регламентирующим компетенцию Совнаркома, явился наказ о порядке работы СНК КАССР [5; 10].

Положение о Народном Комиссариате просвещения от 24 июня 1929 г., положение о Рабоче-крестьянской инспекции от 24 июня 1929 г., положение о Народном Комиссариате финансов от 10 октября 1929 г., положение о Народном Комиссариате здравоохранения КАССР от 17 октября 1929 г. и другие также представляют интерес как исторический источник, определяющий направление деятельности, задачи и компетенцию каждого ведомства.

Положение о комитете по оседанию кочевого и полукочевого казахского населения КАССР при СНК КАССР, утвержденное Совнаркомом от 13 февраля 1930 г., устанавливает основные принципы по оседанию кочевого и полукочевого казахского населения КАССР. Положение состоит из 11 пунктов, каждый из которых раскрывает характер содержания деятельности данного комитета. В этих актах рассматриваются основные принципы организации и деятельности, вопросы ведения, формы и методы работы государственных учреждений.

К документам нормативного вида относятся также постановления СНК КАССР, совместные постановления ЦИК и СНК КАССР.

Под постановлениями подразумеваются предписания общего характера, которыми регулируются существенные вопросы государственного управления. Особенности постановлений определяются в целом их назначением. В постановлениях имеется обширная констатирующая часть и указание на законы, во исполнение которых принимается данный акт. В ряде случаев констатирующая часть может излагать задачи, решаемые данным постановлением. Резолютивная (постановляющая) часть детализирует порядок исполнения, ставит конкретные задания ведомствам, учреждениям, устанавливает сроки выполнения заданий и порядок проверки исполнения. При этом необходимо отметить, что постановления Совета Народных Комиссаров КАССР по социально-экономическим мероприятиям

республики многочисленны. Например, постановления СНК КАССР «О коэффициентах перевода одних видов скота в другой», «Об определении районов вселения лиц, подлежащих выселению», «Об освобождении от обложения сельхозналогом хозяйств, получивших конфискованный скот», «Об определении хлопководческих районов Сырдарьинского округа, подлежащих изъятию», в которых в начале дается ссылка на постановление ЦИК и СНК КАССР от 27 августа 1928 г. [6; 26]. В фонде в основном отложились оригиналы постановлений. Все постановления выполнены на фирменном бланке, вверху, с левой стороны, имеется штамп учреждений, в конце они заверены гербовой печатью, подписаны председателем СНК КАССР или его заместителем, управляющими делами и секретарем СНК КАССР. Они свидетельствуют о законотворческой деятельности данного органа и являются для нас важной категорией документов нормативного характера, освещающих все стороны деятельности Совнаркома. В фонде также отложились проекты постановлений, копий постановлений.

Особое значение имеют совместные постановления, которые принимались тогда, когда необходимо было координировать все усилия для решения проблемы. Это также говорит об усилении диктата партийных органов над государственными. Наиболее частыми с середины двадцатых годов стали совместные постановления ЦИК и СНК КАССР, имевшие директивный характер. Как правило, совместное постановление имеет значительную вводную констатирующую часть, разъясняющую необходимость принимаемых мер и содержащую указание на соответствующие решения высших органов власти, во исполнение которых принимается документ.

Ведущее место в общем комплексе материалов фонда Совнаркома занимает организационно-распорядительная документация, являющаяся наиболее важной категорией документов для этого органа. Организационная документация определяет порядок какой-либо деятельности, в том числе порядок самого делопроизводства, структуру, компетенцию, задачи, формы и методы исполнения, взаимоотношения предприятий, учреждений, организаций. Распорядительная документация служит для реализации управленческой деятельности, основы которой заложены в документах организационного характера. Распорядительная документация представляет продолжение организационной. В фонде организационно-распорядительная документация представлена следующими разновидностями: протоколы, стенограммы заседаний Совнаркома, решения, резолюции, приказы, инструкции, циркуляры, распоряжения.

Деятельность любого учреждения предопределяет в составе его делопроизводственного комплекса протокольную документацию. В фонде Совета Народных Комиссаров КАССР эта группа материалов представлена многообразным и большим объемом документов, различных по содержанию, но общих по внутренней форме. К этой же группе протокольной документации относятся материалы совещаний, созываемых Председателем Совнаркома или его заместителем. Эти материалы являются важнейшими источниками, характеризующими повседневную деятельность Совнаркома. Протоколы — это последовательная запись хода обсуждения вопросов и процесса выработки решений, которые обычно заносятся в протокол. Обычно состоят из двух частей «Слушали» и «Постановили», отражающих постановку и решение возникающих вопросов [7]. По своей внешней форме протокол Совнаркома состоит из следующих элементов: наименование разновидности документов; дата его составления, порядковый номер, состав присутствующих с решающим и совещательным голосом, повестка дня, содержание протокола и, наконец, состав лиц, удостоверяющих протокол. Во всех протоколах заседаний СНК КАССР указан порядковый номер, дата заседания, перечисляются все присутствующие лица. Повестка дня выносится перед протоколом самого заседания. Датировка заседаний СНК КАССР позволяет установить их регулярность. Судя по датам протоколов, Совнарком собирался на свои заседания очень часто, а именно пять или семь раз в месяц. Время проведения заседаний не указано. По степени подробности записи и полноты освещения обсуждаемых вопросов протоколы бывают «глухие» и «распространенные» [7; 465–466]. «Глухие» протоколы содержат только указание о повестке дня и перечисление выступавших. Обычно в таких протоколах вопрос освещен не полно, не показан ход обсуждения вопросов. Протокол называется распространенным, когда в нем приведены не только вопросы и приняты решения, но и выступления в прениях. Данный вид протокола является ценным источником, так как полно освещает ход заседаний СНК КАССР. Среди протоколов заседаний СНК КАССР выделяются опросные протоколы, которые проведены путем опроса. Такие виды протокола относятся к «глухим». В фонде Совнаркома «опросные» протоколы встречаются с 1928 г. По ним можно судить об оперативности в решении тех или иных вопросов. Например, в 1928 г. было проведено с 8 января по 23 декабря 56 заседаний Совнаркома, не считая объединенных заседаний ЦИК и СНК КАССР. Из опросных — шесть. Особенно часто проводились опросные заседания СНК КАССР в 1932 г. Нами подсчитано 47 опросных заседаний Совнаркома. В фонде Совета

Народных Комиссаров (ф.30) в основном сохранились оригиналы протоколов. О подлинности протоколов свидетельствуют исходящие и входящие штампы, отметки о получении документа и его исполнении, а также гербовая печать. Они представляют несомненный интерес для источниковедческого анализа. Все протоколы удостоверялись подписью председателя СНК или заместителя, также секретаря. Протоколы Совнаркома сохранились с приложениями. Распространенные протоколы — особенно ценный исторический источник, но их необходимо тщательно проверить, по возможности сопоставляя с другими видами источников.

Таким образом, информационно насыщенными источниками, раскрывающими основные направления и характер деятельности Совнаркома, являются протоколы его заседаний и материалы к ним. Характерной особенностью большинства протоколов является разноплановость информации, содержащейся в рамках одного протокола. Примером может послужить практически любой протокол такого рода. Так, в протоколе заседания от 19 января 1929 г. зафиксирована информация, относящаяся к вопросам о хлебозаготовках, мероприятиях по закреплению результатов конфискации, культурном строительстве и т.д. Несколько иной характер носят те протоколы, которые целиком посвящены одному вопросу. Значение протоколов Совнаркома как исторического источника состоит прежде всего в том, что именно они раскрывают с особой полнотой и конкретностью содержание и характер деятельности Совета Народных Комиссаров КАССР.

Особой разновидностью организационно-распорядительной документации являются стенограммы. Стенограммы представляют полное и подробное изложение хода заседаний и собраний. Но в фонде СНК КАССР стенограмм сохранилось очень мало. Большую ценность в фонде представляет стенограмма заседаний комиссии Т.Рыскулова по вопросу об устройстве казахов-откочевников. Стенографические отчеты как официальный источник содержат сведения о количественном и качественном составе заседаний. В отличие от протоколов в стенограммах отсутствуют разделы «слушали» и «постановили». В них указывались только фамилии выступавших и давался текст выступления. Стенографические отчеты являются сложными источниками, в которых рассматривается много вопросов, поэтому их нельзя классифицировать по содержанию. В фонде сохранились стенографические отчеты правительства 1928–1929 гг. Содержание стенограмм, условия их возникновения свидетельствуют о том, что авторы докладов должны были не только констатировать и описывать основные факты и события, но и давать им объяснения и оценку, т.е. решать задачи исследовательского характера.

Другая разновидность организационно-распорядительной документации — циркуляры и инструкции. Циркуляры представляют собой письменные распоряжения, рассылаемые подведомственным учреждениям, а инструкции содержат в себе указания, свод правил, устанавливающих порядок и способ осуществления чего-либо. Циркуляры и инструкции составлялись на основании и во исполнение директив вышестоящих органов. Поэтому при работе с данными источниками первоначально изучались все директивные материалы партийных и советских органов, относящиеся к данному вопросу. В качестве примера можно привести следующие циркуляры и инструкции, появлению которых предшествовали постановления партии и правительства.

В 1928 г. 27 августа ЦИК и СНК КАССР приняло постановление «О конфискации байских хозяйств». В развитии этого законодательного акта Совнаркомом республики была разработана инструкция, которая состояла из 38 пунктов и содержала порядок изъятия у лиц имущества, подлежащего конфискации. Каждый пункт данной инструкции четко регламентировал мотивы проведения конфискации. Так, при выселении, указывалось в ст. 1 данной инструкции, у лиц и их семей все имущество, связанное прямо и косвенно с сельским хозяйством, в чем бы оно не заключалось и где бы не находилось, подлежит конфискации, за исключением необходимого для ведения трудового хозяйства, минимума скота и сельскохозяйственного инвентаря. Предметы домашнего обихода, не входящие в состав принадлежностей сельского хозяйства (платье, белье, домашняя утварь, а также предметы питания), конфискации не подлежат. Инструкция установила имущественные показатели хозяйств (пункт 1), подлежащих конфискации, с учетом всех особенностей хозяйственного уклада отдельных районов [8; 145].

Вторая инструкция была принята в дополнение к постановлению ЦИК и СНК КАССР «О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством», опубликована 4 февраля 1930 г. Назначение этого документа разъясняется так: «предлагается в районах сплошной коллективизации провести немедленно, а в остальных районах — по мере действительного массового развертывания коллективизации нижеследующие мероприятия». Эти мероприятия определены в трех разделах данной инструкции. В

первом разделе «Выселение и расселение кулаков» определяется территория выселения и расселения кулаков. Во втором разделе «Конфискация имущества у кулаков» указывалось, что в районах сплошной коллективизации конфисковать у кулаков средства производства, скот, хозяйственные и жилые постройки, предприятия производственные и торговые, продовольственные, кормовые и семенные запасы, излишки домашнего имущества, а также и наличные деньги. В третьем разделе рассматривался порядок расселения кулацких хозяйств [8; 151–152]. Название каждого раздела инструкции показывает способ осуществления данных мероприятий.

В связи с проведением хлебозаготовительной кампании Совнарком республики разослал всем исполнительным комитетам циркулярное письмо от 11 сентября 1929 г. Письмо содержало указание о том, что обязательным является полное выполнение плана хлебозаготовок в южных (Алма-Атинском и Сырдарьинском) округах не позже первого декабря 1929 г., а в остальных округах Казахстана не позже первого января 1930 г. Также большой интерес представляют циркулярные распоряжения Союза Наркомторга о ходе хлебозаготовительной кампании 1927–1928 гг., циркулярные распоряжения Экономического совета РСФСР, Совета труда и обороны СССР о необходимости соблюдения дисциплины в осуществлении руководства хлебной кампанией 1927–1928 гг. В отличие от других видов организационно-распорядительной документации инструкции и циркуляры мало встречаются в фонде Совнаркома.

К данной группе источников относятся также приказы. Приказами вводились в действие постановления общесоюзных органов, высших органов власти и управления. Приказами утверждался личный состав. Так, например, приказом № 1 от 1 марта 1925 г. был утвержден личный состав совнаркомского аппарата. Ими же оформлялись командировки работников аппарата, как, например, приказом № 48 от 24 июля 1931 г. шофера УД (Управление делами. — *А.Н.*) СНК т. Хара с 25 сего июня полагалось отправить в очередной трудовой отпуск сроком на один месяц. Приказами объявлялись всевозможные поощрения и наложения взысканий. Например, на основании вышеуказанного приказа № 48–1 за неоднократное нарушение правил внутреннего распорядка с 26 июля со службы была уволена, без выплаты выходного пособия, согласно ст. 47 п.2 КЗОТ, стенографист канцелярии УД СНК Жиленкова [9; 11]. Как мы видим, большинство сведений, содержащихся в приказах, носит все же отрывочный характер, так как главным в их тексте является весьма краткая постановочная часть. В фонде Совнаркома за 1925 г. отложилось 112 приказов, приказ № 1 имеет датировку от 1 марта 1925 г., последний — № 142 от 23 декабря 1925 г., а за 1931 г. отложилось 83 приказа, приказ № 1 зафиксирован 6 января 1931 г. и последний — № 83 от 31 декабря 1931 г.

Третья группа источников — текущая переписка Совнаркома (телеграммы, радиограммы, телефонограммы). Сюда же можно отнести и письма, заявления, ходатайства, жалобы граждан в государственные и общественные организации.

Переписка Совнаркома КАССР с другими учреждениями составляет обширный, разнообразный и неравноценный материал, при работе с которым, в зависимости от цели исследования, могут представлять интерес разные документы. Она является важнейшей группой делопроизводственной документации. Переписка Совнаркома с учреждениями делится на три основные подгруппы: переписка вышестоящих органов с подчиненными им учреждениями; переписка равных учреждений или учреждений, не находящихся в подчинении друг у друга; переписка нижестоящих учреждений с вышестоящими. Для каждой подгруппы характерны определенные разновидности документов. В состав первой подгруппы входили предписания, распоряжения, запросы. Основной формой переписки равных учреждений были официальные письма, отношения, сообщения. Снизу вверх направлялись рапорты, донесения, представления. Переписки управления делами по жалобам частных лиц, переписка с Наркомторгом, ПП ОГПУ, Наркомфином, НКЗемом о хлебозаготовках, переписка с районными организациями о ходе хлебозаготовок и о борьбе с кулачеством в колхозах, переписка с Крайкомом о ходе посевной кампании в Казахстане, переписки с СНК СССР, РСФСР, СТО Госплана и Центральными Наркоматами по вопросам о землеустройстве в Казахстане, переписки с исполкомами о состоянии откоченности в Средне-Волжском крае и о положении детей Казахстана, переписка с СНК-торгом и РИКаами о ското- мясозаготовках и т.д. имеют большую ценность. В фонде отложилось большое количество переписок управления делами Совнаркома, которые в основном связаны с социально-экономическими переустройствами, происходящими в республике. К документам данного вида относятся заявления, ходатайства, жалобы, письма. Заявления, сохранившиеся в архиве, имеют большое преимущество по сравнению с другими документами, поскольку они, естественно, не подвергались никакой редакторской правке и предстают перед нами во всем многообразии отображения автора документа и того времени. В адрес Совнаркома поступали многочисленные заявления, хода-

тайства, жалобы на неправильное раскулачивание, о неправильной конфискации, о возвращении конфискованного скота и имущества. Главная особенность жалоб, заявлений, ходатайств состоит в наличии сведений биографического характера.

Среди источников данной группы особо можно выделить письма. Письмо — самое распространенное в советское время средство общения между людьми, а также между обществом и властью. Письма рассказывают о положении на местах, о действиях представителей советской власти. Большинство писем — жалобы. Письма периода коллективизации могут дополнить секретные обзоры, такие составлялись для высоких инстанций. В этой связи большой интерес представляет письмо Т. Рыскулова Сталину от 29 сентября 1932 г., от 9 марта 1933 г., письмо О. Исаева Сталину от августа 1932 г. и др. Среди поступивших писем имелись такие, в которых описывались негативные факты. В таких документах проявлялись эмоции людей, личные мотивы, по ним можно судить о настроениях общественности. Эти письма помогают нам объективно рассмотреть данную проблему.

Особую группу документов текущей переписки составляют телеграммы. Телеграммы несут нам также разнообразную информацию и в этом несомненна их роль как источника. Текст телеграммы излагается кратко. По возможности опускаются союзы, предлоги, местоимения, но без ущерба для смысла. Цифровые данные, во избежание искажения, пишутся словами. Знаки препинания обозначаются сокращенно: тчк — точка, зпт — запятая, двтчк — двоеточие, квч — кавычки.

Значительное место в делопроизводственном комплексе занимает отчетная документация. Источники отчетно-информационного характера содержат самый разнообразный материал, являются более сложными в смысле приемов и методов критики и требуют более осторожного подхода. Эти источники обобщают наиболее важные сведения других документов и представляют собой не только обзор, но и анализ происходящих явлений и событий. Отчетно-информационная документация, отложившаяся в фонде Совнаркома КАССР, представлена следующими видами документов: отчеты, отчетные доклады, информационные письма, сводки, обзоры, справки, служебные записки, докладные записки.

К отчетно-информационной документации относятся материалы, появляющиеся в процессе повседневной деятельности Совнаркома. Основная функция таких материалов заключалась в необходимости решения вопросов, возникающих в практической деятельности Совнаркома. Среди материалов этой подгруппы выделяются своей значимостью доклады и докладные записки. Докладные записки, составленные как письмо-ответ на вопросы соответствующего учреждения, представляют в большинстве своем интересные сведения. К. Г. Митяев отмечает, что докладные записки-документы, составляемые в случаях, когда, помимо изложения определенного служебного вопроса, необходимо сделать по нему предложения и вопросы [10; 56]. В фонде Совнаркома КАССР отложилось большое количество докладных записок, по содержанию они разнообразны. Так, например, докладная записка Казхлебторга в Совнарком о хлебозаготовках, докладные записки уполномоченных по обследованию работ районов и колхозов о подготовке к посевной кампании и проведению коллективизации, о нуждаемости в продпомощи и об откочевках в Аулие-Атинском районе, докладные записки НКЗ КАССР по вопросу нормирования трудового землепользования на 1929–1930 гг. (12 апреля 1930 — 25 апреля 1930) и т.д. Как видно из названий, докладные записки всестороннее освещают ход хозяйственно-политических кампаний в Казахстане. Характерной особенностью докладных записок является то, что в заголовках указывался ответ, на чей запрос был подготовлен данный вид документа.

Доклады составляются по более сложным вопросам, нуждающимся в более обстоятельном изложении. Большой интерес представляет доклад председателя Совнаркома о своей деятельности, также доклады Наркоматов о проделанной работе. Фактологическими материалами насыщены информационные доклады. В отличие от докладных записок доклад посвящался конкретному вопросу, проблеме или событию. Доклады представляют большой интерес с точки зрения изложения взглядов какого-то лица, государственного деятеля. Доклады состоят из трех частей: введение с изложением дела, обоснование со ссылками на законодательство и заключение. Так, например, доклад Председателя Совнаркома КАССР Н. Нурмакова «О хозяйственном и культурном строительстве Казахстана» отличается разнообразием информации. Доклад состоит из 29 разделов, каждый раздел посвящен отдельным вопросам хозяйственной жизни (сельского хозяйства, животноводства и т.д.) [11; 217].

Информационная документация, отложившаяся в фонде Совнаркома, выполняет двойную функцию — информации и отчетности. Это объясняется тем, что содержащиеся в данных материалах сведения не только информировали о ходе таких хозяйственно-политических кампаний, как конфискация хозяйств крупных скотоводов, хлебо- и мясозаготовительные мероприятия, насильственная коллективизация, принудительное массовое оседание кочевников, но и содержала результаты проводимой работы. Информационные материалы в фонде подразделяются на сводные информационные до-

кументы, представленные информационными сводками и бюллетенями. В фонде Совнаркома отложились сводки ПП ОГПУ о ходе хозяйственно-политических кампаний, которые направлялись в секретную часть Совнаркома. Специальные сводки, донесения, специальные сообщения, информационные сводки составлялись в виде отчетов и представляли собой единый информационный комплекс, предназначенный для широкого информирования высших органов управления (Совнарком) о политическом и экономическом состоянии республики. Сводки составлялись на 10 дней, месяц, а иногда на год. По сводкам составлялись информационные бюллетени, обобщающие сведения за один месяц или за две недели. Такие бюллетени составлялись только в 1928 г., в фонде сохранились под названием «Информационный бюллетень за 1928 год». Особенностью сводок являются частота подачи информации о ходе хозяйственно-политических кампаний.

В отличие от отчетов, в которых исторические явления отражены в виде цифр, информационные материалы дают текстовое изложение вопросов. Информационные материалы отражают события за самые различные промежутки времени и составлялись на основании обобщения и анализа местных сведений. Положительной чертой документации информационного характера является и то, что многие из них не ограничиваются простой регистрацией итогов какого-либо процесса, а дают характеристику тех условий, которые привели к новым качественным сдвигам.

Основную часть работы с данными источниками занимает критика его содержания. И здесь следует подчеркнуть, что элементы субъективного подхода к описываемым событиям являются свойственными документам данной группы в гораздо большей степени, чем документам нормативным и организационно-распорядительным. Особенно данная тенденция проявляется в докладах и статьях, что делает важным установление авторской позиции в данном вопросе. Помимо выяснения авторской позиции, необходимо выяснить цели и назначение документа (доклада, отчета). Большое значение имеет и то, к какому совещанию, заседанию или съезду данный доклад готовился. Доклад, подготовленный к более представительному совещанию или съезду, проходил более тщательную доработку, согласовывался со специалистами, в силу этого сведения, сообщаемые в нем, более точные и достоверные. В этом случае вышеуказанный доклад Председателя Совета Народных Комиссаров Н.Нурмакова о хозяйственном и культурном строительстве Казахстана, представленный в ЦК ВКП (б), является ценным источником.

Последнюю подгруппу отчетно-информационной документации составляют статистические материалы. Один из наиболее интересных статистических источников — годовые отчеты областных комитетов по оседанию о выдаче продпомощи откочевникам (октябрь 1932 — июнь 1934), отчеты областных комитетов о посевной, хлебозаготовительной кампаниях. Подписывали годовой отчет председатель, главный бухгалтер. Источниками годовых отчетов являются материалы текущей отчетности — квартальные отчеты, а также различные текущие документы: для отчета о ходе сева (дневной работы), для отчета о ремонте сельскохозяйственных машин и инвентаря (в уборочной кампании). Статистическими материалами в фонде представлены статистические сведения по выполнению плана хлебозаготовок по КАССР на 1930 г., квартальные сведения о выполнении плана скотозаготовок, месячные и декадные сведения о состоянии коллективизации в КАССР на 1931 г., сведения о ходе сеноуборочной кампании по Казахстану на 1931 г., сведения о состоянии хлебоуборочной кампании по Казахстану и т.д. Статистические таблицы являются источниками массовыми, требующими специфических методов источниковедческого анализа. Большинство статистических таблиц фонда комбинационные, групповые, как правило, помещаются в качестве иллюстративного материала в текст докладов, отчетов, информационных писем.

Прежде всего проверялась правильность самой таблицы, выявлялись ошибки при суммировании данных, так как в таблицах фонда Совнаркома КАССР нередко случаи арифметических ошибок при подсчете. Так, например, в таблицах, помещенных в обзорах, спецсводках, иногда цифровые данные не совпадают, что создает определенные трудности в исследовании темы.

Следующую группу источников составляет плановая документация. В фонде Совнаркома отложилось большое количество плановых источников. Они представлены так: планы заготовок хлеба, план работ по землеустройству на 1929–1930 гг. в связи со сплошной коллективизацией, оседанием казахского населения, планы о хлебозаготовках, план скотозаготовок за 1931 г., производственно-финансовый план на 1933 г. по оседанию, хозяйственному устройству откочевников и по борьбе с детской беспризорностью, сводный план финансирования мероприятий, хозустройства откочевников, планы устройства откочевников на предприятиях и т.д. Планы, выраженные в количественных показателях, обычно выглядят как простые таблицы, где указаны годы и источники финансирования. Каждый отдельный план по областям представляет собой таблицу с указанием названий районов, где указывается и процент выполнения хлебо- и скотозаготовок. К сводным планам финансирования составлялись краткие пояснения. Датировка плановых источников всегда точна и конкретна и производилась на момент составления документов.

Обширную группу в делопроизводственном комплексе Совнаркома составляет учетная документация, выполняющая функции учета состава Совнаркома. К учетной документации относятся именные списки (список работников Совнаркома), сведения о наличном составе сотрудников СНК, удостоверения личности, анкеты, штатные расписания, ведомость и другие. Незаменимым источником служат, безусловно, штатные расписания и вся связанная с их утверждением переписка. Эти материалы свидетельствуют о сокращении или увеличении штатов совнаркомовского аппарата. Иногда в материалах со штатными расписаниями имеются сведения о количестве работников Совнаркома, о вакансиях, очень редко встречаются характеристики на некоторых работников, выдвигаемых на повышение.

Выделенные нами группы документов неоднородны не только по составу, но и в количественном отношении. Самая малочисленная группа — документация нормативного характера. Более многочисленная группа — организационно-распорядительная, учетная документация. А самая многочисленная и по количеству, и по разнообразию видов документов, входящих в нее, справочно-информационная документация. Нормативные акты и организационно-распорядительные документы (циркуляры, инструкции) теснейшим образом взаимосвязаны, раскрывают не только законодательную деятельность, но и сущность проводившейся ими политики.

По своему видовому признаку отложившаяся в фонде документация относится к делопроизводственной. Разносторонний характер деятельности Совнаркома определил многообразие разновидностей документов, составляющих делопроизводственный комплекс. Материалы каждой из выделенных групп отражают характер и содержание деятельности Совнаркома КАССР.

Список литературы

1. Источниковедение истории советского общества. — М.: Наука, 1968. — Вып. 2. — 502 с.
2. Источниковедение. Теория, история, метод. Источники Российской истории. — М.: Российский гос. гуманитар. ун-т, 2004. — 702 с.
3. Образование Казахской АССР. Сб. док. и мат. / Под ред. д-ра ист. наук С.Н.Покровского. — Алма-Ата: Изд. АН КазССР, 1957. — 368 с.
4. Центральный государственный архив Республики Казахстан. (далее ЦГА РК) — Ф.30. — Оп.7. — Д.15.
5. ЦГА РК. — Ф.30. — Оп.2. — Д.425.
6. ЦГА РК. — Ф.30. — Оп.1. — Д.810.
7. Источниковедение истории СССР / Под ред. И.Д.Ковальченко. Учебник. — М.: Высш. шк., 1973. — 560 с.
8. ЦГА РК. — Ф.30. — Оп.1. — Д.817.
9. ЦГА РК. — Ф.30. — Оп.2. — Д.15.
10. Митяев К.Г. История организации делопроизводства в СССР / Под ред. д-ра ист. наук, проф. А.В.Чернова. — М., 1959. — 359 с.
11. ЦГА РК. — Ф.30. — Оп. 2. — Д.650.

Л.Т.Тілегенова

Е.А.Бөкетов атындағы Қарағанды мемлекеттік университеті

**ТАРИХИ ЗЕРТТЕУЛЕРДЕ САНДЫҚ ТАЛДАУ ӘДІСТЕРІН ҚОЛДАНУ
ПРИНЦИПТЕРІНІҢ МАҢЫЗДЫЛЫҒЫ**

Данная статья посвящена раскрытию возможностей количественных методов в исторических исследованиях. Автор уделяет внимание некоторым принципам, учет которых обязателен при применении данных методов. Особое внимание было уделено раскрытию качественных характеристик количественных показателей, которые эффективны при взаимодействии с другими источниками.

In the article are considered methodological problems of studying of this theme. In particular two sub items have been devoted to disclosing of opportunities of the quantitative methods in historical researches. Pays attention to some principles which account is obligatory at application of these methods. Thus, the special attention has been given to disclosing of qualitative characteristics of quantity indicators which are effective at interaction with other sources.

Бүгінгі күнде Қазақстанның тарих ғылымының алдында, бұрын қалыптасқан идеялық-теориялық, методологиялық негіздердің өзгеруіне орай, тарихи зерттеулердің мазмұнын жаңарту міндеті тұр. Тарихшылар отандық тарихтың көптеген мәселелерін қайта қарап, жаңаша түсіндіруге ұмтылуда. Аталған міндеттің нәтижелі түрде іске асуы, әр түрлі деректерді кең түрде пайдалану жұмыстарына да тікелей тәуелді. Оның әсіресе XIX ғасырдан осы заманға дейінгі Қазақстанның тарихына қатысы бар. Осы дәуірлерде деректердің үлкен қоры қалыптасты. Солардың ішінде сандық мәліметтер ерекше орын алады. Бұл деректер аса үлкен көлемділігімен сипатталғандықтан, оларды бірден зерттеу жұмыстарына пайдалану мүмкін емес. Сонымен бірге сандық мәліметтердің қаншалықты объективті ақпарат бере алатындығын анықтау маңызды. Осыған байланысты, олардың өзін ең алдымен жүйелеу, өңдеу, талдау қажеттіліктері туындайды. Аталған қажеттіліктер, өз кезегінде сандық мәліметтерді тарихи зерттеу жұмыстарына пайдаланудың әдіс-тәсілдерін терең тану және үнемі жан-жақты жетілдіріп отыруды талап етеді.

Сандық мәліметтермен жұмыс жасағанда сандық талдау әдістерін қолданудың маңызы зор. Сандық көрсеткіштерге талдау жасамай тұрып, оларды сол қалпында зерттеу жұмысына пайдалану, қате түсініктерге жол беруі мүмкін. Ал, сандық әдістер деректерді неғұрлым кең түрде қамтып, жүйелеу және өңдеу негізінде, олардың ақпараттық деңгейін барынша жоғарылатады. Бастапқы мәліметтер бере алмайтын ақпаратты сандық талдау нәтижелері арқылы ғана алуға болады. Осы әдістер кеңестік және шет ел тарихшыларының тарапынан қолдау тапты. Бүгінде шет елдерде тарихи зерттеулерде сандық әдістерін қолдану және тарихи информатика мәселелерімен арнайы айналысатын ғылыми-зерттеу орталықтары бар. Отандық тарих ғылымы үшін де аталмыш бағытты дамыту маңызды әрі өзекті. Қазақстан тарихының әр түрлі мәселелері бойынша сандық мәліметтер базасын жасау, олардың ақпараттылығын анықтау, сандық әдістердің тиімділігін көрсету, талдау нәтижелеріне түсініктеме беру жолдарын іздестіру сияқты жұмыстарды кеңейту, ғылым деңгейін одан әрі сөзсіз жоғарылатады.

Қазіргі кезде ғылыми салада интеграциялық үрдістер байқалуда. Тарих ғылымында аталмыш үрдіс тарихи-экономикалық, тарихи-әлеуметтік және т.б. пәнаралық, кешенді зерттеулермен сипатталады. Соған байланысты тарих ғылымына аралас пәндерден келетін әр түрлі ақпараттардың үлкен ағымы жыл сайын ұлғаяуда. Олардың маңызды бөлігін сандық мәліметтер құрайды. Себебі бүгінгі қоғамның кез келген саласын статистикасыз елестету мүмкін емес. Осы жағдай болашақта тарихшылардың алдында сандық мәліметтерді сапалы талдап, оларға объективті түсінік бере білу талабын туындатады.

Сандық талдау әдістерін қолдану тарихи зерттеулерде компьютерлік технологияларды кеңінен пайдалануға жол ашады. Үлкен көлемдегі сандық мәліметтерді талдау — күрделі де қиын және ұзақ уақытты қажет ететін жұмыс. Сондықтан бұл жерде компьютерлік бағдарламаларды пайдалану маңызды. Бүгінде компьютер ақпараттарды өңдеудің ең негізгі құралына айналды. Ол зерттеушінің деректерді жинау, өңдеу, жүйелеу жұмыстарын оңайлатып, зерттеудің жылдам жүруін қамтамасыз етеді. Соған байланысты тарихшылар үшін, көптеген компьютерлік бағдарламалардың ең тиімділерін таңдау, олардың барлық мүмкіндіктерін пайдалана білу тәжірибесін қалыптастыру аса қажет. Ондай

тәжірибенің негізінде тарих ғылымының белгілі бір мәселелері бойынша арнайы бағдарламалар жасауға болатындығын шет елдік тарихшылар өткен ғасырда дәлелдеді. Сол себепті отандық тарихшылардың алдында тарихи зерттеулерде компьютерлік технологияларды пайдалану жолдарын жетілдіру міндеті тұр. Осы міндеттің іске асырылуы, деректанулық талдаудың әдістерін жетілдірумен қатар, Қазақстанның тарих ғылымының халықаралық деңгейде жаңа қырынан танылуына жол ашады.

Жалпы, *сандық талдау* дегеніміз — зерттелініп отырған құбылыстар мен үрдістердің сандық сипатының жүйесін айқындау мен қалыптастыру, және оларды белгілі бір математикалық өңдеуге түсіріп, сол арқылы тиісті сапаның сандық өлшемін ашып көрсетуге мүмкіндік беретін, мән-мағыналық талдаудың негізін жасау [1; 330].

Дегенмен, тарихи зерттеулерде сандық әдістерін қолдану тек қана сандық мәліметтерді есептеумен ғана шектелмейді. Оларды қолданудың тарих ғылымында бірқатар принциптері қалыптасқан. Осы принциптердің маңыздылығын 1928–1941 жылдардағы Қазақстандағы мәдени құрылыстың дамуына байланысты сандық мәліметтерге баға беру барысында қарастыруға болады. Енді, солардың негізгілеріне тоқталамыз. Танымдық көзқарас тұрғысынан алып қарағанда, сандық мәліметтерді өңдеу мен талдаудан *жаңа ақпараттар* алынып жатса ғана, сандық әдістерді қолданудың қажеттілігі болады [2; 62]. Ал егер онсыз да белгілі құбылыстарды математикалық қалыпқа келтіруге талпыну, бұрыннан айқындалған оқиғаларға сандық талдау жасау — негізсіз. Бұдан зерттеуші тек өзінің уақытын ғана жоғалтады. Мысалы, 1-кестедегі Қазақстандағы театрлар санының өсу динамикасын қарастырайық.

1 - к е с т е

1928, 1932–1940 жж. Қазақстандағы театрлардың өсу динамикасы *

Жылдар	1928	1932	1933	1934	1935	1936	1937	1938	1939	1940
Театрлар саны	1	6	15	21	24	26	26	35	38	40

Ескерту. 1. 1929–1931 жылдарға байланысты мәліметтер жоқ. 2. ҚР ОММ. — 698-қ. — 8-т. — 562-і. — 112-п. Социалистическое строительство КазССР за 20 лет... С. 220. Народное хозяйство Казахстана за 60 лет. Стат. сб. — С. 232. бойынша құрастырылды.

Ондағы көрсеткіштерге сандық талдау әдістерін қолданудың аса қажеттілігі жоқ. Республикадағы театрлар санының 1933–1934 жылдардан бастап өскендігі басқа деректерде де айтылған. Сондықтан ол көрсеткіштерді сипаттау барысында жай сандық дәлел ретінде келтірудің өзі жеткілікті.

Сандық талдау барысында объективті нәтижеге қол жеткізу үшін әдіс түрін дұрыс таңдау да аса маңызды [2; 62–64]. Сандық әдістермен жұмыс жасағанда ескеретін басты принциптердің бірі — *белгілі бір міндетті шешуде ең тиімді әдістерді таңдау*. Ол үшін зерттеуші әдістердің логикалық мәнін анық түсінуі қажет. Сонымен бірге зерттеліп отырған құбылыстар мен үрдістердің де мәнін терең түсінгенде ғана дұрыс нәтижеге қол жеткізуге болады [3]. Мысалы, Қазақстандағы жалпы білім беру жүйесінің бесжылдық кезеңдерде мектептермен қаншалықты деңгейде қамтамасыз етілгендігін (2-кесте) талдау барысында орташа көрсеткіштерді қолдану тиімсіз. Себебі талдау жүргізілетін динамикалық қатарлар сәттік қатарлар болып табылады.

Ал, ол қатарлардың бір көрсеткішінің құрамында алдыңғы көрсеткіштің тұтастай енетіндігі, яғни көрсеткіштердің бір-біріне тәуелді екендігі, белгілі. Егер Қазақстандағы мектептер санының І-ші (1927/28–1931/32) және ІІ-ші (1932/33 — 1936/37) кезеңдеріндегі орташа санын есептесек, мынадай нәтиже аламыз: І-кезеңде мектептердің орташа көрсеткіші — 5342; ІІ-кезеңде 7296,8 мектепке тең. Сонда мектеп санының ІІ-кезеңде жоғары көрсеткіштерге жеткендігін көреміз. Дегенмен, осы нәтижелердің негізінде қорытындылар жасау бірқатар қателіктер тудыруы мүмкін. Өйткені ІІ-кезеңнің көрсеткіштерінде І-кезеңнің де үлесі бар. Сондықтан есептелген орташа көрсеткіштер қойылған міндетті шешуде тиімсіз. Одан басқа әдістерді қолдану қажеттілігі туындайды. Солардың бірі орташа абсолюттік өсім болып табылады. Орташа абсолюттік өсім қарастырылып отырған екі кезеңдегі мектептер санының даму жылдамдығын анықтайды. Олар, орташа көрсеткіштер сияқты емес, бір-бірінен тәуелсіз. Есептеу нәтижесі І-кезеңде мектептердің жыл сайын орта есеппен 781-ге өскенін, ал ІІ-кезеңде ол көрсеткіштің 215-ке тең болғандығын көрсетеді. Бұдан шығатын қорытынды: І-кезеңге қарағанда, ІІ-кезеңде мектептерді ұйымдастыру жұмыстары баяулаған. Осы

келтірілген мысалдан сандық мәліметтерге талдау жасауда, әдістерді дұрыс таңдаудың қаншалықты маңызды екендігін аңғаруға болады.

2 - к е с т е

1927/28 — 1940/41 жж. Қазақстан мектептері*

Жылдар	Мектеп саны	Оның ішінде		
		Бастауыш мектеп	Толық емес орта мектеп	Орта мектеп
1927/28	3933	3764	122	47
1928/29	4481	4273	155	53
1929/30	5072	4839	195	38
1930/31	6167	5858	287	22
1931/32**	7057	6723	334	
1932/33	6869	6419	419	31
1933/34	6944	6467	430	47
1934/35	7160	6587	510	63
1935/36	7780	7004	653	123
1936/37	7731	6570	925	236
1937/38***	7871	6448	1104	319
1938/39	-	-	-	-
1939/40	-	-	-	-
1940/41	7757	5289	1770	698

Ескерту. 1. Кесте ҚР ОММ. 698-к., 8-т., 409-і., 56-п. Народное образование, наука и культура в СССР: Стат. сб. — М., 1977. — С. 44–45. бойынша құрастырылды. 2. 1931/32 жылғы орта мектептерге байланысты мәліметтер жоқ. 3. 1938/39 және 1939/40 жылдарға байланысты мәліметтер жоқ.

Сандық әдістерін қолдану барысында үнемі ескеретін басты принциптердің бірі *сандық талдау нәтижелеріне дұрыс түсініктеме беру* болып табылады [2; 65–66]. Бұл тарихи құбылыстар мен үрдістерді объективті тұрғыдан бағалауда аса маңызды. Ондағы басты талап — сандық көрсеткіштерді тарихи мазмұндық деңгейге аударудағы нақтылықпен және тарихи талдаудың сапалық, мән-мағыналық деңгейімен анықталады. Бұл жерде сандық талдау әдістерінің қойылған сұрақтарға қаншалықты жауап бергендігін анық белгілеу аса қажет. Өйткені сандық әдістердің нәтижелері нақты болғандықтан, олар барлық қойылған мәселелерді толығымен шеше алады деп түсіну қате пікір.

Сандық әдістер де, басқа да зерттеу әдістері сияқты, құбылыстар мен үрдістердің мәнін толық, жан-жақты түсіндіре алмауы мүмкін. Мысалы, 1928/29 — 1932/33 жылдарға арналған бірінші бесжылдыққа байланысты жарық көрген сандық мәліметтерде Қазақстандағы мәдени құрылысқа бөлінетін қаржы көлемінің жыл сайын артып отырғандығы ерекше көрсетілді. 1927/28 — 1932 жылдар аралығында аталмыш шараларға жергілікті бюджеттен бөлінетін қаржы көлемі 5,4 есеге дейін өсті [4; 161]. Осы есептеу нәтижесінің негізінде сол жылдардағы мәдени құрылысты қаржыландырудың жоғары қарқынмен дамығандығы жөнінде қорытынды жасауға болады. Бірақ бюджеттегі әр түрлі мәдени салалардың үлесін жеке есептеп қарастырғанда, басқаша пікір туындайды. Мәдени саланы қаржыландыруда ең алдымен білім беру мен кадрлар даярлау шараларына ерекше қолдау көрсету көзделді. 1932 жылғы мәдени шараларға бөлінген жергілікті бюджет көлемінің 56,8 пайызы жалпы білім беру мекемелеріне, 24,1 пайызы кадр даярлауға арналды. Ал, мектепке дейінгі тәрбие, балалар үйі, мәдени-ағарту мекемелері, өнер және т.б. маңызды салалардың үлесіне бюджеттің 19,1 пайызы ғана тиді [4]. Сонда бюджет көлемінің жыл сайын өскеніне қарамастан, мәдениет саласының барлық құрылымдары жеткілікті түрде қаржыландырылмады.

Сонымен қатар осы уақыттағы бюджеттегі жалпы білім беру мекемелеріне бөлінетін қаржының басым болғандығына қарап, бірден білім беруді қаржыландыру деңгейіне оң баға беру де қателіктерге апарайды. Өйткені білім беру жүйесіне бөлінетін қаржы көлемі жыл сайын артқанымен, мектептердің материалдық жағдайы төмен деңгейде қалды. Оның себебін табу үшін, мысалы, 3-кестеде көрсетілген бастауыш білім беру мекемелерінің бюджетін тереңірек қарастыруға болады. Ол үшін мектептердің бюджетінің шығыс бөліктерінің арақатынасын есептейміз.

1927/28 — 1930/31 жж. Қазақстанның бастауыш мектептерінің бюджеттік көрсеткіштері *

	1927/1928		1928/1929		1929/1930		1930/1931	
	абсолюттік көрсеткіш, мың сом	бюджеттегі үлес салмағы, %	абсолюттік көрсеткіш, мың сом	бюджеттегі үлес салмағы, %	абсолюттік көрсеткіш, мың сом	бюджеттегі үлес салмағы, %	абсолюттік көрсеткіш, мың сом	бюджеттегі үлес салмағы, %
Бастауыш білім беру бюджеті	5837,6		8041,4		11757,7		23994,6	
Оның ішінде:								
- еңбекақы	4106,1	70,3	5861,4	72,8	7844,3	66,7	12951,5	54
- шаруашылық шығындар	694,2	11,8	815,8	10,1	1308,4	11,1	2732,6	11,3

Ескерту. ҚР ОММ. 30-к., 3-т., 1082-і., 44–45-п. бойынша есептелді.

3-кестедегі көрсеткіштерді салыстыру нәтижесінде бюджет көлемінің басым бөлігінің тікелей оқытушылардың еңбекақысының есебінен құралғандығын көреміз. Ал оқу-шаруашылық шығындарға бөлінетін қаржы мөлшері айтарлықтай болмады немесе бұрынғы норма бойынша қалды.

Жоғарыдағы мәдени құрылысқа бөлінген бюджет көрсеткіштеріне талдау жасау барысында жалпылама көрсеткіштерді есептеумен ғана шектелудің бірқатар кате пікір тудыратындығын байқаймыз. Сондықтан жалпылама көрсеткіштерді жекелеген сандармен тексеру неғұрлым объективті ақпарат береді.

Кейбір жағдайларда сандық мәліметтерді салыстырмалы түрде пайдалану, түсіндіру қажеттілігі туындайды. Мысалы, 20-жылдардың соңы — 40-жылдардың басындағы Қазақстандағы киноқондырғылардың саны қалаға қарағанда, ауыл-селода жоғары болғандығын көрсетеді (4-кесте).

1928–1940 жж. Қазақстандағы киноқондырғылар *

Жылдар	Киноқондырғылар саны	Оның ішінде	
		қалада	ауыл-селода
1928	92	61	31
1929	149	75	74
1930	268	103	165
1931	387	131	256
1932	508	160	348
1933	683	219	464
1934	827	247	580
1935	834	249	585
1936	881	265	616
1937	900	273	627
1938	959	227	682
1939	1104	313	791
1940	1268	284	984

Ескерту. Кесте ҚР ОММ. — 698-к., 8-т., 214-і., 95-п.; 409-і., 41-п. Социалистическое строительство КазССР за 20 лет. — Алма-Ата, 1940. — С. 158–226. Народное хозяйство Казахстана за 60 лет: Стат. сб. — Алма-Ата, 1980. — С. 233–234. Казахстан союзная республика: Стат. сб. — Алма-Ата, 1937. — С. 115. Народное образование, наука и культура в СССР. Стат. сб. — М., 1977. — С. 397 бойынша құрастырылды.

Бірақ ауыл-селоны киноландырудағы көрсеткіштердің қалаға қарағанда жоғары болуынан, қаладағы киноландырудың деңгейі төмен деген пікір туындамауы қажет. Бұл жағдайда, сандық мәліметтерден басқа, олардың сапалық сипатын ашатын факторларға назар аудару маңызды. Әсіресе территория, қала мен ауыл-селодағы халықтың тығыздығы, жол байланысы және т.б. ерекшеліктер ескерілуі қажет. Халқы тығыз әрі жинақы орналасқан қаланы киноландыру оңай болды. Қалалы жерлерде көбінесе тұрақты киноқондырғылар орнатылды. Ал, ауылдық-селолық елді мекендер

шашыраңқы орналасты және ондағы адам санының, әсіресе ауылдарда өте аз болғандығы белгілі. Сондықтан осындай ұсақ елді мекендер үшін тұрақтыға қарағанда, жылжымалы киноқондырғылардың тиімділігі жоғары болды. Мысалы, 1932 жылы ауыл-селодағы қондырғылардың түгелге жуығы жылжымалы болса, 1937 жылы олардың үлес салмағы — 66 %, 1940 жылы 61 % көрсетті [5, 6]. Тұрақтылармен салыстырғанда, жылжымалы киноқондырғылардың байланыс жолдарының нашарлығы және ыңғайлы көліктердің жоқтығынан, жиі істен шығатыны белгілі. Сөйтіп, жыл сайын киноқондырғылардың саны өскенімен, олардың біразы жұмыс жасамады. Мысалы, Шығыс Қазақстан облысындағы 120 киноқондырғылардың 74-і жарамсыз болған [7]. Сондықтан қаладағы киноқондырғылардың өсімі төмен болса да, ондағы киноландыру сапасы жоғары тұрды деген қорытынды жасаймыз.

Сандық талдау нәтижелеріне түсініктеме беру барысында теріс нәтижелерге оң баға беру жағдайлары да кездеседі. Оны, мысалы, Қазақстанның қалалары мен ауыл-селоларындағы кітапханалардың кітаппен қамтамасыз етілу деңгейін қарастыру барысында көре аламыз (5-кесте).

5 - к е с т е

1928 — 1940 жж. Қазақстан кітапханалары *

Жылдар	Қаладағы кітапхана саны	Ондағы кітап саны	Ауыл-селодағы кітапхана саны	Ондағы кітап саны
1928	99	415 651	138	75 331
1929	101	425 950	151	86 623
1930	110	434 099	163	103 285
1931	119	434 206	171	124 091
1932	125	417 809	184	157 227
1933	145	443 724	211	188 815
1934	177	482 138	253	239 651
1935	199	584 820	363	327 422
1936	204	802 677	940	765 157
1937	326	1 224 000	1747	1 241 700
1938	454	1 591 300	2127	1 628 400
1939	491	1 915 400	2813	2 246 000
1940	547	3 006 000	3387	2 663 000

Ескерту. Кесте ҚР ОММ. — 698-к., 8-т., 409-і., 53-п. Социалистическое строительство КазССР за 20 лет. — Алма-Ата, 1940. — С. 215. Народное хозяйство Казахстана за 60 лет. Стат. сб. — Алма-Ата, 1980. — С. 226 бойынша құрастырылды.

30-жылдардың соңына қарай кітапханалар саны қалада да, ауыл-селода да жоғары қарқынмен өсті. Аталмыш жылдарда кітапханалардағы кітап саны да артты. Бірақ нәтиже әр жерде әр түрлі болды, қаладағы 1 кітапханада орта есеппен 4300 кітап болса, ауыл-селода ол көрсеткіш 783 кітапты құрады. Сөйтіп, ауыл-село кітапханаларындағы кітап санының 1938–1940 жылдары үздіксіз өскеніне қарамастан, ондағы кітап қорының көлемі 1933–1937 жылдардағы көрсеткішті (854 кітап) де сақтап қала алмады.

Осы көрсеткіштердің негізінде ауыл-село кітапханаларының кітаппен қамтамасыз етілуінің қанағаттанарлықсыз жүргізілгендігі жөнінде қорытынды жасауға болады. Дегенмен, бұл жерде басқа да жағдайларды есепке алу маңызды. Өйткені ауыл-селоны кітаппен қамтамасыз етудің баяулауы, бір жағынан, бөлінген кітапты орынды пайдалануға жол ашуы мүмкін деген пікірді тудырады. Себебі алғашқы екі бесжылдық кезінде Қазақстан кітапханалары кітаппен белгілі бір деңгейде жақсы қамтамасыз етілді. Алайда арнайы кең ғимараттардың болмауы салдарынан, көп жағдайда бөлінген кітаптарға орын табылмай, олардың оқырман үшін пайдасы шамалы болды. Бөлінген кітаптарды астық қоймаларында сақтау оқиғалары да кездесті. 30-жылдардың соңы — 40-жылдардың басында да барлық кітапханалардың ғимаратпен қамтамасыз етіліп кетпегендігі анық. Сондықтан ауыл-село кітапханаларындағы кітап санының біршама азаюына оң баға беруге болады.

Сол сияқты қала кітапханаларын кітаппен қамтамасыз ету көрсеткіштерінің жоғары қарқын ала бастауын жетістік ретінде қабылдауға болады. Бірақ ғимарат мәселесін шешпей тұрып, кітап санын орынсыз көбейту әрекетін жетістік емес, ұйымдастыру ісіндегі айтарлықтай қателік деп бағалау орынды. Мысалы, 1937 жылы астанадағы кітапхана санына байланысты, сол кездегі Оқу-ағарту Халық Комиссариатының комиссары Т.Жүргенов ғимараттың тарлығынан, жыл сайын 70–75 мыңға

жуық кітапқа дейін өсіп отыратын кітап қорларын сақтау үлкен қиыншылықтардың тудыратындығын мәлімдеді [8]. Бұл жағдай сол жылдардағы кітапханалардың материалдық базасын жасауда бірқатар сәйкессіздіктерге жол берілгендігін білдіреді. Осы мысал да сандық талдау нәтижелеріне сол қалпында түсініктеме берудің үнемі дұрыс бола бермейтіндігін дәлелдейді.

Алайда, сандық әдістердің тарих ғылымындағы орнын толығымен жоққа шығаруға болмайды. Осы жерде мынадай мәселені ескеру маңызды: сандық әдістерінің сипаттау әдістерімен салыстырғандағы басты артықшылығы — сандық талдау қарастырылып отырған үрдістердің абсолюттік және салыстырмалы өлшемдерін белгілеуге мүмкіндік береді. Дегенмен, бұл сандық әдістерінің сипаттау әдістерінен жоғары тұратындығын немесе олардың бір-біріне қарама-қайшы екендігін білдірмейді. Себебі сипаттау әдісінің де нақтылық, бейнелілік сияқты артықшылықтары бар. Сондықтан да зерттеу барысында аталған әдістердің маңыздылығы бірдей. И.Д.Ковальченконың пікірінше, осы екі әдіс бір-бірімен үйлесім тапқанда ғана, ғылыми зерттеуде үлкен табыстарға жетуге болады [2; 22]. Сол себепті зерттеуде сандық мәліметтермен қатар, басқа да деректерді бірдей қамту арқылы талдау неғұрлым тиімді болып саналады.

Сонымен, қорытындылай келгенде:

- сандық талдау арқылы бұрын белгісіз болып келген жаңа ақпараттар алынғанда ғана, сандық әдістерін қолдану маңызды;
- зерттеу барысында сандық әдістерді дұрыс таңдай білу, талдау нәтижелерінің объективтілігіне тікелей әсер етеді;
- зерттеуде сандық талдау нәтижелеріне түсініктеме беру — жауапты әрі күрделі жұмыс. Ол ең алдымен, талдау барысында қол жеткізілген сандық көрсеткіштердің тарихи-мазмұндық мағынасын ашумен сипатталады;
- сандық әдістерін қолданбас бұрын, зерттелінетін құбылыстар мен үрдістерді теориялық-әдістемелік және нақты-тарихи тұрғыдан неғұрлым тереңірек тану басты міндет болып саналады. Осы міндет орындалған жағдайда ғана сандық талдау нәтижелеріне объективті түсініктеме беру мүмкіндігі туындайды;
- талдау нәтижелерінің ақпараттылығын арттыру үшін оларды басқа да деректермен ұштастыру аса қажет.

Әдебиеттер тізімі

1. Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. — М.: Наука, 2003. — С. 330.
2. Источниковедение новейшей истории России: теория, методология и практика / Под. общ. ред. А.К.Соколова. — М.: Российская полит. энцикл., 2004. — 744 с.
3. Коломейцев В.Ф. Методология истории. (От источника к исследованию). — М.: Российская полит. энцикл., 2001. — С. 106.
4. Казахстан — союзная республика: Стат. сб. — Алма-Ата, 1937. — С. 162.
5. Народное хозяйство Казахстана за 60 лет: Стат. сб. — Алма-Ата: Казахстан, 1980. — С. 233, 234.
6. Қазақстан Республикасының Орталық мемлекеттік мұрағаты (ҚР ОММ). — 698-қ. — Центральное статистическое управление при Совете Министров КССР (1938–1969 гг.). — 8-т. — 562-іс. — 75–78-б.
7. Нұрпейісұлы С. Ауыл мен деревнядағы көпшілік-саясат және мәдениет жұмысы // Лениншіл жас. — 1935. — 12 сәуір. — 3-б.
8. ҚР ОММ. — 30-қ. — Совет Народных Комиссаров КАССР (СНК) (1920–1936 гг.). — 5-тіз. — 834-іс. — 40-п.

К.К.Абдрахманова

Карагандинский государственный университет им. Е.А.Букетова

**ПОВСЕДНЕВНЫЙ ДОСУГ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КАЗАХСТАНА В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД**

Соңғы онжылдықта күнделікті өмір тарихын зерттеу қазіргі тарих ғылымында келешегі бар бағыттардың бірі болып отыр. Осы мақаланың зерттеу нысаны — соғыстан кейінгі жылдардағы Орталық Қазақстан қала тұрғындарының күнделікті мәдени өмірі, қала тұрғындарының бос уақытты өткізу шаралар кешендері.

For the last ten years the studying of everyday life history has become one of the perspective trends in modern historical science. The subject of article is cultural everyday life of urban population of Central Kazakhstan in post-war period. In article author analyses the the complex of leisure measures of urban population of the Central Kazakhstan the post-war period.

В условиях независимости, суверенности и дальнейшей модернизации всех сторон жизни казахстанского общества перед отечественной исторической наукой возникло множество проблем, связанных с пересмотром роли исторической науки в обществе. Одна из важных задач казахстанской исторической науки, которая требует скорейшего решения, — это пересмотр прежних и внедрение новых направлений в историческом исследовании. Незученной проблемой является история повседневной жизни людей в самых разнообразных аспектах. В советское время повседневность не нашла своего массового распространения и фундаментальной разработки, хотя она и рассматривалась. Обращение к этой теме в казахстанской историографии уместно и необходимо, так как оно направлено не на рассмотрение преимущественно вершин развития общества, государства, выдающихся деятелей, а на исследование жизни обычных людей, массы.

Изучение основных форм досуга, интересов и т.д., присущих для горожан Центрального Казахстана в послевоенный период, стали специальным предметом исследования в настоящей статье. Широкое использование ранее не задействованных документальных источников, воспоминаний старожилов городов, а также всесторонний и критический анализ статистических данных позволили проанализировать сферу досуговых интересов городского населения Центрального Казахстана в послевоенный период.

В тяжелые послевоенные годы в советской культуре особое внимание уделялось организации повседневного досуга среди населения через такие его формы, как чтение, кино, клубы, театр и праздники. Партия воспитывала в советском человеке коммунистическое отношение к труду и чувство советского патриотизма.

Для культурного человека было обязательным посещение библиотек. Как свидетельствуют источники, в 1948 г. в Центральном Казахстане работало 42 библиотеки, из них 1 областная, 5 городских, 2 детских, 2 промцентровых, 16 районных и 16 сельских. Кроме библиотек, функционировало 92 избы-читальни [1, л. 6]. В 1951 г. в области насчитывалось уже 63 библиотеки. Из них областных — 1, городских — 9, районных — 9, промцентровых — 4, детских — 8, сельских — 32 [2, л. 63–64]. Среди читательской массы на первый план выдвигались ударники, стахановцы, партийный актив, студенты и учащиеся. Не читать литературу считалось отсталым, некультурным и недостойным для советского человека. В годовом отчете Карагандинского городского отдела культурно-просветительской работы за 1951 г. приводятся статистические материалы по следующим библиотекам: городские, подведомственные, библиотеки горнопромышленных училищ, системы трудовых ресурсов. Общее количество читателей городских библиотек составило 3260 человек. Из них мужчин — 1735, женщин — 1535, членов и кандидатов партии — 905 чел., членов ВЛКСМ — 545, служащих — 1450, рабочих — 1810 чел. По национальному составу: русских — 1745, казахов — 235, украинцев — 215, прочие национальности — 1073 чел. [2, л. 104].

В подведомственных библиотеках в 1951 г. были зарегистрированы 12928 читателей. Из них: мужчин — 7975, женщин — 4953, членов и кандидатов партии — 5075 чел., членов ВЛКСМ — 1295, беспартийных — 5358 чел. По национальности: русских — 7425, казахов — 975, украинцев — 1375, разных национальностей — 3153 чел. По социальному положению: рабочих — 6558 чел., служащих — 6370 [2, л. 105]. В библиотеках горнопромышленных училищ числились 3975 чел. Из них женщин — 1295, мужчин — 2680, членов и кандидатов партии — 975 чел., членов ВЛКСМ — 2001,

беспартийных — 999 чел. [2, л. 106]. Кроме вышеуказанных библиотек, в городах имелось 16 библиотек системы трудовых резервов. Их книжный фонд составлял 32678 экземпляров, где 5795 экз. (17 %) было представлено на казахском языке [2, л. 106].

Среди читателей спрос был на различную литературу. Например, в 1951 г. в городских библиотеках было произведено 116453 книговыдачи. Из них художественной литературы — 77697 (или 67 %), политической литературы — 14979 (или 13 %), разной литературы — 23777 (или 20 %). Подведомственными библиотеками за отчетный год было произведено 525975 книговыдач. Из них художественной литературы — 380510 (72 %), политической литературы — 9725 (2 %), технической — 9825 (2 %), разной литературы — 125915 (24 %). Библиотеками системы трудовых ресурсов за год было выдано 101214 книговыдач. Из них художественной литературы — 24397 (24 %), технической литературы — 46219 (45 %), политической литературы — 21395 (21 %), разной литературы — 9203 (9 %). Следует отметить, что к числу разной литературы относились: научная, учебная, периодика и т.д. [2, л. 115].

Анализ книговыдач показал, что среди читателей большой спрос приходился на художественную литературу — 64 %, тогда как на политическую — только 6 %. Интерес к периодике, научной и учебной литературе составил 21 %, к технической — 7 %. Из художественной литературы среди горожан широкой популярностью пользовались произведения зарубежной и русской классики. Вспоминает А.Ф.Самохина: «Из зарубежной классики мы читали Мопассана, трудно было найти произведения Т.Драйзера. Их можно было достать только через райком партии. В целом, помимо зарубежной литературы, мы читали и произведения русской классики: «Молодую гвардию» А.А.Фадеева, «Тихий дон» и «Поднятая целина» М.А.Шолохова. Очень любили приключенческую литературу, сказки» [3].

Интерес к приключенческому жанру являлся общей тенденцией в Советском Союзе в послевоенное время. Российский исследователь Е.Ю.Зубкова связывает это, во-первых, с «омоложением возрастного состава читателей, во-вторых, со своеобразной психологической реакцией отторжения от послевоенной реальности». Так, в литературе приключенческого жанра, сказках люди находили своеобразное утешение [4; 48]. Интерес к периодике был обусловлен тем, что в газетах и журналах освещались наиболее злободневные и актуальные проблемы. Здесь можно было почитать новости, получить информацию о различных мировых событиях и т.д. Спрос на учебную и научную литературу был связан с ростом количества учащихся, т.е. учеников средних школ, ФЗО, профессионально-технических училищ, училищ, институтов. Наименьший спрос приходился на чтение политической литературы.

Анализ читателей городских библиотек по половой принадлежности выявил, что наиболее высокая посещаемость приходилась на мужчин, которая в среднем составила 61 %, тогда как на женщин — 39 %. Основными читателями являлись не только члены и кандидаты партии, но и беспартийные лица, не имевшие право быть членами коммунистической партии вследствие своего «социального происхождения». Низкий процент читателей среди казахского населения был обусловлен тем, что большая часть литературы была на русском языке.

Ежегодно библиотеками проводились книжные выставки, посвященные советской литературе, знаменательным политическим датам, праздникам и т.д. В частности, в 1948 г. библиотеками Караганды, Каркаралинска, Балхаша, Темиртау было проведено 442 книжные выставки. Из них 75 % на темы политического характера: «Лауреаты сталинской премии», «Новинки политической литературы», «30 лет ВЛКСМ», «Сталинская конституция», «Сталинские стройки коммунизма», «День парижской коммуны», «Ко дню выборов в местные Советы депутатов трудящихся», «США — центр мировой реакции», «Караганда в 4-й Сталинской пятилетке», «30 лет Советской Армии»; 15 % — выставки литературного направления, посвященные И.В.Мичурину, А.М.Горькому, «55 летию со дня рождения Маяковского», а также различным новинкам художественной и научно-популярной литературы, в том числе казахской; 10 % — выставки, посвященные праздникам (1 и 9 Мая, Международный женский день 8 Марта, 7 Ноября и т.д.) [1, л. 8–9]. По темам «Советский Союз — знаменосец мира и демократии», «Великая стройка коммунизма», «Подъем сельского хозяйства Казахстана» и прочее были подготовлены фотомонтажи [2, л. 63–64].

Основная работа библиотек была направлена на повышение культурного уровня. С целью популяризации советских писателей часто проводились литературные встречи и конференции по актуальным произведениям. Например, литературные вечера, посвященные Н.А.Некрасову, И.А.Крылову, а также отдельным произведениям советских писателей. В частности, особую популярность среди горожан имели такие произведения, как «Сталь и шлак» В.Ф.Попова, «От всего сердца» Е.Мальцева [2, л. 63–64]. В библиотеках часто устраивались конференции, где обсуждались произведения Ильина

«Сын полка», «Клятва», «Четвертая высота», П.П.Вершигоры «Люди с чистой совестью», Калинина «Товарищи», Гончарова «Знаменосцы», Павленко «Счастье» [1, л. 8–9]. Актуальными темами во всех библиотеках считались: «Образ Ленина в художественной литературе», «Советские писатели о молодежи», «Жизнь и деятельность И.В.Сталина», «Образ советского молодого человека в художественной литературе», «Сталин и Ленин в художественной литературе», «Советский суд и художественная литература».

В 1951 г. во всех городских библиотеках были проведены читки и конференции по книгам Г.Мусрепова «Солдат из Казахстана», В.Ажаева «Далеко из Москвы», А.А.Фадеева «Молодая гвардия», М.А.Шолохова «Тихий Дон», а также читки о З.Космедейской, Шота Руставели, о Н.Г.Чернышевском, М.Ю.Лермонтове. В детских библиотеках проводились читки с тематикой «Тимур и его команда» А.Гайдара, «Сказки А.С.Пушкина» и т.д. [2, л. 104]. В 1952 г. были организованы читки по новой книге Г.Мустафина «Караганда», в 1953 г. — по роману Г.Мусрепова «Пробужденный край», посвященным становлению и развитию шахтерской столицы. В библиотеках были собраны папки с вырезками из газет по темам: «Знатные люди Караганды», «Критика и библиография о вышедших книгах» и т.д. [1, л. 9]. При городских библиотеках функционировали лектории, где раз в неделю читались лекции на различные темы: «Великая Сталинская конституция», «Наука и религия о происхождении человека», «Сталинские стройки коммунизма» и т.д. [2, л. 63–64]. В целом только за 1951 г. было проведено 6725 читок с охватом населения в 206995 чел. [1, л. 9]. В городских библиотеках были открыты комнаты для самостоятельных занятий. Сюда приходили студенты, заочники, учителя, пропагандисты. Комнаты были оборудованы специальной мебелью, столами, креслами, стульями, настольными лампами [1, л. 8–9].

Массу трудностей и неудобств создавало отсутствие специализированных помещений для городских библиотек. Например, городская детская библиотека г. Караганды, имевшая более 16000 книг и 5650 читателей, занимала площадь в 40 кв.м. Вследствие этого абонемент и читальный зал помещались в одной комнате [1, л. 6]. В очень тесном помещении располагалась городская библиотека № 1 Сталинского района г. Караганды, которая имела свыше 10 тыс. экземпляров книг (из них более 3 тыс. экземпляров на казахском языке) и более 1 тыс. читателей. Библиотека располагалась в двух маленьких комнатах общей площадью 24 кв.м, где хранился весь книжный фонд и находился зал выдачи книг. Аналогичная ситуация была характерна и для городской библиотеки № 3 Шахтинского района, библиотеки г. Каркаралинска и т.д. [2, л. 63–64]. Библиотеки трестов «Сталинуголь», «Ленинуголь», «Кировуголь» находились в помещениях площадью всего 12 — 18 кв.м [2, л. 104]. Детская библиотека г. Балхаша представляла собой подвал с низкими потолками, проходящими трубами парового отопления и цементным полом. Температура помещения постоянно была высокой, и оно плохо вентилировалась [2, л. 130].

В целом, несмотря существующие проблемы, городские библиотеки проводили огромную просветительскую работу среди населения. Для полного охвата населения постоянно организовывались передвижные библиотеки, проводились выставки, читки, конференции и т.д.

Важную роль в организации досуга выполняли клубы и кружки, которые занимались не только культурно-просветительскими мероприятиями, но и политическим воспитанием горожан. При каждом клубе функционировали кружки художественной самодеятельности, где имелись директора и художественные руководители [2, л. 155]. В июле 1945 г. впервые в Караганде был открыт областной смотр художественной самодеятельности, посвященный 25-летию Казахской ССР, где приняли активное участие рабочие многих промышленных предприятий, школ, ФЗО области [5; 50]. В 1948 г. при Балхашском медеплавильном заводе были открыты драматический и хореографический кружки, а также хоровой ансамбль и духовой оркестр. За год ими было поставлено свыше 100 концертных программ [5; 61]. В клубе ремесленного училища № 2 учащимися ФЗО и ремесленных училищ трудовых резервов Караганды были организованы Олимпиады художественной самодеятельности. Здесь прозвучали казахские народные мелодии, кюи Курмангазы, песни «Сұржекей», «Қарғаш», «Бламай Сай» [5; 63].

В марте 1951 г. с целью участия во Всесоюзном конкурсе художественной самодеятельности рабочих и служащих в г. Караганде был проведен городской смотр, где приняло участие 116 кружков художественной самодеятельности, охвативших свыше 730 участников, в том числе: певцов — 110 человек, музыкантов — 23, чтецов — 54, танцоров — 28, акробатов — 12 и т.д. В репертуаре хоро-вых коллективов и отдельных исполнителей преобладали песни советских композиторов о Родине, мире, на темы социалистического труда, дружбы народов, русские народные песни [2, л. 18]. В летний период для организации культурного досуга молодежи организовывались массовые гулянья,

встречи с передовиками производства, спортивные игры и т.д. В клубах также организовывались секции детской художественной самодеятельности, проводились школьные конкурсы и фестивали [2, л. 18].

Людям нравилось проводить досуг в клубах. Там они отвлекались от насущных проблем и радовались жизни. На примере клуба шахты им. Кирова можно проследить рабочую обстановку, которая была передана корреспондентом в газетной статье: «Внутри уютно и тепло. Картины, люстры, мебель — все как бы приглашает к отдыху. В работе драматического кружка под руководством М.С.Ручкиной-Чудновской 14 человек. Они репетируют постановки «Поздняя любовь» А.Островского, «В начале мая» Ленча, «Таня» Арбузова. Большой популярностью пользуется хор в составе 60 человек. Мощно звучит в исполнении хора «Кантата о Сталине», «Мы за мир», «Шахтерская песня». Из полуоткрытой двери музыкального кружка слышатся звуки гавайской гитары» [5; 76].

Игра на музыкальных инструментах и пение были самыми распространенными формами художественной самодеятельности. Популярными были гармонь, пианино, гитара, балалайка, домбра, кобыз и т.д. Песни послевоенных лет, несмотря на то, что носили идеологическую окраску, были насыщены радостным энтузиазмом, уверенностью в будущем и патриотизмом. Слова и мотивы советских песен вдохновляли людей на подвиги и на труд. Их пели с большим удовольствием в семейном кругу, на демонстрациях и т.д. В связи с этим песни внедрялись в систему досуга молодежи очень легко.

Любимым национальным развлечением городского населения Центрального Казахстана были айтысы. Песенные соревнования устраивались ежегодно и проводились между районными и городскими акынами, а также между представителями заводов и трестов. Желавших поучаствовать или просто быть зрителем на айтысах всегда было много. В 1945 г. в Казахском драматическом театре состоялся айтыс между представителями двух трестов — «Кировуголь» и «Сталинуголь». От треста «Кировуголь» выступал К.Елеуов, от «Сталинуголь» — Жолдыкей Нурмагамбетов. После айтыса с концертной программой выступила народная артистка Казахской ССР Жамал Омарова со своим ансамблем [5; 48].

В 1946 г., в день выборов в местные советы депутатов трудящихся, на избирательном участке № 135 в красном уголке состоялся айтыс народных акынов — Кошена Елеуова и Картая Ермекпаева, где собрались более 300 человек. Это горняки шахты и члены их семей [5; 83]. «В 1948 г. в честь Дня шахтера в зале клуба шахты № 20 состоялся айтыс между коллективами шахт № 20 и 20-бис. Зал был переполнен. Акыны А.Кошумов и М.Байсеитов воспевали «Советскую Родину, могучую большевистскую партию, любимых вождей и учителей тов. Сталина и Ленина» [5; 64].

Среди всех массовых мероприятий для городского населения наибольшую популярность имело кино. В 1950 г. в Караганде функционировали кинотеатры «Казахстан» и «Октябрь». В г. Балхаше — «Первомайский» и «Ударник», в Каркаралинске — «Искра» [6, л. 24]. Киносеансы были дневные и вечерние. В связи с тем, что имеющиеся кинотеатры не могли полностью охватить население, на местах организовывались сезонные кинотеатры для рабочих промышленных предприятий, заводов и фабрик Балхаша, Темиртау и прочих рабочих поселков. Цены на билет в кино в промышленных городах в среднем составляли: взрослый билет на сеанс 4,30 руб., детский — 1,50 руб. Немного дешевле стоили билеты в г. Каркаралинске — 3,50 руб. и 1,20 руб. соответственно [6, л. 24]. Попастъ в кинотеатр было сложно. Житель г. Караганды М.Р.Иманкулов вспоминает: «В то время центром досуга был кинотеатр «Октябрь». Билет достать на сеанс было очень сложно, иногда дело доходило до драки. Особенно когда показывали «Тарзана». Чтобы попасть на сеанс, приходилось доставать билет по «блату». Зал кинотеатра заполнялся до предела» [7].

В это время в кинотеатрах города показывали такие художественные фильмы, как: «Кавалер Золотой звезды», «Кубанские казаки», «Щедрое лето», «Мичурин», «Мы за мир», «Великий перелом», «Донецкие шахтеры», «Клятва», «Ленин и Октябрь», «Ленин в 1918 г.», «Она защищает Родину», «Партийный билет», «Повесть о настоящем человеке», «Падение Берлина», «Сын полка», «Сельская учительница», «Сталинградская битва», «Подвиг разведчика», «Тарас Шевченко», «У них есть Родина», «Чапаев», «Корабли штурмуют бастионы», «Зоя», «Джамбул» и т.д. [6, л. 96].

В целом с точки зрения советской идеологии это были «политически выдержанные» фильмы. В советское время кино являлось мощным средством агитации и пропаганды, так как именно фильмы способствовали укреплению советской мифологии в сознании людей. Как ни странно, несмотря на то, что советский мир в кино был далек от реальности, это не раздражало зрителя. Кино было чудом, от которого никто не требовал правды. Основным сюжетом советских фильмов была борьба на социалистическом фронте, великие коммунистические стройки, промышленные соревнования, выпол-

нение производственных планов, советские колхозы. Героями фильмов были простые механики, трактористы, доярки, труженики и т.д.

Ярким примером был кинофильм «Кубанские казаки» из жанра комедии, имевший широкую популярность в послевоенное время. Послевоенная советская деревня была показана в нем всеми яркими красками. Люди этой деревни жили, не зная никаких проблем, весело и радостно, в полном изобилии. В действительности, этого не было и не могло быть, особенно в послевоенное время. В работе Е.Ю.Зубковой приводится интервью журналиста с одной из участниц съемок фильма «Кубанские казаки», которая рассказывала: «Картина воспринималась нами как сказка о хорошей жизни. На самом деле не было этого изобилия. Нарядные парни и девушки в кино были голодны, а представленное здесь продуктивное изобилие было не что иное, как муляжи. Но мы верили всему этому, а самое главное надеялись. Если б в кино показывали тоску, то как бы нам жилось. И так было тяжело. Кино нас успокаивало, вдохновляло» [4; 49].

Для детей показывали такие мультфильмы, как «Серая шейка», «Федя Зайцев», «Девочка в цирке», «Слон и муравей», «Лев и заяц», «Гуси-лебеди», «Ночь перед рождеством», «Аленький цветочек», «Каштанка» [6, л. 96].

Определенное место в повседневной жизни горожан занимал театр, который выполнял важную задачу в массовой культурно-воспитательной и идеологической работе. В Старом городе Караганды функционировал русский драматический театр, который был основан в 1940 г. В годы Великой Отечественной войны театр выступал в эвакогоспиталях, рабочих коллективах шахт и рудников. В послевоенный период театром была продолжена культурно-массовая работа среди населения. В 1945 г. Областной русский драматический театр дал в Караганде 79 спектаклей, 20 шефских концертов [5; 51]. Вниманию зрителей театра были предложены спектакли на различные темы: «Испанский священник» Д.Флетчера, «Вилла Форелли» Л.Кермана, «Так и будет» К.Симонова, «Генерал Брусилов» И.Сельвинского, «Секрет красоты» К.Финна, «Раскинулось море широкое» В.Вишневого, «Последние» М.Горького и т.д. [5; 52]. В 1946–1953 гг. репертуар театра значительно расширился. Были поставлены спектакли на различные жанры по пьесам русских и зарубежных классиков. В частности, это премьеры: «Глубокая разведка» А.Крона, «Ночное радио» Л.Шейнина, «За тех, кто в море» Б.Лавренева, «Проделки Скопена» Ж.Мольера, «Под каштанами Праги» К.Симонова, «Дама с камелиями» А.Дюма [5; 55], «Хрустальный башмачок» П.Габбе, «Испанцы» М.Лермонтова, «Бесприданница» А.Островского, «В наши дни» А.Успенского, «Разлом» Б.Лавренева, «Встреча с юностью» А.Арбузова, «Собака на сене» Лопе де Веги, «Хозяйка гостиницы» К.Гольдони [5; 60], «Жили три друга» А.Успенского, «Ромео и Джульетта» У.Шекспира, «Вас вызывает Таймыр» Исаева и А.Галича, «Бешеные деньги» А.Островского [5; 66], «Особняк в переулке», «Мещане» М.Горького, «Последняя жертва» А.Островского [5; 71], «Счастье» П.Павленко, «Отелло» У.Шекспира [5; 78], «Свадьба с приданым» Н.Дьяконова, «Девушка с кувшином» Лопе де Веги, «Зеленый рай» О.Васильева, «Семья» И.Попова [5; 82], «Любовь Яровая» К.Тренева, «Два капитана» В.Каверина, «Сердце не камень», «Женитьба Белугина» А.Островского и т.д. [5; 87].

Посещение кинотеатров для людей было радостным моментом. Вспоминает жительница г. Караганды А.Ф.Самохина: «Мы часто любили ходить по коллективным билетам в кино и театры. В большинстве, театральные постановки проходили на сценах Летнего театра и Каздрамтеатра в Старом городе. К нам с гастролями приезжали артисты из московского, омского, алматинского театров и т.д. И мне посчастливилось посмотреть такие оперы, как «Князь Игорь», «Мазепа», «Легенда о докторе Фаусте» и оперетты — «Свадьба в Малиновке», «Трембита», «Сорочинская ярмарка» [3].

Наряду с русским драматическим театром горожане посещали и областной Каздрамтеатр. Здесь ставились постановки на казахском и русском языках. В 1945 г. на сцене театра прошла юбилейная постановка пьесы «Абай», посвященная 100-летию со дня рождения великого казахского поэта Абая Кунанбаева [5; 55]. Успешно прошли спектакли «Майдан» Б.Майлина, «Қызыл сұңқарлар» С.Сейфуллина, «Кек» И.Джансугурова, «Ақан сері — Ақтоқты» Г.Мусрепова [5; 55], «Алтын алқа» Акижанова, «Мен совет дәрігермін» Субханбердина [5; 60], «Дударай» А.Хангельдина, «Миллионер» Г.Мустафина [5; 66], «Гүлден, дала» А.Тажибаева [5; 82].

Важным событием были сценические постановки спектаклей на темы казахских фольклорных произведений Г.М.Мусрепова «Қозы-Көрпеш — Баян сұлу», М.О.Ауэзова «Еңлік — Кебек», «Айман — Шолпан» [5; 70], а также народной героической пьесы «Қара-Қыпшақ-Қобыланды» и т.д. [5; 51].

На совершенствование профессионального мастерства актеров оказал влияние коллектив Украинского театра им. Леси Украинки, эвакуированного в Караганду в 1940-е гг. Режиссеры Ю.А.Сума-

роков и Д.Б.Серебряник осуществили постановки спектаклей «Ковер Джомарта» [5; 49], «Алтын алка», «Гвардия чести», «Встреча в темноте» [5; 60].

В 1949 г. было принято решение Карагандинского облисполкома № 262 от 6 мая «О строительстве Летнего театра в г. Караганде». Строительство театра длилось в течение 2 месяцев. В газете «Социалистическая Караганда» это событие описывалось так: «45 дней назад здесь еще была степь, пустырь, сейчас между гостиницей и Детским парком стоит величественное сооружение — Летний театр. Закладка фундамента была начата с 1-го июня. Трест «Промжилстрой» работал круглосуточно, чтобы 16 июля шахтеры Караганды имели возможность смотреть спектакль Академического театра оперы и балета им. Абая. Зрительный зал рассчитан на 800 мест. Трудящиеся Караганды с радостью приняли это замечательное сооружение» [5, 68]. На сцене Каркаралинского театра ставились такие постановки, как «Солдатская клятва», пьесы «Дед и внук» Абишева, «Старые друзья» Малюткина и т.д. [5, 59].

За вклад в искусство артистам Карагандинских театров З.Кошубаеву, Ж.Шашкиной, А.Мусабекову, А.Шаймерденову, З.Жакупову, М.Бектенову, М.Абдыкаримову, М.Суртибаеву, А.Шанину, П.Труханову, Н.Борзовой было присвоено звание заслуженных артистов Казахской ССР, их наградили Почетными грамотами Верховного Совета Казахской ССР [5; 51].

С целью приобщения масс к театральному искусству коллективы театров постоянно выступали на различных городских мероприятиях, а также отправлялись на гастроли с концертными программами в промышленные и отдаленные районы. В 1947 г., в дни подготовки к выборам в Верховный Совет Казахской ССР, артистами театров города было дано 216 концертов, на которых присутствовало свыше 4 тыс. избирателей. В репертуаре концертных бригад были стихи Исаковского, Михалкова, Лебедева-Кумача. Областным театром музкомедии была показана оперетта композитора Стрельникова «Холопка» [5; 56].

В шахтерскую столицу постоянно приезжали с гастролями творческие коллективы из Москвы, Омска, Архангельска, Алма-Аты и т.д. Наиболее частыми гостями были труппы Алма-Атинского театра оперы и балета им. Абая и Казахского государственного ордена Трудового Красного Знамени театра драмы с участием заслуженных артистов Казахской ССР З.И.Колтона, Х.Букеевой [5; 54], лауреатов Сталинской премии К.Джандарбекова, Р.Абдуллина, К.Байсеитовой, главного дирижера Г.Дугашева, главного балетмейстера, заслуженного артиста РСФСР, лауреата Сталинской премии М.Ф.Моисеева и т.д. [5; 75].

В 1951–1953 гг. Алма-Атинским театром оперы и балета им. Абая на сцене Дворца горняков, Летнего театра были поставлены такие спектакли, как «Кыз Жибек», «Алтын шаш», «Абай», «Биржан и Сара», «Жалбыр», «Евгений Онегин», «Чио-Чио сан», «Травиата», «Русалочка», «Мазепа», «Пиковая дама» [5; 75], «Бахчисарайский фонтан», «Ромео и Джульетта» и т.д. [5; 80].

В 1949–1952 гг. с гастролями в Караганду и Темиртау приезжали артисты Омского театра музыкальной комедии. Гостями были показаны: «Беспокойное счастье» Ю.Милюткина, «Вольный ветер» Дунаевского, «Верный друг» Соловьева-Седого, «Ясный сокол» Рябкова [5; 69], «Сорочинская ярмарка», «Душенька» И.Носова, а также водевиль «Лев Гурыч Синичкин», «Девичий переполох» Ю.Милюткина и т.д. [5; 81].

Прекрасной формой проведения досуга для горожан Центрального Казахстана были концерты, которые устраивались на сценах Летнего театра, Дворца горняков, шахтерских клубов и т.д. В 1945 г. в Караганде гастролитировал Красноармейский ансамбль песни и пляски пограничных войск НКВД Казахского военного округа под рук. Б.А.Орлова [5; 49]. В 1947 г., при участии народной артистки Казахской ССР З. Жубатовой и заслуженного артиста Казахской ССР Сагандыкова, выступил шахтерский джаз-ансамбль Карагандинского угольного бассейна [5; 56]. В марте 1950 г. в городах Центрального Казахстана состоялись гастроли концертной бригады мастеров из Москвы. В составе бригады была народная артистка РСФСР В.Д.Бендина, заслуженные артисты РСФСР А.И.Горюнов (лауреат Сталинской премии), Н.У.Алисова, С.А.Мартинсон, Е.К.Межерауп, И.М.Яушев [5; 71].

Государственный Архангельский русский народный хор северной песни порадовал шахтеров Караганды, металлургов Темиртау и железнодорожников станции «Караганда-Сортировочная» новыми песнями и частушками [5; 71].

В феврале 1952 г. с концертной программой выступил Сибирский хор Омской областной филармонии во Дворце культуры горняков Караганды, затем в Темиртау и Балхаше [5, 78].

В 1953 г. своим приездом порадовала жителей г. Темиртау известная казахская певица Роза Багланова. Особое впечатление на зрителей произвели песни «Знаменосец мира», «Узбекская песня», «Ах, Самара, городок» и т.д. [8].

Среди массовых форм отдыха популярными и любимыми у горожан было посещение городских парков отдыха, народные гулянья, танцы и праздники. В 1948 г. в г. Караганде был открыт Центральный парк культуры и отдыха общей площадью 170,4 га. На его территории были расположены 3 озера, 70 досуговых объектов, 47 аттракционов и детская железная дорога [5; 63]. В г. Темиртау первый парк культуры и отдыха начал работать согласно решению Карагандинского облисполкома № 214 от 11 апреля 1950 г. [5; 71]. В г. Каркаралинске в парке культуры и отдыха были расположены Летний театр на 400 мест и танцевальная площадка [5; 72].

Из всего сказанного выше следует, что в послевоенные годы в городах Центрального Казахстана сформировались традиционные для сталинской эпохи формы и способы проведения свободного времени горожан. Досуг для людей являлся своеобразным отвлечением от существующих повседневных проблем. Люди стремились наладить не только свой быт, но и восстановить некоторые формы проведения свободного времени, которые не практиковались или были сведены к минимуму.

Весьма распространенной формой проведения досуга было посещение и участие в кружках художественной самодеятельности. Регулярно между рабочими шахт, заводов и прочих промышленных организаций устраивались состязательные конкурсы и показательные концерты, которые проходили на сценах парка культуры и отдыха, Дворцов культуры, клубов и т.д. Жители шахтерской столицы, Темиртау, Балхаша, Каркаралинска с огромным удовольствием посещали айтысы, которые являлись национальной формой проведения досуга. Излюбленным способом проведения свободного времени среди городской молодежи были вечеринки с танцами, которые устраивались в городских парках под аккомпанемент духового оркестра. Особый интерес горожан вызывало посещение кинотеатров. Революционная, военная, приключенческая тематика являлись сюжетами советского кино, которое стало неотделимым атрибутом жизни тех лет. Посещение театров было весьма популярным времяпрепровождением не только образованных слоев населения, местные профсоюзные и партийные организации в рамках мероприятий по повышению уровня культуры среди рабочих пытались разбудить интерес к театральному искусству. В репертуарах театров были предложены постановки казахской и русской классики различных жанров. Страсть к кино и другим зрелищам не отбила охоту к чтению. Основное предпочтение люди отдавали художественной литературе, меньше — периодике (научной, технической и политической).

В целом следует отметить, что в послевоенный период произошли существенные социокультурные изменения в повседневной жизни горожан Центрального Казахстана. Досуг являлся составной частью политики советского государства. Все культурно-просветительские и массовые мероприятия, получившие широкое распространение в послевоенные годы, носили идеологический характер. Библиотеки, клубы, кружки, кино, театры, помимо выполнения основных своих функций, стали мощным средством политической агитации и пропаганды советского строя. Следовательно, все формы досуга были направлены на воспитание советского патриотизма и народного единства, а также приобщение человека к советской культуре.

Список литературы

1. Государственный архив Карагандинской области. — Ф. 1269. — Оп. 1. — Д. 12.
1. Государственный архив Карагандинской области. — Ф. 1269. — Оп. 1. — Д. 29.
2. Аудиозапись биографической беседы с Самохиной А.Ф. (1922 г.р., записано К.К.Абдрахмановой в Караганде в 2008 г.
3. *Зубкова Е.Ю.* Послевоенное советское общество: политика и повседневность (1945–1953 гг.) / Е.Ю.Зубкова. — М.: РОССПЭН, 1999. — 229 с.
4. *Жумашев Р.М., Михеева Л.В., Сактаганова З.Г., Самохин А.Ю., Ускембаев К.С.* Хроника культурной жизни Карагандинской области 1936–2006 гг. — Караганда: Изд-во КарГУ, 2008. — 320 с.
5. ГАКО. — Ф. 925. — Оп. 1. — Д. 9.
6. Аудиозапись биографической беседы с Иманкуловым М.Р. (1937 г.р., записано К.К.Абдрахмановой в Караганде в 2008 г.
7. *Иванов И.Н.* Концерт Р.Баглановой // Темиртауский рабочий. — 1953. — 5 дек. — С. 4.

А.С.Аманова

Павлодарский государственный педагогический институт

**ИЗ ИСТОРИИ РАЗМЕЩЕНИЯ И УСТРОЙСТВА ЭВАКУИРОВАННОГО
И ДЕПОРТИРОВАННОГО НАСЕЛЕНИЯ В КАЗАХСТАНЕ****На основе материалов по Павлодарской области**

Мақала соғысқа дейінгі және соғыс жылдары Павлодар облысындағы әр түрлі халықтардың қоныстану мәселелеріне арналған. Эвакуацияланған және күштеп жер аударылған халықтарды қабылдау, орналастыру және шаруашылық жағдайлары туралы мағлұмат беретін Павлодар облысының мемлекеттік мұрағатының мәліметтеріне көңіл бөлінді. Автор тоталитаризм кезеңіндегі Кеңес өкіметі ұлттық саясатының кейбір аспектілерін ашып көрсетеді.

The article is devoted to issues of migration of different people in Pavlodar region in the prewar and war years. Particular attention is paid to the State Archive of the Pavlodar region, where there is information about activities for the reception, accommodation and household appliance of evacuated and deported people. The author highlights some aspects of national policy of the Soviet state during the period of totalitarianism.

В предвоенные годы в результате усиливающегося идеологического противостояния и поисков внутренних «врагов» было выражено недоверие к национальным меньшинствам, населявшим приграничные зоны Советского Союза. Известно, что одними из первых пострадавших тогда были советские корейцы, проживающие в районах Дальнего Востока.

Идеологическим обоснованием этих мер послужил, в частности, роман П.А.Павленко «На Востоке», в котором детально, в мельчайших подробностях описывалась будущая вторая мировая война, а начать ее должна была Япония со штурма Владивостока. В этом романе говорилось о шпионаже корейцев-переселенцев в пользу Японии. Книга была растиражирована в огромном количестве, только в 1937 г. было выпущено более 400 тыс. экземпляров. В то же время в газете «Правда» была опубликована статья И.Володина «Иностранный шпионаж на Советском Дальнем Востоке», в которой корейцы обвинялись в шпионаже против Советского Союза в пользу Японии. Советские корейцы без суда и следствия были объявлены «пособниками японского шпионажа» и подлежали немедленному выселению, хотя ни царю в период русско-японской войны 1904–1905 гг., ни Ленину в период японской интервенции 1918–1922 гг. не пришлось в голову выселять корейцев с Дальнего Востока [1; 11]. А ведь речь шла не просто о пресечении возможности японского шпионажа в мирное время, как это было в 1937 г., а о самых настоящих боевых действиях с японцами. И, как известно, в вооруженной борьбе против японских интервентов советские корейцы приняли самое непосредственное участие.

Но, несмотря на вышесказанное, 21 августа 1937 г. под грифом «совершенно секретно» было принято постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) «О выселении корейского населения из приграничных районов Дальневосточного края». В нем структурам власти было предписано закончить выселение корейцев с территории Бурят-Монгольской АССР, Хабаровского, Приморского краев, Читинской области на территорию Узбекской и Казахской ССР к 1 января 1938 г. [2,3]. До конца 1937 г. переселению в Казахстан подверглись 20530 хозяйств (семей) корейцев [4, л.1].

При депортации корейцев расселение прибывающих в основном осуществлялось группами семей и, видимо, частично с профессиональной ориентацией. В Павлодарскую область переселенцев не завозили. Зато, в соответствии с секретным донесением старшего лейтенанта государственной безопасности Шкеле № 35527 от 1–2 февраля 1938 г. на имя начальника переселенческого отдела НКВД СССР Плинера, в соседней Карагандинской области было размещено 3073 семей численностью 14792 человека, как планировалось Постановлением Совета Народных комиссаров КазССР от 9 октября 1937 г. [5; 3]. Это были в основном люди, знакомые с горнодобывающей промышленностью, т.е. шахтеры и горняки. Часть из них были переселены в поселок Майкаин и направлены на работу в комбинат «Майкаинзолото», расположенный в Баян-Аульском районе и относящийся в то время к Карагандинской области.

В соответствии с Постановлением Президиума ЦИК Казахской ССР от 4 февраля 1938 г. «О районном административно-территориальном делении...» в состав Павлодарской области выделили из Карагандинской области Баян-Аульский район [6, л.3–4]. Таким образом, Баян-Аульский район и

входящий в него поселок Майкаин с 1938 г. отнесены в состав Павлодарской области. Вот почему в Павлодарской области, в которую корейцев не переселяли, появились корейские семьи, переселенные в поселок Майкаин Карагандинской области еще в 1937 г., при общей депортации.

Внимательное отношение к корейским переселенцам, создание для них нормальных условий существования было характерно не для всех районов республики, где они были расселены. Не всегда в этом были виноваты местные органы власти, у которых просто не хватало средств на обустройство такого большого числа людей, обеспечения их всем необходимым.

Зачастую сорванные с насиженных мест, попавшие в совершенно незнакомую среду (другой климат, непривычные бытовые условия жизни, незнакомый, непонятный язык и т.д.), нередко вынужденные оставлять на местах прежнего жительства накопленное годами имущество, переселенцы оказались в затруднительном положении. В многочисленных телеграммах, отправлявшихся с мест в переселенческие отделы, говорилось о том, что работа по хозяйственному устройству корейцев идет плохо, не выполняются задания по строительству домов, по снабжению людей продуктами и промышленными товарами, не оказывается в надлежащем порядке медицинская помощь. В районах расселения корейцев ощущается острый недостаток в овощах, картофеле, мясе, рыбе, жирах и других продовольственных товарах. Совершенно неудовлетворительно обстоит дело со снабжением промтоварами, главным образом теплой одеждой, мануфактурой и обувью.... В торговых организациях, кроме сахара и спичек, ничего нет. Выпекаемого хлеба недостаточно: у хлебных ларьков всегда очереди, из пригородных колхозов переселенцы ходят за 5–6 км в город, где по несколько часов простаивают в очередях... План жилищного строительства к октябрю 1939 г. выполнен всего лишь на 43 %, хозяйственно-производственного — на 55 %. Наркомздрав, Наркомпрос и облисполком не обеспечили окончания строительства лечебных учреждений и школ к установленному сроку [7; 93].

Крайне противоречивым был правовой статус переселенцев-корейцев. Это был народ, насильственно выселенный «в целях пресечения проникновения японского шпионажа», подопечный отдела лагерей, трудпоселений и мест заключения НКВД, но не спецпереселенцы. Официально не лишенный гражданских прав, он не имел права перемены места жительства без разрешения органов НКВД [8; 115]. Хотя корейцы подвергались вполне официальной дискриминации, их положение было несколько лучше, чем других депортированных народов, которые должны были еженедельно лично являться в «спецкомендатуру» для регистрации. В отличие от них корейцы могли передвигаться по территории Средней Азии, а по получению специального разрешения — и за пределами, могли учиться в высших учебных заведениях, но только в пределах Казахстана. Но, тем не менее, с началом Великой Отечественной войны корейцев лишили права воевать на фронтах, а призывали на тыловые работы в «рабочие колонны». В 1944 г., когда прошла очередная волна репрессий против народов Северного Кавказа, корейцев стали учитывать в одной связке с спецпереселенцами [8; 26].

Впереди их ожидали трагические годы репрессий, необоснованных обвинений и расстрелы без судебного приговора. Уже в конце 1937 г. четыре человека с комбината «Майкаинзолото» были арестованы. Всего за период 1937–1938 гг. был арестован и расстрелян 31 кореец, и 1 был арестован и расстрелян в 1943 г. Расстрелянные корейцы были работниками разных предприятий и организаций области, в том числе комбината «Майкаинзолото» — 14 человек, Павлодарского «Консервстроя» — 6 человек, совхоза имени Калинина Куйбышевского (ныне Актогайского) района — 4 человека, были расстреляны по одному работнику Баянаульского детского дома, Баянаульского леспромхоза, Иртышского мясокомбината, областного отдела народного образования, Павлодарского «Кузнестроя», Павлодарской пожарной охраны, прорабского участка Народного Комиссариата железных дорог, Павлодарского холодильника. Из 31 человека расстрелянных были две женщины: О.И.Ким, 32 года, счетовод комбината Майкаинзолото, А.Г.Пак, 44 года, закройщица пошивочной мастерской комбината «Майкаинзолото» [5; 4–5].

В 1946–1948 гг. особенно усиленным был контроль за корейцами в связи с проблемами политики СССР на Дальнем Востоке. Зная, что до 1956 г. свободное перемещение людей корейской национальности было запрещено, можно предположить, что в период репрессий 1937–1944 гг. в Павлодарской области проживало приблизительно то же количество, что было и в 1959 г., т.е. более 300 человек.

По итогам Всесоюзной переписи населения 15 января 1959 г. в Павлодарской области проживали 307 человек корейской национальности [9, л.1]. Более ранние сведения о численности корейцев отсутствуют. Учитывая, что в этот период были репрессированы 32 человека, нетрудно подсчитать, что было расстреляно 10,3 % от общей численности проживающих в то время корейцев в Павлодарской области. Таким образом, более чем каждый десятый кореец был расстрелян. Такова была трагическая судьба первопроходцев-корейцев в Павлодарской области.

К концу 1937 г. из Азербайджана и Армении в Казахстан прибыло 1121 хозяйство (семей) переселенцев курдов, армян, турков, которые были расселены в колхозах и совхозах Южного Казахстана [4, л.15]. В ноябре 1938 г. в Алма-Атинскую и Южно-Казахстанскую области было переселено более 2 тыс. семей иранцев, населявших пограничные районы Туркмении, Азербайджана, Грузии и Армении [10, л.27–29]. В официальных документах переселенцев из Закавказья — курдов, турков-месхетинцев — часто называли иранцами.

Из постановления бюро Павлодарского обкома КП (б) К от 14 мая 1940 г. «О разгрузке города Павлодара и Павлодарского района от иранцев» выясняется, что иранцы были также размещены и в Павлодарской области. В постановлении принято решение, что отбывающие ссылку в городе Павлодаре иранцы, не занятые на постоянной работе, должны быть направлены на расселение в Иртышский район 450 человек и в Урлютюбский — 300 человек [11; 150].

Осенью 1941 г. в Павлодарской области на учете состояли 21147 переселенцев-иранцев. Наибольшее количество переселенцев-иранцев было размещено в Цюрупинском, Максимо-Горьковском и Иртышском районах. Властями планировалось в будущем дополнительно вселить еще 15000 переселенцев иранской национальности, что составило бы 36147 человек [11; 151–152].

О дальнейшей судьбе переселенцев-иранцев в Павлодарском Прииртышье в архивных документах нет сведений. В связи с этим невозможно проанализировать социальное положение и количественный состав спецпереселенцев.

Наиболее значительным событием военного периода, приведшего к изменениям в демографическом положении республики, явилась эвакуация населения из прифронтовых районов страны в Казахстан. Анализ демографических процессов военного периода, когда были допущены ошибки при регулировании ареала расселения, воздействия на состав той или иной территории при проведении переселенческой и миграционной политики, наглядно прослеживается при исследовании политики советского правительства, когда огромное число населения оказалось на территории Казахстана в военное время.

На 6 октября 1941 г. в Павлодарскую область прибыли 3926 человек эвакуированных, из них 217 мужчин, 1755 женщин, 1954 ребенка. В основном они были эвакуированы из Москвы (79 человек), Ленинграда (1149), прифронтовой полосы (2698 человек). Эвакуированное население размещалось в городе Павлодаре (568 человек), Лозовском (22), Цюрупинском (496), Павлодарском (79), Иртышском (450), Куйбышевском (443), Кагановическом (35), Урлютюбском (878), Лебяжинском (55), Максимо-Горьковском (480), Бескарагайском (179) районах, место расположения 241 человека неизвестно [12, л.60]. Несколько эшелонов с эвакуированными непосредственно разгружались на промежуточных станциях (Щербакты, Купино), не доезжая до города Павлодара, и размещались в колхозах и совхозах Лозовского, Цюрупинского и Урлютюбского районов [13, л.326].

8 октября 1941 г. Павлодарский отдел народного образования разместил и доставил на места назначения 1525 детей, прибывших в область по эвакуации. Прибывшие из Воронежской, Одесской, Московской, Гомельской, Харьковской областей детские дома были размещены почти во всех районах области [13, л.327].

На основе анализа архивных материалов можно сделать вывод, что подготовка партийными и советскими органами к приему и размещению эвакуированных была начата заблаговременно. На основании Постановлений СНК и ЦК КП (б) Казахстана от 22 июня и 4 ноября 1941 г. создаются эвакуационные отделы при СНК Казахской ССР и исполкомах областных Советов депутатов трудящихся, а также комиссии по размещению эвакуированного населения, промышленных предприятий, научных, учебных и других учреждений и организаций [14, л.12]. Проблема устройства эвакуированного населения и их материально-бытового положения постоянно находилась в центре внимания местных партийно-советских органов. СНК КазССР и ЦК КП (б) Казахстана неоднократно давали указания и выдвигали требования «о заботливом и чутком отношении к эвакуированному населению, о быстром размещении и трудоустройстве его в областях и районах» [14, л.18]. Данные указания и требования правительства нашли отражение и в директивных документах Павлодарской области. Руководителям партийных и советских органов постоянно напоминалось, что трудоустройство и бытовое обслуживание эвакуированных является важнейшей задачей, имеющей большое государственное и политическое значение.

Несмотря на указания центральных властей, в условиях военного режима, как правило, все исполкомы облсоветов, райсоветов своевременно не успевали подготовиться к приему утвержденного им количества эвакуированного населения, начинали этим заниматься лишь по прибытии эшелонов или отдельных групп эвакуированных. В результате имелись массовые факты, когда прибывающие

эшелоны с эвакуированными простаивали на станциях 5–10 и более дней. Питание эвакуированных в ряде железнодорожных станций было организовано совершенно неудовлетворительно, в результате сутками и более люди находились без пищи, многие из них оказались буквально в бедственном положении [15, л.4, 4об].

Бюро обкома устанавливает, что в результате бюрократического отношения к эвакуированному населению со стороны директора Сольпрома товарища Красильникова, а также безразличного отношения руководства Лозовского района к устройству эвакуированных и их нуждам, прибывшие в Таволжан вагоны с эвакуированным детским домом в количестве 250 человек не разгружались 8 суток, вследствие чего появилось массовое заболевание корью — 14 смертей [16, л.23].

18 декабря 1941 г. прибывшие вагоны с семьями военнослужащих (426 человек) не разгружались в течение 3 суток, только после вмешательства обкома были размещены по квартирам. Дети были размещены в холодном сыром помещении, детдом не обеспечен оборудованием, питанием, посудой, 36 детей заболели воспалением легких.

Прибывшему из временно оккупированных врагом территории страны населению пришлось испытать в полной мере все тяготы и лишения военного времени. Свойственные тоталитарному режиму бюрократизм, волокита, безответственное отношение к людям проявлялись даже в тяжелые годы войны. Так, в частности, из секретного постановления № 835–125 Совета народных комиссаров и ЦК КП (б) Казахстана следует, что «...несмотря на неоднократные указания о заботливом и чутком отношении к эвакуированному населению, о быстром размещении и трудоустройстве его в областях и районах, в ряде мест, благодаря исключительной безответственности партийных и советских органов, имеются весьма серьезные недочеты в деле приема и размещения прибывающего эвакуированного населения...» [16, л.53].

Анализ архивных материалов показал, что хотя и были предприняты комплексные меры по приему и размещению эвакуированного населения, все же имели место недостатки и упущения. Исследование приказа Наркомата земледелия КазССР «О трудовом устройстве и бытовом обслуживании эвакуированного населения в Казахской ССР» от 9 декабря 1941 г. свидетельствует, что многие земельные органы, руководители МТС и колхозов проделали недостаточную работу по трудовому устройству и бытовому обслуживанию эвакуированного населения. «Руководители земельных отделов, МТС и колхозов не проявляют действенной заботы об эвакуированных и не чувствуют ответственности за трудовое устройство и бытовое обеспечение прибывающего в колхозы эвакуированного населения. Предложения со стороны самих эвакуированных об их полезном для колхозов труде, а также просьбы эвакуированных о создании им необходимых бытовых условий в ряде колхозов совершенно игнорируются» [17, л.95]. «В феврале 1942 г. в Цюрупинском, Лозовском, Максимо-Горьковском районах эвакуированное население в течение нескольких дней не получало хлеба, в результате имело место, в частности, в колхозе «Большевик» Цюрупинского района, опухание детей от недоедания» [18, л.6]. Недочеты, имевшие место в ходе приема и устройства эвакуированного населения, объясняются трудностями военного времени.

Тем не менее подобные негативные факты не могут принизить значения теплого отношения жителей республики к населению прифронтовой полосы, проделанной работе по трудоустройству, размещению и бытовому обслуживанию прибывших, бескорыстной помощи в их снабжении всем необходимым.

Часть эвакуированных навсегда связали свою жизнь с Павлодарским Приитышьем, хотя большинство вернулись в родные места. Реэвакуация началась уже в 1943 г. Она проходила в основном путем самостоятельного выезда. Переселенческие отделы потеряли контроль за учетом этой категории населения, поэтому точного учета оставшихся людей, учитывая все категории эвакуантов, установить невозможно.

По Павлодарской области движение населения в 1945 г. характеризуется следующими фактами: из России прибыло 1441, а выбыло 1300; из Украины — 80 и 437, из Беларуси — 21 и 61; из Молдавии — 25 и 70; из Литвы — 2 и 12; Латвии — 1 и 14; Эстонии — 3 и 2 [19, л.11]. Важно отметить, что подавляющее большинство выбывающих из области составляли городские жители. Это свидетельствует о том, что выезжали квалифицированные рабочие и специалисты, эвакуированные в годы войны вместе со своими предприятиями, а также местные кадры рабочих, которые решили участвовать в восстановлении разрушенной оккупантами экономики западных регионов страны.

Анализ приведенных архивных материалов позволяет прийти к следующим выводам. Наибольший отток населения из региона происходил на Украину, Белоруссию, страны Балтии, которые на

первом этапе войны были полностью оккупированы и откуда прибыла основная часть эвакуированных.

Более репрессивный характер национальная политика Советского государства приобрела в период обострения международной обстановки и канун Великой Отечественной войны. В 1939–1941 гг. жителями республики стали 102 тыс. депортированных поляков, когда Западная Белоруссия и Западная Украина вошли в состав СССР. Следует отметить, что их национальный состав был неоднороден. Основная их часть была представлена поляками, но среди них имелось значительное количество евреев, украинцев, белорусов, немцев и представителей других национальностей. По Постановлению СНК СССР от 10 апреля 1940 г. № 497–178сс в Казахстан были переселены 60667 поляков. Они были расселены в Актюбинской, Акмолинской, Кустанайской, Павлодарской, Северо-Казахстанской и Семипалатинской областях: 36729 человек в колхозах, 17923 — в совхозах и 8000 — в рабочих поселках различных промышленных предприятий [20; 5].

В письме председателя Павлодарского облисполкома Ф.А.Кобланова председателю Совнаркома Казахской ССР Н.Д.Ундасынову от 25 декабря 1941 г. сообщалось: «На территории Павлодарской области во всех районах проживает 9233 польских граждан. Большое их скопление имеется в Баян-Аульском, Павлодарском районах и в городе Павлодаре». Из указанного количества поляков на 20 декабря 1941 г. в колхозах, совхозах, МТС и предприятиях совхозного и местного значения работают 3 тыс. человек [12, л.2].

Для руководства деятельностью польских граждан в городе Павлодаре проживал ротмейстер Свенцицкий Казимир, он имел 37 представителей в районах. Представители ротмейстера занимались вопросами полного установления количества польских граждан в области и отправления их в армию, также вопросами по трудоустройству их на работу. Они часто общались в Облсовет об оказании материальной помощи, особенно продуктами для нетрудоспособных польских граждан [12, л.15].

В целях оказания содействия в трудовом и бытовом устройстве поляков Исполком Облсовета депутатов трудящихся Павлодарской области обязывает исполкомы горрайсоветов депутатов трудящихся принять меры к трудовому устройству польских граждан и оказанию необходимой помощи в жилищном и медицинском обслуживании [13, л.153].

Несмотря на то, что местные власти оказали помощь в хозяйстве польскому населению, в некоторых районах их положение было тяжелым. О положении 1270 польских граждан, проживающих в поселке Майкаин Баян-Аульского района и его окрестностях, свидетельствует письмо секретаря польского комитета поселка Майкаин Марии Александрович в Павлодарский продторготдел от 5 декабря 1941 г. о временном снабжении хлебом и другими продуктами польских граждан, включая неспособных работать и утративших работу, так как вместо 375 ранее работавших осталась небольшая часть, и «более 75 человек, преимущественно трудоспособных, остается со своими семьями без хлеба. Столовая наша снабжает рабочих на месте, иждивенцы и нерабочие лишь в весьма ограниченной степени могут ею пользоваться, часто для них вообще закрыт вход. Дома же ни у кого нет запасов, поэтому семьи, в которых нет рабочих, сегодня уже находятся в совершенно безвыходном положении...» [12, л.62].

В марте 1942 г. с согласия местных властей и при их помощи были организованы детские площадки как питательные пункты для польских детей. Питательными пунктами пользовались только дети-сироты, дети рабочих и инвалидов, не способных к труду, а также больные и истощенные вследствие недоедания.

По состоянию на 15 июня 1942 г. в городе числились 800 человек, из них взрослых трудоспособных 600 человек, но большинство из них не работали. К середине 1942 г. Польскому посольству правительством СССР дано общее согласие на открытие детских приютов и домов призрения престарелых. С разрешения облисполкома Польское представительство открыло в городе столовую, детдом и курсы медсестер [11; 158–160]. Кроме этого, представительство Польского посольства были организованы в каждом районе дома для старцев и инвалидов, а также для заслуженных деятелей польской культуры в количестве 250 человек [11; 161]. Так, в Баян-Аульском районе к январю 1943 г. было создано 3 столовых, в которых питались 50–55 человек польской национальности, и 4 школы, в каждой из них обучались 35–45 польских детей [11; 162].

После окончания войны государственными органами Центра было принято решение о репатриации польской и еврейской национальности. В письме начальника управления особой торговли Народно-Комиссариата торговли СССР Холодиловой уполномоченному Народно-Комиссариата торговли СССР по снабжению эвакуированных поляков Бадажкову от 1 октября 1945 г. сообщалось: «По сообщению Главного правления Союза польских патриотов в СССР все польские граждане

польской и еврейской национальностей, проживающие на территории СССР, будут репатрированы в Польшу в 1945 году» [11; 182]. В трехдневный срок были созданы комиссии на местах в составе председателей облисполкомов, заместителей начальников УНКВД, УКГБ, были разработаны указания по отправке поляков. Были составлены подачи железнодорожного состава спецпереселенцев в места прежнего проживания, инструкция начальнику эшелона по сопровождению спецпереселенцев и обслуживанию их по пути следования [21; 8]. Специальный надзор над поляками был упразднен лишь в 1956 г.

Несмотря на то, что в послевоенное время основная масса поляков была репатрирована, по итогам Всесоюзной переписи населения 1959 г. в Павлодарской области проживали 732 человека польской национальности.

Война, развязанная гитлеровской Германией, перечеркнула будущее советских немцев, им пришлось во многом принять на себя всю накопившуюся ненависть к фашистским захватчикам. На какое-то время слова «немец» и «фашист» стали синонимами.

Одной из значительных вех в формировании немецкой диаспоры в Казахстане стал печально известный Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 августа 1941 г. «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья». В нем было заявлено, что на территории компактного проживания поволжских немцев находятся десятки тысяч диверсантов и шпионов, готовых начать саботаж по сигналу из Германии.

Депортации подверглись практически все лица немецкой национальности: ссылались волжане, москвичи, немцы с Украины, Кавказа, были отозваны с фронта офицеры и солдаты. Немцы явились самой крупной национальной группой из всех подвергнутых насильственному переселению. Всего в 1941–1942 гг. были переселены 1209430 немцев [22; 42]. Из них в период войны в Казахстан были депортированы свыше 420 тыс. человек немецкого населения. На 5 января 1942 г. в республике было уже 382102 человека, в Павлодарской же области — 5353 [23; 8].

Подготовка к приему спецпереселенцев-немцев в республике шла заблаговременно. По Постановлению Совнаркома КазССР и ЦК КП(б) Казахстана от 26 августа 1941 г. «По приему переселенцев-немцев из Саратовской, Сталинградской областей и Республики немцев Поволжья» в областях Казахстана создавались областные штабы для приема, размещения и устройства переселенцев-немцев [24; 97–98]. В Постановлении Павлодарского облисполкома и бюро Павлодарского обкома КП(б)К «О мероприятиях по приему, размещению и хозяйственному устройству переселенцев-немцев» от 2 сентября 1941 г. был утвержден план расселения по районам и совхозам области переселенцев, исполкомам райсоветов и РК КП(б)К было разрешено для размещения переселенцев использовать дома Переселенческого управления [25, л.236, 236 об]. Однако областные организации к приему и расселению немцев-переселенцев оказались не готовы. Выстроенные для плановых переселенцев дома еще до их прибытия, были переданы для размещения эвакуированного населения из западных районов страны.

Распоряжением СНК СССР от 21 ноября 1941 г. из Куйбышевской области были депортированы 1677 семейств немцев. С 3 по 10 ноября в Казахстан были выселены еще 6 тыс. немцев из Калмыцкой АССР [26; 32]. В сводке о прибытии в область эшелонов немцев-переселенцев показано, что с 29 октября по 14 ноября 1941 г. в область прибыло 13 эшелонов в количестве 610 вагонов, доставивших 30169 человек немцев-переселенцев.

На 25 ноября 1941 г. в районах Павлодарской области по плану размещения должны были состоять 47500 человек, но на данный момент фактически прибыли 51377 человек. По колхозам и совхозам, райцентрам были размещены 47369 человек [27, л.8]. Во всех районах области планируемое размещение спецпереселенцев было выполнено, кроме Урлютюбского, в котором были приняты 3389 человек, а планировалось 5163. А в Павлодарском районе планировалось принять 1587, а были расселены 5069 человек, что в 3 раза превышало план расселения немцев в этом районе.

В связи с таким непредвиденным большим количеством переселенцев местные власти разместили 4008 человек во временных общежитиях, в том числе на левом берегу реки, для Иртышского района, — 1758 человек, на станции Купино, для Урлютюбского района, — 500 человек, в городе Павлодаре, для Максимо-Горьковского района, — 1750 человек [27, л.8]. Политика государства была направлена на размещение спецпереселенцев-немцев в сельской местности. Таким образом, предпринималась попытка восполнить нехватку сельских трудовых ресурсов. В постановлении ГКО от 6 сентября 1941 г. «О переселении немцев из Москвы, Московской области и Ростовской области» отмечалось: «Расселение в новых местах производить путем вселения в существующие колхозы и совхозы и расселения переселяемых на новом месте, с использованием всех пустующих строений в сельских

местностях. Городских жителей расселять в районных центрах и других городах, кроме областных» [28; 162]. Таким образом, основными принципами расселения прибывших немцев были: направление в существующие колхозы, совхозы и во вновь создаваемые колхозы республики.

Выполнить установки Центра по размещению такого огромного количества депортированных немцев на местах было практически невозможно. Прекращение навигации по Иртышу и отдаленность железных дорог, а также произвол местных властей поставили депортированных немцев на грань голода и вымирания. И здесь решающее значение приобрела инициатива местных жителей, в домах которых в большинстве своем они и были размещены. В письме заместителя председателя Совета Народных Комиссаров Казахской ССР Бабкина заместителю председателя исполкома Павлодарского областного Совета депутатов трудящихся Морщину от 12 февраля 1942 г. «О необходимости принятия мер по трудоустройству немцев-переселенцев и обеспечению их продуктами питания» сообщалось, что в последнее время на имя Совнаркома Казахской ССР поступают заявления от немцев-переселенцев об их тяжелом материальном положении. Колхозы, в которых они расселены, отказывают им в выдаче продуктов питания и не занимаются их трудоустройством [27, л.13].

Из районов, города Павлодара в облисполком шли письма с просьбой отпустить фонды на хлеб, одежду. Исполком Кагановичевского райсовета сообщает, что «416 человек переселенцев-немцев нашего района остро нуждаются в хлебе, не имеют никаких источников для дальнейшего существования, колхозы, в которых они находятся, не имеют возможности содержать их». Начальник политотдела совхоза «Калининский» Панкратов сообщал Павлодарскому обкому следующее: «...Немецкое население в количестве 298 человек, из них 166 человек детей в возрасте от 3 до 12 лет, находятся в чрезвычайно тяжелом состоянии, многие семьи абсолютно лежат пухлые с детьми из-за неимения хлеба и других видов питания. То, что они имели возможность производить обмен из вещей личного пользования на продукты питания в колхозах в течение полутора лет, вышло. Люди питаются только из 600 гр. пайка, да и то не все, только те, которые работают. В совхозе имеется около 42 семей из немецкого населения, которые крайне нуждаются в помощи, они раздетые, разутые и до крайности истощены, к работе непригодны. Местные власти в марте пошли уже на то, что раздали тонну мяса из вынужденно забитого скота, что является преступлением...» [27, л.16].

В этой связи Совнарком предлагает немедленно провести проверку расселения, хозяйственного устройства и снабжения немцев-переселенцев и принять необходимые меры к их трудовому устройству и обеспечению продуктами питания, как за счет возврата, так и за счет трудодней.

Основная часть спецпереселенцев (в основном женщины, старики, дети), несмотря на присущее немецкому населению трудолюбие, не могли выработать необходимый минимум трудодней в колхозах. А производственные ссуды, выделяемые по линии правительства, не могли полностью удовлетворить их потребность. В результате из 420 тыс. прибывших немцев, вследствие высокой смертности в трудовой армии и в местах поселения, в республике осталось 330 [29; 120].

В связи с крайне тяжелым положением немцев-переселенцев правительство выдает кредиты для строительства домов, ремонта приусадебных построек, приобретения скота. 23 июня 1942 г. Павлодарский облисполком решением «О распределении отпущенного кредита в счет годового плана на индивидуальное жилищное строительство для колхозников немцев-переселенцев» утверждает представленный ниже список о распределении по районам отпущенного кредита в счет годового плана кредитования на индивидуальное жилищное строительство переселенным по специальному решению колхозникам немцам-переселенцам в сумме 576 тыс. рублей [11; 158]. Сумма кредита распределялась по числу хозяйств в районе. На одно хозяйство сумма кредита составляла 55–60 тыс. рублей.

По мере освобождения оккупированной гитлеровцами территории продолжалось выселение представителей депортированных народов. В первую очередь это коснулось опять-таки немецкого населения. В 1944–1945 гг. с освобожденной территории Украины, Белоруссии и Прибалтийских стран выселялось немецкое население, проживавшее там с довоенных времен. Все они, хотя и составляли небольшое количество, были направлены для постоянного проживания в районы Сибири и Казахстана. К концу 1945 г. в Казахстане дополнительно было размещено около 9 тыс. семей немцев из западных районов страны [23; 2]. Причем наибольшее количество мобилизованных немцев приходилось на Северо-Казахстанскую, Павлодарскую и Восточно-Казахстанскую области.

На 1 июля 1944 г. на учете по республике состояли 218328 человек (71151 семей) немцев-спецпереселенцев. А к концу войны, на 1 января 1945 г., немцев-спецпереселенцев согласно справке НКВД о наличии спецпереселенцев в КазССР на учете состояло 243722 человека (79017 семей) [30; 83], которые были расселены по всем областям, за исключением Западно-Казахстанской области. В Павлодарской области проживали 24939 человек (8082 семей).

Нужно отметить, что в период переселения немцев создалась неблагоприятная политическая обстановка, явившаяся следствием их тяжелого материально-бытового положения. Инструкцией по приему и устройству немцев была предусмотрена выдача им скота для личного пользования путем обменных операций, взамен предъявляемых переселенцами именных квитанций. Однако, как свидетельствуют документы, «подавляющее большинство их приехало без соответствующего оформления о сдаче ими как средств производства, так и продовольствия государству» [24; 100]. Тяжелое материальное положение явилось причиной «оживления антисоветских настроений, распространения различных слухов, пораженческой агитации, разлагательской работы в колхозах», и в связи с этим КП(б) Казахстана обязывает все партийные организации «обратить особое внимание на политическую работу в колхозах, где имеются и куда прибывают немцы-переселенцы и обеспечить проведение политической работы среди них» [24; 103–104].

Однако, как известно, решение Центра о выселении немцев Поволжья не имело никакой фактической основы. В архивах не выявлено материалов, свидетельствующих о «сообщениях военных властей и других сигналов о наличии в районах Поволжья тысяч и десятков тысяч диверсантов и шпионов», готовых по команде Германии превратить немецкое население СССР в «пятую колонну».

29 августа 1964 г., за подписями А.И.Микояна и М.Георгадзе, был принят еще один Указ Президиума Верховного Совета СССР, который, в частности, реабилитировал советских немцев. Вот краткая выдержка из него: «В Указе Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья» в отношении больших групп немцев — советских граждан — были выдвинуты обвинения в активной помощи и пособничестве немецко-фашистским захватчикам.

Жизнь показала, что эти огульные обвинения были неосновательными и явились проявлением произвола в условиях культа личности Сталина. В действительности, в годы Великой Отечественной войны подавляющее большинство немецкого населения вместе со всем советским народом своим трудом способствовало победе Советского Союза над фашистской Германией, а в послевоенные годы активно участвует в коммунистическом строительстве... Советские граждане немецкой национальности добросовестно трудятся на предприятиях, в совхозах, колхозах, в учреждениях, активно участвуют в общественной и политической жизни...». Так, через 19 лет после окончания войны, через 11 лет после смерти Сталина позорящий немцев Указ был отменен.

Трагическая участь депортации постигла и балкарцев. Как известно, Кабардино-Балкарская автономная область была образована в составе РСФСР 16 января 1922 г., 5 декабря 1936 г. она была преобразована в автономную республику. Балкарцы в числе других народов в основном были на фронте. В январе 1943 г. территория балкарцев была освобождена, а сами они по ложному обвинению были переселены со своей исторической родины.

Постановление ГКО о выселении балкарцев было принято 5 марта 1944 г. В общей сложности в результате депортации в Казахстан прибыло 4660 семей балкарцев численностью 25 тыс. человек. В телеграмме Сталину Берия докладывал: «Погружено в эшелон и отправлено к местам нового поселения в Казахстан и Киргизскую ССР 37103 балкарца». В справке о ходе перевозок балкарцев по состоянию на 17 марта 1944 г. говорилось, что направлено в Иссык-Кульскую область 2702, Семипалатинскую — 2742, Алма-Атинскую — 5541, Южно-Казахстанскую — 5278, Павлодарскую — 2614, Акмолинскую — 5219 человек [3; 148].

На 1 января 1945 г. балкарское население составляло 20288 человек (5405 семей), в Павлодарской области были размещены 2035 человек (530 семей). К концу войны в республике было всего 18960 человек (5193 семей).

А на 12 октября 1951 г. в Павлодарской области всего было 53 семьи (207 человек) балкарцев, которые проживали в Цюрупинском — 24 семьи (99 человек), Лозовском — 20 семей (82 человека) и Павлодарском — 9 семей (26 человек) районах [11; 202].

В соответствии с Постановлением Совета Министров Союза ССР от 30 декабря 1956 г. в Павлодарской области планировалось до 1959 г. полностью завершить организованное переселение балкарского населения.

Почти одновременно с депортацией балкарцев была предпринята целая серия карательных акций, обернувшихся трагедией для чечено-ингушского народа. Чечено-Ингушетия, самая крупная по численности населения среди кавказских народов, издавна являлась воротами Кавказа.

23 февраля 1944 г. по ложному обвинению в пособничестве фашистским оккупационным войскам чеченцы и ингуши были поголовно депортированы в Казахстан и Среднюю Азию. 7 марта 1944 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР была упразднена Чечено-Ингушская АССР. Ее

территория была разделена между Россией и Грузией, часть земель отошла к Северо-Осетинской и Дагестанской АССР. Их выселяли со всей территории СССР: республик Северного Кавказа, Грузии, Азербайджана, Краснодарского края и т.д. Их увольняли из рядов Красной Армии и отправляли в распоряжение отделов спецпереселенцев НКВД.

В отличие от других народов, таких как немцы, корейцы, турки, которые были более или менее компактно расселены, чеченцев и ингушей раскидали мелкими группами по всей республике. Например, в Кызыл-Ординской и Талды-Курганской областях были созданы корейские колхозы и совхозы, в Карагандинской, Павлодарской, Кустанайской, Акмолинской областях — немецкие хозяйства. Если для других депортированных народов создавались какие-то минимальные условия для обучения детей на родном языке, то для основной массы чеченцев и ингушей годы депортации были временем полного духовного застоя.

Переброска людей в Среднюю Азию и Казахстан железнодорожными составами сопровождалась массовой гибелью переселенцев. Не меньше было жертв и в Казахстане, где людей часто выгружали прямо в степи. Точное количество жертв выселения неизвестно. Еще до открытия архивов Госбезопасности предполагалось, что из чуть более 400 тыс. чеченцев погибли не менее 31 тыс. человек [31; 5]. Реальные потери были значительно больше, и переселение стоило чеченцам и ингушам более 200 тыс. жизней [32; 9].

В архивных материалах балкарцев, чеченцев и ингушей, не разделяя по национальности, определяли как спецпереселенцев с Северного Кавказа. На 1 июля 1944 г. на учете по республике состояли 414046 человек (101032 семьи), а на 1 января 1945 г. — 360405 (88513 семей), которые также были расселены по всем областям, за исключением Западно-Казахстанской области. В Павлодарской области на учете состояли 33720 человек (8055 семей) [33, л.6].

В марте 1944 г. в Павлодарскую область прибыли 41773 (8651 семья) спецпереселенцев с Северного Кавказа, из них: чеченцев — 4208 семей (19757 человек), ингушей — 3788 (19430 человек), балкарцев — 655 семей (2586 человек). Основными местами расселения депортированных были Галкинский, Кагановический, Лозовский, Павлодарский, Цюрупинский районы, город Павлодар [33, л.9].

В Павлодаре спецпереселенцы были трудоустроены на заводе «Октябрь», судоремонтном, кожевенном заводах, мясокомбинате, в многочисленных артелях. Большинство депортированных были направлены в районы области. В Цюрупинском районе за счет уплотнения у местных жителей было поселено 1010 семей. Всего же в район направлено 1348 семей. Как свидетельствуют документы, к августу 1944 г. в районе было построено 74 новых дома, где разместились 101 семья, 238 семьям переданы пустующие дома. На собственные средства возвели 84 дома. Несмотря на принимаемые меры по хозяйственно-бытовому и трудовому устройству депортированного населения, его положение было тяжелым. Властями принимались экстренные меры. 7 сентября 1944 г. всем секретарям райкомов партии, председателям райсоветов было направлено секретное письмо председателя облисполкома Макина и секретаря обкома Кулитова. В нем предписывалось:

1) руководство всеми мероприятиями по хозяйству спецпереселенцев взять в свои руки первому секретарю РК КП(б) и председателю райсовета;

2) проверить выдачу хлеба и обеспечить точное выполнение указаний правительства по этому вопросу, т.е. выдать по 19 кг пшеницы на человека, независимо от его возраста и места работы;

3) в течение ближайших 8–10 дней закончить выдачу спецпереселенцам скота и организовать заготовку для него кормов.

Остро стоял вопрос жилья. Большинство семей проживало на уплотнении. Из запланированных к строительству на 1944 г. 456 домов было построено только 66. Выданного областным Сельхозбанком кредита в 166 тыс. рублей на строительство домов не хватало. Большой помощью переселенцам явилось распоряжение Совета Министров СССР от 1 июня 1947 г. об отсрочке «на 2 года просроченных и срочных платежей по ссудам Сельхозбанка заемщикам-спецпереселенцам, нуждающимся в таких отсрочках». А также списывались задолженности по ссудам Сельхозбанка, числящиеся за умершими заемщиками-спецпереселенцами, в семьях которых не было трудоспособных людей [11; 159].

Из Постановления Павлодарского облисполкома и бюро Павлодарского обкома КП (б) К «О состоянии хозустройства спецпереселенцев с Северного Кавказа» от 25 декабря 1944 г. известно, что многие райкомы КП(б)К и райсоветы, особенно Кагановический, Галкинский, Цюрупинский, Лозовский и Бескарагайский, не выполнили постановления бюро ЦК КП (б) К от 15 и 17 июня этого же года, вследствие чего многие семьи остались в крайне тяжелом положении. Здесь же говорилось, что на 20 декабря 1944 г. 2571 семья не имела квартир и проживала в порядке уплотнения в домах местных

колхозников и рабочих совхозов, 1284 семьи жили в непригодных к нормальным условиям общежитиях и бараках, которые плохо отапливались и содержались в антисанитарном состоянии [34, л.63].

В связи с этим Совнарком Казахской ССР утвердил план строительства на 1945 г., в котором предусматривалось построить 2000 новых домов, достроить 600 и отремонтировать 1000 домов. Утвержденный Совнаркомом план строительства был рассмотрен и утвержден на заседании исполкома Облсовета депутатов трудящихся, а план строительства доведен до каждого района. Весной 1945 г. было роздано крупного скота 3484 головы, овец и коз 14903 головы, получили скот 7452 семьи [33, л.13–14].

В феврале 1945 г. хозяйственное устройство спецпереселенцев Павлодарской области было проверено уполномоченным Совета Народных Комиссаров Казахской ССР Л.Заитовым. В докладе в СНК Казахской ССР, обком партии, облисполком было предложено:

1. Имеющиеся силы и ресурсы области направить в районы наибольшей концентрации спецпереселенцев — в Павлодарский, Цюрупинский, Лозовский, Галкинский и Кагановический районы. В ближайшее время в эти районы необходимо направить специальные бригады в помощь районным организациям, включив в состав этих бригад техникум-строителей.

2. Учитывая тяжелое материальное положение спецпереселенцев, Совнарком Казахской ССР выделил Павлодарской области 591,5 тыс. рублей для выдачи безвозмездных денежных пособий особо нуждающимся семьям. Размер пособия на одну семью был установлен по одной тысяче рублей [35; 4].

Также в этом году для строительства домов спецпереселенцам Правительством был отпущен кредит в сумме 2300 тыс. рублей [34, л.12]. По Цюрупинскому району спецпереселенцам с Северного Кавказа был выдан кредит в размере 710 тыс. рублей, в том числе на лесоматериалы — 112 тыс., на покупку домов — 598 тыс. рублей (за счет кредита куплено 139 домов) [11; 168]. Исходя из вышесказанного можно подсчитать, что на строительство или покупку одного дома требуется 4500–5000 рублей.

На 1 апреля 1945 г. в области число переселенцев с Северного Кавказа составляло 8508 семей (34830 человек), по сравнению с мартом 1944 г. произошло уменьшение на 143 семьи (6943 человек). В архивных материалах причинами уменьшения указывалось, что 3504 человека выехали в другие области и республики на соединение со своими семьями, но в то же время на 1 января 1945 г. почти такое же число спецпереселенцев (3439 человек) по официальной справке органов НКВД умерли [33, л.10].

По архивным данным на 1 апреля 1945 г. во всех районах области и городе Павлодаре были расселены спецпереселенцы с Северного Кавказа. Наибольшее количество спецпереселенцев приходится на Цюрупинский, Лозовской и Павлодарский районы, в Урлютюбском и Куйбышевском районах количество спецпереселенцев с Северного Кавказа не достигало и 500 человек.

Основная масса спецпереселенцев была трудоустроена в колхозах, что составило 5885 семей (24354 человек), в совхозах — 922 семьи (3725 человек), на предприятиях — 1190 семей (4919 человек) и в прочих организациях — 502 семьи (1832 человека) [33, л.15].

Документы свидетельствуют об ударном труде людей. В колхоз «Искра» Цюрупинского района 89 человек к февралю 1945 г. выработали 12000 трудодней. В колхозе имени Крупской на полях, в животноводстве работали 35 спецпереселенцев. На 8510 трудодней они получили 4822 кг зерна. 840 трудодней было записано на счету семьи Акиевых. И.Арсанов, работая один, имел 484 трудодня.

На весенних полевых работах 1945 г. на 150 % выполнили план тракторист У.Муцольгов, прицепщик А.Саутиев, молотобоец Б.Саутиев, горючевоз М.Саутиев, работавшие в колхозе имени Куйбышева Павлодарского района. В колхозе имени Чапаева этого же района перевыполнили нормы 9 человек, в колхозе имени 12-й годовщины Октября — 19 [11; 183].

Проверка состояния хозяйственного устройства спецпереселенцев в Лозовском районе, которая датируется 10 октября 1945 г., свидетельствует о том, что в колхозе «Смычка» в 19 семьях переселенцев 37 трудоспособных, и они в этом году выработали 4903 трудодня, в среднем 132 трудодня на каждого трудоспособного. В колхозе имени Кирова спецпереселенец Х.Еркенев второй год зимой и летом (не было ни одного дня отдыха) пасет овец. За добросовестный труд в 1944 г. правление колхоза выдало ему 12 голов овец. Как показывает проверка, в колхозе имени Буденного 20 спецпереселенцев являются лучшими работниками. С мая по октябрь 1945 г. они выработали 3626 трудодней и получили по 700 г хлеба за трудодень, от 5 до 25 ц сена и соломы [11; 188].

В докладной записке за 1946 г. секретарю ЦК Компартии большевиков Шаяхметову отмечалось: «Большинство спецпереселенцев, работающих в промышленности и сельском хозяйстве, показывают производительные показатели в работе... Спецпереселенец А.Хасанов, работающий на разных работах в колхозе «Жана-Аул» Галкинского района, выработал 214 трудодней, К.Магрылов, работающий пастухом, в 1946 г. выработал 205 трудодней, его стадо находится в хорошем состоянии, в течение двух лет не имеет падежа скота. Чабан колхоза «Красный партизан» Цюрупинского района за хорошую работу правлением колхоза трижды премирован. Спецпереселенец колхоза «Красный пахарь» Эсмурзиев в 1946 г. выработал 362 трудодня».

В секретном отчете областного отдела хозустройства спецпереселенцев с Северного Кавказа от 30 января 1947 г. говорилось что «...в 1946 г. во многих колхозах спецпереселенцы были решающей силой в выполнении всех сельхозработ. В Цюрупинском районе в колхозе «Заря Советов» спецпереселенцы составляют абсолютное большинство. Из числа спецпереселенцев выдвинут председатель колхоза Газиев, который вывел колхоз из отстающих в передовой, выполнил план хлебозаготовок, хлебозакупа и другие виды поставок, где спецпереселенцы получили хлеба по 4 кг на трудодень» [36, л.13].

На 1 января 1948 г. в области числилось 405 семей (1370 человек) балкарцев, 6392 семьи (23883 человек) чеченцев и ингушей.

В 1957 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «О восстановлении Чечено-Ингушской АССР в составе РСФСР». После восстановления республики основная масса чеченцев и ингушей выехала на свою этническую родину. В ноябре 1958 г. в Павлодарский облисполком поступила правительственная телеграмма о проведении работы по организованному возвращению чеченцев и ингушей в Чечено-Ингушскую автономную Советскую Республику. За этот год из Павлодарской области выехало 396 семей в количестве 2557 человек, из них: детей до 10 лет — 959, от 10 и старше — 1603 человека [11; 204].

Однако часть этнических чеченцев, ингушей и балкарцев осталась жить в Казахстане. В Павлодарской области по итогам Всесоюзной переписи населения 1959 г. ингуши составили 7540 человек, чеченцы — 4077, балкарцы — 251.

Таким образом, прибытие в республику единовременно значительной части спецпереселенцев, при наличии большого количества эвакуированного населения, поставило Казахстан в тяжелое положение. На 1 июля 1942 г. на учете состояло спецпереселенцев 164084 человека (45653 семей) по республике [37; 96]. Как видно, численность спецпереселенцев изменилась в сторону уменьшения. Причинами сокращения их количества явились мобилизация в ряды Красной Армии, в стройбатальоны, а также высокая смертность и низкий естественный прирост этой категории населения.

С 1944 г. резко увеличилось число депортированных народов. Это напрямую связано с переселением народов Северного Кавказа на территорию республики. На 1 июля 1944 г. число депортированных народов на территории Казахстана достигло, по данным НКВД КазССР, 801903 человека (228570 семей), а на 1 июля 1945 г. — 815926 человек (23083семей) [30; 82].

В справке Отдела спецпоселений НКВД СССР о количестве спецпоселенцев на октябрь 1946 г. говорилось, что всего на спецпоселении находились 2463940 человек. Наибольшее количество спецпоселенцев приходилось на Казахскую ССР — 890698 человек [3; 150].

СНК Казахской ССР и ЦК КП (б) Казахстана в 1944–1946 гг. принимали постановления о хозяйственно-трудовом устройстве спецпереселенцев [38, л.25]. Областные исполкомы рассматривали и решали вопросы, касающиеся работы со спецпереселенцами, их расселения и трудоустройства, принимали соответствующие постановления. Руководство по хозяйственному устройству спецпереселенцев было возложено на вторых секретарей обкомов КП (б) Казахстана и первых заместителей председателей Облисполкомов и на специально созданные комендатуры НКВД.

Несмотря на своевременное предупреждение о подготовке к приему спецпереселенцев в конце 1943–1944 гг., многие области республики материально не были готовы к нему. Свободных жилых помещений для размещения огромного количества людей было недостаточно. Спецпереселенцы были размещены крайне скученно: на одного человека приходилось жилой площади от 0,9м² до 1м², причем больные часто не изолировались и находились вместе со здоровыми переселенцами. Архивные документы свидетельствуют о том, что из-за нехватки жилых помещений переселенцев часто размещали в овощехранилищах. В Лозовском, Цюрупинском, Иртышском, Максимо-Горьковском районах не уделялось серьезного внимания строительству жилых домов. К примеру, на 27 июля 1944 г. в Лозовском районе было построено 112 домов вместо 505 планированных, в Цюрупинском — 133 вместо 505, в Иртышском из 94 намеченных по плану не построено ни одного и т.д. [39,

л.126]. Несмотря на такое сложное положение, на 15 января 1944 г. бюро обкома КП(б)К планирует принять к расселению 50400 человек спецпереселенцев [11; 165].

Преступное, бюрократически безнравственное отношение к переселенцам имело самые негативные последствия. Об этом, в частности, свидетельствует следующий факт. В решении Бюро ЦК КП(б) Казахстана от 21 мая 1945 г. отмечалось: «...Проверкой, проведенной на месте аппаратом Уполномоченного КП (б) при ЦК ВКП(б) по Казахстану, установлено, что в Цюрупинском районе Павлодарской области имели место возмутительные факты варварского отношения со спецпереселенцами со стороны руководителей района и отдельных председателей колхозов, которые даже не заботились о выдаче хлеба. В районе имели место многочисленные факты истощения и смерти (только в 1-м квартале 1945 г. в районе умерло от истощения 230 человек)» [40; 88].

Недочеты, имевшие место в ходе приема и устройства депортированного населения, объясняются трудностями военного времени. В тот период Цюрупинский район являлся одним из маломощных районов области. Это подтверждается тем, что Павлодарский облисполком просил помощи у республиканских властей для внутриобластного переселения. Совнарком КазССР и ЦК (б) Казахстана разрешили Павлодарскому облисполкому в августе 1945 г. переселить 300 спецпереселенцев из маломощных колхозов Цюрупинского, Галкинского, Кагановического и Лозовского районов в более мощные совхозы и колхозы Иртышского, Максимо-Горьковского, Михайловского и Урлютюбского районов. В связи с отсутствием средств для передвижения спецпереселенцев республиканские власти удовлетворяют просьбу Павлодарского облисполкома [41, л.25]. Из этого следует, что экономическое состояние некоторых районов области было экономически слабым.

С окончанием войны положение Павлодарской области не очень изменилось, как и в целом по республике. В сентябре 1945 г. областные власти дополнительно просят отпустить кредит для жилищного строительства спецпереселенцев в размере 4-х млн. рублей. Так как аналогичное положение с использованием кредитов создавалось и в других областях, Совнарком запросил Сельхозбанк Союза ССР о дополнительном ассигновании 15 млн. рублей. После решения данного вопроса области был выдан требуемый кредит [41, л.63].

Даже в 1948 г. социальное положение некоторых спецпереселенцев оставалось крайне тяжелым. Исследование архивных материалов свидетельствует, что 523 семьи спецпереселенцев Павлодарской области (из них 73 семьи чеченцев и ингушей, 459 семей немцев) не имеют постоянной жилой площади, им фактически не была оказана помощь в строительстве ни транспортом, ни денежными средствами [11; 200].

Появление в составе населения республики спецпереселенцев потребовало от руководства Казахстана проведения политической работы среди этого контингента. Политическая деятельность партийных, профсоюзных и советских организаций была направлена на активное вовлечение насильственно депортированного населения в общественное производство, так как республика чрезвычайно нуждалась в трудовых кадрах для народного хозяйства и укрепления экономического потенциала страны.

Слабая политическая подготовка пропагандистов и политработников негативно отразилась на уровне разъяснительной работы как среди спецпереселенцев, так и среди местного населения. Руководство областей и районов воспринимало депортированное население как врагов народа. Подтверждением этого является выступление наркома внутренних дел Казахстана Н.К.Багданова на X пленуме ЦК КП(б) Казахстана (5–9 апреля 1944 г.), где он сказал: «Эти люди Советским правительством наказаны за то, что в момент нахождения немецких войск на Кавказе большая часть из них являлась пособнической базой немцев, выступали с оружием в руках против Красной Армии, а часть из них составляли шпионы, диверсанты и т.п.». Далее говорилось о том, что «они должны честным трудом искупить вину перед народом Советского Союза» [32; 9].

Тяжелое бытовое положение явилось причиной «оживления антисоветских настроений, распространения различных слухов, пораженческой агитации, разлагательской работы в колхозах». В связи с этим в директивном письме от 4 октября 1941 г. ЦК КП(б) Казахстана обязывает все партийные организации обратить особое внимание на политическую работу в колхозах, где имеются и куда прибывают немцы-переселенцы, и обеспечить проведение повседневной политической работы среди них [24; 103–104].

Институт депортации народов в том виде, в каком он сложился в бывшем СССР, с самого начала был сопряжен с массовым нарушением прав людей. Во-первых, человек, независимо от того, совершил он или не совершил вменяемое ему деяние, подвергался наказанию. Тем самым государство изначально ставило всех представителей депортированных народов в юридически ущербное положение.

ние. Во-вторых, правовая ущербность, незащищенность, уязвимость всех выселенных сопровождались новыми нарушениями их прав и свобод.

Представители депортированных народов были с самого начала их выселения морально и социально ущемлены и лишены элементарных прав человека. Не обеспечивалось право сохранности личного имущества и собственности спецпереселенцев, хотя и предусматривалась государственными документами сдача специальным комиссиям принадлежавших спецпереселенцам сельскохозяйственного инвентаря, скота, зернофуража, с последующим возмещением их на месте расселения. Практически данные обязательства на местах не выполнялись.

Прибытие в Павлодарскую область эвакуированных детей и детей спецпереселенцев также было осложнено военным временем. Дети разных возрастов, без родных, естественно, размещались в детских домах и интернатах, обеспечение продуктами питания было неудовлетворительное [13, л.326].

В связи с пребыванием на территории области детей различных национальностей серьезное внимание уделяется их обучению. На основании разъяснения Наркомпроса КазССР по данному вопросу от 17 сентября 1941 г. ОблОНО сообщает, что все дети разных национальностей должны быть охвачены обучением на родном языке. В то же время вопрос об обучении детей различных национальностей должен решаться в каждом отдельном случае, в зависимости от количества таких детей в населенных пунктах и обеспеченности учителями, способными вести преподавание на родном языке детей. Выходят Постановления бюро Павлодарского обкома (3 апреля 1943 г.) об обучении на родном языке детей-украинцев, эвакуированных из Украинской ССР, где ставится задача выявить желающих скомплектовать группы и назначить учителей [42, л.10а]. В связи с переселением в область большого количества чеченцев, ингушей (дети разного возраста составляли более 7 тыс.) встает вопрос о том, как их обучать: дети не знали ни казахского, ни русского языков. Руководство КазССР принимает решение: независимо от возраста посадить всех в 1 класс, или же допустить к преподаванию чеченцев и ингушей. Надо сказать, что этот вопрос, с разъяснением органов НКВД, нарком просвещения А.Сембаев решает положительно для детей: «переселенцев чеченцев и ингушей, имеющих высшее образование и опыт работы, допускать только на педагогическую работу и не рекомендуется использовать на руководящей работе» [43, л.58]. В феврале 1943 г. организовано осуществляется прием в детские учреждения польских детей.

Что касается учителей немецкой национальности, то разъясняется: оставить на педагогической работе уже работающих, а вновь на педагогическую работу не направлять, до особого распоряжения. Разъяснение отправлено за подписью заместителя наркома просвещения Тлеубердина. Согласно предварительным указаниям НКП КазССР немецкие дети должны обучаться на русском языке [28; 35].

8 января 1945 г. вышло Постановление СНК СССР «О правовом положении спецпереселенцев» [44, л.40], в котором спецпоселенцы формально определялись как полноправные граждане. Однако в этом постановлении было ограничение, которое ущемляло их в правовом положении. Они не имели права без разрешения коменданта спецкомендатуры НКВД отлучаться за пределы района расселения, обслуживаемого данной спецкомендатурой, в противном случае самовольная отлучка рассматривалась как побег и влекла за собой ответственность в уголовном порядке. Спецпереселенцы были обязаны строго соблюдать установленный для них режим и общественный порядок в местах поселения и подчиняться распоряжениям спецкомендатуры НКВД. За нарушение режима и общественного порядка в местах поселения спецпереселенцы подвергались административному взысканию в виде штрафа до 100 рублей или ареста до 5 суток. Аппаратом МВД КазССР проводилась большая работа по разъяснению данного постановления СНК СССР в местах поселения спецпереселенцев, что привело к значительному сокращению побегов и самовольных выездов.

В конце 1945 г. переселенные в военное время немцы, калмыки, карачаевцы, балкарцы, чеченцы, ингуши, крымские татары и другие спецпереселенцы признаются равноправными гражданами СССР и вносятся в списки избирателей на общих основаниях. Но не все спецпереселенцы приняли это известие с радостью. Поступившие в УНКВД данные свидетельствуют о том, что по вопросу предстоящих выборов в Верховный Совет СССР в значительной мере было проявлено недовольство. Так, например, спецпереселенец А.Я.Кайль, проживающий в Урлютюбском районе, говорил: «...Советское правительство спасалось от разгрома, теперь проводит выборы в Верховный Совет СССР, эти выборы долго существовать не будут, через год-два Советского государства не будет, его уничтожат, как хотел Гитлер, он добьется своего». Спецпереселенцы Кирсенгер и Курц утверждали, что голосовать не пойдут, хотя получили бюллетени, объясняя тем, что кандидатура назначается где-

то, и выбор населения не учитывается [11; 192]. Аналогичные факты отрицательных высказываний со стороны спецпереселенцев имели место и в других районах области.

Казахстан, как никакая другая страна бывшего Союза, перенес все тяготы и страдания, связанные с массовым переселением ни в чем не повинных людей на его территорию. Казахстанцы не только приняли обездоленных, но и сами вобрали в себя всю боль, унижения и оскорбления депортированных народов. Теперь уже известно, что спецпереселению, насильственному выселению, бесчеловечной депортации подверглись более 40 народов бывшего СССР. Годы совместной жизни и деятельности сформировали у казахстанцев устойчивое неприятие каких-либо признаков этнонационалистической политики тоталитарного режима.

Таким образом, национальная политика тоталитарного режима сыграла огромную роль в формировании национальной структуры населения, в частности, Павлодарской области. Переселенческие потоки из разных районов бывшего Союза увеличили население Павлодарской области и привели к появлению группы неместного населения. Спецпереселенцы и эвакуированные органично влились в многонациональный состав населения республики, с их вкладом связано развитие отраслей народного хозяйства. Оглядываясь в прошлое, проникаемся все большим состраданием и уважением к депортированным народам, без вины пострадавшим в период сталинского режима. Они не только выжили, но заново возродились, сохранили язык, веру, национальные обычаи

Список литературы

1. Хан С.М., Хан В.С. Еще раз о причинах депортации корейцев // Коре ильбо. — 1994. — 24 сент.
2. Ким Г.Н. Социально-культурное развитие корейцев Казахстана: научно-аналитический обзор. — Алма-Ата: Ғылым, 1989. — 60 с.
3. Бугай Н.Ф. Погружены в эшелоны... // История СССР. — 1991. — № 1. — С. 144–150.
4. Центральный государственный архив Республики Казахстан (далее — ЦГА РК). Ф.1987. — Оп. 1. — Д.12.
5. Мы живем в Павлодаре. Фотоальбом / Сост. М.А.Эм. — Павлодар. — ТОО «Дом печати». — 2003. — 184 с.
6. ЦГА РК Ф.195. — Оп. 3. — Д.75.
7. Шотбакова Л.К. Национальный аспект переселенческой политики и коренизации в Казахстане в 1917–1947 гг.: Дис...канд. ист. наук. — М., 1995. — 190 с.
8. Кан Г.В. Корейцы Казахстана: исторический очерк. — Алматы: Казахстан, 1994 — 240 с.
9. Государственный архив Павлодарской области (далее — ГАПО). Ф. 909. — Оп. 11. — Д.192.
10. ЦГА РК Ф.1987. — Оп. 1. — Д.8.
11. Забвению не подлежит / Управление архивами и документацией Акимата Павлодарской области.; Сост.: Е.К.Афанасьева. — Павлодар: ЭКО, 1997. — 286 с.
12. ГАПО Ф.646. — Оп. 1. — Д. 178.
13. ГАПО Ф.634. — Оп. 1. — Д. 80.
14. Архив Президента Республики Казахстан (далее — АП РК). Ф.223. — Оп. 10. — Д. 549.
15. АП РК Ф. 223. — Оп. 11. — Д. 552.
16. ГАПО Ф. 1046. — Оп. 1. — Д.1 6.
17. ГАПО Ф. 1046. — Оп. 1. — Д. 18.
18. ГАПО Ф. 825. — Оп. 1. — Д. 53.
19. ГАПО Ф. 909. — Оп. 9. — Д. 12.
20. Соколкин Э. По секретному приказу: О депортации польских граждан в Казахстан // Звезда Прииртышья. — 1993. — 8 июня.
21. Лисовская И. Поляки благодарны за прием // Звезда Прииртышья. — 2001. — 7 июля.
22. И.Сталин–Л.Берия: «Их надо депортировать...»: документы, факты, комментарии / Вступит. ст., сост., послесловие Н.Ф. Бугай. — М.: Дружба народов, 1992. — 286 с.
23. Алдажуманов К.С., Алдажуманов Е.К. Депортация народов — преступление тоталитарного режима. — Алматы: Фонд «XXI век», 1997. — 16 с.
24. Из истории немцев Казахстана (1921–1975). Сб. документов. Архив Президента Республики Казахстан. — Алматы-М.: Готика, 1997. — 376 с.
25. ГАПО Ф. 486. — Оп. 1. — Д. 35.
26. Хасанов М. «Для расселения выделить районы Казахстана...» (Архивные документы о депортации народов в Казахстан) // Депортация народов и проблемы прав человека. Материалы семинара. 12 июня 1997 / Институт истории и этнологии. — Алматы: Фонд «XXI век», 1998. — 82 с.
27. ГАПО Ф.3-п. — Оп. 1. — Д. 243.
28. История российских немцев в документах (1963–1992 гг.) / Сост. В.А.Ауман, В.Г.Чеботарева. Т. 1 (раздел 4) — М., Российский экономический журнал. — 1994. — 510 с.
29. Винтер И. Трудоармейки // Нива. — 2005. — № 12. — С. 116–122.

30. *Калыбекова М.Ч.* Казахстан как объект политики насильственного переселения народов (1937–1956 гг.) // Вестник КазНУ. Сер. истор. — 2004. — № 2. — С. 81–83.
31. *Бобрешова О.* Секреты архивов: [Закончена работа по выявлению ценных документов за 1937–1943 гг. по Павлодарской области] // Звезда Прииртышья. — 1996. — 21 нояб.
32. *Жумашева Б.* Присоединение — переселение — истребление // Мәдениет. — 1992. — 15–31 наур. — С. 8–12.
33. ГАПО Ф.646. — Оп. 1. — Д. 252.
34. ГАПО Ф.646. — Оп. 1. — Д. 288.
35. *Есимханова К.* Вторая родина // Звезда Прииртышья. — 2004. — 21 февр.
36. ГАПО Ф.646. — Оп. 2. — Д. 46.
37. *Жангутин Б.* Вынужденные мигранты в Казахстане в 1930-е годы: численность и состав // Отан тарихы. — 2002. — № 3. — С. 95–98.
38. АП РК Ф.708. — Оп. 8. — Д. 1342.
39. ГАПО Ф.646. — Оп. 1. — Д. 255.
40. *Какенова А.А.* Социально-демографические процессы в Северном Казахстане в 1926–1959 гг.: Дис... канд ист. наук. — Алматы, 2002. — 142 с.
41. ЦГА РК Ф. 1137. — Оп. 12. — Д. 339.
42. ГАПО Ф. 3-п. — Оп. 1. — Д. 420.
43. ГАПО Ф. 785. — Оп. 1. — Д. 1.
44. ГАПО Ф. 1438. — Оп. 1. — Д. 18.

УДК 371.13:372.893(574) «1985/2008»

Л.И.Зуева

Карагандинский государственный университет им. Е.А.Букетова

ПОДГОТОВКА ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КАДРОВ В 1985–2008 ГОДЫ: НЕОБХОДИМОСТЬ ПЕРЕМЕН

Мақалада XX ғасырдың соңғы 15 жылындағы тарих пәнінің мұғалім кадрларын даярлау мәселелері қарастырылады. Онда мектептердегі жас мұғалімдердің аздығы, кадрлардың басқа салаларға кетуі, мұғалімдіктің әлі де әйел адамдарға тән мамандық болып қалу себептері анықталады.

In article author considered the problems of professional training teachers of history for last 15 years of XX century, he found out the reasons of that at schools, despite of mass preparation in high schools not enough youth works. The teacher's profession still remains female. There is an outflow of the teacher's specialists in other spheres of labour activity.

В стратегии вхождения Республики Казахстан в число пятидесяти наиболее конкурентоспособных стран мира Президент Н.А.Назарбаев отмечал: «Нам нужна современная система образования, соответствующая потребностям экономической и общественной модернизации [1; 4].

Правительство рассматривает образование как важнейшее условие успешной реализации поставленных задач. Для современного этапа развития общества характерны высокие темпы научно-технического прогресса, качественные изменения в экономике производства и характере труда. Возрастают требования к образованию и воспитанию широких масс трудящихся, учащейся молодежи.

Важная роль в системе образования и воспитании школьников в числе других общественных учебных дисциплин принадлежит истории. Курсы истории содержат необходимый учебный материал, позволяющий с учетом возраста и познавательных возможностей формировать у учащихся понимание роли труда в возникновении человеческого общества, создании материальных и духовных благ [2; 10].

Учитывая тот факт, что школьное образование охватывает значительные массы населения, являя типичные моменты, соответствующие определенному времени, что оно существенным образом влияет на развитие «сообществ» — учителей, учеников, рабочих, крестьян, интеллигенции, наций в целом — и включает в стадии своего развития весь спектр многообразных связей с другими науками, можно смело утверждать, что оно имеет решающее значение для установления исторических каузальных связей [3; 27].

В настоящее время в Казахстане идет становление новой системы образования, ориентированной на вхождение в мировое образовательное пространство. Действующая традиционная система обучения переживает глубокий кризис и вошла в противоречие с новыми условиями информационного взрыва, глобальной информатизации всех сфер жизни современного человека. Эти противоречия все более усиливаются. Учитель перестал являться основным источником знаний для учащихся. На детей и подростков обрушилась лавина информации из различных источников: телевидение, видеофильмы, компьютерные программы и игры, Интернет, разнообразная учебная и научно-популярная литература, дополняющая стандартные школьные учебные пособия и пр. Фронтальная система обучения и классно-урочный принцип организации учебных занятий не способны в настоящее время обеспечить решение задач подготовки компетентных специалистов на современном уровне, обладающих критическим системным мышлением, способных творчески решать нестандартные проблемы и находить высокоэффективные решения. Для коррекции, уточнения и углубления стратегических ориентиров государственной образовательной политики, принятия действенных управленческих решений по модернизации системы образования необходимо иметь целостную и достоверную информацию о состоянии образования и тенденциях его развития, соответствующую требованиям и стандартам международного образовательного пространства.

В течение последних 15 лет ход развития образования, а также акцент на школьном обучении как главном компоненте процесса модернизации были обусловлены в определенной мере политическими и экономическими кризисами. На экономическом уровне правительство направляло свою деятельность в области образования на обеспечение технологической модернизации, которая могла бы привести общество к более стабильному экономическому росту. Исходя из современных тенденций развития, как на региональном, так и международном уровне, процесс разработки государственной политики, вероятно, еще более усложнится. Успех или неудача планирования образования в значительной степени зависят не только от способов его концептуализации, но и от экономической и политической стабильности в стране.

Известно, что неуклонное повышение затрат на образование и подготовку кадров приносит экономическую выгоду в самом ближайшем будущем. Поэтому капиталовложения в образование принято считать наиболее выгодными. И хотя методики расчета такой выгоды нередко спорны, существо дела состоит в том, что вкладывая средства в наращивание своего интеллектуального потенциала, общество неизменно оказывается в выигрыше.

Кризис образования середины 80-х годов был обусловлен тем, что победил так называемый остаточный принцип. Если даже в оценке финансирования образования не исходить из показателей доли национального дохода, идущего на образование, как это делается во всем мире, а оценивать доли госбюджета на эти цели, то оказывается, «что в последние 15 лет эта доля неуклонно снижалась. В 1980 г. — 10,5 %, в 1985 — 9,8 %. Это привело к тому, что если в 1950 г. в СССР на нужды образования тратилось 10 % национального дохода, а в США — 4, то в 1985 г. в СССР — 7 %, а в США — 12 %» [4; 23]. Еще одно из проявлений кризиса — отсталость материально-технической базы народного образования. Наряду с сокращением доли расходов сокращался и ввод в строй объектов народного образования. Если в 1971–1975 гг. было свыше 8 млн. ученических мест, в 1976–1980 гг. — 6,7 млн., а в 1981–1985 гг. — 5,2 млн. [4; 24]. В ряде регионов и республик заметно возросла сменность занятий в дневных общеобразовательных школах. В Казахской ССР, например, по данным Вестника статистики в 1985–1986 уч.г. во вторую и третью смены занимались 31,5 % учащихся, в 1986–1987 — 30,8 %, а в 1987–1988 гг. — уже 33,2 %.

Истоки многих проблем школьного образования последних двух десятилетий были на низком уровне востребованности знаний и культуры в обществе. Понижение статуса образования, культуры, интеллигентности привело к распространению формализма, к деформации общекультурной подготовки учащихся, понижению творческого аспекта обучения. «Сравнение доли расходов на образование в национальном доходе СССР и США показывает наше отставание. В начале 80-х годов среднее число лет обучения в СССР составляло 9 лет, в США — свыше 12 лет (переход к всеобщему двенадцатилетнему обучению был завершен в конце 60-х годов, в СССР этот вопрос был только поставлен на повестку дня в конце 80-х годов). Если в США в 1985 г. на образование тратилось 178,6 млрд. долларов, то в СССР — 37,9 млрд. рублей» (табл. 1) [4; 68].

Т а б л и ц а 1

Расходы из государственного бюджета на образование (млрд. рублей)

	1980	1985	1987
Национальный доход	462,2	578,5	599,6
Расходы государственного бюджета всего	294,6	386,5	430,9
В том числе на образование	31,1	38,0	42,5
Общеобразовательные школы всех видов	9,2	11,3	13,3

Примечание. Источник — Вестник статистики. — 1988. — № 5. — С. 11; Народное хозяйство СССР в 1987 г. — С. 14, 591, 592.

Показателем кризисного состояния школьного образования является также нехватка учительских кадров при избытке их подготовки и тогда, и сейчас. Несмотря на повышение заработной платы, до сих пор не удалось преодолеть тенденцию ухода учителей из школы и нежелание части выпускников вузов работать в школе. В обществе неуклонно рос и до сих пор растет кризис доверия к учителю и школе, который получил свое отражение в широком распространении репетиторства. Возникла парадоксальная ситуация, когда при наличии в аттестатах выпускников школы хороших и отличных оценок родители вынуждены обращаться к репетиторам, так как знания, полученные в школе, не гарантировали поступления в вузы.

Рабочее время учителя лишь частично регламентируется его учебной нагрузкой: фактические затраты времени в 2–3 раза превышают официально установленную норму. По подсчетам социологов, учитель выполняет 258 видов работ (без общественных поручений), не связанных с учебно-воспитательным процессом.

Затрачиваемое рабочее время учителей достигает 60 часов в неделю — примерно в полтора раза больше, чем установленная продолжительность рабочего времени других категорий [5; 153]. Однако заработная плата в образовательной сфере значительно ниже, чем у других работников, труд которых не требует высокой квалификации. Низкая заработная плата утрачивает свои экономические функции как стимулятор качественного труда, поддержания высокой трудовой этики исполнителей, основы дифференциации оплаты, гаранта сохранения соответствия сложности труда и цены рабочей силы.

Т а б л и ц а 2

Заработная плата работников системы образования 1992–1995 гг.

Годы	Среднемесячная зарплата работников (тенге)			
	образования	народного хозяйства	материального производства	непроизводственной сферы труда
1992 (руб)	2363	4453 (53 %)	5015(47,1 %)	2779 (86,9 %)
1993	85,1	126,4 (67,3 %)	138(61,7 %)	92,6(91,9 %)
1994	855,1	1642,2 (49 %)	1383,2(43,1 %)	1123,7(76,1 %)
1995	2726,9	4794,8 (56,9 %)	5552,8(49,1 %)	3278,2 (83,2 %)

Примечание. В скобках указан удельный вес средней зарплаты работников образования по отношению к работникам других сфер. См.: Шакаманов Ю.К. Тенденции человеческого развития в Казахстане. — Алматы, 2001. — С. 172–205; данные текущего архива Департамента образования г. Караганды.

Средняя зарплата в системе образования в первом полугодии 2000 г. составляла 61,8 % средней заработной платы по экономике. Это один из наглядных фактов несоответствия вознаграждения затраченному труду (табл. 2). Если сравнить эти данные с данными сборника «Народное хозяйство СССР в 1987 г.», то показатели 1995 и 1997 гг. окажутся на уровне 1960 г. (4,5 %), а показатели

1999 г. почти сравняются с уровнем 1987 г. (3,1 %) [6; 591–592]. В результате этого наблюдается большая текучесть педагогических кадров. Если в 1993/1994 учебном году в школах работали 280,7 тыс. учителей, то в 1997/1998 — 241,6 тыс. Число учителей уменьшилось на 13,9 %. Как правило, в современных условиях наиболее материально обеспеченной группой являются учителя 54–55 лет, когда зарплата учителя достигает максимума. Однако уже в силу возраста возможности этой группы ограничены. Что же касается молодых преподавателей, то их положение существенно не улучшилось.

Одним из факторов низкой эффективности системы школьного образования является нехватка и текучесть квалифицированных кадров. Это обусловлено многими факторами; например, сокращением количества педагогов с высшим образованием. Так, например, к концу 1998 г. только 68 % учителей имели высшее образование. Профессиональный уровень подготовки учителей также оставляет желать лучшего. Кроме того, явно выражена тенденция старения учительского состава. Из-за дефицита учительских кадров в сельской местности не преподаются такие дисциплины, как иностранные языки, ИЗО, информатика, математика, музыка, черчение. Попросту не хватает средств на переподготовку педагогических кадров [7]. Эта ситуация с середины 1980-х годов остается стабильной, хотя такая характеристика была дана состоянию образования в Казахстане в конце 90-х годов.

Еще «в 1986 г. целые отрасли народного хозяйства стали преимущественно «женскими» — 75 % работников народного образования составляли женщины» [8; 415], и такая ситуация существует до сих пор. По данным статистики в 1987 г. на каждые 1000 человек приходилось 889 лиц, имеющих высшее и среднее (полное и неполное) образование. Среди населения в возрасте 10 лет и старше удельный вес имеющих среднее образование возрос с 10,9 до 41,5 % [8; 523].

Общество, находящееся в новых условиях, предъявляет к образовательной сфере иные требования, связанные с изменением государственного и социального заказа на образовательные услуги. Это определяется изменением структуры спроса на профессиональную подготовку кадров, изменением взглядов на понятие образованности человека. В огромной степени перестройка школы зависит от педагогического таланта и творческого поиска лучших учителей. По данным опросов большинство учителей опираются в своей деятельности на опыт учителей-новаторов (56 %) и труды и советы ученых-практиков старшего поколения (38 %) [8; 27].

В Концепции становления исторического сознания в Республике Казахстан 1995 г. было отмечено, что «требуется реформирования вузовская система преподавания истории для студентов всех специальностей и подготовки профессиональных историков» [9; 27].

«Изменение структуры и содержания среднего образования потребует значительного обновления системы подготовки и повышения квалификации педагогических кадров. На смену педагогу-предметнику, «транслятору знаний», должен прийти профессионально компетентный педагог, владеющий новыми педагогическими технологиями, средствами информатизации обучения, современными формами воспитания» [10; 3]. И дело тут не только в отказе от политизированного и идеологизированного содержания школьных программ по истории, но и в провозглашении таких социальных целей образования, как формирование уважения к разнообразию, плюрализму, толерантности, способности к позитивному восприятию чужого мнения.

Отличительными признаками традиционной технологии обучения являются: однородность и стабильность учебного коллектива, единый годовой план и программа, жесткое расписание, регламентация деятельности учащихся, принудительность обучающих процедур, основная единица занятий — урок, ориентация на среднего ученика. В результате ученики с замедленной интеллектуальной деятельностью не справляются с учебной программой и не выдерживают заданного темпа, попадая в разряд хронических «двоечников»; сильные ученики с быстродействующим интеллектом испытывают скуку и не могут реализовать свой потенциал, у них школьное обучение приводит к потере интереса, притуплению способностей и нарушению дисциплины. Между тем решение большинства проблем школьного образования возможно на основе перехода к новым образовательным технологиям, ориентированным на личностное развитие ребенка.

Современная методика изучения истории в школе предусматривает освоение педагогами новых методических моделей, эффективных форм учебных занятий, включающих разные виды активности учащихся. Жизнь сама подсказывает новые формы уроков, нужно только увидеть их и осмыслить. Любой учитель истории применяет хотя бы изредка в своей деятельности нетрадиционные формы обучения школьников. Они представлены и как фрагменты в композиции урока, и как урок, полностью посвященный реализации одного из методов. Это связано со становлением нового стиля педагогического мышления учителя, ориентирующегося на эффективное решение образовательно-

воспитательных задач в условиях скромного количества предметных часов, на усиление самостоятельной творческо-поисковой деятельности школьников. Арсенал форм уроков современного учителя истории не просто обновляется под влиянием усиливающейся роли личности учащегося в обучении, но и трансформируется в сторону новых форм преподнесения материала.

К сожалению, обмен информацией между научными работниками и специалистами-практиками продолжает оставаться неэффективным. Поэтому необходимо обновить и систематизировать информацию, на которой основываются наши представления об образовании. Например, в капиталоемких секторах продолжительность производственных циклов и переход к новым технологиям заставляют предприятия планировать свои решения на сроки от 2 до 5 и от 15 до 20 лет. Образовательные циклы также не соответствуют политическим. Время, необходимое для определения результативности реформы образования, превышает сроки полномочий политиков, отвечающих за ее реализацию. Нужно в среднем 11 лет учебы в школе, 4 года в высшем учебном заведении, чтобы подготовить квалифицированного специалиста. Еще больше времени потребуется для полного раскрытия талантов преподавателя нового типа.

Груз прошлого, давление административно-бюрократического аппарата, бюджетный дефицит значительно ограничивают маневренность, инновационные возможности образовательной системы даже при ее плановом характере. Образовательные планы с их стремлением к цифровой точности часто становятся жертвами собственной оторванности от социальной реальности. Точность цифр не заменяет правильного диагноза.

На начало 2007–2008 учебного года в республике действовало 7958 дневных общеобразовательных школ, что на 1,2 % меньше, чем в предыдущем. В городской местности расположено 23,7 %, в сельской — 76,3 % школ Казахстана. Государственными являются 98,5 % школ. Количество частных школ по сравнению с предыдущим учебным годом уменьшилось на 6 единиц. Численность учащихся в дневных общеобразовательных школах в 2007 г. составила 2,6 миллиона человек, что меньше по сравнению с 2006 г. на 3,3 %. Из общей численности учащихся 49 % — городские школьники и 51 — сельские; на начальной ступени образования обучается 36,4 %; основной — 52,0; старшей ступени — 11,6 %.

Тенденция снижения численности учащихся на уровне среднего общего образования, сохраняющаяся на протяжении последних лет, является следствием негативных демографических процессов в прошлом и ежегодного увеличения доли детей, переходящих после окончания основной школы на уровни начального и среднего профессионального образования. *В основном и среднем общем образовании* доля преподавателей с высшим образованием по республике составила в 2007 г. 90,3 % (в 2006 г. — 90 %).

Тенденция увеличения доли педагогов с высшим образованием и снижение доли педагогов с начальным и средним профессиональным образованием наблюдается по республике на протяжении нескольких лет.

Несмотря на некоторое снижение доли педагогов, имеющих только среднее общее образование, по республике и во многих регионах этот показатель все еще оставался высоким, что является нарушением п.1 ст. 51 Закона «Об образовании». Так, в Акмолинской области 474 учителя (3,3 %) работали со средним общим образованием. Высокое значение этого показателя также наблюдается в Актюбинской (2,7 %; 393 чел.) и Павлодарской (2 %; 247 чел.) областях.

Доля учителей общеобразовательных школ, имеющих высшую, первую и вторую категории, по республике и в регионах продолжает увеличиваться. При этом состав учителей с высшей категорией в городской местности (20,9 %) на 11,3 % выше, чем в сельской местности (9,6 %), разница доли учителей с первой категорией составляла 0,5 %, со второй — 3,6 %, с не имеющими категории — 8,2 % [11; 12–13].

Повышение качества подготовки специалистов зависит от качества учебных планов и программ, от того, насколько в них учитываются последние достижения науки и техники. Цикл специальных дисциплин, обеспечивающих предметную подготовку учителя, изменен таким образом, что в процессе обучения проводится более углубленная фундаментальная подготовка студентов. Это достигается интегрированием изучаемых курсов. Улучшению профессионально-педагогической подготовки будущих учителей истории способствуют курсы по выбору, которые включены в учебные планы для оперативного отражения новейших достижений науки и специфики будущей работы.

Школьные и вузовские программы по истории меняются. И от того, в какую сторону будут идти эти перемены, зависит судьба исторического образования и в значительной степени образования в целом. Прежние советские типовые программы по истории в школе и в вузе отводили казахстанской

истории второстепенное место. Теперь ситуация изменилась. История Казахстана стала ведущим направлением исторического образования и исторической науки. Общество предъявляет к образовательной сфере новые требования, связанные с изменением государственного и социального заказа на образовательные услуги. Это определяется изменением структуры спроса на профессиональную подготовку кадров, изменением взглядов на понятие образованности человека. Помимо социокультурных факторов, образование испытывает влияние, связанное с лавинообразным нарастанием совокупных знаний человечества, что требует ограничения и селекции материала, включаемого в образовательную программу общего образования.

Новые программы по истории требуют обеспечения глубоких знаний, всестороннего воспитания, привития учащимся навыков, имеющих практическое значение. Успешное осуществление этих требований способствовало бы получению школьниками прочных знаний. В соответствии с этими задачами на страницах центральной печати, в методических пособиях чаще стали подниматься вопросы, связанные с применением приемов и методов обучения, направленных на развитие познавательной деятельности, мыслительных способностей и повышение активности учащихся.

Выпускник современной школы должен обладать не только определенной суммой знаний, развитым формальным интеллектом, но и иными способностями — критическим мышлением, умением действовать в реальных социальных условиях, строить собственную жизненную траекторию, иметь опыт самостоятельной деятельности и личной ответственности [12; 270–274].

Серьезным противоречием является несоответствие между высокими требованиями, предъявляемыми временем к школе, и случайностью выбора многими профессии учителя. До половины и более студентов идут в педагогические вузы только для получения диплома и дальнейшей переориентации. Прослеживается такая ситуация: чем способнее студент, тем решительнее он настроен сменить профессию учителя.

В перестройке системы преподавания многое зависит от самого учителя. Учитель — непосредственный творец учебного процесса, создатель неисчислимого множества конкретных учебных ситуаций, через которые проходит ученик на протяжении всего периода школьного обучения. Нельзя не согласиться с тем, что именно от учителя всецело зависит успешность учебно-воспитательной работы. Какие бы реформы и модернизации ни проводились, все они, в конечном счете, замыкаются на учителе. Потому что нет чудодейственных систем, есть творческая, социально-активная личность, педагог, умеющий нешаблонно мыслить, профессионально действовать, создавать новые общественные ценности. Чтобы на высоком уровне выполнять свои функции, учитель должен стать творцом, созидателем, повседневно обогащаться тем новым, что дает современность, жить интенсивной духовной жизнью.

«Учитель из наставника, ментора, глашатая знаний превращается в ученого особого, можно сказать высшего типа, совмещающего в себе педагога-экспериментатора, теоретика и практика, руководителя исследуемого коллектива, тонкого психолога-воспитателя» [13; 285]. С началом XXI в. становится всё более очевидно, что умения и навыки исследовательского поиска в обязательном порядке требуются не только тем, чья жизнь уже связана или будет связана с научной работой, но всем окружающим. Они необходимы каждому человеку. Потому желание современных педагогов максимально приблизить учебную деятельность ребёнка в школе к познавательной постепенно трансформируется из декларации в реальную потребность.

Общей основой при этом должны стать оценка и отбор альтернативных предположений по определению критерия профессиональной культуры учителя истории, развитие чувства нравственной ответственности за свои действия, за все, происходящее в мире.

Список литературы

1. Стратегия вхождения Казахстана в число 50-ти наиболее конкурентоспособных стран мира // Индустриальная Караганда. — 2006. — 21 янв. — № 9.
2. Колоскова А.В. Актуальные вопросы методики обучения истории в средней школе. — М.: Просвещение, 1998. — 172 с.
3. Вебер Макс. Критические исследования в области логики наук о культуре. Культурология XX век: Антология. — М.: Наука, 1995. — 703 с.
4. Хроменков Н.А. Образование. Человеческий фактор. Общественный прогресс. — М.: Педагогика, 1989. — 192 с.
5. Филиппов Ф.Р. Школа и социальное развитие общества. — М.: Педагогика, 1990. — 160 с.
6. Народное хозяйство СССР в 1987 г. — М.: Просвещение, 1988. — 603 с.
7. Кушербаев К. Казахстанское образование на рубеже веков: национальная модель развития // Саясат. — 1998. — № 12. — С. 3–15.

8. Народное хозяйство СССР за 70 лет. — М.: Просвещение, 1987. — 576 с.
9. Концепция становления исторического сознания в Республике Казахстан. — Алматы, 1995. — 36 с.
10. Концепция развития образования в Республике Казахстан до 2015 года // Учитель Казахстана. — 2004. — 15 янв. — № 1–2.
11. Национальный доклад о состоянии и развитии образования (краткая версия). — Астана, 2008. — 170 с.
12. Государственный общеобразовательный стандарт среднего общего образования Республики Казахстан, утв. Приказом Министерства образования и науки Республики Казахстан, № 693 от 34 сентября 2002 г. — Алматы, 2002. — 315 с.
13. Волков Г.Н. Социология науки. — М.: Наука. — 1968. — 290 с.

УДК 947.1/9

М.О.Серкпаев

Кадетский корпус Министерства обороны Республики Казахстан им. Ш.Уалиханова, Щучинск

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ СОЗДАНИЯ СТРУКТУРЫ МЛАДШИХ КОМАНДИРОВ РУССКОЙ АРМИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Мақалада Ресей Федерациясы Қарулы Күштері үшін сержант құрамын дайындаудың кейбір аспектілері қарастырылады. Ресей Федерациясы Қарулы Күштерінің қолбасшылық құрамымен Бірінші бүкілармиялық сержанттар мен старшиналар мәжілісінде проблемалардың болуы және оларды қарастыруға көңіл бөлінеді.

In this article the author considers some aspects of preparation of the sergeant's staff for the Armed Forces of Russian Federation. Existing problems and their consideration by leading staff of the Armed Forces of Russian Federation at the First Whole Army conference of sergeants and first sergeants.

В русской армии младшие начальные люди (десятники), позднее называвшиеся урядниками, были уже в княжеских дружинах и постоянном стрелцком войске. В русской регулярной армии понятие «сержант» появилось в начале и просуществовало до конца XVIII в. Затем было введено звание капрал, просуществовавшее до конца XIX в., которое впоследствии было заменено на звание унтер-офицер. В Советский период в Красной армии введено 2 ноября 1940 г., а с 1946 г. в официальных документах существует как «сержант» и «старшина» [1].

Для различия в званиях младшие командиры носили на погонах поперечные нашивки (лычки), старшему и младшему унтер-офицерам полагались нашивки из тесьмы: старшему — три; младшему — две; фельдфебелю — одна широкая нашивка из галуна. С некоторыми изменениями сохранена эта традиция и до сих пор в государствах на постсоветском пространстве.

В начальный период создания регулярной армии унтер-офицеры выдвигались из числа солдат, в последующем Петром I были учреждены специальные военные школы, а в 1721 г. открыты гарнизонные школы, готовившие унтер-офицеров. К концу правления Петра Великого их в России насчитывалось около 50, кроме этого, им была установлена непрерывная служба дворян. Так, ребенок дворянского происхождения, получив домашнее образование, с 15 лет являлся на службу в полк и несколько лет нес службу солдатом или унтер-офицером для того, чтобы знать службу «с фундамента солдатского дела». Одним из ярчайших примеров подобной службы является генералиссимус А.В.Суворов, который с 1 января 1748 г. начал действительную службу в качестве капрала в Семёновском полку и лишь 25 апреля 1754 г. был произведен в поручики.

Для присвоения звания унтер-офицера требовалось пройти определенные этапы: во-первых, нужно положительное решение воинских начальников; во-вторых, должно быть отличное поведение; в-третьих, необходима определенная выслуга в звании рядового; в-четвертых, нужны знания службы и соответствующих предметов. Несмотря на это, подготовка унтер-офицерского состава в Российской армии до 1808 г. не была организована на должном уровне. Однако необходимость в подготовленных младших командирах была острой, что объяснялось возросшей ролью унтер-офицеров в бою. От них требовались проявление инициативы и боевой выучки, умелые действия в ходе сражения.

В связи с этим, в целях укомплектования армейских полков подготовленными унтер-офицерами, в 1808 г. в России был сформирован 1-й учебный гренадерский батальон, в следующем году форми-

руется 2-й учебный гренадерский батальон. Созданный в 1811 г. 3-й батальон предназначался для выучки унтер-офицеров в губернские батальоны с целью подготовки новобранцев.

В дальнейшем для подготовки унтер-офицеров в кавалерийские полки, был учрежден учебный кавалерийский эскадрон, а в артиллерию — две учебные роты. Наборы в батальоны проводились главным образом из числа воспитанников военно-сиротских отделений.

Однако количество унтер-офицеров, прошедших учебные батальоны, эскадрон и роты, было недостаточным. Поэтому по-прежнему широко практиковалось производство в унтер-офицеры лучших солдат, отличившихся в боях и службе, без предварительной учебной подготовки.

С особой остротой унтер-офицерский вопрос был поднят во второй половине XIX в., с введением в России воинской повинности и сокращением сроков военной службы.

В связи с этим в 1867 г. Военное министерство приняло решение о создании полковых учебных команд. Приказом по Военному ведомству в этом же году вводится Инструкция для специального обучения в войсках строевых и нестроевых нижних чинов. Срок обучения в учебной команде составлял 2 года. Учебные команды были учреждены при штабах всех пехотных и кавалерийских полков и в отдельных батальонах.

В эти учебные подразделения командиры рот направляли рядовых «хорошей нравственности, отличающихся способностями к службе и характером, необходимым для унтер-офицера», а также обладавших достаточным знанием грамоты. За время обучения нижние чины должны были усвоить приемы строевой подготовки, права и обязанности солдат. Кроме того, проводились занятия по Закону Божию, чтению, письму, арифметике, огневой подготовке, военной топографии, основам инженерного и санитарного дела. Преподавание носило практический характер, на классные занятия отводилось не более 16 часов в неделю. Руководство командой возлагалось на назначенного для этой цели младшего офицера, который пользовался правами командира роты. В обучении принимали участие также полковой священник, врач и офицер, заведовавший оружием. Успешно сдавшие выпускные экзамены, по представлению непосредственных начальников, производились в унтер-офицеры и назначались на вакантные должности в свои роты.

С ликвидацией рекрутской системы комплектования армии система подготовки унтер-офицеров в учебных командах была частично перестроена и усовершенствована. Это обстоятельство и явилось основной причиной выхода в 1875 г. приказа по Военному ведомству, которым объявлялось «Положение о приготвлении рядовых к унтер-офицерскому званию». Согласно ему срок обучения в полковых учебных командах был установлен в один год. Кроме обучения грамоте и общеобразовательным предметам, кандидаты в унтер-офицеры изучали общевоинские уставы, организацию войск, службы и довольствия солдата, военно-уголовные законы.

Существовали и специальные унтер-офицерские школы, например, техническая и пиротехническая — в Санкт-Петербурге. Они находились в ведении Главного артиллерийского управления и предназначались для подготовки: техническая — технических мастеров и мастеров-чертежников, пиротехническая — обер-фейерверкеров для артиллерийских управлений и заведений. Курс обучения в школах составлял три года. Четвертый год пребывания в школе воспитанники занимались практическими занятиями. В Тульской и Ижевской оружейных школах готовили оружейных мастеров для войск, управлений и заведений. Из военно-фельдшерских школ выпускались медицинские и аптечные фельдшера и т.д.

С введением в 1874 г. всесословной воинской повинности сроки службы стали более короткими. В этих условиях младшие командиры приобретали служебный опыт, авторитет, методические навыки работы с подчиненными лишь к концу обязательной военной службы. Следовательно, задача подготовки младших командиров осложнилась, так как требовалось готовить эти кадры из лиц, призванных на действительную службу. Военное министерство стало всемерно поощрять оставление на службе солдат, отслуживших положенный им срок. Число сверхсрочных строевых унтер-офицеров определялось с таким расчетом, чтобы на каждую роту, эскадрон, батарею приходилось по одному фельдфебелю (вахмистру) и не более двух взводных унтер-офицеров.

Приказ по Военному ведомству от 1874 г. утвердил «Положение о приеме на службу сверхсрочнослужащих унтер-офицеров». Унтер-офицеры, желавшие остаться на сверхсрочную службу, за месяц до истечения срока службы подавали рапорт по команде. В зависимости от наличия вакантных должностей и «отличного поведения, служебной опытности и знания своего дела» полковой командир имел право оставлять желающего служить на один год. Продление срока службы осуществлялось таким же образом — через год.

Сверхсрочнослужащие унтер-офицеры пользовались определенными преимуществами: им назначались денежное вознаграждение, добавочное жалование к штатному содержанию в размере: фельдфебелю и вахмистру — 84 рубля, а старшему унтер-офицеру — 60 рублей в год. По окончании десятого года службы им вручался знак отличия ордена св. Анны, за дальнейшую службу — серебряные и золотые медали для ношения на шее. После пятнадцати лет службы сверхсрочнослужащие могли выходить на пенсию.

Сверхсрочнослужащие унтер-офицеры выполняли большой круг обязанностей в обучении и воспитании нижних чинов роты и своего взвода. Они отвечали за порядок в своих подразделениях, нравственный облик и поведение рядовых, успешное обучение подчиненных. Назначали в наряды нижние чины на службу и на работы, увольняли солдат из подразделения, производили вечернюю перекличку и докладывали командиру роты, взвода обо всем случившемся в роте, во взводе за день.

Сверхсрочники располагались в казарменных помещениях. Отдельные помещения отводились фельдфебелю и каждому двум взводным унтер-офицерам. Семейным младшим командирам предоставлялись квартиры или выдавались квартирные деньги. В целях увеличения числа сверхсрочнослужащих в Риге в 1887 г. был создан учебный унтер-офицерский батальон со сроком обучения два года. Поступление в него осуществлялось как военными служащими, так и гражданской молодежью. После завершения курса они производились в унтер-офицеры и назначались на должности в воинские части. Все обучавшиеся в батальоне были обязаны прослужить четыре года сверх обычного срока военной службы, пользуясь правами сверхсрочнослужащих. В качестве одного из средств привлечения младших командиров к сверхсрочной службе было учреждение унтер-офицерских собраний, первые из которых открылись в Петербургском военном округе в 1873 г.

Таким образом, к концу XIX столетия подготовка младшего командного состава русской армии получила четкую организацию. Основой ее стали полковые учебные команды, а также отдельные учебные батальоны и эскадроны при штабах некоторых военных округов.

Опыт подготовки унтер-офицеров в русской армии широко был использован в конце 30-х годов XX в. и после Великой Отечественной войны в Вооруженных Силах СССР. Длительное время младшие командиры Советской Армии готовились в полковых и дивизионных школах. Курс обучения в них в различное время составлял от трех месяцев до одного года. Качество подготовки было достаточно высоким. В конце пятидесятых годов вместо полковых и дивизионных школ были созданы учебные части (полки, отряды, а в последующем — учебные дивизии), в которых готовились младшие командиры для всех видов Вооруженных Сил и родов войск. Будущим младшим командирам в ходе учебы прививались знания и навыки, необходимые для умелого командования отделениями, экипажами, расчетами в различных условиях, грамотного обслуживания боевой техники и вооружения и применения их в боевой обстановке. Особое внимание уделялось овладению ими методикой обучения и воспитания своих подчиненных.

В современных условиях накопленный предшествующими поколениями исторический опыт бесценен и значим, потому что в сегодняшнее сложное время в условиях реформирования Вооруженных Сил, как России, так и Казахстана, он просто необходим. Не растерять, не забыть его, найти ему достойное место в процессе обучения и воспитания младших командиров — одна из главных задач командиров всех степеней, отвечающих за воспитание и обучение подчиненных.

На протяжении веков младшим командирам свойственны чувство патриотизма, верность присяге, твердое знание военного дела. Военная история изобилует множеством примеров добросовестной службы младших командиров вооруженных сил любого государства. В мирное время большинство из них выполняют самую трудную, «черновую» работу по обучению и воспитанию солдат. А в суровые дни военных испытаний армия особенно нуждается в их знаниях, умении, опыте. Стойкость армии, ее победы над врагами во многом обусловлены мужеством и героизмом большинства младших командиров (унтер-офицеров, сержантов и старшин). Они высоко несли и несут свое звание. Буквально потом и кровью, не прячась за спины подчиненных, доказывали и доказывают верность присяге. Вот только несколько примеров.

Так, во время войны с наполеоновской Францией раненный в сражении под Аустерлицем в 1805 г. знаменщик Азовского пехотного полка унтер-офицер Старичков, теряя последние силы, сорвал знамя с древка и спрятал полотнище на груди. Храбрый воин попал в плен, где, умирая от ран, передал знамя рядовому Чайке, который сохранил его и после освобождения доставил в полк. Император Александр I повелел выдавать из казны вдове унтер-офицера Старичкова по 400 рублей в год, а жители Калуги — города, где родился герой, подарили его семье дом, купленный на собственные деньги.

В русско-турецкую войну 1877–1878 гг. унтер-офицер Колокольцев под ураганным огнем неприятеля организовал оборудование позиции для артиллерийской батареи. На следующий день он получил Георгиевский Крест в конверте, на котором было написано: «Унтер-офицеру Митрофану Колокольцеву, согласно обещанию, за распорядительность, мужество и храбрость... За Богом молитва, за царем служба не пропадет... Уважающий Михаил Скобелев» [2].

Есть в истории события, которые не могут исчезнуть бесследно из памяти народной. Для всех стран СНГ таким событием явилась Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Она показала всему миру негибаемую волю, мужество, стойкость и воинскую доблесть защитников Отечества.

Воспитание на традициях русской армии активно влияло на сознание сержантов и старшин Советской Армии. Ярким примером тому являются действия сержантского состава при выполнении ими своего интернационального долга в Афганистане. В ходе боевых действий младшие командиры проявили смелость, мужество, отвагу, героизм, верность воинскому долгу. Не случайно девяти сержантам было присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

Не меньшую отвагу, мужество и верность воинскому долгу проявили младшие командиры в ходе восстановления конституционного порядка в Чечне. Святая суворовская заповедь: «Сам погибай, а товарища выручай» не забывается и сегодня, она стала одной из лучших традиций российского воинства. Верность этой традиции продемонстрировал в Чечне заместитель командира взвода морской пехоты старший сержант Сергей Волков. Когда его товарища ранило в бою осколком мины, заместитель командира взвода, под сильным огнем боевиков, бросился его выручать. Наскоро перевязав матроса, он с риском для себя оттащил его в безопасное место, тем самым спас ему жизнь. За этот смелый поступок старший сержант Сергей Николаевич Волков награжден медалью «За отвагу».

В русской, Красной, Советской Армии младшие командиры всегда выполняли важную и ответственную функцию в боевой подготовке и воспитании личного состава, повышении боевой готовности подразделений и частей. Столь же ответственна она и у младшего командного состава Вооруженных Сил России.

Одним из проверенных способов избежания ошибок в вопросе военного строительства является метод, неоднократно проверенный в российской истории военными реформаторами, — использование мирового опыта.

Петр I, заложивший основы одной из самых современных и победоносных армий XVIII в., когда Россия была относительно бедной и малонаселенной страной (14 миллионов жителей), указал пути выхода из сложных ситуаций: «не знаешь, что делать, — учись у других» [2]. И не просто копируй чью-то понравившуюся армию, а синтезируй чужой опыт, выбирая из него все лучшее и наиболее подходящее для национальных условий страны.

Одним из примеров тому служит решение задачи Петром I составления военно-морских уставов для создаваемого им российского флота, сведенных в огромный фолиант, который и сейчас поражает своей детализацией и четкостью формулировок. 30 октября 1717 г. он направил адмиралу Ф.М.Апраксину следующие указания:

- о переводе иностранных морских законодательных актов и сведение их в одно целое;
- о составлении проекта русских морских уставов;
- по оригиналу: «Чтоб шаутбейнахту Паддану придать из русских офицеров, которые по аглински умеют, чтоб перевести весь полный анштальт, как флота, так и магазиноф аглинских, а вице-адмиралу Крейсу галанския, а французския к новому году поспеют. Датской анштальт был у князя Михайла Голицина, чтоб его сыскать. И все сии вышеписания свести и из того сделать свой» [2].

Следует заметить, что методика подбора и подготовки российского сержанта выверена по лекалам прошлых веков. Несмотря на это, профессионализм сержантов остается на крайне низком уровне. В этой связи их обязанности по воспитанию солдат, привитию им профессиональных качеств возлагаются на офицеров ротного звена. Поэтому актуальны как никогда слова генерала Михаила Драгомирова, сказанные им 150 лет назад: «Армия из «вербованного сброда» с перенесенными на русскую землю немецкими законами, писанными для них, ошибка» [2].

Подготовкой российского сержанта заняты учебные центры видов и родов войск, на которых проходят разовые учебные курсы. Целесообразно обратить внимание на то, что образование сержанту дается раз и навсегда. Так, будущие сержанты в течение 6 месяцев, при 7 часах учебного времени и 2 часах самоподготовки, в предпраздничные дни — в течение 6 часов, при полевых выходах на стрельбы, вождении, комплексных занятиях — в течение 10 часов изучают все премудрости воен-

ной науки. За время учебы один раз стреляют штатным снарядом — на выпускном экзамене. Один-два раза водят танк или БМП на танкодроме или автодроме по условиям «упражнение».

Формами учебной работы в учебных центрах являются учебные занятия в виде лекций, семинаров, практических занятий, методические занятия, инструкторские занятия, тренировки, тактико-строевые занятия, комплексные занятия, недельная стажировка.

На заключительном этапе курсанты учебных подразделений подвергаются контролю в виде сдачи экзаменов и зачетов, контрольных стрельб и вождений. В дальнейшем успешно завершившим обучение курсантам присваиваются приказом командира части первичное звание «младший сержант» и классность — «высококласный специалист», после чего они убывают в войска для обучения солдат. Структура роста сержанта в последующем такова: через очередные 6 месяцев присваивается звание «сержант», «старший сержант» и к демобилизации присваивают воинское звание «старшина». С переходом к полутора или одному году службы сроки по присвоению воинских званий сержантам срочной службы будут сокращены.

Следует заметить, что денежное содержание сержанта-контрактника в 2005 г. составляло от 7 до 9 тысяч руб., в «горячих точках» — около 15 тысяч рублей. В 2007 г. денежное содержание сержанта-контрактника в Западной Сибири составляло 12 тысяч рублей в Забайкалье — 17 тысяч рублей [3].

В армии Российской Федерации является аксиомой, что исполнение должностей командира отделения, заместителя командира взвода, командира расчета, боевой установки требует профессиональных знаний, опыта, командных качеств, личной дисциплинированности и ответственности и именно исполнение этих первичных командных должностей дает право на получение старшинских и сержантских званий. Данное требование должно стать обязательным и в Вооруженных Силах Республики Казахстан, только в этом случае будут достигнуты желаемые положительные результаты.

Из истории известно, что в недавнем прошлом старшины командовали боевыми кораблями: малыми охотниками, тральщиками, кораблями снабжения. А в недалекие 70-е годы становились старшинами команд боевых частей атомных подводных лодок. В годы Великой Отечественной войны летчики-истребители по окончании летных училищ получали воинское звание «сержант». Это свидетельствует о высоком доверии сержантам и старшинам того времени.

И не случайно в Российской армии задаются вопросом: что такое старшина, сержант сегодня? Какова его роль как командира, каково его воздействие на подчиненный личный состав, на ситуацию в отсеке, на корабле, в части? О чем сейчас думает младший командир в первую очередь — о корабле и выполнении задач? Или о себе и о маленькой зарплате? Стремятся ли молодые ребята стать младшими командирами, остаться «на контракте» и служить Родине в званиях старшин и сержантов?

В этой связи руководством Вооруженных Сил России, в целях решения наболевших проблем, на базе 27-й отдельной мотострелковой бригады Московского военного округа было спланировано Первое Всеармейское совещание сержантов и старшин Вооруженных Сил РФ. Программа была сложной и насыщенной. Сверхзадача форума — окончательно определиться в способах достижения младшими командирами профессиональных и социальных высот, которые позволят обеспечить должный уровень дисциплины и качества подготовки подчиненного рядового состава.

Что касается организации боевой подготовки рядового состава и достижения необходимого уровня его обученности, следует отметить, что эта задача существенно усложняется с переходом к годичному сроку службы по призыву. Верно было отмечено, что с рядовыми и матросами по контракту, зачастую обладающими немалым жизненным опытом, работать младшим командирам нужно с учетом специфики данного контингента военнослужащих. Целесообразно отметить, что проблема существует не только в Вооруженных Силах России, она также остро стоит и в других государствах мира, одним из которых является Казахстан, где понимание в этом вопросе достигнуто, и подготовка сержантов в Кадетском корпусе МО РК переходит на более качественный уровень. В решении этих задач роль сержантского состава трудно переоценить. И не случайно в ходе третьего дня совещания с делегатами встречалось руководство Минобороны России.

Первый заместитель министра обороны РФ генерал армии Александр Белоусов отметил, что Вооруженные Силы должны быть способны выполнить поставленные задачи по обеспечению безопасности страны в любое время, в любых условиях обстановки, при этом особую роль в укреплении боеспособности армии и флота должны играть сержанты и старшины. В настоящее время подготовлена новая Федеральная целевая программа по переводу на контрактную основу сержантов и старшин в период 2009–2011 гг. На её проведение планируется выделить 153 млрд. рублей. В течение трех лет, в соответствии с этой программой, планируется подготовить около 90 тыс. сержантов и

старшин для армии и флота. Наряду с этим им было заявлено, что в стране есть все необходимое для формирования нового корпуса сержантов из числа профессионалов.

Также в выступлениях было отмечено, что Первое Всеармейское совещание сержантов и старшин Вооруженных Сил станет поворотным пунктом в создании института младших командиров на профессиональной основе. Целесообразно заметить, что, несмотря на имеющиеся проблемы, морально-психологическое состояние Вооруженных Сил руководством Минобороны оценивается в настоящее время как стабильное и управляемое. И в этом важная роль принадлежит младшему командному составу из числа сержантов и старшин.

Кроме того, было доведено что начиная с 1992 г. 23 сержанта и старшины за мужество и героизм удостоены звания Героя России, сотни награждены орденами и медалями.

На Всеармейском совещании сержантского состава России было отмечено, что сегодня назрела необходимость кардинального изменения принципов отбора, подготовки и прохождения службы сержантами. В связи с этим с 2006 г. началась практическая реализация «Концепции подготовки младших специалистов и развития учебной сети в Вооруженных Силах РФ» на 2006–2010 гг. Она призвана обеспечить повышение уровня общевоинской подготовки, переориентировать систему обучения на получение военными действительно необходимого объема знаний и навыков по специальности, создать условия для максимального раскрытия физических возможностей и морально-нравственных качеств личного состава. Современный младший командир должен обладать лидерскими качествами, не только уметь повести солдат за собой в бой, но и успешно обучать и воспитывать их в повседневной жизнедеятельности по принципу «Делай как я!».

Следует отметить, что в соответствии с требованиями «Концепции подготовки младших специалистов и развития учебной сети в Вооруженных Силах РФ», в учебных воинских частях не будут обучать военнослужащих, не пригодных к командованию личным составом. Возможность стать сержантом в своем подразделении необходимо будет заслужить, прежде всего, образцовым исполнением служебных обязанностей в должности рядового. И только лучшие солдаты будут направляться в учебные подразделения, которые после четырехмесячного обучения, при условии успешной сдачи выпускных экзаменов, будут назначены на должности младших командиров в свои воинские части.

Вместе с тем количество должностей сержантов, которые необходимо укомплектовать, составляет в Сухопутных войсках около 45 тысяч, из них более 20 тысяч — в частях постоянной готовности, что, по-видимому, для Вооруженных Сил России является проблемой.

Кроме того, накануне, в рамках Первого Всеармейского совещания сержантов и старшин Вооруженных Сил Российской Федерации, в Главном штабе Военно-Морского Флота прошли сборы сержантов и старшин ВМФ, в ходе которых руководством Военно-Морского Флота было обращено внимание сержантов и старшин на вопросы законности и правопорядка, укрепления воинской дисциплины и общения личного состава, перевода службы на надводных кораблях на контрактную основу. «Основная цель этого мероприятия — обмен опытом между младшими командирами в решении вопросов боевой подготовки, повышение роли старшинского и сержантского состава в частях ВМФ».

Исходя из вышеизложенного следует, что Первое Всеармейское совещание сержантов и старшин Вооруженных Сил Российской Федерации, делегаты которого, — фактически, элита младшего командного состава, обменявшись опытом, внимательно выслушав выступления высших должностных лиц Вооруженных Сил, поняли, что руководство Министерства обороны всерьез решило поднять статус младших командиров, готово их выслушать, с огромным вниманием относится к их проблемам и настроено их решить. Серьезный подход к решению проблем сержантского состава, внимание руководства Вооруженных Сил России к младшим командирам даст импульс в развитии направления, которое способно решить многие вопросы, связанные с казарменным хулиганством и другими негативными проявлениями, которые пока ещё существуют в воинских частях.

Таким образом, лишь хорошо обученный профессиональный сержантский состав способен изменить имеющуюся практику, когда в подразделении офицер занимается вопросами сержантского состава, и это, как ни горько, стало нормой.

Следует отметить, что такого рода совещание реально дает сержанту много нового:

- во-первых, рассмотрение вопросов наболевших и стоящих уже не одно десятилетие в воинских кругах, а также общение с такими же военнослужащими, как он сам, обмен опытом;
- во-вторых, получение достаточно обширной информации о планах руководства Вооруженных Сил на перспективу и, конечно, ознакомление с новыми образцами техники;

– в-третьих, видя серьезное отношение руководства Вооруженных Сил к наиболее многочисленному отряду младших командиров, каждый присутствующий донесет это до своих воинских частей, что сыграет положительную роль в процессе воспитания.

Известно, что существуют такие принципы и пути военного строительства, которые давно уже носят аксиоматичный характер, приняты во всех ведущих правовых государствах мира и не требуют проведения каких-то долгих прогнозных исследований и разработок доктринальных положений.

В разных странах мира свой собственный путь строительства вооруженных сил, исходя из национальной специфики. В результате современные армии мира характеризуются большим многообразием подходов к военному строительству.

Приоритетной задачей в военном строительстве России становится создание сержантского корпуса кадровых младших командиров. Отсутствие до последнего времени такого корпуса в Российской армии является наиболее ярким примером ее несоответствия магистральным путям мирового военного строительства.

Подготовка сержантского корпуса должна вестись в целях укомплектования данной категорией контрактников в целом Вооруженных Сил. Пропорции между рядовым, кадровым сержантским и офицерским составом в российской армии свидетельствуют о масштабности подобной задачи. В этой связи приведены некоторые сравнительные показатели.

	Рядовые	Офицеры	Сержанты
Вооруженные Силы США (тыс. человек)	621	218	547
Соотношение	2,85:1,0:2,5		
Вооруженные Силы РФ (тыс. человек)	687	400	нет
Соотношение	1,37:1,0:0,0		

Следует уделять большое внимание вопросам подготовки сержантского состава, так как создание полноценного сержантского корпуса является ключом к модернизации Вооруженных Сил, других войск и воинских формирований на современном этапе военного строительства.

Известно, что не может быть настоящей профессиональной армии без профессионального сержанта, а ее боеспособность держится на сержантских плечах — профессионалах своего дела, настоящих командирах и учителях рядового состава.

В Послании Федеральному Собранию 16 мая 2003 г. Президент России, Владимир Путин заявил, что сержантский состав будет переводиться на профессиональную основу опережающими темпами. В свою очередь Минобороны уже объявило, что к 2008 г. количество контрактников среди сержантов превысит 50,7 % [2].

Несмотря на высказывания президента и министра обороны, а также стремление военного ведомства к увеличению числа сержантов-контрактников, тем не менее целесообразно высказать следующие соображения.

Процесс формирования полностью контрактных частей следовало бы начать с укомплектования их специально подготовленными для работы в таких частях сержантами-контрактниками и лишь после этого комплектовать их рядовым составом. В настоящее время комплектование таких частей сержантским и рядовым составом идет параллельно. Имеется зарубежный опыт, в частности армии Великобритании, где, прежде чем направить сержантов для обучения молодых солдат, они проходят двухнедельную подготовку в стенах академии Сэндхерст и двухдневный сбор непосредственно в военном учебном заведении [4].

Вооруженные Силы, как и другие войска и воинские формирования, должны быть полностью и в сжатые сроки (не более 3-х — 5-ти лет) укомплектованы сержантами-контрактниками первичного (взводного) звена, чтобы затем на их основе начать подготовку сержантов на профессиональной основе (по образцу, например, унтер-офицерского корпуса ФРГ или сержантского корпуса во Франции), на что потребуется не менее 10–15 лет.

А между тем появление сержантского корпуса, полностью укомплектованного на контрактной и профессиональной основе, привело бы к радикальному улучшению состояния российской армии.

Во-первых, была бы выбита почва из-под «дедовщины», расцвет которой, по нашему убеждению, прежде всего связан с отсутствием в армии института кадровых сержантов.

Во-вторых, появилась бы возможность резкого сокращения офицерского состава, численность которого в разы превышает установившиеся пропорции между офицерским и рядовым составом в

современных армиях. К примеру, российская армия насчитывает почти вдвое больше офицеров, чем американская, при примерно равной численности рядового состава. Главная причина такой диспропорции — отсутствие полноценных сержантов, обязанности которых ложатся на плечи офицеров. Исчез бы такой бич армии, как нехватка младших офицеров и необходимость в призыве лейтенантов-двухгодичников, которые, конечно же, не способны заменить кадровых офицеров. К тому же такой призыв вызывает серьезное раздражение в обществе, работает против престижа Вооруженных Сил.

И, возможно, самое главное — у офицеров высвободилось бы время, которое они могли бы посвятить повышению своего профессионального образования и семьям. Кроме того, радикальное сокращение офицерского корпуса позволило бы решить такую острую, усугубляющуюся из года в год и кажущуюся неразрешимой проблему, как необеспеченность офицеров жильем.

Потенциальные возможности повышения эффективности российской оборонной системы путем создания кадрового сержантского корпуса настолько велики, что, на наш взгляд, задача создания такого корпуса должна занять приоритетное место в деле решения национальной задачи модернизации Вооруженных Сил.

Однако в любом случае создание кадрово-контрактного корпуса младших командиров потребует огромных дополнительных расходов. Возрастет не только число сержантов. Совершенно очевидно, что их жилищные условия должны быть лучше, чем у рядового состава. Кроме того, понадобятся немалые средства на создание практически заново разветвленной и многоступенчатой сети учебных заведений по профессиональной подготовке младших командиров, которая должна располагать высококвалифицированными преподавательскими кадрами.

Таким образом, несмотря на имеющийся многовековой исторический опыт строительства сержантского корпуса, Вооруженные Силы России находятся в ситуации, когда остро стоит вопрос пересмотра подходов к подготовке этого наиболее важного военного сословия.

Список литературы

1. Новый словарь иностранных слов. — Минск: Современный литератор, 2005. — С. 814.
2. http://www.svip.ru/live/materials.asp?m_id=97198r_id=9720
3. Цыганок А. Подготовка сержантов в некоторых армиях мира // Золотой Лев. № 117–118 — издание русской консервативной мысли (www.zlev.ru).
4. Серкпаев М. Некоторые аспекты подготовки в колледже начального образования армии Великобритании // Сб. материалов. — Петропавловск: ВВУ ВВ МВД РК, 2008. — С. 40.

УДК 94(574):327(4)

Г.А.Мовкебаева

Казахский национальный университет им.аль-Фараби, Алматы

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ХАРАКТЕРА ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Мақалада сыртқы саясаттың классикалық мектептерінің Еуропалық Одақтың (ЕО) халықаралық қатынастар жүйесіндегі қызметіне қатысты ұстанымы қарастырылады. Автор ЕО-ның халықаралық мәртебесін анықтау мақсатымен әр алуан бағыттарға зерттеу жүргізеді.

The article «Theoretical approach to defining of the European Union foreign policy nature» considers main ideas of traditional concepts of foreign policy towards EU activity in international Relations system. The author of the article analyzes main thesis of different theoretical approaches on definition of international status of the European Union.

В условиях возрастающего сетевого характера международных связей все большее значение приобретает изучение внешней политики отдельных национальных государств и региональных организаций. Внешняя политика, политика безопасности и политика обороны образуют триаду важных сфер политики, в которой акторы мировой политики соизмеряют себя с окружающим миром, между-

народной системой. Несмотря на все усиливающуюся эрозию государственного суверенитета в условиях региональной интеграции и глобальной взаимозависимости, государства, а точнее их правительства, остаются решающими акторами, существенно влияющими на международную систему.

Системный характер международной политики существенным образом отличается от системы внешней политики отдельного государства. В отличие от полицентричной интеракционной системы международной политики политика национального государства является моноцентричной, так как государства, представленные их правительствами, выступают в своем международном окружении в качестве автономных волевых субъектов с легитимным центром принятия решений. Внешнеполитические установки, а также решения о применении страной жесткой силы (*hard power*) либо мягкой силы (*soft power*) зависят в значительной мере от восприятия и оценки их политиками и обществом данной страны.

Однако в условиях глобализации не может быть и речи о «классической внешней политике» между государствами, действующими на основе современных форм политических интеракций, характерными для века всемирной взаимозависимости. На смену определения «международная политика» приходит дефиниция «транснациональная политика», обозначающая состояние, при котором рост неправительственных политических организаций и создание наднациональных структур подрывают внешний суверенитет государства. Влияние транснационализации на внешнюю политику государств особенно заметно в их интеракциях с различными акторами международной системы и в изменении внешнеполитического инструментария государств, где наряду с классическими дипломатическими внешними действиями и использованием средств, применяемых для поддержания власти, используются и внешнеэкономические санкции и меры.

В политических исследованиях внешняя политика рассматривается в качестве прерогативы национального государства. Даже в такой высоко интегрированной организации, как ЕС, общая внешняя политика и политика безопасности (ОВПБ) отрегулированы строго интергouvernementалистски (на межправительственном уровне). В Европейском конституционном договоре была предпринята попытка изменить данный структурный принцип предусмотренными процедурами голосования и созданием поста министра внешних сношений ЕС с его европейской внешнеполитической службой.

Внешняя политика в Европе актуализирует проблему множества акторов. При таком анализе принимаются во внимание не только отношения членов ЕС друг с другом, государств к союзу и союза к государствам, но и роль, перенимаемая некоторыми государствами в формировании европейской внешней политики. Хотя до последнего времени данная проблема не была столь острой вследствие того, что внешняя политика Европейского Союза не относилась к самостоятельной сфере политики, а представляла собой «процесс объединения политики и действий государств — членов по отношению к внешнему миру» [1].

Но заложенная Маастрихтским договором структура опор требует понятийной классификации (типологизации), где наряду с традиционными областями политики внешней торговли, политики ассоциирования, экологии и политики развития необходимо рассмотреть вопросы в рамках Общей внешней политики и политики безопасности (ОВПБ) с 1993 г. и Европейской политики безопасности и обороны (ЕПБО) с 1998 г.

Социально-научные и аналитические исследования статуса и роли ЕС в международных отношениях до сих пор испытывают ряд затруднений. Сложности вызывает адекватное определение Союза в его многообразных и комплексных взаимосвязях с другими государствами, региональными интеграционными системами и международными организациями.

При этом выявляется проблема, которая не позволяет типологизировать ЕС ни как государство в классическом смысле, ни как международную организацию. И те разнообразные понятия и категории научного анализа, которыми привыкли оперировать исследователи в области международных отношений, не всегда применимы в данном случае. Прежде всего это относится к дефиниции «внешняя политика», базирующейся в своем классическом определении на трех центральных факторах: государственной территории, нации и государственной власти. Своеобразный общественно-политический конгломерат Европейского Союза выступает в разнообразных сферах политики как самостоятельно действующий субъект в международной системе, поддерживая как с государствами, так и с международными организациями тесные политические, экономические, социальные и культурные отношения и решающим образом воздействуя на мировое политическое развитие. Данная тенденция получила широкое применение в научной литературе дефиниции «внешние связи ЕС». В сравнении с традиционным понятием «внешняя политика» использование термина «внешние отношения» в последнее

время широко распространено, но обладает определенными недостатками вследствие размытости и недостающей точности определения.

Не следует также упускать из виду и тот факт, что Европейский Союз нельзя включать в традиционные типы межгосударственных связей, особенно в части проведения коллективных обязательных решений во внешней политике. Поэтому Рой Джинсберг предложил уже в 2001 г. понимать под «Европейской внешней политикой» все аспекты «гражданского кризисного менеджмента, политики и акции, отношения и обязательства общности как ЕС, так и соответственно ОВПБ в международной политике» [2; 3]. В области проведения ОВПБ Европейский Союз сегодня нельзя причислить ни к категории «международные организации», ни к «федерации», хотя ЕС отвечает всем критериям обоих. С начала девяностых годов ЕС располагает в области ОВПБ особыми признаками, отличающими его от обычных государственных связей, а именно способностью к непосредственному взаимодействию на граждан и распространением своей деятельности во всех областях внешней политики [3; 567–592].

Следовательно, Европейский Союз не является ни федерацией, ни государственным образованием, ни международной организацией, а представляет собой сооружение *sui generis*, которое нельзя отнести ни к категории международного права, ни к категории государства [4; 165].

В целом большинство аналитиков рассматривают европейскую внешнюю политику как политику ОВПБ ЕС и одновременно как дифференцировавшую сеть внешних отношений, возникшую из Римских договоров.

Ключевой вопрос состоит в следующем: в какой мере европейская внешняя политика определяется национальными внешними политиками и, наоборот, в какой мере национальные внешние политики трансформируются в институциональном контексте в Союзе, т.е. европеизируются?

Роль ЕС как актора в международной системе можно рассмотреть с точки зрения различных подходов.

Реалисты в качестве доминирующего фактора международной системы рассматривают политику государства. Основным элементом анализа в классическом реализме, согласно Гансу Моргентау, является национальная система [5; 14]. Хотя международная система и ограничивает действующие возможности государства, государство остается главным актором. Кеннет Уолтц, исходя из неореалистической перспективы, приходит к выводу, что международная система определяет действующие опции государства [6; 41]. Государства остаются основными акторами, изменения их внешней политики обуславливают изменения в международной системе. Институционалисты же акцентируют влияние на функции, описывая институты и международные организации [7; 27–29].

По мнению реалистов, положение с безопасностью Европы фундаментально изменилось со времени распада СССР. Маастрихтский договор был ответом на дестабилизацию обстановки на периферии ЕС, а также в окружающем международном поле. В Маастрихтском договоре была заложена идея развития автономной европейской безопасности посредством кооперации государств — членов ЕС.

Реалистическая парадигма анализирует развитие ОВПБ не на уровне ЕС, а из национальной перспективы, а также изменившейся системы международных отношений. Основной их постулат — институты, как и опыт ОВПБ, зависят от структуры международной системы и реакции стран-участниц. Другими словами — формирование ОВПБ следует логике поведения государств в независимой и глобальной системе [8; 148].

Для соблюдения своих интересов они объединяют свои силы в режиме координации дифференцированных запросов по специфическим вопросам.

Согласно институциональному подходу ОВПБ рассматривается как результат и следствие интеграционного процесса системы ЕС, экономическое измерение которого позволяет завершить формирование ЕС в политический союз. Основной постулат звучит следующим образом: во взаимообусловленном и глобальном мире национальное государство не в состоянии взвешенно и эффективно реагировать на экономические, социальные вызовы и угрозы безопасности и ищет возможности наднационального и транснационального сотрудничества. Добровольное ограничение компетенций в рамках международных организаций следует функциональной логике возрастающего переплетения различных измерений европейской внешней политики (экономические отношения, политика развития, дипломатия и безопасность) и идеи объединения сил для достижения цели «все более тесного сотрудничества», отсутствующей в других международных организациях. Такая динамика индуцирует возрастающее слияние межправительственных и наднациональных элементов в ОВПБ и ведет к ревальвации политики комиссии и Европейского парламента [9; 50–57].

Общая воля в принятии «европейских решений», с точки зрения институционалистов, определяется исключительно инструментарием ОВПБ. В первую очередь это касается «общей стратегии». Общие стратегии не только поясняют приоритеты европейской политики, но и подчеркивают волю Союза выступать на международной арене в качестве единого актора. Общая стратегия служит в этом отношении для того, чтобы «конструировать совместное осознание реальности (согласно европейской позиции), объединять свои принципы действия и нормы действия».

Следуя логике институционалистов, можно установить следующее. Длительное вовлечение в общие структуры в процессе европейской интеграции стимулировало также и внешнеполитическое сотрудничество государств-участников в сфере политики безопасности и, следовательно, способствовало формированию европейского сознания в этой области политики. Сотрудничество в данной области прошло долгий путь выравнивания интересов, обусловленных современными вызовами и определяющими все больше нечто вроде европейского «рефлекса голосования» [10; 62].

Очевидно, что успехи европеизации зависят от того, в какой мере будут преодолены существующие различия в сфере культуры политики безопасности старых и новых государств-участников и каким образом будут формироваться коалиции по интересам.

До сих пор исходным пунктом научно-политического анализа внешних связей ЕС была попытка определить, прежде всего, акторский характер Союза. Этот подход схож с многочисленными теориями международных отношений и интеграционных процессов, связанных с реальными действиями. Апологеты теорий, рассматривающие ЕС как международного актора, так или иначе сталкиваются с необходимостью идентифицировать понятие «актор» и связать его с концептами «государство», «нация» и «суверенитет». Собственная структура ЕС создает конфликтное поле «наднациональности» и «интергуверментализма», где согласованность между государствами и нациями кажется проблематичной. В этом смысле можно говорить о ЕЭС/ЕС как транс/международном акторе, связывая его с традиционными юридически-конституционными государственными концепциями. Исходя из такой концепции государства различные авторы пытаются рассуждать о реальности европейского единства. Следствием этого является концептуальное смешение, при котором на первый план выходят отдельные элементы и понятия традиционной науки о государстве и учений о государстве.

ЕЭС/ЕС действует с этой точки зрения как действующий субъект, который наделяет себя обширными полномочиями.

Ставшее весьма влиятельным в последние годы конструктивистское направление теории международных отношений (берущее начало в теории социального конструктивизма) утверждает, что ЕС уже отвечает пяти важнейшим критериям, которые позволяют считать его международным актором. Это разделяемая его членами приверженность ряду общих ценностей и принципов; способность определять политические приоритеты и формулировать единую политику; способность вести эффективные переговоры с другими акторами международной системы; наличие политических инструментов и способность их использовать и, наконец, легитимность внешнеполитических решений ЕС внутри государств-членов [11; 165].

Британский политолог Ян Мэннерс считает, что ЕС не является ни гражданской, ни военной силой, ни межправительственной структурой, но представляет собой «нормативную силу» (normative power), имеющую «идеационную» (ideational, т.е. идеальную, в отличие от идеологической в привычном смысле) природу, основанную на общих принципах. По его мнению, в последние годы Евросоюз все чаще использует «нормативную силу» в сферах общих интересов государств-членов, в частности, стремясь к формированию международных норм по своему образцу [12; 135].

С активизацией в последние годы деятельности по практическому наполнению ОВПБ и ОЕПБ инструментарий «гражданской силы» начинает дополняться явными силовыми компонентами — полицейскими, военными и военно-промышленными. В этой связи все чаще звучит мнение о том, что Евросоюз уже утратил свой прежний имидж и гуманистический «постмодернистский» статус и в настоящее время находится в некой «точке перехода» от «гражданской силы» к традиционной, обладающей военно-силовым потенциалом [13; 69–71].

Большинство западных исследователей в целом разделяют точку зрения, согласно которой ЕС можно рассматривать как «не полностью сконструированного» международного актора, который, тем не менее, оказывает значительное влияние на мировой арене в области торговой политики, существенное влияние — на политику развития, в сфере защиты окружающей среды и в некоторых других областях, а также скромное, однако, все более усиливающееся влияние в том, что касается внешней политики и безопасности.

Некоторые политологи полагают, что изучение внешней политики Евросоюза находится на «до-теоретическом уровне», когда право на существование имеют самые разнообразные теоретические подходы. Кроме того, высказывается мнение, что в формировании внешней политики ЕС так или иначе участвует множество организаций и акторов — не члены Евросоюза, неевропейские государства (например, США), неевропейские правительственные и неправительственные организации, которые «присутствуют» в сферах внешнеполитической деятельности ЕС.

Приведенные выше концептуализации ЕС как актора европейской и мировой политики отражают незавершенность проекта и фактически существующую на правовом, институциональном и функциональном уровнях фрагментацию внешнеполитического измерения Евросоюза, которое остается «поделенным» между его тремя «опорами»: Европейским сообществом, общей внешней политикой и политикой безопасности (ОВПБ), включающей европейскую политику безопасности и обороны (ЕПБО), и сотрудничеством в области юстиции и внутренних дел. Критики Евросоюза отмечают: несмотря на наличие всех необходимых «ингредиентов», ему недостает политического лидерства и согласованной политической воли [14; 187].

Таким образом, классические теории внешней политики не могут дать точного ответа на действия ЕС в системе международных отношений, так как процессы принятия решений, как и проведение политических целей, протекают внутри ЕС несколько иначе, нежели в отдельных государствах-членах.

В целом модифицированные формы классического анализа внешней политики направлены на то, чтобы выявить различия на уровне отдельных государств и самого ЕС.

Список литературы

1. Derk B., Freund C., Rittberger V. Gesellschaftliche Interessen und Außenpolitik: Die Außenpolitiktheorie des utilitaristischen Liberalismus // <http://www.uni-tuebingen.de/uni/spi/taps/tap33.htm>
2. Ginsberg R. The European Union in World Politics: Rowman and Littlefield, 2001. — 210 p.
3. Isensee J. Integrationsziel Europastaat? — Baden-Baden, 1995. — 780 s.
4. Thalmaier B. Die zukünftige Gestalt der Europäischen Union. Integrationstheoretische Hintergründe und Perspektiven einer Reform. — Baden-Baden, 2005. — 215 s.
5. Hans Morgenthau, Politics among Nations. The Struggle for Power and Peace. — New York, 1948. — 100 p.
6. Waltz K. Theory of International Politics. — New York, 1979. — 110 p.
7. Schieder S. Spindler M. Theorien der Internationalen Beziehungen. — Leske, 2003. — 110 s.
8. Link W. Die Neuordnung der Weltpolitik. Grundprobleme globaler Politik an der Schwelle zum 21. Jahrhundert. — München, 1998. — 200 s.
9. Nice J. Towards a Federal or an Intergovernmental Europe? // atthias Jopp M., Lippert B., Schneider H. Das Vertragswerk von Nizza und die Zukunft der Europäischen Union. — Bonn, 2001. — 165 s.
10. Regelberger E. Die EPZ in den achtziger Jahren: Ein qualitativer Sprung? // Regelsberger /Wessels. Die Europäische Politische Zusammenarbeit. — Bonn, 2001. — 300 s.
11. White B. Understanding European Foreign Policy. — Houndmills, Basingstoke, Hampshire: Palgrave, 2001. — 200 s.
12. Rummel R. Soft Power EU –Interventionspolitik mit zivilen Mitteln. — Baden-Baden, 2004. — 270 s.
13. Soetendorp B. The Evolution of the EC/EU as a Single Foreign Policy Actor in European Foreign Policy. — Longman, London 1999. — 170 p.
14. Ole U. European Union Foreign Policy. — London, 2002. — 230 p.

К.М.Ауанасова

Казахский гуманитарно-юридический университет, Астана

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Қазіргі таңда постсоветтік кеңістіктегі интеграциялық процестердің дамуы еуразиялық жобамен байланыстырылған, оның аталауы — ЕврАзЭс. Осы тұжырымдаманың авторы — ҚР Президенті Н.Ә.Назарбаев. Концепция бойынша интеграция іске асуы тек қана мемлекеттердің тәуелсіздігі мен теңдігі қағидаларын орындау барысында мүмкін. Еуразиялық жобаның болашағы көптеген мемлекеттердің экономикалық, саяси және әлеуметтік жағдайын жақсартуға және елдер арасындағы ынтымақтастықты нығайтуға негізделген.

The development of integration processes on the postSoviet space today basically is connected to the Euroasian project which has received the name EurAsEU. The prospects of its further development which are mentioned in the given article have become obvious nowadays. The article reviews the questions of the Kazakhstan-Russian relations in a context of the Euroasian integration. The basic directions of integration are covered in details within the framework of the Euroasian Economic community created under the initiative of the President of Republic Kazakhstan of N.A.Nazarbaev.

На современном этапе политиками и руководителями многих стран осознается необходимость интеграции народов, исторически тесно связанных, и при этом имеется в виду взаимодействие на качественно иной основе — современной евразийской идее, вобравшей в себя наиболее ценное из предшествующих разработок и применимой к современным реалиям. Именно такой концептуальной идеей стал Проект формирования Евразийского Союза государств, выдвинутый Президентом Республики Казахстан Н.А.Назарбаевым в марте 1994 г. в качестве идейной основы интеграционных процессов на пространстве СНГ.

Развитие интеграционных процессов на постсоветском пространстве сегодня в основном связано с евразийским проектом, который получил название ЕврАзЭс. В современной евразийской концепции, выдвинутой Н.А.Назарбаевым, подлинная интеграция предопределяет безусловное соблюдение и уважение суверенитета и независимости государств и их подлинное равноправие. Наиболее перспективной формой многостороннего взаимодействия должно стать формирование Евразийского Союза государств (ЕАС) на основе осознанного волеизъявления заинтересованных стран, стремящихся в максимальной мере сблизиться друг с другом при решении практически идентичных проблем переходного периода.

При многообразии международных организаций, которые появились после распада Советского Союза — СНГ, ЕЭП, ШОС, ГУАМ — на сегодняшний день наиболее действенной и эффективной в экономической сфере является ЕврАзЭс. Основной целью создания ЕврАзЭс является эффективное продвижение процесса формирования Таможенного Союза и Единого экономического пространства, а также реализация других задач, определенных в соглашениях о Таможенном Союзе 1995 г., Договоре об углублении интеграции в экономической и гуманитарной областях от 29 марта 1996 г. и Договоре о Таможенном Союзе и Едином Экономическом пространстве от 26 февраля 1999 г., подписанных пятью государствами [1; 3]. Он призван заниматься интеграцией в сфере экономики. Других таких организаций, которые направлены на решение только экономических задач, не существует. Так, ГУАМ, у которого заявлена большая экономическая составляющая, в основном нацелен на решение политических вопросов. Существует ОДКБ — это военно-политическая организация. Шанхайская организация сотрудничества создана как организация региональной безопасности. В структуре данной организации существует антитеррористический центр, таким образом, сфера ее деятельности предусматривает решение вопросов национальной безопасности, борьбу с реакционными идеологическими течениями.

Современное геополитическое развитие стран Евразии представляет собой сложный процесс взаимодействия политического курса ведущих стран мира и политики, проводимой отдельными государствами. Совокупность объективных процессов и субъективных действий оказывает свое влияние на формирование геополитических координат Евразии и ее региональных процессов. Пространство СНГ, в первую очередь России и Казахстана, является объектом внимания и действий различных сил мировой политики. Будучи евразийским государством, Казахстан первым инициировал евразий-

ский вектор международной политики, который поддерживали Россия, Украина, Белоруссия, Кыргызстан и Таджикистан. В условиях развития евразийских интеграционных процессов актуализируются вопросы изучения исторического опыта развития евразийских государств, стремящихся к созданию единой евразийской геополитической модели, основы которой были заложены в евразийском учении.

Евразийская стратегия Президента Н.А.Назарбаева представляет собой уникальный виток в истории развития евразийских народов, насыщенный современными реалиями, перспективами, нередко и противоречиями. Новый подход к изучению и осмыслению истории Евразии в доктрине Президента Республики Казахстан в контексте интеграционных процессов на Евразийском пространстве наполняет ее практическими перспективами, позволяет актуализировать некоторые проблематичные и малоосвещенные вопросы истории евразийского пространства.

На Евразийских форумах, проводимых в республике, Президент Н.А.Назарбаев неоднократно подчеркивал ценность евразийской исторической концепции, которая заключается в смелости, самостоятельности суждений, научной добросовестности, позволившей по-новому взглянуть на историю народов, населяющих Евразию. Евразийское видение и понимание хода исторического процесса на евразийском пространстве позволяют современным ученым представлять дальнейшую картину альтернативного евразийского взаимодействия многих постсоветских республик.

Как показывает мировая практика, только коллективными усилиями переходные общества в состоянии осуществить успешную модернизацию. Продолжающиеся попытки решить эту задачу отдельными странами Содружества в одиночку по-прежнему недостаточно плодотворны и малоэффективны, пока не будет реализована экономическая интеграция на новых условиях. Учитывая различия между странами в уровне развития рыночной экономики, демократизации политических процессов, лидер Казахстана предложил формирование новой интеграционной структуры — Евразийского Союза, не отрицая при этом деятельность СНГ, принимая во внимание поливариантность интеграции, разные темпы, неоднородность и разновекторность в развитии постсоветских государств.

Проект формирования Евразийского Союза государств в процессе своей реализации пережил несколько этапов — от подписания межправительственных соглашений до создания единой экономической зоны, создания Таможенного Союза. В настоящее время происходит активный процесс совершенствования единой законодательной базы, изучаются пути расширения экономической интеграции, прежде всего. За время своего существования ЕврАзЭС не только обрел массу сторонников, но и доказал свою реалистичность, актуальность и жизнеспособность.

Такая организация, как СНГ сегодня больше рассматривается как зонтичная. Заметное пересечение интересов и дублирование задач было у ЕврАзЭС и Организации «Центрально-Азиатское сотрудничество». В связи с этим главы государств ЕврАзЭС приняли решение интегрировать ОЦАС в ЕврАзЭС. Во многом это обусловлено реалиями существующего положения дел этих организаций, их функциональной и содержательной направленностью. Ведь параллельно решались одни и те же задачи в одном и том же регионе, с одним и тем же количеством участников.

В 2004 г. появился замысел по созданию Единого экономического пространства (ЕЭП), куда бы вошел ряд стран постсоветского пространства. Такое желание, в частности, высказывали представители России, Белоруссии, Казахстана. Но как реально действующая эта структура еще не сформирована, в то время как ЕврАзЭС уже реально существует и проводит активную интеграционную политику. Таким образом, можно с определенной долей уверенности считать, что ЕврАзЭС — единственная организация на постсоветском пространстве, имеющая чисто экономическую направленность и единую экономическую политику.

Первым шагом к единой экономической политике явилось создание зоны свободной торговли. Такая зона на сегодняшний день в рамках Сообщества уже создана, в ней обеспечено свободное передвижение товаров, произведенных на территории государств-участников. Второй шаг — создание Таможенного Союза. Решение этой задачи находится в стадии разработки и организационно-правового оформления. На заседании Межгосударственного совета на уровне глав государств, который состоялся 23 июня 2007 г. в Минске, были подписаны ряд документов и соглашений по Таможенному Союзу. По мнению специалистов, Таможенный Союз позволит разрешить ряд экономических проблем, связанных с перемещением граждан ЕврАзЭС, товарооборотом и т.д.

Для стран-участниц ЕврАзЭС существуют главные факторы экономического объединения. Много зависит от динамики экономического развития стран. Когда речь заходит о зоне свободной торговли, то стороны просто договариваются о том, что ликвидируют ввозные таможенные пошлины, унифицируют другие методы регулирования, значительную роль при этом имеют вопросы структуры экономики, а вопросы политического вектора выходят на второй план.

Экономика каждой страны развивается по-своему. Некоторые страны используют государственные рычаги в большей степени, некоторые в меньшей. Это не влияет на выработку стратегии о единых правилах. Однако возникают определенные трудности при создании Таможенного Союза. Здесь ситуация усложняется, потому что есть два ключевых элемента — создание единой таможенной территории с единой внешней таможенной границей и некий регулирующий орган, которому делегируются определенные национальные полномочия. Прежде всего, это изменения в тарифах и регулирование тарифной политики. Всю эту деятельность государство передает на межгосударственный уровень, где в дальнейшем все и решается. Другое дело, что сам орган находится под контролем государства, подчиняется определенным правилам. Для этого все законы, относящиеся к сфере таможенного регулирования, должны находиться в высокой степени гармонизации и быть фактически одинаковыми для всех стран. В связи с этим первоочередной задачей является выработка единого законодательного подхода к созданию единого таможенного правового поля. Он получил название «Основы таможенного законодательства». Если этот документ будет принят, то появятся некие единые правила в области таможенного регулирования всех государств ЕврАзЭС. Сейчас документ находится на стадии рассмотрения, после его одобрения и экспертных проработок руководством ЕврАзЭС он вступит в законную силу. Закон должен пройти согласование и в ЦБ, и в таможене, и на уровне правительства. Помимо единой тарифной политики, вырабатываются меры на стадии Таможенного Союза, такие как: вопрос технического регулирования, технический регламент, определяющий требования к качеству товаров. Это один из обязательных элементов.

В августе было подписано соглашение о едином товарном знаке. Если он присуждается или ставится на товар, это означает, что товар может обращаться на территории ЕврАзЭС без какой-то дополнительной сертификации и лицензирования.

До этого существовал другой порядок. Если, например, произвели лекарства в Белоруссии, а выставляли на продажу в России, на них нужно было получить лицензию от российских органов, а в Казахстане — от казахстанских. Теперь лекарству с единым товарным знаком такого повторного лицензирования не потребуется. Это очень важное соглашение, оно значительно облегчает продвижение товаров.

Преимущество члена ЕврАзЭС на товарных рынках заключается в больших возможностях для доступа на рынки. Кроме того, членство дает больше шансов на помощь от партнеров. Так, например, готовится к пуску крупный энергообъект в Таджикистане. Осуществление такого проекта стало возможным только при объединении и консолидации усилий нескольких стран. Для энергетики Таджикистана введение в строй объекта крайне важно.

Важно отметить, что сотрудничество стран-участниц ЕврАзЭС взаимовыгодное. В рамках проекта обсуждался и вопрос создания единой валюты. В программных документах отмечается, в частности, что единая валюта — это финальный акт создания единого экономического пространства и было подчеркнуто, что введение единой валюты не имеет определяющего значения в деле экономической интеграции. Она может быть введена в отдаленной перспективе. Чтобы к этому подойти, нужно решить массу важных и сложных вопросов, создать единое экономическое пространство, что включает в себя много разных аспектов. Например, потребуется согласование некоторых параметров в формировании бюджета, в развитии экономики.

За время существования ЕврАзЭС многие вопросы уже получили практическое воплощение в жизнь, были апробированы и корректируются специалистами стран-участниц. Если оценивать по итогам прошлого года, то присоединение Узбекистана, слияние с Организацией «Центрально-Азиатское сотрудничество» и создание Евразийского банка развития стали неким результатом деятельности этой организации. По всем трем пунктам приняты решения, реализация которых сейчас происходит.

Как отмечал Президент Республики Казахстан Н.А.Назарбаев, только при коллективных усилиях переходные общества в состоянии осуществить успешную интеграцию. При этом было подчеркнуто, что интеграция в сфере экономики — это создание совместной собственности. Это основа интеграции. Все остальное — взаимодействие и сотрудничество. Нередко можно слышать мнение: дескать, давайте возродим в сфере экономики те связи, которые были на территории Советского Союза. Ведь в них было очень много полезного: при недостатке ресурсов в одном месте их можно взять в другом — то, что называется международным разделением труда. Но при СССР собственность была единой, и тогда сделать это было возможно. Сейчас нет. Поэтому создание единой собственности — это ключ к экономической интеграции. Если мы способны «сдать совместную собственность, мы готовы к интеграции. Для этого у нас должно быть единое или схожее законодательство по вопросам,

скажем, организационной деятельности». Сегодня разработан закон о защите инвестиций. Когда инвестор готов вложить свои деньги, он должен быть уверен, что все договоренности будут соблюдаться. Наша задача — создание единой собственности, единой правовой основы, единой тарифной политики. Это главные условия для экономической интеграции, к которой мы стремимся [2; 139].

Очень актуальной сегодня становится энергетическая политика стран Евразийского сообщества. Энергетическая политика практически любой страны мира в значительной степени определяется наличием или отсутствием на ее территории ресурсного потенциала энергетики. Страны ЕврАзЭС в целом обладают огромным топливно-энергетическим потенциалом, развитой энергетической инфраструктурой и выгодным геополитическим расположением. Это обеспечивает основу для гарантированного энергоснабжения экономики и социальных нужд государств, входящих в сообщество, и возможности для эффективной торговли энергоресурсами на внешних рынках, включая услуги по транзиту. В целом можно констатировать, что государства-члены в определенной степени преодолели последствия системного экономического кризиса после распада СССР и перехода к новым условиям хозяйствования.

Регион отличается выгодным геополитическим расположением — между Европой, Северо-Восточной, Центральной и Южной Азией. Чрезвычайно важными в геополитическом плане являются взаимная привязка территорий и распределение ресурсов, в первую очередь энергетических. Три государства ЕврАзЭС (Россия, Казахстан и Узбекистан) располагают большими запасами углеводородного сырья, Киргизия и Таджикистан обладают огромным потенциалом водно-энергетических ресурсов, в то время как Белоруссия, Казахстан, Узбекистан и Россия являются странами, через территорию которых осуществляется экспорт нефти и газа по магистральным трубопроводам в страны СНГ и на европейский рынок.

Страны ЕврАзЭС заинтересованы в повышении эффективности использования энергии и вследствие этого в обмене технологиями, опытом и в кооперации по производству необходимого оборудования и приборов учета. Создание Единого энергетического пространства ЕврАзЭС призвано решать те экономические задачи, которые не удалось решить в рамках СНГ. Объединение рынков электроэнергии, нефти и нефтепродуктов, а также природного газа и, таким образом, расширение оперативного пространства для инвесторов позволяют последним существенно снижать коммерческие и политические риски, придают дополнительные импульсы темпам роста экономики, позволяют развивать эффективную специализацию национальных экономик и их кооперацию.

На практике торговля энергетическими ресурсами на национальном и международном уровнях ограничена огромным количеством разного рода правил, условий и барьеров. Более того, по разным причинам ряд государств вынужден направлять значительные ресурсы и средства на развитие собственного производства энергии, более дорогой по сравнению с доступной на мировом рынке и даже в соседних странах. Это объясняется целями национальной энергетической безопасности, что зачастую мотивируется стремлением обеспечить развитие и защитить интересы предприятий и компаний собственного национального энергетического комплекса.

Сказанное актуально в отношении стран с переходной экономикой, где для успешного развития энергетики необходимо соблюдение целого ряда условий, которые во многом зависят от проводимой этими странами внутренней и внешней политики в сфере энергетики. К их числу следует отнести:

- широкий приток зарубежных инвестиций, требуемых для поддержания в рабочем состоянии и развития топливной, генерирующей и передающей базы энергетики;
- наличие надежных источников поставок или рынков сбыта энергоресурсов;
- обеспечение безопасного и недискриминационного транспорта и транзита энергоносителей через территории третьих стран;
- разработку и осуществление согласованной политической линии на международных рынках энергоносителей и т.д. [3; 31].

На Сочинском саммите в августе 2006 г. главами государств-членов ЕврАзЭС была поставлена задача разработать концептуальные подходы к формированию общего энергетического рынка государств-членов сообщества. В дополнение к разрабатываемой правовой базе органы ЕврАзЭС реализуют конкретные программы, направленные на обеспечение прогнозируемых уровней энергопотребления и экспортных поставок энергетических ресурсов. Сегодня эти программы поэтапно осуществляются в соответствии с принятым планом формирования общего энергетического рынка стран Евразийского Экономического сообщества [3; 34].

Прежде всего речь идет о реконструкции и расширении газотранспортной системы САЦ с участием инвестиций и технической поддержки всех государств-членов ЕврАзЭС; развитии СП России и

Казахстана на базе Оренбургского ГПЗ; строительстве новых гидромошностей в Таджикистане; развитии системы линий электропередачи между странами-участниками ЕврАзЭС; координации развития проектов по экспорту углеводородного сырья (Европа, прочие страны СНГ, Китай, Иран); развитии деятельности СП по обеспечению топливом атомных электростанций на территории государств ЕврАзЭС (с участием России, Казахстана, Узбекистана, Белоруссии).

Наибольший вклад в развитие ЕврАзЭС внесли и продолжают вносить, прежде всего, Казахстан и Россия. Это служит еще одним ярким доказательством тесных партнерских взаимоотношений между Казахстаном и Россией. Являясь крупнейшими странами в регионе, обладая экономическим потенциалом, сравнимым с потенциалом самых крупных мировых держав, Казахстан и Россия осуществляют многовекторный политический курс на поддержание национальных приоритетов и сохранение безопасности. Помимо участия в различных международных организациях и проектах, Казахстан и Россия являются основными партнерами в самостоятельном интеграционном проекте — ЕврАзЭС.

Казахстанско-российские отношения в рамках евразийского проекта основываются на осознании необходимости сотрудничества, при соблюдении единой экономической стратегии. Казахстан и Россия сегодня представляют собой ядро интеграционных процессов в СНГ, и именно в России евразийская инициатива Казахстанского Президента была позитивно воспринята. Руководители двух крупных евразийских стран обоюдно высказываются за ведущую роль в процветании своих народов взаимовыгодного сотрудничества на евразийской основе.

Евразийская стратегия Президента Н.А.Назарбаева нацелена на долгосрочные приоритеты взаимовыгодного сотрудничества с евразийскими партнерами на основе уважения суверенитета и поддержания мира и стабильности в регионе. Исходя из этого Генеральный секретарь ЕврАзЭС Т.Мансуров подчеркивает: «наше будущее в мировой политике XXI в. будет во многом зависеть от того, сумеем ли мы реализовать наш евразийский статус, утвердившись в мировом сообществе в качестве эффективного политического, экономического и культурного моста между западом и восточком континента. Мы убеждены, что без развития сотрудничества и партнерства Казахстану и России вряд ли удастся эффективно использовать преимущества евразийских государств. Наши отношения ориентированы на дальнейшее углубление взаимовыгодного многопланового сотрудничества, и условия этому благоприятствуют: по всему спектру вопросов наши точки зрения близки или совпадают, что обусловлено не только богатейшей общей историей, но и реальным политическим, экономическим, культурно-гуманитарным, оборонным и научно-техническим сотрудничеством [4; 10]. Казахстан и Россия сегодня представляют собой ядро интеграционных процессов в СНГ, и именно в России евразийская инициатива Казахстанского Президента была позитивно воспринята. Понимание и совпадение взглядов прогрессивных руководителей обеих стран на евразийский проект способствовали собственно его вхождению в жизнь, а в дальнейшем его популярности, основанной на реалистичности и дальновидном прагматизме.

Вероятно, в перспективе число государств-участников ЕврАзЭС увеличится. Быть членом Сообщества становится выгодно. Интеграция (и это общемировая практика) позволяет быстрее решать многие экономические и социальные вопросы. Сейчас, например, в ЕврАзЭС идет разработка целевых программ, связанных с медицинским оборудованием, новейшими технологиями. Реализовать столь грандиозные проекты стало возможно только при тесном взаимодействии всех стран Сообщества.

Анализ современного состояния и прогноз перспективного развития политической и общеэкономической интеграции в рамках ЕврАзЭС показывают, что Евразийское экономическое сообщество относится к региональной интегрирующейся организации второго типа, что предполагает соответствующее нормативно-правовое обеспечение процесса.

Очевидно, что в нынешних рамках не удастся реализовать в полной мере процедуры и механизмы, аналогичные применяемым в Европейском Сообществе. Наиболее приемлемым представляется нормативно-правовое обеспечение создания единого энергетического пространства в рамках ЕврАзЭС на основе международных взаимоотношений, предусмотренных правилами ВТО, с учетом национальных интересов каждой страны.

Евразийское Экономическое сообщество стало международной экономической организацией, наделенной функциями, связанными с формированием общих внешних таможенных границ входящих в нее стран, выработкой единой внешнеэкономической политики, тарифов, цен и другими составляющими функционирования общего рынка.

В современных условиях развития многих политических и экономических процессов, происходящих в странах Европы и Америки, евразийская интеграция крупных постсоветских республик сви-

детельствует о существовании самостоятельного выбора этих стран в решении интеграционных целей и наилучшего распределения своих экономических и топливно-энергетических ресурсов. Динамичное развитие партнерских отношений стран-участниц евразийского проекта нередко вызывает некоторое недовольство политических кругов США, обеспокоенных проблемами распространения своего контроля над каспийской нефтью и самим регионом. Ни для кого не секрет, что самостоятельная энергетическая политика стран евразийского проекта подвергается острой, иногда необоснованной критике со стороны западных аналитиков и СМИ. Однако приоритеты Евразийского сообщества не вызывают сомнения в их экономической эффективности и важности в обеспечении коллективной безопасности в регионе.

Сложности, возникающие в процессе создания единой законодательной базы и ее реального воплощения в жизнь, свидетельствуют о поисках наилучших вариантов в деле взаимовыгодного партнерства, нередко и в вопросах снятия напряжения по отдельным вопросам, лоббируемым западными политическими кругами. Евразийская интеграция набирает полный ход, и результаты ее деятельности играют важную роль в политической, экономической и культурной жизни огромного региона.

Важность создания ЕврАзЭС сегодня стала очевидной для всех стран-участниц. Основной целью сообщества по-прежнему остается задача достижения такого уровня интеграции, который будет взаимовыгодным, станет способствовать экономическому росту всех стран Сообщества.

Таким образом, развитие интеграционных процессов на постсоветском пространстве, при всем многообразии существующих организаций и договоров, имеет четко ориентированную направленность экономического характера, связанную прежде всего с ЕврАзЭС, а также с проблемами безопасности в регионе, которые, на наш взгляд, несомненно получат еще большее развитие в ближайшем будущем.

Список литературы

1. Договор об учреждении ЕврАзЭС. — Астана, 2000. — С. 3.
2. Назарбаев Н.А. Стратегия независимости. — Алматы: Атамұра, 2003. — С. 139.
3. Рапота Г. Только интеграция обеспечит устойчивое развитие и безопасность // Мировая энергетика. — 2007. — № 3. — С. 98.
4. Мансуров Т.А. Казахстанско-российские отношения в контексте евразийской цивилизации // Материалы 15-й Междисциплинарной дискуссии «Будущее России, СНГ и евразийской цивилизации». — М., 2005. — С. 10.

Л.И.Зуева

Карагандинский государственный университет им. Е.А.Букетова

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ИННОВАЦИИ В ШКОЛЬНОМ ИСТОРИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ

Мақалада Қазақстан Республикасы мектептері тарихи білім беру саласындағы реформалардың бірқатар методологиялық аспектілері қарастырылған. Автор аталған реформаны ұзақ уақыт сыннан өткізіп, алынған тәжірибелерді талдағаннан кейін ғана, оның сәтті жүзеге асатындығы туралы пікірін білдіреді.

In article author investigated some methodological aspects reform the system of school historical education in the Republic of Kazakhstan. By authors proved the thesis, that reform will be success only after a long experimental stage and analysis of the lessons.

В настоящее время в Казахстане идет становление своей национальной модели образования. Н.А.Назарбаев отмечает: «Нам, как никогда, необходимо всемерно наращивать бесценный капитал знаний и образования, придавать ему современные формы» [1; 74–75].

На это нацеливает и Закон Республики Казахстан «Об образовании»: «Приоритетными задачами системы образования являются: развитие творческих, духовных и физических возможностей личности, формирование прочных основ нравственности и здорового образа жизни, обогащение интеллекта путем создания условий для развития индивидуальности» [2].

Ведущие зарубежные специалисты ЮНЕСКО А.Бьенэме, Т.Хюсена и другие отмечают, что хорошо продуманная реформа образования требует много времени — времени, измеряемого не годами, а пятилетиями и десятилетиями. Ее полная и успешная реализация предполагает активное участие в ней педагогов с самого начала подготовки. Последние часто исключаются из процесса принятия решений, выполнение которых ложится на них. «Реформа не может ограничиваться фиксацией целей без определения подлежащих мобилизации ресурсов. Реформа будет иметь успех ... только после длительного экспериментального этапа и анализа извлеченных уроков. Следовательно, амбициозность и быстрота намеченных реформами перемен не служат еще залогом успеха» [3; 110].

На сегодняшний день с учетом требований реформы общеобразовательной школы в Республике Казахстан в преподавании истории имеется ряд серьезных проблем, которые требуют быстрого решения, так как мы отстаем от общемирового процесса реформирования по темпам внесения радикальных изменений в ее основные направления.

Все реформы, которые проводятся в Казахстане в школьном образовании — уровень обязательного образования, переход на концентрическую модель обучения, рост расходов на развитие образования, информатизация и компьютеризация — осуществляются с опозданием и растягиваются на длительные сроки, безусловно, не способствующие повышению его эффективности.

Если сравнить начало коренных образовательных реформ, то это будет выглядеть следующим образом: всеобщее начальное образование в отдельных штатах США начали вводить с 1852 г., в Великобритании — с 1870 г., во Франции — с 1882 г., а в СССР — с 1930 г. Обязательное среднее образование в развитых странах вводилось: в Великобритании — с 1944 г., Японии — с 1947 г., Франции — с 1967 г., в СССР (в том числе Казахстане) — с 1972 г. [4; 88].

В 1987 г. расходы на душу населения в сфере образования составляли в американских долларах: мир в целом — 188, развитые страны — 704, развивающиеся страны — 29, Европа + СССР — 451 и Северная Америка — 1257 [4; 95].

По Государственной программе развития образования в Казахстане на 2005–2010 гг. было запланировано выделить из республиканского бюджета в 2005 г. 23 379, 8 млн. тенге; в 2006 — 34 036,9 млн. тенге; в 2007 — 32 150,8 млн. тенге; в 2008 — 26 216,8 млн. тенге; в 2009 — 29 484,4 млн. тенге; в 2010 — 30 501,1 млн. тенге. Программа будет реализовываться поэтапно: первый этап — 2005–2007 гг., второй — 2008–2010 гг. [5; 33].

Затраты на одного обучающегося в 2007 г. выросли на 40 % и составили по республике в среднем 88,3 тыс.тенге (в 2006 г. — 63 тыс.тенге). В регионах показатель варьирует — от 65,8 тыс. тенге в Южно-Казахстанской до 136,3 тыс.тенге в Северо-Казахстанской областях [5; 16].

В 1985 г. большинство стран мира начали осуществлять переход на новые программы по истории, построенные по концентрическому принципу, в 1993–1995 гг. — в Российской Федерации, в 1998–99 гг. — в Казахстане.

Марксистская идеология в ее догматизированной форме перестала быть неперенным условием исторических исследований. «Основные работы К.Маркса и Ф.Энгельса раскрыли суть теории общественно-экономических формаций, а многочисленные комментарии и критика марксистской теории дали возможность определить положительные и отрицательные стороны данного подхода в историческом познании. Работы, написанные в советский период, характеризуют исторический материализм как оптимальный и эффективный подход в научном познании общества. Оценки изменяются по мере изменения политической ситуации в стране. В результате в 90-е годы сложилось неоднозначное отношение к наследию основоположников марксизма: с одной стороны, призыв сохранить верность теории, с другой — полный отказ от материалистического понимания истории, с третьей — советы вернуться к «чистому марксизму»...» [6; 10].

Современные исследователи, по мнению Б.А.Досовой, выделяют три этапа в развитии методологии науки, которым соответствует свой инструментарий: классический, неклассический и постнеклассический. По мнению большинства исследователей, каждому этапу эволюции соответствует свой теоретико-методологический фундамент. В классический и неклассический этапы ученые использовали в научном познании формационный и цивилизационный подходы. Советская историческая наука отдавала предпочтение формационной теории. В перестроечные годы историки стали активнее использовать цивилизационный подход. Историки постсоветского периода пришли к пониманию того, что необходимо сотрудничество различных методологических подходов [6; 14–15].

Российский историк А.Я.Гуревич писал в 1998 г. о том, что историк — дитя своего времени и его труд не может не нести на себе отпечатка эпохи. Видение прошлого, как недавнего, так и самого отдаленного, в конечном итоге, определяется исторической ситуацией, в которой историк творит. Меняется перспектива, смещается «точка отсчета», и история приобретает иной облик, получает новую оценку... Но особенно важно подчеркнуть следующее: изменяется методология исторического познания [7]. Нельзя не согласиться и с тем, что в новых условиях постоянно обновляется арсенал исторической науки. Перестраивается система источников, подлежащих исследованию, меняются методы, выдвигаются новые понятия, смещаются интересы историков: жизнь и профессиональная практика ставят их перед новыми проблемами, меняя ракурс рассмотрения старых.

Историческое обучение и воспитание призваны содействовать приобщению молодежи к духовному миру своего народа, пониманию истоков его культуры, истории, способности восприятия народной поэзии, музыки, живописи. Например, Р.А.Кудашева пишет: «Историческое образование занимает особое место в системе образования, так как целями его является не только овладение учащимися основными знаниями об историческом пути человечества с древнейших времен до наших дней, но и развитие способностей осмысливать события и явления действительности на основе исторического анализа, творческого применения исторических знаний, формирующих ценностные ориентации и убеждения, основанные на идее гуманизма, уважения прав человека и демократических ценностей, патриотизма и взаимопонимания между народами» [8; 73].

Коллизии современной истории нашей страны, развернувшийся в период перестройки кризис самосознания обострили внимание к цивилизационному измерению истории. Цивилизационная теория представлена в трудах зарубежных, российских и казахстанских исследователей А.Дж.Тойнби, О.Шпенглера, А.Я.Гуревича, Н.Э.Масанова, М.К.Козыбаева, К.Н.Нурпеисова, С.Е.Толыбекова, Ж.Б.Абылхожина и других.

5–9 июля 2005 г. в Алматы состоялся второй «Форум цивилизаций», ставший традиционным мероприятием в расширении и углублении научных, образовательных и культурных связей между учеными различных стран мира. Со времени проведения первого «Форума», прошедшего в 2003 г., значительно возрос научно-информационный поток знаний о цивилизационном развитии человечества, появились на основе расшифровки генома человека новые возможности по прочтению антропо-, расо- и этноистории, стали более динамичными процессы глобального единения стран и народов и в то же время возрос интерес к цивилизационным традициям, этнической самоидентификации, выявлению особенностей ментальности, соотношению мировых и локальных цивилизационных образований, выяснению вклада того или иного этноса в мировое культурное наследие [9; 3].

На протяжении XIX–XX вв. в литературе дебатировался вопрос о принадлежности кочевых народов к мировой культуре в ее общепринятом определении. «Многие исследователи Запада полагают, что кочевники были «рабами степи», «вечными узниками климатического и вегетационного годового

цикла», что они «утратили связь с миром». А. Тойнби однозначно утверждал, что «несмотря на нерегулярные набеги, на оседлые цивилизации, временно включающие кочевников в поле исторических событий, общество кочевников является обществом, у которого нет истории» [10; 18].

Против такой постановки вопроса в свое время выступали Ч.Ч.Валиханов, В.Бартольд, А.Маргулан, Е.Бекмаханов. Востоковеды среди важнейших признаков кочевой цивилизации выделяли такие признаки, как государственность, монументальная архитектура погребальных сооружений, поселения городского типа, письменность и искусство, регулярные торговые связи, единая идеология, единый культ и религия, эпос. Л.Н.Гумилев в своих исследованиях однозначно пришел к выводу о существовании кочевой цивилизации народов Евразии, которая за 3000 лет прошла творческую эволюцию. «Интерес к тюркам был обусловлен тем, что, оказавшись на пересечении четырех сторон света, в Средней Азии, они сыграли роль посредника, медиатора с Византией, Персией и Индией, Китаем в совокупности Востока и Запада» [10; 48].

Но, тем не менее, как представляется, эта проблематика применительно к казахстанской истории исследуется недостаточно, даже в самых новейших учебниках по истории Казахстана (2006–2007 гг.) на изучение проблемы нomaдизма отведено 4 параграфа, а ведь именно вопросы политического, национального и социального самосознания, столь важные сегодня, могли бы дать новый импульс развитию теории цивилизаций. Слабо используется теоретический инструментарий, разработанный исследователями цивилизаций. Поэтому так важно на основе цивилизационного подхода рассмотреть историю Казахстана, включить изучение ее в контекст мировой истории. Почему неевропейский мир был обречен на отставание? Главная причина заключалась в отсутствии на Востоке имущественных гарантий. Процесс внутренней трансформации и модернизации восточных обществ привел к определенным результатам. На смену симбиозу европейской и традиционной культуры пришел плодотворный синтез.

Ученые-обществоведы в большинстве своем признают ныне более высокую плодотворность цивилизационной парадигмы по сравнению с формационной, господствовавшей в советских социальных и гуманитарных науках [9; 50].

До недавнего времени история представлялась нам как единый для всех стран и народов целенаправленный процесс от формации к формации. Правда, признавалось наличие региональной и национальной специфики, не мешавшей, однако, общему продвижению к светлому будущему, коммунизму. В последнее время внимание историков и обществоведов переключилось с категории «формация» на категорию «цивилизация». Суть предлагаемой альтернативы состоит в том, что история человечества во многом может быть уподоблена истории живой природы с ее мутациями, открывающими путь чему-то новому.

Вследствие кризиса гуманистических ценностей, особенно осознанного в Германии, появились концепции М.Вебера и О.Шпенглера. Предчувствие краха Британской империи отразилось в концепции цивилизации А.Тойнби. Своеобразным результатом кризиса представлений о глубине модернизации, осмысления процесса активизации традиционной культуры в массовом обществе стала концепция «материальной цивилизации» Ф.Броделя, о которой писал в 1992 г. в статье «Россия и современная цивилизация» И.Н.Ионов [11]. Но, тем не менее, как представляется, эта проблематика применительно к казахстанской истории исследуется недостаточно, а ведь именно вопросы политического, национального и социального самосознания, столь важные сегодня, могли бы дать новый импульс развитию теории цивилизаций.

Препятствует этому слабость культурологического подхода к общим вопросам отечественной истории. Дело в том, что преобладание социально-экономического подхода обусловило некоторый разрыв в изучении истории общества, экономики, государства, с одной стороны, и истории культуры — с другой. Исследование культурных норм, ценностей, стереотипов как элементов мотивации поведения, деятельности, которые составляют само содержание исторического процесса, ведется пока недостаточно.

Вообще подход, связанный с именем М.Вебера, является особенно интересным сейчас, в период «веберовского ренессанса» в исторической науке. Возрождение интереса к Веберу в западной историографической, исторической, политической мысли может быть объяснено, по крайней мере, тремя причинами: важностью разработанных им методов социального познания, использованием при анализе чрезвычайно обширного исторического материала разных эпох и стран и, наконец, общей либеральной направленностью мировоззрения, которая столь созвучна нашему времени.

Для нас эта методология важна еще тем, что марксистский и веберовский подходы к истории не взаимоисключают, а, наоборот, дополняют друг друга. Это существенно для соблюдения преемст-

венности в развитии науки. Не отмечая достижений в исследовании социально-экономической сущности исторического процесса, деятельный подход позволяет понять социокультурные предпосылки той формы, которую он принял. Наконец, теория Вебера — это, прежде всего, теория модернизации, поэтому использование теоретического инструментария может быть здесь эффективным.

Если суммировать мнения большинства исследователей творчества М. Вебера, то новизна его подхода состоит в том, что он избавил науку об обществе от телеологии и, следовательно, от неизбежного убеждения в предопределенности грядущих перемен, выдвинул в качестве главной цели общественных наук не поиск закономерностей, а изучение причинно-следственных отношений определенной группы явлений (принцип каузальной связи), наконец, создал возможность типологии социальных явлений и процессов путем конструирования их мыслительных образов; он ввел более дробные критерии социальной стратификации, классовую борьбу интерпретировал как частный и далеко не универсальный случай социологии конфликта, а политическую власть — как одну (хотя и наиболее важную) форму власти вообще. Эти общие принципы уже сами по себе позволили по-новому подойти к оценке исторического процесса, организации общества, политических структур, роли исследователя в их изучении.

Сложившаяся в Степи цивилизация впитала в себя признаки как Востока, так и Запада. Феномен кочевничества сочетает коллективистское и индивидуалистское, этатистское и либеральное начала. Всесилие власти, корпоративность, клановые связи в форме патронажно-клиентных отношений — вот характерные черты всех восточных обществ. Подобная специфика этнополитической структуры является элементом общей культуры отношений и в казахском обществе. Однако следует признать, что азиатская форма социальной сетки у казахов нашла свое применение в основном в политической сфере [9; 51].

Исламский фактор не только не исчерпал свой потенциал, но неожиданно обрел более основательную почву и новую силу в тех национальных движениях мусульманских народов бывшего Советского Союза, которые сформировались в годы «перестройки» и в полный голос заявили о себе на рубеже 1980–1990-х гг. [9; 97].

Гуманистически ориентированная педагогическая деятельность в современных условиях существенно отличается от традиционной «знаниево-ориентированной». Ориентация на человека, который не только познает, мыслит, но и ищет смысл бытия, принимает решения, берет на себя ответственность, отличается предприимчивостью, предполагает, что содержание образования обеспечит синтез двух типов опыта: предметного (он представлен образовательным стандартом) и гуманистического, существующего в деятельной, эмоциональной форме и выступающего в качестве нового материала личностных функций индивида.

Учебный процесс перестает быть обезличенным процессом обмена информацией, он гуманизируется, а учащиеся начинают осознавать учебную деятельность как социально значимую, общественно полезную, мотивационно-оправданную. «При кардинальном обновлении исторического образования следует максимально гуманизировать школьные и вузовские курсы истории, придать историческим курсам большую культурологическую направленность, акцентировать внимание на проблеме современных цивилизаций, раскрытия духовных поисков человечества» [12; 27].

Однако анализ, например, школьных программ по истории для 5–7 классов общеобразовательных школ 2005 г. свидетельствует о том, что никакой речи о максимальной гуманизации школьных курсов пока нет. По нашим подсчетам, количество уроков культурологической направленности составляет по всемирной и отечественной истории соответственно в 5 классе 17 и 29 %; в 6 — 38 и 17 %; в 7 классе — 35 и 37 %, что явно меньше половины от запланированного объема часов.

Традиционные технологии обучения не могут сформировать новых путей и прежде всего потому, что в их основе лежит предметная деятельность по освоению понятий, способов выполнения учебных действий. Никакая предметная деятельность не открывает учащимся смысла их учения.

Ключом к пониманию технологического построения учебного процесса является последовательная ориентация на четко определённые цели, их максимальное уточнение; строгая ориентация всего хода обучения на гарантированное достижение результатов; оценка таких результатов, коррекция хода обучения, направленная на достижение поставленных целей; заключительная оценка результатов. Успех в реализации педагогического воздействия во многом зависит от умения организовать его, избрать целесообразный его вариант. Изменения методов обучения влекут глубокие преобразования целей, содержания и форм, а изменение целей и содержания приводит к пересмотру процессуального аспекта обучения.

В психолого-педагогическом плане основные тенденции связаны с переходом: от учения как функции запоминания к учению как процессу умственного развития; от чисто ассоциативной модели знаний к динамически структурированной системе умственных действий; от ориентации на усредненного ученика к дифференцированным программам обучения; от внешней мотивации учения к внутренней нравственно-ролевой регуляции. Эффективность обучения повышается, если оно построено на прежних знаниях и опыте учащихся, позволяя им связывать то, что они уже знают, с новой информацией.

Обновление образовательного процесса в начале 90-х годов являлось жизненно важной потребностью не только этой сферы, но и в целом общественного развития страны. В условиях реформирования школьного и вузовского образования в Республике Казахстан деловые игры стали важным средством повышения эффективности обучения и компетентности специалистов. История деловых игр начинается еще в СССР с первой деловой игры, которая была проведена «в Ленинграде в 1932 г. М.М.Бирштейном. Однако серьезного развития и применения в силу ряда причин деловая игра тогда не получила и возродилась в США лишь в 1957 г., где была проведена с использованием вычислительной машины» [13; 209]. Теперь для подготовки высококвалифицированных специалистов за рубежом в обязательном порядке в учебный план включают деловые игры. В СССР только в 1960 г. деловые игры стали сначала исследоваться, а в 1980-х гг. — широко использоваться в учебном процессе.

Осмысление перспектив исторической науки требует ее методологического перевооружения, для чего необходимо использование методов и приемов мировой историографии. Сравнительная характеристика формационной и цивилизационной теорий показала, что цивилизационная теория в определенной мере шире, чем теория общественно-экономических формаций, так как учитывает не только экономические, но и все другие сферы общества. Однако на сегодняшний день концептуально обоснованный цивилизационный подход находит слабое отражение в школьных учебниках нового поколения. Например, в школьном учебнике для учащихся 9 класса «Новейшая история Казахстана» (авторы Б.Г.Аяган, М.Д.Шаймерденов) [14] в параграфе 8 «Культура Казахстана в начале XX века» имеется только 1 подраздел «Ликвидация безграмотности взрослого населения». Но в нем говорится и о ликбезе, и о литературе, и об издательском деле, и о прессе (стр.79–85). В изложении учебного материала не всегда соблюдается системность и логика изложения материала. Тематическая завершенность и сюжетная целостность иногда нарушаются. Как правило, итоги параграфов не подводятся. Если в 8-м параграфе рассказывается о развитии культуры с начала века, то в следующем (9-м) параграфе «Музыкальное, изобразительное, прикладное искусство Казахстана» развитие культуры отслеживается уже с послеоктябрьских времен. Причем параграф не разделен на подразделы (стр.89–96). В этом параграфе авторы излишне много помещают этнографического материала (о музыкальных инструментах, о конструкции юрты и т.д.). Кроме того, в 8-м параграфе используется словосочетание «новометодные школы», но не употребляется термин «джадидизм». Значение этого термина в истории Казахстана не объясняется. Зато вводятся новые необоснованные термины и словосочетания, не используемые в академической исторической литературе, например, «многовластье». Материал 16-го параграфа «Культурное строительство в Казахстане (1920–1945 годы)» частично повторяет материал 8-го параграфа «Культура Казахстана в начале XX века». О принятия Закона о языках говорится дважды: на стр.287 и стр.289.

Формируя целостные представления о прошлом, осознавая закономерности исторического развития общества, оценивая уникальность и своеобразие каждого отдельного факта истории, школьники вырабатывают примерный алгоритм проведения исторических исследований, необходимых в старших классах для самостоятельного изучения теоретических вопросов.

Таким образом, история как универсальный предмет гуманитарного цикла должна занять в нем центральное место. Можно утверждать, что методика преподавания истории Казахстана призвана выделить и обозначить, переработать и синтезировать всю совокупность знаний о процессе познания и воспитания и открыть новые закономерности — закономерности обучения отечественной истории. Это будут объективные, существенные, устойчивые связи между задачами, содержанием, путями, средствами обучения, воспитания и развития, с одной стороны, и результатами обучения (эффективностью, качеством получаемых знаний) — с другой. На основе этих закономерностей можно будет разрабатывать практические рекомендации, охватывающие все стороны обучения. Закономерности и понятия могут быть раскрыты на ограниченном числе типичных фактов или достаточно ярких примерах. Приемы и средства эмпирического изучения истории, а также основанные на их применении задания могут быть представлены на трех уровнях познавательной деятельности: 1) изложения и вос-

произведения учебной информации, в близкой к источнику форме; 2) преобразования; 3) творческой реконструкции образов прошлого.

Список литературы

1. *Назарбаев Н.А.* В потоке истории. — Алматы: Атамұра, 1999. — 294 с.; Послание Президента РК Н.А.Назарбаева народу Казахстана. «Стратегия вхождения Казахстана в число пятидесяти наиболее конкурентоспособных стран мира» // Мысль. — 2006. — № 3. — С. 2–18.
2. Закон Республики Казахстан «Об образовании» — Астана: Аккорда, 2007. — Ст. 68.
3. *Бьенэме А.* Стратегия предприятий: уроки для планирования образования // Перспективы. Вопросы образования. UNESCO. — 1990. — № 2. — С. 109–122.
4. *Арутюнов С.В., Багдасарьян Н.Г., Борисов Е.Ф.* и др. / Под ред. В.И.Купцова. Человек и общество. Современный мир. — М.: Просвещение, 1994. — 320 с.
5. Государственная программа развития образования в Республике Казахстан на 2005–2010 годы. — Астана, 2004. — 39 с.
6. *Досова Б.А.* Синергетика как подход в историческом познании: историографический аспект. — Автореф. дис... канд. ист. наук. — Караганда: Изд-во КарГУ, 2006. — 29 апр. — С. 14–15.
7. *Гуревич А.Я.* О кризисе современной исторической науки // Вопросы истории. — 1991. — № 2–3. — С. 21–37.
8. *Кудашева Р.А.* Совершенствование методики современного урока истории // История Казахстана. Преподавание в школах и в вузах. — 2006. — № 61. — С. 72–77.
9. Цивилизации человечества — история и современность: Материалы науч. конф. 5–9 июля 2005 г. — Ч. 1. — Алматы: Кайнар, 2005. — 266 с.
10. *Козыбаев М.К.* Казахстан на рубеже веков: размышления и поиски. — Алматы: Ғылым, 2000. — 808 с.
11. *Ионов И.Н.* Россия и современная цивилизация. — М.: Наука, 1992. — 285 с.
12. Концепция становления исторического сознания в Республике Казахстан. — Алматы, 1995. — 36 с.
13. Основы педагогики и психологии высшей школы / Под ред. акад. АПН СССР А.В.Петровского. — М.: Изд-во МГУ, 1986. — 303 с.
14. *Аяган Б.Г., Шаймерденов М.Д.* Новейшая история Казахстана. — Алматы: Атамұра, 2009. — 392 с.

ФИЛОСОФИЯ

ӘОЖ 140.8

О.А.Айтбаев

Е.А.Бөкетов атындағы Қарағанды мемлекеттік университеті

ДҮНИЕТАНЫМДЫҚТАҒЫ РАЦИОНАЛДЫҚ ЖӘНЕ ИРРАЦИОНАЛДЫҚ КӨЗҚАРАСТЫҢ МАЗМҰНЫ

В статье рассматривается соотношение рационального и иррационального в мировоззрении. Показано, что содержание любого мировоззрения зависит от уровня функционирования этих воззрений. Иррациональное — то, что не может быть постигнуто разумом, алогично, рациональное же разумно; это логический порядок вещей, объективные законы природы, общества и человеческого сознания.

The article considers the correlation of rational and irrational in world outlook. The content of any world outlook depends on the level of these outlook's function. The irrational can't be reasonable and illogical, but the rational is reasonable. It is logical order of the things with objective. There's, society's humane consciousness' law. It is underlined, that irrational consciousness corresponds to religious world outlooks, but rational corresponds to unreligious, philosophical and scientific world outlook.

Адамның рухани дүниесі өте күрделі де әр түрлі. Олардың қатынастарының ішінен тікелей дүниетанымдықты құрастыру қатынасы бар. Дүниетанымның мазмұндық байлығын біз дүниеге қатынастықта байқап білеміз. Осындай сан алуан мазмұндық көзқарас жағынан қарастырсақ, олар рационалды және иррационалды көзқарастар болып екіге бөлінеді. Рационалды және иррационалды көзқарастар философиялық категорияға жатқандықтан, бұл феноменологияларды философиялық тұрғыда қарастырамыз. Философиялық ілім, қандай бір дүниетанымдық көзқарас болмасын, оның өзегін, «ядросын», құрастырады.

Рационалды (лат. *ақыл*) деп бір жүйеге келтірілген, логикалық заңға бағынатын, теориялық деңгейде құрастырылатын ілімдік көзқарасты айтамыз. Рационалды көзқарас дами келе рационализмдік ілімдік көзқарасқа айналады. Рационализм ақылға, парасатқа, парасаттылық бейімділіктің ақиқаттылығына, дәлелдік күшіне сенуді білдіреді.

Иррационализм (лат. *ақылға сыйымсыз*) деп ақыл-оймен пайымдауға келмейтін, логикалық ұғымдармен сыйыспайтын көзқарасты айтады. Иррационализм өмір шындығын берекесіз, заңдылықтан ада, кездейсоқ өзгерістерге, ырықсыз ерікке бағынады деп санайды.

Иррационалды көзқарастың тағы бір айрықша ерекшелігі, әрбір нәрселердің бастамасы «жоқтан бар», «ештемеден бірдене» пайда бола алады деп пайымдауында. Мұндай көзқарас, қандай бір діни көзқарас болмасын олардың қайнар көзі, олардың бастамасы. Ұлттық және әлемдік діндерді алып қарастырсақ, олардың барлығының басын біріктіретін иррационализм: Құдай барлық нәрселерді жоқтан бар етіп, материалдық дүниені жасады. Мұндай көзқарастың логикалық жалғасы — бар нәрсе жоққа айналып кете алатындығында.

Рационалды көзқарастың елеулі ерекшелігі — «жоқтан бар» болмайтындығында. Материалдық дүние «жоққа айналмаулығы», материалдық дүние сан жағынан сақталып, сапа жағынан өзгеріп отыратындығы, рационалды көзқарастың негізі деп қарастырамыз. Мұндай көзқарастың логикалық жалғасы — «бар нәрсе» жоққа айналмауы. Мұндай көзқарас дами келе, философиялық көзқарасты туғызды. Қандай бір философиялық ілім болмасын, рационалды көзқарасқа негізделеді. Мысалы, діни көзқарас бойынша, Құдай жоқтан барлық көрініп тұрған нәрселерді жасады десе, философия немесе

бірінші философ (натурфилософ) Фалес, барлық нәрсе судан шықты (жаралды) деп дәлелдеді. Философ Демокрит болса, барлық нәрсе атомнан тұрады деді.

Дүниеге көзқарастың философиялық даму тарихы мифтік көзқарастан басталады. Мифтік көзқарас — синкретикалық (біртұтастық) көзқарас, дами келе діни көзқарасты тудырды, ал одан философиялық көзқарас бөлініп шықты. Адамзаттың тану қабілетінің дамуына байланысты мифтік көзқарас саралау халге жеткеннен бастап көзқарас сакральді (қасиетті) және «жергілікті» болып бөлінді. Сакральді діни-сенімдік болып табылса, жерлік ақылдық, реалді рационалдық болып түсіндірілді. Реалды рационалдық көзқарас рационализмды тудырса, сакральді қасиетті иррационализмді тудырды. Діни көзқарастың шығуына байланысты иррационалдық көзқарастың негізі наным мен сенім болып қарастырылса, ал философияның шығуына байланысты рационалдық көзқарастың негізі ақыл, ес, парасат болып қарастырылды. Діни көзқарас мифтен шыққан мистикалық, оккультік иррационалдық көзқарастарға сүйенсе, философиялық көзқарас ақылға, рационалды рационализмге сүйенеді.

Қазіргі богословтардың көзқарастары бойынша, идеалистік философияны иррационалдық көзқарасқа теңестіргісі келеді. Шын мәнінде, идеалистік философияның гносеологиялық тамыры діннің танымдық тамырымен қосылып кетеді. Бірақ ондай ұқсастықтан идеалистік философия дінмен бірігеді деп айта алмаймыз. Философия тарихына қысқа шолу жасап көрейік.

Алғашқы идеалистік философиясының іргетасын қалаған адам Платонның философиялық гносеологиясы діннің тану тамырымен бірдей болғанымен, оның «идеясы» ақылға бейімделеді. Идеалистік философияның шығуының арқасында, антикалық философиядан «атомистикалық» материалистік философия шығуына жәрдем берді. Бірақ софистер болса, идеалистік философияны иррационализмге айналдырмақ болғанымен, антикалық философия жалпы рационалдық көзқараста болып қала берді.

Орта ғасырда, Қайта өрлеу және Жаңа дәуірде сенім мен ақыл ара қатынасында күрес тоқтаған жоқ. Жалпы шіркеудің дүниетанымдық көзқарасы мистикалық иррационализмдік болып қала берді. Еркін ойшылдардың, философтардың және ғылыми өкілдердің көзқарастары рационалдық тұрғыда жүріп жатты. Дегенмен рационализмнің өзі әр түрлі формада жүріп жатты. Неоплатондық рационализм, Қайта өрлеу заманында жүйелі және жүйесіз, позитивті және негативті, гносеологиялық немесе этикалық болып жүріп жатты. Олардың басын біріктіретін жағы — діни иррационализмге қарсылығы, рационалды негіздігінде... Діни богословтар да рационалдық көзқарасты қолданып қалуға тырысты. Олар өздерінің догматтық көзқарастарын ақиқат түрде көрсету үшін рационалдық тұрғыда немесе ақылды сеніммен бірдей қойып көрсетуге тырысты. Мысалға, Ансельм Кентерберийскийдің айтуынша, «сену үшін түсіну керек» деген көзқарасы ақылға сенуге шақырғандығы деп санаймыз.

Декарттың дуалистік (материализм мен идеализмді ымыраластыру) философиясында рационализм адамның ақылының дамуының шегі жоқтығын, дінсіз қоғам тұрғызуда тек рационалды көзқарастың керегін мегзейді. Декарттың рационалды дуализмінен көптеген материалистік мектептер туылды, дінсіз зайырлы мәдениеттер дамыды. Декарттың рационалдық көзқарасын, оның айтып кеткен ой үзіндісінен көруімізге болады: «Менің ойлай алатығымнан, өмір сүріп тұрғандығымды білемін» деген пікірі. Бірінші орынға ақыл-ойды қоюын көріп тұрмыз. Діни көзқарас болса: «Ол бар (Құдай) болғандықтан, мен ойлай аламын» деген қарама-қарсы көзқарасты қояды.

Спинозаның монистік (дүниенің бастамасы, негізі ретінде материяны алу) рационалды философиясында барлық нәрсенің негізі табиғат деді, ол өзіне өзі себепті, ол шексіз және онда «барлығы» өзінде деді. Болмыстың объективті заңдары ешбір сыртқы «құдіретті күшке» бағынбайды, ішкі заңдық байланыстар объективті, өздері өздеріне себепті. Адамның ақылы сол болмыстың сан алуан қатынастары мен тәртіптерін бейнелейді. Рационалды көзқарастар, аргументтер, еркін философиялық пікірлер қоғамның керекті өмір сүру байлығы деп көрсетті.

XVIII ғ. француз материалистерінің «рационализмді» «жауынгер атеизмге» қолданғаны барымызға аян. Дидро, Гольбах, Гельвеций, Ламетри және тағы басқалар адамның ақылы ақиқат пен жалғанның өлшемі деді. Олар ақылды наным-сенімнен биік қойды. Адамның ақылы діни сенімнен безетін болса, онда материалистік тұрғыда дүниені қабылдауға мүмкіндік туады деді.

Юм Давид, ағылшын философы, рационалды білімнің міндеті болмысты ақылмен тану деді. Діни иррационализм адамгершілік пен азаматтық өмірге теріс ықпал ететіндігін мойындады. Юмның скептицизмі соқыр сенімдік дүниетанымды жоққа шығара отырып, рационалды таным теориясын шығарды. Оның агностицизмі идеализмге елеулі ықпал жасап, неопозитивизмнің негізгі идеялық бастауларының бірі болды.

И.Канттың рационалдық философиясы антитеологиялық көзқараста болды. Оның айтуынша, дүние туралы деректерді адам тек сезім-түйсік арқылы алады. Құдай құбылыс ретінде белгі бермегендіктен, оның бар екенін дәлелдеу де, теріске шығару да мүмкін емес. Ол Құдай туралы мәселе діннің

ісі деді. «Кіршіксіз таза парасатты сынау» деген шығармасында Кант богословтардың «Құдай болмысын дәлелдеу теориясын» философиялық рационалдық тұрғыда сынады.

Гегельдің философиялық рационализмін ешкім де жоққа шығара алмайды. Гегельдің «абсолюттік идеясы» монотеистік Құдаймен теңестіріледі. Айырмашылығы, «абсолюттік идеялық Құдай» логикалық заңға бағынады, рационалды ұғымдармен бейнелеуге болады. Монистік Құдай иррационалды, оның болмысын аян, интуиция арқылы бейнелеуге болады.

Қазіргі кездегі иррационализмді батыс философиясында рационалды түрде кеңінен қолдануда. Мәселен, батыс философиясының экзистенциалистік ағымында рационалдық идеялар кеңінен философиялық ілімдерінде қолдану түрлері, осындай ағымдық көзқарастарда байқаймыз: «атеистік экзистенциализм» — Сартрдың, «христиандық экзистенциализм» — Марсельдің, «сенім философиясы» — Ясперстің, яғни философиялық, ағымдарында көреміз [1].

Иррационалдық көзқарасты жақтайтындар үшін, иррационалдық көзқарас деп, мазмұны және формасы жоқ нәрселерді немесе түсініктерді жатқызады. Бұндай көзқарасқа логиканың күшімен «форма» беріп, ақылмен, «мазмұн» берсек, ондай көзқарас рационалды көзқарасқа айналады деп түсіндіреді. Мысалы, балшықтан өнер мүсінін жасау процесінде, формасыздан, ақылға сыйымды формалық мүсін жасау. Алғашқы форма түсініксіз (иррационалды), ақылға сыйымсыз, бірақ логикалық заңдылықпен мағына алып, түсінікті, жалпы ілімдік, білімдік көзқарасқа айналады. Осындай көзқарасты пайдаланып, кейбір діни қызметкерлердің айтуынша, қандай бір абсурдтық көзқарас болмасын, оларды логикалық заңдарға бейімдеп, көрсете білсек болғаны, ол рационалды көзқарасқа айналады екен. Барлық әңгіме, «қолдану мен айналдыру» әдістерін пайдалана білу керек. Осыдан кез келген догмалық көзқарасқа рационалдық тұрғыда түсіндірме беруге болатын болып шығады. Бұл жерде бізге түсініксіз, бізге белгісіз нәрселер иррационалды да, ал бізге түсінікті, айқын нәрселер рационалды көзқарастар деп түсіндіріледі. II ғасырда атақты богослов Тертуллианның айтуынша: «Абсурдты болса да сенемін» деген ой үзіндісі, жалпы христиан дінінің иррационалдық жақтарын «сенім» арқылы қандай бір көзқарас болмасын, рационалды етіп қабылдауға болатындығын көрсете білді. Иррационалдық көзқарас бойынша қандай бір тануға келмейтін объект болмасын, барлық тану құралдарын қолдана білсек, ол көзқарас бізге танымалы, рационалды көзқарасқа айналады. Осыдан көріп отырмыз, рационалды объективтік дүниенің ақылға сыйымдылығын, оны танып-білуге болатындығын иррационалистік көзқарастағы адамдар да жақсы біледі.

Иррационалистік көзқарас бойынша рационалистік жолда қарастырылып отырған объектіні толығынан ашып көрсете алмайды. Ондай көзқарас негіздің тек үстімен ғана сырғанап жүріп жатады, ол тек дұрыс бағытты ғана бейнелейді, негізіне жақындамайды, одан алатын білім салыстырмалы ғана болып келеді. А.Шопенгауэрдің айтуынша, «танымалы дүние біздің елесімізге берілген нәрсе, біз объективтік дүниені танымаймыз, біз өзіміздің дүние туралы көзқарастық субъективтік түйсіну, елестету арқылы танып білеміз. Себебі дүние екі жақты болып келеді: объективті және субъективті. Объективтік формаға уақыт, кеңістік, себептілік, әр түрлі негіздеуші заңдар жатады. Сондықтан объективтік дүние реалді деп айта аламыз. Яғни егер де біз оны жан-жақты, осы айтылған формалармен дәлелдей алсақ, объективтік, реалді, егер біз білімімізбен дәлелдей алсақ, себебі бір нәрсені реалді деп айтудың алдында, оны жан-жақты дәлелдеуіміз керек, себеп-салдарлық және қажеттілігін негіздеуіміз керек. Ал рационалды нәрселерді дәлелдеудің құралы: ес, сана, ұғым, пікір және логикалық заңдар. Осы саналық құралдармен қарастырылып отырған объектінің ақиқат не жалғандығын біз тексере аламыз» [2].

Иррационалды көзқарас бойынша иррационалды феномен өз бетімен өмір сүреді, ешбір субъективтік тану формаларына бағынышты емес, ол өзімен өзі, абсолютті білім. Ондай білімді ешкім объективтік жолдармен танып-біле алмайды. Ф.Шеллинг мұндай білімді реалдінің базисы, ешбір ақыл-еспен оны танып-білуге болмайды деді. Ондай ақылдан биік тұрған феноменнен ақыл-ес пайда болады. Ессіздіктен естік пайда болады. Иррационализм де ақыл-естен тыс, ақыл жетпейтін жолдармен жинақталған дүниетанымдық феномендік білім, оны шындық өмірге қолдануға болмайды, себебі ондай білім «жоғарғы білім» болғандықтан, жеке нәрселердің негізін ашып көрсете алмайды. Ал рационализм де ақыл-естің ең жоғарғы тану орны, ол арқылы ақылмен болмыстық негізді танып білуге болады.

Болмыс және адам туралы білім бастан иррационалды болып келеді. Тану қабілетіміздің дамуына байланысты иррационалдық объектілерге тану әдістемелерінің мүмкінділігін қолданып, рационалды, танымалды объектіге айналдырады. Сондықтан қандай бір иррационалдық көзқарас болмасын, ол потенциалды рационалды да, ал қандай бір рационалды көзқарас болмасын, оның мағынасында әлі де шешілмеген иррационалдылық мағыналар болады. Олардың айырмашылығы, иррационалды интуи-

тивтік жолдарға және ұғымдық формаларға адекватты негізделсе, рационалды көзқарас логикалық заңдармен, реалды әдістемелермен ақиқатқа жетуге ұмтылады.

Қандай да бір философиялық көзқарас бойынша иррационализм рационализмге қарағанда екінші, ол рационализмнің әлі де түсінбеушілік жақтары деп түсіндіріледі. Ондай көзқараспен келісуге болмайды деп ойлаймыз. Иррационализм жалпы дүниетанымдықтың бастамасы екені рас. Себебі адамзат алғашқы дәуірден бастап болмыстың не екенін танып білгісі келді. Ондай дүниетанымдық процесс осы кезге дейін жүріп жатыр. Қанша бір тану процесінде адамзат табыстарға жетсе де, әлі де дүниенің танылмаған жақтары көбеймесе азаймай келеді. Сондықтан иррационализм мен санаспаушылық адамға және қоғамға негативтік жақтарымен әсерін тигізеді. Екінші жағынан, иррационализмді өзінше дербес феномен ретінде қарастыру культтық шектікке апарып соғады. Оның өте қауіпті жағы — адамның инстинктісін жануардың инстинктісімен теңестіру, мистикалық жолдарға мүмкіндік тудыру және адамның тану қабілетін төмендету. Рационалды көзқарас бойынша иррационализм тануға берілген болмыс ретінде, ал рационализм таным процесі ретінде қарастырылады. Оларды бір-біріне қарама-қарсы қою немесе біреуін екіншіден төмен қарастыру ғылыми жұмыс емес. Екі жақтама-лы диалектика бойынша әрбір көзқараста сақталуы керек. Әрбір көзқарастың позитивтік және негативтік жақтарын ескеруіміз керек. Мысалы, естілік, парасаттық іс-әрекеттің қандай жағы негативті болу керек? Саналы тұрғыда әкесі баласының ауыр қылмысын жасыру, естілікке немесе адамгершілікке жата ма? Болса да естілік рақымшылықтан жұрдай болса, ондай ақылдық негативтен басқа ештеме алып келмейді. А.Шопенгауэр айтқандай, естілікпен іс істеу және адамгершілікпен іс істеу бір-бірінен айрмашылығы зор деді. Естілік үлкен жамандықпен қосылса, керісінше, естілік үлкен адамгершілікпен қосылса, онда адамзатқа үлкен жамандық немесе үлкен жақсылық алып келеді.

Иррационалды және рационалды көзқарас діни және діни емес дүниетанымдық мәселеде үлкен орын алады. Қандай бір иррационалды көзқарас болмасын діни көзқарастың негізі болып қала береді. Себебі иррационалды көзқарасты екі тұрғыда қарастыруға болады. Біріншіден, рационалды көзқарасқа дейінгі (стихиялық, логикаға дейінгі). Екіншіден, «жоғарғы» рационалды (мистикалық, аян беру, нұрлану). Екінші жол, діни санада фидеизмдік (лат. *сенім*) көзқараста кездеседі. Фидеизм — діни догмаларды қорғау үшін идеалистік философияны және ғылымды пайдаланатын, ғылымды дінге бағындыруға әрекет жасайтын көзқарас. Сол себепті қандай бір діни дүниетанымдық болмасын көбінесе иррационалды көзқараста болады. Мысалы, адамның санасынан тысқары иррационалды күштер, мистикалық сезім, тәжірибе арқылы берілетін, бізден сырт дүниені тану, ақыл-оймен түсіндіруге келмейтін сфераның тіршілік етуі және т.с.с. көзқарастар діни-фидеизмдік көзқарасқа жатады. Сондықтан иррационализм діни көзқараста фидеизмдік түрдің бір бөлігі болып қала береді, білімнің орнына сенімді қояды.

Қазіргі кездегі философ-неотомист Ж.Маритеннің айтуынша, «ақыл сенімсіз ештемеге де тұрмайды» деген ой үзіндісі қазіргі кездегі Батыс философтарының иррационализмге деген көзқарасын көрсетеді. Батыс философтары иррационализмді философияның бір ағымы ретінде қарастырады. Олардың пікірінше, материя сияқты «қатты денелер» және дерексіз ұғымдарға сүйенген рационалды (ақыл-ой) таным өзгермелі, тұрақсыз, жеке «өмірді» түсіндіре алмайды. Ақыл-ой «өмірді» жансыздандырады, себебі оны бөлшектеп, оны үздіксіз қозғалысын тоқтатады. Ал шын «өмірді» танып-білудің бірден бір қайнар көзі — инстинкт, интуиция, сезім. Қоғам туралы иррационалды көзқарас бойынша қоғамның келешегі — эсхатологиялық, «опат күту», «өмір екпінді», т.с.с. күштермен бағытталады. Мысалы, Батыс өркениеті өзінің жойылуына аяқ басты (О.Шпенглер) немесе тасқын сияқты қатты екпінмен, өзінің соңғы сөресіне ойланбастан жақындап келеді (Ницше) деп пессимистік көзқарастарымен көрсетеді. Иррационализмның пессимистік идеялары басқа да идеялармен қосылып (экзистенциализм, неотомизм, т.б.), қазіргі бір үлкен философиялық ағымға айналды.

Рационализм богословиялық ілімде айрықша орынға ие. Діни дүниетанымдықта рационализм адамның ақыл-есіне, «құдайдың аян беру ақиқаттығына» үлкен ықпал етеді. XIX ғ. ортасында католик шіркеуі, схоластикалық философияны өзінің ілімі ретінде қабылдап, Фома Аквинскийдің формалды түрде жариялаған рационалды богословиялық жүйесін негізгі дүниетанымдық көзқарас деп жариялады.

Иррационализмнің мистикалық көзқарасының күшейе түсушілік жағын біз К.Барттың, Р.Бультоманның «Диалектикалық теология» деген еңбегінде және де басқа зерттеулерінде көреміз. Олардың айтуынша, «диалектика» деген ұғымды рационалды тұрғыда тану дегеніміз дербес адамның Құдайға деген ынта-қатынасы, өзінің ойын жеткізу деген дейді.

XXI ғасырда да діни тұрғыда рационализмге үлкен ынтамен көңіл бөлінуде. Мысалға, «діни тәжірибені» рационалды көзқарастың қайнар көзі дейді. Себебі қандай бір көзқарас болмасын, егер де

ондай көзқарас логиканың заңына бағына отырып жасалған болса, ондай көзқарасты рационалды деп айтуымызға болады дейді. Логиканың заңы бойынша, кез келген тұжырымды ақиқат деп айта аламыз, егерде ондай тұжырым алдыңғы тәжірибеде тексерілген көзқарастардан шығатын болса. «Діни тәжірибе» эмпирикалық жолдан өтіп, верификацияланған көзқарас болып, адамдар оны қабылдап өмір тәжірибесінде қолданғандықтан, біз оны рационалды деп айтамыз. «Діни тәжірибені» біз толығынан рационалды жолдармен көрсете алмайтын себебіміз, «діни тәжірибедегі» адамзаттың қайғыру, ренжу, сүю сезімдерін рационалды түрде көрсету мүмкін емес. Екінші жағынан, егер де «діни тәжірибе» тек эмпирикалық тәжірибемен шектелген болса, ол онда ғылыми тәжірибеге айналған болар еді. «Діни тәжірибе» эмпирикалық тәжірибемен шектеліп қоймай, өзіне әр түрлі мистикалық тәжірибелерді қосады. Мұндай «жоғарғы» рационалдық жол мистикалық жолға апарады.

Діни емес рационализм болса, күнделікті қарапайым тәжірибелікті және ғылыми тұрғыдағы тәжірибені қосады. Оның дүниетанымдық көзқарасы адамның ақылына сенуге, адамның қоршаған дүниені танып білуге болатындығына сенуге, тәжірибеге сенуге шақырады.

Күнделікті қарапайым тәжірибелі көзқарасты «аңқау» реализм деп те атайды. Ол адамдардың күнделікті практикалық өмірімен тығыз байланысты. Күнделікті өмірде адам өзінің ақылы мен еңбегінің арқасында реальді дүниемен қатынас жасап табысқа жететіндігіне көзі жеткендерді «аңқау реалистік» көзқарас дейміз. «Аңқау реализмнің» негізі — өмір тәжірибесі.

Дүниеге философиялық көзқарасты да рационалдық көзқарасқа жатқызамыз. Себебі, қандай бір философиялық көзқарас болмасын, дүниенің негізі оның реальділігінде деп, оны танып-білуге болатындығын мойындайды. Философиялық көзқарас иррационалды және рационалды көзқарастың ортасында тұруы керек. Себебі дүние объективті болғанымен, оны біз субъективті тұрғыда қабылдаймыз. Объективті жағы рационализмге жақын болса, субъективті жағы иррационализмге жақын тұрады. Сондықтан XX ғасырда философиядан иррационалдық ағым бөлініп шықты. Оның жалпы атауын «өмір философиясы», немесе экзистенциализм, деп атайды. Олардың көптеген ағымдарының арасынан біз тек екі ағымына ғана қысқаша тоқтайық. Бірінші «өмірді табиғат заңдарымен жақындастырады, қоғам заңдарынан аулақ ұстайды» [3]. Оның негативтік жағы — белгісіз күшке табыну, анайы-дөрекі түйсіктерге үлкен мән беру, идея мен ұғымдардың орнына ырықсыз сезімді қою. Ондай көзқарастың ең бір үлкен өкілі — Ф.Ницше.

Екінші ағымында «өмір» адамның іштен туа әбігерленуімен, тікелей сезінуімен байланысады. Мұндай көзқарастың негативтік жағы, тек қана жеке адам, оның ойы, өмірі туралы айтылады. Жеке адамдардың «өмір» тарихында ролдері аса маңызды да шешуші роль атқарады, ал жалпы адамзаттың тарихи рөлі төмендетіледі. Мұндай көзқарастың өкілдері В.Дильтей мен О.Шпенглер.

Дүниеге рационалды, реалды көзқарастың ең бір шыңы ғылыми көзқарас дейміз. Ғылым адамзаттың табиғатпен ерекше қатнасынан шығатын көзқарас. Ғылымның ілімге қарағандағы ерекшелігі — оның тәжірибемен тығыз байланыстылығы. Әрбір ақылмен байқалған нәрсе (жағдай), өмір тәжірибесіндегі реалдығы тексеріліп, қаруға (тұжырымға) айналып отырады. Позитивистердің айтуынша, «жаратылыстану, немесе нақты ғылыммен, шектелмейді. Ол табиғаттану мен қоғамтанудың, әдіс пен теориясының қолданбалы зерттеулердің жалпы жүйесі бола отырып, өзі дүниетанымдық функциясын күшейтіп келеді. XX ғасырда ғылыми көзқарастың рационалдық ролінің дамуына байланысты, оның дүниетанымдық ролі күшеюде» [4].

Ғылыми рационализм дүниедегі заттардың «не екенін» ғана көрсетіп қоймайды, оның «не себепті солай» екенін көрсетеді. Ғылыми рационализм — дүние туралы білім, ол нәрселердің себеп-салдарлық қатынастарымен жұмыс істей отырып, әлемді реалды, рационалды суреттеп көрсетеді.

Ғылымның дүниеге рационалдық көзқарасы — оның әмбебаптығында. Одан алынған білім объективті, барлық жерде жұмыс істейді. Оның тілі және білімі барлық адамзаттық, ұрпақтан ұрпаққа беріліп отырады. Ғылымды дінмен салыстырсақ: ғылым фактімен жұмыс істесе, дін құндылықпен жұмыс істейді; ғылым дүниені объективті қарастырса, дін дүниені субъективті көзқараспен қарайды; діни көзқарастың негізінде сенім мен наным болса, ғылыми көзқарастың негізінде ақыл, парасат, логика жатады; діни көзқарас өткен дәуірдің дүниеге деген көзқарасы болса, ғылым — қазіргі заманның көзқарасы. Бұл көзқарас неғұрлым дамыған сайын, діни көзқарастың шеңбері кішірейе түседі.

Әдебиеттер тізімі

1. Митин М.Б. Кризис буржуазного рационализма и социальное познание // Вопросы философии. — 1978. — № 2. — С. 112.
2. Шопенгауэр А. Свобода воли и нравственность. — М.: Наука, 1992. — С. 159.

3. Евгений Т. Философия Ф.Ницше // Философия и жизнь. — 1991. — № 1. — С. 65.
4. Кун Т. Структура научных революций. — М.: Наука, 1970. — С. 164.

УДК [2+32] (52)

О.А.Айтбаев

Карагандинский государственный университет им. Е.А.Букетова

РЕЛИГИОЗНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЭКСТРЕМИЗМ В ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКОМ РЕГИОНЕ

Мақалада жалпы тұрғыда діни-саяси экстремизмнің, халықаралық ланкестің шығу жолдары және ондай қозғалыстардың Орта Азиядағы нақты іс-әрекеттері көрсетіліп, оған қарсы күрес шаралары туралы жазылған.

The article considered in general the ideology's origin of religious-political, extremist and international terrorist's organization. It also considered their activity in Central Asian region, in particular on specific example of their showing on modern conditions by different names. The article also shows the way of their overcoming.

Серьезные религиозно-политические движения в исламе впервые появились с возникновением исламского мазхаба (религиозно-правовой школы). Этот термин прежде всего означает пять наиболее крупных, ныне действующих в исламе религиозно-правовых школ: четыре суннитских (ханбалиты, ханафиты, шафииты, маликиты) и одна шиитская (джафариты), из которых рассмотрим две — ханафитскую и ханбалитскую.

Ханафитскую школу основал в Ираке в VIII–IX вв. Абу Ханиф. Однако фактически решающую роль в разработке ханафитского учения сыграли Абу Йусуп Йакуб (ум. в 795) и ал-Хасан аш-Шайбани (ум. в 805), произведения которых и составили основу ханафитского мазхаба. Главная особенность этой школы, в отличие от других, — использование рациональных методов формулирования нормы фикха (мусульманское правоведение, или юриспруденция), позволяющей принимать правовые решения с учетом потребностей практики и местных обычаев. Благодаря наибольшей гибкости, приспособляемости к изменяющимся общественным отношениям, ханафитский мазхаб получил широкое распространение: его исповедует примерно половина мусульманского населения Земли, в том числе большинство мусульман СНГ. Ханафитский мазхаб характеризуется толерантностью, терпимостью к инакомыслящим, он лояльно относится и к христианам, и к иудеям.

Другая крайность — ханбалитский мазхаб. Данная школа, основоположником которой является Абдоллах Ахмед ибн Ханбал аш-Шейбани (780–855), возникла как религиозно-политическое движение и уже затем оформилась в религиозно-правовую школу.

Ее характерная особенность заключается в том, что ханбалиты отвергают, как в буквальном смысле, так и в аллегорическом толковании, текст Корана и хадисов, отрицают возможность любого рационалистического истолкования догматов веры. Признавая безусловность божественного предопределения, ханбалиты считали, что вера (иман) человека зависит от совершаемых им благих поступков. Важным аспектом ханбалитской идеологии стало отрицание любых нововведений в области вероучения и права, не имеющих прямого обоснования в Коране и хадисах.

Позднее Ханбалитскую идеологию скорректировал его преемник Таки ад-Дин ибн Таймийя (ум. в 1328). Одной из характерных черт его учения являлась крайняя жесткость в наказаниях. Отличительные признаки ханбалитской школы: крайняя жесткость, непризнание каких-либо новшеств, строгое истолкование хадисов и Священного Корана. Сейчас ханбалитская школа действует только в Саудовской Аравии и в странах Персидского залива.

Одним из направлений воззрений ибн Таймийи и крайним выражением принципов ханбалитов являются ваххабиты — религиозно-политическое течение, основанное в Аравии в сер. XVIII в. на базе учения Мухаммеда ибн Абд аль-Ваххаба, проповедовавшего строжайшее соблюдение принципов единобожия, отказ от поклонения святым и святым местам, очищение ислама от поздних наслоений и нововведений, возврат к его первоначальной чистоте.

В области общественно-политической сферы ваххабиты проповедуют братство и единство всех мусульман, социальную гармонию, строгое соблюдение морально-этических принципов ислама, важное место отводят идее джихада. Идея джихада позволила идеологически оправдывать завоевательные войны дирийцев в начале XIX в. Когда в 1803 г. ваххабиты вошли в Мекку и Медину, они разрушили все мавзолеи и мечети с куполами, воздвигнутые в честь героев раннего ислама, в том числе памятники пророка Мухаммеда, дом его жены Хадиджи. Все мусульмане, отказавшиеся присоединиться к ваххабизму, объявлялись такфирами — неверными. После захвата Аравии (1932 г.) было образовано государство Саудидов — Королевство Саудовская Аравия. Правда, в настоящее время в Саудовской Аравии проповедуются несколько смягченная идеология аль Ваххаби, являющаяся официальной интерпретацией ислама.

В начале 20-х годов в Египте антиимпериалистическое движение породило ассоциацию «Братья-мусульмане», созданную в Исмаилии (Египет) в 1928 г. школьным шейхом Хасаном аль-Банной. Не выходя за рамки ханафитского мазхаба, Хасан аль-Банна развил идею панисламизма, разработал концепцию джихада (священной войны), которая оказала значительное влияние на многие современные мусульманские идеологические течения. Важное место в разработке идеологии аль-Банна занимают также произведения Сайда Кутба, Мустафы ас-Сибана — авторов «исламского социализма».

Ряд концепций, разработанных идеологами аль-Банной, широко используются ныне деятелями многих мусульманских экстремистских организаций. Конечной своей целью аль-Банна ставит создание в странах распространения ислама общества, построенного на принципах «исламской справедливости», при строгом соблюдении исламских норм жизни, сформулированных в Коране и шариате. Современные «Братья-мусульмане» составляют различные направления. Среди многочисленных организаций возникли правоэкстремистские течения, широко применяющие террор и опирающиеся в своей идеологии лишь на отдельные концепции аль-Банна и С.Кутба. Их деятельность в ряде мусульманских стран запрещена.

В современном мире религиозно-политический экстремизм и международный терроризм стали неотъемлемыми компонентами общественной и политической жизни целого ряда государств Центральной Азии. Активная деятельность радикальных, экстремистских организаций направлена в первую очередь на подрыв основ конституционного строя и разжигание религиозной вражды, в том числе насильственными методами, что неоспоримо является главной угрозой региональной и национальной безопасности, политической стабильности и религиозной терпимости стран Центральной Азии.

Проблема радикализма и экстремизма во многих государствах мира сегодня приобретает всё большую актуальность. Последние кровавые события на юге Киргизии, в Узбекистане и непрекращающаяся война в Афганистане служат тому ярким свидетельством. Ислам уже давно стал одним из определяющих факторов политического процесса, в свою очередь оказывающего огромное влияние на общественное бытие, а в какой-то степени и на личную жизнь людей. Сегодня уже трудно встретить человека, который бы не слышал о «Хизб-ат-Тахрир аль-Ислами», «Движении Талибан Афганистана», «Братьях-мусульманах» либо о так называемых ваххабитах. Регулярно в СМИ появляется информация об активизации деятельности того или иного радикально-экстремистского движения, о проведении заранее спланированных террористических актов, с последующим принятием ответственности за теракт «Хезболлой», «Хамасом», «Бригадой мучеников аль-Аксы». Продолжается настойчивое распространение агитационной продукции среди населения, ведется активная рекрутация молодежи в ряды сторонников «истинного ислама».

Прежде чем рассматривать более предметно вопрос о современной картине событий, происходящих в регионе, в первую очередь необходимо обратиться к проблеме интерпретации термина «экстремизм», выделить его разновидности. В Законе Республики Казахстан «О противодействии экстремизму» данное понятие трактуется следующим образом: «Это насильственное изменение конституционного строя, нарушение суверенитета Республики Казахстан, целостности, неприкосновенности и неотчуждаемости ее территории, подрыв национальной безопасности и обороноспособности государства, насильственный захват власти или насильственное удержание власти, создание, руководство и участие в незаконном военизированном формировании, организация вооруженного мятежа и участие в нем, разжигание социальной, сословной розни (политический экстремизм);

– разжигание религиозной вражды или розни, в том числе связанной с насилием или призывами к насилию, а также применение любой религиозной практики, вызывающей угрозу безопасности, жизни, здоровью, нравственности или правам и свободам граждан (религиозный экстремизм);

– разжигание расовой, национальной и родовой розни, в том числе связанной с насилием или призывами к насилию (национальный экстремизм)» [1].

Повышенное внимание в мире сегодня вызывает исламский экстремизм, представленный около 200 организациями, имеющими три основных направления:

- суннитское, тяготеющее к Саудовской Аравии (по примеру созданной в Египте в 20-х годах религиозно-политической ассоциации «Братья-мусульмане»);
- проиранское, преимущественно шииты, выступающие с позиций исламской революции (например, «Хезболлах», «Организация моджахедов иранского народа», «Аль-Джихад аль-ислами»);
- палестинские, курдские и другие группировки националистического и сепаратистского плана, провозгласившие главной задачей устранение неисламских правительств и установление исламского правления во всемирном масштабе путём воссоздания «Великого исламского халифата», первоначально в регионах с преимущественно мусульманским населением, затем все более расширяя территорию своего влияния (так называемая трехступенчатая экспансивная программа).

На современном этапе наиболее опасные исламские радикально-экстремистские организации представляют собой мощную разветвленную сеть террористического синдиката. Их цель — это борьба с неисламским миром, бескомпромиссная война с «неверными». Их штаб-квартиры находятся в основном в странах Ближнего Востока и Центральной Азии. Многие организации имеют подразделения в США, Великобритании, Германии, Франции, Бельгии, Дании, Финляндии, Нидерландах, Японии, ЮАР... Филиалы имеют собственные названия и своих лидеров. Это большая сеть, покрывшая мир. Структуры этой сети сообщаются между собой, их — сотни. Они живут своей, отдельной от всего остального мира, жизнью. Старые отмирают, новые нарождаются.

Одной из наиболее опасных религиозно-политических организаций, действующих в Центрально-Азиатском регионе, является «Движение Талибан Афганистана» (ДТА) — радикальное, ультраконтрсервативное исламистское движение суннитского толка (талибан — араб. *студенты*), первоначально возникло в Пакистане в 1989 г. В 1994 г. «ДТА» распространило свою деятельность на Афганистан, где начиналось движение студентов мусульманского духовного училища (медресе). Ядром движения стали 30 студентов (отсюда название) мусульманского духовного училища города Кандагар во главе с муллой Мухаммедом Омаром (р. 1962). Отличительной особенностью талибов стали чёрные тюрбаны и белые одежды. В условиях гражданской войны, не прекратившейся после свержения прокоммунистического режима Наджибуллы в 1992 г., талибы призывали афганское общество к единению и миру под знаменем ислама. На подконтрольных территориях талибан вводит нормы шариата, выполнение которых строго контролируется. Под запретом находятся телевидение, музыка, алкоголь, компьютеры, шахматы и многое другое. Талибы выступают за запрет женского образования. Объектами их нападения часто становятся школы; только в 2008 г. в северо-западном регионе Пакистана Сват ими было уничтожено более 150 школ.

Деятельность ДТА финансировалась за счет сделок от наркоторговли. По некоторым данным, движение ежегодно зарабатывало на наркобизнесе свыше 200 млн. долларов США. После размещения Коалиционных сил в Афганистане талибы вместе с боевиками других террористических групп («Аль-Каида», ИДУ), чеченскими и уйгурскими сепаратистами и т.д., размещавшимися на территории страны, укрылись в горных районах афгано-пакистанской границы. В настоящее время движение «Талибан» возобновилось и продолжает вести свою диверсионно-террористическую деятельность по дестабилизации обстановки в Афганистане с целью выдворения иностранного военного контингента из страны и свержения действующего конституционного режима. В июле 2008 г. в Пакистане в долине Сват талибы захватили в заложники 30 полицейских и солдат. Как отмечается в сообщении, тысячи мятежников осадили здание полицейского участка в городке Мингора в южной части долины, заявив, что в ближайшее время нападения боевиков-смертников на военнослужащих будут продолжаться, если пакистанские войска не будут выведены из долины Сват [2].

Крупнейшая из исламистских политических организаций в постсоветской Средней Азии — «Исламское движение Узбекистана» (ИДУ) фигурирует в списках госдепартамента США как одна из наиболее опасных международных экстремистских организаций. Политический руководитель Тахир Юлдашев — ветеран Вазиристанской войны, «центрально-азиатский террорист № 1», был пятым в списке из двенадцати самых разыскиваемых в Афганистане боевиков.

Данное движение было основано в 1996 г., в его состав вошли бывшие активисты целого ряда исламистских организаций Узбекистана, деятельность которых была запрещена президентом страны

Исламом Каримовым в 1992–1993 гг. («Адолат уюшмаси», «Исламская партия возрождения», «Одамийлик ва инсонпарварлик», «Ис-лом Лашкорлари» («Воины ислама»), «Исламская партия Туркестана»). Лидеры «ИДУ», образованного с целью свержения конституционного строя в стране и построения исламского государства, рассматривают Казахстан как «плацдарм» для проведения экстремистской деятельности в Узбекистане, а также «базу» для укрытия и легализации.

Особое внимание хотелось бы уделить экстремистской религиозно-политической организации «Хизб-ут-Тахрир аль-Ислами», которая замыкает перечень террористических, сепаратистских и экстремистских организаций, деятельность которых запрещена на территориях государств — членов ШОС. Она только 36-я по алфавиту наименований, но по степени опасности, которую такие организации представляют для национальной безопасности государств — членов ШОС, на сегодняшний день входит в «лидирующую» группу. «Хизб-ут-Тахрир аль-Ислами», наряду с «Аль-Каидой», «Движением Талибан» и «Исламским движением Узбекистана», представляет угрозу национальной безопасности всех государств — членов Шанхайской пятёрки, и не случайно в настоящее время она запрещена в 5 государствах (Казахстан, Кыргызстан, Россия, Таджикистан, Узбекистан).

Хизб-ут-Тахрир аль-Ислами (араб. «*Партия (исламского) освобождения*»), «ХТ» — организация, основанная в 1953 г. в Иерусалиме судьёй местного шариатского апелляционного суда Такиуддином ан-Набхани (1908–1977 гг.) в качестве филиала египетского движения «Братья-мусульмане». Через месяц организацию запретили в Иордании, а в 1955 г. самому Набхани запретили въезд в страну. Тем не менее он продолжал вести подрывную деятельность в Сирии, Ливане, Ираке, где также подвергался преследованиям со стороны властей. После смерти ан-Набхани организацию возглавил палестинец Абдул Кадим Заллум, после смерти которого организацией руководит Ата Абу Рашта, по прозвищу Абу Есин. В Европе самое большое отделение партии находится в Великобритании (от 9,5 до 10 тыс. членов). «ХТ» привлекла внимание СМИ всего мира в 2007 г., когда на международной конференции в Индонезии на стадионе собралось около 100 тыс. членов.

«Партия» изначально ставила своей целью противостояние сионистской экспансии в Палестине и, соответственно, на тот период не представляла значительного интереса для спецслужб и правоохранительных органов государств, образовавших позднее Шанхайскую организацию сотрудничества. Все изменилось в 90-х годах прошлого столетия, когда приоритет ею стал отдаваться борьбе за построение в Центральной Азии всеобщего государства — халифата, основанного на законах шариата, восстановление справедливого исламского образа жизни и воплощение в нём исламской системы. А после 1998 г. она стала проявлять активность не только в Центрально-Азиатских государствах, но и на территории Синьцзян-Уйгурского автономного района Китайской Народной Республики, а также в Северо-Кавказском и Поволжском регионах и крупных городах Российской Федерации.

Лидеры организации, используя имеющиеся в обществе социальные проблемы, стараются убедить население в том, что только при халифате будет достойная, справедливая жизнь и только исламский образ жизни может создать достойные условия существования. Они открыто призывают к гражданскому неповиновению, разжигают религиозный фанатизм, межнациональную рознь, дают конкретные рекомендации по изменению существующего конституционного строя в том или ином государстве.

В 2000 г. члены организации приняли участие в Совете («Шуре») Афганистана, наряду с такими реакционными террористическими организациями, как «Талибан», «Исламское движение Узбекистана», чеченскими сепаратистами, где также присутствовал и Усама бен Ладен. При этом активисты организации периодически утверждают, что «Хизб-ут-Тахрир» всегда осуждала террористические акции и отрицательно относится к любым военным действиям, в ее деятельности отсутствуют призывы к изменению политической системы государств насильственными методами. Однако спецслужбы и правоохранительные органы Узбекистана одними из первых в Центральной Азии убедились в том, что данная организация подрывает национальную безопасность республики, и противопоставили ее противоправной деятельности весь комплекс мер, установленный национальным законодательством.

Практически организация «Хизб-ут-Тахрир», в той или иной степени, действует во всех странах, где население или его значительная часть исповедует ислам, причем в большинстве стран филиалы организации функционируют нелегально. По данным Фонда «Наследие» («The Heritage Foundation»), «ХТ» действует в 40 странах мира, в каждой из которых имеет от 5 до 10 тыс. убежденных членов. Точное количество членов неизвестно, но предположительно насчитывает миллионы человек.

Решением городского суда Астаны «Хизб-ут-Тахрир» признана экстремистской организацией и ее деятельность запрещена на территории всей республики. Сторонники «партии» проявляли активность на территории Казахстана с 1998 г. По оценке Генеральной прокуратуры республики, их дея-

тельность в Казахстане направлена на изменение конституционного строя, нарушение суверенитета, неприкосновенности и неотчуждаемости ее территории, а также на подрыв национальной безопасности государства, разжигание социальной розни и религиозной вражды.

В 2004 г. на территории Республики Казахстан было зафиксировано более 180 фактов распространения листовок и другой печатной продукции «Хизб-ут-Тахрир» с антиконституционными призывами. По данным фактам правоохранными органами возбуждено 111 уголовных дел. В настоящее время продолжается следствие, ведутся закрытые разбирательства в отношении участников «партии» в Карагандинском суде.

Изучая факты и последствия деятельности «ХТ», нельзя не вспомнить о майских беспорядках 2005 г. в Андижане, где центральную роль играла местная группа «Акрамия». Известный американский эксперт, директор отдела анализа и исследований фонда «NEFA» Р.Санди в своей статье отмечает, что события в Андижане — не спонтанная и не мирная демонстрация [3]. Это тщательно спланированное нападение на государственные учреждения Узбекистана. Он подчеркивает, что акция была осуществлена вооруженными людьми, имевшими определенный уровень военной подготовки, среди которых находились граждане Узбекистана, Кыргызстана и Таджикистана. Также стоит отметить, что вся полнота ответственности за эти события лежит на организации «Акрамия», которая является «осколком» «Хизб-ут-Тахрир». Основной целью вооруженных преступников в Андижане являлось установление халифата во всей Ферганской долине, причем подготовка к событиям мая 2005 г. началась еще в апреле 2004 г.

В заключение хотелось бы уделить особое внимание вопросу о противодействии и мерах по профилактике проявлений религиозного экстремизма. Последователи радикального ислама воплощают в реальность тщательно спланированный этап — усиленного «промыывания мозгов» молодежи с предварительной идеологической обработкой будущих сторонников «чистого, истинного ислама». Сейчас как никогда возникает острая необходимость нахождения эффективных путей нейтрализации угрозы для обеспечения безопасности стран Центральной Азии, в частности, Казахстана. К примеру, в плане противодействия деятельности «Движения Талибан Афганистана» Совет Безопасности ООН принял ряд резолюций (1267, 1333, 1390, 1455, 1617), в которых излагаются меры, направленные против лиц и организаций, финансирующих деятельность террористов, а также участвующих в организации и осуществлении терактов. В 1999 г. СБ ООН создал Комитет по санкциям против «Аль-Каиды» и «Движения Талибан Афганистана».

К чему может привести деятельность религиозных экстремистов, прикрывающихся лозунгами единого халифата? Трагические результаты их деятельности почувствовали на себе уже многие. К сожалению, мы уже предупреждены и научены этим печальным опытом, тому свидетельством зверские убийства в Андижане, массовые беспорядки в Намангане, террористические акты в Ташкенте, события в Кыргызстане, Таджикистане, Янгиабаде. Происходящие события дают четкую картину того, что так называемые объявившие себя «воинами ислама» экстремисты, террористы, существующие за счет зарубежного финансирования, не имеют ничего общего с исламом.

Таким образом, необходимо отметить, что запрещение экстремистских и террористических организаций не является определяющим моментом в деятельности нашего государства, приоритет отдается мерам, направленным на предупреждение экстремистской деятельности, на раскрытие истинных духовных ценностей религий, на раскрытие положения о несовместимости религиозного экстремизма с истинным пониманием религии. При проведении этой работы необходимо сотрудничество государственных органов с общественными и религиозными объединениями, иными организациями, гражданами республики.

Список литературы

1. Закон Республики Казахстан «О противодействии экстремизму» // Казахстанская правда, 2005. — № 31. — 2 с.
2. По материалам ИТАР-ТАСС 29 июля 2008 г. Лента новостей «РИА Новости», Информационная служба России.
3. *Искандеров Шерали*. Социально-экономическая и общественно-политическая жизнь Узбекистана // Правда Востока. 2007. — 3 февр.

З.Н.Исмагамбетова

Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алматы

ПЛЮРАЛЬНАЯ ОНТОЛОГИЯ КАК РЕЛЯТИВИСТСКИЙ ВАРИАНТ В ФИЛОСОФИИ КУЛЬТУРЫ

Мақалада Ж.Дерриданың мәдениет философиядағы жаңадан негізделген плюральдік онтологиясы қарастырылды. Оның тұжырымдамасының негізгі релятивистік қағидаларының сипаттамасы беріледі. Француз философы деконструкцияның негізгі қағидаларын жасап, стильдердегі, стратегиялардағы, тұрмыс қалыптағы айырмашылықтарды дәлелдеді.

In this article author determine pluren ontology in J.Derrida's culture philosophy. In article there is characteristic of basic relativistic principles of his conception. The french philosopher worked up the basic principles of deconstruction. J.Derrida criticizes the classic onthology. He states the acceptance of differences in stiyes, strategies, ways of life.

Философия деконструкции Дерриды формируется в период становления различных культурных стратегий, характеризующихся многовекторностью, полифонией, культурной плюральностью. В этой ситуации традиционная парадигма мышления не способна дать описание культурной множественности, процессуальности, несамотождественности. Фиксируя становление многовекторных культурных стратегий, философ занят поиском новых способов организации исследования культурных объектов. На пути разработки новой парадигмы о культуре необходимо преодоление классических паттернов философии культуры модерна. Как следует из характеристики взглядов на культурные процессы М.Фуко, в ситуации современности диалектика не способна дать адекватную картину культурной динамики. Прощание с «призраками марксизма» представляет собой сложный процесс, но, несмотря на эти трудности, необходимо, как считают постмодернистские философы, осуществление поиска новых стратегий. На пути исследования новых стратегий, проблематизации тем важным представляется использование потенциала ранее не востребуемых, маргинальных приемов и стилей мышления. При «реабилитации» маргинальных приемов и парадигм мировоззренческое и методологическое значение для решения проблем философии культуры приобретает релятивизация основ метафизики присутствия. Альтернативой ей является фундирование метафизики отсутствия.

Важный вклад в обоснование идей метафизики отсутствия внес Ж.Деррида. Французский философ разработал основные положения деконструкции. По мнению Г.Г.Соловьевой, главной задачей деконструкции является смещение, перекомпоновка, де-композиция, сдвиг в культурных основаниях [1; 397]. В задачу деконструкции вовсе не входит разрушение, негативация культурных основ. Деконструкция — это непрерывный процесс, который не результируется каким-то итогом, выводом, это передача передачи, в которой не принимает какого-либо участия субъект. В деконструкции акцентировано обращение к фундированию процессуального, изменяющегося, неопределённого, неустойчивого, нестабильного события. Этот спонтанный процесс не может быть репрезентирован в мышлении, познан, он не предполагает активного организующего действия субъекта. Давая определение деконструкции, Деррида использует прием, по которому «определяемое» раскрывается через то, чем не является деконструкция. Она замещает что-либо и через себя определяет другое [1].

Подвергая критике и деконструкции классическую онтологию, Деррида определяет ее основные принципиальные постулаты. К ним он относит принцип центризма и его различные производные, такие как логоцентризм, фоноцентризм, этноцентризм, фаллоцентризм и др. Рассматривая ограниченные параметры классической онтологии, Деррида приходит к мысли о необходимости создания новой онтологии.

Альтернативной программой по отношению к логоцентризму Деррида выставляет программу плюральной онтологии, утверждающей признание различия в стилях, стратегиях, образе жизни. В условиях постмодерна культурная ситуация значительно претерпевает трансформацию. В ней мы находим рассеивание различных языковых стратегий, обладающих самостоятельностью. В ней происходит известная «инфляция» модели стабильного бытия, которая влечет за собой преформирование и трансформацию всей западной культуры, результирующаяся снятием оппозиций, иерархий, детерминизма, подчиненности одних другим. В современной западной культуре происходит смещение в приоритетах, нивелируется селекция, маркировка, доминанта и господство легитимных точек зрения.

На место прежней системы позиционирования доминанты субъекта, разума, мужского приходит реабилитация маргинального. Это означает, что в западной культуре происходит смещение мужского приоритета, снятие фаллоцентризма и подчиненности женского мужскому, происходит артикулирование многоголосия и переоценка модели «маскулинности/феминности» на модель «феминность–маскулинность». Новая когнитивная, культурная модель фундирует переориентацию с мужской стратегии и обосновывающей ее метафизики присутствия на признание модели культурного различия. В этой модели происходит снятие позиционирований мужских сценариев организации культурной программы, фундирующей зависимость, маргинальность, властность, подчиненность, антагонизм, гендерное неравенство и забвение альтернативных моделей культурной динамики других. Эта модель предполагает новый дискурс, основанный не на логике тождества, а на логике различия. Следовательно, новая модель фундирует культурное различие, что открывает пространство реализации культурного взаимодействия гетерогенных стратегий, расширяет культурные коммуникации. Отсюда философ фундирует правомочность многоголосия, выход с маргиналий культуры феминной мыслительной практики, которая основана на признании различия, предполагает смещение, перемещение, алогику, метафору, ассоциацию.

Для фундирования альтернативной плюральной онтологии Деррида обращается к философскому наследию Ф.Ницше, видя в нем одного из предтеч формирования философии становления и различия. Французский философ оценивает его заслугу на пути «уклонения» от бытия, на закрепление которого ориентирована вся прежняя философская система. В проблематизации этой темы он раскрывает методологический потенциал релятивизма. Базовыми составляющими релятивистской методологии, на наш взгляд, являются методы смещения, изменения акцента, переинтерпретация, перекомбинация идей, «де-композиция» текста. Помимо них Деррида использует такие приемы, как фундирование принципа смерти субъекта, гуманизма, размывание привязанности языка к референту и концептам, скепсис в отношении всех константных концептов метафизики присутствия. Деконструктивный «анализ» позволяет философу провести ряд смещений. Прежде всего, он подвергает сомнению все базовые референты метафизической модели языка и философии, такие как присутствие, тождество, центр, голос и др. Он перерабатывает модель языка путём перевода на язык грамматики ницшеанской идеи о мире как игре демонических сил. Осуществляя свой замысел, философ совершает еще один прием переинтерпретации. Он представляет мир как культуру, которую он понимает как совокупность текстов, а сама языковая игра должна быть, по его замыслу, «очищена» от каких-либо ценностных ориентиров [2; 87–108].

Философ, обращаясь к теме становления, по-иному изменяет и саму стратегию бытия. «Новая» стратегия переносит акцент на коммуникацию, диалог «в-здесь» и «в-теперь». Философ-постмодернист обращает внимание на значимость такой маргинальной структуры, как индивид. Бытие индивида всегда замкнуто на самом себе, погружено в размышление, он пребывает в диалоге с самим собой, другим. Его бытие есть свободно определяющаяся коммуникация, осуществляющая «себя-действие» в состоянии одиночества в отношении «Я», «Другого» «в-здесь» и «в-теперь». Эта коммуникация — мысленно совершаемая внутри «себя-действия» — есть нескончаемый диалог в себе, диалог вне себя, с другими. В диалоге, в коммуникации важно не открытие Истины в строго научном, легитимно закреплённом гносеологическом аспекте, а прослушивание «различных версий», со-бытийность «Я» и «Другого».

Обращение к ауре повседневного мышления, к ауре повседневности — характерный признак постмодернистской стратегии бытия Ж.Дерриды. Подлинной аурой повседневности, по его мнению, является диалог, а подлинной сферой пребывания философии является не легитимизация знания об Абсолютной Истине, а интерпретация текстов и версий. Каждый текст может быть интерпретирован по-разному, а задача истолкования текста состоит не в раскрытии смысла, а в его расширении. В таком случае сама процедура толкования может быть бесконечной, а стремление ограничить её только одним концептом, отвергающим все другие возможные альтернативы, становится бессмысленным. Следовательно, нет необходимости работать в категориях классической стратегии бытия.

Для фундирования этой идеи, на наш взгляд, философ обращается к маргинальной теме, которая на всем протяжении развития западной культуры метафизикой присутствия была проигнорирована. Такой маргинальной темой является тема повседневности. Задача постмодернистской стратегии Дерриды — проработка темы повседневности, имеющей столь явный признак, как презентивность. Для описания темы повседневности нет необходимости применения категорий «сущность», «основание», «причина», «объективность», принципов объективизма и логицизма. Для плюральной онтологии вполне допустимы гетерогенность, плюрализм, различные ракурсы видения, неопределённость, ста-

новление, нелинейное описание событий и процессов, основным же способом выражения является внерациональная словесная текучесть. Поскольку в постмодернистской стратегии бытия отсутствует всякий центризм в качестве объясняющего концепта, то нет необходимости обозначать источник текста, диалога, коммуникации. Такое начало установить в принципе невозможно, так как оно теряется в неопределённом прошедшем времени, в неопределяемом событии.

Всякая информация, согласно постмодернистскому взгляду, исходит ниоткуда, и передача его от анонима-автора условна. Даже в тех случаях, когда авторство установлено, тем не менее нельзя с абсолютной достоверностью утверждать, что этот автор является единственным адресантом текста, так как в различных текстах постоянно пересекается и перекликается бесконечное число коммуницирующих. Наличие бесконечного множества коммуницирующих делает невозможным определение изначального адресанта, а тем более его указание [3; 130–178]. Сама философия предстаёт как бесконечный текст, в котором не важно установление Истины, а важным представляется постоянная игра метафор. Всё то, что мы принимаем за действительность, на самом деле есть точка зрения наблюдателя, объясняющего нам своё представление о ней. В таком случае восприятие человека обречено на «мультиперспективизм», на постоянно изменяющиеся способы и ракурсы видения действительности, за которыми очень трудно постигнуть её сущность. Сама повседневность выступает как мультиперспективизм, как плюральная, культурная стратегия, которая постоянно изменчива, неопределенна, гетерогенна.

Что касается Хайдеггера, то, несмотря на все его попытки преодолеть старую метафизику в описании повседневности, он так и остаётся, по мнению Ж.Дерриды, в плену «метафизики присутствия». Все философы до Хайдеггера, да и сам Хайдеггер, пытались обосновать возможность описать повседневность в языке. Но презентативность бытия трудно уловить, поскольку оно никогда не равно самому себе. Основной ошибкой М.Хайдеггера является, по мнению Ж.Дерриды, предпочтение звукового языка письменному. Для преодоления старой версии бытия, основывающейся на письменном языке, который является репрезентатором, заместителем бытия, по его мнению, необходимо провести деконструкцию как самой философии, так и языка [4]. Но прежде чем осуществить эту задачу следует провести деконструкцию основного паттерна метафизики присутствия, который строится на оппозиции.

Релятивизируя оппозиции, фундированные метафизикой присутствия, философ переводит их в разряд «неразрешимых», применяя свой прием деконструкции, т.е. смещая, сдвигая в направлении «Иного». При этом Деррида придает приему смещения бесконечный характер, показывая множественность его производных ветвлений. Показывая действие этого приема, раскрывая смысл слова, он применяет эффект игры с насыщенным ассоциациями смыслом, что напоминает движение-блуждание по лабиринту. В этом спонтанном «блуждании» мысли по лабиринту, в котором нет выхода, важным становится не результат, а сам процесс, ритмичное пульсирование мысли, точечное фиксирование различий, возникающих в процессе поиска смысла слова. Сам процесс не может иметь некой заданной траектории направленного движения, даже в том случае, когда задает этот вектор сам субъект. Деррида показывает, что в этом спонтанно совершающемся процессе нет конца и прийти к задуманному по заранее заданному направлению невозможно [4]. Поэтому, как считает философ, претензии разума несостоятельны, хотя в западной метафизике присутствия фундируется положение о притязаниях разума. Господство разума, уверовавшего в свою непобедимость, носит законодательный характер. Он предлагает новые правила хитрой тактики. Суть этой двойной игры заключается в том, чтобы играть на обе стороны. С одной стороны, делать вид, что играешь в правила законодательного разума, с другой — для него необходимо подготовить такие ситуации, чтобы разум, попав в ловушку, не смог из нее выйти [5, 6].

Хитрость этой игры состоит в стратагеме и стратегии. Стратагеме необходимо конструировать, создавать. Стратагема должна строиться таким образом, чтобы разум оказался в ситуации дилеммы. Стратегия должна быть предпринята так, чтобы говорение продолжалось до тех пор и осуществлялось тогда, когда сам дискурс уже завершился. Стратагема в этой ситуации должна управляться молчаливым умыслом, а в своем молчании стратег должен определить свои позиции в отношении того, что он не может и чего не должен говорить. Это произвольное ограничение демонстрируется на примере разговора с китайцем, когда необходимо притвориться, что умеешь говорить по-китайски. Для этого необходимо лишь изобразить свое умение говорить, произнеся фразу по-китайски [5; 133–134]. Различие между ложью и истиной можно провести только на уровне ментального ограничения, последняя должна пройти еще между говорящим субъектом и его словом. По мнению Ж.Дерриды, проводить диспут с господствующим разумом можно только на его языке, но при этом необходимо при-

творяться. Целью такого притворства является убийство тиранического разума. Как считает философ, если заговорщик притворяется, что он притворяется, то замысел можно считать удавшимся. При этом замысел, о котором никто не должен в принципе знать, должен держаться в голове. Замысел должен быть невыговоренным.

Одним из способов преодоления паттернов метафизики присутствия является релятивизация языка. Известно, что вся прежняя метафизика выступает как концепция, утверждавшая референциальную природу языка, а также соотнесенность языка с внеязыковой реальностью. Метафизика присутствия признает концепцию языка как знака. Первым философом, кто восстает против знаковой модели языка, является Ф.Ницше. Немецкий философ показывает закрепление рабской позиции во всей культуре запада, начиная от религии, морали и завершая практикой языка. Ницше попытался реабилитировать язык поэзии, который дает свободу творчества человека. Умеренная деструкция метафизики присутствия дана в философии Хайдеггера, который предпринял тактику высвобождения языка из-под власти голоса, но задуманный проект не получил своего завершения. Отмечая эти факты в философии культуры, Деррида предлагает программу деконструкции языка философии. Для этого необходимо раскрыть оппозицию «означающее/означающее», что предполагает фундирование новых возможностей письменного языка, которое возможно на пути снятия позиционирования и монополизации культурной среды фонетическим письмом. По мнению философа, необходимо показать культурное пространство фонетического письма, его генеалогию, культурные границы его значимости и востребованности, действия. В культурном мире существуют и другие языки, которые выстраиваются на иных основаниях. Так, философ приводит пример с иероглифическим языком, который описывает отношения без сопряженности с субъектом, без власти голоса. Освобождение из-под власти фонетического письма возможно на пути признания множества других языков, способных конструировать идеальные объекты, на пути признания их историчности.

По мысли философа, господство логоцентризма значительно изменяется в связи с распространением различных языков в культуре, в частности, это связано с появлением кибернетического языка, языка математики, биологии, антропологии и т.д. Трансформация языка очевидна в либерализации самого языка, в допущении языкового различия. Введение и фундирование различия философам является шагом на пути трансформации метафизики присутствия. Вместо понятия «тождество» и его господства Ж.Деррида вводит понятие «различение». Он проводит различие между различием, принятым в структурализме, и собственной концепцией различения. В термин «различение» интеллектуал вводит «временную» разделенность, последнее сопровождается разрывом в пространстве. Различение характеризуется процессуальностью [7]. Различение не означает примирения противоположностей, а понимается им, скорее, как сосуществование в процессе дифференциации, при этом границы дифференциации всегда подвижны. Вводя термин «различение», Ж.Деррида полагал его в качестве теоретического принципа критики метафизического мышления [7].

В осуществлении её Ж.Деррида видит одну из задач «расшатывания» традиционных понятий классической метафизики, к числу последней он относит тождество. В тождестве философ обнаруживает разрыв, отсутствие, различие. Разрабатывая термин «различение» и проводя критику структуралистской теории бинаризма, он вводит термин «различение». В этот термин он вносит смысловой оттенок временной разделённости. Различение не только несёт отсрочки в будущее, но и фундирует процессуальность. Различение для него не просто примирение противоположностей, но и одновременно сосуществование в процессе дифференциации. Различение тесно связано с такими поясняющими её понятиями, как «след» и «происхождение». Знак в структурализме трактуется как такая структура, которая связывает означающее с означаемым (означающее — это «акустический образ» слова, означаемое — это предмет, понятие или концепт). В отличие от структуралистов он ревизирует эту связь и считает, что между «означающим» и «означаемым» имеется временной и пространственный интервал, который превращает знак в след этого явления. В результате след теряет связь со своим «происхождением» и уже обозначает не сам предмет или явление, а его отсутствие. В таком случае правомерной, по мнению Ж.Деррида, представляется проблема не референтности (соотнесённости языка с внеязыковой реальностью), а означивания, т.е. означающего с означающим, слова со словом, одного текста с другим.

Для пояснения этого положения сошлёмся на самого Ж.Дерриду: «Различение — это то, благодаря чему движение означивания оказывается возможным лишь тогда, когда каждый элемент, имеваемый «наличным» и являющийся на сцене настоящего, соотносится с чем-то иным, нежели он сам, хранит о себе отголосок, порождённый звучанием прошлого элемента, и в то же время разрушается вибрацией собственного отношения к элементу будущего; этот след в равной мере относится и к так

называемому будущему, и к так называемому прошлому; он образует так называемое настоящее в силу отношения к тому, чем он сам не является» [8; 13]. Таким образом, понятие «различение» показывает принципиальное отличие знака от самого себя, так как знак несёт внутри себя свою собственную инаковость. В то же время фундирование идеи о том, что знак указывает на различение, позволяет определить ряд его функций, а вместе с этим обратить внимание на отсутствие. Таким термином является «трасса». Он указывает на такой опыт и мысль, возникновение которых происходит на линии пересечения прежних следов переживаний. Следовательно, термин «трасса» указывает на отсутствие в настоящем того, что непосредственно переживается и должно быть коммуницировано другому. Как поясняет философ, в коммуникации происходят достаточно сложные процессы. Так, знак содержит в себе метафору, в которой происходит фиксация разнородных, гетерогенных признаков, а также различные нерелексированные феномены, которые невозможно однозначно передать другому человеку. Сама коммуникация выступает как игра различных комбинаций значений, в процессе которой не соблюдается строгое следование логике закономерности, а постоянно осуществляется случайная перекombинация значений, в результате чего происходит изменение смысла.

Критикуя традиционный способ западноевропейского мышления, Ж.Деррида пытается «уничтожить оппозиции, снять их противостояние, релятивизировать их отношения и уклониться от бытия. Его деконструкция направлена на выявление внутренней противоречивости рассматриваемого текста, «остаточных смыслов», как унаследованных от дискурсов прошлого, а также демистификации таких фантомов сознания, как власть, университет и другие мыслительные фантомы, которые постмодернистами обычно онтологизируются. Таким образом, в отличие от парменидовской трактовки бытия как гаранта устойчивости существования человека, философия постмодерна стремится освободить человека от иллюзий абсолютных ценностей, обращая его внимание и интерес на обыденность текущего, изменчивого, в котором однозначно, рационально трудно определить результат в ситуации, когда процессы и события могут происходить неопределённо. Само бытие становится вероятностно-неопределённым, плюральным, многомерным, многовекторным. Рассматривая различные варианты децентрации, философ показывает многослойность культурных объектов, различные сценарии их функционирования в языковой стратегии, которые вводят человека в различные типы реальности, и плюральные варианты взаимодействия с ними.

Таким образом, философия деконструкции Дерриды описывает синхронное сосуществование культурных плюральностей в жизненном пространстве человека. Постмодернистский концепт предлагает модель культурной плюральности в условиях децентрации и формирования зон социокультурной неопределённости. Его философия моделирует ситуацию социокультурной неэффективности определённых норм, правил поведения, формирование культурных девиаций, зон распада привычных сценариев жизни человека. Это позволяет проанализировать процесс деконструкции социальной системы, определить те ценности, которые сохраняются в когнитивном опыте людей, позволяет также выявить те социокультурные механизмы, которые скрыты в «следах» предыдущих моделей поведения и коммуникации, оторгнутых на маргиналию культурного пространства. Постмодернистский разум открывает неопределённость существования человека, отрицание приоритетности какого-либо языка, провозглашает стратегию открытости принятия новых ценностей, нового варианта их комбинации и декомпозиции. Философия деконструкции ориентирует человека не бояться принимать ценностный релятивизм, рассматривая его как новую версию идентичности. Эта философия инициирует человека на интеграцию в мир культурной плюральности, на формирование культурной чувствительности к «Другому», на принятие и признание синхронного сосуществования многоуровневой реальности. Постмодернистский разум констатирует плюральность жизни человека, фокусирует внимание на восприятии нелинейного времени, отсутствии заданности, вектора в динамике культуры, неоднородность культурного пространства. Постмодернистский разум фундирует концепт о возможности существования человека в условиях процесса детерриториализации, в условиях распада стабильности, в периодически меняющейся культурной реальности.

Список литературы

1. Соловьева Г.Г. Современная западная философия (от Серена Кьеркегора до Жака Деррида). — Алматы: Компьютерно-издат. центр Ин-та философии и политологии МОН РК, 2002. — 465 с.
2. Французская философия сегодня: анализ немарксистских концепций / М.Грецкий, Н.Автономова, Л.Филиппов и др. — М.: Наука, 1989. — 264 с.

3. Деррида Ж. О почтовой открытке от Сократа до Фрейда и не только / Пер. с фр. Г.А.Михалкович. — Мн.: Современный литератор, 1999. — 832 с.
4. Деррида Ж. О грамматологии. — М.: Ad Marginem, 2000.
5. Декомб В. Современная французская философия. — М.: Весь мир, 2000. — 344 с.
6. Деррида Ж. Шпоры: стили Ницше / Вступл. и пер. с фр. А.В.Гаражди // Философские науки. — 1991. — № 2. — С. 118–144.
7. Гараджа А.В. Критика метафизики в неоструктурализме (по работам Ж.Деррида 80-х годов): научно-аналитический обзор. — М.: ИНИОН, 1989. — 50 с.
8. Деррида Ж. Введение // Гуссерль. Начало геометрии. Деррида Ж. Введение — М.: Ad Marginem, 1996. — 267 с.

УДК 316.722: 316.422

С.Б.Алимова

Карагандинский государственный университет им. Е.А.Букетова

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ

Қазіргі әлемде саяси дамудың жаңа тиімді үлгілерін белсенді түрде іздеу жүруде. Бұл үдерістің жетістілігінің маңызды шартына әлемнің басым ұмтылыстарына сай келетін «жаңа мәдени-өркениеттік» ұғымының қалыптасуы жатады. Аталмыш тенденция саяси ғылымның басым зерттеуінен көрініс табады. Мақала авторының пікірінше, өркениеттік қатынас саяси модернизацияны зерттеудегі басым әдістемелік стратегия ретінде айрықша қызығушылық тудырады.

It is active search of new effective model of political development in contemporary world. The most important condition of successfulness of this process is forming of a new cultural-and-civilization model corresponding to the requirements of the world becoming more and more complicated. The circumstance promotes advancing various research approaches in the political science. In the opinion of the author of this article, civilization approach is of special interest as a promising methodological strategy in research of political modernization.

Активизация исследовательских разработок в области цивилизационной проблематики является выражением специфики доминантных тенденций современной эпохи. Насыщенность, острота и противоречивость протекания глобальных процессов актуализировали поиск важнейших принципов и ключевых закономерностей, которые определяют динамику современного мира. Радикально меняются планетарный политический климат, ландшафт и архитектура. В мировой политический процесс включаются молодые суверенные государства. Однако появление на политической карте мира новых государств означает не только необходимость оформления новой системы межгосударственных отношений и международного права. Разворачивается процесс массового самоутверждения цивилизационных культур с присущими им особенностями, стремлением сохранить свою самобытность и уникальность и в то же время соответствовать усложнившимся требованиям современности. Эти глобальные процессы сопровождаются отходом от идеи универсальности и превосходства западной цивилизационной культуры и, соответственно, западной модели политического развития. Данные обстоятельства определяют необходимость формулирования и выдвижения новых исследовательских парадигм, объяснительных схем и адекватного им научного инструментария. Правомерным и обоснованным представляется нам в контексте обозначенных глобальных изменений, что традиционный для науки академический дискурс — цивилизационный — получает «второе дыхание».

Очевидно, что масштабные и кардинальные перемены, происходящие в структуре современного миропорядка, не поддаются одномерной теоретической интерпретации. Общеизвестными интеллектуальными символами, иллюстрирующими оптимальность плюрализма исследовательских трактовок в рамках цивилизационного подхода, стали разнообразные авторские концепции, прогнозирующие различные варианты трансформации и перспективного развития мира. Мы сочли правомерным фиксацию внимания на двух исследовательских презентациях вследствие того, что они имели особый резонанс как в мировом научном сообществе, так и в среде профессиональных политиков, способствуя оживлению полемики относительно цивилизационной и политической перспектив человечества.

Первая из них — концепция «конца истории» Ф.Фукуямы. Вторая аналитическая схема — концепция «столкновения цивилизаций» С.Хантингтона.

Известный американский политолог Ф.Фукуяма, исследуя перспективы человечества в XXI в., строил свою аналитическую конструкцию, исходя из идеи, что современная западная цивилизация достигла пределов своего совершенства. Поэтому дальнейшее развитие человеческой цивилизации отныне должно определяться как преобразование по образу и подобию Запада. Триумф Запада, его цивилизационной культуры, его глобальных идеалов — экономического (рыночная экономика) и политического (демократия) — для исследователя очевидны в первую очередь вследствие полного крушения альтернатив западной либеральной демократии. Ф.Фукуяма констатирует «завершение идеологической эволюции человечества и универсализации западной либеральной демократии как окончательной формы правления» [1; 134]. Таким образом, исследователь предполагает, что в качестве универсальной и безальтернативной модели общественного и политического развития человечества выступит глобальный вестерн-сценарий.

Следует отметить, что исследовательская концепция, проводимая Ф.Фукуямой, далеко не нова. Она представляется воплощением довольно продолжительной и укорененной научной традиции, имеющей свои глубокие идейные истоки в философской и политической мысли Запада. В соответствии с таким видением культурные основания, из которых произрастают незападные цивилизации, скованные застойностью, замкнутостью, локальностью, подлежат постепенному преодолению и изживанию. Уместно в этой связи отметить, что современная политическая наука свои идейные и теоретические истоки также связывает с генезисом западных цивилизаций (греко-римская античность), игнорируя богатейший теоретический и методологический потенциал политической мысли Востока.

Неизбежными издержками такого ограниченного научного подхода можно считать фрагментарное, косвенное и описательное использование огромного фактологического и аналитического материала, накопленного социогуманитарными науками в процессе изучения незападных цивилизаций. Кроме того, такая непродуктивная и, следует признать, в целом тупиковая исследовательская позиция является препятствием для адекватного анализа и осмысления глобальных процессов современности, в том числе, несомненно, и процесса политической модернизации в незападных обществах.

Параллельно исследовательскому подходу, ярким представителем и проводником которого в современной науке является Ф.Фукуяма, развивалось иное, на наш взгляд, более продуктивное научное направление. Его приверженцы в своих аналитических исследованиях отталкивались от концепции самобытности цивилизаций и в соответствии с этим базовым постулатом развивали идею осторожного, взвешенного и бережного заимствования социокультурных и политических ценностей других цивилизаций. Первые сомнения в возможности перенесения опыта одной конкретной цивилизации на неподготовленную для этого почву выразили мыслители Просвещения. В процессе массовой разработки данного проблемного комплекса в контексте интеллектуальной динамики эпохального самосознания формировалось и укреплялось представление об ограниченности цивилизационных догм. Таким образом, разрушалась сомнительная логика пирамидальной евроцентрической цивилизационной системы, линейного представления об общественном развитии, которая занижала значимость уникального культурного опыта, религии, особенностей исторического развития различных обществ. И.Гердер, возглавивший цивилизационное направление и систематизировавший в единый конгломерат разнообразные догадки, предположения, утверждения предшественников, анализировал в качестве источника исторического развития столкновение противоположных культурных принципов. Главным постулатом мыслителя, итогом его фундаментальных разработок являлись признание органического, качественного своеобразия цивилизационных явлений и невозможность оценки явлений одной культуры в рамках другой.

Наука XX в. обосновала идею множественности цивилизаций ярко и исчерпывающе. Э.Дюркгейм, отмечая неправомерность попыток выделения универсального критерия цивилизации, констатировал следующее: «В ходе исторического развития теряется идеальное и упрощенное единство ... Последовательный ряд обществ не может быть изображен геометрической линией, он, скорее, похож на дерево, ветви которого расходятся в разные стороны» [2; 507]. От схематического подхода в исследовании сложных цивилизационных проблем предостерегал и Ф.Бродель, который скептически относился к возможностям модернизации, понимаемой как «триумф цивилизации в единственном числе». Этот авторитетный исследователь также считал неприемлемым и неправомерным игнорирование в процессе исследования сложных процессов многообразия исторических культур, тысячелетиями определявших самобытный облик великих цивилизаций [3; 347–354].

О.Шпенглер, придавая цивилизации качества конечности, черты отдельно-особого вида культуры, пророчески прогнозировал: «Будущность Запада не есть безграничное движение вверх и вперед по линии наших идеалов, тонущее в фантастически необъятном времени, но строго ограниченный в отношении формы и длительности и неизбежно predetermined, измеряемый несколькими столетиями частный феномен истории, который можно на основании имеющихся примеров обозреть и определить в его существенных чертах» [4; 216–217]. О.Шпенглер, таким образом, предполагал конечность гегемонии западной цивилизации как естественную закономерность исторического процесса. А.Тойнби, признанный авторитет в области цивилизационной теории, писал о «дерзости Запада, впавшего в эгоцентрические иллюзии относительно того, что мир вращается вокруг него», и относительно «неизменяемости Востока». Возражения у А.Тойнби вызывало и глубоко ошибочное представление о том, что существует «только одна река цивилизации — наша собственная — и что все другие реки (цивилизации) являются или притоками, или затерялись в песках» [5; 79].

К.Леви-Стросс, фундаментальные исследования которого значительно углубили и обогатили современное научное прочтение интересующего нас проблемного комплекса, интерпретировал его также в рамках данного исследовательского подхода. Он писал: «Не может быть мировой цивилизации в том абсолютном смысле, который часто придается этому выражению, поскольку цивилизация предполагает сосуществование культур, которые обнаруживают огромное разнообразие; можно сказать, что цивилизация и заключается в этом сосуществовании. Мировая цивилизация не могла быть ничем иным, кроме как коалицией, в мировом масштабе культур, каждая из которых сохраняла бы свою оригинальность ... Священная обязанность человечества — охранять себя от слепого партикуляризма, склонного приписывать статус человечества одной расе, культуре или обществу, и никогда не забывать, что никакая часть человечества не обладает формулами, приложимыми к целому, и что человечество, погруженное в единый образ жизни, невысказано» [6; 169].

В этой связи следует подчеркнуть особо, что, говоря о механизме и технологии цивилизационных заимствований, маститые исследователи оперировали трезвыми и прагматичными понятиями — «медленные приспособления», «ничтожные постепенные изменения», «работа поколений». Классики понимали всю сложность, противоречивость и двойственность процесса «вживления» качественных элементов одной цивилизационной культуры в «живую ткань» другой цивилизации.

Относительная удаленность от нас условий, в которых творили свои фундаментальные труды эти авторитетные классики, не снижают актуальности, теоретической и эмпирической, их аналитических выводов. Вероятно, поэтому, соотнеся выводы сторонников такой исследовательской позиции с политическими реалиями конца XX в., один из ведущих западных аналитиков Зб.Бжезинский в работе «Холодная война и ее последствия» отмечал, что экономическая и политическая модернизация на территории бывшего СССР будет длительной и болезненной. В качестве важнейшего политического принципа, из которого исходил в своем аналитическом труде Зб.Бжезинский, следует определить комплекс рекомендаций Западу, основанный на прагматичном совете, — не навязывать постсоветским обществам, нацеленным на модернизацию своих экономических и политических институтов, вместо старых коммунистических новые догмы капиталистической практики. Зб.Бжезинский резюмировал, что любая попытка заимствования политической демократии и одновременно свободы рыночной экономики, которая самым тщательным образом не просчитывает, как свести к минимуму социальные издержки, не учитывает особенности социокультурной среды конкретного модернизирующегося общества, может привести к «нежелательным коллизиям» [7; 18].

Из аналогичной исследовательской позиции исходит в своем широкоизвестном аналитическом труде «Столкновение цивилизаций» и авторитетный сторонник цивилизационного измерения динамики современного мира и его перспективного развития С.Хантингтон. Анализируя возможности преобразования мирового порядка на новых началах, осмысляя особенности политической модернизации незападных обществ, в первую очередь стран постсоветского пространства, исследователь резюмирует: «Разные цивилизации изначально придерживаются различных философских убеждений, основополагающих ценностей, социальных связей, обычаев, мировоззрения в целом ... Культуры поддаются изменениям, и характер их воздействия на политику и экономику в те или иные периоды времени оказывается неодинаковым, но основополагающие различия между цивилизациями в сфере политического и экономического развития, бесспорно, уходят своими корнями в пласты отличающихся друг от друга культур» [8; 534].

Таким образом, можно констатировать, что в разнообразной и разноплановой исследовательской литературе по обозначенной нами проблеме ярко и выпукло проявляются два диаметрально противоположных аналитических подхода. Первый, теоретически оформленный в соответствии с понимани-

ем модернизации как вестернизации, основывается на постулировании идеи культурного превосходства ценностей, в том числе, несомненно, и политических, западной цивилизации. Перенесение постулатов данного исследовательского подхода в практическую область, как нам представляется, способствовало формированию недоверия и даже некоторой враждебности к будущему облику и перспективам модернизирующегося общества. Существует стереотипное восприятие модернизации как нового механизма гегемонии так называемых «постиндустриальных обществ», которые более всего озабочены перспективой сохранения и приумножения своего благосостояния и внутренней стабильности. Соответственно, странам «второго эшелона модернизации» этот процесс не принесет ничего, кроме тотальной унификации: экономической, политической, культурной (цивилизационной), духовной и др.

Такая остро критическая исследовательская позиция особенно активно постулируется представителями незападной науки. Труды этих известных в мировом научном сообществе теоретиков нам мало доступны. Причины этого очевидны — языковой барьер, трудности с их переводом и, вероятно, наша особая фиксированность на интеллектуальных разработках и достижениях западной политической науки. Известный индийский политолог Р.Пандей, обращая внимание на неспособность западной цивилизации к продуктивному диалогу с другими народами и культурами, отмечает, что это обстоятельство имеет фатальные последствия — снижается уровень доверия, духовности, взаимопонимания между народами и цивилизациями. Исследователь подчеркивает, что именно разрушительное воздействие Запада заставляет незападные страны искать источники собственной духовной силы в своем культурном, цивилизационном достоянии. Такая же ограниченность, по мнению Р.Пандея, характерна и для теории модернизации, так как в ней, безусловно, превалирует принцип западоцентризма. Исследователь отмечает продуктивность ее критики по следующим базовым параметрам:

- постулирование прогрессистской и эволюционистской формулы развития как однолинейной, универсальной, тотальной и упрощенной;
- отсутствие адекватного анализа значимости поддержания стабильности и единства общества;
- игнорирование значительной роли исторического и культурного достояния общества в процессе модернизации;
- западная модель развития и общественной организации трактуется как однозначно позитивная и перспективная и, соответственно, как образец для подражания всем «неразвитым» странам;
- отсутствие адекватного понимания специфики каждого общества, его уникальности и своеобразия;
- игнорирование и замалчивание тяжелых социальных последствий модернизации на первых этапах разворачивания этого процесса [9; 469–470].

Второй исследовательский подход, основывающийся на трактовке модернизации как глобального, исключительной сложности процесса, своего рода «императива времени» (Д.Аптер), ответа на «вызов» современности, признает правомерность и, более того, оптимальность сохранения незападными обществами своей цивилизационной самобытности, уникальности и оригинального культурного облика. Выражая и продвигая данную исследовательскую линию, С.Хантингтон писал: «Модернизация не обязательно означает вестернизацию. Незападные общества могут подвергаться модернизации, не отказываясь от своих собственных культур и не принимая западных ценностей, институтов и форм поведения» [10; 480].

Духовное богатство, формировавшееся и развивавшееся тысячелетиями, составляет то культурное наследие, которое служит фундаментом любой цивилизации в прошлом. Оно сохранилось (пусть зачастую и в трансформированных, размытых формах) до сих пор, определяя уникальную специфику и самобытность цивилизации. Поэтому различия между цивилизациями и сейчас столь велики, что нередко исследователи ставят под сомнение возможность выявления и адекватного системного анализа общих закономерностей, определяющих процесс политической модернизации. В частности, усложняет возможность всеохватывающего анализа проблемы то обстоятельство, что любая общность (от локального сообщества до цивилизации) культурно гетерогенна. Как свидетельствует историческая практика, любое общество, будь то западное или восточное, любая цивилизация в самые разные периоды существования совмещали в себе бесконечное разнообразие культурных элементов, возникших как в силу сложнейших процессов внутреннего развития, так и в силу внешних влияний. В частности, П.Сорокин правомерно указывал на то, что культурные компоненты, формирующие цивилизацию, способны функционировать за пределами среды, их породившей [11; 47–54]. И тем не менее гетерогенность крупных социокультурных общностей не безгранична. Никакая сумма внешних (западных) влияний на современные восточные общества не сняла их изначальной принадлежности к

цивилизациям Востока. Сохранение их самобытности обеспечивается длительной протяженной во времени традицией, соотнесенной с вполне определенной социокультурной средой.

Очевидно, что главным недостатком ранних теорий модернизации является неспособность объяснить разнообразие моделей переходных обществ, выявить причины противоречий, трудностей и неудач в процессе формирования новых экономических и политических институтов, осмыслить внутреннюю динамику модернизирующихся обществ. Исследователями не был в достаточной степени учтен цивилизационный фон процессов модернизации. Причем причины кроются не только в том, что теоретическое осмысление процессов модернизации со временем неизбежно разошлось с результатами их эмпирической проверки. Вероятно, этот факт можно воспринимать как издержки естественного процесса апробирования теоретической модели. Общеизвестно, что политическая практика богаче, сложнее, противоречивее любой самой продуманной и научно выверенной теоретической конструкции. Главной причиной, как нам представляется, можно считать бесконечное усложнение и дифференциацию общественно-политических реалий и характера общечеловеческих устремлений на рубеже веков. В соответствии с изменившимися социальными и политическими реалиями усложнилась и сама теория модернизации. Современная политическая наука значительно продвинулась в понимании внутренней природы политической модернизации как «ответа» на процесс растущей сложности общечеловеческих проблем, с которыми сталкиваются и которые призваны решать политические системы современных обществ.

Как отмечает авторитетный исследователь проблемы Ш.Эйзенштадт, активное осмысление и продуктивная ее разработка мировым научным сообществом привели к формированию новой парадигмы модернизации, основывающейся на признании вариативности моделей модернизации. Исследовательские выводы, сформулированные авторитетным теоретиком, можно свести к следующим.

Во-первых, модернизация может иметь частичный характер. Другими словами, модернизация не обязательно предполагает полного и целостного обновления общества, однозначного отрицания его традиционных принципов. В рамках данного теоретического положения, сформулированного в контексте новой парадигмы модернизации, проявилось ее полное расхождение с классическими теориями модернизации. Последние определяли модернизацию как отход от традиционного политического устройства, властной организации, институциональной оформленности, политических ценностей и т.д. Таким образом, в понимании старых классиков процесс модернизации трактовался как движение к современности через полный разрыв с традициями. Однако практика политической модернизации многих азиатских, латиноамериканских, восточноевропейских, африканских, постсоветских обществ со всей очевидностью продемонстрировала, что формирование новых политических и экономических институтов может сопровождаться укреплением традиционных систем. Это связано с тем, что традиционные социальные и политические институты и ценности проявили способность к значительному и продуктивному приспособлению и даже позитивному изменению в современных условиях.

Во-вторых, переходный период, который неизбежно переживает любое модернизирующееся общество, как правило, сопровождается созданием особых механизмов его самосохранения и относительной стабильности. Именно эти механизмы придают прочность и жизнеспособность обществу в этот период, а также подготавливают основу для нарастающего динамизма процессов модернизации.

В-третьих, специфика типа и характера развития общества (оригинальная модель), подвижного модернизаторскими устремлениями, обусловлены в определенной степени его традиционным устройством, складывающимся в течение длительного исторического времени. Можно утверждать, что процессы модернизации в западных и восточных обществах протекают сугубо специфично [12; 470–474].

Различия между цивилизациями существенны, глобальны и фундаментальны. Они более значимы, чем различия между политическими режимами или политическими системами. Это объясняется тем, что различия между цивилизациями складывались на протяжении столетий и тысячелетий и, соответственно, никакая, даже самая радикальная и эффективная политическая модернизация не может способствовать их исчезновению в обозримом будущем. Цивилизации имеют не только самобытную историю, они вырастают из разнотипных культурных систем, формируют несхожую, зачастую диаметрально противоположную социальную психологию, ментальность, мировоззрение. Формируется устойчивый цивилизационный код. Сквозь призму этих важнейших и крайне устойчивых качественных параметров личность и общество, принадлежащие к разным цивилизациям, выстраивают все, вплоть до мельчайших моментов своего бытия, в том числе и, несомненно, политического. Соотношение прав и обязанностей, свободы и принуждения, господства и подчинения, равенства и иерархии в политике осмысливается и закрепляется, исходя и основываясь на этих основополагающих характери-

стиках. Признание могущества, основополагающей и непреходящей значимости этих факторов дало основание С.Хантингтону признать в качестве основных источников глобальных политических конфликтов в нарождающемся мире не идеологию или экономику, так как они определяли доминанты и облик уходящей эпохи, а цивилизационную культуру.

Современная эпоха, политическая доминанта которой во многом определяется крушением двух-полюсного мира, характеризуется усилением взаимодействия между странами и народами разных цивилизаций. Это, несомненно, позитивный процесс. Следует отметить, что его следствием является формирование двух противоречивых и разноплановых тенденций. Во-первых, размывается традиционная идентификация огромной массы людей с местом исконного проживания. Это в свою очередь способствует ослаблению роли нации-государства как источника идентификации. Во-вторых, очевиден рост цивилизационного самосознания. Одним из последствий этого объективного процесса являются поиски других источников идентификации людей, по большей части культурных. Значимым представляется тот факт, что в качестве наиболее востребованного источника культурной идентификации в современном мире выступает религия. Это связано с тем, что религия не может ограничиваться тесными национальными рамками. Она, скорее, является основой для объединения людей по цивилизационному признаку.

Культурное своеобразие является основополагающим фактором, детерминирующим разнообразие и, даже более того, противоположность цивилизационных систем. Нельзя утверждать с определенностью, что они носят незыблемый характер, скорее — исключительно стойкий. Культурные особенности и различия цивилизаций в значительно меньшей степени подвержены изменениям, чем экономические и политические явления и отношения. Поэтому культурные противоречия цивилизационного характера труднее свести к разумному компромиссу. Самобытный культурный облик цивилизации сложнее размыть влиянием извне. Любое транзитное общество, движимое модернизаторскими импульсами и устремлениями, может быть нацелено на восприятие рыночной модели экономики и либерально-демократической формы политической организации, которые продемонстрировали свою высокую эффективность на Западе. Однако следует признать и то, что противоречия, трудности, откаты и срывы процесса модернизации, характерные для многих переходных обществ, в значительной степени проистекают из-за несоответствия глобальных цивилизационных парадигм Востока и Запада.

Список литературы

1. Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. — 1990. — № 3. — С. 134–148.
2. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. — М.: Прогресс, 1991. — 617 с.
3. См.: Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв. — Т.3. — Время мира: пер. с фр. — М.: Прогресс, 1992. — 879 с.
4. Шпенглер О. Закат Европы: пер.с нем. — Новосибирск: Изд-во НГУ, 1993. — 640 с.
5. Тойнби А. Постижение истории: пер.с англ. — М.: Прогресс, 1991. — 736 с.
6. Цит. по: Кара-Мурза С. Истмат и проблема Восток-Запад. — М.: Алгоритм, 2002. — 256 с.
7. Цит. по: Красильщиков В.А. Вдогонку за прошедшим веком: Развитие России в XX веке с точки зрения мировых модернизаций. — М.: РОССПЭН, 1998. — 224 с.
8. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В.Л.Иноземцева. — М.: Academia, 1999. — С. 528–557.
9. См.: Пандей Р. Критика западоцентризма в теориях модернизации // Сравнительное изучение цивилизаций: Хрестоматия / Сост.Б.С.Ерасов. — М.: Аспект Пресс, 1998. — С. 469–470.
10. Хантингтон С. Модернизация и вестернизация // Сравнительное изучение цивилизаций: Хрестоматия / Сост. Б.С.Ерасов. — М.: Аспект Пресс, 1998. — С. 480–481.
11. См.: Сорокин П. Общие принципы цивилизационной теории и ее критика // Сравнительное изучение цивилизаций: Хрестоматия / Сост.Б.С.Ерасов. — М.: Аспект Пресс, 1998. — С. 47–54.
12. Эйзенштадт Ш. Новая парадигма модернизации // Сравнительное изучение цивилизаций: Хрестоматия / Сост. Б.С.Ерасов. — М.: Аспект Пресс, 1998. — С. 470–479.

Ф.Ф.Саттарова

Карагандинский государственный университет им. Е.А.Букетова

**КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ ПОЗНАНИЯ МИРА
КАК ПРОЦЕСС ВОСХОЖДЕНИЯ К СИНТЕЗУ**

Мақалада дүниетанымның тарихи-мәдени бейнесі әлемді құрастырудың әдісі ретінде анықталады. Тарихи-философиялық тұрғыда ойлау ұстанымы, әлем моделі нақты кезеңнің мағыналы мазмұнын құрайды. Әлемді қабылдаудың, дүниетанымның синтетикалық сипатына ерекше мән беріледі. Философия тарихы мен ғылымның синтездік бағыттылығы танымның құрылымдығын, орнықтылығын сипаттайды. Ғылыми білімнің динамикасы дүниенің әр түрлі ғылыми бет-бейнелерінің пайда болуының негізі болып табылады.

The article is dedicated to the historical and philosophical aspect of educational process. Philosophy and politics are defined as direction to improve educational process. Integrated world view and planetary conscious considered to be the important philosophical determinations of education in the epoch of globalization. Also, humanistic character of education and person formation reveals. The scientific knowledge dynamic suggests the formation of different scientific world views.

Культурно-исторический образ познания мира обуславливается сменой различных эпох миропонимания человека. Исторически исходным в понимании единства отношения «Человек–Мир» является миф. В синкретизме мифологического сознания проявляются изначальные элементы когнитивного, эстетического и других начал, которые выражаются в форме мифа о предках и где повествование (суждение) происходит не в виде абстрактных рассуждений, а реальных фактов событий [1; 412]. Это наводит нас на уверенную мысль о том, что существовал познавательный синкретизм мифа.

Интересна мысль О.М.Фрейденберга о том, что «миф есть познавательное обозначение. В эпохе мифотворчества все области реальной действительности познавались одним и тем же способом» [2; 24].

Каждая целостность структурна и имеет смысловое содержание. Миф — это такое единство сакрального содержания, где имеются: 1) сакрально-мифологический центр; 2) периферия, включающая в себя когнитивные, этические и эстетические моменты, где центром и ядром является сакральное содержание (мифологемы, обряды и т.п.); 3) все остальное подчиняется этому центру и получает свой смысл и оправдания только в соотношении с ним. На периферии размещаются рациональные и эмпирические знания.

Необходимо заметить, что когнитивные элементы, получая свою ценность через соотношение с сакральным ядром (синтетическим началом), наделяются отнюдь не познавательным смыслом. Они существенным образом отличаются от пропозиционального знания, направленного на утверждение истины, «обладающего гомогенной внутренней структурой» [3; 28].

Миф выступает как исторически исходный принцип целостного структурирования мира, через него выражается соответствующая своему основанию «модель мира», в данном случае мифозитическая картина мира. «Способ структурирования «целостной модели мира», в свою очередь, — отмечает Б.Ж.Есекеев, — выступает и как принцип его познания. Посредством этого принципа, во-первых, определяется угол зрения на предметы и вещи окружающего мира, а во-вторых — смысловая наполненность этого мира» [4; 19]. Эвристически значимым и продуктивным подходом к анализу мифа является не выяснение того, как миф отображает бытие, а как миф конструирует его, т.е. конструирование бытия является основной задачей мифа, и только посредством и через это конструирование окружающий миф наделяется смыслом и становится возможным осмысление последнего.

Миф конструирует и задает смысловую наполненность бытия. Мифомышление — это многообразие смыслов. Синтезирующим принципом, онтологическим источником, который определяет смысловую наполненность всего бытия в архаической культуре, как определенной целостности, являются кровнородственные отношения и связи. Миф — некоторая сакрально-симбиозная целостность. Она включает в себя когнитивные, этические и эстетические моменты, или же «сакрально-этические и сакрально-эстетические комплексы» [5; 73].

Основанная на космоцентризме мировоззренческих и смысложизненных ориентаций античная картина мира была своеобразным синтезом в основном трех фундаментальных исследовательских

программ, с существенной оговоркой о том, что их необходимо рассматривать не только как результат индивидуальной философской деятельности Демокрита, Платона и Аристотеля, но и в контексте коллективного творчества представителей соответствующих философских школ.

Социокультурный сдвиг от космоцентризма к теоцентризму мировидения определенным образом трансформировал картину мира в эпоху средневековья как в Европе, так и на Ближнем Востоке, т.е. в двух основных центрах наследования античной традиции.

Принятие трансформированной античной картины мира в средневековой культуре было связано с тем важным обстоятельством, что основным научным методом складывающейся схоластической учености оставалось выработанное еще в недрах древнегреческой философской традиции теоретическое созерцание истины прежде всего в сакрализованном тексте, а не эксперимент, хотя утверждение о том, что экспериментальный метод зародился лишь в науке нового времени, не выдерживает серьезной критики. «Средневековая культура, — отмечает в этой связи В.Л.Рабинович, — культура текста. Однако погружение в смысл текста оказывается погружением только наполовину, ибо дальше все это оборачивается опять-таки словом. Таким образом, это культура, в которой ученый комментатор произносит слово в слове, обращенное к слову» [6; 84].

В теоцентризме средневековья идея творения мира из ничего была основополагающей идеей христианской онтологии, ибо через нее вся полнота бытия, всё приписывается Богу как абсолютному порождающему началу всего приходящего и сущего. И эта идея оформляет особую форму синтеза религиозных догматов.

Религиозный фонд христианских догматов был мировоззренческим основанием религиозного синтезированного знания, как «важнейшее определение предмета, вещи (как составных частей материального мира. — Ф.С.), как они понимались христианским мышлением, раскрывается через понятия творения» [7; 110], где мир мыслителя как сотворенный, поэтому «творенье» — сознание всей системы средневековой эпохи, ее мирозозерцания.

Говоря о возникновении науки нового времени как научной революции, целесообразно выделить ряд ее этапов. К первому этапу относится еще ренессансная наука, продолжающая интеллектуальные традиции средневековой познавательной культуры. Для этого времени характерно размытие перипатетической научной программы, составляющей теоретическую основу схоластической картины мира, несмотря на так называемый «аристотелевский ренессанс», укрепление позиций платонизма и возрастание интереса к атомизму, особенно к эпикуреизму. Это обуславливалось изменением отношения к традициям, догмам и авторитетам, при котором атомистическая физика, прежде всего через арабское влияние, проникала в натурфилософию и даже иногда могла конкурировать с качественной физикой перипатетиков или количественной — неоплатоников.

Становление классического естествознания нового времени было связано с модернизированным вариантом атомистики древних. Идея о дискретном строении материального мира древних атомистов стала фундаментом, на котором базировалось классическое естествознание.

Представители философии нового времени пытались освободить от временных и культурно-исторических напластований естественную, природную, свойственную каждому отдельному человеку от рождения познавательную способность, «естественный свет» разума, изначально присущую человеческой природе. Человеку необходимо было выработать умение пользоваться «естественным светом» в познании природы. История развития классической науки, рефлексия над познавательной способностью человека обусловили появление учения о методах.

Проблема синтеза чувственности и рассудка необходимо преследует выявление того «третьего», в котором они бы совпадали: «ясно, что должно существовать нечто третье, однородное, с одной стороны, с категориями, а с другой — с явлениями и делающее возможным применение категорий к явлениям» [8; 150]. Эту роль, по Канту, играет «трансцендентальная схема», которая есть «продукт и как бы монограмма чистой способности воображения *a priori*». Такая двуединость трансцендентальной схемы основана на том, что трансцендентальное определение времени однородно как с категориями (ввиду всеобщности и основанности на априорном правиле), так и с явлением (время содержится во всяком эмпирическом представлении). Тогда данная схема есть простая ассоциация временных, а на их базе и пространственных, аналогий между явлениями опыта и категориями, накладывающимися на них.

Любая научная теория строится всегда как синтезированное знание. В ее исходных методологических основаниях имеются всегда принципы систематизации научных знаний. В этой связи И.Кант справедливо указывал: «Регулятивный закон систематического единства требует, чтобы мы изучали природу так, как если бы повсюду бесконечно обнаруживалось систематическое и целесообразное

единство при возможно большем многообразии, ибо хотя мы можем узнать или открыть только малую долю этого совершенного мира, тем не менее законодательству нашего разума присуще везде искать и предполагать его; руководствоваться тем принципом при исследовании природы всегда должно быть полезно и никогда не может быть вредно» [9; 415].

Если Кант рассматривал категории лишь как способы связывания чувственных созерцаний, то Гегель доказывал, что категории — основные определенности самого бытия. И действительно, причинность, необходимость и т.п. — не только формы мышления: они, собственно, лишь потому являются таковыми, что в них получили понятийное выражение объективно существующие формы всеобщности. Правда, логические категории лишь приблизительно верно отражают объективно существующие формы всеобщности. Однако в ходе истории познания они развиваются, все более точно отражая взаимосвязи явлений. Вся его система построена на триадичности, «бытие» и «ничто» сливаются воедино, образуя «становление», «качество» синтезируется «количеством» в «мере» и т.п. Синтез есть объединение тезиса и антитезиса, достижение более высокого содержания, чем это имелось в «тезисе» и «антитезисе».

Интересным представляется диалектический метод И.Г.Фихте, где основой его является движение от тезиса к антитезису и затем к синтезу. Он выделяет и связывает друг с другом три вида действия: тетическое, в котором Я полагает само себя, антитетическое, в котором Оно полагает свою противоположность — не-Я, и синтетическое, в котором обе противоположности соединяются вместе. Фихте отмечал, что в диалектическом методе существен синтетический прием: каждое положение будет содержать в себе некоторый синтез, все установленные синтезы должны содержаться в высшем синтезе... и допускать свое выведение из него» [10; 234].

В своих «Основах естественного права согласно принципам наукоучения» в контексте раздела «Я и другие. Диалектика интерсубъективности» Фихте обосновывает то, что конечное разумное существо не может приписывать себе свободы в чувственном мире, не приписывая ее другим и не предполагая других существ вне себя. В доказательствах этого тезиса особо проявляется смысловое значение синтеза в познавательной деятельности.

Установленное благодаря синтезу должно быть объектом, но таким, в понимании которого в качестве препятствующей вкладывается свободная активность субъекта. Объект должен быть активностью субъекта, но такой, что деятельность последнего остается абсолютно независимой и самоопределяющейся. Оба должны быть в единстве, оба их свойства должны удерживаться, ни одно не должно быть утеряно. Как же это возможно?

Оба они представляются единым, если мы мыслим определенное бытие субъекта как самоопределение, как стремление (*aufforderung*) к решительной активности.

Поскольку объект является предметом стремления, он должен быть дан в ощущении, причем во внешнем, а не во внутреннем, потому что всякое внутреннее возникает исключительно через воспроизводство внешнего, первое предполагает второе. При этом самосознание, возможность которого должна быть объяснена, опять предполагалось бы наличным. Но самосознание нельзя понять иначе, как голое стремление субъекта к деятельности. Насколько определенно субъект сознает это, настолько он обладает ясным понятием о своей свободе и самостоятельности. Он получает понятие своей свободной активности не как то, что только существует в настоящий момент, ибо это было бы противоречием, а как то, что должно быть в будущем.

На основе вышеизложенных положений следует:

- синтез предполагает сохранение всех его компонентов, их объединение и обретение новых связей, способных обеспечить единство многообразного и развитие новой целостности;
- осуществляется преемственность во внутренней форме, в структуре;
- отрицание–синтез не исключает других видов и типов отрицания;
- отрицание–синтез является высшим видом отрицания;
- диалектический синтез несоотносим с деструктивными отрицаниями, с отрицаниями в круговоротах, механическом движении, функционировании;
- закон диалектического синтеза действует тогда, когда предмет дважды претерпевает превращение по типу отрицания–снятия;
- синтез носит интегральный характер, т.е. проявляет себя не в ходе данного процесса развития, а лишь в его конце, при его завершении.

Основным результатом рассмотрения синтеза в классической немецкой философии является то, что впервые была поставлена проблема деятельности как того «третьего», в котором снимается антиномичность природного и общественного миров. В таких терминах, как «единство самосознания»,

«истинный принцип спекуляций», «продуктивная способность суждения», «триада», «снятие», «синтез» и т.д. заключено понимание определенных свойств познания. В этом смысле акт синтеза является творческой деятельностью с материалом опыта. Следовательно, понятие «синтез» есть «единство» в многообразии и «многообразие» в единстве; процесс, совершающийся в познавательной деятельности субъекта к результату. В этом смысле синтез можно определить как «процесс–результат», изначальная форма познавательной активности.

Когда в науке начинается создание новых теоретических представлений после революционной ломки старых, то осуществление такой конструктивной задачи предполагает обязательное участие научного синтеза. Именно благодаря такому синтезу происходит связывание воедино и обобщение накопленных уже наукой фактических данных, которые до тех пор были разрознены и не охватывались каким-то единым воззрением.

Также благодаря научному синтезу начинает складываться общая картина мира и вырабатываются новые ведущие концепции в естествознании из разобренных дотоле между собой представлений. Без такого синтеза не может быть выработана общая картина мира, единый взгляд на природу, на материю, соответствующий более высокой ступени научного развития. В XIX в. такой синтетический характер носили открытия, с которыми была связана революция в естествознании того времени: атомистическая теория и периодический закон в химии, учение о сохранении и превращении энергии в физике, клеточная и эволюционная теория в биологии и многие другие. В начале XX в. возникли новые теории, такие как теория относительности А.Эйнштейна и теория квантов М.Планка, носившие, несомненно, синтетический характер (особенно первая); однако до 1913 г. они не могли еще служить целям всеобъемлющего по тому времени охвата и обобщения всего важнейшего экспериментального материала, касавшегося проблемы строения материи, строения атомов.

Итак, история науки не просто история развития естествознания и техники, а прежде всего история принципиальных изменений основ человеческого миропонимания. Эта познавательная программа реализовалась античной наукой в рамках всеобъемлющих космологов, в контексте которых ограниченное опытное знание древних греков приобретало «общевселенское» значение. В этом плане не удивительно, а, скорее, характерно, что Анаксагор, как родоначальник физической науки по современным историко-научным концепциям, объявил первичной задачей науки своего времени созерцание неба и выяснение устройства всего космоса.

Конечно, историю зарождения научного знания нельзя связать только с эллиническим культурно-историческим регионом. Первые математические и естественно-научные сведения были собраны и обобщены еще древними египтянами, вавилонянами, китайцами, иранцами и индийцами. В интересующем нас аспекте, однако, важно подчеркнуть тот факт, что в те отдаленные исторические времена отдельные разрозненные астрономические, математические, физические и т.д. знания еще не систематизировались в единую картину мира. В этом плане между традиционной мифологической космогонией, апеллирующей к внемирным силам, и зарождающимся опытным знанием, основанным на живом созерцании (наблюдении), был большой разрыв, который смогла преодолеть в будущем натурфилософия. Одна из первых раннеисторических попыток такого синтеза была предпринята составителями Авесты (письменный памятник зороастризма — древнейшей религиозно-философской системы иранских народов), старейшие части которой относятся к IX–VI вв. до н.э. Но в жреческих текстах последней элементы натурфилософии и естествознания подчинены общему контексту мифомышления и не имеют самостоятельного значения. То же самое можно было бы сказать и относительно первых древнеиндийских космологов, в которых религиозно-мифологические мотивы еще больше довлеют над скудным опытным знанием. И лишь в Древней Греции в течение VI–IV вв. до н.э. натурфилософия и зарождающееся естествознание смогли сообща преодолеть засилие мифозического мышления. Этот исторический процесс шел по линии освобождения космогонических мифов от личностных и сверхъестественных элементов, дальнейшего обезличивания прежних зооморфных и антропоморфных образов, превращения расплывчатых первобытных представлений в более или менее осмысленные понятия и законы.

Мировоззренческой основой и движущей силой античной мысли служила наивно-реалистическая вера в структурное единство всей Природы, а значит, и внутреннее единство всего знания о ней. Отсюда свойственная ей дерзкая попытка представить мир как Космос — единое и организованное целое. Уже в натурфилософской системе Аристотеля, давшего критический синтез всего предшествующего знания, значительно возрос удельный вес физического знания; последнее было органически вписано в контекст его систематических философских исследований движения, пространства и времени.

Аристотелевская концепция не исключала любые формы физического единства подлунного и надлунного миров. Именно это обстоятельство и дало возможность критически мыслящим перипатетикам мусульманского Востока находить общие физические свойства, одинаково присущие и земным, и небесным явлениям, утверждать их внутреннее единство. Так, согласно Абу Насру Фараби — крупнейшему представителю восточного аристотелизма, — небесные тела имеют с четырьмя элементами подлунного мира то общее свойство, что они состоят из материи и формы. Правда, «материя небесных сфер и тел отличается от материи четырех элементов и того, что из них составлено. Точно так же и формы сфер и небесных тел отличаются от форм четырех элементов», но «все они имеют в качестве общего свойства телесность, поскольку предполагается, что у них три измерения» [11; 212]. Степень физического различия земного и небесного по-своему пытались преодолеть и члены религиозно-философского общества «Ихвон-ус Сафо». Они полагали, что пятый элемент — структурная единица небесного — обладает теми же качествами, что и четыре элемента подлунного мира, а именно теплом, холодом, влажностью и сухостью. Так, развивая материалистические аспекты аристотелевской натурфилософии, восточные мыслители вплотную подошли к формулировке принципа физической однородности всей Вселенной.

В древности, в условиях отсутствия систематизированного и обобщенного до уровня законов и понятий физического знания, «отправной точкой» служили натурфилософские утверждения, а разрозненные конкретно-научные сведения привлекались в качестве «частных» иллюстраций умозрительной системы.

В новое время, когда физика первой среди естественных наук не только приобрела статус экспериментальной науки, но и достигла уровня обобщающей теоретизации, физика и натурфилософия поменялись местами: теперь отправной точкой служили физические понятия и законы, которые «обобщались» натурфилософским мышлением до уровня всеобщих онтологических положений и принципов. Так возник механизм, достигший своего апогея во французском материализме XVIII столетия; последний пытался охватить единым механистическим взором не только всю природу, но и социальные и психические явления. В самой же физике эта невиданная типизация природных явлений, универсализация и повсеместная экстраполяция механистических закономерностей, как нам представляется, начиналась с космогонических вихрей Декарта.

Одним из ключевых понятий, имеющих значение для понимания сути и характера этой взаимосвязи, является понятие научной картины мира, представляющее собой конкретизацию более общего понятийного ряда («образ мира», «картина мира», «модель мира», «видение мира» и т.д.), довольно часто встречающегося в философской и культурно-логической литературе для выражения культурно-исторических особенностей той или иной эпохи, ее мировоззренческих и ценностных приоритетов. Понятие же научной картины мира (НКМ) акцентирует на результатах научного развития, синтезирует достижения науки как феномена культуры. Оно не сводится к сумме знаний, достигнутых в тот или иной исторический период, а содержит в себе философско-мировоззренческие интенции, характеризующие горизонт мировоззрения данной эпохи. НКМ может строиться на разных уровнях: на уровне отдельных научных дисциплин (физики, химии, биологии и т.д. или, скажем, истории, права и других социогуманитарных дисциплин); на уровне, охватывающем весь спектр естественнонаучных (или, скажем, общественно-научных и гуманитарных) знаний, — естественнонаучная (общественно-научная) картина мира; а также на уровне синтеза научных знаний о природе, обществе и человеке — общенаучная картина мира.

Список литературы

1. Бутинов Н.А. Леви-Строс — этнограф и философ // Леви-Строс К. Структурная антропология. — М.: Наука, 1985. — 556 с.
2. Фрейдсберг О.М. Миф и литература древности. — М.: Наука, 1978. — 605 с.
3. Огурцов А.П. Дисциплинарная структура науки: ее генезис и обоснование — М.: Наука, 1988. — 256 с.
4. Есекеев Б.Ж. Культурно-исторические образы познания мира. — Алматы: Наука, 1999. — 217 с.
5. Хамидов А.А. Категории и культура. — Алматы: Ғылым, 1992. — 240 с.
6. Рабинович В.Л. Образ мира в зеркале алхимии: От стихий и атомов древних элементов Бойля. — М.: Энергоиздат, 1981. — 152 с.
7. Ахутин А.В. История принципов физического эксперимента от античности до XVII века. — М.: Наука, 1976. — 291 с.
8. Кант И. Прологомены по всякой будущей метафизике, могущей появиться как наука // Соч.: В 6 т. — Т.4. — М.: Мысль, 1965. — 540 с.

9. Кант И. Соч.: В 6 т. — Т. 6. — М.: Мысль, 1967. — 520 с.
10. Томилов В.Г. Фрагменты из произведений И.Г.Фихте // Философские науки. — 1973. — № 2. — С. 121–126; *Fixte G. Nachgelassene Werke.* — Bonn, 1835. — BD. 3. — S. 228–234.
11. Аль-Фараби. Философские трактаты. — Алматы: Наука, 1970. — 400 с.

УДК 1: [316 + 32]

Ф.Ф.Саттарова

Карагандинский государственный университет им. Е.А.Букетова

ФИЛОСОФИЯ И ПОЛИТИКА ОБРАЗОВАНИЯ КАК ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Мақалада оқу-білім мәселесі қарастырылады. Оның тарихи-философиялық қыры ашылып көрсетіледі. Білімдендірудің философиясы мен саясаты оқыту іс-әрекетінің бағыттылығын жетілдірудің тәсілі ретінде анықталады. Дүниеге біртұтас көзқарас пен планетарлық сана жаһандану жағдайындағы оқу-білім процесінің басты детерминанттары болып табылады. Автор оқу-білім, тұлға қалыптасуының гуманистік сипатын бере отырып, оқу процесінің әлеуметтік-мәдени детерминациясының құндылығын ескереді.

The article is dedicated to cultural and historical image of perceiving the law of nature defines as the world constructing method. There comes a research of the thinking images, the world models considered to be an integrated semantic corollary of specific epoch from historical and philosophical aspect. Much attention paid to synthetic character perceiving the law of nature. The process of philosophy and science ascent to the syntheses describes the way conscious constructs and arranges. The author also shows to the significance of social and cultural determination in the educational process.

Цивилизационная картина мира охватывает такую особую сферу жизнедеятельности людей, как образование. В Послании Президента РК Н.А.Назарбаева «Новый Казахстан в новом мире» от 28 февраля 2007 г. говорится, что современное образование и профессиональная переподготовка, формирование основ «умной экономики», использование новых технологий, идей и подходов, развитие инновационной экономики являются важными задачами. Главным критерием успеха образовательной реформы является достижение такого уровня, когда любой гражданин нашей страны, получив соответствующее образование и квалификацию, сможет стать востребованным специалистом в любой стране мира. Мы должны добиться предоставления качественных услуг образования по всей стране на уровне мировых стандартов.

Образование лежит в основании мировоззрения, мировосприятия, миропонимания человека. В связи с этим остановимся на историко-философском анализе проблемы образования. Социально-исторические условия и причины культурного взлета древнегреческой цивилизации с момента ее открытия и до сих пор остаются предметом оживленных дискуссий самых различных философов и культурологических школ. Мы будем придерживаться концепции французской культурно-исторической школы, выраженной Ж.-П.Вернаном в работе «Происхождение древнегреческой мысли». «С чем связаны эти нововведения и почему они осуществились в греческом мире?» — ставит вопрос Ж.-П.Вернан, имея в виду то, что мы выше назвали древнегреческой культурной революцией. Эти преобразования «включают в себя также следующие факторы: изменение образа мышления, открытие другого интеллектуального горизонта, выработку нового социального пространства с центром на городской площади (*agora*); исчезновение такого персонажа, как микенский правитель (*anax*), верховная власть которого контролирует и регламентирует, через посредство писарей, всю социальную жизнь; возвышение слова, которое в своем светском применении — в свободном споре, дискуссии, диалоге, — становится преимущественным политическим оружием, инструментом достижения приоритета» [1; 57].

Сходную точку зрения высказывает В.Йегер: «... великое образовательное движение, которое отличает пятое и четвертое столетия и которое является началом европейской идеи культуры, с необходимостью вытекало из и начиналось в городе-государстве пятого столетия до н.э. Оно было нацелено, как его понимали сами греки, полностью на политическое образование — обучение для службы полису. Насущная нужда государства создала идеал образования, которое признавало и использовало мощь знания — великую новую духовную силу, формирующую человеческий характер» [2; 318].

Отправной точкой софистской, древнегреческой философии, да и в последующем, становится риторика и ораторское искусство. Образование по необходимости становится политическим — воспитанием политического лидерства, а оно, в свою очередь, базируется на риторическом образовании. Этим объясняется возникновение особого класса учителей, бравшихся научить искусству красноречия, которых современники называли «учителями знания» — софистами.

Усилиями Сократа и Платона акцент в понимании арете начинает смещаться в область нравственности и морали. Добродетель Платона и Аристотеля — это уже больше нравственная, чем политическая (полисная) добродетель. Отсюда и расхождение в вопросе о возможности научения добродетели.

Свое завершение и совершенство идея пайдеи находит в философских системах великих греческих мыслителей Сократа и Платона. Они унаследовали и развили демократические идеи софистов. В полемике с софистами они поднимают эту идею на более высокий уровень, и именно у них понятие пайдеи начинает полностью совпадать с понятием культуры.

Причиной такого изменения и развития пайдеи явились социально-культурные изменения, которые претерпел греческий полис, точнее афинский полис, в IV в. до н.э. В эпоху Платона пик социально-политического расцвета Афин, а вместе с ними и других греческих полисов, был уже позади.

Несмотря на огромное влияние софистов на воспитательную систему Сократа его деятельность как учителя была в корне противоположна педагогической практике софистов. Пайдейя софистов представляла собой пеструю смесь самых различных знаний, у них не было какой-либо цельной общепризнанной системы воспитания. Каждый из софистов выделял свою отрасль знания, которую он считал важнейшей и которой обучал учеников. Сократ с самого начала выделяет в качестве основного «объекта» воспитания человеческую душу, и для него обучение различным дисциплинам носит прикладной, прагматический характер по отношению к этой задаче. Вопрос «чему обучать?» — риторике или математике, музыке или поэзии — является второстепенным по отношению к вопросу о том, что является объектом обучения. Все, что способствует воспитанию души, является важнейшим, первостепенным для Сократа. Душа для него становится важнейшей человеческой ценностью, средоточием человеческого существа и хранилищем всех культурных приобретений человека.

Высшим достижением новой греческой пайдеи стала «диалектика» Сократа — новый метод воспитания и открытия нового знания. Идея диалектики прямо и непосредственно вырастает из образовательной системы греческого полиса. Стоит нам обратить внимание на многочисленные определения диалектики у Сократа и Платона как «гимнастики ума», то станет понятной почва, из которой эта идея вырастает.

Для Платона высшей арете является обретение знания как такового. Этическое знание (знание добра) является для него лишь одним из видов, но не высшим видом знания. Высший вид знания, знание само по себе, он и называет философией. Не случайно в западной традиции именно Платона, а не Сократа или какого-либо другого философа считают основоположником западной философии. Этой точки зрения придерживались Гегель, Гуссерль, Хайдеггер, не говоря о менее значительных фигурах западной философии.

Воспитание в идеальном государстве Платона является не только одной из многих функций государства, а его основной функцией, его сущностью. В.Йегер считает, что государство для Платона — это «фон для решения проблемы воспитания. Его не интересует государство с точки зрения его технической или психологической организации. Его можно за это бранить, упрекать за то, что он абсолютизирует воспитание, но не приходится сомневаться в том, что основная проблема для него — это Пайдейя... Его правитель — это оптимальный результат воспитания, и его задача — быть лучшим воспитателем» [3, 115]. Последующее развитие системы образования в древнем мире связано с распадом древнегреческого полиса и наступлением эпохи эллинизма. Политическая и культурная гегемония переходит к Древнему Риму, который в области воспитания и духовной культуры в целом перенял культурные ценности Древней Греции.

Философия Гегеля сегодня, в эпоху возросшего интереса к нравственно-философским, ценностно-этическим проблемам и, соответственно, к творчеству Платона, И.Канта, не может оставаться только объектом историко-философского анализа «специалистов от философии». Это целый пласт культурного наследия. Объектом нашего рассмотрения является образование — еще малоизученный феномен философского познания. Историко-педагогическая литература старается обходить стороной проблему образования в работах Гегеля, предпочитая рассматривать педагогические идеи его современников — И.Г.Песталотци, И.Ф.Гербарта и Ф.В.А.Дистерверга. По мнению Н.Н.Вересова, также

«ссылками на известные фрагменты гегелевских текстов об образовании индивида и их интерпретациями современная философско-педагогическая литература весьма богата» [4; 88].

Образование индивида в философской концепции Гегеля есть достижение им знания, освобождение от чувственного восприятия или непосредственной субстанциональности бытия, само познание мира. Это органическое единство в его становлении, развитии. Результатом образования является «зрелый муж», равно всеобщий индивид через развитие конкретных форм индивида: ребенок, юноша, зрелый муж, интеллигенция. Применяя метод восхождения от абстрактного к конкретному, Гегель понимает образование как процесс, как органическое единство, взятое в становлении. Происходит связка с другим важнейшим принципом гегелевской философии — единством исторического и логического.

Образование — это процесс, когда индивид проходит все формы познания, поднимаясь до уровня субстанции, когда он поглощает в себя свою неорганическую природу, овладевает ею для себя. Этот путь историчен. Природа объекта определяет ход познания, логика его постижения определяется активностью познающего субъекта. Освоение субъектно-объектных отношений, освоение мира как творческий акт и есть образование.

В настоящее время социально-экономические преобразования, связанные с переломным, кризисным периодом нашего общества, порождают множество проблем в сфере образования. Это проявляется в невнимании к целям образования, пассивном восприятии тех жизненных приоритетов, которые стихийно складываются в обществе. Тем самым образование лишается своей опережающей, прогностической функции, теряет возможность влиять на общественные идеалы, вести активную, преобразовательную работу по их совершенствованию. Необходимо как можно быстрее осознать важность и неотложность коренных изменений в целевых установках жизнедеятельности человека и общества. Необходим поиск объективных ценностных основ в самой природе как человека, так и общественной жизни, среди которых сущностные потребности, к которым относятся и потребности в образовании.

Конечная цель образования как формы человеческой деятельности и общественного института, его сущность — формирование человека, его социализация и профессионализация посредством передачи и усвоения знаний, подготовки к выполнению социальных функций как главной производительной силы общества и субъекта общественных отношений.

В свою очередь образование может выполнять свою роль лишь тогда, когда становится достоянием всех членов общества, т.е. превращается в личную потребность. Потребность личности в образовании — это общественное побуждение, усвоенное, осознанное и овладевшее личностью, которое превращается в требование личности к себе, в активное приобретение и применение знаний и трудовых навыков. Данное побуждение может выступать в виде стремления или желания в получении образования и его использования в интересах общества и самой личности.

Потребность в образовании имеет два существенных аспекта: общественный и личностный, которые органически взаимосвязаны и взаимозависимы. Стремление личности приобрести определенный уровень знаний и умений как необходимое условие ее жизнедеятельности — это, по существу, общественная потребность в ее индивидуальном проявлении. В то же время потребность общества в образовании является требованием к уровню образования его членов. И об уровне развития данного общественного побуждения можно судить лишь по уровню образования его членов. В свою очередь уровень развития потребности личности в образовании измеряется отношением человека к труду, его гражданской позицией.

Общественные и личностные потребности в образовании, как и все другие человеческие побуждения, не есть раз и навсегда данные. Они изменяются, обновляются и развиваются по мере изменения и развития самого общества. При этом, по мере насыщения материальными потребностями, у человека на первый план выдвигаются социально-духовные потребности. В этом заключается один из важнейших общесоциологических законов развития общества — закон возвышения человеческих потребностей, который имеет свои особенности проявления применительно к каждой общественно-экономической формации и любому этапу развития в пределах конкретной общественной системы.

Цели и функции образования всецело определяются характером общественного строя и, прежде всего, его экономическим базисом, характером труда, потребностями и интересами членов общества. Для каждой общественно-экономической формации характерен свой, вполне определенный тип образования как общественной потребности и соответствующие формы обучения и воспитания. Высшая цель любого общественного строя должна заключаться в постоянном росте не только материальных и духовных потребностей всех членов общества, но и реальных возможностей для их все более полного удовлетворения.

Данная ситуация создала значительный дисбаланс между спросом и предложением на специалистов. Имеющее место противоречие между потребностями общества и человека в получении конкретного образования создало проблему так называемого «избыточного образования». Действительно, в современных условиях имеет место недоиспользование образовательного потенциала молодых специалистов, что с экономической и социальной точек зрения является неоправданным. Такое положение дел служит одним из источников определенной социальной неудовлетворенности молодежи.

Отсюда совершенно закономерным является создание благоприятных условий для формирования интереса человека к образованию, к выбору достойной профессии, что составляет важнейшую задачу современного развития нашего общества. Сегодня на повестке дня стоит задача совершенствования планирования и управления процессами подготовки и эффективного использования специалистов. Образование должно помочь решению коренных проблем развития производства, формированию гражданского общества, обеспечению национальной безопасности и укреплению институтов власти. Конкуренция между державами в глобальном масштабе, в первую очередь, связана со сферой высоких технологий, где Казахстан, с учетом мировых тенденций и стратегических целей, должен преобразоваться в государство с преимущественным развитием интеллектуальных и наукоемких производств.

Философия, задающая новые приоритеты, формирует нового человека, чувствующего свое органическое единство со всем живым, со всей природой, так как очень важно, чтобы человек осознавал, «во что он верит». Еще в 1982 г. А.Х.Касымжанов писал: «Корни европоцентризма лежат в исторических обстоятельствах, превративших страны Востока в объект колониальной эксплуатации и породивших идеологическую надстройку, призванных оправдать и закрепить эту эксплуатацию. Рассмотрение культуры Востока с позиции превосходства, как, в лучшем случае, заслуживающей внимание своей экзотичностью, продолжает довлеть над умами западных буржуазных ориенталистов. «Мистичность Востока» и отсутствие в нем глубины, рационально выраженной и развернутой мысли, — таковы особенности «восточного мышления» [5; 13].

М.С.Орынбеков необходимость отхода от европоцентризма объясняет причинами, возникшими после получения суверенитета. Во-первых, это необходимость автохтонных и заимствованных ценностей, в их синтезе внутри новых форм сосуществование в условиях более тесного единения стран мира. Во-вторых, основанием для противостояния веяниям западной культуры стали имманентные формы духовности, раскрытые в результате интенсивных научных исследований за последнее время, до сих пор оставшихся втуне. Ученый делает вывод: «Актуальным стало избавление от европоцентрических методов анализа социальной реальности, смелое и принципиальное переосмысление становления различных обществ, учитывающее их динамику и развитие, поиск культурной самобытности, что позволило бы избавиться от исторического гегемонизма Западного мира в интеллектуальных формах выражения. В этом аспекте необходим поиск внутренней логики восточного самосознания, которая бы предопределяла саму постановку общих проблем, познавательные подходы к ним и самим предметам сознания [6; 4].

Дихотомия — Запад и Восток в современном состоянии развития, на мой взгляд, не должна заключаться в их противопоставлении. Дело в том, что приоритет знаний Запада не исключает мудрости Востока. Философия как существующая социокультурная программа человека и общества в различных культурах различным образом взаимодействует с другими формами мышления. Философия, задающая новые приоритеты, формирует нового человека, чувствующего свое органическое единство со всем живым. Она должна быть открытой, преодолевающей свои собственные границы на основании осмысления новых реалий жизни. Она должна впитать в себя самые лучшие, самые высокие устремления мыслителей Востока и Запада, где определяющее место должна занимать философия Казахстана. Поэтому поиски более общих и более глубоких критериев моральности, нежели норма, критериев, связанных с мировоззрением, духовностью личности, являются важной задачей как для теории, так и для практики. Такую роль и призваны выполнять ценностные ориентиры личности. В отличие от норм, в которых значительно выражена императивность, в системе ценностной регуляции в большей степени присутствует долженствовательно-желательный момент. Ценностные ориентиры являются более общими по сравнению с нормами, поскольку раскрывают смысл и общую цель деятельности. Кроме этого, от системы ценностей зависят мера возможности реализации гуманистического потенциала самих моральных норм, их содержательная определенность, т.е. их системные качества. Дело в том, что свое гуманистическое содержание нормы выражают только в совокупном их использовании, что и обеспечивается характером ценностных ориентиров индивида.

В условиях глобализационных процессов школы, колледжи, вузы должны критически осваивать опыт восточного менталитета, т.е. просвещать, воспитывать молодежь в духе духовно-нравственных традиций, богатого культурного наследия народа. Наша страна, вобрав в себя элементы культуры Востока и Запада, Европы и Азии, находится на стыке исторических судеб многих народов. Она является поликультурным, многоконфессиональным государством с сильным ядром традиционной культуры казахов. Поэтому Казахстан опирается на национальные образовательные модели, которые соответствуют духу и менталитету народа Казахстана.

Сутью патриотического воспитания в современном Казахстане является процесс формирования целостного, духовного, просвещенного человека независимого государства, который умеет беречь и сохранять окружающую среду, понимать людей, уважает различные культуры и религии нашей страны, развивая свой собственный национальный образ мира. Такова казахстанская гражданская модель патриотического воспитания молодежи.

Одним из подходов к осмыслению происходящих изменений, анализируемых на уровне тенденций мирового развития, в современных общественных и гуманитарных науках выступает теория глобализации. С точки зрения этой теории развитие мирового сообщества идет в направлении включения отдельных обществ и государств в глобальные процессы и отношения, охватывающие весь мир. Являясь одной из ведущих тенденций развития мирового сообщества, глобализация оказывает влияние как на экономические и политические процессы, так и на взаимоотношения в культурно-цивилизационной сфере. Она ставит перед государствами, культурами и цивилизациями задачу вписаться в современные процессы, имеющие глобальный характер, и сохранить при этом свои традиционные специфические ценностные ориентиры.

Значимый аспект исследования — образовательная политика государств, где важным является анализ образовательных программ, педагогических технологий и инноваций, чтобы сопоставить их с реальным положением дел. Главная идея образовательного процесса состоит в утверждении тезиса о том, что образование, являясь определяющей сферой общественного производства, должно руководствоваться общенациональными интересами и приоритетами. Парадокс выявления современными исследователями нацеленности образования на просвещение, профессиональную подготовку и одновременно на просветление, духовно-нравственное образование и развитие человека должен быть разрешен с позиции традиционной народной педагогики. Только нравственно-состоявшаяся, духовно обновленная личность способна противостоять негативным последствиям глобализации, превращающей человека в функцию телесетей, и использовать по назначению ее позитивные стороны, способствующие вхождению в контекст мировой цивилизации.

Новый уровень образовательной политики предполагает формирование целостного миропонимания. В этой связи согласимся с мнением С.Ю.Колчигина о составляющих целостного миропонимания:

1. К основным, притом взаимосвязанным, принципам целостного миропонимания следует отнести: а) полноту объяснительного эффекта; б) бесконечные смысложизненные ориентиры и перспективы развития мира и человека; в) принципиальную возможность применения для всех; г) глубинное и всестороннее гуманистически-воспитательное действие.

2. К основным характерным чертам указанного миропонимания относятся: а) внутренняя логическая непротиворечивость; б) творческая нацеленность; в) новизна конкретных потребностей, касающихся законов развития Мира и Человека.

3. Следует подчеркнуть, что, говоря о целостности миропонимания, необходимо подразумевать не только целостность внешнюю, формальную, но и, конечно же, целостность содержательную, внутреннюю, проникнутую духом истины.

4. Негативным последствиям глобализации может противостоять только такое миропонимание — целостное, т.е. равномогущее вызовам глобальных проблем (а в идеале — содержательно и практически даже более мощное). Никакое частичное мировоззрение, сколь бы истинным оно ни было в своей сфере, подобную функцию выполнить не сможет.

5. Миропонимание целостного характера не означает элиминации этнонациональных мировоззренческих оттенков и культурных миров. Во-первых, будучи целостным, такое миропонимание вбирает и сохраняет в себе все эти оттенки и миры; во-вторых, будучи неисчерпаемым, обеспечивает плодотворность практических следствий. Оно нацеливает на творчество, а значит, на постоянное развитие индивидуальных и этнокультурных начал [7; 164].

Взвесив все эти возможные варианты — сценарии развития современного глобального, целостного миропонимания, характерного в том числе для Республики Казахстан, необходимо сделать

один-единственный вывод. Подлинным и здоровым разрешением глобального кризиса, выходом из хаотичной и тупиковой предыстории может быть только кардинально иное отношение к миру, только отказ от участия в противоборстве и переход к принципиально иным жизненным основам и, соответственно, мировоззрению духовного характера.

Новая вселенская философия должна не противопоставлять себя другим формам видения мира, ментальности, а, наоборот, опираться на них, ибо рациональное не существует без иррационального, поэтому необходим синтез культур, синтез чувства и разума. Это может выполнить философия новой эпохи, философия образования.

В настоящее время установлены четыре главных подхода к определению статуса философии образования:

- философии образования как автономной отрасли научных знаний не существует. Она есть интегративное направление в процессе образования;
- философия образования — полноценная область гуманитарной науки, рожденная в конце XX — начале XXI веков в силу возникшего кризиса образования, как настоятельная потребность в образовании в эпоху глобализации;
- философия образования — это вполне самостоятельная область научного знания, фундаментом которой являются объективные закономерности дальнейшего развития образовательной сферы во всех аспектах функционирования;
- философия образования является специфической, прикладной частью философии. Она использует фундаментальные философские положения для объяснения многообразных направлений образовательной деятельности.

Ядром всех философских исследований является фактический потенциал научного мышления. Последний формируется в определённой традиции подготовки научных кадров в университетах, в творческих мастерских и лабораториях, научных центрах. Изучение науки и познавательного процесса в целом совершенно необходимо для исследований в когнитивных науках, синергетике, социальных и гуманитарных дисциплинах. Подготовка в области эпистемологии является базисной для соискателей степени PhD.

В XXI в. одним из доминирующих факторов, оказывающих влияние на будущее человечества, является формирование планетарного сознания, которое предполагает единство в многообразии как универсализацию современности... Планетарность — это общность судеб людей и народов Земли, ответственность за судьбу человеческой цивилизации, за уникальность человеческой жизни во Вселенной. Планетарное сознание — это осознание всеми людьми, человечеством этой ответственности. Формирование планетарного сознания — это суть и содержание культурного и цивилизационного процесса. Единство и единение — это процесс жизни, процесс культурного и цивилизационного взаимодействия людей, народов и государств. Проявление многообразия — это уникальность и неповторимость человеческой жизни. Многообразие выступает как необходимое условие и принцип дальнейшего существования человечества.

В теоретическом плане осознания этих запросов у нас в Казахстане в области образования государство создало институт, объединивший лучшие интеллектуальные силы страны, — Национальный совет по государственной политике при Президенте РК. Из выработанных им концепций четыре — «Концепция государственной политики в области образования», «Концепция формирования нового социоэкономического поведения граждан РК», «Концепция становления исторического сознания в РК», «Концепция гуманитарного образования РК» — прямо затрагивают проблему образования. Особенность этих концепций заключается в том, что они содержат общую методологию образования и воспитания нации, конкретно молодежи, главные аспекты воспитания нового поколения в эпоху глобализации. В наш век гуманизм, гуманизация, гуманитаризация являются призывами, начертанными на Знамени мирового сообщества.

Гуманитаризация образования ликвидирует недостаточность знаний, придавая им социоисторические измерения, сообщая целостность процессу усвоения знаний и укореняя их в социальной и национально-этнической почве, в геополитическом и историческом времени.

Человек, лишенный сегодня полноценного гуманитарного (в духе Библера) образования, будет человеком односторонним, ущербным как личность и не соответствующим той новой культурной ситуации, которая характеризуется отказом от односторонне технологической линии развития. Поэтому повышение значения гуманитарного образования продолжает оставаться одной из актуальнейших проблем в тех реформах системы образования, которые диктуются современной культурной ситуацией.

Задача современного культурного общества в том, чтобы не только донести до человека сведения о разных культурах, но и в том, чтобы способствовать обретению человеком себя в культуре, формированию собственного культурного облика. Эта концепция была выражена еще великим Абаем призывом: «Будь Человеком! Именно этого Аллах ждет от тебя». Этот лозунг великого гуманиста обобщает все указанные выше аспекты искомой казахстанской идеи, вплоть до представленности в ней национально-этнической символики. Говоря более конкретно, идея-лозунг «Адам Бол!» заключает в себе достоинства, которыми как раз должна отличаться идея общекзахстанского характера. Она вытекает из реальности нашего евразийского, по преимуществу, менталитета и необходимости согласия в межэтнических отношениях. Идея «Адам Бол!» совпадает, в конечном счете, с идеалами демократии (прозрачностью, открытостью, доверием, ответственностью и т.д.) и может служить базой социально-политического баланса.

«Адам Бол!» — это призыв к критическому самоотношению нации — любой нации! — и, следовательно, взывание ко всем нациям быть человечными по отношению к другим. Говоря иначе, в этой идее содержится принцип национального миролюбия и призыв к миролюбивой политике, взаимопониманию. Поскольку индоевропейское «Адам» означает одновременно «Человек» и «Адам» (т.е. первочеловек), постольку «Адам Бол!» — идея, одинаково приемлемая для самых разных религий, включая не только христианство и ислам, но и религии индо-буддийского и ближневосточного происхождения. Необходимо заметить при этом, что все они имеют хождение на территории Казахстана.

«Адам Бол!» позволительно и логично перевести еще и так: «Будь Первочеловеком!» (т.е. «Вернись к изначальной человеческой сущности»). Это призыв к развитию человеческого в человеке, а не к консервации того весьма низкого уровня развития, на каком человек находится ныне. «Адам Бол!» имеет в себе общечеловеческое и общекосмическое содержание, так как означает еще: «Эволюционируй из природного (этнического) состояния с его законами воздаяния, мести, справедливости к состоянию человеческому (духовному) с его законом любви». Это выход в «вертикаль», к единству с Мирозданием и обществом, т.е. направленное в грядущую истинную жизнь осуществление лучших традиционных казахских (евразийских) ценностей («модернизация», которая должна усилить «традицию») [8; 223].

Производство знаний, и в первую очередь *образование*, является самым выгодным вкладом средств для любого государства. Начавшееся в Казахстане формирование высшего образования в направлении его многоступенчатости, диверсификация фундаментализации, гуманитаризации должны в целом положительно повлиять на его приспособленность к условиям рыночной экономики, на его конкурентоспособность в мировом образовательном пространстве, что сделает, в частности, наши дипломы конвертируемыми.

Хочется присоединиться к мнению одного из лидеров мировой политики в сфере образования Ф.Майора: «Чтобы заставить отступить, а затем и окончательно победить современное невежество, воплощающееся в нежелании знать, учиться, приобщаться к культурным ценностям, нужно также, и, возможно, в первую очередь, чтобы произошла подлинная революция в умах — во всемирном масштабе. Нам не стоит довольствоваться торжественным подтверждением уже более или менее забытых обязательств и вносить исправления в планы, которыми руководствовались в прошлом. Чтобы эффективно действовать, нужно пересмотреть шкалу наших ценностей, наши концепции и, соответственно, перераспределить наши роли. Решить проблему всеобщего образования можно лишь при условии всеобщего содействия образованию. Нужно, чтобы все люди, все граждане, все члены правительств разных стран (а не только министры образования), местные администрации и ассоциации активно объединились ради общего дела. Каждый должен мобилизовать свои силы, и в осуществлении этой цели первостепенная роль принадлежит не только людям умственного труда, писателям, художникам, творческим работникам, преподавателям, ученым, работникам средств массовой информации, но и родителям, особенно матерям, обладающим тайной жизни и ни с чем не сравнимой силой любви, заботы и великодушия».

Необходимо максимально использовать те позитивные процессы, которые происходят сегодня в мире, чтобы установить новые механизмы сотрудничества. Мы должны действовать по-новому, соединяя воображение с прагматизмом, обучать одних с помощью других, направить дополнительные силы на достижение цели, обеспечить более тесное сотрудничество между различными формами и источниками помощи, привлечь к совместному участию в общем предприятии деловые круги, а также организации добровольцев, исследовательские и образовательные учреждения, равно как неправительственные и международные организации. Одним словом, нужно, чтобы на всех уровнях у нас были новые и активные партнеры» [9; 25].

Если же мы хотим видеть новые поколения людьми творчески универсальными и целостно развитыми, внутренне свободными и нравственно ответственными, то наша система образования должна быть пронизана идеалами любви и добра и строиться на принципах развивающей гуманистической педагогики. Программы и курсы обучения и воспитания, особенно на первоначальных ступенях, должны, в частности и в особенности, быть освобождены от понятия агрессии, в каком бы то ни было смысле и виде. Ведь новому обществу нужны совершенно новые люди — люди, проникнутые духовным светом, мудростью, ясной мыслью и смелым действием.

Список литературы

1. Вернан Ж.-П. Происхождение древнегреческой мысли. — М.: Прогресс, 1988. — 224 с.
2. Блаватская Т.В. и др. История Древней Греции. — М.: Высш. шк., 1962. — 350 с.
3. Йегер В. Пайдейя. Воспитание античного грека (эпоха великих воспитателей и воспитательных систем). — М.: Греко-латинский кабинет Ю.А.Шичалина, 1997. — 207 с.; Jaeger W. Paideia. The Ideals of Greek Culture. V. 1. — N.-Y.: Oxford University Press, 1966. — P. 288.
4. Вересов Н.Н. Образование как способ развития индивида: концепция Гегеля // Культура, образование, развитие индивида. — М.: Наука, 1990. — 250 с.
5. Касымжанов А.Х. Абу Наср аль-Фараби. — М.: Мысль, 1982. — 300 с.
6. Орынбеков М.С. Предфилософия протоказахов. — Алматы: Өлке, 1994. — 240 с.
7. Колчигин С.Ю. Единое истинное миропонимание и новые типы человеческого сообщества // Казахстан в условиях глобализации: философско-политологический анализ. — Алматы: Компьют.-издат. центр ИФиП МОН РК, 2006. — 363 с.
8. Колчигин С.Ю. Социально-исторические перспективы евразийства и место Казахстана в интеграции на европейском пространстве // Общенациональная идея Казахстана: опыт философско-политического анализа. — Алматы: Компьют.-издат. центр ИФиП МОН РК, 2006. — 412 с.
9. Майор Ф. Памяти о будущем. — М.: Прогресс, 1994. — 220 с.

ӨОЖ 32:340.12 (574)

Ғ.Ә.Жұмасұлтанова

Е.А.Бөкетов атындағы Қарағанды мемлекеттік университеті

ҚҰҚЫҚТЫҚ МЕМЛЕКЕТ ТУРАЛЫ ИДЕЯЛАР ЖӘНЕ ОНЫҢ ҚАЗІРГІ ҚАЗАҚСТАНДА ҚАЛЫПТАСУЫНЫҢ АЛҒЫ ШАРТТАРЫ

В статье на основе изучения большого количества источников определяются некоторые условия становления и развития правового государства в независимом Казахстане. Показано, что в общественно-политической мысли казахского народа, так же как и в мировой истории политических учений, имели место идеи о праве и правовом государстве. На примере реализации этих идей в Казахстане раскрываются основные принципы и характеристики правового государства.

The article is devoted to one of the most important problems of formation of law state in independent Kazakhstan. In the article on the basis of studying of a large number of different sources some conditions of formation and development of law state in our country are defined. It is shown that in the social-political thought of the Kazakh people, as well as in the world history of political doctrines ideas of justice and law state took place. On the example of realization of these ideas in Kazakhstan the main principles and characteristics of law state are also revealed in the article.

Қазақстан Республикасы өз тәуелсіздігіне ие болғанына көп уақыт болған жоқ. Дегенмен, осы қысқа мерзімді тарихи тұрғыдан алып қарағанда, елімізде болып жатқан түбегейлі өзгерістердің нәтижелері бәрімізге толық көрінеді деп айтуға болады.

Қазақ халқының сан ғасырлық тарихи және көп азап көрген тағдырында бірінші рет біздің ата-бабаларымыздың ғасырлар бойы армандаған ұлы мақсаты жүзеге асқан сияқты. Әлем картасында Қазақстан атты тәуелсіз мемлекет пайда болды. Мемлекеттіліктің барлық саяси институттары құрылып, экономика нарықтық жолға түсті. Осы жолда біз еркін демократиялық қоғамды дамытудың жедел ба-

ғытын жария ете отырып, тәуелсіз Отанымызда батыстық өркениеттің жемісі болып табылатын құқықтық мемлекетті қалыптастыру қажеттілігі туралы сөз етпекпіз.

Қазіргі күнде баршамыз еліміздегі демократияландыруды жеделдету үшін тұрақтылықты, құқықтық мемлекетті және қоғамдық келісімді сақтаудың қаншалықты маңызды екенін жақсы түсінеміз. Қоғамдық тұрақтылық, заңның үстемдігі, ұлтаралық және конфессияаралық келісім, сондай-ақ Қазақстанның жаңа геосаяси рөлі мен жауапкершілігі демократиялық өзгерістердің тиімділігінің кепіліне, оның басты өлшемдеріне айналмақ. Осы тұрғыдан келгенде біздің мемлекетіміз өскелең уақыт талабын тереңнен ұғынып, демократиялық кезеңдердің жаңа көкжиектеріне зерделі таныммен бет бұрды деуге негіз бар. Оның белгілі көрсеткіштерінің бірі құқықтық мемлекет болып табылады.

Құқықтық мемлекеттің нақты-тарихи қалыптасу тәжірибесі мен дамуы әлеуметтік-экономикалық және саяси деңгейімен, қоғамдық құқық сезіне алушылығымен, ұлттық және тарихи салт-дәстүрлермен анықталады. Мұндай жағдайлардың бірі — аталған мемлекеттің бар болуы.

Құқықтық мемлекет саяси билікті ұйымдастырудың формасы ретінде қоғамдық өмірдің барлық салаларында құқықтың үстемдігі принципімен аса күрделі ұштасуына, биліктің бөлінуіне, бүкіл мемлекеттік механизмнің құқықпен байланыстылығына, заңдардың үстемдігіне, заңдылықтың жүзеге асуына, халық егемендігінің қамтамасыз етілуіне, азаматтардың құқықтыры мен бостандықтарының, ар-абыройларының сақталу кепілдігіне, қоғамның және мемлекеттің мүдделеріне, жалпы азаматтық құндылықтарды және әлемдік тәжірибені есепке алуға негізделеді.

Құқықтық мемлекет құру жолында Қазақстан Республикасының Президентінің 2007 жылғы Қазақстан халқына арнаған жолдауында жаңа кезеңнің ығына қарай саяси және әкімшілік жүйелерді дамыту қажеттілігі туралы айтылған. Мұнда саяси жүйені дамыту, жаңа кезеңдегі негізгі міндет жалпыға танылған демократиялық құндылықтар мен өзіміздің көп ұлтты және көп конфессиялы қоғамымыздың дәстүрлі үйлесімді ұштасатын ашық, демократиялық және құқықтық мемлекет негіздерін одан әрі нығайта беруі талап етіледі [1].

Осы мәселені ескере отырып, әлемдегі бәсекеге барынша қабілетті елу елдің қатарына кіру мақсатында, ұлттың ұлы идеясын ұстанып отырған мемлекетіміздің өмірінде, құқықтық мемлекетті құру жолында саяси реформалар ерекше орын алады деген пікір баршылық. Сонымен қатар құқықтық мемлекет проблемаларымен айналысып жүрген ғалымдар, мысалы, белгілі заңгерлер мен саясаттанушылар, ең алдымен құқықтық мемлекеттің түсінігіне, оның принциптеріне, заңдылықтарына басты назарларын аударады. Бұл жолда, әрине, құқықтық мемлекет жайындағы теориялық концепцияларды және саяси-құқықтық ойларды ескермей болмайды.

Жалпы зерттеушілердің көбісі құқықтық мемлекет — ол жаңа уақыттың жемісі деп тұжырымдайды. Тарих белгілегендей, не көне, не орта ғасырларда құқықтық мемлекеттің көріністері болған жоқ. Бірақ кейбір қоғамтанушылар құқықтық мемлекет туралы ойлардың түптамасы ежелгі дәуірге кетеді дейді [2]. Мысалы, мемлекет пен құқықтың келіскен әрекеттестігін іздеу моделі ертедегі Қытай легистердің назарында болғаны белгілі. Ал сонау антикалық кезеңнің әйгілі философы Платон өзінің «Заңдар» деген еңбегінде келесі ойға келгені анық: «Мен заңында күші жоқ және біреудің билігінде болатын мемлекетті таяуда күйрейді деп ойлаймын» [3].

Сонымен қатар құқықтық мемлекеттің негізгі идеяларының элементтері мен табиғи құқық доктриналары Цицерон және басқа да рим заңгерлердің ойларында кездеседі. Бірақ толық түрде құқықтық мемлекет концепциясы тек Жаңа дәуірде ғылыми деңгейде нақты жетіліп, жүйелене бастады деп айтуға болады.

Жаңа кезеңнің алғашқы мерзімінде Н.Макиавелли, Ж.Боден сияқты белгілі ойшылдар бірінші болып қоғамдық санаға ертедегі табиғи құқық доктринасын енгізді дейді ғалымдар. Олар оның көптеген ережелерін жаңа тарихи жағдайда дамытты. Мысалы, Н.Макиавелли өзінің теориясында саясаттың көп деген принциптерін түсіндірді. Ол саяси өмірдің дамуындағы қорғаушы күштерді білу арқылы сол уақытқа қажетті идеалды мемлекеттің нұсқасын салуды көздеді.

Кейіннен құқықтық мемлекет туралы тұжырымдамалардың дамуына батыс буржуазиялық революциялар кезеңінде өмір сүрген Г.Гроций, Б.Спиноза, Т.Гоббс, Дж.Локк, Ш.Монтескье сияқты прогрессивті ойшылдар көп үлес қосты. Олардың ішінде Дж.Локк (1632–1704) құқықтық мемлекет идеологияларының көрнекті өкілдерінің бірі болып саналады деп айталамыз. Ұлттық-егеменді мемлекеттіліктің тууы дәуірінде Англияда өмір сүре отырып, ұлы ойшыл өз идеясын «Мемлекетті басқару туралы екі трактаты» деген еңбегінде айтқан болатын.

Қазіргі ғылыми әдебиеттерде Дж.Локк буржуазиялық қоғамның құқықтық ойларын, феодалдық карама-қайшылықтағы классикалық түсініктерін жеткізуші болды деген пікір қалыптасқан. Оның ойынша, мемлекет адамның табиғи құқығын қорғау үшін құрылғандықтан, меншікті құруға және

ұйымдастыруға заңдар қабылдайды және ол заңды орындауға, сырттан басып кіруді болдырмауға қоғамдық күштерді пайдаланады. Ондай мемлекетте табиғи бөлінбейтін құқықтық меншікті, жеке бостандықты және теңдікті қамтамасыз ететін заң үстемдік етеді. Сонымен қатар ойшыл әр адам өзінің азаматтық мүддесін қамтамасыз етуге, сақтауға және жүзеге асыруға құқылы деп ойлаған. «Мемлекет өз мақсатын жүзеге асыру үшін мынадай құралдарды пайдалана алады: заңдылық, билікті бөлу, мемлекетке лайықты басқару түрі, қаскөйлік орын алған жағдайда халықтың шығу құқының болуы. Құқық заңды мәртебесін тек жеке мүдде жалпы игілікпен сәйкес болып, сол арқылы іс-әрекеттің парасаттылығын көрсететін жайда ғана біле алады», — деп есептеген Дж.Локк [4].

Сонымен, Жаңа заманның көрнекті философтардың еңбектерінде құқықтық мемлекет идеясының жан-жақты негізделгенін, оның құндылықты мәні халық егемендігін биліктің қайнар көзі ретінде бекітуінде, оның еркіндіктері мен құқықтарына кепілдік беруінде, мемлекеттің қоғамға бағынуында жатқанын айту қажет. Ал жалпы алғанда, құқықтық мемлекеттің тұтас тұжырымдамасы XVIII ғасырдың соңы – XIX ғасырдың басында қалыптасып, «құқықтық мемлекет» деген ұғым еуропалық әдебиеттерде толығымен орнықты.

Бұл ұғымды толық сипаттауда оның негізгі белгілері қарастырылуы тиісті. Қазақстандық оқулықтарда құқықтық мемлекеттің белгілері былай деп көрсетіледі:

- заңның үстемдік етуі;
- мемлекеттік биліктің бөлінуі;
- тұлға мен мемлекеттің өзара жауаптылығы;
- азаматтардың құқықтары мен бостандықтарының шын мәнділігі, олардың құқықтық және әлеуметтік қорғалуы;
- саяси және идеологиялық плюрализмнің болуы;
- азаматтық қоғамның қалыптасуы;
- ішкі заңдардың көпшілік таныған халықаралық құқықтық нормалар мен принциптерге сәйкес келуі [5].

Ал, «Біздің елімізде құқықтық мемлекеттің осы белгілері қалай қалыптасып, дамиды?» деген сұраққа жауап беру үшін оның жүзеге асу тәжірибесін қарастыру қажеттілігі туындайды.

Қазіргі заманда дамыған өркениетті елдерде құқықтық мемлекеттің принциптері және ол туралы белгілі ойлардың іс жүзіне асуына бәріміз куәміз. Бүгінгі күнде құқықтық мемлекет — көп өлшемді даму үстіндегі құбылыс. Қоғамдық прогресте ол жаңа қасиеттерді бойына жинап, қоғамның дамуындағы белгілі жағдайлардың деңгейіне сай келетін жаңа мазмұндармен толығып отыр.

Алайда құқық жүйесін түсіну үшін, біздің ойымызша, алдымен құқықтың мәнін теориялық деңгейде зерттеу қажеттілігі туындайды. Бұл жөнінде ғылыми әдебиеттерде «құқық» терминнің көптеген мәні бар екені ескеру қажет. Қоғамдық және заң ғылымдарында осы термин күнделікті өмірде және қызмет бабында қолданылады. Сонымен бірге ол кең мағыналы түсінік болғандықтан, әрбір адамда құқықтың мәні туралы қандай да бір пікір қалыптасатыны сөзсіз. Мысалы, заң және саяси ғылыми әдебиеттерде «құқық» терминнің бірнеше мағынасы бар екені белгілі.

Қазіргі оқулықтарда, біріншіден, «құқық» ресми түрде танылып, жеке және заңды тұлғалардың заңға сүйене отыруы, әрекет жасау мүмкіндігі деп түсіндіріледі. Соның ішінде азаматтардың еңбек ету бостандығы, білім алу, меншік иесі болу, кәсіпкерлікпен шұғылдану құқығы. Заңды тұлғалардың да құқықтық мүмкіндіктері болады. Осы келтірілген жағдайларда «құқық» түсінігі субъективтік (тұлғалық) мағынада қолданылады.

Екіншіден, ғалымдардың айтуынша, «құқық» дегеніміз — құқық нормаларының жүйеге келтірілген жиынтығы. Бұл объективтік мағынадағы құқық, себебі олардың жасалуы жеке адамның еркіне байланысты емес. Сонымен, объективтік мағынадағы құқық жеке нормаларға бөлінбейтін, тұтас құбылыс болып саналады. Мысалы, Қазақстанның құқығы туралы Конституция былай дейді: «Қазақстан Республикасында қолданылатын құқық Конституцияның, соған сәйкес заңдардың, өзге де нормативтік-құқықтық актілердің, Республиканың халықаралық шарттық және өзге де міндеттемелерінің, сондай-ақ Республика Конституциялық Кеңесінің және Жоғарғы Соты нормативтік қаулыларының нормалары болып табылады» [6].

Үшіншіден, «құқық» термині оқу пәнін білдіретін ұғым ретінде қолданылады. Құқық саласы — өзара туыстас қоғамдық қатынастарды реттейтін құқықтық нормалардың жиынтығы ретінде түсіндіріледі.

Төртіншіден, «құқық» термині тұлғалық құқық пен объективтік құқықтың жиынтығы ретінде де қолданылады. Осыған байланысты «құқық жүйесі» деген түсінік бар. Мысалы, қазіргі жағдайда елімізде Қазақстанның құқық жүйесі қалыптасуда. Оның мәні көп жағдайда құқықтық мемлекеттің бо-

луымен тығыз байланыста деп ойлаймыз.

Әрине, біздің елімізде бұл жүйе бұрын тіпті болған жоқ деп есептеуге болмайды. Ресейге қосылғанға дейін қазақ қоғамда ғасырлар қалыптасқан және дамыған мемлекеттік ұйымы, құқық жүйесі болған. Осы уақытта мемлекеттіктің өзін сипаттайтын, оның құрылымын, оның органдарының әрекетін және де құқық жүйесінің қалыптасуы мен қызмет етуін көрсететін көптеген мәліметтер жиналып қалды.

Мысалы, қазақ қоғамының ерекшеліктерін білетін Ш.Уәлиханов қазақтардың әдет құқығы туралы бірсыпыра еңбектерді жазды. Қазақ құқығының мәселелерін ол кең шеңберде қарады, яғни тарихи дамуында және өзіне замандас уақыт жағынан. Ол қазақ әдет құқығын, мұсылман құқығын, ресейлік заңдарын терең біліп, оларды салыстырып, жақсы және жаман жақтарын көрсетті. Қазақстанның құқық ғылымы үшін Ш.Уәлихановтың қазақ құқық тарихы туралы, оның әлеуметтік мазмұны мен келешегі туралы айтқан пікірлерінің маңызы зор. Уәлихановтың пікірінше, «қазақ құқығы рулық құрылыс дәуірінде қалыптаса бастады және ұзақ тарихи дамудың нәтижесі болып шықты. Қазақстанның жерінде мекендеген, кейін қазақ халқының құрамына кірген рулар мен тайпалардың әлі монғолдардың шапқыншылығына дейін әдет-ғұрыптары мен «рулық құқықтары» болған. Бұларды Шынғысхан жоя алмады» деген ойшылымыз. Жалпы бізге дейін жүз жылдар бойы, мүмкін, мың жыл өмір сүрген әдеттік құқылық нормалар туралы Ш.Уәлиханов өзінің белгілі «Записка о судебной реформе» атты еңбегінде жан-жақтан талқылап жазған [7].

Ш.Уәлихановтан кейін 50 жылдан соң кәсіби заңгер Ж.Ақпаев қазақ құқығын түсіндіруге өз үлесін қосуға талпынды. Оның жазған еңбектерінің саны көп емес. Бірақ әңгіме еңбектердің мөлшерінде емес, олардың сапасында. Ж.Ақпаев алғашқы қазақ ғалым-заңгер ретінде қазақ құқығы туралы бірсыпыра тың идеяларды тұжырымдап берді.

Ж.Ақпаев қазақ қоғамның ежелгі заманнан бастап мемлекеттік құқықтық мәселелерін зерттеген алғашқы қатардағы ғалымдардың бірі болған. Оны қазақ мемлекеттіліктің пайда болуы туралы мәселемен бірге қазақтардың құқық жүйесінің, құқықтық ұғымдарының, терминдерінің қалыптасуы қызықтырған.

Ж.Ақпаев тұжырымдап берген құқық туралы анықтаманың ерекшеліктері мен мән-мағынасына тоқталатын болсақ, келесі ойларды айту қажет. Біріншіден, Ж.Ақпаевтың күмәнсіз пікірінше, қазақтар құқықты «жол» термині арқылы түсінген, яғни қоғамдық қатынастарды реттейтін, адамдардың құқықтық ара қатынастарындағы мәселелерді шешудің жолын көрсететін құрал ретінде көрген. Құқықты «жол» ретінде сипаттап, Ж.Ақпаев құқықтың мәнін көрсету үшін бұл сөзді жеткілікті деп санайды. Ол қазақ құқығын оның іс жүзіндегі сипатында түсінді. Өзінің анықтамасында «құқық» ұғымы психикалық әрекеттің нәтижесі деп ескертеді. Бұл анықтамада Жақып Ақпаев қандай да болсын ұғым ойлау процесінің нәтижесі деген ғылыми теорияға сүйенеді. Жалпы құқық күрделі құбылыс болғандықтан, ол терең ғылыми зерттеулердің нәтижесінде ұғынылуға тиісті және де адамдардың өздері өмірлік әрекеттің тәжірибесінде оны ұғуға тиіс деп тұжырымдауға болады.

Мемлекеттіліктің даму дәрежесінің төмендігінен мемлекеттік органдар тармаққа бөлінген жүйенің болмағандығынан және салаларға бөлінбегенінен, кодификацияланбағанынан, қазақ құқығының күштеуді білдіретін элементтері онша айқын көрінбеген. Бірақ құқықтық нормаларды бұзғаны үшін санкцияларды, күштеуді қолдану көзделген жоқ деп айтуға болмайды. Санкциялар да көзделген, күштеу де болды. Бірақ бұның бәрі қоғамдық пікірге сүйеніп, қоғамдық санада «еріп» тарағандай болды деп белгілеген Ж.Ақпаев. Оның пікірінше, қазақ құқығы бүкіл халықтың еркін білдіреді, өйткені халықтың психологиясы құқықты әділ, дұрыс нәрсе деп таниды. Мүмкін, осы себептен халық әділ билерді құдайдай көріп, әділетсіз билерді сынға алған деген пікірді қолдап, қазақ халқының бірінші маман-заңгері екі жағдайда да жұрт қалыптасқан құқықтық нормалардың әділеттігіне сенді», — дейді М.Құл-Мұхаммед. Ғалымның айтуына байланысты: «Елімізде құқық бұзған үшін санкцияларды қолдану құқықтың маңызды белгісі ретінде танылған жоқ. Олар «құқық» ұғымының сыртында қалғандай болып көрінген, әйтпесе қазақтардың құқықтық санасы қай себептен құқықты тек қана «Қасқа жол», «Ақ жол» деп көргенін түсіндіру қиын. Осыған байланысты тарихи және ғылыми тұрғыдан қарағанда қазақ қоғамында 1917 ж. дейін болған құқықты «қазақ әдет құқығы» демей, «қазақ құқығы» деп атаған дұрыс болады» [8].

Ж.Ақпаевтың саяси билік пен Қазақстандағы басқару нысаны туралы пайымдаулары «Алаш» партиясы бағдарламасының жобасында көрініс тапқан болатын. Саяси билік, Ақпаевтың пікірі бойынша, халықтың қолында болу керек. Ақпаев өкілдік демократияны қолдайды. Бағдарламаның жобасы бойынша халық парламентке депутаттарды сайлау керек. Үкімет басында Президент болу керек. Парламенттік республикада биліктер бөліну принципі жүзеге асырылу керек. Сонымен, «Алаш»

партиясының бағдарламасының жобасында Ж.Ақпаевтың либералдық-демократиялық көзқарастары бейнесін тапты. Бұл қазіргі Қазақстан Республикасындағы либералдық-демократиялық тәртіпке сәйкес келетін көзқарастар Ж.Ақпаевтың жоғары құқықтық мәдениеті мен саяси даналығын көрсетіп тұр.

Сонымен, Ж.Ақпаевтың саяси-құқықтық әрекетін және қазақ мемлекеттілігі мен құқығы туралы теориялық көзқарастарын зерттеп, оның нәтижесінде мына ой қорытындыларға келуге болады:

- Ж.Ақпаев басқа қазақ саяси қайраткерлерімен бірге орыс патша әкімшілігінің отаршылдық саясатын сынға алумен бірге құқықтық дамудың жолдарын ұсынды және қудалауға қарамай, қазақ халқының санасына жеткізіп енгізуге тырысты;
- Ж.Ақпаев либерализмнің өзегін құрайтын адамның ажырамас құқықтары мен бостандықтары туралы идеяны қолдады және бұл идеяның жетекшілігімен тәжірибе жүзінде қазақ даласында қазақтардың құқықтарын қорғауға ұмтылды;
- Ж.Ақпаев Алаш-Орда қозғалысы мен «Алаш» партиясының қалыптасуына, оның саяси бағдарламасын тұжырымдап беруге белсенді қатысып, кәсіби заңгерлік білімінің жоғары деңгейін білдірді. Ол «құқықтық мемлекет» ұғымына дейін көтерілді [9].

Қарап отырсақ, құқықтық жүйе, мемлекеттегі құқықтың орны туралы көптеген ойлар Батыс елдерде ғана емес, өз елімізде де дамыған. Ал мұндай идеялар тек қана теориялық деңгейде емес, тәжірибелік деңгейге де жеткені қазіргі уақытта көрініс тауып отыр.

Бүгін біз Қазақстан Республикасы тәуелсіздікті ала отырып, құқықтық мемлекет қалыптастыру ниетіне беріктігін көрсетуге деп айтамыз. Осыған орай Ел басшымыз Н.Ә.Назарбаев отанымызда толық демократияға бет алған жолымыздағы шешуге тиісті бірінші міндетіміз — шынайы құқықтық мемлекет құру қажет деп белгілейді. Оның ойынша: «Бұл мемлекетте мемлекеттік құрылымдар, саяси процестің басқа барлық субъектілері де, барлық азаматтар да заңдарға ғана сәйкес еңбек етіп, өмір сүруге тиісті. Бұл арада халықты заңдарға өз ықтиярымен бағынуды мойындамайтын, олардың сақталуы мемлекеттің мәжбүрлеуін қамтамасыз етілетін мемлекет бола алмайтынын баса көрсеткен жөн. Сондықтан да құқықтық мемлекет қоғам мен халықтың құқықтық санасының жоғарлығымен сипатталады» [10].

Зерттеушілер құқықтық мемлекет негізгі принциптеріне, біріншіден, қоғам ішінде адамның өзінің құқықтары мен міндеттерін жатқызады. Құқықтық мемлекеттің қалыптасуы және қоғамдық өмірінің барлық салаларын табанды түрде демократияландырумен тығыз байланысты. Бұл жолда мынадай нақты талаптар қажет: өркениетті заңдылық принципін сақтау, оларды нығайту және бұзбау, құқықты құрметтеу. Ол үшін қоғамның жалпы мәдениеттілігін, әсіресе құқықтық мәдениеттілігін көтеру қажет.

Осы тұрғыдан алғанда біздің мемлекетімізде атқарылатын жұмыстар жетерлік. Олардың ішінде ең негізгісі — ол 1995 жылы қабылданған Конституция. Ол қабылданғаннан кейін Қазақстан өзінің одан әрі даму жолын түпкілікті таңдап алды. Бүкіл халықтық референдумда қабылданған осы Негізгі Заң, шын мәнінде, қоғамдық келісімге айналды. Сол бойынша өкімет Қазақстанды демократиялық, зайырлы, құқықтық және әлеуметтік мемлекетке айналдыруды өзіне басты міндет етіп алды, ал азаматтар Конституцияны және еліміздің заңдарын бұлжытпай орындауға жауапкершілікті өз мойындарына қабыл етті. Осындай өзара міндеткерлік қоғам мемлекеттің одан әрі нәтижелі дамуына тиянақты негіз қалыптастырады және біздің болашаққа сеніммен қарауымызға мүмкіндік береді.

Бұл мәселеге байланысты Қазақстан Республикасының Президенті Нұрсұлтан Назарбаев өзінің 2008 жылғы Қазақстан халқына арналған жолдауында еліміздегі қазіргі қоғамдық-саяси жағдайларды сипаттай отырып, былай деген: «Демократиялық дамудың жалпыға бірдей танылған заңдылықтары мен біздің қоғамымыздың дәстүрлерін үйлестіре отырып, біз одан әрі де саяси жүйеде мемлекеттік құрылыстың қазақстандық моделін жетілдіру жолымен жүре беретін боламыз. Бұл — біз мақтануға құқылы және бәріміз ұқыптылықпен сақтауға міндетті қазақстандық «ноу-хау»» [11].

Әлемдік тәжірибе дәлелдегендей, құқықтық мемлекет қалыптастырудың алғы шарттарының бірі — азаматтық қоғам институттарының болуы. Ал ол демократияның даму деңгейімен тура пропорционалды. Қазақстан Республикасында азаматтық қоғамды қалыптастыру мен дамыту республикадағы демократияландыру процесін одан әрі тереңдетуге жол ашады.

Қазақстандағы азаматтық қоғамның қалыптасуы қоғам өмірін демократияландыру мен құқықтық мемлекет қалыптасуының алғы шарты екенін ескерсек, оны мемлекеттік саясат деңгейінде көтеретін уақыт келген сияқты. Бұл кезекте Президент жанындағы Демократия және азаматтық қоғам мәселелері жөніндегі ұлттық комиссияның орны ерекше деген пікір баршылық. Зерттеушілердің айтуы бойынша: «Оның өкілеттілігін кеңейтіп, азаматтық қоғамды қалыптастыру мен оның институттарын

шынайы дамыту мемлекеттік саясаттың бір бұтағына айналуы тиіс. Мұндай кешенді іс-шаралар тәуелсіз Қазақстан Республикасының Ата Заңда көрсетілген мұратқа сай құқықтық мемлекет жолында дамуына игі ықпалын тигізери хақ» [12].

Құқықтық мемлекет адамның әділ, құқықтық, тең демократияшыл өлшем бірліктері болып табылады. Құқықтық мемлекеттің теориялық және практикалық маңызды мақсаты көпшіліктің және жеке адамның теңдігі мен бостандықтарын мойындаумен және оған кепілдік беруімен анықталады. Елімізде құқықтық-демократиялық принциптері бұрмалануына жол бермеу үшін саяси және құқықтық механизмдер қажет. Құқықтық мемлекет механизмдердің ерекшелігі, оның барлық құрылымдық бөлімдері мен элементтері өздерінің мақсаттық тағайындалуымен биліктің бөліну принципіне байланысты қызмет етуде. Бұл деңгейде мына мәселелер орындалу қажет деп есептейміз:

- меншіктің барлық түріне жол ашу;
- екі жақты келісімге негізделген әкімшілік бұйрықтарды келісім-шарттармен ауыстыру;
- «тыйым салынбағанның бәріне де рұқсат» принципі басшылыққа алу;
- айырбас мінез-құлық эквивалентін қамтамасыз ету;
- тең құқықтық бекіту және партнер таңдау кезіндегі адалдық;
- ынта мен тапқырлыққа шек қоймау.

Сонымен қатар құқықтық мемлекет еркіндік пен әл-ауқатты қамтамасыз ететін, азаматтық қоғам мен экономика қажеттіліктерін іске асыратын мемлекет болғандықтан, оның негізгі принциптерін сақтау қажет деп ойлаймыз.

Қазіргі Қазақстанда құқықтық мемлекеттің құрылуымен байланысты аса маңызды мәселелердің бірі ретінде заң шығарушылықтың дамуы мен жетілуін қарастыру керек. Соңғы уақытта біздің мемлекеттің демократиялық-құқықтық мемлекет ретінде дамуына негіз тудыратын көптеген заң шығарушылық актілері қабылданғаны белгілі.

Бірінші Парламент 1990 жыл сәуірінен 1993 жыл желтоқсанына дейін қызмет жасаған он екінші шақырылымдағы Жоғарғы Кеңес, яғни Қазақстан Республикасының алғашқы заң шығару органы, өзінің дербес қызметін экстремалдық жағдайда бастағаны белгілі. Уақыт тығыздығы мен оның заң шығарушылық тәжірибесінің аздығы қабылданған заңдар сапасына әсер етпей қоймайды. Олардың арасында мемлекеттік құрылысқа қатысты заңдардың орны ерекше. Бұл, әрине, түсінікті, қандай болмасын тәуелсіздік алған жас Республика өзінің мемлекетінің құқықтық негіздерін қалыптастырғысы келеді.

Біздің еліміз егемендікке қол жеткізу жолында бірінші кезекте Президент лауазымын енгізу, Республика Президенті сайлау туралы, Мемлекет тәуелсіздігі туралы Декларация, Республиканың жаңа атауы, жаңа мемлекеттің рәміздері туралы заңдарды дайындап, қабылдады. Дәл осы уақыттан ұлттық қауіпсіздікті қамтамасыз ету, азаматтардың құқықтық мемлекет бостандығына шынайы кепілдік беру, демократиялық қоғам мен құқықтық мемлекет құруды шындыққа айналдыру жолындағы жаңа кезең басталды деп есептейді еліміздің белгілі заңгері Қ.Мами [13].

Қазақстан заңнамасы үшін көптеген құқықтық салалары тіптен жаңа болғанына көзіміз жетуде. Біздің мемлекетіміз тәуелсіздік алғаннан бері көптеген заң актілерін талдау арқылы негізге көшіп, оны кеңістік заңдармен салыстырғанда өзгеше әлеуметтік-саяси жүйеге негізделуі көрінеді. Құқықтық жолды таңдаған қандайда да бір мемлекет болмасын, оның басты көрсеткіші заңдылықты мойындау, заңды қатаң ұстауды талап етеді. Біздің қоғамымызда құқықтық бағдар халықтың сайланған Парламенттің қабылдаған заңдары арқылы қалыптасады және сол арқылы бар мемлекеттік істер жүзеге асады. Сондықтан Парламент заң шығарушы қызметін жетілдіру керек. Заң шығарушы қызмет парламенттік депутаттың қызметтілігі мен кәсібилігі, біліктілігінен тікелей тәуелді. Парламенттік қызметіне ашықтық пен сабақтастық қажет деген пікірмен келісуге болады. Жалпы, әділ бәсекелестік сайлау принциптері негізінде қалыптастырылған парламенттік қызмет құқықтық мемлекеттің белгісі болып табылады.

Қазақстандағы құқықтық мемлекет құру жолында кейінгі уақытта тәуелсіз мемлекетіміздің барлық салаларын қамтитын көп заңдар, заңнамалық актілер, заңдық күші бар Президентік жарлықтар қабылданғаны туралы айтылған болатын. Еліміздің Конституциясында құқықтық мемлекет құру стратегиясы күн тәртібіне қойылғаны да белгілі. Бірақ құқықтық мемлекеттің қалыптасуы ісінде біздің қоғам үшін елеулі қайшылықтар да баршылық. Ол басқару элитаның өкілдері мен қатардағы өзінің заңды бұзуға немесе орындамауға жол беретіндігі. Көбінесе батыстық стандарттарға ұмтылу, ұлттық дәстүрден қол үзу, құқықтық мәдениеттің төмендігі деп есептеуге болады.

Конституцияда көрсетілгендей, лауазымды тұлғалардың заңды шешімдерін орындау, барлық құрылымдарды құрметтеу мен іске асыруы демократиялық мемлекеттің ажырамас бөлігі екендігі белгі-

лі. Осыған байланысты тұлғаның мемлекет алдындағы жауапкершілігі де дәл осы құқықтық бастама-ларға негізделуі тиісті. Сонымен бірге мемлекеттік мәжбүрлеуді қолдану құқықтық сипатта болудың шарты — ол тұлғаның бостандығын бұзбау және оның жасалған құқық бұзушылықтың ауырлығына сай болуы. Мемлекет пен тұлғаның арасындағы қарым-қатынастар өзара жауапкершіліктің негізінде жүзеге асырылуы тиіс. Осы мәселелерді шешу үшін, жоғарыда көрсетілгендей, біздің елімізде біраз заңдар қабылданғаны мәлім. Оның ішінде Мемлекеттік егемендік туралы Декларацияда, Мемлекеттік тәуелсіздік туралы Заңда, 1993 жылғы Конституцияда Қазақстан халқының құқықтық мемлекет құру-ға бекем бел байлап отырғаны баяндалса, 1995 жылғы Конституцияда Қазақстан мемлекеті құқықтық мемлекет ретінде айқындалды және сол кезден бастап елімізде құқықтық мемлекет құруына жол то-лық ашылды деп есептеуге болады. Сонымен қатар 2007 жылы мамыр айында еліміздің Ата Заңына енгізілген өзгерістер осы жолдан тайынбауымызды көрсетеді.

Жалпы алғанда, Конституция қоғамдық қатынастардың базалық, түпкі негіздерін реттей отырып, толыққанды тепе-теңдік механизмін қалыптастырады. Қазақстан Республикасының Конституциясы бойынша мемлекеттік билік біртұтас, оның заң шығарушылық, атқарушылық және сот билігі тармақ-тарына бөліну және тепе-теңдік жүйесін пайдалану арқылы өзара байланыс жасау принципіне сәйкес Конституциямен, заңдардың негізінде жүзеге асырылатындығы атап көрсетілген. Бұл биліктің әр тар-мақтарының өз құзыреті бар екендігін және оның шегінен шығуға болмайтындығын білдіреді. Тәуел-сіз, егемен Қазақстанның қоғамдық-саяси ерекшеліктерін ескере отырып, республикада құқықтық мемлекеттің көрінісі болу үшін биліктің бөліну принципін барынша нығайту қажеттілігі туындайды деген ойдамыз.

Осындай жағдайда Ел басшымыздың айтуынша, саяси-құқықтық дамуымыздың негізгі бағыты, ең алдымен, мыналар болады:

- билік тармақтары арасындағы өзара ықпалдастық тиімділігін арттыра отырып, тежемелік пен тепе-теңдік жүйесін нығайта беру;
- биліктің өкілді органдарының өкілеттіктерін кеңейте беру;
- саяси партияның рөлін арттыру, азаматтық қоғамдық институттарды дамыту үшін қолайлы жағдай туғызу;
- мемлекеттік органдар жұмыстарының тиімділігі мен ашықтығын арттыру;
- мемлекеттік шешімдерін әзірлеу, атқарушы билік құрылымдарын реформалау;
- адамның құқықтары мен бостандықтарын қорғауының институцияланған тетіктерін одан әрі нығайта беру;
- жергілікті өзін-өзі басқарудың дамуы үшін жағдай туғызу;
- БАҚ-тың үйлесімді дамуына жәрдемдесу [1].

Мұның бәрі Қазақстан Республикасының Президенті пайымдағандай, Қазақстан дамуының жаңа кезеңі үшін еліміздің үйлесімді, саяси және мемлекеттік құрылымның оңтайлы үлгісін таңдауына мүмкіндік беріп, елімізде құқықтық мемлекет принциптерін дамытуға жол ашпақ.

Әрине, қазіргі Қазақстан қоғамына идеалды құқықтық мемлекеттің түріне жету әлі алысырақ, бі-рақ осы бағытқа қарай жылжу қажеттілігі айқын. Осыған байланысты сот реформаның жүзеге асыру-дың және құқықты, Конституцияның заңдылықты және елде құқықтану тәртіптің күшті қорғаушысы болатын сот жүйесін қалыптастырудың маңыздылығын арттыра отырып, заң шығарушы және атқару-шы биліктің өзара қарым-қатынас шиеліністі бәсеңдетіп, өзара әрекетін үйлестіру мүмкіндігін күшей-ту қажет дейміз.

Әдебиеттер тізімі

1. Назарбаев Н.Ә. Жаңа әлемдегі жаңа Қазақстан: Президенттің Қазақстан халқына жолдауы // Егемен Қазақстан. — 2007. — 1 наур. — 2-б.
2. Әбсаттаров Р. Құқықтық мемлекеттің негізгі принциптері қандай? // Ақиқат. — 2004. — № 12. — 30-б.
3. Платон. Законы: Сочинения: В 3 т. — Т. 3. — Ч. 2. — М.: Мысль, 1972. — С. 188.
4. Локк Дж. Басқару туралы екі трактат / Әлемдік саясаттану антологиясы. — 10 т. — Т. 2. — Алматы: Қазақстан, 2005. — 193-б.
5. Сапарғалиев Ф., Ыбыраева А. Мемлекет және құқық теориясы. — Алматы: Жеті жарғы, 1998. — 109-б.
6. Қазақстан Республикасының Конституциясы. — 1-т. — 1, 4-б., — Алматы: Юрист, 2008. — 4-б.
7. Валиханов Ч. Записка о судебной реформе / Собр. соч.: В 5 т. — Т. 4. — Алма-Ата: Гл. ред. Казахской сов. энцикл., 1985. — С. 83.
8. Кул-Мухаммед М. Патриот, политик, правовед. — Алматы: Атамұра, 1995. — С. 138.

9. Мырзабекова А.Ш., Жұмасұлтанова Ф.Ә. Жақып Ақпаевтың саяси көзқарастары: «Қазақстан саяси ойлары» атты курсына арн. оқу құралы. — Қарағанды: Болашақ-баспа, 2006. — 64, 65-б.
10. Назарбаев Н.Ә. Біздің бағдарымыз — топтасу, қоғамдық прогресс және әлеуметтік серіктестік // Егемен Қазақстан. — 2007. — 13 мамыр. — 2-б.
11. Назарбаев Н. Қазақстан Республикасының Президенті Қазақстан халқына жолдауы // Егемен Қазақстан. — 2008. — 7 ақп.
12. Арғынбаев Д. Құқықтық мемлекет қалыптасуы, дамуы // Саясат. — 2005. — № 2. — 11-б.
13. Мами Қ. Құқықтық реформалардың кезеңдері мен кемшілігі // Тураби. — 2003. — № 6. — 12-б.

УДК 316.42

А.К.Баянова, К.Т.Мамирова

Карагандинский государственный университет им. Е.А.Букетова

К НЕКОТОРЫМ АСПЕКТАМ ФОРМИРОВАНИЯ ТЕОРИИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Қазіргі әлем барған сайын өзара байланысты әрі өзара тәуелді болуда. Бұл айқын түрде көрсетілген тенденцияны жаһандану деп атайды. Мақалада жаһанданудың негізгі кезеңдері, теориялық мәселелері және қатынастары қарастырылып, қазіргі қоғамдағы мәні мен ролі зерттеледі.

The modern world becomes more and more interconnected, interdependent. This distinctly shown tendency is named by globalization. In given clause theoretical problems, approaches, the basic stages of globalization, and also judgement of essence and a role of globalization in a modern society are considered.

Современный мир переживает в последние десятилетия этап активных трансформаций, характеризующихся невиданной динамикой и усиливающимся взаимовлиянием разнообразных культур и социальных институтов.

Одним из подходов к осмыслению происходящих изменений, анализируемых на уровне тенденций мирового развития, в современных общественных и гуманитарных науках выступает теория глобализации. С точки зрения этой теории, развитие мирового общества идет в направлении включения отдельных обществ и государств в глобальные процессы и отношения, охватывающие весь мир. Являясь одной из ведущих тенденций развития мирового сообщества, глобализация оказывает влияние как на экономические и политические процессы, так и на взаимоотношения в социо-культурной сфере. Она ставит перед государствами, культурами и цивилизациями задачу вписаться в современные процессы, имеющие глобальный характер, и сохранить при этом свои традиционные специфические ценностные ориентиры.

В последнее время глобализация и глобализационные процессы становятся объектом все более пристального внимания исследователей. Прежде чем рассматривать основные этапы формирования теории глобализации, считаем необходимым сначала остановиться на самом понятии «глобализация». Так, термин «глобальное» впервые появляется в середине 60-х годов XX в. в работах В.Мура (который ввел в оборот термин «глобальная социология») и М.Маклюэна (впервые употребившего термин «глобальная деревня») [1; 89].

Несмотря на то, что дискуссии по проблемам глобализации продолжаются уже несколько десятилетий, единого, общепринятого определения термина «глобализация» до сих пор не существует. Как отмечают некоторые исследователи, понятие «глобализация» остается весьма расплывчатым, и по существу каждый автор вкладывает в него собственный смысл.

Говоря о различиях в трактовке сущности и содержания глобализации, нельзя не обратить внимания на многоликость этого понятия. Глобальные процессы носят всеобъемлющий характер, а их различные аспекты являются предметом изучения всех общественных дисциплин. В каждой из них термин «глобализация» употребляется в своем особом значении.

Так, экономисты видят суть глобализации в возникновении мировой экономической системы особого типа, и сосредоточивают свои усилия на исследовании таких проблем, как формирование

новой транснациональной экономики (углубление международного разделения труда, возникновение мировых рынков сырья, капитала, рабочей силы).

Географы изучают пространственное измерение глобализации: проблемы крупных городов-мегаполисов, так называемых «экономических архипелагов», образующихся в результате глобализации мирохозяйственного пространства.

Социологи и культурологи занимаются исследованием феномена мультикультурализма и проблем, связанных с влиянием глобализирующих тенденций на стратегии социокультурного развития.

Философы активно обсуждают проблемы, связанные с универсализацией человеческих ценностей, и глобальные проблемы современного мира.

Международники уделяют главное внимание ускорению транснационализации и усилению взаимозависимости стран, становлению нового мирового порядка.

Можно заметить, что такое сложное и многогранное явление, как «глобализация» исследуется одновременно многими науками, причем каждая из них имеет свой понятийный язык, свою методологию, свой набор категорий. Рассмотрение проблемы влияния глобализационных процессов на ситуацию в современном мире не может обойтись без обращения к существующим направлениям в политической науке в области теории глобализации. Так, следует выделить такие направления в западной глобалистике, как технократическое, постиндустриальное, эколого-популистское, экзистенциально-культурное, революционное и эволюционное.

Сторонники технократической глобалистики исходят из того, что главной причиной, вызвавшей обострение глобальных проблем, является научно-технический прогресс. Причем среди них есть так называемые «технократические оптимисты» (Г.Кан, А.Винер, У.Браун) и «технократические пессимисты» (К.Боулдинг, Д.Фишер). По мнению первых, развитие науки и техники может дать в распоряжение человечества эффективные средства решения этих проблем. Вторые же считают, что сохранение нынешних тенденций неминуемо приведет к катастрофе [2; 78].

Представители постиндустриальной глобалистики (А.Тоффлер, Д.Белл, Р.Арон) усматривают причины возникновения глобальных проблем «в противоречиях общества, поднявшегося в своем развитии над аграрной и промышленными стадиями и продолжающего восхождения «к вершинам прогресса» путем усовершенствования хозяйственной и политической структуры» [2; 94].

В рамках эколого-популистской глобалистики (Д.Уолд, Д.Грант) на первый план выдвигаются различные аспекты взаимодействия общества и природы. Концентрируется внимание на демографической, минерально-сырьевой, энергетической, продовольственной проблемах, вопросах здоровья человека.

Представители экзистенциально-культурной глобалистики (Р.Фолк, Р.Котери) рассматривают глобальные проблемы с учетом политических и социально-экономических процессов, обращая особое внимание на развитие культуры и религии [2; 98].

Сторонники революционной глобалистики (Р.Кеохане, Д.Най, Т.Фридман) обосновали положение о том, что простая взаимозависимость стала сложной взаимозависимостью, связывающей экономические и политические интересы настолько плотно, что конфликт крупных держав теперь уже действительно исключен. В глобализации они видят источник грядущего процветания, умиротворения, единых для всех правил, путь выживания, повышения жизненного уровня, достижения социальной стабильности, средств ликвидации стимула к подчинению соседних государств, создание единого мирового сообщества [3; 65].

У эволюционистов (Д.Розенау, А.Гидденс) глобализация ассоциируется с новой мировой стратификацией, когда некоторые страны постепенно, но прочно войдут в центр мирового развития, в то время как другие страны безнадежно маргинализируются. Но при явном отрыве одних стран от других не будет деления на развитые и развивающиеся, оно будет более сложным.

Так, главное различие эволюционного и революционного направлений заключается в том, что первые отрицают революционную риторику наступления исторического конца нации-государства, в то время как вторые считают, что прерогативы государства ослабевают вследствие подчинения всех народов глобальному рыночному пространству.

Таким образом, анализ исследований, посвященных понятию «глобализация», позволяет выделить набор ее основных характеристик:

- 1) Беспрецедентное ускорение и уменьшение транстерриториальных связей и перемещений как результат прогресса разнообразных коммуникационных средств — от транспорта и масс-медиа до электронной связи и компьютерных сетей. Исчезновение многих традиционных границ в сфере информационного и культурного обмена, распространение унифицированной масс-культуры и этики.

- 2) Интернационализация экономики, проявляющаяся в деятельности транснациональных корпораций, росте международной торговли и движения капиталов, увеличении объемов международного финансового оборота, единые технологии, миграция рабочей силы.
- 3) Распространение определенных идеологических принципов, таких как принципы демократии, капиталистического предпринимательства и рыночных механизмов.
- 4) Появление новых субъектов мировой политики — от международного общественного мнения и неправительственных организаций до транснациональных движений и наднациональных структур, развитие системы международного права и межгосударственных институтов.

Определяя значение понятия «глобализация», нельзя не обратить внимание на характеристику основных этапов становления теории глобализации. Так, развитие научного содержания категории «глобализация» тесно связано со следующими этапами:

- I этап — 50–65 годы XX в. — модернизм,
- II этап — 60–70 годы XX в. — антимодернизм,
- III этап — 70–80 годы XX в. — постмодернизм
- IV этап — 90-е годы XX в. по настоящее время — неомодернизм.

Первый модернизационный подход доминировал на Западе в 50–60 годы прошлого века. Активными сторонниками модернизационного направления были Т.Парсонс, А.Инкелес, У.Ростоу, Д.Аптер, С.Эйзенштадт. При всех нюансах и различиях теоретических схем они разделяли несколько базовых ценностей: мир представляет собой единую систему, устремляющуюся в единое будущее. Среди когорты глобально движущихся держав были различимы два типа: традиционные, в которых преобладают традиционные ценности, и модернизированные, т.е. отошедшие от традиций в сторону модернистской унификации. Модернизированными считались те социальные организации и культурные установки, которые выработал именно Запад и которые характеризовались индивидуализмом, приверженностью к демократии, капитализму, секуляризацией религиозных традиций [4; 12–13].

Модернистской точке зрения были свойственны исторический оптимизм, видение перехода традиционализма к модернизму как магистральному пути исторического развития, сугубая убежденность в том, что каждое государство имеет достаточный потенциал для уверенного подключения к мировой экономике, для введения в свою социальную практику самой передовой демократии. Суммируя работы ученых в рамках модернизационной парадигмы, можно выделить ряд положений, характеризующих классическую теорию модернизации:

- В основе классической теории модернизации лежит предположение, которое можно сформулировать как достижение экономической однородности мировых обществ как развитых, так и развивающихся.

- Большинство модернизационных концепций явно и неявно предполагается экономическая и технологическая подоплека процесса модернизации, вплоть до того, что переход от традиции к современности фактически отождествляется с переходом от аграрного общества к индустриальному. Отличительной чертой этой точки зрения являлась высокая степень оптимизма относительно перспектив развития стран третьего мира.

- Модернизация общества в классическом понимании имеет три измерения: экономическое, социальное, политическое. В экономическом смысле модернизация означает технологизацию, индустриализацию, оптимальную потерю значения первичного сектора (сельского хозяйства) в сравнении с вторичным (промышленностью) и третичным (сфера услуг) секторами. Отмеченным экономическим процессам соответствует социальное развитие в направлении увеличения шансов доступа к материальным и нематериальным благам, урбанизации и повышения социальной мобильности. Модернизация в политической сфере подразумевает, прежде всего, политическую мобилизацию, повышение участия граждан в политической жизни.

- Три измерения модернизации отнюдь не равнозначны, а представляют собой систему приоритетов. Первичным в этой системе, т.е. первым по значимости, является экономическое развитие (экономическая модернизация), цель которого — становление рыночной системы отношений. Стабильные рыночные отношения выступают основой для эффективной политической модернизации, т.е. для установления демократического режима. Удачное экономическое и политическое развитие, в свою очередь, является основой для эффективной социальной модернизации.

Таким образом, большинство классических концепций модернизации явно или неявно в качестве общей схемы модернизации предполагали следующую: ключевым в процессе модернизации является модернизация экономической сферы, это в свою очередь откроет возможность для достижения политической, культурной и социальной однородности.

Однако, начиная уже со второй половины 60-х годов XX в., изложенные выше представления о модернизации стали все сильнее подвергаться критике. Этому способствовал ряд факторов:

1. Прежде всего, были подвергнуты критике «европоцентристские положения» 50-х годов. Указывалось на то, что модернизация в различных частях мира может идти различными путями, не обязательно повторяя европейский опыт. Таким образом, ставился под сомнение тезис о постепенном нарастании однородности обществ, так называемая теория конвергенции [1; 24].

2. Наибольший интерес вызвали различные аспекты модернизационной концепции, связанные с так называемой «вторичной», догоняющей модернизацией, то есть с приобщением развивающихся стран к глобальному мировому сообществу.

3. Процессы, разворачивающиеся в странах догоняющей модернизации, наглядно показали ошибочность некоторых суждений теоретиков-модернизаторов. Успехи модернизации в Японии и ряде других стран Восточной Азии скомпрометировали классический вывод М.Вебера о том, что конфуцианская мораль является тормозом на пути рационализации общественных отношений и, следовательно, препятствует модернизации. В Японии же успешная модернизация экономических и социальных отношений сочеталась с постоянной опорой на традиционные и буддистские ценности.

4. Ученые вынуждены признать, что большинство развивающихся обществ сталкивается в процессе модернизации со значительными трудностями социального характера и что собственно социальная модернизация в развивающихся странах, как правило, носит противоречивый и кризисный характер.

Таким образом, второй антимодернистский подход заявил о неадекватности господствующей теории фактам мирового развития. Оптимистическая вера в эволюционное развитие и во всемирную общую цивилизационную дорогу подорвана неудачами развивающихся государств. Теоретиками антимодернизма были сделаны выводы, что нельзя все модернизационные идеи мира черпать только из западного источника, что следует учитывать культурное разнообразие мира и наличие незападных способов решения проблем материального развития. Существенно было то, что на самом Западе усомнились в возможности мировой модернизации, если будут игнорироваться факты специфического исторического развития, культурное своеобразие, особенности менталитета. Впервые категории культуры и социальной структуры рассматривались не как некое приложение к индустриализации и демократии западного толка, а как базовые особенности развития отдельных регионов.

Модернистский постулат «всемирное единство» уступил место иным суждениям, базирующимся на более сложной картине мирового развития. Н.Смелзер, Д.Нетл, Р.Робертсон представили новую трактовку проблемы, согласно которой мировая история в целом представляет собой не благостную эволюцию, а совокупность жесточайших катаклизмов, где незападные регионы не плавно входят в расширяющийся ареал Запада, а рвутся в будущее сквозь трагедии войн и революций. Модернизация как эволюционистский процесс уступила место конвульсиям революций [5; 33–36].

Антимодернисты указали также на то, что в мире происходит гигантская крестьянская революция, возрастает бунт мировой деревни против мирового города. По их мнению, начинается восстановление глобальных позиций Азии, обозначилось ее противостояние Западу. Антимодернисты пришли к выводу, что в развивающихся странах демократия западного типа практически недостижима.

Представители третьего, постмодернистского, подхода не обвиняли Запад во всех бедах мира, они старались смотреть на мир под новым углом зрения — менее идеологизированно, более объективно. Постмодернизм в отличие от модернизма не делил мир на «современную» и «архаическую» части, настаивая на том, что существуют универсальные ценности, но не сугубо западные, а общечеловеческие. Вождями постмодернизма были С.Лэш, Д.Харви, Ж.Лиотар, М.Фуко. Сердцевина постмодернистского видения мира, его принципиальная особенность состояла в том, что они выдвинули принцип универсальности мира. Этот постулат как бы нивелировал различие между Западом и прочими странами («вторым» и «третьим» мирами) [5; 69–70].

Но постмодернизм не мог ответить на вопросы, возникшие в результате эпохальных сдвигов 1989–1991 гг., нарушивших устоявшуюся картину мира, поставивших противостояние Россия-Запад в совершенно иную плоскость, а затем и ликвидировать это противостояние.

Неомодернисты возрождали веру в прогресс, характерную для 50-х годов XX в., и основывались на приверженности науке и традиционным ценностям. Феноменальное крушение социалистического мира, который еще совсем недавно рассматривался как реальная — в процессе модернизации — альтернатива Западу, вызвало своего рода шок у теоретиков. Рухнувшую в Восточной Европе социалистическую систему заменили весьма неясные структуры, не сумевшие на историческом переломе построить стабильную государственную пирамиду в соответствующих странах, но на словах обозна-

чившие свою приверженность сближению с «новым Западом» на основе ослабления роли государства в экономике, приватизации, перехода к рыночным отношениям. В странах с переходной экономикой началась драма «верхушечного» строительства капитализма, и в условиях нестабильности в государстве и обществе это привело к резкому росту социальной напряженности.

Мир снова, как сорок лет назад, стал казаться универсальным и представлялся в виде пирамиды, с Западом на вершине. Ф.Фукуяма объявил о конце истории, так как многие государства перестали верить в альтернативу либеральному капитализму. Универсальные ценности, идейная и материальная взаимозависимость снова рассматривались как главные характеристики мира, в котором Запад выиграл крупнейшее в XX в. социально-формационное состязание с социализмом. Запад ощутил новый подъем — экономический, идейный, моральный [3; 50].

Группа теоретиков, среди которых Т.Фридман и другие, сделала вывод о том, что возвращение к жизни свободного рынка и демократии произошло в общемировом масштабе, и демократия, и рынок категорически являются абстрактными и всеобщими идеями, универсализм снова стал живительным источником социальной теории. О рынке, горячо обличавшемся 20 лет назад, стали говорить как об орудии прогресса, объединительной мировой силе, рациональном инструменте оформления отношений Запада с восточными и прочими соседями. Как 50, 100 и 300 лет назад, мир стал понятным, а его части соподчиненными: локомотив Запада тащит гигантский поезд, он — его движущая сила. Отсюда ровно один шаг до появления термина, который в конечном счете восторжествовал, т.е. термина «глобализация».

Глобализация, пришедшая на смену «холодной войне», — это новая система мирового экономического хозяйствования. Идеологи глобализации отнюдь не утверждают, что процесс глобализации завершен, они определенно говорят о том, что процесс глобализации неостановим. Они указывают на крах прежних социалистических экономик; на то, что в Китае процветает сектор свободного рынка, что даже прежняя шведская социал-демократическая модель находится в кризисе. Ими был сделан вывод, что Америка нашла лучший способ решения проблем современной технологической эпохи [3; 53]. Этот способ — открытие национальных рынков частным компаниям — международным лидерам эффективности производства, уступка государством своих регулирующих функций частному капиталу. Они также стали делать прогноз, что за экономической глобализацией последует политическая, которая доведет дело до создания мирового правительства [6; 74].

Это отражение точки зрения той группы аналитиков, которая восторженно относится к глобализации, видя в ней продукт новой технологии, порождающей принудительное следование экономическим интересам с одновременным подавлением национальных страстей: общества должны сделать выбор между модернизацией, открытием экономики и политических систем и старыми битвами по поводу территорий и национальной славы.

Глобалисты, при всех их оттенках, свято убеждены, что, несмотря на все противоречия, глобализация стала тенденцией, определяющей историческое развитие. И следует обратиться к строительству новой мировой структуры, которая погребет над собой национальные границы.

Суммируя работы многих ученых в рамках модернизационной парадигмы, можно выделить ряд положений:

1. Модернистской точке зрения в 1950–1965 гг. были свойственны «европоцентристские положения», а именно «мир представлял собой единую систему, устремленную в единое будущее», где только Запад определял магистральные пути развития (индивидуализм, приверженность демократии, капитализму).

2. Антимодернистская концепция глобализации подвергла сомнению «европоцентристские» положения модернистов, утверждая, что модернизация может идти различными путями, не обязательно повторяя европейский опыт.

3. Сердцевиной постмодернистского видения мира, его принципиальная особенность состоит в оценке дихотомии Запад — не Запад. Постмодернисты выдвинули принцип универсальности мира, который нивелировал различие между Западом и «вторыми», и «третьими» странами.

4. Исследователи неомодернистского подхода поднимают вопросы сочетания «модернизированных» и «традиционных» форм в современном обществе (с учетом цивилизационных различий между странами) и о возможности единой теории модернизации, намечающей единый вектор развития различных стран.

Список литературы

1. Нысанбаев А. Казахстан в условиях глобализации. — Алматы: Компьют.-издат. центр Ин-та философии и политологии МОН РК, 2006. — 363 с.
2. Радионова И.А. Глобальные проблемы современности. — М.: Айрис Пресс, 1995. — 218 с.
3. Уткин А.И. Глобализация: процесс и осмысление. — М.: Логос, 2002. — 294 с.
4. Гладкий Ю. Глобалистика: трудный путь становления // Международная экономика и международные отношения. — № 10. — 1994. — С. 29–38.
5. Гжегож В. Колодко. Глобализация и перспективы развития постсоциалистических стран. — Екатеринбург: Изд. ЕГУ, 2002. — 200 с.
6. Иноземцев В. Расколота цивилизация. — М.: Аспект пресс, 1999. — 329 с.

ӨЖ 327

О.Р.Бұлұмбаев

Е.А.Бөкетов атындағы Қарағанды мемлекеттік университеті

ХАЛЫҚАРАЛЫҚ САЯСАТТАҒЫ КҮШ ФАКТОРЫНЫҢ МӘНІ

В статье рассматривается значение силового фактора в международной политике. Исследуя проблему, автор, в первую очередь, уделяет особое внимание месту и роли идеологии в международной политике, конфликту идеологий и образованию биполярного мира; сущности идеологической борьбы между двумя блоками и уровню состояния идеологии в постконфронтационном мире.

The importance of power factor in international politics is examined by the author in a given article. In researching aforesaid problem the author at first devotes special attention to place and role of ideology in international policy, also to the conflict of ideologies and education of bipolar world, to essence of ideological straggle between two blocks and to the level of ideologies condition in the post confrontational world.

Идеологияға адамдар, институттар, партиялар, қауымдастықтар арасындағы институционалдық қатынастардың маңыздылығын көрсету және де нақты қоғамдық-тарихи жағдайлардағы қандай да бір саяси шындықтарды түсіндіру, негіздеу, ақтау немесе қабылдамау міндеті жүктелген. Оның маңызды қызметі қандай да бір қауымдастықты немесе топты өзге қауымдастықтар мен топтардан ажыратуда жатады. Германдық зерттеуші О.Ламберг айтқандай, бұл қызметтің қорғаныштық әрекеті тиісті топ мүшелерінің қорғаныс, қорқыныш, агрессияшылдық инстинктілерін тудыратын басқа қоршаған орта өшпенді күш ретінде көріну жағдайында орын алады. Әрбір идеологиялық құрылыс өзінде антиподы, немесе қарсыласы, туралы толық мәлеметті иеленеді. Және де топтың бірігушілік дәрежесі көбіне қарсыластың бейнесіне байланысты [1].

Бұл көзқарас тұрғысынан саясат әр түрлі идеологиялық жүйелердің, идеялық-саяси ағымдар мен бағыттардың соқтығысатын алаңы ретінде көрініс табады. Алайда бұл жағдайды тек атап өту көп нәрсені түсіндіре қоймайды. Өйткені әйгілі «саясат — мүмкіншілік өнері» формуласы өзінің бар шындығымен қазіргі жағдайда да заңдылығы мен әрекеттілігін сақтап отыр. Бір жағынан, «мүмкіншілік өнері» саясатты идеологияландырудың белгілі шегін орнатса, екінші жағынан, идеология өз кезегінде қандай да бір саяси партия немесе үкімет өз саяси бағытын жүргізуде өз саяси кредосының негіздеуші қағидаларына зиян келтірмей шыға алатын мүмкін шектерді анықтайды. Мұның барлығы халықаралық қатынастар саласына тікелей қатысты.

XIX ғасыр соңындағы белгілі неміс философы Ф.Ницше XX жүзжылдық әлемдік үстемдік үшін философиялық қағидалар атынан жүретін әр түрлі күштер күресінің ғасырына айналатынын ескерткен [2]. Ницшенің ескертуі сәуегейлі болып шықты. Айырмашылық дүниетанымдық бастаудың сан алуандылығы мен күрделілігі идеологиялық өлшеммен ауыстырылып, идеологиялық қағидалардың философиялықтан басым шығуынан ғана көрініс тапты.

Үшінші мыңжылдықтың межесінде байқала бастаған еуроцентристік әлемнің аяқталуы өзінің әскери-саяси және идеологиялық-саяси өлшемдеріндегі екі полюсті әлемдік тәртіптің қирауының баста-

луына және де бұл тәртіпті бекіткен суық соғыстың аяқталуына сай келді. Вестфальдік және Веналық жүйелерден бастап нұсқасы қалыптасқан еуроцентристік геосаяси күштер конфигурациясында халықаралық саясаттың басты мәселелері шын мәнінде Еуропаның бірнеше ұлы державаларының «концертімен» шешілді. Ал шамамен испан-американ соғысынан кейін бұл державалар қатарына АҚШ-та енді. Бірінші дүниежүзілік соғыс еуропалық белгінің артықшылығы немесе ерекшелігіне негізделген күштер балансы жүйесін жойды. Соғыс барысында және соғыстың аяқталуымен еуропалықтар іс жүзінде АҚШ пен Жапонияның ұлы державалар және де қазіргі әлемнің тағдырын шешушілер роліне ұмтылыстарының заңдылығын мойындауға мәжбүр болды.

Еуропалық және әлемдік күштер жағдайына айтарлықтай өзгерістер 30-жж. Кеңес Одағының бірте-бірте көтерілуі және де әлемнің екі тайталас блоктарға бөлінуімен аяқталған Екінші дүниежүзілік соғыстан кейін енгізілді: халықаралық қатынастардың екі қоғамдық-саяси жүйелер түріндегі екі полюстік құрылымы орнықты. Олар орталықтары тайталас супердержавалар — АҚШ пен КСРО болған НАТО және Варшава пактісімен кейіптелді.

Соған қарамастан, кейбір зерттеушілердің пікірінше, XX жүзжылдықты «идеология ғасыры» деп атай отырып, ахуалды белгілі бір дәрежеде қарапайымдату дамыз. Өйткені сол кезеңде үстемдік құрған негізгі идеялық-саяси ағымдар — марксизм, национал-социализм, либерализм және т.б. іс жүзінде функционалды тұрғыда ұлы діни жүйелер — католицизм, протестантизм, ислам және т.б. баяғыда атқарған рольді орындады. Бұл тұрғыдан олар өзіндік бір секулярлы діндер болып табылды. Дегенмен, өзінің тура мағынасында идеология әлемдік саясатты анықтаушы факторлардың бірі ретінде дәл XX ғасырда өзінің ең аяқталған формасында көрініс тапты.

Мемлекетаралық қатынастардың негізінде жатқан Вестфальдік және Веналық жүйелер ұлттық суверенитет пен легитимділік қағидаларына негізделді. Олар қандай да бір мемлекетке басқару формасы мен ішкі әлеуметтік ұйымдастырылуды телімеді. Бұл жүйелерге, бір жағынан, тең құқылы дәрежеде самодержавиелі Ресей, Габсбургтер монархиясы кірсе, екінші жағынан — либералды Англия, яғни авторитарлық және либералдық тәртіптер. Келісім тек мемлекеттердің сыртқы саяси әрекеттеріндегі мүмкін және мүмкін емес жағдайларға қатысты болды.

Сол себепті заңды немесе легитимді халықаралық тәртіптің маңызды шарттарының біріне қандай да бір мемлекеттің орнатқан басқару формасы мен оның халықаралық сахнадағы әрекеттерінің арасын белгілі бір дәрежеде қатаң межелеу жатты. Халықаралық қатынастардың әрбір қатысушысы әлемдік сахнада өзін жалпылама мойындалған іс-әрекет тәртіптеріне сай ұстап жүрген жағдайда өзінде кез келген әлеуметтік және саяси тәртіпті орнатуға құқылы болды. Сол арқылы мемлекетаралық қатынастардың бір жүйесінің шеңберінде әр түрлі саяси-идеологиялық жүйелердің қатар өмір сүруіне жол берілді.

Жағдай XX ғасырда адамдар ақыл-ойы үшін күрестің халықаралық саясаттың құрамдас бөлігіне айналуымен күрт өзгерді. Оны сараптай келе, белгілі американ зерттеушісі Г.Моргентау өзінің көпшілікпен мойындалған «Ұлттар арасындағы саясат: билік пен әлем үшін күрес» еңбегінің екінші басылымының алғы сөзінде «адамдар ақыл-ойы үшін күресті халықаралық саясаттың жаңа өлшемі ретінде дипломатия мен соғыстың халықаралық өлшемдеріне енгізу қажет» деп атап өтті. Және де Моргентау адамдар ақыл-ойы үшін бұл күрестің халықтар үш ғасыр бойы өзара әрдайым ұрыс-керісте, бірақ баршамен мойындалған құндылықтар және жалпылама әрекет стандарттарының ортақ шатырының астында өмір сүрген халықаралық байланыстың әлеуметтік жүйесіне фаталды соққы бергенін көрсетті... Сол «шатыр» үйінділерінің астында халықтардың аталмыш ортақ үйінің қабырғаларын ұстап тұрған механизм, нақтырақ айтқанда, күштер балансы қалды [3].

Жоғарыда XX ғасырдың алғашқы онжылдықтарында-ақ қазіргі әлемді қайта құрудың басты үш балама саяси-идеологиялық бағыттары: социал-реформизм, фашизм және большевизм арасында ымырасыз шиеленістің орын алғаны айтылып кетілген еді. Екінші дүниежүзілік соғыс барысында Германияның және оның одақтастарының әскери тас-талқан болуы нәтижесінде фашизм тиімді әрі әрекет қабілетті альтернатива ретінде өз өмір сүруін тоқтатты. Басты тайталас альтернативалар ретінде социал-реформистік капитализм мен революциялық социализм (коммунизм) қалды. Идеологиялық шиеленіс өзінің аяқталған формасын Екінші дүниежүзілік соғыстан кейін АҚШ пен КСРО басқаруында болған екі блок арасында иеленді.

Бұл контекстегі Екінші дүниежүзілік соғыстың ерекшелігі оның негізінде жатқан факторлардың XVI ғасырдағы діни соғыстар уақытынан бері алғаш рет идеология компонентімен толықтырылуында жатты. Ол бір мезетте қарсылас жаққа тиісті өмір сүру салтын, құндылықтар жүйесін, өмірді қалыптастыру формасын, саяси тәртіпті және т.б. тануға тиісті аумақтық үстемдік пен идеологиялық соғысты білдірді. Дегенмен, бұл тезистің дәйектілігі соғысушы тоталитарлық державалардың бірінің

(КСРО) либералды-демократиялық елдермен (Ұлыбритания, АҚШ және кейінірек Франция) одақтас болуы фактісімен жоққа шығарылмайды. Біріншіден, бұл соғыс саяси стратегияларының негізінде жаһандық экспансияға деген қондырма анық немесе анық емес түрде орнатылған бітіспес екі тоталитарлық тәртіптер большевистік пен нацистік арасында өмір емес, өлім үшін болды. Бұл жерде Кеңес Одағының халықтары үшін аталмыш соғыстың жамылғысыз нацистік агрессияға қарсы тура мағынасында Ұлы Отан соғысы болғандығын атап өту қажет.

Екіншіден, бұл батыстық демократиялардың әлемдік үстемдікке ұмтылған Германия, Италия және Жапонияның милитаристік тәртіптеріне қарсы соғыс болды. Батыстық демократиялар көптеген себептерге байланысты ортақ жаумен күресте Кеңес Одағынан жаратынды одақтасты тапты. Идеологиялық тұрғыда бұл одақ ұлттық, әлеуметтік және мәдени қатыстылығына тәуелсіз барлық адамдардың бостандығы мен құқығы лозунгісінен тұратын либералдық интернационализмнің қанша дегенмен ашық национал-шовинизм мен расизмді дәріптеген нацизм идеологиясына қарағанда, барлық елдер мен құрлықтардың пролетариатының біртектілігін дәріптеген коммунистік интернационализмге жақын болуымен жеңілдетілді.

«Суық соғыс» барысында идеологиялық шиеленіс шешуші маңызға ие болды. Күш, әскери қуат екі тайталас астам державалар мен әскери-саяси блоктардың өмір сүру салтын, дүниетанымын, жеке легитимділігін тарату қызметіне қойылды. Бұл кезде «суық соғыс» ірі көлемді идеологиялық соғысқа айналып, ондағы аумақтық мәселенің қарастырылуының дәрежесі қандай да бір мемлекетінің аумағында тиісті тәртіп — социалистік немесе капиталистіктің жойылуы немесе орнатылуына байланысты болды.

Басқаша айтсақ, «суық соғыс» қарама-қарсы саяси және экономикалық жүйелердің тіршілік үшін күресі іспеттес еді. Бұл тұрғыда аумақтық контексте соғыстан кейінгі әлемдік тәртіптің барлық тараптармен мойындалған Батыстағы да, Шығыстағы да мемлекеттік шекараларға қол сұғушылыққа жол берілмейтіндігі туралы әйгілі ялталық келісімдерге негізделгені назар аударарлық.

Идеологиялық, немесе жүйелік, шиеленістің орын алу мүмкіндігі еуропоцентристік (немесе батысцентристік) өркениеттің парадигмалық инфрақұрылымына енгізіліп қойылған болатын.

Мангейм атап өткендей, «барлық партиялардың мәні барлық дәуірде идеологиялық сипатта болады» деген фактіні мойындау «жалпы адамзат ойына деген адам сенімінің» құлдырауына жағдай жасады [4; 122]. Сыртқы саясаттың идеологиялануы және оның негізінде құрылған екінші дүниежүзілік соғыстан кейін әр уақытта қиын, кейде Батыс пен Шығыс арасындағы драмалық қатынастармен қуатталып отырған стереотиптер өзара күмәнділікті, сенімсіздікті және тіпті өшпенділікті арттырып, «темір» немесе әр түрлі перделердің, психологиялық қарсы тұру қабырғаларының орнатылуына ықпал етті.

Биполярлы әлемдік тәртіп кезеңінде «Шығыс» пен «Батыс» ұғымдарының өзі идеологиялық өлшемді иеленіп, іс жүзінде таза географиялық сипатта қолданылудан қалып, идеологиялық-саяси мәнге айналды. Дәл идеологиялық өлшем екі полюсті әлем өзегін құрайтын орталық элементтердің бірінің қызметін атқарды. Дәл ол айтарлықтай дәрежеде көпшілік елдерді аталмыш полюстердің бірінің төңірегіне топтасуға итермелейтін стратегиялық императивті қамтамасыз етті. Бұл белгіге байланысты Қиыр Шығыста орналасқан Жапония Батыстың бір бөлігіне айналды.

Мұндай ахуалға белгілі бір түзетулер әлемдік қауымдастықтың бір-бірінен экономикалық даму дәрежесі, өмір сүру салты, дүниетанымы бойынша ерекшеленетін үш түрлі әлемге бөлінумен орын алды. Біріншісіне дамыған және оған кірігетін Еуропа мен Солтүстік Америка елдерінің тобы және де Жапония мен экономикалық дамуда белгілі бір жетістіктерге жеткен кейбір азиялық елдер жатады. Негізінде бұл «орталықты» құраған капиталистік дамудың бірінші эшелонының елдері болып табылады. Ал өз қатарына социалистік елдерді енгізетін «екінші әлем» туралы сөз жүргізу тек Екінші дүниежүзілік соғыстан кейін мүмкін болды.

Өйткені КСРО шынайы күшке және әлемдік деңгейдегі ықпалға тек 30-жылдардың ең соңына қарай ие болды. Елдің әлеуметтік және экономикалық дамуына кері әсер еткен қанды азаматтық соғыстан кейінгі ұзаққа созылған экономикалық күйзелу, экономика саласындағы зор материалдық және адами ресурстар жұмсалған көптеген тәжірибелер, репрессиялар КСРО басшылығына өзінің идеологиялық-саяси ұмтылыстарын әсершіл экономикалық және әскери-техникалық әлеуетпен бекітуге қол байлау болды.

Алайда КСРО гитлерлік Германияны тас-талқан етуде шешуші роль ойнау арқылы екінші дүниежүзілік соғыстан қуатты әскери-саяси держава болып шықты. Нәтижесінде КСРО 20–30-жылдары капиталистік әлемге ең алдымен идеологиялық қауіп төндірсе, енді ол шынайы әскери қауіпке де айналды. Және де КСРО соғысаралық кезеңдегі жалғыз социалистік ел болды. Соғыстан кейін фашистік

езгіден босатылу нәтижесінде Шығыс Еуропа елдері — Польша, Венгрия, Румыния, Чехословакия, Албания, Болгария және Югославия дамудың социалистік жолына түсті. Олардың таңдауына соғыстан кейінгі реттеу бойынша жүргізілген келіссөздердің барысында Шығыс Еуропаның аталмыш аймақта оқиғалардың дамуына қатаң бақылау орнатқан КСРО-ның әсер ету аймағына енуі шешуші роль атқарды. Нәтижесінде соғыстан кейінгі бірнеше жыл ішінде аталмыш елдердің барлығында коммунистік және жұмысшы партиялары жеңіске жетті.

Шығыс еуропалық елдердің соңынан Азияның кейбір елдері ерді. 1949 жылы Қытайда халықтық демократиялық революция болып, нәтижесінде Қытай Халық Республикасы құрылды. Кейінірек Корея Халық Демократиялық Республикасы, Вьетнам Республикасы, Лаос Халық Демократиялық Республикасы және Кампучия Халық Республикасы құрылды. 60-жылдардың басында дамудың социалистік жолын таңдағаны туралы 1959 жылы билікке келген Ф.Кастро басқаруындағы Куба басшылығы жариялады. Нәтижесінде басында КСРО орналасқан социалистік және халықтық-демократиялық тәртіпке ие барлық елдерді біріктірген әлемдік социалистік жүйе пайда болды.

Сол уақытта отарлаушы империялардың ыдырауы нәтижесінде әлемдік сахнаға көптеген белгілері бойынша, әлеуметтік-экономикалық болсын, әсіресе идеологиялық-саяси болсын, толық түрде екі топтардың біреуіне де жатпайтын тәуелсіз мемлекеттердің жаңа тобы шықты. Латын Америкасымен бірлесе отырып, олар бірқатар ортақ жүйе қалыптастырушы сипаттар бойынша біріккен елдердің ерекше тобын құрады. Ол мынадай сипаттар еді: экономиканың артта қалуы, әлеуметтік-таптық құрылымның әлсіз дамығандығы, шаруашылықтың басым орынды алуы, ұлттық кәсіпкерліктің әлсіздігі, жұмысшы табының жетілмеуі, кең көлемде дәстүрлі патриархалды, тайпалық, әулеттік, патерналистік құрылымдар мен элементтердің және т.б. сақталуы. Жоғарыда аталған екі топтан ажырату үшін оларды «үшінші әлем елдері» деп атады.

Үшінші әлем елдерінің саяси тәуелсіздікті жеңіп алуларынан кейін бірінші орынға шынайы экономикалық тәуелсіздікке қол жеткізу міндеттері шыға бастады. Бұл өз кезегінде экономикалық артта қалушылықтан шығу және халықтық шаруашылықты жылдам даму жолына ауыстыру мәселелерін көтерді. Олар дәл осы міндетті шешудің біріншілік қажеттілігіне байланысты дамушы елдер деп аталды. Даму мәселесі формалды саяси тәуелсіздіктің негіздеуші экономикалық тәуелсіздіксіз тек ізгі тілек ретінде қала беретіндігін сезіну барысында үлкен маңыздылыққа ие бола бастады. Экономикалық және қаржылық көмек іздеу барысында үшінші әлемнің түрлі елдерінің арасында Батыс пен социалистік қауымдастық елдері, ең алдымен КСРО-ның ықыласы үшін өзіндік бір бәсекелестік жүрді. Өз кезегінде олар соңғылары үшін кей жағдайларда локалды және аймақтық соғыстарға ұласқан әсер ету аймағы үшін катал идеологиялық және саяси күрестер сахнасына айналды. Мысалы, 60-жылдар мен 70-жылдардың басында Оңтүстік-Шығыс Азияда немесе 70–80-жылдары Анголада болған жағдайлар. Және де аталмыш топ елдері дифференциациясының қарсыласушы блоктардың бірін қолдауы немесе жақындастығы бойынша жүруі кездейсоқ емес еді.

Кеңес идеологиясының және кең мағынада марксизмнің XX ғасырдың ортасы мен екінші жартысындағы саяси экономия мен халықаралық қатынастарға маңызды әсер еткенін атап өту қажет. Әсіресе марксизм неомарксизмнің әр түрлі нұсқаларын жасап шығарған батыс интеллигенциясының арасында үлкен ықпалға ие болды. Сонымен қатар колониализмнен постколониализмге өту кезеңінде дамушы елдер элитасы дүниетанымы мен ұстанымдарының марксистік және марксистік-лениндік түспен әрленгенін жоққа шығаруға болмайды. Мысалы, Дж.Неру: «Маркс пен Ленин еңбектерін оқу менің ойлауыма үлкен ықпал етіп, тарихты және қазіргі оқиғаларды жаңа қырдан көруіме көмек берді», — деп мойындады [5].

Кеңес басшылары мен идеологтары батыстық капитализмнің әлеуеті мен мүмкіндіктерін бағалай алмады, дамушы әлем элиталарының көңіл-күйі мен ұстанымдарын дұрыс қабылдамады және дамыған әлемнің жұмысшы табының кейіпін түсіндіруде қатты алданды. Уақыт өткен сайын кедей елдердің кедейлігі бай елдердің бай болуы себебінен еместігі айқын бола бастады. Дж.Пучала дұрыс көрсеткендей, «әлемдегі ең кедей елдерге батыс капиталымен ескерілмегендер жатады; керісінше, экономикалық тұрғыдан жетістіктерге жетіп жатқандардың көпшілігі батыс капиталының қолдауына көбірек тартылғандар болып шықты. Үлкен экономикалық жетістіктерге қол жеткізіп жатқан батыстық емес елдер — капиталистік даму жолын өздері таңдағандар және аталмыш дамуға жағдай жасайтын халықаралық жүйемен барлық байланыстарды орнатқандар» [6].

Идеологияландырылған сыртқы саясат бар баланстың қарсыласушы жақтың бірінің пайдасына өзгеруін, ұлы державалар арасындағы күштер тепе-теңдігіне негізделген дипломатияның сақ, шынайы және прагматикалық стилінен бастартуды имплицитті түрде көздейді.

Суық соғысқа ұласқан екі блок арасындағы шиеленістің мәні және де ерекшелігі оның концептуалды тұрғыда екі әлеуметтік-саяси жүйелердің жаһандық идеологиялық, саяси және әскери қарсы тұруымен қатар, жүйеаралық сипатқа ие болып, дүниетанымдық және идеологиялық бастаумен қамтылуында жатты.

Екінші дүниежүзілік соғыс өз мақсаттарының бірі ретінде сол заманның ірі әскери-саяси державалары арасында күштің әлемдік балансын түбегейлі түрде қайта үлестіруді көздеді. «Суық соғыс» жаңа әлемдік тәртіптегі алғашқы рольдерге тартыста шынайы үміткерлер қатарында екі аса державалар — АҚШ пен КСРО-ның қалуымен ерекшеленді. Геосаяси тұрғыда әлем биполярлы болды. Осыған байланысты С.Хофман жазғандай, «суық соғыс» ұстамды крест жорығы болды, дегенмен ол крест жорығы болып қала берді. Әлем біздер мен олар, жақсы мен жаман, жақсы жігіттер мен жаман жігіттер, еркін әлем мен қанаушылар арасында бөлінген болып көрінді» [7].

Басқаша айтқанда, «суық соғыс» ұғымының астарында тек екі тараптар арасындағы күрделі қатынастар, тек қарсыластық емес, сонымен қоса аталмыш жүйелердің бірі жеңіске жетіп, ал өзгесі жойылатын қасиетті соғыс жатты.

Сыртқы қауіптен қорғаныстың биполярлы әлем мен «суық соғыс» жағдайында басты екі әскери-саяси блок қызметтерінің бірі ғана болғандығы анық. А.Прозектор атап көрсеткендей, ішкі, «ұстап тұрушы» факторлар айтарлықтай маңызға ие. АҚШ үшін соғыстан кейінгі уақытта — германдық және жапондық экстремизмді «бақылау мен қайта тәрбиелеу», «атлантикалық» әлемді бекіту, Батыс Еуропаның Солтүстік Америкамен байланыстарын нығайту. КСРО элитасы үшін — соцлагерді бақылау, оның бірігуі және «бөтен жүйе» ықпалынан қоршау [8; 19]. Екі жүйенің әрқайсысының дәл өзін халықтардың мүдделері мен қызғушылықтарын білдіруші мен қорғаушысы ретінде есептеуі кездейсоқ емес, тиісінше өз жеңісінің болмай қоймайтындығын, ал қарсы жақтың күйрейтінін негіздеді. Өз позицияларының идеологиялық негіздемелерін жасап шығып, АҚШ өзін еркін әлемнің қорғаушысымын деп, ал КСРО өзін бейбітшілік, демократия және социализм қорғанымын деп жариялады.

Нәтижесінде екі блок арасындағы шиеленіс кең ауқымды өлшемді иеленіп, әлемнің екі тайталас блоктарға бөлінуін, халықаралық қатынастардың екі полюстік құрылымын өзінше заңдастырды.

Аса державалардың жаһандық ұмтылыстары және жер шарының барлық аймақтарындағы оқиғалардың дамуын «тайталастық» терминімен түсіндіру биполярлықтың өз сипаты ретінде соғыстан кейінгі онжылдықтарда орныққан халықаралық жүйе сипаттамаларының белгілерін иеленуге әкелді. Екі аса державалар мен блоктардың басты итермелеуші мотивтеріне өзара қорқыныш пен өз қауіпсіздігі үшін абыржу жатты. Іс жүзінде КСРО-да да, АҚШ-та да «ұлттық қауіпсіздік мемлекетінің» ерекше түрі қалыптасты. Бір-бірінің бейнесіндегі сыртқы жаумен қатаң конфронтацияға түсу ондағы өзекті басымдыққа айналды. Турасын айтқанда, НАТО және ОВД блоктары конфронтациялық қауіпсіздіктің тиімді құралының ролін атқарды. Сәйкесінше қос тараптың назарының ортасында әскери қуатты күшейтуге деген ұмтылыс тұрды.

Биполярлы әлемде ахуал өте қарапайым болды: әрбір тарап қатердің қайдан шыққанын және қандай қатер екендігін азды-көпті білді. Бір-бірімен қатынаста конфронтациялыққа деген ұстаным КСРО үшін де, АҚШ үшін де жаһандық сыртқы саяси стратегияның негізі болды. Мұндай қарама-қарсылық жағдайында жер шарының кез келген аймағындағы соғыстар және шиеленістер екі тараптың бір-бірімен жаһандық күресінің құрамдас бөлігі ретінде қарастырылды. Аталмыш соғыстар (немесе шиеленістер) қос тараптың әрқайсысының көз алдында қандай да бір нақты мәселені шешу тұрғысынан ғана емес, сонымен қоса Шығыс немесе Батыстың ұтысы немесе жеңілісі ретінде маңыздылыққа ие болды. Және де бір тараптың планетаның белгілі бір аймағындағы немесе жеке қарастырылған елдегі кез келген жеңісі басқа тараптың жеңілісі болып есептелді.

Мұндай қатынас өзара ымыралар мен компромистерді қаламайды немесе оларға қол жеткізуге айтарлықтай қиындық туғызады. Сондықтан да қос тараптың халықаралық қатынасты қызығушылықтар балансы қағидасымен құру туралы пікірдің өзін тойтаруы таңданарлық емес.

Кеңес Одағының ыдырауы және «суық соғыстың» аяқталуымен әлемде түбегейлі өзге ахуал қалыптасты. Ең алдымен, екі полюсті әлемнің идеологиялық-саяси өзегі құлдырап, жоғарыда аталған стратегиялық императив ескірді. «Батыс» ұғымының өзі маңыздылығын жоғалтты. Жапония Азияға «қайта» оралғандай болып, Азия-Тынық мұхиты аймағының өзге жаңа индустриалды елдерімен қатар қайсыбір идеологиялық-саяси байыптарға қарамастан, қалған барлық елдермен және аймақтармен өз қатынасын орнату мүмкіндігіне ие.

Сонымен бірге белгісіздік дәуірі, немесе, М.Вебердің өзі ескерткен, түңілу, елестердің жоғалу кезеңі орнады [8; 30]. XX ғасыр бойы біз білетін секулярлы идеялық-саяси құрылымдар мен утопиялар өткен дәуірлердің ұлы діни ойлары іспеттес көбіне мобилизациялаушы мұраттар ролін атқарудан

қалды. Олар не өз мүмкіншілігін сарқыды, не банкроттыққа ұшырады, не айтарлықтай әлсіреді. Замамыздың көптеген радикалды, социалистік, коммунистік утопияларының жоққа шығарылуы жүзеге асқан факт болды. Адамдар реформаторларға да, революционерлерге де сенуден қалды. Ұлы бағдарламалар, ұлы табулар және ұлы бастартулар жігерлендірмейді әрі қорқыныш тудырмайды. Олар өздеріне деген толық немқұрайлықтан әрекет қабілетсіз болуда.

Кеңес мемлекетінің құлауымен коммунистік утопия да жоққа шығарылды немесе, керісінше, утопияның жоққа шығарылуымен империя құлады. Марксизм-ленинизмнің құлдырауы және сонымен байланысты кеңестік тәжірибенің сәтсіздігін мойындау қазіргі әлемнің көптеген әлеуметтік ойларына соққы болып тиді. Және де социалистік революция мен жалпылама әлеуметтік теңдік қағидасына негізделген қоғам туралы аңыз болашақтағы қайсыбір маңыздылығынан айрылды.

Алайда бұл құлдырау қоғамдық-тарихи дамудың батыстық жолының және қоғамдық құрылыстың батыстық үлгісінің кемелдігінің көрсеткіші емес. Бұған дәлел ретінде батыстық емес әлем нарықтық экономика және саяси демократия қағидаларын қабылдап жатқандай болғанымен, Батыстың өзінде ағартушылық мұрасын және ол тудырған — индивидуализм, саяси демократия прогресін сынау күшейіп жатқанын айту жеткілікті. Және де Батыс қандай да бір нандырарлық альтернативті аңызды ұсына алмады.

Соғыстан кейінгі уақыттың көп бөлігі бойы алдыңғы қатарлы елдердің халықаралық-саяси әрекетін анықтап отырған идеологиялық аңыздың жойылуы әлемнің екі тайталас шепке бөлінуіне әкелген қарама-қарсылықтың идеологиялық негізінің эрозиясын және құлауын білдіреді.

Бірінші кезде марксизм-ленинизмнің құлдырауы кез келген идеологияның толық өлімін білдіргендей ой қалдырды. Бұл жағдай бірсыпыра жалған әулиелерге «тарихтың соңы» және прагматикалық либерализмнің жаңа дәуірінің орнығуы туралы айтуларына мүмкіндік тудырды. Және де мобилизациялаушы мұрат сипатында қандай да бір идеалды-бағдарламалық, саяси-идеологиялық құрылымдардың болу мүмкіндігі мен заңдылығының өзіне шүбә келтірілді. Көптеген сұрақтар туындады. Демократия жаңа тарихи шындықтардың талаптарына тиімді жауап беруге қабілетті ме? Либерализм немесе капитализм дәстүрлі идеологиялық жүйелердің анық дәрменсіздігінен кейін орын алған вакуумды толтыра алады ма? Бұл және өзге де сұрақтарға жауап іздеу барысында идеологияның адамдар қауымдастығын байланыстырушы ретіндегі қызметінің толығымен жоғалып кетуі мүмкін емес екенін де ескеру қажет. Өйткені ешнәрсеге қарамастан, жаңа идеологиялық құрылымдар мен аңыздар пайда болады, бірақ олар әр түрлі кейіпке енеді.

Бұл саладағы қазіргі ахуал импровизация мен фрагментарлықтың басым болуымен, қандай да бір толық және бірізді теория мен идеологияның жоқтығымен сипатталады. Әлемдік үдерістердің белгісіздігі, болжай алмаушылық және кездейсоқтық сезімінің артуы орын алуда. Бұл көбіне идеологиялық негіздерден айрылған жаһандық ауқымдағы ығысулар күтпеген жағдайларды тудыруы мүмкін көптеген әлеуметтік, экономикалық, мәдени, технологиялық және өзге факторлардың тіркесуінен туындауымен түсіндіріледі. Сол себепті қалыптасу үстіндегі жаңа әлемдік тәртіптің күтпеген нәтижелер тудыруы мүмкін көптеген жасырын аспектілерінің болуы таңданарлық емес. Бұл нәтижелер жиынтығында жеке қоғамдастықтар ішінде және де әр түрлі халықтар, елдер, мәдениеттер, конфессиялар және т.б. арасында шиеленістік потенциалды күшейтуі мүмкін факторлардың ауқымды кешеніне жапсырылады. Постиндустриалды революция, урбанизация, ақпараттану, сауаттылықтың өсуі ерекше мәдениетті тудырып, өз тамыры мен жерінен айрылған, әлемнің бар игілігін беруге уәде беретін кез келген аңызды қолдауға әзір физикалық және ой еңбегі люмпендерінің бұқарасын қалыптастырды. Сонымен қоса секуляризация динамикасы жеке қажеттіліктері мен тілеулерін қанағаттандыру әрекетінің басты мотиві, басты өмірлік кредосы болып табылатын адам түрін тудырды. Бұл өзімшіл адам, С.Даннелс сәтті көрсеткендей, жауапкершілікпен түзетілмейтін бостандық дамуының нәтижесі болып табылады [9]. Ол тұлғаның айқындалуын шектейтін барлық нәрсені жоққа шығарып, институттарға, әлеуметтену үдерістеріне, міндеттемелерге, яғни кез келген қоғамның негізін құрайтын барлық нәрсеге, қарсы шығады. Ол қоғамды барлық қателіктерге, кемшіліктерге, рухани кедейлікке және т.б. жауапты ретінде жазғырады. Барлығы қажеттіліктерді қанағаттандыру, ляззаттану қызметіне қойылған гедонистік қоғам ол үшін идеалды болып табылады.

Қажеттіліктер әрдайым қайта туындап отыратындықтан, адамдар өз жағдайымен түпкілікті қанағаттана алмайды. Сол себепті постмодернизм жақтаушыларының батыс қоғамын «қанағаттанбаған қоғам» деп атауы кездейсоқ емес. Бұл бағыт өкілдері А.Геллер мен Ф.Фезер жазғандай, аталмыш ұғымға қазіргі батыс қоғамының ерекшелігін қажеттіліктерді өндіру, қабылдау, тарату контекстінде ашу талабы қойылған. Қажеттіліктерді өндіру, қабылдау, таратудың қазіргі формалары қандай да бір нақты қажеттіліктің шынайы немесе шынайы емес түрде одан тәуелсіз жүзеге асуына қарамастан, қа-

нағаттанбаушылықты күшейтеді. Және де жалпылама қанағаттанбаушылық қазіргі қоғамдарды қайта тудырудың күшті итермелеуші факторы сипатында әрекет етіп отыр [4; 127].

Әдебиеттер тізімі

1. Ойзерман Т. Принципиальные основы самокритики марксизма // Свободная мысль. — 1993. — № 7. — С. 16.
2. Гаджиев К.С. Введение в геополитику. — М.: Гардарики, 1999. — С. 215.
3. Сирота Н.М. Основы геополитики. — СПб.: Мысль, 2001. — С. 57.
4. Мировое политическое развитие: Век XX / Под ред. Н.В.Загладина. — М.: Логос, 1995. — 325 с.
5. Лебедева М.М. Мировая политика. — М.: Логос, 2003. — С. 172.
6. Бек У. Национальное государство утрачивает суверенитет. — М.: АСТ, 2004. — С. 52.
7. Цыганков П.А. Международные отношения. — М.: Логос, 1996. — С. 29.
8. Ханнингтон С. Столкновение цивилизаций // Полис. — 1994. — № 1.
9. Рормозер Г. Кризис либерализма. — М.: Наука, 1996. — С. 59.

УДК 930.1:008

Б.Г.Нугман

Карагандинский государственный технический университет

ОБЗОР ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ПОДХОДОВ В ФИЛОСОФСКИХ ТРАДИЦИЯХ

Мақалада тарихты игеру жолындағы философиялық дәстүрлер ұсынылып, шолу мәселелері басышылыққа алынған. Философиялық ұстанымдардың қарама-қайшылықтары бірлікте қарастырылып және сол қарама-қайшылықтың негізінде өркениеттік зерттеудің мәндік тұрғыдағы ақтаңдақтарының ашылатындығы көрсетіледі.

This article shows philosophical traditions of history study, this problem is taken into consideration, under guidance. According to this attention is paid to methodological problems of solving. Contradictions of philosophical directions are looked through in whole, in union. How events on the base of contradictions discovered by civilized research methods.

Мифы живучи, когда потребность в них сохраняется. Стереотипы также меняются с трудом [1; 67]. Точно так же в 20-х годах XX в., когда в научном кругу стало возможным рассмотреть «пантюркизм» как альтернативу европоцентризма, это зачастую превращалось в средство манипуляции общественным мнением [1; 67].

Представление о коренном различии между оседлыми и кочевниками (не говоря уже между Западом и Востоком) сложилось в европейской науке об обществе еще в XVIII в. (хотя имеет довольно глубокие корни). Объяснялось оно отсутствием на Востоке частной собственности. По мере утверждения идеи «прогресса» Запад начал рассматриваться как форма более прогрессивная, а Восток — как отставший от западного развития. В XX в. дихотомия «Восток–Запад» переосмыслена в категориях «традиционного» и «современного», но применительно к цивилизационным аспектам изучения общества по-прежнему присутствует «дискуссия» в современной науке.

Поэтому проблемы изучения исторического опыта, стремление прояснить собственное положение в истории — все это предполагает традицию осмысления истории в философской науке. Ее истоки и настоящее положение дел необходимо сделать предметом специального рассмотрения.

Актуальность данной темы в настоящее время достаточно велика. Процесс этот закономерен, поскольку «новое» (интерес общественности) не может ограничиться беглым соприкосновением с минувшим. На это обращал внимание еще Н.А.Бердяев. Он писал, что «исторические катастрофы и переломы, которые достигают особой остроты в известные моменты всемирной истории, всегда располагали к размышлениям в области философии истории, к попыткам осмыслить исторический процесс, построить ту или иную философию истории» [2; 4].

Для Казахстана проблема исторического развития весьма велика. До сих пор обсуждается вопрос о том, что представляет собой Казахстан, по какому пути он развивался, каково его место в мире. Казахстан в силу исторических и геополитических факторов имеет свою судьбу. Между тем все едины во мнении, что Казахстан на современном этапе должен способствовать диалогу Запад–Восток и на этой основе вырабатывать арсенал своих собственных «ценностей».

Растущая роль гуманитарного знания в современном обществе обусловила превращение цивилизации в предмет междисциплинарных исследований, конечной целью которых является обнаружение взаимосвязей человека, общества, культуры. Взяв в качестве отправной философско-методологическую точку зрения, ученые стремились показать сущность цивилизационного подхода, его возможности. За пределами рассмотрения осталась широкая сфера историко-философских исследований в области цивилизационного подхода. Эта сфера требует особого анализа, составляющего предмет самостоятельного исследования. Новое складывается медленно и трудно. Вместе с тем остается еще немало сложных и дискуссионных проблем. Но сейчас нашему обществу необходимо понять, каким оно хочет быть. Для этого важно знать собственное прошлое и изучить опыт других стран.

Изучение непосредственно общества как целостной социальной системы предполагает обоснование ряда новых положений и введение новых понятий, с помощью которых могут быть объяснены механизмы его функционирования и развития. На пути осмысления данных вопросов предстоит познакомиться с различными подходами течений и школ философии, внесших вклад в понимание проблем развития культуры как типа цивилизации. Это поможет глубже представить общество во всем многообразии его явлений и процессов, а также уяснить различные подходы к его изучению.

Прежде чем определить рассматриваемый предмет, укажем на основные значения понятия «цивилизация». В силу универсальности и многозначности эта категория трудно поддается определению. Предпринималось множество попыток ее сформулировать. Исходные принципы самые разные. Наиболее распространено определение цивилизации через понятие культуры: О.Шпенглер, Н.Бердяев и другие. Для П.Сорокина цивилизация — это огромные музейподобные хранилища материальной культуры. О.Шпенглер считал главным в цивилизации характерные для этого общества форму и стиль культуры. Такой подход имеет богатую традицию и широко используется в теории и истории культуры. Но сейчас наблюдается стремление, опираясь на существующие разработки, расширить горизонты цивилизационного подхода до общеоисторической методологии. Все большее распространение получает понятие о цивилизации как о социокультурной макро- или суперсистеме, имеющей внутренний механизм функционирования. В данном случае определение дается через категорию общества и его функциональных составляющих. Такой подход характерен для Н.Я.Данилевского. Говоря о цивилизации, он писал: «Главное должно состоять в отличии культурно-исторических типов, так сказать, самостоятельных, своеобразных планов религиозного, социального, бытового, промышленного, политического, научного, художественного, одним словом, исторического развития» [3; 14]. А.Тойнби также представлял цивилизацию как целостную общественную систему: «Цивилизация — это целостности, части которых согласованы друг с другом и взаимосвязаны... Все аспекты социальной жизни цивилизации, находящейся в стадии роста, скоординированы в единое социальное целое, где экономические, политические и культурные элементы согласованы в силу внутренней гармонии» [4; 41].

Современное представление о цивилизации рассматривается мыслителями как нечто «единое», находящееся вне рамок социальных систем. Это связано с идеей целостности мира. Категория «цивилизация» охватывает природу и уровень развития материальной и духовной культуры, результаты деятельности человечества по созданию «второй природы».

Категория «цивилизация» используется в широком спектре наук и поэтому употребляется на различных уровнях абстракции:

- в общеполитическом смысле — как социальная форма движения материи;
- как общая социально-политическая характеристика всемирно-исторического процесса и качественно-определенных стадий развития;
- как культурно-исторический тип, характеризующий регионально-традиционные особенности развития общества;
- как обозначение цивилизованных обществ, сохраняющих в течение длительного времени свою жизненную целостность.

Итак, главная мысль в содержании категории «цивилизация» сводится к многообразию исторического процесса, который проходит путь от локальных, региональных стадий к общепланетарному уровню. Конечно, все характеристики цивилизации не случайны, они отражают различные реальные

стороны и особенности исторического процесса. Вместе с тем сама жизнь показала необходимость использования понятия цивилизации, выявления его реального научно-философского содержания. Некоторые итоги исследовательской работы, проделанной учеными в этом направлении, можно представить следующим образом. Цивилизация включает в себя преобразованную человеком, окультуренную историческую природу и средства этого преобразования, человека, усвоившего культуру и способного жить и действовать в окультуренной среде своего обитания, а также совокупность общественных отношений как форм социальной организации культуры, обеспечивающих ее существование и продолжение.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что попытки определить базовую категорию цивилизационного подхода идут в одном направлении: цивилизация — это сложная общественная система, имеющая внутренний механизм функционирования. Что представляют собой факторы, определяющие существо цивилизации, ее неповторимое своеобразие? Определялись они по-разному. Наиболее часто выделяли следующее: географическая (или природная) среда; система ведения хозяйства; демографическая; социальная организация, религия (духовные ценности); политическая система. На одно из первых мест в этом списке в последнее время выдвигается также ментальность (менталитет). Это понятие используется разными общественными науками: философией, социологией, психологией. По мнению ученых, менталитет — это совокупность умственных установок, привычек мышления, фундаментальных верований индивида. В более широком контексте понятие ментальности адекватно особенностям общественного сознания.

Таким образом, цивилизационный подход — становящееся направление развития отечественной современной науки. Автор, чтобы подойти к основному вопросу поставленной цели, попытался конкретизировать представление в основных чертах обзора цивилизационного подхода, так как содержание цивилизационных исследований зависит от характера и принципов постановки исследовательских проблем.

Итак, в философской трактовке существуют различные «цивилизационные» подходы к изучению истории, позволяющие анализировать всеобщую историю и историю отдельных обществ. В интерпретации всемирной истории эти концепции стремились обосновать социальный и культурный плюрализм в развитии человечества, дать философское обоснование историческому процессу. Но при всем различии мировоззренческих и методологических позиций можно обнаружить некоторые общие черты.

- История рассматривается как процесс, который разворачивается в реальном пространстве и времени в силу определенных причин, которые предопределяют ее направленность.
- Осмысление путей развития создавало проблему понимания единства исторического процесса, каждой цивилизации.
- Во многих учениях история носит явный или скрытый телеологический (целеполагающий) характер. В религии это хилиастическая эсхатология (учение о конце земной истории), в материалистической философии — некий автоматизм закономерностей общественного развития и т.д.
- Уделяется внимание характеру движения истории. Поэтому здесь также возникла своеобразная дихотомия — линейное или циклическое движение.
- История постигается как процесс, имеющий свои стадии развития. Одни мыслители отталкиваются при этом от аналогии с живым организмом (детство, юность и проч.), другие берут за основу выделения стадий особенности развития каких-либо элементов или сторон бытия людей (религии, культуры или, напротив, орудий труда, собственности и т.п.).
- И последнее, история всегда осмысливалась под влиянием социокультурных факторов, как правило, общечеловеческое начало выступало в специфической форме. Она и определила методологические подходы в цивилизационном анализе.

В целом на сегодня, применительно к истории человечества, существуют два основополагающих подхода: унитарно-стадиальный и универсально-плюралистический. В рамках первого выделяются две основные концепции — марксистская и либерально-модернизационная. Марксистская концепция объясняет всемирную историю посредством общественно-экономических формаций и выделяет на этой основе определенные стадии или формации (отсюда другое ее название — формационная). Либерально-модернизационная концепция выдвигает в качестве основной детерминанты технический фактор и выделяет стадии: традиционную (аграрную), индустриальную (промышленную) и постиндустриальную. Таким образом, первый основополагающий подход рассматривает всемирную историю как единый процесс и ее прогресс эволюции видит в форме стадиального развития [5; 84].

Наиболее популярным и разрабатываемым сегодня является второй, универсально-плюралистический, подход, рассматривающий историю человечества как историю различных, самостоятельных образований, имеющих свою собственную историю и культуру. Преимущество данного подхода заключается в том, что его принципы применимы к истории любой страны и любой группы стран. Важнейшее его достоинство — представление об истории как о многолинейном, многовариантном процессе. Эта теория в значительной мере учитывает и может включать методики других школ и направлений. Она носит сравнительный характер, т.е. по логике этого подхода существует множество исторических образований (цивилизаций). Все эти образования имеют право на существование и к тому же равноценны. История каждого из них уникальна, как уникальны они сами.

Но нелишне дать и более детализированную схему основных подходов: религиозный (теологический), естественнонаучный (в марксистской литературе его чаще называют натуралистический), культурно-исторический, социально-экономический (формационный), технико-технологический (техничко-детерминистский). В религиозной картине исторического процесса за исходный пункт принимается идея творения мира богом. В рамках естественнонаучного подхода в качестве отправного момента исследования человеческой истории выступает какой-либо природный фактор (географическая среда, народонаселение, биосфера и проч.). Культурно-исторический подход чаще всего выступает в форме цивилизационного в узком смысле этого слова. Здесь на первый план выходит культура (в целом или в каких-то конкретных формах).

Указанные «цивилизационные» подходы в эволюции миропонимания взаимосвязаны и взаимодополняемы. Нельзя утверждать о совершенстве одного или опровержении другого из них. Они являются лишь составляющими элементами изысканий. Сегодня проблема подбора законов исторического пути для казахской цивилизации в философских исследованиях не менее, если не более, актуальна. И потому основное внимание было уделено обзору «цивилизационных» подходов.

Перечисленные подходы к истории существенно различаются по месту и роли в социально-философском познании, по их влиянию на социальную практику. Своим происхождением понятие «civilis» обязан французским и английским просветителям второй половины XVIII в. С этого периода по сегодняшний день эта мысль продолжает свое развитие в трудах ученых различных областей.

Формирование гуманитарной мысли происходило в рамках двух параллельно развивавшихся направлений, выдвинувших целостные, методологически обоснованные концепции. Одно направление придерживалось комплексного материалистического подхода в изучении цивилизации, рассматривающего цивилизацию как уровень развития, на котором преодолевается зависимость от природы и окружающей среды и складывается сложное, разнообразное общество, которому уже присущи производительный тип хозяйства, функциональная разделенность различных сфер и уровней жизни, некая системная организованность. В рамках этого направления сформировались социальные и экономические науки, которые были призваны объяснить разнообразие материально-предметного мира и выявить закономерности и феномены развития мира.

К.Маркс как создатель этой теории (на материале западной истории) осознавал многообразие мира, видел, что не все страны подходят под формационные характеристики, особенно применительно к восточным обществам. Восток не укладывался в схему пяти формаций. Учитывая это, К.Маркс выдвинул проблему азиатского способа производства, но так и не решил ее. Поэтому при любых идеологических послаблениях возникали дискуссии о том, действительно ли теория формаций отражает объективный закон исторического развития.

Со временем его учение приобрело широкую популярность. В СССР марксизм стал официальной идеологией. Утверждалось, что все народы раньше или позже придут к коммунизму. Сторонники сталинского марксизма и без того общие высказывания К.Маркса упростили и сформулировали жесткий закон смены общественно-экономических формаций, в которые было втиснуто все мировое развитие, в том числе и история Казахстана.

Параллельно с материалистическим подходом был разработан комплексный подход в изучении цивилизации, который охватывал все стороны жизни общества. Цель этого подхода — раскрытие многообразия мира в его социальных, культурных и т.д. проявлениях. К числу представителей данной школы относились немецкие, английские, русские, американские ученые, а также тюркские ученые-просветители (пантюркизм или пантуранизм, панисламизм).

Итак, эволюция понятия «цивилизация» показывает, что процесс его, по существу, еще не завершился. На сегодня можно выделить три этапа этой эволюции:

- Первый охватывает период с середины XVIII в. до середины XIX в. Его представители — Ф.Вольтер, А.Фергюссон, А.Р.Тюрго, И.Г.Гердер, Ф.Гизо, Гегель и другие. На этом этапе доминиру-

ют сближение идей цивилизации и прогресса, линейно-стадиальная характеристика процесса цивилизации. Понятие «цивилизация» употреблялось исключительно в единственном числе, обозначая человечество в целом, и носило ярко выраженный оценочный характер (дикость, варварство, цивилизация).

- На втором этапе (вторая половина XIX в.) мыслители исходят из принципиальной совместности логического и исторического подходов к изучению истории. Преобладает анализ причинно-следственных связей действительности, стремление к историческому синтезу. Социологизация теорий цивилизации остается главной тенденцией их развития (развиваются идеи об определяющей роли географического фактора, о развитии структуры общества в процессе ее приспособления к окружающей среде). Все более ставится под сомнение идея прогресса. Представители этого этапа О.Конт, Г.Спенсер, Г.Т.Бокль, Г.Риккерт, Э.Дюркгейм и другие. Начинают развиваться представления о множестве локальных цивилизаций.

- На третьем этапе (XX в.) стали доминировать представления об истории как совокупности локальных цивилизаций — социокультурных систем, порожденных конкретными условиями деятельности, особенностями людей, населяющих данный регион и определенным образом взаимодействующих между собой в масштабах мировой истории (О.Шпенглер, А.Тойнби, П.А.Сорокин и другие). Большую роль стал играть анализ субъективных мотиваций деятельности, связанных с мировоззрением различных культур. Объяснительный принцип истории, господствовавший на прежних этапах, сменился принципом герменевтическим (принципом понимания). Идея мировой цивилизации оказывается сдвинутой на периферию и встречается только как производное от взаимодействия разных цивилизаций, но не как образец для их расстановки на шкале прогресса. Монистическая концепция истории окончательно сменяется плюралистической. Представители этого этапа — В.Дильтей, М.Вебер, К.Ясперс, С.Н.Айзенштадт, Ф.Бэгби, М.Блок, Л.Февр, Ф.Бродель и другие.

Следовательно, на рубеже XIX–XX вв. возникает еще одна школа, в которой постепенно вырабатывается более сложное понимание цивилизации. Теперь трактовка всемирной истории строится на понимании цивилизации как отдельных, качественно специфических единиц всемирно-исторического процесса. Среди них можно выделить те, которые на определенном этапе всемирной истории оказывают существенное, а то и определенное влияние.

К основателям плюралистического подхода можно отнести О.Шпенглера, М.Вебера, А.Тойнби, Н.Данилевского, К.Ясперса, П.Сорокина, Л.Н.Гумилева и других. Ученые попытались определить содержание цивилизационного подхода. Его главное отличие заключалось в раскрытии сущности, смысла любой исторической эпохи «через ее человеческое измерение». Отличительной чертой для этих школ служат, прежде всего, многонациональность состава ее представителей и многообразие источников информации. Наконец, принимая во внимание историческую индивидуальность народов, их эволюции, плюралистический подход открывает возможность изучения многовариантности путей общественно-исторической эволюции различных регионов стран и народов мира. Иными словами, произошло стремление к созданию концепции с высокой разрешающей способностью познания. *Так и для казахской культуры как типа цивилизации пришло время выдвигать, а может быть дать ей хотя бы рабочее определение.* Еще в свое время В.О.Ключевский писал: «Научная задача историка, как ее теперь понимают, состоит в уяснении происхождения и развития человеческих обществ». Так как предметом исследования человеческого общества, он считал, должны быть «генезис и механизм людского общежития» или «проявление сил и свойств человеческого духа, развиваемых общежитием» [6; 53].

Исходным в цивилизационном подходе выступает понятие «цивилизация». Что же это такое? По мнению одних отечественных исследователей, цивилизация есть собственно социальная организация общества (т.е. отличная от организации природной, родо-племенной), которая характеризуется всеобщей связью индивидов и первичных общностей в целях воспроизводства и приумножения общественного богатства. По мнению других, цивилизация есть совокупность отношений между людьми одной конфессии, а также между индивидом и государством, сакрализованные религиозной или идеологической доктриной, которая обеспечивает стабильность и длительность в историческом времени фундаментальных нормативов индивидуального и общественного поведения. По мнению третьих, цивилизация — это сообщество людей, объединенное основополагающими духовными ценностями и идеалами, имеющее устойчивые особые черты в социально-политической организации, культуре, экономике и психологическое чувство принадлежности к этому сообществу. Что же все-таки следует понимать под цивилизацией? С учетом эволюции этого понятия можно сказать, что цивилизации — это большие, длительно существующие самодостаточные сообщества стран и народов,

выделенных по социокультурному основанию, своеобразие которых обусловлено, в конечном счете, естественными, объективными условиями жизни, в том числе способом производства. Эти сообщества в процессе своей эволюции проходят (тут можно согласиться с А. Тойнби) стадии возникновения, становления, расцвета, надлома и разложения (гибели). Единство мировой истории выступает как сосуществование этих сообществ в пространстве и во времени, их взаимодействие и взаимосвязь. Таким образом, суть цивилизационного подхода к истории — раскрытие сущности исторического процесса через призму цивилизования людей в рамках того или иного сообщества или всего человечества в какой-то конкретный период времени или на протяжении истории людей в целом.

В заключение наших рассуждений приведем вывод о том, что методологию формационного подхода рано списывать со счетов. Она сохраняет эвристическую силу. Но тогда возникает целый ряд вопросов, связанных с провалами формационной теории при осмыслении современной истории, перспектив развития капиталистической цивилизации, неудач социалистического эксперимента, начатого в нашей стране. Задача, следовательно, состоит в том, чтобы модернизировать формационное учение, очистить его от идеологических напластований, усилить его цивилизационное звучание. Иными словами, попытаться обеспечить соединение противоположностей (формационного и цивилизационного подходов). И начинать придется от самых корней, принимая во внимание все основные срезы истории человечества — антропо-этно-социогенез.

Однако в современной историографии также набирает силу цивилизационный подход к изучению истории. Почему именно этот подход привлекает внимание, в чем его преимущества? Прежде всего, выделяется универсальность этого подхода. Он способствует выявлению самоценности общества, его места в мировой истории и культуре. Цивилизационный подход к истории имеет значительный потенциал, который может быть использован в современных условиях. Главной категорией, используемой при цивилизационном подходе, является «цивилизация».

В заключение хотелось бы отметить, что работа строилась на материале европейских традиций, которые, по нашему мнению, больше отвечают самому понятию «цивилизация».

Список литературы

1. Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. — Алматы: Дайк-Пресс, 2002. — 603 с.
2. Бердяев Н.А. Смысл истории. — М., 1990.
3. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. — М., 1991.
4. Тойнби А. Постижение истории. — М., 1996.
5. Оразбаева А. Развитие цивилизационной мысли дальнего зарубежья // Евразийское сообщество. — 2003. — № 2. — С. 84–97.
6. Ключевский В. Русская история. Полный курс лекций: В 3 кн. — Т. 1. — М., 1990.

Б.Қ.Рақымжанов¹, С.Қ.Рақымжанова²¹Е.А.Бөкетов атындағы Қарағанды мемлекеттік университеті;²С.Сейфуллин атындағы Қазақ агротехникалық университеті, Астана**ШӘКӘРІМ ҚҰДАЙБЕРДІҰЛЫНЫҢ ДАНАЛЫҚ ДҮНИЕТАНЫМЫ**

В статье рассматриваются труды Ш.Кудайбердиева, который занимает отдельное место в казахской философии. Автор истолковывает труды Шакарима с философской точки зрения, делает попытку открыть мудрое знание ученого. Отдельно рассматривается произведение «Три истины». На основе этой книги показана роль произведений Шакарима в жизни человечества.

Some significant works of Sh. Kudaiberdiyev, who takes an individual place in Kazakh Philosophy, are examined in this article. The author looks at Sh. Kudaiberdiyev's works from the philosophical point of view. Also she tries to reveal wisdom of Sh. Kudaiberdiyev. She takes up his work «Tri istiny» («three truths») as well. Based on this book the author defines and shows the importance of Sh. Kudaiberdiyev's works in human life.

Шәкәрім Құдайбердіұлы — қазақтың ұлы данышпан ойшылы. Қазақ философиясында ар, ұят, ынсап, қайғы мәселелерін философиялық логикада тұңғыш рет қарастырған ойшыл. Өз философиясында ақыл-ой, ұждан мәселелерін анықтаған. Ұждан дегеніміз — ынсап, мейірім, әділет. Бұл екі өміргеде керек іс. Жанға азық болатын құндылық. Ақыл-ойдың жиырма сегіз түрін көрсеткен. Соның ішінде сау ақыл деп соған ерекше тоқталған философ. Адамды басқа тірі жандылардан өзгешелендіретін оның ақыл-ойы емес пе, Шәкәрім өз философиясында дүниені танушы, адамды адамдық негізге жетелейтін, ең негізгі қасиеті ретінде ақыл-ойды қарастырған.

Оның дүниетанымы көбіне мораль философиясына жақын. Шәкәрімнің дүниетанымы көбіне мораль философиясы мен ар ілімін қамтиды.

Шәкәрім дүниетанымында тәңір, нұр, күн, табиғат — қасиетті, киелі ұғымдар.

*Еңбекке шыда, ебін тап та,
«Сабырдың түбі — сар алтын».
Өзімің болма, көпті ардақта,
Адамның бәрі — өз халқың [1; 180].*

Адам тек қана өз тағдырымның алдында жауаптымын демей, барлық адамзаттың тағдырының алдында жауаптымын деп өмір сүруге шақырады. Адамзатқа ортақ бір-бірін қор қылмауға, адамзатқа ортақ мүддеде өмір сүруге үндейді. Ар бір адам адамзатқа ортақ мүддені қорғауға, «адам» деген ұлы ұғымды қор етпеуге шақырады. Шәкәрім Құдайбердіұлы ар-ұят мәселесін бірінші орынға қояды. Ар дегеніміз не? Оны қалай түсініп білеміз? Хайуандар әлемінде ар мәселесі жоқ деуге болады, демек, ар адамға ғана қатысты ұғым. Егер адам адамшылығын жоғалтса, оның өлгенімен бірдей. Бар жазадан ар-ұят жазасы ауыр. Біреуді алдап өтірік айтуға болғанмен, адам өз-өзін алдап өз ұжданының алдында орынсыз іске аяқ баса алмайды, ең жаман іс саналы болсаң, сен өз-өзіңді алдай алмайсың. Адам өзіне-өзі сыншы болып дұрыс қадам жасай білуі ғибрат аларлық іске қадам жасай білуі, оң деп білді.

*Сабыр, сақтық ой, талап болмаған жан
Анық төмен болмай ма хайуанан.
Ынсап, рахым, ар-ұят табылмаса,
Өлген артық дүниені былғағаннан [1; 129]!*

Шәкәрім дүниетанымындағы негізгі мәселелердің бірі — ар ілімі. Ұят, ар тек адамға ғана қатысты. Ар-ұятты жоғалған адам — ол адам, бірақ ол адам надан адам танылған.

Ар деген адамның сыры, құпиясына қазық болатын рухани субстанция, ар — адам ісінің төрешісі. Ар — адамның өз соты. Әр адам өзінің арының алдында жауап бермек. Шәкәрім халыққа ар білімі деген арнайы білім керек деп таныды. Арлы адамның мойындағы ұятты, жігері, намысының, қайраты бар адамды айтамыз. Адам арсыз болса, ол адамдық негізден айрылмақ. Адамды адам қылып тұрған оның арында. Егер адамды арсыз деп алсақ, онда біз «адамзат» деген ұғымнан айырылып қаламыз.

Ар — адамның ішкі сыры, бізге беймәлім құпиясы. Әдетте біз біреудің ішкі сырын біліп алғымыз келіп әдеттеніп жатамыз, онымыздан өнімді іс шықпақ емес.

Әрбір адам өз сыры ешкім біліп болмақ емес, ол адамның «жеке архиві», оны ол өзімен әкетпек.

Адамның сыры тек өзінің құпиясы. Адам арының тазалығы оның іс-әрекетімен өлшенбек. Ар тек жеке адамға қатысты қолданылатын ұғым. Арсыздық — адам бойындағы ең жаман қасиет, ол судың тұнық болғаннан гөрі, лай болғандығын қалайды. Ар — ізгіліктің өлшемі, оның көрінісі. Ізгілік тек жеке адамдарға ғана қатысты емес, ол адамзатқа тән. Адамның әлемде пайда болуының өзі ізгіліктің өлшемі, оның көрінісі.

Дүниеге ізгілікті әкелуші адам. Сонымен адамның адамшылығы дегенде қадап-қадап айтатын ұғымдар «ұят», «намыс», «ар» осы үшеуі адамшылықтың негізгі салалары, арналары. Олардың бірінсіз адамның адамшылдығы толық емес. Әрине, «ұятсыздық», «намыссыздық», «арсыздық», «надандық» адамшылдыққа тікелей қатысты ұғымдар, бірақ олар адамшылдықтың өзі емес, оған қайшы келетін түсініктер. «Ар-ұят», «ұждан» Шәкәрім бұл ұғымдарды адамзат өмірінде ерекше орын алып, екі дүниеге де керек іс деп қарастырған.

*Тумақ, өлмек — тағдырдың шын қазасы,
Ортасы — өмір, жоқтық қой — екі басы.
Сағымдай екі жоқтың арасында
Тірілік деп аталар біраз жасы.*

*Жоқтық, барлық — жоғалмақ араласы,
Үш еріксіз болады мағынасы.
Нажағайдай жарқ етіп өшіпек болса,
Өмірдің он тиындық жоқ бағасы.*

*Өмірдің өкінбейтін бар айласы,
Ол айла-қиянатсыз ой тазасы.
Мейірім, ынсап, әділет, адал еңбек,
Таза жүрек, тату дос — сол шарасы [1; 155].*

Адамға бұл ғұмырдың өткінші екендігін ескерте отырып, адамға ең керегі таза ой, жүректі таза тұнық ұстау. Мынау өмірдің ластанған лайымен таза жүректі былғамау. Тұнық, мөлдір су секілді адамда жүрегін таза ұстау, темірдің өзін дат басады, адамның да жан дүниесі солай кірлемек. Адам сол бір ғана берілген өмірінде үнемі адамшылдыққа ұмтылып, адамға ортақ іс қалдыру, ізгілікке аяқ басуы шарт.

Шәкәрім өзіне-өзі «Мұтылған» деген ат қойған. Оның дәлелі «Мұтылғанның өмірі» деген толғау өлеңінен табамыз.

*Дұспаным жоқ, досым жоқ,
Қайғыдан да шошу жоқ,
Рахат іздеп тосу жоқ,
Бір жындымын құтырған.
Жаралы жаным шықсын деп,
Қара жер мені жұтсын деп,
Өлген соң елім мұтсын деп
Атымды қойған «Мұтылған» [1; 347].*

Шәкәрім өзінің белгілі бір кезеңде ұмтылатындығын сезе білген. Шынында, ойшылды ұмыттыру үшін Кеңес өкіметінің жандайшаптары оны ең алдымен атып өлтіреді. Тіптен зираты ұмыт болады. Шәкәрімнің атын атауға тыйым салынады.

Ойшылдың шығармалары тығулы жатты. Осындай жағдайдан кейін оның мұтылған екені шындыққа айналды.

Дүниеде ұмтылатын кім, ол әке-шешесі жоқ, жанашыры жоқ жетім. Ел елдігінен айырылып, жұрт өзін-өзі танудан қалғанда, ойшыл ұмтылады, сөйтіп жетім қалған халықтың өзі ұмтылмақ. Халық өзін-өзі тануға жеткенде мұтылған жаңғыртып, жетімдік құрсауынан шығады. Туған жұрттың, елің өзінді қажет етпеген соң қалайша жетімдікті сезінбейсің.

Даналық дегеніміз рухтың азапқа түсу жолы болса керек, рух күйзеліске түспей, сана сергек болмай, дүние былығын қалай түсінбекпіз. «Жетім бала иесіз, өзі кесер кіндігін» демекші Шәкәрім өзін жұртта қалған жалғыздай сезінеді.

Шәкәрімнің елден тыс кетуі — оның солақай саясаттан қашуы. Сол кездегі солақай саясаткерлер елдегі зиялылардың көзін жоймай елге өктемдік жасай алмайтындығын әбден түсінген. Оның елден жырақ өмір сүруі амалсыздықтың күні.

Ол өкіметтен ешқайда қашып құтыла алмайтындығын біліп, өз атын «Мұтылған» қояды. Оған «бандит» деген атақ тағылады.

Ал шындығына келсек, Шәкәрімнің кім екендігін мына қазіргі қоғам танытты. Ол өзінің өмірбақи жиған-тергенін халқына, артқы ұрпағына өлмес із қалдырған ойшыл.

Халқының мұңын мұңдап, халқының жадында мәңгі сақталатын ізгі істерді қалдырған, күндердің күнінде ол елінің танитындығын білді және өзі сол күнді аңсаған.

Қырық жастан асқаннан кейін ақыл, дүние болмысына өзгеше қарайды.

*Қырықтан аса бергенде,
Ақылым қылды шерменде:
«Дінім қалай, ханым не,
Жоғалам ба өлгенде?
Әлемді кім жаратқан,
Осыниша түрлеп, таратқан?
Көрінген сансыз планет.
Бірінен-бірі бөлген бе?
Ақырет деген немене,
Шыққан жан қайтып келе ме?
Кіре ме осы денеге,
Дәлелі қайсы сенгенде?..»
Осы оймен Мекке барғамын,
Әр түрлі кітап алғамын.
Ақылға сыймас жалғанын,
Алмадым сынай келгенде [1; 339].*

Бұл өмірдің мәні жайындағы толғаныстары. Шәкәрім ой дертіне ұшырайды. Елден безіп, оңаша жер іздейді. «Қауымнан қаштым қағылып, оңаша өмір сағынып» — дей келе, «ойға оңаша жер керек», — деп қапаланады. Елден безіп кеткен менде ешкімнің жұмысы болмаса деген Шәкәрімнің дәмесінен ештеңе шықпады. Қайта оны тау ішінде жападан-жалғыз тұруы өкіметті күдіктендірді.

Ақыры ол «бандит» атанып, Қарасартовтың қолынан қаза тапты. «Мұтылған» деген сөздің астарында ұмтылмайтын мән жатыр. Ұмтылатын немесе ұмтылмайтыны қайсы әр адам өзі ойлануы керек. Ерте кезден келе жатқан адамдардың қайсібірі ел есінде қалған. Есте қалатын оның есімі емес, оның ұзақ кешкен ғұмыры емес, Абай айтқандай, артына өлмейтұғын сөз қалдырады. Бірақ сол сөзді қалдырғандарда ұмыт болады екен. Ел есін жиған кезде ұрпағы есіне алатындығына сенім білдірді. Шәкәрім сол үшін елінің есінде мәңгі сақталған даналық рухын тастап кетті.

Шәкәрім өз дүниетанымында «менің ішкі дүниеме кірер бұрын, бес сауалға жауап бер» деген.

Бірінші сауал: Алланың адамды жаратқандағы мақсұты не?

Екінші сауал: Адамға тіршіліктің ең керегі не үшін?

Үшінші сауал: Адамға өлгенен соң рахат-бейнет бар ма?

Төртінші сауал: Ең жақсы адам не қылған кісі?

Бесінші сауал: Заман өткен сайын адамның адамгершілігі түзеліп бара ма, бұзылып бар ма?

Осындай адамзат ойланарлықтай бес түрлі сұрақ қойған [2].

Бірінші сауал: Алланың адамды жаратқандағы мақсұты не?

Алла тағала адамды нендей мақсатпен жаратқан. Адамды Алла ізгі іс, ізгі мақсұтпен жаратқан. Шәкәрім бұл сұрақты тек адамға ғана қатысты қойған. Сондықтан адамда ең негізгі оны адам етіп тұрған адамшылдығы, ақыл-ойы. Ақыл-ой тек қана адамға ғана тән. Адам сондықтан сол ақыл-ойға тән әрекеттер жасау шарт. Адамды басқа тірі тіршілік иелерінен өзгешелендірген ақыл-ойы.

Осы ақыл-ой арқылы адамдар өзінің жаратушысын тануы, өзін-өзі тануы. Адам өзінің бір ғана берілген ғұмырын қор қылмай тек орынды әрекетпен, адамшылдыққа сай өмір сүруі. Адамдық болмысын түзеу, адамға сай құндылықтырға қол созу, адам өзінің бойындағы ізгі қасиеттерді сақтау, бір ғана берілген ғұмырын қор қылмай адам деген атта өмір сүру. Өзін тану, өзін жаратқан Алланы тану. Алла тағаланың адамды жарату мақсаты — жаратушы болуының айғағы. Адамның мақсаты — Жаратушыны тану.

Екінші сауал: Адамға тіршіліктің ең керегі не үшін?

Ол үшін жалпы адамды мынандай мәселелер ойландырады:

- 1) тіршіліктің мәні (немесе оның пайда болуы);
- 2) тіршіліктің адамға қатынасы (өмір, өлімнің мәні);
- 3) тіршілік адамға қажет пе?

Жалпы Шәкәрімнің дүниетанымында тіршілік дегеніміз — жан мен тәннің бірлігі.

*Сынау үшін жаратқан бір иең бар,
Тексерілмей қалмассың бір кезінде.*

Адамға тіршілік не үшін керек дегенге, жақынға, туысқа, барлық тірі организм иелеріне жақсылық қылу үшін берілген. Адамды адам етіп тұрған қасиеттің жоғалтпай, «адам» деген атта ғұмыр кешу үшін берілген. Тағдырды тағдыр ететін адам, сол адам өзінің қоғамда артқы ұрпағына ізгілікті істер қалдырып, адамдық негізге сай ғұмыр кешу. Алла тағала адамды өмірде белгілі бір кезеңде өмір сүргізіп, сынауға жіберген секілді. Адам кез келген өзінің атқарған іс-әрекетіне жауапты. Адам өзін адам етіп тұрған ізгі қасиеттерінен айырылмай, орынды іске аяқ басуы шарт. Ол үшін адам өз-өзін табиғилығын өз болмысына сай өмір сүру шарт секілді. Адам тек қана биологиялық қажеттіліктермен ғана шектелмей, артқы ұрпағына ізгілікті істер қалдыру үшін керек. Адамға ақыл-ой берілген осы бір ғана берілген өміріңді зия қылып өткізуге болмайды. Сол адамдық болмысына сай өмір сүруі шарт.

Адамға тіршіліктің керегі — ғұмыр кешу, ізгілікті істерге қол созу, адами болмысына сай өмір сүру.

Үшінші сауал: Адамға өлгенен соң рахат-бейнет бар ма?

Шәкәрімнің дүниетанымында көтерілген бұл мәселе әлі күнге дейін даулы мәселе. Жұмақ пен тозақ жайлы кім айтсада — тек қана болжам.

Уақыт ешқашан кері бұрылмайды, сол себепті өлген адам тірілмейді.

Жұмақ — ізгілік, ал тозақ — азап. Күнәсіз адам жұмаққа барады, күнәлі адам тозаққа жан азабын тартады. Санасыз жанға жұмақ пен тамұқтың еш қажеті жоқ. Қайғылы адам — дана адам. Не жақсылық, не жамандық көрседі адам осы өмір сүріп отырған жер бетінде көреді. Адамды адам етіп тұрған ізгі қасиеттерді адам өз болмысына сай өмір сүре отырып жасауы шарт. Не жақсылықты адамзат осы өмірінде жасамақ.

Төртінші сауал: Ең жақсы адам не қылған кісі?

Жақсы адам қандай адам? Егер дін жолымен келсек, жақсы адам дінге берілген мұсылман.

Бұған пайғамбарлар, әулиелер, хакімдер кәміл мұсылмандарды ең жақсы адамдар дейді. Себебі олар атақ, даңқ үшін емес, ғұмыр кешу үшін тертөгушілер, кәміл мұсылмандар тұрмысы өзінің дәстүрлігі мен қарапайымдылығымен қымбат. Кәміл мұсылмандар хакім емес, оның сенері жер, су, аспан, күн мен ай, қысқасы, табиғат. Кәміл мұсылмандар дүниеге деген көзқарасы натуралистік сипатта. Өзінің адамшылдығына сай өмір сүре білетін, адамдық болмысына сай әрекет ететін адамдар өмірде ең жақсы адамдар ретінде танылған. Осындай жақсы адамдар — дүниенің тұтқасы, егер өмірде жақсы адамдар болмаса, дүниеде мәнді болмас еді. Біз өмірде ең жақсы адамдар дегенде жоғарыдан, оқыған адамдар арасынан, билік басындағылардан іздейміз, онымыз дұрыс шығар, бірақ ең жақсы адам жұрт таныған кәміл мұсылмандар.

Бесінші сауал: Заман өткен сайын адамның адамгершілігі түзеліп бара ма, бұзылып бара ма? Осындай адамзат ойланарлықтай бес түрлі сұрақ қойған.

Осы сауалға қатысты Шәкәрім адамның адамшылдығы дегенде жеке бастың мәселесін емес, оның заманға қатысты жағынан айтып тұрған секілді. Адамның заманды өзгертпекші болуы немесе құраралық іс, адам қанша арман, қиялға берілгенімен, ол өзінің табиғатынан асып шыға алмайды. Шәкәрім адамның адамшылдығы дегенде жеке бастың мәселесін емес, оның заманға қатысты жағын айтып отыр. Мұнда көбіне біз адам арқылы заманды танимыз ба, әлде заман арқылы адамды танимыз ба? Бірақ заманды өзгертуші, бәрін жасаушы адам. Сондықтан «заманына қарай адамы» деген орынды түсінік. Ғылым дүниені әрі түзетуші, әрі қарайтушы дейді Шәкәрім.

Адам өзгеріс жолына түскен сайын құпияға айналмақ, адам құпиясы ашылса, дүние ойран болмақ. Адам құпиясы дегеніміз — адамның өмірі мен өлімі.

Шәкәрім оны толық біліп отыр. Замана озған сайын білім молайып, адамдар білімді бола бастайды. Мұның нәтижесінде күн озған сайын, білім молыққан сайын, адамдар білімді бола бастайды. Ал білімі молыққан сайын адам өзін адам емес күйге бастай бермек. «Адам емес, күй», — деп отырғанымыз өзінің жаратушысы берген табиғатын місе тұтпай, өзін жетілдірмек мақсатында өз болмысынан шығып кету қауіпі. Заман өткен сайын адамның адамгершілігі түзеліп бара ма, бұзылып бара ма де-

ген сауалға бәріне жауапты адам. Адамды өзгертетін ол мына қоғамда дамып жатқан технологияда емес, әрбір адамның өзінің ақыл-ой санасына байланысты болатын әрекеттер.

Әрбір адамның адамшылдығы ол қоғамның дамуына өте күрделі әсер ететін құндылықтардың бірі емес пе еді. Тағдырды тағдыр ететін адам, Шәкәрімнің бұл сауалына біз әр түрлі жауап бере аламыз. Замана озған сайын адам әр түрлі тұжырым-ойлармен толыға түспек, бірақ, сірә, адамның соты адам емес пе, оның Жаратушысы болғаны табиғи түсінік пе деген пікірдеміз.

Шәкәрімнің дүниетанымындағы өзекті мәселелердің бірі ел басқару жөнінде. Шәкәрім Құдайбердиев халықтың мұңын мұңдап, жоғын жоқтайтын мемлекеттік биліктегі лауазымды адамдардың еш уақытта азғындық пен бұзақылық жолға салынып, кетпеуін армандайды. Мемлекетті азғындық жолдан тазарту және орынсыз әрекеттердің қоғамда көбейіп кетпеуіне адамдарды ойландыратын мәселе. Жалпы Шәкәрім Құдайбердиевті тарихта екі бейнеде көрсетеді. Бірі қырыққа дейінгі Шәкәрім, бірі қырықтан кейінгі Шәкәрім. Қырыққа дейінгі Шәкәрім — ел билеген, болыс болған Шәкәрімнің бейнесі, қырықтан кейінгі Шәкәрім — артқы ұрпағына өлмес із қалдырған, ізгілікке жол ашқан Шәкәрімнің бейнесі.

Шәкәрім мемлекеттік билік, ел басқару кез келген адамға кері әсерін тигізеді деп таныған. Қайтседе билік адамға ерекше әсер ететін оның болымысын өзгертетін құбылыс ретінде таныған. Содан кейін Шәкәрім өзінің болыстығын інісі Оспанға тапсырады. Қырықтан кейінгі Шәкәрім ол артқы ұрпағына өлмес құндылықтар қалдырып ізгілікке бастаған бейне.

*Тамам жанды билемек,
Жалғыз өзі сөйлемек.
Мұның түбі не болар,
Үмітің болды не демек?*

*Досты мықты қылмасың,
Дұшпаныңды қырмақсың.
Аяғында сенде бір
Кішірек құдай болмақсың [1; 14].*

Шәкәрім Құдайбердиев жеке адамның шексіз билікке ие болуын «кішірек құдай болмақсын» деп қатты сынға алады. Биліктегі адамның халқына әділ қызмет етіп, адамшылдық заңдылықтарын бұзбай әділ ел билеуге шақырады. Себебі халықтың жағдайы оны басқарып билеп отырған басшысына байланысты. Қазақта «Балық басынан шірейді» деген мақал тегінен-тегін айтылмаса керек.

Философиядағы өзекті мәселелердің бірі — адам проблемасы. Шәкәрім өз дүниетанымында ең өзекті мәселелердің бірі ретінде адам мәселесін қарастырады. Адам туралы мәселелерді қарастырғанда ол «Адам деген не?», «Жан дегеніміз не?», «Адам қайдан пайда болған?», «Табиғатты жаратушы күш бар ма?» деген сұрақтарға жауап іздейді.

Шәкәрім өз философиясында барлық нәрсенің жаратушы негізгі түп себебі бар екендігіне еш күмән келтірмейді. Түп себептің білімділігінде, құдіреттілігінде, шеберлігінде өлшем жоқ және дүниеде барлық нәрсе себепсіз жаратылмаған деп таниды. Мәселен, «адамның дене мүшелері: құлақ, мұрын, ауыз сияқты мүшелеріңіз мақсұтпен жаралғанын көресіз.

Ғылым жолымен өсімдік ағаштарының тамыры, өзегі, қабығы, жапырағы, гүлі сияқтылар бірде-бір бұл мақсұтсыз деп айта алмаймыз», — деп жазады Шәкәрім. Ол адамның дүниеге келуін табиғи процесс екендігін анықтайды.

*Атаның шаһуатының көп қой мәні,
Ананың құрсағында қан болғаны.
Құс пен адам болар деп кім айта алар
Өлі қан мен жаны жоқ жұмыртқаны?
Басында оның киімі шаһуат еді,
Қызыл қан, ақ жұмыртқа киген әні?
Оның жаны — баяғы ескі жаны.
Сезімнің зорайып, азаймағы —
Қандай түрде болғаннан оның тәні,
Қайда барса ол өзін «өзім» дейді.
«Өзім» деп денені емес, жанды айтқаны.
Сол жаннан тіпті «өзімдік» жоғалмады,
Есеп емес сан өліп, сан қайтқаны [1; 200].*

Шәкәрім бұл жерде адам тән мен жанның бірлікте, біртұтастықта болатындығын айта отырып, тән адамда биологиялық қажеттіліктерді қажет етсе, адам жанынада азық керек, ол рухани азық секілді. Жан мен дененің бірлігінен адамның көңіл-күйі, мінез-құлық қалыптастыратындығын айтады. Егер адамның жаны денеден басымдау болса, ғылымға-білімге жүгінеді, ал дене жаннан басым болса, онда адам мал-мүлікке, атаққа қызығады. Оны біз мына өлеңінен байқай аламыз.

*Кейде жақсыны іздейміз, кейде жаман,
Көңіл неге қызықса — соған таман,
Дене жеңсе, түпсізге қызығамыз,
Жан билесе жаманнан қалмақ аман [1; 236].*

Дене өлгенмен жанның өлмейтіндігін Шәкәрім өз философиясында ескертеді. Жан дене секілді емес, дене өледі, өзгереді деп таныған. Ол адам мәселесін қарастыра отырып, адамның өз болымысына сай өмір сүруге шақырады. Адам жаман әрекеттерден аулақ бола тұра адам өз әрекеттері арқылы орынды іске аяқ басуға шақырады. Адамның бойындағы жаман әрекеттермен күресетін басты құндылық ар ілімі деп таниды.

Шәкәрімнің ең негізгі еңбектерінің бірі — «Үш анық». Ол философиялық трактат — адамзат баласының рухани дамуындағы қазақ философиясындағы ең ірі туындылардың бірі. Шәкәрімнің ойынша, әлемде бірде-бір құбылыс өз алдына кездейсоқ болып жатқан жоқ, барлығының түбінде белгілі бір себеп жатыр.

Дүниенің ешқандай кездейсоқсыз белгілі бір заңдылықта дамуын негізінде Құдайдың, Жаратушының, Шәкәрімнің дүниетанымындағы бірінші анық.

Дүниеде кез келген нәрсе жоғалмайды, олай болса, жан ол мәңгі, жан ажалсыз. Жан өлмейді, ол да тән тәрізді өзіне азық қажет етеді. Жанның ажалсыздығы туралы Шәкәрімнің дүниетанымындағы екінші анық.

Жан мәңгі өмір сүрсе, жанға азық керек. Ол — ұждан. Ұждан — бұл Шәкәрімнің философиясындағы үшінші анық. Ынсап, мейірім, әділет үшеуінің қосындысы — «ұждан» деген ұғым.

Егер біз әрбір ісімізді «ұждан» деген ұғымға салсақ, адамның кез келген іс-әрекеті оң қадам басады. Бұл үш анықты жеке-жеке қарастыруға болмайды, бұлар бір-бірімен байланысты. Бұлардың әрқайсысының өзіндік әлемі бар.

Тәуке хан өз ордасында отырып, «Дүниеде не өлмейді?» деп сауал қойыпты. Бір қарт тұрып, асқар тау, ай мен күн, қара жер өлмейді деп жауап берген екен. Сонда, жоқ, асқар тауда, ай мен күнде, қара жерде өледі деп жауап қайтыпты.

*Асқар таудың өлгені — басын мұнар шалғаны.
Көкте бұлттың өлгені — асалмай тауды қалғаны.
Қара жердің өлгені — қар астында қалғаны.
Сонда дүниеде не өлмейді?
Ғалымның хаты,
Жақсының аты өлмейді, —*

деп жауап берген екен. Шәкәрімнің дүниетанымы осының дәлелі емес пе?

Қазақтың ұлы ғұламасы Шәкәрімнің дүниетанымының тууына себепкер болған немере ағасы Абай атамyzдың айтқан сөздері есімізге оралады:

*Өлді деуге болама ойландаршы.
Өлмейтұғын артына сөз қалдырған, —*

деп мұның шешімін тапқан ойшыл Абайдың сөзі дәлел болмақ.

Әдебиеттер тізімі

1. Шәкәрім шығармалары. — Алматы: Жалын, 1988. — 580 б.
2. Шәкәрім. Энциклопедия / Бас ред. Е.Б.Сыдықов. — Семей: ЖШС, 2008. — 826-б.

А.К.Аймагамбетов

Евразийский национальный университет им. Л.Н.Гумилева, Астана

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ УРОВНЯ
ОБЩЕСТВЕННОГО ДОВЕРИЯ К ОРГАНАМ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ**

Мақалада жергілікті өзін-өзі басқару органдарына қоғамдық сенім деңгейін анықтау мен бағалаудың мәселелері қарастырылған. Автор оны анықтауға арналған көрсеткіш пен индикатор жүйесін жасап, Қазақстан, Ресей Федерациясы мен Украинаның қалаларындағы аталмыш органдарына қоғамдық сенім деңгейін салыстырмалы түрде зерттеген.

The article deals with the identification and evaluation of the level of public trust in local government. The author developed a system of benchmarks and indicators to assess the level of public trust, assessed the level of public trust in the local authorities of large cities in Kazakhstan, the Russian Federation and Ukraine.

Придание эмпирического смысла и свойства теоретическим понятиям — довольно сложная задача, особенно когда это касается такого понятия, как доверие. Тем более, если учитывать то обстоятельство, что рассмотрению доверия как целостного социально-психологического феномена, требующего для своего анализа применения междисциплинарного подхода, не уделяется в отечественной политической науке достаточного внимания. При этом особого внимания требует такой аспект доверия, как доверие населения к органам государственной власти. Безусловно, таких работ, в которых рассматривалась бы специфика функционирования доверия в политической сфере, на сегодняшний день явно не хватает. Анализ особенностей проявления населением доверия к органам государственной власти, с учетом происходящей в нашей стране реформы политической системы, демократизации общества, крайне необходим для нахождения путей повышения доверия к нынешней власти, в частности, к местным представительным и исполнительным органам, усиления их влияния и укрепления социального статуса.

Предлагая данную методику определения уровня общественного доверия к органам местного самоуправления, мы не претендуем на бесспорность отдельных моментов, ее следует воспринимать как один из вариантов оценки общественного доверия к органам местного самоуправления.

Учитывая многогранность понятия «доверие», его нельзя рассматривать только с одной стороны, используя какой-либо один показатель, поскольку доверие — это совокупность оценок различных процессов, протекающих в обществе в социально-экономической сфере, политике, идеологии. Оно складывается из удовлетворенности населения деятельностью властей по выполнению возложенных функций. Исходя из сказанного, доверие как многогранный феномен считаем возможным измерять через следующие индикаторы: электоральное участие, обращение граждан в МСУ, соц-опросы, массовые акции (митинги, забастовки).

При этом за каждый индикатор выставляются баллы по соответствующей шкале оценок:

- электоральное участие — по 5-балльной шкале, в зависимости от степени участия: от 10 до 20 % — 1 балл, от 20 до 30 — 2, 30–40 — 3, 40–60 — 4, от 60 до 80 % — 5 баллов;
- обращение в МСУ — по 5-балльной шкале, в зависимости от роста обращений по сравнению с предыдущим годом: от 1 до 2 % — 1 балл, от 2 до 3 — 2 балла, от 3 до 5 — 3, от 5 до 7 — 4, от 7 до 10 — 5 баллов;
- массовые акции, забастовки, связанные с требованиями к местной власти, — по 2-балльной шкале: от 0 до 2 — допустимый уровень, 2 балла, от 2 до 4 — 1 балл, от 4 и более — 0 баллов.
- соц-опросы — от 1 до 10 баллов по шкале согласно интегральной оценке по результатам опроса: от 1 до 2 — 0 баллов, от 2 до 2,5 — 3 балла, от 2,5 до 3 — 5 баллов, от 3 до 3,5 — 7, от 3,5 до 4 — 9 баллов.

Максимальное количество баллов — 22. По шкале от 22 до 18 — высокий уровень, от 17 до 15 — средний, от 15 до 10 — низкий уровень, ниже 10 — отсутствие доверия, негативная оценка.

Необходимые сведения были собраны из официальных источников, статистических сборников, контент-анализа печатных СМИ исследуемых городов: Караганда, Шымкент, Новосибирск, Петропавловск, Львов, Донецк. Данные по опросам получены по результатам проведенного самостоятельного опроса в этих городах.

Электоральное участие

Согласно исследованиям, посвященным электоральному поведению, электоральное участие в большинстве случаев коррелируется с уровнем доверия к демократическим институтам [1]. Однако нередко на активность избирателей оказывают влияние как манипулятивные технологии, так и административные установки. Использование электорального участия граждан в качестве индикатора доверия к местным органам власти возможно лишь в совокупности с другими индикаторами.

Караганда — 5 баллов из 5. При оценке электорального участия жителей города при выборах в местные органы власти (выборы депутатов маслихата 2007 г.) использовались данные центральной избирательной комиссии Республики Казахстан и территориальной избирательной комиссии г. Караганды. Активность составила 72 % от общего количества избирателей [2].

Шымкент — 5 баллов из 5. Согласно данным центральной избирательной комиссии Республики Казахстан и территориальной избирательной комиссии г. Шымкента при выборах в местные органы власти (выборы депутатов маслихата 2007 г.) активность составила 77 % от общего количества избирателей [3].

Новосибирск — 4 балла из 5. Оценка электорального участия жителей г. Новосибирска определяемая на основе официальных данных избирательных комиссий (были учтены результаты участия граждан в выборах мэра города в 2004 г. и депутатов городского Совета), составила соответственно 55,7 и 26,4 %. Средняя величина активности — 41,5 % [4].

Петрозаводск — 3 балла из 5. Согласно данным избирательной комиссии г. Петрозаводска, средняя величина активности избирателей при выборах в местные органы власти — 33 % [5].

Львов — 5 баллов из 5. По данным избирательной комиссии Львовской области активность избирателей при выборах городского головы и рады составила 65,12 % [6].

Донецк — 5 баллов из 5. Данные центральной избирательной комиссии Украины показывают, что активность избирателей при выборах городского головы и рады составила 60,8 %. Увеличение активности избирателей наблюдается с момента «оранжевой революции», причиной которой послужила открытая конкуренция политических сил, политизация населения и, как показывают опросы, повышение доверия и интереса населения к местным органам власти [7].

Обращение граждан в МСУ

При рассмотрении количества обращений мы не учитывали заявления на получение земельных участков, обращения, связанные с открытием собственного дела, ремонтом тепло-электро-водо- и канализационных сетей (рост количества обращений, связанных с авариями на сетях, говорит не о повышении доверия, а о том, что происходит обветшание сетей, значит, больше аварий и больше жалоб населения).

Таким образом, нами, прежде всего, учитывались те обращения, которые связаны с компетенцией местных органов власти в части защиты прав населения, правопорядка, решений спорных вопросов, начисления, перерасчета выплат, качества услуг, предоставляемых местными органами власти, в сфере здравоохранения и образования.

Караганда — 4 балла из 5. Анализ количества обращений в местные органы власти города показал рост количества обращений граждан по сравнению с 2006 г. на 5,8 %.

Шымкент — 3 балла из 5. Количество обращений граждан по сравнению с 2006 г. увеличилось на 4,3 %.

Новосибирск — 4 балла из 5. Рост количества обращений граждан по сравнению с 2006 г. составил 6 %.

Петрозаводск — 2 балла из 5. Количество обращений граждан по сравнению с 2006 г. возросло на 2,2 %.

Львов — 5 баллов из 5. Отмечен рост количества обращений граждан по сравнению с 2006 г. на 7,2 %.

Донецк — 3 балла из 5. Рост количества обращений граждан по сравнению с 2006 г. произошел на 3,7 %.

Социальное недовольство (забастовки, акции протеста в адрес местных органов власти)

Общеизвестно, что главными причинами проведения акций протеста, митингов, забастовок является социальное недовольство. В основе социального недовольства лежит неудовлетворенность личным, материальным, экономическим положением, несправедливое распределение собственности и т.п.

Исходя из этого мы посчитали возможным использование социального недовольства в качестве одного из индикаторов определения уровня доверия. Однако, учитывая противоречивость данных, а

также существующие административные барьеры, мы решили оценивать его по 2-балльной шкале. Таким образом, возможные погрешности в использовании данного индикатора практически не отражаются на общих итогах.

Для определения наличия массовых акций протеста был проведен анализ 3 печатных и 2 электронных СМИ, наиболее популярных, действующих на территории соответствующего города, а также центральной прессы.

Караганда — 0 баллов. Согласно контент-анализу газет «Новый вестник», «Индустриальная Караганда», «Вечерняя газета», телеканалов «АРТ», «КарТВ» были проведены 2 акции протеста, вызванные: несогласием со строительством на землях общего пользования; решением маслихата города «О регламентации проведения митингов, шествий, демонстраций».

Шымкент — 2 балла. Контент-анализ газет «Южный Казахстан», «Шымкент келбеті» — «Панорама Шымкента», «Айғақ», телеканалов «Казахстан-Шымкент», «31 канал Шымкент ТВ» показал, что был проведен один митинг — против высоких тарифов на коммунальные услуги.

Новосибирск — 2 балла. Проанализированы газеты: «Советская Сибирь», «Николаевский Проспект», «Вечерний Новосибирск», телеканалы «Россия-Новосибирск», «ТВК-1». Акции протеста, адресованных местным органом власти, нет.

Петрозаводск — 0 баллов. Проведен контент-анализ газет «Курьер Карелии», «Петрозаводск», «Петрозаводские городские страницы», телеканалы «РТРС — РТПЦ», «НИКА ПЛЮС» — 3 акции протеста: пикет за отставку мэра из-за роста цен; против уменьшения социальных льгот; забастовка лесорубов.

Львов — 0 баллов. Согласно контент-анализу газет «Высокий замок», «Экспресс», «Львовская газета», телеканалов «12 канал», «Львов ТВ» прошло 5 акций протеста: с требованием отставки мэра; против строительства приюта; забастовка таксистов против разбитых дорог; против повышения тарифов; против уплотнительной застройки города.

Донецк — 0 баллов. Контент-анализ газет «Донецкие новости», «Донбасс», «Панорама», телеканалов «КРТ», «Первый муниципальный» свидетельствует о проведении 4 акций: пикетирование мэрии против роста тарифов; протест работников торговли против повышения налогов; инвалидов по нарушению их прав; против вырубки деревьев в центре города.

Проведение опросов

Методической основой определения уровня общественного доверия являлся очный опрос населения исследуемых городов способом формализованного интервью по репрезентативной выборке. Общий объем первичной выборки составил 1800 респондентов.

Причиной проведения опроса методом формализованного интервью послужила необходимость получения однотипной информации от каждого респондента, сравнения и классификации ответов для определения общественного мнения по широкому кругу вопросов, выяснения предпочтений. Проведение письменного опроса было затруднительным вследствие разнородности аудитории — необходимости пояснить многие вопросы из-за различий в образовании респондентов и в связи с использованием услугами непрофессионалов.

Объектом исследования являлось взрослое население: 2-х казахстанских, 2-х российских и 2-х украинских городов.

Выборка населенных пунктов была осуществлена по принципу аналогии — отобранные города представляют 6 почти одинаковых типов (по численности населения, административному статусу, примерно одинаковым финансовым ресурсам, компетенции).

При проведении опроса мы использовали методику исследовательской группы «ЦИРКОН», разработанную в рамках проекта «Граждане оценивают местное самоуправление» [8]. Так, для расчета интегральной оценки удовлетворенности муниципальными услугами оценка качества каждой из семи рассматриваемых услуг (вопросы 7, 9, 14, 18, 21, 26, 28 анкеты) перекодировалась в порядковую шкалу (–2, –1, 0, 1, 2). Затем рассчитывалось средневзвешенное семи перекодированных оценок, причем в качестве весового коэффициента использовалась оценка важности для респондента каждой услуги (вопрос 5). Разумеется, данная средневзвешенная оценка для каждого респондента рассчитывалась только для тех услуг, потребителем которых он является.

Территориальная структура итоговой выборочной совокупности

№	Город	Числ. населения, чел	Число анкет
1	Караганда	440200	300
2	Шымкент	561000	300
3	Львов	735000	300
4	Донецк	1016000	350
5	Новосибирск	1391000	400
6	Петрозаводск	282784	150

Для проведения адекватного анализа и интерпретации оценок населения, касающихся органов МСУ, нужно было сначала определиться с представлениями граждан об органах местного самоуправления и об ожиданиях общественных в отношении органов МСУ. Ведь от понимания представлений об МСУ и характера ожиданий в определенной мере зависит и отношение населения к органам МСУ в целом.

Понимание населением принципов местного самоуправления

Как показали результаты исследования, выражение «местное самоуправление» в настоящее время знакомо большинству жителей городов, в которых проводились опросы: это выражение «знают» или «слышали», по их словам, от 59 до 71 % респондентов. Наибольшую информированность проявили жители Новосибирска и Львова (по 67 и 70 % соответственно), наименьшую — жители Шымкента, здесь лишь 31 % респондентов положительно ответили на вопрос, знают ли они словосочетание «местное самоуправление».

Следует отметить, что традиционно больше всех заявляют о своей осведомленности по данному вопросу респонденты с высоким уровнем образования, высоким должностным статусом и материальным достатком.

Как отмечается в исследовании «Циркон»: «Слышать выражение «местное самоуправление» и понимать его смысл и значение — далеко не одно и то же» [9]. Поэтому в ходе исследования нами была предпринята попытка выяснить, каковы представления населения о сущности местного самоуправления и его функциях. С этой целью респондентам было предложено выразить свое согласие с одним из двух суждений, в которых содержались разные определения местного самоуправления, представляющие собой полярные понимания МСУ («неверное» — суждение № 1 и «верное» — суждение № 2, соответствующее определению термина «местное самоуправление»):

1. Местное самоуправление — это органы государства на местах, и его главная задача — выполнять волю государственной власти, а значит, обеспечивать единые стандарты на территории всей страны.

2. Местное самоуправление — это форма самоорганизации населения, его главная обязанность — предоставлять услуги по запросам жителей города.

Анализ распределения полученных ответов показал следующее: в большинстве городов, в которых проводились опросы, отмечено больше сторонников второго («верного») суждения. В городах Петрозаводск и Новосибирск их оказалось больше чем в 3 раза. Тем не менее мнение о том, что МСУ — это представительство государства на местах, распространено достаточно широко. Первое суждение особенно популярно в казахстанских городах Караганде и Шымкенте (в Шымкенте 69 % опрошенных). В Донецке мнения респондентов разделились практически поровну.

Таким образом, результаты исследования говорят о том, что в основном у жителей городов, в которых проводились опросы, отсутствует более или менее четкое и однозначное понимание местного самоуправления. Наблюдаются противоположные точки зрения о сущности МСУ — и как об институте государственного управления, и как о способе народовластия, осуществляемого по инициативе граждан для решения своих проблем.

Общественные ожидания

Наряду с выявлением общих представлений населения о сущности и принципах МСУ в ходе исследования также выяснялись общественные ожидания граждан в отношении деятельности органов местного самоуправления (их конкретных функций и задачах: чем, прежде всего, должны заниматься органы МСУ в их городе).

Определим основные позиции, выделенные жителями всех опрошенных городов.

Как и следовало ожидать, подавляющее большинство опрошенных во всех городах в качестве главной задачи органов МСУ называли «предоставление населению коммунальных услуг (вода, свет, тепло и т.д.)». Далее по частоте упоминания следует «социальная поддержка населения: предоставление льгот, выплата различных пособий», а также «благоустройство дворов, ремонт дорог и территории города». Эти три направления деятельности органов МСУ являются самыми ожидаемыми со стороны населения.

Оценка предоставляемых услуг

Так как оценка жителями деятельности органов местного самоуправления во многом зависит от степени их удовлетворенности предоставляемыми услугами, основную часть нашего исследования мы сфокусировали на измерении оценок жителями городов предоставляемых местными властями услуг — мнений населения о текущей ситуации, о динамике ситуации по сравнению с прошедшим годом.

В соответствии с выявленными ожиданиями населения в отношении деятельности органов МСУ нами были оценены такие услуги, как:

- холодное и горячее водоснабжение;
- тепло- и электроснабжение;
- ремонт дорог;
- благоустройство дворов;
- транспортное обслуживание.

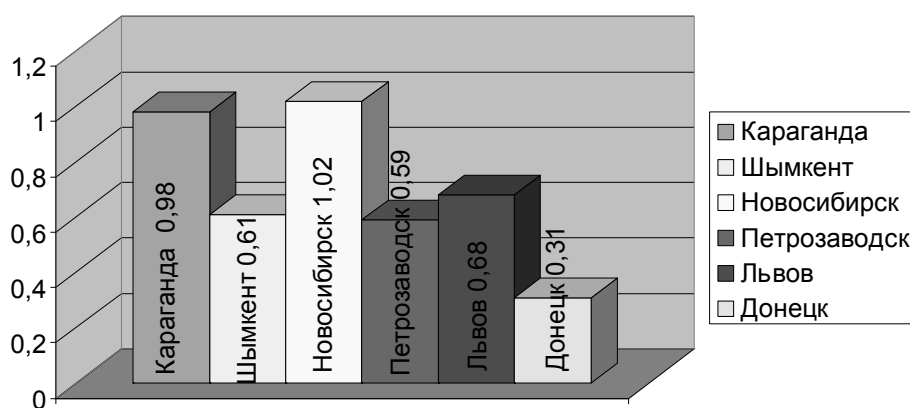
Рассматривая изменения качества услуг по сравнению с прошлым годом, большинство опрошенных во всех городах указывают на отсутствие динамики. Среди той части респондентов, которые указали на наличие перемен, положительными изменения называют жители городов Казахстана и Российской Федерации, отрицательные изменения фиксируют жители городов Украины, в частности Донецка.

При оценке удовлетворенности населения исследуемых городов предоставлением общественных услуг была также использована методика «Циркон» с разработанным обобщенным индексом — интегральной оценкой удовлетворенности населения качеством предоставления муниципальных услуг.

В соответствии с этим выделяется три группы городов — с высокой, средней и низкой величиной индекса. К первой группе можно отнести Караганду и Новосибирск, для которых значение индекса заметно выше среднего (0,98 и 1,02 соответственно). К третьей группе, с низкой величиной индекса, можно отнести город Донецк (значение индекса от 0,31). В городах Петрозаводск, Шымкент и Львов интегральная оценка удовлетворенности предоставлением услуг средняя (от 0,59, 0,61 и 0,68 соответственно).

Д и а г р а м м а 1

Интегральная оценка удовлетворенности населения качеством услуг предоставляемых местными органами управления

Отношение населения к органам местного самоуправления: общая оценка деятельности и доверие

При разработке инструментария исследования в него были заложены показатели, позволяющие проанализировать общее отношение респондентов к органам МСУ: оценку их деятельности — эффективность в целом и уровень доверия к ним. Кроме того, предполагалось установить, существует

ли взаимосвязь между этими двумя важнейшими параметрами отношения к органам местного управления.

В целом по характеру оценки населением работы органов МСУ можно разбить на три группы городов, в которых проводились опросы:

- в которых положительные оценки преобладают над отрицательными;
- в которых оценки жителей распределились примерно поровну;
- в которых отрицательные оценки преобладают над положительными.

В первую группу вошли Новосибирск, Караганда, Петрозаводск. Города Шымкент и Львов составили вторую группу, где мнения респондентов относительно деятельности органов МСУ распределились приблизительно поровну. К третьей группе относится город Донецк, где отрицательные оценки населением работы органов местного самоуправления преобладают над положительными: доля оценок «плохо» составила 64 %.

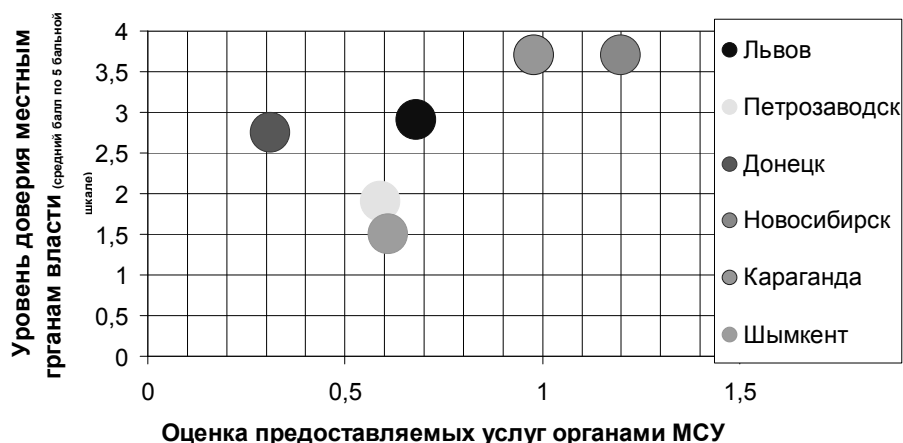
Наряду с общей оценкой деятельности доверие является одним из важных показателей отношения населения к тем или иным органам МСУ. В настоящем исследовании измерялся уровень доверия респондентов к мэрам (акимам) городов и местным представительным органам (городским советам, маслихатам). Было проверено предположение о наличии взаимосвязи между общей оценкой населением деятельности органов МСУ и доверием к главам исполнительной власти и местным представительным органам. Результаты опроса данное предположение подтвердили. Особенно значимая связь между общей оценкой деятельности органов МСУ и доверием к главам городских администраций обнаружена в Караганде и Новосибирске. В то же время в Шымкенте зависимость между данными показателями практически отсутствует, т.е. уровень доверия определяется не общей оценкой деятельности органов МСУ, а иными факторами.

Т а б л и ц а 2

Уровень доверия к органам местной власти (средний балл по пятибалльной шкале)

	Львов	Шымкент	Петрозаводск	Донецк	Караганда	Новосибирск
Аким, мэру города	3,1	1,5	2,0	3,0	3,7	3,7
Городскому маслихату, совету	2,8	1,5	1,8	2,6	3,8	3,7

Д и а г р а м м а 2

Взаимосвязь между общей оценкой деятельности органов МСУ и уровнем доверия к городским представительным органам в большинстве городов также существует (хотя коэффициент корреляции между ними в среднем несколько ниже, чем между общей оценкой и доверием к главам исполнительной власти). Не обнаружена корреляция между этими параметрами в Шымкенте.

Список литературы

1. Миронов Н. Электоральное поведение граждан как показатель общественного доверия к демократическим институтам // Сравнительное конституционное обозрение. — М.: Институт права и публичной политики, 2005. — № 2(51). — С. 143–151; Мерло П. Электоральная практика, права человека и общественное доверие к демократической системе // Полис. — М., 1995. — № 4. — С. 123–130.
2. www.election.kz
3. www.election.kz
4. http://izbirkom.novo-sibirsk.ru/gorod_golosovanie
5. <http://www.karel.izbirkom.ru>
6. Центральна виборча комісія України, // www.cvk.gov.ua, www.city-adm.lviv.ua.
7. Донецкий городской Совет, www.donetsk.org.ua
8. Исследовательская группа ЦИРКОН. Граждане оценивают местное самоуправление: Аналитический доклад по итогам опросов общественного мнения // www.zircon.ru
9. Там же // www.zircon.ru

УДК 352.075.1

А.К.Аймагамбетов

Евразийский национальный университет им. Л.Н.Гумилева, Астана

НЕКОТОРЫЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

На примере гг. Петрозаводск и Новосибирск

Мақала жергілікті өзін өзі басқару және мемлекеттік органдардың тиімділік деңгейін анықтауға арналған. Оны белгілеудің көрсеткіш пен индикатор жүйесі жасалып, Петрозавод және Новосібір қалаларының мысалында аталмыш органдарының тиімділік деңгейін бағаланды.

The article identify the level of effectiveness of local government. The author developed a system of benchmarks and indicators to assess the effectiveness of local authorities, assessed the effectiveness of local government in the case of cities of Novosibirsk, Petrozavodsk.

В настоящей статье мы не ставим задачу сделать какое-то научное обобщение, выводы, скорее, это попытка обрисовать собственную методику оценки эффективности местных органов самоуправления через предлагаемую систему индикаторов.

Методология измерения эффективности

Задача органов местного самоуправления — решение вопросов местного значения. Соответственно, чем лучше они решаются, тем местное самоуправление эффективнее. При исследовании эффективности мы прежде всего исходили из того, что эффективность есть интегральная и структурированная характеристика управления, а значит, универсальных критериев эффективности управления не существует. То есть при определении эффективности необходимо учитывать как количественные показатели по конкретным отраслям, находящимся в компетенции объектов исследования, так и качественные. В сущности, эффект есть показатель достижения требуемого результата, при этом в определенный промежуток времени и с наименьшими затратами [1].

На результаты оценки эффективности могут повлиять такие факторы, как:

- отсутствие четкого разграничения компетенций органов местного самоуправления, а значит, «четких правил игры», в одних городах и наличие — в других, что поставило бы их в неравные условия;
- большое различие в материальных и финансовых ресурсах и правах распоряжения ими, т.е. несоразмерность компетенций и финансовых ресурсов для реализации этих полномочий;
- использование недостоверных данных;

- отсутствие единообразной методики и показателей оценки;
- отсутствие отраслевых показателей-индикаторов оценки в компетенции всех оцениваемых объектов.

При определении эффективности местных органов самоуправления необходимо строгое соблюдение главного требования — применение стандартной и одинаковой методологии сбора данных и исчисления индексов во времени и по городам с подробным ее описанием.

Поэтому при выборе конкретных городов мы руководствовались основным принципом — сравнимость, т.е. схожесть, по компетенции и финансовым возможностям. При выборе отраслевых показателей-индикаторов исходили из необходимости наличия такой компетенции во всех органах самоуправления.

*Определение эффективности органов местного самоуправления
в гг. Петрозаводске и Новосибирске (Российская Федерация)*

Местное самоуправление в Российской Федерации составляет одну из основ конституционного строя. Его значение в политической системе российского общества определяется тем, что это тот уровень власти, который наиболее приближен к населению, им формируется и ему непосредственно подконтролен, решает вопросы удовлетворения основных жизненных потребностей населения. Эффективное местное самоуправление — одно из условий социально-экономического развития муниципального образования, повышения качества жизни населения, повышения доверия населения к власти.

Государственная поддержка развития местного самоуправления является законодательно установленной обязанностью органов государственной власти. До начала реализации Федерального закона от 6 октября 2003 г. N 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее — Федеральный закон) местное самоуправление осуществлялось на уровне района — объединенное муниципальное образование. На поселенческом уровне местное самоуправление отсутствовало. С принятием Федерального закона основная задача органов государственной власти и органов муниципальной власти области — организация местного самоуправления на уровне поселений. Статьей 85, п. 1, ч. 1, Федерального закона был определен срок установления границ муниципальных образований и наделения их соответствующим статусом — до 1 марта 2005 г. [2]. Во исполнение данного требования Федерального закона 15 декабря 2004 г. областными Думами приняты: законы о муниципальных образованиях, входящих в состав муниципальных районов области; Законы «О городских округах», «О муниципальных районах». Перечисленными выше законами были утверждены границы всех муниципальных образований.

В Российской Федерации существует 5 видов муниципальных образований: сельское поселение, городское поселение, муниципальный район, городской округ и внутригородская территория города федерального значения. Границы и статус муниципальных образований установлены в 2003–2005 гг. в рамках муниципальной реформы. Порядок изменения границ и преобразования муниципальных образований установлен Федеральным законом.

Органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти. Структура органов местного самоуправления, устанавливаемая уставом муниципального образования, включает такие органы и должностные лица местного самоуправления, как представительный орган муниципального образования, глава муниципального образования, местная администрация, контрольный орган муниципального образования, иные органы местного самоуправления.

В соответствии с Федеральным законом существуют следующие основные варианты структуры органов местного самоуправления:

1. Представительный орган избирается населением, глава муниципального образования избирается населением и возглавляет представительный орган, глава местной администрации назначается по контракту.
2. Представительный орган избирается населением, глава муниципального образования избирается населением и возглавляет местную администрацию.
3. Представительный орган избирается населением, глава муниципального образования избирается представительным органом из своего состава и возглавляет представительный орган, глава местной администрации назначается по контракту.
4. В муниципальном районе допускается такой вариант структуры органов местного самоуправления: представительный орган местного самоуправления формируется из глав и делегатов представительных органов поселений.

Экономическую основу местного самоуправления составляют находящееся в муниципальной собственности имущество, средства местных бюджетов, а также имущественные права муниципальных образований. Органы местного самоуправления от имени муниципального образования самостоятельно владеют, пользуются и распоряжаются муниципальным имуществом. В соответствии с Гражданским кодексом органы местного самоуправления вправе создавать муниципальные предприятия и учреждения.

Каждое муниципальное образование имеет собственный бюджет (местный бюджет). К собственным доходам местного бюджета могут относиться:

- средства самообложения граждан;
- доходы от местных налогов и сборов;
- доходы от региональных налогов и сборов;
- доходы от федеральных налогов и сборов;
- безвозмездные перечисления из бюджетов других уровней, включая дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности муниципальных образований;
- доходы от имущества, находящегося в муниципальной собственности;
- часть прибыли муниципальных предприятий, остающейся после уплаты налогов и сборов и осуществления иных обязательных платежей;
- штрафы, установление которых отнесено к компетенции органов местного самоуправления;
- добровольные пожертвования;
- субвенции на решение вопросов местного значения межмуниципального характера (для некоторых муниципальных районов);
- иные законные поступления.

Закон устанавливает возможность выравнивания уровня бюджетной обеспеченности поселений, муниципальных районов и городских округов путем предоставления дотаций из регионального фонда финансовой поддержки муниципальных образований и (или) районных фондов финансовой поддержки поселений.

В исключительной компетенции органов местного самоуправления рассматриваемых городов — Петрозаводска и Новосибирска — находятся:

- принятие Устава города и внесение в него изменений и дополнений;
- утверждение бюджета города и годового отчета о его исполнении;
- установление, изменение и отмена местных налогов и сборов в соответствии с законодательством Российской Федерации;
- принятие планов и программ развития города, утверждение отчетов об их исполнении;
- определение порядка управления и распоряжения имуществом, находящимся в муниципальной собственности города;
- определение порядка принятия решений о создании, реорганизации и ликвидации муниципальных предприятий и учреждений, а также об установлении тарифов на услуги муниципальных предприятий и учреждений;
- определение порядка участия города в организациях межмуниципального сотрудничества;
- определение порядка материально-технического и организационного обеспечения деятельности органов местного самоуправления города;
- контроль за исполнением органами и должностными лицами местного самоуправления города, полномочий по решению вопросов местного значения.

Прежде чем приступить к оценке эффективности местных органов самоуправления гг. Петрозаводска и Новосибирска, дадим им краткую характеристику.

Петрозаводск — город республиканского подчинения на северо-западе России, столица Республики Карелия, административный центр Прионежского района (в район не входит). В 2004 г. образовано Петрозаводское городское поселение (г. Петрозаводск — единственный населённый пункт поселения), с 2005 г. преобразованное в Петрозаводский городской округ. Это административный, научный, культурный, туристический и образовательный центр Карелии. Протяженность города вдоль губы Онежского озера около 21,7 километра, площадь 113 кв. км. Население города составляет более 282 тыс. человек, или 35,3 процента всего населения республики.

Глава местного самоуправления избирается жителями Петрозаводска на основе всеобщего равного и прямого избирательного права при тайном голосовании; установленный срок полномочий главы местного самоуправления составляет четыре года. Его правовой статус и полномочия определены

Уставом г. Петрозаводска [4]. Совет депутатов г. Петрозаводска — представительный орган городского самоуправления, обладающий правами юридического лица.

Новосибирск — самое крупное муниципальное образование в Российской Федерации, образован в 1893 г., четвертый по площади и третий по численности населения город в России. Территория города занимает 503,1 км², в его десяти административных районах проживает более 52 % населения Новосибирской области (1,392 тыс. человек). С 1937 г. является административным центром Новосибирской области. С 2000 г. в Новосибирске — центр Сибирского федерального округа, здесь находится резиденция полномочного представителя Президента Российской Федерации по данному округу, городской бюджет составляет 30 852 809,8 тыс. рублей.

Главой муниципального образования Новосибирска является мэр города. Его правовой статус и полномочия определены Уставом Новосибирска [5]. Совет депутатов Новосибирска — представительный орган городского самоуправления, обладающий правами юридического лица, четвертый созыв которого был избран гражданами в апреле 2005 г. В нем работают 40 депутатов.

Как уже было отмечено, при измерении эффективности местных органов управления мы исходили из того, что они наделены собственной компетенцией. В нее входят:

- финансово-экономические полномочия, главными из которых являются самостоятельное формирование, утверждение и исполнение местного бюджета, местное планирование, регулирование хозяйственной деятельности;
- коммунальное обслуживание населения, содержание и ремонт дорог и т.д.;
- строительство и содержание коммунального жилья, школ, больниц, библиотек, спортивных сооружений;
- поддержание правопорядка.

Принято выделять также дела «обязательные» и «добровольные» [3].

«Обязательные дела» — вопросы, которым придается общегосударственное значение и которые должны исполняться в обязательном порядке (водоснабжение, транспорт, общественная безопасность, здравоохранение, содержание и уборка улиц, образование и т.д.). Объем обязательных функций, как правило, зависит от численности населения соответствующей административно-территориальной единицы, а также экономических возможностей последней.

«Добровольные дела» устанавливаются и реализуются местными властями по своему усмотрению, после того, как исполнены «обязательные».

Во многих странах наблюдается общая тенденция в сокращении «добровольных дел» и расширении объема «обязательных». Например, в Германии они составляют в настоящее время 80–90 % от общего объема задач, решаемых местными органами. В Финляндии установленные законом обязанности составляют приблизительно 3/4 всего объема дел коммун (правда, в крупных коммунах доля «добровольных» функций обычно несколько выше).

При измерении эффективности в качестве индикаторов мы брали «обязательные дела», которые имеются в компетенции у всех исследуемых органов местного управления: ремонт дорог общегородского значения; ремонт и благоустройство дворов; строительство объектов социальной сферы; демографическая ситуация; миграция; строительство жилья; уровень безработицы; преступность.

Ремонт дорог общего значения оценивали по 5-балльной шкале, в расчете на 10 тыс. человек в абсолютном выражении: от 1 до 2 — 1 балл, от 2 до 4 — 2 балла, от 4 до 7 — 3, от 7 до 10 — 4, от 10 и более — 5 баллов. Учитывалась реконструкция существующих дорог общегородского значения, капитальный, средний, текущий ремонт и строительство новых дорог, за исключением асфальтирования внутриквартальных проездов, дворовых территорий.

Петрозаводск. В общей сложности в 2007 г. на ремонт дорог из городского бюджета выделено средств на 89 % больше, чем в предыдущем, выполнен ремонт дорожного полотна на площади более 100 тыс. м². Рост составил 89 %.

Новосибирск. В 2007 г. проведена реконструкция дорожного полотна общей площадью 204,9 тыс. м² против 20,8 тыс. м² в 2006 г., капитальный ремонт — 771,9 тыс. м² против 406,3 тыс. м² в 2006 г., текущий ремонт — 121,8 тыс. м² против 85 тыс. м² в 2006 г. Итого: 2006 г. — 678 тыс. м², в 2007-м — 1274 тыс. м². Всего рост составил 86 %.

Ремонт и благоустройство дворов — установка детских площадок, асфальтирование и благоустройство дворовых территорий — по 5-балльной шкале в расчете на 10 тыс. человек в абсолютном выражении: от 0,1 до 0,5 % — 1 балл, от 0,5 до 1 — 2 балла, от 1 до 1,5 — 3, от 1,5 до 2 — 4, от 2 и более — 5 баллов.

Петрозаводск. В 2006 г. отремонтировано в общей сложности более 2,5 тыс. м² на сумму полтора миллиона рублей, в 2007 г. выделено 5 миллионов рублей на ремонт асфальтового покрытия дворовых территорий и 2 миллиона — на ремонт и устройство детских спортивных площадок во дворах. Рост — более чем в три раза (300 %).

Новосибирск. Всего в течение 2007 г. уложено асфальтового покрытия на площади 312 тыс. м², установлено 152 детских городка. Рост составил 24 %.

Строительство объектов социальной сферы оценивалось по 5-балльной шкале, в зависимости от роста в % по сравнению с 2006 г.: от 1 до 10 % — 1 балл, от 10 до 20 % — 2 балла, от 20 до 30 % — 3, от 30 до 50 % — 4, от 50 % и более — 5 баллов. Учитывались все построенные и введенные в эксплуатацию в течение года объекты: спортивные сооружения, детские сады, средние и среднеспециальные образовательные учреждения, больницы.

Петрозаводск. Объем работ по Петрозаводскому городскому округу за январь–декабрь 2007 г. составил 137,1 % к аналогичному уровню 2006 г. (рост 37,1 %).

Новосибирск. Объем работ по городскому округу за 2007 г. составил 153,3 % к уровню 2006 г.

Строительство жилья определяли по 5-балльной шкале в расчете на 10 тыс. человек в абсолютном выражении: от 1 до 2 — 1 балл, от 2 до 3 — 2 балла, от 3 до 4 — 3, от 4 до 5 — 4, от 5 и более — 5 баллов. При этом учитывалось количество официально введенного в течение года в эксплуатацию жилья.

Петрозаводск. Годовой объем ввода жилья в 2008 г. запланирован общей площадью 113 тыс. м², что на 59,15 % превышает показатели 2007 г. Всего в течение 2007 г. было введено более 71 тыс. м² жилья, что выше на 1 % к уровню 2006 г. В 2006 г. ввод жилья в городе составил 70,314 тыс. м², или 124,7 % к уровню 2005 г.

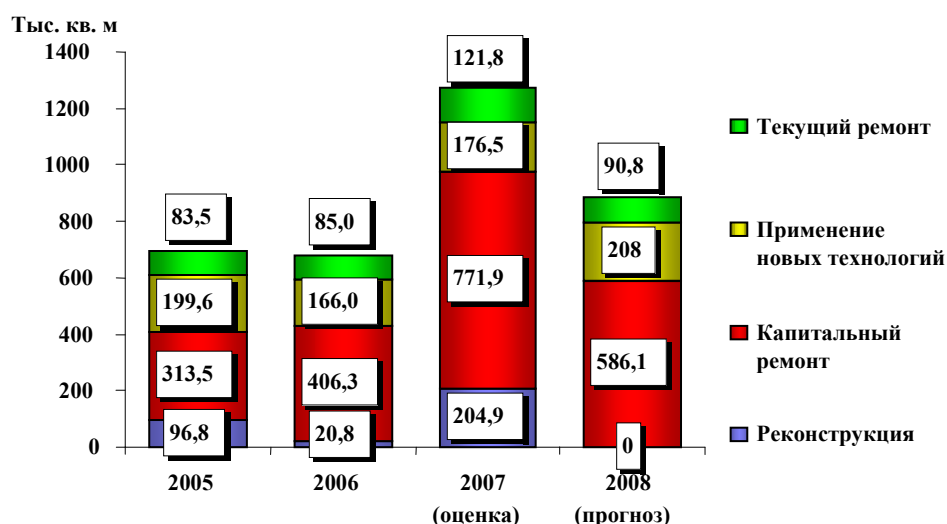
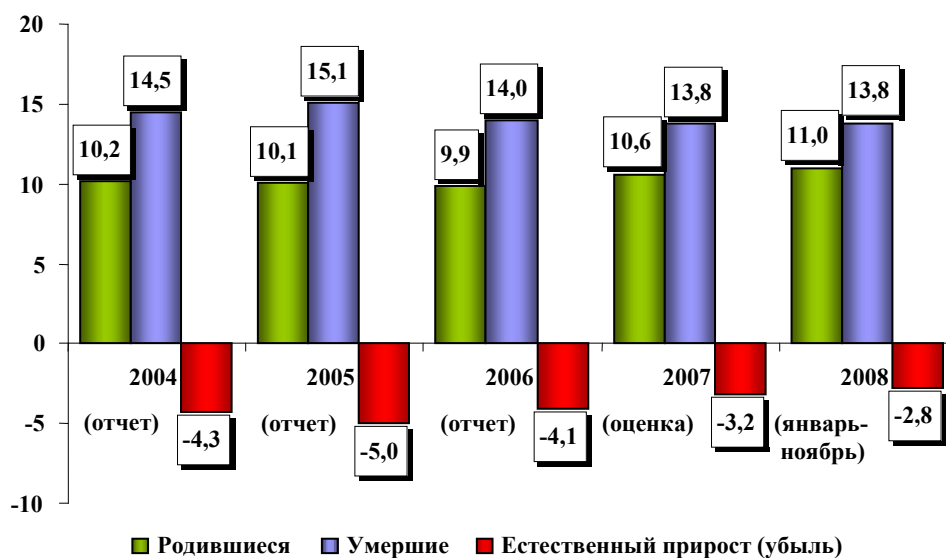
Новосибирск. Всего за 2007 г. введено жилья 918,4 тыс. м², тогда как в 2006 г. — 827,2 тыс. м². Рост — 11 %.

Демографическая ситуация оценивалась по 5-балльной шкале, в расчете родившихся живыми на 1000 человек населения в абсолютном выражении: от 1 до 5 — 1 балл, от 5 до 10 — 2 балла, от 10 до 15 — 3, от 15 до 20 — 4, от 20 и более — 5 баллов.

Петрозаводск. В течение 2007 г. в Петрозаводском городском округе улучшилась демографическая ситуация: отмечен рост рождаемости на 2,8 %, снижение смертности на 8,2 %, естественная убыль населения сократилась более чем в 2,5 раза (250 %) по сравнению с 2006 г. Численность трудоспособного населения Петрозаводска в 2007 г. выросла на 1,5 % к уровню 2006 г. и составила около 170 тыс. человек.

Новосибирск. В 2007 г. естественная убыль населения уменьшилась с –4,1 человека на 1000 населения в 2006 году до –3,2 человека. В 2006 г. на 1000 человек родилось 9,9, умерло 14,0; в 2007 г. родилось 11,0, умерло 13,8. Естественная убыль снизилась на 0,9, или 23 %.

**Коэффициенты естественного движения
населения (на 1000 чел.)**

Миграция — по 5-балльной шкале, в зависимости от коэффициента миграционного прироста на 10000 человек за 2007 г.: от 1 до 3 — 1 балл, от 3 до 5 — 2 балла, от 5 до 10 — 3, от 10 до 20 — 4, от 20 и более — 5 баллов. Учитывался миграционный прирост (убыль) населения — разность между числом прибывших за определенный период на данную территорию и числом выбывших за ее пределы. Миграционный прирост может быть положительной величиной (если число прибывших больше числа выбывших) либо отрицательной (если число прибывших меньше числа выбывших). В последнем случае имеет место миграционный отток.

Петрозаводск. Коэффициент межрегиональной (внутренней) миграции (КММ) на 10000 человек за 2006 г. составил 5,05, за 2007 г. — 3,27. Миграционный прирост (убыль) (МП(У)) на 10000 человек за 2006 г. составил 5,85, за 2007 г. — 17,21.

Годы	КММ	МП(У)
2007	3,27	17,21
2006	5,05	5,85
Разница	-1,78	11,36

Новосибирск. Коэффициент межрегиональной (внутренней) миграции на 10000 человек в 2006 г. равен 1,21, в 2007-м — 4,18. Миграционный прирост (убыль) на 10000 человек за 2006 г. составил 11,76, за 2007-й — 13,9.

Годы	КММ	МП(У)
2007	4,18	13,9
2006	1,21	11,76
Разница	2,97	2,14

Уровень безработицы оценивался по 5-балльной шкале, в зависимости от уровня безработицы в абсолютном выражении на конец 2007 г.: от 2 до 3 — 1 балл, от 1 до 2 — 2 балла, от 0,8 до 1 — 3, от 0,5 до 0,8 — 4, от 0,1 до 0,5 — 5 баллов.

Уровень безработицы — доля зарегистрированных безработных в численности экономически активного населения, измеренная в процентах, определяется делением числа безработных, зарегистрированных в органах занятости, на численность экономически активного населения.

К безработным относятся лица в возрасте, установленном для измерения экономической активности населения (15 лет и старше), которые в рассматриваемый период отвечали одновременно трем основным критериям: были без работы (не имели доходного занятия), занимались активно ее поиском, были готовы приступить к работе в течение определенного периода времени.

Экономически активное население (рабочая сила) — часть населения в возрасте, установленном для измерения экономической активности населения, обеспечивающая предложение рабочей силы для производства товаров и услуг. Численность экономически активного населения включает занятых во всех видах экономической деятельности и безработных.

Петрозаводск. Численность официально зарегистрированных безработных в городе в 2007 г. составила 1061 человек (13,5 % общей численности безработных по республике), уровень безработицы — 0,7 % от экономически активного населения, а в 2006 г. — 1482 человека (11,8 % общей численности по республике), уровень безработицы — 1 % от экономически активного населения. Таким образом, по итогам 2007 г. уровень безработицы снизился на 0,3 %, число безработных — на 28,4 %.

Годы	Количество безработных	Уровень безработицы
2007	1061	0,7 %
2006	1482	1 %
Разница	-421	-0,3 %

Новосибирск. Численность официально зарегистрированных безработных в 2006 г. составила 6631 человек. Уровень регистрируемой безработицы составил 0,79 % от численности трудоспособного населения в трудоспособном возрасте.

По данным центра занятости населения г. Новосибирска, уровень регистрируемой безработицы в 2007 г. составил 0,58 % от численности трудоспособного населения в трудоспособном возрасте, что на 0,21 % меньше, чем в предыдущем году.

Преступность — по 5-балльной шкале, в зависимости от % снижения по сравнению с 2006 г.: от 0,1 до 1 % — 1 балл, от 1 до 5 % — 2 балла, от 5 до 10 % — 3, от 10 до 20 % — 4, от 20 % и более — 5 баллов.

Учитывались только зарегистрированные преступления — выявленные и официально взятые на учет органами внутренних дел общественно опасные деяния, предусмотренные уголовным законодательством (убийство и покушение на убийство; изнасилование и покушение на изнасилование, бандализм, разбой, грабеж, кража, мошенничество, хулиганство, нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, повлекшее по неосторожности смерть человека).

Сведения о числе зарегистрированных преступлений приведены по данным Министерства внутренних дел.

Петрозаводск. Всего зарегистрировано преступлений в 2006 г. 17663, в 2007 г. — 14505. По сравнению с 2006 г. их количество снизилось на 18 %.

Новосибирск. Всего зарегистрировано преступлений в 2006 г. 95509, в 2007-м — 94,858. По сравнению с 2006 г. их количество уменьшилось на 0,7 %.

Таким образом, для органов местного самоуправления, как Российской Федерации, так и рассматриваемых городов, характерными являются следующие проблемы:

- недостаточная сбалансированность бюджетов муниципальных образований;
- утрата большого числа социально значимых объектов государственной собственности области и муниципальной собственности в результате приватизации;
- незавершенность формирования муниципальной собственности, в том числе муниципальных земель;
- недостаток средств, отсутствие материальной базы, как для осуществления собственных полномочий, так и для исполнения отдельных государственных полномочий.
- отстраненность населения от процесса принятия решений по вопросам местного значения.

В настоящее время продолжается реформа местного самоуправления, которая выявила ряд серьезных недостатков и вместе с тем показала жизнеспособность и эффективность данной модели самоуправления.

Список литературы

1. *Гричук А.Г.* К вопросу об эффективности муниципального управления // Чиновник. — 2004. — № 3 (31).
2. Федеральный закон от 6 октября 2003 г. N 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», ст. 85.
3. *Васильев С.В., Жуковский А.И., Цуркер К.* Эффективность работы организаций государственного и муниципального управления и их служащих. — Великий Новгород, 2002. — С. 52.
4. Устав города Петрозаводска. Решение Петрозаводского городского Совета от 19 октября 1999 года № XXIII–XXVI/418 редакция от 4.03.2008 г. // www.karel.izbirkom.ru.
5. Устав города Новосибирска. Решение Совета депутатов г. Новосибирска № 616 от 27.06.2007 г. // gorsovet.novosibirsk.ru.

УДК 347.955: 351/354

К.С.Муслимова

Карагандинский государственный университет им. Е.А.Букетова

**ТРАНСПАРЕНТНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ
И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПОРЯДКА
РАССМОТРЕНИЯ ОБРАЩЕНИЙ ФИЗИЧЕСКИХ И ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ**

Мақалада ҚР «Жеке және заңды тұлғалардың өтініштерін қарау тәртібі туралы», «Әкімшілік рәсімдеу туралы» Заңдарын талдау негізінде мемлекеттік басқару шеңберінде заңнамалар мен құқық қолдану іс-тәжірибесін жетілдірудің өзекті мәселелері қарастырылады. «Ақпаратқа қол жеткізу туралы» Заңын әзірлеу және қабылдау бойынша азаматтардың сұранымдарын іске асыру рәсімін жетілдіру бойынша ұсыныстар енгізілуде.

In this article on the base of analysis of the Acts of legislation of the RK «About the order of business of reference of individual and legal persons», «About the administrative procedures» the actual points of legislation's development and law enforcement practice in public administration sphere are studied. In this article the motions of act's of legislation «About access to information» drafting and passing, citizenry's requests realization procedure's development are moved.

Проводимая по инициативе Президента РК в рамках административной реформы модернизация государственного управления на принципах корпоративного управления, транспарентности, подотчетности обществу выдвигает на повестку дня качественно новую модель государственного управления, где во главу угла будут поставлены интересы потребителей государственных услуг [1].

Взаимоотношения между государственными служащими и гражданами, которые обращаются в государственные органы по поводу реализации своих прав и законных интересов либо за их защитой, можно представить как отношения между услугодателем, в качестве которого выступают государственные органы и должностные лица, и потребителями этих услуг, т.е. физическими и юридическими лицами. При этом необходимо иметь в виду, что оказываемые государственные услуги (выдача решений, регистрация, выдача документов и т.п.) уже оплачены из карманов налогоплательщиков, т.е. граждан. Государственные служащие получают заработную плату из средств госбюджета, поэтому граждане вправе требовать от них надлежащего выполнения ими своих обязанностей по оказанию государственных услуг.

В Конституции Республики Казахстан провозглашено, что высшей ценностью является жизнь человека, его права и свободы [2]. Развивая данное конституционное положение, Закон РК «О государственной службе» закрепляет в качестве одной из обязанностей государственных служащих рассмотрение в установленном порядке обращений граждан и принятие по ним решений [3]. Закон РК «Об административных процедурах» также уделяет большое внимание данной стороне деятельности государственных служащих. Процедуры рассмотрения обращений граждан по реализации их прав, а также процедуры административной защиты прав и законных интересов граждан весьма подробно регламентированы в главе 4 данного Закона [4]. Эти процедуры должны предусматривать такой порядок реализации прав, при котором граждане обязаны предоставлять государственным органам и должностным лицам минимальное число документов, подтверждающих юридически значимые факты; минимальный срок реализации прав и обеспечения законных интересов граждан; минимальное количество инстанций, которыми согласовывается проект решения по реализации прав граждан; заблаговременное извещение граждан о месте и времени рассмотрения дела соответствующим лицом или органом; возможность ознакомления с материалами дела, связанными с рассмотрением его об-

ращения; возможность личного участия гражданина в разбирательстве по его обращению; ведение дела по обращению гражданина одним и тем же должностным лицом, не допуская необоснованной передачи материалов дела, связанных с рассмотрением обращения гражданина другому должностному лицу; недопущение случаев, когда рассмотрение обращения гражданина возлагается на лицо, в отношении которого есть основания полагать, что оно не заинтересовано в объективном решении вопроса.

Непосредственно порядок рассмотрения обращений граждан регулировался Указом Президента РК, имеющим силу закона, «О порядке рассмотрения обращений граждан» от 19 июня 1995 г. [5]. Этот закон сыграл, безусловно, позитивную роль в регулировании порядка рассмотрения обращений граждан. Вместе с тем необходимо отметить, что со временем выявилась потребность его совершенствования, что привело к принятию 12 января 2007 г. Закона РК «О порядке рассмотрения обращений физических и юридических лиц» [6].

Новый закон, сохраняя многие положения прежнего закона, внес ряд принципиальных новелл: более четко определены такие дефиниции, как прием, регистрация, рассмотрение, учет обращений; конкретизировано содержание видов обращений физических и юридических лиц.

Если ранее законодательство предусматривало в качестве субъектов обращений только физических лиц, то теперь к ним относятся и юридические лица. Что же касается субъектов, правомочных рассматривать обращения, то наряду с государственными органами в их число включены органы местного самоуправления, юридические лица со стопроцентным участием государства либо предоставляющие товары (работы, услуги) в соответствии с условиями государственного заказа и (или) государственного закупа.

Прежний закон нередко подвергался критической оценке из-за того, что в нем недостаточно регламентировались процедуры рассмотрения обращений граждан. Теперь многие процедуры, касающиеся рассмотрения обращений, особенно жалоб, конкретизированы.

Так, например, законодательные требования к письменному обращению сведены в отдельную статью. В соответствии со ст.6 Закона человеку, обратившемуся письменно в уполномоченный орган, выдается талон с указанием даты, времени, фамилии и инициалов лица, принявшего обращение.

А чтобы исключить отписки и волокиту, ст.11 Закона обязывает государственные органы давать мотивированные ответы, со ссылкой на законодательство РК и конкретные акты, с разъяснением права заявителя обжаловать принятое решение в суде.

Если по вине государственных органов или должностных лиц обращение не было рассмотрено в срок, что стало причиной убытков, физические или юридические лица получают право требовать их возмещения в установленном законодательством порядке.

Изменились сроки рассмотрения обращений. В управленческой практике одним из наиболее часто встречающихся нарушений является нарушение установленных сроков рассмотрения обращений физических и юридических лиц. Теперь, согласно п.1 ст.8 Закона, обращения, не требующие направления запроса в иной уполномоченный орган, должностному лицу либо выезда на место, рассматриваются в течение пятнадцати календарных дней. Отсюда можно сделать вывод, что обращения рассматриваются, как правило, в пятнадцатидневный срок, а не в тридцатидневный, как было ранее. В течение же тридцати календарных дней обращения рассматриваются лишь в том случае, если требуются получение информации от иных субъектов, должностных лиц либо проверки с выездом на место. И лишь в тех случаях, когда необходимы проведение дополнительного изучения или проверки, срок рассмотрения может быть продлен не более чем на тридцать календарных дней, о чем сообщается заявителю в течение трех календарных дней с момента продления срока рассмотрения. Согласно п.4 ст.8 Закона, если решение вопросов, изложенных в обращении, требует длительного срока, то обращение ставится на дополнительный контроль, вплоть до окончательного его исполнения, о чем сообщается заявителю в течение трех календарных дней. На наш взгляд, п.7 следует дополнить указанием на то, что физическое или юридическое лицо в течение этого, по сути дела, неопределенного срока, вправе требовать от государственного органа предоставления по его (т.е. физического или юридического лица) запросу информации о ходе рассмотрения его обращения. А вообще, вряд ли обосновано наличие неопределенного срока для рассмотрения обращений граждан, ибо это создает, на наш взгляд, возможность для волокиты и бюрократизма. Целесообразнее было бы все-таки установить, например, 3-месячный срок и потом уже продлевать его по мере рассмотрения обращения.

Конкретизировано понятие «повторное обращение», под которым понимается поступившее от одного и того же лица обращение по одному и тому же вопросу не менее двух раз и в нем обжалуется

решение, принятое по предыдущему обращению, поступившему в уполномоченный орган, или о несвоевременном рассмотрении ранее направленного обращения.

В отличие от действовавшего законодательства предусмотрено прекращение рассмотрения обращения, которое принимает руководитель субъекта или его заместитель. Пункт 1 ст.11 Закона указывает, в каких случаях принимается такое решение. Есть и многие другие положения, свидетельствующие о том, что процедурные вопросы, касающиеся порядка рассмотрения обращений физических и юридических лиц, значительно улучшились.

Резюмируя изложенное, можно констатировать, что новым Законом внесены существенные правки в порядок рассмотрения обращений физических и юридических лиц. Это, безусловно, позитивно отразится при рассмотрении обращений, в частности, жалоб граждан и юридических лиц, в исполнительные органы. Чаще всего граждане обращаются с жалобами в исполнительные органы в связи с нарушением земельного, жилищного, трудового законодательства, законодательства о собственности и предпринимательстве.

Главное теперь состоит в том, чтобы положения этого Закона неукоснительно исполнялись должностными лицами исполнительных органов. В этих целях необходимо, по нашему мнению, осуществлять контроль на каждом этапе (стадии) процедуры рассмотрения обращений физических и юридических лиц.

Принципиальным новшеством Закона явилось то, что согласно ст.15 в обязанность государственным органам и должностным лицам вменяется предоставление государственной правовой статистической информации о количестве поступивших, рассмотренных обращений и результатах их рассмотрения в сроки и объемах, установленных уполномоченным органом в сфере правовой статистики и специальных учетов. Согласно Закону РК «О порядке рассмотрения обращений физических и юридических лиц» должностные лица обязаны не только рассматривать в установленном порядке обращения физических и юридических лиц, но и систематически проверять состояние работы по рассмотрению обращений, анализировать и обобщать обращения граждан и содержащиеся в них критические замечания, изучать общественное мнение с целью совершенствования работы и устранения причин, порождающих жалобы. Необходимо отметить, что нарушение должностными лицами исполнительных органов порядка рассмотрения обращений физических и юридических лиц относится к числу наиболее распространенных явлений. Мониторинг же результатов рассмотрения обращений граждан как нельзя лучше позволяет проконтролировать своевременность их рассмотрения государственными органами и должностными лицами, а также привлекать виновных должностных лиц к ответственности.

Согласно ст.12 Закона РК «О борьбе с коррупцией» [7] неоднократное нарушение должностными лицами установленного законом порядка рассмотрения обращений физических и юридических лиц и решения иных входящих в их компетенцию вопросов является одним из видов правонарушений, создающих условия для коррупции. Однако практика свидетельствует, что к должностным лицам, допускающим многочисленные нарушения законодательства о порядке учета и рассмотрения обращений физических и юридических лиц, несмотря на вносимые прокуратурой представления и протесты, меры дисциплинарного воздействия не всегда применяются.

Чаще всего это происходит из-за истечения установленных законом сроков наложения дисциплинарных взысканий. Согласно ст.13–1 Закона РК «О борьбе с коррупцией» в случае совершения коррупционного правонарушения либо правонарушения, создающего условия для коррупции, лицом, уполномоченным на выполнение государственных функций, либо приравненным к нему лицом дисциплинарное взыскание налагается не позднее трех месяцев со дня обнаружения проступка и не может быть наложено позднее одного года со дня совершения проступка.

В случае отказа в возбуждении уголовного дела либо прекращения уголовного дела, но при наличии в деяниях лица, уполномоченного на выполнение государственных функций, либо приравненного к нему лица признаков коррупционного административного правонарушения либо дисциплинарного проступка взыскание может быть наложено не позднее трех месяцев со дня принятия решения об отказе в возбуждении уголовного дела либо его прекращения.

На наш взгляд, данная статья нуждается в совершенствовании. Во-первых, вышестоящие должностные лица, обладающие дисциплинарной властью по отношению к подчиненным государственным служащим, исходя из узковедомственных интересов, зачастую заинтересованы в том, чтобы «не выносить сор из избы», т.е. не придавать огласке нарушения законности при рассмотрении обращений физических и юридических лиц в своем ведомстве. Во-вторых, сроки наложения дисциплинарных взысканий не позволяют своевременно привлекать виновников к дисциплинарной ответственности.

Поэтому мы предлагаем отказаться от дисциплинарной ответственности и ввести административную ответственность за данный вид правонарушений. Для этого необходимо, во-первых, КоАП РК (глава 30- Административные коррупционные правонарушения) дополнить статьей об административной ответственности за невыполнение или ненадлежащее выполнение должностным лицом обязанностей по рассмотрению обращений физических и юридических лиц. Так как данная категория дел рассматривается в судебном порядке, тем самым будет обеспечена беспристрастность и объективность. Во-вторых, в ст.69 КоАП РК следует предусмотреть, что должностные лица не подлежат административной ответственности за совершение административных коррупционных правонарушений по истечении пяти лет со дня их совершения. Путем этих изменений можно, на наш взгляд, устранить ведомственную заинтересованность в сокрытии фактов нарушений установленного порядка рассмотрения обращений физических и юридических лиц, а также установить достаточный срок давности для привлечения к административной ответственности виновных должностных лиц.

Целесообразность введения административной ответственности за нарушение порядка рассмотрения обращений физических и юридических лиц обуславливается и тем, что в КоАП уже имеется ряд статей, предусматривающих административную ответственность за отдельные нарушения установленного порядка рассмотрения обращений физических и юридических лиц. Речь идет о ст.84 КоАП РК (Отказ в предоставлении физическому лицу информации, а равно незаконное ограничение права на доступ к информационным ресурсам) и ст.96 КоАП РК (Обращение во вред физическому лицу поданной им жалобы). Данные статьи, на наш взгляд, должны быть размещены в главе 30 — Административные коррупционные правонарушения.

С введением единого учета и мониторинга рассмотрения обращений физических и юридических лиц возникла необходимость решения и некоторых других вопросов, регламентирующих данный порядок, а также критерии учета в делопроизводстве. Это касается устных обращений, поступивших во время личного приема руководства, а также обращений, поступивших по электронной почте или через средства массовой информации. В целях создания единой системы правовых статистических показателей, методологии их получения, анализа и прогнозирования формирования системной правовой статистической информации в деятельности Комитета по правовой статистике и специальных учетов Генеральной прокуратуры РК введена в действие Автоматизированная информационная система «Единый учет обращений лиц» (АИС ЕУОЛ), которая позволяет проконтролировать процесс прохождения обращения с момента его регистрации до рассмотрения и принятия по нему решения.

Действенная система учета и мониторинга результатов рассмотрения обращений физических и юридических лиц позволит государственным органам и их должностным лицам в значительной мере оптимизировать как нормотворческую, так и правоприменительную деятельность, повысить ответственность за принимаемые ими решения.

Граждане, используя конституционное право на обращение в государственные органы, что-либо предлагают, заявляют о своих правах, требуют защитить их либо восстановить нарушенные права и свободы, откликаются на происходящие в стране или регионах события либо просят дать информацию, непосредственно затрагивающую их права и законные интересы. Согласно Закону РК «О порядке рассмотрения обращений физических и юридических лиц» обращения граждан классифицируются на следующие виды: предложения, заявления, жалобы, отклики, запросы.

Весь спектр этих отношений — это огромная сфера государственно-управленческих отношений, возникающих между государственными служащими (государственными органами) и гражданами. В рамках данной публикации нам хотелось бы остановиться на механизме реализации такого вида обращений физических и юридических лиц, как запрос.

Согласно ст.1 Закона РК «О порядке рассмотрения обращений физических и юридических лиц» запрос — это просьба лица о предоставлении информации по интересующим вопросам личного или общественного характера.

Государственные органы, общественные объединения, должностные лица и средства массовой информации обязаны обеспечить каждому гражданину возможность ознакомиться с затрагивающими его права и интересы документами, решениями и источниками информации. Статья 15 Закона РК «О порядке рассмотрения обращений физических и юридических лиц» обязывает принимать и рассматривать обращения физических и юридических лиц в установленном порядке и в надлежащие сроки.

Между тем за пределами правового регулирования неясным остается вопрос о том, какая именно информация может быть предоставлена гражданину в порядке запроса. Закон РК «О порядке рассмотрения обращений физических и юридических лиц» гласит, что ею является информация по вопросам личного или общественного характера. Формулировка, на наш взгляд, носит довольно рас-

плывчатый характер. Обратимся к ст.2 Закона РК «О средствах массовой информации» [8], которая носит более конкретизирующий характер, говоря о том, что информация, получаемая от государственных органов и должностных лиц, «затрагивает права и законные интересы граждан». При этом не допускается разглашения сведений, составляющих государственные секреты или иную охраняемую законом тайну, пропаганды и оправдания экстремизма или терроризма, антитеррористических операций в период их проведения, пропаганды наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров, а также порнографии. Исходя из изложенного из круга получаемой в порядке запроса информации следует исключить вышеназванные сведения. Однако на практике нередки случаи, когда граждане не получают отказ в получении информации, вовсе не подпадающей под признаки, указанные в ст.2 Закона РК «О средствах массовой информации». Как действующее законодательство реагирует на подобного рода нарушения закона? Статьей 84 КоАП РК установлена административная ответственность за отказ в предоставлении физическому лицу информации, а равно незаконное ограничение права на доступ к информационным ресурсам [9]. Согласно части первой статьи неправомерный отказ в предоставлении собранных в установленном порядке документов, материалов, непосредственно затрагивающих права и законные интересы физического лица, либо предоставление физическому лицу неполной или заведомо ложной информации, а равно неправомерное отнесение общедоступной информации к информации с ограниченным доступом, не имеющей признаков уголовно наказуемого деяния, влекут штраф на должностных лиц в размере от пяти до десяти месячных расчетных показателей. Часть вторая статьи предусматривает ответственность за незаконное ограничение права на доступ к информационным ресурсам, часть третья гласит, что совершение должностным лицом деяний, предусмотренных частями первой и второй настоящей статьи, если эти деяния причинили вред правам и законным интересам физических лиц, влечет штраф в размере от двадцати до ста месячных расчетных показателей. Следует, однако, заметить, что случаи применения данной статьи в управленческой действительности крайне редки, если не сказать, что вообще отсутствуют. Причиной тому, на наш взгляд, является несовершенство законодательства. Как уже было отмечено выше, в законодательстве не определены достаточно четко параметры и объем информации, которую граждане не могут получать в порядке запроса от государственных органов, Что, например, исходя из анализа ст.84 КоАП РК следует считать «общедоступной информацией» или информацией «с ограниченным доступом»?

Эти вопросы требуют своего решения. Небезынтересен в этом смысле опыт развитых стран (Швеции, США, Великобритании, Японии и др.), закрепивших в своем законодательстве принцип транспарентности (прозрачности) государственного управления, открытости его для широкого общественного контроля [10; 58]. В основе подобного подхода лежит конституционный принцип о праве человека на получение информации. Законы («О доступе к информации», «Об открытости административных документов», «О раскрытии информации публичных органов» и т.д.) определяют круг лиц, имеющих право требовать раскрытия информации от органов власти, которым, в свою очередь, вменяется в обязанность принимать запросы от населения и выносить решения о раскрытии официальной информации.

Последовательное претворение в государственно-управленческую практику института транспарентности является характерной тенденцией развитых либерально-демократических стран. Например, законодательство Японии, обеспечивающее транспарентность государственного управления, определяет следующие параметры взаимоотношений гражданина и государственных органов:

- 1) к числу нераскрываемой относится информация, касающаяся личной жизни человека;
- 2) не подлежит раскрытию информация, касающаяся организаций и предпринимателей, если есть опасения причинить ущерб их правам;
- 3) закрытой является информация, касающаяся безопасности страны;
- 4) не раскрывается информация, оглашение которой может принести ущерб делу предотвращения преступлений;
- 5) не подлежит раскрытию информация, касающаяся совещаний, исследований, консультаций в органах страны и между ними, т.е. информация, затрагивающая внутриорганизационные процедурные аспекты деятельности данного государственного органа;
- 6) не подлежит раскрытию информация, могущая принести ущерб деятельности предприятия или органа;
- 7) руководитель органа имеет право по своему усмотрению предоставить частичную информацию;

8) руководитель органа имеет право отрицать наличие информации, являющейся секретной [10; 62].

Законы о раскрытии информации также детально регулируют процедуру реализации запроса, взаимные права и обязанности государственных служащих и граждан, порядок обжалования решения административного органа по запросу о раскрытии документа.

Представляется, что в Республике Казахстан также назрела необходимость принятия такого закона, так как внедрение принципа транспарентности является одним из важнейших направлений совершенствования государственного управления, обеспечения прав и свобод человека и гражданина в Республике Казахстан.

Список литературы

1. Назарбаев Н.А. Модернизация государственного управления на принципах корпоративного управления, транспарентности и подотчетности обществу // Казахстанская правда. — 2006. — 2 сент.
2. Конституция Республики Казахстан. — Алматы: Жеті жарғы, 2008.
3. Закон РК «О государственной службе» от 23 июня 1999 г. // Казахстанская правда. — 1999. — 6 авг.
4. Закон РК «Об административных процедурах» № 107 от 27 ноября 2000 г. // Юридическая газета. — 2000. — 6 дек.
5. Указ Президента РК, имеющий силу закона, от 19 июня 1995 г. «О порядке рассмотрения обращений граждан» // Ведомости Парламента РК. — 1995. — № 9–10. — Ст. 71.
6. Закон РК от 12 января 2007 г. «О порядке рассмотрения обращений физических и юридических лиц» // Казахстанская правда. — 2007. — 30 янв.
7. Закон РК «О борьбе с коррупцией» № 267 от 2 июля 1998 г. // Ведомости Парламента РК. — 1998. — № 15. — Ст. 209.
8. Закон РК «О средствах массовой информации» // Казахстанская правда. — 1999. — 24 янв.
9. Кодекс об административных правонарушениях РК. — Алматы: Жеті жарғы, 2009. — 327 с.
10. Анисимцев Н.В. Япония: обеспечение прозрачности («транспарентности») административно-государственного управления // Государство и право. — 2003. — № 6. — С. 58–65.

ӘОЖ 348.97

Н.С.Ахметова, Ж.О.Ғалы

Е.А.Бөкетов атындағы Қарағанды мемлекеттік университеті

МУДЖТАХИДТЕРДІҢ ҚҰҚЫҚ ҚОЛДАНУ ҚЫЗМЕТІНІҢ МҰСЫЛМАНДЫҚ ҚҰҚЫҚ ТҮСІНУШІЛІККЕ ӘСЕРІ

В статье рассматривается уровень влияния правоприменения исламскими судьями на мусульманское правоупотребление. Изучен правовой статус муджтахидов, кади, их роль в формировании мусульманского права. Значительное влияние исламских судей в формировании правоупотребления подтверждается использованием и формированием такого института права, как иджтихад и кияс.

In article is considered level of the influence the right application islam court on moslem the right understanding. The Studied legal status mudjtakhid, kadi, their role in shaping the moslem right. The Significant influence islam judge in shaping the right understanding, is confirmed by use and shaping of such institute of the right as idjtikhad and kijas.

Мұсылман ғалымдары — муджтахидтер мұсылман құқығының қалыптасуында маңызды рөлге ие. Муджтахидтер негізінен саудамен айналысып, мемлекеттік қызметте болмаған. Сол себептен мұсылман құқығы «төменнен» тәжірибеден емес, «жоғарыдан» доктринадан пайда болған деген пікір қалыптасқан. Мемлекеттің қызметі тек тиісті мазхаб бойынша мұсылман құқығының нормаларын санкциялаумен ғана шектелген. Мұсылман соттары (кади) істерді қарау кезінде Құран мен сүннеттің нормаларын тиісті мазхабтың негізін салушылардың және олардың ізбасарларының еңбектеріне сәйкес қолданды. X ғасырда иджтихадтың дамуы нәтижесінде мұсылман құқығының негізгі қайнар көзі болып доктрина табылды. «Иджтихад есіктерінің жабылуы», яғни мұсылман құқығының

дамуының тоқтауы, жарияланды. Енді ислам ғалымдары оның нормаларын тек түсіндіруге құқығы болды.

Қади лауазымына әдетте әрекет қабілеттігі бар мұсылман ер адам тағайындалды. Мүліктік және отбасылық дауларды шешуге кейбір фикх мектептері әйел адамдарға қади міндетін жүктеуге жол берген. Басқа дін өкілдерінің сот шешімдерін шығару құқығын тек өзінің діндестерінің арасында болған дауға қатысты қолдануға құқық береді.

Ақылды, көреген, басы ерікті және әділ, тән кемтарлығы жоқ мұсылман ғана сот бола алатын. Шариғат нормаларымен бекітілетін сот істерін қарау тәртібі өзіндік ерекшеленеді. Дауды қарау әдетте талапкерге сөз беруден басталады, кейін қади жауапкерге талаптың негізділігін мойындауы үшін жүгінеді. Жауапкердің келісетіндігі белгілі болса, онда істі қарау тоқтатылады да, қади шешім шығарады. Ал керісінше жағдайда сот талапкердің дәлелдерді ұсынуын сұрап жүгінеді. Талапкердің мұндай міндеті Мұхаммед пайғамбардың келесі сөзімен бекітіледі: «Талапкер дәлел ұсынуға міндетті, ал талаптың негізділігін жоққа шығарушы, ант беруге міндетті». Мұсылман құқығы дәлелдемелердің объективтілігіне үлкен маңыз береді.

Шариғат шешімінің қате болу мүмкіндігін мойындай отырып, қади шешіміне әсер еткісі келетіндерге жауаптылық туралы ескертеді. Бұған дәлел ретінде Мұхаммед пайғамбардың келесі сөздерін көрсетуге болады: «Шындығында сендер маған дауларыңның шешілуі үшін жүгінесіңдер; сендердің біреулерің екіншіңнен дәлелдерін келтіруде көркемдірек болуы мүмкін, мен естігенімнің негізінде оның пайдасына шешім шығаруым мүмкін; бірақ егер мен соның нәтижесінде басқаға тиесілі құқықты оған берсем, онда оны тозақ оты күтіп тұр». Сот шешімінің негізі болып табылатын көптеген дәлелдемелердің ішінде үлкен маңызға куәгерлердің айғақтары ие. Сол себептен зинаның болғандығын дәлелдеу үшін төрт куәгердің сөздері жеткілікті, ал ауыр қылмыстарды жасаған жағдайда екі куәгер ер адам жеткілікті. Мәмлелердің орындалуы бойынша болған істерде екі ер адамның айғақтары алынады, және біреуінің орнына екі әйел айғақ бере алады. Сондай-ақ мүліктік даулар бойынша дәлелдеме ретінде бір ер адамның айғағы, егер талапкердің антымен бекітілсе, қабылданады.

Егер талапкер өзінің талабының негізділігін куәгерлердің айғақтарымен немесе басқа да дәлелдемелермен растай алмаса, ал жауапкер өзінің кінәсінің жоқтығы туралы ант берсе, талап қанағаттандырылмайды. Бірақ қади дау бойынша шешімді тек бір жақты ғана тыңдап шығара алмайды, яғни екі жақтың құқығы тең болуы тиіс. Бұл қағида пайғамбардың сөзімен бекітілген: «Егер саған екі адам дау шешімін іздеп келсе, онда екіншісінің уәжін тыңдап білмейінше, біріншісінің пайдасына шешім қабылдама».

Мұсылман әділсотының этикасының негізгі талабы — дауды шешу кезінде бейтараптық таныту және дауласушыларға тең көзқараста болу. Дәлірек айтқанда, дауласушылардың екі жағы да қадиге қарама-қарсы және бірдей қашықтықта отыру керек. Соттың объективтілігі, қадиге оның әділдігіне кері әсер ететін мән-жайлар болған кезде, дауды қарастыруға тыйым салатын қағидалармен қосымша қамтамасыз етіледі. Шариғаттың сот процесінде тараптардың теңдігі қамтамасыз ету талабын Омара халифтің бір қадиге жазған хатынан көруге болады: «Адамдарға өзіңнің теңіндей қара, олармен бірдей уақыт өткіз, сондай-ақ мансаптылар өзінің мүддесі үшін саған өз дегенінді істетуге қол жеткізбес үшін, ал әлсіздер сенен әділдікті табу үмітін үзбесі үшін әділсотты жүзеге асыруға, теңдікке ұмтыл. Ашулану, ызадан алыс бол, сот талқылауы кезінде адамдарды ренжітпе және оларға өз ашуынды көрсетпе».

Шариғат соттарының істі қарау тәртібі белгілі бір дәрежеде даудың сипатына байланысты, бірақ қылмыстық істерді, отбасы немесе мүліктік дауларды қарау тәртібінде айтарлықтай айырмашылық жоқ. Дегенімен жеке құқықтарға қатысты мәмле немесе отбасы мәселелері бойынша болған дауларды қади тек құқығы бұзылған тұлға талабы бойынша қарайды, ал басқа істерді кез келген адамның талабы бойынша, сондай-ақ өзінің бастамасымен қарайды.

Негізінен қади кез келген дау бойынша бір сот отырысының барысында жекелей шешім қабылдайды. Ислам әділсотының ерекшелігі болып дауды мәжбүрлеуші шешімсіз бітімге келтіру табылады; бұл пайғамбардың келесі сөзіне негізделген: «Аллаһтың тыйым салғанына жол беріп, рұқсат еткеніне тыйым салатынынан басқа дауласушылардың арасындағы бейбіт келісімге жол беріледі».

Сол себептен негізінен қадидің муджтахид болғаны абзал, яғни Құран мен сүннетпен реттелмеген сұрақтар бойынша, мұсылман құқығының рационалды қайнар көздеріне негізделген шешім қабылдайтындай — «иджтихадты» жүзеге асыратындай терең білімінің болғаны абзал. Қадидің лауазымына муджтахидті тағайындаудың абзалдығының дәлелі ретінде мұсылман

заңгерлері пайғамбарымыздың келесі сөзін келтіреді: «Егер қаді шешімді иджитihad негізінде шығарса және ол дұрыс болса, онда оған екі еселенген сый болады, ал егер ол иджитihad бойынша істі қарап, қателессе де, оған бір сауаб тиесілі».

Бұл шешімді қайта қарау тек оның Құран мен сүннетке немесе сахабалардың ортақ пікіріне қарсы келген, сондай-ақ доктрина құрған иджитihad ережелері бұзылған жағдайда мүмкін. Ал егер бұл талаптар сақталса, онда иджитihad нәтижесінде қабылданған шешім түпкілікті деп сараланып, бұл іс бойынша басқа муджтахид — қадидің өзге пікіріне негізделген қайта қарауға жол берілмейді. Бұл жағдайда «әр муджтахидтің шешімі дұрыс» деген ереже орын алады, бұл ережеге сәйкес иджитihad нәтижесінде алынған шешім иджитihad нәтижесінде алынған басқа шешіммен тоқтатылмайды.

Сондай-ақ классикалық мұсылман құқығының теориясы соттарға жаңа ұқсас іс бойынша алдында шығарылған шешімді өзгерту құқығын береді. Дәлірек айтқанда, сот прецедентінің ережелерінен бастартуға жол беріледі.

Діни-құқықтық жүйе түріндегі шариғат шеңберінде теория тұрғысынан қоғамдық проблемаларды шешпейтін ескірген нормаларды тікелей қолданыстан шығаруға жол берілмейді. Сонымен қатар мұсылман соты тіпті біздің заманымыздың өзінде де таңдау бостандығына ие.

Кей кезде мұсылман елдерінде сот өндірісі мұсылман құқығына сәйкес жүзеге асырылады, және сол себептен соттар бұл елдерде мемлекеттік механизмінің маңызды қызметін жүзеге асырады деген пікір естуге болады. Бірақ Құран және басқа да мұсылман құқығының қайнар көздерін сот өндірісінде қолданылуы оларды табиғаты бойынша құқықтың қайнар көзі ретінде көрсетпейді. Ол үшін шариғат қайнар көздерін құқық қайнар көздері ретінде санкциялайтын кесімдер болу керек. Яғни мемлекеттік органдардың кесімдері мұсылман құқығының қайнар көздеріне заң күшін беру керек (санкциялау керек). Басқа жағдайда мұсылман құқығының қайнар көздері құқық қайнар көзі болып табылмайды.

Мұндай санкциялау актілері мұсылман елдерінде көптеп кездеседі. Мысалы, Иран, Ирак, Пәкістан, Сирия, Мысыр, Марокко, Судан және кейбір басқа да елдердің конституцияларында ислам дініне және шариғат ережелеріне сену қағидасы жарияланған.

Мұсылман құқық түсінушілігін анықтаудың проблемасының күрделілігі мұсылман құқығының табиғатын түсіндірудегі сияқты, сондай-ақ исламның мемлекет пен дін түсініктерін ажыратпайтындығын алға тартуына да байланысты. Көп уақыт бойы ислам тарихында мұсылман құқығы белгілі бір мемлекеттерге басшылық етті, мәні мен міндетін анықтады. «Дін мен патшалық — егіздер, дін — негіз, және патша оны қорғайды». «Патша дүниеде тәртіпті орнату үшін керек, ал тәртіп дүниеде діндегі тәртіп үшін қажет» [1], — дейді әйгілі ортағасырлық мұсылман ғалымдарының бірі Имам-әл-Газали.

Бұл тұжырым бойынша академик В.В.Бартольдтің де пікірі қызушылық танытуда. Оның айтуы бойынша: «Ислам алғашқында еврейлік және христиандылықпен бірдей орын талап еткен; Мұхаммедтің өмірінің соңына қарай ол дүниежүзілік басшылық талабын қойды, бірақ дін ретіндегіге қарағанда мемлекет ретінде көбірек» [2].

Қысқасын айтқанда, ислам бір уақытта дін және мемлекет болуға ұмтылады. Христианділікке қарағанда ислам: «Цезерге — цезерлігі, Құдайға — құдайлылығы» тезисін құптамайды. Мұндай ислам мен мемлекетке деген көзқарас қазір де сақталған. Сондай-ақ ислам теориясы бойынша мемлекет шариғат нормаларының орындалуын қамтамасыз ететін діннің қолындағы құрал болып табылады [3]. Шариғат нормасы Құдаймен немесе оның соңғы елшісі Мұхаммед пайғамбармен шығарылады, ал мемлекет шариғат нормаларының талаптарының орындалуын қамтамасыз ету үшін қажет.

Мұсылман құқығы мен мемлекеттің ара қатынасының проблемасын қарастырғандықтан, «Араб Халифаты» мемлекетінің пайда болуы себептері мен жағдайын анықтау проблемасы да қызығушылық тудырып отыр. Араб Халифатының пайда болуының себептері мен жағдайы басқа, тіпті діни мемлекеттердің пайда болу себептері мен жағдайынан ерекшеленеді.

Мемлекеттің пайда болуы туралы ілімдер Араб Халифаты мемлекетінің пайда болуының ерекшеліктерін көрсетпейді. Араб Халифаты мемлекеті, барлығына мәлім болғандай, ислам дінінен кейін (немесе бір уақытта) пайда болды, ал, мысалы, христиан діні тиісті мемлекеттер болған кезде пайда болды. Егер Араб Халифатында мемлекет ислам дінінің дамуы үшін қызмет етсе, ал христиан дініне одан бұрын пайда болған мемлекетті де құдай жаратқандығы туралы бәрін сендіріп, және соның нәтижесінде өзіне бағындыруға тура келді. Бірақ христиан дінінің басшылары бұл мақсатта ислам дінінің дәрежесіне жете алмады. Ал ислам әлемінде, керісінше, мемлекеттер ислам дініне

деген тәуелділіктен босау үшін көп күш жұмсады, бірақ оған тек кейбір елдер қол жеткізе алды (мысалы, Түркия).

Таза теократиялық мемлекет — бұл архаикалық мемлекет. «Биліктік қатынастардың теократиялық моделінің пайда болуы мен өмір сүруі көбіне қоғам өмірінің мәдени-тарихи жағдайымен, оның діни-ғұрыптық және өркениеттік ерекшеліктеріне негізделеді», — деп жазады Е.Н.Салыгин [4]. Ол теократиялық мемлекет қазіргі кезгі мемлекетке жатпайды, тіпті «ондай мемлекетті басқару нысанының, мемлекет нысанының ешқайсысына жатқызуға болмайды» деген шешімге келді. Яғни теократиялық мемлекет өзінің классикалық нұсқасында (Араб Халифаты, Ватикан) қазіргі замандағы түсініктегі мемлекет болып табылмайды.

Мұхаммед пайғамбардың өзі де бірнеше рет, сол кездегі белгілі Вавилон, Рим империясы, Византия сияқты нысандағы мемлекет емес, «су, жер, жайлау, от, тұз мұсылмандарға ортақ болып табылатын» мұсылмандық қауым құратынын айтқан [5]. Қазіргі кезгі исламистер де ол туралы сөз болғанда мемлекет туралы емес мұсылман қауымы (умма) туралы айтады.

Исламистердің айтуы бойынша, шариғат үкіметтің заңшығарушылық қызметіне жол береді, бірақ тек шариғат негізінде. Үкіметтің заңшығарушылық қызметі бұл иджма емес. Үкіметтің заңдары шариғатқа жатпайды және шариғат нормаларына толық сәйкес келгенімен, исламдық, яғни діни норма болып табылмайды. Шариғат бойынша үкіметтің заңшығармашылық қызметі шектеулі сипатқа ие, яғни бұл қызмет шариғат нормаларымен және қағидаларымен шектелген. Бұл шектеулер келесіндей болып табылады.

Біріншіден, үкіметтің (аманаттың) шариғат қайнар көздеріне (Құран, сүннет және т.б.) қарсы болып табылатын мінез-құлық ережелерін шығаруға құқығы жоқ. Шариғат үстемдік құрған мемлекетте үкіметке қосалқы рол беріледі. Ислам үстемдік құрған мемлекетте биліктің бөлінуі қағидасы жүзеге асырылмайды. Мұндай мемлекеттерде билік бөлінісі жүзеге асырылған, онда заңшығарушы билік толығымен Аллаһқа және оның соңғы елшісі Мұхаммедке тиесілі, ал дүниедегі басқа биліктер тек шариғат нормаларына қайшы келмейтін заңдарды ғана қабылдай алады.

Екіншіден, мұсылман құқығы бойынша үкіметтің заңшығармашылық қызметі тек екі бағытта жүзеге асырылады: атқарушылық және ұйымдастырушылық нормативтік-құқықтық кесімдерді қабылдау бойынша [6].

Үкіметтің атқарушылық заңдары, негізінен, шариғат нормаларын сақтауға бағытталады. Осы мақсатта үкімет соттарды, полиция мекемелерін, қамауға алу орындарын және тағы басқаны құрады.

Ұйымдастырушылық заңдар шариғат нормалары мен қағидаларына сәйкес қоғам қауіпсіздігін қамтамасыз етуге және сыртқы саясатты жүзеге асыруға бағытталады, осы қағидаларға сәйкес үкімет сыртқы әлеммен, яғни басқа мемлекеттермен, қарым-қатынасқа бағытталған қызметін жүзеге асыруы тиіс. Мұсылман құқығы бойынша негізінен мемлекеттердің заңшығармашылық қызметінің шектелуі осындай. Бірақ қазіргі әлемде осы шектеулерді мұсылман елдерінде бұзу оқиғалары көп кездеседі.

Юриспруденция мұсылман елдерінде дінге қатысты барлығының өмір сүру параметрлерін анықтайтын факторға айналды. Легитимді заңның талаптарына қайшы келмейтін діни және шариғат канондары мұсылмандарға қатысты әрекет ете берді.

Юриспруденцияның мақсаты — құқық субъектілерінің барлығының құқықтық мінез-құлығын қамтамасыз ету, және бұл жағдайда құқықтық мінез-құлықтың ниеті маңызды емес. Бұл жағдайда діни нормалардың әсерінен болған құқықтық мінез-құлықты юриспруденция өкілдерінің тарабынан оң бағалануы тиіс.

Ислам әлеміндегі қазіргі кездегі ішкі қайшылықтар тереңдей түсуінің себебі — кейбір мемлекеттерде бүгінгі күні шариғат нормаларына заңнама қарсы қойылса, ал кейбір елдер шариғат нормаларын алғашқы кейіпінде сақтауға тырысуында. Мысалға, егер Муамар Каддафи әр қоғамның нағыз заңы болып не әдет-ғұрып немесе дін табылатындығын, ал конституция қоғам заңы болып табылмайтындығын айтса, [7], Тунис Республикасының Президенті Хабиб Бугриб былай деп жариялаған: «... егер біреу жұмыс пен оразаны біріктіре алмаса, онда оразаны бұза берсін» [8].

Мұсылман әлемінде дін мен қоғам өмірі толығымен тығыз байланыста, және олар бірі бірінсіз өмір сүре алмайды. Мысалға, діни антагонизмдердің әсерінен бәсекелес діни топтардың арасында қақтығыстар орын алуы мүмкін. Мемлекет шеңберінде мұндай қақтығыстар белгілі бір қоғамдық құқықтық тәртіптің бұзылуына алып келеді. Сондай-ақ бұл жауласушы топтардың арасындағы қақтығыстан басқа конфессия өкілдері, дінге сенбеушілер де зардап шегуі мүмкін. Сондықтан мемлекет заңнама қабылдау арқылы да, іс-шаралар қолдану керек.

Шариғат нормаларының құқықтық жүйенің құрамына енуінің дәрежесі мұсылман дінінің үстемдігі танылған мемлекеттің өмірінің тарихи, әлеуметтік-экономикалық, саяси, сондай-ақ мәдени

жағдайларына байланысты. Мысалы, Тунисте 1956 жылы 13 тамызда қабылданып, 1957 жылдың 1 қаңтарында күшіне енген Жеке статус туралы кодекс қабылданды. XX ғасырдың екінші жартысында болған Тунистің қоғамдық өмірінің юридикациясы классикалық мұсылман құқығынан бастарту сипатында болды. Бірақ тунистік заңшығарушылар дін саласында болған реформаларды шариғат нормаларын жаңаша талқылау шеңберінде түсіндіруге тырысты [9].

Егер ислам Аллаһқа сенушілердің идеологиясы болып табылса, ал мұсылман құқығы немесе шариғат — бұл Аллаһ көрсеткен жолмен жүруші мұсылманның мінез-құлық ережесі. Мұсылмандар тұратын мемлекетте өзінің азаматтарының мінез-құлық ережелерін бекітетін одан басқа саяси билік те болады. Саяси билік, өзінің дінге жақындығы бойынша, өзінің азаматтарын діни ұстанымдармен өмір сүруге шақыруы, немесе діни нормаларды сақтауда таңдамашылыққа жол беруі мүмкін. Бірақ діни нормалар заң нормалары болып табылуы және мемлекеттік мәжбүр ету шараларымен қамтамасыз етілуі үшін, ол саяси билікпен белгілі бір заңдарда (конституцияларда) нақты анықталу керек. Мұсылман — бұл шариғат нормаларына сенуші, мұсылман құқығының нормалары сол үшін шығарылған. Бірақ мұсылманнан басқа, ислам парыздарын орындамайтын сол мемлекетте мұсылман еместер де болуы мүмкін. Олар үшін мұсылман құқығының талаптары мемлекетте (яғни мемлекеттік құрылымдардан шығатын кесімдерде) көрсетілуіне байланысты міндетті болып табылады.

Бұл құбылыс мұсылман әлемінде уақыт өте келе тарихи негізделген; мұсылмандар өмірінде халифтердің жарлықтары мен бұйрықтары маңызға ие бола бастады. Бір кездері халифтердің бұл бұйрықтары мен жарлықтары исламға сәйкестігі бойынша жоғарғы дін басшыларының тарапынан сынға ұшыраған. Бірақ мұсылман елдерінің дамуы, басқа елдермен қарым-қатынасқа түсу нәтижесінде мұсылман елдерінде позитивтік заңдық құқықтың маңызы арта түсті. Осы бағытта даму барысында кейбір мұсылман елдері өздерінің конституцияларын қабылдай бастады. «Мұсылман» түсінігімен қоса «азамат» деген түсінік пайда болды.

Жалпы, исламның және мұсылман құқығының қатаң консерватизміне қарамастан, ол басқа діндер сияқты бірте-бірте жетіліп, модернизацияланып қоғам өмірінің дамуына лайықтана бастады. Тұрғындардың мүдделерін білдіретін қоғамдық бірлестіктер мен партиялар пайда бола бастады. Тіпті қазіргі мұсылмандардың өмірінің демократиялық тәртібін мойындайтын, мұсылмандық сипаттағы партиялар (Мұсылмандық лига, Джамаат-и-Ислами) пайда болды. Олар кейбір ескірген шариғат нормаларынан парламентпен қабылданған заңдардың үстемдігін мойындайды.

Алжир мемлекетінің дамуының тәжірибесі де маңызға ие. Бұл мұсылмандар көпшілік болып табылатын мемлекетте XX ғасырдың екінші жартысының ондаған жылдар бойы өткен оқиғалар бұл елде қандай құқықтық нормалар қоғам өмірін реттейтіндігін көрсетеді. XX ғасырдың 60-шы жылдарынан бастап Алжирде отарлаушы заңдар күшін жойылып, бұл жерде КСРО-ның көмегімен социализм құра бастады. Егер отарлау кезеңінде исламдық идеология және шариғат нормалары мемлекет заңдарына ресми түрде бағынышты болса, ал отарлауды құлатқаннан кейін де басқа мұсылман елдеріндегідей мұсылмандылықтың қайта өрлеуі болған жоқ, және Алжир зайырлы мемлекет болып қала берді. Ислам идеологиясын марксистік-лениндік идеология жеңіп, Алжирде XX ғасырдың 70-ші жылдарына дейін социализм құрылып жатты. Қоғамдық қатынастарды, Құранға сәйкес емес оған қарсы негізде, реттейтін Конституция, Отбасы кодексі және басқа да заңдар қабылданды. Исламистерге көп уақыт бойы атеистерге қарсы тұруға да мүмкіндік болған жоқ. Себебі билік басында әскер қолдаған социализм жақтаушылары болды. Алжирдің Президенті Бу-Медьен мемлекетті Аллаһтың атынан емес, оның нұсқауымен қабылданған заңдар негізінде басқарды [10].

XX ғасырдың 80-ші жылдарына қарай бұл елде социализмді құруға болмайтындығына көздері жеткеннен кейін мемлекет нарықтық экономика және АҚШ бағытын ұстанды. Елге демократизм элементтері ене бастап, саяси партиялардың қызмет етуіне жол берілді және осы кезде Исламдық құтқару майданы қозғалысы пайда болды. Бұл кезде Алжирдің әлеуметтік-экономикалық жағдайы өте нашар еді. 1989 жылы қабылданған Конституцияда Алжирде көппартиялылыққа жол берілді де Исламдық құтқару майданы заңды түрде саяси күшке айналды, ал біраз уақыттан кейін парламентке сайлауда жеңіске жетті.

Исламдық құтқару майданының бағдарламасында былай деп жазылған: «Біздің партия электр тоғын, су жүйесін, үй жайларды уәде етпейді. Бізде тек бір ғана мақсат бар — ислам мемлекетін құру». Бірақ олар Алжирді исламдық республикасы деп жариялай алмады, себебі әскери офицерлерге исламистердің қауіп төндіруі орын алды да, әскер қайтадан билікті қолына алып, Исламдық құтқару майданының қызметін тоқтатты. Осының нәтижесінде Алжир қазіргі кезге дейін зайырлы мемлекет болып қалуда.

Сөйтіп, ислам дінінің бір бөлігі болып табылатын мұсылман құқығы қазіргі әлемнің ірі құқықтық жүйелерінің бірі болып табылады, сондықтан мұсылман елдерінде заңнама нормаларын соттық түсіндіру өзіндік ерекшелікке ие. Егер мұсылман елдерінің көбісі өздерінің заңдарында ислам қағидалары мен нормаларына беріктігін жариялауын ескерсек, онда заңнама нормаларының соттық интерпретациясы мемлекетпен шығарылатын нормативтік-құқықтық келісімдерінің ислам қағидалары мен нормаларына сәйкес келмеу проблемасы туындайды. Ислам тұрғысынан сот билігімен талқыланған конституциялар мен заңдар сенушілер тарапынан исламға негізделген келісім ретінде қабылданады. Құран мен сүннеттің қағидалары аталған келісімдерге мәтіндік тұрғыда кірмегенмен, ислам тұрғысынан құрамындағы ережелерді негіздей отырып, сенушілердің санасына әсер етіп олардың мазмұнына енгендей болады. Нәтижесінде ислам тұрғысынан талқыланған құқықтық нормалары мен қағидалары сенушілердің алдында мұсылман құқығы жүйесіне сіңгендей болады, ал оларды орындау діни міндет болып табылады. Өзінің консерватизміне қарамастан, сот интерпретациясына кең мүмкіндіктер беретін, ислам құқығы көптеген диспозитивтік нормаларды қамтиды [11].

Сөз соңында мұсылман құқығының нормаларының қолдану масштабын және олардың әрекет етуші заңнамаларға әсерінің дәрежесін негізге ал отырып, Шығыс елдерінің қазіргі кезгі құқықтық жүйелерін келесідей саралауға болады. Бірінші топқа, мұсылман құқығы кең мағынада қолданылатын Сауд Аравиясы және Иран құқықтық жүйелерін жатқызуға болады. Мұсылман құқығының нормалары мен қағидалары бұл елдерде қалыптасқан конституциялық заңнамаға және басқару нысанына терең әсер етеді. Мысалға, Иран Конституциясы барлық қолданылатын заңдардың шарият нормаларына сәйкестігін талап ететін ережені бекітеді. Бұл ереженің орындалуы үшін бұл елдерде мұсылман құқығының тиісті мектебінің (Сауд Аравиясында ханбали және Иранда джвфари) нормаларының және қағидаларының бекітілуіне бағытталған заңдар қабылданған.

Егер Сауд Аравиясында мұсылман құқығы өзінің мәнін ешқашан жоғалтпай жоғарғы деңгейде ұстап тұрған болса, ал Иранда мұсылман құқығы ондай дәрежеге шах режимін құлатқаннан кейін, исламдық республикасының басшылығының мемлекеттің қоғамдық-саяси, экономикалық өмірін исламға бейімдеу саясатының нәтижесінде ғана жетті.

Екінші топты Ливия, Пәкістан, Судан мемлекеттерінің құқықтық жүйелері құрайды. Бұл топтағы мұсылман құқығының әрекет ету көлемі бірінші топтағындай болмағанымен едәуір болып табылады, және кейінгі онжылдықтарда кеңейю тенденциясы байқалуда. Бірінші кезекте мұсылман құқығының нормалары мен қағидалары конституциялық сипаттағы негізгі келісімдерге және бұл елдердің мемлекеттік механизмдерінің қызметіне әсер етуде.

Келесі топтың құқықтық жүйелерін араб елдерінің көбісінің құқықтық жүйелері құрайды: Мысыр, Сирия, Ирак, Ливан, және Африка (Сомали, Мавритания) және Азия (Ауғанстан) елдерінің бірқатары. Олардың конституциялық құқығы әдетте ислам мен мұсылман құқығының ерекше жағдайын бекітеді. Бұл елдердің көбісінің конституциялары мемлекет басшысы тек мұсылман болуын және мұсылман құқығы заңнама қайнар көзі болып табылатындығын көрсетеді.

Әдебиеттер тізімі

1. Керимов Г.М. Учение ислама о государстве и политике. — М.: Знание, 1986. — С. 28.
2. Бартольд В.В. Ислам и культура мусульманства. — М.: Ленон, 1992. — С. 132.
3. Керимов Г.М. Шариат. Закон жизни мусульман. — М.-СПб.: Диля, 2007. — С. 246.
4. Салыгин Е.Н. Теократическое государство (теоретико-правовой аспект): Автореф. дис... канд. юрид. наук. — М., 2000. — С. 14.
5. Мавлютов Р.Р. Ислам. — М.: Политиздат, 1974. — С. 249.
6. Комаров С.А. Общая теория государства и права: Курс лекций. — М.: Юрист, 1996. — С. 194.
7. Каддафи М. Зеленая книга. — М.: София, 1989. — 264 с.
8. Ворончанина Н.И. Культурные преобразования в современном Тунисе. — М.: Гранд, 1978. — 280 с.
9. Рыжкова Е.А. Становление семейного права Туниса (историко-правовой аспект): Автореф. дис... канд. юрид. наук. — М., 2000. — С. 14.
10. Жданов Н.В. Исламская концепция миропорядка. — М.: Наука. 2003. — С. 170.
11. Абдрасулов Е.Б. Судебное толкование норм законодательства в мусульманском праве // Регион. вестн. Востока. — 2002. — № 1. — С. 78.

Г.З.Кожаметов

Карагандинский государственный университет им.Е.А.Букетова

РЕАЛИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРОГРАММЫ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В КАЗАХСТАНЕ В НАЧАЛЕ 20-Х ГОДОВ XX СТОЛЕТИЯ

Мақалада Қазақстандағы өнеркәсіпті XX ғасырдың 20-жылдарының басындағы жедел индустриализациялау бағдарламасы зерттелген. Оның негізгі ережелері баяндалып, осы бағдарламада бай табиғи ресурстарға ие болған Қазақ автономиясының орны сипатталған. Аймақ Ресей өнеркәсібінің шикізат көзі ретінде бағаланған, сондай-ақ осы істердің әкімшілік-биліктік шаралары көрсетілген.

In article is researched program to speed industrialization to industry in Kazakhstan at the beginning initially 20 20 ages. Lit her (its) main positions and place in this program of the Kazakh autonomy with her (its) rich natural resource. They Are Shown administrative-powerful measures of the realization these action, where region was oriented, as raw materials appurtenance to Russian industry.

Индустриализация промышленности, как одна из крупнейших народнохозяйственных программ Советского государства, стала возможной после завершения гражданской войны и иностранной интервенции.

Введение НЭПа X съездом РКП(б) в 1921 г., замена продразверстки продналогом, предоставлением возможностей существовать частному сектору в промышленности, хотя и дали некоторые положительные результаты, в корне изменить экономическую ситуацию в стране не могли. Поскольку частный сектор контролировал только мелкие и средние предприятия, сферу услуг, а крупная промышленность находилась в руках государства. Кроме этого, внешний рынок для частного сектора был закрыт, а внутренний — практически слабо функционировал, у частного сектора не было средств для капиталовложения в экономику, к тому же Советское правительство с каждым годом усиливало налоговый пресс на частных предпринимателей.

Для того чтобы рынок заработал до конца, необходимо было идти не только на экономические уступки частному сектору, но и начать реформирование всей политической системы страны. На этот шаг, естественно, партия большевиков не могла пойти, поскольку был бы перечеркнут весь смысл захвата ими власти и октябрьского государственного переворота. Даже НЭП, введенный в стране Лениным, не был полностью одобрен большевистской партией, многие из которых считали, что это есть измена идеям революции и возврат к капитализму. Только благодаря авторитету вождя его программа начала реализовываться в жизнь.

После смерти Ленина лидеры большевиков, претендовавшие на роль преемников Ленина, вновь возвратились к проблеме дальнейшего строительства социализма в СССР, судьбе НЭПа и индустриализации страны.

Л.Д.Троцкий предлагал ускоренную индустриализацию промышленности за счет сельского хозяйства и интересов крестьян, а также усиление репрессивного аппарата и диктатуры, по сути, предполагавшего ликвидацию НЭПа.

Н.И.Бухарин и его сторонники, наоборот, стояли за мирное строительство социализма с максимальным использованием рыночных механизмов, правда, под контролем государства. Например, Н.И.Бухарин по поводу пятилетнего плана и его методов реализации указывал, что огромные затраты государства, идущие на индустриализацию промышленности, неблагоприятно сказываются на сельском хозяйстве. Поэтому, если не прекратить эти чрезвычайные меры, они приведут к тяжелейшим последствиям в экономике страны. «Чрезвычайные меры и НЭП есть вещи друг другу противоречащие. Чрезвычайные меры есть отмена НЭПа...» [1; 289].

И.В.Сталин на тот момент поддержал бухаринскую идею для устранения своего главного оппонента на верховную власть в стране Л.Д.Троцкого. Однако после кризиса с хлебозаготовками в 1927–1928 гг. начался разгром и бухаринской оппозиции.

По поводу сворачивания НЭПа И.В.Сталин отмечал, что если мы придерживались НЭПа, то только потому, что эта политика служила делу социализма. Далее он продолжал: «...а когда она перестает служить делу социализма, мы ее отбросили к чорту» [2; 170–171].

Сталинское руководство берет курс на форсированную индустриализацию экономики, за которую, между прочим, в свое время критиковали Троцкого. Разумеется, для проведения этой програм-

мы нужны были большие средства и капиталовложения в экономику страны. Получить значительный кредит за рубежом было маловероятным, поэтому главный упор в добывании средств для индустриализации Советское правительство стало искать внутри страны.

Курс на ускоренную индустриализацию страны был официально озвучен на XV партконференции, прошедшей в 1926 г., а затем на XV съезде ВКП (б) в декабре 1927 г., причем вопрос стоял не только о наращивании темпов индустриализации, но и была поставлена грандиозная задача догнать и перегнать в короткие сроки ведущие капиталистические державы.

Особую роль в проведении индустриализации сыграл первый пятилетний план 1928/29–1932/33 гг. Подготовка пятилетнего плана вызвала большую дискуссию в правительстве, поскольку он готовился двумя различными учреждениями — Высшим народным хозяйством (ВСНХ) и Госпланом.

План первого учреждения был одобрен Сталиным, поскольку в нем проектировались показатели примерно на 20 % и выше, чем в проекте Госплана. Кроме этого, он предусматривал также ежегодный рост промышленного производства на 21–25 % [3; 555].

Прошедшая в апреле 1929 г. XVI партконференция утвердила пятилетний план развития народного хозяйства. Все дискуссии вокруг пятилетнего плана были объявлены партией враждебными и оппортунистическими.

В Казахской автономии процесс индустриализации также шел по основным стратегическим принципам партии. В июне 1928 г. Президиум Совета Национальностей ЦИК СССР принял специальное решение по вопросам развития промышленности в национальных республиках. В нем отмечалось, что при непосредственном участии представителя национальных республик, с учетом их особенностей и потребностей, Центр будет планировать развитие в них промышленности, в том числе и в Казахстане. Конкретные мероприятия должны были осуществляться через ВСНХ, наркоматы Союза ССР и РСФСР [4; 68].

Однако как показала дальнейшая практика, в индустриализации Казахстана стали проявляться тенденции, ориентирующие Казахстан как сырьевую базу для центральной российской промышленности.

Против сырьевой направленности Казахской АССР выступил ряд видных казахских государственных деятелей. Например, Смагул Садвокасов председатель Средазбюро ЦК ВКП (б) в своей статье «О национальностях и националах», критикуя статью Зеленского «Генеральная линия», опубликованную 7 октября 1928 г. в газете «Правда Востока», отмечал, что основной задачей экономической политики СССР является высвобождение советского хозяйства из-под зависимости капиталистического мира и в связи с этим в Средней Азии необходимо развивать в первую очередь те отрасли сырьевого хозяйства, которые уменьшают эту зависимость. По мнению Садвокасова, это было возвращением к старой великодержавности, когда русская буржуазия выкачивала из окраин сырье, строя заводы и фабрики только у себя под рукой. На его взгляд, если следовать политике XII партсъезда, поставившего задачу приобщения отсталых окраин к социалистическому строительству, в этом и был залог дальнейшего укрепления Советской власти на окраинах. По Садвокасову, хозяйственная целесообразность состояла именно в том, чтобы приблизить промышленность к источникам сырья, а в регионе есть не только сырье, но и наличие рабочих рук и топлива. В этой же статье была раскритикована позиция партийного руководства республики в лице Ф.И.Голощекина, считавшего, что вместо крупной надо развивать мелкую и среднюю промышленность в виде шерстмоек, маслобоек, крупорушек и т.д. По мнению Садвокасова, он приставляет промышленность к хвосту сельского хозяйства, предопределяя, таким образом, вечно крестьянское существование Казахстана.

Критике подвергся и председатель СНК Рыков, который, выступая на Всесоюзном съезде Советов, указывал, что республики в индустриализации требуют создания индустрии в каждой административной единице, а это, на его взгляд, ведет к замкнутому хозяйству. По Рыкову, единство Союза заключалось в том, чтобы росла зависимость всех ее различных частей [5; 244–247].

Такие публичные высказывания в адрес высших органов власти и лично Голощекина не остались без внимания, и Смагул Садвокасов стал крайне нежелательным человеком для руководства крайкома. В результате он был отстранен от должности ректора Казахского педагогического вуза, затем его вынудили уехать из республики. С весны 1928 г. С.Садвокасов работал ответственным специалистом при отраслевых наркоматах. После окончания Железнодорожного института партия направляет его заместителем начальника участка Днепростроя, где он проявил большие организаторские способности, но через некоторое время, получив тяжелую производственную травму, умер в 1933 г. в кремлевской больнице.

К сожалению, такой подход к организации промышленности Казахстана, как и других национальных окраин, был доминирующим у центрального руководства партии на протяжении всего существования СССР. Даже когда Казахстан стал союзной республикой, из него вывозилось дешевое сырье, взамен которого поступала готовая продукция в виде одежды, галантереи, радио и электротехники и других товаров широкого потребления, стоивших местному населению в 10 и выше раз дороже того сырья, из которого она была изготовлена.

Для Центра слаборазвитость в промышленном отношении национальных окраин, их сырьевая направленность были выгодны, поскольку их экономическая зависимость укрепляла политическое значение Москвы над национальными республиками.

Период индустриализации в стране сопровождался реорганизацией и совершенствованием системы управления промышленностью. Аппарат ВСНХ был реорганизован в 1927 г., взамен единого центрального управления промышленностью были созданы отраслевые главные управления. 29 июня 1927 г. вышло Положение «О промышленных трестах», утвержденного ЦИК и СНК СССР.

В январе 1923 г. был создан трест союзного значения «Эмбанефть», включавший в свою структуру, помимо собственных нефтяных промыслов, нефтеперегонные заводы в Ярославле и Нижнем Новгороде. В течение 1925 г. были также созданы «Алтайполимер» и Атбасарский трест цветных металлов. В ведении Союза также находился Сантонинный трест (Чимкентский сантонинный завод), выпускавший наркотические вещества: сантонин, морфин и кодеин [6; 25–26].

Надо отметить, что в Крае все крупные предприятия горнодобывающей промышленности, черной и цветной металлургии находились в ведении либо Союза ССР, либо Российской Федерации. Мандаты, выдаваемые ЦСНХ КазАССР на управление трестами, подконтрольными Российской Федерации, не давали право вмешиваться ни в финансовые вопросы производства, ни даже в кадровые дела, не говоря о распределении прибыли и т.д.

Тресты краевого и местного значения особой роли в экономике автономии не играли. Поэтому все национальные богатства республики, природные ископаемые и ее недра использовались по усмотрению центрального правительства. Автономия должна была довольствоваться тем, что выделял ей Центр на развитие республики из бюджета.

Местная же промышленность Казахстана развивалась слабо, поскольку правительство РСФСР не вкладывало больших капиталовложений в ее развитие. Особое их внимание уделялось только тем предприятиям, которые были поставщиками сырья для центральных районов России. Средств местных бюджетов на развитие краевой промышленности не хватало. В связи с этим в годы подготовки страны к первой пятилетке в руководстве Казахстана началась дискуссия о децентрализации промышленности и передаче части наиболее рентабельных предприятий в местное управление. Эти дискуссии имели место на заседаниях бюро Казрайкома РКП (б) в октябре 1925 г. Например, председатель Совнаркома КазАССР Н.Нурмаков предлагал наделить органы местного управления четко определенными полномочиями, бюджетом и собственностью, закрепить за казахстанским правительством собственные источники доходов и право самостоятельного их расходования. Н.Нурмаков также настаивал на том, чтобы отдельные предприятия были переданы под юрисдикцию казахстанского правительства. В частности, он указывал на Джетыгаринские золотые прииски, соляные промыслы на Баскунчаке и т.д. [7; 70–71].

Однако провести децентрализацию в тот период было невозможно, так как на это требовалось разрешение российского правительства, считавшего указанные предприятия стратегически важными и имевшими общесоюзное значение. Поэтому Урало-Эмбенский нефтяной трест, трест «Алтайполиметалл», Атбасарский трест цветных металлов, трест «Золото-руда», группа золотых приисков Кустанайского района остались в ведении Союза ССР.

Львиная доля всех капиталовложений шла по первому и второму пятилетнему плану СССР на тяжелую промышленность, к которой относились: черная металлургия, угольная, нефтяная, цветная, машиностроительная, химическая и строительная отрасли. Например, в соответствии с отчетом Наркомфина СССР об исполнении госбюджета за 1933 г. капитальные вложения в тяжелую промышленность составили 7 млрд. 744 млн. рублей, тогда как в легкую промышленность за последние два года первой пятилетки было вложено всего 570 млн. рублей, а в 1933 г. еще меньше — 557 млн. рублей [8; 42–48]. По мнению руководства страны, эти капиталовложения в легкую промышленность считались значительными.

Такой подход к распределению средств и развитию одних отраслей в ущерб другим в индустриализации промышленности скажется впоследствии и отразится в диспропорции экономического развития страны.

Следует отметить, что в период реализации первого пятилетнего плана СТО издал Постановление от 2 августа 1929 г. «Задачи индустриализации страны и освобождения народного хозяйства от иностранной зависимости...» [9; 40], в котором отмечалось, что для развития цветной металлургии особое внимание следует сосредоточить на таких регионах страны, как: Казахстан, Урал и Нерченский округ. Из них Казахстан выделялся как наиболее перспективный для добычи цветных металлов. Далее в документе указывалось, что цветная металлургия является одной из отстающих отраслей промышленности страны. Примером было то, что в первом году пятилетки страна была обеспечена медью всего на 27 %, свинцом — на 5, цинком — на 7 % от потребности народного хозяйства. Другие редкоземельные металлы — олово, алюминий, никель и т.д. — вообще не производились в СССР, поэтому закупались за рубежом за валюту.

Программа строительства новых предприятий включала также строительство Карагандинского медеплавильного комбината производительностью в 50 тысяч тонн, 4 обогатительных фабрик, рудников на Конрадском, Коктас-Джартасском, Спасско-Успенском и Майкаинском месторождениях с суммарной годовой производительностью 3,5 тысячи тонн руды, свинцового завода на Риддере с годовой производительностью 18 тысяч тонн, электролитного цинкового завода производительностью 25 тысяч тонн цинка в год, свинцового завода в Чимкенте с годовой производительностью в 30 тысяч тонн, свинцового завода в Караганде на рудах Баян-Аульского района годовой производительностью в 10 тысяч тонн, а также строительство рудников на полиметаллических месторождениях в Восточно-Казахстанской степи. В итоге, к концу пятилетки (1932/33 гг.) выплавка цветных металлов по Казахстану должна будет выразиться в 30 тысяч тонн меди, 33 тысячи тонн свинца и 25 тысяч тонн цинка, и удельный вес Казахстана по цветным металлам на этот период мог бы составить в рамках СССР: по выплавке меди — 37 %, цинка — 30, свинца — 85,7 % и т.д. На геологоразведочные работы в первую пятилетку, учитывая значение цветных металлов для страны, всего было запланировано капиталовложений на сумму 22 млн. 75 тысяч рублей [9; 42–43].

Значительную роль в развитии металлургии Казахстана сыграл ученый-геолог, общественный деятель, академик АН СССР и АН КазАССР Каныш Имантаевич Сатпаев.

Следует отметить, что первый пятилетний план по промышленности был выполнен в 4 года. Сталин, отчитываясь по итогам первой пятилетки, на Пленуме ЦК ВКП (б), в январе 1933 г. в своей речи отметил: «У нас не было черной металлургии, основы индустриализации страны. У нас она есть теперь. У нас не было тракторной промышленности. У нас она есть теперь». Далее продолжая свою мысль, он отмечал, что вместо единственной угольно-металлургической базы на Украине мы добились и создали новую на Востоке — имея в виду Казахстан, которая является гордостью нашей страны [10; 178–179].

В итоге руководством партии было официально объявлено, что страна из аграрной стала индустриальной. Объем промышленной продукции к концу первой пятилетки на 1932 г. составил 70 %, а сельскохозяйственной — 30 [10; 310].

Действительно, в рамках страны итоги ускоренной индустриализации были впечатляющими. Второй пятилетний план, принятый XVII съездом ВКП (б) в феврале 1934 г., увеличил капиталовложения в тяжелую индустрию в 4,5 раза больше, чем в первой пятилетке, доведя до 1 млрд. 579 млн. рублей [11; 11].

Следует иметь в виду, что огромное содействие в ускоренной индустриализации страны оказывал бесплатный труд заключенных. В соответствии с Постановлением от 27 июня 1929 г. Политбюро ЦК ВКП (б) «Об использовании труда уголовно заключенных» органам ОГПУ предписывалось расширять старые и создавать новые исправительно-трудовые учреждения в районе, где планировалось освоение природных богатств или крупномасштабное строительство [6; 238].

Позже при НКВД было создано Главное управление лагерей. Лагерная система в стране разрасталась синхронно планам пятилеток. В 1932 г. в стране насчитывалось 11 исправительных лагерей ГУЛАГа. На начало 1940 г. в его ведении находились уже 53 лагеря и так называемые лагеря строительства НКВД, создававшиеся специально для сооружения крупных объектов, 425 исправительно-трудовых колоний, из них 170 промышленных и 83 сельскохозяйственных. Численность заключенных ГУЛАГа в 1930 г. составляла 179 тысяч, к началу 1940 г. количество осужденных в нем определялось в 1 млн. 668 тысяч человек [6; 239].

О роли ГУЛАГа в экономике страны в 1930 г. можно судить по следующим данным: в 1936 г. капитальные работы НКВД планировались в объеме 3,5 млрд. рублей, в 1937 г. Наркомат освоил около 2-х, а в 1938 г. около 3 млрд. рублей, позже, в 1939 г., план капитальных работ НКВД уже равнялся 4,2 млрд. рублей, в 1940 г. — 4,5 и на 1941 г. утвердили 7,6 млрд. рублей. В 1940 г. на ГУЛАГ НКВД приходилось 13 % капитальных работ по всему народному хозяйству СССР [6; 242].

По плану второй пятилетки в Казахстане предполагалось дальнейшее развертывание строительства и освоение Эмбенского нефтяного месторождения, Карагандинских и Экибастузских угольных копей, цветной металлургии в Жезказгане, Алтае, Балхаше и т.д.

В Казахстане, как, впрочем, и по всей стране, практически не развивалась легкая и пищевая промышленность. Начатая в республике программа сплошной коллективизации и оседлости была привязана к темпам ускоренной индустриализации.

Плановое регулирование экономики в условиях сворачивания НЭПа свидетельствовало о полном переходе руководства страны на административно-властные рычаги управления экономикой. Стремлению во что бы то ни стало выполнить завышенные планы ускоренной индустриализации содействовала негативная атмосфера, царившая в обществе, искусственно поддерживаемая сталинским руководством.

Огромные стройки, осуществляемые в рамках пятилетних планов, держались не только на энтузиазме трудящихся масс, который, несомненно, был огромен в тот период, но и на широком привлечении труда политических заключенных. Главное управление лагерей НКВД СССР обеспечивало бесплатной рабочей силой практически все строящиеся промышленные объекты народного хозяйства страны.

Для скорейшего выполнения плана на предприятиях и стройках страны практиковалось ведение социалистических соревнований, стахановских движений и других организационно-идеологических мер, поднимавших производительность труда и экономию на производстве. И наоборот, к нарушениям трудовой дисциплины применялись производственно-товарищеские суды, где также умело использовалось общественное мнение для достижения поставленных правительством целей.

Досрочное выполнение заданий пятилеток осуществлялось не только за счет физических сил, но и материальных средств трудового населения страны. Только в годы первой пятилетки было выпущено два внутренних займа на сумму 1,3 млрд. рублей. Займы второй пятилетки намного превысили нормы предыдущих лет, в частности, по займу второй пятилетки выпуска первого года сумма составила 3 млрд. рублей, заем выпуска второго года составил 3,5 млрд. рублей [8; 72–73].

В то же время все восстановленные и строящиеся промышленные предприятия давали план ценой огромных людских усилий. Например, если взять угольную промышленность, то наиболее технически развитым среди них был Донбасс, однако и на нем в рассматриваемый нами период 40 % подготовительных работ при добыче угля осуществлялось вручную, а при доставке ручной труд составлял около 70 % [8; 327].

Положение же в Карагандинских угольных шахтах было еще более тяжелым.

Несмотря на все сложности проведения программы ускоренной индустриализации, связанной с нехваткой производственной техники, а также сырьевой ориентированности промышленности Казахстана, экономика Края за годы первых пятилеток все же в корне изменилась. Вокруг строящихся предприятий стали подниматься города, постепенно налаживался быт населения, росло его благосостояние, и Казахстан из отсталой окраины страны становился одним из индустриально развитых его регионов.

Список литературы

1. Бухарин Н.И. Проблемы теории и практики социализма. — М.: Политиздат. — 1989. — 512 с.
2. Сталин И.В. Собрание сочинений. Т.12. — М.: Госполитиздат, 1949. — 383 с.
3. История России: В 2 т. Т.2. С начала XIX в. и до начала XXI века / Под ред. А.Н.Сахарова. — М.: Астрель, 2006. — 862 с.
4. История государства и права Советского Казахстана: Т. 2. (1926–1937 гг.) / Под ред. С.З.Зиманова, М.А.Биндера. — Алма-Ата: АН Казахской ССР, 1963. — 474 с.
5. Бурабаев М.С. Общественная мысль Казахстана в 1917–1940 гг. — Алма-Ата: Ғылым, 1991. — 256 с.
6. Абылхожин Ж.Б. Очерки социально-экономической истории Казахстана. XX век. — Алматы: Университет «Туран», 1997. — 360 с.
7. Жуман Гульмира. Дискуссии по индустриализации Казахстана в 20–30 годы XX века: Дис... канд.ист.наук. Специальность 070002 — Отечественная история (ист. РК). — Алматы, 2007. — 158 с.
8. История индустриализации СССР: 1933–1937 гг. Документы и материалы. Т. 3. — М.: Наука, 1971. — 656 с.
9. Пятилетний план развития народного хозяйства и культурно-социального строительства Казахской АССР (1928/29–1932/33гг.) — Алма-Ата: Издание Госплана Казахской АССР, 1930. — 89 с.
10. Сталин И.В. Собрание сочинений. Т. 13. — М.: Госполитиздат, 1951. — 345 с.
11. Борщевский В.Я. Документы пятилетних планов как исторический источник. — Днепропетровск: Изд. ДГУ, 1980. — 55 с.

Ш.С.Тогайбаева

Карагандинский государственный университет им. Е.А.Букетова

**СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
В СФЕРЕ ВЫПУСКА И ОБРАЩЕНИЯ ЦЕННЫХ БУМАГ**

Мақала Қазақстан Республикасының заңнамасы бойынша құнды қағаздар түсінігіне арналған. Яғни ҚР АҚ 129-бабы 2-бөліміне сәйкес құнды қағаздарға акциялар, облигациялар т.б. түрлер жататындығы анықталып, осы салаға қатысты жасалған қылмыс түрлері жіктеліп, тергеу барысында туындайтын даулы мәселелер жан-жақты талданған.

The article is devoted criminal legal protection of the securities and the financial instruments. According to part 2 of the article 129 CCRK to securities are regarded of the shares the bonds and the others (different) of the types of the securities. The author considers the emission and no emission securities. The author makes a propose to bring (put) in Criminal code RK article about forgery and distribution of a bill.

Последние преобразования в РК (например, активная торговля бездокументарными и производными ценными бумагами) создали основу для глубокого анализа понятия ценной бумаги, поскольку с появлением новейших видов ценных бумаг наилучшим образом выявляется существо ценной бумаги.

Для многих составов преступлений предмет преступления является конститутивным признаком, позволяющим отграничивать преступное от не преступного. В других случаях предмет преступления необходим для разграничения составов различных преступлений, характеризуя их индивидуальные особенности. Это может быть преступление со специальным составом, характеризующееся повышенной степенью общественной опасности, но имеющее одинаковый с основным составом объект преступления. Зачастую же предмет преступления может свидетельствовать о наличии в деянии состава качественно иного преступления, посягающего на иной объект. Таким образом, правильное понимание предмета преступления имеет большое уголовно-правовое значение. Предметом преступления могут быть и ценные бумаги.

Статья 129 Гражданского кодекса дает определение ценной бумаги. Ценная бумага — совокупность определенных записей и других обозначений, удостоверяющих имущественные права.

Данное юридическое определение отражает экономические отношения.

Существует несколько точек зрения относительно понятия ценной бумаги. По мнению В.А.Белова, «ценная бумага — это документ, удостоверяющий имущественное право его легитимированного держателя» [1; 24].

А.А.Фельдман и А.Н.Лоскутов также определяют ценную бумагу как документ, однако закрепляющий не имущественные, а «определенные права (стандартизированные для каждого вида ценных бумаг), требовать осуществление которых возможно только при предъявлении ценной бумаги» [2; 10].

Экономическое определение ценной бумаги В.А.Галанов, А.И.Басов выражают следующим образом: «Ценная бумага — это форма существования капитала, отличная от его товарной, производительной и денежной форм, которая может передаваться вместо него самого, обращаться на рынке как товар и приносить доход...» [3; 10].

Определение ценных бумаг, основанное на приобретенных ими уголовно-правовых свойствах, предложено С.П.Ставило: «Специально, юридическим образом оформленные документы, отражающие долговые и иные имущественные отношения, удостоверяющие право владения частью товарного или денежного капитала, выступающие как предметом, так и средством совершения преступлений на рынке ценных бумаг» [4; 12].

Однако использование только юридического или только экономического критерия при определении понятия ценной бумаги является недостаточным. Необходимо рассматривать ценную бумагу в совокупности всех ее юридических и экономических свойств, что дает возможность разнопланово подойти к оценке ее сущности.

Итак, ценная бумага — совокупность определенных записей и других обозначений, удостоверяющих имущественные права (п. 86 ст. 1 Закона «О рынке ценных бумаг») [5].

Согласно ч. 2 ст. 129 ГК РК к ценным бумагам относятся акции, облигации и иные виды ценных бумаг, определенные в соответствии с настоящим Кодексом и иными законодательными актами Республики Казахстан.

Согласно ч.3 ст. 129 ГК РК, п.20 ст. 1 Закона РК «О рынке ценных бумаг» от 2 июля 2003 г. № 461 (с изменениями и дополнениями) ценные бумаги по форме выпуска подразделяются на: документарные и бездокументарные.

В соответствии со ст. 136 ГК РК облигация — ценная бумага с заранее установленным при ее выпуске сроком обращения, удостоверяющая в соответствии с условиями выпуска права на получение от лица, выпустившего облигацию, вознаграждения по ней и по окончании срока ее обращения — номинальной стоимости облигации в деньгах или ином имущественном эквиваленте.

Облигации выпускаются только как именные эмиссионные ценные бумаги. Правительство Республики Казахстан, Национальный Банк Республики Казахстан, коммерческие организации вправе выпускать облигации.

Виды облигаций и порядок их выпуска устанавливаются законодательством Республики Казахстан. В соответствии со ст.1 Закона РК «О рынке ценных бумаг» от 2 июля 2003 г. № 461(с изменениями и дополнениями) имеются следующие виды облигаций:

- агентская облигация — облигация, выпускаемая финансовым агентством (ст.1 п.1 Закона РК «О рынке ценных бумаг»);
- инфраструктурная облигация — облигация, размещаемая на организованном рынке ценных бумаг Республики Казахстан, исполнение обязательств эмитента по которой обеспечено поручительством государства в рамках концессионного соглашения по реализации инфраструктурного проекта, заключенного между государством и эмитентом (ст.1 п. 27–1 Закона РК «О рынке ценных бумаг»);
- ипотечная облигация — облигация, обеспеченная залогом прав требования по договорам ипотечного займа (включая залог ипотечных свидетельств), а также иных высоколиквидных активов, перечень которых устанавливается нормативным правовым актом уполномоченного органа эмитента (п. 28 ст.1 Закона «О рынке ценных бумаг»). Условия выпуска и обращения ипотечных облигаций схожи с условиями обращения обычных облигаций, отличие заключается в субъектах-эмитентах, а также в том, что ипотечные облигации являются обеспеченными. Ипотечная облигация выпускается в целях рефинансирования банками тех средств, которые они направляют на кредитование приобретения недвижимости. Ипотечные облигации могут торговаться на организованном рынке. Однако насколько известно, Казахстанская фондовая биржа еще не выпустила специальных правил обращения ипотечных облигаций.

В соответствии со ст. 139 ГК РК акция — ценная бумага, выпускаемая акционерным обществом и удостоверяющая права на участие в его управлении, получение дивиденда по ней и части имущества акционерного общества при его ликвидации, а также иные права, предусмотренные законодательными актами Республики Казахстан.

Акции выпускаются только как именные эмиссионные ценные бумаги. Виды акций устанавливаются законодательными актами Республики Казахстан, порядок их выпуска определяется законодательством Республики Казахстан о рынке ценных бумаг.

Некоммерческие организации, созданные в организационно-правовой форме акционерного общества, выплату дивидендов по своим акциям не осуществляют.

Вексель — платежный документ строго установленной формы, содержащий одностороннее безусловное денежное обязательство [6]. Вексельная бумага — разновидность гербовой бумаги — обладает определенной степенью защиты и предназначена для составления на ней векселя.

Домицилированный вексель — вексель, подлежащий оплате третьим лицом в ином месте, чем место жительства плательщика, от имени и за счет плательщика, при обозначении об этом на самом векселе.

Дружеские векселя — векселя, выдаваемые лицами друг другу без намерения векселедателя произвести по нему платеж, а лишь с целью изыскания денег посредством взаимного учета этих векселей в банке второго уровня.

Коммерческий вексель — вексель, выданный на основе договоров купли-продажи, выполнения работ, оказания услуг (за исключением финансовых услуг).

Учетная контора — банк второго уровня (далее — банк), имеющий лицензию на осуществление учетных операций.

Финансовый вексель — вексель, выданный с целью привлечения денег, а также на основе сделок об оказании финансовых услуг.

Бронзовый вексель — вексель, выписанный на вымышленное лицо.

Закон «О вексельном обращении в Республике Казахстан» в соответствии с Конвенцией, устанавливающей единообразный закон о переводном и простом векселях, Конвенцией, имеющей целью разрешение некоторых коллизий законов о переводных и простых векселях, и Конвенцией по гербовому сбору в отношении переводных и простых векселей от 7 июня 1930 г. регулирует вексельное обращение в Республике Казахстан и определяет функции векселя как платежного инструмента и средства кредитования.

Отношения по обращению векселей в Республике Казахстан регулируются вексельным правом, которое состоит из Женевских вексельных конвенций, настоящего Закона, иных законодательных актов Республики Казахстан, а также нормативных правовых актов Национального Банка Республики Казахстан, изданных в соответствии с ними.

Вексельное обращение в Республике Казахстан включает в себя выпуск на территории Республики Казахстан простых и переводных коммерческих векселей, передачу права требования по векселям, в том числе выпущенным за пределами Республики Казахстан, исполнение обязательств по таким векселям и операции, связанные с ними, их учет учетными конторами и переучет Национальным Банком Республики Казахстан.

Действие настоящего Закона распространяется также на отношения, связанные с обращением векселей, выпущенных Правительством и местными исполнительными органами Республики Казахстан (ст. 78 Закона РК от 28 апреля 1997 г. № 97-1 «О вексельном обращении в Республике Казахстан» (с изменениями и дополнениями) [6].

Векселя на территории Республики Казахстан могут выпускаться на обычной и вексельной бумаге (ст. 83-1 вышеназванного закона). Расчеты векселями через учетные конторы осуществляются в порядке, устанавливаемом Национальным Банком Республики Казахстан.

На территории Республики Казахстан запрещается выпуск дружеских, бронзовых и финансовых векселей. Риск неплатежа по дружескому или бронзовому векселю несет векселедержатель, предъявивший дружеский или бронзовый вексель. Юридические и физические лица обязаны незамедлительно заявлять в соответствующие правоохранительные органы о фактах предъявления бронзовых векселей. Лицо, виновное в выпуске дружеского, бронзового или финансового векселя, несет ответственность по ст. 169-1 КоАП РК [7].

Коносамент — товарораспорядительная ценная бумага, удостоверяющая право ее держателя распоряжаться указанным в ней грузом и получить этот груз после завершения перевозки. В коносаментах указываются все основные условия перевозки (ст. 81 Закона РК «О торговом мореплавании» № 284 от 17 января 2002 г., с изменениями и дополнениями [8]. Коносамент может быть именным, ордерным или предъявительским.

Складское свидетельство — ценная бумага (ст. 797 ч.2 ГК РК), удостоверяющая нахождение определенного товара на складе и права ее держателя по распоряжению этим товаром (ст.ст. 798-799 ГК РК).

Двойное складское свидетельство, каждая его часть, и простое складское свидетельство являются ценными бумагами. Двойное и простое складские свидетельства могут быть предметами залога. Двойное складское свидетельство состоит из складского свидетельства и залогового свидетельства (варранта), которые идентичны по содержанию и при необходимости отделены одно от другого. Держатель двойного складского свидетельства имеет право распоряжения хранящимся на складе товаром в полном объеме. Держатель складского свидетельства, отделенного от залогового свидетельства, вправе распоряжаться товаром, но не может взять его со склада до погашения кредита, выданного по залоговому свидетельству.

Банковский депозитный сертификат (БДС) — именная неэмиссионная ценная бумага, удостоверяющая права ее держателя на получение по истечении установленного для нее условиями выпуска срока обращения, либо до его истечения, ее номинальной стоимости, а также вознаграждения в размере, установленном условиями выпуска (ст. 139-1. Банковский депозитный сертификат, внесенная в УК РК в соответствии с Законом РК № 225 от 12 января 2007 г.).

Учет, подтверждение прав и регистрация сделок по банковским депозитным сертификатам осуществляются центральным депозитарием. БДС выпускаются банками, сделки с ними регистрируются в центральном депозитарии и могут обращаться на организованном рынке в соответствии с правилами Казахстанской фондовой биржи.

Производные ценные бумаги (ПЦБ) — ценные бумаги, удостоверяющие права по отношению к базовому активу данных производных ценных бумаг (п.61 ст.1 Закона «О рынке ценных бумаг»). К производным ценным бумагам относятся: свопы, фьючерсы, депозитарные расписки и другие ценные бумаги, признанные производными ценными бумагами в соответствии с законодательством Республики Казахстан.

Своп — производная ценная бумага, удостоверяющая соглашение двух сторон по обмену финансовыми инструментами в течение определенного периода времени на определенных условиях (п. 71 ст. 1 Закона РК «О рынке ценных бумаг»).

Фьючерс — производная ценная бумага установленной формы, имеющая стандартное количество и сроки исполнения и обращающаяся на организованном рынке ценных бумаг, продавец которой обязуется продать или купить, а покупатель — купить или продать определенное количество имущества (базового актива) по обусловленной цене и через определенный срок (п.84 ст.1 Закона РК «О рынке ценных бумаг»). В момент заключения фьючерсного контракта покупатель не производит оплату, а продавец не поставяет товар. Вместо этого и покупатель, и продавец вносят определенный залог, который служит гарантией от отказа какой-либо из сторон выполнить свои обязательств. Поскольку рыночная стоимость актива меняется ежедневно, размер залога также пересматривается ежедневно.

Казахстанская депозитарная расписка — производная эмиссионная ценная бумага, подтверждающая право собственности на определенное количество эмиссионных ценных бумаг эмитента-нерезидента Республики Казахстан, выпущенных в соответствии с законодательством другого государства (п. 29 ст. 1 Закона РК «О рынке ценных бумаг»).

Правила выпуска, размещения, обращения и погашения казахстанских депозитарных расписок, государственной регистрации их выпуска и представления отчетов об итогах размещения или погашения казахстанских депозитарных расписок, а также о требованиях, подлежащих соблюдению эмитентом казахстанских депозитарных расписок (далее — Правила), разработаны в соответствии с Законом Республики Казахстан «О рынке ценных бумаг» и определяют условия и порядок выпуска, размещения, обращения и погашения казахстанских депозитарных расписок, их государственной регистрации и представления отчетов об итогах размещения и погашения казахстанских депозитарных расписок, а также устанавливают требования, подлежащие соблюдению их эмитентом [9].

Базовый актив казахстанских депозитарных расписок — эмиссионные ценные бумаги, выпущенные в соответствии с законодательством иностранного государства; погашение казахстанских депозитарных расписок — действия эмитента казахстанских депозитарных расписок по изъятию из обращения размещенных казахстанских депозитарных расписок путем обмена их на базовый актив либо иные активы, в соответствии с проспектом выпуска казахстанских депозитарных расписок.

Базовый актив казахстанских депозитарных расписок (далее — базовый актив) подлежит хранению и учету в соответствии с законодательством страны выпуска базового актива. Казахские депозитарные расписки выпускаются в бездокументарной форме. Размещение и обращение казахстанских депозитарных расписок осуществляется на организованном рынке ценных бумаг в соответствии с правилами организатора торгов.

Учет и подтверждение прав собственности по казахским депозитарным распискам осуществляется центральным депозитарием. Обращение казахстанских депозитарных расписок на рынке ценных бумаг Республики Казахстан в части, не урегулированной настоящими Правилами, осуществляется в порядке, установленном законодательством Республики Казахстан для эмиссионных ценных бумаг.

Погашение казахстанских депозитарных расписок производится в порядке, предусмотренном проспектом их выпуска. Казахские депозитарные расписки выпускают юридические лица-резиденты Республики Казахстан.

Эмитент базового актива не должен являться юридическим лицом, зарегистрированным на территории, включенной в соответствии с законодательством Республики Казахстан в перечень оффшорных зон, либо аффилированной организацией такого юридического лица.

Эмитент базового актива или базовый актив, на который осуществляется выпуск казахстанских депозитарных расписок, должен иметь рейтинговую оценку не ниже «BB-» (по классификации международных рейтинговых агентств «Standard & Poor's» или «Fitch Rating Ltd») или «Ba3» (по классификации международного рейтингового агентства «Moody's Investors Service»).

Опцион — производная ценная бумага установленной формы, покупатель которой приобретает право по истечении определенного срока купить или продать базовый актив, оговоренный в опционе по обусловленной цене.

Согласно п. 60 ст. 1 Закона РК «О рынке ценных бумаг» опцион — договор, в соответствии с которым одна сторона (продавец опциона) обязуется продать или купить, а вторая (покупатель опциона) — приобретает право купить или продать определенное количество оговоренного в данном договоре имущества (базового актива) по обусловленной в данном договоре цене; в случае стандартизации организатором торгов условий такого договора он может использоваться как производная ценная бумага.

Опционы заключаются акционерными обществами с инвесторами на приобретение выпускаемых ими акций, а также облигаций, конвертируемых в акции данного акционерного общества.

Опцион должен предусматривать вид и количество ценных бумаг, которые инвестор вправе купить, цену покупки ценных бумаг, срок и порядок приобретения ценных бумаг и другие условия опциона. Условия и порядок приобретения опционов на акции или облигации, конвертируемые в акции, устанавливаются внутренними документами акционерного общества.

Однако в ст. 202 (Нарушение порядка выпуска эмиссионных ценных бумаг) УК РК речь идет об эмиссионных ценных бумагах. В ч. I статьи объективная сторона выражается в действиях: утверждение проспекта выпуска эмиссионных ценных бумаг, содержащего заведомо недостоверную информацию, а равно утверждение заведомо недостоверного отчета по выпуску эмиссионных ценных бумаг.

Законом РК «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты РК по вопросам рынка ценных бумаг и акционерных обществ» от 8 июля 2005 г. в ч. 1 ст. 202 УК РК слово «эмиссии» заменено словами «выпуска эмиссионных ценных бумаг».

Из рассматриваемых нами ценных бумаг относятся к эмиссионным ценным бумагам?

Пункт 88 ст. 1 Закона РК «О рынке ценных бумаг» дает разъяснение: эмиссионные ценные бумаги — это ценные бумаги, обладающие в пределах одного выпуска однородными признаками и реквизитами, размещаемые и обращающиеся на основании единых для данного выпуска условий.

Предметом преступления ст. 202 УК РК являются эмиссионные ценные бумаги. Мы считаем, тем самым иные ценные бумаги, финансовые инструменты остаются за рамками данного состава преступления.

В юридической литературе существует до сих пор спор в отношении квалификаций преступлений, совершаемых на рынке ценных бумаг.

Признаком, ограничивающим деяния, предусмотренные ст. 185 (ст. 202 УК РК), 185–1 УК (ст. 204 УК РК) от мошенничества, является характер причиненного ущерба [10]. Это означает, что в случае причинения ущерба инвесторам в виде упущенной выгоды содеянное в зависимости от конкретных обстоятельств охватывается ст. 185 или 185–1 УК, а наступление этого последствия автоматически исключает возможность привлечения к уголовной ответственности по ст. 159 УК (ст. 177 УК РК). Напротив, в случае причинения реального ущерба инвесторам содеянное охватывается ст. 159 УК [10].

По-иному решается вопрос о соотношении преступления, описанного ст. 165 УК «Причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием» и преступлений, предусмотренных ст. 185, 185–1 УК. Эти нормы конкурируют как общая и специальная. Согласно общему правилу квалификации преступлений в случае конкуренции общей и специальной норм применяться должна специальная. Поэтому причинение ущерба гражданам, организациям, государству в виде упущенной выгоды в результате совершения деяния, описанных ст. 185, 185–1 УК, полностью охватывается этими нормами и не требует дополнительной квалификации по ст. 165 УК [10].

Напротив, И.А.Клепицкий, считает, что преступления, предусмотренные ст. 185, 185–1 УК РФ следует рассматривать как специальную разновидность мошенничества [11].

Преступления на рынке ценных бумаг могут совершаться не только путем обмана, но и посредством использования служебного положения.

В теории уголовного права спорным является вопрос о правовой оценке подобных инсайдерских действий. По мнению некоторых ученых, использование служебной информации профессиональными участниками фондового рынка или должностными лицами эмитента, совершенное из корыстной заинтересованности, охватывается ст. 201 или 285 УК [12]. Однако, по мнению С.Витвицкой, указанные инсайдерские действия можно рассматривать как незаконное разглашение или использование сведений, составляющих коммерческую тайну, без согласия их владельца лицом, которому она была

доверена или стала известна по службе или работе (ст. 183 УК). Полагаем, что эта норма точнее отражает суть преступления — разглашение и использование конфиденциальной информации для осуществления сделок с ценными бумагами, тем более, что ст. 201 и ст. 285 УК не позволяют привлечь к уголовной ответственности таких инсайдеров, как индивидуальные предприниматели — профессиональные участники рынка ценных бумаг и аудиторы эмитента [10].

В научной литературе поднимается вопрос о введении в УК специальной нормы, предусматривающей ответственность за инсайдерские действия [12].

После того, как в законе РК «О рынке ценных бумаг» будет приведен перечень возможных инсайдеров, то в уголовном законе можно будет установить соответствующие запреты.

В РК Законом Республики Казахстан от 23 октября 2008 г. № 72-IV «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам устойчивости финансовой системы» внесены изменения в Закон РК от 2 июля 2003 г. «О рынке ценных бумаг» [13]. В статье 1 подпункт 4 вышеуказанного Закона изложен в следующей редакции: манипулирование на рынке ценных бумаг — действия субъектов рынка ценных бумаг, направленные на установление и (или) поддержание цен на ценные бумаги выше или ниже тех, которые установились в результате объективного соотношения предложения и спроса, на создание видимости торговли ценной бумагой и (или) на совершение сделки с использованием инсайдерской информации.

В статье 56 (манипулирование на рынке ценных бумаг) изложены запреты на недобросовестное поведение. Субъектам рынка ценных бумаг запрещается: оказывать влияние в любой форме на других субъектов рынка ценных бумаг в целях изменения их поведения на рынке ценных бумаг; распространять недостоверные сведения в целях оказания влияния на ситуацию, складывающуюся на рынке ценных бумаг; совершать сделки в целях манипулирования на рынке ценных бумаг.

Лица, участвующие в совершении сделки, признанной совершенной в целях манипулирования на рынке ценных бумаг, несут ответственность, предусмотренную настоящим Законом и другими законодательными актами Республики Казахстан.

Список литературы

1. Белов В.А. Ценные бумаги в Российском гражданском праве. — М., 1996. — 120 с.
2. Фельдман А.А. Российский рынок ценных бумаг. — М., 1997. — 175 с.
3. Галанов В.А., Басов А.И. Рынок ценных бумаг. — М., 1998. — 145 с.
4. Ставило С.П. Уголовно-правовые и криминологические аспекты рынка ценных бумаг: Дис... канд. юрид. наук. — Нижний Новгород, 2000. — 230 с.
5. Закон Республики Казахстан № 461 от 2 июля 2003 года «О рынке ценных бумаг» // Ведомости Парламента Республики Казахстан. — 2003. — № 14. Ст. 119; Казахстанская правда. — 2003. — № 199–200. — 10 июля.
6. Закон Республики Казахстан № 97-1 от 28 апреля 1997 г. «О вексельном обращении в Республике Казахстан» // Ведомости Парламента Республики Казахстан. — 1997. — № 8. Ст. 87; 2001. — № 24. Ст. 338.
7. Кодекс Республики Казахстан N 155 от 30 января 2001 г. «Об административных правонарушениях» // Ведомости Парламента Республики Казахстан. — 2001. — № 5–6, ст. 24; Казахстанская правда. — 2001. — № 40–41. — 13 февр.; — 2001. — № 42–43. — 14 февр.; — 2001. — № 44–45. — 15 февр.; Юридическая газета. — 2001. — № 9–10. — 21 февр.; — 2001. — № 11–12. — 28 февр.
8. Закон РК «О торговом мореплавании» № 284 от 17 января 2002 г. (с изм. и доп. законом РК № 55 от 2 июня 2005 г.) // Ведомости Парламента Республики Казахстан. — 2002. — № 2. — Ст. 16; Казахстанская правда. — 2002. — № 018–019. — 29 янв.; Юридическая газета. — 2002. — № 5. — 6 февр.
9. Постановление Правления Национального Банка Республики Казахстан № 430 от 6 декабря 2003 г. «Об утверждении Правил выпуска, размещения, обращения и погашения казахстанских депозитарных расписок, государственной регистрации их выпуска и представления отчетов об итогах размещения или погашения казахстанских депозитарных расписок, а также о требованиях, подлежащих соблюдению эмитентом казахстанских депозитарных расписок» // Казахстанская правда. — 2004. — № 23. — 5 февр.
10. Витвицкая С. Уголовно-правовые средства охраны рынка ценных бумаг // Государство и право. — 2008. — № 3. — С. 8.
11. Клепицкий И.А. Система хозяйственных преступлений. — М., 2005. — С. 203.
12. Русеева С.В. Уголовная ответственность за преступления, совершаемые при размещении ценных бумаг: Дис. ... канд. юрид. наук. — Н.Новгород, 2001. — С. 258, 259.
13. Закон Республики Казахстан от 23 октября 2008 года № 72-IV «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам устойчивости финансовой системы» // Казахстанская правда. — 2008. — № 232–234 (25679–25681). — 24 окт.; Ведомости Парламента РК. — 2008. — № 17–18 (2522). — Ст. 72.

М.А.Ибраев

Карагандинский областной суд

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ О НЕНАДЛЕЖАЩЕМ ВЫПОЛНЕНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ МЕДИЦИНСКИМ РАБОТНИКОМ

Мақалада медицина қызметкерлерінің кәсіби міндеттерін тиісінше орындамауы қылмысының қылмыстық құқықтың және криминалистикалық сипаттамасы жаңа көзқараста қарастырылған. Медицина қызметкерінің кәсіби міндеттерін тиісінше орындамауы қылмыс пен тергеудің жеке-криминалистикалық әдістемесінің өзіндік үлгісі әзірленіп, қылмыстық негізгі субъектісі — «медицина қызметкерінің» жаңа дефинициясы ұсынылған.

In persisting article are considered new approaches to determination criminal-legal and of criminal law feature of the crimes about improper performing the professional duties by medical workman. It Is Designed own model private — an of criminal law methods of the investigation of the crimes about improper performing the professional duties by medical workman and is offered own definition of the main subject of the investigation — «medical workman».

Несмотря на стремительное развитие отрасли медицинского права и его институтов, интересы жизни и здоровья личности, соблюдения конституционных прав и свобод всегда оставались объектами уголовно-правовой охраны. Однако в современной отечественной научной литературе (применительно к преступной деятельности, предусмотренной ст. 114 УК РК) проблемы уголовной ответственности медицинских работников, такие как: 1) юридический статус медицинского работника как специального субъекта преступления; 2) виды врачебных ошибок и их влияние на уголовную ответственность; 3) специфика обстоятельств, исключающих преступность деяния при оказании медицинской помощи, до сих пор недостаточно изучены. Те же работы, которые имеются в Казахстане либо в бывшем постсоветском пространстве, в основном касаются общих проблем уголовной ответственности медицинских работников за преступления, совершаемые в сфере здравоохранения [1, 2].

Между тем ответственность медицинского работника за ненадлежащее выполнение своих профессиональных обязанностей, в сущности, относится к одному из сложных по своей юридической природе разделов уголовного законодательства, непонимание или недопонимание предписаний которого зачастую приводит к ошибкам в следственной деятельности органов уголовного преследования. Актуальность этой проблемы не снималась с древних времен. Так, еще в XVIII в. до н.э. в законах вавилонского царя Хаммурапи упоминалось об ответственности врачей за допущенные ошибки. В частности, в § 218 было закреплено: «Если врач сделает человеку тяжелый надрез бронзовым ножом, причинит смерть человеку или снимет бельмо у человека бронзовым ножом и повредит глаз человека, — ему должно отрезать пальцы. Если врач сделает тяжелый надрез бронзовым ножом рабу мушкенума, причинит ему смерть, — он должен возместить раба за раба (§ 219). Если он снимет бронзовым ножом бельмо и повредит его глаз, — он должен отвесить серебром половину его покупной цены (§ 220)» [3]. Правовое регулирование медицинской практики было и в Древнем Египте, хотя эти нормы считались менее прогрессивными, чем вавилонские. Деятельность врачей регулировалась так называемой «Священной книгой». В том случае, если врач при лечении больного руководствовался правилами «Священной книги», он освобождался от ответственности, независимо от исхода, например, хирургической операции. Нормы касательно фармацевтической и медицинской практики существовали и в римском праве. Так, например, если пациент умирал от лекарственного средства, проданного римским врачом или фармацевтом, последние могли быть привлечены к уголовной ответственности в виде смертной казни.

В мусульманском праве также была установлена весьма жесткая ответственность за неоказание помощи больному. Врачи должны были придерживаться не только норм мусульманского права, которое запрещало вредить человеку, но и разработанных на мусульманском Востоке этических норм. Следует признать, что ислам придавал медицине важное общественное значение. Так, например, хирургическая операция считалась божественным даром, ибо первым прооперированным человеком был сам пророк Мухаммед, которому ангелы после вознесения на небеса вскрыли грудную клетку и, достав его сердце, очистили его от человеческой крови. Ангелы влили в сердце пророка божественный свет (эфир), так как считалось, что обычная кровь вызывает гордыню перед богом. Суровая кара

за неоказание помощи ожидала врача также по христианским канонам. В некоторых христианских странах врача могли за это приговорить к смертной казни с конфискацией имущества. Основанием для наступления ответственности врача являлась принимаемая им после получения соответствующих знаний «Клятва Гиппократата». В странах Западной Европы (ФРГ, Франция, Бельгия) до настоящего времени в судебной практике относятся к этой клятве весьма серьезно, поскольку, произнося «Клятву Гиппократата», врач принимает на себя определенные обязательства, прежде всего обязательство применить все свои знания для того, чтобы грамотно оказать пациенту медицинскую помощь. Произнося клятву, врач заявляет, что он готов практиковать с полной ответственностью за свои действия (бездействие). Именно это и учитывается судебной практикой этих стран при разрешении соответствующих дел [4]. Тем самым уже на ранних этапах становления человечества происходило разграничение ответственности врача, в зависимости от тяжести наступивших последствий, которые сами по себе были достаточны для признания врача виновным.

Постепенно начали появляться нормы, регулирующие не только ответственность врачей, но и порядок доступа к медицинской практике, формы организации медицинских учреждений и т.д. Нужно сказать, что после мусульманского Востока самые прогрессивные законы, касающиеся врачебной практики и ответственности медицинских работников, появились в Российской империи. В одном из указов Петра I говорилось: «Следует, чтобы лекарь в докторстве доброе основание и практику имел, трезвым, умеренным и доброхотным себя держал и в нужных случаях чин свой как ночью, так и днем отправлять мог». За нарушение хотя бы одного положения указанной нормы врач мог, как минимум, лишиться практики. Именно Петр I приравнивал профессиональные медицинские правонарушения к уголовным, но при этом впервые в законодательстве появляются нормы, которые позволяли освободить врача от уголовной ответственности, если будет доказано, что врач действовал согласно правилам, без умысла и небрежности. В противном случае он привлекался к уголовной ответственности как за убийство. В 1857 г. в России появился единый врачебный закон — Устав врачебный, существовавший вплоть до октября 1917 г. и представляющий яркий положительный пример успешной кодификации медицинского законодательства. Устав врачебный урегулировал деятельность медицинских и фармацевтических работников, установив общие и специальные (зависящие от вида деятельности) требования к медицинскому персоналу, запреты на отдельные варианты поведения. Базируясь на основных принципах, содержащихся в Уставе, в Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. был включен раздел, содержащий нормы об ответственности за профессиональные нарушения медицинских работников [5].

В уголовном законодательстве советского периода специальных разделов, посвященных ответственности медицинских работников за профессиональные преступления, не содержалось. По УК РСФСР 1922 и 1926 гг. медицинские работники несли ответственность на общих основаниях за преступления против личности. Деление на должностные и профессиональные преступления было условным, и фактически все медицинские работники приравнивались к должностным лицам, что, соответственно, определяло характер и степень их ответственности. Аналогичный подход прослеживался и в УК КазССР 1959 г., в котором имелась только одна норма, посвященная неоказанию помощи больному (ст. 111 УК КазССР). Вступивший в силу 1 февраля 1992 г. Закон «Об охране здоровья народа в Республике Казахстан» определил основные обязанности врачей и других медицинских работников по оказанию медицинской помощи, правила выполнения хирургических операций и сложных диагностических манипуляций, применение новейших медикаментов и средств диагностики. В нем также нашло закрепление положение о том, что медицинские, фармацевтические работники, а также лица, имеющие право на занятие медицинской и фармацевтической деятельностью, за ущерб, причиненный здоровью граждан, несут ответственность в соответствии с законом РК. Но только с принятием УК РК 1997 г. была введена специальная норма (ст. 114 УК РК), которая вывела преступления, связанные с ненадлежащим выполнением профессиональных обязанностей медицинским работником, из числа должностных к преступлениям против личности.

Однако проблем, связанных с правонарушениями медицинских работников, не стало меньше, поскольку сам по себе факт ухудшения состояния или тяжелого исхода заболевания, который, с точки зрения многих заявителей по уголовным делам, является часто единственным, однозначным и достоверным доказательством виновности врача, рассматриваемым в качестве основания для привлечения к уголовной ответственности, на самом деле таковым не является. Этот факт будет являться одним из доказательств только в том случае, если будет доказана причинно-следственная связь между противоправными действиями врача и наступившими негативными последствиями. Формально, указывает В.Ф.Ермолович, все последствия можно разделить на три вида:

- прямо перечисленные в законе;
- хотя и не перечисленные в законе, но влияющие на степень и характер ответственности;
- безразличные для правовой оценки преступления [6; 192].

Полагаем, что именно неясность в разграничении последствий действий медицинских работников и является причиной тех трудностей, с которыми сталкиваются органы уголовного преследования на момент возбуждения уголовного дела и определения квалификации совершенного деяния. Раскрытие тайны многих преступлений, отмечает Н.А.Селиванов, представляет собой нелегкую задачу, требующую от следователя значительных усилий, сосредоточенности, большого профессионализма и житейского опыта. В схематическом виде эта задача сводится к тому, чтобы познать прошедшие события по ограниченному числу признаков, порой весьма малозаметных [7], носящих как материальный, так и идеальный характер (отображения в сознании человека).

Исходя из этих положений в криминалистике были сформулированы следующие классификации признаков преступления:

- 1) по содержанию: признаки приготовления к преступлению, его совершения, сокрытия и признаки использования результатов преступления;
- 2) по месту проявления: на месте преступления или на месте происшествия (если эти места не совпадают); в иных местах; в материалах организаций и предприятий всех видов; в быту и в личной жизни преступников и их связей; содержащихся в данных о других преступлениях и происшествиях;
- 3) по связям с событием преступления: непосредственно указывающие на возможное преступление; признаки инсценировок и иных способов сокрытия преступления;
- 4) по связи с предметом доказывания: оцениваемые как прямые доказательства; оцениваемые как косвенные доказательства (к их числу относятся и улики поведения);
- 5) по отношению к процессу отражения: необходимые и случайные [8].

Указанная классификация признаков преступления позволяет следователю отобрать из всего многообразия имеющейся на момент выявления преступления информации только ту, которая, по его мнению, на каждом конкретном этапе расследования поможет ему произвести ее оценку как криминалистически значимую. Это правило распространяется и на дела исследуемой категории. Поскольку юридическая оценка любого противоправного поведения, согласно общей теории квалификации преступлений, должна соответствовать схеме: объект и предмет преступного посягательства, объективная сторона (признаки преступления), субъект, субъективная сторона (форма вины, мотив, цель) [9], объектом ненадлежащего выполнения профессиональных обязанностей медицинским работником являются общественные отношения, обеспечивающие охрану и безопасность здоровья граждан. Между тем, на что ранее указывала Т.В.Кондрашова, в нормах УК не определено, кому именно должен был причинен такой вред [10]. Аналогичный подход прослеживается и в УК РК, где указывается только на «причинение лицу смерти». В этой связи мы поддерживаем мнение о том, что положения ст.114 УК РК требуют своего уточнения в части дополнения после слова «причинение» словом «другому лицу». Тем самым будут исключены различные толкования в определении объекта рассматриваемого преступления.

Объективная сторона преступления — это «внешнее проявление конкретного общественно опасного поведения, осуществляемого в определенных условиях, месте, времени и причиняющего вред общественным отношениям» [11]. Исходя из данного определения объективную сторону ненадлежащего выполнения своих профессиональных обязанностей представляет неправильное установление диагноза, недостаточное обследование больного, неправильное назначение лечения, досрочная выписка невылечившегося больного, халатное (небрежное или недобросовестное) отношение медперсонала к своим профессиональным обязанностям, повлекшим смерть пациента либо причинение средней тяжести или тяжкого вреда его здоровью.

В этой связи для наступления уголовной ответственности необходимо иметь в наличии или одно или совокупность следующих условий.

1. Действия медицинского работника были явно неправильными, противоречили общепризнанным и общепринятым правилам медицины. Однако в силу небрежности, т.е. непридания значения выявленным симптомам, он не предпринял соответствующих мер по предотвращению вредных последствий.

Например, 24 августа 1998 г. в 14 ч. 30 мин. в родильном отделении Карабалыкской ЦРБ Костанайской области роженице Г.Жиембаевой по назначению лечащего врача Г.З.Мусиной, являющейся ответственной за обследование и лечебный процесс больной, были введены лекарственные препараты: глюкоза, инсулин, витамины С и ККБ. Назначенные препараты вызвали анафилактический шок.

В связи с жалобами больной на боли в пояснице, затрудненное дыхание, озноб, боли в области живота была вызвана врач Г.З.Мусина, которая обследовала больную и поставила диагноз: беременность 40 недель, предвестники родов, премоксикоз, хроническая гипоксия плода, анемия 2–3 степени. Однако по небрежности Г.З.Мусина не придала значение симптомам анафилактического шока, таким как удушье, боли в области поясницы и живота, озноб, а принимая во внимание только высокое давление Г.Жиенбаевой, которое не характерно для анафилактического шока, не смогла предвидеть опасных последствий несвоевременного диагностирования анафилактического шока. Хотя при должной внимательности и предусмотрительности должна была и могла предвидеть эти последствия. В результате несвоевременного диагностирования осложнения состояния Г.Жиенбаевой в виде анафилактического шока на введение лекарственных препаратов, непроведения в связи с этим в должном объеме противошоковой терапии, отсутствия динамического и интенсивного лечения с участием врача-реаниматолога 24 августа 1998 г. в 23 часа 45 мин. Г.Жиенбаева скончалась в операционном блоке Карабалыкской ЦРБ. Согласно акту СМЭ № 8 от 03.11.1998 г. смерть Г.Жиенбаевой наступила в результате анафилактического шока, развившегося как осложнение на введение лекарственных препаратов.

Несмотря на отрицание Г.З.Мусиной своей вины, суд пришел к выводу, что добытых по делу доказательств (заключение комиссионной судебно-медицинской экспертизы, собственноручная запись в истории болезни «анафилактический шок», впоследствии перечеркнутая подсудимой, и т.д.) достаточно для вывода о ее виновности, и вынес обвинительный приговор за совершение преступления, предусмотренного ч.1 ст.114 УК РК [12].

2. Медицинский работник в силу полученного им образования и занимаемой должности должен был сознавать, что действия его являются неправильными и поэтому могут причинить вред больному. Причем медицинский работник не только должен был, но и имел реальную возможность знать, как следует поступать в данной ситуации (наличие функциональных обязанностей, памяток, инструкций и т.д.). При сомнении он обязан сделать все необходимое для их устранения. Если это не сделано, то налицо ненадлежащее выполнение своих прямых обязанностей, нарушение принципов должного поведения врача по отношению к больному, что является основанием для наступления уголовной ответственности.

Понимание неправильности своих действий означает и осознание того, что эти действия могут повлечь неблагоприятные последствия для больного.

Так, по уголовному делу № 2002702 по факту массового пищевого отравления воспитанников Песчанской вспомогательной школы-интерната № 2 п. Качары Павлодарской области, происшедшего 13.06.2000 г., была осуждена за совершение преступления, предусмотренного ч.1 ст. 114 УК РК, старшая медицинская сестра данного интерната В.А.Чайка, в обязанности которой входило медицинское обслуживание воспитанников и контроль за санитарным состоянием закупаемых и употребляемых в пищу продуктов.

В ходе проведенного предварительного судебного следствия было установлено, что В.А.Чайка систематически нарушала возложенные на нее обязанности вследствие небрежного и недобросовестного к ним отношения. В результате 13.06.2000 г. она включила в меню на обед блюдо (пирожки с мясным фаршем и капустой), которое согласно п. 8, 7 санитарно-гигиенических правил и норм устройства, содержания и организации режима оздоровительных детских лагерей от 04.03.1997 г. и санитарных правил для предприятий общественного питания 4.01.034–97 от 03.09.1997 г. запрещено в летний период на всех предприятиях общественного питания и в детских учреждениях. Кроме того, ею не был осуществлен контроль за технологией приготовления данного блюда, которое, в нарушение предусмотренных правил, изготавливалось не в духовом шкафу, а во фритюре. Впоследствии, согласно санитарно-микробиологическому исследованию за № 294 от 16.06.2000 г., в пирожке с мясом и капустой, который был употреблен в пищу воспитанниками школы-интерната на обед 13.06.2000 г., был выделен патогенный стафилококк, явившийся причиной групповой токсикоинфекции. Всего в результате группового случая пищевой токсикоинфекции пострадали 30 детей, из которых один умер, одному был причинен тяжкий вред здоровью, одному — средней тяжести, а остальным — легкой степени тяжести.

Причиной наступивших последствий явилось грубейшее нарушение санитарно-эпидемиологических правил по обеспечению безопасности жизни и здоровья воспитанников интерната со стороны старшей медицинской сестры В.А.Чайки, выразившееся в ненадлежащем контроле за поступлением продукции до ее использования, нарушении санитарных требований, включении в меню запрещенного блюда, явившегося причиной массового заболевания детей; в назначении без консультации врача

неправильного лечения больному К.Сатыбалдинову, несвоевременной госпитализации больных; сокрытии факта массового пищевого отравления и несвоевременном обращении к соответствующим медицинским службам, что привело к смерти К.К.Сатыбалдинова и причинению 29 детям вреда здоровью различной степени тяжести [13].

3. Эти объективно неправильные действия способствовали (прямо или косвенно) наступлению неблагоприятных последствий для больного — смерти или существенного вреда здоровью. Так, например, неправильно выставленный диагноз, применение не того медицинского препарата, который был нужен, нарушение техники проведения манипуляций или, зачастую, гораздо более серьезные последствия — использование не того газа при проведении анестезии либо оставление внутри тел пациентов медицинских инструментов или иных инородных тел после проведения хирургических операций.

В качестве иллюстрации можно привести следующий пример.

Ст. лейтенант медицинской службы Т.Б.Дженалиев, являясь начальником медицинского пункта войсковой части 41321, 27 июля 2003 г., по устному приказу начальника штаба Западного военного округа, убыл в полевой лагерь артиллерийских и минометных подразделений и частей округа, расположенный на полигоне «Богословка» в составе военнослужащих, назначенных для выполнения учебных занятий. При этом согласно функциональным обязанностям на Т.Б.Дженалиева была возложена задача по организации медицинского обслуживания личного состава и оказания непосредственно первой медицинской помощи, а также выявлению и направлению больных военнослужащих в лечебные учреждения.

27 июля 2003 г. к Т.Б.Дженалиеву обратился находящийся на полигоне рядовой А.С.Мясников с жалобами на головную боль и диарею. Обследовав больного, Т.Б.Дженалиев назначил ему следующие препараты — по две таблетки анальгина и левомецетина. Однако около 19 часов А.С.Мясников вновь обратился к врачу с жалобами на продолжающиеся боли головы и живота. Тогда Т.Б.Дженалиев, вместо того, чтобы направить больного на стационарное лечение, не обладая достаточными профессиональными навыками, проявляя небрежность, выразившуюся в нарушении техники внутривенного введения 10 %-ного раствора хлорида кальция, без пробы на попадание иглы в вену, ввел последнему хлористый кальций в вену на левой локтевой ямке, в ходе которого произошел прокол задней стенки вены с нагнетанием незначительной части препарата в мягкие ткани (в мышцу) с вовлечением в процесс проходящего лучевого нерва, приведшего к постинъекционному невриту лучевого нерва слева. Однако несмотря на негативные последствия, Т.Б.Дженалиев о случившемся старшему офицеру полигона не доложил и мер к госпитализации А.С.Мясникова не принял. И только вечером 29 июля 2003 г. А.С.Мясников был направлен в инфекционную больницу города Актобе.

Согласно акту комиссионной судебно-медицинской экспертизы за № ЭК 19/09–03 от 14 октября 2003 г. осложнение в виде постинъекционного пареза срединного нерва на уровне нижней трети левого плеча, тендовагинита причинили вред здоровью А.С.Мясникова средней степени тяжести по признаку длительного расстройства здоровья на срок более двадцати одного дня. Между внутривенным введением хлористого кальция в левую руку А.С.Мясникова и развитием у него пареза срединного нерва имеется прямая причинная связь.

При таких обстоятельствах содеянное Т.Б.Дженалиевым суд признал как ненадлежащее выполнение профессиональных обязанностей медицинским работником вследствие небрежного отношения к ним, повлекшее причинение средней тяжести вреда здоровью потерпевшего, квалифицировав их по ч.3 ст. 114 УК РК [14].

Как видно из приведенных примеров, преступление, предусмотренное ст. 114 УК РК, совершается только в форме неосторожности вследствие неосторожного или ненадлежащего выполнения профессиональных обязанностей либо небрежного или недобросовестного отношения к ним специальных субъектов, деятельность которых может посягнуть на жизнь и здоровье граждан либо поставить их в опасность. Проведенный нами анализ показал, что основной процент по профессии врачебных специальностей, подверженных совершению указанной категории преступлений, составили: хирурги — 36,4 %, акушеры-гинекологи — 17,9 %, оставшиеся (54,3 %) распределяются между педиатрами, стоматологами, анестезиологами и реаниматологами. Субъектами не оказания помощи больному без уважительных причин выступают врач, акушерка, фельдшер, медсестра, а субъектами при нарушении правил производства, хранения, учета, пересылки и перевозки наркотических средств — фармацевты, работники медицинских складов и баз. При этом нарушение охраняемых прав и интересов пациентов возможно как при непосредственном оказании медицинской помощи, так и в результате управленческой деятельности по ее организации. Тем самым одним из проблемных вопросов уго-

ловного права является дифференциация уголовной ответственности медицинских работников на основании их признания различными специальными субъектами. В какой-то мере ответ на этот вопрос содержится в постановлении Верховного суда Казахской ССР от 18 декабря 1987 г. «Некоторые вопросы квалификации преступлений, связанных с выполнением профессиональных обязанностей», в котором давалось официальное толкование разграничения профессиональных и должностных функций медицинских работников. В частности, в нем отмечалось: «... Разъяснить судам, что действия врачей и других медицинских работников, если в результате ненадлежащего выполнения ими профессиональных обязанностей по обследованию, диагностике, проведению операции, лечению больных наступила смерть или причинен серьезный ущерб здоровью пациента, надлежит квалифицировать по статьям, предусматривающим ответственность за преступления против жизни и здоровья.

В тех случаях, когда врачи и другие медицинские работники выполняют организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции (выдача листков нетрудоспособности, помещение больного в лечебное учреждение, установление инвалидности или изменение ее группы, распоряжение материальными ценностями и т.п.), они выступают как должностные лица и деяния их следует квалифицировать по статьям о должностных преступлениях...».

Но, с другой стороны, возникает другая проблема: кого следует относить к медицинским работникам? Ни уголовное законодательство, ни Закон РК «О системе здравоохранения» или «Об охране здоровья граждан» ответа на него не дают. Исходя из смысла указанных нормативных источников можно прийти к выводу, что признаками, определяющими данную категорию служащих, будут являться:

- законодательно предусмотренная деятельность в сфере оказания медицинских услуг или работе с пациентами в силу своей профессии и уровня специализации;
- наличие функциональных обязанностей указанных работников в соответствующих лечебных или научных организациях и учреждениях;
- наличие лицензии на право оказания медицинских услуг населению;
- наличие ответственности за ненадлежащее выполнение возложенных обязанностей.

Между тем возникает вопрос: будут ли субъектами преступления, предусмотренного ст. 114 УК РК, так называемые народные целители, имеющие лицензию на право осуществления медицинской деятельности? Можно ли их приравнять к лицам, занимающимся частной медицинской практикой? И можно ли расценивать деятельность этих лиц как профессиональную? Полагаем, что основным признаком, разграничивающим профессиональную деятельность от непрофессиональной, является возможность получения дохода (вознаграждения) от этой деятельности в течение определенного периода времени. Если отталкиваться от данной посылки, то народные целители и лица, занимающиеся частной медицинской практикой, также могут выступать в качестве субъектов уголовной ответственности по рассматриваемому виду преступной деятельности.

Также следует учитывать и тот факт, что профессиональные обязанности (правила) могут быть установлены законом, другим нормативным актом, утверждены администрацией предприятия или учреждения, установлены государственным стандартом (например, типовые правила техники безопасности) и т.п. Поэтому при решении вопроса о привлечении лица к уголовной ответственности за причинение смерти или наступление последствий, отнесенных к категориям тяжкого или средней тяжести вреда здоровью, явившихся следствием ненадлежащего выполнения профессиональных обязанностей, должно быть установлено, что данное лицо знало эти обязанности и было предупреждено об ответственности за их нарушения. Наличие диплома, свидетельства по специальности или лицензии для наступления уголовной ответственности, по нашему мнению, недостаточно. Если не установлено, что лицо знало свои профессиональные обязанности, ответственность должна наступать для руководителей такого лица или учредителей соответствующего учреждения, организации, фирмы и т.д. либо, если таковые отсутствуют, — для должностных лиц, выдавших соответствующую лицензию или разрешение.

На основании изложенного нами предлагается следующая формулировка субъекта преступления, предусмотренного ст. 114 УК РК, которую можно изложить в комментарии к УК РК в следующей редакции: «...субъектом ненадлежащего выполнения профессиональных обязанностей является медицинский работник, под которым понимаются любые лица, допущенные в соответствии с законом к оказанию медицинской помощи или работе с пациентами в силу своей профессии и уровня специализации либо имеющие лицензию народного целителя...».

Тем самым будет обеспечено единообразное понимание данного термина не только в теоретической и практической юриспруденции, но и в медицинском праве.

Исследование уголовно-правовой характеристики рассматриваемого вида преступления в рамках настоящей статьи обусловлено тем, что уголовно-правовые положения, определяющие противоправное деяние как социальное явление, дают толчок к разработке криминалистической характеристики ненадлежащего выполнения профессиональных обязанностей медицинским работником. Она не только определяет юридическую оценку деянию, но и позволяет выявить специфику признаков преступления рассматриваемого вида, а также закономерные связи, имеющие значение для определения методики раскрытия и расследования указанных преступлений. Поэтому, по мнению В.К.Гавло, криминалистическая характеристика преступлений в основном отражает ретроспективную направленность с ее специфическим внутренним содержанием, свидетельствующим о том, что и как происходит в различных ситуациях совершения преступлений, каковы при этом закономерности механизма образования и проявления следов — последствий (в широком смысле) вовне. Поле криминалистической характеристики преступлений находится в целом в плоскости подготовки, совершения и сокрытия преступлений. Именно оно отражает закономерности ее проявления, но познание и установление которых идет в ходе расследования, т.е. после возбуждения уголовного дела [15; 213].

В этой связи представляется правильной позиция А.Н.Васильева, который считает, что за криминалистической характеристикой преступления «должна будет идти собственно методика расследования преступления, нацеленная на разрешение вопросов о том, какие следственные и иные действия необходимо производить для собирания этих следов, какие делать выводы об установленных обстоятельствах, какие следственные версии разрабатывать в отношении невыясненных обстоятельств, как организовать их проверку, вновь делать выводы из собранных доказательств и т.д.» [16; 47].

Содержание понятия «характеристика» представляет собой описание характерных, отличительных качеств, черт кого-, чего-нибудь [17; 848]. Возникновение криминалистической характеристики преступлений как системного описания типичных сторон, свойств, признаков и внутренних связей отражаемого в ней объекта было связано с углубленной разработкой методики расследования отдельных видов преступлений, а также с формированием теоретических основ криминалистики [18]. Впервые выражение «криминалистическая характеристика преступлений» была предложена А.Н.Колесниченко [19]. С тех пор исследования в области криминалистической характеристики преступлений, о ее составляющих, назначении и роли продолжаются и по сей день [20]. Поэтому следует согласиться с мнением Н.П.Яблокова, который отмечал, что криминалистической характеристике присущ существенный научный и практический потенциал, еще не реализованный должным образом, но роль и значение которого в решении практических задач в будущем усилится [21].

В то же время при определении назначения криминалистической характеристики преступлений мнения многих ученых не совпадают. В результате было сформировано два взаимосвязанных и взаимозависимых направления определения назначения криминалистической характеристики преступлений. Первое направлено на дальнейшее развитие теории криминалистики в целом и ее отдельных видов в частности. Второе непосредственно связано с задачами, которые должны быть решены в процессе расследования преступлений.

К первой группе можно отнести мнения В.А.Образцова, А.Н.Васильева, Н.П.Яблокова, В.К.Гавло, которые отмечают что ее предназначение в получении данных для раскрытия определенных категорий преступлений путем применения обусловленных ими криминалистических средств, приемов, методов, а также разработки научных рекомендаций по оптимальному решению данной задачи, для разработки методов расследования, учитываемых в методике расследования [22, 23 (с. 116), 15].

Вторая группа ученых (И.Ф.Пантелеев, И.Ф.Герасимов, С.И.Винокуров, Г.Н.Мухин) считает, что назначение криминалистической методики состоит в получении данных, имеющих значение вещественных доказательств, наиболее вероятных мест их обнаружения, тайников, способов сокрытия преступления и других средств их маскировки, а также имеющих важное организационное и тактическое значение для раскрытия конкретного вида преступления либо позволяющих выявить механизм следообразования, уяснить первоочередные задачи или способствовать получению оснований для выдвижения версий о событии преступления, личности преступника, для оценки ситуаций, возникающих в процессе расследования [24-26].

Однако следует отметить, что и до настоящего времени в криминалистической науке вопрос групповой принадлежности характеристик различных видов преступлений остается достаточно дискуссионным. Так, Р.С.Белкин, А.Н.Васильев, И.А.Возгрин и Е.Г.Джакишев считают, что в основе любой структуры криминалистической характеристики следует выделять ее элементы [27, 28], по мнению Н.А.Селиванова, — признаки [29]. Несколько иная точка зрения у А.Ф.Облакова и А.Б.Жакулина, которые полагают, что каждой составной части структуры криминалистической ха-

рактеристики преступлений свойственна определенная совокупность признаков, выражающая их сущность [30, 31].

Поскольку при раскрытии и расследовании преступлений приходится иметь дело с индивидуальными событиями, исследование и признание их криминалистической сущности происходит с использованием категорий всеобщего, особенного и единичного. В этой связи наряду с «абстрактной» и «общей» криминалистическими характеристиками преступлений некоторыми авторами выделяются «родовые», «групповые», «видовые», «частные» и «конкретные» характеристики [2; 10].

По мнению В.Ф.Ермолович, и мы полностью поддерживаем эту позицию, криминалистическая характеристика преступлений должна рассматриваться как научная категория. С одной стороны, она имеет абстрактный характер, а с другой — общее криминалистическое значение и служит методологической базой для исследования криминалистических характеристик отдельных видов и групп преступлений. С ее помощью появляется реальная возможность целенаправленно использовать теоретический и эмпирический материал для развития общих и частных вопросов криминалистической методики [6; 226].

Обусловлено это тем, что криминалистическая характеристика преступлений в основном отражает ретроспективную направленность с ее специфическим внутренним содержанием, свидетельствующим о том, что и как происходит в различных ситуациях совершения преступлений, каковы при этом закономерности механизма образования и проявления следов-последствий (в широком смысле) вовне. С этих позиций она должна изучать систему сведений, во-первых, о следственных ситуациях, складывающихся как на момент возбуждения уголовного дела, так и по ходу дальнейшего расследования, во-вторых, о способах собирания, исследования и использования доказательств применительно к данным криминалистической характеристики преступлений, следственным ситуациям, версиям расследования в целях осуществления задач уголовного судопроизводства.

Между тем, по мнению Р.С.Белкина, не может быть криминалистической характеристики конкретного преступления, поскольку она может рассматриваться лишь как вероятностная модель и соответственно использоваться следователем только в качестве ориентирующей информации [33; 180–182]. Сходной позиции придерживаются А.Г.Филиппов, Т.В.Аверьянова, Ю.Г.Корнухов, Е.Р.Россинская, полагающие, что нет никакой практической надобности в криминалистической характеристике конкретного преступления, так как она не может выполнять те функции, которыми обладает криминалистическая характеристика как составная часть методики расследования преступлений. Криминалистическая характеристика преступления представляет собой абстрактное научное понятие, которое формируется на базе изучения и обобщения нескольких преступлений [34, 35]. Противоположную позицию занимают Н.А.Селиванов, В.И.Шиканов, Н.П.Яблоков [36, 37, 23], которые, наоборот, считают, что криминалистическая характеристика конкретного преступления существует. В частности, Н.П.Яблоков пишет, что в процессе расследования конкретного преступления криминалистические характеристики могут быть первичными, последующими и заключительными. В ходе расследования они непрерывно пополняются, уточняются и меняются [23; 132]. Мы также полагаем, что криминалистические характеристики конкретных видов преступлений должны существовать, поскольку в их отсутствие невозможно разработать обобщенную характеристику преступления и, тем более, осуществлять разработки абстрактного характера. Криминалистическая характеристика отдельного преступления, полученная в процессе его расследования, всегда индивидуальна и представляет собой сочетание исчерпывающих данных о расследуемом и расследованном общественно-опасном деянии. Ее можно рассматривать и как своеобразную информационную модель расследуемого преступления.

Аналогичную позицию занимает Д.В.Ким, который определяет криминалистическую характеристику преступлений как систему типичных сведений, раскрывающих основные черты способа, механизма и обстановки совершаемых преступлений, слеодообразования, личности виновного, его мотивы и цели в ситуациях подготовки, совершения и сокрытия преступлений, учитываемых в методике расследования. При таком толковании криминалистической характеристики преступлений важно то, что в нем связываются в систему такие понятия, как преступная деятельность и ситуации, складывающиеся в процессе этой деятельности. Проведенные им исследования показали, что ситуации, складывающиеся в процессе преступной деятельности, формируются на основе сочетания и взаимодействия элементов преступной (криминальной) деятельности, имеющей свою структуру. Преступная деятельность в широком смысле понимается им как динамичная система поведения субъекта преступления в окружающей среде, с ее закономерными для заданной ситуации следами-последствиями содеянного. Структурным элементом криминалистической характеристики преступлений, который имеет сущест-

венное значение для понимания закономерностей системного процесса совершения преступления, является, по мнению Д.В.Кима, механизм преступного поведения. Он охватывает не только центральный этап преступления, но и другие этапы, а именно предкриминальный и посткриминальный. Криминалистический механизм преступного поведения объединяет все элементы криминалистической характеристики преступления: личность преступника, мотив и цель преступления, способ преступления, обстановку преступления, объект и предмет преступного посягательства, личность потерпевшего. Эти элементы, взаимодействуя друг с другом, отражают динамический процесс преобразования криминальных ситуаций и по следам-последствиям указывают на закономерные связи и взаимодействия между ними, что в итоге позволяет установить корреляционную зависимость между элементами криминалистической характеристики преступлений [38].

Поэтому криминалистическая характеристика ненадлежащего выполнения профессиональных обязанностей медицинским работником должна служить для следователей и дознавателей не только источником отправных сведений для организации работы по уголовному делу, но и содержать следующие элементы:

- характеристика исходной информации;
- характеристика обстановки совершения преступления;
- данные о способах совершения и сокрытия преступления;
- типичные следы и другие материальные последствия преступных действий;
- сведения о типичных личностных особенностях преступников;
- обобщенные данные о наиболее распространенных мотивах преступления;
- круг основных обстоятельств, подлежащих установлению [33; 12].

Поскольку доказывание любого события преступления представляет собой разновидность информационного процесса, состоящего в получении, оценке и использовании данных, имеющих значение для расследуемого уголовного дела [39], на первый план в криминалистической характеристике рассматриваемого преступления выносится характеристика исходной информации. Эта информация, в зависимости от источников получения, может быть как процессуальной, так и непроцессуальной (оперативной) [40]. Поэтому, для уяснения сущности криминалистической характеристики уже на первоначальном этапе расследования важно выяснение источников, форм, видов и содержания исходной информации о совершенном преступлении.

По своему содержанию исходные данные могут подразделяться на данные об источниках доказательственной информации, об обстоятельствах ориентирующего характера либо имеющих значение для организации правильной тактики проведения отдельных следственных либо процессуальных действий. Это могут быть сведения о лицах, чьи показания могут иметь значение для установления местонахождения учетных регистрационных журналов, амбулаторных карт, историй болезни, следов проведенной операции и других предметов и документов, хранящих следы преступления. С другой стороны, это могут быть сведения, объясняющие мотив преступного поведения, наличие конфликтных ситуаций, характеризующие психологический портрет личности преступника, а также сведения, которые могут и не входить в предмет доказывания по конкретному уголовному делу, но имеют существенное значение для организации и планирования расследования, выдвижения следственных версий, определения тактики запланированных следственных действий и всего расследования в целом [41].

Вторым элементом криминалистической характеристики должна рассматриваться обстановка совершения преступления, поскольку она неразрывно связана со способом причинения вреда здоровью в результате ненадлежащего выполнения своих профессиональных обязанностей медицинским работником. Согласно определению, данному в Словаре русского языка, обстановка определяется как положение, обстоятельство, условия существования кого-, чего-нибудь [17; 429]. Обстановку совершения преступления иногда отождествляют с расследуемым событием, определяя ее как территориальную, климатическую, демографическую и иную специфику региона, в которой совершено преступление. Между тем с криминалистической точки зрения понятие обстановки несколько шире. По мнению Н.П.Яблокова, обстановка совершения преступления в криминалистическом аспекте — это система различного рода взаимодействующих между собой до и в момент преступления объектов, явлений, процессов, характеризующих место, время, вещественные, природно-климатические, производственные, бытовые и иные условия окружающей среды, особенности поведения не прямых участников противоправного события, психологические связи между ними и другие факторы объективной реальности, определяющие возможность, условия и другие обстоятельства совершения преступления [42; 42].

Как видно из приведенного, на первый план при определении обстановки совершенного преступления выдвигаются место и время его совершения. Они входят в содержание предмета доказывания (ст. 117 УПК РК) и подлежат обязательному установлению, но их криминалистическое значение будет иметь место лишь в тех случаях, когда преступник использует их особенности для достижения своих целей и в результате этого оставляет какие-либо следы в материальном мире либо в сознании людей.

Обстановка совершения преступления несет центральную информационную нагрузку в отношении всех обстоятельств совершенного деяния. Она, в частности, дает представление о месте, времени, способе, мотиве, орудиях и средствах совершения преступления, его следах, объектах посягательства и субъектах преступления, условиях, облегчивших совершение преступного намерения, и указывает на закономерную связь следов преступления с обстановкой содеянного и возможные пути их обнаружения. Поэтому криминалистические характеристики отдельных видов преступлений должны содержать типичные дифференцированные сведения об особенностях обстановки совершения преступлений, тех положениях ее, которые способствуют эффективному расследованию.

С изучения обстановки (места, времени, предмета преступного посягательства, благоприятствующих или затрудняющих условий) часто начинается установление события преступления и лица, его совершившего. Так, к примеру, любое преступление совершается в конкретном месте. Применительно к теме исследования — это место, в котором происходит осуществление медицинских услуг (поликлиника, больница, другое медицинское учреждение или место расположения офиса частного практика или народного целителя и т.п.). Оно является объективным фактором, определяющим поведение участников преступления, и может использоваться виновным в качестве своеобразного средства достижения определенных результатов.

Для криминалистической характеристики ненадлежащего выполнения профессиональных обязанностей медицинским работником имеет значение наличие в обстановке каких-либо факторов, сделавших эту обстановку способствующей совершению преступления. Так, из приведенного ранее примера по уголовному делу № 2002702 по факту массового пищевого отравления воспитанников Песчанской вспомогательной школы-интерната № 2 п. Качары Павлодарской области, происшедшего 13.06.2000 г., следует, что совершению преступления способствовала обстановка бесконтрольности в связи с удаленностью летнего лагеря от районного центра и (на 450 м) от основного здания интерната, а также то, что в нем содержалось 126 детей. Вследствие удаленности от основных коммуникаций и администрации интерната пищеблок лагеря не был обеспечен в достаточном количестве исправным технологическим и холодильным оборудованием, разделочным инвентарем, емкостями для мытья продуктов, посудой. Персонал не был полностью обеспечен санитарной одеждой и был допущен к работе без обучения по программе санитарного минимума. Складское помещение не обеспечивало соблюдение сроков и условий хранения скоропортящихся продуктов. Меню составлялось с нарушениями санитарно-гигиенических правил — допускалась неоднократная повторяемость блюд и включение запрещенных к потреблению в летнее время. Тем самым обстановка совершения преступления позволила следственным органам охарактеризовать и выявить обстоятельства, которые однозначно являлись следствием ненадлежащего выполнения профессиональных обязанностей старшей медицинской сестрой данного интерната В.А.Чайкой, повлекшего наступление вредных последствий (массового отравления воспитанников интерната).

Из приведенного примера наглядно видно, что обстановка совершения преступления характеризуется системой сложившихся условий и обстоятельств, обусловивших совершение преступления старшей медицинской сестрой В.А.Чайкой, объективно отражаясь в окружающей среде, в следах преступления и преступника, сохранившихся в отчетных документах интерната.

В то же время обстановка совершения преступления не должна рассматриваться изолированно от других элементов криминалистической характеристики и, в первую очередь, от способа совершения и сокрытия преступлений, особенностей и свойств личности виновных. Поэтому следующим элементом криминалистической характеристики рассматриваемого вида преступной деятельности выступают данные о способах совершения и сокрытия преступления.

Дело в том, что обстановка места происшествия в рассматриваемых ситуациях обычно часто полностью не сохраняется. Поэтому материалы служебного расследования, проводимые по каждому негативному факту, связанному с возникновением сомнений в правильности медицинского обслуживания, облегчают ориентацию следователя в сути происшедшего и выборе направления и средств расследования. Возникающие сложности в расследовании чаще всего обусловлены невозможностью осмотра места происшествия в неизменной или малоизмененной обстановке. В данной следствен-

ной ситуации основными являются следственные версии о главных причинах происшествия и конкретных виновных лицах, указанных в материалах служебного расследования. Наличие в таких первичных материалах значительных сведений о возможных причинах происшествия и круге ответственных лиц облегчает задачу следователя при выдвижении версий, но это не должно связывать его инициативу в выдвижении других версий.

Во-первых, действия врача должны быть признаны противоправными, на основании чего судебно-следственные органы предъявляют обвинение за ненадлежащее оказание медицинской помощи.

Во-вторых, следует установить причинную связь между совершенным деянием и вредом, причиненным пациенту. На данный вопрос должна ответить комиссия судебно-медицинская экспертиза. Но и при наличии причинной связи еще нет оснований однозначно говорить об уголовной ответственности медицинского работника. Так, у гр-на Ж.Т.Тусупжанова, 33 лет, во время операции, производившейся по поводу адамантиномы нижней челюсти, через две минуты от начала эндотрахеального эфирно-кислородного наркоза наступила клиническая смерть. В последующие восемь суток благодаря реанимационным мероприятиям поддерживались сердечная деятельность и дыхание. Смерть наступила от двусторонней нижнедолевой крупноочаговой бронхопневмонии. Экспертная комиссия отметила причинную связь между производством наркоза и наступлением летального исхода. Вместе с тем в заключении подчеркивалось, что методика обезболивания была выбрана и проведена правильно; количество эфира (2 %) не является обычно токсической дозой, и наступление неблагоприятного исхода было обусловлено индивидуальной чувствительностью организма, что анестезиолог не мог предусмотреть [43].

Указанный пример из практики показывает, что неблагоприятный и даже смертельный исход, находящийся в причинной связи с деятельностью врача, еще не свидетельствует о вине медицинского работника. Поэтому, в-третьих, для наличия уголовной ответственности необходимо установление неправильности медицинского действия. Для этого назначается также экспертиза, состоящая из профессиональных врачей-ученых (экспертная комиссия). При проведении данной экспертизы крайне важно установить, не было ли объективных препятствий для правильного оказания медицинской помощи в конкретно взятой ситуации. Другой пример: у гр-ки Г.В.Кривоносовой, курируемой стоматологом по поводу гнойного гингивита и пародонтоза, осложнившихся язвенным стоматитом, при видимом благоприятном течении (температура 37°, умеренная болезненность в области десен) на 4-й день поликлинического лечения наступил летальный исход. При судебно-медицинском исследовании трупа наряду со стоматологическим заболеванием были обнаружены септический эндокардит двусторончатого клапана, гиперплазия пульпы селезенки, дистрофия внутренних органов. Экспертная комиссия пришла к заключению, что смерть наступила от орального сепсиса, диагноз которого не мог быть установлен вследствие атипичного течения болезни [44].

Таким образом, каждая версия о причине происшествия является предпосылкой не только для выдвижения версий о субъекте расследуемого ненадлежащего выполнения профессиональных обязанностей медицинским работником, но и объяснением побудительных мотивов и целей такого поведения.

В заключение хотелось бы отметить что, по мнению Р.С.Белкина, криминалистическая характеристика преступлений только тогда будет иметь практическую значимость, если будут установлены корреляционные связи и зависимости между ее элементами, носящими закономерный характер и выраженными в количественных показателях. Тогда и только тогда следователь получит обоснованный ориентир для выдвижения следственных версий [45]. Аналогичное мнение высказывал и А.Ф.Лубин, который отмечал, что только комплексный анализ всей совокупности характеристик преступления (уголовно-правовой, криминалистической, криминологической, статистической и др.) позволяет получить «ценные данные, касающиеся как условно-однозначных, так и вероятностно-статистических закономерных связей» между отдельными их элементами [46].

Список литературы

1. *Рустемова Г.Р.* Проблемы совершенствования борьбы с преступлениями в сфере медицинского обслуживания населения: Монография. — Алматы: Гридан, 1999. — 296 с.
2. *Урумбаева Л.Н.* Ответственность медицинских работников: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Ташкент, 1999. — 25 с.
3. *Хрестоматия по истории древнего мира / Под ред. В.В.Струве. Т. I. Древний Восток.* — М.: Учпедгиз, 1950. — С. 256.
4. *Резник Г.М.* Медицинское право. Практическое руководство для юристов и медиков. — М.: Юрид. лит., 2001. — С. 17–18.
5. *Никитина И.О.* Преступления в сфере здравоохранения (законодательство, юридический анализ, квалификация, причины и меры предупреждения): Автореф. дис. ... канд.юрид.наук. — Н. Новгород, 2007. — С. 8–9.

6. Ермолович В.Ф. Криминалистическая характеристика преступлений. — Минск, 2001. — 320 с.
7. Селиванов Н.А. Вещественные доказательства. — М.: Юрид. лит., 1971. — С. 3.
8. Белкин Р.С. Курс криминалистики: В 3 т. — Т. 3. Криминалистические средства, приемы и рекомендации. — М.: Юристъ, 1997. — С. 399.
9. Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. — М.: Юрид. лит., 1999. — С. 130.
10. Кондрашова Т.В. Проблемы уголовной ответственности за преступления против жизни, здоровья, половой свободы и неприкосновенности. — Екатеринбург, 2000. — С. 68.
11. Уголовное право. Общая часть / Под ред. Н.Ф.Кузнецовой, Ю.М.Ткачевского, Г.Н.Борзенкова. — М.: Юрид.лит., 1993. — С. 115.
12. Архив Карабалыкского суда Костанайской области. Дело № 3–478.
13. Архив Павлодарского областного суда. Дело № 2–560.
14. Архив Павлодарского областного суда. Дело № 519–73.
15. Гавло В.К. Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений. — Томск, 1985. — 330 с.
16. Васильев А.Н. Проблемы методики расследования отдельных видов преступлений. — М.: Юрид. лит., 1978. — С. 47.
17. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. — М.: Рус. яз., 1994. — 917 с.
18. Сахарова Е.Г. Расследование причинения вреда здоровью. — М.: Юридлитформ, 2007. — С. 18.
19. Колесниченко А.Н. Научные и правовые основы расследования отдельных видов преступлений: Автореф. дис... д-ра юрид. наук. — Харьков, 1967. — С. 16.
20. В качестве примера можно привести работу И.И.Рубцова «Криминалистическая характеристика преступлений, как элемент частных методик расследования»: Дис. ... канд. юрид. наук. — СПб., 2001. — С. 12.
21. Яблоков Н.П. Криминалистическая характеристика преступлений как составная часть общей криминалистической теории // Вестн. Моск. ун-та. Право. — 2000. — № 2. — Сер. 11.
22. Образцов В.А. Проблемы раскрытия преступлений против населения, связанных с пищевыми отравлениями: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 1976. — С. 8.
23. Васильев А.Н., Яблоков Н.П. Предмет, система и теоретические основы криминалистики. — М.: Юрид. лит., 1984. — 230 с.
24. Пантелеев И.Ф. Методика расследования преступлений. — М.: Юрид. лит., 1975. — 120 с.
25. Винокуров С.И. Криминалистическая характеристика преступлений, ее содержание и роль в построении методики расследования //Методика расследования преступлений: Общие положения. — М., 1979. — С. 101,
26. Мухин Г.Н. Общественно-опасные деяния лиц с психическими аномалиями. Криминалистическая характеристика и раскрытие. — Минск, 1994. — 120 с.
27. Возгрин И.А. Научные основы криминалистической методики расследования преступлений: Курс лекций. — СПб.: Изд-во СПб. юрид. ин-та МВД России, 1993. — 86 с.
28. Джакишев Е.Г., Нурмагамбетов К.Т. Криминалистика и борьба с хищениями. — Алма-Ата, 1990. — 52 с.
29. Селиванов Н.А. Советская криминалистика: система понятий. — М.: Юрид. лит., 1982. — С. 25–27.
30. Облаков А.Ф. Криминалистическая характеристика преступлений и криминалистические ситуации: Учеб. пособие. — Хабаровск: Хабаровская высш. шк. МВД СССР, 1985. — 90 с.
31. Жакулин А.Б. Расследование экономической контрабанды. — Караганда, 2004. — 82 с.
32. Гавло В.К. Обстановка преступлений как структурный компонент криминалистической характеристики преступлений // Совершенствование расследования преступлений. — Иркутск, 1980. — С. 10.
33. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. От теории к практике. — М.: Юрид. лит., 1988. — С. 180–182.
34. Филиппов А.Г. К вопросу об особенностях расследования отдельных видов преступлений //Особенности расследования отдельных видов и групп преступлений. — Свердловск, 1980. — 23 с.
35. Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Корнухов Ю.Г., Россинская Е.Р. Криминалистика / Под ред. Р.С.Белкина. — М.: Юристъ, 2000. — С. 687–688.
36. Селиванов Н.А. Криминалистические характеристики преступлений и следственные ситуации в методике расследования преступлений // Соц. законность. — 1977. — № 2. — С. 56.
37. Шиканов В.И. Теоретические основы тактических операций в расследовании преступлений. — Иркутск, 1983. — 86 с.
38. Ким Д.В. Следственная ситуация как информационно-познавательная система в деятельности по расследованию преступлений: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Томск, 1999. — С. 14–15.
39. Орлов Ю.К. Структура судебного доказывания и понятия судебного доказательства // Вопросы борьбы с преступностью. — М., 1978. — 37 с.
40. Бедняков Д.И. Непроцессуальная информация и расследование преступлений. — М.: Юрид. лит., 1991. — С. 21.
41. Корневский Ю.В., Токарев М.Е. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам. — М.: Юридлитформ, 2000. — С. 17–22.
42. Яблоков Н.П. Криминалистика: Учебник. — М.: Юрид. лит., 1999. — 600 с.
43. Архив областной прокуратуры. г.Усть-Каменогорск. Арх.№ 1/159–09.
44. Архив областной прокуратуры. г.Усть-Каменогорск. Арх.№ 1/236–09.
45. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. — М.: Юристъ, 2001. — С. 223.
46. Лубин А.Ф. Методология криминалистического исследования механизма преступной деятельности: Автореф. дис... д-ра юрид. наук. — Н. Новгород, 1977. — С. 13.

У.Шапак

Қазақ гуманитарлық заң университеті, Астана

ҚАЛМАҚ ХАНДЫҚ БИЛІГІ**Саяси-құқықтық аспектісі**

В статье рассматриваются вопросы официального вхождения калмыков в общероссийскую политическую систему. Изучается процесс образования Калмыцкого государства в форме ханства в политико-правовом пространстве России. Анализируются правовые основы властных взаимоотношений калмыцких тайшей и царского правительства посредством шертей.

Article considers question of kalmak's official entrance in common Russian political system. Author searches the process of creating kalmak state in form of khandyk in political law space of Russian and analyzes law base of power relation between kalmak taysheis and cesar's government by sherteis.

Қазіргі таңда саяси-құқықтық үрдісте мемлекеттік билік институттарын реформалауда саяси-құқықтық тәртіптің ұлттық дағдысына сай негіздерін қарастырмайды. Мемлекеттік билікті концепциялауда Қазақстан заң ғылымы мен саяси ғылымы ұлттық дәстүрді менсінбей, көбінесе батыс елдерінде бұрын жүргізілген реформаларға негізделіп, жалпы әмбебаптық өркениеттік модельге келістіру, басқаша айтқанда, мемлекеттік-құқықтық институттардың тарихи дамуын қарастырмай және ұлттық ерекшелігін ескермей, оларды түсініксіз, қазіргі мемлекет типіне сай емес, өзіндік айрықшылығы бар және заманға сай біркелкі сәйкестендірілген схемаға келмейді деп бастартатын болды.

Кез келген саяси-құқықтық билік қандайда мәдени өркениеттік кеңістікте өз ерекшелігімен тәнті етеді: олардың өзара жақындасуы (араласуы) ұлттың дәстүрлі тіршілік болмысын, әлеуметтік көзқарасын және мәнді саяси-құқықтық жүріс-тұрысы моделін жаңадан пайымдаумен түсіндіріледі. Демек, ұлттық саяси және құқықтық аясын институционалды қайта құру тұрғысынан қарауды талап етеді. Осы тұрғыдан Қазақ мемлекетінің көшпелі мемлекеттілікке сай өзіндік дәстүрі бар екендігін естен шығармаған дұрыс. Көшпелі қоғамның ұлттық саяси-құқықтық реттілігін мирасқорлықпен жалғастырушы және қолдаушы мемлекеттік билікті институционалды талдау қажет, яғни ұлттық және дәстүрлі құқықтық мәдениетінің бейімделу және қалыптасу сатысында дәстүрлі қоғамға тән әлеуметтік теңдікті, дәстүрлі мирасқорлық шеңберінде саяси жариялылық пен тұлғаның бостандығын ескере отырып сіңістіру, сәйкестендіру керек.

Саяси-құқықтық кеңістік дегеніміз — тікелей қоғамдық істі басқара отырып және жеке адамдар, әлеуметтік құрылымдар мен институттардың өзара саяси және құқықтық әрекеттесуін реттей келе, мемлекеттік билікті ұйымдастыра және жүзеге асыра алатын әлеуметтік субъектілер әрекеттесетін қоғамның өмір сүру аясы. Ол белгілі мемлекеттік-құқықтық режимді қамтамасыз ететін оның құқықтық, мәдени және рухани-адамгершілік тұғырын қамтыған әлеуметтік құрылымнан тұрады. Мемлекеттік билік белгілі уақытқа және геояүридикалық континуумға тәуелді, яғни билікті ұлттық кеңістіктегі құқықтық феномен ретінде қарастырса ғана нәтиже береді.

Осы ойды жалғастыра отырып, Ресей аумағына көшіп келіп, өз мемлекеттілігін құрған, мемлекеттік билік тарихы күрделі, сонымен қоса мемлекеттік билік институттары әлеуметтік-құқықтық және саяси кеңістікте тасымалданғанымен ерекшеленетін көшпелі Қалмақ хандығының өзіндік ұлттық мемлекеттік билік болмысын қарастырайық.

Ресей құрамында Қалмақ хандығы нысанында мемлекеттің құрылуы фактісі — Ресей империясының кіші халықтар тарихындағы ерекше және феноменалды құбылыс деп айтқан тарихшы-ғалым Г.О.Авляевтің пікірі [1; 325] ғылыми ортаны қызықтырады. Бірақ бұл төңіректе даулы сұрақтар көп.

1966 жылы М.Л.Кичиковтың «Исторические корни дружбы русского и калмыцкого народов. Образование Калмыцкого государства в составе России» атты еңбегі жарық көрген. Бұл еңбекте XVII ғасырдың 50–60-жылдары Төменгі Еділде қалмақ мемлекеттілігі, яғни хандық нысанда, құрылды, оның «негізін қалаушы» Дайчин мен Мончак тайшы деп жазған. Автор өзінің байламын дәлелдеу үшін келесі дәйектерді келтіреді: қажетті территория алынды; ұлыстағы билік жоғарыда аталған басшы (ахалакчи) екі тайшының қолына шоғырланды; Ресей құрамында хандықтың құрылғаны туралы

патша үкіметі мойындады, яғни 1664 жылы жаз айында Мончак тайшке мемлекеттік билік белгісі ретінде «алтынмен көмкерілген, яшмамен безендендірілген күміс түйреуіш және Ресей мемлекетінің елтаңбасы бар патша белгісі», сонымен қоса құнды сыйлықтарды тарту етуімен түсіндіріледі [2].

Тарихшы П.С.Преображенская 1968 жылы «Вопросы истории» журналының 8 нөмірінде бұл кітапқа сын-пікір білдіреді. Ол еңбектің маңыздылығын, құндылығын бағалай келе, М.Л.Кичиковтың келтірген дәйектеріне қарсы былай деп өз аргументтерін келтірді: XVII ғасырдың бірінші жартысында қалмақ тайшылардың ішінде Далай-Батыр, Хо-Орлюк сияқты басқа да басшы ірі тайшылар болған; түйреуіш пен мемлекеттік белгі Қырым хандығына қарсы шабуылда табысқа жеткен қалмақ аттыларына білдірген құрметі болатын дей келе, XVIII ғасырдың басында Аюк-тайштың кезінде Қалмақ хандығының құрылғандығы туралы деректі жөнді, жан-жақты қарастырмағанын тілге тиек етеді. Бұл екеуінің арасындағы дау мәресіне жетпеді, ғылыми ортада жалғасын таппады.

Қалмақ хандығы тарихына қатысты кейбір мәселелерді Н.Н.Пальмовтың, П.С.Преображенскаяның, И.Я.Златкиннің, Т.И.Беликовтың, В.Ш.Бембеевтің және тағы басқалардың еңбектерінен байқауға болады [3–7]. Ресей мемлекеті құрамында құрылған Қалмақ хандығы тарихын кеңінен жан-жақты қарастырған еңбек ұжымдық авторлықпен жазылған «Очерки истории Калмыцкой АССР. Доктябрьский период» монографиясы еді. Аталмыш монографияның IV (авторлары Н.В.Устюгов, М.Л.Кичиков, Т.И.Беликов) және V тарауы (авторлары М.Я.Попов, Н.В.Устюгов) бұл мәселеге арналған. Кейін келе У.Э.Эрдниев [8], Г.О.Авляев [1;320], К.Н.Максимов [9;524] сияқты ғалымдардың арнайы еңбектері жарық көрді.

Қалмақ және торғауыттардың Ресей территориясына қоныс тебуімен, патша үкіметі мен қалмақ тайштер арасындағы саяси және әскери қатынас жайлы тарихи еңбектерде жан-жақты кеңінен қарастырылып жүргенімен хандықтың пайда болу мезгіліне қатысты, оның Еділ өңірінде өмір сүрген уақытына байланысты сұрақтар құқықтық тұрғыдан сараланбады, Ресей құрамындағы жеке дара мемлекет ретінде қарастырылмады.

Қазан төңкерісіне дейінгі авторлар В.М.Бакунин, Б.Я.Иакинф, Н.И.Нефёдев, К.Костенков, М.Новолетов, А.М.Позднеев [10–15] қалмақтар мен орыстар қатынастары тарихы жайлы көп жазғанымен саяси-құқықтық кеңістіктегі Қалмақ хандығының пайда болуы мен қаншалықты өмір сүргендігі туралы сөз қозғамаған. Осыған қарағанда көптеген ғалымдар Қалмақ мемлекеттілігін мойындамағанға ұқсайды. Олар Қалмақ хандығын Ресей мемлекеті аумағына қоныс тепкен бірнеше көшпелі қалмақ тайштерінің өзара ұрыс-тартысы ретінде қарастырды және қоныс тепкен қалмақтарды аталмыш мемлекеттік кеңістіктегі жаңа этникалық топ ретінде мойындады. Тарихшы-ғалымдар Қалмақ хандығының саяси-құқықтық кеңістіктегі орнын толығымен жоққа шығарды деп дәлелдеуден аулақпыз.

Кейбір авторлар (Н.В.Устюгов, Т.И.Беликов, М.Л.Кичиков, А.М.Позднеев, К.Н.Максимов, Г.О.Авляев және тағы басқалар) Қалмақ хандығының құрылуын Дайчин тайшпен Мончак тайштың басқаруымен байланыстырса, енді бірсыпырасы (П.С.Преображенская және тағы басқалар) Аюк хан (1669–1724) басқару кезеңімен ұштастыратынын айтып өткенбіз. Сонымен қатар Қалмақ хандығы туралы ірі еңбектердің авторы У.Э.Эрдниевтің (Калмыки. Элиста, 1970) және К.Н.Максимовтың (Калмыкия в национальной политике, система власти и управления России (XVII в. — XX в.). М., 2002) пікірінше, хандық XVII ғасырдың 60-жылдары құрылған. Себебі 1661 жылы Қалмақ хандығымен тұрақты байланыс ұстау үшін патша үкіметі Қалмақ Приказы атты арнайы Елшілік Приказдықтың (*патша үкіметінің сыртқы саясатын жүргізетін мекеме*. — У.Ш.) бөлімшесі құқығындағы территориялық басқару мемлекеттік органды Мәскеуде құрды. Демек, бұл оқиға Еділ бойындағы қалмақтардың мемлекетін Ресей империясының саяси-құқықтық кеңістігінде жария етуі деп қабылдаған.

Көшпелі қоғамның әлеуметтік ұйымдастырылуы көп сатылы күрделі иерархиялы жүйені құрайды. Бұл жерде қалмақ этностарының қалыптасу тарихына тоқталмаймыз. Әрине, монғол кезеңіне дейінгі Ойрат одағының пайда болуы және құрамы, Еділ бойындағы ойраттар мен қалмақтардың этникалық кезеңге бөлінуі, Ойрат одағы үшін монғолдардың енгізген әскери жүйенің салдары, орта ғасырдағы жоңғарлар (XIII–XVI ғғ.) мен Еділ қалмақтарының (XV–XVI ғғ.) пайда болуы мен құрамы жайлы және т.б. көптеген сұрақтар нақты ғылыми ортада ортақ пікірге келмеген, әлі де зерттелуде.

Қоныс аудару, яғни көшіп кету, — көшпелі қоғамдағы әлді, мықты, ірі әлеуметтік топтың бір-бірімен қайшыласқан, билікке таласқан кезде қолданатын дәстүрлі құрал нысаны. XIV ғасырдың екінші жартысында Шыңғыс хан әулеттері арасындағы дау-дамайдың нәтижесінде, Монғол империясы ыдырап, көптеген ұсақ, уақ бір-бірінен тәуелсіз ноендық иеліктер (ұлыстар) мен хандықтар

құрылды. Ойрат тайштері Батыс Монғолия аумағын мекендеп, тарихта жонғар деген атауға ие болады. Ресей аумағына көшіп келген қалмақтар өздерін басында ойраттар деп атайтын. Ойраттар — қалмақтардың арғы ата-бабаларының атауы. Ал «қалмақтар» деген атау жаңа географиялық, тарихи және әлеуметтік-экономикалық жағдайларға байланысты пайда болған.

XVI ғасырдың аяғында ойраттар бірнеше көшпелі ұлысқа бөлінеді, олардың ішінен ең ірілері қатарына келесі әулеттер жатады: дөрбөттер, торғауыттар, хошауыттар және цоростар (чоростар). Ірі ойрат тайштер арасындағы билікке таласу және бір-бірінің қолында шоғырланған билікті мойындамаудың нәтижесінде, кейбір салмақты тайштер көршілес Ресей территориясына қоныс тебуі көшпелілер үшін заңды құбылыс.

XVII ғасырдың басында Сібір жері арқылы қалмақтар (*қалмақ тайштері, яғни белгілі ұлыс иелері.* — У.Ш.) Ресей үкіметімен ресми қатынасқа түсе бастағаны тарихи деректермен дәйектелінеді. 1606 жылы 20 қыркүйекте Тара қаласына торғауыт тайшы Хо-Орлюктің өкілі Катаче Бурулдаев келіп, Ертіс бойына (оның ағысы Камышов және Ишім өңіріне) көшіп-қонып және сауда-саттық жасауға рұқсат сұрайды. Өтініш жауабы күңгірт, бірақ 1606 жылы 20 қазанда Тара воеводасы қызметкерлері казак Томила Алексеев пен Урдыбай татар екеуі Хо-Орлюкке арнайы барып, оның көші-қонысына қатысты келесі тапсырманы жеткізуі тиісті еді: «Кочует на нашей земли, нам не бив челом...» немесе «он похочет под нашею царскою высокою рукою быть», немесе «он бы прислал в город Тару лутчих людей для шерти и укрепления». Ал егер ол қаламаса, онда «он бы шел с нашии земли и от соленых озер прочь...» [16]. Бірақ бұл елшілер хабарсыз жоғалып кетті.

XVII ғасырдың басында Ресей патша үкіметінде орталықтандырылған билік және бюрократиялық аппарат қалыптасып келе жатқан кезі, территориялық және елші жіберу мәселесі патша құзыретіне қарайтындықтан, Тара (уезд) воеводасы Сил Иванович Гагарин өзі бағынатын Тобыл (округ) воевода Р.Ф.Троекуров арқылы патша әкімшілігіне хабарласты. Ол 1607 жылы 12 қаңтарда Казан сарайы Приказына (*оңтүстік шекарадағы жаулап алынған жерлердегі әкімшілік, қаржылық, соттық басқару ісін жүргізетін мекеме.* — У.Ш.) жазған Грамотасында Ресей территориясында көшіп-қонып жүрген Хо-Орлюк тайш бастатқан қалмақ-торғауыт ірі тайштерінің атынан өкілдердің келгенін және олардың өтініші туралы хабардар етіп, қалмақтарға қандай жауап беру керектігін сұрады.

1607 жылы 30 наурызда Тара воеводасы С.И.Гагарин мырза патша жарлығымен жазылған Казан сарайы Приказынан Грамота алды. Ол Грамотада Тара воеводасы С.И.Гагариннің қалмақ ұлысына өз адамдары ішінен келесі мазмұнда келіссөз жүргізуге өкілдер жіберуді тапсырады: «Чтоб колмацкие князи и мурзы и всякийи улусные людые были под нашею царскою рукою и шерть и утверждение и заклады дали, что им быти вперед под нашею царскою высокою рукою неотступным, и нам ясак с себя платить на вся годы безпереводно, и заклады б они в город на Тару дали, и ясачных волостей, нашим ясачным людем, тесноты не чинили и не побивали, а мы их также велим беречи от недругов оберегати» [17; 21]. Егер шартта көрсетілген жағдайларды орындау мүмкіндігі болса, қалмақтар келіссе, олар өз діни негізінде серттік-шартқа (шерть) отырсын дейді.

Осы кезден бастап Ресей үкіметінің орталық мекемелері қалмақтарды Ресей мемлекеті құрамына енгізудің юридикалық жолдарын іздестіреді. Бұның куәсі Казан сарайы Приказының атынан тапсырма берген боярин Д.И.Шуйский С.И.Гагаринге қалмақтармен жүргізіліп жатқан келіссөздер туралы мағлұматтармен тұрақты хабардар етіп тұруын сұрайды. Демек бұл мәселе патша үкіметін қызықтыра бастады, олардың да саяси мүдделілігі пайда болды.

Ал, Тара воеводасы С.И.Гагарин Казань Приказына жоғырада Грамотаны жібергеннен соң, орталықтан оның жауабын күтпестен, 1607 жылы 27 қаңтарда дөрбөт тайшы Далай-Батырға, торғауыт тайшы Хо-Орлюкке Ресей боданына кіруді ұсынып, сол үшін «ең жақсы, мықты адамдарын» серттік-шартқа отыруға жіберуін сұрап өз өкілдерін аттандырды. 1607 жылы 16 маусымда князь Куготай және татар жігіті Енобай бастатқан өкілдері Далай-Батыр тайш пен Изеней тайштері ұлыстарынан қалмақ тайшы Кугон Тубиев (қарамағында 45 тайш бар бес ірі тайштер атынан Баатыр Янышев, Ичин Уртуев, Ужен Конаев, Юрикт Конаев) бастатқан қалмақ өкілдерімен (құрамы 21 адам) қайта оралды. Осылай қалмақтардың ресми өкілі Коганай Тубеев тайш алғаш рет Тара қаласында Ресей бодандығын қабылдағаны жайлы, патша үкіметі тарапынан Тара воеводасы С.И.Гагарин мырзамен ауызша серттік-шартқа отырады.

Қалмақ тайштерінің жеке дара серттік-шартқа отыру деректері, сонымен қоса ұлыс атынан басқа елге өкіл жіберу машығы, олардың (көшпелілердің) саяси дербес билікке ие, саяси еріктілігінің жоғарлылығын және халықаралық саяси кеңістікте өздерін дұрыс ұстау дәстүрдің бар екендігін білдіреді.

XVII ғасырдың бірінші жартысында қалмақ тайштер мен Ресей патша үкіметі атынан шенеуніктер арасында 12 рет серттік-шартқа отырғаны туралы деректер кездеседі [18; 48]. Біріншісі, жоғарыда көрсетіп кеткендей, Тара қаласында 1607 жылы, екіншісі 1608 жылы Мәскеуде бекітілген. Аталмыш серттік-шартқа отыруға жоғарыда аты аталған тайштер қатысқан. Хо-Орлюк тайш бұлардан бөлек көшіп жүрген және серттік-шарт беруге қатыспаған [17; 26]. 1610 жылы Тара воеводасы И.В.Масальскийдің Казань сарай Приказына жіберген Грамотасында үшінші серттік-шарт туралы мәліметтер бар: «А Орлюк и Корсуган тайши доби́ли челом после тех тайшей и шертовали сами и за улусных людей, как были наши люди у соли, а наше де жалованье с вами к ним не послано» [17; 38]. 1616 жылы Тарадан қалмақтарға жіберген Власка Калашников атты казак Тургень тайш, Бутак тайш және Малдышер тайшты алып келіп, серттік-шартқа отырғызды, бұл төртіншісі [17; 44].

Серттік-шартқа отыру барысында қойылатын бірінші кезектегі сұрақ — территория мәселесі. Ол сұрақ шешімін таппады, екі тарапта өз бетінше мәселені көтеріп, ортақ мәмлеге келмеген. В.И.Колесник «Российская корона до середины XVII в. ни разу не дала согласия на расселение калмыков в ее владениях» [18]. Мысалы, 1608 жылы 14 ақпанда Далай-Батыр елшілері Василий Шуйский патшамен көзбе-көз кездескеннен кейін, яғни қалмақтардың Ресей мемлекеті құрамына кірді деген ресми рәсімнен кейін, Мәскеуден Тара воеводасына жіберілген үкімет Грамотасында былай делінген: «...колмацких тайшей Иченея и Баатыря с товарищи и всех улусных людей, выслушав их челбитье, пожаловали, велели им кочевать в Сибирской земле по Иртышу и на Оми реке и по Камышову и в-иных местах, где похотят и велели им под нашею царскою рукою быть навеки неотступным, и ото всех недругов, от Казацкия орды и от Нагай и от Алтын-хана, велели их оберегати и оборняти» [17; 36]. Осылайша, қалмақтар Ресей саяси-құқықтық кеңістігіне бас сұға бастады. Еріктен тыс мынадай сұрақ туындайды: «дәл осы кезде Ресей шекарасы толық анықталған ба, Тара воеводасы өз территориясының көлемін біле ме, шекара қазығы бар ма?» Патша үкіметі Ертіс пен Ом өзені және Камышов бойына және басқа да жерге қоныстануға рұқсат берді, сонымен қоса қай жерді қалады, сол жерге орналаса алады, достық пиғыл танытпағандардан (ноғайлардан, қазақтардан, халхы-монғолдардан) қорғай алатынын Грамотада баяндаған. Серттік-шартта көрсетілген «қалаған басқа жерлер» деген сөздің төркініне үңілсек, патша үкіметі қалмақтардың өзіне қажетті деп таныған кеңістікті көршілес көшпелі елдерден (ноғайлардан, қазақтардан, халхы-монғолдардан) жаулап алуына толық келісім бергенге ұқсайды. Себебі орыс жерінің шекарасы бұл кезде толық анықталмаған еді. Сонымен қоса орыс жері оңтүстігінде қазақтармен, батысында ноғайлармен, шығысында монғолдармен көршілес. Мемлекеттік территориясы ретінде толық рәсімделмеген жерге қалмақтарды қоныстандыру арқылы патша үкіметі өз территориясының құқықтық тұғырын қалай бастады. Осы тұрғыдан қалмақтар өздеріне территория тандап алу мүмкіндігін Мәскеудегі патша рұқсатымен иемденді. Екі ел арасындағы сауда-саттық қатынасы 1624–1625 жылдары белсене түсті, сондай-ақ қалмақтар Ресей мемлекетінің Тара, Тобыл, Тюмень, Чердын, Уфа, Казань қалаларында сауда-саттық жасауға рұқсат алуы және өз тауарларына салық төлемеу жеңілдігі көшпелі қоғамның қалыпты өмір сүруіне үлкен қолдау болды. Бұл жерде айта кететін бір жайт, бұрын қалмақтар серттік-шартты воеводаның жіберген өкілдеріне, яғни қалмақ тілін шала түсінетін татарлар мен қазақтарға, беріп жүрген болса, соңғы жолдары патша үкіметінің саяси ортасында беделді, танымалы боярлардың ұлдарына бере бастағаны серттік-шарттың юридикалық маңыздылығының өсе бастағанын көрсетеді.

Серттік-шарттардың юридикалық табиғатын ашу қиын, дегенмен алғашқы сәттен бастап қалмақтар жер сұрағаны, олардың Ресей мемлекеті құрамында жеке дара мемлекеттілік құруға ұмтылғанын байқауға болады және екі жақты міндеттер мен құқықтардың туындау келісімнің екі тарапты, теңдік қағидаға негізделгенін көрсетеді. Ал 1620 жылдардан бастап Ресей патшалығы қалмақтарды бодандығына кіргізгісі келгенін ашық байқатады. 1620 жылы бесінші және алтыншы серттік-шарт бекітілген: Уфа қаласында торғауыт тайшы Хо-Орлюк, хошауыт тайшы Чукур және Ишим хан, оның ұлы Кучумның атынан қалмақтар өкілі келіп, воевод О.Я.Прончищевке серттік-шарт берсе, хошауыт тайшы Байбағас өз ұлысында Уфадан келген «толмач Пятунько Семеновке» серттік-шарт берген [17; 102]. Жетінші, сегізінші серттік-шарттарды 1623 жылға жатқызады. Чорос тайшы Сенгул Тюмень воеводы Ф.Ф.Бобрищев-Пушкиннің қалмаққа жіберген боярдың ұлы Дмитрий Черкасов алдында серттік-шарт берді. Ал дәрбөт тайш Мангит өз ұлысында Уфадағы боярдың ұлы Василий Волков алдында өзі үшін, Далай-Батыр, Хо-Орлюк, Илтер және басқа да 30 ұлыс дәрбөт тайштер үшін серттік-шартқа отырған [17; 121]. 1630 жылы Уфа қаласында Далай-Батырдың ұлы Дорджи «өз әкесі үшін, ағалары атынан, қалмақ халқы атынан», біздің санауымызша тоғызыншы серттік-шартқа отырған [17; 148]. 1632 жылы Хо-Орлюк елшілері Тюмень қаласында өз қожайыны атынан және

өздерімен бірге көшіп жүрген тайштердің атынан, ұлы Далайды кіргізбей (ол бөлек көшіп жүргендіктен), серттік-шартқа отырды, бұл оныншы [17; 190].

1635 жылы Эрдэнэ-Батур-хунтайджи (Чорос әулетінің тайшы Хара-Хулдың ұлы) басқарған Жоңғар хандығы құрылды және Тибетке жақын Кукунор ауданында екінші ойрат хандығы — Туру-Байх (Гуши ханның ұлы) басқарған Хошауыт хандығы құрылуы Ресей патша үкіметін саясатына белгілі өзгерістер енгізуге итермелейді. Патша үкіметі көршілес ойраттарға бір саясат және территориясындағы қалмақтарға бір бөлек саясатты ұстануға мәжбүр болды.

1637 жылы Далай-Батыр тайш қайтыс болғаннан соң, дөрбөт ұлысы бірнеше уақ ұлысқа бөлінді. Хо-Орлюктің ұлы Дайчин тайш ол кезде Жайық пен Еділ және Орал өзендері арасындағы Орал алқабында көшіп-қонып жүрген еді. Хо-Орлюк тайш Жайық пен Эмбі арқылы ұлы Дайчинге қарай бет бұрды. Дайчин тайш Астраханьға жақын Жайық пен Еділ бойына қоныстануға өтініш білдіре бастаған. Ол патша үкіметін өз табандылығымен көндіріп, 1636 жылы рұқсат алды: «ему кочевать по Яику и по Волге, Астрахани блиско...» [2; 66]. 1640 жылы Дайчин мен Хо-Орлюктің елшілері Астрахань қаласында он бірінші серттік-шартқа отырды [2; 55].

1640 жылы қыркүйек айының басында Жоңғар хандығының территориясындағы Тарбағатай тауының Ұлан-Бура шатқалында Халх пен Жоңғар тайштерінің ірі құрылтайында «Монғол-Ойрат заңы» қабылданды. Жоңғардың Эрдэн-батыр хунтайжының белсенділігімен шақырылған осы құрылтайға Еділден Хо-Орлюк ұлдарымен келіп қатысты. Құрылтай да тайштер өзара қатынастарын түзеу мақсатын көздей отырып, өзара дау-жанжал, қақтығыстарын құқықтық тежеу ықыласында өтті. Көпке бармай бұл келісімі бұзылды, сондықтан 1642 жылы Хо-Орлюк балаларымен Жайықтың оң жақ жағалауына қоныс аударды, Астрахань жағында Қамыш-Самараға дейін жерді иемденді. 1644 жылы Хо-Орлюк пен ұлы Кересан екеуі бастатқан 10 мыңға жуық қалмақтар ноғай татар мырзасы Қазі ұлысына шабуыл жасап, Кабардин тауында кабардиндер, черкестер, орыстар, казиилектер және ноғайлардан құрылған әскерлерге жеңіліп, өзі және ұлы, немерелері мен 8 мыңға жуық әскерлері қаза тапты [2; 107]. 1645 жылы қалмақ Дайчин тайш мен Эльден тайш орыс патшасына елші арқылы Грамота жіберген: «Бить челом о принятии их под Российскую державу в послушание» [9; 57]. Қалмақ тайштерінің жіберген Грамотасы 1645 жылы маусым айында патшаға хабарланды. Бірақ 1645 жылы 13 шілдеде патша Михаил Федорович қайтыс болды. Жаңа патша Алексей Михайлович бұл мәселені боярин Б.И.Морозовқа тапсырған. Ресей патшалығы қалмақ тайштердің өтінішімен танысып, онды шешім қабылдады. Патша билігі тарапынан мынадай талап қойылды: қалмақ патшалары «аманат» берсін және Қырым хандығына қарсы соғысқа шықсын. Бұл кезде қалмақ тайшы Дайчин Тибетке Далай ламаға жолығуға кеткендіктен бір келісімге келмеді, ол 1647 жылы өз ұлысына оралды. 1648 жылы «ұлыстың мықты адамдары» Дура-Тархан мен Зюргач Дайчин тайш ұлысы үшін, тайш үшін Уфа қаласы воеводасы Владимир Голубцов жіберген елші мен толмач Василий Киржатцкий алдына серттік-шартқа отырды: «На государевы города и уезды войною не приходите и государевых людей не воевать, и в полон не имать» [19; 107].

1649 жылы шілде айында патша үкіметі Дайчин тайшке башқұрттармен қақтығысын тоқтату үшін Жайық пен Эмбінің ар жағына көшуді ұсынады. Сол жылы жоңғарлар арасындағы қақтығыстардан қашқан хошуыт тайшы Кундулен-Убаши және дөрбөт тайшы Даян-Омбо 20 мыңға жуық халқымен Эмбіге көшіп келеді [9; 58]. Жайылымның жетіспеуіне байланысты Дайчин мен Лаузан тайш Астрахань воеводасынан олар тек өзендер арасында ғана емес, Еділдің сол және оң жақ жағалауына қоныстануына рұқсат сұрайды. Лаузан тайш Астрахань воеводаның нұсқаумен «лаузановы люди побиили и в полон поимали государевых людей, которые шли в станице русские люди и татаровя с Москвы в Астрахань» [2; 95].

Уфа воеводасы Ф.Я.Милославский 1649 жылы 9 қыркүйекте патша жарлығымен Елшілік Приказы Дума дьякі М.Волошенинов қол қойған Грамотасын алып, 21 қыркүйекте қызметкер И.И.Онучин бастатқан 4 адамды қалмақ тайшы Дайчин ұлысына елші етіп жіберді. Олардың мақсаты астрахандықтар мен қалмақтардың арасындағы шиеленіске кімнің кінәлі екендігін анықтап, қалмақтарды «бұрынғы қонысына қайтару» еді.

1649 жылы 8 қарашада қалмақтардың бас тайшы Дайчин мен И.И.Онучин екеуінің кездесуі болған. И.Онучин Дайчинге неге патша үкіметіне берген, ата-бабаңнан бері келе жатқан серттік-шарт талаптарын бұздың деген сұраққа, ол былай деген: «Отцы -де наши и деды и прадеды от веку в холопстве ни у кого не бывали. Да и в книгах -де у нас того не написано, чтоб мы у ково были в холопстве, а живем -де мы о себе, владеем сами собою и улусными своими людьми. Да и ныне -де мы, окроме бога, никою не боимся, а послами -де мы ссылалися наперед сего и ныне ссылаемся ж о миру и о совете» [9; 58]. Әлбетте, Дайчин тайш дұрыс айтады, жоғарыда көрсетілген серттік-шарттардың

кай-қайсысы да ауызша жасалынған, және де қалмақ тайштері өздері қатыспаған, ылғида өкілдерін жіберіп отырған, олардың жауаптылығы серттік-шартта көрсетілмеген. Ауызша құрылған серттік-шарттың құқықтық салдары жоқ, юридикалық қуатсыз. Демек, қалмақтар ешкімге тәуелсіз және патша үкіметімен қарым-қатынасқа түсу барысында олардың автономды субъект екендігін ескеруді мегзейді.

И.Онучиннің «... а кочевали б в прежних своих дальних кочевьях, а меж Яика и Волги, где преж сего калматцкого кочевья не бывало, на государеве ясачых людей земле не кочевали» деген ұсынысына, Дайчин былай деп жауап қайтарған: «Земля -де и воды божьи, а прежде всего та земля, на которых мы и ногацы ныне кочюем, была ногайская... они, ногайцы, ныне стали наши холопы. А наперед сего по тем места и по рекам кочевали они и нам де в тех местах и ныне зачто не кочевать. Да и кочевать -де нам, окроме тех мест негде» [17; 355]. Бұл дау ұзаққа созылды. Көші-қон мен сауда-саттық мәселесін шешу үшін аманат бере отырып, серттік-шартқа отыруды талап етті. Қойылған талап орындалып, серттік-шартқа отырды. Бірақ қалмақтар аманатын бермеді, патша үкіметі қоныс мәселесін шешпеді. 1655–1657 жылдары Ресейдің әлеуметтік-саяси жағдайы өте ауыр күйде болды, 1654 жылы басталған соғыс шеңбері ұлғайып әскери күш қажеттілігі арта түсті. Осы тұсты пайдаланып, 1655 жылы 4 ақпанда Ресей мен қалмақтар арасындағы шарттық қатынастың негізін қалайтын, юридикалық күші бар тұңғыш құқықтық құжат — Шарттық жазба бекітілді. Бұл Жазбаға қалмақ елшілері Дурал-Тархан, Серен тайш, Чокул зайсанг, Дайчин тайш, Лаузан тайш, Санжин тайш, Мончак тайш, Нима Серен тайш және олардың ағалары мен балалары, немерелері және барлық ұлыстарының атынан серттік берді: «Быть «в вечном послушанье» у самодержца; не поддерживать отношений с государевыми непослушниками и изменниками; не нападать на российские города, уезды, деревни, учуги; не убивать, не брать в полон, не грабить царских подданных; вернуть всех пленных, захваченных в предшествовавшие годы; выдать изменников — татарских мурз, ранее откочевавших под власть калмыков; не наносить бесчестья послам и притеснять. А где Государь укажет быть нашем Калмыцким Тайшам и нам с Государевыми изменники и с не послушники битись до смерти, не щадя голов своих... его Царскому Величеству не изменить, его Государевых людей не подать и хитрости над ними ни какая не чинить. За невыполнение предусмотренных условий шертной записи должны были последовать «божий гнев и огненный меч, и будем бы прокляты...» [20; 356].

Тұңғыш жазбаша құқықтық құжатқа қарағанда, қалмақтар Ресей бодандығына енсе де, өз дербестігін сақтап, Ресей үкіметі тарапынан қойылған міндеттерді бұлжытпай орындайтындығын мойнына жүктеді. Демек, міндеттемелері әскери-саяси сипатта екендігін шарт мәтінінен байқауға болады. Жоғарыда аталған шарт жазбасына қол қойылған соң, Елшілік Приказ Алексей Михайлович патшаның жарлығымен сол жылы сәуір айында Астрахань, Казань және т.б. Еділ бойындағы қалалар воеводтарына қалмақтардың көші-қон территориясын бекіткен Грамотаны таратты. Грамотада былай деп жазылған: «улусам их велено кочевать по Волге по ногайской стороне, и по Ахтубе, и по Белужью или близко наших городов, где они кочевать похотят», сонымен қоса орыстарға, башқұрттарға және шет елдіктерге бағыттап, қалмақтарға зиян тигізбендер деп ескертті [19; 112].

1657 жылы 30 наурызда Дайчин тайштың ұлы Мончак тайш және Дайчин тайштың немересі, Даян-Эркенің ұлы Манжик тайш Астрахань қаласында серттік-шартқа қол қойды. Сонымен қоса алдын ала келісілген Дайчин тайштың жақын туыстары 3 адамды аманатқа берді. Осы серттік-шартта алғаш рет «быть вечном подданстве и послушании» деген ұғымды қолдану арқылы, «государь және холоп» деген монархиялық державаға тән қатынасты сипаттайтын формула қолданылғаны туралы К.Н.Максимовтың еңбегінде жазылған [9; 62]. Ресей саяси-құқықтық кеңістігіне кірген қалмақтардың саяси және әлеуметтік мәртебесі өзгере бастады. Олар аманат беру, Ресей саяси аренасында жүргізіліп жатқан соғыстарға белсене қатысу арқылы өздеріне деген патша үкіметі саясатының бағытын басқа арнаға бұра алды. 1658 жылы тағы да бір серттік-шартқа қол қойысты. Осыдан кейін Мәскеуден қалмақ ұлысына арнайы дипломатиялық елшілер жіберілді. Елшілерді Елшілік Приказының дякі И.С.Горохов басқарды, құрамына Астрахань воеводы князь Г.С.Черкасский, оның немере інісі кабардин ірі князі К.М.Черкасский (*Дайчин тайштың күйеу баласы*. — У.Ш.) кірді. Олар өздерімен бірге патшаның беріп жіберген көп сыйлығын әкеліп, таратты (жалпы құны 1074 рубль), негізгі мақсаты — оңтүстік-шығыс шекарасының қауіпсіздігін қамтамасыз ету, сондықтан патша үкіметі қалмақтарға сенімді болу үшін тағы да серттік-шарт бекітуді көздеген. 1661 жылы 8 маусымда Дайчин тайш пен Мончак тайш өкілдері және 9 желтоқсанда Мончак тайш өзі серттік-шартқа отырды. Соңғы серттік-шарттың мазмұны келесідей: «Даю шертъ... Я калмыцкой Бунчук Тайша за себя и за отца своего Дайчина Тайшу Урлюкова, и за племянника своего Монжика Ялба Тайшу же, и за иных Тайшей, и за улусных своих Калмыцких родственников владельных людей, которые с нами

вместе кочуют, и за Нагайских, и за Едисанских, и за Енбулацких, и за Малисбашских, и за Келечинских Мурз, и за их детей, и братью, и племянников, и за внучат, и за улусных их людей» [20]. Осы серттік-шартқа Мончак ханның ұлы Аюк мен Г.С.Черкасскийдің немересі Абухан екеуінің некеге отыратындығы туралы келісімі тіркелген [18; 85].

П.С.Преображенскаяның, Н.В.Устюговтың, М.Л.Кичиковтың, Т.И.Беликовтың және К.Н.Максимовтың пікірінше, «1657 жыл — қалмақтардың Ресей мемлекеті құрамына өз еріктерімен кіру үрдісінің аяқталған жылы», ал 1655, 1657 және 1661 жылғы серттік-шарттар — оның юридикалық рәсімделуі.

1655, 1657 және 1661 жылғы құқықтық құжаттар Ресей империясының заңдарының толық жинағына кіру арқылы қалмақтардың Ресей бодандығына енгенін және этникалық территориясына ие болғанын дәлелдейтін құқықтық базаны қалыптастырды. 1649 жылғы Собор Уложениясының XVI тарауы 41-бабында былай делінген: «Кто получил земли «по государевым грамотам, а иные по боярским грамотам» и «государеву службу служа, и у них тех земель не отнимать»» [21]. 1655–1661 жылдар аралығында патша үкіметі мен қалмақтар арасында 5 рет серттік-шарт бекітілген [19;12].

1661 жылы Қалмақ хандығымен тұрақты байланыс ұстау үшін патша үкіметі Қалмақ Приказы атты арнайы Елшілік Приказдың бөлімшесі құқығындағы территориялық басқару мемлекеттік орган Мәскеуде құрылды. Осыған дейін Малороссийскіні, Смоленскіні, Литовскіні және т.б. басқаратын мұндай Приказдар құрылған екен. 1661 жылы құрылған Қалмақ Приказының мақсаты — қалмақтармен үкімет орталық органдарының қатынасын жүзеге асыру барысын, қалмақтардың әскери жорыққа қатысуын ұйымдастыру мен үйлестіру. Әрине, аталмыш органды құрып, орталық басқару жүйесіне енгізу арқылы патша үкіметі өз саяси-құқықтық кеңістігінде Қалмақ мемлекетінің құрылғанын мойындады.

1664 жылы жаз айында Мончак тайшке патша үкіметі қалмақ басқарушысы ретінде «алтынмен көмкерілген, яшмамен безендендірілген күміс түйреуіш және ақ және қызылмен жолақталған ортасында Ресей мемлекетінің елтаңбасы (екібасты бүркіт және жыланды жеңіп жатқан атты адам) бар патша белгісін» сыйға тартты. Түйреуіш мемлекет рәмізі ретінде кейбір халықтардың билік өкілдеріне берілетінін М.Л.Кичиков жазған. Мысалы, Донның әскери аға атаманы және Запорожец өңірінің әскери гетманы [22; 83] алған.

XVII ғасырдың 60-жылдары Қалмақ мемлекетінің тұрғындары 1663 жылы Жоңғардан көшіп келген 100 мыңға жуық адамдармен бірге 400 мыңға жуық халықты құраған. Қалмақ территориясындағы барлық ұлыстар Мончак тайштың билігін мойындап, оның қол астына шоғырланып, ресей бодандығына енді [4; 22] деп жазады М.Л.Кичиков.

Қалмақтар Ресей территориясына қоныс тепті, белгілі территорияны құқықтық негізде (серттік-шарт, патша грамотасы) иемденді. Осы кезге дейін қалмақ қоғамы көшпелілерге ғана тән заңдылықпен дамып жатты. Әр ұлыстың басқарушы тайшы аристократиялық шыңғыс тұқымынан, оған ұлыс мұрагерлік жолмен берілген және шаруашылық дербестікте, әскери жорықтарда (пайда көзінің тұрақсыздығы), тайш билігін шектесе және қолында шоғырланған биліктің үстемдігін мойындамаған кезде белгілі шеңберде дербес билікке ие. Көшпелілерді орталық басқару бір жағынан қарағанда әлсіздеу көрінгенімен, қажетті жағдайда, яғни белгілі жалпыға бірдей істі тындыру кезінде, мықты іскер, тез қимылды толық орталықтандырылған қашықтықтан (дистанциялы) басқарылатын ұйымдастыру қызметімен ерекшеленеді. Билік тек бір тайштың ғана қолына шоғырланбаған, басқарушы әулет мүшелері тең (императивтік) дауысқа ие, яғни дәстүрлі, дала, әскери, аристократиялық демократия белгілері басым. Көшпелі қоғамда хан немесе басқарушы тек халықтың мүддесін қорғауы тиіс, билікті заңдастыру ұлыс тұрғындарының сенім білдіруімен тікелей байланысты. Көшпелі мемлекетте басқарушы (хан) аристократ пен қарапайым көшпендінің арасындағы қатынасты тежеп, бір қалыпта ұстап тұруы керек. Көшпелі мемлекеттегі билік ұлыстар мен кез келген көшпенді оған немесе оларға пайдалы болғанда ғана өмір сүре алады. В.В.Радлов көшпелілердің ханы жайлы: «Чем больше выгод доставляет он своим подданным, тем самостоятельнее становится и его власть и тем значительнее собирается вокруг него государство» [22; 65], — деді.

1661 жылдан кейін қалмақтар мен патша үкіметі серттік-шартқа отырмағаны, қалмақтардың өз мемлекетін хандық нысанда құрғанын, патша үкіметі Мончак тайшты Қалмақ ханы ретінде мойындап, Қалмақ хандығының ресей боданы ретінде саяси-құқықтық мәртебесін анықтайтын құқықтық құжат 1661 жылғы серттік-шарт болып саналды. Қалмақтар Ресейдің саяси-құқықтық кеңістігіне кіріп, ұлттық мемлекеттілігін құрып алған соң, Ресей мемлекетінің мүддесін және қауіпсіздігін қорғауға белсене қатысты. Мончак ханның ұлы Аюк хан таққа отырғанның белгісі ретінде және осы

тұстағы Қалмақ хандығының саяси-құқықтық мәртебесін анықтау үшін 1673 жылы 27 ақпанда серттік-шартқа отырды.

1664 жылы Ресей мемлекеті құрамында хандық нысанда Қалмақ мемлекеті құрылды, хандық билік 1771 жылға дейін саяси кеңістікте билік құрды.

Әдебиеттер тізімі

1. *Авляев Г.О.* Происхождение калмыцкого народа. — 2-е изд., перераб. и испр. — Элиста: Калм. кн. изд-во, 2002.
2. *Кичиков М.Л.* Исторические корни дружбы русского и калмыцкого народов. Образование Калмыцкого государства в составе России. — М.: Наука, 1962.
3. *Пальмов Н.Н.* Очерки истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России. — Астрахань, 1922. — 139 с.; Этюды по истории приволжских калмыков. — Ч. IV, V. — Астрахань, 1926–1932. — Ч. 1. — 260 с.; Калмыки и донские казаки в XVII–XVIII вв. Неопубл. рук. ЦГА Калмыкой АССР. — Ф.Р 145. — Оп. 1. — Ед.хр. — М.: Наука. — С. 246.
4. *Преображенская П.С.* Калмыки в I-й половине XVII века. Принятие калмыками (торгоутами и дербетами) русского подданства: Автореф. дис... канд. ист. наук. — М., 1963. — С. 16.
5. *Златкин И.Я.* История Джунгарского ханства. — М., 1964. — С. 232.
6. *Беликов Т.И.* Калмыки в борьбе за независимость нашей Родины. — Элиста: АН СССР, 1965. — 176 с.
7. *Бембеев В.Ш.* О родоплеменных делениях и особенностях улусо-аймачной административной системы калмыков (XVII–XIX вв.) // Проблемы этногенеза калмыков. — Элиста: КНИИИФЭ, 1984. — С. 59.
8. *Эрдниева У.Э.* Калмыки. Историко-этнографические очерки / КНИИЯЛИ. — Элиста, М.: Наука, 1970. — С. 22.
9. *Максимов К.Н.* Калмыкия в национальной политике, система власти и управления России (XVII в. – XX в.). — М.: Наука, 2002. — 524 с.
10. *Бакунин В.М.* Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев. Соч. 1761 года / Вступит. сл. М.М.Батмаева. — Элиста: Калм. кн. изд-во, 1995. — С. 153.
11. *Бичурин Б.Я.* [Иакинф]. Историческое обозрение ойратов, или калмыков, с XV столетия до настоящего времени // ЖМВД. — 1833. — № 5. — Ч. VIII. — С. 36–111; № 7. — Ч. IX. — С. 280 — 325; № 8. — Ч. IX. — С. 381–445.
12. *Нефедьев Н.А.* Подробные сведения о волжских калмыках, собр. на месте Н.Нефедьевым. — СПб.: К.Крайя, 1834. — VIII. — С. 290.
13. *Костенков К.* Статистико-хозяйственное описание Калмыцкой степи Астраханской губернии. — СПб., 1868. — 174 с.; Исторические и статистические сведения о калмыках, кочующих в Астраханской губернии. — СПб., 1870. — С. 170.
14. *Новолетов М.* Калмыки: Исторический очерк. — СПб., 1886. — С. 32.
15. *Позднеев А.М.* Астраханские калмыки и их отношение к России до начала нынешнего столетия // ЖМНП. — 1866. — Ч. 244. — С. 140.
16. *Соловьев С.М.* Сочинения. — М., 1992. — Кн. IV: История России с древнейших времен. — Т. 7/8. — М.: Наука. — С. 365.
17. Материалы по истории русско-монгольских отношений, 1607–1636 гг.: Сб. док. — М.: Наука, 1959. — 352 с.
18. *Колесник В.И.* Последнее великое кочевье: Переход калмыков из Центральной Азии в Восточную Европу и обратно в XVII и XVIII веках. — М.: Вост. лит., 2003. — С. 48.
19. Очерки истории Калмыцкой АССР: Дооктябрьский период. — М.: АН СССР, 1967. — 479 с.
20. Полное собрание законов Российской империи. — Т. 1. — Собр. 1. № 145. — М.: АН СССР, 1976. — С. 316.
21. Крестьянская война под предводительством Степана Разина: Сб. док. — Т. IV. — Доп. — М., 1976.
22. *Радлов В.В.* К вопросу об уйгурах. (Приложение к LXXII-му тому Записок Имп. акад. наук). — СПб., 1893. — № 2. — С. 82.

И.В.Воронцова

Саратовская государственная академия права, Россия

ПОСТАНОВЛЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА

Ресей Федерациясы Конституциясының 15-бабының 4-тармағына сәйкес құқықтар мен негізгі бостандықтарды қорғау туралы Конвенция Ресей Федерациясының құқықтық жүйесінің бөлігі болып табылады және ресейлік құқықтың қайнар көзі болып танылады. Мақалада Ресей Федерациясына және басқа мемлекеттерге қатысты Еуропалық соттың құрастырған қаулылары ресейлік заңнамасында алатын орны мен мәні құқықтық тұрғыдан зерттеледі.

In compliance with part 4 article 15 of the Constitution of the Russian Federation the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms is a part of the Russian Federation legal system and therefore is recognized as a source of Russian law. The present article studies the place and meaning of legal rulings stated by the European Court of Justice in the resolutions adopted in respect of both the Russian Federation and other countries among the sources of Russian law.

Постановления Европейского Суда, — с одной стороны, сегодня достаточно изученная тема, с другой — до сих вызывают проблемы определённые вопросы, связанные со значением, местом и ролью постановлений Европейского Суда в правовой системе Российской Федерации и среди источников российского права. Вопросы о значении решений Европейского Суда широко обсуждались и на форумах и в отдельных работах учёных [1].

Конституционный Суд РФ впервые сослался на постановления Европейского Суда по правам человека в своем постановлении от 23 ноября 1999 г. N 16-П по делу о проверке конституционности абзацев третьего и четвертого п. 3 ст. 27 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» в связи с жалобами религиозного общества Свидетелей Иеговы в городе Ярославле и религиозного объединения «Христианская Церковь прославления», указав, что постановления Европейского Суда по правам человека от 25 мая 1993 г. и от 26 сентября 1996 г. разъясняют характер и масштаб обязательств государства, вытекающих из ст. 9 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

В пункте 2.1 постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 5 февраля 2007 г. «По делу о проверке конституционности положений статей 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 и 389 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Кабинета Министров Республики Татарстан, жалобами открытых акционерных обществ «Нижекамскнефтехим» и «Хакасэнерго», а также жалобами ряда граждан» разъясняется: в силу ст. 15 (часть 4) Конституции Российской Федерации общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы, причем международный договор Российской Федерации имеет приоритет перед законом при наличии коллизии между ними.

Согласно Федеральному закону «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» Российская Федерация в соответствии со ст. 46 Конвенции признает *ipso facto* и без специального соглашения юрисдикцию Европейского Суда по правам человека обязательной по вопросам толкования и применения Конвенции и Протоколов к ней в случаях предполагаемого нарушения Российской Федерацией положений этих договорных актов, когда предполагаемое нарушение имело место после их вступления в действие в отношении Российской Федерации [2].

Таким образом, ратифицируя Конвенцию о защите прав человека и основных свобод, Российская Федерация признала юрисдикцию Европейского Суда по правам человека обязательной по вопросам толкования и применения Конвенции и Протоколов к ней в случаях предполагаемого нарушения Российской Федерацией положений этих договорных актов (Федеральный закон от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ). Таким образом, как и Конвенция о защите прав человека и основных свобод, решения Европейского Суда по правам человека — в той части, в какой ими, исходя из общепризнанных принципов и норм международного права, дается толкование содержания закрепленных в Конвенции прав и свобод, включая право на доступ к суду и справедливое правосудие, — являются составной частью российской правовой системы, а потому должны учитываться федеральным законодателем

при регулировании общественных отношений и правоприменительными органами при применении соответствующих норм права [3].

Анализ постановлений Европейского Суда позволяет сделать вывод, что для судов Российской Федерации обязательной является та часть постановлений, в которых излагаются правовые позиции Европейского Суда, а следовательно, мотивировочная часть имеет для судебных национальных органов обязательное значение.

Так, Председатель Конституционного Суда РФ на VIII международном форуме по конституционному правосудию «Имплементация решений Европейского Суда по правам человека в практике конституционных судов стран Европы» ещё до принятия упомянутого постановления Конституционного Суда отметил: «В силу статьи 32 Конвенции о защите прав человека и основных свобод Европейский Суд по правам человека имеет право решать все вопросы, касающиеся толкования и применения положений Конвенции и Протоколов к ней. Поэтому правовые позиции Европейского Суда, излагаемые им в решениях при толковании положений Конвенции и Протоколов к ней, и сами прецеденты Европейского Суда признаются Российской Федерацией как имеющие обязательный характер» [4].

Признавая то, что Европейский Суд создаёт прецеденты, и указывая на то, что они имеют обязательный характер, В.Зорькин тем самым подчёркивает особое значение постановлений Европейского Суда в правовой системе Российской Федерации.

На том же форуме судья Конституционного Суда Г.Гаджиев отметил, что обсуждение вопроса о юридической силе решений Европейского Суда является мощным стимулом для модернизации основных положений юридического источниковедения, т.е. доктрины об источниках российского права. К сожалению, несмотря на современные публикации, российская юридическая наука в целом продолжает отстаивать несовременные и даже догматичные взгляды. Об этом можно судить по тому, как излагаются в многочисленных учебниках проблемы источников права. То, чему учат современных российских студентов, во многом представляет собой систему недостоверных знаний [5].

Б.С.Эбзеев оценивает Федеральный закон от 30 марта 1998 г. «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и протоколов к ней» как трансформационный акт, согласно которому не только Конвенция 1950 г., но и прецеденты Европейского Суда, сложившиеся в процессе её толкования и применения, обязывают Россию и вменяются в качестве обязательных всякому правоприменителю [6].

О необходимости применения правовых позиций Европейского Суда по правам человека говорится в специальном Информационном письме от 20 декабря 1999 г. № С1–7/СМП–1341 «Об основных положениях, применяемых Европейским Судом по правам человека при защите имущественных прав и права на правосудие», в которых ориентировал арбитражные суды на соблюдение положений, сформулированных Европейским Судом по правам человека и направленных на защиту имущественных прав и права на правосудие. Кроме того, на это указывается в п.п. 10–15 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров РФ», п. 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2003 г. № 23 «О судебном решении», в преамбуле и п. 1 и 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц».

Так, в Информационном письме Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 20.12.1999 г. № С1–7/СМП–1341 «Об основных положениях, применяемых Европейским Судом по правам человека при защите имущественных прав и права на правосудие» содержится ссылка на указанный Федеральный закон, которым признаются обязательными для Российской Федерации как юрисдикция Европейского Суда, так и решения этого органа. О каких конкретно решениях идёт речь, в Информационном письме не упоминается.

В пункте 11 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» указывается, что в силу п. 1 ст. 46 Конвенции, в которой указано, что Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются исполнять окончательные постановления Суда по делам, в которых они являются сторонами, эти постановления в отношении Российской Федерации, принятые окончательно, являются обязательными для всех органов государственной власти Российской Федерации, в том числе и для судов [7].

Из постановления Пленума и Конвенции о защите прав человека и основных свобод усматривается положение, согласно которому для РФ «прецедентное» значение имеют только постановления, принятые Европейским Судом в отношении Российской Федерации.

Европейский Суд по правам человека в своих постановлениях руководствуется своей прецедентной практикой, т.е. при изложении постановлений и решений по жалобам против России Европейский Суд по правам человека ссылается на свою прецедентную практику по делам против других государств. Это соответствует принципу правовой определенности, поскольку делает прогнозируемым решение суда.

Следовательно, при применении норм Конвенции Российская Федерация должна принимать во внимание всю практику Европейского Суда по правам человека, в том числе ту, которая была сформирована по делам, рассмотренным до присоединения России к Конвенции. Только такой подход поможет избежать России признания новых нарушений Конвенции. Однако для реализации данного подхода, прежде всего нужно обеспечить доступность постановлений и решений Европейского Суда по правам человека, а именно опубликовывать решения Европейского суда по правам человека на английском и русском языках (официальный перевод) в официальных изданиях (Собрание законодательства, «Российская газета»), так как сегодня перевод и их последующее официальное опубликование обеспечиваются только очень небольшого объема от всех постановлений, принимаемых Европейским Судом.

Ряд учёных также высказываются за признание обязательности не только решений ЕС, принятых в отношении РФ, но и в отношении других государств, обосновывая выстроенное мнение следующим аргументом: в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» неоднократно употребляется термин «правовые позиции» Европейского Суда. По смыслу Постановления Пленума этот термин употребляется применительно к практике Европейского Суда вообще. Из этого следует, что судам общей юрисдикции следует руководствоваться постановлениями Европейского Суда, вынесенными не только в отношении Российской Федерации, но и в отношении других государств, в которых содержатся правовые позиции. Подтверждает указанный тезис Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2003 г. № 23 «О судебном решении», в котором отмечено, что при вынесении решения суду следует учитывать постановления Европейского Суда по правам человека, в которых дано толкование положений Европейской конвенции [8].

Следует согласиться с Д.П.Холинер, который указал, что если национальные суды отказываются рассматривать аргументы, основанные на Конвенции, которые к тому же были ясно и полно изложены перед ними, то это само по себе может стать нарушением Конвенции. В качестве примера он приводит постановление Европейского Суда от 9 декабря 1994 г. по делу Хиро Балани против Испании, в котором Европейский Суд установил, что отказ высшей судебной инстанции рассмотреть в своем решении главное основание апелляции был нарушением права на справедливое разбирательство по ст. 6 Конвенции [9].

М.Ш.Пацация, назвав прецеденты Европейского Суда прецедентами толкования Конвенции, пришел к выводу, что акты Европейского Суда должны рассматриваться в отечественной судебной системе как акты, в плане юридической силы подобные актам Конституционного Суда РФ, в которых содержится оценка конституционности норм российских законов (несмотря на очевидные различия — Европейский Суд, в отличие от Конституционного Суда РФ, не наделен полномочием «дисквалификации» правовых норм), и что любое применение (как и неприменение) или толкование конвенционных норм российскими судами, расходящееся с их применением и толкованием Европейским Судом, в его окончательных постановлениях неправомерно, а соответствующие судебные акты подлежат пересмотру по инициативе заинтересованных лиц в порядке, определенном российским процессуальным законодательством [10].

А.П.Фоков совершенно обоснованно делает вывод, что решения Европейского Суда служат особым источником и являются руководством в повседневной практике для законодательных, судебных и иных органов государств-членов Совета Европы, а также Российской Федерации [11].

В ракурсе рассматриваемого вопроса нельзя не упомянуть и не придать особое значение выступлению 10 мая 2007 г. Председателя Европейского Суда Жана-Поля Коста в Конституционном Суде России. Обращаясь к В.Д.Зорькину, он отметил следующее: «В Вашем выступлении в январе 2005 года вы упомянули, господин Председатель, что ваш Суд выносит свои решения на основе Конституции, но также опираясь на нормы Конвенции и даже использует правовые позиции нашего Суда для

обоснования своих решений (в более чем 90 случаях имели место ссылки на решения нашего Суда, что подтверждает их использование в качестве источника права). Таким образом, ваш Суд гармонизирует свою судебную практику с практикой Страсбургского Суда. Он ей руководствуется, и, более того, эта практика является источником вдохновения для вашего Суда» [12; 76].

Таким образом, следует сделать следующий вывод: постановления Европейского Суда, принятые в отношении Российской Федерации имеют прецедентное значение, а судебную практику по решениям, принятым в отношении Российской Федерации, следует считать источником российского права. Если же речь идёт о постановлении, которое вынесено в отношении другого государства, то такие положения суду также следует учитывать, так как это может помочь избежать такие нарушения и не допустить недочёты, которые уже были предметом рассмотрения и по которым уже сформулированы правовые позиции ЕС в отношении других государств. В связи с вышесказанным следует констатировать, что роль судебной практики в правовой системе РФ постоянно возрастает и соответственно суды при рассмотрении спора, аналогичного делу, по которому Европейский Суд по правам человека ранее вынес постановление против России, должны руководствоваться как Конвенцией, так и принятыми ранее постановлениями Европейского Суда по правам человека.

Список литературы

1. *Абдрашитова В.* Решения Европейского Суда по правам человека в национальной правоприменительной практике // Российская юстиция. — 2007. — № 9. — С. 71–74; *Алисиевич Е.С.* Правовые позиции Европейского Суда по правам человека в российской правоприменительной практике // Актуальные вопросы государства и гражданского общества на современном этапе: Материалы Междунар. науч.-практ. конф. 10–11 апреля 2007 г. Ч. 6. — Уфа, 2007. — С. 19–29; *Баранов И.В.* Доступ к правосудию в гражданском судопроизводстве на основе прецедентов Европейского Суда по правам человека // Арбитражный и гражданский процесс. — 2004. — № 3. — С. 26–34; *Варламова Н.В.* Практика Европейского Суда по правам человека как выражение современных теоретических представлений о праве // Возможности адаптации зарубежного опыта. — Саратов, 2005. — С. 13–35; *Волосюк П.В.* Решения Европейского Суда по правам человека как источник уголовного права России: Дис... канд. юрид. наук. — Ставрополь, 2005; *Гумеров Л.А., Кознова К.А.* Некоторые аспекты применения в конституционном производстве норм Европейского права и постановлений Европейского Суда по правам человека // Актуальные проблемы теории и практики конституционного правосудия. — Казань, 2006. — С. 270–277; *Корнилина А.А.* Влияние постановлений Европейского Суда по правам человека на российское законодательство и правоприменительную практику: Дис... канд. юрид. наук. — М., 2003; *Лантев П.А.* Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод в правовой системе России (проблемы теории и практики взаимодействия): Дис... канд. юрид. наук. — Владимир, 2006; *Метлова И.С.* Решения Европейского Суда по правам человека в системе российского права: Дис... канд. юрид. наук. — М., 2007; *Осман-Заде С.Ш.* Деятельность Европейского Суда по правам человека и его влияние на национальные законодательства государств-членов Совета Европы: Дис... канд. юрид. наук. — М., 2001 и др.
2. Федеральный закон «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» // Собрание законодательства РФ. 06.04.1998. N 14. Ст. 1514. — С. 151.
3. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 5 февраля 2007 г. «По делу о проверке конституционности положений статей 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 и 389 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Кабинета Министров Республики Татарстан, жалобами открытых акционерных обществ «Нижекамскнефтехим» и «Хакасэнерго» // Вестник Конституционного Суда РФ. — 2007. — № 1. — С. 20.
4. *Зорькин В.* Роль Конституционного Суда Российской Федерации в реализации Конвенции о защите прав человека и основных свобод // Имплементация решений Европейского Суда по правам человека в практике конституционного правосудия. — М.: Изд-во МГУ, 2006. — С. 178–179.
5. *Гаджиев Г.* Введение / Имплементация решений Европейского Суда по правам человека в практике конституционных судов стран Европы: Сб. докл. — М.: Изд-во МГУ, 2006. — С. 6.
6. Цит. по: *Султанов А.Р.* О применении судами постановлений Европейского Суда по правам человека / Российский судья. — 2008. — № 9. — С. 22.
7. См.: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров РФ» от 10.10.2003 / БВС. 2003. № 12. — 35 с.
8. *Гумеров Л.А., Гумеров Ш.А.* Некоторые аспекты применения постановлений Европейского Суда по правам человека в Российской Федерации // Российский судья. — 2007. — № 2. — 30 с.
9. *Холинер Д.* Ведение дел в российских судах в расчете на разбирательство в Страсбурге // Обращение в Европейский Суд по правам человека. — М.: Изд-во МГУ, 2006. — С. 5.
10. *Пацация М.Ш.* Европейский Суд по правам человека и пересмотр судебных актов по арбитражным делам // Законодательство и экономика. — 2006. — № 3. — С. 7.
11. *Фоков А.П.* Имущественные споры в практике Европейского Суда: история, теория и практика, статистика // Арбитражный и гражданский процесс. — 2003. — № 12. — С. 31.
12. Визит делегации Европейского Суда по правам человека // Российская юстиция. — 2007. — № 6. — 27 с.

А.В.Турлаев

Карагандинский государственный университет им. Е.А.Букетова

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ТЕОРИИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА**Историографический аспект**

Мақалада шетел және қазақстандық авторлардың жұмыстары негізінде азаматтық қоғам теориясының тарихи дамуы және пайда болуы қарастырылған. Қазақстандық қоғамның әлеуметтік-саяси дамуы азаматтық институттардың негізінде жүзеге асады.

In the article the origin and the historical development of the theory of civic community in the work of the Kazakhstan and foreign authors is examined. Is achieved the survey of the scientific sources, dedicated to the stages of formation and development of civil institutes in the context of the sociopolitical development of Kazakhstan society.

Развитие Казахстана обусловлено динамично развивающимся государством и соответствующим ему гражданским обществом. В современных условиях развитие гражданского общества неразрывно связывается с теорией правового государства, формируя свою собственную теорию. Теория гражданского общества основывается на анализе закономерностей становления и развития социальных институтов, формирующих на определенном этапе гражданское общество, которое выступает базой для государства, декларирующего себя как правовое. Гражданское общество, по существу, является экономической, социально-политической основой правовой государственности, а теория гражданского общества выступает в качестве идеологической основы современных социальных отношений. Правовое государство неразрывно связано с гражданским обществом, причем именно гражданское общество призвано осуществлять контрольные функции за деятельностью государственного аппарата. Важнейшей ролью гражданского общества является наиболее полное раскрытие и реализация правовых и социальных возможностей личности, находящее свое отражение в правах человека и гражданина. В Преамбуле Конституции Республики Казахстан закреплено, что народ Казахстана, объединенный общей исторической судьбой, созидая государственность на исконной казахской земле, сознавая себя миролюбивым гражданским обществом, приверженным идеалам свободы, равенства и согласия, желая занять достойное место в мировом сообществе, осознавая свою высокую ответственность перед нынешним и будущими поколениями, исходя из своего суверенного права, принимает Конституцию [1]. Гражданское общество в Казахстане является важным социально-политическим и юридическим явлением, обуславливающим основные направления развития общества в целом и государства в частности.

Исследование исторических периодов и этапов развития негосударственных институтов призвано выявить закономерности их развития, выработать основные направления развития институтов гражданского общества в современный период. Следует отметить, что основной причиной возникновения теории гражданского общества было извечное стремление человека к лучшему устройству социальной жизни в обществе на основе справедливости и свободы воли.

Понятие гражданского общества (англ. civil society) имеет долгую и сложную историю. Оно вошло в употребление в XVII–XVIII вв., и главный его смысл заключался в том, что сообщество граждан должно иметь свои законы и не зависеть от грубого произвола со стороны государства. Исторически это понятие восходит к семье латинских слов *civis*, *civilis*, *civitas* (гражданин, гражданский, город, государство), с чем связаны такие аспекты гражданского общества, как гражданство, гражданские обязанности и добродетели, цивилизованное поведение. Основная проблема при попытках дать определение гражданского общества возникает из-за того, что гражданское общество имеет два разных аспекта — социальный и политический. Со времен Аристотеля, и вплоть до Локка, эти две сферы рассматривались в нераздельном единстве. Гражданского общества как такового словно бы вообще не существовало. Общность, государство, *koinonia*, *civitas* были единым социальным и политическим целым. Общества были политическими обществами, и это положение все еще сохранялось в 1690 г., когда Джон Локк написал свой «Второй трактат о правлении». Одна из его глав названа «О политическом и гражданском обществе». Локк полагал, что общество в этом смысле отличается от природного состояния; оно существенным образом отличается от общности супругов, семьи. Кроме того, гражданское общество несовместимо с абсолютной монархией. Вместе с тем оно является

политическим образованием («телом»); для Локка общественный договор и договор граждан с государством — одно и то же [2]. Спустя столетие терминология изменилась. В труде Адама Фергюсона «Опыт истории гражданского общества» (1767) отмечается разрыв между политической и социальной сферами [3]. Примерно в то же время Дж. Мэдисон в своих статьях в «Федералисте» подчеркивал роль гражданского общества как противовеса произволу государства. Он считал, что гарантией от тирании большинства служит наличие в обществе различных групп с разнонаправленными интересами. В этом смысле гражданское общество стоит на страже прав человека [4]. В XIX и XX вв. под гражданским обществом многие стали понимать просто человеческое сообщество; другие усматривали в нем элемент политической организации. Одни видели в гражданском обществе источник поддержки существующего политического строя, а другие — средоточие оппозиции. Так, в англосаксонском мире гражданское общество и государство обычно считались взаимодополняющими, а не враждебными друг другу силами, отчего понятие гражданского общества и утратило там свое специфическое значение. Во многих же европейских странах гражданское общество понималось как источник противостояния государству, поскольку там деятельность государства сводилась к вмешательству последнего в частную и корпоративную жизнь граждан. В обоих случаях для гражданских обществ характерны три особенности:

- во-первых, наличие множества ассоциаций или, в более общем плане, центров социальной власти. В этом смысле гражданское общество несовместимо с жесткой, единовластной государственной машиной;
- во-вторых, относительная независимость этих центров социальной власти. В силу своей способности к самоорганизации эти центры власти противятся контролю со стороны государства;
- в-третьих, чувство гражданской ответственности, а также цивилизованное поведение и активная гражданская позиция — все это необходимые элементы подлинно гражданского общества [5].

В научной литературе имеются разные подходы к периодизации развития идей и концепций гражданского общества. Выделяется начальный период (с античности до XVI–XVII вв.); естественно-правовой период (XVII–XVIII вв.); институциональный период (XIX – первая четверть XX в.); современный период (20-е годы XX – начало XXI в.). Казахстанские авторы выделяют четыре этапа становления гражданского общества: античный; просветительский; гегелевско-марксистский; современный [6; 164]. В целом следует отметить, что деление на четыре этапа вполне обосновано, поскольку выделение начального периода (античного) определяет основные принципы становления идеи гражданского общества, ее историко-философские предпосылки. Второй этап определяет основы естественно-правового подхода, связывая гражданское общество с государством, которое основано на принципах законности и равноправия. Третий этап связывает теорию гражданского общества с идеями о правах человека. Четвертый этап посвящен апробированию на практике идей и теорий, касающихся гражданского общества, правового государства и прав человека как взаимосвязанных явлений.

Первый этап становления теории гражданского общества берет свое начало в античный период. Аристотель, Цицерон и другие мыслители говорили о единстве и тождестве государства и общества граждан, об общем деле граждан — республике, о полисе и политике, как наиболее приемлемых формах общежития людей. В представлениях Аристотеля совокупность обитателей или граждан полиса отождествлялась с распорядком полисных должностей и образом правления. Главным достоинством гражданина служила честь, предполагающая способность самостоятельного участия в делах полиса. Гражданин с его правами–обязанностями и общество в равной мере взаимообуславливают друг друга. Некоторые представления о гражданском обществе можно встретить в Древнем Риме. Римская идея политической системы концептуализировалась как республика, т.е. общее благо в противоположность частному благу. Смысл в пользу соотношения частного и общего подразумевается и в идее гражданского общества. Цицерон, например, называет народом соединение многих людей, связанных между собой согласием в вопросах права и общностью интересов. Следует отметить, что представления о «гражданском обществе» восходят и к идее платоновского общества–государства, аристотелевского полиса, цicerоновского общества и т.д.

Второй этап развития идей о гражданском обществе характеризуется связыванием политических и негосударственных институтов с властными полномочиями. Понятие собственно «гражданского общества» появилось в XVI в., сначала в трудах Г.Гроция, Т.Гоббса, Дж. Локка. Свое дальнейшее развитие оно получило в XVIII в. в работах Ж.Ж.Руссо, Ш.Л.Монтескье, В. фон Гумбольдта и других ученых. Мыслители XVII в. принципиального различия между гражданским обществом и такими понятиями, как государство, политическое общество не проводили. Однако из этого не следует, что они отождествляли гражданское общество с реально существующим государством, с реальными

формами государственного управления. Они были представителями теории договорного происхождения государства, в основе которой лежала идея общественного договора [7]. Исходя из положений этой теории государство образуется на основе общественного договора, который между собой заключают члены гражданского общества. То есть это категория людей, способных договориться относительно политических, правовых и социально-экономических условий своей жизнедеятельности. Насилие и подавление социальных интересов, диктат в принятии социально важных решений рассматривались как нарушение естественных прав личности, находящихся в основе гражданского общества. В XVI–XVIII вв. мыслители, как правило, отождествляли государство и гражданское общество, однако это отождествление обусловлено тем, что в целом государство возникло исходя из потребностей внутреннего развития общества [8; 29]. Этими мыслителями отождествляется с гражданским обществом не всякое государство, а лишь такое, которое вследствие того, что оно основано на общественном договоре и выражает интересы граждан. Реальное же государство чаще всего подавляет гражданское общество, и, в частности, «...абсолютная монархия, которую некоторые считают единственной формой правления в мире, на самом деле несовместима с гражданским обществом; и, следовательно, не может вообще быть формой гражданского правления» [2; 312]. Соответственно в качестве основных признаков гражданского общества, появившихся в XVII в., выделялись такие важные элементы, как договор, учет и реализация интересов членов гражданского общества.

Некоторые авторы придерживаются мнения, что Лейбниц в своих трудах конца XVII в. впервые употребил термин «гражданское общество». Другие авторы считают, что термин «гражданское общество» использовал А.Фергюсон в 1767 г. и толковал его как состояние гражданственности и следствие цивилизации. Представляется возможным присоединиться к мнению, что словосочетание «гражданское общество» возникает одновременно с формированием фигуры гражданина как самостоятельного социального и политического автора. Такое представление впервые появилось в Риме. При этом римская трактовка гражданства делает акцент на ценностях свободы и ярко выраженных личных достоинствах римских граждан, их приязни друг другу, в истории политической мысли Европы — на милосердии, либеральности, доброжелательности. В отличие от римского греческое и славянское понимание гражданственности основано в значительной степени на внеличных основаниях увязывания с определенным местом проживания — полисом, городом. В целом рассматривая античность, и средневековье, можно наблюдать отсутствие четкого разграничения между обществом и государством, поскольку государственное, общественное и полисное означали, по сути дела, одно и то же.

В естественно-правовой период возникает и развивается идея гражданского общества в концепции естественного права и общественного договора XVII–XVIII вв. Данный период связан с именами Ф.Бэкона, Г.Гроция, Т.Гоббса, Дж. Локка, Д.Юма, Б.Спинозы, Ж.Ж.Руссо, Ш.Монтескье и многих других мыслителей [9], которые в своих работах выражали потребности времени, сводившиеся к борьбе абсолютной монархии и зарождающейся буржуазной демократии. В соответствии с этими концепциями общество приходит на смену естественному состоянию, независимо от того, как понимается последнее — как утраченный рай и «золотой век» (Руссо) или как «война всех против всех» (Гоббс). Переход к гражданскому состоянию сопровождается заключением общественного договора, на основе которого народ и власть строят свои взаимоотношения. Схематически содержание этих концепций можно выразить следующим образом: естественное состояние — общественный договор — гражданское, общественное, политическое состояние. Эти концепции основывались на принципе свободы личности, идеи самоценности отдельного человека, уважении к его собственности и хозяйственной самостоятельности, неотъемлемости его гражданских прав. В гражданском обществе «стабильность, благополучие, прогресс общества в целом неразрывно связываются с благосостоянием личности, интересы и достояние которой защищаются законами и целой системой учреждений и институтов, обеспечивающих действенность Закона». Ярким представителем естественно-правовой теории и концепции гражданского общества был Т.Гоббс, стоявший на консервативной точке зрения, отражавшей интересы прогрессивно настроенной английской аристократии, и Д.Локк, выступавший основателем буржуазного либерализма. Оценивая гражданское общество как естественное состояние «войны всех против всех», Гоббс считал, что только государство способно защитить индивида от этой всеобщей войны. Оно должно нести ответственность перед своими подчиненными, при условии их полного подчинения власти. Совпадение гражданского общества и государства выглядит у него уже «не как поглощение гражданского общества государством, а как определенное взаимодействие, при котором гражданское общество выступает одновременно и как предпосылка возникновения данного типа государства, и как его принципиальное качество». Гоббс в своих работах стремится к дос-

тижению компромисса между монархией (как формой политического правления) и буржуазной экономикой. Локк обосновывает компромисс между монархией и республикой в рамках политики, которая, по его мнению, должна служить интересам буржуазного развития [10].

Третий этап — XIX в. — первая четверть XX в. — характеризуется выявлением связи гражданского общества с государством посредством прав человека, причем политические и социально-экономические права выступают в качестве определяющей ценности и основного критерия взаимодействия гражданского общества и правового государства. В первой половине XIX в. идея гражданского общества и правового государства представлена в учениях И.Канта, Г.Гегеля, К.Маркса, А.Токвиля и многих других выдающихся теоретиков государства и права. В их работах сфера гражданской жизни людей рассматривается как лоно, в котором рождаются все другие формы социальной жизни, и прежде всего политико-правовой. Основы современного понимания гражданского общества и правового государства заложили Р.Штаммлер, Г.Радбрух, Г.Кельзен, Р.Марчич, Г.Харт, П.И.Новгородцев, С.А.Муромцев и многие другие мыслители первой половины XX в.

Четвертый этап — современное развитие теории гражданского общества в истории, политологии, праве, философии и других науках. В настоящее время многие авторы посвящают свои исследования как гражданскому обществу в целом, так и отдельным институтам. Это труды классиков западной и отечественной философско-правовой мысли и современные методологически- и информационно-фундированные разработки. Концепции и исследовательские подходы, разработанные в рамках западной и отечественной традиции изучения гражданского общества и порождаемой им той или иной формы государственности, можно разделить на три блока. Первый — общие модели гражданского общества и его главного института — правового государства, которое находится в крупных политико-правовых теориях античности, разрабатывающихся затем на протяжении многих столетий. Особое значение они приобретают в государственно-правовых учениях XVII–XVIII вв. в связи с идейным обоснованием буржуазных революций. Их разработку в этот период связывают с именами Ш.-Л.Монтескье, Ж.-Ж.Руссо, Ф.Бэкона, Г.Гегеля, Т.Гоббса, Г.Гроция, Дж. Локка, Б.Спинозы и других великих знатоков права эпохи Просвещения. Второй блок — это различные подходы к взаимодействию современного гражданского общества и правового государства, которые даны в работах следующих зарубежных исследователей: Дж.Кин, Р.Путнэм, Э.Арато (различение сфер действия и функций гражданского общества и государства); Б.Барбер (модель «сильной демократии»); Д.Белл и Б.Барри (морально-правовое обоснование гражданского неповиновения государственной власти); Г.Алмонд, С.Верба, Б.Паул (значение и типы правовых и политических культур); С.Барнс, Р.Дальтон, А.Мальбрас, Г.Повелл, Г.Ни, Ч.Тилли и другие (уточнение и операционализация функций современного государства). Задача освоения и развития той или иной концепции взаимосвязи гражданского общества и правового государства является в настоящее время одной из приоритетных для общественности. Третий блок идей и теорий — это совокупность различных подходов к гражданскому обществу как явлению, формирующемуся на постсоветском пространстве. В этом блоке идей и теорий отражается своеобразие исторического наследия и общих культурных ценностей.

На протяжении ряда лет исследования в этом направлении ведутся в Институте социально-политических исследований России, Институте государства и права РАН, Российском государственном социальном университете и других научных центрах. Результаты исследования современного гражданского общества представлены работами К.С.Гаджиева, А.А.Галкина, З.Т.Голенковой, М.К.Горшкова, В.В.Витюка, Ю.А.Красина, А.С.Панарина, С.П.Перегудова, Ю.М.Резника, В.Г.Хороса и других, зафиксировавшими понимание того, какое конкретное значение имеет становление институтов гражданского общества и правового государства для Запада и для политической модернизации и демократии в России и на всем пространстве содружества независимых государств. Изучению актуальных проблем гражданского общества и правового государства посвящены содержательные работы целого ряда ученых-правоведов (Г.Мальцев, М.Марченко, Е.Лукашева, С.Алексеев, Е.Аргановская, Л.Мамут, В.Нерсисянц, М.Баглай, В.Чиркин, Н.Витрук, С.Кожевников, В.Кудрявцев, В.Сальников, А.Семитко и другие).

В последнее десятилетие в обсуждение проблем гражданского общества, его важнейших параметров активно включились юристы, политологи, социологи. Они оказали заметное влияние на развитие теории гражданского общества. Раскрытие исторического развития отдельных институтов гражданского общества, их функциональное исследование позволяют говорить о его эффективности в тот или иной исторический период. Гражданскому обществу и отдельным его институтам посвящены следующие зарубежные диссертационные исследования: Ларина Л.А. Гражданское общество и демократическое государство: истоки взаимодействия: Дис...канд. филос. наук. — Саратов, 2000; Левити-

на Ю.И. Правовое государство и гражданское общество в концепциях российских либералов: Дис...канд. полит. наук. — М., 2000; Шулепов А.В. Гражданское общество: социально-политические проблемы становления: Дис.канд. полит. наук. — М., 2001; Рудыка Н.А. Гражданское общество: сущность и проблемы становления в условиях политической модернизации России: Дис...канд. полит. наук. — М., 2001; Нагеева С.К. Гражданское общество в политическом измерении: Антропологический подход: Дис...канд. полит. наук. — М., 2002; Руденкин В.Н. Гражданское общество в условиях политической трансформации России: Субъектное и структурное измерения: Дис...д-ра полит. наук. — Екатеринбург, 2002; Струсь К.А. Государство и гражданское общество: Проблемы правового взаимодействия в России: Дис...канд. юрид. наук. — Саратов, 2003; Нилус Г.Н. Гражданское общество в России: социально-философский анализ: Дис...канд. филос. наук. — М., 2003; Колпина Л.В. Формирование гражданского общества в условиях российского региона: Дис... канд. социолог. наук. — Белгород, 2003; Савватеев А.И. Местное самоуправление как институт развития гражданского общества: Автореф. дис... канд. полит. наук. — Екатеринбург, 2005; Федорова Е.А. Взаимодействие государственной власти и формирующегося гражданского общества в современной России: Дис... канд. полит. наук. — Ставрополь, 2005; Ипполитова Т.В. Трансформация казахстанского общества: проблемы социально-политического реформирования (социологический анализ): Автореф. дис... канд. социолог. наук. — Тюмень, 2002; Быков А.Ю. Российская правительственная политика в степных областях и трансформация традиционного казахского общества (1731–1917 гг.). — СПб., 2006. и др.

В Казахстане отдельным институтам гражданского общества посвящены следующие исследования и труды: Кенжин К.М. и др. Гражданское общество: теория и практика / Кенжин К.М., Туржанов С.А., Жексембекова В.А., Скворцов В.В., Казкенов К.М. — Астана, 2004.; Республика Казахстан на пути к гражданскому обществу / Сост. А.Б. Леонова, Н.Л. Чумакова. Центр содействия демократии. — Алматы, 1998; Саякбаев Н.А. Гражданское общество и правовое государство. — Алматы, 2000; Скворцов В. и др. Гражданское общество в сфере защиты социально уязвимых слоев населения: Монография. Ч. 1–2 / Скворцов В., Абишев М., Жотабаев Н., Казкенов К.; Академия труда и соц. отношений. — Алматы, 2005; Нугманова К.Ж. Политическое измерение гражданского общества / КазНИИ культуры и искусствознания. — Алматы, 2003; Скворцов В.В., Казкенов К.М. Гражданское общество: история и современность / Ин-т междунар. права и междунар. бизнеса «Данекер». — Алматы: Данекер, 2004; Скворцов В.В. Демократический процесс становления основных структур гражданского общества, теория и практика. — Алматы: КазГУ, 2001; Республика Казахстан на пути к гражданскому обществу / Сост. А.Б. Леонова, Н.Л. Чумакова. Центр содействия демократии. — Алматы, 1998.

Вопросы гражданского общества обсуждались на следующих казахстанских конференциях и семинарах: Политическая культура и становление гражданского общества в Казахстане: Материалы междунар. конф. Алматы, 31 мая 2000 г. / Ин-т философии и политологии МОН РК.; Отв.ред. Кадыржанов Р.К. — Алматы: 2001; Проблемы формирования гражданского общества в Казахстане: Сб. материалов респ. научно-практич. конф. (Алматы, 17 апр. 2002 г.) / Отв.ред. Нысанбаев А.Н., Булуктаев Ю.О.; Нац. комиссия РК. по делам ЮНЕСКО. — Алматы: Ин-т философии и полит. МОН РК, 2002; Совершенствование механизмов взаимодействия гос. органов и НПО по реализации Послания Президента РК Н.А. Назарбаева «Казахстан на пути ускоренной социальной, экономической и политической модернизации»: Материалы семинара, проведенного 26–27 июля 2005 г. / Департамент внутр. политики г. Алматы; Обществ. объединение «ЕрАзамат»; Авт. и сост.: А.Ахметова, А.Балаева и др. — Алматы, 2005.

Историческим аспектам развития некоторых гражданских институтов и межинституциональным отношениям в этой сфере уделяется внимание в следующих казахстанских диссертационных исследованиях: Абдрахманов Б.Н. Казахстан в материалах полного собрания законов Российской империи: Дис... канд. ист. наук. — Усть-Каменогорск, 2002; Алпысбес М.А. История Казахстана в казахском шежере (место шежере в изучении истории): Дис... канд. ист. наук. — Караганда, 1999; Баймагамбетов С.З. Социально-культурное развитие Казахстана (1980–2000 гг.). Исторический анализ: Дис... канд. ист. наук. — Алматы, 2004; Бурсукбаева А.М. Колонизаторская политика царизма в казахских землях в XIX – начале XX веков (на материалах Северо-Восточного Казахстана): Дис... канд. ист. наук. — Алматы 2006; Жоламан Н.Б. Советская административно-командная система управления и ее развал: история и уроки (на материалах Казахстана): Дис... канд. ист. наук. — Алматы, 2004; Жумашиев Р.М. Историография становления и развития культуры Казахстана. 1936–1961 гг.: Дис... д-ра ист. наук. — КарГУ–Москва, 2004; Каипова Б.М. История цензуры в Казахстане (1920–1956): Автореф. — Астана, 2002; Колдыбаева С.С. Генезис государственной власти и права в истории Казахстана (XVII–XX вв.): Дис... канд. ист. наук. — Алматы, 2005; Мусакулова Г.И. Социальная защита и благо-

творительность для детей в Казахстане: исторический анализ (вторая половина XIX – начало XX вв.): Дис... канд. ист. наук. — Алматы, 2005; *Мыктыбаева Ж.К.* Военно-колониальные акции царской России в Семиречье в 20 – 40-х годах XIX века: Дис... канд. ист. наук. — Алматы, 2004; *Нигматулин Н.З.* Роль молодежи Казахстана в осуществлении демократических преобразований в республике (1991–1995): Дис... канд. ист. наук. — Алматы, 1997; *Уалиева С.К.* Семейно-брачные отношения в Казахстане в конце XIX – первой четверти XX века (на материале переписей 1897, 1926 гг.): Дис... канд. ист. наук. — Усть-Каменогорск, 2003 и др.

Большое значение имеют результаты работы Государственной комиссии по разработке и конкретизации программы демократических реформ в Республике Казахстан, которые были подведены в феврале 2007 г. Основными результатами этой работы стали предложения по совершенствованию Конституции Республики Казахстан, были также и предложения по развитию институтов гражданского общества, совершенствованию деятельности неправительственных организаций, внедрению в стране примирительного правосудия судов биев, развитию местного самоуправления и другие, определяющие, основные контуры предстоящих в стране политических преобразований [11].

В качестве первого результата этих научно-практических разработок и исследований можно рассматривать принятие Концепции развития гражданского общества в Республике Казахстан на 2006–2011 гг., которая была одобрена Указом Президента Республики Казахстан 25 июля 2006 г. В этой Концепции анализируются основные тенденции развития гражданского общества в Казахстане на современном этапе, изложены пути и конкретные механизмы его развития на предстоящие годы. Концепция определяет основные направления развития институтов гражданского общества и возможности реализации гражданских инициатив. Она является основой для разработки целевых программ, законодательных и других нормативных правовых актов, нацеленных на создание благоприятных условий для функционирования институтов гражданского общества. В концепции раскрываются: становление и развитие гражданского общества в Республике Казахстан; понятие гражданского общества, его структура и функции; цели и задачи Концепции; перспективное видение гражданского общества в Республике Казахстан; основные принципы и правовые основы развития гражданского общества; пути и механизмы реализации Концепции; совершенствование правовой основы деятельности институтов гражданского общества; укрепление инструментов сотрудничества государственных органов и институтов гражданского общества; создание условий для высокой политической, правовой и гражданской культуры населения; совершенствование трудовых отношений; модернизация социальной политики; повышение социальной ответственности бизнеса; развитие институтов гражданского общества в Республике Казахстан; развитие международного сотрудничества институтов гражданского общества; сроки и этапы реализации Концепции [12]. Однако многие вопросы историко-политического и научно-теоретического характера остались еще не исследованными современными учеными.

Таким образом, становление и развитие теории гражданского общества обусловлено развитием идей о власти, справедливости и свободе, которые в современной науке отражаются в государстве, праве и правах человека, причем именно гражданское общество призвано гармонично связать эти понятия. Выделенные четыре периода подчеркивают основные стадии становления этого социального явления. Первый период — это период зарождения идей, второй — период становления идей и теорий, третий — формирование теории гражданского общества как системы идей, которые выявляют основные закономерности развития, закладывающего принципиальные основы совершенствования социальных институтов в будущем. В качестве четвертого периода рассматривается современный этап, главным отличием которого является возможность и необходимость реализации идей и теорий о гражданском обществе на практике. Соответственно три предыдущих этапа являются историко-теоретической основой развития современной теории гражданского общества, которая должна не только отразить все исторические аспекты этого феномена, но и применить их на практике, с учетом современных потребностей. В целом следует отметить, что гражданскому обществу присущи следующие признаки: самоуправляемость, экономическая самостоятельность, высокая политическая и правовая активность, саморегулирование общественных отношений посредством самостоятельно устанавливаемых правил поведения. Эти и другие признаки, выделяемые современными авторами, позволяют утверждать, что зарождение отдельных институтов гражданского общества происходило в разное время: в античный период, эпоху просвещения и в современных условиях. Соответственно некоторые институты, попадающие под признаки институтов гражданского общества, можно выявить в различные исторические эпохи, что свидетельствует об эволюционном становлении гражданского общества в целом и отдельных институтов гражданского общества в частности. При-

знаки, выявляемые в различные периоды, присущи многим социальным институтам, которые нельзя относить к институтам современного гражданского общества, но которые на разных исторических этапах послужили объектом исследования для выявления условий, предпосылок и принципов развития современных институтов гражданского общества. Причем исследование исторически значимых для современности социальных институтов в науке в настоящее время продолжается, выявляя все новые аспекты и закономерности развития негосударственных институтов. Соответственно процесс зарождения и развития гражданских (негосударственных) институтов во взаимосвязи и соотношении с государственной властью послужил объектом научного анализа и формирования целостной системы знаний, которая определяется в настоящее время как теория гражданского общества.

Список литературы

1. Конституция Республики Казахстан // Казахстанская правда. — 1995. — 8 сент.
2. Локк Дж. Сочинения: В 3 т. — Т. 3. — М.: Мысль, 1988. — 405 с.
3. Фергюсон А. Опыт истории гражданского общества. — М.: РОССПЭН, 2000. — 389 с.
4. Федералист. Политическое эссе Гамильтона А., Мэдисона Дж., Джея Дж. — М.: Весь мир, 2000. — 592 с.
5. Даррендорф Л. Гражданское общество. <http://www.krugosvet.ru/articles/27/1002728/1002728a1.htm>
6. Баймаханов М.Т., Аюпова З.К., Ибраева А.С. и др. Становление правового государства и конституционный процесс в Республике Казахстан. — Алматы: КазГЮА, 2001. — С. 164.
7. Каианина М.В. Происхождение государства и права. Современные трактовки и новые подходы. — М.: ЮРИСТЪ, 1999. — С. 85.
8. Теория государства и права / Под ред. С.С.Алексеева. — М.: Юрид. лит., 1985. — С. 29.
9. Аристотель. Политика. — М.: Наука, 1987. — 249 с.; Платон. Сочинения: В 4 т. Т. 3.2. — М.: Наука, 1994. — 247 с.; Гоббс Т. Избранные произведения. Т. 1. — М.: Политиздат, 1956. — 321 с.; Гроций Г. О праве войны и мира. Три книги. — М.: Политиздат, 1957. — 467 с.; Монтескье Ш.Л. Избранные произведения. — М.: Политиздат, 1955. — 346 с.
10. Витюк В.В. Становление идеи гражданского общества и ее историческая эволюция. — М.: Юрид. лит., 1995. — С. 14.
11. Сверяя курс демократических реформ // Казахстанская правда. — 2007. — 20 февр.
12. Указ Президента Республики Казахстан от 25 июля 2006 года «О Концепции развития гражданского общества в Республике Казахстан на 2006–2011 годы» // Казахстанская правда. — 2006. — 29 июля.

УДК 343.98

И.П.Корякин

Московский университет МВД России

ПОНИМАНИЕ РИСКА В УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ НАУКЕ

Мақалада әр түрлі көзқарастардың негізінде тәуекелдің және түрлі формадағы тәуекелдің заңшығарушы-нормативтік бекітілу түсінігі қарастырылған. Жүргізілген зерттеудің нәтижесінде қылмыстық-құқықтық ғылымдағы кейбір сәйкессіздіктер туралы қорытынды шығарылған.

In given clause the understanding of risk on the basis of the various points of view and legislative normative fastening of risk in its various forms is considered. Given clause is a part of complex research of risk and its separate interpretation in various branches of the right. As a result of carried out research conclusions about some discrepancies in criminally-legal science are received.

В уголовно-правовой науке риск, при доминанте субъективистской позиции его понимания, определяется по-разному. Нужно признать, что изучению сущности риска в праве посвящено множество работ. Перечислим фамилии ученых, занимавшихся таким исследованием: Ю.М.Ткачевский, И.И.Слущкий, А.В.Серова, В.А.Благов, С.М.Братусь, Ю.М.Антонян, М.В.Балалаева, А.М.Берестовой, В.А.Блинников, М.С.Владимиров, В.В.Орехов, С.В.Пархоменко, А.Л.Савенок, В.И.Самороков, С.Г.Келина, Н.Ш.Козаев, О.А.Котелевец, Г.С.Курбанов, Ю.И.Ляпунов, Н.Н.Малеина, В.И.Михайлов, В.А.Наумов, Г.В.Овчинникова. Заметим, что данный список неполный, и часть исследований риска в уголовном праве непосредственно проанализирована нами ниже. Мы не напрасно обратились к тако-

му количеству источников, поскольку явные противоречия в понимании риска в уголовном праве и нашей позиции, а также сделанные нами выводы о перспективах знаний о риске в уголовном праве заставляют нас провести такой тщательный анализ точек зрения о риске в уголовно-правовой науке.

М.С.Гринберг характеризует оправданный производственный риск «как правомерное создание опасности в целях достижения общественно полезного производственного результата, который не может быть получен обычными, нерискованными средствами [1; 46].

Согласно точке зрения А.А. Пионтковского, «нормальным производственно-хозяйственным риском советская теория права считает такие действия лица, когда оно при выполнении своих профессиональных обязанностей, хотя и может причинить известный ущерб, для предупреждения которого применяются соответствующие меры, но стремится при этом добиться существенного производственного результата, который не может быть достигнут при данном уровне развития техники другими средствами» [2; 37].

А.И.Санталов считает: «Под производственным риском понимается стремление достичь общественно полезную цель или предотвратить вредный результат производственной деятельности путём поставления в опасность охраняемых законом интересов [3; 438].

Точка зрения В.А.Блинникова: обоснованный риск — состояние возможного причинения вреда охраняемым уголовным правом интересам в результате правомерных рискованных действий лица [4].

А.И.Рарога полагает, что обоснованный риск — причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам личности, общества, государства, если при этом лицо действовало для достижения общественно полезной цели [5].

У П.Мазина, В.Битнева и Г.Пономарева обоснованный риск — имеющий целью общественно полезный результат — действие, которое содержит вероятность общественно опасного исхода и является исключаящим преступность деяния обстоятельством [6; 27].

Свою позицию имеет А.Ю.Шурдумов, считающий, что обоснованный риск — совершение в общественно полезных целях действия, повлекшего причинение вреда правоохраняемым интересам, если поставленная цель не могла быть достигнута другими, не связанным с риском действиями, и лицо приняло все возможные и зависящие от него меры для предотвращения вреда [7].

Свое мнение высказали составители комментария к УК РФ, которые считают, что обоснованный риск — форма проявления активности человека, которая направлена на достижение общественно полезной цели, исключающей возможность достижения результатов иными, не связанными с риском действиями (бездействием), если при этом были предприняты меры для предотвращения вреда охраняемым интересам. Фактическое причинение вреда в этом случае не влечет уголовной ответственности [8].

Иная позиция определена Словарем-справочником основных понятий в уголовном праве. Здесь риск — допустимость наступления общественно опасных последствий в результате деятельности, направленной на получение социально полезного результата, при условии использования всех средств, предупреждающих эти последствия [9].

Собственная позиция выражена Н.Ш.Козаевым: обоснованный риск — самостоятельный вид правомерного поведения граждан, основанный на управомочивающих нормах уголовного права и проявляющийся в совершении в условиях неопределенности действий (бездействия) для достижения общественно полезной цели при осознании субъективной возможности выбора варианта поведения с учетом вероятности причинения вреда охраняемым уголовным законом интересам [10].

С точки зрения С.С.Захаровой, под обоснованным риском следует понимать объективно необходимое, подготовленное, допустимое деяние, направленное на достижение общественно полезной цели, реализованное в ситуации неопределенности, при наличии возможности выбора альтернативного варианта поведения, причинившее, несмотря на предпринятые меры противодействия, вред охраняемым уголовным законом интересам [11].

У А.А.Ильюхова обоснованный риск — общественно опасная деятельность, не выходящая за рамки прямых запретов, состоящая из объективных и субъективных категорий, направленная на достижение общественно полезной цели [12].

Ю.В.Баулин полагает, что риск есть объективное состояние возникновения опасности причинения вреда, при которой неизвестно, наступит этот вред или нет [13; 227].

По А.И.Омельченко, понятие риска употребляется для объяснения сущности явления в двух значениях: во-первых, оно означает возможность наступления известного события; во-вторых, само событие, наступление которого обуславливает имущественный ущерб для данного лица [14].

Проанализируем часть данных позиций. Предварительно отметим, что такая частичность определяется большим объемом анализа всех точек зрения на риск в уголовно-правовой науке и что анализ точек зрения, не попавших в данную статью, будет непременно проведен нами в рамках другой, отдельной работы.

Заметим, что такой анализ определяет: насколько другое отношение складывается к пониманию риска в уголовном праве, нежели чем в гражданском праве. Это связано с тем, что из четырнадцати представленных нами точек зрения на сущность риска только в двух риск не понимается с точки зрения деятельности подхода. В связи с этим данные позиции уже не соответствуют качественно-логическому пониманию риска, а могут выступать в научных исследованиях только в качестве материала для критики. Однако подтвердим такую резкость дополнительными аргументами.

Первый аргумент определяется анализом оправданного производственного риска «как правомерного создания опасности в целях достижения общественно полезного производственного результата, который не может быть получен обычными, нерискованными средствами» [1; 46].

Есть несколько претензий к данной позиции понимания риска. Претензия один — отличить понятия правомерного создания опасности от неправомерного в понимании М.С.Гринберга невозможно, поскольку какие-то объективно выраженные в праве критерии правомерного создания опасности здесь отсутствуют. Следует отметить, что сама правомерность является оценочным понятием, заключающимся в том, что такие действия, создающие опасность, должны соответствовать нормам права. Вместе с тем очень трудно логически предположить, что действия, создающие опасность, могут соответствовать нормам права. Ибо такие действия противоречат логике защиты интересов человека. Более того, гипотетически предположив, что такие нормы существуют, мы должны заметить, что существование таких норм является иррациональным способом регулирования общественных отношений, содержащих угрозу интересам человека. В этой связи представленная М.С.Гринбергом формулировка риска предполагает, что уголовное право как регулятор общественных отношений имеет в арсенале способов регулирования отношений противоречащие направленности права, заключающегося в построении такой модели существования человека, которая основана на логике устранения опасности для человека, и прямо предусматривают создание такой угрозы. Однако отвлекаясь от классического понимания правомерности как соответствия нормам права. Сделаем это потому, что согласно существующей в уголовно-правовой науке точке зрения правомерность риска понимается не как соответствие поведения нормам права, а как обоснованность самого поведения [15; 60]. Дело даже не в том, что такая позиция нелепа, ибо, признавая риск действием, мы, в результате такого его понимания, должны предположить, что всякое обоснованное действие правомерно. А это уже явно не соответствует сущности права, поскольку обосновать можно все что угодно практически из каких угодно логических предпосылок. Дело в том, что такое понимание правомерности предполагает его распространение и на другие виды действий, что заставляет нас задуматься о соответствии доктрины развития уголовного права, в целом сущности права.

Претензия два — непонятно, на основе каких фактов должен делаться вывод о том, что преследуемый данными действиями общественно полезный результат не может быть достигнут другим, безопасным путем. Это априорное утверждение, ибо здесь также отсутствуют какие-либо объективные критерии, позволяющие определить, что единственный способ достижения цели связан с вероятностью достижения.

Претензия три — насколько нужен результат, способ достижения которого предполагает вероятность наступления ущерба? Какова его ценность по отношению к вероятности наступления отрицательных последствий, которые влекут так называемые «правомерные действия»?

Вывод: понятия правомерности создания опасности, оценочный критерий единственности способа достижения цели, необходимость достижения цели, предполагающей, что вместо таковой будет нанесен ущерб, являются неполноценными с точки зрения оценки данных критериев в качестве критериев правомерного риска. Все это глубоко оценочные понятия. Такая неполноценность однозначно усугубляется частой скоротечностью протекания процесса оценки ситуации риска, вероятной неопределенностью и нестабильностью ситуации, которые обуславливают весьма низкую вероятность расчета алгоритма выхода из ситуации риска, тем более, что в уголовном праве отсутствуют какие-либо научные разработки, синтезирующие такие алгоритмы.

Анализ позиции А.А.Пионтковского не менее интересен. Согласно точке зрения А.А.Пионтковского, «нормальным производственно-хозяйственным риском советская теория права считает такие действия лица, когда оно при выполнении своих профессиональных обязанностей, хотя и может причинить известный ущерб, для предупреждения которого применяются соответствующие

меры, но стремится при этом добиться существенного производственного результата, который не может быть достигнут при данном уровне развития техники другими средствами» [2; 37].

Изучение данной точки зрения ученого позволяет сделать вывод о том, что он придерживается деятельностного подхода в понимании риска, а также вызывает ряд вопросов:

Вопрос один: почему нужно стремиться превознестись над проверенными научно-техническим прогрессом средствами достижения цели, используя при этом непроверенные, либо средства, проверка использования которых установила низкую целесообразность их использования? А если таковая не установлена, зачем нужно подвергать опасности интересы производства (человека) таким способом, когда можно просто провести эксперимент на предмет установления возможности использования данного средства (способа) в производстве?

Вопрос два: каким образом обычный человек, субъект рискованного поведения, должен оценить правовую базу знаний о риске, позволяющую ему применять способы, создающие угрозу для интересов человека, если таковая находится в зачаточном состоянии и, как минимум, требует кропотливого и детального изучения правовых принципов, конкретных правовых норм, предположительной ситуации? Ведь субъект правоприменения знает одно — в случае наступления отрицательных последствий он будет нести ответственность.

Вопрос три: автор говорит об известном ущербе, который может наступить в результате действий субъекта. Кто оценил этот ущерб и кто должен его оценивать? В каких показателях должна проходить такая оценка? Такой вопрос тем более актуален, если учесть, что такая оценка ущерба субъективна. И если в момент ситуации риска такой ущерб оценивается исходя из условий той информационной определенности, которая сложилась на тот момент, то в пострисковой ситуации, когда условия риска становятся более известны, такая оценка имеет другой вид. Этот же самый довод относится вообще ко всем оценочным обстоятельствам ситуации. В этой связи возникает уже другой вопрос: каким образом можно оценить степень информационной определенности лица, совершающего рискованные действия? Заметим, что данный вопрос имеет важное значение вообще для оценки всех действий лиц в уголовном праве. При этом уголовное право не дает ответа на данный вопрос.

Такие же вопросы относительно необходимости достижения цели опасным способом возникают после изучения позиции А.И.Санталова, который считает, что «под производственным риском понимается стремление достичь общественно полезную цель или предотвратить вредный результат производственной деятельности путём поставления в опасность охраняемых законом интересов [3; 443]. Однако на этот раз возникает еще один вопрос: каким образом должна происходить оценка стремления достичь общественно полезную цель или предотвратить вредный результат производственной деятельности путём поставления в опасность охраняемых законом интересов, если при этом само стремление — только лишь волевое отношение, отделенное от его объективного выражения в действиях, и не более? В связи с чем позицию А.И.Санталова можно считать позицией психологического характера, лишенной своего объективного выражения. Более того, такой психологический характер абсолютно исключает оценку риска, поскольку в данном случае приходится иметь дело с внутренним, глубоко личным отношением лица к окружающей действительности, сущность которой А.И.Санталовым в его понятии даже и не обозначена.

Изучение трактовок, риска, в уголовном праве, которых придерживаются В.А.Блинников, А.И.Рарога, П.Мазин, В.Битнев и Г.Пономарев, позволяет предположить, что все они основаны на основе смешения деятельностного подхода к риску и рассмотрения риска как угрозы, порожденной человеком, при этом сделана попытка использования основ вероятностного подхода. Такое смешение мы не считаем разумным, а позиции указанных авторов нельзя считать правильными. Ко всем им предъявляются все те же претензии, которые мы описали выше.

Следующую группу трактовок риска в уголовном праве представляют точка зрения А.Ю.Шурдумова, позиции авторов Комментария к УК РФ (в 2 т.) под ред. О.Ф. М. Шишова и авторов Словаря-справочника основных понятий. Анализ данных трактовок показывает, что все они являются результатом смешения деятельностного и вероятностного подходов к сущности риска. Вместе с тем детальный анализ данных трактовок позволяет выделить еще несколько критериев, отличающих данную группу точек зрения от других мнений о риске в уголовном праве.

Во-первых, в данном случае четко выделяется факт, что действия, составляющие сущность риска, уже повлекли наступление отрицательных последствий и за них рисковавшее лицо не должно нести какую-либо ответственность;

Во-вторых, определяется необходимость принятия всех мер, направленных на предотвращение вреда.

В этой связи возникают вопросы.

Вопрос один: почему в качестве критерия ситуации риска в уголовном праве должно выступать то обстоятельство, что ущерб уже наступил? А если ущерб не наступил, тогда что? Стало лучше? Ведь угроза была вполне реальной, поскольку лицо допускало возможность ее наступления, и не важно, по каким причинам она не была реализована, — это абсолютно другое дело. Более того, ненаступление ущерба в данной ситуации нельзя назвать фактом, однозначно вытекающим из совершенного действия, составляющего суть риска, поскольку исходя из общей концепции понимания риска в уголовном праве вероятность наступления такого ущерба далеко не однозначная — она вообще неизвестна, поскольку является следствием действий, осуществляемых в условиях невозможности решения вопроса научно обоснованными методами [2; 37]. Другими словами, действия рискующего можно назвать действиями наугад, исходя из собственной логики, которая, согласно точке зрения некоторых ученых, фактически обосновывает риск и делает его правомерным.

Вопрос два: о каких мерах и средствах, предотвращающих наступление ущерба, идет речь, если вероятность наступления ущерба не определена? Более того, не определен сам характер ущерба, и сам ущерб не измерен. Каким образом можно выбрать способы и меры предотвращения ущерба в ситуации, когда проводимые вами действия этот ущерб прямо влекут? Ответим на вопрос сами: нужно отказаться от достижения цели или изменить способ ее достижения. В первом случае — здесь не будет действия, а в понимании сторонников деятельностного подхода — и риска. Во втором случае, риска, в понимании сторонников деятельностного подхода, тоже не будет, потому что изменение способа достижения цели с опасного на безопасный устраняет вероятность нанесения ущерба этими самыми действиями и, соответственно, исключает риск как категорию, представляемую критикуемыми нами авторами.

Подведем итоги изучения риска в уголовно-правовой науке.

Сущность позиции о понимании риска как деятельности в уголовном праве не выдерживает критики. Существующее понимание риска в уголовном праве требует коррекции и должно соответствовать пониманию риска в общей методологии наук. Только в этом случае возникает перспектива дискуссии по поводу существования риска в уголовном праве и только лишь как обстоятельства, влияющего на ответственность.

Нормы о риске как обстоятельстве, исключающем ответственность и преступность деяния, в уголовном праве должны быть исключены из Уголовного кодекса Республики Казахстан как несоответствующие целям права.

Список литературы

1. Гринберг М.С. Проблема производственного риска в уголовном праве. — М.: Госюриздат, 1963. — 138 с.
2. Пионтковский А.А. Уголовный закон в борьбе с отрицательными последствиями научно-технического прогресса // Советское государство и право. — 1972. — № 4. — С. 37–39.
3. Курс советского уголовного права. Общая часть. Т.1. — Л.: ЛГУ, 1968. — 524 с.
4. Блинников В.А. Система обстоятельств, исключающих преступность деяния в уголовном праве России: Дис... д-ра юрид. наук. — М., 2003. — С. 267.
5. Уголовное Право. Общая часть / Под ред. А.И.Парога. — М.: ИМП: Трида, 1997. — С. 203.
6. Мазин П., Битнев В., Пономарев Г. Обоснованный риск: проблемы толкования и правового применения // Уголовное право. — 2002. — № 1. — С. 26–27.
7. Шурдумов А.Ю. Обоснованный риск как обстоятельство, исключающее преступность деяния: Дис... канд. юрид. наук. — М., 2003. — С. 90.
8. См.: Комментарий к УК РФ: В 2 т. / Под ред. О. Ф. Шишова. — М.: Спарк, 1998. Т. 1. — С. 129–132.
9. Уголовное право. Часть общая. Словарь-справочник основных понятий. — Рязань: Ряз. филиал Моск-го ун-та МВД РФ, 1998. — С. 89–91.
10. Козаев Н.Ш. Обоснованный риск как обстоятельство, исключающее преступность деяния: Учеб. пособие. — Ставрополь: Ставропольсервисшкола, 2001. — С. 16.
11. Захарова С.С. Обоснованный риск в уголовном праве Российской Федерации: Автореф. дис... канд. юрид. наук. — Рязань, 2005. — С. 7–8.
12. Илюхов А.А. Обоснованный риск как обстоятельство, исключающее преступность деяния: Дис... канд. юрид. наук. — М., 2001. — С. 39.
13. Баулин Ю.В. К вопросу о профессиональном риске в проекте Основ Уголовного законодательства // Правовое государство. — Тарту, 1989. Вып. № 1. — С. 226–229.
14. Омельченко А.И. Творческий риск, его государственно-правовая охрана. — М.: Госюриздат, 1955. — С. 10.
15. См.: Михайлов В.И. Обоснованный риск в уголовном праве // Законодательство. — 2001. — № 7. — С. 59–61.

Р.Г.Нурмагамбетов

Костанайский филиал Государственного образовательного учреждения
Высшего профессионального образования «Челябинский государственный университет»

ПРИЗНАКИ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫХ ЗАПРЕТОВ И ОГРАНИЧЕНИЙ

Қазақстан заң ғылымында құқық тыйым салу мен шектеудің салалық маңыздылығын зертеу қажет болып табылады. Себебі бұл олардың ролін қоғамдық қатынастарды реттеу әдістері ретінде көрсетеді.

Article is devoted the characteristic of the maintenance of specific signs of konstitutsionno-legal interdiction and restrictions. The author leaning against researches of scientific theorists of the right offers the definitions of these concepts as independent ways of legal regulation of public relations.

Конституционно-правовые запреты и ограничения являются одним из средств, направленных на сдерживание деструктивной активности и поддержание баланса интересов в обществе. Именно на основе конституционно-правовых запретов и ограничений устанавливаются определенные границы поведения различных субъектов, а в случае их нарушения применяются меры юридической ответственности, прямо зависящие от содержания запретов и ограничений, выраженных в соответствующих конституционных нормах. Опираясь на конституционно-правовые запреты и ограничения как способы правового регулирования общественных отношений, выраженные в нормах права, государство закрепляет в обществе приоритет прав человека, господство закона, принцип разделения власти. Благодаря существованию конституционно-правовых запретов и ограничений обеспечивается незыблемость прав и свобод человека и гражданина. Ограничивая свободу каждого субъекта известными пределами, конституционно-правовые запреты и ограничения обеспечивают им беспрепятственное и гарантированное пользование своими правами внутри этих границ. В указанном контексте методологическое значение имеет утверждение, что охрана и защита прав и свобод личности с позиций конституционной юриспруденции — сравнительно новое правовое явление в свете действия положений Конституции РФ 1993 г. [1; 43].

Многими учеными в области теории права и конституционного права [2] при характеристике специфических признаков того или иного конституционно-правового запрета или ограничения, закрепленного законодательно, лишь косвенно затрагивается данная проблематика, при проведении исследований не очерчивается их теоретическая основа в конституционном праве, хотя это является важным аспектом в изучении и исследовании любого правового явления.

Под конституционно-правовыми нормами-запретами необходимо понимать установленные государством способы конституционно-правового регулирования, закрепленные в нормах конституционного права, имеющие императивный характер, направленные на предупреждение и предотвращение совершения субъектами конституционных правоотношений неправомерных действий, нарушающих или создающих угрозу нарушения норм Конституции РФ. В отличие от конституционно-правового запрета конституционно-правовые нормы-ограничения автором рассматриваются как закрепленные в Конституции РФ и других нормативных правовых актах способы правового регулирования общественных отношений, направленные на установление участникам конституционных правоотношений определенных пределов (границ) поведения при непосредственной реализации ими конституционных правомочий.

В основе определения признаков конституционно-правовых запретов и ограничений мы учитываем как признаки, свойственные нормам права в целом, так и присущие непосредственно конституционно-правовым запретам и ограничениям. Основными общими признаками конституционно-правовых запретов и ограничений являются их формальная определенность, обязательность исполнения, властность, взаимовыгодность, информативность, потому что они определяются государством и направлены на предотвращение правонарушений. Конституционно-правовые запреты и ограничения существуют, пока существуют конституционно-правовые отношения, на регулирование которых направлено их воздействие. С их помощью устанавливаются определенные границы дозволенного поведения в обществе. Они являются важнейшими юридическими способами охраны прав и свобод человека и гражданина.

Подробно охарактеризуем выделенные признаки.

1. Формальная определенность. Этот признак проявляется в том, что конституционно-правовые запреты и ограничения, лишь будучи закрепленными в нормах Конституции РФ, приобретают строго определенное содержание и четкие границы. Характеризуется данный признак и тем, что конституционно-правовые запреты и ограничения препятствуют злоупотреблениям правом со стороны государства по отношению к гражданам и иным субъектам конституционных правоотношений.

2. Обязательность исполнения. Это значит, что конституционно-правовые запреты и ограничения, являясь способами обеспечения организованности общественных отношений, охраны государственного суверенитета и целостности Российской Федерации, законных прав и интересов граждан, проживающих на ее территории, общественных и религиозных объединений, всего общества, служат своеобразными барьерами и не допускают нежелательного, социально вредного поведения.

3. Властность. Если существуют конституционно-правовые запреты и ограничения, то государство законодательным путем вправе требовать от граждан и должностных лиц неукоснительного их соблюдения.

4. Взаимовыгодность. Существование конституционно-правовых запретов и ограничений выгодно как для субъектов конституционных правоотношений, так и для общества. Вытесняя из общественной жизни нежелательные явления, предоставляя субъектам конституционных правоотношений права и наделая обязанностями, конституционно-правовые запреты и ограничения создают предпосылки для стабильности и регулятивной прочности правовой системы, обеспечивают обществу, государству и отдельному индивиду реализацию и защиту его интересов в целом.

5. Информативность. Конституционно-правовые запреты и ограничения являются источником правовой информации как для органов государственной власти и граждан, так и для субъектов международного права и т.д.

6. Все конституционно-правовые запреты и ограничения определяются государством и направлены на предотвращение правонарушений. В интересах стабильного развития общества, безопасности своих граждан государство в нормах Конституции РФ закрепило запреты и ограничения, регулирующие отношения, направленные на предотвращение правонарушений, связанных с их нарушением. Субъектами обеспечения безопасности общества являются государство, негосударственные организации, в том числе и общественные объединения, а также граждане. Основную ответственность за соблюдение запретов и ограничений несет государство, изначально закрепившее их в нормах Конституции РФ. Но для того чтобы не допустить, предотвратить совершение органами государственной власти, личностью противозаконных действий, нарушающих конституционно-правовые запреты и ограничения, явно недостаточно одного их выражения в нормах действующей Конституции РФ. Очень важно, чтобы в обществе постоянно эффективно действовали властные институты, обеспечивающие исполнение конституционно-правовых запретов и ограничений, определяющие характер меры ответственности в случае совершения правонарушения. Непосредственное исполнение конституционно-правовых запретов и ограничений обеспечивается институтами исполнительной и судебной власти. Конституционно-правовые запреты и ограничения определяют меру ответственности (уголовную, административную), которая служит определенным правовым барьером, препятствующим совершению кем-либо правонарушений. Сама суть установления ответственности за нарушение конституционно-правовых запретов и ограничений состоит в том, чтобы претворить в жизнь, обеспечить их реальное воплощение в фактических жизненных отношениях. Меры ответственности за нарушения конституционно-правовых запретов и ограничений разнообразны. Они определяются государством в зависимости от того, какой именно конституционно-правовой запрет и какое ограничение субъектом правоотношений были нарушены.

Так, наиболее опасным для общества и государства является нарушение субъектами правоотношений конституционно-правовых запретов и ограничений, регулирующих отношения в области сохранения незыблемости основ конституционного строя РФ и прав и свобод человека и гражданина.

Установление государством меры ответственности за нарушение конституционно-правовых запретов, обеспечивающих незыблемость основ конституционного строя, общественной безопасности, устойчивость организации и деятельности органов государственной власти, ее институтов, объясняется тем, что в случае их совершения субъектами правоотношений противоправных действий создается угроза целостности и независимости государства. Государство с помощью конституционно-правовых запретов и ограничений ограждает общество от существования в нем экстремистских, террористических, религиозно настроенных общественных объединений, угрожающих суверенитету, государственной независимости, конституционному строю, жизни и безопасности людей, проживающих на территории Российской Федерации. В частности, регулируя деятельность политических

партий, государство устанавливает правовые барьеры, только при соблюдении которых возможно функционирование общественных организаций на территории Российской Федерации. С.А.Авакьян по этому поводу правильно отметил, что «конституционно-правовое регулирование направлено на подробное регулирование определенных политических отношений, установление гарантий их существования и деятельности политических партий и объединений» [3]. Ответственность за нарушения конституционно-правовых запретов и ограничений, регулирующих деятельность общественных объединений, закреплена в ст. 278 УК РФ, согласно которой лица, группы лиц, совершившие данные правонарушения, в случае признания судом виновными, наказываются лишением свободы на срок от двенадцати до двадцати лет [4].

Ряд федеральных законов Российской Федерации регулирует отношения в этой области, устанавливая санкции в виде ликвидации и запрещения деятельности общественных, религиозных объединений, нарушающих своими действиями конституционно-правовые запреты и ограничения. Так, в ст. 7 Закона Российской Федерации «О противодействии экстремистской деятельности» [5] от 25 июля 2002 г. и в Законе Российской Федерации «Об общественных объединениях» [6] четко определено, что в случае осуществления общественным или религиозным объединением, либо иной организацией, либо их региональным или другим структурным подразделением экстремистской деятельности, повлекшей за собой нарушение прав и свобод человека и гражданина, причинение вреда личности, здоровью граждан, окружающей среде, общественному порядку, общественной безопасности, собственности, законным экономическим интересам физических или юридических лиц, обществу и государству, они могут быть ликвидированы, а их деятельность может быть запрещена по решению суда на основании закона.

Установление меры ответственности за нарушения конституционно-правовых запретов и ограничений, регулирующих отношения в области непосредственной реализации гражданином своих прав, гарантированных ему Конституцией РФ, позволяет оградить его от совершения в отношении него различных правонарушений, обеспечить безопасное существование на территории Российской Федерации. Мера ответственности за совершенные правонарушения государством определяется по-разному и варьируется от установления штрафов до лишения свободы.

По Конституции РФ каждому гарантируется свобода мысли и слова, не допускаются пропаганда или агитация, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду, запрещается пропаганда социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства. В Конституции РФ закреплено, что никто не может быть принужден к выражению своих мнений и убеждений или отказу от них. Каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом. Государством согласно Конституции РФ запрещается цензура и гарантируется свобода массовой информации. Конституционно-правовые запреты устанавливают определенные рамки допустимого выражения своих высказываний, тем самым ограждая человека от нежелательных последствий, от злоупотребления правом. Так, недопустимыми в обществе являются злоупотребление свободой слова, нарушающей право других граждан на достоинство личности, на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайны, защиту своей чести и доброго имени, а также высказывания в адрес других лиц, наносящие моральный вред репутации гражданина, пропаганда, наносящая вред государственному суверенитету и государственной безопасности страны, действия со стороны граждан, нарушающие общественный порядок.

Запрет на действие цензуры ограждает средства массовой информации от влияния на них органов власти, манипуляции со стороны руководства страны, предоставляя им право придерживаться той линии поведения в изложении ими информации, которая не противоречит действующему законодательству. Мера ответственности за нарушение всех вышеперечисленных конституционно-правовых запретов определена в ч.1,2 ст.282 УК РФ и «наказывается штрафом от пятисот до восьмисот минимальных размеров оплаты труда или иного дохода осужденного за период от пяти до восьми месяцев, либо лишением свободы от двух до четырех лет» [4].

Государством по Конституции РФ гарантируется также равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям.

Запреты, закрепленные ч.2 ст.19 Конституции РФ, создают условия для воспитания в личности правовой культуры, главной идеей которой является правовая защита человеческого достоинства от дискриминации по различным основаниям. В статье 2 Всеобщей декларации прав человека по этому

поводу сказано: «Каждый человек должен обладать всеми правами и всеми свободами, провозглашенными настоящей Декларацией, без какого бы то ни было различия, как-то: в отношении расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного, сословного или иного положения» [7]. Мера ответственности при нарушении конституционно-правового запрета определяется ст. 74 Уголовного кодекса РФ: «Умышленные действия, нарушающие равноправие граждан по признаку расы, национальности, отношения к религии, наказываются лишением свободы на срок до трех лет или штрафом до шестидцати минимальных месячных размеров оплаты труда». В Конституции РФ, помимо запретов, содержится и большое количество ограничений в области прав человека и гражданина. Часть 3 ст. 55 Конституции РФ определяет, что права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Особенность конституционно-правового ограничения заключается в том, что конституционное законодательство целенаправленно ограничивает действие определенных прав человека и гражданина для сохранения приоритетных для государства ценностных ориентиров и принципов, провозглашенных в Конституции РФ. По мнению О.Е.Кутафина, «государство само устанавливает закрытый перечень публично-правовых ценностей, защита которых оправдывает отдельные ограничения прав и свобод (основы конституционного строя, обеспечение обороны и безопасности государства, нравственность, здоровье, права и законные интересы других лиц)» [8]. Данное конституционно-правовое ограничение имеет подтверждение и в международно-правовых документах, определяющих правомерные цели ограничения прав и свобод. Так, в ч.3 ст. 19 Международного пакта о гражданских и политических правах сказано: «Каждый человек имеет право на свободное выражение своего мнения; это право включает свободу искать, получать и распространять всякого рода информацию и идеи, независимо от государственных границ, устно, письменно или посредством печати или художественных форм выражения, или иными способами по своему выбору. Оно может быть сопряжено с некоторыми ограничениями, которые, однако, должны быть установлены законом и являться необходимыми как для уважения прав и репутации других лиц, так и для охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности населения» [9].

7. Конституционно-правовые запреты и ограничения существуют, пока существуют конституционно-правовые отношения. В понимании данного признака, присущего конституционно-правовым запретам и ограничениям, необходимо отталкиваться от того, что Конституция РФ, являясь продуктом определенной ступени развития общества и государства, устанавливает своими нормами определенные общеобязательные правила поведения. По мнению М.И.Байтина и Д.Е.Петрова, «установленные Конституцией РФ общеобязательные правила поведения являются регулятивными нормами конституционного права [10] и носят обязывающий характер, т.е. устанавливают виды охраняемого и гарантируемого государством возможного и должного поведения участников правоотношений» [10]. Правоотношениями в конституционном праве принято считать общественные отношения, регулируемые конституционными нормами [11]. Основными способами регулирования в нормах Конституции РФ общественных отношений, наряду с дозволениями, обязываниями, являются и конституционно-правовые запреты и ограничения. Связь конституционно-правовых запретов и ограничений, закрепленных в конституционно-правовых нормах, с регулируемыми ими конституционно-правовыми отношениями является важнейшим источником их существования.

8. Важнейшим признаком, характеризующим конституционно-правовые запреты и ограничения, является то, что они устанавливают определенные границы дозволенного поведения субъектов конституционных правоотношений.

При характеристике этого признака конституционно-правовых запретов и ограничений необходимо исходить из того, что в юридической литературе многими исследователями отмечается: социально опасные варианты поведения государство запрещает, предусматривая наказание за нарушение вводимых им запретов, менее опасные — ограничивает, устанавливая границы возможного поведения, и, наконец, социально необходимые — предписывает, определяя должное поведение субъекта. Правовые ограничения, по мнению А.В.Малько, в конституционном праве «выступают специфическим индикатором взаимоотношения государства и личности, они представляют собой комплекс конкретно установленных в Конституции РФ ограничений и в наибольшей мере характеризуют взаимоотношения между государством и человеком, являются водоразделом между законностью и произволом, во многом предопределяя общую концепцию будущего основного закона и поведение людей»

[12; 14–26]. Конституционно-правовые ограничения «могут воплощаться в Конституции РФ в различных формах, не всегда четко определенных и соответственно однозначно толкуемых различными субъектами права» [12; 15]. Автор согласен с высказываниями А.В.Малько и считает, что в истории конституционного развития Российской Федерации имели место ситуации, когда конституционно-правовые ограничения являлись непреодолимым препятствием для осуществления конкретных прав и свобод личности, устанавливая тем самым границы дозволенного участникам правоотношений.

Несколько похожую точку зрения можно найти и в работе В.О.Лучина, указывающего на то обстоятельство, что «ограничения в конституционном законодательстве устанавливают конкретные варианты поведения людей, т.к. содержат немало правовых ограничений, имеющих юридическое значение и выполняющих особую роль в правовом регулировании» [13]. Ограничения в конституционно-правовом регулировании общественных отношений являются правовыми способами, выраженными в нормах конституционного права, призванными определить границы социальной свободы субъектов правоотношений в реализации прав и свобод. Приобретая субъективные права или принимая на себя юридические обязанности, участники правоотношений всегда подчиняются определенным правилам поведения, установленным и закрепленным в нормах Конституции РФ и в соответствии с которым впоследствии строилось их реальное поведение. Г.И.Бондаренко, в дополнение к этой мысли, высказывает мнение о том, что «ограничения являются регуляторами поведения деятельности людей, так как закрепленные в статьях Конституции РФ определенные социальные институты определяют основные направления их деятельности» [14]. Конституция РФ, выполняя роль высшей юридической инстанции по разрешению правовых коллизий, на основе ограничений закрепляет и устанавливает определенные правила поведения субъектов конституционных правоотношений.

9. Конституционно-правовые запреты и ограничения являются важнейшими юридическими способами охраны прав и свобод человека и гражданина, закрепленных в нормах Конституции РФ. Рассматривая конституционно-правовые запреты и ограничения в качестве юридических способов правового регулирования отношений, обеспечивающих охрану и защиту прав и свобод, следует особо подчеркнуть, что в Конституции РФ, по существу, нет таких субъективных прав, которые бы не обеспечивались соответствующими запретами и ограничениями, гарантирующими данное право от необоснованного нарушения или изменения. К примеру, в ч. 1,2 ст. 37 Конституции РФ закрепляется право на труд и устанавливается конституционно-правовой запрет на использование принудительного труда. В основе этого запрета лежат международные нормы, закрепленные в Пакте о гражданских и политических правах (1966 г.), вступившем в силу 23 марта 1976 г. Этот же конституционно-правовой запрет установлен в ст.4 Трудового кодекса Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. N 197-ФЗ [15], согласно которому запрещается кому-либо выполнять работы под угрозой наказания, в том числе в целях поддержания дисциплины. Данное положение согласуется с общепризнанной в российской правовой концепции точкой зрения относительно неразрывной связи прав и обязанностей в рамках конкретных правоотношений. Роль конституционно-правовых запретов и ограничений в механизме осуществления субъективных прав и свобод определяется, прежде всего, тем, что они устанавливают пределы свободы человека в обществе. Устанавливая определенные пределы личной (ч.2,3 ст.29 Конституции РФ), политической (ч.3 ст.32 Конституции РФ), социально-экономической (ст.ст.24, 57 Конституции РФ) свободы граждан, конституционно-правовые запреты и ограничения тем самым ограждают права и свободы граждан от возможных нарушений. «Подлинная свобода, — писал К.Ясперс, — всегда осознает свои границы и, более того, обретает себя лишь в рамках, создаваемых при помощи запретов и ограничений» [16].

Таким образом, конституционно-правовые запреты и ограничения определяются как способы конституционно-правового регулирования общественных отношений, выраженные в нормах конституционного права, которым, как правовым явлениям, присуще наличие признаков, видов, их характеризующих, отличающих их от других правовых явлений. Регулируя отношения в различных сферах жизнедеятельности граждан, конституционно-правовые запреты и ограничения являются важнейшими юридическими способами охраны прав и свобод человека и гражданина. Действуя в интересах стабильного развития общества, безопасности граждан РФ, конституционно-правовые запреты и ограничения воздействуют на поведение людей путем предоставления прав и установления участникам правоотношений границ (пределов) возможного или должного, выход за которые является объективной стороной конституционного деликта.

Список литературы

1. *Авакьян С.А.* Конституция России: природа, эволюция, современность. — М.: Российский юрид. издат. дом, 1997. — С. 43.
2. *Агеев В.Н.* Конституционные ограничения основных прав и свобод личности в Российской Федерации: теория, история и практика: Дис... канд. юрид. наук. — Казань, 2006. — С. 74.
3. *Авакьян С.А.* Политические отношения и конституционное регулирование в современной России: проблемы и перспективы // Журнал российского права. — 2003. — № 11. — С. 47–49.
4. Уголовный кодекс РФ от 13 июня 1996 г. N 63-ФЗ (с изменениями от 27 мая, 25 июня 1998 г., 9 февраля, 15, 18 марта, 9 июля 1999 г., 9, 20 марта, 19 июня, 7 августа, 17 ноября, 29 декабря 2001 г., 4, 14 марта, 7 мая, 25 июня, 24, 25 июля, 31 октября 2002 г., 11 марта, 8 апреля, 4, 7 июля, 8 декабря 2003 г., 21, 26 июля, 28 декабря 2004 г., 21 июля, 19 декабря 2005 г., 5 января, 27 июля, 4, 30 декабря 2006 г., 9 апреля 2007 г.) // Собрание законодательства РФ. 1996. N 25. Ст. 2954.
5. О противодействии экстремистской деятельности: Федеральный закон от 25 июня 2002 г. № 114-ФЗ (с изменениями от 27 июля 2006 г., 10 мая, 24 июля 2007 г., 29 апреля 2008 г.) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3031.
6. Об общественных объединениях: Федеральный закон от 19 мая 1995 года № 82-ФЗ с (с изменениями от 17 мая 1997 г., 19 июля 1998 г., 12, 21 марта, 25 июля 2002 г., 8 декабря 2003 г., 29 июня, 2 ноября 2004 г., 10 января, 2 февраля 2006 г., 23 июля 2008 г.) // Собрание законодательства РФ. 1995. № 21. Ст. 1930.
7. Всеобщая декларация прав человека. Международные акты о правах человека. Сб. документов. — М., 1999. — С. 78.
8. *Кутафин О.Е.* Предмет конституционного права. — М.: Юрист, 2001. — С. 105.
9. Международный пакт о гражданских и политических правах // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. — 1994. — № 12.
10. *Байтин М.И., Петров Д.Е.* Система права: к продолжению дискуссии // Государство и право. — 2003. — № 1. — С. 25–27.
11. *Гревцов Ю.И.* Правовые отношения и осуществление права. — Л.: Лениздат, 1987. — С. 12.
12. *Малько А.В.* Правовые ограничения: от отраслевого понимания к теоретическому // Правоведение. — 1993. — № 5. — С. 14–26.
13. *Лучин В.О.* Конституция Российской Федерации: проблемы реализации. — М.: Юрист, 2002. — С. 10.
14. *Бондаренко Г.И.* Совершенствование общественных отношений и социальное управление. — Л.: Ленидиздат, 1989. — С. 5.
15. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. N 197-ФЗ (ТК РФ) (с изменениями от 24, 25 июля 2002 г., 30 июня 2003 г., 27 апреля, 22 августа, 29 декабря 2004 г., 9 мая 2005 г., 30 июня, 18, 30 декабря 2006 г., 20 апреля, 21 июля, 1, 18 октября, 1 декабря 2007 г., 28 февраля, 22, 23 июля 2008 г.) // Собрание законодательства РФ. 2002. N 1. (Часть I) Ст. 3.
16. *Ясперс К.* Смысл и назначение истории. — М.: Норма, 1991. — С. 168.

Р.Б.Ботағарин, Қ.Қ.Мусин

Е.А.Бөкетов атындағы Қарағанды мемлекеттік университеті

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНДАҒЫ КӨШПІ-ҚОНУ ҮРДІСІН ӘКІМШІЛІК-ҚҰҚЫҚТЫҚ РЕТТЕУ МӘСЕЛЕЛЕРІ

В статье рассматриваются вопросы выезда и въезда иностранных граждан в Республику Казахстан, а также исследуются отношения, возникающие в сфере миграционных процессов, и некоторые проблемы административно-правового регулирования указанных правоотношений.

In given article by author are considered questions of departure and entrance foreign people in Republic Kazakhstan, although as are researched relations, appearing in sphere of migrational processes and some problems of administrative-legal regulation specified on law relations.

Шетел азаматтарының Қазақстан Республикасына кіруі мен шығуы мемлекеттік шекарадағы халықаралық және жолаушылық жөнелтілімдер үшін ашық өткізу пунктері арқылы төлқұжат немесе оны алмастыратын құжаттар бойынша, егер Қазақстан Республикасымен ратификацияланған халықаралық шарттармен өзгеше көзделмесе, Қазақстан Республикасының визасы болған жағдайда жүзеге асырылады.

Қазақстан Республикасына шетел азаматтарының кіруі үшін берілетін визалар (кіруші) және Қазақстан Республикасынан шығуға берілетін визалар (шығушы) Қазақстан Республикасының арнайы уәкілетті органдарымен, соның ішінде шекаралық, консулдық мекемелерімен беріледі, бұлар жоқ болған жағдайда Қазақстан Республикасының арнайы уәкілетті өкілдіктерімен рәсімделеді. Қазақстан Республикасы Үкіметінің 2000 жылғы 28 қаңтардағы Қаулысымен бекітілген шетелдік азаматтардың Қазақстан Республикасына келуінің және болуының, сондай-ақ олардың Қазақстан Республикасынан кетуінің тәртібі:

– шетелдік азаматтардың Қазақстан Республикасына келуінің және Қазақстан Республикасынан кетуінің;

– шетелдік азаматтардың Қазақстан Республикасында уақытша болуы және тұрақты құқығына арналған құжаттарды рәсімдеудің;

– шетелдік азаматтардың Қазақстан Республикасының аумағы бойынша жүруінің және транзиттік өтуінің;

– шетелдік азаматтардың болуы мерзімдерін ұзартудың және қысқартудың, сондай-ақ оларды Қазақстан Республикасынан кетірудің тәртібін айқындайды.

Шетелдік азаматтарды жеке істері бойынша Қазақстан Республикасына шақырған қабылдаушы ұйымдар мен адамдар шетелдік азаматтарға Қазақстан Республикасының заңдарында көзделген құқықтар мен міндеттерді уақытылы түсіндіруді, шетелдік азаматтарға қатысты белгіленген құқықтық нормалардың орындалуын қамтамасыз етеді, сондай-ақ олардың Қазақстан Республикасында болуы, елдің аумағы бойынша жүріп-тұруы құқығына арналған және оларға белгіленген болудың мерзімі аяқталғаннан кейін Қазақстан Республикасынан кетуіне арналған құжаттардың уақытылы рәсімделуі үшін заңдарда белгіленген жауаптылықта болады.

Шетелдік азаматтардың көрсетілген талаптарын сақтауын бақылауды ұлттық қауіпсіздік органдарымен өзара іс-қимылда ішкі істер органдары жүзеге асырады. Шетел азаматтар, егер Қазақстан Республикасы бекіткен халықаралық шарттарда өзгеше тәртіп белгіленбесе, Қазақстан Республикасының визасы болған жағдайда, төлқұжаты немесе оны алмастыратын құжаттар бойынша мемлекеттік шекарадағы халықаралық және жолаушы қатынастары үшін ашық өткізу пунктері арқылы Қазақстан Республикасына келеді және Қазақстан Республикасынан кетеді.

Шетелдік азаматтарға Қазақстан Республикасына келуге (келулерге) және Қазақстан Республикасына келіп-кетуге (келу-кету) визаларды Қазақстан Республикасының Сыртқы істер министрлігі, Сыртқы істер министрлігінің шетелдегі мекемелері мен консулдық пунктері, ал ондайлар болмаған жағдайда Қазақстан Республикасының уәкілеттік берілген органдары береді. Төлқұжаты Қазақстан Республикасының Сыртқы істер министрлігінде және оның өкілдіктерінде тіркелген шетелдік азаматтарға кету және келу-кету визаларын беруді осы ұйымдар жүргізеді. Қабылдаушы ұйымдардың өтініші бойынша шетелдік азаматтарға Республикаға келуге және

Республикадан кетуге бірнеше мәртелік виза берілуі мүмкін. Қазақстан Республикасының визаларын беру және олардың қолданылу мерзімін ұзарту үшін:

– халықаралық ұйымдардың, шет мемлекеттер өкілдерінің, сондай-ақ Қазақстан Республикасы мемлекеттік ұйымдарының жазбаша өтініштері;

– Қазақстан Республикасына жеке істері бойынша, турист ретінде және мемлекеттік емес ұйымдардың шақыруы бойынша іскерлік мақсаттармен немесе тұрақты тұруға келетін шетелдік азаматтар үшін, тұрақты тұратын шетелдік азаматтарға ішкі істер органдарымен берілетін арнайы рұқсаты;

– Қазақстан Республикасының Ішкі істер министрлігімен және Ұлттық қауіпсіздік комитетімен келісімі бойынша Қазақстан Республикасының Сыртқы істер министрлігі белгілейтін тәртіпке сәйкес шетел азаматтарын Республикаға шақыру үшін заңды немесе жеке тұлғалардың жазбаша өтініштері қажет.

Келу визаларын берудің негіздемесі шетелдік азаматтардың Қазақстан Республикасында болу мақсаттарына сәйкес келуі тиіс. Республика аумағына туыстары мен таныстарының шақыруы бойынша, яғни жеке істері бойынша, келген, сондай-ақ іскерлік мақсатпен, оқуға және турист ретінде келген шетелдік азаматтар Қазақстан Республикасының аумағында жұмысқа орналаспайды, визада көрсетілген келу мақсатымен байланысты емес өзге де қызметпен айналыса алмайды. Шетелдік жұмыс күшін лицензиясыз тартуға (әкелуге), сондай-ақ Қазақстан Республикасына уақытша келген шетелдіктердің тиісті рұқсатсыз еңбек қызметін жүзеге асыруға тыйым салынады.

Визалардың санаттары мен түрлерін, оларды берудің, сондай-ақ олардың қолданылу мерзімдерін қысқарту мен ұзартудың тәртібін Қазақстан Республикасының Ұлттық қауіпсіздік комитетімен келісімі бойынша Сыртқы істер мен Ішкі істер министрліктері айқындайды. Оны Қазақстан Республикасы Үкіметінің 2000 жылғы 28 қаңтардағы «Шетел азаматтарының Қазақстан Республикасында болуы құқықтық реттеудің жекелеген мәселелері» қаулысы реттейді.

Қазақстан Республикасына келу кезінде 16 жасқа толған әрбір шетелдік азаматқа көші-қон карточкасы беріледі. Олар Қазақстан Республикасынан кету кезінде тапсырылуы тиіс.

Көші-қон карточкалары:

- Қазақстан Республикасының дипломаттық, қызметтік және инвесторлық визасы бар адамдарға;
- әуе, теңіз және өзен кемелері экипаждарының мүшелеріне;
- поезд, оның ішінде рефрижератор, локомотив бригадаларының жұмыскерлеріне және темір жол көлігімен тасымалданатын жүктерді бірге алып жүретін адамдарға;
- Қазақстан Республикасының аумағы арқылы транзитпен өтетін поездардың жолаушыларына;
- халықаралық автотасымалдауды жүзеге асыратын автокөлік құралдарының жүргізушілеріне берілмейді;
- Қазақстан Республикасына уақытша келген шетелдік азаматтардың өздерімен бірге белгіленген ретпен тіркелген төлқұжаты болуы және оларды уәкілетті мемлекеттік органдардың талап етуі бойынша көрсетуге міндетті.

Шетелдік азамат төлқұжатын жоғалтқаны туралы тез арада, азаматтың өтініші бойынша ол туралы анықтама беретін ішкі істер органына хабарлауы қажет. Қазақстан Республикасында уақытша болатын шетелдік азаматтар бес күнтізбелік күн ішінде өзінің тұрақты немесе уақытша тұратын жері бойынша тіркелуге міндетті.

Шетелдік азаматтарды тіркеу жеке басын куәландыратын құжаттар бойынша жүзеге асырылады. Қазақстан Республикасында шетелдік азаматтардың төлқұжаттарын тіркеудің тәртібін Ұлттық қауіпсіздік комитетімен келісімі бойынша Сыртқы істер мен Ішкі істер министрліктері айқындайды.

Тіркеу шетелдік азаматтың ұлттық паспорты мен визасының қолданылу мерзімінен аспайтын кезеңге рәсімделеді.

Қазақстан Республикасында келудің және болудың визасыз тәртібі туралы халықаралық шарттары бар елдерден Қазақстан Республикасына келген азаматтарды тіркеу тоқсан тәуліктен аспайтын мерзімге жүргізіледі және кейіннен дәл осындай мерзімге ұзартылуы мүмкін.

Соңғы жылдары Қазақстан Республикасында заңнаманы жандандырудың қарқынды үрдісі жүргізілуде. Қоғам өмірінің барлық салаларындағы қатынастардың құқықтық негіздері жетілдіруде. Қазіргі әлемде ешбір мемлекет толығымен оқшауланып өмір сүре алмайды, мемлекеттің сыртқы қатынастарымен қатар оның ішкі өмір салаларына, жалпы мемлекетшілік құқыққа, мәселен, шетелдіктердің қатысуымен жүзеге асырылатын құқықтық қатынастарды мемлекетішілік құқықты

калыптастыру үрдісіне де ықпал ету дәрежесі бар жекелеген мемлекеттердің және әлемдік қауымдастықтың әсерінен мүлдем арыла алмайды. Осыған байланысты соңғы жылдары Қазақстан Республикасында көші-қон үрдісін бақылау жетілдіруде. Қазіргі уақытта көші-қон үрдісін реттейтін сұрақтар бойынша қабылданған заң көші-қон заңдылығын бұзғаны үшін жауапкершілікті күшейтеді. Осылайша Қазақстаннан шығарылған шетелдіктерге бес жыл ішінде елге кіруге тыйым салынады, бекітілген келу ережелерін бұзған шетелдіктерді жеке тұлға және заңды тұлға жағынан қайта шақыру өтініштері қарастырылмайды.

Көптеген көші-қон полиция бөлімдерінде шетел азаматтарын тіркеу үшін қазіргі заманға сай операциялық залдар жасалып, «бір терезе» принципімен жұмыс істеп жатыр. Жеңілдік жасау мақсатында тіркеу қонақ үйлерде де жүзеге асырылады. Осы шаралар нәтижесінде көші-қон үрдісінің анықтығы қамтамасыз етіледі және сыбайлас жемқорлық мүмкіндігі аз болады.

Тәжірибе көрсеткендей, 2003 жылы елде енгізілген көші-қон карточкалар жүйесі тиімділігі артты. Бұл ішкі істер органдарының бес тәуліктен артық келген шетел азаматтарын есепке алуға жеңілдік жасады және ТМД елдерінің азаматтарын уақытылы тіркелуін және кетуін бақылауды күшейтеді [1]. Көші-қон карточкалары жүйесінің ары қарай дамуы Беларусь, Қазақстан, Ресей Федерациясы, Украина азаматтарының емін-еркін жүріп тұру бостандығы туралы келісім жобасына сәйкес құрылып жатқан Бірлескен экономикалық кеңістігінің шегінде қарастырылуда.

Халықаралық қатынас даму үстінде. Әрекет етуші келісімдер шегінде қызметтері заңсыз көші-қонмен байланысты мекемелер және тұлғаларға қатысты мемлекеттердің ішкі істер органдарының өзара ақпарат алмасу жүзеге асырылуда. Заңсыз көшіп-қонушыларды анықтау және шетел азаматтарын келуді бақылау мақсатында бірлескен жедел алдын алу шаралары жүргізіледі.

Көші-қон бойынша халықаралық мекемесімен, Халықаралық орталықпен және басқа да халықаралық ұйымдармен қарым-қатынас дамуда.

2005 жылдан бастап шетел азаматтарын тіркеу тек ел ішінде ғана емес, сонымен қатар Қазақстанға кіруге мемлекеттік шекара арқылы өтетін өткізу пункттерінде де жүзеге асырылады. Экономикалық дамыған және әлеуметтік тұрақты 28 елдердің азаматтары Сыртқы істер министрлігінде (СІМ) визаны дайындаумен қоса бір мезгілде тіркеледі. Қазіргі уақытта Ұлттық қауіпсіздік комитетінің департаменті және Ішкі істер министрлігімен елге келген шетелдіктер жөнінде ақпарат алмасу қиын жағдайда. Мемлекеттік шекара арқылы өтетін пункттер қажетті құрал-жабдықтармен қамтамасыз етілген.

Тағы бір өзекті проблемалардың бірі болып көптеген шетел азаматтарының, әсіресе СІМ мекемелерімен берілген іскерлік немесе жеке визамен алыс шетелден келген шетелдіктер біздің елге рұқсатсыз еңбек қызметімен айналысады. Заңдылықтағы проблемаларды пайдаланып, көптеген шетелдіктер Қазақстанда бірнеше жыл өмір сүреді.

Сыртқы істер министрлігімен бірлесіп визаларды беру тәртібі туралы жаңа нұсқаулық дайындалуда. Әлеуметтік және саясаттылық тұрақтылығы бар елдер қатары анықталуда, әрбір елдің азаматтарына виза беру және ұзарту тәртібі әр түрлі қолданады.

Заңсыз көшіп-қону сұрағына келетін болсақ, жыл сайын елімізде әрекет етуші заңдылықты бұзатын шамамен 300 мыңнан астам шетелдіктер жұмыс істейді, олардың көбісі Қырғызстан, Өзбекстан және Тәжікістан азаматтары. Сонымен қоса жұмыс берушілер де, жұмыскерлер де заңдылықпен бекітілген салықтар және басқа да төлемдер төлемейді, бұл еліміздің бюджетіне жағымсыз салдарын тигізеді. Былтырғы жылы тексерістер нәтижесінде анықталғандай, заңсыз еңбек етіп жатқан шетелдіктердің саны жеті мыңнан асты. Олардың бәріне елде болу мерзімі қысқартылды. Шетелдік жұмыс күшін заңсыз пайдаланғаны үшін мыңнан астам жұмыс берушілер жауапқа тартылды.

Алайда, әлемдік тәжірибе көрсеткендей, заңсыз көшіп-қону мәселесін тек қана әкімшілік әдістермен шешу мүмкін емес. Ол үшін еңбек рыногын реттейтін жүйелік шараларға, экономикалық, либералдық шараларға көшу қажет. Орталық-Азия аумағы мемлекеттерінде еңбек күшін пайдалануға рұқсат беру жүйесін өзгертіп, тіркеу үшін арнай төлемақы орнату қажет. Бұл заңсыз еңбек етіп жатқан шетелдіктерді анықтап және де бюджетке қосымша пайдасын тигізіп, сыбайлас жемқорлық фактілерін азайтар еді.

Кез келген мемлекеттік территория аумағында мемлекеттер жоғарғы билікті жүзеге асыратын кеңістік болып табылады. Мемлекет заң шығару жолымен билігіндегі территорияның шегінде құқықтық режимді орнатады да, сол территорияда өмір сүретін тұлғалардың құқықтары мен міндеттерін анықтайды. Тұлғаның осы мемлекет территориясында тұруы — оның сол мемлекетпен деректік байланысын анықтайтын фактор. Мемлекеттер мен оның территориясында тұратын жеке

адамдардың арасындағы деректік байланыстан басқа құқықтық байланыс әрекет етеді. Ол мемлекетке қатысты белгілі бір міндеттерді орындау мен құқықтарды иеленуден және мемлекеттің егеменді билігіне бағынудан көрініс табады. Шетел азаматтарына Қазақстан Республикасында заңмен қарастырылған құқықтар мен бостандықтар кепілдендіріледі. Олар Қазақстан Республикасының азаматтарына тиесілі құқықтар мен бостандықтарды теңдей дәрежеде иеленеді және солармен бірдей міндеттерді атқарады. Бұлар Қазақстан Республикасының Конституциясымен және басқа да нормативтік-құқықтық актілермен реттеледі [2].

Жеке адамдардың құқықтары мен міндеттерінің сипатына байланысты тұрғындардың түсінігін нақтылауда оларды негізгі төрт санатқа жіктейміз:

- осы мемлекеттің азаматтары;
- қосазаматтылығы бар азаматтар;
- шетел азаматтары;
- азаматтығы жоқ тұлғалар.

Шетел азаматтары санаттарына тоқталайық. Шетелдіктер (шетел азаматтары мен азаматтығы жоқ тұлғалар) — белгілі бір мемлекет территориясында болатын, оның юрисдикциясына бағынатын, бірақ оның азаматы болып табылмайтын тұлғалар [3].

«Шетелдіктер» ұғымы нормативтік актілер мен құқықтық әдебиеттерде екі мағынада, кең және тар, қолданылады. Кең мағынада шетелдік ретінде сол мемлекеттің азаматтығына ие емес кез келген тұлға түсіндіріледі. Аталмыш терминді осылайша түсіну көптеген елдердің әдебиеттері мен құқықтық актілерінде көрініс тапқан.

Соңғы жылдары Қазақстан Республикасында заңнаманы жандандырудың қарқынды үрдісі жүргізілуде. Қоғам өмірінің барлық салаларындағы қатынастардың құқықтық негіздері жетілдіруде. Қазіргі әлемде ешбір мемлекет толығымен оқшауланып, өмір сүре алмайды, мемлекеттің сыртқы қатынастарымен қатар, оның ішкі өмір салаларына, жалпы мемлекетішілік құқыққа, мәселен, шетелдіктердің қатысуымен жүзеге асырылатын құқықтық қатынастарды реттейтін мемлекетішілік құқықты қалыптастыру үрдісіне де ықпал ету дәрежесі бар жекелеген мемлекеттердің және әлемдік қауымдастықтың әсерінен мүлдем арыла алмайды. Осыған байланысты Қазақстан Республикасындағы шетелдіктердің мәртебесін құқықтық реттеу тәртібін анықтайтын бірқатар теоретикалық ережелерді мазмұндауға болады.

Шетелдіктердің құқықтық мәртебесі мынадай тәртіпте қалыптастырылады: халықаралық құқықтың ықпалы шетелдіктер жеке адам ретінде адамдардың халықаралық-құқықтық мойындалған құқықтары мен бостандықтарының барлық жиынтықтарын иеленеді.

Бұл негізгі құқықтар мен бостандықтар жеке адамға қатысты, оның тұрғылықты жеріне қарамастан, тікелей қолданылатындығымен түсіндіріледі. Халықаралық құқық шетелдіктердің құқықтары мен бостандықтары саласындағы халықаралық стандартты белгілей отырып, жалпы бағыттаушы ықпалды жүзеге асырады және сонымен қатар мемлекеттердің, адамдардың, соның ішінде шетелдіктердің құқықтарын жүйелі түрде бұзғаны үшін жауапкершілікті бекітеді. Екі жақты және аймақтық келісімдер мемлекеттерді шетелдіктердің — келісуші тараптардың мемлекеттерінің азаматтарының құқықтық мәртебесін белгілі бір деңгейде реттеуге міндеттей отырып, неғұрлым нақты әсер береді.

Мемлекетішілік құқықтың ықпалы: шетелдіктер мекендеу мемлекетінің ішкі құқығында оған бекітілген құқықтар мен бостандықтарды иелену мүмкіндігіне ие болады және осы құқықпен жүктелетін белгілі бір міндеттерді орындауға міндеттенеді. Мекендеу мемлекетінің шетелдіктерге қатысты заңдарының әсері олардың құқықтары мен бостандықтарын бағалауда негізгі және анықтаушы фактор болып есептеледі. Мемлекет мемлекеттік егеменділік және ішкі істерге араласпау қағидаларына сүйене отырып және осы саладағы халықаралық міндеттемелерін ескере отырып, шетелдіктерге нақты құқықтар мен бостандықтарды берудің, белгілі бір міндеттемелерді жүктеудің саяси-құқықтық негіздерін дербес түрде анықтайды №

Мемлекеттің азаматтылық құқықтық жүйесінің ықпалы: шетел азаматы мемлекетке қатысты ниетінің түзулігін сақтауға, оның азаматтылық қатыстылығы дерегінен туындайтын бірқатар міндеттерді атқаруға тиісті. Бұдан басқа оған мемлекетпен тұрған жеріне қарамастан, ұсынылатын бірқатар құқықтарды иеленеді.

Әдетте мемлекет территориясында өз азаматтарынан басқа шетелдіктер деп аталатын жеке тұлғалар санаттары тұрады.

Қазақстан Республикасында «шетел азаматы» термині қолданылады. Қазақстан Республикасы Президентінің 1995 жылғы 24 маусымындағы «Қазақстан Республикасындағы шетел азаматтарының

құқықтық жағдайы туралы» заңдық күші бар Жарлығының 2-бабының 1-тармақшасына сәйкес «Қазақстан Республикасының азаматтары емес және өзінің басқа мемлекеттің азаматтығына қатысты екендігінің дәлелі бар адамдар Қазақстан Республикасындағы шетел азаматтары болып танылады» делінген [3].

Халықаралық құқық ғылымында көптеген авторлар «шетелдіктер» терминінің тар мағынасын көп қолданады. Г.И.Тункин мынадай анықтама береді: «Шетелдік дегеніміз аталмыш мемлекеттің территориясындағы, бірақ оның азаматы болып табылмайтын және басқа мемлекеттің азаматтығындағы тұлға танылады», осыған ұқсас анықтамалар басқа да еңбектерде кездеседі [4; 151].

Негізінен бұл тұжырыммен келісе отырып, «шетелдіктер» терминінің «шетел азаматтары» ұғымымен салыстырғанда ауқымы тарлау екенін ескеріп кеткен жөн.

«Шетелдіктер» белгілі бір елдің тұрғындары туралы сөз болғанда және осы елдің территориясындағы тұлғалар санаттарын, елдерді анықтау қажеттілігі туындағанда әділетті. Дегенмен, шетелдіктердің құқықтық режимін зерттеуде жеткілікті деңгейде нақты емес, себебі кез келген мемлекеттің территориясында территориялық әсерлі заңдар қабылдануы мүмкін, яғни белгілі бір құқықтарға шекарадан тыс орналасқан тұлғалар да ие болуы мүмкін. Нақтырақ айтсақ, бұл мүлктік құқықтарға, азаматтықты алу құқықтарына және т.б. қатысты. Екіншіден, көрсетілген тұжырым азаматтығы жоқ тұлғалардың, яғни апатридтердің, бар екендігі ескерілмейді.

«Шетел азаматы» азаматтардың түрлі санаттарын қамтитын неғұрлым кең мағынаға ие болады. Қазақстан Республикасының «Қазақстан Республикасындағы шетел азаматтарының құқықтық жағдайы туралы» заңдық күші бар Жарлығында бір жағдайларда халықаралық-құқықтық қағидалардың күшінен, екінші бір жағдайларды қалыптасқан тәжірибенің күшінен жүзеге асырылатын шетелдіктердің ерекше санаттарынан туындайды. Жарлық барлық шетел азаматтарын екі негізгі санатқа бөліп қарастырады: Қазақстан Республикасында тұрақты тұратындар және уақытша тұратындар. Тұлғаны осылардың біреуіне жатқызу критерийі Қазақстан Республикасы аумағында болу мерзімі емес, шетелдіктің мемлекетпен құқықтық байланысының тұрақтылық дәрежесінде, Қазақстан территориясында болу мақсаты мен сипатында.

Қазақстан Республикасында тұрақты тұрушылар деп соған ішкі істер органдарының берген рұқсатын және шетелдік азаматтың Қазақстан Республикасында тұруға ықтияр хатын не азаматтығы жоқ адамның куәлігін алған шетелдік азаматтар мен азаматтығы жоқ тұлғалар танылады. Тұрақты тұруға рұқсат берудің міндетті шарты мұндай рұқсат алуға үміткер адамның Қазақстан Республикасының Үкіметі белгілеген тәртіппен Республикада болу кезеңінде өзінің төлем қабілетін растауы болып табылады.

Қазақстан Республикасында өзге заңды негізде жүрген шетел азаматтары Қазақстан Республикасында уақытша болушылар деп саналады. Олар белгілі тәртіппен тіркелуге және белгілі болу мерзімі өткен соң республика территориясынан кетуге міндетті.

Заңнамада шетел азаматтарының екі санатын бекіту осы саладағы қалыптасқан тәжірибеден туындайды, сонымен қатар мұндай санаттар бұрын кеңестік заңнамамен қарастырылғандығы мән-жаймен де түсіндіріледі.

Біз Г.И.Тункиннің ойымен келісеміз, ол тұрақты тұратын шетел азаматтарының мәртебесі Қазақстанға уақытша тұруға келген шетелдіктердің мәртебесінен өзгеше. Қазақстан Республикасында тұрақты тұратындар деп соған рұқсаты бар және арнайы органдарымен рұқсат берілген шетел азаматтары есептеледі. Қазақстан Республикасының аумағында басқа заңды негіздермен болатын шетел азаматтары уақытша тұруға келгендер деп саналады. Олар Қазақстан Республикасында олармен анықталған белгілі бір мерзім өткеннен кейін кетуге міндетті. Осы жерде уақытша тұрудың нақты анықталған мерзімдері бекітілмеген. Заң белгілі бір тұлғаның елдегі тұрақты тұру дерегі мәнді түрде оның құқықтық жағдайын анықтайтындығына сүйенеді. Бұл еңбек қызметі, шетелдіктердің тұрғын-үй қатынастарындағы құқығы денсаулық сақтау, білім алу сияқты сұрақтарға қатысты. Кейбір мәнсіз ерекшеліктерден басқа, барлық жағдайларда шетелдіктерге Қазақстан Республикасының азаматтарына берілетін барлық құқықтар беріліп, сондай міндеттер жүктеледі [4; 153]. Бұл шетелдіктердің нақ осы санаттары қоғам өмірімен неғұрлым тығыз байланыстылығымен түсіндіріледі, сондай-ақ заңнаманың күшінің осы тұлғаларға таралу қажеттілігі соғұрлым басым.

Аталмыш ережеден заңның күші иммунитетті қолданатын тұлғаларға қатысты емес деп түсіну жаңсақ пікір. Мұндай тұлғалар заңнама, соның ішінде шетелдіктердің құқықтық жағдайы туралы заңнама талаптарын орындауға тиіс. Олар заңдарды сақтауға міндетті, бірақ құқық бұзушылық әрекеттері жасалған уақытта мұндай тұлғалар қылмыстық, азаматтық және әкімшілік юрисдикциядан иммунитетін қолданады.

Шетелдіктердің нақты мемлекеттердегі бекітілген құқықтары мен бостандықтарының көп түрлілігіне қарамастан, мемлекеттер осы көлемді анықтауда қазіргі кездегі халықаралық құқықтағы адам құқықтарын қорғау қағидаларын, сонымен қатар шетелдіктердің құқықтық жағдайына қатысты арнайы қағидалардың талаптарын басшылыққа алуға міндетті. Шетелдіктердің құқықтарының, міндеттерінің көлемін анықтау — әрбір мемлекеттің ішкі құзырындағы мәселе. Дегенмен мұндай бекітілім мемлекеттің бұл саладағы құқығы шектелмеген деуге болмайды.

Мемлекеттер өз елінде шетелдіктердің құқықтық жағдайын анықтай отырып, қазіргі кездегі халықаралық құқықтық негізгі қағидаларын, сонымен қатар өзі қатысушы болып табылатын нормаларды сақтауға міндетті.

Қазақстан Республикасындағы шетел азаматтары ретінде Қазақстанның азаматы болып табылмайтын және басқа мемлекеттің азаматтылығында екендігі туралы дәлелдемелері бар тұлғалар танылады.

Әдебиеттер тізімі

1. Қазақстан Республикасы Үкіметінің 2000 жылғы 28 қаңтардағы Қаулысымен бекітілген «Шетелдік азаматтардың Қазақстан Республикасына келуінің және болуының, сондай-ақ олардың Қазақстан Республикасынан кетуінің тәртібі» / Заң деректер базасы.
2. Қазақстан Республикасының 1995 жылдың 30 тамызындағы Конституциясы (1998 жылдың 7 қазанындағы өзгерістер мен толықтырулармен қоса). — Алматы: Баспа, 2008. — 28 б.
3. Қазақстан Республикасы Президентінің 1995 жылғы 19 маусымындағы «Қазақстан Республикасындағы шетел азаматтарының құқықтық жағдайы» заң күші бар Жарлығы. — № 2338 / Заң деректер базасы.
4. Тункин Г.И. Международное право. — М.: Юрид. лит.-ра, 1994. — 512 с.

ӨОЖ 343.85:351.745

Д.А.Уақасов

ҚР ІІМ Б.Бейсенов атындағы Қарағанды заң институты

ІШКІ ІСТЕР ОРГАНДАРЫНЫҢ ІЗДЕУ ТОПТАРЫМЕН ҚЫЛМЫСТАРДЫ АШУ МЕН ТЕРГЕУ БАРЫСЫНДА ЖҮРГІЗІЛЕТІН ІЗДЕУ-БӨГЕУ ШАРАЛАРЫНЫҢ ҰЙЫМДАСТЫРЫЛУЫ МЕН ЖҮЗЕГЕ АСЫРЫЛУЫ

В данной статье автор рассматривает основные правовые проблемы, касающиеся вопросов организации и реализации поисковых мер во время раскрытия и расследования преступлений поисковыми группами органов внутренних дел.

In this article author considered the main legal rules concerning organization and realization of searching measures during disclosing and investigating of crimes for reconnaissance groups of police.

Әрине, еліміздегі заңға қарсы іс-қимылдарды, демек, қылмыстарды ашу мен тергеу барысында, ұйымдастырушы-басқарушылық қиындықтарды жою тергеуші мен жедел қызметкерлердің іздеу-барлау мен ақпараттық-зерттеу қызметін жүзеге асыру мен жетілдіруге, олардың тактика-психологиялық мүмкіндіктерін маңызды түрде жоғарылатуға жайлы жағдайлар туғызады. Бұл, өз кезегінде, құрылған іздеу топтарымен қылмыстарды ашу мен тергеу барысында қалыптасқан жағдайларды тиімді шешу нәтижелелерін және іздеу-бөгеу шараларының тиімділігін жоғарылатады.

Іздеу топтары дегеніміз — ішкі істер органдарының жедел қызметкерлерін және қылмысты ашу бойынша іздеу жұмысының тиімділігін арттыру мақсатында қатыстырылатын басқа тұлғаларды (жәбірленушілерді, куәларды және тағы басқаларды) қамтитын, қылмыстық іс бойынша анықталған міндеттерді шешуге арналып құралатын арнайы ұйымдастырылған құрылымдар.

Іздеу-бөгеу шараларын жүзеге асыру дегеніміз — бұл іздеу болжамдарын құрумен, типтік іздеу кестелерімен, іздеу міндеттерін шешу тәсілдерімен, қылмыс жасауда сезіктілер мен кінәлілердің орналасу орнын болжаумен және оларды анықтап, ұстаумен қамтамасыз етілетін ойлы қызмет [1].

Ғалымдардың көзқарасына сүйенсек, нақты осы іздеу топтарымен зерттелетін іздеу жағдайы ғана криминалистика мен жедел-ізвестіру қызметі теориясының жалғаспалы ынтымақтастығы мен әрекеттестігіне жол ашады, себебі бұл ғылыми санат олардың шиеленісу аймағында орналасқан. Екі ғылымның ғылыми аппараттарына тергеулік жағдайдың бір түрі ретінде «іздеу жағдайын», «өзекті мәселелі жедел-ізвестіру жағдайын» [2] және басқаларын енгізу, біздің және көптеген ғалымдардың пікірі бойынша, екі жеке ғылымның ынтымақтастығы мен әрекеттестігіне объективті әсер етеді, криминалистиканы құқық қорғау органдарының тергеу және жедел аппараттарымен қылмыстарды ашудағы іздеу қызметінің ұйымдастырылуы мен жүзеге асырылуы туралы біліммен маңызды түрде толықтырады.

Іздеу жағдайын іздеу-бөгеу жұмысының кез келген кезеңіндегі іздеу және басқа да ақпараттардың көлемімен анықталады. Бұл ақпараттардың толық түрде тіркелуі, әсіресе жүргізілетін шараның мақсатын анықтауда, оған жету нұсқаларын таңдауда, тергеуші мен жедел қызметкердің мүмкіндіктер кешенін анықтауда, олармен тандалған іс-қимыл нұсқасын жүзеге асыруда маңызды.

Қылмыстарды ашу мен тергеу барысында тергеуші мен жедел қызметкердің іздеу қызметінде «қарсы әсер етуші» деп аталатын күрделі жағдайлар туындайды. Ол өзіндік факторлар тізбегімен мінезделеді, мысалы: уақыт пен ақпараттың аздығы, іздеу жағдайының белгісіздігі мен болжамды мінезі, қабылданушы шешімдер үшін жоғары жауаптылық.

Ең алдымен оларға келесілерді жатқызуға болады:

- әр түрлі объектілердің — криминалистикалық маңызды ақпарат қайнар көздерінің бар екендігінің әр дәрежелі болжамдығы;
- іздеудегі объектілердің нақты мінездемелерінің жоқтығы;
- іздеудегі объектілердің жоғалып кету мүмкіндігі;
- мақсатқа жетпеді негіздейтін жағымсыз салдардың пайда болу мүмкіндігі.

Жедел-тергеу тәжірибесінің талдауына сәйкес іздеу топтары іздеу-бөгеу шараларын жүзеге асырудың ұйымдастырушылық-іздеу нысанын қамтиды да, қылмыстарды ашу мен тергеу барысында алынған ақпаратты жүзеге асырады.

Іздеу топтары тек процессуалды ақпаратты ғана емес, жедел қайнар көздер мен арналардан алынған тыңшылық хабарламалардағы, сырттай бақылау мәліметтеріндегі және тағы басқа ақпараттарды өңдейді және жүзеге асырады. Сонымен қатар іздеу топтары ақпараттың нағыз (субъективті) үлгісімен қатар (жәбірленушінің, куәлардың, сезіктілердің, айыпталушылардың және тағы басқа тұлғалардың айғақтары), материалды-ақпараттық бекітілген үлгісін (оқиға болған жерді қарау уақытында, басқа да тергеу іс-қимылдарын жүргізу барысында табылған іздер) де өңдейді де, қылмыстарды ашу мен тергеу барысында қолданады.

Олардың қызметі криминалистикалық маңызды ақпараттың қайнар көздерін анықтауға, олардан жедел көңіл бөлінетін тұлғалар туралы ақпарат жинап, қылмысқа қатысы бар деп сезіктелген жеке тұлғаларды немесе кінәлілерді анықтау мен ұстауға бағытталған іздеу-бөгеу шараларын жүзеге асыруды қамтиды және қылмыстың тек криминалистикалық мінездемелеріне ғана негізделіп құрылуы екіталай, сонымен қатар қалыптасушы жағдайларды да ескерген жөн.

Қылмысты ашу мен тергеу үдерісінде қалыптасатын жағдайларды оқып-білу мен бағалау тергеуші мен жедел қызметкердің ойлану қызметінің логикалық, эвристикалық және сезімталдық нысандарында жүзеге асырылады. Бұл үдеріс жеке іздеу шараларын немесе олардың кешенін, тергеу іс-қимылдарын және нақты міндеттерді шешуге арналған басқа да шараларды жүргізу үшін шешім шығару мақсатында болжамды объектілер — криминалистикалық маңызды ақпарат қайнар көздері туралы мәліметтерді жинау, өңдеу және бағалау түрінде көрініс табады.

Криминалистикада жағдайлық көзқарасқа негізделе отырып, ұйымдасқан қылмыстық топтарға тән криминалды жағдайлардың әр түрлі аспектілері қарастырылады немесе, мысалы, криминалды құрылымдардың қылмыстық істі тергеуге «қарсы әсер етуінде» туындайтын тергеулік жағдайлардың белгілері талданады [3].

Іздеу қызметіндегі іздеу-бөгеу шараларына белгісіздік элементтері тән. Олардың бірыңғай шешімдері болмағандықтан, ең алдымен, ақпараттың аздығынан, оның әр түрлі бағалануынан және қарсылығынан қиындық туындайды.

Іздеу-бөгеу қызметіндегі криминалистикалық ақпарат қайнар көздерін іздеуде белгісіздіктің мінездемесі мен ерекшеліктерін оқып-білу ұғынушылық көзқарастың мол маңызын көрсете біледі, себебі бұл қызметтің субъектісі нақты анықтау мүмкін емес жағдайларда әрекет етеді де, жоғарғы мәселелік (қиындық) жағдайына душар болады.

Бұл үдеріске белгісіздік факторын енгізу оның ұғынушылық-психологиялық және тәжірибелі-праксиологиялық мазмұнын байытады [4].

Белгісіздіктерді жою тәсілдерін таңдау — шектеулі қиын және шығармашылықты үдеріс, себебі іздеудегі объект туралы тексерілген және бір мағыналы ақпараттың жоғында жүзеге асырылады. Іздеу жағдайының осы белгісіне назар аудару, әсіресе ғылыми зерттеудің криминалистикалық ақпарат қайнар көздерін іздеу үдерісінде ұйымдастырушылық-басқарушылық, тактикалық-психологиялық және логикалық-ұғынушылық әдістер мен тәсілдерді жалпылау үшін маңызды [5], бірақ бұл жерде белгісіздік факторларының әсерінен толығымен «құтылу» мәселесі қозғалып тұрған жоқ (тәжірибеге сай, бұл мүмкін емес), керісінше, іздеу жағдайын тиімді шешу бойынша нақты шешімдер мен тәжірибелік іс-қимылдар кешенін таңдау мақсатында оны терең талдау мен бағалау қажеттілігі туралы пікірлер айтылуда.

Пайда болу нысандары мен мазмұны бойынша белгісіздік бірқалыпты жаратылыс емес. Осымен байланысты ұғынушылық және қоғамдық қызмет үдерісіндегі белгісіздіктің көлемді де жан-жақты аймағы бар екенін ұмытпаған жөн, сондықтан тергеуші мен жедел қызметкер қылмыстық іс бойынша іздеу-бөгеу шараларын жоспарлау мен жүзеге асыру барысында оларды есепке алуы қажет.

Сөйтіп, іздеу-бөгеу қызметінің жүйекұрушы факторлары ретінде бірнеше объектілерді қарастыруға болады: криминалистикалық ақпараттың қайнар көздері және қалыптасқан іздеу жағдайының мінездемесі. Қылмыстық іс-жүргізу заңдылықтарына көз сала отыра, белгілі ғұлама ғалымдардың көзқарастарымен пікір таластырсақ, «қылмыстық іс бойынша дәлелденуі міндетті жағдайлар — қылмыстық істі дұрыс ашуға және кез келген нақты жағдайда сот өндірісінің міндеттерін шешуге арналған зерттелуші жағдайдың маңызды белгілері мен байланыстарын көрсететін жағдайлар жүйесі» деген қорытындыға келуге болады [6].

Бұлар келесі жағдайлар:

- қылмыс жағдайы (қылмыстың жасалу уақыты, орны, тәсілі және басқа да жағдайлары);
- қылмыс жасаудағы айыпталушының кінәлілігі, жасалған іс-қимылдың ниеті;
- жауаптылықтың дәрежесі мен мінезіне әсер ететін және айыпталушының жеке тұлғасын мінездейтін жағдайлар;
- қылмыспен келтірілген зардаптың сипаты мен көлемі;
- қылмыс жасауға себеп болған жағдайлар.

Арнайы әдебиеттерде осы жағдайлардың жеткілікті де жоғары дәрежедегі түсініктер болып табылатыны айтылады. Қылмыстардың криминалистикалық мінездемесі осы тұрғыда олардың типтік элементті-компоненттік құрамын анықтайды:

- қылмыскер;
- мақсаттар мен міндеттер;
- ниет;
- дәлелдеу заты;
- қылмыстық мақсатқа жету құралдары (іс-қимылдар, қылмыс жасау тәсілдері, қылмыс құралдары т.б.);
- қылмыстың механизмі мен салдары;
- іс-қимыл (қимылсыздық) мен салдар арасындағы себептік байланыс [7].

Жалпы айтқанда, бұл көзқараспен келісуге болады, бірақ ол нақтылау мен қосымшаларды қажет етеді. Іздеу топтарының іздеу-бөгеу шараларын жүзеге асыру бойынша қызметіне тек криминалистикалық мінездеме ғана емес, қылмыстың қылмыстық-құқықтық, криминалистикалық, жедел-ізвестіру мінездемелері, қылмыс болған аймақтағы жедел жағдайлар да негіз бола алады.

Әрқилы криминалистикалық ақпарат үлгісін өңдеу мен жүзеге асыру, біздің көзқарасымыз бойынша, іздеу жағдайының мазмұнына байланысты келесі нысандарда жүргізіледі.

Бірінші нысан: «Жәбірленушіден қылмыскерге», «қуәдан қылмыскерге», «сезіктіден, айыпталушыдан қылмыскерге», демек, іздеу жүргізуде қылмыскерге криминалистикалық ақпарат қайнар көздерін қолдану арқылы шығу (қылмыскердің немесе ұрланған мүлікті болжамды сатушының бейнесі). Мысалы, В.А.Образцов «тану» тәріздес іздеу шаралары қылмыскердің болжамды пайда болар орындарында оның бейнесін ойша құрастырушының көмегімен жүзеге асырылуы қажет екенін атап өткен [8].

Қылмыстарды ашу мен тергеу барысындағы іздеу-бөгеу шараларын жүргізудің негізін қалаушы бағыты болып қылмыскердің ақпараттық үлгісі саналады. Сол уақытта іздеу топтары іздеу жүргізудің басқа да ақпараттық үлгілерін қолдануы мүмкін.

Екінші нысан: Бұл нысан іздеу-бөгеу шараларын жүргізу барысында криминалистикалық ақпарат қайнар көздерін қолдану мүмкіндігі болмаған немесе криминалистикалық ақпарат қайнар көздерінің жоқтығымен (жәбірленуші немесе куә өліп қалған, өлтірілген және тағы басқа себептермен) байланысқан жағдайларда жүзеге асуы мүмкін: «жалған жәбірленушіден қылмыскерге», «болжамды жәбірленушіден қылмыскерге». Сонымен қатар ұқсас немесе латентті қылмыстарды (мысалы, көптеген зорлау қылмыстары бойынша жәбірленушілер құқық қорғау органдарына арызданбайды) зерттеуге ерекше көңіл бөлінген жөн.

Іздеу топтары, тәртіпке сай, қылмысты «ізін суытпай» ашу мүмкін болмаған жағдайда, қылмыстық іс бойынша құрылады. Тергеу тәжірибесінің талдауына сүйенсек, тергеу барысында сезіктінің сыртқы белгілері, қылмыстың жасалу тәсілі және қоғамға қауіпті іс-қимылдың басқа да кейбір жағдайлары (сезіктіде іздердің қалып кетуі немесе жүріс-тұрыс белгілері) анықталғанда, нақты қылмысты ашу үшін іздеу топтары құрылуы мүмкін. Осымен бірге аталған белгілер тиімді іздеу үдерісін қиындататын шамаға жуық сипатта болуы мүмкін. Жоғарыда көрсетілгендей, іздеу объектісінің тек толық анықталғанында ғана іздестіру үдерісі жүзеге асырылады.

Іздеу топтарының іздеу-бөгеу жұмысын ұйымдастыру үшін белсенді іздеу режимі қолданылады. Іздеу қызметінің негізін ұқсастықты, бірыңғайлықты, айырмашылықты анықтайтын психологиялық операцияларды таңдау бойынша шешім қабылдауды қамтитын қабылдау үдерісі құрайды.

Қабылдау дегеніміз — қабылданушы (зерттелуші) объектіні зерттеуге және оның көшірмесін құруға бағыттаған іс-қимыл. Қабылдау үдерісі іздеу және тану қозғалыстарына бөлінеді [9].

Криминалистика, педагогика мен психофизикада бір-біріне жақын мағыналас бірнеше термин кездеседі: тану, сұрап білу, табу, айырмашылығын табу және т.б. [10].

Айырмашылығын табу үдерісі келесі жүзеге асырылады:

- іздеу тобының жұмысын ұйымдастыру барысында нақты міндеттерді анықтау;
- дайындық үдерісінде сақталған ақпаратты еске түсіру немесе, керісінше, есінде криминалистикалық ақпарат қайнар көздерінің ойдағы бейнелерін құру;
- есіне түсірген объектілерді, ойдағы бейнелер мен заттарды біріктіру, салыстыру;
- іздеу объектілерін тану немесе танымау.

Іздеу топтарының іздеу-бөгеу шараларын жүзеге асыру барысындағы негізгі міндеттері:

- белгілері бойынша іздеудегі қылмыскерлерге ұқсас тұлғаларды анықтау, ал оларды тапқан кезде ұстау;
- қылмыскерді жана, әсіресе ұқсас қылмыс үстінде ұстау;
- денесінде, киімінде қылмыстың іздері бар тұлғаларды анықтау;
- қылмысқа қатысты болуы мүмкін тұлғаларды әрқилы жүріс-тұрыс белгілері бойынша анықтау.

Іздеу топтарының іздеу-бөгеу қызметін ұйымдастыру мен жүзеге асыру өзінің ерекшеліктері мен анықталған қиындықтарына ие. Себебі топ мүшелері тек нақты қылмысқа қатысты тұлғаларды анықтап қана қоймай, сонымен қатар сондай тұлғаларды ұстап, ішкі істер органдарына жеткізулері қажет.

Бұндай жағдайларда іздеу топтарының, демек, күрделі жағдайларда жақсы бағыт алушы ішкі істер органдарының жоғары білікті, мамандандырылған қызметкерлерінен құралған белсенді құрылымдардың іздеу-бөгеу жұмыстары келесі аумақтарда жүзеге асырылады:

- қылмыстың болжамды жасалатын аумақтарында;
- қылмыскердің болжамды қозғалыс бағыттарында;
- қылмыскердің болжамды тұрғын-жай немесе жұмыс орны аумағында (мөлтекаудан, ауыл немесе кәсіпорын, ұйым, мекеме және олардың орналасу аумағы).

Сонымен қатар қарастырулы жағдайлардағы іздеу топтарының жұмыс істеу аумақтары болып қалалар мен ауылдардың көшелері, үйлердің аулалары, қоғамдық көлік аялдамалары, саябақтар және тағы басқалары табылуы мүмкін. Кейбір жағдайларда іздеу топтары көршілес орналасқан зауыттарда, кәсіпорындарда, мекемелерде, ұйымдарда және тағы басқа жерлерде іздеу-бөгеу шараларын жүргізуі мүмкін.

Әрбір нақты жағдайда іздеу топтарының іздеу-бөгеу қызметін ұйымдастыру қылмыстың түріне, оның жасалу орны мен уақытына, сонымен қатар тергеудегі қылмыстық істің басқа да жағдайларына тәуелді болады.

Іздеу-бөгеу шараларын жүзеге асыру үдерісінде болжамды сезіктіні анықтау мен ұстау үшін іздеу топтарының бірнеше түрі құрылуы мүмкін. Бұл, ең алдымен, жаңа қылмыстың болжамды жасалу мүмкіндігіне және қылмыскердің болжамды қозғалыс бағыттарына тәуелді.

Өзінің құрамы бойынша іздеу топтары келесі түрлерде болуы мүмкін:

- куәлармен, жәбірленушілермен және басқа да тұлғалармен біріккен ішкі істер органдарының қызметкерлері;
- арасындағы біреуі «алдаушы» рөлін орындайтын ішкі істер органдарының қызметкері. (Қылмыскерді «қылмыс үстінде» ұстау үшін «алдаушы», немесе жалған жәбірленуші, рөлін өзінің өтілі мен сыртқы белгілері бойынша неғұрлым сәйкес келетін қызметкер ғана орындай алады).

Іздеу топтарының неғұрлым тиімді қызметі үшін жәбірленушілерді, куәларды және басқа да тұлғаларды қатыстырады, әсіресе бұлардың көмегін сезіктіні жақсы есіне сақтап қалған немесе оны сыртқы белгілері бойынша тануы мүмкін жағдайларда қолданған жөн [11].

Жәбірленушілердің, куәлардың және басқа да тұлғалардың өмірі және денсаулығына қатер төнетін жағдайларда, оларды іздеу топтарының жұмысына қатыстыруға қатаң тыйым салынады.

Сонымен қатар *іздеу топтары жұмысының үдерісінде келесі тәртіпті сақтау қажет:*

- қылмыскерді анықтау бойынша шараларды өзгелерден жасырын түрде жүзеге асыру;
- қылмыскерге белгілері және жүріс-тұрысы бойынша ұқсас тұлғалардың, мүмкіндігінше, барлығын анықтау;
- өзгелерге, топ мүшелеріне және әсіресе «алдаушы» рөлін орындаушы қызметкерге, деген зиян келтіруші жағдайларды жою шараларын жүргізу;
- қылмыскердің жаңа қылмыстар жасау мүмкіндігін жою.

Іздеу тобының іздеу-бөгеу жұмысы басталмас бұрын ұйымдастырушылық сипаттағы келесі сұрақтарды шешіп алған жөн:

- іздеу топтарының саны мен олардың құрамын анықтау;
- топ (топтардың) мүшелеріне, сонымен қатар белгіленген шараларға қатысушы басқа да тұлғаларға олардың міндеттерін түсіндіру;
- топ мүшелерін қылмыскердің белгілерімен және жүріс-тұрыс ерекшеліктерімен толық таныстыру;
- топ мүшелерін анықталған бағыттарға, аумақтарға, тұрғылықты жерлерге, кәсіпорындық және әкімшілік объектілерге бекіту;
- іздеудегі тұлғаның субъективті портреттерін, фотороботтары мен фотосуреттерін көбейту;
- топ жұмысы үшін қажетті криминалистикалық, жедел және басқа да техникалық құралдарды дайындау;
- топтың және оның жұмысына қатысушы тұлғалардың жағдайға сәйкес жасырыну мүмкіндіктерін қамтамасыз ету.

Осы аталған мәселелерді шешкеннен кейін ғана, іздеу тобы өз жұмысына кіріседі.

Іздеу топтары жұмысының тактикалық аспектілерінің өзіндік ерекшеліктері бар, себебі топ мүшелері өздерінің ішкі істер органдарына қатыстылығын өзгелерден құпияда ұстаулары қажет. Бұл сұрақтар, өкінішке орай, жедел аппараттардың қызметтік құпиясын құрайтын себептен нағыз мақалада қарастырылмайды. Ең маңыздысы — бұл өзінің ішкі істер органдарына қатыстылығын мұқият жасыру және өзін білдіріп қоймау. Іздеу топтарының қарастырулы жұмысын дұрыс және мұқият ұйымдастыра білу, тәртіпке сай, қылмыстың тез және толық ашылуына әкеледі.

Іздеу тобымен жүзеге асырылған іздеу-бөгеу шаралардың нәтижелері сәйкес мәлімдемемен құжатталады. Оны топ басшысы толтырады, онда топтың барлық жұмыс үдерісі және алынған нәтижелер, ал кейбір жағдайларда тактикалық және ұйымдастырушылық мінездегі ұсыныстар көрініс табады.

Сөйтіп, қылмыстарды ашу мен тергеу барысында іздеу-бөгеу шараларын ішкі істер органдарының жедел қызметкерлері мен қылмысты ашу мен тергеу бойынша іздеу-бөгеу жұмысының алдына қойылған мақсаттарына неғұрлым тиімді жету үшін қолданылатын басқа да тұлғаларды қамтитын, сонымен қатар қылмыстық іс бойынша қойылған міндеттерді шешуге арналып арнайы ұйымдастырылған құрылымдар, демек іздеу топтары, жүзеге асырады.

Аталған қызметті атқару барысында іздеу топтарымен жүргізілетін іздеу-бөгеу шараларының үдерісінде көптеген күрделі қиындықтар туындайды. Дегенмен, тек қысқа түсініктегі іздеу қызметін жүзеге асырып қана қоймай, сонымен қатар нақты да тиімді іздеу болжамдарын құру, сапалы деңгейде типтік іздеу кестелерін қолдану, қалыптасқан іздеу міндеттерін тез де толық шешу, қылмыс жасауда сезіктілер мен кінәлілердің орналасу орнын неғұрлым жақын дәрежеде болжау мен анықтау және оларды іздеуге қатысушылардың жеке қауіпсіздігін қамтамасыз ете отырып, неғұрлым қысқа

мерзімде ұстау арқылы көрсетілген қиындықтарды шешеді де, қылмыстарды ашу мен тергеу барысындағы іздеу қызметіне маңызды нәтиже береді.

Әдебиеттер тізімі

1. Самыгин Л.Д. Расследование преступлений как система деятельности. — М., 1989. — С. 71.
2. Воронин. С.Э. Проблемно-поисковые следственные ситуации и установление истины в уголовном судопроизводстве. — Барнаул, 2000. — С. 87.
3. Карагодин В.Н. Преодоление противодействия предварительному расследованию. — Свердловск, 1992. — С. 118–130.
4. Бирюков Б.В., Тихомиров О.К. Принятие решений как предмет методологических и психологических исследований // В кн. Козелецкий Ю. Психологическая теория решений. — М., 1979. — 470 с.
5. Шульц Д. Теория нечетких множеств и многозначная логика // Философские науки. — 1983. — № 6. — С. 121.
6. Миньковский Г.М. Понятие предмета доказывания // Теория доказывания в советском уголовном процессе. — М., 1973. — С. 139.
7. Образцов В.В. Выявление и изобличение преступника. — М., 1992.
8. Образцов В.А. Выявление и изобличение преступника. — М., 1997. — С. 74.
9. О понятии восприятия // Общая психология. — М., 1970.
10. Криминалистика. — М., 1976. — С. 63. Математические модели обнаружения различия // В кн. Психофизические исследования восприятия и памяти. — М., 1981. — С. 44–53.
11. Руководство по расследованию убийств / Под. ред. С.И.Гусева. — М., 1977. — С. 133.

ӘОЖ 347.93

Қ.Ж.Сатбаева

ҚР ІІМ Б.Бейсенов атындағы Қарағанды заң институты

АЛДЫН АЛА ТЕРГЕУ САТЫСЫНЫҢ ҰҒЫМЫ, МАЗМҰНЫ, ТҮРЛЕРІ ЖӘНЕ АЯҚТАЛУЫ

Современное уголовно-процессуальное законодательство существенным образом изменило подходы к правовой регламентации института приостановления производства по уголовному делу. Расширен перечень оснований для приостановления производства по уголовному делу, усилены гарантии прав участников, чьи интересы затрагивает принятие решения о приостановлении и возобновлении производства по уголовному делу. В данной статье рассматриваются понятие, содержание и формы приостановления производства по уголовному делу.

Modern criminal — processual legislation by essential image has change the approaches to legal regulation of the halt production on criminal deal extended list reasons for halt production on criminal deal, escalated warranties of the right participant, whose interests touches decision making about halt and renewal production on criminal deal. In given article are considered notion contents and forms of the halt production on criminal deal.

1995 жылы қабылданған Қазақстан Республикасының Конституциясы егеменді Қазақстанды жаңа саяси және экономикалық жүйені қалыптастыруға бағытталған демократиялық, зайырлы, құқықтық, әлеуметтік мемлекет ретінде бекітті. Конституция халықаралық-құқықтық актілердің басымдылығын мойындап, мемлекеттің ең қымбат қазынасы адам және адамның өмірі, оның құқықтары мен бостандықтары болып табылатынын жоғары заңдық деңгейде бекітті.

Құқықтық мемлекет, азаматтық қоғам құру жолында жеке тұлғаның құқықтық қорғалуына, адам және азамат құқықтары мен бостандықтарының кепілдіктерін нығайтуға алғы дәрежелі маңыз бөлінуі қажет. Қандай да болсын іс жүргізу ретінде қылмыстық іс жүргізу қызметінің саласына тартылған тұлғалардың құқықтарын қорғау мәселелері ерекше назар аударуды керек етеді. Олардың шешімі қылмыстық қудалау органдарының зорлық-зомбылық үшін жағдайларды болдырмауға, аталмыш тұлғалардың іс жүргізу құқықтары мен заңды мүдделерінің қорғалуын күшейтуге бағытталуы қажет. Қылмыспен күресті күшейтуде тергеу органдарының маңызы зор. Осыған байланысты қылмыспен күрестің тиімділігін арттыруға бағытталған шаралар, оның құқықтық реттелуі және тәжірибелік

ұсыныстарды мейлінше кең қолдануға ұмтылу проблемалары қазіргі уақытта алғы маңыздылыққа ие болып отыр.

Қазақстан Республикасының Қылмыстық іс жүргізу кодексінің (ҚҰЖК) қабылдануы қылмыстық іс жүргізу құқығының бірқатар институттары бойынша қалыптасқан бұрынғы көзқарастарды қайтадан жаңаша қарауға мәжбүр етті, сот төрелігі жүзеге асырылуы барысында жеке тұлғаның құқықтарына кепілдік беретін жаңа құқықтық институттардың құрылуына жол ашты.

Дегенмен, өзінің ары қарай зерттелуін талап ететін мәселелер де баршылық. Соның ішінде алдын ала тергеуде қылмыстық істер бойынша іс жүргізуді тоқтата тұруға байланысты проблемаларды зерттеу аса маңызды болып табылады. Алдын ала тергеуді тоқтата тұру мәселелерін зерттеу қажеттілігі тәжірибедегі мүдделіліктен туындап отыр. Статистикалық мәліметтердің көрсетуі бойынша, тергеу барысында қылмыстық істердің басым көпшілігі тоқтатыла тұрылады.

Тоқтатыла тұрған істерді талдау олардың көбі бойынша тергеуді аяқтауға бағытталған қажетті шаралардың ұзақ уақыт жүргізілмегендігін көрсетеді. Бұл жағдай тергеушілердің ағымды және тоқтатыла тұрған істер бойынша жұмыстарды көбіне-көп дұрыс үйлестіре алмаулары салдарынан, оларға қажетті назар аударылмағанынан туындайды.

Кейінгі кезеңде дейін қылмыстық істер бойынша іс жүргізуді тоқтата тұру институтының ғылыми зерттелуіне тиісті назар аударылған жоқ. Аталмыш мәселе бойынша жарық көрген жұмыстарда алдын ала тергеуді тоқтата тұру алдын ала тергеу органдарына қойылатын қазіргі талаптар ескерілмей, жалпылама шеңберде қарастырылады.

Қазіргі уақытта алдын ала тергеуді тоқтата тұру және қайта жаңғырту институтын ғылыми зерттеуге аса қажеттілік осы мәселелерге бірқатар ғалымдардың назарын аударуда. Осыған қарамастан, тоқтатыла тұрған істер бойынша құқықтық реттелу әлі де болса түпкілікті толық деңгейде зерттелген жоқ. Кейде тергеу органдарының тәжірибесінде тоқтатыла тұрған істердің бір іс жүргізуге біріктіру қажеттілігі туындайтыны белгілі. Мұндай жағдайлар қылмыс жасаған бір не бірнеше тұлғаларға қатысты бір немесе әр түрлі тергеу органдарындағы тоқтатыла тұрылған қылмыстық істер болған кезде кездеседі. Тоқтатыла тұрған істердің біріктірілуі қылмыстың нәтижелі ашылуы мен тергеудің сәтті аяқталуының маңызды шешімі болып табылуы тәжірибеде жиі кездесетініне дәлелдер баршылық. Бір немесе бірнеше тоқтатыла тұрған істердің тергеу процесіндегі іспен және екі немесе бірнеше тоқтатыла тұрған істермен біріктірілуі мүмкін. Өйткені тоқтатыла тұрған істердің бір іс жүргізуге біріктірілуі тек жекелеген ведомстволық нұсқаулармен ғана реттеледі.

Алдын ала тергеуді тоқтата тұру істі жүргізудегі уақытша және мәжбүрлі үзіліс болғандықтан, бұл істер бойынша жұмыс алдын ала тергеу органдарының бүкіл қызметінің ажыратылмас бөлігі болып табылады. Осындай әрбір іс бойынша қылмыстық сот ісін жүргізудің жалпы мақсаттарының мүлтіксіз орындалуы қамтамасыз етілуі қажет.

Заң, істі тоқтата тұру негіздерінің сипатына қарамастан, қылмыс іздерін табуға, жинауға және тіркеуге, сонымен қатар істердің барлық нақты жағдайларын ашуға бағытталған іс жүргізуді тоқтата тұру кезіне дейінгі барлық мүмкін болатын тергеу әрекеттерінің толық және сапалы орындалуын талап етеді.

Сонымен қатар тергеушінің басқа да бірқатар шараларды орындауы қажет, оның ішінде қылмыстық іс жүргізу заңымен реттелмеген, айыпкерлердің орналасқан жерін табу және ұстауға, сонымен қатар қылмыс жасаған тұлғаларды анықтауға және айыпкер жоқ жерде де жүргізілуі мүмкін айыпкерлерді емдеу мекемелеріне орналастыруға, оларды емдеу барысына бақылау жасауға және тағы басқа әрекеттерге байланысты жедел-ізвестіру шаралары.

Қазақстан Республикасы Қылмыстық істер жүргізу кодексінің 50-бабына сәйкес қылмыстық іс бойынша іс жүргізу толық не тиісті бөлігінде алдын ала тергеуші, тергеуші немесе сот қаулысымен келесі жағдайларда тоқтатыла тұруы мүмкін:

- айыпталушы ретінде жауапқа тартуға жататын адамның анықталмауы;
- айыпталушы тергеуден немесе соттан жасырынып қалған не оның тұратын жері басқа себептермен анықталмаған жағдайда;
- айыпталушыны қылмыстық ізге түсу иммунитетінен айыру не оны шетелдік мемлекеттердің беруі туралы мәселелердің шешілуіне байланысты айыпталушының іске қатысуының нақты мүмкіндіктері болмаған кезде;
- айыпталушы жүйкесінің заңда көзделген тәртіпте куәландырылған уақытша бұзылуы немесе өзге де ауыр науқастануы;
- айыпталушының Қазақстан Республикасынан тысқары жерлерде болуы;

- соттың аталған қылмыстық істе қолданылуға тиіс заңның немесе өзге де нормативтік-құқықтық актілердің Конституцияға сәйкес еместігін тану не адамның және азаматтың Конституциямен бекітілген құқықтары мен бостандығын шектейтіндігі туралы ұсыныспен Қазақстан Республикасының Конституциялық Кеңесіне өтініш жасауы;
- қылмыстық іс бойынша одан әрі іс жүргізуге уақытша кедергі келтіретін тежеусіз күштің іс-әрекеті;
- тиісті сараптама жүргізу;
- ҚІЖК-нің 55-тарауында көзделген тәртіпте құқықтық көмек алумен байланысты іс жүргізу әрекеттерін орындау.

Басқаша айтқанда, алдын ала тергеуді тоқтата тұру тек қылмыстың болғаны жайлы факті анықталғанда, яғни белгілі тұлғаның құқыққа қарсы әрекетіндегі қылмыс құрамының белгілері тиісті материалдармен дәлелденгенде, ғана мүмкін.

Сонымен, ҚР ҚІЖК бойынша тоқтата тұрылған қылмыстық істердің тоқтатылуы заңмен көзделген материалдық-құқықтық негіздер бойынша да, іс жүргізу негіздері бойынша да мүмкін.

Алдын ала тергеу — қылмыстық іс қозғалғаннан кейінгі қылмыстық іс жүргізу сатысы. Алдын ала тергеу органдары бұл сатыда жасалған қылмыстың барлық мән-жайларын: қылмыс оқиғасын, айыпталушының тұлғасын, оның кінәлілігі мен қылмыстық ниетін, келтірілген шығынның мөлшерін, қылмыстың жасалуына түрткі болған себептер мен жағдайларды және т.б. егжей-тегжейлі анықтауға міндетті. Аталған мән-жайларды анықтап, бағалау алдын ала жүргізіледі, себебі Сот үкімі заңды түрде күшіне енген күнінен бастап қана адам кінәлі болып саналатыны белгілі.

Сонымен, алдын ала тергеу — қылмыстарды ашу, кінәлілерді әшкерелеу, оларды айыпталушы ретінде белгілі бір негізбен тарту, қылмыстық істің барлық мән-жайларын анықтау және қылмыстық іс жүргізудің өзге де міндеттерін шешу бойынша анықтау органдарының, алдын ала тергеу және прокуратураның заңмен реттелген қызметі.

Профессор Н.А.Якубович алдын ала тергеудің мынадай міндеттерін атайды:

- 1) қылмыстарды тез және толықтай ашу, кінәлілерді әшкерелеу;
- 2) қылмыстық істің мән-жайларын жан-жақты, толық және объективті түрде зерттеу;
- 3) дәлелдемелерді табу және оларды кейін болатын соттық талқылау үдерісінде қолдану үшін іс жүргізу бойынша бекіту;
- 4) кінәсіздерді қылмыстық жауапкершілікке тартуды болдырмау бойынша адамды айыпталушы ретінде тартуды заңдылықпен болдырмау;
- 5) қылмыстық іс өндірісіне айыпталушының қатысуын қамтамасыз ету және оның басқа да қылмыстық әрекеттерге баруын болдырмау;
- 6) қылмыстың келтірген шығын мөлшерін анықтау және оны өтеу шараларын қолдануын қамтамасыз ету;
- 7) қылмыстың жасалуына түрткі болған себептер мен жағдайларды анықтау және оларды жою бойынша шаралар қолдану.

К.К.Панько пікірі бойынша, қызмет түрі ретінде алдын ала тергеудің мынадай өлшем-белгілері бар:

- құзырлы орган қылмыс құрамының объективті жақтарының белгілерін көрсеткен себептер мен жеткілікті айғақтар болса ғана алдын ала тергеу басталады;
- алдын ала тергеу — қашан да қылмыстық процессуалдық әрекет;
- алдын ала тергеуді заңмен белгіленген сотқа дейінгі қылмыстық-процессуалдық әрекетті жүзеге асыруға өкілеттілігі бар арнаулы маман ғана жүргізе алады.

Заңға, қылмыстық-процессуалдық өндірістің принциптері мен жалпы шарттарына негізделген алдын ала тергеу қылмысқа қарсы тиімді күрес жүргізуге, құқықтық тәртіпті нығайтуға, азаматтардың заңдық тәртіпті қалтқысыз сақтауына негіз болады. Сондай-ақ, керісінше, алдын ала тергеуді негізсіз жүзеге асыру, алдына қойған міндеттерді қылмыстық істі қозғау сатысындағыдай жүзеге асыру қоғам мен мемлекетке, жеке және заңды тұлғалардың құқықтары мен заңды мүдделеріне үлкен зиян келтіретін заңдылықты өрескел бұзу болып табылады.

Алдын ала тергеу сатысында тергеушілер мен анықтаушылардың тергеу барысында қозғалатын азаматтардың құқықтары мен бостандықтарына, адамға, оның еркін жүріп-тұруы мен тұрғылықты мекенін өз қалауынша тандап алуына, тұрғын үйлеріне, жеке басы мен отбасының құпияларына қол сұғылмаушылығына кепілдік беретін Қазақстан Республикасының Конституциясын сақтаулары міндетті. Олардың бұзылмауы үшін алдын ала тергеу және анықтау жүргізетін органдар тергеу мен

іздістіру әрекеттерінің әрқайсысын жеке және олардың бәрінің бірдей жиынтықталуын реттейтін қылмыстық-процессуалдық нормаларды бұлжытпай сақтаулары тиіс.

Тергеу тәжірибесінде кездесіп қалатын қылмыстылыққа қарсы күресті «күшейтуді» желеу еткен процессуалдық тұрғыдан ат үсті қарау болмауы керек. Тергеу органдарының тек қылмыстық-процессуалдық заңды сақтауы ғана ақиқатты анықтау мақсатындағы дәлелдемелерді жинап, зерттеуге қолайлы жағдай жасауды қамтамасыз етеді. Әрі, керісінше, белгіленген талаптарды сақтамау қылмысқа қарсы күрестің нашарлауына тікелей апарады, өйткені дәлелдемелер өзінің сапасын жоғалтып, қылмыстық жауапкершілікке тартылғанның нақты қылмыс жасағандығына күмән тудырады. Әлбетте, Қазақстан Республикасының аумағында қолданысқа ие, анықтау және алдын ала тергеу барысында қолданылатын барлық заңдар мен өзге де нормативтік актілер сақталуы тиіс. Алдымен қылмыстық-процессуалдық заңның сөз болатындығы, өйткені тек соның ғана нормалары тергеу әрекеттерінің мазмұны мен тәртібін белгілейді.

Қылмыстық іс бойынша алдын ала тергеу жан-жақтылық, толық, объективтілік дейтін талаптарға да жауап беруі қажет. Мұндай талаптар тергеу органдарын жасалған қылмыстың барлық мән-жайлары мен сипаты туралы, іс бойынша мәні бар мән-жайларды зерттеуін, барлық дәлелдемелерді ыждағатты бағалуын міндеттейді.

Алданы ала тергеуде жан-жақтылық, толық және объективтілікті сақтап жүргізу қылмыстық іс бойынша қабылданатын шешімнің дұрыстығын білдіретін шарттардың бірі болып табылады. Оларды ойдағыдай орындамау, бір жағынан, дұрыс айыптамаушылыққа, екінші жағынан — жасалған қылмыс үшін жазаланбау қауіпіне әкеліп соқтыруы мүмкін.

Алдын ала тергеудің үлкен заңдық маңызы бар. Ол мынадан байқалады: тергеу органдарының қылмыс пен оны жасаған адам туралы материалдар жинауынан, қылмыстық жауапкершілік жүзеге асады да, басқа адамдардың қылмыс жасауының алдын алу мүмкіндігі туады. Соңғысының тәрбиелік маңызы тергеу барысында қоғамға қарсы әрекеттер мен сезікті мен айыпталушыда жазаланбай қалуы мүмкіндігі туралы түсініктің әрі заңға бағынбаушыларға алдын ала ықпал ету мүмкіндіктері пайда болатынынан ап-айқын көрінеді.

Шытырман оқиғалар немесе фильм көріп отырып, тергеушінің немесе анықтау органдарының қызметінің жеңіл емес екеніне көзің жете түседі. Тергеуді шатастыру үшін қылмыскерлер әр түрлі «қулықтарға» баратыны анық, «іздерін жасыратыны» сондай, куәгерлер мен тергеушілерді өлтіруден де тайынбақ емес. Алдын ала тергеу органдары көзге бірден түсе қоймайтын қылмыс іздерін тауып, сол арқылы қылмысты ашуға ұмтылады.

Экономикалық дағдарыс та істі күрделендіре түсетіндей, алдын ала тергеуді жылдам да толық өткізу үшін қаражат жетпей жататыны бар, ал ұйымдасқан қылмыс жаңа ғылыми-техникалық құралдарды пайдаланып, қатары өсіп, нығая түсуде.

Алдын ала тергеудің міндеттерін орындауға алдын ала тергеудің жалпы шарттары аталатын заңда белгіленген талаптар жатады. Мұндай жалпы шарттарды бірнеше бөліктерге жіктеуге болар еді. ҚР ҚДЖК-інің 24-тарауына сәйкес бұл шарттарды қылмыстық істерді тергеу барысында қолдануға болатын, соның ішінде процессуалдық мәселелерді шешу үшін қажетіне қарай былайша топталады:

- тергеулік және тергеу орны;
- тергеуді бастауға қажетті алғы шарттар;
- тергеу мерзімдері;
- тергеуге уәкілетті тергеуші және өзге бір тұлғаның процессуалдық дербестігі;
- іс үшін маңызы бар өтініштерді қанағаттандырудың міндеттілігі;
- алдын ала тергеу мәліметтерді жариялауға болмайтындығы;
- қылмыстық істі біріктіру және бөлу;
- ғылыми-техникалық құралдар мен мамандарды пайдалану;
- қылмыс жасауға түрткі болған себептер мен жағдайларды анықтауға шаралар қолдану [1].

Енді біз алдын ала тергеудің басталуына арнайы назар аударып көрелік.

Қылмыстық құрамның объективті жақтарының белгілерін көрсететін мағлұматтар жеткілікті жиналғаннан кейін, қылмыстық істі қозғау туралы қаулы шығарылады. Сонымен бірге кез келген орган не лауазымды тұлға қылмыстық іс қозғауға құқылы, яғни алдын ала тергеуді бастай алады. Тергеу мерзімдері ҚДЖК-інің 196-бабында көрсетілген алдын ала тергеуді керек етпейтін істер бойынша анықтау мерзімі бір аймен немесе жиырма тәулікпен шектеледі. Егер сотқа дейінгі дайындық материалдары қаулы түрінде болуы мүмкін болса, қадағалаушы прокурор оны алдын ала

тергеу мерзімімен теңестіруге құқылы. Қылмыстық істер бойынша алдын ала тергеу екі айдан артық мерзімде бітпеуі керек. Алдын ала тергеу мерзімі қылмыстық іс қозғалған күннен бастап, айыптау қорытындысымен прокурорға жіберген сәтке немесе медициналық сипаттағы мәжбүрлеу шарасын қолдану туралы мәселені қарау үшін сотқа беру немесе іс бойынша өндірісті тоқтата тұру не тоқтату сәтіне дейін созылады.

Алдын ала тергеу мерзімі іс күрделілігіне байланысты аудандық және оған теңестірілген прокурормен — үш айға дейін; істің аса күрделілігіне байланысты облыс прокуроры мен оған теңестірілген прокурормен не олардың орынбасарларымен алты айға дейін тергеушінің қаулысы бойынша созылуы мүмкін. Одан кейінгі мерзімдердің созылуын ерекше жағдайларда Бас әскери прокурор, Қазақстан Республикасының Бас прокуроры немесе олардың орынбасарлары шешеді.

Көп эпизодты күрделі істер бойынша тергеуді прокурор не тергеу бөлімінің бастығы тергеушілер тобына тапсыруы мүмкін.

Күрделі істерге жататындар:

- бір мезгілде шешуді қажет ететін көп болжамды істер;
- әр түрлі қалалар мен аудандарда қылмыс жасайтын гастролер-қылмыскерлердің қылмысы бойынша;
- көп эпизодты;
- ұйымдасқан сыбайлас қылмыстар;
- қылмысты жасыру үшін әр түрлі тәсілдермен жасалғанынан тергеуге қиындық тудыратындар.

Қылмыстық іс жүргізу міндеттерін алдын ала тергеу мәліметтерін ашық жариялау арқылы шешуге тыйым салынады. Алдын ала тергеу материалдарының сотта қараудан айырмашылығы қажет деп тапқан көлемде тергеушінің не прокурордың жазбаша рұқсаты бойынша жарияланады.

Алдын ала тергеу өндірісі барысында мынадай әрекеттер жүргізіледі:

- қылмыс жасаған сезіктіні ұстау;
- жауап алу (сезіктіден, айыпталушыдан, куәгерден, жәбірленушіден, сараптамашыдан);
- беттестіру (сезікті, айыпталушы, куәгерлер, жәбірленушілер араларында);
- тануға ұсыну (тірі адамдарды, суреттерді, заттарды, құжаттарды, жануарларды, мәйіттерді, құрылыстарды, жер телімдерін (учаскелерін));
- тінту (орындарды, жер телімдерін (учаскелерін, жеке адамды тінту));
- зат алу (заттарды, құжаттарды, пошта-телеграф корреспонденцияларын);
- мүлікті арестке (қамауға) алу;
- қарау (оқиға болған жерді, жерлерді, орындарды, заттарды, құжаттарды, мәйіттерді);
- мәйітті эксгумациялау;
- куәландыру (айыпталушыны, сезіктіні, жәбірленушінің куәгерін);
- тергеу эксперименті;
- сараптама өткізу;
- салыстырмалы зеттеу үшін үлгілер алу.

Алдын ала тергеудің аяқталу сатысы — бірқатар маңызды міндеттер атқаратын процессуалдық әрекеттердің жиынтығы:

- іс бойынша алынған дәлелдемелерді жүйелеу және талдау;
- мәні бойынша талданып немесе алдын ала тергеудің аяқталғандығы туралы белгілі бір қорытынды шешім шығару үшін (істің тоқтатылуы туралы, медициналық сипатта мәжбүрлеу шараларын қолдану мақсатында сотқа жіберу т.б.) істі сотқа жіберуге дәлелдемелердің жеткіліктілігі (әрине, тергеу жүргізушінің пікірі бойынша);
- материалдардың толық екенін тексеру және кемшіліктерді жою бойынша шаралар қолдану;
- айыпталушыға не оның қорғаушысына істің барлық материалдарымен танысуға беру міндеттілігі;
- сот өндірісіне басқа да қатысушыларды (танысуға көңіл білдірген жәбірленушіні, азаматтық талапкерді және т.б.) алдын ала тергеу жүргізілген іс материалдарымен таныстыру;
- алдын ала тергеу кезінде іс өндірісі бойынша аталған қатысушылардың көмегімен кемшіліктер мен түсінбестіктерді анықтау;
- мұндай кемшіліктер мен түсінбестіктерді жою үшін шаралар қолдану;
- соттың істі қарау барысында айыптаушы және өзге де қатысушыларды өз құқықтары мен заңды мүдделерін қорғау үшін қажетті акпараттармен қамтамасыз ету.

Алдын ала тергеу сатысында қарастырып отырған қылмыстық істердің мәні мен мағынасын ұғу үшін қазіргі күні дәл осындай ұстаным қалыптасып үлгерді. Онда ұтымды тұстар да жоқ емес. Бірақ оны бірден бір ақиқат деп қабылдаудың да иіні келе бермейді. Өткен жылдардағы Қазақстанның тәжірибесі мен бірқатар елдердің қазіргі заманауи тәжірибесі қылмыстық істерді алдын ала (сотқа дейін) тергеудің аяқталу сатысының көптеген варианттары болуы әбден мүмкін ететіндігін айғақтайды.

Мәселен, революцияға дейінгі Ресейде алдын ала тергеу сот тергеушісінің соттық қарау барысында іс оңтайлы шешілуі үшін жеткілікті дәрежеде дәлелдемелер жиналды дегенде тергеу аяқталды деп есептелетін. Өзінің қорытындысын ол, ең біріншіден, айыпталушыға хабарлайтын. Айыпталушының тілегіне қарай тергеу материалдары таныстырылатын әрі тергеуші оған: «Өзін ақтау үшін ол тағы да материалдар бере ала ма?» деп анықтай түсетін. Сот өндірісіндегі басқа қатысушыларға тергеуші «тергеу аяқталды» деп хабарлайтын, содан кейін ғана «барлық өндірісті прокурорға немесе оның жолдасына» жіберетін. Егер прокурор толық жүргізілген, айыпталушыны сотқа беруге болады деген қорытындыға келсе, осы мәселе бойынша «айыпталушылық акт» түрінде жазылатын өзінің қорытындысын аймақтық сотқа жібереді. Бұл әрекет сотқа беру деп аталған.

Алдын ала тергеудің аяқталу мәселелері бойынша басқа шешімдер басқа елдердің қылмыстық сот өндірісі тәжірибесінде сұрыпталып анықталған.

Қолданыстағы ҚР ҚІЖК-і және РФ ҚІЖК-індегі алдын ала тергеудің аяқталу тәртібі ГФР-ның қалыптасып қалған қылмыстық іс жүргізуі түріне жақындау. Герман прокуроры көптеген қылмыстық істер бойынша істі сотқа жіберу туралы қорытынды шығарып, айыптау қорытындысы деп аталатын процессуалдық құжат толтырады. ГФР ҚІЖК-інің 200 §-на сәйкес бұл құжатта «кінәлі әрекеті үшін айыпталушы, қылмыстың жасалған уақыты мен орны, қылмыстық жаза тартуға құқықтық белгілері бар және қылмыстық заңды қолдануы (айыптау түрінде) көрсетіледі. Одан кейін мұнда дәлелдемелер келтіріліп, сот қарауы жүргізілетін сот пен қорғаушы көрсетіледі». Жеке судья қарастыратын қауіптілігі аз істер бойынша айыптау қорытындысында тергеу барысында анықталған істің барлық мән-жайларын мұқият келтіру міндетті емес. Жедел тәртіппен (жеңіл) қаралатын өндірістегі істерге айыптау қорытындысының қажеттігі шамалы (ГФР ҚІЖК-інің 212 а §-ның 2-бөлігі). Олар бойынша айыптау сот қарауында ауызша айтылады да, оның негізгі пайымдаулары сот мәжілісінің хаттамасында көрсетіледі. Тергеу аяқталғаннан кейін айыпталушыны іс материалдарымен таныстыру міндеттілігі мәселесіне келсек, ГФР ҚІЖК-інде бұл туралы ешқандай нақты нұсқау берілмеген.

Мұндай нұсқаулар Франция ҚІЖК-інде де айғақталмағандықтан, мұның өзі алдын ала тергеуді аяқтаған органдарды айыптаушыны істің барлық материалдарымен таныстыру міндеттілігінен толығынан босатады. Сотта қаралатын қауіпті қылмыстық істер бойынша айыптау жасалатын құжатты сөз етер болсақ, ол тергеулік қаулы түрінде судьямен рәсімделінеді. Онда айыпталушы туралы, оның туған жері мен күні-жылы, мекен тұрағы мен мамандығы туралы мәліметтер келтіріліп, сондай-ақ айыптаушыға кінә ретінде тағылатын әрекеттің заңдық саралануы, айып негізді деп санауға негіз болатын қылмыстық ниеттері көрсетіледі (Францияның ҚІЖК-інің 184-бабы).

Англосаксондық сот өндірісінде қылмыстық істер бойынша алдын ала тергеудің аяқталуына (сотқа дейінгі өндіріс) қатысты мәселелерді шешу үлкен айырмашылықтармен сипатталады. Осындай ерекшеліктердің бірі жарыспалылық принципін өзіндік түсінілуі болып табылады: осындай сот өндірісі қалыптасқан елдерде тергеуді аяқтаған органдардың айыптаушының іс материалдарымен танысуына қарсы болуы қарапайым қатардағы мәселе. Мұнда әр тарап «өзінің» дәлелдемелерін (айыптаушы — айыптаушылық, айыпталушы мен оның қорғаушысы — ақтайтын не жеңілдететін) жинайды. Әр тарап өзінің процессуалдық «қарсыласы» жинаған дәлелдемелерді шешім қабылдайтын сот қарауында бір-ақ біледі. Осы сәтке дейін тараптардың дәлелдемелермен өзара танысулары ерекше тәртіпті сақтауымен жүзеге асады: мәселен, кей жағдайларда айыпталушы сот қарауына дейін өз көрсетпелері жазылған хаттамамен, полиция мәліметтерімен танысу қажет болғанда, хаттамамен танысуды айыпталушыға міндеттейтін бұйрық шығару туралы судьяға өтініш жазады.

Осы топтағы елдерде (Англия, АҚШ және тағы басқа) қылмыстық істі қарауға негіз болатын құжаттар әр түрлі аталуы мүмкін: көбіне олар қауіпті қылмыстар болса айыпталушылық акт не қауіптілігі аз қылмыстар болса, ақпарат деп аталады. Олардың авторлары, әдетте, сот қарауында айыптауды қолдайтын лауазымды тұлғалар (АҚШ-та көбіне, біздің әдебиет көздерінде атто-нея деп атайтын прокурорлар, ал Англияда мұндай қызметті мемлекеттік органдардың шақыруымен адвокаттар — барристерлер) атқарады. АҚШ-та айыптау актісі аталатын құжатты сотқа берілмей тұрып алқа билер алқасы мақұлдауы керек.

Істі қарауға негіз болатын айыптау құжаттарының мазмұнына келер болсақ, ол мейлінше қысқа болуы керек: онда айыптаушы туралы, орны мен уақыты, жасалған қылмыс тәсілі және оның саралануы келтірілуі тиіс. Оған қосымша сот шақырылуы мүмкін адамдардың тізімі беріледі. Дәлелдемелердің тізімі мен талдануы, іс үшін белгілі бір маңызы бар мән-жайлар дәлелденуі не дәлелденбеуі туралы қорытындылар қажет емес.

Бұл мәселені тереңнен қазып, қарастыру барысында көптеген әдебиеттер оқылды. Әдетінде, қылмыстық-процессуалдық заңнамаға сәйкес алдын ала тергеудің екі түрі бар:

- алдын ала тергеу;
- анықтау.

Алайда әдебиеттерде басқа да ұстанымдар бар. Мәселен, К.К.Панько материалдарды хаттамалық түрде сотқа дейінгі дайындауды алдын ала тергеудің үшінші түріне жатқызады [2].

Материалдарды хаттамалық түрде сотқа дейінгі дайындаудың мәнін ғалымдар әр түрлі қабылдайтыны байқалады. Кейбіреулер оны анықтаудың бір түрі деп таныса, басқалары — қылмыстық істі қозғау негіздерін тексеру тәртібі ретінде, үшіншілері әкімшілік әрекет, өз алдына бөлек тергеу деп таниды. Материалдарды хаттамалық түрде «сотқа дейінгі дайындау» ұғымының анықтамасын айрықша «сотқа дейінгі өндіріс» деп атаған әлдеқайда қолайлырақ болар еді.

Өзге ғалымдар, мәселен, Н.А.Якубович, алдын ала тергеудің аралас алдын ала тергеу (алдын ала тергеу міндетті болып келетін істер) және содан кейінгі келетін алдын ала тергеу аталатын түрлері де болады деп біледі.

Бірақ, біздің пікірімізше, мұны алдын ала тергеудің үшінші түрі деп айтуға болмайтындай, бұл жерде алдын ала тергеудің бір түрінен (анықтау) алдын ала тергеудің екінші түріне ауысуы байқалады.

Сонымен, қылмыстық-процессуалдық заңнама алдын ала тергеудің екі түрін ажыратады. Олар өзара процессуалдық тәртіппен және оларды жүргізетін органдар арқылы ажыратылады.

Алдын ала тергеудің негізгі түрін, әдетте, әр түрлі ведомстволардың тергеушілері жүргізетін алдын ала тергеу деп тану бар. Кейбір қылмыстық істер бойынша алдын ала тергеу ісі прокурор не сот қажет деп тапқан кезде жүргізіледі. Жасалған қылмыстың сипатына қарамай-ақ, алдын ала тергеу кәмелетке толмағандардың қылмыстық істері бойынша, сондай-ақ физикалық не психикалық кемшілігінен өзінің құқығын қорғауды жүзеге асыра алмайтындардың істері бойынша міндетті саналады. Алдын ала тергеу есі дұрыс еместердің қоғамға қауіпті әрекеті істері бойынша әрі қылмыс жасағаннан кейін жаны күйзеліске ұшырайтындардың істері бойынша да міндетті саналады.

Алдын ала тергеудің екінші түрі — анықтау.

Тергеу және анықтау органдарының өзара тиімді әрекетінсіз жасалған қылмыстың жасалуының мән-жайын толық, объективті және жан-жақты дәлелдеу мүмкін емес. Алдын ала тергеу органдарының өзара әрекеттерінің екі топтық түрі бар:

1. Өзара әрекеттің процессуалдық түрі:

- тергеушінің тапсырмаларын орындау;
- қылмыстық істі қозғау сатысында анықтау органының тергеушіге көмегі;
- алдын ала тергеу жүргізілу міндетті саналатын қылмыстық істі қозғау, олар бойынша кезек күттірмейтін тергеу әрекеттерін жүргізіп, одан әрі тергеу әрекеттерін жасайтын тергеушіге өткізу;
- жедел іздестіру шаралары негізінде анықтау органдары жинаған мәліметтерді тергеушінің пайдалануы;
- алдын ала тергеу жүргізу міндетті саналатын анықтау органдарының іс бойынша кезек күттірмес тергеу әрекеттерінің өндірісі кезеңінде бірігіп келіскен әрекеттері.

2. Өзара әрекеттердің ұйымдасу түрлері:

- жедел тергеу топтарының құрамында бірігіп жүргізген әрекеттері;
- алдын ала тергеу өндірісін қажет ететін қылмысты табылғандығы туралы анықтау органдарының тергеушіге бірден хабар беруі;
- күрделі және көлемді қауіпті қылмыстарды тергеу үшін тергеушілер мен анықтау бөлімінің қызметкерлерінен құралған жедел-тергеу топтарын (бригадалар) құруды ұйымдастыру;
- тергеулік және жедел-іздестіру әрекеттерін біріге келісіп жоспарлау;
- халық алдында түсіндіру және алдын алу шараларын өткізу;
- прокуратура, тергеу, анықтау қызметкерлерінің ведомствоаралық жедел мәжілістері;
- оқу-жаттығуларды бірігіп өткізу [3].

1. Қазақстан Республикасының қылмыстық іс жүргізу кодексі. — Алматы: Норма-К, 2002. — 288 б.
2. Паныко К.К. Приостановление и возобновление предварительного следствия. Прекращение уголовного дела / Уголовный процесс России. — Воронеж, 2003. — С. 247–257.
3. Якубович Н.А. Приостановление и возобновление предварительного следствия в аспекте УПК РФ 2001 г. // Уголовное право. — 2002. — С. 81.

К.А.Мусина

Карагандинский юридический институт МВД РК им. Б.Бейсенова

ОБЩЕЕ ПОНЯТИЕ ДОГОВОРА ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Мақалада келісім жасасу негізіндегі заңнамаларды шығару және тұжырымдамалық тарапының шарт жиынтығы келісім түсінігі анықталады.

In the given article the concept of the agreement is defined as a set of conditions formulated by the parties and sounding in the legislation on which making of contract is based.

Гражданский оборот выступает в форме товарного оборота. Но «чтобы данные вещи могли относиться друг к другу как товары, — писал К.Маркс, — товаровладельцы должны относиться друг к другу как лица...». Вследствие этого, указывает далее К.Маркс, общественное отношение, будучи товарным по своей экономической природе, принимает вид юридического волевого отношения, формой которого является договор. Отсюда — широкая распространенность договорных отношений, свойственная гражданскому обороту. Ядром договора является свобода воли его участников. Даже при социализме, в условиях обязательного заключения хозяйственных договоров, сохранялась определенная свобода воли контрагентов. Основной концепцией советской цивилистической науки по поводу оснований возникновения хозяйственного обязательства была теория сложного юридического состава: план плюс договор. В процессе ломки социалистических основ хозяйствования общее значение договора изменилось решительным образом. Одна законодательная фраза — «принцип свободы договора» — подрубила корень экономической планово-административной системы социалистического строя и ознаменовала переход к иному обществу. Такой роли договор в истории никогда не выполнял. Договор был только регулятором, но не преобразователем экономических отношений. Договор — один из узловых элементов правового государства в экономике. Он инструмент демократизации экономики, а через нее и общества, ибо по своей природе предполагает независимость, самостоятельность сторон, признание ценности собственного «я» в имущественной сфере. Важнейшее глубинное требование экономики — функционировать по договору. Общество, в принципе, может существовать при минимальной роли договора, но тогда правила обмена заменяются другими: приказными, традиционными, религиозными, нравственными. Цивилизованный же рынок не может прожить без правового договора.

Договор опосредует отношения как между юридическими лицами, так и гражданами. Ввиду отмеченной роли договора он занимает центральное место среди юридических фактов гражданского права, а договорные отношения составляют основную по значимости и подавляющую по численности массу обязательственных правоотношений. Легальное определение договора дается ст. 378 ГК: «Договором признается соглашение двух или нескольких лиц об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей». Поскольку договор является видом сделки, то к нему применяются правила о двух- и многосторонних сделках. Под договором понимают соглашение двух или нескольких лиц об установлении, изменении или прекращении гражданских правоотношений. Понятие договора отличается от более широкого понятия гражданско-правовой сделки: договор — это не всякая, а лишь такая сделка, которая совершается совпадающими волеизъявлениями двух или нескольких сторон (двух- или многосторонняя сделка). Вместе с тем понятие договора не следует смешивать с понятием обязательства. Обязательства могут возникать не только из договоров, но и из административных актов, односторонних сделок, неправомерных действий и т.д., т.е. носить как договорный, так и внедоговорной характер. Договорным же признается лишь такое обязательство, которое возникает на основе соглашения его участников.

Нужно также учитывать, что термин «договор» не всегда употребляется в одном и том же значении этого слова. Помимо того, что так именуется соглашение сторон, иногда под договором понимают самое обязательство, возникающее из такого соглашения, а в некоторых случаях этот термин обозначает документ, фиксирующий факт возникновения обязательства по воле его участников. Разумеется, для всестороннего ознакомления с сущностью договора он должен быть изучен и как юридический факт, и как правоотношение, и как форма, используемая при его заключении. Но к форме договоров относятся общие правила о форме гражданско-правовых сделок. Содержание правоотношений, порожаемых договором, зависит от особенностей конкретных договорных типов и рассматривается при освещении купли-продажи, имущественного найма, подряда и других договорных обязательств. Здесь же договор изучается только как юридический факт, т.е. как соглашение, направленное на установление, изменение или прекращение гражданских правоотношений.

Соглашение, именуемое договором, признается юридическим фактом, потому что оно влечет определенные гражданско-правовые последствия. При этом договор, как акт волевого характера, оказывает иное влияние на порождаемые им гражданские правоотношения, нежели юридические факты, именуемые событиями. Значение юридического события ограничивается только тем, что оно способно вызвать наступление правовых последствий в случаях, указанных в законодательстве. Договор же, обладая и этой способностью, кроме того, определяет в соответствии с требованиями законодательства конкретное содержание правомочий и обязанностей участников создаваемых им правоотношений. Поэтому, если характеристика юридических событий полностью исчерпывается указанием на их правообразующее действие, то договор должен быть изучен также и с точки зрения роли, которую он играет в формировании содержания обязательства, поскольку последнее зависит от содержания самого договора. Содержанием договора называют совокупность его условий, сформулированных сторонами или вытекающих из законодательства, на котором заключение договора основано. Встречающиеся иногда попытки определить содержание договора, указывая как на его условия, так и на вытекающие из него права и обязанности, ошибочны и объясняются смешением договора как юридического факта с самим договорным обязательством. Права и обязанности образуют содержание обязательства, но не породившего его договора, а совокупность условий составляет содержание соглашения, но не обязательства, которое из него возникло. И подобно тому, как несоединимы в одном понятии юридический факт и его правовые последствия, исключено образование единого понятия договорного соглашения и договорного обязательства.

Разнообразные условия, известные практике установления договорных обязательств, с учетом их юридической значимости можно свести к трем основным группам: существенные, обычные и случайные. Существенными считаются условия, которые необходимы и достаточны для заключения договора. Это означает, что при отсутствии хотя бы одного из них, договор не признается заключенным, а если все существенные условия налицо, он вступает в действие, даже если и не содержит никаких других условий (п. 1 ст. 393 ГК). При определении круга существенных условий договора нельзя не считаться с тем, что решение этого вопроса зависит в первую очередь от специфики каждого конкретного договорного обязательства. Поэтому ГК к существенным условиям относит: а) условия о предмете договора; б) условия, которые признаны существенными законодательством или необходимы для договоров данного вида, в) а также все те условия, относительно которых по заявлению сторон должно быть достигнуто соглашение (ч. 2 п. 1 ст. 393 ГК).

Необходимыми, а значит, и существенными следует считать условия, выражающие природу соответствующего договора, а потому, при отсутствии любого из них, достигнутое соглашение не способно придать отношениям сторон те качества, которые превращали бы эти отношения именно в обязательство данного конкретного вида. Если соглашение по всем существенным условиям достигнуто, договор признается заключенным, и стороны считаются связанными договорным обязательством. Но для принятия на себя соответствующего обязательства любая из них может признать недостаточными те условия, которые названы как существенные законом или необходимы для договора данного вида. Обычные условия отличаются от существенных тем, что их наличие или отсутствие никакого влияния на факт заключения договора не оказывает. Более того, практически нет необходимости включать их в договор, так как они сформулированы в законодательстве. И поскольку контрагенты согласились заключить данный договор, тем самым признается, что они выразили согласие подчиниться условиям, которые по закону распространяются на договорные отношения соответствующего вида или на все договоры вообще. Случайные условия, так же как и обычные, не влияют на заключение договора. Но если обычные условия предусматриваются законом и начинают действовать в силу одного только факта заключения соответствующего договора, то случайные условия приобретают юридическое действие, лишь если они включены в самый договор. Нередко при помощи случайных условий решаются вопросы, законом не предусмотренные. Но чаще всего случайные условия появ-

ляются как результат видоизменения обычных условий, выраженных в диспозитивных нормах закона. Случайные условия сходны с существенными, так как и они приобретают силу лишь при включении их в самый договор. Более того, поскольку случайное условие может появиться лишь потому, что одна из сторон потребовала его согласования, а при наличии такого требования условие признается существенным, по первому впечатлению вообще стирается какое бы то ни было различие между существенными и случайными условиями. И все же различие есть, проявляясь тотчас же, как только возникает спор по поводу самого факта заключения договора. При отсутствии любого из условий, объективно относимого к разряду существенных, нет и самого договора. Но если одна из сторон отрицает факт заключения договора, ссылаясь на отсутствие в нем условия, согласования которого она требовала, то, поскольку такое условие по своей объективной природе случайно, договор может быть признан несостоявшимся лишь при доказанности выдвижения стороною требования о согласовании данного условия. При уяснении смысла и значимости различных видов договорных условий иногда допускаются неточности в характеристике тех из них, которые закреплены в законе и становятся условиями договора после его заключения.

Как видно из приводившихся ранее примеров, закон формулирует соответствующие условия в нормах диспозитивных или императивных. Обычный характер условий, включенных в диспозитивные нормы, очевиден и ни у кого сомнения не вызывает. Заблуждения начинаются лишь когда обычные условия закрепляются императивными нормами.

Одни авторы считают такие условия существенными, другие — вообще исключают их из числа как существенных, так и обычных. И тот и другой выводы неосновательны. Договор должен соответствовать обязательным для сторон правилам, установленным законодательством (императивным нормам), действующим в момент его заключения (п.1 ст.383 ГК). Если после заключения договора законодательством устанавливаются обязательные для сторон правила, иные, чем те, которые действовали при заключении договора, условия заключенного договора сохраняют силу, кроме случаев, когда законодательством установлено, что его действие распространяется на отношения, возникшие из ранее заключенных договоров (п. 2 ст. 383 ГК). Прочитированные нормы означают, что в сфере договорных отношений действует общее правило о недопустимости обратной силы законодательства. Однако самим законодательством может быть предусмотрена возможность изменения условий уже заключенных договоров путем введения обязательных для участников договора правил, действующих с обратной силой. В отличие от российского законодательства, где обратная сила новых правил может быть предусмотрена только законом, ГК РК допускает установление обратной силы любым актом законодательства. Установление соответствия содержания договора императивным нормам предполагает, что условия договора изложены ясно и определенно. Ясность и определенность условий договора требуется и для его надлежащего исполнения, и при возложении ответственности за нарушение договорных обязательств. Однако в реальной договорной практике достичь необходимой точности формулировок условий договора часто не удается, поэтому суду приходится прибегать к уяснению их смысла, т.е. толкованию. Толкование позволяет уяснить значение выраженных сторонами мыслей, но не должно заменять или дополнять эти мысли, исходя из того, что было бы разумней считать по-иному, чем это сделали стороны договора. Правила толкования даны в ст.392 ГК. Приоритет в толковании отдается буквальному содержанию слов и выражений. В случае неясности непосредственного значения буквального содержания слов и выражений оно устанавливается путем сопоставления с другими условиями и смысла договора в целом. И только тогда, когда буквальное истолкование невозможно, суд прибегает к выяснению действительной общей воли сторон с учетом цели договора. Для этого суд принимает во внимание все сопутствующие обстоятельства, включая предшествующие договору переговоры и переписку, практику, установившуюся во взаимных отношениях сторон, обычаи делового оборота, последующее поведение сторон. Следует обратить внимание, что методы толкования договора могут отличаться от методов толкования односторонних сделок.

Список литературы

1. *К.Маркс и Ф.Энгельс. Сочинения.* — Т. 23. — С. 94.
2. *Гражданский кодекс Республики Казахстан.* — Алматы, 2003.
3. *Чигир В.Ф. Содержание гражданско-правового договора // Гражданское законодательство. Статьи. Комментарии. Практика / Под ред. А.Г.Диденко. Вып. 22.* — Алматы, 2005.

А.С.Естібаев

Д.А.Қонаев атындағы университеті, Алматы

**ҰЛЫ ОТАН СОҒЫСЫ КЕЗІНДЕГІ ӘСКЕРИ ТРИБУНАЛДАРДЫҢ
СОТ ЖҮЙЕСІНДЕГІ ЖЕТЕКШІ ҚЫЗМЕТІ**

В статье рассматривается ведущая роль в судебной системе военных трибуналов в период Великой Отечественной войны. Автор приходит к выводу, что в Советском Союзе они являлись одной из основных компонент в государственной административно-управленческой структуре.

In given article author considering managing function military tribunal in judicial system during Great Domestic war, draws a conclusion about that that in Soviet unions military tribunals were a component part state administrative-command structures.

Қазақстанның мемлекеттік жүйесін қалыптастыруда сот жүйесін қайта құрудың орны ерекше. Алайда тарихи тәжірибенің көрсеткішіне құқықтық жүйенің қызметінің ұйымдастыру мен оның қызметіне байланысты ойластырылмаған іс-әрекеттер өзінің тиімсіз жемісіне алып келіп соғады.

Өрескел қателерді қайталамау үшін біздің аса бай тарихымызды пайдалануымызға болады, оның ішінде Кеңес өкіметінің тарихын да бізге үлкен тәжірибе береді. Сонымен қатар соңғы кезде Кеңес өкіметінің даму тарихына қоғам тарапынан қате баға берілуде. Мұның дәлелі есебінде ХХ ғасырдағы алып мемлекеттің тарапынан жасалған қате іс-әрекеттердің жемісі бүгінгі таңдағы қоғамымыздағы дағдарыстың бірден-бір себебі болып отыр. Қазіргі таңдағы тарихи зерттеулерге қарасақ, соның ішінде «ішкі» тәжірибеге байланысты «суық соғыстың» идеологиялық бағыты батыстың тарихи кезеңімен сәйкес келеді. Кеңес өкіметінің кезеңіндегі ГУЛАГ-тың тарихы, өткеніміздегі, зардап шегу, қоғамға аса зор қайғы-қасірет төндірген және тоталитарлық репрессиялық жүйемен ерекше есімізде қалды. Сондықтан да, Кеңес өкіметі қоғамындағы сот жүйесінің алар орны мен маңыздылығын ғылыми тұрғыдан зерттеу ерекше маңызға ие болып отыр. Мысалға әскери трибуналдардың Ұлы Отан соғысындағы дамуы мен алар орны, сонымен қатар әскери әділет және кеңестік сот жүйесін зерттеу соңғы кезге дейін жекелей қолға алынған емес.

Соғыс кезіндегі және соғыс алдындағы әскери әділет құрылымдарындағы қылмысқа қарсы бай тәжірибе мен мемлекеттік қорғанысты күшейту, соның ішінде әскери трибунал, кеңестік сот жүйесінің арнайы бөлімі ретінде ресейлік төтенше құқықтық жүйеде, әскери әділет саласында, негізгі құқық қорғау институттарының соғыс кезіндегі және төтенше жағдайларда толық қамтылмаған.

Әділет бөлімдерінің қызметі мен ұйымдастыру тәжірибесі КСРО-ның сот жүйесінің тағы бір ашылмаған парағы іспеттес.

Аталмыш зерттеудің негізгі бағыты Ұлы Отан соғысы жылдарындағы әскери трибуналдардың қызмет жүйесінің дамуын қарастырады, олардың Кеңес өкіметіндегі орны; әлі зерттелмеген тарихи-құқықтық ғылымның әлі ашылмаған жаңа парақтарын ашу және Қазақстан Республикасының соттық құрылымында пайдалану.

Қызыл Армияның әскери трибуналдарын және құқықтық салаларын зерттеуге өмірін арнаған кеңестік заңгерлерді атап айтуға болады, олар И.М.Бозров, П.К.Бурдин, Л.Н.Гусев, А.С.Емелин, П.И.Загорский, Д.С.Карев, А.С.Кобляков, В.М.Курицын, М.С.Строгович, Л.П.Рассказов, Ю.П.Титов және тағы басқалар [1].

Сонымен қатар әскери әділеттің аса маңызды тақырыбының бөлігі — әскери-сот жүйесінің осы заманға дейінгі зерттелмегендігі сол замандағы нормативтік-құқықтық актілердің мұрағатта қатаң қарауда болғаны.

Әскери трибуналдар сол кездегі коммунистік идеологияға байланысты ғылыми зерттеулер мен кеңес әдебиетінде жақсы жағынан сипатталып, орын тапты.

Қарама-қарсы көрсеткіштер ХХ ғасырдың 80-ші жылдары Кеңес өкіметінің әділет органдарында партиялық басшылықтың кемшін тұстары етіп көрсетілді, Кеңес Армиясының және халықты қорқытып-үркіту әрекеттері ПХК-ның тарапынан көрсетіліп, қоғамды қорқыныш жағдайына түсірді, ал қылмыстық және қылмыстық-процестік нормалар олардың қаруы болды.

Бұл орайда біздің зерттеуіміз соғыс жылдарындағы жағдайдың нақты алар орны мен әскери трибуналдардың мән-мағынасы жайында болмақ. Аталмыш зерттеу кеңестік сот жүйесіндегі және әскери әділет органдарындағы, сонымен қатар КСРО-ның ПМ кемшіліктерін атап көрсетеді.

ПХК үштігінің соттық емес репрессиялық жағдайын қатандатуына байланысты, шекара мекемелерінің және ішкі әскерінің өзінше КСРО-ның ПХК-сының Қарулы Күштері есебінде, 1938 жылы сотқа орналасу заңына сәйкес, әскери трибуналдарда ұйымдастыру тағы да өз бетімен КСРО-ның ПХК-мен қарастырылды.

КСРО ПХК-сының әскери трибуналдары Кеңес мемлекетінің сот жүйесі күшінің қаралуында арнайы бөлімі болып табылды, соған байланысты оларды ұйымдастыру айтарлықтай құқықтық-нормативтік актілермен реттелді.

ЖШҚА мен ЭТФ-ның әскери трибуналдарына қарағанда, тек әскери қызмет көрсету құрылымдарына, оның ішіне азаматтардың мемлекетке қарсы аса қауіпті қылмыстарды қарау, ішкі істер органдарының қызметкерлерінің қауіпсіздігі, қылмыстық-орындау жүйесінің конвойлық және шекара, сонымен қатар ішкі істер ПХК-ның әскерлері кірді.

ПХК-ның әскери трибуналының ерекшелігі, олардың жалпылама ұйымдастырылуы болды. 1926 жылғы «Әскери трибунал прокуратурасының заңына сәйкес» қарама-қайшылықтар, КСРО ПХК-сының әскери трибуналдарының құрылу жүйесі соғысқа дейінгі жылдары округтермен тығыз байланыста болған, мемлекеттегі сотталғандардың негізгі субъектісі әкімшілік-территориялық құрылым бойынша азаматтар болып табылды. ПХК-ның әскери трибуналдары аймақтар, облыстар, кеңестік және автономдық республикаларда өз қызметін атқарды, сонымен қатар ПХК-ның еңбекпен түзету лагерлерінде және арнайы құрылыстарында қолданылды. Соғыс алдындағы жылдарда ПХК-ның барлығы 76 әскери трибуналдары құрылды [2].

Соғыс кезіндегі әскери трибуналдардың қызметі нормативтік тұрғыдан Ұлы Отан соғысқа дейін реттеліп, дайындалды. Ұлы Отан соғысының басталуымен ПХК-ның әскери трибуналдары қайта құрылып, «Әскери трибуналдар туралы, жергілікті жерлерде, соғыс жағдайында әскери іс-әрекеттерді жүзеге асыру» 1941 жылдың 22 маусымында жаңадан бекітіліп, бейбіт жағдайда қолданылған ПХК әскери трибуналының тылдағы жұмысын қорғау және ПХК-ның әскери дивизиясы қарастырылды. Соғыс жылдарында ПХК-ның әскери трибуналдарының саны 152-ге дейін жетті [3].

Соғыс кезіндегі әскери жағдайға байланысты әскери трибуналдардың кейбір қызмет түрлері өзгертілді. Әскери трибуналдардың саны көбейген (соғыс алдында елде 298 трибунал болса, ал 1942 жылдың 1 наурызында олардың саны 823-ке жетті) себебі әділдікті үш сот қамтамасыз ете алмады.

Осыған байланысты 1942 жылдың 28 шілдесінде КСРО-ның Жоғарғы Соттың Президумының Жарлығында әділдікті орнатуда әскери қызметкерлердің қатысу мүмкіндігі қарастырылып, оларды саяси органдар мен әскери бөлімдердің басшыларының басқаруымен өтілді. Қызыл Армияның фашистік Гитлердің бұрынғы басып алған территорияларындағы сатқындарды әскери трибуналдарға салу операциясы ең ауқымдысы болды [3].

Ұлы Отан соғыс жылдарындағы әскери трибуналдар интенсивтік тұрғыда дамыды. Олардың ішіне жататындар: Отан сатқындары мен қорғаныстық өнеркәсіп орындарындағы қызметкерлер жұмыстан бастартып, жалған мәліметтерді таратып, халық арасында іріткі салғандар мен фашистік оккупанттарға көмектескендер т.б. Сотталғандар саны тым көбейіп кетті. Соғыс жылдарында әскери трибуналдарға сатқындар, ПХК-ның батальондарының тазартқыштарының ішінен де шыққан, ПХК-ның құрылыстық коллоналарының ішінен де және сатқындар, отбасы арасынан, сонымен қатар антикеңестік ұлттық ұйымдар мүшелері де кірді.

Соғыс жылдарындағы ПХК-ның әскери трибуналдарының сот істерінде негізінен төмендегідей ерекшеліктер болды: жабық сот отырыстарында екі жақтың қатысуынсыз; сот ісінің уақытын азайту; қылмыстық сот істерінде әскери бөлімдердің басшылықтарына қосымша күзиреттілік беру; шешімдерді қайта қараудың болмауы; жауға қарсы жеңіс үшін барлық әскери-соттық күштердің бірігуі. Соғыс жылдарында ең ауыр ату жазасы әскери соттардың тарапынан мемлекетке қарсы іс-әрекет істеген азаматтарға бекітілген. Белгілі себептерге байланысты мұндай жаза қолданған азаматтардың саны соғысқа дейінгі кезеңге қарағанда тым көп болды. Алайда соғыс кезінде әскери трибуналдар ату жазасын өзгертіп, өздерін айыбын жуып-шаюы үшін штраф бөлімдеріне жіберді, себебі КСРО-ның Қарулы Күштерінің ережелерін бұзған азаматтарды мақсатты түрде пайдалану алға қойылды.

1943 жылдың 19 сәуірінде КСРО-ның Жоғарғы Кеңесінің ұйғарымымен «Отанын сатқандарды, неміс-фашистік әскерін, шпиондарды, кеңестік азаматтарды қасақана өлтіргендерді жазалау туралы»

Жарлығы қабылданды. Аталмыш Жарлық бойынша істерді қарау үшін Қызыл Армияның қарамағындағы арнайы соттар бекітілді [4].

Соттың отырысы 28 РКФСРО ҚПК бөлімі бойынша өткізілуі қажет еді. Алайда дайындық жұмыстары қарастырылмаған. Жалпылай алғанда әскери соттардың қызметі кең етек алған жоқ. Әскери соттар негізінен қосымша тергеуді қажет етпейтін, қылмыс орнында ұсталған тұлғалардың істерін қарастырды. Әскери соттардың шешімдері дивизиялардың командирлерін бекіту және тез арада орындау болды.

Тергеу және соттық құрылымдар құқықтық тәжірибесінде Кеңес өкіметіне қарсы орын алған қылмыстар мен процестер аз кездескен жоқ. Қиындығына байланысты қылмыстар келісілген дәрежелері бойынша бөлінді, біріншіден, құқықтық тұрғыдан түсінігі анықталмаған субъектілік жағдайлар (кеңес әскери қызметкері немесе азаматтық адам немесе германдық әскери қызметкер), екіншіден, қылмыстың орын алған жері (ұрыс алаңы, оккупациялық территория, әскери тәртіптегі немесе қарама-қарсы жарияланған тылдағы территориялар), үшіншіден, құқықтық ахуалға қарсы өткен (мысалы, ұсталған тұтқынды, болашақ жараланған немесе қаруын тастап өз еркімен берілсе). Квалификация мәселесінің қиындығы соншалықты, соттық және прокурорлық сынды органдардың бір емес бірнеше анықтау мәселесі алдыңғы қатарда тұрды. Себебі соғыстың алдындағы кезеңдегі әскери қылмыстарды, мемлекетке қарсы бағытталған қылмыс болып қаралды. Әскери кезеңде Отанды сату (жоғарғы жаза — ату жазасы), өз қызметімен құзыреттілігін сату (енді олар ең ауыр болып саналды) қылмыстары қатаң тәртіпке сәйкес қылмыскерлердің сана-сезіміне әсер етуі қажет болатын.

Соғыс кезеңіндегі фронт алдындағы маңызды орынды соттық жүйеде алдыңғы орындарды соттық трибуналдар алды. Ары қарай соғыс жағдайына негізделген әскери трибуналдардың құрылымы маңызды орындарды иеленді. Жалпылай Ұлы Отан соғысы кезіндегі әділеттілікті жүзеге асырушы әскери трибуналдардың жүйесін төмендегілер құрады:

- 1) Қызыл Армияның әскери трибуналдары және әскери-теңіз флоттары;
- 2) ПХК-ның әскери трибуналдары;
- 3) темір жол мен су көлігі әскери трибуналдары;
- 4) соғыс кезіндегі төтенше жағдайға байланысты құрылған жергілікті халықтық соттардан құралған әскери трибуналдар;
- 5) әскери-полевой соттар.

Барлық әскери ұжымдардағы әскери соттарда КСРО-ның Жоғарғы Соты басшылық етті, олар келесі қызмет атқарды:

- а) ерекше соттылық жағдайына арналған бірінші инстанциялық соттар;
- ә) округтердің әскери кассациялық инстанциялары соттары, флоттар және жергілікті орындарындағы әскерлер, соғыс жағдайына қаралмаған;
- б) барлық әскери трибуналдардың тергеу инстанциялары, тек темір жол және су жолдары трибуналдарынан басқа, себебі ол жерлерде Жоғарғы Соттың әскери-темір жол және әскери-транспорттық ұжымдары жұмыстар жүргізді.

Округтердегі әскери трибуналдар мен фронттарға әскери трибуналдың тарапынан тексеру құқығы берілді. Жоғарғы тексеру функционалдық құқығына КСРО-ның Жоғарғы Сот ұжымы ие болды. Әскери трибуналды ұйымдастырушылық-басқарушылық жүйесі КСРО-ның Наркоматының Әділет министрлігінің құзыреттілігінде болды.

Соғыс кезінде әскери соттарды сайлау жүйесі жүзеге аспауы, әскери соттардың кадрлық мәселелері администрация тарапынан өз шешімін табуы негізгі ерекше жағдай болып табылады. Сонымен қатар соғыс кезінде жұмыс жасап отырған әскери трибуналдарға қосымша құзыреттілік берілді.

ШҚК КСРО-ның 1941 жылдың 22 маусымындағы «Әскери жағдай туралы» Жарлығына сәйкес әскери жағдайда жарияланған жергілікті жерлердегі қылмыстық істер, қорғанысқа қарсы бағытталған барлық қылмыстық істер, мемлекеттік қауіпсіздік пен қоғамдық тәртіп бұзылған жағдайдағы барлық істерді әскери трибуналдар қарады. Сонымен қатар әскери билікке одақтас мемлекеттердің Қылмыстық кодекстерінде қарастырылған алыпсатарлық (спекуляциялық) істер, өрескел бұзақылық және сол сынды істер әскери ахуалдың өзгеруіне ықпал етер болса, әскери трибуналдың қарауына жіберу әскери қолбасшылықтың міндетінде болды. Әскери трибуналдың құзыреттілігі төмен болып, жоғарыда айтылғандай қылмыс түрлері жергілікті жерлерде өршіп тұрса, оған жергілікті биліктің және КСРО-ның басқару құрылымының тікелей араласуына болатындығы аталмыш жарлықта көрсетілген.

Соғыс кезінде азаматтық соттардың құзыреттілігі кеңейтілмей, олардың қызметі болып саналатын құқықтық негіздемелерге де өзгерістер де енгізілмей, бұған дейінгі бар одақтас республикалардағы халықтық, облыстық, жоғарғы соттар өз жұмыстарын жалғастыра берді.

Ұлы Отан соғысы кезінде олардың құзыреттілігі территориялық және компетенциялық тұрғыдан шектелді. Сонымен қатар әскери кезеңде мемлекетке қарсы бағытталған қылмыстарды соттық емес ПХК-ҰМҚК сынды органдар қарауын жалғастыра берді, олардың қарайтын істері соттың ресми жұмысына жатпады және сол сияқты істер көп болды.

Соғыс кезеңіндегі әскери трибуналдың тәжірибесіне сүйенсек, бейбітшілік кезіндегі істерге қарағанда соғыс кезіндегі қылмыстық істерді қарау ерекше маңызы бар іс болып табылатындықтан, мұндай жағдайда арнайы соттардың ерекше және төтенше тәртібін орнату керек. Әскери трибуналдардың бейбітшілік кезіндегі атқарған іс-әрекеттерінің өз уақытында және шұғыл жүзеге асуы орталық басшылық тарапынан және жергілікті басшылық тарапынан жүзеге асып отырды. Әскери трибуналдар негізінен төтенше жағдайларда, әскери қауіпсіздік және күрделі ішкі саяси мәселелерді шешумен айналысты.

Әскери трибуналдардың жалпы атқарған жұмысын байқап қарасақ, Ұлы Отан соғысы кезеңінде әскери трибуналдар әрбір жағдайды жан-жақты және жалпы зерттеуге тырысқан, олар әділ және заңды шешімдер шығарған, сондықтан барлық шығарылған шешімдер бойынша шағымдануға, қайта қарауға жіберілмеген. Алайда барлық шешімдер трибунал фронты тарапынан тексерілген.

Сонымен қатар әскери трибуналдар Кеңес Одағының соттық жүйесінің соғысқа дейін де, соғыс кезінде де, соғыстан кейін де біршама уақыт мемлекеттік әкімшілік-қолбасшылық құрылымының ажырамас бөлігі болды. Бұл жерде Сталиннің жеке басының жағдайы маңызды роль атқарды.

Әдебиеттер тізімі

1. *Бозров И.М.* Әскери соттар қызметіндегі қылмыстық істер жөніндегі ресей сот төрелігінің қазіргі мәселелері. Теория мен тәжірибе мәселелері. — Екатеринбург, 1999; *Бурдин П.К.* 1918–1919 жылдардағы Қызыл Армия ұйымдарының құқықтық негіздері. — М.: ВЮА, 1951; *Гусев Л.Н.* Кеңестік әскери әділеттің халық шаруашылығын қалпына келтіру бойынша бейбіт еңбекке көшу кезеңі (1921–1925 жж.). — М.: ВЮА, 1953.
2. *Емелин А.С.* Ұлы Отан соғысы жылдарында әскери-заң кадрларын даярлау // КСРО-дағы әскери-заң білімін беруге 40 жыл. — М.: РИО ВИ, 1977; *Емелин А.С.* Кеңес Қарулы Күштерін құрудың құқықтық негіздері (1917–1977 жж.) — М.: ВКИ, 1986; *Загорский П.И.* Ұлы Отан соғысы жылдары кезеңінде Қарулы Күштердегі сот төрелігін жүзеге асыру. — М.: ВИ, 1986; *Карев Д.С.* КСРО-дағы және халықтық демократия елдеріндегі әскери әділет. — М.: ВЮА, 1951; *Кобляков А.С.* КСРО-дағы конституциялық сот төрелігінің принциптері. — М.: ВИ, 1980; *Курицын В.М.* Социалистік заңдылықтардың қалыптасуы. — М.: Юрид. лит., 1983; *Курицын В.М.* 1929–1940 жж. мемлекет тарихы және ресей құқығы. — М.: Халықаралық қатынас, 1998; *Строгович М.С.* Әскери жағдайдағы қылмыстық істер бойынша материалдық шындықты қалыптастыру кепілдіктері // ВЮА еңб. — Ашхабад, 1942; *Рассказов Л.П.* Совет мемлекетіндегі қалыптасу және әкімшілік-командалық жүйенің жұмыс істеу процестерінің жазалаушы органдары (1917–1941 ж.). — Уфа: Ресей ИМ Уфа жоғарғы мектебі, 1994; *Титов Ю.П.* Кеңестік революциялық трибуналдар жүйелерінің дамуы. — М., ВЮЗИ, 1983; *Ульрих В.В.* 25 жылдағы әскери трибуналдар қызметі (1918–1943 жж.) / ВИЮН ғылыми жазбалары. — 1945. — 4-шығ.
3. *Бурдин П.К.* 1918–1919 жылдардағы Қызыл Армия ұйымдарының құқықтық негіздері. — М.: Кеңес Армиясының әскери-заң акад., 1951.
4. *Карев Д.С.* КСРО әскери әділеті және халықтық демократия елдері. — М.: Кеңес Армиясының әскери-заң акад., 1951.

ЖАС ҒАЛЫМДАР МІНБЕСІ ТРИБУНА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

УДК 94 (574) + 008

В.В.Евдокимов, О.С.Вишнёва

Карагандинский государственный университет им. Е.А.Букетова

МЕЖДУНАРОДНАЯ ПРАКТИКА И НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Мақалада XX ғасырдағы мәдени құндылықтарды қорғау тәжірибесінің негізгі жетістіктері мен нәтижелері көрсетіледі. Мәдени мұраның заттық және рухани түрлерін сақтау тәжірибесінің жаңа бағыттары анықталып, Қазақстанда жүзеге асырылып жатқан тарихи-мәдени мұраны сақтау жобалары қарастырылады.

This article sums up the general results of the work in the field of protecting cultural values of the twentieth century. There are new tendencies to practical work in preserving physical and spiritual heritage. Also, the projects of preserving the historical and cultural heritage that are being accomplished in Kazakhstan are considered in this article.

Каждый элемент историко-культурного наследия, каждый археологический объект является звеном исторического целого, «жизненно важным для познания истории человечества» [1], и в своем историческом и культурном значении они едины и неповторимы. Их потерю возместить невозможно. Поэтому сохранять культурное наследие — право и обязанность каждого народа, поскольку лицо общества отражается в ценностях, которые являются источником созидания.

В начале XX в. инициатива отдельных частных лиц и общественных организаций способствовала постановке вопроса о сохранении культурных ценностей как источника коллективной памяти. Коллизии XX столетия, приведшие к целенаправленному и небрежному уничтожению и разрушению, незаконному вывозу и расхищению культурных ценностей, помогли осознать неопценимое значение культурного наследия и необходимость его охраны.

Основной международной межправительственной организацией, которая занимается решением широкого круга проблем международного культурного и научного сотрудничества, включая охрану культурных ценностей, является Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (UNESCO), основанная в 1946 г. Деятельность UNESCO распространяется фактически на все страны мира. Предшественницей UNESCO была Международная организация интеллектуального сотрудничества, которая находилась в системе Лиги Наций. Согласно п.2 ст.1 своего Устава UNESCO «помогает сохранению, прогрессу и распространению знаний, заботясь о сохранении и об охране всеобщего наследия человечества — книг, произведений искусства и других памятников исторического и научного значения, а также рекомендуя заинтересованным народам заключение соответствующих международных конвенций» [2; 8].

Деятельность UNESCO по охране культурных ценностей осуществляется в нескольких направлениях. Особенно важной является ее нормотворческая деятельность. Начиная с 1950-х гг. UNESCO приняла многочисленные рекомендации и ряд международных конвенций в сфере охраны культурного наследия (в связи с различием в терминологии под «культурным наследием» понимается также «историко-культурное наследие», «памятники истории и культуры» и т.п.): 1) Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта (1954 г.); 2) Конвенция о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности (1970 г.); 3) Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия (1972 г.); 4) Конвенция об охране подводного культурного наследия (2001 г.); 5) Конвенция об

охране нематериального культурного наследия (2003 г.); 6) Конвенция об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения (2005 г.) [3].

По данным на 2000 г. ратификация Конвенций UNESCO «О защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта» (1954 г.), «О запрещении и предотвращении незаконного ввоза, вывоза и передачи прав собственности на объекты культурного наследия» (1970 г.) и «Об охране всемирного и природного наследия» (1972 г.) достигла двух третей от максимально возможного уровня принятия международных конвенций, ратификация Конвенции 1972 г. достигла 90 %. Наивысший уровень ратификации отмечается в Европе [4; 338–341]. Большинство государств-участников СНГ ратифицировало Конвенции UNESCO в области охраны культурного наследия. К странам, не подписавшим ни одну из этих конвенций, относятся Бутан, Чад, Эритрея, Гвинея-Бисау, Лесото, Либерия, Молдова, Намибия, Руанда, Сьерра-Леоне, Сингапур, Сомали, Тринидад и Тобаго, Объединенные Арабские Эмираты [4; 338–341].

Другим направлением деятельности UNESCO является проведение международных кампаний с целью охраны выдающихся памятников на всех континентах нашей планеты. Вплоть до 1960-х гг. было общепринято, что ответственность за сохранность объектов историко-культурного значения возлагалась только на государство, в пределах границ которого они находились. Однако кампания по сохранению памятников древней Нубии (в Египте) дала жизнь новой концепции, согласно которой эти памятники являются частью культурного наследия всего человечества и, следовательно, предметом заботы всего международного сообщества и UNESCO. Само государство (в данном случае Египет) должно нести на себе большую часть бремени и продолжать выполнять все те обязательства, которые оно приняло на себя в период этой кампании [5]. В XX в., благодаря тому, что памятники истории и культуры отдельных народов были признаны важными для всего человечества, были спасены от исчезновения и восстановлены ценнейшие памятники мировой истории и культуры: Мохенджо-Даро, Карфаген, остров Филэ на Ниле, Боробудур на Яве, древние святилища ацтеков и другие.

Одним из направлений деятельности UNESCO также является содействие развитию международного научного сотрудничества по вопросам сохранения и реставрации памятников.

Вопросами охраны культурных ценностей занимаются также различные международные неправительственные организации, осуществляющие тесное сотрудничество с UNESCO. Международный совет по вопросам памятников и достопримечательных мест (ICOMOS), учрежденный в 1965 г., ставит перед собой цель способствовать изучению и сохранению памятников и достопримечательных мест, пробуждать интерес властей и населения всех стран к их памятникам, к их достопримечательностям и к их культурному наследию в целом. Международный совет музеев (ICOM), функционирующий с мая 1947 г., имеет целью развитие международного сотрудничества музейных учреждений, уделяя особое внимание борьбе с нелегальной торговлей культурными ценностями, проблеме безопасности экспонатов, реституции культурных ценностей в страну происхождения. Международный центр по исследованию вопросов, касающихся охраны и восстановления культурных ценностей (так называемый Римский центр), собирает, изучает и распространяет документацию, координирует исследования, оказывает содействие в подготовке специалистов, представляет рекомендации по вопросам охраны и реставрации культурных ценностей. ICOMOS, ICOM и Римский центр имеют консультативный статус категории А при UNESCO. Это означает, что между этими международными организациями и органами UNESCO осуществляется сотрудничество и проводятся взаимные консультации [2; 12].

Таким образом, главным достижением прошлого века в области охраны культурных ценностей является признание частью общего наследия всего человечества историко-культурного достояния каждой страны, требующего международной правовой защиты и охраны. Международное сообщество внесло значительный вклад в дело охраны памятников прошлого: были созданы специальные международные организации по вопросам охраны культурных ценностей и разработана международная нормативно-правовая база, которая стала фундаментом для построения национального законодательства в области охраны культурного наследия и не утратила свою актуальность и по сей день, а роль государства в области охраны памятников истории и культуры стала одной из главнейших.

Самый значительный процесс современного мира — экономическая и культурная глобализация — оказывает существенное влияние на проблемы формирования и реализации политики в области охраны культурного и, в частности, археологического наследия. В начале XXI в. сохранение объектов историко-культурного наследия является живым вопросом. Так, реальная ситуация, сложившаяся в области охраны археологических памятников, вызывает международную тревогу. Угрозу сохранности археологического наследия представляет действие следующих трех основных факторов — есте-

ственное разрушение, уничтожение в результате хозяйственной деятельности (антропогенное разрушение) и целенаправленные грабительские раскопки археологических памятников. К этому можно добавить и недостаточную информированность общественности о важности сохранения памятников историко-культурного наследия и последствиях их физического разрушения. В настоящее время международное сообщество разделяет озабоченность именно проблемой расхищения археологического наследия. Принято считать, что вывоз древностей — удел бедных стран с низким образовательным уровнем населения. Продажа древностей традиционно являлась источником средств существования для части населения во многих странах, преимущественно на Ближнем Востоке и в Латинской Америке [6]. С распадом СССР характер настоящего бума в 1990-х гг. приобрела деятельность «черных археологов», особенно на Украине. Репутацию крупного поставщика археологической контрабанды в глазах международного музейного сообщества постепенно приобретает Россия. По оценкам исследователей, количество средневековых вещей из Гнёздовского археологического комплекса под Смоленском, выброшенных на рынок за последние годы, сопоставимо с музейной коллекцией, собранной за 130 лет научных раскопок [6]. С распространением и совершенствованием металлодетекторов и георадаров объектом грабительских раскопок все чаще становятся археологические памятники Западной Европы. Государственные структуры, в ведении которых находится охрана культурного наследия на Западе, оперативно реагируют на новую опасность. Однако масштабы грабительской активности на древних памятниках Западной Европы неизмеримо скромнее, чем в странах СНГ. Поэтому основной поток археологической контрабанды направлен с востока на запад — из стран СНГ в Западную Европу и США.

В связи с этим сохранение археологического наследия для будущих поколений рассматривается мировым сообществом как глобальная задача. Решение задач по обеспечению сохранности археологических памятников как объектов информации и по обеспечению условий для изучения объектов археологического наследия невозможно осуществлять без государственной регламентации и поддержки [7].

Процесс глобализации находит свое отражение, прежде всего, в разработке новых тенденций сохранения материальных и нематериальных видов культурного наследия. Одним из первых новаторских методов пропаганды и поддержки объектов культурного наследия стало появление в 1978 г. первого Списка всемирного наследия человечества. Первоначально Список всемирного наследия был как средство для оказания оперативной поддержки, однако постепенно он приобрел иное значение — способствовать признанию международной общественностью особой важности объектов, включенных в Список. Все более четкое обозначение именно такого значения Списка всемирного наследия, который часто называют «собранием чудес света», или «жемчужинами в короне», не только привлекло с годами повышенный интерес к нему со стороны мирового сообщества, но и породило своего рода дух соревнования, более того появилось острое соперничество между странами-участницами Конвенции 1972 г. [8]. Все большее признание значимости и престижности культурного наследия в современном мире сделало его составной частью имиджа, который стремятся создать себе различные страны. Пропорция между числом предлагаемых и уже внесенных ранее в Список всемирного наследия объектов не уменьшается. Вследствие этого Список стал хорошим индикатором изменившегося отношения мирового сообщества к культурному наследию человечества. По состоянию на 2008 г. в Списке всемирного наследия 878 объектов из 145 стран [9]. Государства, на территории которых расположены объекты Списка всемирного наследия, берут на себя обязательства по их сохранению.

Однако сам факт включения того или иного объекта в Список всемирного наследия стал постепенно приобретать большее значение, чем реальная деятельность по его охране. В связи с этим отдельные страны-участницы Конвенции 1972 г. опасались того, что вся задача свелась, в конечном счете, к составлению лишь стереотипного перечня «сокровищниц», а работа UNESCO сосредоточится на «важнейших» памятниках «ведущих» цивилизаций, и иные мировые культуры окажутся без внимания. Это обстоятельство дало импульс на изменение понятия «культурное наследие». Развитие научной мысли привело к отрицанию исключительно «монументалистского» подхода и принятию более антропологического, глобального подхода для включения в Список всемирного наследия материальных свидетельств существования различных культур человечества. Аналогичный подход прослеживается в истории искусства и архитектуры, археологии, антропологии и этнографии [10]. Так, например, археологические находки стремятся сохранить не только в музейных коллекциях. Приоритетной становится тенденция физического сохранения недвижимых археологических объектов в ландшафте древних поселений, могильников, остатков производственных сооружений и культовых объектов [6].

Современная практика сохранения культурного наследия находит свое воплощение в реализации следующих успешных проектов, рекомендуемых в качестве примеров для всех стран мира:

1) «Сохранение культурного наследия и новое развитие городов: пример города Нагаяма» (для восстановления маленького японского города XVI в. был разработан проект на основе возрождения историко-культурного наследия города и создания культурной индустрии, основанной на традиционных и современных технологиях производства изделий из стекла) [4; 133];

2) проект UNESCO «Развитие интегрированных общин и сохранение культурного наследия местными усилиями» (LEAP) (эта программа изначально была разработана и проверяется в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Основной подход — предоставление населению, проживающему в местах культурного наследия и по соседству, ведущей роли как в разработке политики сохранения, так и в непосредственном управлении этими местами. Предусматривается поощрение участия общин в сохранении наследия, особенно в городских областях, за счет публичного или личного партнерства в деле экономического использования историко-культурного наследия и формирования этики пользования наследием. Программы публичных археологических раскопок, опирающиеся на местные школы, и открытые для участия всей общины, доказали свою полезность в деле формирования этики пользования общим наследием) [4; 140];

3) «Программа наблюдения за мировыми памятниками» (WMW) (с 1995 г. Фонд мировых памятников публикует каждые два года Список 100 исторических мест, подвергающихся наибольшей угрозе. Это не постоянный список, в отличие от Списка Всемирного наследия UNESCO, а список, который выражает обеспокоенность угрожающим положением некоторых важных исторических мест в конкретный период) [4; 148];

4) проект «Карта риска для культурного наследия в Италии» (в Италии пока нет полной описи недвижимого наследия, в связи с этим была создана Карта риска, на которой схема точного расположения объектов культурного наследия Италии накладывается на систему географической информации. Информация об опасности для памятников подразделяется на категории: данные об устойчивости сооружений, факторы окружающей среды, антропогенная опасность. Назначение этой карты состоит в создании некой «системы гражданской защиты») [4; 150].

С середины 1990-х гг. усиливается интерес к сохранению духовного культурного наследия, обусловленный пробуждающимся осознанием народов своей этнической идентичности. Сегодня многие нации глубоко осознали острую необходимость действий по защите и сохранению своих уникальных форм культурного выражения. Вся ценность духовного культурного наследия для каждой конкретной местности все более осознается на фоне феномена «глобализации». К основным подходам сохранения духовного культурного наследия относятся 2 подхода: 1) перевод его в какую-либо материальную форму и 2) сохранение его в целостности и сохранности в первоизданном контексте. Первый подход включает документирование, перепись, составление (создание) архивов и ориентирован на то, чтобы обеспечить вечное хранение духовного наследия. Второй подход стремится к сохранению культурных форм в первоизданности с помощью «реанимации» и передачи их от поколения к поколению. Таким образом, хранители этого наследия — носители, исполнители и создатели всевозможных культурных произведений — получают признание и возможность не только сохранять, но и совершенствовать свои умения и мастерство. Оба этих подхода взаимодополняют друг друга и оба необходимы для сохранения духовного культурного наследия [4; 174].

Новые подходы к перспективе сохранения культурного наследия с экономической точки зрения выражаются в концепции культурного капитала, когда культурное наследие рассматривается как накопленное недвижимое имущество и содержит сбалансированную оценку одновременно культурной и экономической ценности объектов наследства.

Таким образом, в настоящее время, когда появляются новые тенденции и реализуются проекты в практике сохранения культурного наследия, определение самого понятия «сохранение культурного наследия» приобретает более широкий смысл. Традиционно оно ограничивалось правовыми, научными и техническими средствами с целью остановить или предотвратить разрушение объектов и памятников. В более широком смысле сохранение культурного наследия должно включать в себя интерпретацию понятия «культурное наследие», его списки, глубокие размышления об отношении к культурному наследию и заботе о нем, политические и правовые меры и движущие силы в его поддержку, финансирование всей деятельности по сохранению культурного наследия.

В Казахстане вопросы в области охраны культурного наследия относятся к первоочередным. Одним из приоритетов продвижения Казахстана в число 50-ти наиболее конкурентоспособных и динамично развивающихся государств мира в Послании Президента Республики Казахстан

Н.Назарбаева народу Казахстана в 2006 г. названо «укрепление роли культуры в процессе становления государственности страны на основе многонациональности и многоконфессиональности Казахстана» [10]. В настоящее время в сознании нашего общества укоренилась и успешно реализуется идея, суть которой состоит в том, что казахстанец должен быть не только здоровым и образованным, но, прежде всего, культурным. И это не просто слова. Ежегодно из государственного бюджета выделяются значительные средства на культуру, в том числе на реставрацию историко-культурных объектов. В этом большая заслуга, прежде всего, Президента нашей страны.

Более 50 лет наша страна является членом UNESCO. Но после провозглашения независимости республики контакты с UNESCO значительно активизировались и с открытием в декабре 1994 г. Офиса UNESCO в Алматы стали более национально ориентированными [11]. Как следствие, стали возможны определенные достижения во взаимоотношениях Республики Казахстан и UNESCO в сфере сохранения историко-культурного наследия. На 27-й сессии Комитета Всемирного Наследия UNESCO, состоявшейся в Париже в июне-июле 2003 г., по предложению Республики Казахстан и рекомендации Международного Совета по охране памятников и исторических мест (ICOMOS) Мавзолеев Ходжи Ахмеда Ясаяуи был включен в Список Всемирного наследия. На 28-й сессии Комитета Всемирного наследия UNESCO, состоявшейся летом 2004 г. в Китае, было принято решение о включении в Список Всемирного наследия UNESCO «Петроглифов археологического ландшафта Тамгалы». В 2008 г. 32-я сессия Комитета Всемирного наследия в Квебеке включила в указанный перечень уникальный памятник природы — объект «Сары-Арка — степи и озера Северного Казахстана» (Наурызумский и Коргалжынский заповедники), который стал первым природным объектом Центральной Азии в Списке Всемирного наследия. Заметным событием в отношениях Казахстана и UNESCO стало подписание 27 августа 2001 г. «Плана действий» по археологическим раскопкам и консервации древнего городища Отрар [9]. Включение в престижный список UNESCO свидетельствует о том, что уникальное историко-культурное и природное наследие Казахстана вызывает интерес международного сообщества.

Значительное внимание в нашем государстве уделяется вопросам поддержки в должном состоянии памятников археологии. В 2004 г. по инициативе Главы государства принята целевая государственная программа «Мәдени мұра» («Культурное наследие»), направленная на сохранение и развитие историко-культурного наследия. В результате реализации государственной программы «Культурное наследие» подготовлен Государственный список памятников истории и культуры Казахстана, в который входят 218 объектов. Развивается система охраны историко-культурного наследия в Казахстане, в частности, проводится работа по созданию национального реестра археологических объектов, являющихся собственностью государства. Директор Института археологии Национальной Академии наук Республики Казахстан Карл Байпаков отмечает, что до сих пор точно не известно, сколько в Казахстане археологических памятников. По одним данным, их 15 000, другие оценивают количество археологических памятников в 25 000, третьи говорят о 50 000 памятниках [12]. Поэтому в настоящее время проводится работа по созданию реестра памятников археологии и истории. Уже издано три свода памятников — по Южно-Казахстанской и Жамбылской областям, а также по городу Алматы. В 2009 г. планируется издание еще трех томов сводов памятников — по Алматинской, Кызылординской и Северо-Казахстанской областям. Большая работа по созданию свода археологических памятников проводится в Карагандинской области. К 2012 г. планируется создать полный реестр памятников археологии Казахстана [12].

Одним из новых подходов к сохранению культурного наследия, реализуемых в Казахстане, является проект UNESCO «Сеть Наследие». Целью проекта является создание электронной сети среди институтов культуры в Центральной Азии; сохранение и поддержка культурного и природного наследия Центральной Азии посредством развития веб-сайтов, выпуска компакт-дисков, организации виртуальных выставок и дистанционного образования. «Сеть Наследие» — это телекоммуникационная сеть по историческому, культурному и природному наследию стран Центральной Азии, воплощенная как сообщество виртуальных музеев Центральной Азии и претендующая стать электронным олицетворением «Шелкового пути». В рамках данного проекта к сотрудничеству, развитию профессиональных обменов и расширению присутствия в Интернете приглашаются научно-исследовательские институты, музеи, галереи, библиотеки, университеты, а также деловые круги. Центральный государственный музей, Институт археологии, Государственный музей изобразительных искусств, Археологический музей являются казахстанскими участниками, реализующими данный проект [11].

Сохранение и воссоздание историко-культурного наследия создает необходимые условия интеллектуального и духовного развития казахстанского общества, стремящегося достойно представить нашу страну в мировом сообществе.

Список литературы

1. Европейская конвенция Совета Европы «Об охране археологического наследия» (пересмотренная). — Валлетта, 16 января 1992 г. // www.archaeology-russia.org/laws/ets66.shtml.
2. Богуславский М.М. Международная охрана культурных ценностей. — М.: Междунар. отношения, 1979. — 192 с.
3. Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта (1954 г.) // www.unesco.ru/docs/gaaga.pdf; Конвенция о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности (1970 г.) // www.unesco.ru/docs/conv_vyu.pdf; Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия (1972 г.) // www.unesco.ru/docs/convention.pdf; Конвенция об охране подводного культурного наследия (2001 г.) // www.unesco.ru/docs/russconv.pdf; Конвенция об охране нематериального культурного наследия (2003 г.) // www.unesco.ru/docs/intangible-convention.pdf; Конвенция об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения (2005 г.) // [www.unesco.ru/files/docs/Convention_Diversity %20of%20Cultural% 20 Expressions_2005_official_rus.pdf](http://www.unesco.ru/files/docs/Convention_Diversity%20of%20Cultural%20Expressions_2005_official_rus.pdf);
4. Ратифицированные документы: конвенция ЮНЕСКО по культуре и МОТ — по трудовым отношениям (1999) // Всемирный доклад по культуре. 2000+: Культурное многообразие: конфликт и плюрализм. — М.: МАГИСТР-ПРЕСС: ЮНЕСКО, 2000. — 416 с.
5. Бученаки М. План действий ЮНЕСКО по консервации и реставрации памятников культуры // Всемирный доклад по культуре. 2000+: Культурное многообразие: конфликт и плюрализм. — М.: МАГИСТР-ПРЕСС: ЮНЕСКО, 2000. — С. 146.
6. Макаров Н.А. Грабительские раскопки как фактор уничтожения археологического наследия России // «Круглый стол» Совета Федерации «Сохранение археологического наследия России». 19 марта 2004 г. Информационные документы // www.archaeology-russia.org/infdoc/sohr_smirhov.shtml.
7. Скляревский М.Я. Проблемы охраны и сохранения объектов археологического наследия // «Круглый стол» Совета Федерации «Сохранение археологического наследия России». Москва, 19 марта 2004 г. Информационные документы // www.archaeology-russia.org/infdoc/sohr_smirhov.shtml.
8. Леви-Стросс Л. Новейшие представления о культурном наследии и Конвенция по Всемирному наследию // Всемирный доклад по культуре. 2000+: Культурное многообразие: конфликт и плюрализм. — М.: МАГИСТР-ПРЕСС: ЮНЕСКО, 2000. — С. 154.
9. World Heritage List // whc.unesco.org/en/list
10. Казахстан на пороге нового рывка вперед в своем развитии. Стратегия вхождения Казахстана в число 50-ти наиболее конкурентоспособных стран мира. Послание Президента Республики Казахстан Н.Назарбаева народу Казахстана // Казахстанская правда. — 2006. — 2 марта (№ 45–46).
11. Деятельность Представительства ЮНЕСКО в Казахстане // www.unesco.kz/publications/newsletter/news3rus.pdf
12. Информационное агентство «Казахстан сегодня» (Kazakhstan Today) / Астана. 23 октября 2007 // [http://www.kt.kz/index.php? lang=rus&act=arch&uin=1133168658&chapter=1153428993&n_date=2007-10-23](http://www.kt.kz/index.php?lang=rus&act=arch&uin=1133168658&chapter=1153428993&n_date=2007-10-23)

G.V.Smagulova, A.S.Suinova

E.A.Buketov Karaganda State University

KURDISH MOVEMENT 1950–1990 YEARS

Мақалада XX ғасырдың 50–90-шы жылдарындағы күрдтер қозғалысының тарихы қарастырылады. Авторлар осы жылдардағы күрдтер қозғалысының қалыптасу кезеңдеріне, саяси партияларының және қозғалыс жетекшілерінің атқарған қызметіне, сол сияқты олардың халықаралық қатынастарға тигізген ықпалына сараптама жасауға ұмтылады.

В статье рассматривается история курдских движений 50–90-х годов XX в. Авторы попытались проанализировать этапы курдского движения в различных странах, выявить роль и место политических партий и их лидеров, определить влияние курдского движения на международные отношения.

Kurdish movement during an epoch of Cold war. Kurdistan because of the geographical affinity to the USSR was considered in the West as natural anti-Soviet base, and its basic population — Kurds owing to the well-known traditionally prussian and prosoviet orientation, as a natural reserve of Moscow in case of possible complications in the Middle East which people have strengthened struggle against imperialism and colonialism. Therefore Kurdish national movement then in the West concerned with suspicion or it is directly hostile, and to the antikurdish chauvinistic policy of ruling circles of the Middle-Eastern countries — allies of the countries of the NATO and members of its Middle-Eastern branch — the Bagdad pact (then SENTO) it is favourable. For the same reason in Soviet Union concerned foreign Kurds as to potential allies and informally supported Kurdish movements and parties with the left orientations, such as the wars which have arisen right after «Democratic party of the Iranian Kurdistan» (DPIK), «Democratic party of Kurdistan» (DPK) in Iraq and their analogues approximately under the same name in Syria and Turkey. After falling of a Kurdish autonomy in Mehabad (to which defeat of Kurdish revolt in Iraq in 1943–1945, headed by Mustafa Barzani preceded, then the commander of armed forces of the Mehabad autonomy and the main figure in Kurdish resistance) in Kurdish movement some time recession though large performances, for example country revolt in Mehabad and Bokane (the Iranian Kurdistan) are noted some was observed. Only on a boundary 1950–1960 there were preconditions for a new steep slope of Kurdish national movement. The main stimulus for its rough revival became quickly developing with second half 1950 crisis almost in all countries of the Middle East, caused become aggravated antagonism between Arabian (and also in considerable and Muslim) world and Israel and aspiration of two military-political blocks resisting each other in the world to exploit it, for easing of the probable opponent. Thus if the West aspired to keep and whenever possible to strengthen the imperial positions in region (in the first the control over oil) the USSR and its allies actively supported sharply becoming more active local nationalism which has accepted obviously anti western direction. In Egypt, Syria, Iraq has fallen westernized puppet modes. In such situation the gaining in strength Kurdish nationalism has received relative freedom of maneuver and possibility openly and independently to act on Middle-Eastern and a world scene, and its basic opponents the regional modes which were carrying out concerning the Kurdish population to the policy of national discrimination have acted. The beginning was put by events in the Iraq (Southern) Kurdistan which became the centre of national movement. In September 1961 revolt come back of emigration in the USSR general Mustafa Barzani, the leader Iraq DPK there has lifted. Shortly Kurdish insurgents (them named «peshmerga» — «Going to death») have created in the northeast of Iraq, mainly in its mountain part, large cleared region — «Free Kurdistan», the centre of Kurdish independence [1, P.21]. The antagonism between Kurdish insurgents and retaliatory armies of the government lasted about 15 years (with breaks). As a result resistance of the Iraq Kurds was temporary is broken, but not up to the end, and the government victory was not unconditional. The law from March, 11th 1974 Bagdad has been compelled to go for creation of Kurdish independent area «Kurdistan» and to promise it certain guarantees in the field of the local government, some social and civil rights, equality of Kurdish language, etc. That there was a first precedent in a modern history of the Middle East, specifying that process of an official recognition of the right of the Kurdish people on self-determination has begun [2, P. 35] Come to power in Iraq in 1968 party Baas («the Socialist party of the Arabian revival»), tried to emasculate the democratic maintenance of the concessions made still in 1970 Kurds (which them from the very beginning have not satisfied). An autonomy the emissaries sent from Bagdad and local collaborators actually

operated. Animosities of ruling circles of Iraq to Kurds began to be shown especially obviously after an establishment in the country of the individual power of Saddam Hussein proclaimed in 1979 president. Having taken advantage untied of it in 1980 war against Iran, it has organized gas attack of the Iraq Air Forces to the Kurdish city of Halabdzha (on March, 16th 1988); was lost, by different estimations, from several hundreds to 5000 civilians. [3] Thus, there were reasons on which revival of Kurdish resistance in Iraq was inevitable. The political organizations of the Iraq Kurdistan have tried to draw conclusions from failures of the past and to overcome disagreements weakening them. In 1976 earlier broken away from DPK led by Dzhallalom Talabani the group has organized the party of the Iraq Kurds second for influence «Patriotic union of Kurdistan» which has gone on the union with DPK. Same year insurgent movement in the Iraq Kurdistan under the direction of DPK and PSK has renewed. In 1980 Iraq Kurds continued to collect the strength, preparing for new performances. The Syrian Kurds also actively opposed a mode of national lawlessness in Syria and toughened local baasists after capture of the power by them in 1963. In the country there were Kurdish democratic parties (DPK Syria «al-Parti», etc.) Headed struggle of Kurdish minority for the rights. The mode of president Hafeza Asada established on a boundary of 1960–1970th, practically has made nothing for simplification of position of Kurds, trying in the confrontation with Ankara and Bagdad to use disagreements between various Kurdish parties of Syria, Iraq and Turkey that has caused a damage to unity of Kurdish national movement. In 1986 three main Kurdish parties in Syria have united in «the Kurdish democratic union». After a long break active struggle of Kurds of Turkey against the official policy of non-recognition with interdictions following from here in the field of language, culture, formation, mass-media performances against which were strictly punished as display «kurdism» has renewed, separatism position of Turkish Kurds after a military coup d'etat, etc. has especially worsened on May, 27th, 1960, one of the main pretexts for which was prevention of threat of Kurdish separatism. A military caste in Turkey, occupied (directly or it is veiled) key positions in system of the government and organized two subsequent revolutions (in 1971 and 1980), has begun struggle against Kurdish movement. It has led only to activization of Kurdish resistance in Turkey; in 1960–1970th years there were some Kurdish parties and the organizations, operating is underground, including Democratic party of Turkish Kurdistan (DPTK) and the in a revolutionary way-cultural centers of the East. In 1970 DPTK has united in the numbers some small Kurdish parties and groups and has developed the program with wide all-democratic requirements with granting to Kurds «the rights to define the destiny». In 1974 there was a Socialist party of Turkish Kurdistan (SPTK), popular among Kurdish intelligence and youth. Simultaneously Kurdish patriots have established communications and interaction with Turkish progressive political forces. To the beginning 1980 conditions in Turkish Kurdistan have considerably become aggravated. The Kurdish legal and illegal organizations, which number all time increased, have strengthened antigovernmental propaganda and passed to violent acts. The greatest popularity, especially among the poorest and socially uncomfortable layers of the Kurdish population, the Party of workers of Kurdistan (speak the Workers' party of Kurdistan, RPK is more often, a Kurdish abbreviation — PKK), based by Abdulla Ogalan in 1978 has got. It was the extreme Left organization professing Marxism-Leninism maoists-kastrovskii of sense and preferring violent methods of struggle, including terrorist. The separate guerrilla performances organized PKK, are noted already in the late seventies — the beginning of 1980th years, and in 1984 party has openly begun insurgent struggle against the Turkish authorities and retaliatory bodies in East Anatoly. Since then Turkish Kurdistan has turned to the new constant centre of intensity in the Middle East. It was not possible to any of the contradictory parties to get the best: to Kurds — to achieve the recognition of the rights to self-determination, to Ankara — to break getting stronger Kurdish resistance. Long-term bloody war against Kurds aggravated economic Turkey economic and political difficulties, generated right extremism destabilizing its political system, undermined the international prestige of the country, interfering with its joining to the European structures. [4]

On Kurdish movement, both in Turkey, and in other countries, struggle under the direction of PKK and its leader Ogalan has had inconsistent influence. It everywhere, in the east and in the Western world, caused responses among democratic the adjusted levels of population, has involved the labour levels of population, studying youth in active struggle, promoted distribution of data on Kurds and their struggle, internationalization of a Kurdish question. At the same time and to its followers adventurous tactics, illegibility in a choice of means of struggle as terrorism, inability to reckon with real conditions and artificial «running» forward, sectarianism and a hegemonism of its management in development of a strategic line that eventually has led to its political isolation from other groups of Kurdish movement and to defeat were inherent in this party. In Iran the Kurdish problem was not so is heated, but it constantly became aggravated from the beginning 1960 under the influence of the sociopolitical intensity which has arisen in the country during «bloodless revolution» and events in the next Iraq Kurdistan. In 1967–1968 under the direction of DPIK revolt in area Meha-

bada, the Bath and Serdeshta proceeding of one and a half year and severely suppressed has flashed. Despite defeat, DPIK has not lost courage and has developed active work on development of the new program and the party charter. The basic slogan «democracy — to Iran, autonomy — to Kurdistan» has been proclaimed, and party tactics assumed a combination of the armed struggle to political methods which have been aimed at creations of a united front of all forces oppositional to a mode. The Iranian Kurds have taken active part in accruing in the late seventies national the anti-shahian movement, come to the end with «Islamic revolution», overthrow the authorities and declaration in the beginning 1979 of «Islamic republic Iran», actually being board Shiit «mullokratiya».[5] For Kurds, as well as for all Iranian people, this «revolution» in which they could not prove the independent political force, capable to defend the national requirements, has turned back counterrevolution, dictatorship of imam Khomeini and its adherents and successors. Even in religious aspect this mode of medieval type was it is dangerous to interests of Kurdish minority, in overwhelming majority synnism. Khomeinism denied presence in Iran of an ethnic question, including, of course, and Kurdish, putting it is exclusive in frameworks «Islamic ymma» as already solved. The new power has resolutely rejected project DPIK about an administrative and cultural autonomy for Kurds. Disagreements 1979 have outgrown in the spring in armed conflicts between forces of Kurdish resistance (groups DPIK, Kurdish left organisation «Kamal» and come to the rescue them peshmerga from Iraq, the left formations of Persians fedains and Mojaheds) and the governmental armies strengthened by groups of gendarmerie, police and Islamic attack planes from the case of guards of Islamic revolution (KSIR). In the summer 1979 fights between Kurdish insurgents and chasteners occurred almost on all territory of the Iranian Kurdistan. DPIK has established the control over big its part, including big cities. In some of them the power of Kurdish revolutionary councils has been established. Kurdish religious leader Ezzedin Hosejni declared even jihad against the central government. Heads of the Iranian Kurds repeatedly called Teheran for negotiations about a peaceful settlement of the conflict and carrying out in the areas of social and economic and politic-administrative reforms occupied by Kurds. However negotiations have not taken place. In the autumn 1979 government has developed approach to Kurds and has managed to push aside them in mountains where they have begun guerrilla war. The Islamic mode has developed the most severe control in those areas of Kurdistan over which it managed to restore the control. Defeat of the Iranian Kurds in the beginning of existence of an Islamic mode has been in many respects caused by absence of unity in the Kurdish movement, a traditional Kurdish particularism. Especially it is a lot of harm to Kurdish business have caused the extreme Left forces in parties «Kamals», «Ryzgari» and in others. Split it has appeared also itself DPIK, than the Iranian authorities which to the middle 1980 have finished an establishment of the control practically over all territory of the Iranian Kurdistan have taken advantage. In 1980th years Kurdish movement in Iran and Iraq had hard time. The Iran-Iraq war (1980–1988) has created for it the extremely adverse conditions. Military operations partially went in territory of Kurdistan, Kurds sustained human and material losses. Besides, both belligerent parties tried to get support of the Kurdish population of the opponent that served both to Teheran, and Bagdad as a pretext for Antikurdish retaliatory measures (including the mentioned gas attack in Halabdzhe). To the beginning 1990 general situation in Kurdistan was the extremely difficult and strained.

1. Kurdish question 1980–1990. The World-wide and historical changes, attacked a boundary 1980–1990 in connection with the termination of cold war and disintegration of the USSR, directly also were indirectly reflected in Kurdish national movement. It continued to develop in that geopolitical reality which has demanded new approaches in strategy and struggle tactics. First of all it concerned a situation in the Iraq and Turkish Kurdistan. In 1980, having taken advantage of war with Iran, Iraq has brought to nothing all concessions which it has made before to Kurds. The independent area began to submit to Bagdad. Measures on resettlement of Kurds from boundary villages, and also against the Kurds suspected of antigovernmental actions were spent. To the beginning of 1990th years when intrusion of Iraq into Kuwait in August 1990 was caused by the next sharpest crisis in the Middle East, the Iraq Kurdistan was on the eve of new large performance of Kurds. In Iran both during lifetime of Khomeini, and after his death in 1989 Kurdish autonomic movement choked; it could function only in an underground and in emigration. In July 1989 in Vienna secretary general DPIK A.Kasemlu has been killed, in September 1992 in Berlin new secretary general DPIK S.Sharafkandi was lost [6]. Negotiations with Kurdish nationalists about an autonomy of the Iranian Kurdistan with a management of Iran have been broken. During Khatami's presidency when positions of supporters concerning a liberal realistic course have amplified, the tendency to go on some concessions to the Kurdish population in the field of culture, formation and the information policy was showed to lower at it heat of protest moods. Thus the authorities tried to play on ethnic and linguistic relationship of Persians and Kurds, like having identical state-political interests. On this basis Kurds have no representatives in magilice though there are deputies from other not Persian ethnoses (including Assyrians and Armenians). With second half

1980 in southeast Turkey insurgent movement, headed by PKK has considerably amplified. Attacks on police stations, gendarme posts, military bases were regularly made. There were Kurdish condemned men. Organizational and propaganda activity PKK has stepped over Turkish borders, party influence has extended on a considerable part of the Syrian Kurds (Ogalan with the staff has moved to Syria). Active workers PKK have developed wide propaganda among Kurdish diaspora in Western and the Eastern Europe in heading them to a press and on Kurdish TV (MED-TV). From its part the Turkish government has toughened reprisals against Kurds. Turkey has extended sphere of Antikurdish campaigns and to Northern Iraq on which territory, pursuing receding Kurdish the guerrilla, they went deep on 20–30 km. Events in Turkish Kurdistan got over Kurdish scale, no less than Antikurdish actions of all Near-Eastern governments. So, under pressing of Ankara, in the end of October, 1998 Damascus has refused to Ogalan the political asylum right. After several days of wanderings on the different countries Ogalan has been seized by Turkish special services, we judge and is sentenced in June 1999 to the death penalty subsequently replaced with life imprisonment. Arrest and court over Ogalan has caused huge explosion of discontent in Kurdish Diaspora in Europe [7, P.12–13]. However Kurdish movement in Turkey is sharply trite on recession. Ogalan has urged to lay down arms and enter from prison of the colleagues with the government negotiations on the basis of partial satisfaction of their requirements, as has been made: in Turkey there was a Kurdish press, radio and TV. Ogalan's business has shown that the left extremism in Kurdish movement in Turkey kept basically on charisma of its leader, instead of on objective soil; with its leaving from a political arena revolt has been doomed to defeat, and the basic problems of Turkish Kurds remain unresolved. Defeat of Iraq in Kuwait the beginning 1991, put to it heading by the USA a coalition («the Storm in desert»), has marked approach of a new stage in emancipating struggle of the Iraq Kurds though the Kurdish question took the subordinated place in these events. In February 1991 in the Iraq Kurdistan the spontaneous revolt which participants hoped for the help of the USA their allies has flashed and has in a short space of time released all country. However Kurds have been once again sacrificed to geopolitical interests of the West, in this case the USA, which have not been interested in the further destabilization of conditions round Iraq (mainly in its Kurdish and Shiit areas) and consequently have allowed Saddam Hussein to suppress Kurdish revolt.

However soon Americans have changed the relation to Iraq. Over Kurdish and Shiit areas of Iraq the American-English air umbrella — non flying zone for the Iraq aircraft has been established, the mode of economic sanctions (embargo) is entered, long-term confrontation of Iraq mainly with the USA and England has begun. As a result has for the first time in history arisen favorable for the part of the Kurdish people living in Iraq, the situation, allowing to achieve realization of the requirements. In April-May 1992 front of Southern Kurdistan which included all basic Kurdish parties, has organized elections in the first Kurdish parliament (national assembly). About 90 % of voices two main Kurdish parties — DPK and PSK have received; voices between them were divided almost fifty-fifty. Heads of these parties — Masud Barzani and Dzhahalal Talabani became two informal leaders of the country. The government has been generated and the declaration on the Federal union is accepted. Thereby the beginning of Kurdish statehood was necessary and the government structure is planned. The new power supervised the most part of Southern Kurdistan (55 thousand in sq. km from 74), named «Free Kurdistan». Under the power of Bagdad remained only petroliferous district of Kirkuk in which the policy of support of Turkic minority the Turkmen and territory to the north of 36 parallels, adjoining to Mosul was spent. «Free Kurdistan» used military-political and partially economic (in frameworks mainly the humanitarian help) support of the USA and their nearest allies, but had no international legal status. It was the autonomy in full that for Kurds was doubtless progress and the important step to struggle for national self-determination as on their parties were the USA and its allies [5]. The first years of existence of «Free Kurdistan» has appeared uneasy. At doubtless successes in adjustment of an economic life, the decisions of essential social problems and in the national education organization serious miscalculations in creation of a healthy internal political climate have been admitted. The low level of the political culture expressed in not got rid representations of a traditional society, first of all typically Kurdish particularism has affected. In 1994 there was a sharp conflict between DPK and PSK, poured out in long confrontation with use of the armed force. There was a loss threat by the Iraq Kurds of their achievements. Process of reconciliation to which, proceeding from the interests, in every possible way promoted the USA however has begun. On September, 17th 1998 in Washington between Masudom Barzani and Dzhahalalom Talabani the agreement on a conflict peaceful settlement has been entered into. On definitive liquidation of the conflict and the coordination of the remained questions at issue a lot of time, but eventually all disagreements has left have been overcome.

References

13. Barkovskaya E. Islam today and human rights.//Asia and Africa today. -2000. — № 8. — 70 p.
14. Lazarev M.S., Mgoi Sh.H., Vasilyev M.A., Gasratyan M.A., Gigalina O.I. History of Kurdistan. -M, 1999. -519 p.
15. Current archive of Department of Asia and Africa, MFA KZ
16. www.mideast.ru/test/base
17. Current archive of Department of Asia and Africa, MFA KZ
18. Lazarev M.S. Kurdistan in geopolitical aspect.// Continent. -2000. — № 5. — 40 p.

УДК:947.1(575.2)

Р.М.Рахимов

Американский университет в Центральной Азии, Бишкек, Кыргызстан

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОЛУКОЧЕВЫХ СООБЩЕСТВ КЫРГЫЗСТАНА И КАЗАХСТАНА В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ И НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Мақалада Қазақстанның және Қырғызстанның әлеуметтік-экономикалық көшпенділіктің аспектілері қарастырылған. КСРО-ның құлдырауынан кейін көшпенділік геополитикалық және сауда қарым-қатынасы жағынан зерттелген емес. Көшпенділердің жер көлемін анықтаудағы мемлекеттің маңызды рөлі көрсетілген.

The author considers historical, social-economical aspects of nomadism in Kyrgyzstan and Kazakhstan. After the USSR collapse, the pastoral practice was not investigated from point of view of new factors as: geopolitical situation, market relations economy. The author underlines the crucial role of the government in regulation of the pastoral land.

С распадом Советского Союза полукочевые сообщества не были переосмыслены как важная часть культурного наследия. На основе сравнительных полевых работ, проведенных в Кыргызстане и Казахстане, автор пытается объяснить некоторый круг вопросов, необходимых для новых исследований, которые проходят в рамках социально-антропологических исследований. Опыт проживания в данной среде, изучение устной истории, детальное описание реалий являются центральными в методологии изучения рассматриваемой темы.

В зависимости от проблемы и собственной точки зрения автор будет переходить в русло сравнительного анализа. Изучение роли и места «кочевников» в постсоветском Кыргызстане в условиях самостоятельной аграрной политики, рыночных отношений, а также формирования новой идентичности требует более пристального внимания. Необходимость полноценного исследования данного вопроса, который не был пересмотрен после распада социалистической системы, объясняется, прежде всего, символической культурной реабилитацией в разных сферах общества, новой геополитической ситуацией, связанной с приобретением независимости, земельными реформами, а также использованием образа кочевников в государственной идеологии.

Трудно определить количество подвижных скотоводов в Кыргызстане на сегодняшний момент (по разным оценкам, 100 000 людей и больше), но с уверенностью можно сказать, что полевые исследования, проведенные автором в Нарынской и Таласской областях, показывают возрастающую тенденцию пасторальной практики. Методологически данное исследование предполагает использование качественных методов исследования, т.е. глубинные интервью и включенное наблюдение. Посредством данных методов автором было исследовано несколько сел в Нарынской и Таласской областях Кыргызстана с 2001 по 2004 гг., что составляет более чем шесть месяцев полевых исследований, а также в качестве сравнительного анализа был взят Ескельдинский район Алматинской области (на примере села имени Алдабергенова).

Несмотря на преобладание качественных методов, цель которых — изучение причинности того или иного феномена с точки зрения культурного и органичного процессов, количественные исследования могли бы также дополнить исследования и отразить современные процессы пастушьей практики со всеми вытекающими аналитическими данными.

Скотоводы сталкиваются с многочисленными проблемами, такими как приватизация земли и аренда пастбищ, взаимоотношения с местными властями, использование горных месторождений, выпас скота на территории приграничных и природоохранных территорий, наконец, проблемы коммерциализации скота и поиск рынков сбыта.

Прежде чем показать исторические основания и социально-экономические факторы, автор считает нужным вернуться к вопросу определения кочевой и полукочевой практики с точки зрения мобильности, особого типа воспроизводства, а также отношения к окружающей среде посредством контактов со скотом и животным миром.

Понятие «полукочевое скотоводство»

Прежде всего, необходимо отметить широкое восприятие понятия «кочевник», к которому не сводится только скотоводство, но также является любой образ жизни, связанный с периодической подвижностью, обычно опосредованной через животный мир или окружающую среду.

Согласно теоретику номадизма Хазанову, полукочевые скотоводы, помимо экстенсивного скотоводства с периодической сменой пастбищ на протяжении всего года или его большей части, занимаются также земледелием, которое носит второстепенный или вспомогательный характер. Полуоседлое скотоводство отличается от полукочевого тем, что земледелие становится преобладающим. Полуоседлое скотоводство также подразумевает наличие сезонных откочевок или отдельных преимущественных скотоводческих групп и семей в данном обществе [1; 88–92]. Таким образом, в целом мы можем отнести кыргызских скотоводов к полукочевым, как категорию, в которой скотоводство носило доминирующий характер, чем земледелие, а также по причине изначальной пасторальной практики в прошлом. Несмотря на это, следует особо отметить тенденцию перехода незначительной категории населения к более активному земледелию по отношению к пасторальной практике. Это связано, прежде всего, с южными районами Кыргызстана, где ощущается недостаток пастбищ и где взаимовлияние земледельческой культуры соседних государств налицо.

Следует также отметить, что в некоторых местах Иссык-Кульской, Чуйской и других областей Северного Кыргызстана земледелие носит доминирующий характер. Другими словами, семьи производят в основном, чтобы сбыть на местных и региональных рынках свою продукцию. В данном случае мы можем говорить о категории полуоседлых скотоводов, когда выращивание скота носит, скорее, второстепенный характер. И в той и другой форме скотоводства практикуется саун, т.е. такая форма родовой взаимопомощи у скотоводов, когда скот выдается на выпас пастуху [2; 75–77]. Таким образом, скотоводы Кыргызстана, с разными амплитудами передвижения и составом скота, начинают выпасать скот в конце мая (в разных регионах по-разному, в зависимости от климата и пастбищных ресурсов) и затем, продвигаясь выше в горы, спускаются в села в конце сентября и до ноября. В условиях гор скот проводит практически большую часть года в стойле, откуда возникает необходимость заготовки кормов на зиму. Степной полупустынный ландшафт Казахстана позволяет выпасать скот поздней осенью и даже зимой. Фундаментальной особенностью кочевого хозяйства являлось круглогодичное содержание скота на подножном корму. Это было обусловлено низкой кормовой производительностью и разреженностью растительного покрова, невозможностью заготовки кормов и стойлового содержания скота [3; 65]. В советское время данный вид скотоводства получил название отгонный.

Основные исторические вехи пасторализма

Кочевники всегда активно сопротивлялись различным политическим режимам, которые так или иначе могли изменить их образ жизни. Не вдаваясь в постколониальную риторику, необходимо отметить, тем не менее, последствия, в разные эпохи связанные с контактами сначала с царской Россией, затем с советским режимом.

Мы можем отметить следующие исторические периоды, которые в той или иной степени, а иногда кардинально повлияли на структуру пасторальной практики кыргызских кочевников. Конец XVIII в. до 1917 г. — колониальный период в составе Российской империи. Несмотря на полный круглогодичный кочевой цикл, происходит заселение русских земледельцев, т.е. происходит контакт и широкое взаимовлияние двух культур — земледельческой и кочевой. Общеизвестные трагические события 1916 г. стали результатом колониального давления на кочевой образ жизни посредством разных принудительных реформ, начиная от рекрутирования в армию трудоспособного молодого населения и заканчивая налогами на родовые земли.

1917–1945-е гг. — приход советской власти и реформы коллективизации, принуждавшие основную часть населения и кардинально менять свой образ жизни. Посредством создания артелей происходит активная пропаганда земледелия. Так, например, в селе Тоголок Молдо Нарынской области несколько семей, убежденные большевиками и вооружившись землепашескими инструментами, демонстрируют навыки и преимущества работы с землей. В советской концепции кочевник являлся отсталой категорией социалистической системы и нуждался в «срочной» трансформации. Несмотря на реформы коллективизации 1920–40-х гг., экосистемный фактор заставил советскую власть считаться с горными условиями, тем самым определяя основную специализацию Киргизской ССР как базу для вертикального животноводства. Кроме того, Казахстан уже был объектом масштабных реформ Советской власти по освоению целины и использованию природного ландшафта в качестве огромных сельскохозяйственных ресурсов.

В результате чего Казахстан понес более значительный и даже трагический ущерб от последствий форсированной седентаризации и реформ коллективизации, потеряв более миллиона человек из-за голода и миграции. Процесс оседания администрировался созданными государственными структурами (Оседкомами) и вышел практически из-под контроля властей. Более 800 000 казахов мигрировали в соседний Кыргызстан, а также в другие соседние страны [4, 102–110]. Происходит масштабная и фундаментальная реконфигурация кочевого пространства и социальной структуры кочевого населения.

1945–1991-е гг. характеризуются завершением активной фазы процесса принудительного оседания и реформ коллективизации, развитием советской зоотехнии и ветеринарии, рациональной организацией пастбищ, поднятием статуса животноводов и т.д. Данный период отмечен интенсивным научным присутствием в сельском хозяйстве, в частности, в животноводстве. Развиваются племенные породы скота (племзаводы), рациональное использование пастбищных ресурсов, наконец, повышается социальный статус чабанов. На высокогорные пастбища осуществляются медицинские визиты на вертолетах, в отдаленные места организовываются регулярные рейсы автомагазинов, автолавок, парикмахерские, концерты артистов и т.п.

Таким образом, советская власть, проводя значительную реструктуризацию и модернизацию пасторальной практики, тем не менее, продолжает опираться на традиционное скотоводство и многовековую пастбищную систему. Это подтверждают институциональный подход и политика министерства сельского хозяйства по поддержанию мобильности и жизнеобеспечения скотоводческой активности. Отныне вектором кыргызских и казахских скотоводов становятся не семейно-родовые отношения, а государственное регулирование и, более того, высокие социалистические идеи.

Особый интерес вызывает вопрос о том, насколько коллективная природа кыргызских и казахских кочевых сообществ соответствовала идеологии коллективизации, насколько практики общности и социальной справедливости присутствовали у кочевников в досоветском опыте? Как уже отмечалось выше, родоплеменная структура и специфика кочевой практики предполагала отсутствие частной собственности на землю, кроме скота, т.е. земля была объектом коллективной заботы и являлась стратегическим интересом общины. Данная практика воспроизводилась в рамках стационарной структуры колхоза и совхоза. Таким образом, отношение к земле не было изменено в советский период, изменился лишь механизм подвижности и ценностный статус кочевого образа жизни.

Пастбища превратились не просто в ресурс выживания, но и в инструментальный элемент в борьбе за социальную несправедливость, выраженную посредством классовой борьбы. Здесь следует вернуться к краткому историческому экскурсу.

Такие экономические и социальные факторы, произошедшие в результате присоединения Казахстана к России, как устройство казахских военных линий, частый падеж скота во время джутов, а главное — разложение натурального хозяйства, — все это подрывало кочевое хозяйство и вынуждало обедневшее население переходить к полуоседлому образу жизни. Заниматься земледелием начинал обычно казах, имевший 2–3 головы рогатого скота. Он выбирал на берегу реки небольшой участок, где строил себе саманное жилище и засеивал 1–2 гектара, которые и кормили его. Зажиточные баи-скотоводы также стали заводить посевы, используя даровой труд жатаков. Сам бай со скотом и домохозяевами с наступлением весны уходил на джайлау. Широко практиковалась раздача скота в саун. Обычно бедные люди шли к своему богатому сородичу и брали внаем скот, а осенью отдавали приплод или две трети урожая. Схожая по практике форма «ат-майын беру» — раздача лошадей внаем бедным родственникам для разъезда и работы — носила эксплуатационный характер. Такое положение, естественно, создавало определенную социальную несправедливость во взаимоотношениях людей. Советская власть рассматривала эту ситуацию с точки зрения марксистской теории классовой

борьбы; в досоветском казахском обществе были байы, джатаки-егинши и консы. Земля у кочевников была общинной. Но, учитывая патриархально-феодальный строй, байы использовали свой статус для того, чтобы пользоваться как можно большим количеством земли и кабальным трудом.

С точки зрения советских идеологов, байы не были буржуа, а практиковали феодализм путем дискриминации своих сородичей, что, конечно же, было против системы ценностей «нового времени». Байский институт практически не имел социального контроля, что, в свою очередь, приводило к эксплуатации различных классов. Тем не менее многие исследователи, анализируя данные отношения с точки зрения реципрокации или взаимобмена внутри родоплеменной группы, сходятся во мнении о саморегуляции отношений между баями и простым кочевым населением, так как бай сам нуждался в своих сородичах.

С другой стороны, грубое обобществление скота в период коллективизации приносило смуту в слои населения, у которого был все-таки хоть какой-то скот. По данным некоторых исследователей, хозяйство, имевшее 20 лошадей и 100 овец, считалось бедным, семья, в которой, как правило, было около 8 человек, была среднего достатка, т.е., несмотря на социальную несправедливость, частная собственность, тем не менее, существовала и играла мотивирующую роль среди простых казахов [3; 124–129]. Некоторые бедные жители, как в Нарынской и Таласской областях в Кыргызстане, так и в Алматинской области в Казахстане, несмотря на благосклонность к советской власти, могли иметь до ста баранов, в то время как в советские времена семья имела строго ограниченное количество скота и полностью зависела от коллективной собственности.

Наконец, современный этап, начиная с 1991 г. по настоящее время, характеризуется острым экономическим кризисом, развитием рыночных отношений, а также культурной переоценкой ценностей. Колхоз, игравший основную роль в социально-экономической жизни скотоводов, перестает быть главным социальным институтом в жизни села. После расформирования колхозов и совхозов в 1995–1996 гг. все колхозное имущество и скот распределяются между бывшими руководителями и членами правления колхоза, а также между простыми колхозниками.

Роль государства

Продолжая, практически по инерции, советскую логику, кыргызстанское государство, с некоторыми поправками на суровую реальность, не делает акцент на особую культурно-экономическую категорию населения, которая до сих пор практикует полукочевой образ жизни. Несмотря на разные исторические перспективы, частичную утрату традиционного уклада жизни, скотоводы Кыргызстана все же используют многовековые пастбищные маршруты и традиционные знания, которые, несмотря на влияние эпох, мало подверглись изменению. Созданный исследовательский институт по пастбищам при Министерстве сельского хозяйства, к сожалению, не обладает достаточными ресурсами для проведения полноценных пастбищных исследований. В результате различные международные проекты отмечают в своих отчетах деградацию и перевыпас пастбищ.

Согласно Стратегии развития страны на 2007–2010 гг. ключевым направлением аграрно-земельной реформы становится формирование устойчивого рынка земли, включая оптимизацию размеров земельных наделов и повышение эффективности их обработки. В использовании земель предполагается ускоренное развитие рыночных отношений. Намечено внедрение ипотечного кредитования в сельской местности, где основным залоговым имуществом будет земля [5]. В документе ничего не говорится о пастбищах, приватизации, которые могут привести к социально-экономической напряженности и нанести ущерб традиционной многовековой пасторальной практике.

В отличие от Кыргызстана у Казахстана больше ресурсов (энергетических, промышленных, сельскохозяйственных, инфраструктурных). Следовательно, вопрос о приватизации пастбищных земель и поддержки животноводства в целом стоит менее остро, чем у его соседа. Для того чтобы поддерживать уклад полукочевых скотоводов, государству необходимо признать особый статус пасторальных земель, что помогло бы избежать приватизации пастбищных ресурсов, способствовало бы возврату к их рациональному использованию, а также активной поддержке со стороны государства.

Другая острая проблема — использование пастбищных ресурсов и восприятие ландшафтного пространства), связанная с кочевнической традицией, касается эксплуатации золоторудных месторождений. Очевидно, что данный вопрос также должен быть инкорпорирован в исследовательский комплекс.

Так, например, на основе проведенных исследований в Таласской области (Кыргызстан) следует отметить социальное противостояние местных сообществ в связи с «экспансией» на пастбища

иностранных компаний. Прежде чем вкратце описать сам конфликт, автор даст историческое описание данной местности.

Ландшафт начал меняться в период коллективизации в 1930-е гг., когда активная советская кампания пропагандировала оседлый образ жизни посредством установленного метода — образования артелей. Так, в местность Кара-Ой (одноименное село Таласской области), где была образована первая артель, из близлежащих урочищ, таких как Кара-Булун, Кулун Эмбес, Чон Чычкан, Таш-Добо, Ит-Албарс и Солтонун Сазында, потянулись представители следующих родов: чылпак, канай баян, сакалды, торпок и чылпак бейбит. Процесс оседания проходил так же, как и в Нарынской области, по выработанному механизму — организация артелей группой единомышленников из бедных слоев местного населения. Батрачкомы выполняли функцию консолидации рабочего населения.

Согласно новой идеологии и модели новой жизни, предложенной советской властью, статус батраков повысился, и они трансформировались из низких групп традиционного общества в прогрессивный слой нового общества. Роль батрачка в селе Кара-ой выполнял Качканов Мусуралы. В послевоенные годы село Кара-Ой было включено в состав колхоза имени Ленина, куда также входили поселения Сасык-Булак, Чон-Токой и Кара-Булун. Бригады были основной единицей экономической и хозяйственной активности советской модели. В колхозной структуре в селе Кара-Ой была размещена одна бригада, во главе ее стоял один бригадир и учетчик, который вел учет всего скота. В бригаде было от 28 000 до 40 000 овец.

В момент распада Советского Союза колхоз возглавлял Джуманазаров Берембек. В правление колхоза входило около 10 человек, которые собирались периодически для обсуждения направления политики хозяйства. Имущество было распределено в период расформирования колхозов после Указа 1995 г. Таким образом, последним символическим председателем на то время оказался Ибраимов Садыбакас.

Локальная структура пастбищ, несмотря на советский опыт, не претерпела существенных изменений и характеризуется традиционными элементами. Так, в качестве близлежащих, присельных пастбищ (ички жайит) служат пастбища в долинах Арпа и Сандык на высоте более чем 2000 метров над уровнем моря, которые находятся на расстоянии от 2 и до 10 км от сел Кара-Ой и Сасык-Булак. В качестве основного пастбища служат пастбища Чон Чычкан и Бала Чычкан. По словам местных чабанов, на пастбища выходят более 100 семей, основная нагрузка приходится на ущелье Чон-Чычкан.

Яблоком раздора является местность Джер-Уй (в переводе — «землянка»), находящаяся на высоте более 3000 метров, где еще в советское время (1974 г.) нашли золоторудное месторождение. По словам информаторов, Советский Союз закрыл рудники по нескольким причинам (нерентабельность предприятия, а также высокий риск возможного ущерба местному населению). Кроме того, в советское время была эффективная социальная политика и забота о здоровье граждан, что не может позволить себе независимый Кыргызстан.

Нынешняя компания, разрабатывающая данное месторождение, в котором присутствует, в основном, казахстанский капитал, перенесла хвостохранилище, которое вызывает опасение у местных жителей. У населения сложилось устойчивое мнение о возможном загрязнении ледников и горных источников, которые могут нанести ущерб здоровью местным жителям. Различные общественные организации часто не вызывают доверия и воспринимаются как союзники горнометаллургической кампании. Учащиеся школы реагируют негативно, понимая возможные выгоды, тем не менее, они осведомлены о высоком риске урона окружающей среде и здоровью населения.

Несмотря на кредитный фонд, созданный компанией, жители, которые не работают и не связаны каким-то образом с компанией, относятся с недоверием к работающему предприятию. Чабаны задаются различными вопросами. Как будут определены границы рудника? Будет ли ограничен доступ к пастбищным ресурсам? Насколько велика опасность загрязнения родников и рек? Если они будут вынуждены менять пастбища, будут ли оплачены компенсации? Жители также отмечают, что независимые эксперты, экологи и другие специалисты не советуются с местными жителями и не берут во внимание традиционные знания и особенности местного края.

Различные посредники, работающие на компанию, нанятые из числа жителей, получают явные доходы, тем самым создавая недоверие в качестве объективных наблюдателей. Кроме того, многотонные грузовики и частота транспортных передвижений наносят урон местному ландшафту, не говоря уже о постоянных пыли и мусоре.

Село Кара-Ой входит в категорию «отдаленных». Несмотря на некоторые социальные льготы, связанные с изолированностью от экономических центров, село, тем не менее, нуждается в инфраструктурных инвестициях. В селе функционируют около 10 торговых точек (магазинов и павильо-

нов), мечеть, почтовое отделение, школа, фельдшерско-акушерский пункт, водоканал и другие объекты. Миграция среди молодежи в Бишкек, в том числе в Казахстан и Россию, не носит массовый характер, что говорит об относительной развитости местной экономики.

Таким образом, следует отметить, что, несмотря на огромные бенефиции и различные акции со стороны золотородной кампании, местное население осознанно противостоит вмешательству и изменению извне в местный ландшафт. Конфликт по поводу состояния окружающей среды под влиянием кочевнической культуры является ярким социальным маркером актуальности данного идентификационного элемента.

Социальная память и традиционные знания, связанные с отношением к окружающему пространству и многовековой кочевой традицией, являются устойчивым элементом коллективного сознания и повседневной жизни местного населения в настоящее время.

Рассматривая общие вопросы изучения полукочевых сообществ, следует отметить такие важные аспекты, как кочевники и новый этап исторического процесса с точки зрения восприятия нового исторического периода в жизни данных сообществ. Кочевники в эпоху новой социально-политической формации, как аспект, могут рассматриваться через призму сравнительного анализа изменений социальной организации в рамках социалистического и капиталистического режимов. Вопросы, связанные с коммерциализацией скота и арендой пастбищ, также требуют отдельного рассмотрения, как важный стимулятор этнической экономики с выходом на новые качественные уровни. В вопросах взаимоотношений с государством важно проанализировать проблемы формирования государственной, правительственной и местной политик на разных уровнях по отношению к кочевым сообществам.

Наконец, ряд исследований должен быть посвящен использованию образа кочевников в государственной идеологии и символическому признанию важности полукочевой практики.

Список литературы

1. Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. — Алматы: Дайк-Пресс, 2002. — 604 с.
2. Крадин Н.Н. Кочевники Евразии. — Алматы: Дайк-пресс, 2007. — 416 с.
3. Масанов Н.Э. Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности кочевнического общества. — Алматы: Социнвест, 1995. — 320 с.
4. Ohayon I. La sédentarisation des kazakhs dans l'URSS de Staline: collectivisation et changement social (1928–1945). — Paris: Maisonneuve et Larose, 2006. — 461 p.
5. Стратегия развития страны на 2007–2010 гг. — Бишкек, 2007. — С. 34.

А.Б.Тұяқбаева

Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Алматы

ГЕРМАНИЯНЫҢ ОРТА-АЗИЯЛЫҚ САЯСАТЫНЫҢ МАҚСАТТАРЫ

В данной статье дается описание целей центральноазиатской политики Германии с 1991 по 2009 гг., выраженных в официальных концепциях Федеративной Республики. Также выделяются этапы развития политической ситуации в государствах Центральной Азии, согласно которым ориентированы основное направление и приоритеты внешней политики Германии в отношении региона. Центральноазиатская позиция Германии рассматривается отдельно, а также в контексте формирования европейской политики.

This article is devoted to describe the aims of Central Asian Germany policy in 1991–2009 years, considering in official conceptions of federative republic. Also author determines stages of developed political situation in Central Asia countries, according with main direction and priorities is german foreign policy concerning of region. Central Asia position of Germany considers separately as national state and in context of formation the european policy.

Кеңес Одағының ыдырауы салдарынан өріс алған 90-шы жылдардағы тоқырау мәселелерінен толық арыла қоймаған Орталық Азия (ОА) мемлекеттерінің даму стратегияларында бірінші кезекте әлеуметтік-экономикалық реформаларды жүргізу міндеттері, сондай-ақ халықаралық аренадағы өзіндік орнын анықтау арқылы халықаралық қауымдастыққа өз ерекшеліктерімен тартылу мәселесі тұрды.

Осындай жағдайлар барысында және қазіргі халықаралық қауымдастықтың бағалауы бойынша, даму жолындағы қоғам сұраныстарына бірден-бір жауап бере алатын демократиялық құрылымдардың Орталық Азияда тапшы болуы мәселесімен бірге, 2001-ші жылдардан бастау алатын Ауғанстандағы әскери операциялар нәтижесінде дәстүрлі емес қауіптердің аймаққа тартылып кетуі мүмкін деген қауіппен ОА мемлекеттеріне халықаралық саясаттың назары ерекшеленді. Халықаралық қауымдастыққа аймақ елдерімен тығыз қарым-қатынаста ынтымақтасу қажет болды, ал Түрікменстанды есепке алмаған жағдайда, барлық ортаазиялық мемлекеттер өз кезегінде ұлттық және аймақтық қауіпсіздік мүдделерін ескере отырып, халықаралық құрылымдар мен акторлар арасындағы өзара қатынастарын нығайтуға тырысты.

Сол халықаралық құрылымдар шеңберінде және дара актор ретінде ОА-да сонау 90-шы жылдардың басынан бастап беделді, әрі сенімді орынға ие болған Германия Федеративті Республикасы ХХІ-ші ғасырдың басындағы халықаралық жағдайларда тартынып қалмай, аймаққа қатысты өз ұстанымын таныта білді. Федеративті Республика барлық басқа ЕО елдері ішінде алғашқы мемлекет ретінде аймақтың маңыздылығын таныған еді [1].

2001 жылдың 18-ші желтоқсанында Германияның экономикалық ынтымақтасу бойынша министрлігі Орталық Азия аймағына қатысты концепциясын қабылдайды. Аймақты дамыту бойынша ынтымақтастыққа қолдау көрсете отырып, Германия аталған концепция шеңберінде өзінің бағдарламаларын ұсынды. Концепцияда көрсетілген мақсаттар мынадай тізбекте беріледі [2]:

1. *Демократиялық және мемлекеттердегі құқықтық құрылымдарды нығайту.* Германия өзінің «қоғамдық техникалық ынтымақтасу» бастамалары шеңберінде ОА мемлекеттерінің мемлекеттік, жеке және экономикалық құқықтарын реформалауда, заң жинақтарын тудыруға, заңгерлердің кәсіби білім деңгейін көтеру мақсатында тәжірибе алмасу жобалары арқылы аймақта демократия мен нарықтық экономика негіздерін қалауға қолдау көрсетеді. Және де дәл осы бастамалар нәтижесінде аймақта құқықтық мемлекет және құқықтық қауіпсіздік кеңістігін қалыптастыруды көздейді, себебі қауіпсіз кеңістік немістік ұстанымда түрлі салалардағы байланыстарды ары қарай ширату үшін қажет. Ресейлік елтанушы Н.В.Павловтың анықтамасы бойынша, Германияның ішкі және халықаралық деңгейдегі беделі оның саяси құрылымдарының тұрақтылығымен танымал болғандықтан, Федеративті Республиканың басқа мемлекеттермен қарым-қатынасы да ең алдымен субъектілер жүйелерінің тұрақтылығы мен транспаренттілігіне тәуелді болады, себебі сол елдердің ішкі және сыртқы әрекеттері келешектегі байланыс үшін сенімділік тудыратындай болуы қажет [3].

Сондай-ақ неміс саяси қорлары мен белгілі бір жеке адамдардың кең көлемдегі даярлау бағдарламалары және диалог арқылы ықпал ету әрекеттерін ерекше атап көрсетуге болады. Осы ретте белгілі бір әлеуметтік топтармен жұмыс істеу, оның ішінде жастармен, әйел адамдармен, аймақтық

саясаткерлермен, сондай-ақ жоғарғы санаттағы басшылармен диалог түрінде сұхбаттасу жұмыстары азаматтық қоғамды қалыптастыру мен демократияны нығайтуда құнды үлестерін қосуда. Саяси билікті орталықтандырудан шығу, шешім қабылдау өкілеттіліктерін негізгі қалалардан аймақтық деңгейлерге тарату ісін жүзеге асыруда кеңес беру жобалары қолға алынуда. Сөз бостандығы мен БАҚ-ның тәуелсіз әрекет етулеріне қолдау көрсету жобалары көзделінген.

2. *Экономикалық реформаларға және кедейшілікпен күреске қолдау көрсету.* Талап етілген экономикалық реформалардың орын алуына ықпал етуі үшін Германия ОА елдерінде макроэкономикалық алғы шарттарды даярлаумен қатар кедейшілікпен күресу жобаларын алға шығарады.

3. *Трансмемлекеттік ынтымақтастыққа қолдау көрсету.* Аймақ мемлекеттерінің мәселелері мемлекетаралық ынтымақтасуды талап етеді, мысалы, қоршаған орта мәселелері. Оның ішінде Арал теңізі мәселесі, бір жағынан, экологиялық мәселе ретінде қарастырылса, екінші жағынан — ол жергілікті тұрғындар үшін ауыз су тапшылығы мәселесін құрайды, оның салдары адам денсаулығының нашарлауы мәселесін ушықтыра түседі. Осы Арал мәселесі барлық орта-азиялық мемлекеттерге қатысты болып отыр. Сонымен қатар Арал мәселесінің жанында аймақтағы әйгілі өзен суларын пайдалану мемлекетаралық шиеленіске әкеп соғады. Осы ретте Германия суды ортақ мүддеге сай пайдалану саласын өзінің концепцияларында ерекше атап көрсетіп, осы мәселелерді өзара аймақтық ынтымақтасудың бірден-бір стимулы ретінде қарастырады.

Көрсетілген мақсаттардың дәл осылай қойылуының себебі, құжатта мынадай міндеттерді белгілеуімен түсіндіріледі:

- аймақ мемлекеттерінің көршілес жатқан Ауғанстаннан қауіптер тасымалданып кетпеуі үшін, потенциалды аймақ шиеленістерінің алдын алу мен қақтығыстар ықтималдылығын жою жобаларын алға қояды. Осы жобаларды іс жүзіне асыру барысында Германия Федеративті Республикасы аймақты бейбіт әрі құрылымды дамыту саясатына сүйенеді. Экономикалық ынтымақтасу бойынша Федеративті министрліктің тапсырмасымен ОА аймағындағы потенциалды шиеленістердің алдын алу мен қақтығыстардың ықтималдылығын жою жобаларына қатысушы неміс ғалымы Й.Гревингхольттің айтуы бойынша, Германияның аймақтағы тікелей мақсаты — лаңкестік пен экстремизм сияқты дәстүрлі емес қауіптердің дамуына себепкер болатын кедейшіліктің жаппай жайылуына және экономиканың тоқырауға ұшырауына жол бермеу, сонымен қатар әлеуметтік-экономикалық және экологиялық тұрғыда дамуға қолдау көрсету міндеткерліктерімен Германияның аймақтағы қатысуын белгілеу қажет [4];
- осыған сәйкес Герман Федеративті үкіметі Орталық Азия қатысындағы концепциясында аймаққа қажетті инвестицияларды саяси институттар, әлеуметтік мен демократиялық құрылымдардың қалыптасуына, сондай-ақ шағын және орта бизнесті дамытуға бағыттауы қажет деп тапқан болатын;
- осы тұрғыда Федеративті Республиканың ОА-ғы тікелей міндеті аймақ мемлекеттеріне орталықтандырылған жоспарлы шаруашылықтан нарықтық экономика үдерісіне трансформациялануына қолдау көрсетуі қажет;
- аталған нарықтық экономика жүйесін қалыптастыруды тежейтін немесе кедергі болатын фактор — ол кейбір елдерде мемлекеттік құқықтың орындалу дәстүрінің жоқтығы. Сондықтан да Федеративті үкіметтің келесі міндеті тәуелсіз соттың қалыптасуына ықпал ету болып саналады.

Экономикалық ынтымақтастық саласындағы Федеративті министрліктің тапсырмасымен жүргізілген сараптамалардың бағалауы мен анықтамасы бойынша, ортаазиялық мемлекеттердегі өндірістік және бәсекелестік секторлар өкілетті билеушілер мен кландық құрылымдар иелігінде. Осындай жүйедегі экономика барысы, оған қоса бюрократия мен әлсіз банк жүйесі, біріншіден, потенциалды экономикалық бастамалар және инвесторлар үшін сенімсіздік туғызады, екіншіден, аймақ мемлекеттерінде, әсіресе жастар арасында жұмыссыздықты қалыптастырады. Ал бұл жағдай өз кезегінде жастардың келешегінің тежегіш күшіне айналады делінген. Сонымен қатар концепцияда анық мәтінде тағылған сын — ол жылдар өтсе де барлық орта-азиялық мемлекеттер батыстық үлгіде бағытталған конституцияларды қабылдағанымен, елдердегі шынайы саяси өмір авторитарлық құрылымдардың басымдығымен көрінеді делінген. Оның үстіне парламент және оппозициялық партиялар бағынышты рөлді ойнайды және демократия тәжірибелері, азаматтық қоғам, адам құқықтарын сақтау, БАҚ мен сөз бостандығы ешқандай елде нығайтылған жоқ деген тұжырымдар бекіген.

Осы концепцияның сараптамалар қорытындысы бойынша Германия Федеративті Республикасының нақты үш орта-азиялық мемлекеттерімен (Қазақстан, Қырғызстан және Өзбекстан) 1992–2002 жж. арасындағы қаржы және техникалық ынтымақтастық шеңберінде қолдау көрсету шаралары мардымсыз әрі шектеулі деп көрсетілген. Ол кезде Тәжікстанға 5 жыл азаматтық соғысқа тартылуы есебінен тек азық-түлік ретіндегі көмек көрсетілсе, Түрікменстанмен саяси шарттасу шеңберінің жетіспеушілігінен бастапқы ынтымақтастық өз жалғасын таппады.

1992–2002 жж. арасындағы ынтымақтастық аталған үш мемлекетте экономикалық реформа саласында жүргізілді, яғни нарықтық экономиканы қалыптастыруда, қаржы секторына қолдау көрсетуде, шағын және орта кәсіпкерлік саласында кәсіби мамандарды даярлау ісінде көрінді. Қалған құқық саласын даярлауда, денсаулық сақтау және сертификация саласын трансаймақтық жобалар шеңберінде қамтылып келген.

Қорыта келгенде, жоғарыда көрсетілген кемшіліктер мен сараптама сілтемелерді ескере отырып, сондай-ақ осы концепцияның негізінде Орталық Азия аймағын серіктес аймақ деп қарастырып, келесі мақсаттарды бекітеді: Қазақстан, Қырғызстан, Тәжікстан және Өзбекстан мемлекеттерінің қоғамдық және экономикалық дамуында *демократия мен нарықтық экономиканы қалыптастыруға қолдау көрсету*.

Жекелеген дара мемлекеттермен жеделдетілген ынтымақтасу арқылы *ішінара аймақтық ынтымақтастықты дамытуға ықпал ету*. Осы ретте Германия бүтін аймаққа тән ортақ мәселелерде, мысалы, су қорларын пайдалану, ауыз сумен қамтамасыз ету, энергетика және қоршаған орта салаларында көршілес мемлекеттерді ортақ мүддеге қарай жұмылдыру арқылы жалпыаймақтық мәселелер мен кедергілерді жоюға ұмтылады. Осылайша, Германияның аймақты дамытуға қолдау көрсету ұсыныстары үш тарапқа: біріншіден, *әлеуметтік-экономикалық кедергілерді*, екіншіден, аймақ мемлекеттеріндегі *демократиялық-құқықтық тапшылықтарды жою арқылы аймақты тұрақтандыруға* шоғырландырылған.

Осы концепцияның мақсаттарына қорытынды талдау жүргізетін болсақ, олардың орынды екендігіне көзіміз жетеді, себебі Германияның сыртқы саяси бағыттарының бейбіт даму жолға бағытталғаны қазіргі халықаралық қатынастарда әйгілі бола түсті. Федеративті үкімет органдарына деген сенім тек қана еуропалық және батыс мемлекеттер арасында ғана емес, сонымен қатар посткеңестік өңірде, оның ішінде Орталық Азия аймағына да тараған. Осы Германия Федеративті Республикасының бейбіт жолда даму үлгісін Қазақстанның сыртқы саяси ұстанымында нақты байқауға болады.

Германия ОА-дағы қатысушы акторлардың арасында, оның ішінде еуропалық елдер қатарында маңызды акторлардың бірі екендігі мойындалады. Германия ОА-дағы өзінің қатысуын бүгінгі орнына лайықты түрде сонау 90-шы жылдардың басынан нығайтуды көздеген. Оған дәлел ретінде 1991 жылдың 31-желтоқсанында, яғни КСРО-ның ыдырауы ресми жарияланғанынан кейін-ақ, тез арада аймақтағы бұрынғы кеңестік бес республиканың егемендігін мойындайды. Сол кездегі Германияның сыртқы істер министрі Г.Геншердің бастамасымен аймақтағы барлық мемлекеттерде Федеративті республиканың елшіліктері ашылды. Мұндай әрекетке еуропалық елдердің ешқайсысы барған жоқ еді.

5000 км-ге дейін қашықтықта орналасқан Германия Федеративті республикасының орта-азиялық аймақтағы мүдделері қандай еді және ол мүдделер бүгінгі күні қаншалықты өзгеріске ұшырады деген сауалға жауап беру үшін Фридрих-Эберт атындағы неміс қорының ОА-дағы аймақтық байланыстырушысы Райнхард Круммның мәліметтеріне сүйенеміз [5]. Ол Германияның ортаазиялық саясатының құрамына аймақтың дамуының үш кезеңге бөлінуі ықпал етті деп тұжырымдайды. Р.Круммның зерттеулеріне қарағанда, ортаазиялық аймақтың дамуы мынадай үш кезеңді қамтиды:

- *1991–2001 жж. — Орталық Азия мемлекеттерінің өзіндік даму стратегияларын анықтау мен халықаралық қатынастар аренасында жекелеген орындарын белгілеу кезеңі*. Бұл кезеңге автор мынадай баға береді: «Аймақта әлемдік және аймақтық державалардың айтарлықтай мүдделері болмады. Ресей Федерациясы өз даму үдерісімен айналысса, АҚШ жаңа әлемдік тәртіпті қалыптастырумен шұғылданды, ал Еуропа өзінің континентінің тұтастығын қамтамасыз ету үдерісін аяқтаумен болды... Осындай жағдайларда ерекше көзге түсе қоймаған ортаазиялық мемлекеттер өздерінің ұлттық мүдделерін көздеумен болды... Түрікменстан, сондай-ақ Өзбекстан басшылары тоқыраудан шығу жолдарын іздестірумен болса, Тәжікстан азаматтық соғыс желісіне ұшырап, 1997 жылдан кейін ғана жаңа бетбұрыстар үдерісіне ілікті, қалған екі мемлекет Қазақстан мен Қырғызстан ғана жаңаша даму реформаларын бастап кетті... Әлемдегі көлемі жағынан 9-шы орында тұрған Қазақстан

Республикасының Президенті Н.Назарбаев шикізат қорларын орнымен іс жүзіне асыруға тырысты, сонымен қатар кәсіпкерліктердің дамуына еркін кеңістік орнатты... Ал Қырғызстан Президенті болса, даму жолын күтпеген жерден мемлекеттік құрылымды шұғыл реттеуден бастады».

- *2001–2005 жж. — лаңкестікке қарсы күрес кезеңі.* «2001 жылдың 11-ші қыркүйегінен бастап ОА аймағы халықаралық қауымдастық назарына ерекше ілінді және ол халықаралық ақпараттық құралдарының жариялауларында жиі көрінді. Ауғанстанмен шекаралас жатқан ОА елдерінің стратегиялық маңызы өсті. Қырғызстан мен Өзбекстан территорияларына АҚШ өз әскерлерін жіберді, сонымен қатар ISAF шеңберінде 300-ге жуық неміс әскері Өзбекстанның оңтүстігіндегі Термез қаласына орналастырылды. Осындай оқиғалар желісі бір қысқа мерзімге болса да, ОА-дағы шығыс пен батыс арасындағы «демократия — хаос», «ислами мемлекеттер демократиялануға қабілетсіз» сияқты тұжырымдамалар желісіндегі түсініспеушіліктерді жоюға мүмкіндік туғандай болып көрінді. Ауғанстандағы соғыс 60 млн.-ға жуық тұрғыны бар ОА мемлекеттерін жылдам реформаларды қабылдауларына әкеледі деген, сондай-ақ осы тұрғыда кеңестік тежегіш элементтерден аймақ тез арыла қояды деген үміт пайда болған. Мұндай ниет тек қана халықаралық мемлекеттік қауымдастықтың ғана емес, сонымен қатар тез қарқынмен жетілдірілген, әрі оңды-солды салынатын транспорт жолдарын құру мемлекеттік емес ұйымдардың да мүдделері болатын. Ол үшін, әрине, аймақ елдерінде жоспар бойынша, ең алдымен экономикалық және мемлекеттік құрылымдарда реформалар жүргізілуі қажет болды. Алайда мұндай күтілімдер мен екіжақты сенімдер көпке бармады. Өйткені Грузия мен Украинадағы түрлі-түсті көтерілістер жайлы ақпараттар ОА-ға таралғанда, өмірінің соңына дейін билікті иеленген, барлық түрікмен халқының атасы ретінде «түркменбашы» аталған Түрікменстан Президентін есепке алмаған жағдайда Өзбекстан Президенті И.Каримов басқарған үкімет үшін бұл жағдай сатқындық ретінде танылды. Себебі АҚШ-тың, бір жағынан, өз әскери тұрақтарын Өзбекстанда орналастыруы арқылы танылған стратегиялық серіктестігі және, екіншіден, үкіметтік емес ұйымдары арқылы елдегі билік басындағы үкіметті жою ынтасы түсініксіз болды. Осы жағдайлар нәтижесі кейін Қазақстан, Қырғызстан және Тәжікстанда АҚШ-тың екіжақты стратегиясына сын тағылды. Елдегі саяси бетбұрыстар біраз тоқтауға ұшыраған кезде Қырғызстанда көтерілістер толқыны басталып, мемлекет басшысы А.Акаев биліктен шегерілді. Осы оқиғадан кейін екі ай өте келе, Фергана бөктерінде орналасқан Өзбекстандағы Андижан қаласында қамауға алынған кәсіпкерлерді босату мақсатында қанды қырғын болады. Қаланың орталық алаңында орын алған көтерілістер қарулы күштермен бастырылып тасталынады. Өзбекстан мемлекетінің ақпараттары бойынша, 200 адам қаза тапқан болса, ЕҚЫҰ және Human Rights Watch ұйымының мәліметтері кісі өлімінің сөзсіз көп болғандығын айғақтайды. Болған оқиғаға Батыс жағы сын тағуда болса, Өзбекстан Президентінің тұжырымдамасы бойынша, көтерілісшілер діни мақсатта билеуші үкіметті құлатуға ұмтылушылардан болды деген дәлелдемелерді береді. Оның үстіне мемлекет басшысы бұл оқиғаға сыртқы күштің әсерін себепкер етеді, дем беруші батыстық жүйе деп, оның ішінде АҚШ нақты айыптайды. Осы оқиғалардан кейін британдық «Economist» журналында болған оқиғаларға халықаралық тергеу жүргізу ісі кері қайтарылғаны үшін Өзбекстан мемлекетіне қарсы шара қолдану талап етіледі. Бұл оқиғалардың салдары ЕО-тың Өзбекстан мемлекетіне қарсы санкцияларды қоюы аяқталады, ал ол санкциялардың бүгінгі күнге дейін тек символ ретінде қабылданғаны белгілі...»;
- *2005 ж. бүгінгі күнге дейін.* «2005 жылдан бастап тек қана Өзбекстанның саясаты ғана емес, сонымен қатар бүкіл аймақтың саясаты өзгеріске ұшырайды. Ол ОА мемлекеттерінің Батысқа деген сенімінің азаюы. Бішкек және Андижан оқиғаларынан кейін, екі ай өте келе Шанхай ынтымақтастығы ұйымының (ШЫҰ) Астанадағы бір кездесуінде, ұйымның қабылдаған қаулысы бойынша, шетелдік барлық әскери базалардың ОА-дан шығарылуы ұйғарылды. ШЫҰ-ның барлық мүшелері, яғни төрт ортаазиялық мемлекеттер және Қытай мен Ресей, бірігіп, американдық әскерлердің аймақтағы қатысуын қауіпті деген тұжырымға келеді. Өзбекстан мемлекетінің АҚШ-на қойған ультиматумынан кейін американдық 1000 әскер саны ОА аймағынан шығарылады. Осылайша, Өзбекстанның сыртқы саясатында ауыспалы басымдықтар байқалады: 90-шы жылдардың басында өзбек-ресей қатынастары шиеленісті бейнеде дамыған болса, 2005-ші жылға дейінгі қысқа мерзімде қалыптасып үлгерген Өзбекстанның АҚШ-пен стратегиялық серіктестігі Андижан оқиғаларының нәтижесінде

аяқталып, кейін, соның салдарынан және батыстық сын тағулардан кейін өзбек-ресей қатынастары жақсы дами бастайды. Ал қалған ортаазиялық мемлекеттер болса, Ресейдің аймақтағы саясатының құбылуын қадағалауда. Дегенмен де Ресей Федерациясы өзінің тиімді ықпал ету қабілеттерімен, оның ішінде сіңісті болып қалған тетіктерді қолдана отырып, Қырғызстан (елдегі табыс көзі қырғыз халқына Ресей нарығынан келетін жағдай) мен Тәжікстанның (Өзбекстанмен және Ауғанстанмен арадағы шекаралар қауіпсіздігіне кепілдік орнатуы арқылы) саяси дамуын кейінгі оқиғалар желісінен кейін өз ыңғайына қарай бағыттай алды. Осындай бейнедегі саяси жағдайлар ортаазиялық қоғамда расымен де біршама батыстық үлгідегі азаматтық қоғамды қалыптастыру бастамаларына сақтықпен қарауды үйретті. Алайда мұндай қадамның соңы модернизация үдерісінің тежеуіші болмау қажет. Салыстырмалы түрде айтатын болсақ, ортаазиялық азаматтар арасында конституцияда белгіленген, бірақ іс жүзінде орын алмаған немесе «мағынасы жоқ қоғамдағы демократиялық даму жолына», құқықтың көбінесе қорғаусыз қалу жағдайларына риза еместігін білдірсе, үкімет органдары «авторитарлы модернизацияға», «меңгерілмелі демократияның», немесе «шығыстық элементтері енгізілген демократияның» орын алуына мақтанышпен қарайды. Аймақтағы оппозициялар мен парламенттегі саясаткерлердің сыны өлшеулі ғана және олар шешім қабылдау барысындағы олардың орындары екінші санатта. Тәжікстан мен Өзбекстандағы діни қозғалыстар қауіпі әсіреленіп көрсетілген, ол ең бастысы өз мүдделеріндегі қауіптерден арылу мақсатында орынды пайдаланылуда. Ортаазиялық дамудың үшінші кезеңі саяси күрделіліктермен, экономикалық және ерекшелену мәселелермен көрінеді. Аймақ елдерінің конституцияларында бекітілген құқықтық қағида бойынша, биліктің ауысуы аймақтағы үлкен қиындықты туғызып отыр, себебі ол бұрын-сонды орын алмаған құбылыс. Саяси тұрақтылық тікелей ел президенттеріне тәуелді, өйткені мемлекеттік жүйе кландық құрылымдардан тұратындықтан, әлсіз дамыған. Американдық «Freedom House» — бостандық ұғымдарын негіздейтін ұйымның сараптамасы бойынша, ортаазиялық мемлекеттердегі сөз бостандығы, БАҚ «еркін емес» деп бағаланған. Орталық Азиядағы осындай көрініс, яғни саяси және экономикалық белгісіздік, оның үстіне сіңісті болып қалған жемқорлықтың жайылуы аймақтың алдағы 15 жыл шеңберіндегі дамуды тұмандатып жіберді».

Келтірілген өткір сын тағулар бір қарағанда дәлелді болып көрінгенімен, мұндай критерийлердің әлі де толық қалыптасып үлгермеген және де тиісті тарихи үдерістер елегінен өтпеген аймақтың дамуына қатысты қойылуының өзі құқықтық тұрғыда сәйкес келмейді, себебі, біріншіден, осы типтес қатаң сынды дамыған елдердің өзі көтеруге бейім емес, екіншіден, оның геосаяси орналасуы мен уақыт өлшемі ескерілуден тыс қалған.

Әрине, сараптамалық жұмыс болғандықтан, сілтеме берілген еңбектің мақсаты Германияның ОА-дағы саясатының мақсат-міндеттерін анықтап, арықарайғы бағыт пен басымдықтарды белгілеу үшін аймақ дамуының жетістіктерін атап көрсетуден бұрын, оның кемшіліктері мен кедергілерін көрсетуге ұмтылған. Сондықтан да Германияның XX ғ. 90-шы жылдарынан бастап қазіргі кезеңдегі ортаазиялық мақсаттарын зерттеу барысында сол мақсаттардың түп негізі мен туындауына себепкер болатын фактілар мен аймақтағы саяси жағдайлардың даму бағдарын неміс көзқарасында бейнеленуін көрсету орынды.

Жоғарыда келтірілген неміс көзқарасындағы ортаазиялық дамудың үш кезеңге бөлінуі салдарынан туындайтын ОА қатысындағы мақсаттарда үш кезеңге сәйкестендіріледі:

1. Бұрынғы Кеңес өкіметінің Федеративті үкіметтің герман саясатындағы ымырашылдығы мен екі герман елінің қайта бірігуіне қосқан үлесі үшін алғыс ретінде посткеңестік республикаларға олардың күрделі бетбұрыстарында неміс және еуропалық тәжірибелерін ұсыну арқылы аймақпен алғашқы байланыстар негізі қаланды. Сондай-ақ аймақтағы 1941 жылғы И.Сталиннің бұйрығы бойынша, Волга бойынан ОА-ға жер аударылуы барысында құралған неміс ұлты өкілдерінің тағдыры Германия федеративті үкіметін алаңдатпай қоймады. Оның мәнісі, ОА-дағы неміс ұлтының өкілдері аймақтағы кеңестік республикалардың тәуелсіздік алуынан бастап Германияға қоныс аудару ниеттерін білдірді. Ол кездегі Қазақстанда — 1 млн., Қырғызстанда — 100 000, Өзбекстанда 40 000 мың нан астам неміс тұрған болса, олардың $\frac{2}{3}$ бөлігі Германияға қоныс аударған, тек Қазақстанда қалғаны 250 мың неміс ұлтын құрайды. Қазіргі уақытта аймақтағы неміс ұлтының мәселесі бойынша Германия федеративті үкіметінің саяси көзқарасы өзгерді, яғни жергілікті неміс тұрғындарына әлеуметтік көмек көрсету және мәдени жобаларымен шектелді. Аймақ

елдерімен сауда-экономикалық, әлеуметтік, мәдени қатынастарының арықарай дамытылуы үшін Германия аймақтағы тұрақтылық пен қауіпсіздіктің қамтамасыз етілуіне қолдау көрсетті. Мұндай мүдденің бір себебі, 1998 ж. бундестаг құрамындағы социал-демократтар фракциясы сол кезде ортаазиялық аймаққа қатысты «Zukunftsregion Kaspisches Meer» (қазақша аудармасында мөлшермен: «Каспий теңізі өңірі — келешек аймақ») атты құжатта өз ұстанымын белгілейді [6]. Аталған құжаттың мақсаты Еуропаның энергетикалық қауіпсіздігін қамтамасыз ету болып саналған.

2. 2001 ж. Ауғанстанға соғыс ашу арқылы террорға қарсы күрестің басталуымен ОА-дағы Германияның сыртқы саясаты нақтылана түседі. Германия бундесвер әскерлерін Өзбекстанға орналастырады, оның мақсаты Ауғанстандағы ISAF контингентіне логистикалық көмек көрсету. Бұл жағдай 2002 жылдың наурызындағы Германия Федеративті үкіметінің ортаазиялық концепциясында көрсетілгендей, «Германияның ортаазиялық саяси басымдықтарының жаңа бағытын» белгілеуге әкеледі [7]. Оларға ең алдымен «ланкестікке қарсы күрес», «демократиялық құрылымдарды» нығайту, «кедейшілікпен күрес», «экономиканы әлеуметтік және экологиялық шарттарға сәйкестендіре отырып дамытуға», «жаппай жою қаруларын таратпау» деген міндеттер енгізілді. Сол кездегі Германияның қорғаныс министрінің айтуы бойынша, «ендігі кезектегі Еуропаның қауіпсіздігі Гиндукушта қорғалады». Германияның «Негізгі Заңындағы» преамбула мен 23-ші бапта белгіленгендей, оның ұлттық қауіпсіздігі еуропалық қауіпсіздік жүйесімен тығыз байланыста екендігі белгілі [8]. Сондықтан да Германия социал-демократтардың Каспий өңіріне қатысты концепциясын және Еуропаның энергетикалық мүдделерін ескере отырып, еуропалық саясат контекстінде Орталық Азияға қатысты 2002–2006 жж. арналған стратегия құжатын қабылдайды [9]. Бұл стратегиялық құжат үш түрлі мүдделерді көздейді: қауіпсіздік, саяси және әлеуметтік шиеленістердің алдын алу және энергетикалық сұраныстарды толтыру. Шикізат қорларына мүдделі болған ЕО-та Германия ендігі жерде онымен бірге тасымалдау транспорттарымен, дәлірек айтқанда, оларды әртараптандыру мүдделерін қарастыруды міндетті болады.
3. Осы міндетті орындау барысында Германия мен ЕО-та бұрынырақ нақты тетіктері болмаған еді. 2006 ж. мамыр айындағы ОА-ғы ЕО-тың комиссарының Қазақстанға ресми іссапары барысында Ресейге тәуелсіздіктен арылу үшін, Еуропаның шикізат сұраныстарын әртараптандыру мәселесі төңірегіндегі әңгіме алғаш рет Қазақстанда қозғалды. Алайда бұл мәселелердің бастамалары өте күрделі жағдайда тұр. Аймақта Германия мұндай энергетикалық және геосаяси ұстаныммен танымал емес, Германия үшін оның аймақтағы беделі маңызды. Оның үстіне Германияның дара мүдделері еуропалық мүдделерге қарағанда оның Сыртқы істер министрлігі, Экономикалық ынтымақтасу мен даму саласындағы федеративті министрлігі сияқты саяси институттарының жобалары арқылы біршама ерекшеленеді. Мәселен, Экономикалық ынтымақтасу мен даму саласындағы федеративті министрліктің 2005 жылғы концепциясында «кедейшілікпен күрес — негізгі мақсат-міндет» деп бекітілген [10]. Осы мақсаттың алғы шарттары демократияландыру, құқықтық мемлекетті қалыптастыру үдерістері, әлеуметтік және экологиялық құқықтары сақталынатын экономикалық даму реформалары қажет деп танылған.

Алайда түрлі-түсті көтерілістер салдарынан кейін ОА елдерінің батыстық ұстанымдарға сенімдері азайды, оның үстіне Ауғанстанды қалпына келтіру ісі күрделене түсті. Осындай жағдайларда ОА аймағынан шикізат көздерін Ауғанстан, Иран территориялары арқылы Еуропаға тасымалдау жоспарлары сөзсіз екіталай болды. Осындай жағдайда Германия Федеративті Республикасы өзінің 2007 жылғы ЕО-та төрағалық ету кезеңінде «ЕО және Орталық Азия: жаңа серіктестікке бағытталған» атты стратегиялық құжатын қабылдау барысында аймақтағы ерекше беделін ұтымды пайдалана алды. Осы әзірге соңғы құжаттың «негізгі мақсаты — аймақтағы тұрақтылықты қалыптастыруға қолдау көрсету». Германияның штатс-министрі Г.Эрлердің жариялауы бойынша, қалған демократия мен құқықтық мемлекеттілікті қалыптастыру мақсаттары ілгерілеген қадаммен іс жүзіне асырылмақ. Себебі Еуропа «бейбіт, тұрақты айналаны тудыруға» мүдделі [11].

Әдебиеттер тізімі

1. Современный Казахстан: стратегия успеха. — Алматы: ИМЭП, 2008. — С. 186.
2. BMZ — Zentralasien-Konzept vom 18.12.2001, Bonn: Bundesministerium für wirtschaftliche Zusammenarbeit und Entwicklung, 2001. — S. 7.

3. Павлов Н.В. Германия на пути в третье тысячелетие. — М.: Высш. шк., 2001. — С. 6.
4. Gravingholt J. Krisenpotenziale und Krisenprävention in Zentralasien. — Bonn: Deutsches Institut für Entwicklungspolitik, 2004. — S. 69.
5. Krumm R. Zentralasien: Kampf um Macht, Energie und Menschenrechte. in: Kompass 2020: Deutschland in den internationalen Beziehungen, Ziele, Instrumente, Perspektiven. — Berlin: Friedrich-Ebert-Stiftung, 2007. — S. 100.
6. Zukunftsregion Kaspisches Meer. Positionspapier der SPD-Bundestagsfraktion. — Bonn, 1998.
7. Zentralasienkonzept der Bundesregierung vom 18. März 2002. — Berlin, 2002.
8. Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland von 23.05.1949.
9. Strategy Paper 2002–2006 & Indicative Programme 2002–2004 for Central Asia, Brussels, 10 October 2002.
10. BMZ, Zentralasienkonzept, Bonn: Bundesministerium für wirtschaftliche Zusammenarbeit und Entwicklung, 2005.
11. www.gernot-erler.de., 2006 жылдың 18 мамырында сөйлеген сөзінен алынған.

УДК 11

К.С.Мукажанова

Карагандинский государственный университет им.Е.А.Букетова

ОНТОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ МАРГИНАЛЬНЫХ ФЕНОМЕНОВ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ

Мақалада маргиналдық феномендердің онтологиялық мәселесі қарастырылады. Автор әр түрлі философиялық әдістемелерді талдайды. Сондай-ақ постмодернизм мен постструктурализм философиялық мектептері өкілдерінің маргиналдық феномендер туралы әр түрлі идеялары, тұжырымдамалары мен көзқарастарын келтіреді.

This article is devoted to a problem of marginal phenomena and its ontological meaning. Author emphasizes that marginal phenomena play an important role in human existence. The evolution of different approaches to marginal phenomena through the history of the philosophy analyzed by representatives of post-structuralism and postmodernism are presented in the article.

Человек — событийное существо, привыкшее ставить и само же нарушать поставленные границы [1].

Наиболее распространенное понимание феномена маргинальности как чего-то негативного, второстепенного, онтологически вторичного обычно сравнивается с нормой — социальной, антропологической, этической, медицинской, любое отклонение от которой воспринимается как нарушение, угроза, преступление или болезнь. Однако именно то, о чем стремятся забыть и что часто просто игнорируют, и оказывается наиболее важным для понимания человеческого бытия. Прежде всего необходимо рассмотреть понятие маргинальности в современном научном дискурсе и проанализировать, какие уточнения и дополнения могут быть внесены в это понятие. Маргинальность (от лат. *margo* — граница, грань, край, *marginalis*) — находящийся на краю — это пространственная категория идентичности, предполагающая сопротивление установленному порядку со стороны изначально периферийных элементов структуры. Это не устойчивая, а «гибкая» категория, которая формируется в процессе идентификации. Понятие маргинальности традиционно используется в социальной философии и социологии для анализа пограничного положения личности или группы по отношению к какой-либо социальной общности. Оно подчеркивает особый социальный статус (обычно — низкий), принадлежность к меньшинству, которое находится на границе или вне социальной структуры, ведет образ жизни и исповедует ценности, отличающиеся от общепринятой нормы (например, контркультура). Понятие «маргинальность» имеет не только социальный контекст, но и онтологическое измерение, так как выражает положение или состояние со специфическими «топологическими» свойствами, а именно — способность находиться на краю, на границе социального бытия и человеческой реальности в целом, позиционироваться как крайнее, предельное положение или состояние. Таким образом, понятие «маргинальность» коррелирует с понятиями «граница» и «предел», однако, не только в значении статического пребывания на границе или у предела, но и в смысле динамическом, т.е. как выражение самого процесса перехода, пересечения границы или достижения и преодоления предела.

Социальная и онтологическая ценность маргинальности изложена в работах В. Тэрнера и М. Элиаде. В. Тэрнер пишет о том, что *новые* социальные структуры и отношения могут возникнуть только на границе, на периферии старых структур, их становление происходит на изломе, в революции, при переходе через хаотическое состояние, когда меняются нормы и ценности, формируются новые устойчивые системы [2]. М. Элиаде подчеркивает, что в человеческом бытии есть внутренняя разделенность и «всегда, так или иначе, есть *бреши* между сакральным и профанным и *переход* от одного к другому, и именно существование разрыва и перехода лежит в основе религиозной жизни» [3; 304]. Однако аргументы доказывают, что приграничное состояние, переход играют важную роль не только в религиозной жизни, но и в целом в определении смыслов бытия, в процессе самоидентификации.

Можно проследить тенденцию изменения в употреблении самого понятия маргинальности: от социального, социологического контекста к гносеологическому и онтологическому в истории культуры и философии. В постмодернизме и постструктурализме исследуются все эти тенденции.

Итак, наиболее распространено понимание маргинальности как отклонение от нормы, удаление от некоего символического центра ценностной системы координат. Такое однозначное понимание наиболее распространено в культуре и социологии. Однако понятие нормы относительно к понятию отклонения. То, что считается нормой в одном случае, может выступать отклонением в другом. Таким образом, понятие нормы формулируется в рамках некоторой идеологической системы, задается как некая аксиома, привнесенная в мышление извне, определяемая культурно и исторически, привязываемая к конкретной традиции. Но в таком случае логическая категория нормы не может быть основанием для определения маргинальности, они равновесны и в одинаковой мере исторически изменчивы.

Понятие нормы всегда определялось через должное, т.е. идеальное, абсолютное состояние. По отношению к норме категория «другое» выступает гарантом существования самой нормы. Таким образом, предел нормы есть иное самой этой нормы, ее форма. В понятие нормы вводятся элементы историчности, множественности, онтологической плюралистичности.

Лишь в конце XIX в., вместе с критикой оснований европейской цивилизации (Ф. Ницше, О. Шпенглер), стал появляться интерес к другим способам бытия человека. Неклассическая европейская философия с ее новыми подходами к старым проблемам и специфическим выбором феноменов человеческого бытия для своего анализа (язык, текст, понимание, сексуальность, телесность, сумасшествие, преступление) сформулировала соответствующую методологию — лингвистический анализ, герменевтика, психоанализ, феноменология, экзистенциализм, структурализм, постмодернизм.

Французский постструктурализм также использовал понятия «*маргинальный субъект*», «*маргинальное пространство*», «*маргинальное существование*», возникающие в «*просвете*», в «*зазоре*» между структурами и обнаруживающие свою пограничную природу при любом изменении, сдвиге или взаимопереходе структур. Идея децентрации Дерриды уничтожает саму идею нормы и отклонения и отстаивает идею «различения», «инаковости», сосуществования множества не тождественных друг другу, но вполне равноправных инстанций. С исчезновением «центра», являющегося средоточием и символом власти, исчезает и понятие господствующей, доминантной культуры.

Для Барта маргинальность выражает стремление к новому на пути отрицания всевозможных культурных стереотипов и запретов, унифицирующих власть всеобщности над единичностью и уникальностью. Фуко полагает, что невозможно рассуждать о подлинной маргинальности в рамках бинарной оппозиции, ибо идентифицировать ее как таковую можно лишь в отсутствие всякой нормы. Он утверждает, что все девианты не являются маргиналами в строгом смысле слова, поскольку их существование обусловлено наличием нормы, а опыт маргинального существования не может существовать внутри заданных норм [4].

Таким образом, в современной философии произошел значительный сдвиг — от попыток классической антропологии свести сущность человека к единой субстанции к неклассическим представлениям о сложности и многообразии феноменов человеческого бытия и парадоксальности природы человека. Возник особый интерес к измененным состояниям сознания, экстремальным и пограничным ситуациям, радикальному опыту, всему тому, что может обнаружить запредельность возможностей, показать масштаб человеческого в человеке, стать местом встречи с принципиально иным.

Помимо употребления в социологических теориях, понятие маргинальности стало использоваться в философии культуры. «Маргинализм — общее название ряда направлений в философии, развивающихся вне и в противовес доминирующим в ту или иную эпоху правилам рациональности, представленным в господствующей философской традиции, часто антисоциальных или асоциальных» [5].

Однако маргинальные феномены могут оказаться структурообразующими для будущих социальных систем. Г. Башляр высказал предположение о том, что «болезнь, расстраивая некие аксиомы нормальной организации, может открывать новые типы организации». Но болезнь — само это переходное, неопределенное состояние — знаменует и готовность к восприятию нового. Болезнь служит метафорой некоего особого, отличного от «нормы» состояния, открывающего новые горизонты опыта и свободного от тирании «здорового смысла» [6].

Философское понятие «маргинальность» характеризует специфичность различных культурных феноменов, развивающихся вне доминирующих в ту или иную эпоху правил рациональности, не вписывающихся в современную им господствующую парадигму мышления и, тем самым, довольно часто обнажающих противоречия и парадоксы развития культуры [7; 397]. Известна бахтинская мысль о том, что культура творится на границе культур. Прогресс, творческие идеи, новая практика просачиваются с окраин и исходят нередко от так называемых маргиналов. «Пророки и художники имеют склонность к лиминальности и маргинальности, это «пограничные люди». Лиминальность, маргинальность и низшее положение в структуре — условия, в которых часто рождаются мифы, символы, ритуалы, философские системы и произведения искусства» [8; 198–199].

Все большее значение маргинальность приобретает в теории познания. Прежде всего подход через призму маргинальности выделяет факт наличия различных форм мышления, а также проблему границ и пределов познания. Значение таких феноменов, как невербальное мышление, измененные состояния сознания, интуиция и мистическое озарение выходит за рамки гносеологии. Маргинальность предстает как гносеологическая категория, обозначающая нечто нелогичное, непрозрачное для сознания, недоступное для познания. В эту категорию можно отнести все непознаваемое, внерациональное, нерациональное, иррациональное, противоречивое, парадоксальное, абсурдное, апофатическое.

Даже сознание может быть переосмыслено через призму маргинальности. Таким образом, граница может выступать в качестве как гносеологической категории, так и онтологического феномена.

Актуальность изучения проблемы маргинальности в социальном контексте уже не нуждается в обосновании. Однако до сих пор не изучены онтологические основания маргинальных феноменов в обществе и культуре, отсутствует философская теория маргинальности. Предположение о маргинальности как всеобщем онтологическом феномене, как универсальном свойстве человеческого бытия выступает в данном случае лишь гипотезой. Некоторые ученые полагают, что в онтологии маргинальность может пониматься как характеристика некоторых форм и способов бытия, становления и изменения бытия, т.е. как динамический момент в бытии, а также специфическое положение в бытии, особый онтологический статус, предельное состояние [8; 16]. Понятие маргинальности, таким образом, может быть отнесено как к положению и состоянию некоторого объекта в бытии, к его отношению к совокупности других объектов и некоторой системе координат, так и к бытию в целом. Маргинальность в онтологическом смысле предстает как внутренняя характеристика самого человеческого бытия. Использование понятия маргинальности характеризует сложность внутреннего устройства бытия, многомерность и нелинейность онтологических и антропологических пространств, особое значение динамических и энергетических характеристик бытия человека. Как онтологический феномен, маргинальность рассматривается как универсальное свойство человеческого бытия, становления и изменения бытия, т.е. как динамический момент в бытии. В данном случае также необходимо учитывать особый онтологический статус человеческого бытия — предельное состояние. Традиционное представление о бытии укладывалось в рамки бинарных оппозиций «норма — отклонение от нормы», «центр — периферия». Постмодернистский подход обращает внимание на топологические характеристики антропологических пространств и феноменов человеческого бытия. Отказ от привычного соотношения центр — периферия является переходом к более сложным представлениям о структурах и свойствах реальности. Граница между гносеологическими и онтологическими смыслами и категориями в данном случае размывается. Такая тенденция смежности на стыке гносеологии и онтологии открывает характерную область маргинальных феноменов человеческого бытия и соответствующие им методологические принципы и подходы. В первую очередь это понятия границы и предела. Предел здесь обозначает не только положение объекта относительно чего-то другого, а пребывание именно на границе некой зоны, сферы бытия, где кончается одно и начинается нечто иное — запредельное. Можно говорить о границе и пределе бытия этого объекта, а также о границах и пределах его познания. Такая специфическая онтология выражает нелинейное строение пространства. Движение объектов на границе имеет особую динамику — это не просто движение и перемещение, а переход на другой онтологический уровень или прорыв в иную сферу бытия. Понятие *margin*, — гра-

ница, понимается в комплексном аспекте: граница как устойчивая структура, переход через границу как динамический процесс, пересечение границ как изменение онтологического статуса, но самое важное, сама граница — это место события, события пересечения границ. Понятие нормы в связи с данным многоаспектным толкованием границы тоже меняется. «Норма — понятие, обозначающее границы (меру трансформаций), в которых явления и системы (природные и социокультурные), человеческая деятельность сохраняют свои качества и функции; задающее их внутреннюю соразмерность» [9; 472].

Особое значение приобретают понятия «иное» и «другое», которые широко используются в современной философии, социологии и психологии. Появляется учение о Другом, различии, множественности — гетерология [10]. Согласно гетерологическому принципу отношение Я и Другой — это не отношение опосредования, а чистого различия, изначального удвоения [11]. Таким образом, гетеротетический принцип утверждает, что абсолютное отношение складывается из Я и Другого, где другое суть не отрицание, а абсолютно другое в отношении к Я. Другое, инаковость логически предшествуют возможности отрицания. Последнее не было бы возможным без априорного полагания другого, следовательно, нет никакого отрицания, никакого противоречия. Отрицание и противоречие принадлежат к сфере рефлексии, познания, тогда как гетерологический принцип инаковости есть суть полагание. Таким образом, абсолютное единство знания может быть только гетерологическим. Как целостность, это единство неизбежно различено, и поскольку в одно целое связываются не противоположности, а стороны, взаимоисключающие и одновременно взаимодополняющие друг друга, это единство исключает любую диалектику. В своей работе «La difference» — «Грамматология» Деррида вопрошает гетерогенное основание познавательного отношения исходя не из отрицания и противоречия, а из допущения множественности, инаковости. Деррида подчеркивает ограниченность подхода, при котором понятия множественности и инаковости подчинены центральным категориям тождества, единства, целостности. Между тем подлинное философствование, не упуская из виду тему единства, должно сконцентрироваться на теме различий, точнее, «различании» — *difference*. Деррида также часто употребляет в качестве философского понятия слово *differend* — «спор», имея в виду конструктивные спор, дискуссию, дискурс, где на первый план выступают именно различия и где высоко ценится способность человека мыслить вместе с оппонентом, понимать и принимать во внимание его особую позицию. Однако Деррида уверен, что другой человек, со всеми его различиями и отличиями, остается для каждого из нас недоступным, непроницаемым. Внутри «философии различания» Жака Дерриды на первое место выдвигается понятие «письма» — *écriture*. Философскую дисциплину, особым образом исследующую письмо, Деррида и называл «грамматологией» [12].

При изучении онтологического значения маргинальных феноменов человеческого бытия особое значение приобретает изучение маргинальной антропологии. Маргинальная антропология изучает пограничные феномены человеческого бытия и пограничные фигуры, которые характеризуются пограничным состоянием, специфическими формами бытия и особыми способами существования [8; 22]. Таким образом, в маргинальной антропологии рассматриваются тактики и стратегии поведения человека на границе и способы преодоления этих границ. С.П.Гурин, к примеру, допускает возможность следующих различных пограничных стратегий:

- 1) обнаружение границ, осознание границ, *определение* границ. Вся человеческая деятельность — это различные способы проведения новых границ своего мира и самого себя;
- 2) страх границы, *отталкивание* от границы, бегство от границы. Граница предстает как нечто опасное, чужое, враждебное, где кончается мое бытие;
- 3) *стремление* к границе, притяжение к границе, центробежное движение. Граница притягивает, привлекает к себе. В данном случае граница выступает как нечто новое, интересное, уникальное, неизведанное;
- 4) *стирание*, размывание границ, когда различия не признаются существенными;
- 5) игнорирование границ, пренебрежение границей, забвение границ;
- 6) *пребывание* на границе, в пограничной ситуации, в пограничной зоне, в неопределенности;
- 7) *расширение* границы, замыкание границ, развитие, совершенствование, прогресс, расширение границ человеческого опыта;
- 8) переход, *пересечение* границы, преодоление границы (подвиг), нарушение границ (преступление), переступание границ, разрушение, превосхождение границ, трансцендирование, расширение границ человеческого. «Событием в тексте является перемещение персонажа через границу семантического поля» [13];

9) *пребывание за границей, за гранью, по ту сторону, в другом пространстве, в иных сферах бытия*. Сюда относится творческое вдохновение, озарение, просветление, откровение и другие феномены духовного и мистического опыта.

Таким образом, согласно маргинальной антропологии, возможны самые разные тактики поведения человека на границе и разнообразные стратегии преодоления границ. Их анализ позволяет лучше понять многие феномены человеческого бытия и по-новому взглянуть на уже известные практики исключения [14]. Исследование границ бытия человека, пограничных состояний касается самых фундаментальных проблем и феноменов человеческого существования.

Вторым по важности для утверждения онтологической значимости маргинальных феноменов человеческого бытия после понятия «граница» является понятие «предел». Оно включает в себя динамический аспект приближения к пределу, сам процесс выхода за пределы. Понятие предела значимо как для гносеологии (дать определение чему-либо — значит, показать пределы, положить семантические пределы), так и для онтологии (бытие — всегда бытие в пределах). Определение человека возможно через обнаружение пределов, границ человеческого бытия.

Именно осознание пределов человеческого бытия является предпосылкой выхода за рамки определенного способа существования, с целью превышения человеческих возможностей, превосхождения пределов бытия человека, трансцендирования. Таким образом, само человеческое бытие — это промежуточное состояние, при котором человек всегда находится между различными сферами бытия, между небытием и сверхбытием. «Свойственная человеку амбивалентная установка в отношении сакрального, которое одновременно и притягивает его, и отталкивает, представляется и благотворным, и опасным, может быть объяснена не только амбивалентной природой самого сакрального, но и естественной реакцией человека на эту трансцендентную реальность, которая с равной силой притягивает и пугает его» [3; 41].

Понятие лиминальности, введенное В. Тэрнером, также имеет важное значение при изучении маргинальности. Оно обозначает переходность, буквально — пороговость. Тэрнер выделяет три фазы «порогового» процесса. Первая — разделение; открепление личности или целой группы от занимаемого ранее места и от определенных культурных обстоятельств. Вторая фаза — это нахождение на грани — *margo*, пороге — *limen*, что характеризуется маргинальностью и лиминальностью субъекта или группы субъектов, состоянием социального и онтологического хаоса. Затем следует переход в третью, завершающую фазу — восстановление целостности, образование новой структуры. Именно в этой фазе возможно приобретение нового опыта, новой истины, способной организовать новую структуру, не противостоящую, но существующую параллельно с устоявшейся нормой.

Пограничные состояния, сам процесс перехода за установленные пределы представляют особый интерес при изучении онтологического значения маргинальности. Не существует случайных или бессмысленных событий. Все проявления нестандартности за гранью нормы часто являются суть проявлением собственного Я в небытии или сверхбытии. Стремление преодолеть, вырваться за границы объяснимого мира есть попытка нахождения смысла в собственном бытии. И тогда красота — это мера уродства, гениальность граничит с помешательством, самая великая истина может оказаться самым глубочайшим заблуждением. Приближение к границе или нахождение в пограничном состоянии рождает рефлексию, за которой обычно следует преодоление границы. Ярким выражением такого преодоления являются революционные открытия и идеи, изменившие мир. Другими, менее интенсивными проявлениями «прорыва границ» являются шедевры изобразительного искусства, музыки, литературы; новаторство в науке и технике. Таким образом, маргинальные феномены человеческого бытия пробуждают творческие и креативные способности, стимулируют внутренний потенциал, который в обычном состоянии человек проявить не способен. Загадка человека проявляется в парадоксальных явлениях и в уникальной способности человека выйти за грань своего собственного существования, за пределы установленного порядка. Это делается для того, чтобы, «испив глоток надежды на дне отчаяния», суметь вернуться вновь, с новыми знаниями и привнести изменения в окружающий мир или, если это касается социальной сферы бытия, построить новые жизнеспособные структуры.

С.П.Гурин пишет, что человек выражает себя целиком даже в самом незначительном действии, при условии, что оно осознанное. Любой поступок не просто имеет практическое или символическое значение, но представляет собой некую самостоятельную реальность, онтологический факт, нерасчленяемую целостность и поэтому имеет бесконечную ценность. Гурин считает, что не только выдающиеся события, но и любой частный факт человеческой жизни должен быть описан в терминах фундаментальной онтологии.

При изучении маргинальных феноменов человеческого бытия выделяют также маргинальные фигуры. Однако это не те «маргиналы», на которых вешает ярлык социальность, — преступники, панки, нацисты и пр. Традиционно к маргинальным фигурам в философии постмодернизма относятся Гений, Герой, Пророк, Художник, Философ, Юродивый, Шаман. Некоторые ученые также относят сюда следующие фигуры — Жрец, Монах, Аскет, Царь, Вождь, Постмодернист. Все перечисленные фигуры в меньшей степени выступают негативными или деконструктивными по отношению к норме. Однако все они являются пограничными фигурами, находящимися на границе или сделавшими прорыв за границы существующего бытия. Именно маргинальные фигуры имеют возможность и право менять мир, благодаря своим идеям, подвигам, открытиям, откровениям, шедеврам и т.д. Обычно маргинальные фигуры творят историю человечества. Все они в той или иной степени относятся к категориям избранности или сакральности.

Учитывая все вышеизложенные характеристики маргинальных феноменов человеческого бытия, можно сделать следующие выводы. Процесс идентификации и самоопределения человека предполагает обнаружение границ и пределов собственного бытия. Онтологический смысл открывается в особых пограничных ситуациях и предельных телесных и духовных состояниях человека. Таким образом, для анализа процесса самоопределения необходимо использовать понятия предела и границы. Процесс самоидентификации — это всегда попытка нового определения, стремление к расширению границ, преодолению пределов, выходу из самого себя по ту сторону от существующих норм. Поэтому для исследования бытия человека представляется необходимым обращение в первую очередь к рассмотрению пределов и границ человеческого бытия. Такой подход можно назвать лиминальным, а в более широком контексте — маргинальным. Пограничное состояние не всегда выражает противостояние и враждебность. Чаще маргинальные феномены человеческого бытия дополняют и расширяют категории и понятия, заданные нормой. Прорыв за грань создает особое напряжение, некий накал онтологической ситуации бытия на границе и, таким образом, провоцирует выбор радикальных стратегий. Трансцендентность границы выражает способность выйти за ее пределы. Однако на это способны лишь избранные, которые в данном случае называются маргинальными фигурами.

В постмодернистской традиции понятие маргинальности приобретает как социальное, так и гносеологическое, и онтологическое значение. Особую роль это понятие играет при анализе поворотных, революционных моментов человеческой истории. На социальном уровне именно маргиналы способны выйти за пределы системы и повернуть ход развития самой этой системы. На персональном уровне осознание границы и стремление ее пересечь оборачиваются для маргинальных фигур постижением сущности своего бытия и одновременно отчуждением от группы.

На самом деле, именно возможность существования иного или другого, не подпадающего под нормативные структуры, говорит о том, что маргинальные феномены человеческого бытия в действительности являются частью социального целого. Принцип исключения сам по себе является маргинальным. Таким образом, строгого критерия и соответствующей границы, отделяющей нормативные структуры от маргинальности, не существует. Чистота внутренней нормативной структуры подрывается уже тем, что акт исключения сам по себе означает ограниченность данной структуры. Сама попытка свести к логическому принципу бытие, устанавливающая теоретическую возможность неискаженной внутренней структуры, одновременно исключает это вовсе. Это ставит под сомнение возможность существования социального целого и нормативных структур. Изучение маргинальных феноменов человеческого бытия дает возможность вскрыть онтологические проблемы бытия человека. Современный философско-онтологический анализ должен конструироваться с учетом маргинальных феноменов, учитывая и допуская многообразие форм и инаковость в ее различных проявлениях. Границы — margins, пограничные состояния, маргинальные фигуры не есть деконструкция и отрицание по отношению к существующей норме, а суть ее проявление, способное дать новый толчок ее развитию.

Список литературы

1. Эпштейн М. Русская культура на распутье // Звезда. — 1999. — № 1. — 2008. — С. 210.
2. Тэрнер В. Символ и ритуал. — М.: Наука, 1983 — С. 201.
3. Элиаде М. Очерки сравнительного религиоведения — М.: Ладомир, 1999. — 488 с.
4. Фуко М. История безумия в классическую эпоху: Пер. с фр. И.Стаф / Под ред. В.Гайдамака. — СПб.: Университетская книга, 1997. — С. 78.
5. Рыклин М.К. Маргинализм // Современная западная философия. — М., 1991. — С. 14.

-
6. *Малявин В.В.* Чжуан-цзы. — М.: Наука, 1985. — С. 257.
 7. *Усманова А.Р.* Маргинальность // Новейший философский словарь. — Минск, 1999. — 397 с.
 8. *Гурин С.П.* Маргинальная антропология // [www.http://filosof.historic.ru/books](http://filosof.historic.ru/books)
 9. Норма // Новейший философский словарь. — Минск, 1999. — 472 с.
 10. Гетерология // Современный философский словарь. — М., 1996. — С. 110.
 11. Мир словарей — Коллекция словарей и энциклопедий. — М., 2000. — С. 32.
 12. *Деррида Жак* // *La Différance*. О грамματοлогии. — М.: Ad Marginem, 2000. — С. 346.
 13. *Лотман Ю.М.* Структура художественного текста. — М.: Наука, 1972. — С. 282.
 14. *Ярская-Смирнова Е.Р.* Социокультурный анализ нетипичности. — Саратов: Изд-во Саратов. гос. техн. ун-та, 1997. — С. 145.

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТТЕР СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Абдрахманова К.К.** — преподаватель кафедры археологии, этнологии и отечественной истории, Карагандинский государственный университет им. Е.А.Букетова.
- Абилов К.Ж.** — проректор по социальным вопросам д.и.н., доцент, Карагандинский экономический университет Казпотребсоюза.
- Аймагамбетов А.К.** — докторант (PhD) Евразийского национального университета им. Л.Н.Гумилева, Астана.
- Айтбаев О.А.** — философия және мәдениет теориясы кафедрасының профессоры филос. ғ.к., Е.А.Бөкетов атындағы Қарағанды мемлекеттік университеті.
- Алимова С.Б.** — доцент кафедры политологии и социологии к.ф.н., Карагандинский государственный университет им. Е.А.Букетова.
- Алпысбаева Н.К.** — к.и.н., доцент, Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алматы.
- Аманова А.С.** — старший преподаватель кафедры истории Казахстана и зарубежных стран, Павлодарский государственный педагогический институт.
- Ауанасова К.М.** — доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин к.и.н., Казахский гуманитарно-юридический университет, Астана.
- Ахметова Н.С.** — мемлекет және құқық теориясы мен тарихы кафедрасының профессоры з.ғ.к., Е.А.Бөкетов атындағы Қарағанды мемлекеттік университеті.
- Баянова А.К.** — старший преподаватель кафедры политологии и социологии, Карагандинский государственный университет им. Е.А.Букетова.
- Бейсенов А.З.** — ведущий научный сотрудник Института археологии им. А.Х.Маргулана к.и.н., Алматы.
- Бисембаев А.А.** — директор областного Центра истории, этнографии и археологии к.и.н., Актобе.
- Ботағарин Р.Б.** — заң факультетінің магистранты, Е.А.Бөкетов атындағы Қарағанды мемлекеттік университеті.
- Бұлұмбаев О.Р.** — саясаттану және әлеуметтану кафедрасының аға оқытушысы, Е.А.Бөкетов атындағы Қарағанды мемлекеттік университеті.
- Вишнёва О.С.** — магистрант исторического факультета, Карагандинский государственный университет им. Е.А.Букетова.
- Воронцова И.В.** — к.ю.н., доцент, Саратовская государственная академия права, Россия.
- Ғалы Ж.О.** — мемлекет және құқық теориясы мен тарихы кафедрасының оқытушысы, Е.А.Бөкетов атындағы Қарағанды мемлекеттік университеті.
- Евдокимов В.В.** — профессор кафедры археологии, этнологии и отечественной истории д.и.н., Карагандинский государственный университет им. Е.А.Букетова.
- Естібаев А.С.** — ізденуші, Д.А.Қонаев атындағы университеті, Алматы.
- Жакин М.С.** — археология, этнология және Отан тарихы кафедрасының доценті т.ғ.к., Е.А.Бөкетов атындағы Қарағанды мемлекеттік университеті.
- Жауымбаев С.У.** — профессор кафедры археологии, этнологии и отечественной истории к.и.н., Карагандинский государственный университет им. Е.А.Букетова.
- Жұмабеков Ж.А.** — археология, этнология және Отан тарихы кафедрасының оқытушысы, Е.А.Бөкетов атындағы Қарағанды мемлекеттік университеті.

- Жұмасұлтанова Ғ.Ә.** — саясаттану және әлеуметтану кафедрасының доценті т.ғ.к., Е.А.Бөкетов атындағы Қарағанды мемлекеттік университеті.
- Жұмашев Р.М.** — бірінші проректор, археология, этнология және Отан тарихы кафедрасының профессоры т.ғ.д., Е.А.Бөкетов атындағы Қарағанды мемлекеттік университеті.
- Захаров С.В.** — старший преподаватель кафедры истории Казахстана и археологии, Северо-Казахстанский государственный университет им. М.Козыбаева, Петропавловск.
- Зуева Л.И.** — старший преподаватель кафедры археологии, этнологии и отечественной истории, Карагандинский государственный университет им. Е.А.Букетова.
- Ибраев М.А.** — судья Карагандинского областного суда.
- Исмагамбетова З.Н.** — профессор кафедры истории философии и культурологии д.ф.н., Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алматы.
- Кожакметов Г.З.** — доцент кафедры теории и истории государства и права к.ю.н., Карагандинский государственный университет им. Е.А.Букетова.
- Корякин И. П.** — докторант, подполковник полиции к.ю.н., доцент, Московский университет МВД России, Москва.
- Кушкумбаев А.К.** — доцент кафедры политологии и истории к.и.н., Кокшетауский университет.
- Мажитова Ж.С.** — к.и.н., доцент, Казахская национальная академия музыки, Астана.
- Мамирова К.Т.** — старший преподаватель кафедры политологии и социологии, Карагандинский государственный университет им. Е.А.Букетова.
- Мовкебаева Г.А.** — доцент кафедры истории международных отношений и внешней политики, Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алматы.
- Мукажанова К.С.** — магистрант факультета философии и психологии, Карагандинский государственный университет им. Е.А.Букетова.
- Мусилимова К.С.** — профессор кафедры конституционного и международного права к.ю.н., Карагандинский государственный университет им. Е.А.Букетова.
- Мусин Қ.Қ.** — конституциялық және халықаралық құқық кафедрасының доценті з.ғ.к., Е.А.Бөкетов атындағы Қарағанды мемлекеттік университеті.
- Мусина К.А.** — преподаватель, Карагандинский юридический институт МВД РК им. Б.Бейсенова.
- Мырзаханов Е.Н.** — соискатель, Карагандинский государственный университет им. Е.А.Букетова.
- Нугман Б.Г.** — старший преподаватель кафедры истории Казахстана, Карагандинский государственный технический университет.
- Нурмагамбетов Р.Г.** — доцент кафедры права к.ю.н., Костанайский филиал Государственного образовательного учреждения Высшего профессионального образования «Челябинский государственный университет», Костанай.
- Рақымжанов Б.Қ.** — философия және мәдениет теориясы кафедрасының доценті филос. ғ.к., Е.А.Бөкетов атындағы Қарағанды мемлекеттік университеті.
- Рақымжанова С.Қ.** — философия кафедрасының оқытушысы, С.Сейфуллин атындағы Қазақ агротехникалық университеті, Астана.
- Рахимов Р.М.** — преподаватель кафедры антропологии Американского университета в Центральной Азии, Бишкек.
- Рысбекова С.Т.** — доцент, к.и.н., Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алматы.
- Сатбаева Қ.Ж.** — адъюнкт, ҚР ІІМ Б.Бейсенов атындағы Қарағанды заң институты.
- Саттарова Ф.Ф.** — доцент кафедры философии и теории культуры к.ф.н., Карагандинский государственный университет им. Е.А.Букетова.
- Самашев З.** — зав.отделом первобытного искусства, ведущий научный сотрудник к.и.н., Институт археологии им. А.Х.Маргулана, Алматы.
- Серкпаев М.О.** — к.и.н. начальник Кадетского корпуса МО РК им. Ш.Уалиханова, полковник, профессор Академии военных наук Российской Федерации, Щучинск.

-
- Смагулова Г.М.** — доцент кафедры всемирной истории и международных отношений к.и.н., Карагандинский государственный университет им. Е.А.Букетова.
- Смағұлов Б.А.** — тарих пәнінің мұғалімі, облыстық арнайы мамандандырылған «Дарын» мектеп-интернаты, Қарағанды.
- Суинова А.С.** — магистрант исторического факультета, Карагандинский государственный университет им. Е.А.Букетова.
- Тапасева А.Б.** — к.и.н., доцент, Костанайский государственный педагогический институт.
- Тогайбаева Ш.С.** — доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики к.ю.н., Карагандинский государственный университет им. Е.А.Букетова.
- Турлаев А.В.** — доцент кафедры теории и истории государства и права к.ю.н., Карагандинский государственный университет им. Е.А.Букетова.
- Тұяқбаева А.Б.** — халықаралық қатынастар және ҚР сыртқы саясаты кафедрасының PhD-докторанты, әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Алматы.
- Тілегенова Л.Т.** — археология, этнология және Отан тарихы кафедрасының доценті т.ғ.к., Е.А.Бөкетов атындағы Қарағанды мемлекеттік университеті.
- Уақасов Д.А.** — ЖІҚ кафедрасының оқытушысы, ҚР ІМ Б.Бейсенов атындағы Қарағанды заң институты.
- Шапак У.** — мемлекет және құқық теориясы мен тарихы кафедрасының доценті з.ғ.к., Қазақ гуманитарлық заң университеті, Астана.

Правила оформления статей

Для публикации в «Вестник Карагандинского университета» принимаются статьи на казахском, русском и английском языках, содержащие результаты научных и научно-методических работ в области естественных и гуманитарных наук, посвященные проблемам высшего образования, а также материалы, отражающие деятельность различных структурных подразделений университета.

Объем статьи не должен превышать 10 страниц текста, набранного на компьютере (редактор Microsoft Word). В издательство необходимо представлять дискету с работой и распечатку.

В таблицах, рисунках, формулах не должно быть разночтений в обозначении символов, знаков. Ссылки в работе на литературу должны соответствовать библиографическому списку, данному в конце статьи; выходные сведения приводимой литературы должны быть оформлены в соответствии с требованиями ГОСТа.

Представляемая статья должна содержать УДК и аннотацию на казахском (или русском) и английском языках. Отдельно необходимо указать сведения об авторах — Ф.И.О. (полностью), домашний адрес, телефон, должность, ученую степень, место работы, город. Статья должна быть подписана всеми авторами.

Более подробная информация о параметрах страницы, размере шрифта, расположении таблиц, рисунков, подрисуночных подписях, формулах, списке литературы находится в файле **Требования к Вестнику.doc**, который Вы можете получить, обратившись по адресу izd_kargu@mail.ru, или у ответственных секретарей серий.